

БЕСЕДЫ ВЕЛИКИХ РУССКИХ СТАРЦЕВ

О Православной вере, святых Церкви и различных вопросах духовной жизни

Беседы великих русских старцев

О Православной вере, спасении души и различных вопросах духовной жизни



Трифонов Печенгский монастырь
«Ковчег»
Москва
2003

По благословению
Преосвященного Симона,
епископа Мурманского
и Монегорского

Беседы великих русских старцев.
О Православной вере, спасении души
и различных вопросах духовной жизни.
М.: Трифонов Печенгский монастырь,
«Ковчег», 2003. – 1504 с.

ISBN 5-94741-036-7

Формат 70x100 1/16. Печать офсетная.
Объем 94 п. л. Усл.п.л. 121,26. Бумага офсетная.
Гарнитура «Таймс». Подписано в печать 10.01.03.
Тираж 5 000 экз.

Издательство «Ковчег»
Москва, ул. Красина, 7

Трифонов Печенгский монастырь
Мурманская обл., пос. Печенга

Оптовая и розничная книжная торговля
Тел. (095) 107-47-32
289-11-00

Отпечатано в полном соответствии
с качеством предоставленных диапозитивов
в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.
Заказ № 9002

На фронтисписе — икона Святой Троицы
письма Пирожниковой Л.В.

© Составление, оформление «Ковчег», 2003

СОДЕРЖАНИЕ

Преподобный Паисий (Величковский) 11
Ответ на вопрос: Как мирянину можно спастись? 11

Старец Моисей, архимандрит Брянской Белобережной пустыни 15
Беседы старца Моисея, архимандрита Брянской Белобережной пустыни 15

Преподобный Серафим Саровский 20
О ночном подвиге 20
О сне отца Серафима 21
О веригах и власянице 22
О лишении волос 24
Об исцелении глаз 25
О приобщении Святых Таин 26
О восхищении отца Серафима в Небесные Обители 28
О заботливости отца Серафима о сиротах Дивеевских 33
О чайничке 34
О кроте 35
О профессоре богословия 36
Об унывающем брате 37
Об отрубке в реке Саровке 38
О запечатанном письме 39
О двух странниках 40
Ответ отца Серафима саровскому игумену Нифонту 42
О липовом дереве 43
Правило отца Серафима 44
О военном посетителе 45
О разломанной печке 47
Об ударе, полученном отцом Серафимом от злобного духа 48
О видении отцом Серафимом Иисуса Христа в храме при Божественной литургии 50
О древе, над которым показано отцу Серафиму дивное знамение 52
О камнях, на которых подвизался отец Серафим 59
Предсказание отца Серафима о своей кончине 61
Последние минуты и кончина отца Серафима 65

Архиепископ Воронежский и Задонский Антоний 70
Беседы преосвященного Антония, архиепископа Воронежского и Задонского 71

Преподобный Вонифатий 86
Беседы преподобного Вонифатия с монахами и странниками 86

Старец-затворник Гефсиманского скита иеросхимонах Александр 155

О молитве и как ею заниматься 155
О том, что стяжать добродетели невозможно без труда и без борьбы со страстями 161
О том, что без смирения и внимания к себе невозможно приобрести добродетели 167
Об исповедании помыслов старцу 174
О чтении книг и молитве 178
Об отношении к братии 179
О непревозношении и воздержании 183

Преподобный Варнава Гефсиманский 185

Духовные беседы преподобного Варнавы 185

Схиигумен Герман 199

Духовные беседы 199
Беседа первая 199
Беседа вторая 201
Беседа третья 205
Беседа четвертая 206
Беседа пятая 207
Беседа шестая 208
Беседа седьмая. Слово отца игумена Германа о схиме 209

Преподобный старец Алексий Зосимовский 210

Духовные беседы преподобного Алексия Зосимовского, записанные Еленой Мажуровой 210
Поучения старца Алексия 219

Преподобный Лев Оптинский 231

Старческие беседы преподобного Льва Оптинского, записанные его духовными чадами 231

Преподобный Антоний Оптинский 252

Духовные беседы с преподобным Антонием Оптинским 252

Преподобный Иларион Оптинский 259

Старческие беседы преподобного Илариона Оптинского (Из записок монаха отца Порфирия С.) 259

Преподобный Амвросий Оптинский 275

Беседы преподобного Амвросия Оптинского с духовной дочерью 275
Поучение преподобного Амвросия сестрам Казанской Амвросиевой женской пустыни в Шамордине 337
Поучения преподобного Амвросия, записанные монахиней Евфросинией (Розовой) 344

Преподобный Иосиф Оптинский ... 357
Духовные беседы преподобного Иосифа Оптинского ... 357
Преподобный Варсонофий Оптинский ... 376
Беседы преподобного Варсонофия Оптинского с духовными чадами 376
Слово, сказанное на общем благословении ... 489
Старо-Голутвинский монастырь Рождественские беседы ... 514
Слово на Новый год ... 541
О молитве Иисусовой ... 566
Беседы преподобного Варсонофия Оптинского, записанные преподобным Никоном Оптинским ... 573
Возрождение ... 623
Преподобный Нектарий Оптинский ... 685
Духовные беседы с преподобным Нектарием Оптинским, записанные Надеждой Павлович ... 686
Выписки из записок Н. Павлович, сделанные митрополитом Вениамином (Федченко) ... 715
Последние дни ... 732
Исповедь ... 735
Архимандрит Борис Холчев ... 737
Огласительные беседы с крещаемыми
Цель Крещения ... 742
О Боге ... 744
Творение мира невидимого ... 745
Творение видимого мира и человека ... 746
Падение человека и лишение природы нетленности ... 747
Восстановление человека и твари ... 751
О Таинстве Тела и Крови Христовых ... 754
Порядок (чинопоследование) Святого Крещения ... 755
Беседы о Молитве Господней
Начальные слова Молитвы (призывание) ... 764
Первое прошение ... 768
Второе прошение ... 773
Третье прошение ... 780
Четвертое прошение ... 787
Какой же это хлеб? ... 792
Пятое прошение ... 795
Шестое прошение ... 803
Седьмое прошение ... 810
Заключительные слова Молитвы Господней ... 819
Преподобный Гавриил, старец Седмиезерной пустыни ... 827
Духовные беседы преподобного старца Гавриила
Богатство благости Божией ... 827

О смирении ... 829
О борьбе со страстями ... 832
О тщеславии и смирении ... 834
Призыв грешников ко спасению ... 835
О молитве Иисусовой, в сердце творимой ... 845
Возбуждение подвизающихся ... 853
Путь к Богу — любовь ... 856

Святитель Макарий, митрополит Московский и Коломенский ... 858
Архипастырская беседа о хранении заветов старины ... 859

Святой праведный Иоанн Кронштадтский ... 865
Беседы святого праведного Иоанна Кронштадтского с духовной дочерью (Дневник Е. Духониной) ... 865

Иеромонах Владимир (Мусатов) ... 982
Беседы старца с учениками ... 982

Иеросхимонах Николай, духовник Киево-Печерской лавры ... 1026
Духовные беседы иеросхимонаха Николая (Шариковского) ... 1026

Священномученик Серафим, епископ Дмитровский ... 1055
Духовные беседы священномученика Серафима, епископа Дмитровского ... 1056
По морю житейскому ... 1057
Корень жизни духовной ... 1059
Вселить в себя Господа ... 1060
Путь духовный ... 1063
Неосуждение ... 1065
Бинокль ... 1066
Три адских пятна ... 1067
Завеса греховная ... 1068
Зеркало души ... 1069
Очисти душу ... 1069
Беседы святителя Серафима в Аносиной пустыни
Беседа первая ... 1070
Беседа вторая ... 1074
Беседа третья ... 1080

Протоиерей Валентин Свенцицкий ... 1083
Беседы о духовной жизни ... 1084

Архимандрит Кирик ... 1175
Беседа о покаянии и молитве
О покаянии ... 1175

Об исповеди ... 1180
О молитве ... 1185
Беседа о благословении Божием на всякое дело ... 1196
День Святой Троицы
Поучение ко всем, желающим спасения души, вещи безсмертной ... 1198
Из бесед с инокинями святой обители Хоповской и прочими духовными чадами ... 1200
О Молитве Иисусовой ... 1206
О послушании ... 1207
Иноческое поучение, произнесенное во святой обители Хоповской ... 1210

Преподобный Силуан Афонский ... 1217
Духовные беседы преподобного Силуана Афонского ... 1217
Беседа старца о курении ... 1237

Епископ Антоний (Флоренсов) ... 1238
Духовные беседы
(Беседы записаны Христиной Сергеевной Арсеньевой) ... 1238

Валаамский старец схиигумен Иоанн ... 1290
Беседа с валаамским старцем схиигуменом Иоанном ... 1290

Старец иеросхимонах Михаил (Питкевич) ... 1294
На высотах духа ... 1294
Поучения старца Михаила
О монашеском напряжении ... 1298
О посте и чистоте ... 1298
О пристрастии ... 1300
О молитве ... 1300
«Буквари», или фарисейство ... 1301
О жертвах Богу ... 1303
О дарах и грузах ... 1304
Взятки ... 1305
О любви ... 1306
Отец Онуфрий и о чистой правде ... 1306
Из кратких наставлений ... 1309
Случаи чудесной помощи
Таина монахини Анны ... 1312
Исцеление ноги ... 1313
Восстание от одра болезни ... 1315
Псково-Печерский монастырь ... 1315
Сказочка о правде отца Михаила ... 1320

Псково-Печерский старец Симеон (Желнин) 1322
Из духовных наставлений старца Симеона 1322
Духовная беседа со старцем Симеоном, записанная неизвестным священником 1326

Преподобный Лаврентий Черниговский 1334
Сколько радости, сколько восторга! 1338

Преподобный Севастиан Карагандинский 1441
Духовные беседы преподобного Севастиана Карагандинского
О молитве 1441
О смирении, о гордости, о вере 1442
О болезнях 1446
Об уходе за больными и о сострадании 1448
О причастии и посте 1449
О почитании праздников и святых 1451
Об иконах 1453
О порядках в храме 1453
О пении 1454
Об одежде 1455
О сиротах 1455
О воспитании детей 1455
О послушании 1456
Об отпевании 1457
О батюшкиной исповеди 1458
О многословии 1459
О смехе и вольном обращении 1459
О помощи Божией и падениях 1459
Об осуждении 1461
О воздержании 1462
О себе 1463
О монашестве и мире 1463

Преподобный старец Феофил Новый, Киевский праведник 1466
Духовные наставления 1466

Митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Иоанн (Снычев) 1472
О России, Русском народе и Православной вере 1472

Протоиерей Николай Гурьянов 1485
Беседы с отцом Николаем Гурьяновым 1485

ОТ ИЗДАТЕЛЕЙ

Беседы с великими старцами записывались два столетия. Книга начинается ответами на вопросы преподобного Паисия (Величковского), а завершается беседами с недавно почившим старцем протоиереем Николаем Гурьяновым с острова Залита.

Двести лет, тридцать пять подвижников, множество удаленных друг от друга монастырей — и вместе с этим поразительное единство поучений, высокая духовная гармония во всем. Поистине, едиными устами и единым сердцем! В беседах великих старцев запечатлен огромный духовный опыт русского народа, его предания, обычаи. Любой из нас найдет здесь ответ на волнующий вопрос, получит совет, как жить, как верить, как поступать православному христианину в том или ином случае. Это поистине безценное сокровище.

Беседы с великими Оптинскими, Киево-Печерскими, Радонежскими, Псково-Печерскими, Афонскими, Зосимовскими и Валаамскими старцами составляют ядро издания. Вы прочитаете здесь и беседы со старцем Моисеем, архимандритом Брянской Белобережной пустыни, из которой вышло множество прославленных подвижников (в том числе и основателей оптинского старчества), и малоизвестные, никогда не

издававшиеся в наше время беседы преподобного Серафима Саровского, записанные его келейником, и беседы со святым праведным Иоанном Кронштадтским. В книгу вошла и беседа с великим Валаамским старцем настоятелем схиархимандритом Иоанном (в предвоенные годы он был последним настоятелем нашего Трифонова Печенгского монастыря).

Особый интерес вызывают беседы старцев-епископов, и среди них поистине огненные слова нашего великого современника митрополита Санкт-Петербургского Иоанна.

С первых веков возникновения старчества верные ученики бережно записывали и хранили поучения своих учителей. Это делалось с надеждой, что слова великих старцев не потеряются, но будут услышаны всюду, всегда, во все времена.

Эту цель ставили перед собой ученики и паломники, встречавшиеся с нашими русскими великими старцами.

Эту же цель ставим и мы, издатели этой книги.

Игумен Аристарх,
настоятель Трифонова Печенгского монастыря



ПРЕПОДОБНЫЙ ПАИСИЙ (ВЕЛИЧКОВСКИЙ)

(1722—1794)

Преподобный Паисий, основатель русского старчества, переводчик множества святоотеческих творений, был настоятелем Нямецкой лавры. Этот монастырь и его настоятель хорошо известны в Православной России как церковным иерархам, высшим слоям общества (к старцу Паисию приезжал Потемкин), так и простому народу. Слава о мудром старце привлекала в эту отдаленную молдавскую обитель сотни паломников не только из Молдавии и Валахии, но и из других славянских земель, в том числе и из России.

В нашем издании публикуется одна из бесед великого старца с мирянином, задавшим ему вопрос о том, можно ли спастись, живя в миру.

Ответ на вопрос: Как мирянину можно спастись?

Советую вам прилежнее читать Божественное Писание и учения святых и Богоносных отцов наших, которым дано благодатью Пресвятого Духа разумети таины Царствия Божия, то есть истинный смысл Священного Писания; в их духопросвещенном учении вы найдете все, что нужно ко спасению. И я грешный, по скудоумию моему, отвечаю на вопрошение ваше: Бог Премилосердый соделывает наше спасение Православной верой, добрыми делами и Своей Благодатью. Православная вера есть та, которую содержит едина Святая, Соборная и Апостольская Церковь Восточная; без этой веры Православной никак нельзя никому спастись. Добрые дела — это Евангельские заповеди, без исполнения которых, как и без веры, также невозможно никому спастись. Вера Право-

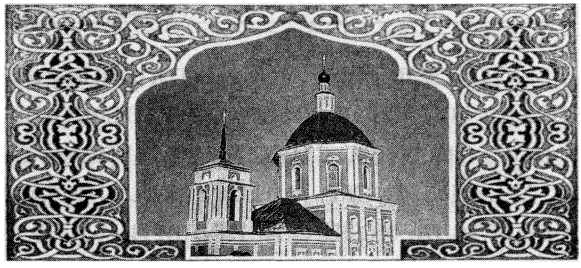
славная без добрых дел мертва, и дела добрые без веры также мертвы. Желающему спасения необходимо иметь и то и другое вместе: и веру Православную с добрыми делами, и дела добрые с верой Православной, и тогда, при помощи Благодати Божией, споспешествующей добрым делам его, он спасется по слову Христа, рекшего: *без Мене не мóжете твори́ти ничесóже.* И должно знать, что Христос Спаситель, Истинный Бог наш, Который хощет всем человеком спастися, поставил в закон добрые дела, то есть Свои спасительные заповеди Евангельские, равно всем православным христианам, как монахам, так и мирянам, живущим с женами и детьми, и требует от всех православных христиан самого прилежного их исполнения, потому что Его святые заповеди не требуют больших трудов телесных, а одного доброго произволения души: *иго* бо святых Его заповедей *благо и бремя* делания их *легко, есть.* Святые заповеди Христовы, при помощи Благодати Божией, легко может исполнять всякий православный христианин, какого бы он ни был звания, пола и возраста: и старый и юный, и здравый и в немощи лежащий, лишь бы было к тому расположение души. Поэтому-то те, кто приступает их и не кается, в страшное Второе Пришествие Христово будут осуждены вместе с бесами на муку вечную. Святые заповеди Евангельские, наипаче же главнейшие, столь необходимы для спасения, что если одной какой-либо недостает у человека, то и спасения души не бывает. Таковы заповеди о любви к Богу и ближним, о кротости и смирении, о мире со всеми и терпении, о том, чтобы от сердца прощать ближнему обиды, никого не осуждать, не иметь ненависти, любить врагов, творить по силе милостыню и душевную, и телесную и понуждать себя со всем усердием исполнять все прочие заповеди Христовы, во Святом Евангелии написанные. А больше всего любить Бога всем сердцем своим, и всей душой своей, и всего крепостью своей, и всем помышлением своим, и ближнего своего как самого себя; и подражая кротости Христовой, до крови подвизаться против страсти гнева. А жить в мире со всеми столь необходимо, что Господь счел нужным не раз повторить Сво-

им святым ученикам и апостолам: *мир вам; мир оставляю вам; мир Мой даю вам.* И где мир Христов, там и Сам Христос; а если в душе нет мира, то нет там и Христа. И терпение необходимо для спасения; Христос говорит: *в терпении вашем стяжите душы ваша;* а терпеть надобно не до известного только времени, а до самой смерти: *претерпевый до конца, той спасен будет.* Кто от всего сердца прощает ближнему согрешение его, тому и Бог прощает согрешения его. Кто не осуждает ближнего, тот и сам не будет осужден от Бога. И все прочие заповеди Евангельские желающий спасения должен блюсти как зеницу ока. А смирение, которое есть основание всем заповедям Евангельским, так необходимо для спасения, как дыхание для жизни: как без дыхания нельзя жить, так без смирения невозможно спастись. Различным образом спасались святые Божии, но без смирения никто из них не был спасен, да и невозможно это. Поэтому, кто хочет спастись, тот от всего сердца должен считать себя пред Богом за грешника, самого грешного из людей, хуже всякого создания Божия, вменять себя за прах и пепел и в тайне сердца своего укорять себя за все, и винить только себя одного во всяком согрешении своем. Исполняя таким образом в смирении сердца все заповеди Евангельские, часто молясь Богу с сокрушением сердца о прощении грехов своих, человек сподобляется милости Божией и прощения грехов, и посещает его Благодать Божия, и спасается он милостью Божией несомненно. Кроме того, православный христианин должен соблюдать еще и заповеди церковные, изложенные в книге «Православное Исповедание». Они также необходимы для спасения. Таинство Покаяния состоит в том, чтобы раскаяться пред Богом в своих грехах, бросить их и положить твердое намерение при помощи Божией к ним не возвращаться. Потом пред отцом духовным как пред Самим Богом исповедать все свои согрешения и получить от него разрешение в них. Приготовлять себя к причащению Божественных Таин должно постом, умилением, чистосердечным исповеданием грехов, совершенным примирением со всеми, выслушанием в назначенное время по обычаю христианско-

му всего правила церковного, а приступать ко Святому Причащению со страхом и трепетом, с верой и любовью, с поклонением, единому Богу подобающим.

О том, как вести себя в семействе, равно и о других обязанностях христианских, самое полное наставление можно найти в богодохновенных писаниях святого Иоанна Златоуста и других святых мужей, читая их книги со страхом Божиим и должным вниманием.





СТАРЕЦ МОИСЕЙ, АРХИМАНДРИТ БРЯНСКОЙ БЕЛОБЕРЕЖНОЙ ПУСТЫНИ
(1772—1848)

Брянская Белобережная пустынь — одна из обителей, откуда пошло русское старчество. Она устраивалась трудами и молитвами учеников преподобного Паисия (Величковского). Схимонах Феодор, ученик преподобного Паисия, привнес в нее чин и порядок Нямецкого монастыря. Здесь подвизался старец Клеопа, здесь был пострижен в монашество Лев Данилович Наголкин (будущий Оптинский старец преподобный Лев).

Архимандрит Моисей — один из великих старцев этой обители.

В нашем сборнике мы публикуем записи иеромонаха Израиля, который находился в самом тесном общении со старцем Моисеем: многие годы жил с ним в одной келье, видел все подвиги его духовной жизни, слышал все его наставления, и все слышанное и виденное складывал в своем сердце, как драгоценное сокровище.

Беседы старца Моисея, архимандрита Брянской Белобережной пустыни

Говорил отец Моисей братии: если кто хощет иметь совершенный покой в себе, то пусть никогда не верует своему помыслу. Брате, всяк помысл, не имеющий тишины смирения, не есть по Богу, но *яве от шуих есть*. Господь бо наш с тихостью приходит, все же, что от соперника — со смущением и мятежом. А от бесов воля есть, чтобы оправдывать себя, и веровать себе, и тогда уловляемы бываем. Таковому покою душевному, отсечению своей воли, поучал отец Моисей братию свою к ближайшему пути — ко спасению.

Учил он и высокотворному и Христоподражательному смирению, приносящему множество богатотворных дарований. «Ибо прежде всех требуем смиренномудрия, без негоже ни вера, ни страх Божий, ниже милостыня, ниже воздержание, ниже ина добродетель может исправитися, и без смирения человек злейши есть всея твари, аще и равноангельно житие имели мнится. Смирением бо вся вражия и сопротивнаго стрелы растлеваются».

Старец говорил, что всеми мерами потребно стараться, чтоб сохранить мир душевный, и не возмущаться оскорблениями от других; если же не можешь не возмутиться, то по крайней мере надобно стараться удерживать язык по псалмопевцу: *смятохся и не глаголах.* Старец поучал и наставлял братию иметь мир и любовь душевную, никогда не разрываемую, так чтобы и вида какого-нибудь не подать к нарушению любви, помня, что хотя после и может человек с тем братом иметь любовь, но мало той достигают, чтобы была такова, какая же и прежде, как бы хлеб отрезанный, если и прилепишь его, и соединишь одну часть с другой, но уже таков не будет, каков был прежде, все еще знак на нем остается, где был отрезан; так и нам должно стараться, чтобы не подать и виду к нарушению любви. Это Христос Спаситель наш заповедал: *Сия заповéдаю вам, да лю́бите друг друга* (Ин. 15, 17), и паки: чадца! *ми́р мой даю́ вам* (Ин. 14, 27), и паки: *о сем разуме́ют вси́, яко мои ученицы́ есте́, аще любо́вь и́мате между́ собо́ю* (Ин. 13, 35).

Отец Моисей говорил, что во всем надо искать помощи Божией, а не надеяться на себя, и во всем прибегать к Богу.

Во всем возлагать себя на волю Божию во всяких приключающихся обстоятельствах и говорить: на то воля Божия будет.

Так наставлял отец своих чад и так пребывал всегда в покое душевном, без смущения, и братию уча, чтобы всегда возлагались во всем на волю Божию и пребывали в мире и покое душевном и не о чем находящем не смущались, но все бы случающееся представляли воле Божией.

Старец Моисей ни о чем не скорбел, всегда бывал весел и учеников наставлял не скорбеть, даже о грехах, говоря: не должно много скорбеть, ибо от этого бывает уныние, а от уныния что бывает, — на это приводил святых отцов писания и говорил: ибо многие скорбят и сами не знают о чем, понапрасну. Если человек будет предаваться воле Божией, то не будет о чем-либо мимоходящем много скорбеть, и будет у него всегда вид веселый. Печать по Бозе не сокрушает человека, но печаль внешняя — та истощевает человека, и у него вид всегда посупленный, и многие этим страждут, и понапрасну себя изнуряют. Поминая же реченное Соломоном: *Веселое сердце благотворно, как врачевство, а унылый дух сушит кости* (см.: Притч. 17, 22).

Так препровождал дни свои отец Моисей, как бы никакой не имея печали, ни скорби, так отдавая себя во всем на волю Божию, уповая на Бога. А сердце его всегда было обителищем духовной радости о Господе.

Имел он и добрую совесть и говорил: совесть есть естественная книга, кто деятельно читает оную, искусом познает Божественное заступление. На этом-то законе совести жили наши праотцы Авраам, Исаак, Иаков, и так они угодили Богу, что и покаяние им не положено. *Не положил еси покаяние праведным Аврааму, Исааку, Иакову, не согрешившим пред Тобою.* И чем они так угодили Богу, что и покаяние им не положено? Имели они жен, и рабов, и большое богатство, постов тогда еще не бывало, храмов Божиих тогда не созидали, чем они так угодили Богу? Тем, что ни у кого ничего не взяли, никого не обидели, никому не солгали, ни словом, ни делом, и не было тогда иного закона, кроме естественного сего — что *себе хощеши, того и другому желай*, как говорит Евангелие: *Вся́ убо, елика, хо́щете, да творя́т вам человецы, та́ко и вы твори́те им: се бо есть закон и проро́цы* (Мф. 7, 12). Здесь скорый путь, возводящий добродетель, показует нам: если хочешь, чтобы тебе давали, и ты давай; если хочешь, чтобы любили тебя враги твои, и ты люби врагов твоих; а если хочешь, чтобы никто тебе не до-

саждал, никому же и ты не досаждай; если хочешь любим быть всеми, и ты люби всех.

И старайся во всем хранить совесть чисту и не зазорну, как в словах, так и в делах, чтобы верно было и полезно, что сказано или сделано, и соблюдать себе во всем опасно, и чтобы ни в чем не повредить совести своей, и не подать бы в чем людям сомнение на себя.

Старец был деятельный и мудрый начальник и наставник внутренней молитвы, и если же бы когда в некое время, в простые повседневные дни, за какими-либо нуждами монастырскими и при старости своих лет от изнеможения и не случилось бы ему быть в церкви на славословии Божием, то всегда в это время в келье своей упражнялся умной молитвой, и если когда-либо не позволялось ему время прийти на славословие Божие на заутреню, то в оный день бывал ему не весел, и как бы что в себе потерял. Он всегда к славословию Божию в церковь приходил к самому к началу...

Тому же поучал и нас, дабы все силы употребляли, чтобы не оставляли церкви Божией, но всегда приходили на молитву и славословие Божие. Старец говорил, что утреннее славословие Божие является благодарением Господу Богу за прошедшую нощь, в начатие будущего дня и провождение его в Бозе, вечернее же в церкви Божией славословие является воздаянием Господу Богу за прешедший день, в начатие же будущие нощи, дабы Господь даровал нам ее прейти мирно и безмятежно и избавил нас от всех коварств вражиих. Если же оставим утреннее церковное богослужение, не принеся благодарение Господу Богу за прошедшую нощь, то лишимся испрошения Благодати Божией на настоящий день, также и вечерние молитвы, в заключение прошедшего дня, и потому должно неотложно исполнять всякий день утренние и вечерние молитвы.

Сам же отец Моисей отправлял церковное богослужение продолжительно, неспешно, со страхом Божиим, и прочих братий к этому поощрял; он при многих монастырских делах,

при преклонной старости своих лет и при изнеможении своих сил постоянно пребывал в молитве Божией и в церковном богослужении, не зная усталости.

Говорил отец Моисей братии: если человек не стремится к душевному спасению, тогда и в мире пребывает, ибо враг много не наветует на него. Когда же начнет внимать себе, тогда враг все силы свои обращает на него и не дает ему мирно пожить не только дня, но даже и часа. Однако же после скорбных безпокойств посылает ему Бог помощь свою, во утешение его, на несколько часов, и от этой душевной радости забывает человек все свои скорбные обстоятельства и желает прочее терпеть ради будущего утешения.

Для этого нужно всякому внимающему себе иметь духовного отца, и с его вопросом вся творити и самому себе ни како же что начинати, чтобы вместо доброго принять злое, ибо многие от неразумия своего пострадали, своей воли последовав, ибо нет иного падения монаху, как своей воли последовати (святого Исаака Сирина). Не всякое желание добро, от Бога впадает в сердце, но оно бывает и от диавола и этим диавол вред человеку приносит и понуждает человека взыскати его. Любит диавол, когда найдет человека, не вопрошающего другого, не советующегося с могущим наставити на добро; и тогда удобно прельщает враг самочинника и уловляет.



ПРЕПОДОБНЫЙ СЕРАФИМ САРОВСКИЙ (1754—1833)

Духовный путь преподобного Серафима отмечен большой скромностью, присущей русским святым. С детства избранный Богом, Саровский подвижник без колебаний и сомнений восходит от силы в силу в своем стремлении к духовному совершенству. Восемь лет послушнических трудов и восемь лет храмового служения в сане иеродиакона и иеромонаха, пустынножительство и столпничество, затвор и безмолвие сменяют друг друга и венчаются старчеством. Подвиги, далеко превосходящие естественные человеческие возможности (например, молитва на камне в течение тысячи дней и ночей), гармонично и просто входят в жизнь святого.

Тайна живого молитвенного общения определяет духовное наследие преподобного Серафима, но он оставил Церкви еще одно богатство — свои духовные творения. Широко известны краткие, но прекрасные наставления, записанные отчасти им самим, а отчасти слышавшими их. Много раз напечатана «Беседа преподобного Серафима Саровского о цели христианской жизни». Менее известны записи его келейника, который общался с преподобным Серафимом в последние годы его жизни и смог записать множество поучений великого старца. Эти записи и приводятся в нашей книге.

О ночном подвиге

При поступлении моем в Саровскую пустынь я проходил послушание будильщика. По обычаю, я должен был вставать за полчаса до утрени и вместе с другим братом, за четверть часа до благовеста, находиться в сенях у настоятеля, чтобы при первом ударе в колокол получить от него благословение и отправиться на послушание будить братию: я — на одну сторону обители, а брат — на другую, по правилам монастырским.

Однажды, изволением Божиим, я встал часа за два до благовеста и отправился к памятникам, близ собора находящимся, где почивают известные боголюбивые старцы. Находясь между ними, вдруг приметил, что у кельи отца Серафима как будто что-то движется взад и вперед. Я хорошо знал, что блаженный старец нес тогда подвиг затворничества, каковой и продолжал до семнадцати лет. С благоговейным трепетом и молитвою стал я всматриваться и увидел, что это был, подлинно, сам подвижник, который тихо переносил дрова, по одному поленцу, с одного места на другое, ближайшее. Занимаясь Богомыслием и, по слову псалмопевца, предзревая выну пред собою Господа, он в то же время не оставлял и плоть свою без упражнения и некоего удручения — он чуть слышно творил молитву Иисусову. Вероятно, старец и каждую ночь освежался чистым ночным воздухом после дневного затворничества и бдения в келье, совершая в то же время и полуночный свой подвиг: среди общего успокоения духовно бодрствовал.

Я притаился между памятниками и долго недоумевал, что мне делать. Наконец, в страхе и радости, поспешил и бросился старцу в ноги и, целуя их, просил у него благословения. Он поднял меня с отеческой любовью и, благословив, трижды повторил тихо: «Благодари Господа, что ты видел; огради себя молчанием и внимай себе».

О сне отца Серафима

Отец Серафим во всю жизнь старался во всем покорять плоть свою духу, и особенно он подвизался против сна. Я иногда заставал его спящим в келье или сенях в таком положении: он сидел, прислонившись спиной к стене и протянув ноги; иногда преклонял голову свою на камень или на деревянный отрубок, а иногда и вовсе повергался на мешках, кирпичах и поленьях. Приближаясь же к минутам своего отшествия ко Господу, он так усугубил свой подвиг против сна, что нельзя было без удивления и ужаса смотреть на

подвижника. Удрученный пустынными трудами и израненный разными насекомыми, он по возвращении в свою келью снимал с себя суму и, подкрепив себя малой пищей, предавался сну таким образом: становился на колени и спал ничком к полу, на локтях, поддерживая голову руками. Кровати же вовсе не имел.

О веригах и власянице

Поступив в число братства в Саровскую пустынь, я имел только восемнадцать лет. Кроме возложенного на меня послушания, я имел некоторые свободные часы, которые посвящал на чтение святоотеческих творений.

Начитавшись, как святые отцы из любви своей к Господу Богу возлагали на себя вериги и власяницы, и я возгорелся желанием, по примеру их, непременно возложить на себя что-нибудь, Господа ради, для умерщвления плоти. Поэтому в течение трех лет со времени моего поступления в монастырь домогался всеми силами приобрести через каких-нибудь духовных особ желаемые вериги или власяницу.

Но это я говорю не из тщеславия или гордости о такой моей ревности, но единственно для открытия младенческой слепоты моей тогдашней и неопытности в духовной жизни, а главное, говорю, с целью показать, сколь велика была благодатная мудрость и прозорливость дивного старца, который показал мне, что ревность моя тогда была не по разуму и что она вела меня к гордости.

Получив желаемые вещи, я скоро восхитился тщеславной мыслью, которая неприметно закралась в глубину моего сердца, и я решился наперед идти к отцу Серафиму, чтобы получить от него благословение на этот подвиг, полагая, что мое желание и ревность будут и ему приятны.

Когда я пришел к его келье и сотворил по обычаю молитву, старец отворил мне дверь и, благословив меня очень милостиво, посадил на деревянный свой отрубочек, который

служил ему вместо стула. Потом, заключив дверь на крючок, он сел против меня, тихо улыбаясь.

В это самое время я и хотел было испросить его благословение на трудный свой подвиг, но только что открыл рот, как в ту же минуту старец заградил мои уста своей рукой и сам, продолжая улыбаться, так начал говорить мне: «Вот что я скажу тебе: приходят ко мне Дивеевские младенцы и просят моего совета и благословения, одни носить вериги, а другие — власяницу; то как бы ты об этом думаешь, по дороге ли их дорога-то? Скажи мне».

Я же, как слепец, не понимая тогда, что он говорит это прикровенно обо мне, и не зная, кто таковы Дивеевские младенцы, отвечал ему: «Я, батюшка, не знаю». Тогда он, еще с большей улыбкой, снова повторил: «Да как же ты этого не понимаешь? Вот я тебе говорю о Дивеевских-то младенцах, что они приходят ко мне и просят моего совета и благословения надеть на себя вериги и власяницы; то как ты думаешь об этом?» Я вторично отвечал ему: «Я, батюшка, не знаю, полезно ли им будет это или нет». Но вдруг вспомнил, что ведь я и сам пришел к нему за тем же советом и благословением, и сказал ему: «Батюшка, и я к вам пришел за тем, чтобы вы благословили меня носить вериги и власяницу». И при этом рассказал ему все, как я желал и как достал эти вещи. Старец, выслушав меня, опять с прежней улыбкой сказал: «Как же ты не понимаешь, ведь я тебе об этом-то и говорю». Тогда внезапно как будто спала слепота моя, и я увидел силу благодати, живущей в нем; тут я понял ясно, зачем он заградил мои уста в начале беседы и о каких веригах и власянице потом говорил мне. Между тем как я, пораженный духовной мудростью старца, безмолвствовал, он вдруг замахнулся на меня правой своей рукой, как бы желая изо всей силы ударить меня по щеке; но он не ударил меня, а только прикоснулся к моему уху и сказал: «Вот кто тебя таким образом заушит — это духовная и самая тяжелая верига». Потом, набрав в рот слюны и как бы желая ослепить меня ею, сказал: «А если кто-нибудь заплюет тебе таким образом глаза — вот это духовная и самая спасительная власяница, толь-

ко надобно носить их с благодарением, и знай, что эти духовные вериги и власяница выше тех, о которых ты думаешь и которые носить желаешь. Правда, что многие из святых отцов носили вериги и власяницы; но они были мужи мудрые и совершенные, и все это делали из любви Божией для совершенного умерщвления плоти и страстей и для покорения их духу, как например: Феодосий Печерский, Феодосий Тотемский, Василий Блаженный и другие святые отцы. Но мы с тобой еще младенцы, и страсти все еще царствуют в нашем теле и противятся воле и закону Божию. Итак, что же будет в том, что наденем и вериги, и власяницу, а будем спать, пить и есть столько, сколько нам хочется. Притом же мы не можем и самомалейшего оскорбления от брата перенести великодушно. От начальнического же слова и выговора впадаем в совершенное уныние или отчаяние, так что и в другой монастырь выходим мыслью, и смотрим с завистью на собратий своих, которые в милости и доверенности у настоятеля. Из этого рассуди сам, как мало или вовсе нет в нас никакого фундамента в монашеской жизни. И это все оттого, что мы мало о ней рассуждаем и внимаем ей».

Совершенно пораженный даром прозорливости чудного старца, я упал ему в ноги и с этой минуты предался ему и телом, и душой в полное его, по Бозе, ко мне распоряжение и путеводительство к вечности, для достижения Царствия Небесного.

О лишении волос

С самого поступления моего в Саровскую пустынь (15 апреля 1820 года) я питал особенную веру и любовь к отцу Серафиму, и сам, к великому моему утешению, взаимно пользовался его отеческой любовью, которой были исполнены все его наставления и вместе изобличения в моих слабостях и проступках. Привожу здесь еще случай его прозорливости. Однажды, кончив спасительную свою беседу, он вдруг положил свою руку на мою голову и, гладя длинные и густые мои волосы, сказал мне с улыбкой: «Вот эти волосы все спадут у

тебя с головы; это я говорю тебе по Бозе». При этих словах мне так стало жалко своих волос, которые действительно были необыкновенно длинны и густы, что как ни любил я старца, но мне решительно не хотелось поверить ему в этом. Я рассуждал сам в себе: как можно, чтобы такие крепкие волосы спали с головы? Однако Милосердый Господь не попустил мне впасть в бездну неверия, а вместе с тем и тщеславия. Вскоре после этой беседы я сделался болен и в продолжении целой недели страдал столь сильной головной болью, что действительно потерял все свои волосы. Таким образом предсказание дивного старца исполнилось.

Об исцелении глаз

Между прочими послушаниями, которые я проходил в Саровской пустыни (мирское мое имя: Иоанн Тихонов Тамбовский), возложена еще была на меня обязанность писать синодики, потому что я довольно хорошо умел писать полууставом.

Так как синодики в Саровской пустыни весьма длинны, то послушание это требовало постоянных и усиленных занятий, а напряженные занятия едва не лишили меня зрения: у меня между глаз образовался нарост величиною с большую горошину, который обезображивал меня и к тому же препятствовал свободно читать и писать. Сначала я скрывал свою болезнь от отца игумена и от братии, не желая, по совету отца Серафима, вообще лечиться, особенно же шпанскими мухами и кровопусканием, как то советовали мне другие. Наконец отец игумен узнал о моей болезни и принудил меня отправиться с просьбой о помощи к отцу Антонию, бывшему тогда строителем Арзамасской Высокогорской пустыни, а впоследствии архимандриту и наместнику Свято-Троицкой Сергиевой лавры, очень искусному в медицине. Но так как я при отправлении своем не зашел к отцу Серафиму за благословением, да и вообще это было всегда против его советов, то, не смотря на все старания отца Антония, я не получил никакого

облегчения в болезни. По возвращении же в Саровскую пустынь я пришел к отцу Серафиму и стал просить у него прощения и помощи. Старец благословил меня и, обняв отечески, поцеловал больные глаза мои; потом подал мне двое своих очков, из которых одни были простые, а другие с наушниками, сам надел их на мои глаза и сказал: «Вот тебе дорогие мои очки, они устроены из подзорных стекол», и, наконец, как бы для пробы, лучше ли мне видеть в них, поднес к глазам моим открытый липовый ставенек. Тут увидел я на чистом лоскутке белого полотна сухой, гнойный, кругловатый струп, похожий на оспу, величиной гораздо более прежней медной гривны; от этого струпа исходило необыкновенное благоухание. Я осмелился тогда спросить у батюшки: не тот ли это струп, который образовался по истечении материи из его раны, когда посетила его Царица Небесная? Старец при этих словах поспешно поставил свой ставенек на прежнее место и сказал: «Я уже более об этом трубить-то тебе не буду». Затем посоветовал, чтобы после первого пробуждения ото сна я тотчас бы помазал свои больные глаза горячей слюной, обещая от этого скорое выздоровление. Я принял совет старца с полной верой и на третий день после того, как начал исполнять данное наставление отца Серафима, почувствовал в глазах моих большое облегчение, а через неделю и совершенно болезнь моя миновалась.

О приобщении Святых Таин

По благословению отца Серафима я приобщался Пречистых Таин во все двунадесятые праздники. Накануне этого должен был вкушать пищу только единожды и то с воздержанием, в прочие же дни я употреблял дважды в день вместе с братией.

Однажды, накануне двунадесятого праздника, отпев раннюю обедню и придя в свою келью, я для подкрепления истощенных сил напился чаю и съел просфору. Этим бы и надлежало мне довольствоваться до принятия Пречистых

Таин, но когда пошли все к трапезе в обеденное время, то и я, по обычаю, пошел туда же и вкусил там пищу.

После же вечерни зашел ко мне один дальний посетитель, который, питая особенную веру и любовь к отцу Серафиму, имел и ко мне, грешному, доброе расположение. Угощая гостя братской пищей, я еще вкусил с ним вместе. После этого мне вдруг припомнилось, что настоящий день был накануне двунадесятого праздника и что я, по завету старца, должен приобщаться Святых Таин, а потому и вкушать пищу должен только один раз. Начиная думать о своем невнимании к старческой заповеди, я начал падать духом, и чем более думал, тем более отчаивался. Тьма ужасающих мыслей, одна за другой, теснились в голове моей. Одна мысль говорила, что если я не соблюл заповеди старца, то недостоин приобщаться Пречистых Таин; а другая — напротив, что если я не приступаю к приобщению, тогда отец Серафим спросит меня о причине, и как я буду отвечать ему. Третья же мысль, еще страшнейшая, твердила мне непрестанно, что если я дерзну приступить к священной трапезе, несмотря на свое недостоинство, то Господь поразит меня смертью. Несмотря, однако, на эту мысленную борьбу, я всячески старался преодолевать ее, чтобы не лишить себя Святыни и не оскорбить старца, и, готовясь, прочитал правило, потом исповедался. Но хотя отец духовный и разрешил меня, сказав, чтобы я приступил к Святым Таинам без всякого смущения, ибо заслуги Господа нашего Иисуса Христа разрешают все грехи наши, однако же я не успокоился духом. Враг не хотел оставить видимую добычу и всячески старался удалить мою душу от соединения со Сладчайшим Иисусом. На другой день, во время литургии, он напал на меня с теми же убийственными мыслями и в гораздо сильнейшей степени. А когда я надел, по благословению служащего иерея, стихарь, в котором обыкновенно приобщался Святых Таин, мои мучения дошли до самой крайности. Вместо упования на заслуги Христа Спасителя, покрывающие все согрешения, мне представилось, что, по Суду Божию, за мое недостоинство и презрение заповеди старческой я буду или сожжен огнем, или живой поглощен

землей в виду всех предстоящих в храме, как только приступлю к Святой Чаше. Уже я весь горел адским огнем и, видимо, погибал в отчаянии, в этот самый миг какое-то неизъяснимое влечение позвало меня в Священный алтарь, и я без всякого рассуждения последовал туда, как бы на призыв моего Ангела-хранителя, по молитвам отца Серафима. Это была та самая минута, когда старец только что приобщился Святых Таин, а служащий иерей готовился отверзать Царские врата. Я взглянул на отца Серафима и увидел, что он сделал мне знак рукой. Со страхом и благоговением обошел я Священный Престол и пал в ноги отцу Серафиму. Старец поднял меня, благословил и сказал мне вот какие сладостные слова, которых я никогда не забуду: «Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что Он изливает на нас туне, питая нас Пречистой Своей Плотью и Кровью, которые нас омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Итак, приступи без сомнения и не смущайся; только веруй, что это есть истинное Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которая дается во исцеление всех наших грехов». Я снова пал в ноги старцу, облобызал его руки и вышел из алтаря в восторге и ужасе от неизреченной милости Господней, показавшей мне в отце Серафиме такой дар прозорливости и духа премудрости. И по молитвам его, я сподобился в этот раз приобщиться Пречистых Таин в такой радости и восторге и с такой верой и любовью, с какими я, по мнению моему, никогда не приобщался.

О восхищении отца Серафима в Небесные Обители

Однажды посетил меня один боголюбивый брат, с которым мы обыкновенно делились всякой радостью и утешительным словом, слышанным от отца Серафима в общее наше назидание. Между прочими разговорами вдруг он спросил меня: открыл ли мне отец Серафим о той великой тайне, как он сподобился быть восхищенным в Небесные Обители? Я отвечал ему, что ничего не слыхал от старца об этой вели-

кой милости Божией, а сам, между тем, недоумевал и скорбел сердечно, отчего же старец не открыл мне об этой тайне, потому что я знал, что он любил меня. Брат же, сколько я его ни расспрашивал, при всем его желании никак не мог мне поведать, насколько бы это было вразумительно моему пониманию. Проводив брата, с нетерпением дождался вечернего правила и сейчас же отправился к отцу Серафиму. Мое было намерение младенчески припасть к нему и умолить его, чтобы он сам усладил мою душу рассказом о полученной им великой милости Божией. Старец встретил меня как чадолюбивый отец и вслед за мной запер на крючок дверь. Уже заранее утешался я мыслью, что услышу от старца об его дивном восхищении, нимало не думая, однако же, достоин ли я это слышать или нет? Когда мы сели друг против друга и я уже хотел молить его, чтобы он поведал мне свою великую тайну, как в ту же минуту он заградил мои уста, и первое его было слово: «Огради себя молчанием». И тут он начал раскрывать передо мной историю пророков, апостолов, святых отцов, преподобных, мучеников. Говорил со свойственной ему простотой. Он описывал их подвиги и страдания, твердую веру и пламенную любовь к Спасителю, по стезям Которого они неуклонно шли, неся каждый свой крест для получения спасения; вспоминал и разные их чудотворения, которые они совершали Благодатью Божией, к славе Господа. Описывал также и многих подвижников, в иночестве прославившихся своими подвигами: в злострадании и непрестанном над собой бдении. Он говорил, что все святые Божии, коих ублажает Святая Церковь, оставили нам, по своем успении, жизнь свою как пример для подражания и что все они были нам подобострастны, но неуклонным исполнением заповедей Христовых достигли совершенства и спасения, обрели благодать и сподобились разнообразных даров Святого Духа. «Исполнение же заповедей Христовых есть бремя легкое для каждого христианина», как сказал Сам Спаситель наш, только нужно всегда в памяти иметь их, а для этого всегда нужно иметь в уме и на устах молитву Иисусову, а перед очами представлять жизнь и страдания Господа нашего Иисуса Христа, Который из любви

к роду человеческому пострадал до смерти крестные. Но в то же время необходимо очищать совесть исповеданием грехов своих и приобщением Пречистых Таин Христовых.

Такой усладительной беседой старец приготовлял меня к чему-то высокому. И после всего сказанного он отечески обнял меня и сказал: «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» И тут же начал объяснять стяжание мирного духа. По его словам, это значит привести себя в такое состояние, чтобы дух наш ничем не возмущался. Надобно быть подобно мертвому или слепому при всех скорбях, клеветах, гонениях и поношениях, которые неминуемо приходят ко всем истинно шествующим по спасительным стезям Христовым, ибо многими скорбями подобает нам внити в Царство Небесное. «Так спаслись все праведники и наследовали вечное блаженство, а перед ним вся слава мира сего как ничто, все блага и радости мирские и тени того не имеют, что уготовано любящим Бога в Небесных Обителях: там вечная радость и торжество. Для того чтобы дать духу нашему свободу возноситься туда и питаться от сладчайшей беседы с Господом, нужно смирять себя непрестанным бдением, молитвой и памятованием Господа. Вот я, убогий Серафим, для сего прохожу Святое Евангелие ежедневно: в понедельник читаю от Матфея, от начала до конца, во вторник — от Марка, в среду — от Луки, в четверток — от Иоанна; в последние же дни разделяю Деяния и Послания апостольские, и ни одного дня не пропускаю, чтобы не прочитать Евангелия и Апостола дневного и святому. Через это не только душа моя, но и самое тело услаждается и питается оттого, что я беседую с Господом, содержу в памяти моей жизнь и страдания Его; день и ночь славословлю, хвалю и благодарю Искупителя моего за все Его милости, изливаемые к роду человеческому и ко мне, недостойному». И после этого старец снова сказал мне: «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух, и тогда тысяча душ спасутся около тебя!» Я же, недостойный всем желанием души моей, хотел приобрести тот мирный дух, о котором он уже дважды упоминал мне. Я упал ему в ноги и, лобызая его стопы, полы одежды и руки, со слезами просил его, как отца и наставника, чтобы он

излил свои молитвы перед Господом и Царицей Небесной о спасении грешной моей души. В эти минуты я всего себя поручил старцу; он же, видя мою преданность, еще сказал как бы во всегдашнее мне напоминание: «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!» И потом сам прямо открыл мне, для чего я пришел к нему и что именно желаю от него слышать. Когда же ужас и удивление объяли меня, старец в предуготовление к наступающей беседе еще повторил: «Радость моя, молю тебя, стяжи мирный дух!». И вслед за этим в неизобразимой радости, с усилием голоса сказал: «Вот я тебе скажу об убогом Серафиме», и потом, понизя свой голос, продолжал: «Я усладился словом Господа моего Иисуса Христа, где Он говорит: к дому Отца моего обители многи суть, то есть для тех, которые служат Ему и прославляют Его Святое Имя. На этих словах Христа Спасителя я, убогий, остановился и возжелал видеть оные Небесные Обители, и молил Господа, чтобы Он показал мне их, и Господь не лишил меня, убогого, Своей милости. Он исполнил мое желание и прошение: вот я и был восхищен в эти обители, только не знаю — с телом или кроме тела. Бог весть, это непостижимо. А о той радости и сладости небесной, которую я вкушал там, сказать тебе невозможно». И с этими словами отец Серафим замолчал. В это время он склонился несколько вперед, голова его с закрытыми очами поникла долу, и простертой дланью правой он одинаково тихо водил против сердца. Лицо его постепенно изменялось и издавало чудный свет, и, наконец, до того просветилось, что невозможно было смотреть на него; на устах же и во всем выражении его была такая радость и восторг небесный, что поистине можно было назвать его в это время земным Ангелом и небесным человеком. Во все время таинственного своего молчания он как будто что-то созерцал с умилением и слушал что-то с изумлением. Но чем именно восхищалась и наслаждалась душа праведника, знает один Бог. Я же, недостойный, сподобясь видеть отца Серафима в таком благодатном состоянии, и сам забыл бренный состав свой в эти блаженные минуты. Душа моя была в неизъяснимом восторге, духовной радости и благоговении. Даже досе-

ле, при одном воспоминании, чувствую необыкновенную сладость и утешение.

После довольно продолжительного молчания снова заговорил отец Серафим. Вздохнув из глубины души, с чувством неизъяснимой радости, он сказал мне: «Ах, если бы ты знал, мой возлюбленнейший отец Иоанн, какая радость, какая сладость ожидают душу праведного на небеси, то ты решился бы во временной жизни переносить всякие скорби, гонения и клевету с благодарением. Если бы самая эта келья наша была полна червей и если бы эти черви ели плоть нашу во всю временную жизнь, то со всяким желанием надобно бы на это согласиться, чтобы не лишиться той небесной радости, какую уготовал Бог любящим Его. Там нет ни болезни, ни печали, ни воздыхания, там сладость и радость неизглаголанные, там праведники просветятся, как солнце. Но если той небесной славы и радости не мог изъяснить и сам батюшка Апостол Павел, то какой же другой язык человеческий может изъяснить красоту Горнего Селения, в котором водворяются праведных души». После того, немного помолчав, начал он говорить и о вечных мучениях грешников.

«Страшно читать слова Спасителя, где Он творит праведный суд Свой нераскаянным грешникам: «Идут сии в муку вечную, иде же червь их не умирает и огнь не угасает, — *ту бу́дет плач и скре́жет зубо́м*» (Мф. 8, 12). Если таких мучений боится и трепещет сам сатана, то в каком состоянии будут нераскаянные грешники? *И а́ще праведник едва спасе́тся, нечести́вый и гре́шный где яви́тся?* (1 Пет. 4, 18).

Тем, которые заглушали свою совесть и ходили в похотях сердец своих, во аде нет помилования; нет там милости несотворившим здесь милости. Они услышат тогда евангельские слова: *чадо, помяни́, яко восприя́л еси́ блага́я в животе́ твоем* (Лк. 16, 25).

В здешней временной жизни виновник еще может как-нибудь отговориться от наказания: или через случай, или через друзей, но там одно из двух: или отъидите, или приидите! Уста Божии, как меч обоюдоострый, в тот страшный миг ре-

шат все, и уже не будет возврата. Праведники наследуют Обители Небесные, а грешники идут в огонь вечный, уготованный диаволу и аггелам его».

В заключение же своей беседы старец говорил еще о том, как необходимо теперь тщательнейшим образом заботиться о своем спасении, пока не прошло еще благоприятное время купли для вечности, и напоминал слова апостола Павла: *Се, ныне вре́мя благоприя́тно, се, ныне день спасе́ния* (2 Кор. 6, 2), когда мы можем еще принести покаяние и возлюбить нашего Спасителя. При конце беседы старец как бы совсем забыл о том невыразимо сладком состоянии своего духа, когда он говорил о восхищении своем в Небесные Обители. Теперь он сознавал только немощь естества своего и называл себя первым грешником. Наконец, дав мне отечески благословение, он отпустил меня с миром и утешением несказанным.

О заботливости отца Серафима о сиротах Дивеевских

Известно многим, что отец Серафим приобщался Святых Таин в каждый воскресный и праздничный дни за ранней литургией в больничном храме Преподобных Зосимы и Савватия, построенном на том самом месте, где была первоначальная его келья и где он был удостоен видения и исцеления от Самой Царицы Небесной. Мне же судил Господь в этом самом храме петь ранние обедни, в продолжении четырех или пяти лет, по послушанию, возложенному игуменом Нифонтом. Я старался всегда приходить в церковь как можно ранее, чтобы до начатия службы получить благословение и какое-нибудь отеческое назидание от отца Серафима, потому что он приходил всех ранее в церковь. Однажды, по обыкновению, подошел я к нему под благословение. Он, как чадолюбивый отец, благословив меня, сказал: «У сирот Дивеевских нет хлеба». И с этим словом вытряхнул мне на руки из своей рукавички две монеты — золотой полуимпериал и медную копейку, говоря: «Вот, пожалуйста, отдай их Дивеевским сиротам и скажи им, чтобы они купили себе на них хлеба. Если у них будет хлеб, то унывать

не будут, а если не будет хлеба, то уныние одолеет». И потом еще прибавил: «Многие пестуны, по слову апостола, но не многие отцы; многие советуют им терпеть, но сами с ними и за них терпеть не хотят. Пусть за общение с ними нас все поносят и оскорбляют всячески, но мы послушаем апостола Иакова, который говорит: «Ведущему добро творити и нетворящему — грех ему есть», — а не оставлять сирот. Хотя бы они и не давали монашеских обетов, но если сохранят в обители, при помощи Царицы Небесной, девство свое, то сугубую награду получат в будущем. В мире же безприютной деве трудно спастись, потому что весь мир во зле лежит».

По окончании литургии, едва ушел старец в свою келью, как подошла ко мне старшая из сестер Дивеевских и, спрашивая об отце Серафиме, сказала, что у них в обители нет хлеба. Я весьма удивился прозорливости дивного отца, и тотчас же отдал ей деньги, данные мне отцом Серафимом.

О чайничке

А вот и еще пример прозорливости мудрого старца. Однажды, возвратясь после литургии в свою келью, я решился подкрепить себя чаем. Лишь только поставил на угли чайник, чтобы вскипятить воду, как вошел ко мне келейник отца Серафима и позвал меня к батюшке, не объясняя для чего. Такое внезапное требование очень смутило меня. И хотелось мне, с одной стороны, подкрепить силы свои чаем, и боялся я, с другой стороны, оскорбить великого старца непослушанием. Так я скорбел и малодушествовал. Сначала, правда, я подумал, что отец Серафим, быть может, долго меня не задержит и я скоро возвращусь к своему чаю, но другая мысль внушала мне, что старец продержит меня долго, а мой чайничек раскипится, свалится и рассядется. Так, признаюсь, малодушествовал, но, слава Богу, искушению не поддался до конца и сейчас же пошел на призыв батюшки. Отец Серафим, когда я вошел к нему, благословил меня и улыбаясь сказал мне: «Я тебя не буду долго держать». Я же,

как слепец или младенец, совершенно занятый своей мыслью, не обратил внимание на столь ясное изобличение моей немощи и одной половиной мысли, так сказать, выслушивал поручение, которое старец давал мне, именно: написать письмо к одной превосходительной особе с убедительной просьбой о пожертвовании трех десятин земли в пользу сирот Дивеевских, а другой половиной внимания не переставал сокрушаться о своем чайничке, который представлялся мне уже развалившимся. Отец Серафим, продолжая объяснять дело, еще не один раз повторил, что он не будет долго держать меня, для того чтобы я подкрепился. А я, продолжая быть невнимательным и думая, что наши мысли только случайно сходятся, все более и более утопал в мысленной борьбе своей.

Наконец, видя, без сомнения, изнеможение моего духа, старец скоро окончил свое поручение и, благословляя меня, опять сказал с улыбкой: «Видишь ли, ведь я говорил, что не буду держать тебя долго». И потом, как самый нежный отец, прижав мою голову к своей груди, сказал еще тихо: «Поди поскорее и кончи начатое-то, тепленьким-то подкрепись и не смущайся». Пораженный совершенно дивной прозорливостью старца, я хотя и нашел по возвращении в келью чайничек свой целым и готовым, но от удивления и теплоты душевной не мог ни до чего дотронуться. И долго еще после размышлял, осуждая сам себя за свое невнимание к такому старцу, к которому за сотни верст нарочито приходят, чтобы услышать от него хотя одно слово; а я, всегда находясь при нем, как младенец, допустил себя увлечься такими мелочами до такой степени.

О кроте

Я был свидетелем в жизни отца Серафима одного замечательного случая, показавшего мне, как Господь, подобно нежнейшей матери, любит истинных рабов своих.

Однажды, по приходе моем в пустыню отца Серафима, нашел его у источника, близ которого находились гряды, возделанные собственными руками старца, в каком-то смущен-

ном и детски-ропщущем состоянии духа. Он держал в руках четыре или пять картофелин и, рассматривая, как они были попорчены кротом, с непостижимой сладкой скорбью повторял: «Вот, вот видишь, никакой им нет дороги чужие труды снедать».

Мне было и удивительно, и приятно смотреть на старца, и слышать его детский ропот. Тогда как он не отгонял от себя ни одного насекомого во время трудов своих, и не только давал им насыщаться своей кровью, но еще в это время в восторге духа пел свои любимые антифоны; теперь же скорбел о пяти попорченных картофелинах. Конечно, старец питал трудами рук своих сирот Дивеевских и нищих в гостинице; впрочем, одному Господу известно, о чем и отчего скорбел в это время старец.

Между тем неприметно мы дошли до другого конца гряд и там сели, начиная разговаривать о предметах душеспасительных. Но только лишь сели, как увидели не в дальнем от себя расстоянии самого крота, выбежавшего на гряду. Как бы потешаясь, он несколько раз выпрыгивал на своем месте и бегал взад и вперед. Может быть он еще долго бы не скрылся, как вдруг откуда ни взялась какая-то птица, похожая на ястреба. Она мгновенно устремилась на виновника, впустила в него свои когти и быстро понесла на воздух. Долго слышался писк попавшегося крота, пока не скрылись они из виду. Трудно передать, с каким детским довольством смотрел отец Серафим на все происходившее. «О, о! Вот так-то, так-то, чужие труды снедать», — повторял он. Милосердый Господь в этом случае ясно показал, как Он любит старца и труды его, так что когда раб Его и вмале опечалился, то Он и ту скорбь его утешил.

О профессоре богословия

Однажды пришел к отцу Серафиму священник, имевший к нему любовь и веру, и привел с собой профессора богословия, по-видимому, своего родственника или близкого приятеля, который также желал воспользоваться советами

старца и принять его благословение на иноческую жизнь. Отец Серафим благословил их обоих, но не дал ни какого решения на желание профессора, а сам занялся разговором со священником о разных предметах, относящихся к его обязанности. Среди разговора священник часто напоминал старцу о том профессоре, который между тем в стороне внимал также их разговору; но старец, хотя и выслушивал просьбу священника о благословении в монашество профессора, однако же все продолжал беседовать с ним и только, как бы мимоходом, говорил о профессоре: «Не нужно ли ему еще доучиться чему-нибудь?» Когда же священник начал убедительно просить старца разрешить недоумение профессора и при этом прямо объявил, что он уже достаточно учен, он профессор богословия, то старец на это отвечал ему: «И я знаю, что он искусен сочинять проповеди; но учить так легко, как с нашего собора бросать на землю камушки, а проходить делом то, чему учишь, все равно как бы самому носить камушки на верх этого собора. Так вот какая разница между ученым и учительством». И в заключение прибавил, чтобы этот профессор прочитал историю Иоанна Дамаскина, из которой он увидит, чему нужно еще ему поучиться.

Об унывающем брате

Один брат Саровской пустыни, находясь в унынии, близком к отчаянию, упросил меня по любви братской разделить с ним несколько минут для облегчения его скорби. Мы решились обойти весь монастырь и, поддерживая друг друга утешительными рассуждениями, незаметно подошли к конному двору, мимо которого лежит дорога к пустыньке отца Серафима. Это было уже после вечерни, когда старец обыкновенно возвращался из пустыни в монастырь. Не желая встретиться с ним при своем дурном расположении духа, брат просил меня вернуться назад или свернуть в сторону, как вдруг мы увидели его самого уже вблизи, идущего

навстречу. Старец был в самом странном одеянии: вокруг шеи его был обвязан один конец огромного зеленого левантинового платка, а другой конец тащился по земле; белый балахончик его был поддернут сзади под кушак, а передние полы опущены.

Мы пали ему в ноги, и он благословил нас, как добрый отец, с полной радостью, потом запел стих 9-й песни из умилительного канона Богоматери «Радости мое сердце исполни, Дево, яже радости приемшая исполнение, греховную печаль потребляюще». И затем, топнув ножкой, сказал: «Нет нам дороги унывать, потому что Иисус Христос все победил: Адама воскресил, Еву свободил, смерть умертвил!» Утешенные и оживотворенные его радостью, мы шли за ним совершенно вне себя от восторга.

Об отрубке в реке Саровке

В реке Саровке, близ пустыни отца Серафима, лежал довольно толстый отрубок дерева, и старец неоднократно просил меня при случае вытащить его с помощью братии. Но по безпечности и небрежению моему, мне как-то все не удавалось исполнить его поручение.

Однажды пошел я в ближнюю пустыньку по нижней дороге, лежащей вдоль реки Саровки, и вдруг увидел этот отрубок уже на берегу, и отца Серафима близ него, совершенно всего мокрого. Тогда раскаяние, что я не исполнил желание старца прежде, да и сейчас не имел утешения пособить ему в труде, овладело мной несказанно. С этой сердечной болью я подошел к нему под благословение и уже готов был выслушать праведное его прощение за свою небрежность. Но старец с отеческой любовью благословил меня и сказал: «Не скорби, вот я с помощью Ангела вытащил это дерево сию минуту». Я удивился, не видя решительно никого, кто бы мог помочь старцу, и поверил, что действительно Ангел Божий помог ему, потому что для этого дела требовалось по крайней мере до восьми человек.

О запечатанном письме

Некогда сидел я в келье отца Серафима и слушал его душеспасительную беседу. Между разными разговорами и наставлениями старец подал мне письмо, и когда я взял его, он сказал: «Вот это касается до великих людей — до архиереев и до нашего отца игумена Нифонта, чтобы они молились, а не до нас, убогих. Вот какая жалость! Бог благословил, и Церковь связала брачными узами эту чету, а муж к другой прилепился, оставя свою жену; так вот, как ты думаешь, помочь ли им?» И после того, с заметным негодованием, начал говорить, что и наказания-то Бог посылает за то, что ныне люди презирают уставы Церкви и наставления святых отец, последуя язычникам; что не только среду и пяток и самые посты и праздники нарушают; что муж сам виновник потери своей жены, если она падает духом и изнемогает, и еще многое подобное говорил о виновности мужа. Потом, обращаясь к лицу жены, сказал, что «и она хромает, — не объясняя, впрочем, чем, — но ведь она оттого, что не перенесла болячки своей великодушно, — продолжал он, — ибо муж, перед ее глазами оскорбляя Господа, наносит ее сердцу невыносимую боль».

И после всего сказанного он обратился опять ко мне с вопросом: «Так как же ты думаешь, помочь ли им?» Я отвечал ему: «Батюшка, вы до всех милостивы, кольми паче до сосудов немощных; они ведь близки к отчаянию». «Ну, так прочитай же это письмо», — сказал он. Я приготовился читать письмо, а старец тотчас же сказал: «Мню, что тут есть и деньги». Сломив печать, действительно я нашел в конверте три беленьких ассигнации, хотя снаружи надписи не было никакой. Это прежде всего меня удивило. Я подал деньги старцу, а он положил их в книгу, у него лежащую. Когда же начал читать письмо, то еще более удивлялся. В нем было написано совершенно все то, о чем говорил старец, с той только разницей, что письмо написано языком ученым, а старец говорил просто; притом в нем выражалась такая скорбь, такая боль сердечная, что казалось было написано не чернилами,

а слезами этой жены. «Вот, вот о чем я тебе и говорил», — сказал отец Серафим по прочтении письма.

После смерти старца нашли в его келье и много нераспечатанных писем, на которые он давал ответы прямо: «Вот что скажи от убогого Серафима» и прочее.

В этом удостоверяют многие особы.

О двух странниках

Однажды пришел ко мне один человек, который называл себя помещиком, возвращавшимся из путешествия в Крым, и сказал, что он два раза был в Сарове, но не сподобился видеть отца Серафима, а теперь он надеется видеть его при моем посредстве, так как ему было велено обратиться ко мне.

Я и сам не понимаю: какое-то странное, даже тягостное чувство овладело мной, когда я собирался вести этого посетителя в пустыню к старцу. Хотя я видел, что этот человек во время обедни, в этот же самый день, на коленях и со слезами молился перед образом Божией Матери, однако же я вел его с какой-то непонятной болезнью сердца и со страхом. Оставив его за несколько сажен от пустынной кельи отца Серафима, я пошел к старцу и сказал ему, что такой-то желает получить от него благословение. Но отец Серафим на мое предложение строго отвечал мне: «Я умоляю тебя именем Божиим, чтобы ты и впредь бегал таких людей», — и объяснил, что этот человек притворщик. Думая убедить старца, я рассказал ему, как этот человек молился в церкви, и снова просил за него. Но старец, никогда не видев этого посетителя, еще строже начал отзываться о нем, говоря, что «это самый несчастный, самый потерянный человек». Когда я возвратился к ожидавшему меня посетителю и, передав ему слова старца, прилежнее просил молиться Господу, если не хочет, чтобы душа его погибла безвозвратно, он, выслушав меня, заревел во весь свой голос и рассказал, что действительно душа его исполнена самых нечистых мыслей и чувствований.

Но вот вскоре после него пришел в Саровскую пустынь и другой странник. Он, по-видимому, был простого звания и также убедительно просил меня проводить его к отцу Серафиму. Я исполнил его желание, но из опасения за недавний случай оставил его также в нескольких саженях от пустынной кельи отца Серафима. Я нашел старца трудящимся: он жал голыми руками осоку, и как скоро услышал, что какой-то странник из Киева желает получить его благословение, тотчас же сказал: «Приведи его».

Когда я привел его, он, посадив подле себя, начал говорить страннику, чтобы он оставил избранный путь, снял бы с себя вериги, обулся бы и возвратился бы в дом свой, потому что там мать, жена и дети очень тоскуют по нему, а дома занялся бы хлебной торговлей. «Мню, — говорил старец, — что вельми хорошо торговать-то хлебом. У меня же есть знакомый купец в Ельце; тебе стоит только прийти к нему, поклониться и сказать, что тебя прислал к нему убогий Серафим, он тебя и примет в приказчики».

Странник во все это время пребывал в молчании, хотя и видно было, что он слушал старца с особенным чувством и был слишком тронут его словами. Но я решительно не мог истолковать его молчания; полагая, что он пришел побеседовать к отцу Серафиму, а он все время молчал, и это меня смущало. Когда же старец, благословив, отпустил нас с миром, я дорогой спросил о причине его молчания. Странник отвечал мне, что он через свое молчание не только ничего не потерял, но еще получил все желаемое, то есть узнал настоящий путь свой. И при этом рассказал, что отец Серафим, по дивному дару прозорливости, знает всю его жизнь; что он мещанского сословия и всегда занимался хлебной торговлей, чем и содержал свое семейство, но из любви Божией, без рассуждения, без путеводителя и без отеческого благословения пожелал странствовать, и поэтому, без всякой помощи оставив свое семейство, с годовым паспортом, отправился босиком и в веригах в Киев. «Там, — говорил он, — встретил я старца, который велел мне отправиться в Саровскую пустынь, прийти к отцу Серафиму и послушаться его

во всем, что повелит он, потому что это будет истинный путь мой. А теперь старец предупредил меня сам, и мне остается только возблагодарить Милосердого Бога и возвратиться домой, по указанию человека Божия».

Ответ отца Серафима саровскому игумену Нифонту

Отец Серафим в летнее время всегда уходил из своей монастырской кельи в лес, в пустыню, для того чтобы освежиться там воздухом и облегчить несколько телесную боль, особенно в ногах, из которых всегда текла кровавая материя. Старец все преодолевал терпением, молчанием и рассуждением о вечности, помня слова Спасителя, что многими скорбями подобает нам внити в Царство Небесное. Равным образом он переносил с благодарностью и все скорби душевные, наносимые ему от зависти и злобы бесовской и человеческой.

Однажды, возвращаясь из пустыни в монастырскую свою келью, весь покрытый кровью от уязвления мух, комаров и других насекомых, от коих никогда не защищался, старец на этот раз встретился с игуменом Нифонтом и по обыкновенному своему смиренномудрию предварил его привет своим земным поклоном, и потом уже приблизился к нему с братской любовью лобзания по обычаю иерейскому.

Игумен же, удивленный страдальческим его подвигом, начал ублажать его и вместе с тем как бы от лица братии укорять, зачем он избрал такую жизнь, которая, по мнению их, странна и блазнительна, потому что он допускает к себе всякого рода и пола людей, хотя и для спасительного назидания. Особливо, — говорил он, — все соблазняются будто бы оттого, что ты оказываешь милостивое попечение сиротам Дивеевским».

Выслушав все это ублажание и все упреки от игумена, которые он высказывал ему как бы от лица братии, сам имея себя в стороне, чудный старец снова со смиренномудрием упал в ноги игумену и дал ему столь мудрый и назидательный

ответ, что совершенно заградил его уста и привел его в самосознание. Он отвечал ему так: «Батюшка, батюшка, тебе известно, что при каждом корабле есть кормчий, который им управляет, хранит и защищает его от всякого противного случая волн и от нападения. Так-то и при всяком стадечке есть пастух, который хранит и защищает своих овец от волков и других опасных случаев. Но когда при нем находящиеся псы залают напрасно на какого-нибудь путника, тогда пастух только топнет на них ногой, и они вдруг оставляют свою злобу и отходят в свои места. Так-то мню, батюшка, дорога и до тебя. Ты кормчий этого корабля и пастырь словесного стада: так защищай и не позволяй псам напрасно лаять и безпокоить себя и путников к вечности. Ибо слово сильно и посох, как бич, для всех страшен. Тогда не посмеют напрасно лаять, как псы видимые, так и невидимые».

Этот глубокомудрый ответ старца Божия привел в совершенное безмолвие удивленного игумена и послужил ему в предосторожность на будущее время относиться к своей нелегкой должности с гораздо большим вниманием и благорассуждением.

О липовом дереве

При постройке в Дивеевской обители ветряной мельницы необходимо было на какую-то поделку хорошее березовое дерево. Поэтому отец Серафим благословил крестьянина, строившего мельницу, отыскать такое дерево в Саровском лесу. Крестьянин отыскал его и, наказав сиротам Дивеевским за ним приехать, сам начал рубку. Уже работа оканчивалась, сироты приехали; оставалось только по падении дерева поднять на станок и везти его. В это самое время отец Серафим прислал своего келейника сказать крестьянину, чтобы он прежде этого дерева (срубил) навалил липу, потому что из нее, говорил он, выйдет целый стан для тканья. Крестьянин, поставленный в недоумение, сначала не знал, что делать, но решился прежде докончить рубку березы, так как она была более нежели в половину срублена, и потом отыскать хорошую

липу. Но не прошло и пяти минут, как совершилось само собой то, что приказывал старец. Это самое огромное березовое дерево, подрубленное крестьянином, вдруг упало и падением своим сшибло, под самый корень, стоявшую близ него большую липу. Тогда все подивились прозорливости старца и наложили сначала эту липу, из которой действительно вышел целый ткацкий стан, а потом уже приехали и за березой.

Правило отца Серафима

Отец Серафим завещал всем иночествующим, равно и каждому христианину, следующее правило, извлеченное им из преданий и правил святых отец.

Восстав от сна, всякий должен оградить себя крестным знамением и, став на избранном месте, читать ту спасительную молитву, которую передал Сам Господь, то есть «Отче наш», до конца, трижды; потом трижды «Богородице Дево, радуйся» до конца и, наконец единожды, Символ веры.

Совершив это утреннее правило, всякий христианин пусть отходит на свое дело и, занимаясь дома или находясь в пути, должен читать тихо про себя: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», а если окружают его люди, тогда он, занимаясь делом, пусть только умом говорит: «Господи помилуй», — и это продолжать до самого обеда. Перед обедом же совершает вышесказанное утреннее правило.

После обеда, исполняя свое дело, всякий должен читать также тихо: «Пресвятая Богородице, спаси мя грешного», — и это продолжать до самой ночи.

Когда же случится проводить время в уединении, тогда нужно читать: «Господи Иисусе Христе, Богородицею помилуй мя грешного (или грешную)»; а ложась спать на ночь, всякий христианин должен повторить утреннее правило, и после оного с крестным знамением пусть засыпает. При этом старец говорил, указывая на опыт святых отец, что если христианин будет держаться этого малого правила, как спасительного якоря, среди волн мирской суеты, со смирением

исполняя его, то может достигнуть до меры христианского совершенства и любви Божественной, потому что эти три молитвы суть основание христианства: первая — как слово Самого Господа и которую он поставил в образец всех молитв; вторая принесена с неба Архангелом в приветствие Пресвятой Деве, Матери Господа; последняя же заключает в себе все догматы христианской веры.

Если же христианин, держась этого правила, имеет еще несколько свободного времени, тогда пусть он присоединяет к нему и другие молитвословия, как то: несколько зачал из Священного Евангелия и Апостола или каноны, акафисты, псалмы, молитвы и прочее через это он восходит мало-помалу наверх христианских добродетелей. Если же кому-нибудь бывает невозможно выполнять и этого малого правила, — например, слуге, по обязанности к своему господину, или служащему, по обязанности к своей должности, — то мудрый старец советовал исполнять это правило и лежа, и на ходьбе, и при самом исполнении дела, помня слова Писания: «Всяк бо, иже призовет имя Господне, спасется».

О военном посетителе

Это случилось перед тем самым временем, когда вражеская злоба вооружилась против священной власти царской и произвела смятение в Санкт-Петербурге.

Однажды, после обеда, я пошел к отцу Серафиму в ближнюю его пустыньку, которая находится при источнике Богословском, по нижней дороге, лежащей по берегу речки Саровки и приводившей прямо к источнику старца. Я увидел отца Серафима еще издали. Он стоял у сруба своего источника, с западной стороны, и упершись локтями на сруб, голову же поддерживая руками, весьма пристально смотрел в источник.

Еще я не дошел до него несколько саженей, как вдруг увидел, что с северной стороны, с пригорка, на котором стояла пустынная келья старца, бежит к нему какой-то военный

человек, средних лет и роста, очень хорошо одетый, с открытой головой, держа в левой руке свою фуражку.

Я остановился, чтобы дать этому военному свободу получить от старца благословение, и увидел предивное событие, свидетельствующее о даре прозорливости отца Серафима. Когда он подошел к старцу и попросил у него благословения, старец нисколько не изменил своего положения и по-прежнему пристально смотрел на источник. Когда же посетитель несколько раз повторил свое требование, тогда старец обратился к нему с самым строгим выражением лица и сурово спросил его: «Ты какого исповедания?» Военный, видимо, пораженный таким немилостивым приемом и вопросом старца, в смущении тихо отвечал ему: «Я не российского исповедания». Тогда старец произнес: «Так гряди туда, откуда ты пришел». Но когда снова этот человек протянул свои руки и просил благословения у отца Серафима, тогда старец с удвоенной уже суровостью, не смотря на его лицо и сан, строго закричал: «Я тебе сказал, гряди туда, откуда ты пришел!»

Пораженный еще более гневным видом и голосом старца, военный смирился еще более, но все-таки и опять попытался было протянуть руку под благословение. Тогда старец не только по-прежнему лишил его благословения, но на этот раз закричал так грозно и немилостиво, как на самого величайшего противника и отступника Церкви.

По правде сказать, никогда я не видал отца Серафима в таком яростном духе. Обыкновенно всегда тихий, благодушнейший старец, теперь весь пылал гневом. Я, признаться, смутился и подумал: уж не находится ли он в каком-либо искушении, потому что страшно было даже и смотреть на него в эти минуты.

Военный же посетитель, уже после этого последнего отказа в благословении, не дерзнул более настаивать на своем требовании и отправился той же дорогой назад, откуда явился. Только видно было, что он как бы потерялся или совершенно поражен был немилостью старца и грозными его словами. Во весь обратный путь свой, пока не скрылся из виду, он держал себя за голову и отирал пот, выступивший на лице его.

После его ухода я в ту же минуту подошел к старцу со страхом, думая, что он и ко мне также будет немилостив, и поклонился ему до земли. Но старец со всей отеческой любовью благословил меня и потом, взяв за руку, подвел к своему источнику и велел смотреть в него, говоря: «Вот видел ли ты этого человека, который ко мне приходил?» Я отвечал ему: «Как же, батюшка, видел; я все это время стоял близко и смотрел и, признаюсь, мысленно согрешил перед вами осуждением в том, что вы оскорбили этого человека, не благословили его, как он ни упрашивал вас». Тогда старец снова обратился к своему источнику и сказал мне: «Посмотри в источник; он-то мне и показал этого человека, кто он такой».

Удивленный словами старца и не понимая, каким образом источник может показать, кто таков приходящий человек, и полагая наверное, что старец хотел через это только скрыть живущую в нем Благодать Божию, я посмотрел в источник и увидел его совершенно возмущенным. Вода в нем до такой степени в эту минуту была мутна и грязна, как бывает в колодезях, когда последние чистят, чтобы освободить от ила, наростов мха, сора и всякой нечистоты.

Когда я взглянул, отец Серафим сказал: «Вот видишь, как возмущен этот источник, так-то этот человек, который приходил, хочет возмутить Россию». Я ужаснулся дивному прозрению благодатного старца, равно как и ревности его по Бозе, которую он показал против этого тайного врага Церкви, Государя и Отечества.

Вскоре потом сделалось известно, что Господь торжественно обнаружил и разрушил все нечестивые замыслы злоумышленников.

О разломанной печке

Однажды, по приходе моем к отцу Серафиму, я нашел его весьма прискорбным. Он, по обычаю, благословив меня весьма милостиво, со скорбью сказал, что в его пустынной келье разломали печь, и приказал мне сходить туда самому, чтобы удостовериться в этом.

Приняв благословение, я отправился в его ближнюю пустыньку и действительно нашел, что какой-то недоброжелатель пробил у печки один бок. Возвратившись, я рассказал об этом старцу, и тогда он сам поспешил посмотреть на эту дерзость и злобу диавольскую, которая избирает себе орудием людей, потерянных совестью и не внимающих своему спасению. Осмотрев все, он сказал: «Этот человек получит воздаяние по делам своим, но нам, — продолжал он, — нужно перенести все с благодарностью, и это вменится нам в мученичество. Ты знаешь, — говорил старец, — что сотворил великий во пророцех Илия с тем пятидесятником и пятидесятью мужами с ним, которые с дерзостью приступали к нему и говорили: «Человече Божий». Он отвечал им: «Аще человек Божий есмь аз, то да снидет с небеси огнь и да снест тя и пятьдесят мужей с тобою». И сошел огнь с неба, и пожег его и пятьдесят мужей с ним. Вот это и до него близко, — продолжал отец Серафим, — нам только воздеть руки! Ибо Бог волю боящихся Его творит и молитву их слушает».

Услышав эти слова, я ужаснулся, а старец еще продолжал: «Хотя же Бог и слушает своих рабов, но это Ему не угодно, чтобы души человеческие погибали, но долго терпит о них». Тут он привел на память следующее событие из Священного Евангелия: когда Спаситель пришел в весь Самарянскую и его там не приняли, тогда теплейший верой и любовью к Нему Иоанн Богослов и брат его Иаков, по ревности своей, хотели сотворить с этой весью тоже, что сотворил древле Илия, и просили на это у Спасителя позволения. Но Господь запретил им, говоря: «Не весте, коего духа есте вы; Сын бо человеческий не прииде душ человеческих погубите, но спасти».

Об ударе, полученном отцом Серафимом от злобного духа

Один соседний крестьянин причинял весьма много огорчений отцу Серафиму, всячески стараясь вредить обители Дивеевской, так что я однажды сильно жаловался на него

батюшке и просил его употребить против этого злого человека какие-нибудь крайние средства, чтобы отдалить его от обители. Отец Серафим приказал мне прийти к нему в келью вечером, а когда я пришел, он начал говорить мне так: «Об этом-то человеке, о котором ты говорил мне, и я скажу, что он зверообразный; но мы оставим его на волю Божию и Царицы Небесной, — Она над ним устроит»! И это действительно, сбылось в последствии. «А если ты хочешь удалить его теперь, то знай, что он может еще много зла сделать тебе и обители».

И после этих слов старец вдруг принял угрожающий вид и, всеми движениями как бы показывая себя вооруженным против кого-нибудь, сказал: «А когда против врага-то стоять, так уж стоять». И затем, приняв прежний, кроткий вид, открыл о себе дивную тайну, именно: как он узнал однажды, впрочем, не объясняя, по откровению ли или ему сказал кто-либо, что одна совершенно несчастная, потерянная душа была как бы в когтях у самого сатаны, но чем она согрешила старец также не объяснил, и когда он простер за нее моление к Спасителю и Божией Матери, видели ее потом, по милости Божией, летящую из когтей сатаны уже совершенно чистой голубицей; и как, наконец, полчище сатанинское, не стерпя потери своей, излило на него всю свою злобу. При этом старец как бы в удостоверение, расстегнул свою свитку и, взяв мою руку, дал мне осязать нанесенную ему язву, уже по его словам исцеленную. Я осязал ее и видел: она была на спине старца между лопатками, совершенно мягкая и походила на отвислый кусок мяса, величиной с гусиное яйцо. С этой язвой его и похоронили.

Дав мне видеть и осязать ее, старец еще прибавил, что боль от этой проказы так жестока, как бывает больно пальцу, когда его положишь на горящую свечу, и притом, если бы он горел, но не сгорал. «И если бы не Господь и Царица Небесная, — говорил старец, — исцелили меня, то никто не мог бы уже исцелить». Но дивной тайны врачевания он также не объяснил мне. Я уже не любопытствовал, а только дивился его дерзновению к Господу и Матери Божией: его

вере и мужеству, с которыми он решился на такой необыкновенный подвиг, и как уже пораженный однажды врагом за свое спасительное о других дерзновение, снова готов был с таким же дерзновением воздевать руки к Спасителю о спасении других, не унывая ни на мгновение.

О видении отцом Серафимом Иисуса Христа в храме при Божественной литургии

В одно время сподобился я слышать от отца Серафима о том высоком видении Господа и Спаса нашего, о котором, равно как и о других благодатных тайнах, он сам рассказывал мне уже при конце своей жизни.

«В Бозе почившие отцы, — говорил мне старец, — батюшка строитель Пахомий и казначей Иосиф любили меня, убогого, и ни одной службы без меня не совершали, так что я везде бывал с ними. Однажды во время Божественной литургии, которую я служил вместе с отцом строителем Пахомием, возгласил я, убогий, в Царских вратах: «Господи, спаси благочестивые и услыши ны!» И едва обратился я к народу и навел на предстоящих орарем, говоря: «И во веки веков», как вдруг озарил меня дивный свет. Я взглянул на то сияние и увидел весь собор внезапно наполненным воями небесными и Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа солнцеобразного посреди их. Приблизившись к амвону и воздвигнув Пречистые руки Свои, Господь благословил служащих и предстоящих, а потом вступил в Святый местный образ Свой, что по правую сторону Царских врат, и в нем как бы остался».

Когда же я в удивлении, ужасе и душевном восторге спрашивал его о воинстве небесном, старец отвечал мне так: «Видал ли ты когда-нибудь вылетевшую из улья матку пчелиную и за ней последующих и окружающих ее безчисленных пчел: так-то и Христос Спаситель был окружен небесным воинством».

Об этом дивном видении Господь сподобил меня слышать из собственных уст блаженного старца Серафима, когда я был

еще послушником в Саровской пустыни, в мирском моем имени Иоанна Тихоновича Тамбовского.

Но в утверждение истинности этого видения и для спасительного назидания почитателей памяти угоднику Божия нахожу нужным привести свидетельство другого слышателя о том же видении (которое уже помещено было в сказании о жизни и подвигах блаженного старца Серафима в 1845 году), которое ныне и передаю от слова до слова.

«Не умолчу и о том, радость моя, — говорил старец в восторге духа, — что я имел дивное Божественное, мне, убогому, посещение и преславное видение, но только дай слово, что ты слышанного от меня никому не поведаешь». Ученик, поклонившись старцу, обещал молчание, но помыслил: по смерти его открою, а он, провидев его помышление, еще подтвердил: «И ты с тем умри, никому не поведая». Это поразило ученика; он поклонился святому старцу и пролил невольные слезы, но старец, подняв его от земли и своей рукой отерев слезы его, говорил: «Теперь время не скорби, но радости. Послушай».

«Блаженной памяти отцы наши, строитель Пахомий и казначей Иосиф, мужи святые, меня, убогого, любили как свою душу, ничего от меня не таили, заботясь о своей душе и о моем спасении. При такой великой их ко мне любви, я везде бывал с ними, особливо отец Пахомий без меня, убогого Серафима, не совершал никогда ни одной службы. Однажды случилось мне служить с ним в Святый Великий Четверток. Началась Божественная литургия в два часа пополудни, обыкновенно вечернею. После малого выхода и паремий возгласил я, убогий, в Царских вратах: «Господи, спаси благочестивые и услыши ны!» Но едва, обратясь к народу, навел на предстоящих людей орарем и сказал: «И во веки веков», как вдруг озарил меня луч как бы солнечного света. Взглянув на это сияние, увидел я Господа и Бога нашего Иисуса Христа во образе Сына человеческого, сияющего небесным светом и окруженного небесными силами: Ангелами, Архангелами, Херувимами и Серафимами, как бы роем пчелиным, и от западных врат церковных грядущего на воздухе. Приблизясь в таком

виде до амвона и воздвигнув Пречистые Свои руки, Господь благословил служащих и предстоящих и по сем вступил в Святый местный образ Свой, что по правую сторону Царских врат. Я же, земля и пепел, сретая тогда Господа Иисуса Христа на воздухе, удостоился особенного от Него благословения: сердце мое возрадовалось чисто, просвещенно, в сладости и любви к Господу».

Отец Серафим тщательно хранил эту тайну в глубине души своей. Но могла ли она не открыться во славу Божию? Он тогда же изменился видом; все могли заметить и уразумели, что с ним Господне посещение, ибо он не мог тогда ни сойти с места, ни проговорить слова. Подошли два иеродиакона, взяли его под руки, ввели в алтарь и оставили в стороне. Стоя часа три, он часто изменялся в лице, которое то белело как снег, то покрывалось румянцем, и он долго не мог проговорить ни слова. Когда же, в последствии, поведал сие духовным своим отцам Пахомию и Иосифу, они, соблюдая поведанное в сердце своем, предостерегали отца Серафима от высокого о себе мнения и утверждали в смиренномудрии.

На службах церковных он сподоблялся иногда видеть святых Ангелов, сослужащих и поющих с братией такими голосами, которым нет ничего подобного на земле, или мало нечто похожими, по его выражению, на собрание тысячеструнных согласных инструментов. По словам отца Серафима, они были в образе юношей молниезрачных, в одеждах белых и златотканых.

О древе, над которым показано отцу Серафиму дивное знамение

В последние месяцы жизни отца Серафима Господь благоволил, молитвами угодника своего, явить и мне, недостойному, дивное знамение над древом для удостоверения моего в том, что обитель Дивеевская устрояется отцом Серафимом действительно по благословению Божию и Царицы Небесной

и что Сама Матерь света избрала это место для прославления Пречистого Своего имени и на спасение многих душ.

Старец Серафим, как чадолюбивый отец, имел совершенное попечение о сиротах Дивеевских, не только о спасении их, но и о всех их земных потребностях: о благоустройстве и правилах обители, о самой одежде и пище сирот, трудясь сам и побуждая своим примером всех благодетельных и христолюбивых особ.

Различные же послушания касательно устройства этой обители он возложил на меня по особенному Промыслу Божию и его ко мне расположение, что выражал часто такими апостольскими словами: *Ни еди́наго бо и́мам равнодýшна, иже приснее о ва́с попече́тся* (Флп. 2, 20), разумея сирот Дивеевских.

Сначала он возложил на меня, несмотря на мою юность, по благословению отца игумена Нифонта, послушание выучить сирот чтению, пению и порядку церковного устава для того, чтобы они сами, без помощи причта, с одним служащим иереем могли отправлять все церковные службы. С помощью Царицы Небесной и по молитвам старца сироты мало-помалу успели в исполнении возложенного на меня послушания и теперь без упущения совершают все службы по уставу церковному. Затем старец возлагал на меня и другие послушания касательно устройства Дивеевской обители. Для исполнения их я должен был всякий раз отлучаться из монастыря, испросив благословение отца игумена Нифонта или казначея Исаии, на двое суток.

За такое участие мое в отеческом попечении отца Серафима о сиротах Дивеевских враг диавол воздвигал на старца и на меня, грешного, такие скорби и гонения, что я несколько раз собирался выйти из Саровской пустыни в другой монастырь, чтобы избежать злобы и зависти, которыми враг повергал меня в уныние и отчаяние. Однажды после одного сильнейшего из таковых оскорблений я пошел к старцу Серафиму в ближнюю его пустыню, что при источнике Богословском, с тем, чтобы в последний раз испросить у него благословение на переход в другой монастырь. Я нашел старца

в обыкновенных пустынных трудах и, упав ему в ноги и затем лобызая его руки и уста, спешил излить перед ним всю свою скорбь и смущение. И только нечто хотел начать, как он заградил мои уста своей рукой и сказал: «Огради себя молчанием и выслушай убогого Серафима. Святой апостол Иаков говорит: *Веду́щему добро́ твори́ти и не творя́щему, грех ему есть*; так и нам с тобой никакой нет дороги хромать, смущаться и малодушествовать и слушать тех, которые научены духом злобы. Вот сколько я, убогий Серафим, просил тебя, а ты все хромаешь и доселе, как младенец; а дороги-то нет никакой нам хромать, если мы все творим к славе Божией и Пречистой Его Матери и печемся о сиротах Дивеевских, за которых нас укоряют, поносят, клевещут и осыпают хульными словами. Но мы все будем терпеть с благодарностью, по апостолу: *Укаря́еми, благословля́ем: гони́ми, терпи́м: ху́лими, утеша́емся за имя Христово* (1 Кор. 4, 12—13).

Потом, как бы сочувствуя моей скорби, он начал говорить мне так: «Однако посмотрим, не справедливо ли нас отцы-то гонят? По дороге ли путь-то мы гоним? Ибо все святые отцы велят жен-то бегать, а они всегда при нас трудятся и к нам прибегают в своих нуждах. Итак, скажи мне, угодно ли Господу, чтобы мы их не оставляли и пеклись о них? И по Бозе ли этот путь нам, докажи мне?» Сам же в продолжении этих слов не переставал потрясать меня за руку.

Удивленный этими вопросами, столь нечаянными и непостижимыми, потому что отец Серафим, как будто бы сам, будучи в смущении, требовал от меня, грешного, доказательств; я совершенно не знал, что отвечать ему и мысленно обратился к Господу, премудрости Наставнику и смысла Подателю, чтобы Он просветил меня и дал бы мне возможность успокоить моего отца и благодетеля. Со смирением я поклонился ему в ноги и начал отвечать в простоте сердца: «Батюшка, я верую, что путь ваш есть по Бозе. Вы трудитесь для сирот и печетесь об них, как отец чадолюбивый. Вы назидаете их души и желаете у них все устроить и привести в должный порядок. Все это приятно и угодно Господу, потому что все это вы делаете к славе Божией. Они, немощные сосуды,

всеми гонимые и оскорбляемые, только в вас одних находят отраду и утешение в своих скорбях».

Выслушав от меня эти слова, старец как бы изменился и сделался покойнее духом, но потом опять, по-прежнему, потрясая меня за руку, просил подробнейшего объяснения, и чтобы я, в доказательство истины пути его, привел какие-либо примеры из жизни святых отец. Тогда я со смирением отвечал ему, что все великие подвижники украсили свою жизнь делами милосердия к ближним, этими высокими добродетелями. Вам известно, батюшка, о великом святителе и дивном чудотворце Николае — сколько он излил чудес и милости к ближним при жизни своей! От юности своей он был столько целомудрен, что не хотел даже смотреть на лица женские. Когда же узнал, по Благодати Божией, о трех девицах из своего стада, погибающих по причине нищеты, тогда, по отеческой милости, презрев все мирские мнения и сан свой, как добрый пастырь, немедленно поспешил похитить от адского волка этих агниц и скорой помощью сохранить их чистыми и непорочными. Дивный пастырь показал этим примером, что для славы Божией человеку не должно ни ночного времени бояться, ни мнений человеческих стыдиться, но поспешать всеми силами к совершению добродетелей, пока есть благоприятное время купли для вечности.

Вот и еще живой для нас пример из жизни великого во святых, светильника всем монашествующим, Пахомия Великого. Он находился в таком уединении, молчании и самоотвержении, что не хотел видеться с родной сестрой. Когда же эта сестра решилась идти по следам его и посвятить себя Богу, тогда он совершенно изменился в отношении к ней и не только начал заботиться о спасении души ее, но и с полным участием вошел в ее нужды телесные и приказал ей выстроить монастырь близ своего, так что одна река разделяла их.

В короткое время собралось к сестре Великого Пахомия множество иночествующих девиц, так что великий угодник Божий сам избрал для управления этой женской обителью из своего же монастыря старца и поручил ему иметь о ней совершенное попечение по правилам общежития. Итак, вот

какая разница между нашей духовной жизнью и жизнью мирской: одна душа, посвятившая себя Господу, изменила правила такого великого светильника и через то подвигла его любовь на спасение многих душ. А сироты Дивеевские всегда находят у вас любовь и благопопечение о них. Вы питаете их пищей духовной и одеваете в брачную одежду чистоты и целомудрия, и через то обручаете их Жениху Небесному, Сладчайшему Иисусу Христу.

Неся крест по вашему наставлению, они идут спасительным путем к вечности и, сохраняя девственную чистоту, борются со страстями: зажигают свои сердечные светильники любовью Божественной и бдят в час полуночи, ожидая с мудрыми девами пришествия Женихова. Если Спаситель обещает дать награду и за чашу воды студеной, то какая награда будет вам, батюшка, за то, что вы спасете столько душ от потопа мирской суеты и приведете их в чертог Царя Небесного, Покровом Богоматери?

Когда я кончил свои слова, то отец Серафим, державший меня во все это время за руку и слушавший со вниманием, вдруг сделался как Ангел Божий и, в радостном духе взглянув на меня, сказал: «Во, во, радость моя, а мы с тобой все хромаем, как младенцы, а дороги-то нам нет никакой хромать, если мы все творим к славе Божией».

Когда он после того замолчал, я повторил ему еще слова святителя Христова Димитрия Ростовского, который совершенно уподобляет деву Ангелу по достоинству девства, чистоты духа и свободного служения Господу, выражаясь так: отними от Ангела крылья — он будет дева, дай деве крылья — она будет Ангел.

Выслушав это, отец Серафим еще с большим восторгом сказал: «Так вот какая радость, видишь ли, а мы с тобой хромаем, как младенцы, а дороги-то нет никакой нам хромать». И потом он вдруг обратился к западу и, подняв правую руку, указательным пальцем показал на одно огромное дерево — ель, которое во всей силе росло на открытом месте, совершенно отдельно от других дерев, и сказал: «Видишь ли ты это дерево?» Я отвечал ему: «Вижу, батюшка». «Мню, — сказал

отец Серафим, — что оно пятьдесят лет растет; так мы помолим Господа, чтобы Он нам показал через это древо знамение: угодно ли Его благости, чтобы пеклись мы о сиротах Дивеевских. Если это угодно будет Господу, тогда оно и преклонится вот сюда, — и он показал перстом на западную сторону, — а если неугодно будет Ему, чтобы мы пеклись о них, тогда оно и будет стоять на своем месте, как есть в настоящем виде, ибо Бог волю боящихся Его творит и молитву их слушает. А уж мы сотворим, о чем говорили. Ты и убогий Серафим преклоним колена перед Господом, оно вот сюда и преклонится. — И он опять показал на ту же западную сторону: — Если же оно будет стоять, то мы должны в том увериться совершенно, что неугодно Господу, чтобы мы с тобой пеклись о них, и тогда мы во всем оставим их на волю Божию, в конец».

И потом, после непродолжительного безмолвия, он сказал с совершенным упованием и верой: «А о чем мы говорили, то сотворим; вот это древо сюда и переклонится», показывал опять по-прежнему на западную сторону и, обратясь ко мне, прибавил: «Ты теперь гряди с миром в свою келью, а о чем говорили, то сотворим, сотворим».

Затем он благословил меня и дал приложиться к медному своему распятию, которое всегда носил на себе до гроба. Я пал ему в ноги и просил его святых молитв в укрепление грешной души моей, чтобы всегда мне быть в мирном духе и не смущаться от скорби. Он еще раз благословил меня в путь и, отпуская, сказал: «Гряди с миром, а о чем говорили, то сотворим, сотворим. — И это повторил несколько раз: — Оно вот сюда и преклонится». Когда я уходил, он кланялся мне вслед и, благословляя мой путь, в то же время не переставал показывать перстом на древо и на западную сторону.

Возвратясь в свою келью, я был развлечен другими предметами и совершенно забыл о заповеди старца молиться о знамении древа, и провел всю ночь в безпечности. По утру же на другой день вдруг родилось во мне желание быть в пустыни отца Серафима. Не найдя его там, я обошел все места, на которых старец обыкновенно трудился, но нигде не мог найти его.

Тогда я решился идти на то место, где накануне прощался со старцем. Подхожу и с ужасом вижу дивное чудо: то самое древо, на которое указывал мне накануне отец Серафим, уже упало именно в ту сторону, на которую он указывал, так что вершина его лежала на западе, а огромный корень, весь наружу, на востоке. Сам же отец Серафим, в удивлении и в какой-то неизъяснимой радости, точно на крыльях носился около этого древа. Он уже обрубал его ветви и вершину и сложил в стороне в особой куче. Когда я стал подходить к нему ближе, он не допустил меня до себя за несколько сажен и упал предо мною на землю.

Я пал ему взаимно, со страхом и трепетом прося благословения. Тогда старец встал и, взяв меня за обе руки, с тихой радостью поцеловал, благословил и сказал: «Что ты пришел ко мне, убогому, возлюбленнейший мой отец Иоанн?» Я от страха и удивления ничего не мог ему сказать, кроме того, что пришел просить его святых молитв и благословения, и снова пал ему в ноги, лобызая его стопы и руки.

Старец поднял меня и, подведя к самому древу, с восторгом сказал: «Вот, батюшка, апостол Павел говорит: «Вся могу о укрепляющем мя Иисусе»; мы с тобою не Павел, а Бог нас слушает. Так вот о чем молили мы Господа — Он моление наше исполнил».

Я же, сподобясь быть свидетелем и самовидцем такого дивного чуда, попеременно смотрел то на древо, то на этого великого отца, который, как Ангел земной, был светел в это время лицом от небесной радости. А я благодарил Господа за то, что он сподобил меня быть самовидцем такого дивного знамения, и уже мысленно желал передать о нем одному боголюбивому отцу и брату своему о Господе. Но отец Серафим, проникая мое желание, связал меня клятвой, чтобы я никому, до самого его успения, не говорил об этом знамении. Потом он приводил мне многие примеры из истории святых пророков и апостолов и других великих отцов Церкви, которые совершали знамения и чудеса силой Христа Спасителя и благодатью Святого Духа. «Ибо, — говорил он, — дивен Бог во святых своих; волю боящихся его творит и молитву их слу-

шает. Это близко и до нас: если мы будем с верой всегда просить, то все получим, без сомнения, по слову Спасителя: *Проси́те и да́стся вам: ищи́те, и обря́щете: толцы́те, и отве́рзется вам: всяк бо прося́й прие́млет, и ищя́й обрета́ет, и толку́щему отве́рзется* (Мф. 7, 7—8).

Наконец, он много говорил и о сиротах Дивеевских, для которых сотворилось это дивное знамение, и отпустил меня с миром.

Клятва, которой связал меня отец Серафим, совершенно не допускала меня передать тайну этого древа ни одному о Христе брату. Если же я когда и хотел нарушить клятву, то чувствовал всегда какую-то боль и тяжесть в сердце. Но, по смерти старца, вскоре Господь Бог благоволил архипастырским разрешением развязать мои уста на прославление Угодника Божия. В Саровскую пустынь приехал преосвященный Арсений, епископ Тамбовский, и, желая слышать от меня все в подробности об отце Серафиме, также и об его попечении о сиротах Дивеевских, потребовал меня к себе. Тогда я передал преосвященному, по его архипастырскому разрешению и благословению, все, что было мне известно об отце Серафиме, равно и о чуде, совершившемся над древом. Выслушав от меня, владыка сам благоволил освидетельствовать это древо, и с тех пор весть о нем быстро распространилась повсюду, так что не только самое древо и его обрубленные ветви были разнесены по частям христолюбивыми посетителями Сарова, но и самая трава, на которую оно упало, была выщипана на сохранение, как драгоценность, как святыня. На долю Дивеевской обители достался самый корень этого древа.

О камнях, на которых подвизался отец Серафим

Приближаясь к минутам отшествия своего к вечности, отец Серафим, как отец чадолюбивый, спешил передавать свои духовные сокровища, то есть свои подвиги и благодатные посещения, своим духовным чадам, во славу Божию и душевное спасение. Между прочим он передал мне и свой

подвиг бдения на камнях. Этих камней, на которых подвизался дивный подвижник, было два. Один гранитный, необыкновенной величины, находится в глуши Саровского леса, на половине пути от монастыря к дальней, первоначальной пустыни отца Серафима (отстоящей от монастыря верст на пять или на шесть). На нем старец бдел тысячу ночей. Другой, малый и дикий, который могут поднять человека четыре, находился в ближней пустыни; на нем он стоял тысячу дней.

За несколько месяцев до кончины отец Серафим, находясь в ближней пустыни, между прочими мудрыми наставлениями вдруг попросил меня найти тот камень, на котором он бдел тысячу ночей. Я тотчас же, по благословению старца, пошел в назначенное место отыскивать этот камень, но сколько ни старался, не мог найти его и возвратился к старцу со скорбью, что при всем моем желании не мог исполнить возложенного на меня послушания. Но старец снова обозначил мне место и рассказал приметы камня, говоря, что я уже ходил около него. Тогда я снова отправился и вскоре нашел желаемое сокровище. Он лежал в нескольких саженях вправо от дороги в пустыню, в глубине леса, и закрыт был падающими с дерев листьями. Когда я в радости возвратился к отцу Серафиму и сказал ему о своей находке, старец отвечал мне: «Я для того-то тебя и посылал найти этот камень, чтобы ты знал его; я бдел на нем тысячу дней».

Тогда я со смирением упал ему в ноги и просил его открыть мне дивный свой подвиг. И он поведал мне так: «Когда я находился в уединении в пустыни, то обыкновенно вечером оставлял свою пустынную келью и по приходе к этому камню, по целой ночи, бдел на нем тысячу ночей. А по окончании ночи возвращался опять в свою пустынную келью и бдел в ней, по целому дню, на другом камне тысячу дней». Таким образом, по его словам, он совершил, при помощи Божией, этот подвиг злострадания и борьбы с духами злобы, торжествуя победу духа. Но по телу получил от этого подвига сильную боль в ногах, которые совершенно распухли, изгноились, и из них текла постоянно сукровица.

Я передал об этом дивном подвиге отца Серафима одному

брату, а тот передал об этом другому, и таким образом узнала вся братия и потом все боголюбивые особы. Все они, посещая Саровскую пустынь и могилу отца Серафима, алчут также видеть и тот пустынный камень, на котором старец бдел тысячу ночей, и они проложили к нему такую дорогу, что теперь можно даже в экипаже проехать до него. Почти все посетители отбивают от него частички и по вере своей получают желаемое.

В Дивеевской обители также хранится часть этого камня в несколько пудов, как драгоценное сокровище, на память о великом отце и подвижнике. Другой же, малый камень, на котором старец бдел тысячу дней, весь находится в Дивеевской обители.

Один помещик рассказывал мне, что отец Серафим открыл ему и самую причину, по которой он бдел на этих камнях. Он был дважды избираем в почетное служение: в сан архимандрита и настоятеля, и всякий раз отказывался от падавшего на него жребия, убеждая других старцев взять на себя из послушания этот сан и обязанность; а сам всегда удалялся в любимую им пустыню на безмолвие. Тогда диавол за такое смиренномудрие старца вооружался на него с той же силой искушений, от которых пал великий во отцех Феофил, эконом Церкви Аданской в Киликии. В такой мысленной борьбе старец решился обратиться к помощи Божией и Пречистой его Матери, и на этих камнях стереть главу змия и разорвать все его сети и искушения, повергавшие его в уныние. «Феофил пал, — говорил старец помещику, — а я, при помощи Божией, устоял».

В воспоминание о великом подвижнике на тех местах, где находились камни, положены теперь другие, гораздо меньших размеров.

Предсказание отца Серафима о своей кончине

За год слишком до смерти отец Серафим начал прощаться со многими боголюбивыми посетителями, питавшими к нему любовь и веру, и говорил им: «Скоро двери убогого Серафима

затворятся, и меня более не увидите». А некоторым он приказывал мне писать, чтобы они приехали проститься с ним; на письма же многих, просивших его спасительных советов и благословения приехать к нему, не распечатывая, давал нужные ответы и прибавлял, что он более не увидится с ними.

Мне же старец предсказал свою кончину следующим образом. В одно время случилось мне быть у него, по обыкновению часу в шестом пополудни, после вечерни. Отец Серафим имел такой обычай, что если желал усладить своего посетителя длинной беседой, то запирал всегда дверь свою на крючок, что сделал и на этот раз. В это время я проходил послушание канонарха, и блаженный старец направил свою беседу по роду моего послушания. Речь свою он начал вопросом: так ли я исполняю свою должность, как бы следовало?

Я думал, что он говорит о внешнем исполнении, и потому отвечал ему, что «стараюсь, батюшка, исполнять все, как следует». Но отец Серафим хотел, чтобы к внешнему присоединилось и внутреннее, духовное основание, потому что Господу не угодна одна наружность. Слово Божие учит, что «проклят всяк творяй дело Божие с небрежением».

Потом, как бы прикровенно, он начал обличать меня, говоря, что ведь есть такие, которые, кажется, хорошо читают, но не понимают смысла того, что читают; ведь многие есть и такие, которые говорят: «Мы были у обедни, или у заутрени, или у вечерни, и льстят себя надеждой, что они действительно были, а в самом-то деле, где скитался тогда ум их? Они телом только были в храме Божием. А мы, как монахи, должны наиболее внимать себе и стараться помнить, что перед нами Господь Сердцеведец и что мы стоим в храме, по слову пророка: *Предзрех Господа предо мною вы́ну, яко одесну́ю мене́ есть, да не подви́жуся* (Пс. 15, 8).

«Кто памятует, что нужно работать Господеви со страхом и радоваться Ему с трепетом, тот внимает всему, что поется или читается во время службы, особенно же, что читается из Священного Евангелия, которое есть пластырь на всякий струп греховный. Вот ты ведь был и у ранней обедни, а какие же там читались дневный Апостол и Евангелие?» Старец

спрашивал почти всегда об этом, когда поучал других вниманию. Я же иногда мог отвечать ему, а иногда по невниманию делался совершенно безгласным. Тогда обыкновенно он сам говорил, что именно читалось, и объяснял то, а иногда толковал и всю Священную литургию, где особенное внимание обращал вот на эти многозначительные слова в Херувимской песни: «Всякое ныне житейское отложим попечение», или на слова в Символе веры: «Чаю воскресения мертвых, и жизни будущаго века», или на другие, столь же важные слова, которыми он старался посеять в душах слушающих семена плодов духовных.

По окончании всей сладкой беседы своей он вдруг говорит мне: «А жизнь моя сокращается. Духом я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв». И с этим словом подает мне сверток желтых полтинных свечей, говоря, чтобы я взял одиннадцать. Я же, поторопившись, а еще более устрашенный словами старца, вынул из свертка только девять. Старец, точно как бы считавший, опять говорит мне: «Ты бери одиннадцать». Я счел и прибавил еще две свечи.

После того отец Серафим сделал мне еще несколько отеческих наставлений и прибавил, чтобы я поспешил производить духовные плоды, и затем отпустил меня с миром. Я же в простоте, без всякого внимания сжег те одиннадцать свечей.

Через несколько времени, когда я был у отца Серафима, он, сделав мне много разнообразных наставлений, необходимых для жизни моей, под конец опять повторил прежние слова: «А жизнь моя сокращается духом, я как бы сейчас родился, а телом по всему мертв». И потом подал мне девять свечей. То же повторил он и в третий раз, через несколько времени, и тогда подал мне шесть свечей.

На четвертый раз, повторяя те же слова, он прибавил, чтобы я поспешил по возможности собирать духовные плоды, и подал мне уже три свечи. Таким же образом в пятый раз он подал мне одну, а в шестой только полсвечи.

Но еще после четвертого раза я рассказал об этих свечах одному боголюбивому брату, с которым мы делились всем слышанным от отца Серафима. И тогда-то, по общему

обсуждению, мы решили, что старец этими свечами непременно говорит нам о своей кончине, потому что еще прежде, в своих наставлениях, он уподоблял человеческую жизнь свече зажженной, мало-помалу сгорающей. Только мы не могли понять, что именно означало число свеч: годы ли, месяцы ли, недели ли или дни, потому что я не помнил, как велики были промежутки времени между моими посещениями старца.

Когда же я пришел к нему в следующий, седьмой раз, то отец Серафим после мудрых наставлений опять повторил прежде сказанные слова, с глубоким вздохом и особенным чувством, что жизнь его сокращается и что он приближается уже к последним минутам. Эти слова еще более подтвердили наши догадки и в то же время совершенно поразили меня. После того старец начал повторять мне все то, что он в течение жизни сеял на грешной душе моей, а в особенности завещал мне не оставлять попечением сирот Дивеевских и устроить у них все необходимое. В подражание он приводил мне святого Афанасия Афонского, говоря так: «Ты всегда и во всем подражай ему. Как он устроил все в Афонской горе, так и ты все устрой в Дивеевской обители».

И потом, посмотрев на меня с особенным чувством любви и болезнования и покачав головой, прибавил: «Много тебе будет скорбей, но претерпи их Господа ради, с благодарением, и где бы ты ни был, не оставляй сирот моих отечески. Матерь Божия не оставит вас, и я духом буду всегда с вами. Многие приближаются к ним, но дороги им нет никакой. Многие пестуны, но немногие отцы, по слову апостола; терпеть-то им многие советуют, но за них и с ними терпеть не хотят».

Сказав это, старец снова обратился к своему подсвечнику, на котором зажжено было до десяти свечей рублевых и других цен, получаемых им обыкновенно от разных благотворительных особ, и, указывая мне на один догоравший среди них огарок белой десятикопеечной свечи, сказал: «Погаси этот огарочек». Я взял и погасил его. Отец Серафим сказал: «Возьми его себе». Тогда я попросил его благословения и положил этот огарочек к себе в карман. Он хранится в Дивеевской обители.

Затем он еще раз напомнил мне все и снова повторил, что жизнь его сокращается, что по телу он совершенно мертв, но духом Благодати Божией как бы сейчас родился. И после того отпустил меня с миром.

Действительно, я приходил тогда к нему в последний раз, хотя, по-видимому, и нельзя было полагать этого. Перед новым годом отец Серафим сам назначил себе могилу по правую сторону алтаря Успенского собора.

Последние минуты и кончина отца Серафима

1 января 1833 года, в день воскресный, отец Серафим пришел в последний раз к ранней обедне в больничную Церковь во имя преподобных Зосимы и Савватия, Соловецких чудотворцев, в которой он обыкновенно приобщался Святых Таин.

Я был в то время голосовщиком на правом клиросе и обыкновенно в воскресный день и праздник старался выйти из собора после всенощной службы немного ранее конца, чтобы заблаговременно воспользоваться, прежде начатия службы Божественной литургии, благословением и спасительными назиданиями отца Серафима. Старец также имел обычай за полчаса приходить к литургии и садился всегда на правом клиросе на откладной лавочке.

Когда я пришел в этот день, по обычаю, заблаговременно в больничную Церковь и поклонился батюшке в ноги, прося его благословения, он спросил: «Кто это?» — потому что было еще темно. Я отвечал как и всегда: Тамбовский убогий Иоанн. Тогда он встал, благословил меня и, поцеловав отечески, посадил подле себя; а сам глубоко вздохнул, и этим вздохом уже предсказал мне что-то страшное. Вслед затем он сказал: «Ну, возлюбленнейший отец Иоанн, прости, я с тобой уж больше не увижусь!»

Пораженный совершенно словами этими, я упал на колени отца Серафима и весь залился слезами: «Как же это, батюшка?» — я мог только ему выговорить. Тогда он отвечал мне: «Я говорю это тебе по Бозе, мы уже больше с тобой не

увидимся, только ты все слова убогого Серафима постарайся запечатлеть на сердце твоем; с ними всегда и ходи, и помни, что «вси своих си ищут, а не яже ближних», — и это последнее он повторил несколько раз и потом еще прибавил: «И не буди чужд посетитель». И затем снова начал говорить: «Такто я говорю тебе, что я в последний раз с тобой вижусь, уже пришли минуты моего отшествия».

После этих слов отца Серафима мной овладела такая скорбь безутешная, какой и выразить теперь невозможно. В старце я терял друга, наставника, нежнейшего отца — словом, все. На мое же попечение он оставил сирот Дивеевских, и мне казалось, что они разбредутся все. В эти полчаса, которые я провел при ногах незабвенного старца, я пролил столько слез, сколько никогда в жизни. Я обнял его колено и, рыдая, кричал ему: «Батюшка, как же я без вас-то останусь, проведите меня сквозь страшные мытарства?» На это старец, обняв меня, как отец чадолюбивый, отвечал: «Я молю за тебя Господа и Пречистую Его Матерь, только ты все слова убогого Серафима постарайся запечатлеть в сердце своем». Когда же я продолжал рыдать и проливать источники слез, старец встал и, с сокрушением воздев горе руки свои, сказал, взирая на священные иконы: «И буду за тебя молить Господа и Пречистую Божию Матерь!» Сказав это, он сел и поник главой; потом опять встал и в том же самом положении, с тем же сокрушенным духом повторил снова: «И буду за тебя молить Господа и Пречистую Божию Матерь!» И это он повторил несколько раз. Я был вполне убежден, что произнести столь дивные и, повидимому, дерзновенные слова могла только душа чистая, святая, каковой и была душа праведного человека, блаженного старца Серафима. Я принял со всей верой слова праведника и до сих пор врачуюсь ими во всякой скорби.

В продолжение Священной литургии я не слыхал ничего, что читалось и пелось, а только лил горячие слезы, так что слезы эти видели все, хотя никто не понимал их, кроме одного тут бывшего Саровского послушника Иоанна Степанова, в последствии иеродиакона Уфимского Успенского монастыря Феоктиста.

По окончании проскомидии старец еще раз обратился ко мне со словами: «Ну, прости же, возлюбленнейший мой отец Иоанн, и благослови меня уйти в алтарь». Там он обыкновенно стоял во время литургии, когда приобщался Пречистых Таин Христовых.

При конце Священной литургии я поручил другому брату допеть окончание, а сам поспешил в алтарь, чтобы еще в последний раз удостоиться благословения отца Серафима и попросить его святых молитв. Когда я подошел к нему, он снимал в это время епитрахиль и поручи и, увидав меня, предварил мой поклон своим поклоном и потом облобызал меня своими священными устами. Уходя, он еще раз обнял мою голову своими преподобными руками и сказал: «Ну, прости же, возлюбленнейший мой отец Иоанн, и помни все слова убогого Серафима; запечатлей их в сердце твоем, с ними всегда и ходи».

После того отец Серафим простился и со всеми тут бывшими братиями; всех благословил, облобызал и, утешая, всем говорил: «Спасайтесь, не унывайте, бодрствуйте; нам венцы готовятся».

Простившись со всеми, он приложился ко кресту и к образу Царицы Небесной и, обойдя кругом Священный Престол, сделал обычное поклонение и вышел в северные двери, чего прежде никогда не делал, как бы назнаменуя этим, что каждый человек входит в жизнь одними дверьми, то есть рождением, а отходит от жизни другими, то есть смертью. Вечером того же дня келейный отца Серафима слышал, как он пел в своей келье пасхальные и другие духовные песни.

На другой день, по обычаю, я пел за ранней обедней и только что кончил «Достойно», как вдруг увидел в дверях мальчика лет шестнадцати, ангеловидного, которого я счел тогда за живописца, но после нигде не мог отыскать его. Он спрашивал келейника отца Серафима и наскоре сказал что-то о пожаре и о смерти.

Меня так поразили эти слова, что я уже не мог допеть конца обедни, а попросил других; сам же тотчас поспешил в келью отца Серафима и нашел там в сенях большое

замешательство. В дверях кельи отца Серафима затлелась книга, вероятно, от упавшей свечи с подсвечника, близ дверей поставленного. Надо заметить, что этот подсвечник никогда не стоял прежде у дверей кельи, и потому, вероятно, тлением книги старец хотел, по воле Божией, известить братию о своем отшествии. Притом же и самая дверь, прежде всегда запертая, на этот раз была недотворена, так что, пока тлелась книга, дым постоянно вытягивался в сени и наполнял их. На этот дым пришел келейник отца Серафима с другим братом, и как только отворили они двери сеней, тотчас весь дым и повалил вон. Перепугавшись, они бросились за снегом, принесли его на лопате и набросали на тлевшую книгу. От этого произошел пар, который вместе с дымом потянулся из сеней. В эту минуту прибежал я и тотчас спросил: «Где батюшка?» Но они ничего не могли сказать мне, наверное, потому что совершенно занялись дымом.

Тогда я вошел с молитвой в келью отца Серафима и увидел, что он стоял на коленях в обычном своем белом балахончике, с медным Распятием на груди, с открытой головой и с крестообразно сложенными на груди руками, перед образом Божией Матери «Умиление». Глаза его были закрыты, но лицо оживлено Богомыслием. В келье же было совершенно чисто и ясно, и я подумал, что старец находится в молитвенном подвиге. Подождав немного, я сказал ему: «Батюшка! Разве вы не видите, что у вас книжка горит?» Но он не дал мне ответа. Через несколько минут я снова повторил мой вопрос, но старец так же безмолвствовал.

Тогда мне вдруг припомнилось все, что старец накануне говорил мне перед Священной литургией: какие давал наставления и сладкие обеты молиться за меня и как потом простился со мной и со всеми тут бывшими братиями. Я бросился к старцу и только что хотел припасть к нему, как он сам пал на мою грудь еще совершенно теплый, как будто дух его в это самое мгновение оставлял тленную свою оболочку.

Я не описываю здесь моей скорби, без сравнения сильнейшей той, которая поразила меня накануне, потому что описывать эти минуты невозможно. Довольно сказать только то,

что я желал и порывался тогда быть сам зарытым вместе с моим старцем.

Весть о кончине отца Серафима быстро разнеслась повсюду, и тогда все окрестные жители сбежались в Саровскую пустынь. Мало сказать, что все скорбели и плач был общий по разлуке с подвижником, которого жизнь была примером братии и украшением Православной Церкви; все чувствовали тогда и пересказывали потом, что как будто пустота какая или тьма внезапная после сильного света ощутительно покрыли души и самые жилища их.

Тело праведника лежало восемь суток в Успенском соборе, и в это время вся Саровская обитель, наполненная тысячами народа из окрестных мест и соседних губерний, представляла только слезы и рыдания. Все наперерыв спешили облобызать в последний раз великого старца.



АРХИЕПИСКОП ВОРОНЕЖСКИЙ И ЗАДОНСКИЙ АНТОНИЙ (1773—1846)

Служение архиепископа Антония (Смирницкого) на Воронежской кафедре продолжалось в течение двадцати лет. За этот продолжительный период времени он много сделал для своей епархии доброго и полезного и завоевал всеобщую любовь и уважение. Это был «муж в добродетели дивный», как говорил о нем наместник Троице-Сергиевой лавры преподобный Антоний. Архиепископ Антоний сиял на кафедре красотой безупречной жизни и дарами Святого Духа. Постоянно творил Иисусову молитву. Никто не видел, чтобы он когда-нибудь смеялся. Имел дар умиления и дар слез. На нем видимо почивал Дух Святый, прославивший его необыкновенными дарами Благодати Божией — даром чудес, исцеления и прозрения будущего, даром проникать в глубину человеческого сердца и в сокровенные изгибы его.

Особо почитал архиепископа Антония преподобный Серафим Саровский.

Еще при жизни отца Серафима и по его благословению к архиепископу Антонию ездил и получил исцеление от своей вторичной болезни Н. А. Мотовилов, который в своих записках говорил о духовном единении двух великих подвижников. «Я пробыл в Воронеже более трех месяцев в совершенном и полном здравии, — пишет он. — 2 января 1833 года вечером услыхал я от высокопреосвященнейшего Антония, что батюшка отец Серафим в ночь, на этот день, во втором часу за полночь, скончался, о чем он сам, ему явясь, очевидно, возвестил. Он о нем сам в тот же день соборно отслужил панихиду. А я 4 января выехал из Воронежа и 11-го прибыл в Саровскую пустынь, через два дня после погребения отца Серафима».

Следует иметь в виду, что в то время не было не только телеграфа и телефона, но даже и железной дороги. Мотовилов, который несомненно торопился, чтобы попасть к погребению преподобного Серафима, добрался от Воронежа до Сарова только на восьмой день, значит, и извещение о смерти старца не могло дойти в Воронеж быстрее этого.

А между тем, архиепископ Антоний отслужил панихиду в самый день его смерти, соборне, в присутствии, можно думать, большого количества людей. Значит, у него не было ни малейшего сомнения в истинности полученного им особым путем известия.

Также еще при жизни преподобного Серафима к архиепископу Антонию приводили и известную впоследствии Дивеевскую юродивую Пелагею Ивановну. Она тогда еще только начинала свой подвиг. Родные считали ее «порченой» и в надежде на исцеление повели к мощам святителя Митрофана и к преосвященному Антонию. Владыка благословил их и три часа беседовал с Пелагеей Ивановной наедине. Спутницы ее, гордившиеся тем, что могут сделать пожертвование, разобиделись, что преосвященный оказал предпочтение «дурочке», а он сказал им: «Не земного богатства ищу я, а душевного». И отпустил их с миром.

Венцом славы праведной жизни архиепископа Антония явилось открытие в 1832 году мощей Воронежского святителя Митрофана. Прежде чем получить разрешение Святейшего Синода на открытие мощей святителя Митрофана, архиепископ Антоний много ночей молился пред его могилой. Он надеялся и чувствовал, что будет благодать в Воронеже. В этой надежде укреплял его и преподобный Серафим Саровский. Он поздравлял архиепископа Антония с открытием святых мощей угодника Божия Митрофана еще задолго до их открытия.

Беседы преосвященного Антония, архиепископа Воронежского и Задонского

«Евангелие, — говорил архипастырь, — нужно не для одних монахов; мирские люди находятся в житейском море; кораблец их угрожает частыми треволнениями. Если не будут держаться Слова Божия и полагать его в основание своих мыслей, чувствований и поступков, то погибнут, не доплывут к желаемому отечеству — к небесам».

«Благочестие, — говорил он, — приближает человека к Богу. Подвиги благочестия доставляют такую славу, которая выше земных почестей».

Знаменитость рода не спасает нас, если не будем добродетельны и человеколюбивы. Истинное благородство приобретается исполнением воли Божией.

Преосвященный Антоний некогда говорил о святом Антонии Великом, что этот угодник Божий считал три пути, веду-

щие человеков к Небесному Царствию. Иные люди от юности возлюбили Бога и всем сердцем Ему работают — это первый путь спасения. Другие к тому побуждаются страхом будущих мук и ожиданием неизреченных радостей — это второй путь. А иных по Своему милосердию Господь спасает, посылая им болезни и разные бедствия, которые их исправляют и приводят к добродетели, — это третий путь.

Преосвященный говорил о порочном и добродетельном: «Порочный думает, что никто его не видит, когда он предпринимает или делает зло в уединенном месте. Он ошибается. Бог все видит; Ангел-хранитель есть всегдашний свидетель наших дел. Добрый делает добро не только в присутствии других, но и находясь наедине, ибо он имеет в сердце страх Божий, боится оскорбить преступлением всевидящее око Божие. Горе грешнику! Радость праведной душе!

Некто приходит к преосвященному и объявляет ему о тягостном состоянии души своей, в котором он не имеет покоя от нечистых, лукавых, законопреступных помыслов и впадает иногда даже в отчаяние, так что готов лишить себя жизни. Архипастырь советовал ему худые мысли, в душу приходящие, считать ни за что, не останавливаться на них, но освобождаться от них и заменять их благими размышлениями; тем более стараться не приводить их в действие. Когда приразится уму порочная мысль, тотчас обращаться к молитве, — и тьма в уме исчезнет и воссияет свет. «Читайте, — говорил он, — молитвы: «Царю Небесный», «Святый Боже», «Пресвятая Троица», «Отче наш», «Верую», чаще повторяйте Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». Усердные воссылайте молитвы к Божией Матери и угодникам Божиим — и сойдет вам с небес помощь. Исповедайтесь, откройте духовному отцу вашему совесть вашу, ничего пред ним не скрывая, — и тяжкое бремя отпадет от сердца вашего и водворится в нем спокойствие. Чувствуя за собой грехи, мы должны от них отставать, исправляться; памятовать всегда Слово Божие и ему следовать. Для чего предаваться

печали и отчаянию? Господь благ и милосерд: Он печется о нас. Некоторые желания наши не исполнены? Будем молиться Богу: силен Господь исполнить добрые желания наши выше всякого нашего ожидания. Нас огорчают, нам сделали оскорбление, нанесли обиду? Обидевшего и оскорбившего великодушно простим, все терпеливо перенесем; за зло заплатим добром. Мы лишились весьма важного для нас блага? То совершилось по премудрому Промыслу Божию для нашего же счастья. С благоговением скажем ко Господу, Начальнику и Владыке жизни нашей: да будет воля Твоя! Господь может потерянное благо возвратить или взамен того послать нам подобное благо или еще гораздо высшее. В нуждах и недостатках мы? Помолимся поусерднее Богу, и Он пошлет нам пищу и одежду, и покровителя, и благотворителя. Как бы ни было велико бедствие наше, избави Бог, каким бы ни было образом, сократить жизнь свою: за это назначена вечная мука. Трудно нам здесь терпеть сильную болезнь, уничижения и скорби, каково же будет, когда подвергнем себя огню геенскому? И потому жизнь свою земную — дражайший дар Божий, мы должны беречь. Она нам дана для приобретения блаженной жизни в будущем веке. Путь к тому — Святая наша Православная вера и добрые дела. Болезни, скорби и всякого рода бедствия здесь, на земле, временны — награда за благодушное их перенесение в небесах безконечна. Не злобствуйте и на ближних, какое бы ни сделали они вам зло. Господь и Спаситель наш Иисус Христос повелел прощать брату нашему согрешения, сделанные против нас, велел ближних любить, но воспретил их ненавидеть и мстить им. Дурные помыслы от лукавого. Изгоняйте их размышлениями о благости, премудрости и правосудии Божием, о законе Господнем. Чтобы приобрести часть с избранными Божиими, старайтесь быть благотворительными, милосердными, терпеливыми, кроткими, воздержными, благочестивыми, верующими, добродетельными и святыми. Занимаясь своей должностью, с охотою и прилежанием трудитесь; от трудов честных и похвальных переходите к молитве, а от молитвы опять возвращайтесь к трудам. За все Бога благодарите, а за

то исцеление обрящете душе вашей и — спасетесь. Надобно воздерживаться от гордости, ибо по большей части гордым приходят дерзкие помыслы. «Бывают люди, — продолжает высокопреосвященный, — которые, как младенцы, вовсе не имеют нечистых мыслей. Таков в Киеве был отец Исихий, мой духовный отец, по происхождению принадлежавший к известной фамилии, сын полковника. Он вместе со мной учился в академии, и по любви к наукам был двенадцать лет в богословском классе; потом поступил в монашество, был посвящен в иеромонаха и жил в Выдубицком монастыре. Этот раб Божий, друг истины и добродетели, по своей чудной простоте и чистоте сердечной, не только уклонялся от всякого зла, от слов праздных и душетленных; но даже вовсе не понимал, что такое неприличные помыслы. Ибо душа его горела непрестанно Серафимской любовью к Богу и была проникнута живейшей любовью к ближним. Поучая и ближних любви святой, весьма часто он повторял это Апостольское слово: *Все вам любовью да бывает*».

Говорил преосвященнейший: «Когда тревога, тогда и до Бога. Так люди по большей части в несчастьях прибегают к своему Зиждителю: в счастье мало думают о Виновнике и Подателе всех благ — Боге, мало заботятся о спасении души своей. В счастье же, по словам Иоанна Златоуста, человек должен почитать себя должником Божиим; а в несчастье, когда несчастье переносит без роптания, с благодарением и молитвой, то Бога имеет своим должником».

Преосвященный говорил о наставнике своем преосвященном Иринее, бывшем ректоре Киевской академии, который дозволял ученикам своим приходить к нему и спрашивать его, что они не понимают, открывать ему, как другу, свои мысли, и радовался, когда они к нему приходили. Однажды некто из товарищей сказал: «Жалко, что святой Иоанн Златоуст мало жил на свете: он бы еще много написал». Мудрый Ириней на это ответствовал: «Он все написал, что, по Благодати Божией, нужно было ему написать; обогатил Церковь, и реки

его златых учений в течение веков льются и напаяют умы и сердца верных для творения святой добродетели».

Однажды высокопреосвященный вынес из своего кабинета полученную им из Москвы книгу «Дух святого Иоанна Златоуста». На первом листе прекрасно выгравировано изображение пишущего Златоуста; возле него стоит святой апостол Павел и, склонившись к нему, беседует. Святой Прокл, келейник святого Златоуста, сквозь скважину двери смотрит в комнату, в которой великий святитель пишет ночью беседы свои на послания святого апостола Павла. Архипастырь, поцеловавши лики святых, хвалил искусную гравировку и, между прочим, говорил: «Блаженны те, которые сотворят и научат. Творения святых: Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоуста, Ефрема Сирина, Димитрия Ростовского, Тихона Задонского и других, служат к преосвящению людей и к обращению их на путь истины, а это приносит творцам большую награду от Бога и до скончания века будет причиной светлейшего им венца».

Преосвященный Антоний рассказывал о своем благодетеле митрополите Киевском Серапионе. Когда приезжал в Киев митрополит Платон, то Серапион, хотя сам был митрополитом, но не смел при нем сесть из благоговения. Серапион любил, чтобы младшие воздавали почтение старшим. Прежде был такой святой обычай, что ежели не начнет за столом говорить старший, то младшие хранят молчание. Серапион был муж глубокомысленный; прежде сам обдумает основательно о каком-нибудь деле, а потом спрашивает о том мнения у других. Он восемнадцать лет был Киевским митрополитом и во всю жизнь старался, чтобы человека не оскорбить.

Некогда после обедни сидели у преосвященного родные и еще некоторые госпожи. Архипастырь спросил у одной из них: «Что вы не взяли с собой маленького своего сынка?» — «Ваше высокопреосвященство! он все разговаривает в церкви». Здесь же сидела одна благородная девица, которая, веро-

ятно от болезни своей, тоже часто говорила в церкви. Она отозвалась: «Нельзя же и не говорить». На это владыка сказал: «Говорить в церкви не должно. Всему есть свое время, время говорить, время молчать. В церкви же должно молчать, слушать, что читают, поют, и молиться Богу. И епископ слушает, когда читает чтец, и не должен в то время делать возгласа, но, покоряясь уставу святой Церкви, пребывает в безмолвии. Грешно говорить в храме, ибо разговоры во время Богослужения оскорбляют величие Божие, умаляют честь Божию, унижают любовь Божию. Почему нечестивые и дерзкие, как уничижители Бога великого и страшного, должны опасаться суда Божия».

Преосвященный Антоний рассказывал о Санкт-Петербургском митрополите Михаиле: когда этот знаменитый иерарх был в Киеве, то, между прочим, сказал о важности Четьи-Минеи, то есть Житий святых: тот много драгоценного не читал, что не читал еще Четьи-Минеи. Ибо здесь изящные добродетели являются в светлых образах; здесь блистает в примерах Евангельская истина; здесь примеры, к святой жизни приводящие. Из жизни святых мы яснее постигаем невидимый мир, где сияет Солнце Правды — Христос Бог наш. Что значат сочинения светских мудрецов пред этими творениями святителя Димитрия? Что суетные умствования и баснословные вымыслы пред высокими истинами, наподобие драгоценных камней сияющими в этих святых писаниях? Чтение празднословных сочинений ведет к ошибкам, заблуждениям, к жизни греховной, а чтение житий угодников Божиих все заключает нужное к спасению нашему, к счастью временному и к блаженству вечному. Жизнь святых, продолжал преосвященный, научает нас, каким образом исполнять заповеди Господни. Господь рек в Евангелии: *возми́те иго Мое на себе и научи́теся от Мене́, яко кроток есмь и смирен сердцем* (Мф. 11, 29). Что же значит кротость и смирение и каким образом украситься этими добродетелями? Читайте Четьи-Минеи. Угодники Божии, эти земные Ангелы и небесные человеки, научат вас.

Иногда архипастырь Антоний тому же учил, чему и святитель Димитрий Ростовский, чтобы, слыша бой часового колокола, читать: «Богородице Дево, радуйся», или другие молитвы в честь Божией Матери, чтобы в каждый час воспоминать о чудесах Ее и неизреченных благодеяниях, человеческому роду оказанных через воплощение от Ее пречистой утробы Сына Божия.

Некто из приближенных по случаю наступающего Великого поста спросил преосвященного Антония: «Как, святитель, проводить пост Великий?» На это преосвященный сказал: «Ходите в церковь. Матерь наша Церковь научит нас, как проводить Великий пост. С молитвой соедините воздержание от запрещенных Церковью снедей, с воздержанием милостыню, с милостыней любовь, смирение и прочие святые добродетели. Нужно поговеть, исповедаться, приобщиться Святых Христовых Таин и, так спасительно приготовившись, встретить в небесной, неизглаголанной радости и Светлое Воскресение Христово».

Говорил некогда преосвященный Антоний, что всеблагой Господь награждает верующих Своих, Его любящих и усердно Ему работающих, особенно в великие праздники, на Рождество Христово, в Крещение, на Пасху и другие, посылая им безценные праздничные подарки: иному слезы о грехах, любовь, смирение; иному долготерпение, благость; кому чистую молитву; а иногда посылает и временные вещественные награды.

«Слепота есть не одна телесная, но и душевная. Душевная слепота бывает и при мудрости земной, когда человек не старается узнавать волю Божию или, узнав, действует вопреки оной. Неверие помрачает ум и препятствует видеть истину; злоба затемняет око души, отчего вместо добра желают и делают зло. Слепота душевная есть незнание себя, удаление от себя памятования смерти, суда и геенны. Эту слепоту со-

ставляют все смертные грехи и порочные страсти, которым предается человек и не старается их в себе истребить. А чувствуя на душе своей слепоту греховную, столь пагубную, обратимся в усердных молитвах ко Господу, и подобно слепцам, в Евангелии упоминаемым, вознесем к Нему с умилением глас свой: *Помилуй ны, Иисусе, сыне Давидов!* Или каждый из нас да приносит эту молитву: *Просвети очи мои, Христе Боже, да не когда усну в смерть.* Человеколюбивый Господь, Спаситель наш, Который есть истинный свет, просвещающий всякого человека, грядущего в мир, просветит мысленные очи сердца нашего светом Божественных Своих велений и Своей Благодатью поможет нам неуклонно проходить путем добродетели, необходимой для наследования обетованных благ».

Мы в церкви слышим возглашение служителя алтаря Господня: «Святая Святым!» Эти слова должны нас вразумлять, чтобы не иначе жили, как свято. Ибо святое только святым назначено. По звавшему вы святому, говорит святой апостол Петр, и *са́ми святи во всем житии́ бу́дите. Зане́ пи́сано есть: святи бу́дите, яко Аз*, то есть Господь Бог, *свят есмь* (1 Пет. 1, 15—16).

В один праздник высокопреосвященный Антоний после обедни, которую служил сам, пригласил некоторых сослужащих из почетного духовенства к своему столу. Предмет разговора за обедом сначала был обыкновенный. Потом владыка стал жаловаться, что у него в ухе колет, ухо болит. Некто из духовных сказал, что окно в алтаре было открыто, хотели закрыть, но думали, что его высокопреосвященству угодно окно оставить открытым — потому и не закрыли. На это архипастырь сказал: «А я не заметил открытого окна, да и вам не советую заниматься во время богослужения ничем посторонним. Если бы вы послали закрыть окно, то на вас бы обратили внимание, и на того, кто бы стал закрывать окно. Через то вы у предстоящих отвлекли бы мысль от Бога, да и вам самим после развлечения трудно было бы возгреть в себе дух благоговения и усердной молитвы».

Некоторые боятся в трудной болезни просить совершения над собой спасительного Таинства Елеосвящения. Чтобы уничтожить напрасную боязнь таковых, владыка рассказывал о схимнице, ему знакомой в Киеве, столетней старице блаженной Евфросинии. Часто она находилась в болезненном состоянии, близ смерти, но когда ее исповедают, приобщат Святых Таин Христовых и особоруют святым елеем, то она снова возвращалась к жизни и поправлялась в своем здоровье. «Человек сорок из тех, которые в течение многолетней жизни моей меня соборовали, уже переселились в иной век, а вот я, по милости Божией, еще здесь живу», — говорила о себе Евфросиния.

Преосвященный Антоний, посетивши некогда в Покрово-девичьем женском Воронежском монастыре многолетнюю старицу, болящую монахиню Таисию, сказал ей: «Чаще беседуй с Богом, читай молитвы». На это Таисия отвечала: «Такая слабость бывает, что и молитв читать не могу». Архипастырь сказал: «Читай Иисусову молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Таисия отвечала: «Так иногда бываю слаба, что и этой молитвы прочесть не в силах». Преосвященный подал такой совет: «По крайней мере произноси Сладчайшее имя Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, говори: Иисусе мой! Иисусе мой! — и ты получишь подкрепление душе твоей.

Преосвященный Антоний поучал тайной молитве. Имеешь время, в уединении твоей комнаты усердно молись Богу. Вдруг услыхал, что кто-то к тебе идет; встань, поговори, что нужно, с пришедшим. Потом, проводив его, опять стань на молитву. Если и еще кто придет, то ты, не давая заметить, что занимался молитвой, прими его и удовлетвори его просьбу. А после снова можешь обратиться к беседе с Богом. Таиная молитва возлагается на нас этой заповедью Христовой: Ты же, сказал Господь, *егда́ мо́лишися, вни́ди в клеть твою́, и затвори́в двери твоя, помоли́ся Отцу твоему, иже в та́йне: и Отец твой, ви́дяй в та́йне, воздаст тебе́ я́ве* (Мф. 6, 6).

Одной госпоже говорил преосвященный Антоний: надобно любить Бога, Спасителя нашего Иисуса Христа, к Нему прилепляться, в Нем находить блаженство наше. Все здесь, на земле, изменяется; но в Господе Боге нашем блаженство наше неизменно, вечно.

В день Ангела желали преосвященному многолетия. На это владыка сказал: хорошо и несколько минут прожить свято и богоугодно. В Боге и несколько секунд проведенных дороже, значительнее многих лет в уклонении от воли Божией прошедших. Господи! сподоби от святейших Твоих законов ни на минуту не уклоняться.

Преосвященный за обедом говорил: Господь нас на рамо Свое восприял, да не оставляем Его и не убежим от Него, чтобы скитаться по стремнинам и дебрям — деланием святых Его заповедей постараемся угодить Ему, — и Он нас принесет к Отцу Своему, в вечное Царство Святых Своих.

Легко было, говорил архипастырь, создать человека, но чтобы воссоздать, нужно было Слову воплотиться. Никакой Ангел, ни Архангел не спас человека: но Сам Сын Божий. Господи! как Ты себя истощил ради нас грешных. Научи нас творити волю Твою. Ты Бог наш, наш добрый Пастырь, а мы овцы пажити Твоей. Впадаем в грехи; через то отрекаемся Христа, но должны немедленно и раскаиваться, омывать слезами покаяния согрешения наши, как сделал Петр, отрекшись от Искупителя. Сколь пламенно было обращение святого апостола Петра ко Господу, и Господь любил Петра за его усердие, великую приверженность, за его сильную любовь: если бы и Иуда обратился ко Господу так, как Петр, рассуждает Златоуст, то Господь по человеколюбию Своему простил бы его. Грешница, слезами омывшая ноги Христовы, получила прощение; а Иуда и ученик был, но, сребролюбием омраченный, погубил себя.

Предостерегая от злословия и клеветы, в одно время сказал: сколь мы грешим, что с языком не умеем обращаться.

Дорогие одежды, как вещает Златоуст, бережем, а свою душу без всякого внимания оставляем. Маленькая коробочка пустая, но в нее можно много положить бриллиантов. Так и душа. Обогатим ее Словом Божиим и добродетелью — и она будет блаженна.

Некогда, в начале июня, в прекрасный день, преосвященный архиепископ Антоний в загородном своем Троицком доме стоял на балконе вместе со своим приближенным и, указывая на зелень, цветы и деревья своего сада, так говорил: кто бы мог подумать (если бы прежде не знал), видя зимой обнаженное это место, чтобы оно такой исполнилось красотой. Но вот и пришла весна, а не все деревья облеклись зеленой своей одеждой и цветами. Посмотрите — вот между зеленеющими есть и сухие дерева. Они обнажены и ничем не украшены — так и во Второе славное Пришествие Христово воскреснут мертвые! Восстанут праведные и грешные. Но праведные просветятся как солнце в Царствии Отца Небесного, а грешные явятся во всей безобразной наготе своей. Праведные воскреснут для жизни вечной и блаженной, а грешные пойдут в муку вечную.

Однажды за обедом архипастырь говорил, что все заключают слова Господа нашего Иисуса Христа: *научи́теся от Мене́, яко кроток есмь и смире́н сердцем.*

Некогда преосвященный Антоний говорил за столом: «Как драгоценны ныне читанные зачала того и другого Апостола и оба Евангелия!» Апостолы, тогда читанные в церкви, во время Божественной литургии, были — один зачало 296, а другой зачало 153; Евангелие одно от Матфея зачало 34, другое от Луки зачало 89. Это последнее оканчивается словами Господними: *всяк вознося́йся смири́тся, смиря́яй же себе́ вознесе́тся* (Лк. 18, 14). Думаю, не просто архипастырь сказал о важности читанного Апостола и Евангелия: но во-первых, чтобы в памяти нашей возобновить Божественные истины, к спасению нашему служащие; а во-вторых, желая

нас вразумить, чтобы мы всякий раз по окончании обедни, придя домой, и до обеда, и за обедом помнили читанное во храме слово Божие, его имели в сердце, и сообразно оному препровождали жизнь свою. Если же кто и забыл бы читанные в Церкви Апостол и Евангелие, то, зная, сколько они нужны для душевного спасения, прочитывал бы их дома, если у себя имеет священную книгу Евангелия и Апостольских посланий с означением, в какой день читается в церкви Апостол и какое Евангелие; а если кто у себя не имеет Нового Завета Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, то старался бы приобрести оный для внимательного чтения, изучения и руководства своего к блаженной вечности.

Некогда преосвященный Антоний говорил: смирение — высота. Могу ли я осуждать других, когда сам имею многие недостатки. Я не знаю, что в сердце и в уме ближнего. Нет оконцев, сквозь которые бы я проник моим взором в душу другого. Но я очень знаю себя самого: я грешен. Это я очень хорошо знаю; а в суждении других людей могу ошибаться. *Не судите, да не судимы будете.*

Еще преосвященный говорил: кротким открываются Таины Божии. *На кого воззрю*, сказал Господь наш, *токмо на кроткаго и молчаливаго и трепещущаго словес Моих.* Кто же кроткий? Тот, которого когда укоряют, а он не гневается.

Вот еще беседа архипастыря о смирении и любви: «Смиренный сердцем уподобляется Сыну Божию. Смиренный и клеветы, и злословие, и оплевание, и биение, и всякого рода бедствия благодушно терпит и молится за самых врагов своих. Смиренный думает, что он всех хуже, грешнее.

Всех он любит, всем желает добра. Нося Бога в душе своей, смиренный не носит никаких скорбей. При напастях он радуется; он всегда спокоен; все ему друзья. Еще тут он предвкушает радости жизни небесной. Господь Иисус Христос, Спаситель наш, принял нашу плоть; Создатель наш пришел, чтобы помиловать нас грешных. Он нам прощает долги наши,

наши беззакония, наши оскорбления, которые мы Ему делаем. Как же нам не прощать ближним нашим их против нас несправедливости, их оскорбления? Если Господь нас любит и заповедал нам любовь взаимную: любите, сказал Он, друг друга; то как нам всех не любить? Как не повиноваться такому Благодетелю?»

Однажды, посетивши келью простого монаха, архипастырь сказал ему: довольно монаху в келье иметь образа и книги.

Одному ученому и учащему иеромонаху сказал в назидание: «Любите уединение кельи; занимайтесь неутомимо своим делом и неослабно пребывайте в молитве».

Смотрителю духовного училища, которого надзору вверялись и казенные питомцы, преосвященный Антоний сказал: вы имеете своих детей. Как вы заботитесь о их благосостоянии, так пекитесь о воспитании и счастье детей, вверяемых вам начальством.

Когда пришли к преосвященному Антонию директор гимназии с инспектором и учителями, архипастырь им сказал: «Вы мои помощники, я один ничего сделать не могу. Я подобен человеку, который поставлен на высокой колокольне — приглашаю, зову: но кто меня слышит? Насаждайте в детях страх Божий; научайте их знать Бога, Его любить и усердно Ему молиться; запечатлевайте в сердцах их святую веру, любовь к Православной Церкви нашей и к ее святым уставам, любовь к Царю и Отечеству. Вот христианское богатство наше!»

Преосвященный советовал родителям, чтобы они сыновей и дочерей своих обучали в числе других полезных предметов и славянскому языку, нужному к уразумению Священного Писания, книг церковных, а также и молитвенных. В Воронеже, говорил архипастырь, прежде было обыкновение, что отцы за дочерьми давали в приданое Евангелие и круг Четьих-Миней.

Одну приезжую особу так преосвященный Антоний уте-

шал: скорбь о ближних иногда полезнее для души собственной скорби. Жаль, что редко эта скорбь нас посещает. Нетерпение надобно побеждать упованием: Господь и утешит такую скорбь сердца вашего, а врачевство — молитва и молитва.

Преосвященный Антоний отличался смирением. Всегда видя пред очами своими Бога, как говорит пророк: *предзрех Господа предо мною выну, да не подвижуся*, умалял себя, почитал себя ничтожным. «Много лет я прожил, — говорил он, — а нет добрых дел. Когда я рассматриваю людей, все они хороши, святы: один я грешен, сам себя обвиняю, а всех считаю добрыми. Один я не хорош».

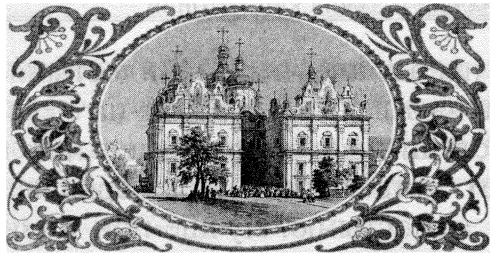
Гордый радуется о похвале, а смиренный о безчестии своем утешается. Когда кто преосвященному объявлял, что такой-то вас злословит, тогда архипастырь говорил: «Он еще не все знает мои слабости и недостатки; я еще хуже, нежели как он о мне думает». А когда приходил к нему тот, кто худо о нем отзывался, преосвященный ему не выговаривал, пред ним не оправдывался, а с отличной любовью и ласковостью его принимал, угощал, благодетельствовал ему, хорошо о таковом отзывался в исполнение глагола Спасителя: *люби́те враги́ ва́шя, добро́ твори́те ненави́дящым вас, благослови́те клену́щыя вы и моли́теся за творя́щих вам оби́ду* (Лк. 6, 27—28).

Преосвященный Антоний, зная, что корыстолюбие есть корень зол, и тени не имел оного. Имущество, которое у него было, не щадя раздавал бедным. Архипастырь этот говорил: «Прежде имение церковное было имение нищих, бедных; теперь имение епископское может быть таковым. Нельзя епископу по своей воле располагать суммами церковными для вспомоществования неимущим. Что же я имею, то собственность есть убогих — а я при их милости содержу себя. Их молитвы сильны: ради их молитв и добродетелей и нас Бог милует, питает и все нам нужное в изобилии посылает».

Еще говорил преосвященный: «Милостыня очищает нас от грехов, созидает нам вечные чертоги на небесах, дарует нам сокровища неистощимые, приближает нас к Богу. Святой Златоуст советует: когда ты идешь в церковь, умой руки. Это значит — подай милостыню. Лучше при жизни подавать милостыню, а по смерти нашей, кто за нас будет подавать?» Так говорил преосвященный, так сам и поступал.

Преосвященный Антоний обращался часто в молитвах своих к Пресвятой Госпоже Владычице нашей Богородице и Приснодеве Марии, к сему словесному Раю; ибо если и в земном раю не было никакой беды, ни болезни, ни печали, ни воздыхания, то если кто начнет притекать к Богородице — мысленному радостотворному Раю, избавится всех бед и зол, и ожидаемый рай наследует сим Раем. Ибо Царица Небесная есть райских дверей отверзение.

Когда одному помещику подарил преосвященный слово Златоуста о страхе Божием и о правильном изображении креста, то этот господин между прочим сказал, что уже теперь выходит из употребления креститься и молиться перед обедом и после обеда. Преосвященный Антоний со скорбью сказал: жалко, что люди сами себя уподобляют скотам несмысленным. Как не молиться Богу? Мы, одаренные разумом, способным постигать благодеяния Божии, должны непременно молиться Богу и в начале стола, и после оного; первой молитвой испрашивать благословения у Бога на принятие пищи; а второй благодарить за насыщение земными благами и просить, чтобы Господь не лишил нас и небесных благ.



ПРЕПОДОБНЫЙ ВОНИФАТИЙ
(1785—1871)

Старец Вонифатий встал на монашеский путь уже в зрелом возрасте в 1849 году. Но уже с юных лет он жил по-монашески: постился, молился, принимал странников и, по его словам, «амбар его со съестными припасами всегда был открыт для бедных».

В 1861 году он был определен строителем скита в хуторе Феофании, при Киево-Златоверхо-Михайловском монастыре, а в 1868 году возведен в сан игумена.

Старец Вонифатий отличался строгостью монашеской жизни, заботливостью о благолепии храмов Божиих, благотворительностью и странноприимством, безропотным перенесение различных скорбей. Его дар прозорливости, разумная опытность снискали ему славу опытного духовника, к которому во множестве стекались паломники за разрешением вопросов о духовной жизни.

Беседы преподобного Вонифатия с монахами и странниками

Вопрос странника. Что потребно, чтобы Господь услышал мою молитву?

Ответ старца Вонифатия. Кто хочет, чтобы Господь услышал его молитву, тот, когда станет пред Ним и простреть к Нему руки свои прежде всего, прежде даже молитвы о души своей, должен от всего сердца молиться о врагах своих. За это доброе дело Господь услышит его, если предмет молитвы угоден Ему.

Вопрос послушника. Что наипаче нужно помнить желающему работать Господеви?

Ответ старца Вонифатия. Верно слово: если ты со Хрис-

том умрешь для греха, то и оживешь с Ним, если переносим скорби, живя по учению Иисуса Христа, то с Ним и царствовать будем. Но если отвергнемся умереть для греха и жить по учению Христову, то и Христос отвергается нас. *Помни же* это верное слово, говорит апостол Павел (см.: 2 Тим. 2, 11—14).

Вопрос странника. Как могу я узнать свою греховность?

Ответ старца Вонифатия. Для этого добрые наставники обыкновенно советуют обращаться с молитвой к Святому Духу о просвещении. Это очень хорошо и необходимо. Свет Всесвятого Духа, по нашей молитве, конечно, может показать и действительно показывает нам все, даже малейшие неисправности нашего сердца. Но одной только молитвой не должно довольствоваться; нам надо стараться и самим увидеть, что показывает Дух Святый. Дневной Божий свет ясно показывает все, что находится в нашем доме; но чтобы нам увидеть, что в нем есть, надо открыть глаза и самим внимательно осмотреть, что в нем находится. Иначе, как бы ясно ни показывал дневной Божий свет находящееся в нашем доме, мы не будем знать, что в нем, ежели не осмотрим его.

Вопрос посетителя. Каким образом поступать, когда, бывая в кругу людей, не могу воздержаться от слов, а когда говорю, то хотя не намеренно, но кого-либо обижаю своими словами?

Ответ старца Вонифатия. Кто не искусен в обуздании своего языка, тому более всего должно помнить произносимый Святой Церковью к Богу псаломский глас сей: *Положи́, Господи, хране́ние усто́м моим, и дверь огражде́ния о устнах моих* (Пс. 140, 3), зная несомненно, что *не удержи́мо зло* язык, *испо́лнь я́да смертоно́сна... Аще кто в сло́ве не согреша́ет, сей соверше́н муж, си́лен обузда́ти и все те́ло* (Иак. 3, 8. 2).

Вопрос послушника. Как мне приобрести верное познание себя или своей греховности?

Ответ старца Вонифатия. Для этого есть зеркало, в котором всякий, кто только хочет, очень удобно и ясно может увидеть всю свою греховность. Но это чистое и совершенно ясно показывающее всю нашу внутренность зеркало наш век почти совершенно вывел из употребления и довольствуется зеркалом, которое показывает нам только нашу наружность.

Чистое зеркало, о котором говорю, — есть закон Божий, выраженный в десяти заповедях Божиих; кто безпрестанно смотрится в это зеркало, тот совершенно верно может усмотреть всю свою греховность.

Вопрос странника. Должен ли я всем обидящим меня прощать или нет?

Ответ старца Вонифатия. Обратим внимание на слово Божие. Слово Божие показывает нам, что кто не прощает обидящего, тот не должен называться христианином, потому что христианство весьма требует прощения обид. Вот что говорит нам Спаситель: *Слы́шасте, яко рече́но есть: возлю́биши и́скренняго твоего и возненави́диши врага твоего. Аз же глаголю вам: люби́те враги́ вашя, благословите кляну́щыя вы, добро́ твори́те ненави́дящым вас и моли́теся за творя́щих вам напа́сть и изгоня́щыя вы* (Мф. 5, 43—44). *Аще лю́бите лю́бящыя вы, ка́я вам благода́ть есть?* (Лк. 6, 32). *Не себе́ отмща́юще, возлю́бленнии, но дади́те место гневу. Пи́сано бо есть: Мне отмще́ние, Аз воздам, глаголет Господь* (Рим. 12, 19).

Вопрос посетителя. Как поступать, когда я соблазняюсь, видя, что другие вольно выражают свои мысли, или оскорбляюсь, когда не вижу у иных кротости в обращении с другими?

Ответ старца Вонифатия. Уверь себя, что это тебе кажется от невнимательности и нерассуждения твоего. Не должно никого осуждать, ибо ты не знаешь, с какой целью они это делают, равно и с какой целью и я с кем-нибудь так, а не иначе поступаю. Старайся более внимать себе, а не разбирать дела, обращение и поступки других. Ты христианин, а потому не имеешь права судить — где, когда, как и с кем поступают.

Вопрос странника. Чувственная страсть ратует сильнее других на душу мою, какое бы найти удобнейшее средство к погашению ее?

Ответ старца Вонифатия. Первое и обыкновенное средство к отсечению плотской страсти состоит в удалении от предметов, разжигающих душу, равно как и строгое воздержание. Трудно уцеломудриться среди соблазнов мира. Так же памятование о своей тленности и скором приближении часа

смертного к погашению ее очень полезно. Как жалко видеть людей, прежде обладаемых ею, поверженными в неудобоисцельные болезни, или лишившимися ума, или изнуренными ревностью, пронзенными вероломством и изменой и мучившимися прежде смерти в адском огне отчаяния.

Вопрос послушника. Что мне делать, чтобы Господь услышал молитву мою?

Ответ старца Вонифатия. Если желаешь приносить Богу молитву, то испытай прежде ум свой и устрой так, чтобы, когда будем говорить: умилосердись надо мной, и ты был бы милосердым к умоляющим тебя; когда будешь говорить: не помяни моих согрешений, и ты не поминал бы согрешений ближнего своего; когда будешь говорить: не помяни моих грехопадений вольных и невольных, и ты не памятовал бы обид, которыми был огорчен. Если этого не сделаешь, то всуе будешь молиться. И Бог не услышит тебя, как свидетельствует Священное Писание. Так, в Евангелии Господь заповедует молиться таким образом: *и оста́ви нам до́лги наша, яко и мы оставля́ем должнико́м на́шым. Аще бо отпуща́ете челове́ком согреше́ния их, отпустит и вам Отец ваш Небесный* (Мф. 6, 12. 14). И в Евангелии Луки говорит: *отпуща́йте, и отпу́стят вам* (Лк. 6, 37). И в другом месте научает учеников молиться так: *и оста́ви нам грехи́ на́ша, ибо* и мы *оставля́ем всякому должнику́ на́шему* (Лк. 11, 4).

Вопрос странника. Я недовольно понимаю силу покаяния и желал бы выслушать твое, отче, наставление.

Ответ старца Вонифатия. Покаяние есть врачевство, грех потребляющее, оно есть дар небесный и сила чудесная, которая, по милости Божией, силу возмездия за преступление закона превозмогает. Вот почему оно не отвергает блудника, не отгоняет прелюбодея, отвергается пьяницы, не гнушается идолослужителя, не презирает укорителя, ни хульника, ни гордого, но всех переменяет: ибо покаяние есть горнило, всецело очищающее грех. Настоящая жизнь наша есть время покаяния. Великая опасность предстоит нам, обремененным грехами, если покаянием не предотвратим вечного наказания, не *предвари́м лице́ Его во испове́дании* (Пс. 94, 2) и не угасим

пожар греховный слезами раскаяния и умиления. Велик огнь греха, но угашается слезами.

Вопрос посетителя. Что должно заставлять христианина исполнять обязанности своего гражданского звания?

Ответ старца Вонифатия. В благоустроенном обществе различные звания и сословия существуют для того, чтобы члены общества *носили тяготы других,* то есть помогали друг другу в достижении благоденствия внешнего и внутреннего, чтобы высшие заботились о мире и безопасности низших, а те в свою очередь служили высшим по мере сил своих, по роду своих занятий. Поэтому, очевидно, не самолюбие, не своекорыстие должны руководить христианином в исполнении гражданских обязанностей, но желание блага ближнему, искренняя любовь к нему. Святой апостол Павел, научая христиан повиноваться гражданским властям и законам (см.: Рим. 13, 1—18) и сообразно со степенью и значением начальств гражданского общества воздавать каждому из них должное, говорит: *ему́же (убо) урок, урок: (а) емуже дань, дань: (а) емуже страх, страх: (и) емуже честь, честь:* все эти и подобные им обязанности гражданские соединяет в одну великую обязанность христианина: *Ни еди́ному же до́лжни быва́йте, то́чию еже люби́ти друг друга: любяй бо друга закон исполни.*

Вопрос посетителя. Как поступать должно при виде соблазнов?

Ответ старца Вонифатия. Если ты видишь соблазны вокруг себя, обращайся от них к святилищу твоего духа, и они легко останутся вне тебя. Гнетут ли сердце твое обиды, обращайся к живущему в тебе духу благодати, и они составят евангельское блаженство. Затрудняют ли путь твоей жизни мрачные обстоятельства, держись помазания *еже имаши от свята́го, и оно научит тебя всему* (см.: 1 Ин. 2, 20. 27). Изнемогают ли в чем твои силы, ты и прежде не должен был надеяться на них, а теперь опытом убеждаешься прибегнуть к силе Божией, которая любит совершаться в наших немощах.

Вопрос послушника. Часто слышу от тебя, отче: терпи с благим упованием, — доколе же буду терпеть?

Ответ старца Вонифатия. Область терпения широка и протягается в долготу всей жизни человека, равно как объемлет собой и все судьбы человечества в мире этом. С терпением человек приобретает и сохраняет все блага, успевает в предприятиях, достигает исполнения желаний, безвредно выдерживает приражения зол; вышел из терпения, он тотчас в опасности утратить благо и пострадать от зла или, что более бедственно, сделать зло. Без терпения нет подвига, а без подвига нет добродетели или дарования духовного, ни спасения. Ибо *Царствие Небесное ну́дится* (Мф. 11, 12).

Вопрос посетителя. Что потребно, чтобы всегда быть спокойным и ничего не бояться?

Ответ старца Вонифатия. Чтобы иметь всегда покой, не должно полагаться на свои силы, а постоянно поучаться в Божественном слове: оно нам опора, крепость и спокойное пристанище. Есть в Священном Писании обетование Господнее, которое для нас стена и ограда. Господь нам сказал: *Аз с ва́ми во вся дни до скончáния ве́ка* (Мф. 28, 20).

Вопрос странника. Возможно ли не употребляющему вина быть пьяну, а пьющему вино иметь трезвость?

Ответ старца Вонифатия. Возможно: ибо в Писании упоминается *упи́выйся не вино́м* (Ис. 51, 21). Без вина упивается тот, кто не оставляет обуморение и не удерживает буйства страстей благочестивым рассуждением. Можно и употребляющему вино быть трезвым душой и бодрым во всех душеспасительных делах, ибо если бы было невозможно, святой апостол Павел не дал бы святому ученику своему Тимофею такого совета: *ма́ло вина́ прие́мли, стома́ха ра́ди твоего и ча́стых твои́х неду́гов* (1 Тим. 5, 23). Ибо пьянство не что иное есть, как исступление естественного ума, превращение сердца, оскудение смысла, лишение разума: все это не от одного винного пьянства происходит, но и от пьянства ярости и от непорядочного похотения.

Вопрос послушника. Как возлюбить Господа Иисуса Христа?

Ответ старца Вонифатия. Всего более укрепляет и усиливает любовь нашу ко Христу сердечное размышление о страданиях Христовых. Для этого хорошо всякий день поутру

выбирать какое-либо одно из страданий Христовых, обстоятельно размышлять о нем и чаще вспоминать о нем в продолжение дня. От этого всегда получим дар терпения, кротости, ежедневного произвольного умерщвления и благодарной, совершенно преданной любви ко Христу. «Как ты проводишь время? — спросили пришельцы одного почти не умевшего читать пустынника. Пустынник сказал: «Спаситель наш даровал меня зрением, и я все смотрю». — «На что?» — «На страсти Христовы. Они всегда у меня пред глазами. В них я нахожу все, что мне нужно, и никто так не прилеплял меня любовью ко Господу Иисусу Христу, как дарованное Им мне зрение». Все мы без исключения можем подражать этому пустыннику.

Вопрос посетителя. Чем предостерегать душу свою от пристрастия к тленным вещам?

Ответ старца Вонифатия. Благоговейным и благодарственным размышлением о благодати и величии души. Представь себе, как на картине обширно пространство земли, и рассмотри безпристрастно вещества, наполняющие ее: сколь они ничтожны покажутся тебе в сравнении с достоинством души человеческой, возведенной Божиим человеколюбием, священнотайне до степени совершенства равноангельского. Из этого увидишь, что всякая вещь до крайности малоценна пред высоким благородством души христианской. *Какая польза человеку,* говорит Господь нам, *аще мир весь приобря́щет, ду́шу же свою́ отщети́т* (Мф. 16, 26). Если же это так, то, подумай, — несравненно худшее недостойно быть любимо пред драгоценнейшим и без сравнения лучшим, то есть тленное вещество пред нетленной и безсмертной душой. Поэтому правильная любовь к своей душе требует ревновать о дарованиях благих духовных, для спасения нашего полезных, а не увлекаться пристрастием к тленным вещам, не могущим насытить безсмертную душу.

Вопрос посетителя. Почему время земной нашей жизни весьма важно?

Ответ старца Вонифатия. Время земной нашей жизни весьма важно, во-первых, потому, что оно коротко и неиз-

вестно когда кончится; время земной нашей жизни весьма важно, во-вторых, потому, что оно невозвратно; время земной нашей жизни весьма важно, в-третьих, потому, что оно назначено для исполнения многих, весьма важных дел; время земной нашей жизни весьма важно, далее, потому, что оно находится в связи с нашей вечной жизнью; наконец, время земной нашей жизни для нас крайне важно потому, что только в настоящей жизни дается нам Благодать Божия, а поэтому только в настоящей жизни мы можем делаться способными получить вечное спасение, постоянно пользуясь Божией Благодатью к нашему спасению. *Лежи́т челове́ком еди́ною умре́ти, потом же суд* (Евр. 9, 27).

Вопрос монаха. Каким образом избавиться от развлечения мысли во время молитвы?

Ответ старца Вонифатия. Молясь устами, молись и умом, то есть устремляй ум в силу слов молитвы. Если по немощи или прилогу вражью увлечешься среди молитвы размышлением о каком-либо предмете, то, ощутив свою неусмотрительность в том, вздохни с сокрушением ко Господу и с жаром углуби свое внимание в молитву; всегда поступай так, и ощутишь пользу. Постоянство ума и бодрственность привлекают в душу особенные дары Благодати.

Вопрос странника. Как избавиться мне от застарелых греховных привычек?

Ответ старца Вонифатия. Как змие не можно совлечь с себя старой своей кожи, если она не проползет сквозь тесную скважину или ущелью, так и мы застарелых своих во грехах привычек и греховной одежды ветхого человека совлечь с себя не можем, если не будем ходить по тесному пути воздержания и самоотвержения.

Вопрос монаха. Кроме слепоты телесной, есть ли еще и другая слепота?

Ответ старца Вонифатия. Есть! Это слепота душевная. Слепец по телу сознает свое несчастье посредством ума; но кто убедит душу в ее слепоте духовной? Слепец по телу не любит своего состояния, но духовно слепотствующий обыкновенно любит тьму свою. Слепец по телу любит и стремится

к чувственному свету; но для слепотствующего духом нестерпим свет духовный. Никогда слепые не позволяют себе состязаться о том с видящими, чего не могут ощущать зрением; не таковы духовно слепотствующие: они твердо уверены в том, что видят ясно и чисто, даже называют слепцами тех, которые не умствуют и не поступают подобно им. Слепец никогда не берется быть руководителем другого по пути, неизвестному для него; но не так поступают слепотствующие духом: они наипаче и предлагают себя в вожди для других, от чего и вводят их в заблуждения. Кто сознает свою слепоту духовную, тот перестанет уповать на себя и правду свою и, подобно пророку Давиду, вопиет: Господи! *Откры́й очи мои, и уразуме́ю чудеса́ от зако́на Твоего́* (Пс. 118, 18).

Вопрос странника. Как должен я творить милостыню?

Ответ старца Вонифатия. Твори милостыню так, чтобы и шуйца твоя не знала, что творит десная твоя.

Вопрос странника. Что такое есть свобода христианская?

Ответ старца Вонифатия. Это есть даруемая нам Благодатью Господа Иисуса Христа нравственная сила противиться греху и побеждать зло, и вместе творить дела благая, или служить правде Божией, как говорит апостол: *Свобо́ждшеся от греха́, пораб о́тистеся правде* (Рим. 6, 18).

Совершенство христианской свободы восходит постепенно чрез подвиги духовного делания и самоотвержения, чрез усиленную борьбу духа с плотью, так что постепенно возрастает перевес первого над последней, пока наконец истребится в нас совершенно семя, или начало греховное, и воцарится в нас правда Божия о Христе Иисусе, Господе нашем.

Вопрос послушника. Конечно, я грешнее всех, что скорби ежедневно меня посещают?

Ответ старца Вонифатия. Скорби, подобно водам Мерры, неизбежно встречаются на пути нашем к Небесному Отечеству; ибо венец получается не иначе, как по неуклонном несении креста. Когда глава наша увенчана тернием, прилично ли ногам ходить по путям, усыпанным розами? Скорби и болезни суть святые врачевства; мы можем услаждать их верой и сердечной молитвой, но мы сами по большей части делаем

их горькими, прилагая в чашу испытания примесь нашего нетерпения и маловерия. А при том скорби всегда полезны. Они в деснице Господа суть средства для уврачевания наших духовных недугов, для смирения гордости, укрощения страстей. Они смягчают жестокое сердце наше, заставляют прибегать с молитвой к Богу, делают нас нищими духом и ничтожными в собственных глазах.

Вопрос странника. Что такое *антидор* и когда его нужно употреблять?

Ответ старца Вонифатия. Антидор значит: *вместо даров.* Святая Церковь заповедует употреблять антидор прежде вкушения пищи и с благоговением, потому что он хлеб святый, хлеб с жертвенника Божия, часть от приношений к алтарю Христову, на котором получает небесное освящение.

Вопрос послушника. Есть ли врачевство от грехов?

Ответ старца Вонифатия. На этот вопрос представляю тебе ответ врача одной скитской врачебницы, слушай!

Некоторый человек, проходя через скит, вошел в находящуюся при этом ските врачебницу. Увидев многих больных, лежащих в ней, он приступил к врачу и спросил: «Есть ли растения, исцеляющие от грехов?» «Есть, — отвечал врач, — и я тебе укажу их. Возьми корень послушания, ветвь терпения, цвет чистоты и плод добрых дел, сотри все это в сосуде смирения, просей сквозь сито здравомыслия, всыпь в коноб упования, полей воздыханиями и прибавь несколько слезной воды; потом разведи огонь божественной любви, покрой коноб милостынею и обложи его дровами трудолюбия. Когда приготовленный состав совершенно разварится, тогда простуди его братолюбием и приемли лжицею покаяния. По принятии этого врачевства, с чистою верою, при пособии воздержания и поста, ты излечишься от всякой греховной болезни и будешь здоров как телом, так и душой» (Христ. чтен. XV год. С. 188).

Вопрос посетителя. Можно ли найти истинное и полное утешение в дружестве?

Ответ старца Вонифатия. Утешение есть дар небес, и от небес только, из дальних стран Горнего Отечества нашего

можно получить оное. А потому не друг наш утешает нас, но Бог посылает нам друга или в утешение, когда мы в огорчении, или на вспоможение, когда находимся в нужде, или для уврачевания, когда мы больны, или для советов, когда в недоумении, а не знаем, на что решиться.

Вопрос посетителя. Как я должен употреблять имущество, чтобы употребление оного было христианское?

Ответ старца Вонифатия. Истинное употребление богатства бывает тогда, когда оно направлено к истинному нашему благу и к приобретению богатства милости Божией.

Вопрос странника. Чем согревается охладевшая душа?

Ответ старца Вонифатия. Словом Божиим, молитвой, смирением, покаянным и благодарным в отношении к Богу чувствованием сердца во всех изменениях не только внешнего состояния, но и внутреннего.

Вопрос странника. Как избавиться от необыкновенно сильных ощущений сладострастия не только в присутствии женских лиц, но и при случайном воображении о них?

Ответ старца Вонифатия. При виде жен должен хранить ум и чувства от всякого размышления и движения нескромных, особенно не должно говорить без осмотрительности и скорее удаляться от их собрания. Если же блазнит тебя воображение, воспламененной демонской лестью, то нужно удерживать порывы мыслей и с благоговением ограждать себя крестным знамением. Для предохранения себя от плотских и мысленных сладострастных волнений полезна благоразумная во всем умеренность; но первее и более всего должно умолять Господа Всемогущего о защите от нападений на нас лютейшей этой страсти, ибо человек сам собой никогда ее не искоренит. Но при нашем произволении и молитве, Бог премилосердный угашает порывы этого пламени тихим наитием своей благодати.

Вопрос послушника. Ужасным образом побеждает меня леность, как избавиться от нее?

Ответ старца Вонифатия. Если ты нерешительно будешь сражаться с леностью, то никогда не победишь оной; а коль скоро восстанешь против нее с твердым намерением, хотя и

не без внутренней болезни, то с Божией помощью можешь одержать над ней победу. Отражать врага есть знак верного и доброго воина; но обращать хребет свойственно одному ленивому и недостойному оруженосцу. Человек до гроба должен наблюдать за собой относительно этого порока, чтобы не услышать в последний день ужасного определения Сердцеведца. В Писании сказано: *что верному до смерти даст Господь венец живота* (см.: Апок. 2, 10). Значит, дается венец только тому, кто выходит на борьбу с твердым намерением вести брань до последнего издыхания, не оставляет оружия, даже в минуту самых ужасных опасностей, и не предает сердца своего врагу. Таковой, хотя и бывает иногда повержен, не оставляет своего священного рвения и никогда не теряет надежды, а потому успевает или не успевает, за одно свое намерение и непреклонность венчается как добрый воин, стремившийся к небесной почести.

Вопрос послушника. Кто должен более бояться Страшного суда?

Ответ старца Вонифатия. Суда Страшного должны бояться более те, которые не испытывают здесь наказания за свои грехи. Эта ненаказанность и долготерпение Божие в будущем суде увеличат их наказание.

Вопрос послушника. Должен ли я прощать обиду, нанесенную мне братом словом или делом?

Ответ старца Вонифатия. Должен прощать. Послушай, что говорит об этом Священное Писание: *Блюди́те, да никто́же зла за зло кому воздаст: но всегда́ до́брое гони́те* (1 Сол. 5, 15); *Аще друг друга угрыза́ете и снеда́ете, блюди́теся, да не друг от друга истребле́ни бу́дете* (Гал. 5, 15); *Оста́ви оби́ду и́скреннему твоему́, и тогда помо́льшутися, гресі́ твои разреша́тся* (Сир. 28, 2).

Итак, прощай грехи брату твоему, чтобы и тебе получить от Господа прощение грехов твоих.

Вопрос послушника. Если обидевшему меня имею случай отомстить, должен ли я это делать?

Ответ старца Вонифатия. Когда враг впадет в твои руки, то почитай это время временем не наказания его, а спасения.

Мы тогда должны преимущественно щадить врагов, когда они подчиняются нам. Оскорбил ли кто тебя, ты не воздавай оскорблением, чтобы не уподобиться оскорбившему, ибо зло врачуется не злом, а добром (Златоуст).

Вопрос монаха. В чем состоит пост и воздержание?

Ответ старца Вонифатия. По мнению святых отцов, пост и воздержание состоит в умеренности, и что все вообще домогающиеся совершенной добродетели должны принимать пищу, дозволенную для поддержания тела, воздерживаться от похоти. И слабый телом может сравняться в добродетели с здоровыми и крепкими, если будет истреблять похоти, которых не требует немощь плоти, ибо и апостол говорит: *Плоти угодия не творите в похоти плоти,* то есть он не запрещает пещись о плоти, но только говорит, чтобы это не делалось в похоти, тем самым уничтожает страстное попечение о теле, а не то, которое необходимо для поддержания жизни, и уничтожает потому, чтобы мы, потворствуя плоти, не стали, ко вреду себе, исполнять похотей; между тем пещись о теле нужно потому, чтобы, испортив его небрежением, не потерять возможности исполнять духовные и необходимые обязанности наши» (Сл. Кас. Римлянина о посте).

Вопрос послушника. Полезен ли пост телесный без душевного поста?

Ответ старца Вонифатия. Известно, что телесно воздерживаемся для того, чтобы посредством поста стяжать чистоту сердечную. Но телесное воздержание бывает тщетно, когда мы не можем постигнуть того конца, для которого предпринимаем труды воздержания; ибо когда мы, постясь телесно, будем жить по внушению страстей, то осквернim самую лучшую часть самих себя, потому что осквернim то место, где должен обитать Дух Святый, которому жилищем, как известно, служит не тленная плоть, а чистая душа.

Итак, смиряя постом внешнего человека, по слову апостола, будем очищать и внутреннего человека, чтобы соделать способным к принятию Христа, который, по словам апостола, *верою вселяется в сердца наши* (Сл. Кас. Римлянина о посте).

Вопрос монаха. Какая страсть самая опасная?

Ответ старца Вонифатия. Из всех страстей самая опасная для истины и добродетели — зависть. *За́вистию диа́волею сме́рть вни́де в мир* (Прем. 2, 24); завистью же и грех плодится в земной юдоли. Этот один порок порождает многие другие, и особенно опасен потому, что обладаемые им скрывают его даже от самих себя. Этот непримиримый враг добродетели и заслуг раздражается всем тем, что возбуждает в людях удивление и не прощает никому и ничему, кроме порока и незнатности. Надобно сделаться недостойным всеобщего воззрения, чтобы привлечь к себе его взоры и пощаду. Нет зла, к которому бы не сродна была зависть, как скоро возобладает душой, то ее из сосуда, устроенного в честь, делает сосуд безславия и великой мерзости.

Вопрос странника. Будущая наша жизнь будет ли лучше настоящей?

Ответ старца Вонифатия. Будущая наша жизнь будет несравненно превосходнее настоящей.

Сила, поддерживающая жизнь души, будет там не совокупность чего-либо твердого и жидкого, но видение Божественной природы, общение с истинным и Святым Духом. Там нет ни горестей сиротства, ни несчастий вдовства, там нет разнообразных болезней, которые терзают наше тело. Там не завидуют счастливым, не презирают несчастных. Там, в оном народе душ, царствует совершенная справедливость прав и законов, с высочайшей мирной свободой, ибо там каждый имеет то, что, еще быв здесь, приготовил себе по собственному произволу и выбору. Если кто по неблагоразумию приготовил себе худшее вместо лучшего — смерть не виновата, ибо всякий имеет здесь власть избирать то, что ему хочется (Св. Григория Нисского сл. о жизни будущ.).

Вопрос странника. Какой верный путь ко спасению?

Ответ старца Вонифатия. В каком бы кто состоянии ни жил, всякий по вере в Христа Спасителя, при помощи Его Божественной Благости, будет идти ближайшим путем спасения, если будет следовать примеру святых отцов; и если он до конца пребудет в истинной вере, любви и уповании на Бога,

то придет наконец туда, где все лики святых отцов, и будет участвовать с ними вечно в радостях небесных.

Вопрос послушника. Когда мой ум насильно влекут за собой помыслы сладострастные, как избавиться от нападения их?

Ответ старца Вонифатия. Если по демонскому насилию поползновенный твой ум обуяли сладострастные помыслы, то сойди мыслью твоей в преисподняя и при свете Божественного Писания, равно и некоторых тайнозрителей, посмотри там на мучения плоти угодников. Ужели ты пожелаешь за временную греха сладость ужаснейшей вечной муки? Помни непрестанно час смертный и страшное безобразие разрушающейся тогда нашей телесной красоты. Смиренно проси Бога помощника да отразить ражженные эти стрелы врага, неукротимо бунтующего против законов ума нашего.

Вопрос странника. Чем можно помогать усопшим?

Ответ старца Вонифатия. Усердная молитва к милосердному Спасителю о упокоении и помиловании душ почивших братий наших спасительнее всего для них. Чем пламеннее молитва, чем большее число усердно молящихся за умерших; тем обильнее на них изливается Благодать Божия, тем более им отрады, утешения и блаженства. Поэтому-то благочестивые христиане подкрепляют свои молитвы богоугодными милостынями бедных братий, получающих ради Господа Иисуса Христа и для умилостивления за отшедшие души.

Но еще спасительнее молитва всей Церкви и принесение за почивших безкровной жертвы, которой открыт источник спасения для всего мира. Не помилует ли Господь бедную душу ради безконечных заслуг Единородного Сына Божия ради всесильного ходатайства Господа Иисуса, умершего и воскресшего для воскресения и вечного блаженства всех чад Адамовых.

Вопрос странника. Бывает такое время в моей жизни, что я бываю недоволен своей участью, не богохульство ли это?

Ответ старца Вонифатия. Верим ли, что над всеми нами бдит премудрый и преблагой Промысл Божий, а не слепой произвол и случай? Тебе, христианину, должно быть известно, что и волос с головы нашей не падает на землю без воли

Отца нашего Небесного. Премудрость Творца видит все пути к нашему предназначению, Благость Его избирает лучшие из них и ведет нас по ним. Все пути Божии ведут к добрым и спасительным целям, и судьбы наши составляют предмет высочайшего смотрения Божия.

Итак, что значит роптать на судьбу свою? Значит роптать на самого Бога, и это не постыднейшее ли богохульство! Довольствуйся лучше всем, что пришлось и приходится на твою долю. Иначе ты будешь метать к небу каменье, которое будет падать на твою же голову.

Вопрос того же странника. От чего же рождается во мне недовольство своего судьбой?

Ответ старца Вонифатия. Недовольство это рождается: 1) от неумеренных ожиданий; 2) от неблагоразумного сравнения своей участи с участью других; 3) от незнания, где искать себе довольства.

Чего не вымышляют и не предпринимают люди для своего счастья? Все стихии мира в безпрестанной суете от них; а счастье не является им, — или всегда только в области их мечтаний. Какая причина этому? То что его не там ищут, где должно, ищут весьма далеко.

Вечное слово истины тако поведало нам: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21); *ищите прежде Царствия Божия и правды Его, и сия вся приложатся вам.*

Вопрос посетителя. Когда никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное или предавшееся безчувствию, что должно делать, чтобы умягчить его?

Ответ старца Вонифатия. Должно принудить себя к молитве, к излиянию души пред Богом. Когда несколько умягчится душа, тогда должно изыскивать причину такой холодности. Если возникло нечувствие духовное от неудовлетворения какой-либо страсти, то презри движение страсти и удали от себя предмет, ее раздражающий; и когда это горестное ожесточение водворилось от непроницаемых причин, то более проси Всемогущего Господа, да отразит своей Благодатью все страстные прилоги и теплотой ее да согреет охладевшее сердце твое.

Вопрос странника. Слышал я, что говорят: лицо и сан царя христианского на земле есть живой образ и подобие Христа-царя, живущего на небеси; правда ли это?

Ответ старца Вонифатия. Правда. Послушай, что об этом говорит святой Димитрий Ростовский. Он говорит так: «Лицо и сан царя христианского на земле есть живой образ и подобие Христа Царя, живущего на небеси. Ибо как человек душой своей есть образ Божий и подобие, так помазанник Божий саном своим царским есть образ и подобие Христа Господня: Христос Господь на небеси в церкви торжествующей есть первенствуяй: Господин на земле Благодатью и милостью Христа Небесного в церкви воюющей есть первенствуяй. Той горé соплетет венцы, этой долу умножает подвиги, венцов достойные. Той победивших венчает, этой к победе добрых воинов устрояет. Той готовит вечные воздаяния, сей отважных героев поощряет к храброму борению, да не вотще текут, ни туне вечная воздаяния приимут. Той положил душу Свою за Церковь Свою, *юже стяжа честною своей кровию:* не щадит и этой души своей за его Христову церковь, за целость отечества христианского полагает душу свою, неся свое здоровье, ставя свои перси против неприятелей, подымая все военные в полках труды. О таковом царе сынове Сиона мысленного христианского как не имут радоватися? Кто убо узрев Христа Господа своего на небеси суща не возрадуется — разве не истинный раб? Кто узрев и Христа Господня на земли не исполнится радости, разве (кроме) не истинный слуга его?» (Из речи Димитрия Ростовского императору Петру I).

Вопрос посетителя. Что такое самолюбие, как оно возникает в человеке и чем истребляется?

Ответ старца Вонифатия. Самолюбие усиливается в нас от недостатка самопознания, оно есть излишнее к самому себе уважение и возрастает в душе при невнимании нашем к себе и при внимании к льстивым похвалам от людей. Корень его есть прирожденная нашей природе гордость. Уничтожается самолюбие памятованием о смерти, внимательным исследованием своих поступков, а паче представлением Страшного суда Божия.

Вопрос посетителя. Откуда наша нетвердость в добре?

Ответ старца Вонифатия. Многие из нас и не начинали *как должно добродетельной жизни.*

Правда, святая истина в проповедях или тихом размышлении часто затрагивала наше сердце, но после проповеди, после размышления, мы снова возвращались на прежнюю, широкую стезю; впечатление добра терялось, и зло снова принимало свой скипетр. Часто посещала нас святая решимость, истинно исповедовали грехи свои пред Богом и Его священником — служителем; но тотчас после покаяния делались снова прежними грешниками. Ревность еще не овладела нами всецело, мы хотим и не хотим! Видя смерть друга и провожая другого до могилы, мы говорили себе: «Теперь уже пора бросить эти греховные привычки, которые мы доселе любили вполне». Но вскоре после смерти друга, вскоре после погребения его, предавались снова прежним грехам, потому что не хотим и хотим.

Итак, вот причина нашей нетвердости в добре.

Вопрос странника. Всю жизнь во грехах провел я, и если покаюсь, буду ли спасен?

Ответ старца Вонифатия. Конечно, будешь, только веруй в крестные заслуги Сына Божия и надейся на Его человеколюбие. Каков бы ни был грех наш, он есть грех человеческий, а неизреченное милосердие Божие всегда сильно преодолеет злобу нашу, в какой бы степени она по нашей немощи ни развилась. *Идéже умнóжися грех*, говорит святой апостол, *преизбы́точествова благодать* (Рим. 5, 20). *Пребу́дем ли во гресé, да благодать преумнóжится?* О, да не будет сего! (Рим. 6, 1).

Вопрос странника. Сколько нужно употребить времени для принесения истинного покаяния?

Ответ старца Вонифатия. Бог не требует долгого времени к покаянию. Грешник как только в истинном сокрушении объявил грех свой, так и оправдался, как только истинно покаялся, так и помилован стал. Не время удовлетворяет Божией правде, но усердие кающегося уничтожает грех; ибо возможно и долгое время провождающему покаянную жизнь не получить спасения и в коротком времени искренно покаявшемуся освободиться от греха.

Вопрос странника. Для чего Бог долготерпит нашим грехам?

Ответ старца Вонифатия. Бог долго терпит, чтобы согрешающий покаялся. Апостол Петр пишет: Господь *долготерпи́т на нас, не хотя́ да кто поги́бнет, но да вси в покая́ние прии́дут* (2 Пет. 3, 9).

Вопрос странника. Неужели тело наше по воскресении преобразится?

Ответ старца Вонифатия. Непременно преобразится! Вот что об этом говорит апостол Павел: Господь Иисус Христос *преобрази́т тело смире́ния на́шего, яко бы́ти сему́ сообра́зну те́лу сла́вы Его, по действу еже возмога́ти ему и покори́ти себе вся́ческая* (Флп. 3, 21).

Что же это за тело смирения, спросишь, которое преобразит Господь сообразно телу славы Своей? Очевидно, что тело это есть плоть, которая теперь уничтожается, отходя в землю. Преображение же ее значит то, что она, будучи смертной и тленной не по себе, а по действию Господа, который силен смертное облечь бессмертием, а тленное нетлением.

Вопрос странника. Можно ли спастись и в мире или для этого непременно нужно удалиться в монастырь?

Ответ старца Вонифатия. На вопрос этот отвечать мне нелегко; знай только, что не место спасает человека, но добронравие и сердечное произволение.

Адам, живя и в раю, согрешил, а Лот и в Содоме спасся; Иов на гноище заслужил оправдание, а Саул, и находясь в царских чертогах, лишен царства настоящего и будущего. Спастись возможно на всяком месте и при всякой доле, по судьбам Всевышнего нам доставшейся.

Вопрос странника. Какую смерть можно считать худой?

Ответ старца Вонифатия. Не должно почитать ту смерть худой, которой предшествовала добрая жизнь. Смерть худа от своих последствий. Итак, нужно заботиться человеку, которого смерть неизбежна, не столько о том, от чего он умрет, сколько о том, куда препроводит его смерть.

Вопрос странника. Кого из грешников Бог наипаче отвращается?

Ответ старца Вонифатия. Убога горда, богата лжива и стара прелюбодея (Сир. 25, 4), отвращается еще и памятозлобного человека и гневливой души. Хотя бы мы были и довольно праведны, но если памятозлобствуем, то все дела наши тщетны и спасения получить не можем. А потому всякую вражду непременно должны уничтожать и всегда иметь мир и любовь со всеми, без коих *никтоже узрит Господа* (Евр. 12, 14).

Вопрос посетителя. Кто истинно великодушен?

Ответ старца Вонифатия. Истинно великодушен тот, кто решается лучше терпеть бедственную жизнь, нежели убегать ее, и кто, имея светлую и чистую совесть, презирает суждения человеческие, особенно народные, как большей частью погрешительные.

Вопрос послушника. Как поступить с клевещущим на ближнего своего?

Ответ старца Вонифатия. Никогда не должно слушать клевет и уважать того, кто клевещет на ближнего своего; лучше сказать таковому: перестань, брат, я сам ежедневно еще в тягчайшие этих впадаю грехи и потому не могу и не должен никого осуждать; этими словами, как целебным лекарством, исцеляются две болезни: своя и клевещущего.

Вопрос странника. Если хозяин наказывает своего наемника, как это зло для наказуемого принимать?

Ответ старца Вонифатия. Для добрых наемников всякое зло, какое они терпят от своих хозяев, не есть наказание за преступление, а искушение добродетели. Ибо добрый, если служит, свободен, а злой, хотя бы царствовал, есть раб, у которого не один господин, а столько господ, сколько пороков.

Вопрос странника. Можно ли откладывать обращение к Богу?

Ответ старца Вонифатия. Ни по каким причинам не должно откладывать обращения к Богу, да медленностью не потеряем времени исправления. Тот, кто обещал милость кающимся, не заверил будущего для нерешительных.

Вопрос послушника. Кто хорошо поет во славу Божию?

Ответ старца Вонифатия. Хорошо поет во славу Божию

тот, которого жизнь согласуется с словами. Ибо по окончании пения умолкает слово, а жизнь в делах добрых никогда не умаляет славы того, которого действию в себе радуется.

Вопрос монаха. В чем состоит истинное смирение?

Ответ старца Вонифатия. Истинное смирение состоит в том, чтобы ничем не гордиться, ни на что не роптать, не оказывать неблагодарности, недовольства и за все судьбы Божии благодарить и хвалить Бога, Которого все дела ознаменованы или правосудием, или благостью.

Вопрос послушника. Кто беден духовно?

Ответ старца Вонифатия. Те очень бедные, которые богаты от беззакония, они не имеют сокровищ правды и премудрости. Напротив, те, которые служат Богу, приобретают такие блага, которые не могут погибнуть.

Вопрос странника. Довольно ли для меня будет, если я буду удерживаться от одного зла?

Ответ старца Вонифатия. Не довольно удерживаться от зла, если не будешь делать и добра. Мало того, чтобы никому не вредить, а нужно еще стараться быть полезным для многих.

Вопрос странника. Какой добродетелью можно приблизиться к Богу?

Ответ старца Вонифатия. На высоту Божию только выходят смирением. Предающий себя Богу приближается к Нему, а возносящийся далеко отходит от Него.

Вопрос странника. Я прошу Бога, желаю получить от Него просимое и не получаю, что мне делать?

Ответ старца Вонифатия. Да не страшит тебя, христианин, то, что ожидаемое по вере твоей отлагается впредь. Хотя обетованное сокрыто, но ты продолжай молитву с упованием. Упражняйся в делании, возрастай в добродетелях. Когда испытуется постоянство веры, умножается слава возмездия.

Вопрос монаха. Какой человек может быть жилищем Божиим?

Ответ старца Вонифатия. Человек, прилепляющийся к Богу и всегда творящий волю Его, есть постоянное жилище Божие; если он терпит какое-либо бедствие, то это испытание, а не оставление от Бога.

Вопрос странника. Хорошее ли дело: исповедание своих грехов?

Ответ старца Вонифатия. Хорошее и спасительное дело исповедание грехов, когда следует затем исправление.

Вопрос послушника. Какой первый дар Благодати Божией?

Ответ старца Вонифатия. Первый дар Благодати Божией то, что она учит нас познавать нашу низость. Все доброе творим мы силой Того, *без Кого не может творити ничесоже.*

Вопрос странника. Если кто просит меня помолиться о нем, имею ли право отрицаться, чувствуя свое недостоинство?

Ответ старца Вонифатия. Когда просят нас молиться о спасении другого, то мы не должны отрицаться, хотя и не стяжали еще дара молитвы. Ибо часто вера того, который просит, спасает его, при его старании исправить свою жизнь.

Вопрос монаха. Искушение Иисуса Христа чем может служить для христианина?

Ответ старца Вонифатия. Искушение Иисуса Христа есть наставление христианину. Мы должны быть подражателями нашего Наставника не в произведении чудес, которых никто не требует, но в соблюдении смирения и терпения, к чему призывает нас Господь Своим примером.

Вопрос странника. Что может быть причиной истинной радости для христианина?

Ответ старца Вонифатия. Причина истинной радости для христианина век не настоящий, а будущий. Должно пользоваться временными благами так, чтобы они не были препятствием к достижению благ вечных: как путешественники в дороге, будем любить то, что ведет нас к отечеству.

Вопрос посетителя. Прилично ли христианину хвалиться своими добродетелями?

Ответ старца Вонифатия. Лучше смиренно сознаться во грехах, нежели горделиво хвалиться добродетелями.

Вопрос странника. Чему подобен человек жизни развратной и словами увлекающий к соблазну?

Ответ старца Вонифатия. Когда увидишь кого-либо по жизни развратного, вспомни о змие, о котором Писание говорит: *Змі́й же бе мудре́йший всех звере́й су́щих на земли́*

(Быт. 3, 1). И не последуй, подобно Еве, его злым обаяниям. Эта мудрость и ему во вред, потому что не сопутствуется добродетелью и должна устрашить всякого невинного, как самая губительная и смертельная язва.

Вопрос посетителя. Что открывает и что закрывает путь разумению?

Ответ старца Вонифатия. Вера открывает, а неверие закрывает путь разумению.

Вопрос посетителя. О сотворении каждой твари представляются три вопроса: кто сотворил ее? каким образом? и почему? Прошу разрешить их мне.

Ответ старца Вонифатия. Рече Бог: да будет свет и бысть свет, и виде Бог свет яко добро. Итак, ты спрашиваешь: «Кто сотворил?» — отвечаю: Бог. «Каким образом?» — *рече и быша.* Почему? Потому *что это добро.*

Нет превосходнее того, что сотворил, нет силы могущественнейшей — слова, и нет лучшей причины творения, как то, чтобы благое сотворено было Богом.

Вопрос послушника. Кто может облаженствовать человека?

Ответ старца Вонифатия. Для твари разумной нет блага, могущего ее облаженствовать, кроме Бога; ибо благо ее, как сотворенной из ничего, происходит не от нее самой, от того, кем она сотворена. В соединении с ним — она блаженна, в разлучении от него — несчастна.

Вопрос монаха. Смерть для благочестивых людей есть ли наказание за грех?

Ответ старца Вонифатия. Есть. Но для них она — благо потому, что они употребляют ее во благо; для них она конец зол временных и переход к жизни вечной. Ибо как неправда употребляет во зло не только злое, но и благое, так правда обращает во благое не только благое, но злое.

Вопрос странника. Желательно мне стяжать добродетель, что для этого нужно?

Ответ старца Вонифатия. Кто хочет стяжать добродетель, тот прежде должен возненавидеть противное ей зло. Итак, если ты хочешь иметь печаль о Боге и плач, должен возненавидеть суетные радости и смех. Хочешь ли иметь смирение?

Возненавидь гордость. Хочешь быть воздержанным? Возненавидь пресыщение. Хочешь быть милостивым? Возненавидь сребролюбие. Желаешь быть целомудренным? Возненавидь сладострастие. Желающий удерживать язык пусть заградит уши свои, чтобы не слышать многого. Желающий всегда иметь страх Божий пусть возненавидит самомнение и тщеславие, возлюбит скорби, тесноту и тогда может служить искренно Богу.

Вопрос посетителя. Когда воля бывает истинно свободной?

Ответ старца Вонифатия. Воля тогда истинно свободна, когда не рабствует порокам и грехам. Такая свобода дана человеку Богом, и когда потеряна, то не может быть возвращена никем, кроме Того, кто даровал ее. Потому-то истина говорит: *аще Сын вы свободит, воистину свободни будете.*

Вопрос странника. Как узнать: принадлежу ли я к числу спасаемых?

Ответ старца Вонифатия. На этот вопрос никто из людей, доколе живет на земле, не может отвечать с несомненностью; ибо *один Господь знает сущия своя* (см.: 2 Тим. 2, 19). Мы можем отчасти только судить о том, на пути ли стоим к Царствию Божию или, напротив, далече от прямого пути. Каким образом? Настоящая жизнь в отношении к будущей — то же, что время сеяния по отношению к жатве. Итак, кто здесь не посеет, тот и там не пожнет, кто здесь не положил начала к своему спасению, не соделал себя способным ко вступлению в Царство Небесное, тот и там останется вне Царствия Божия.

Вопрос купца. Кто может сделать меня гражданином Отечества Небесного?

Ответ старца Вонифатия. Гражданами земными рождает нас природа, зараженная грехом, и мы становимся сосудами гнева Божия. Гражданами же Отечества Небесного рождает благодать, освобождающая природу от греха, и делает нас сосудами милосердия.

Вопрос странника. Сражаясь человек с пороками, может ли иметь полный мир?

Ответ старца Вонифатия. Пока мы сражаемся с пороками, нет нам полного мира, ибо и те страсти, с которыми мы

сражаемся, противопоставляют нам опасности, и те, которые побеждены, не оставляют нам безопасного торжества, но требуют заботливого упражнения.

Вопрос странника. Какой верный путь ко спасению?

Ответ старца Вонифатия. В каком бы кто состоянии ни жил, всякий по вере в заслуги Христа Спасителя, при помощи Его Божественной Благодати, будет идти ближайшим путем спасения, если будет следовать примеру святых отцов, и если он до конца пребудет в истинной вере, любви и уповании на Бога, то придет наконец туда, где все лики святых отцов, и будет участвовать с ними вечно в радостях небесных.

Вопрос странника. Может ли человек по разлучении с телом приобрести то, о чем, живя, не радел?

Ответ старца Вонифатия. Напрасно человек обещает получить по разлучении с телом то, о приобретении чего не нерадит, живя с телом. Никто против своей воли не добродетелен, хотя бы дела его были добрые. Ибо не пользует дух страха, когда нет духа любви.

Вопрос. Чего нет труднее для христианина?

Ответ старца Вонифатия. Самая труднейшая добродетель есть молиться Богу непрестанно. Когда только человек захочет молиться, враги стараются отвлечь его, ибо знают, что ничто им так не противодействует, как молитва к Богу. Во всяком подвиге, какой бы ни предпринял человек, после усиленного труда получает успокоение, а молитва, хотя и доставляет по временам небесные и святые утешения, но до последней минуты жизни христианина требует от него бдительности. Чтоб неослабно иметь побуждение к молитве, христианин должен непрестанно внимать себе и обличать душу свою, говоря: увы мне! как я предстану на суд Христов и чем буду оправдываться пред Ним? Если всегда будет размышлять, может спастись.

Вопрос посетителя. В чем состоит последняя цель скорбей, посылаемых Богом человеку?

Ответ старца Вонифатия. Последняя цель скорбей, посылаемых Богом, состоит в том, чтобы в яснейшем свете представить небесное блаженство, глубже дать почувствовать безпре-

дельность милосердия Божия и премудрость Божественного Промышления. Кто после этого без благодушия не будет переносить кратковременные страдания, которые ведут за собой столь спасительные действия? Кто не скажет с апостолом: *недостóйны страсти нынешняго врéмене к хотя́щей славе яви́тися в нас* (Рим. 8, 18)? *Еже бо ныне лéгкое печа́ли на́шея, по преумножéнию в преспéяние тяготу́ вéчныя слáвы содéловает... бо врéменна, невúдимая же вéчна* (2 Кор. 4, 17. 18).

Вопрос странника. Должно ли отчаиваться о злых людях?

Ответ старца Вонифатия. Не должно отчаиваться о злых, а должно молиться за них прилежнее, чтобы они сделались добрыми. Число святых умножается всегда от числа грешных.

Вопрос монаха. Ищущий мира от Бога должен ли быть немирным сам с собой?

Ответ старца Вонифатия. Ищущий мира от Бога должен быть мирен сам с собой, да не будет у него одно исповедание в исповедании уст, а другое в тайне сердца. Ибо нет пользы в том, когда в сердце содержать истину, а говорить ложь. Не только должно верить истине, но и говорить истину.

Вопрос монаха. Какие подвиги особенно Богу приятны?

Ответ старца Вонифатия. Три этих подвига многоценны пред Богом: *во-первых*, когда человек, впадши в напасть и подвергаясь другим искушениям, принимает их с благодарением; *во-вторых*, когда кто старается, чтобы все дела его были сокровенны от людей и чисты пред Богом и не имели суетных побуждений; *в-третьих*, когда кто пребывает в послушании к своему духовному отцу и отказывается от всех своих желаний. Последний получает один лишний венец против прочих.

Вопрос странника. Какая казнь тягчайшая из казней?

Ответ старца Вонифатия. Нет тягчайшей казни, как казнь порочной совести, которая, не имея в себе Бога, не имеет и утешения. Для того и нужно нам призывать Избавителя, чтобы, когда скорби возбудят нас к покаянию посредством сознания, получить нам прощение.

Вопрос посетителя. Должно ли в счастье быть безпечным?

Ответ старца Вонифатия. Не должно быть никогда в сча-

стье безпечным, потому что оно для души опаснее, нежели бедствие для тела; счастье, нанеся вред человеку, отнимает у него силу для перенесения.

Вопрос посетителя. Вредно ли всякое излишество в пище и питье?

Ответ старца Вонифатия. Объедения и пьянства всячески должно блюстися, ибо они суть начало и корень блуду и нечистоте, ходатаи и приготовители вечной муки, от них тяжесть души, помрачение ума, воспаление плотской похоти, возгорение гнева, удобный приступ к нам бесу, а божественные любви отчуждение. Напротив, жизнь воздержная и трезвая есть рай еще на земле, тогда как растленная и греховная есть величайшее томление души и ад на земле.

Вопрос монаха. В деле спасения достаточно ли одной добродетели?

Ответ старца Вонифатия. Как во всяком деле, так и в деле спасения одной добродетели не достаточно. Каждый да возьмет крест свой, то есть крест, сообразный со своей духовной нуждой и со своим нравственным состоянием каждый должен исправить или умертвить в себе или волю тщетную, погруженную в земные расчеты, или ум кичливый и высокомерный. Тогда и только тогда он может истинно последовать Господу и, не соблазняясь Крестом Христовым, видеть во Христе Распятом Божию силу и Божию премудрость.

Вопрос странника. Кто может быть концом для верных?

Ответ старца Вонифатия. Конец для верных — Христос. Кто к Нему направил все свое сердце, тот не имеет более предметов для искания, ему нужно только не уклоняться от своего направления.

Вопрос послушника. Какая лучшая печаль?

Ответ старца Вонифатия. Лучше печаль того, кто неправедно терпит, нежели радость того, кто неправедно действует.

Вопрос послушника. Можно ли сердцу воспоминать прошедшее?

Ответ старца Вонифатия. Не позволяй сердцу воспоминать прошедшее с услаждением, чтобы не вкралось в душу твою похотение и не заставило ее возвратиться во Египет.

Вопрос странника. Может ли бедняк освободиться от бедствия без помощи Божией?

Ответ старца Вонифатия. Никакой бедняк ни от какого бедствия не освободится, если милосердие Божие не поможет ему.

Вопрос странника. Когда мы молимся с верой о своих нуждах, всегда ли Бог исполняет молитву нашу?

Ответ старца Вонифатия. Когда с верой молимся о нуждах житейских, то молитву нашу Бог и не исполняет по милосердию: что полезно больному, то лучше знает врач, нежели сам больной. Если просим того, что Бог сам предписывает и обещает, то непременно будет. Любовь получает то, что готовит истина.

Вопрос монаха. Как думать, что иные ради множества грехов своих отчаиваются?

Ответ старца Вонифатия. Если бы, чего сохрани Бог, всякую меру превзошел грех наш, и тогда не должны мы отчаиваться и безнадежно скорбеть: *поелику несть грех побеждающий милосердие Божие.* Все наши грехи не сравняются с бездной щедрот Господа нашего, Который спасает нас туне милосердием Своим.

Вопрос странника. За что потребуют от нас строгого ответа?

Ответ старца Вонифатия. Ни за то, что мы были бедны или богаты, благородны или худородны, много или мало имели дарований; а за то, как употребляли полученные нами таланты. Если получившему один талант и скрывшему его в земли сказано: *рабе лукавый и ленивый!* — то что скажется тому, кто имел счастье иметь пять или десять талантов, и все это скрывает в своей лености праздности.

Вопрос монаха. Можно ли достигнуть совершенства без искушений?

Ответ старца Вонифатия. Нельзя достигнуть совершенства без искушений, и никто не познает сам себя, если не подвергнется испытанию. Не увенчается, кто не победит; не победит, если не будет сражаться, и кто сражается, если не имеет врага и не противостанет искушению.

Вопрос послушника. Как узнать: чей я гражданин?

Ответ старца Вонифатия. Два рода любви производят два рода гражданства в целом мире: любовь к Богу делает нас гражданами Иерусалима, любовь к миру — гражданами Вавилона. Спроси же сам себя: что ты любишь? — и узнаешь, чей ты гражданин.

Вопрос странника. Легко ли исполнять заповеди Божии?

Ответ старца Вонифатия. Всякая заповедь Божия легка для любящего, легкость ига Христова тем именно изъясняется, что Господь подает Духа Святого, который изливает любовь в сердца наши, да с нею охотно исполняем волю Божию. Кто исполняет эту волю по одному страху, тот поступает, как раб, и тот не друг правды, кто желал бы не быть обязанным повиноваться ей.

Вопрос странника. Какие дела могут называться добрыми?

Ответ старца Вонифатия. Те только дела добрые, которые производятся верой и любовью вместе: одна без другой не рождает плода истинного.

Вопрос монаха. Когда заключает человека глубина грехов?

Ответ старца Вонифатия. Тогда заключает человека глубина грехов, когда он не только погружается в них, но еще старается извинять их и терять самое сознание своей вины.

Вопрос странника. Богатые христиане могут ли быть бедными?

Ответ старца Вонифатия. Богатые христиане, если они христиане истинные, совершенно бедны, потому что в сравнении с благами небесными, почитают все свое золото прахом, и то не составляет их богатства, чем они нисколько не увеселяются.

Вопрос посетителя. Каких родов бывает жизнь человеческая?

Ответ старца Вонифатия. Есть двоякая жизнь: телесная и душевная. Как жизнь тела — душа, так жизнь души — Бог, и как тело, разлучаясь с душой, умирает, так и душа умирает, когда оставляет ее Бог.

Вопрос послушника. К чему должна возвышаться разумная душа?

Ответ старца Вонифатия. Разумная душа должна возвы-

шаться к тому, что есть самого лучшего в природе духовной, и тогда она будет мудрствовать горняя, а не земная.

Вопрос странника. Что есть жизнь наша?

Ответ старца Вонифатия. Жизнь наша есть море, постоянно воздвизаемое бурей напастей, страстей и соблазнов; продолжение жизни — непрерывное плавание, ежеминутно сопряженное с великими опасностями. Опасность в плавании по ней производят ветры искушений, внезапные приключения. Много путей в многобедственной жизни этой, и на каждом встречаются свои скорби; на пути добра нужна борьба со злом. Утешительно для нас то, что Бог не попустит нам искуситься сверх наших сил, но дарует нам помощь, чтобы искушения могли мы перенести.

Вопрос послушника. Какое свойство смиренных?

Ответ старца Вонифатия. Свойство смиренных — не хвалиться знанием: они почитают истину, как и свет, общим достоянием всех.

Вопрос монаха. Почему праведник радуется, когда несчастных постигает наказание?

Ответ старца Вонифатия. Благожелание, а не зложелание являет праведник, когда радуется отмщение, постигшему нечестивых; его радует при этом не гибель грешника, коему желает он исправления, а правда Божия, о которой уверен, что она может обратить многих.

Вопрос странника. Для того чтобы делать добро и уклоняться зла, что нужно делать?

Ответ старца Вонифатия. Ко всякому доброму делу приводит любовь к Богу и страх Божий; ко всякому греху приводят любовь и страх мира. Итак, для того чтобы делать добро и уклоняться зла, нужно различать, что должно любить и чего не должно любить и бояться.

Вопрос странника. Чем сопровождается истинное раскаяние?

Ответ старца Вонифатия. Человек, стяжавший истинное раскаяние, говорит мало, действует решительно. Придя в чувство, он спешит изменить к лучшему жизнь свою, в уверенности, что настала для него минута спасения. Волнуемый

сильными размышлениями о превратностях мира и переменах своей прежней жизни, он изыскует уединенное место, где бы мог свободно беседовать с собой и проливать обильные потоки слез. Не могши более владеть своей печалью, при воспоминании прежних своих дел, он преклоняет чело свое к земле и не смеет возвести взоров к небесам, откуда, впрочем, ожидает помощи и избавления: он часто из глубины сердца воздыхает ко Господу, прося у Него помощи к укреплению в добродетели.

Вопрос странника. Всякий ли желающий скрыть истину есть лжец?

Ответ старца Вонифатия. Хотя всякий лжец желает скрыть истину, но не всякий желающий скрыть истину есть лжец. Часто скрывают истину не обманом, а одним молчанием. Так поступил и Господь, когда сказал: *Еще мно́го и́мам глаголати вам, но не можете носити ныне* (Ин. 16, 12).

Вопрос странника. Заповедь Божия, если исполняется по страху наказания, исполняется ли она тогда истинно?

Ответ старца Вонифатия. Заповедь Божия, если исполняется по страху наказания, а не по любви к правде, исполняется рабски, неохотно, а потому как бы не исполняется. Ибо не может быть плода доброго в том, что произрастает не от корня любви.

Вопрос странника. В чем состоит похвала вере?

Ответ старца Вонифатия. Похвала вере состоит в том, что она верует невидимому; награда ей будет тогда, когда верующие получат то, чему веровали.

Вопрос странника. Всякого грешника должно ли любить как грешника?

Ответ старца Вонифатия. Всякого грешника не должно любить как грешника, а должно любить как человека, и любить для Бога; Бога же должно любить для Него Самого, от Которого все любящие Его имеют все — и то, что существуют, и то, что любят Его.

Вопрос посетителя. Что значит слово: *Аз есмь путь, истина и живот?*

Ответ старца Вонифатия. Эти слова значат: чрез Меня,

сказал Иисус Христос, приходят ко Мне, приходят и во Мне пребывают. Ибо, когда к Нему приходим, приходим и к Отцу, и познаем посредством равного Того, кому Он равен, и связуемся Духом Святым, да вечно пребудем в соединении с верховным и неизменным благом.

Вопрос странника. Должно ли смущаться, что праведник страдает тяжко и незаслуженно?

Ответ старца Вонифатия. Не должно смущаться, когда видим, что праведник страдает тяжко и незаслуженно. Вспомним, что пострадал Праведник праведников и Святый Святых. Его страдания выше всех страданий, потому что нет никакого сравнения между тварью и Творцом ее.

Вопрос посетителя. Можно ли одной милостыней спастись?

Ответ старца Вонифатия. Напрасно раздавать имение нищим, если в сердце нет любви, которая *вся упова́ет, вся терпи́т, не превозно́сится, не зави́дит, не и́щет своих и не безчи́нствует* (1 Кор. 13, 7. 4. 5.). Без исправления нравов щедроты наши одни сами собой не могут спасти нас. Милостыня очищает грехи, в коих мы раскаялись, но не оправдает тех, в коих упорно каменеем. Она есть долг наш, но не единственный долг, и хотя не исполнять его — значит нарушать закон в самом его основании, однако же, исполнив оный, мы обязаны сохранять и другие заповеди закона.

Вопрос посетителя. Когда началось время?

Ответ старца Вонифатия. Течение времени началось с движением существ сотворенных. Поэтому напрасно искать времени прежде творения, как бы времени прежде времени. Ибо если бы не было движения духовной и телесной твари, то есть не было бы перехода из прошедшего чрез настоящее в будущее, то не было бы никакого времени. Итак, вернее то, что время началось тварью, нежели то, что тварь началась временем. Но и то и другое от Бога, *яко из Того́ и Тем и в Нем всяческая* (Рим. 11, 36).

Вопрос посетителя. Отчего многие жалуются на мир этот?

Ответ старца Вонифатия. Оттого, что мир этот исполнен сетей и все, что ни окружает нас, ополчается совокупно с ра-

стленной природой нашей против нас: богатство развращает нравы, бедность выходит из терпения, счастье надмевается, бездействие нежит, несчастье крушит, знание напыщает, невежество сдруживается с заблуждением, здравие поддерживает страсти, немощи наклоняют к нечувствительности или ропоту, словом, все, что ни есть в нас или окрест нас, становится для грешного человека сетью и камнем преткновения. Одна надежда остается ко спасению человека простирать вопль к Престолу Всемилосердного Бога, да благоволит Сам прийти на помощь нашу, обуздать неукротимые страсти, озарить невежество, укрепить немощи, управить на победу духовную борьбу и восстановить от падения.

Вопрос посетителя. По заслуге ли благодать дается?

Ответ старца Вонифатия. Награда дается по заслуге добрым делам после того, как она совершается; а благодать не по заслуге и дается прежде дел добрых для того, чтобы они совершились.

Вопрос странника. Можно ли сравнить суды человеческие с Судами Божиими?

Ответ старца Вонифатия. Суды Божии никак нельзя сравнить с судами человеческими. Не должно сомневаться в том, что Бог справедлив и тогда, когда какое-либо дело Его кажется несправедливым.

Вопрос странника. От кого рождается праведный?

Ответ старца Вонифатия. Праведный рождается от Бога, а не от людей, потому что он бывает праведным по возрождению, а не по рождению. Поэтому возрожденные и называются сынами Божиими.

Вопрос странника. В чем состоит праведен суд Божий?

Ответ старца Вонифатия. Праведен суд Божий состоит и в том, что каждый погибает от греха своего, потому что Бог греха не сотворил так же, как не сотворил Он смерти, а однако достойных смерти умерщвляет. Противоречия здесь нет, если будем различать суды Божии от дел Божиих. Ибо иное в сотворении не предопределять к смерти, иное по суду казнить преступника.

Вопрос странника. То, что тело отягощает душу, от Бога ли сотворено?

Ответ старца Вонифатия. Не от Него! Бог сотворил весь мир и все тела; но то, что тело тленное отягощает душу и плоть похотствует на дух, не от Него: это не первоначальное свойство природы человеческой, а следствие и казнь греха.

Вопрос посетителя. Могут ли родители упразднить прирожденный грех?

Ответ старца Вонифатия. Некоторые родители грех прирожденный отягчают, некоторые облегчают, но никто не отъемлет его, кроме Того, о Коем сказано: *се, Агнец Божий, взе́мляй грехи́ мира* (Ин. 1, 29). Тот, Кто может произвести всякое благо, может упразднить и всякое зло.

Вопрос послушника. Может ли человек сам по себе иметь веру и любовь?

Ответ старца Вонифатия. Иметь способности к вере, как и способность к любви, есть свойство природы человеческой; а иметь самую веру, как и самую любовь, — дело благодати в верующих.

Вопрос посетителя. Велика ли сила славолюбия?

Ответ старца Вонифатия. Как велика и вредоносна сила славолюбия, чувствует только тот, кто сражается с этой страстью. Ибо легко не желать похвал, когда не даются, но трудно не находить в них удовольствия, когда предлагаются.

Вопрос монаха. Кто презирает все блага мира?

Ответ старца Вонифатия. Тот презирает все блага мира, кто презирает не только все, что мог, но и все, что хотел иметь. Впрочем, здесь нужна осторожность, чтобы не вкралась в душу гордость. Лучше удерживать земные блага со смирением, нежели оставлять их с гордостью.

Вопрос странника. Когда гнев обращается в ненависть?

Ответ старца Вонифатия. Кто, гневаясь, не почитает гнева своего справедливым? Почему нужно от всех неприязненных чувствований скоро возвращаться к чувствованиям кротким; ибо если не скоро прощаем что-либо другому, то упорное негодование против него обращается в ненависть.

Вопрос послушника. Многократно ты, отче, называл лицемерие великим грехом, почему это так?

Ответ старца Вонифатия. Потому что лицемерие глаголет *мир с бли́жними свои́ми,* но в сердце его злая (Пс. 27, 3). Часто приветствует гласом ангельским, объемлет отверстыми объятиями, лобзает, являет готовность к услугам и дружбу: но тогда же направляет *лук*, уготовляет *стре́лы, состреля́ти во мра́це пра́выя сердцем* (Пс. 10, 2), и точно стрелы! *Лучше меч поражающаго врага, нежели язык льстиваго,* сказал некто из отцов. Врага можно избежать, а от лести лицемера кто удобно может избавиться? Ибо когда лобзает, тогда предает, когда услуживает, тогда погубляет и разоряет; когда хвалит совершенства, тогда, как злое насекомое, умножает раны, громко проповедуя слабости и падения ближнего, и видит всякий сучец в глазе брата своего. Великий и язвительный грех есть лицемерие!

Вопрос странника. Какую мы обязаны помнить заповедь апостольскую в отношении к царю земному?

Ответ старца Вонифатия. Следующую: апостол Павел пишет: *Молю́ прежде всех твори́ти молитвы... проше́ния, благодаре́ния за вся челове́ки, за царя и за всех, иже во вла́сти суть, да ти́хое и безмо́лвное житие поживе́м во вся́цем благоче́стии и чистоте́* (1 Тим. 2, 1—2). Приметь, что так писал апостол еще при царях языческих и ожидал столь великого плода за них. Не тем ли паче молиться должно нам за царя благочестивейшего? О, это долг наш главный и священный! Этого требует от нас не только благо отечества, которого Государь есть отец, но и благо всей Православной Церкви, которой он есть верховный защитник и покровитель.

Вопрос странника. Можно ли верить снам, которые (по-видимому) предвещают будущее?

Ответ старца Вонифатия. Случалось, что и божественные видения открываемы были во сне лучшим праведникам, но такие сны имели ясный признак откровения свыше, ибо сопровождались явлением Ангелов или святых угодников и даже самого Христа. Но вообще в сновидениях должно остерегаться, чтобы чрез них не впасть в самообольщение: ибо чрез веру снам многие прельстились. Верующий сновидени-

ям подобен бегущему за своей тенью и покушающемуся схватить оную; а никакому мечтательному сну не верующий есть истинный любомудр.

Вопрос странника. Какие обязанности родителей к детям?

Ответ старца Вонифатия. Апостол Павел пишет к родителям так: *отцы́, не раздража́йте чад своих, но воспитова́йте их в наказа́нии и уче́нии Господни* (Еф. 6, 4). Вот сокращение всех обязанностей родительских: воспитание детей в наказании, то есть в наставлении и учении Господни.

Вопрос странника. Имеет человек от себя что доброго?

Ответ старца Вонифатия. Человек сам от себя имеет только ложь и грех. Если он имеет истину и правду, то это из того источника, которого должно нам всем жаждать в этой пустыне, да орошаемся его струями и не ослабеваем на пути.

Вопрос монаха. Как душа может быть храмом Божиим?

Ответ старца Вонифатия. Если ищешь особенного и святого места для молитвы, то очисти твое внутреннее и, изгнав оттуда всякое злое пожелание, уготовь себе в тишине сердца твоего клеть, когда и во храме молишься, молись в себе самом, и так поступай всегда, да будешь сам храмом Божиим. Ибо Бог там внимает молитвам, где обитает.

Вопрос странника. Кто предписывает нам обязанности христианские?

Ответ старца Вонифатия. Законодатель всевысочайший, источник правды и всех законов, всесвятое, вечное, безконечно великое существо.

Тот, Кому мы обязаны всем, что имеем, — и бытием, и жизнью, и всеми благами жизни, Кому обязаны мы и пакибытием, новой жизнью, то есть обновлением и восстановлением падшей природы нашей, словом, Бог, Всесвятая Троица — Отец, Сын и Святый Дух.

Вопрос посетителя. Отчего люди подвергаются несчастьям?

Ответ старца Вонифатия. Всех несчастий первоначальной причиной суть грехи, за грехи посылаются печали, за грехи безпокойства, за грехи страдания; и все ныне приключающиеся нам неудобоцелимые болезни первоначально произошли от греха. Бог, полагая жене за преступление наказание, сказал

ей: *в болéзнех родúши чада* (Быт. 3, 16), и болезнь оказалась плодом греха. Но как рождающийся от дерева червь снедает самое дерево, так и печаль, от греха рожденная, потребляет грех, если приносится при покаянии. *Печáль яже по Бозе покаáние нераскáянно во спасение содéловает* (2 Кор. 7, 10).

Вопрос посетителя. Есть ли на земле счастье?

Ответ старца Вонифатия. На земле нет совершенного счастья, ибо здесь не время утешения, но скорби. Высокий сан имеет свой труд и лишения, простое звание — особенные печали и неудобства, мир — свои прихоти, уединение — свою горесть и скуку, брачное состояние — свои утраты и заботы, дружество — свои неприятности и вероломство, благочестие — свои горести. По уставу, неизбежному для чад Адамовых, всяк обретает на своем пути волчец и терние. Тысячи случаев убеждают нас, что к блаженству нашему на земле всегда многого и многого недостает.

Вопрос странника. Что значит: *возлю́биши Господа Бога твоего всем сердцем твои́м, и всéю душéю твоéю, и всею мы́слию твоею*?

Ответ старца Вонифатия. Значит, что должно любить Бога всеми силами души, а потому действия или проявления этой любви должны быть в уме, и в воле, и в сердце души нашей, как главных способностях ее. Все эти силы да покоряются Господу Богу, все да благоговеют пред Ним, да служат и поклоняются Ему.

Вопрос послушника. Как можно спастись?

Ответ старца Вонифатия. Все мы знаем, как спастись, но по собственному нерадению теряем спасение. Прежде всего и паче всего должно сохранить нам то, что сказал Господь: *возлю́биши Господа Бога твоего... всею душею твоею... и и́скреннего твоего яко сам себе* (Мф. 22, 37. 39). Вот где спасение — в двойственной любви.

Вопрос послушника. Что отгоняет страх Божий от души?

Ответ старца Вонифатия. Как дым отгоняет пчел, и тогда берут сладость их делания, так и излишний телесный покой отгоняет страх Божий от души и губит все благое делание ее.

Вопрос послушника. Что мне делать! Меня искушает блудный помысл.

Ответ старца Вонифатия. Ужели ты хочешь лежа спастись?! Нет, молчи, бди, постись, плачь, и, может быть, Бог помилует тебя. Ибо кто не трудится здесь, тот имеет страдать там в неугасимом огне вместе с диаволом.

Вопрос посетителя. Какое зло происходит от сребролюбия?

Ответ старца Вонифатия. «Какого зла не происходит от сребролюбия? — говорит святой Златоуст. — Не отсюда ли лихоимство, мщения, вражды, распри? Не они ли заставляют простирать руки даже на мертвых? даже на отцов и братий? низвращать и естественные законы и Божии заповеди? Как некоторые противные и сильные ветры, некогда вторгнувшись в тихую пучину, возмущают ее до оснований, так что и песок дна смешивается с верхними волнами: так все превращает сребролюбие: корыстолюбец не знает ни одного друга, — и что говорю: друга? он не знает и Бога, потому что от страсти своей сделался как бесноватый» (Златоуст, нравоуч. 10 к Флп.).

Вопрос посетителя. Какое истинное богатство?

Ответ старца Вонифатия. То только богатство истинное, которое обогащает нас добродетелями. Итак, если хочешь быть богатым, возлюби богатство истинное, если ищешь высшей чести, стремись к Царству Небесному; если любишь славу достоинств, поспеши вписаться в горнее служение Ангелов.

Вопрос того же. Кто по смерти берет с собой свои блага?

Ответ старца Вонифатия. Богач, когда умрет, ничего не возьмет с собой. Тот с собой берет свои блага, кто раздал их требующим. Ибо все земное таково, что если бережем его, оно теряется, а если раздаем, сохраняется. Старайся, чтобы тление, долженствующее погибнуть, изменить на награду, никогда не гибнущую.

Вопрос посетителя. Кто, собственно, богат?

Ответ старца Вонифатия. Тот богат, кто в Бога богатеет. Земное, что угодно миру и в нем только остается, так же достойно презрения, как и самый мир. Пусть богатство твое

почувствуют бедные, наследство поручи Богу, питай Христа, приобрети себе стяжание небесное. Большое наследство — большое искушение, если не употребится во благое, ибо чем кто богаче, тем более должен искупать, а не умножать грехи свои.

Вопрос посетителя. Что должно думать при наступлении нового года?

Ответ старца Вонифатия. Окончив прошедший и встречая новый год, мы необходимо должны, сокрушаясь сердцем, размышлять: прошедшие дни жизни нашей безвозвратно протекли, но что в оные мы сделали доброго? Остальное время приближает нас к старости, кончина безвестна, а суд Божий не коснит. Потому непременно должно каждому начать новую жизнь о Христе Иисусе.

Вопрос послушника. Должно ли беречь язык и слух, чтобы не говорить и не слушать пустых речей?

Ответ старца Вонифатия. Должно беречь язык и слух, чтобы не говорить и не слушать пустых речей осудительных, и не слушать их с пристрастием. Не слушай пустого и не будешь вместилищем чужих пороков. Если приимешь смердящую в себя нечистоту речей, то чрез помышление положишь пятно на молитву твою. Наслушавшись безжалостных поносителей, на всех будешь смотреть косо, подобно глазу, который, насмотревшись прежде на яркий цвет, после защурясь, смотрит на предметы.

Вопрос монаха. Что отгоняет память Божию от души?

Ответ старца Вонифатия. Память о Боге отгоняет следующее: многословие, услаждение чем-нибудь, смех, оставление размышления, излишнее попечение о суетности мирской, непамятование о смерти. Все это отгоняет память о Боге. Если заметишь одно из этих зол, спеши исправиться, как усердный раб Божий, и избегнешь таким образом всех сетей лукавого.

Вопрос странника. Можно ли чем-нибудь своим добрым возноситься?

Ответ старца Вонифатия. Пока живешь в теле, не возносись в сердце своем, как бы совершивший что-нибудь доброе,

чтобы враг, нашедши чрез то доступ к тебе, не вверг тебя в страсть безчестную.

Вопрос странника. Что такое видимая природа и чему она учит?

Ответ старца Вонифатия. Видимая природа есть огромная книга, в которой крупными буквами написаны и в живых красках изображены необходимые и первоначальные истины, направляющие нас на путь спасения; ее могут и должны читать все. Благодетельные явления природы раскрывают и питают чувство любви и благодарности ко Господу; явления грозные внушают чувство страха и благоговения к Нему; явления тихие — чувство умиления и молитвенное расположение духа; явления высот, и поразительные, порождают в нас чувство человеческой нашей немощи и безсилия, а потому возбуждают чувство смирения, производят веру и живое упование на Творца вселенной.

Вопрос странника. Что значит: *блудяй в свое тело согрешает*?

Ответ старца Вонифатия. Грешить против тела своего — значит делать то, что весьма вредит его благосостоянию, что заражает его разными, нередко отвратительными болезнями, разрушает его крепость и силу.

Вопрос посетителя. Если я потеряю время в суете жизни, могу ли его найти?

Ответ старца Вонифатия. Кто потеряет золото или серебро, то может на место его приобрести другое; но кто потеряет время в суете жизни своей, тот не может уже найти его. В час смерти много будет жаловаться таковой, потому что часть его с демонами.

Вопрос посетителя. Если я сделаю что-нибудь доброе, должен ли я этим гордиться?

Ответ старца Вонифатия. Если стяжешь какие добродетели Благодатью Христовой, не возносись сердцем своим и не говори: такие и такие совершил я добродетели. Но хотя бы ты совершил их все, говори, как раб: я исполнил то, что повелено. Если будешь всегда так помышлять в сердце своем, то

Господь пошлет тебе милость от святого жилища своего и избавит от сетей вражьих.

Вопрос послушника. Чего служит изображением фимиам кадильный?

Ответ старца Вонифатия. Фимиам кадильный издревле служил изображением молитв, воссылаемых нами к Богу, и пламенного желания, чтобы они взошли пред Него так, как возвышается горé дым кадильный. Еще святой пророк Давид желал, чтобы молитва его возносилась пред Бога с легкостью дыма благовонного: *Да испра́вится молитва моя, яко кади́ло пред Тобо́ю* (Пс. 140, 2). То же значение кадила повторяется в богослужении Православной Церкви. *«Кадило Тебе, Христе Боже, приносим в воню благоухания*, — говорит священник пред началом литургии, — *еже прием в пренебесный Твой жертвенник, вознисполи нам благодать всесвятаго Твоего Духа»*. Сообразно с этим знаменованием Церковь наша употребляет каждение фимиамом и при частных молитвах своих.

Вопрос послушника. Что значит *непрестанно молиться*?

Ответ старца Вонифатия. Молиться всегда и непрестанно не то значит, чтобы всегда читать псалмы или молитвы написанные, — это дело невозможное. Ибо всякому христианину надобно делать дело, по званию своему; так же плоть утружденная требует успокоения сном и прочее. Но значит то, чтобы часто, во всяком начинании о деле, возводить ум, и сердце, и воздыхание к Богу и просить у Него милости, помощи и заступления.

Вопрос того же послушника. Почему же нужно непрестанно молиться?

Ответ старца Вонифатия. Потому, что сатана во всякое время со своими злыми слугами наветует нам, также плоть всегда похотствует на дух, а этим врагам мы сами противиться не можем. Поэтому должны молитвой вооружаться, стоять и крепиться. Умом и духом можно молиться во всякое время и на всяком месте. Ходишь ли, сидишь ли, лежишь ли, за трапезой ли сидишь или дело делаешь, в народе или в уединении находишься, всегда можешь ум и сердце к Богу возводить и таким образом просить у Него милости: ибо Бог везде

и на всяком месте, и везде и всегда, по своему человеколюбию, готов нас слушать и нам помогать.

Вопрос посетителя. Какие каждому из нас должно соблюдать правила по своему состоянию или положению в гражданской службе?

Ответ старца Вонифатия. Это изъясняется в наших отечественных законах, которые всякий гражданин или подданный обязан исполнять во всей их силе и по всей возможности. Все это согласно с волей Божией, все это есть даже исполнение воли Божией, как уверяет нас Божественный апостол: *сущия*, говорит, *власти от Бога учинены́ суть. Темже противля́яйся вла́сти Божию повеле́нию противля́ется* (Рим. 13, 1—2), и: *всяко еже аще что творите,* по повелению власти, *от души делайте, якоже Господу, а не человеком... Господу бо Христу работаете* (см.: Кол. 3, 23. 24).

Вопрос странника. Почему воинство наше называется христолюбивым?

Ответ старца Вонифатия. Потому, что наше воинство — христиане: служа царю и отечеству, в то же время служат царю царей, Господу Иисусу Христу, и исполняют Его святую волю. Господь научает нас полагать *души своя за други своя* (см.: Ин. 15, 13), и Он же, по слову святого Давида, *научáяй руце* верных своих *на ополче́ние, пе́рсты их на брань* (Пс. 143, 1), *в си́лах спасе́ние десни́цы Его,* которая и *обретается всем* врагам, *ненавидящим Его* (Пс. 19, 7; 20, 9).

Вопрос посетителя. Что более требуется для этой жизни от человека?

Ответ старца Вонифатия. Требуется наипаче терпение и постоянство. *Претерпевый до конца, той спасен* будет, сказал Господь. *Иже на до́брей земли... плод творят в терпе́нии* (Лк. 8, 15).

Вопрос посетителя. Страдают ли дети за неправды родителей?

Ответ старца Вонифатия. Страдают! В доказательство этого представляю тебе следующий пример: «К святому Аммонию, подвижнику египетскому, родители привели больного, находящегося уже при смерти, сына и с глубоким сокрушением о

неожиданной потере терзали на себе волосы и умоляли святого старца исцелить умирающего отрока; они говорили, что сына их укусила бешеная собака и пособие обыкновенного врачевства оказалось недействительным. Святой Аммоний сказал им: «Сын ваш вовсе не нуждается в исцелении от меня; если согласитесь отдать вола, которого похитили, он тотчас исцелеет», так и случилось. Как скоро вол был отдан, недуг оставил отрока» (См. цер. Ист. Созом. кн. 1, гл. 14).

Вопрос посетителя. Как воспитывать малых детей?

Ответ старца Вонифатия. Замечая в дитяти пробуждающееся чувство и мысль, нужно дать ему угодную христианину пищу. Эта пища преимущественно заключается в религиозных понятиях. Пусть на первом месте дитяти слышится сладчайшее имя Господа Иисуса, пусть первый луч сознания упадает на понятие о Боге, нашем Творце, Вседержителе, Промыслителе и Спасителе; пусть нежное чувство сотрясется ощущением любви к Отцу Небесному, в обширном доме которого живет он и родители его, из десницы коего получает не только все нужное и все приятное для жизни, — и в самом начале возникающего разумного бытия дитяти возжегся тот небесный свет, который указывает путь истины и добра.

Вопрос того же посетителя. Что делать, когда примечается в дитяти своенравие и своеволие?

Ответ старца Вонифатия. Оставлять эти капризы без исправления — значит обрекать близких сердцу своему на верное несчастье в жизни. Полагай пределы прихотям дитяти, обуздывай стремления его воли, приучай к лишению, нужде, терпению, и ты разовьешь нравственную силу, которая состоит в самообладании и с которой можно быть счастливым среди величайших в жизни злоключений, твердым и несокрушимым среди самых бурных волн жизни.

Вопрос странника. Что происходит от пьянства?

Ответ старца Вонифатия. От пьянства возникают распри и раздоры, отсюда разные пляски и отвратительные кривляния, отсюда происходят прелюбодеяния и убийства. Когда же от опьянения переходят в совершенное безчувствие, то все мужество оканчивается тем, что их относят в самом омерзи-

тельном виде на ложа их, и ты видишь перед собой жалких страдальцев, безотрадно выражающих собой в глазах омрачение, в голове — боль и кружение, во всех членах — дрожание, а в душе отсутствие всякой разумности.

Вопрос послушника. Одни ли дела будут испытуемы на Страшном суде Божием?

Ответ старца Вонифатия. Кроме дел, испытуемы будут и помыслы: *яко страшен суд твой, Господи, делом испытуемым и помыслом истязуемым.* Вместе с историей жизни нашей раскроется пред нами и пред всеми и внутренняя жизнь души нашей: Судия *приведе́т тайная тмы и объяви́т сове́ты серде́чныя* (1 Кор. 4, 5). Это раскрытие внутренней души нашей, это истязание помыслов наших и объявление советов сердечных едва ли не страшнее самого испытания дел.

Вопрос странника. Что есть пьянство?

Ответ старца Вонифатия. Пьянство не есть какой-нибудь удобоизвиняемый недостаток, нет, это есть зло положительное, порок весьма пагубный и богомерзкий. Оно тем опаснее, что проникло во все слои общества; не уважающие заповедей Господних даже не считают его за грех; что многие за трапезами своими, по ложному понятию о дружбе, не стыдятся упрашивать, умолять, заклинать друг друга, с тем чтобы пить им более надлежащего, не понимая, что, заставляя ближнего напиться допьяна, они больше причиняют ему зла, убивая душу пьянством, как если бы поразили тело мечом.

Вопрос странника. Зачем каждый день исповедовать грехи?

Ответ старца Вонифатия. Затем, возлюбленный, что мы каждый день грешим пред Богом. Грешникам надлежит каяться каждое мгновение; но Святая Церковь, снисходя нашей слабости, зная нашу многозаботливость в продолжение дня, заповедала нам делать это преимущественно в конце дня пред сном. Ты не хочешь каяться? Не греши же! Тебе тягостно каяться и однажды в день? Зачем же грешишь каждый день, может быть, каждый час, каждую минуту? Не хочешь каяться? А что будет с тобой, если нечаянно умрешь во время сна ночного? «Я встану завтра, как встал сегодня». Но так говорили и те скончавшиеся, кои имели несчастье не встать с одра

своего. Сегодня ты встал, благодари Бога! А встанешь ли завтра — это тайна судеб Божиих. И если не встанешь: где тогда вдруг явится душа твоя? Там, где она никогда не бывала, — в другой жизни, о которой она не хотела думать вечером: пред Престолом Судии, Которого доселе оскорбляла.

Вопрос послушника. Кому служит мир?

Ответ старца Вонифатия. Тому, кого самое слово истины назвало *князем мира* (см.: Ин. 12, 31), Кто есть *бог века сего* (см.: 2 Кор. 4, 4); *Миродержитель* (Еф. 6, 12), диавол. Итак, служитель мира есть вместе и служитель диавола; служитель диавола не может быть служителем Божиим. Какое же сходство света со тьмой, неба с преисподней, Христа с велиаром?

Вопрос того же послушника. Служа миру, можно ли истинно служить Богу?

Ответ старца Вонифатия. Служа миру, мы необходимо должны отдать ему свое сердце: *идéже сокрóвище вáше, ту бýдет и сердце ваше* (Мф. 6, 21). Чем же после этого мы будем служить Богу? Обыкновенно думаем заменить в том случае недостаток свой жертвами: но какая жертва со стороны нашей достойна была бы Бога, кроме духа *сокрушеннаго и сердца смиреннаго* (Пс. 50, 19)? Нет! Для Бога сердца ничто не может быть приятнее сердца. *Сыне,* говорит Он, *даждь ми... твое сéрдце* (Притч. 23, 26).

Вопрос странника. Для чего христиане, садясь за трапезу, осеняют ее крестным знамением?

Ответ старца Вонифатия. «Для чего благословлять брашна, — вопрошает святой Златоуст, — ужели они нечисты?» — «Не оне нечисты, — ответствует сей великий учитель, — но мы сами, принимающие их, нечисты и требуем ежеминутно освящения». «Я боюсь, Господи, не нечистоты брашен, — говорит блаженный Августин, — ибо знаю, что они от Тебя, но я боюсь собственной нечистоты, и потому всякий раз предваряю вкушение брашен молитвой, ибо чрез нее я признаю, что они от Твоей десницы, что Ты виновник их, и я имею их только от Тебя. Принимая их так, я принимаю с признательностью, благодарением и любовью, и чрез это очищаю мою душу».

Вопрос посетителя. Какие у Бога средства обратить к себе сердца грешных людей?

Ответ старца Вонифатия. Он посылает страшные громы, потрясает землю и заставляет трепетать человека. И вот, небо не посылает на землю дождя и земля не дает своих плодов живущим на ней; народ пробуждается от сна греховного бичом войны или смертоносной заразы, посылается на землю ангел-истребитель, который не щадит и первенцев. И посмотри, какие бывают прекрасные последствия того. Не хотевшие знать Бога — познают Его, не хотевшие молиться — воздевают к Нему руки и вопиют вместе с апостолами: *Господи, спаси ны, погибаем* (Мф. 8, 25).

Вопрос странника. Что может случиться, если христианин приобщиться Святых Таин недостойно?

Ответ старца Вонифатия. Так как священники не всех знают грешников, и потому многие приобщаются Святых Таин недостойно, то Бог часто предает (недостойных) сатане, и от того случаются болезни, напасти, скорби, бедствия, как показывает это апостол Павел: *Сего ради в вас мно́зи не́мощни и неду́жливи, и спят* (умирают) *дово́лни* (1 Кор. 11, 30).

Вопрос посетителя. Нужно ли заботиться об украшении своего тела разными одеждами?

Ответ старца Вонифатия. Кто, живя в мире, украшает свое тело, наряжается в разные платья, тот ищет славы человеческой, а кто преуспевает в жизни духовной, тот все это презирает, имеет у себя только необходимое для тела и ищет славы на небеси, как учит апостол: *Име́юще пи́щу и одея́ние, сими дово́лни бу́дем* (1 Тим. 6, 8).

Вопрос монаха. Почему дерево чем выше растет, тем глубже пускает свои корни в землю?

Ответ старца Вонифатия. Оно, возносясь, смиряется, а смиряясь, возвышается. Так должно поступать и тебе, во Христе брат! Если ты возвышаешься преимуществами умственными или нравственными, естественными или благодатными, внешними или внутренними, всегда и везде, тем более смиряй себя. Без глубоких корней смирения ты никогда не будешь безопасен от падения.

Вопрос странника. Для чего дана жена мужу?

Ответ старца Вонифатия. Жена дана мужу для вспомоществования ему, для того, чтобы он, при ее утешении, мог удобно переносить все с ним случающееся. Если жена честна и ласкова, то сообщество ее не только послужит мужу утешением, но и во всех случаях подаст ему великую помощь, все трудное сделает легким и удобным, и не попустит почувствовать нисколько тех неудовольствий, какие случаются и вне дома, и в доме. Настанет ли душевная буря? Добрая жена, как искусный кормчий, приведет в тишину и благоразумием своим много утешит мужа.

Вопрос монаха. Осуждение и братское обличение — одно ли и то же?

Ответ старца Вонифатия. Осуждение и братское обличение никак не одно и то же. Первое воспрещается во Евангелии: *Не суди́те, да не суди́ми будете* (Мф. 7, 1); второе, напротив, заповедуется: *Аще согреши́т к тебе́ брат твой, иди́ и обличи́ его между тобо́ю и тем еди́нем* (Мф. 18, 15), и еще: *не приобща́йтеся к делом неплоди́м тмы, па́че же и облича́йте* (Еф. 5, 11).

Вопрос того же монаха. Как должно обличать других?

Ответ старца Вонифатия. Вот как пишет об этом святой апостол Иуда: *возлю́бленнии, святою́ ва́шею ве́рою назида́юще себе, Духом Святым моля́щеся, сами себе в любви́ Божией соблюда́йте* (это главное начало для христианского обличения)... *И о́вех убо ми́луйте разсужда́юще, о́вех же стра́хом спаса́йте, от огня́ восхища́юще: облича́йте же с боя́знию, ненави́дяще и яже от пло́ти осквернену́ю ри́зу* (Иуд. 1, 20—23).

Вопрос того же монаха. А осуждать других запрещено?

Ответ старца Вонифатия. Что касается до осуждения, то апостол Павел не только запрещает осуждать других, но еще учит не подавать никакого повода к тому, чтобы нас осуждали другие. *Кийждо,* говорит, *нас о себе́ сло́во даст Богу. Не ктому́ убо друг друга осужда́ем, но сие паче суди́те, еже не полага́ти претыка́ния брату или соблазна* (Рим. 14, 12. 13).

Вопрос странника. Для чего крестное знамение установлено Святой Церковью?

Ответ старца Вонифатия. Для того чтобы мы постоянно, так сказать, имели пред глазами важнейшие Таинства христианства и, соединяя с ним известные слова в честь Пресвятые Троицы, при всяком случае, разумно славословили и благодарили Отца, и Сына, и Святого Духа, и таким образом и сами освящались и все освящали именем Пресвятые Троицы и силою Господа, распятого на кресте. «Не пренебрегай крестным знамением, — говорит святой Кирилл Иерусалимский, — потому только, что оно туне и легко досталось тебе, но по сему самому, еще более благоговей пред Благодетелем, даровавшим тебе оное».

Вопрос странника. Какие последствия праздности?

Ответ старца Вонифатия. Душа праздного человека со дня на день портится все более и более: чувство угасает, рассудок становится слабым, воля леденеет, праздный человек не чувствует себя способным ни к чему трудному. Праздность не менее губительна и для тела. Слабость, изнеможение, преждевременная вялость и хилость, и оттоле целый ряд различных болезней, — таковы обыкновенные последствия праздности! Она сама кладет страшную печать на своих поклонников: у одного тело задавлено тучностью, другой страдает от избытка крови, у того поражены или отняты члены, иной остается без всякого движения от подагры, у другого от неумеренности на заре жизни притупились все чувства. Какое-нибудь легкое безпокойство, усталость, мгновенная перемена погоды или другой какой-нибудь непредвиденный случай сопровождаются всегда болезненным потрясением в этих искаженных праздностью телах. Так для души и для тела праздность есть зло великое и ужасное.

Вопрос послушника. Какую пользу приносит пост?

Ответ старца Вонифатия. Пост соединяет нас с Богом, а пресыщение обращает и спасение наше в погибель. Что удалило Исава от Бога и предало его в рабство брату? Не одна ли снедь, за которую он продал свое первенство? Что, напротив, даровало Самуила матери его? Не молитва ли, соединенная с постом? Что крепкого Сампсона сделало непобедимым? Не пост ли? Пост рождает пророков, укрепляет

мучеников, доставляет мудрость законодателям, он верный страж души, надежный поборник тела, оружие ратоборцев, укрепление подвижников, друг благой бодрости, зиждитель трезвости. Он прогоняет искушения, воодушевляет к благочестию, придает мужество на брани и прочее.

Вопрос странника. Как я должен размышлять о конце человека?

Ответ старца Вонифатия. Размышляй так: помысли, душе моя, что существование, которым ты наслаждаешься, Бог даровал тебе, создав тебя по своему образу, без всякой заслуги с твоей стороны. Помысли, какие угрызения совести и какое горькое сожаление почувствуешь ты в час смерти, если ты не старалась служить Богу. Какое горе, если ты узнаешь, при конце дней твоих, что тебе не остается тогда ничего из здешних богатств, удовольствий, славы, кроме улетающей тени и горького мучительного воспоминания.

Душе, сколько предпринимала ты трудов, чтобы губить себя, а нисколько не потрудилась, чтобы спасти себя! Научись же примерами других заниматься своим спасением, если не хочешь впасть в великое отчаяние, подумай, что все, что ты делаешь, говоришь, думаешь, не для Бога, все потеряно. Начни же с Богом! Время переменить тебе жизнь. Ужели хочешь ожидать для раскаяния минуты смерти, дверей вечности и ада? Тогда будет поздно исправлять себя, тогда уже не будет времени для спасения.

Вопрос послушника. Должно ли пренебрегать маловажными грехами?

Ответ старца Вонифатия. На этот вопрос святитель Златоуст отвечает так: «Никто да не питает в себе злой тщетной мысли, чрез которую проникает в душу развращение, оного, говорю, легкомыслия, которое побуждает нас часто говорить: это ничего не значит, это маловажно! Потому что от этого могут родиться тысячи зол: ибо древний оный строитель всякого зла диавол, по лукавству своему, нередко употребляет для погибели человеческой некоторую постепенность и как бы снисходительность и обыкновенно начинает с маловажного. По этой-то причине старайся истреблять в себе самые заро-

дыши греха, ибо, хотя бы они и не возросли в великие грехопадения, однако пренебрегать ими не должно, по той причине, что от безпечности они постепенно могут увеличиваться и усилиться» (Беседы на 27 гл. Евангелие от Матфея).

Вопрос монаха. Какую пользу можно приобрести от ежедневного пересмотра своих недостатков?

Ответ старца Вонифатия. «Пересматривая ежедневно наши недостатки и проступки, — говорит святой Златоуст, — мы будем стараться исправлять их своевременно — один за другим, и, таким образом, постепенно будем улучшаться, каждый раз восходя к небу, как бы по степеням оной лестницы, виденной Иаковом!» (Беседы 88 на Евангелие от Иоанна). Уверенный собственным опытом в действительности этого способа к умножению добродетели, преподобный Иоанн Лествичник советовал братии своей не только ежедневно подвергать себя самоиспытанию, но даже ежечасно записывать свои помыслы и деяния, и потом по окончании дня делать общий обзор всему.

Вопрос монаха. Что составляет богатство души?

Ответ старца Вонифатия. Богатство души составляют безмолвие, молчание и воздержание. Стяжавши эти добродетели, можно спасти душу свою.

Вопрос того же монаха. Каких особенно помыслов человек не должен принимать?

Ответ старца Вонифатия. Человек не должен и принимать особенно следующих двух помыслов: блуда и осуждения ближнего. Но когда враг подложит какой из них, то должно встать на молитву и с плачем против них молиться Богу, и Бог избавит его.

Вопрос странника. Что говорит Священное Писание о гордости?

Ответ старца Вонифатия. Священное Писание говорит о гордости, между прочим, и это: *не возноси́ся се́рдцем твои́м паче бра́тий твои́х... зане́ в гордыни погиби́ль и развраще́ние мно́гих* (Тов. 4, 13). *Во одея́нии риз не похвали́ся и в день сла́вы не превозноси́ся: яко дивна дела Господня и тайна дела Его пред челове́ки* (Сир. 11, 4). *Возненави́дена пред Богом и челове́-*

ки гордыня (Сир. 10, 7). *Нечист пред Богом всяк высокосердый* (Притч. 16, 5). *Всяк возносяйся смирится, смиряяй же себе вознесется* (Лк. 18, 14). *Еже есть в человецех высоко, мерзость есть пред Богом* (Лк. 16, 15). *Касаяйся смоле очернится, и приобщаяйся гордому точен ему будет* (Сир. 13, 1).

Вопрос странника. Что говорит Священное Писание о смирении?

Ответ старца Вонифатия. Священное Писание, между прочим, о смирении говорит это: *Чадо, в кротости дела твоя препровождай, и человеком приятным возлюблен будеши. Елико велик еси, толико смиряйся, и пред* Богом *обрящеши благодать. Мнози суть высоцы и славни: но кротким открываются тайны, яко велия сила Господня, и смиренными славится* (Сир. 3, 17—20). *Иже убо смирится яко отроча, той есть болий во Царствии Небесном* (Мф. 18, 4). *Да хвалит тя искренний, а не твоя уста, чужия, а не твои устне* (Притч. 27, 2).

Вопрос странника. Почему мы любим осуждать ближнего?

Ответ старца Вонифатия. Когда подобный вопрос предлагали людям, опытным в духовной жизни, то есть святым подвижникам, то они давали такой ответ: «Причина осуждения заключается в том, что мы не знаем самих себя, а кто хотя однажды обратил на себя надлежащий взор, тот никогда не будет смотреть на погрешности братий».

Вопрос того же странника. Какие надобно употреблять средства для уничтожения дурной привычки осуждать ближнего?

Ответ старца Вонифатия. Прежде суда испытай себе, говорит премудрый (Сир. 18, 20). Вот самое верное средство против осуждения! *Испытай себе,* то есть думай, не поступаешь ли и ты подобно собрату? Не поступил ли бы и ты еще хуже, если бы находился в таких обстоятельствах, в каких находится собрат? Помни, что Господь на своем суде не примет от нас никаких даров, если мы не принесем Ему любви; *а любы не завидует, не раздражается, всему веру емлет, вся уповает и вся терпит.*

Вопрос странника. Нужен ли страх подданному по отношению к властям?

Ответ старца Вонифатия. Доколе всем нам нужны власти, правительства, нужны и законы, нужен и страх рабский потому, что люди склонны творить зло себе и другим, и нужно укрощать и прекращать зло. *Хощеши ли,* говорит апостол, *не боя́тися власти,* то есть не иметь страха рабского? *Благое твори́, и име́ти бу́деши похвалу́* от правителя; *аще* же, прибавляет, *злое твори́ши, бо́йся, не бо без ума меч носит* (Рим. 13, 3—4).

Вопрос странника. Чем управляет власть гражданская и чем управляет власть духовная?

Ответ старца Вонифатия. На этот вопрос святой Тихон, епископ Воронежский, отвечает так: «Видим, что в христианском обществе двоякая власть, гражданская и духовная; гражданская власть управляет внешняя дела, духовная власть назирает то, что касается до внутреннего духовного состояния. Гражданская — законами гражданскими управляет, духовная — словом Божиим и отлучением временным от христианского общества неблагоразумно ходящих усмиряет. Обеих властей, гражданской и духовной, конец должен быть не иной, как благосостояние подданных и слава Имени Божия (Тих. Вор., Т. 6. С. 15).

Вопрос странника. Какие обязанности должны соблюдать жены по отношению к своим мужьям?

Ответ старца Вонифатия. 1. Жены должны любить своих мужей и угождать им во благое и по воле Божией; 2. Хранить верность супружеского ложа и не знать никого, кроме своих законных мужей; 3. Должны к своим мужам благоговейны быть: *жена да боится своего мужа*; впрочем, страх этот с любовью должен быть сопряжен; 4. Должны повиноваться своим мужьям: *Жены́, повину́йтеся своим муже́м, якоже подоба́ет о Господе,* говорит апостол Павел (Кол. 3, 18).

Вопрос странника. Где отечество для христианина?

Ответ старца Вонифатия. Для христианина отечество есть небо, где слава Отца Небесного, Которому он молится: *Отче наш, Иже еси на небесех;* где преславный дом Его, в котором *обители многи суть,* где град великий, святый Иерусалим, *имущ славу Божию: и град не тре́буя со́лнца и луны́, да све́тят*

в нем, слава бо Божия просветѝ его, и светѝлник ему Агнец (Апок. 21, 22. 23).

Вопрос того же странника. Где находится наследство христиан?

Ответ старца Вонифатия. Как отечество христиан есть небо, так наследство их на небе. Там они наследят, по Писанию, *жизнь вечную* (см.: Мф. гл. 19); *наследят обители Отца Небеснаго* (см.: Ин. гл. 14); *наследят пребывание со Христом, да видят славу Его* (см.: Ин. гл. 17); *наследят венец нетленный, венец правды, венец жизни, венец славы, наследят Царство и славу Божию* (1 Пет. 5, 4; 2 Тим. 4. 8; Апок. 2, 10; 1 Сол. 2, 12).

Вопрос странника. Что значит: верую во единого Бога?

Ответ старца Вонифатия. Верую во единого Бога значит: верую во Святую Троицу, как говорит святой Афанасий: «Вера кафолическая сия есть: да единого Бога в Троице и Троицу в единице почитаем». Об этой-то великой истине напоминает нам Символ веры словами: *верую во единаго Бога Отца.* В Бога Отца веруем потому, что веруем и *в Сына Божия*, от Отца рожденного, и в Духа Святого, от Отца исходящего.

Вопрос странника. Для чего бывают при крещении восприемники?

Ответ старца Вонифатия. Для того чтобы поручиться пред Церковью за веру крещаемого, а по крещении принять его в свое попечение, для утверждения его в вере. (См. Дион. Ареп. о Вер. Иерарх, глава 20.)

Вопрос странника. Часто ли должно причащаться Святых Таин?

Ответ старца Вонифатия. Древние христиане причащались в каждый воскресный день, но из нынешних немногие имеют такую чистоту жизни, чтобы всегда быть готовым приступить к столь великому Таинству. Церковь материнским голосом заповедовает исповедоваться пред духовным отцом и причащаться Тела и Крови Христовой, ревнующим о благоговейном житии, четырежды в год или в каждый месяц, а всем непременно однажды в год. (См. правосл. испов., ч. 1, вопр. 20.)

Вопрос посетителя. Как воскреснет тело, истлевшее в земле и рассыпавшееся?

Ответ старца Вонифатия. Поскольку Бог сотворил тело вначале, то так может рассыпавшееся в землю возобновить. Апостол Павел изъясняет это подобием посеянного зерна, которое истлевает в земле, но из которого вырастает трава или дерево. *Ты еже се́еши, не оживе́т, аще не у́мрет* (1 Кор. 15, 36).

Вопрос странника. Что споспешествует душам умерших с верой, но не успевших принести плода достойного покаяния?

Ответ старца Вонифатия. К достижению блаженного воскресения вспомоществовать им могут приносимые за них молитвы, особенно соединенные с приношением безкровной жертвы Тела и Крови Христовой и благотворения с верой совершаемые в память их.

Вопрос странника. Все ли равно будут блаженны?

Ответ старца Вонифатия. Нет. Будут разные степени блаженства, по мере того, как кто подвизался в вере, любви и добрых делах. *Ина слава солнцу, и́на слава луне́, ина слава звездам: звезда́ бо от звезды́ ра́знствует во славе. Та́кожде и воскресение ме́ртвых* (1 Кор. 15, 41. 42).

Вопрос странника. Что должен делать христианин, вознося ум и сердце к Богу?

Ответ старца Вонифатия. Во-первых, прославлять Бога, за Его Божественные совершенства; во-вторых, благодарить Его, за Его благодеяния; в-третьих, просить Его о своих нуждах. Поэтому три главных рода молитвословий: славословие, благодарение, прошение.

Вопрос странника. Для каждого ли из нас есть Ангелы-хранители?

Ответ старца Вонифатия. Без сомнения. В чем удостовериться можно следующими словами Иисуса Христа: *Блюди́те, да не пре́зрите еди́наго* (от) *малых сих: глаголю бо вам, яко Ангели их на небесех вы́ну ви́дят лице́ Отца Моего Небеснаго* (Мф. 18, 10).

Вопрос странника. Почему злые духи называются диаволами?

Ответ старца Вонифатия. Потому, что стараются коварствовать над человеками и, обольщая их, внушать им ложные мысли и злые желания. Об этом Иисус Христос к неверую-

щим иудеям говорит: *вы отца (вашего) диавола есте́ и по́хоти отца́ вашего хо́щете твори́ти: он человекоуби́йца бе искони́ и во и́стине не стои́т, яко несть и́стины в нем: егда́ глаго́лет лжу, от своих глаго́лет: яко ложь есть и отец лжи* (Ин. 8, 44).

Вопрос странника. Для чего дана нам Библия?

Ответ старца Вонифатия. Библия дана нам по Благости Божией и по действию Святого Духа, чтобы с помощью этого же Святого Духа, мы могли понимать и веровать, что есть только один истинный Бог и един Спаситель Иисус Христос, которого Бог послал по Своему обещанию, чтобы все, кои будут веровать в Него, получили жизнь вечную; и святой апостол Павел предает проклятие всякого, кто введет другую веру и другой путь спасения, кроме того, который открыт во Иисусе Христе; ибо Ему, как и Богу Отцу и Святому Духу, принадлежит всякая честь и слава во веки веков.

Вопрос странника. Что есть ад?

Ответ старца Вонифатия. Ад есть место, лишенное света. В христианском учении под этим именем разумеется духовная темница, то есть состояние духов, грехом отчужденных от лицезрения Божия, и соединенного с ним света и блаженства (см.: Иуд. 1, 6).

Вопрос странника. Как Бог будет судить на Страшном суде?

Ответ старца Вонифатия. Совесть каждого человека откроется пред всеми, и обнаружатся не только все дела, какие кто сделал во всю свою жизнь на земле, но и все сказанные слова, тайные желания и помышления. *Прии́дет Господь, Иже во све́те приведе́т тайная тмы и объяви́т советы серде́чныя, и тогда похвала́ бу́дет кому́ждо от Бога* (1 Кор. 4, 5).

Вопрос странника. Скоро ли приидет Иисус Христос на суд?

Ответ старца Вонифатия. Это неизвестно, и потому надобно жить так, чтобы мы были всегда к тому готовы. *Не косни́т Господь обетова́ния, якоже не́цыи коснéние мнят: но долготе́рпит на нас, не хотя́, да кто поги́бнет, но да вси́ в покая́ние прии́дут. Приидет день Господень яко тать в нощи́* (2 Пет. 3, 9—10); *бдите убо, яко не ве́сте дня ни часа́, в оньже Сын Человеческий прии́дет* (Мф. 25, 13).

Вопрос странника. Что такое антихрист?

Ответ старца Вонифатия. Противник Христу, который будет стараться истреблять христианство, но вместо того сам погибнет ужасным образом (см.: 2 Сол. 2, 8).

Вопрос странника. Что значит веровать в Церковь?

Ответ старца Вонифатия. Значит благоговейно чтить истинную Церковь Христову и повиноваться ее учению и заповедям, по уверенности, что в ней пребывает, спасительно действует, учит и управляет благодать, изливаемая от единой вечной главы ее, Господа Иисуса Христа.

Вопрос того же. Всякому ли христианину необходимо крещение?

Ответ старца Вонифатия. Необходимость крещения как нового благодатного рождения показал Сам Господь, когда сказал Никодиму: *аще кто не роди́тся водо́ю и Духом, не мо́жет внити в Царствие Божие* (Ин. 3, 5). Итак, крещение столь необходимо человеку, что без него никто не может принадлежать к Царствию Христову благодатному, и только того спасение несомненно, кто имеет веру и благодать крещения.

Вопрос странника. Спасительно ли пред Богом молчание?

Ответ старца Вонифатия. Хранящий молчание искусен во всякой добродетели и честен пред Богом. Таковой без труда достигает Царствия Божия. Как во время тишины и спокойствия моря играет дельфин, так и в тишине сердца молчащий радуется с Господом.

Вопрос посетителя. Посоветуй мне, отче, как бы мне разбогатеть?

Ответ старца Вонифатия. Вместо моего совета представляю тебе один пример, из которого ты узнаешь, как разбогатеть. Слушай! Два клирика жили один подле другого, оба занимались одним ремеслом. Один имел много детей, жену, отца и мать; ходил каждый день в церковь и успевал прокармливать семейство от прибытков своего промысла. Другой был искуснее в ремесле и до того был прилежен к своему занятию, что ради его оставлял и церковь во дни воскресные; при всем том, однако же, едва мог пропитывать себя одного. Завидуя своему соседу, однажды он сказал ему: «Как это?

Откуда разбогател ты, когда я более тебя занимаюсь ремеслом, а между тем бедствую?» Тогда первый, желая побудить своего соседа ходить в церковь, сказал ему: «Когда я хожу, то на пути всегда попадается мне золото, которое беру я себе, и оттого мало-помалу разбогател, если хочешь, ходи со мною в церковь, и ты разбогатеешь!» Сосед поверил, начал вслед за ним ходить постоянно в церковь; тогда Господь благословил и его, и он обогатился. Приметив это, благоразумный советник сказал ему: «Видишь ли, брат, я солгал тебе, что на дороге в церковь находил золото, а между тем этой ложью какую пользу приобрел твоей душе и твоему состоянию! Поверь мне, что я никогда не находил золота дорогою, а только ходил в церковь, веруя сказанному: *Ищи́те прежде Царствия Божия и пра́вды Его, и сия вся приложа́тся вам* (Мф. 6, 33; Прол. 9 июля)». Если будешь так поступать, то и ты разбогатеешь, заключил старец.

Вопрос странника. Должно ли осуждать священника?

Ответ старца Вонифатия. Не осуждай священника Божия за тайные или явные грехи его, какие слышишь о нем, не говори: он грешен и приступает к Таинам, а потому не приходит дар Духа Святого; ничего подобного не помышляй. Он есть судья и испытатель тайных. Помни, что священник, во всяком случае, выше тебя, и предостави суд праведному Судии. Если священник и согрешил, то согрешил против Божественных заповедей, и ты не поставлен судьею и испытателем других, знай же свою меру и звание. Но ты скажешь: не подлежит ли священник суду и канонам церковным? Подлежит, но не тобой судится или испытывается. Что ты судишь пастыря, будучи овцой? Восхищаешь фарисейски Божий суд, судя священнический чин, тогда как он не поручен и не предан тебе от Бога? Умоляю тебя, не осуждай никого, а наипаче священника Божия.

Вопрос посетителя. Какая готовность, какая частота требуется от тех, кто приступает ко всесвятой трапезе Господней?

Ответ старца Вонифатия. Апостол Павел учил: *Да искуша́ет человек себе, и та́ко от хле́ба да яст и от ча́ши да пи́ет. Ядый бо и пия́й недосто́йне, суд себе яст и пиет, не разсуждая*

Тела Господня (1 Кор. 11, 28. 29). Нужно поэтому искушать себя, то есть испытывать свою совесть; очистить ее покаянием, возбудить в душе веру и любовь, и таким образом с духовной жаждой приступать к Таинству. *Суд себе яст и пиет недостойне причащающийся*, то есть осуждение, а не оправдание приемлет, кто приступает с нечистой совестью, без веры и любви. Притом, как научает Сам Господь, необходимо в особенности примирение с ближним. *Аще*, говорит, *принесе́ши дар твой к олтарю́ и ту помяне́ши, яко брат твой и́мать нечто на тя: оста́ви ту дар твой пред олтаре́м и шед прежде смири́ся с братом твоим, и тогда́ прише́д принеси дар твой* (Мф. 5, 23—24). С миром в душе, с любовью в сердце приступай к трапезе Господней.

Вопрос странника. Как должен я помнить о конце моей жизни?

Ответ старца Вонифатия. Поминай последня твоя и во век не согрешиши, говорит премудрый Сирах. Укоряй всегда сам себя и говори: бедная душа моя! вот приближается час твоего разрешения от тела. Что услаждаешься еще тем, что теперь уже должно оставить и чего не увидишь уже вовеки? Внимай тому, что ожидает тебя, и рассмотри соделанное тобой: что и как. С кем шествовал ты все дни жизни твоей, со Христом или врагом Его? Кто принял труд делания твоего, кого радовал ты в житии твоем, кто потому встретит тебя во время исхода твоего?

Вопрос послушника. Я мало понимаю Херувимскую песнь; объясни мне, отче, что в ней заключается?

Ответ старца Вонифатия. В Херувимской песни изъясняется: да подражаем, говорит эта песнь, Херувимам, да отложим все житейские заботы в столь важный час и, таким образом, *подымем,* то есть прославим, вознесем духовно *Царя всех*, сопровождаемого ангельскими воинствами.

Вопрос посетителя. Что делать, если после раскаяния опять впаду в тот же грех, который во мне прежде господствовал?

Ответ старца Вонифатия. Не отчаивайся и не предавайся безпечности. Восстань, падший, не дожидайся времени другого поста, без отлагательства тогда же иди к духовному отцу

и поведай ему о своем падении, прими новую эпитимью и исполни ее. Да сохранит всех нас милосердие Божие от пагубной безпечности, от закоснения в грехах и нераскаянности.

Вопрос посетителя. Кто и как имеет власть и силу сообщать благословение?

Ответ старца Вонифатия. Видимыми представителями и уполномоченными раздавателями благодатного тайноводственного благословения Сына Божия служат пастыри церкви Христовой. Еще в Ветхом Завете самим Богом дана власть им *благословлять сынов Израилевых* (см.: Чис. 6, 23) и возлагать на них имя Господне для того, чтобы сам Господь благословил их. *Да возложа́т имя Мое на сы́ны Израилевы,* сказано было в законе, *и Аз Господь благословлю́ я* (Чис. 6, 27).

В Новом Завете преподана эта власть апостолам и их преемникам вместе с повелением Господа учить и крестить, вязать и решить. Известно, в каком внешнем виде преподается благословение служителей Божиих. «Безценные сокровища благодатного царства заключены в скудельных сосудах, всегда подручных нам, всегда готовых отверзаться для восполнения и укрепления наших немощей душевных и телесных, для благопоспешения во всех делах. И однако же, как не многие дорожат знаками величайшего милосердия Божия, открывающегося чрез пастыря церкви, и как иногда небрежно и без должного уважения к священническому сану принимают благословение! Не о том думайте, какой рукой или в каком сосуде, но какой божественной лозы духовное вино подается вам чрез благословение служителя Христова», — замечает по этому поводу знаменитый первосвятитель нашей церкви (Филарет, митрополит Московский).

Вопрос того же. Кроме пастырей церкви, кто еще имеет власть нас благословлять?

Ответ старца Вонифатия. В семейной жизни необходимые и естественные преподаватели Божия благословения родители. Давая бытие своим детям, они как бы продолжают действие творения Божия и, следовательно, носят на себе печать власти и силы Божией, которая дает и поддерживает жизнь всего живущего. Вот почему значение власти родительской

ограждается самим Богом, когда между десятью заповедями только одна о почитании родителей заключает в себе явное обетование награды: *Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет* — прибавлено, *и долголетен будеши на земли.*

Вопрос посетителя. В чем должна состоять милостыня?

Ответ старца Вонифатия. Аще брат или сестра нага бу́дута и лише́на бу́дута дневны́я пи́щи, рече́т же има кто от вас: иди́та с ми́ром, гре́йтася и насыща́йтся: не даст же има тре́бования теле́снаго: ка́я польза (Иак. 2, 15—16)? *Иже убо и́мать бога́тство мира сего, и ви́дит бра́та своего́ тре́бующа, и затвори́т утро́бу свою от него, ка́ко любы́ Божия пребыва́ет в нем* (1 Ин. 3, 17)? *Якоже тебе будет по множеству, твори́ от них ми́лостыню: аще мало тебе будет, по ма́лому да не бои́шся твори́ти ми́лостыню. От хлеба твоего даждь а́лчущему и от одея́ний твоих нагим: все, еже аще преизбудет тебе, твори́ ми́лостыню, и да не за́зрит твое око, внегда́ твори́ти ми́лостыню: ижди́ва́й хле́бы твоя при гро́бе праведных, грешником же да не да́си* (Тов. 4, 8. 16—17).

Вопрос того же посетителя. Угодна ли Богу милостыня?

Ответ старца Вонифатия. Милостыня более других добродетелей угодна Богу. *Ми́лости хощу́, а не же́ртвы,* сказал Господь (Ос. 6, 6). *Благотворе́ния и обще́ния не забыва́йте: таковыми бо же́ртвами благоугожда́ется Бог*, сказал апостол Павел (Евр. 13, 16). *Доброхо́тна да́теля лю́бит Бог*, сказал так же апостол (2 Кор. 9, 7). *Му́жа ти́ха и дая́теля лю́бит Господь; суету́ же дел его скончае́т,* сказал премудрый Соломон (Притч. 22, 9). *Моли́твы твоя и ми́лостыни твоя взыдо́ша на па́мять пред Бога: милостыни твоя помяну́шася пред Богом*, сказал Ангел Божий Корнилию (Деян. 10, 4. 31). Вот как угодна Богу милостыня!

Вопрос странника. Какие занятия мужчины-хозяина по дому?

Ответ старца Вонифатия. Занятия и упражнения для мужчин могут быть весьма разнообразны, смотря по возрасту, званию и положению каждого.

Цари не стыдились иногда, после трудов правления, упражняться в самых простых занятиях; а самые патриархи

наши все сами делали и разделяли труд вместе с рабами своими.

Привычка к постоянному труду и воздержанию укрепляет тело человеческое и сообщает ему естественную красоту. А не имеющие никакого упражнения подвергаются многим недугам, о которых другие и понятия не имеют; здоровье же — прекрасный удел трудолюбивого и воздержного человека.

Общий закон для всех телесных упражнений должен быть таков: не надобно быть никогда праздным, но не должно упражняться или заниматься делом чрез меру по силам. Правила умеренности в пище и питье имеют приложения к телесным занятиям нашим. Если, с одной стороны, постыдно вести жизнь изнеженную, то, с другой стороны, нехорошо чрез меру утруждать себя, надобно держаться средины между этими двумя крайностями.

Вопросе посетительницы. Какие занятия по дому женщины-хозяйки?

Ответ старца Вонифатия. Женщины должны находить занятия свои в доме своем. Они — главные распорядительницы внутреннего хозяйства, их обязанность — смотреть за всем в доме; поэтому они не должны стыдиться никакого занятия, полезного для их семейства. Приготовление пищи, питья, одежды и разные рукоделия — все это им свойственно и все это не только не унижает, но и возвышает в глазах других людей. Прочтем в Писании изображение истинно доброй супруги и рачительной матери семейства: *Жену́ до́блю кто обря́щет*, говорит премудрый в книге Притчей, *дражáйши есть кáмения многоцéннаго таковáя: дерзáет на ню сердце мýжа ея: таковáя дóбрых корыстей не лишúтся... обрéтши вóлну и лен, сотворú благопотрéбное рукáма своúма. Бысть яко корабль кýплю дéя, издалéча собирáет себе богáтство: и востаéт из нóщи, и дадé брашна дóму и делá рабыням. Узрéвши селó купú, от плодóв же рук своих насадú стяжáние. Препоясавши крепко чрéсла своя, утвердúт мышцы своя на дело, и вкуси, яко добрó есть дéлати, и не угасáет светúльник ея всю нощь. Лакти своя простирáет на полéзная, рýце же свои утверждáет на вретенó, и рýце свои отверзáет убóгому, длáнь же прострé нúщу* (Притч. 31, 10—20).

Вопрос посетителя. Как христиане должны вести себя в храме Божием и вне оного?

Ответ старца Вонифатия. Мужчины и женщины, идя в церковь Божию, должны быть одеты просто, скромно и прилично, должны держать себя с некоторой важностью, только без всякой изысканности, должны наблюдать благоговейное молчание, возгревать в сердце истинную и пламенную любовь христианскую, должны быть чисты телом и сердцем, должны быть святы, сколько возможно для них, чтобы могли возносить молитвы свои к Святому Святых.

И по выходе из храма христиане должны вести себя так же, как и в самом храме, то есть должны быть так же степенны и любообильны к другим.

Вопрос посетителя. Какие плоды невоздержания и плотской жизни?

Ответ старца Вонифатия. Утрезви́теся, пия́нии, от вина́ своего и пла́читеся; рыда́йте, вси пию́щим вино до пиянства, яко отъя́ся от вас *весе́лие и радость,* говорит пророк Иоиль (Иоил. 1, 5).

Всяк бо пия́ница и блудни́к обнища́ет, и облече́тся в раздра́нная, говорит премудрый (Притч. 23, 21).

Кому го́ре; кому молва́; кому су́дове; кому го́рести и свары; кому сокруше́ния вотще́; кому сини очи; Не пребыва́ющым ли в вине; и не назира́ющым ли, где пи́рове быва́ют... аще бо на ча́шы и стклянницы вда́си очи твои́, последи́ и́маши ходи́ти нажа́йший бели́лнаго (лишеннаго коры) *дре́ва,* говорит премудрый (Притч. 23, 29—31). *Го́ре востаю́щым зау́тра и сике́р гоня́щым, жду́щым ве́чера: вино́ бо сожже́т: со гу́сльми бо и певни́цами, и тимпаны и свире́льми вино пию́т на дела́ же Господня не взира́ют и дел руку Его не помышля́ют,* говорит Исаия пророк (Ис. 5, 11—12).

Вот плоды невоздержания и пьянства!

Вопрос странника. Что составляет истинное основание земного счастья?

Ответ старца Вонифатия. Основание земного счастья составляют вера, надежда и любовь. Но только та вера, та надежда, та любовь, которой учит воплотившийся Сын Божий

и влагает в сердца наши Духом Святым. Следовательно, постоянная опора земного счастья — христианская вера, христианская надежда и любовь.

Вопрос странника. Будет ли мучение грешных для всех одинаково?

Ответ старца Вонифатия. Нет. Будут и степени мучений, как степени блаженства. Все определится строжайшей правдой, сообразно с делами каждого. Большее наказание определится тому, кто хорошо знал волю Божию, но не хотел исполнять ее, нежели тому, кто мало знал или совсем не знал заповедей Господних. Ибо так говорит Господь: *ра́б ве́девый волю Господи́на своего, и не угото́вав, ни сотвори́в по во́ли его, бие́н бу́дет много: неве́девый же, сотвори́в же досто́йная ра́нам, бие́н будет мало* (Лк. 12, 47—48). Почему, спросишь, и не знавший воли Божией будет наказан? Потому что всякий может и должен знать волю Божию, но если не знает, то потому не знает, что не старался познать, не радел о столь важной обязанности своей.

Вопрос монаха. Какую добродетель можно принять за главу всех добродетелей?

Ответ старца Вонифатия. Глава и сущность всех добродетелей есть любовь, но любовь правильная христианская, без которой ни пост, ни бдения, ни труды ничего не значат. Диавол всему может подражать в человеке: назовешь ли пост, бдения? — но и он никогда не спит и всегда *рыка́я ходит* (1 Пет. 5, 8). Только одна любовь и смирение не подражаемы для него.

Вопрос странника. Что такое молитва?

Ответ старца Вонифатия. Ты хочешь знать, что такое молитва? Ответ на это самый удовлетворительный найдешь в призывании молитвы Господней: молиться, значит от всего сердца взывать к Богу: *Отче наш, Иже еси на небесех!* — то есть с сыновней любовью, и вместе со священным страхом приближаться к Богу и представлять всего себя Ему, как сына отцу, предавать себя Его всеблагой воле и силе. Это существо молитвы, это уже самая молитва, хотя бы еще ничего не сказал Богу.

Вопрос странника. Что значит: быть нищими духом?

Ответ старца Вонифатия. Значит иметь духовное убеждение, что ничего своего не имеем, а имеем только то, что дарует Бог, и что ничего доброго не можем сделать без Божией помощи и Благодати: и таким образом вменять себя за ничто и во всем прибегать к милосердию Божию. Кратко, по изъяснению святого Златоуста, нищета духовная есть смиренномудра (Беседы 15 на Евангелие от Матфея).

Вопрос того же. Могут ли быть нищими духом и богатые?

Ответ старца Вонифатия. Без сомнения, могут, если помыслят, что видимое богатство есть тленное и скоро преходящее и что оно не заменяет недостатка благ духовных. *Ка́я бо польза человеку, аще мир весь приобря́щет, душу же свою отщети́т; или́ что даст человек измéну за душу свою* (Мф. 16, 26).

Вопрос монаха. Сколько врагов Царства Божия?

Ответ старца Вонифатия. Три главных врага Царства Божия: *плоть*, или плотская зараженная грехом природа наша, *мир*, или люди, живущие по духу века развращенного, не верующие, и *диавол*. Все они домогаются того, чтобы мы вместо воли Божией отдавались их воле, и хотят отвлечь нас от Царства Божия. Знай же и помни, что *творя́ще волю пло́ти и помышле́ний* мы бываем, по слову апостола, *чадами гнева* (Еф. 2, 3), что кто любит мир и его тройственную похоть: *похоть плотскую, похоть очес и гордость житейскую, несть любви Отчи в нем* (см.: 1 Ин. 2, 15. 16), и вместе с ними есть противник Богу. А зная это, всегда желай и проси не того, что угодно плоти, миру и диаволу, а того, что благоугодно всеблагому и всеправедному Отцу нашему Небесному.

Вопрос странника. Христианин должен молить Бога за себя ли одного или и за других?

Ответ старца Вонифатия. Христианин должен молить Бога за всех. Он должен желать всем благодати и спасения, всем, даже врагам своим, всем, даже неверным, даже гонителям и презрителям веры, если они еще не ожесточились совершенно. Что же о тех, спросишь, которые ожесточились и упорно противятся истине? О них говорит апостол Павел: *Мно́зи хо́дят... враги креста Христова: имже кончи́на погибель,*

имже Бог чре́во, и слава в студе́ их, иже земная му́дрствуют (Флп. 3, 18—19). Как молиться о них? спросишь? Апостол Иоанн пишет: *Есть грех к сме́рти: не о том, глаго́лю, да мо́лится* верующий (1 Ин. 5, 16). Остается молиться так: Господи! обрати к Тебе и сердца врагов наших, и если невозможно уже ожесточенным обратиться, то положи преграду разливу зла их и защити от них избранных Твоих.

Вопрос посетителя. Какое понятие должно иметь о злых духах?

Ответ старца Вонифатия. Злые духи, или злые ангелы, сотворены от Бога добрыми, ибо Бог что сотворил, то сотворил Он добрым, но они сделались злыми по собственной воле, как свидетельствует Господь наш о начальнике их: *он человекоуби́йца бе искони и во и́стине не стои́т, яко не́сть и́стины в нем: егда́ глаго́лет лжу, от своих* (от себя) *глаго́лет: яко ложь есть и отец лжи* (Ин. 8, 44). Они виновники всякого нечестия, хулители Божеского величия, развратители человеческих душ, сами и орудия их, как говорит Священное Писание: *Трезви́теся, бо́дрствуйте, зане́ супоста́т ваш диавол, яко лев рыкая́, хо́дит, иски́й кого поглоти́ти* (1 Пет. 5, 8). Они не могут человека принудить ко греху, а только обольщают его искушениями: ибо человек имеет свободную волю, и этой свободе и Сам Бог не делает насилия или принуждения. Поскольку же они осуждены навек, то никогда не могут получить Благодати Божией, как сказано: *иди́те от Мене́, прокля́тии, в огнь ве́чный, угото́ванный диаволу и аггелом его* (Мф. 25, 41).

Вопрос странника. Отче, крайняя бедность моя заставляет меня идти по миру за милостыней; что мне делать: идти или не идти?

Ответ старца Вонифатия. Советую тебе по миру за милостыней не ходить, а лучше трудиться и жить трудами рук своих. Послушай, что говорит об этом Священное Писание. Оно говорит: *Ча́до, живото́м просли́вым не живи́: лучше умре́ти, нежели проси́ти. Муж зря на чужду́ю трапе́зу, несть живот его в числе живота́: опеча́лит душу свою чужды́ми бра́шны: муж же худо́г и нака́зан сохрани́тся* (Сир. 40, 29—32). *Начало жития́ челове́ча вода и хлеб, и ри́за и дом покрыва́яй студ. Лучше жи-*

тие ни́щаго под кро́вом берве́нным, не́жели брашна добра́ в чужди́х. О ма́ле и о вели́це дово́лен буди (Сир. 29, 24—26).

Вопрос посетителя. Все ли люди подвержены прародительскому греху?

Ответ старца Вонифатия. Поскольку в состоянии невинности все люди были во Адаме; то, как скоро он согрешил, согрешили в нем и все и стали в состоянии греховном. А поэтому не только греху подвержены, но и наказанию за грех. *Якоже еди́нем челове́ком грех в мир вни́де и грехо́м смерть, и та́ко смерть во вся челове́ки вни́де, в немже вси согреши́ши* (Рим. 5, 12). Поэтому с этим грехом мы и зачинаемся в чреве матери, и рождаемся, как говорит святой пророк: *Се бо в беззако́ниих зача́т есмь, и во гресе́х роди́ мя мати моя* (Пс. 50, 7).

Вопрос того же посетителя. Как должно творить милостыню?

Ответ старца Вонифатия. Внемли́те, — сказал Иисус Христос, — *ми́лостыни ва́шея не твори́ти пред челове́ки, да ви́дими бу́дете ими: аще же ни́, мзды́ не и́мате от Отца вашего, Иже есть на небесех. Егда́ убо твори́ши ми́лостыню, не воструби́ пред собо́ю, якоже лицеме́ри творя́т в со́нмищих и в сто́гнах, яко да просла́вятся от человек. Аминь глаголю вам, восприе́млют мзду свою. Тебе́ же творя́щу ми́лостыню, да не увесть шу́йца твоя, что твори́т десни́ца твоя́, яко да бу́дет ми́лостыня твоя в тайне: и Отец твой, ви́дяй в тайне, воздаст тебе явь* (Мф. 6, 1—4).

Вопрос странника. Не довольно ли для христианина одной веры без любви и добрых дел?

Ответ старца Вонифатия. Не довольно. Ибо вера без любви и добрых дел есть не действующая и мертвая, а потому и не может привести к вечной жизни. *Не люба́й бо брата, пребывает в смерти* (1 Ин. 3, 14). *Ка́я по́льза, бра́тие моя, аще ве́ру глаго́лет кто име́ти, дел же не и́мать; еда́ мо́жет ве́ра спасти его? Якоже бо тело без ду́ха мертво́ есть, та́ко и вера без дел мертва́ есть* (Иак. 2, 14. 26).

Вопрос странника. Что должно думать о такой любви, которая не сопровождается добрыми делами?

Ответ старца Вонифатия. Такая любовь не есть истинная.

Ибо истинная любовь, естественно, оказывает себя добрыми делами. Иисус Христос говорит: *Имéяй заповеди Моя и соблюдáяй их, той есть любя́й Мя... аще кто лю́бит Мя, сло́во Мое соблюдéт* (Ин. 14, 21. 23). Апостол Иоанн пишет: *Сия́ есть любы́ Божия, да за́поведи Его соблюдáем* (1 Ин. 5, 3). *Не лю́бим сло́вом ниже́ язы́ком, но де́лом и и́стиною* (1 Ин. 3, 18).

Вопрос крестьянина. Отче духовный! Начальство определило меня быть головой в нашем селе; как мне поступать с людьми, мне вверенными?

Ответ старца Вонифатия. На этот вопрос представляю тебе совет премудрого Сираха, слушай! *Старе́йшину ли тя поста́виша, не возноси́ся, но буди в них яко един от них: попецы́ся ими, и тако ся́ди. И всю потре́бу твою́ сотвори́в возля́зи, да возвеселя́тся их ра́ди и красоты́ ра́ди прии́меши вене́ц* (Сир. 32, 1—3).

Вопрос странника. Почему в наше время нет чудес, какие творили святые апостолы, а я желал бы их видеть?

Ответ старца Вонифатия. Я тебе отвечаю на это словами святого Златоуста: «Ты желал бы чудес? Одолевай грех, и твое желание исполнится: изгнав его из твоего сердца, ты сотворишь чудо, и при том важнейшее того, какое производят наши заклинатели, изгоняя из бесноватых духов нечистых. Старайся о доброй жизни, полезной для тебя и для других; и ты будешь чудотворцем. Сделайся из скупого щедрым: ты исцелишь руку иссохшую и не могшую простираться для милостыни; отвращай взор от опасных предметов, влекущих его к злу: ты возвратишь себе слепому зрение; закрывай слух от мирских развратных песней, и пусть уста твоя открываются только для святых песней: ты сделаешь то же, что отверзешь уста немому. Вот из всех чудес самые важные. Они наиболее могут содействовать к нашей истинной славе и к обращению других» (Златоуст бес. 32 на Евангелие от Матфея).

Вопрос посетителя. Как я должен поступать в разговорах с другими?

Ответ старца Вонифатия. Вместо моего ответа на этот вопрос представляю тебе наставления премудрого Сираха, который говорит: *словесе́м твоим сотвори́ всех и меру, и уста́м твоим сотвори́ дверь и завóру* (Сир. 28, 29). *Бу́ди скор в слу́шании*

твоем, и с долготерпе́нием отвеща́вай ответ... отвеща́й и́скреннему: аще же ни, то буди рука́ твоя на усте́х твои́х. Слава и безче́стие в бесе́де, и язык челове́ч паде́ние ему (Сир. 5, 13. 14—15). *Пре́жде не́же услы́шиши, не отвеща́вай, и не влага́йся в среду́ бесе́ды. Есть молча́й, не и́мать бо отве́та: и есть молча́й ве́дый вре́мя. Человек прему́др умолчи́т до вре́мене: проде́рзый же и безу́мный превосхо́дит время. Умножа́яй словеса́ ме́рзок будет* (Сир. 11, 8; 20, 6—8). *Глаго́ли, ю́ноше, аще тебе есть потре́ба, едва́ два́щи, аще вопроше́н бу́деши: сократи́ слово, ма́лыми мно́гая (изглаго́ли): бу́ди яко ве́дый и вку́пе молча́* (Сир. 32, 9—10).

Вопрос странника. Все ли человеки суть ближние наши?

Ответ старца Вонифатия. Все. Потому что все суть создания Единого Бога и произошли от единого человека. Но присные по вере сугубо близки нам, как чада Единого Отца Небесного по вере во Иисуса Христа.

Вопрос посетителя. Почему гордость и тщеславие относятся к идолопоклонству?

Ответ старца Вонифатия. Потому, что гордый выше всего ценит свои способности и преимущества, и таким образом они для него суть идол: а тщеславный желает, чтобы и другие этого идола почитали. Такое расположение гордого и тщеславного даже чувственным образом оказалось в вавилонском царе Навуходоносоре, который поставил сам себе идола и велел поклоняться ему (см.: Дан. гл. 3).

Вопрос того же посетителя. Что такое Ангелы-хранители?

Ответ старца Вонифатия. Это безплотные духи, посылаемые Богом каждому человеку, со дня вступления его в благодатное царство, то есть со времени крещения, и остающиеся с ним до самой его кончины, если только христианин своими поступками не отгонит их от себя.

Не станем же забывать Ангела-хранителя; не будем удалять его от себя нераскаянностью и беззаконием, — и он не оставит нас до самой кончины нашей, а в час смертный, когда наступит время, передаст нас из школы воспитания Тому, Кто даровал нам жизнь и приставил к ней невидимого пестуна, мы сами узрим его радующимся и сопутствующим душе нашей в место радостей нескончаемых.

Вопрос странника. Что ожидает людей, не исполняющих заповедей Божиих?

Ответ старца Вонифатия. Людям, не исполняющим заповедей Божиих, Господь Бог грозит так: *И прии́дут на тя вси́ клятвы сия, и пости́гнут тя, до́ндеже потребя́т тя... аще не послу́шаеши гла́са Господа Бога твоего храни́ти запове́ди Его, и оправдания Его, елика заповеда тебе* (Втор. 28, 15. 45).

Проклят! Проклят!.. Страшная нищета, страшный голод, и холод, и жар нестерпимый, все роды болезней... Ни дому, ни жены, ни детей, ни скотины... даже для мертвеца нет горсти земли, чем бы прикрыть бездушный труп его!.. Что еще. Господи? Осталась ли еще у Тебя какая-нибудь казнь для преступников святого закона Твоего?.. Ад и вечная мука, вечный огнь и вечная тьма кромешная, вечный пламень и вечный скрежет зубов, ответствует Слово Божие.



СТАРЕЦ-ЗАТВОРНИК ГЕФСИМАНСКОГО СКИТА ИЕРОСХИМОНАХ АЛЕКСАНДР (1810—1878)

Иеросхимонах Александр (Стрыгин) положил начало своей монашеской жизни в Оптиной пустыни, где вместе с будущим преподобным Амвросием Оптинским проходил одно послушание и вместе с ним ходил для духовного наставления к преподобному Леониду Оптинскому. Эта духовная дружба не прекратилась и впоследствии: когда отец Александр принял старчество в Гефсиманском скиту, преподобный Амвросий нередко присылал к нему своих духовных чад на исповедь.

Беседы с отцом Александром, которые публикуются в нашем издании, были записаны его келейником Гавриилом (будущим великим старцем Зосимовой пустыни схиигуменом Германом), который поступил в Гефсиманский скит в феврале 1868 года и прожил в послушании у отца Александра семь лет.

«Я не решился бы их напечатать, если бы не преосвященный Феофан Вышенский, — рассказывал старец Герман. — Когда я еще в Гефсиманском скиту жил, я о себе возомнил много, по гордости: и наставлял, и учил кое-кого, и даже старцем прикинулся; ко мне даже приходили за советом из братии, да и миряне тоже. Так вот я и писал тогда преосвященному Феофану о своих сомнениях. И он меня наставлял. Послал я ему и свои записки о старце моем, отце Александре, и он мне на это ответил, что советует напечатать, потому что скрыть это от могущих почерпнуть в них назидания было бы «небезгрешно».

О молитве и как ею заниматься

Ученик. Батюшка, назначьте мне какое-нибудь келейное правило.

Старец. По словеси Господню: *Бодрствуйте и молитесь, чтобы не впасть в искушение* (Мк. 14, 38). И Апостол говорит: *Непрестáнно молúтесь* (1 Сол. 5, 17). Вот тебе правило.

Ученик. Другие старцы налагают на учеников своих различные келейные правила, заставляют их полагать много поклонов, а Вы даете мне свободу и не устанавливаете никакого правила. И я очень скорблю об этом, потому что желаю спастись.

Старец. Брате мой, и я желаю тебе спастись так же, как самому себе. Но зачем мне возлагать на тебя бремя, которое ты не в силах понести? Ты несешь теперь один пуд, возложи на тебя два пуда, ты бросишь оба. Разве ты не знаешь, что когда объезжают молодую лошадь, то сначала на нее кладут немного тяжести, а когда она втянется в работу, тогда возлагают много? Знает хозяин лошади, что она привыкла к труду. Так и в духовной жизни поступают. Смущаться этим не надо. Скажу тебе главное: храни ум твой в смирении и самоукорении.

Еще скажу тебе, брате мой, что пользы будет, если дать тебе правило, установить для тебя известное количество поклонов и облечь прочими формами? А ум у тебя будет занят только тем, как бы исполнить и когда исполнить удобнее, и ты будешь, как работник, ожидать награды от своего хозяина за работу и не будешь замечать, как ум твой будет кичиться этим и осуждать других. Не лучше ли всегда считать себя должником пред Господом Богом и воссылать сердечные ко Господу молитвы, чтобы Он умилосердился на нашу нищету*. Я, брате мой, не желаю тебя иметь под законом, но под благодатью**. Какая польза возложить на тебя тяжкое бремя,

---

* По поводу последних слов преосвященный Феофан сделал замечание: «Без определенного правила нельзя оставлять никого. Но соображаться следует с качествами приступающих к сему делу и внушать, чтобы не довольствовались одним внешним исполнением положенного». Впрочем, в действительности отец Александр так и поступал: и вышеприведенными словами он не хотел сказать, будто не нужно налагать никакого молитвенного правила, а только хотел сильнее высказать ту мысль, что не следует возлагать надежду на одно внешнее исполнение правила и превозноситься тем. Кроме того, предполагается, что ученики отца Александра, которые спрашивали его о правиле, должны были ежедневно ходить ко всем церковным богослужениям. Отец Александр предоставлял свободу только в правиле келейном, исполняемом помимо общеустановленного.

** Эти слова сказаны старцем по примеру Варсонуфия Великого (ответ 23).

которое может навести на тебя смущение, а враг этим воспользуется, чтобы повредить тебе, потому что он всегда вкладывает в нас мысли будто бы добрые и тем незаметно вовлекает нас во зло: ведь он живет восьмую тысячу лет — знает он, как с нами управиться.

Ученик. Некоторые старцы говорят, что количество приводит к качеству, потому и назначают правило.

Старец. И мы с тобой начнем сначала говорить безпрестанно: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного», но ум свой отклоним от счета молитв* и не будем считать себя праведниками исправными, а лучше будем считать себя великими грешниками, по Апостолу, *забывáя, заднее простираясь же вперед* (Флп. 3, 13).

Ученик. Опять некоторые отцы говорят, что безпрестанно молиться — это дело святых мужей и совершенных.

Старец. По заповеди Господней и Апостольской необходимо всем христианам памятовать о Господе, а тем более монашествующим, как средним и совершенным, так и новоначальным, потому что слова *непрестанно молитесь* (1 Сол. 5, 17) сказаны всем христианам. Нам надо спасение свое соделовать, не меряя на аршин, но подвизаясь в смиренномудрии.

Вообще отец Александр давал келейное правило по силам каждого и сообразно с его положением, но не возлагал *тяжкого бремени неудобоносимого*, как сказано в Святом Евангелии (см.: Мф. 23, 4), не обременял ничем таким, что могло кого-либо привести в смущение и расстройство. В этом отношении отец Александр был крайне осторожен и рассудителен, вызывая даже тем самым негодование некоторых других старцев, которые называли его «баловником», хотя впоследствии сами обратились к отцу Александру и сделались его учениками**.

---

* Здесь преосвященный Феофан опять сделал замечание: «Нужно или количество определить или время. Иначе мы — поклон, другой, и бросим. Когда образуется нужда молитвенного с Богом пребывания, тогда правило само собой прекратится».

** Из их числа были: иеросхимонах Симеон (сконч. в 1875 г. в Николо-Угрешском монастыре), иеромонах Тихон (сконч. в 1873 г. в Гефсиманском скиту) и иеросхимонах Иоанн (сконч. 8 января 1898 г.).

Если иногда случалось, что кто-либо не исполнял келейного правила, то отец Александр советовал пополнить недостающее смирением и самоосуждением. Иногда же скажет шутливо: «Смирнее будешь». Другим советовал заменять правило в случае нужды молитвой Иисусовой. Так, монахине Каллисфении говорил: «Когда не можешь совершить правила, то сядь, твори молитву Иисусову сколько можешь — один час или полчаса, и вменится это вместо правила». И вообще советовал более всего заниматься молитвой Иисусовой сердцем и устами: «Старайся, — говорил он, — имя Господне произносить устами: оно очищает и избавляет сердце от страстей».

Ученик. Батюшка, почему так мало усердно занимающихся молитвой Иисусовой?

Старец. Много начинают, да мало кончают. Молитва Иисусова выше всех деланий духовных. Но если кто понудит себя усердно к ней и на опыте вкусит сладость от нее, тот скажет тогда: «Блажен тот человек, который ею занимается»*.

Ученик. Батюшка, как же научиться этой молитве, так чтобы, положив начало, и после не перестать ею заниматься, потому что начинающие читают эту молитву с трудом и неохотой?

Старец. Надо нудить себя. Без самопринуждения ни в чем не успеешь. Трудно идти в гору — под гору бывает легче; трудно бывает также слепому, пока он не прозрит; а когда прозрит, радуется и веселится, что увидел свет. Так и молитве, хотя и плохо и с трудом будем учиться, но со временем выучимся, если не ослабеем; зависеть это будет от нашего самопонуждения. Божия же помощь всегда готова к нам прийти.

Ученик. Батюшка, простите; помысл меня устрашает и говорит, что я ум свой поврежу, когда буду творить молитву.

---

* К означенному ответу отца Александра преосвященный Феофан добавил, что не всякому следует тотчас приниматься за молитву Иисусову: «Молитва Иисусова должна идти после успеха в обычных молитвословиях, когда утвердится позыв к молитве в сердце. Кто прежде сего начинает, ничего не приобретает. Он похож на того, кто дует на холодный уголь».

Старец. Не обращай на это внимания; помысл этот от врага; а ты скажи помыслу: «Хотя бы случилось и умереть — но с именем Господним», и знай, продолжай молитву со вниманием.

Ученик. Батюшка, почему я, когда сойдусь с кем-либо, то готов говорить сколько угодно, и не вижу, как идет время. Когда же стану на молитву дома или в церкви, тогда откроются все невзгоды: и сон, и леность, и помыслы, и усталость, и время-то, кажется, необходимо для отдыха, и дела-то представляются нужные и необходимые?

Старец. Враг наш диавол, кругом нас скрадывающий и обманывающий, чрез нерадение и безпечность о нашем добром делании хочет отнять у нас время, как сказал некоторый святой старец: «Если кто-либо потеряет золото или сребро, то он может найти другое; если же потеряет время, живя в праздности и лени, то не возможет найти другого, взамен потерянного» (авва Дорофей, Поучение XI).

Когда мы предстанем на суд Божий, совесть обличит нас в том, что все время провели в лености и нерадении, мало помнили о Боге и редко к Нему обращались, считая молитву и беседу с Ним скучными и невыносимыми; а Господь нам скажет: «Какую милость чаете получить от Меня вы, обращавшие весь свой ум и заботу только на дела свои? Идите же в место, уготованное для тех, кто проводил время жизни в суете, лености и нерадении о своем спасении: с кем вы проводили дни ваши, с тем же и приимите мзду за вашу безпечность».

Ученик. Батюшка, нам, мирским людям, часто нет времени сходить в храм Божий. И дома молиться препятствуют различные дела. Если даже пойдешь в церковь, то нередко думается, что произойдут от того опущения в делах.

Старец. Это вы говорите только для того, чтобы не признать своей неправды и оправдаться. Если мы имеем усердие ко храму Божию или к молитве, то никакие дела нам не воспрепятствуют. Когда придет, например, к вам в гости кто из родных или знакомых или случится что-либо подобное, то вы оставляете свои дела и идете к гостям. А на молитву у вас нет

времени: так мы делаем дело Божие с леностью и небрежением.

Провести с кем-либо в праздной беседе несколько часов мы готовы и рады были бы продолжать беседу после того, как она окончится. А когда станем на молитву, тотчас становится скучно, и представляются дела неотложные, и что настало уже время отдыха, и прочие невзгоды приходят.

Мы сами здесь уже себя осуждаем, потому что насколько в здешней жизни приобретаем мы усердие к всегдашнему памятованию Господа, настолько познаем Его и в будущей жизни (подобно тому, как в воинском искусстве, в разных художествах, в языках и науках только тот преуспевает, кто наперед потрудился, чтобы их изучить); если же в здешней жизни мы ленивы к молитве, то и в будущей окажемся в таком же положении.

С подобным приведенному вопросом обращалась к старцу отцу Александру и монахиня Каллисфения*: «Совсем осуетилась, не нахожу времени помолиться и о сем скорблю». Старец ответил: «Не тот блажен, кто начал, но кто окончил. Избери время, хотя три раза проговори молитву Иисусову, и то спасительно».

Старец ставил внутреннюю молитву выше всех других добродетелей. Один ученик сказал старцу: «Батюшка, простите меня, я очень мало работаю для обители и скорблю о том». Старец ответил: «Не заботься о том, а больше работай над душой своей; зачем пришел сюда, чего искать — не спасения ли души?» И на вопрос ученика: «Батюшка, как исполнить слово

* Монахиня Каллисфения Хотькова монастыря скончалась 29 марта 1887 года на пятьдесят четвертом году своей жизни, была преданная духовная дочь отца Александра; она писала о себе одному духовному брату за восемь дней до своей смерти, то есть 20 марта, так: «Все желание и воздыхание, вся скорбь души моей — как бы спастись и угодить Господу, и возлюбить Его всем сердцем моим, и ближнего своего. Но все-таки мое попечение тщетно: вижу себя как бы осыпанной грехами, не сделала и одного шага вперед. Когда размышляю о своих грехах и недостатках и о Божием милосердии, упаду пред Богом и кричу: «Грешная есмь, — повторяю несколько раз, — се раба Твоя, пусть будет святая воля Твоя».

Евангелия: *был болен, и посетили Меня* (Мф. 25, 36)?» — старец ответил: «Не заботься о сем; посещай свою душу усердной ко Господу Богу молитвой, ибо душа твоя больна».

Старец не предписывал иметь при молитве какое-либо определенное положение тела. «Молиться, — говорил он, — можно и сидя, и лежа, и ходя, и одному, и в присутствии других, чтобы ум внимал тому, что говорится устами, а не о другом чем мечтал». Так, когда монахиня Каллисфения высказывала старцу: «Батюшка, иногда хочется помолиться, а при товарке я стесняюсь; еще скорблю, что не имею умиления», — то старец ответил: «Можешь молиться при единодушной товарке, если и она желает спастись. Сядьте обе и творите молитву Иисусову; придет и умиление».

Один из учеников спрашивал: «Не грех ли молиться сидя и лежа?» Старец отвечал: «Нам старцы говорили: хотя бы вверх ногами, да творить молитву; многие по немощи лежа творили молитву, да бесов стоящих побеждали полки».

Еще спрашивал старца один ученик о том, часто ли зажигать ему лампаду в келье? Старец отвечал: «Надо зажигать лампаду своего сердца, чтобы оно горело любовью ко Господу Богу». Говорил также старец, что молиться можно иногда устами, иногда умом, держа внимание ума в сердце. «Когда изнеможет ум и сердце, для отдохновения творить можно молитву устами, выговаривая слова молитвы вслух, чтобы сердце чувствовало».

О том, что стяжать добродетели невозможно без труда и без борьбы со страстями

Ученик. Батюшка, я очень желаю спастись.

Старец. Положи начало, и Господь тебе поможет; мы так себе не желаем спастись, как Господь нам желает спасения.

При этом старец присовокупил: «Замечай, что когда у тебя душа неспокойна и помысл говорит тебе: сделай поскорее

то или другое дело, то знай, что это враг хочет тебя смутить и навести скорбь душе твоей»*.

Ученик. Батюшка, я издавна желаю монашества, и как хорошо было бы, если бы Господь сподобил меня быть монахом.

Старец. Покажи дела, достойные монашества, и в будущем веке обрящешь себя монахом.

При этом старец прочитал из жития Пимена Многоболезненного, Печерского чудотворца**.

Ученик. Батюшка, простите меня, я все предаюсь мечтательности о себе, будто бы я живу хорошо и благочестиво.

Старец. Не хвались, сын мой, при начале; еще неизвестно, какой конец будет.

Ученик. Батюшка, простите меня, вот сколько времени уже я живу в монастыре, ничего не приобрел и не приучил себя ни к чему доброму. Все зазираю и осуждаю прочих, а сам как свинья во блате валяюсь.

Старец. А что ты за человек, что хочешь добродетели стяжать без трудов? Не успел еще опериться, а хочешь лететь. Нет, они достигаются усиленными трудами и долгим временем. Тогда-то будешь ты их ценить, когда они достанутся тебе через труды твои. Если же что без трудов приобретено, то скоро и потерять можно. Мы бываем спокойны, когда безпрепятственно можем исполнять все свои желания, и когда ничто нас не тревожит: захотим что есть — едим, захотим пить — пьем, захотим спать — спим, захотим пройтись куда — тоже себе не отказываем, а если захотим бороться против этого, то увидим скорби.

Ученик. Батюшка, почему опытные и искусные в духовной жизни старцы удерживают ревностных новоначальных монахов и послушников от разных подвигов духовных в начале их отвержения от мира и пребывания в монастыре?

Старец. Они потому удерживают, что знают козни врага рода человеческого, который всегда под видом добра ищет нашей погибели, стараясь после подвигов вринуть нас в отчаяние или леность. Старцы, как опытные в духовной жизни,

---

* Третья утренняя молитва святого Макария Великого.

** Печерский патерик, 7 августа.

так как сами проходили этот путь и видели опасности, на нем бывающие, знают, сколь многие погибают на сем пути от самочиния.

Ученик. Батюшка, пока есть ревность, то и хорошо подвизаться вначале.

Старец. Бывает ревность и не по разуму, как нам говорили старцы. В одно время я шел по саду и вижу, что садовник с молодых яблонь срывает цветы. Я спросил садовника, зачем он срывает цветы. А он мне и говорит, что если не срывать, то будут плоды, то есть яблоки. Меня это удивило, и я спрашиваю опять: «Что же, это хорошо, что плоды будут». А садовник говорит мне в ответ, что эти плоды повредят самой яблоне, и она впоследствии будет безплодная. Эти плоды теперь вытянут сок из корня, и она может погибнуть, но когда корень возмужает, тогда и плоды будет приносить сугубо. Вот, видишь ли, так и человек плоды дает во время свое*.

Ученик. Батюшка, как помочь тем, которые повредились от неразумия в духовных подвигах?

Старец. Нам старцы говорили, если кого враг чем запял (обманул), то надо советовать им, чтобы они делали себе насилие поступать напротив, именно: кого запял чрезмерным постом, то чтобы они оставили пост**, а тем, кого запял многими поклонами, надо советовать, чтобы они оставили поклоны***, а только одной молитвой Иисусовой довольствовались, хотя, может быть, и будет это казаться странным для многих, кто не знает этого духовного делания.

Со мной был один подобный случай, когда я был в пещерах в затворе: однажды подвели к окну кельи одну женщину, которую, как я заметил, враг запял многими поклонами. Я советовал, чтобы она оставила поклоны и занималась только одной молитвой Иисусовой. Но она не захотела, и пошел слух такой, что вот-де затворник молиться запрещает; был

---

* Ср. Пс. 1, 3.

** То есть чрезмерность поста, а не вообще пост, как разъясняет преосвященный Феофан.

*** То есть полагание поклонов без молитвенного к Богу возношения, а поклоны всегда полезны, как и пост (замечание преосвященного Феофана).

большой говор и смех. Видишь ли, и в этом враг найдет причины к соблазну. Но только, помню я, что к отцу Леониду, старцу Оптиной пустыни, бывало, многие такие приходили; и те, которые, бывало, его послушают, получали облегчение и исцелялись, а кто не слушал его, те оставались неисправленными.

Ученик. Мне, батюшка, помысл говорит, что можно еще подождать утруждать себя разными подвигами о спасении души.

Старец. Этот помысл от врага. Почему мы знаем, когда приидет час нашей смерти? Враг и мне говорит сейчас, вот что и ты говоришь: тогда начнешь подвизаться, когда тебе исполнится в монашестве сорок лет. Видишь ли, вот каких, с какими седыми головами, обманывает*.

Ученик. Батюшка, мне некоторые говорят, что надо жить посвободнее и что стеснять себя не должно.

Старец. Это говорят те люди, у которых не согрето сердце, а у кого оно согрето, тот не скажет этого.

Ученик. Весьма прискорбно и болезненно бывает слышать от людей: «Погоди-ка, еще не то с тобой будет; думаешь, что так и проживешь (то есть так же подвизаться будешь), вот и мы сначала так же подвизались, а вот посмотри на нас, какая с нами перемена; то же и с тобой будет», — или когда указывают на прочих людей, из которых многие потеряли ревность и ослабели.

Старец. Хотя есть корабли, которые претерпевают и крушение, но многие и пристанища достигают. Да, прискорбно и болезненно бывает это слушать. Это говорят слуги сатаны: сам он мыслями смущает и потом научает людей, дабы ослабить ревность ко благочестию. Нужна бывает сильная помощь Божия. Надо удаляться от таких людей и бегать. Господь нас сотворил и добрыми, и благими, но большей частью чрез людей научаемся всякому злу и неправде.

---

* Следует заметить, что отец Александр и действительно не дожил до сорока лет в монашестве пяти дней, так как поступил в монастырь 14 февраля 1838 года, а скончался 9 февраля 1878 года.

Ученик. Батюшка, доколе может стоять человек в добродетели?

Старец. Дотоле, доколе умом своим от Бога не отступает; а то, как муха в сметане, погибнет.

Ученик рассказывал: «В одно время прихожу я к старцу и говорю: «Батюшка, поздравляю Вас с праздником». Старец ответил: «Тогда у монаха праздник, когда на душе его отрада бывает». И при этом старец рассказал из жития преподобного Пахомия Великого, как старец его, преподобный Паламон, ударил себя рукой в лоб, говоря: «Господь мой Иисус Христос был распят, а я хочу вкушать с маслом», — и простоял на молитве три дня.

При этом старец прибавил ученику своему: «Вот, чадо, и праздник».

Ученик. Батюшка, а всегда ли бывает на душе отрада?

Старец. Если бы всегда была отрада на душе, то мы бы забылись; а когда у нас ее нет, тогда начнем ее искать.

Ученик. Батюшка, простите меня и помолитесь: все что-то плохо живется, и ничего не прибавляется к моим добрым делам.

Старец. Больше молчи и не внимай никаким помыслам, далее и добрым, никого не осуждай и не раздражайся. Авва Арсений сказал одному брату: «Молчи, непрестанно молчи».

Ученик. Батюшка, я вижу, что не имею смирения, во всякое доброе дело вмешивается помысл тщеславия. Очень скорблю об этом.

Старец. Оставь слезы, лучше смиряйся. Я расскажу тебе случай. Ко мне пришел один клиросный брат и сказал про себя, что он имел такой дар слез. «Однажды, — говорил он, — стоял я с братиями посреди церкви на пении и не мог удержаться от слез; вдруг вижу видение: Матерь Божия стоит на воздухе, пред Ней на коленях стоял монах и просил помилования. Она, показывая на меня, сказала: «Вот, проси его, он

достоин; Я послушаю его». Вот видишь ли, враг везде строит козни, и слезы не всегда бывают полезны*.

Ученик. Батюшка, простите мое любопытство: были ли Вам в жизни Вашей какие-либо страхования или видения?

Старец. Были помыслы; враг говорил мне: «Ты чудотворец», — но я ограждал себя крестным знамением, с самоукорением говорил себе: «Может ли быть, чтобы великий грешник был когда чудотворцем?» И эти помыслы скоро всегда проходили; или псалом говорил: *Боже, в помощь мою вонми́*... (Пс. 69, 2).

Ученик. Как же в прежние времена были святые мужи, как преподобный Антоний Великий, преподобный Сергий и другие, которым были видения и страхования?

Старец. Они жили тогда в глубокой пустыне и людей не видели, а если видели, то мало; а мы живем в общежитии и боремся общими силами; Господь не попускает нам искушений сверх сил наших**.

Один ученик старца, придя к нему, говорит: «Батюшка, помолитесь обо мне: я сильно обуреваем помыслами». Старец ответил: «Терпи, чадо, и Господь тебе поможет; я бы и сам рассказал кому свой помысл, чтобы получить наставление и утешение. С тобой борется простой бесенок, а к нам приступают князья бесовские, с ними борьба и страшнее, и опаснее».

При этом старец начал отирать рукой ланиты и глаза свои, наполненные слезами.

Когда старец сказал одному ученику: «Если бы кто знал, какие враг делает усилия, чтобы отклонить человека от молитвы (и от добродетели вообще), что он готов для того дать человеку все сокровища мира», — то ученик спросил старца: «Батюшка, неужели такую враг имеет силу и власть?»

---

* То есть нужно иногда не плакать и не жаловаться на помыслы, а терпеть и бороться с ними, так как удивляться и сильно смущаться при каждом явлении помыслов свойственно человеку при неправильно высоком мнении о своей чистоте, от которого и происходит печаль и смущение.

** 1 Кор. 10; 13. См. об этом также у Иоанна Лествичника, ст. 1.

Старец ответил: «От врага сила не отнята, как мы видим из жития преподобной Евдокии (1 марта ст. ст.). Когда Архангел Михаил вознес душу преподобной Евдокии на воздух, тогда явился страшным образом и говорит Архангелу: «Оставь ярость и послабь немного узы, которыми я связан. Увидишь, что я в мгновение ока истреблю от земли человеческий род и наследия его не оставлю». Видишь ли, что силу он имеет, только власти не имеет, даже и над свиньями, как видно из Святого Евангелия» (см.: Мк. 5, 12—13).

О том, что без смирения и внимания к себе невозможно приобрести добродетели

Один ученик спросил старца: «Что необходимо потребно для спасения?» Старец на это отвечал: «Необходимо потребно для спасения смирение: насколько человек смирит себя пред Господом, настолько и обрящет благодать. В житии святого Евстафия Плакиды (20 сентября ст. ст.) мы читаем, что Господь явился ему и сказал: «Когда ты приидешь в глубину смирения, Я вознесу тебя и прославлю на небесах пред Ангелами Моими».

«Многие, — говаривал старец, — творили великие добродетели и даже претерпели некоторые мучения, как видим мы из «Слов пятидесяти» святого Макария Египетского, а после впали в гнусные страсти и погибели».

«Батюшка, это страшно, как же спастись можно?» — спросил однажды по поводу этих слов ученик. «Со смиренномудрием легко можно спастись, если захотят; надо полагать, — отвечал старец, — они погибли, не имея этой добродетели, то есть смирения, понадеялись на себя и развратились».

Вообще старец постоянно внушал своим ученикам, что смирение есть наиболее удобный путь ко спасению. «Смирение, — он советовал, — пусть восполняет недостаток других добродетелей».

Когда, например, один ученик высказывал старцу: «Батюшка, у меня нет ни молитвы, ни чего доброго, и оттого я бываю в великой печали и о сем скорблю», — то старец отве-

тил: «И у царя земного не все воины бывают генералами, есть и офицеры, и простые солдаты; так и у Царя Небесного: если не будешь генералом, то будешь простым солдатом, а все будешь воин Небесного Царя. Смиряй и укоряй себя во всем, как непотребного раба».

Другой ученик говорил: «Батюшка, простите меня, я все предаюсь лености и нерадению, у меня нет ни поста, ни молитвы, ни воздержания». Старец отвечал: «Заготовляй себе более смирения и самоукорения; придет время, и ты будешь поститься, а то теперь ты будешь поститься, а прочих зазирать и осуждать. Многие плоть свою постом иссушили, а страсти ни одной не победили, ибо без смирения трудно спастись».

То же говорил старец и монахине Каллисфении. «Батюшка, — высказывалась она пред старцем, — прошу я Господа: «Дай мне положить начало благое во спасение, согрей оледенелое мое сердце». А все холодно на сердце, и не имею чистой молитвы. Помыслы обуревают меня, забываюсь, замедление и услаждение постигают меня, простите и помолитесь за меня».

«Немощнейшее дитя мое, — говорил старец, — хотя и ревностно твое устроение, но слабо, смиряйся и не осуждай других. Смирение и одно сильно представить пред Богом». (Письмо к монахине Каллисфении.)

Нередко старец говаривал: «Если в мирской жизни торговец торгует каким-либо товаром и видит, что у него есть избыток и барыш от торговли, то он радуется этому, потому что приобретает богатство. Так и монах или обыкновенный добродетельный человек, если живет благочестно и приобретает истинное смирение от дел своих, то пусть радуется, что не с пустыми руками отидет от здешней жизни, а если нет смирения, то напрасны все его труды и подвиги, предпринятые им в здешней жизни».

Поэтому старец всегда внушал ученикам, чтобы они не надеялись на какие-либо внешние добродетели, коль скоро с ними не соединяется смирение и самоукорение.

Однажды пришел к старцу некоторый брат и говорит: «Батюшка, я думаю, достаточно для спасения того, что я хожу ко всем церковным службам, полагаю известное число поклонов в келье и прочее, что требуется по правилам и монашеским уставам, исполняю тщательно».

Старец. Не за то мы будем осуждены, что не совершили великих подвигов внешних и добродетелей (это все хорошо, но при внутреннем делании*, и когда совершается со смирением) или не творили чудес, а за то, что не плакали о себе, как говорит святой Иоанн Лествичник**. Будем осуждены за наше неправильное (высокое) мнение о себе и за успокоение себя и совести своей такими помыслами (то есть будто достаточно одних внешних добродетелей).

Брат. Как же сказано в Святом Евангелии: *Да не смущается сердце ваше... В доме Отца Моего обителей много* (Ин. 14, 1. 2)?

Старец. Это сказано тем, которые сетуют и плачут о грехах своих и познали свою нищету духовную, а не тем, которые успокаивают свою совесть одними внешними добродетелями.

Другой брат сказал старцу, что он столько-то лет не ест ни мяса, ни рыбы, в известные дни вкушает с маслом, в прочие же дни сохраняет пост и воздержание; но он не может спокойно выносить от кого-либо слова против него, как бы забывает себя при этом от сильного гнева и ярости.

Старец ответил: «Поститься ты научился, но смирять свое сердце не научился; полной пользы не получим от поста, если не научимся смиряться и укорять себя во всем и если не обратим все наше внимание на внутреннее делание наше. Многие много сеяли, но, когда пришло время жатвы, ничего не могли пожать, так как сеяли они неразумно, то и ничего не пожали. Но ты, если хочешь послушать меня, исправь то, что неразумно в твоем посте. Пост бывает разумен, когда человек

---

* Замечание преосвященного Феофана.

** Степ. VII, ст. 70.

при сем смиряет своего внутреннего человека и очищает сердце свое от страстей».

Ученик. Батюшка, некоторые старцы советуют иметь в своей келье святую воду или просфору для того, чтобы, если случится какое искушение или что другое, употреблять это как средство.

Старец. Никто да не отвергает того, что установлено Святой Церковью для очищения всякого христианина. Но еще лучше, если мы стяжем Господа в уме и сердце и будем Его иметь всегда пред собой и молитвой к Нему возноситься всегда, и стяжем нищету духа. Нам старцы советовали более заботиться о внутреннем человеке, а внешнее само собой придет. Когда мы стяжем Господа в разуме, тогда возрадуемся радостью неизглаголанной. Наши старцы нам не велели держать в келье воды святой без нужды, а довольствоваться тем, что во храме употребляется*.

Ученик. Батюшка, мы читали в житии святителя Тихона, епископа Задонского, что он пред кончиной причаститься Святых Таин не сподобился, так как не успели рано отслужить литургию, а ведь святые мощи его прославлены.

Старец. Сказано: «Святая святым», то есть только святые достойны Святого Причащения. Но разве только те бывают святыми, которые часто причащаются Святых Таин? Частое причащение без внутреннего духовного делания не вменяется в достоинство причащающемуся.

Ученик. Батюшка, некоторые говорят, что гора Афон — место святое. Правда ли, что те, которые там живут, будут святы, так как Сама Божия Матерь обещала покрывать и защищать живущих там? Можно ли по причине такого обетования считать, что там спасешься, живя несообразно с заповедями Господними и преданиями святых отцов?

Старец. Приятен ли бывает господину раб, который, живя в доме его, безчинствует, делает оскорбления господину свое-

---

* Здесь преосвященный Феофан приписал: «И у Исихия: «Оттолкни искушающий помысл и к Господу обратись с молитвою», — и все тут».

му и производит соблазн? Не спасемся и мы, если нравы свои не переменим и не будем жить благочестиво, по заповедям Господним и по преданию святых отцов; напротив, понесем сугубое осуждение, живя небрежно и лениво.

Ученик. Как же, батюшка, многие наши русские с великим стремлением бегут на Афон, желая там получить себе спасение?

Старец. И многие не ошибаются: получают себе спасение на Афоне; но не надо думать, будто спасение можно получить только на Афоне. Где кто призван, там пусть и пребывает, по слову апостола Павла (см.: 1 Кор. 7, 20). Господь наш Иисус Христос сказал: «Истинные поклонники поклонятся Отцу духом и истиною на всяком месте» (см.: Ин. 4, 23—24). Многие стремятся на Афон или здесь, переходя с места на место, ищут Царства Небесного в людях, а не в себе, забывая сказанное в Евангелии: *Царствие Божие внутри вас* (Лк. 17, 21). Конечно, бывают переходы с места на место и по благословным причинам, но по большей части это бывает по недостатку смирения и терпения и по осуждению других.

Ученик. Батюшка, почему бывает так много людей, которые благоугождают Господу Богу, но не имеют особенных духовных дарований?

Старец. Возблагодарим Господа Бога за Его великие к нам милости, что Он премудро устрояет наше спасение, а дарования предадим Его святой воле, как Ему будет угодно, так пусть и устрояет сие. Нам со своей стороны нужно только понуждать себя к добродетели. Как в мирской жизни бывает, что богатый господин доверяет свое богатство верному и надежному приказчику, зная, что его богатство в руках этого человека будет сохранно, так и Господь ниспосылает особенные дары таким лицам, кои употребят их во спасение себе и ближним.

Ученик. А можно ли просить себе от Господа духовных дарований?

Старец. Нам старцы запрещали просить. Многие просили, Господь Милосердный давал им, желая успокоить их неразумный крик, хотя знал, что данное им не на пользу будет

(см. пример Евлогия Каменосечца в Прологе, 27 марта; хотя в Прологе сказано о вещественном богатстве, но это можно применить и к духовному). Скажу тебе, брате мой, не желай получить или достигнуть каких-либо духовных дарований; самое это желание неправильно и пагубно. Но старайся хранить себя как можно более в глубоком смиренномудрии, а остальное все предай воле Божией. Ибо мы не знаем, полезно ли нам получать какие-либо дарования. И еще скажу тебе: малоразумное дитя просит у отца своего ножик, но отец не дает ножа, зная, что дитя, по неразумию своему, может им себя обрезать. Брате мой, все тщание и все намерение твое обрати на то, чтобы увидеть себя, как пишет о сем святой Исаак Сирин: «Сподобившийся увидеть себя лучше сподобившегося увидеть Ангелов» (Слово 41, ст. 198).

Ученик. Батюшка, что такое значит увидеть себя, расскажите мне Господа ради.

Старец. По писанию святых отцов и по опыту, насколько нам Господь открыл, увидеть себя — это значит сознать себя великим грешником и счесть себя хуже всякого великого грешника, увидеть свои грехи паче песка морского и недостойным себя считать даже хождения по земле и прочее.

Ученик. Батюшка, это нам очень трудно и не под силу.

Старец. Лучше скажи: не хотим, ибо кто пожелает спастись, для того это будет очень легко. Помощь Божия ждет нас и всегда готова для нас, только с нашей стороны нужно понуждение. Без понуждения ничего не будет. Сказано: «Понуждающие себя восхищают Царствие Небесное» (см.: Мф. 11, 12).

Ученик. Всем одинаково предстоит труд смирить себя?

Старец. Разно бывает, смотря по тому, кто каким путем идет. Но только этот труд легче для простых сердец, у которых вера сильнее и простоты больше, как это видим, например, у Павла Препростого.

Ученик. Батюшка, отчего я все замечаю за людьми их недостатки? Когда, например, слушаю, что кто-нибудь читает что-либо или говорит о ком, мысленно осуждаю того, думая: вот этот человек подвержен такой или иной страсти или греху. Что мне делать при такой моей греховной привычке?

Старец. Человеческое сердце, как зеркало или чистое стекло; если оно чисто от страстей и пороков, то эту чистоту только и видит во всяком человеке и никого не осуждает и не порицает. Поэтому надо молить Господа Бога, дабы даровал нам «зрети своя прегрешения и не осуждати брата своего» (молитва святого Ефрема Сирина). Как велик этот грех осуждения ближних и какую великую доставляет нам потерю и препятствие ко спасению, об этом Спаситель наш Иисус Христос сказал в Святом Евангелии: *Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, таким будете судимы* (Мф. 7, 1—2). Но если сердце у кого нечисто и осквернено страстями и пороками, тот эту нечистоту видит почти во всяком человеке, за всеми замечает и подозревает дурное, как о сем пишет святитель Димитрий Ростовский (см.: «Духовный Алфавит»). То же говорит святитель Тихон, Задонский чудотворец.

Однажды вопросили старца некоторые преподаватели и наставники учебных заведений: «Батюшка, бывает иногда при наших занятиях: возвращаешься после уроков домой расстроенным и неспокойным».

Старец. Не бывает ли с вашей стороны причины к этому безпокойствию?

Наставники. Утром, когда мы идем в класс, мы всячески стараемся приготовиться, чтобы преподавание шло по порядку, и мысленно составляем планы занятий.

Старец. Вот видите ли, что самое начало ваше гордое, высокоумное и самонадеянное. Не лучше ли так поступить: когда вы идете на дело, сначала помолитесь ко Господу Богу усерднее, чтобы Он Сам управлял вашим делом во славу Свою, и смирите себя, сознавая свое безсилие и неможение, ибо без помощи Божией мы и рта разинуть не можем. Итак, если вы будете держать ум свой в смирении и во время ваших занятий в классе будете прибегать умом в молитве ко Господу и от Него будете ждать себе помощи, то, поверьте, тогда вы будете всегда мирны и спокойны.

Вопрос. Батюшка, бывает иногда так тяжело, а посовето-

ваться не с кем; к Вам написать — ответа долго не дождешься, а нужно очень скоро. Научите, как мне поступать?

Ответ. Трижды помолись Богу, и куда помысл склонится, так и поступай (Руководство к духовной жизни преподобных Варсонуфия Великого и Иоанна, ответ 711).

Вопрос. Батюшка, почему Вы так мало говорите, и говорите только то, что необходимо, хотя бы я желал более знать и слышать от Вас?

Ответ. О, брате мой, не желай без времени о многом знать, старайся опытом и делом учиться, тогда вернее обо всем будешь знать. Нам старцы говаривали: «Если человек богатеет мирскими благами, тогда он бывает скупее и расчетливее, а у кого приход с расходом равен бывает, тот не бережет копейки», — так же и в духовной жизни бывает.

Об исповедании помыслов старцу

Вопрос. Батюшка, некоторые, приходя в обитель, говорят, что теперь нет таких старцев, которые могли бы руководить к спасению души, и живут, никем не управляемые; некоторые из них предаются потом безпечности.

Ответ. Хотя по грехам нашим и нет ныне старцев таких, какие были прежде, но кто истинно хочет спастись, тому Господь не даст погибнуть и пошлет ему старца, или же Сам, имиже весть судьбами, вразумит его. А это говорят те, которые не хотят смирить своего сердца и своего мудрования; тем весьма трудно спастись. *Праведник же не оскудеет на земле до скончания века* (Руководство к духовной жизни преподобных Варсонуфия Великого и Иоанна. Святого Нифонта, ответ 4).

Вопрос. Батюшка, почему случается с некоторыми из монашествующих и даже с мирскими, что им представляются видения и страхования, или ум их омрачается помыслами, а между тем у них было также намерение спастись?

Ответ. Господь и Бог наш хочет, чтобы все спаслись; мы так себе не желаем спастись, как Он нам этого желает. А слу-

чается это с такими людьми большей частью от высокоумия, гордости и осуждения других. Когда предпринимают они подвиг, то ни с кем не хотят посоветоваться, живут по своей воле, от того и погибают.

Вопрос. А можно ли им надеяться спастись?

Ответ. Можно, если они захотят, только трудно это. Старцы нам говаривали: «Горбатого могила только исправит». А, впрочем, отчаиваться не надо: милосердия у Господа — неисчерпаемая пучина. Но, во-первых, им надо сделаться подобными малым детям и ничего без благословения не делать; обо всем надо советоваться, конечно, не со всеми, а к кому имеют доверие — со своим духовным отцом или с братом, имеющим духовный разум.

Вопрос. Батюшка, все ли святые жили под руководством старцев?

Ответ. Нет, не все; многие и без руководителя угодили Богу. Примеров таких много: такова преподобная Мария Египетская; у нее было уязвлено сердце теплотой скорби о грехах ее. Она сознавала свою греховную жизнь и удалилась в глубокую безлюдную пустыню. И какие там ни предпринимала подвиги и какие ни терпела злострадания, все считала себя великой грешницей. Чрез это стяжала она нищету духовную и просияла, яко светило, на земле, и до сего дня Святая Церковь ее ублажает и почитает. Так и к старцу ходят не ради чего иного, как ради того, чтобы смирить свое мудрование и преломить свою злую волю, дабы сделать ее покорной воле Божией и исполнять заповеди Господни впоследствии без труда.

Вопрос. Батюшка, непременно ли следует всем иметь старца для руководства в духовной жизни и недостаточно ли, как говорят некоторые, читать духовные книги?

Ответ. Когда обучают детей своих грамоте, то зачем их отдают в училища и нанимают учителей, которые бы растолковывали, что написано в книгах? Дали бы им одни книги и учебники, и пусть бы учились сами, без учителей? И это делают для обучения наукам в течение нескольких лет, хотя науки полезны только в здешней кратковременной жизни. Как

же столь пренебрегают душой безсмертной, говоря, что не нужно руководить в жизни духовной?

Вопрос. Батюшка, я замечаю, что только немногие из тех, которые говорят, что теперь нет старцев, и принимаются за чтение книг, приобретают сердечную теплоту и рассуждение: отчего это бывает с ними?

Ответ. Если кто истинно хочет спастись, то Господь и в нынешнем веке пошлет ему наставника невидимо. А в Священном Писании, как свидетельствует апостол Петр, *есть нечто неудобовразумительное, что невежды и неутвержденные, к собственной своей погибели, превращают* (2 Пет. 3, 16). Оттого многие из читающих впадают в лжеучение, ереси и расколы. В чтении Божественного Писания непременно нужен наставник. Мы читаем в Деяниях святых апостолов, что когда святой апостол Филипп спросил евнуха царицы Муринской, читавшего книгу пророка Исаии, разумеет ли он, что читает, тот отвечал: *как могу разуметь, если кто не наставит меня?* (Деян. 8, 31).

Когда я жил еще в Оптиной пустыни, многие новоначальные покупали себе священные душеполезные книги, например «Добротолюбие», и другие и говорили: «Вот нам старец — книги». Но ни в одном из них толку не оказалось. Действительно, они изощряли свой ум учить других, а сами на деле проходить добродетели не научились. Это случается и в миру: если кто-нибудь читает или спрашивает о торговле или о мастерстве каком, а сам на опыте заниматься этим не будет, то как же он может научиться сему?

Вопрос. Батюшка, что же делать, если человек действительно не находит такого, который растолковал бы ему Писание?

Ответ. Ищи и обрящешь; ищи усиленно и найдешь. Если человек усердно помолится ко Господу Богу, то после этого всякое малое отроча скажет ему на пользу его душе. А то, что иные будто желали бы найти руководителя, но не находят, говорят те, которые не хотят смириться. К тому же и враг рода человеческого, который всегда хочет нашей погибели, препятствует: знает он, что если кто со смирением будет ис-

кать совета у человека опытного в духовной жизни, то этот разъяснит спрашивающему коварство врага (как пишет святой авва Дорофей в пятом поучении).

Вопрос. Батюшка, простите меня Господа ради, я опять помыслами смущаюсь: ищу опытного старца и не нахожу по себе; все мне думается, что недостаточно так жить, как вижу их живущими. Если бы по-моему, то надо бы им лучше жить.

Ответ. О, брате мой, если не смиришь себя и не отсечешь своей воли, никогда себя не успокоишь: ищи сначала в себе Царство Небесное, тогда найдешь и в людях. Сказано в Писании: *И враги человеку — домашние его* (Мф. 10, 36); вот с этими-то врагами и надо нам бороться. Когда будем бороться и познаем свою немощь и безсилие — что без Божией помощи мы сами ничего не можем сделать, тогда сочтем мы всякого человека лучшим себя и найдем благопотребного для себя руководителя

Вопрос. Батюшка, отчего между старцами так мало можно встретить искусных, бывает даже, что иные старцы и святые, а мало искусны?

Ответ. Святыми, но неискусными бывают те, которые сохранили в себе благодать по Святом Крещении. Они, восприяв ревность о спасении, вскоре освящаются, не испытывая борений, которые обычны для падавших по крещении. Как они не испытали борьбы, то и советниками в сем деле быть не могут*. Но есть и такие святые, которых только мир почитает святыми и ублажает как прозорливцев, — и к таким не прилепляйся.

Нам старцы говорили: «Ищи себе старца не столько святого, сколько искусного и опытного: бывает много святых старцев, но мало искусных». Надо советоваться с людьми благоразумными, и сострадательными, и имеющими духовный разум, особенно же ищи себе такого старца, который имеет нищету духа, кроткого и смиренного, и прочими добродетелями украшенного, как пишет святой апостол Павел

---

* Дополнение преосвященного Феофана к ответу отца Александра.

(см.: Гал. 5, 22—23). Такие большей частью миром бывают презираемы, их мир ненавидит, как о них Господь сказал в Святом Евангелии (см.: Ин. 15, 18—19). Блажен человек, который обрящет опытного и искусного кормчего для своего спасения.

О чтении книг и молитве

Вопрос. Батюшка, у меня есть помысл купить книг и читать, как благословите?

Ответ. Выучи то, что уже читал, а то много будешь знать, от многого знания *у тебя* будет надмение; более занимайся молитвой Иисусовой. Тогда не захочешь и книг никаких читать, когда она тебя будет услаждать и научать.

Старца спрашивала схимонахиня Смарагда: «У меня, батюшка, много книг: благословите, я Вам пришлю для чтения». Старец отвечал: «Нет, не надо». Схимонахиня говорит: «Почему?» Старец отвечает: «Потому что ум у нас один; если он ослабеет в книжном чтении, то трезвенно не может молиться. А я нахожу более полезным для себя заниматься молитвой».

Вопрос. Батюшка, благословите ли мне прочитать вот эту книгу, которую подарил мне один брат?

Ответ. Эту книгу неполезно читать: тебе надо читать такие книги, которые учат, как побеждать страсти.

Вопрос. Батюшка, когда я читаю какие-нибудь духовные книги и найду что-либо назидательное, то помысл внушает мне это выписывать; как благословите?

Ответ. Нет, *ты* не выписывай. Враг хочет только отнять у тебя время, дабы отклонить от молитвы. Если бы ты знал, какие он делает усилия, чтобы отклонить человека от молитвы: он бы готов был дать тому человеку все сокровища мира. Знает он, коварный, какие блага человек приобретает через молитву.

Вопрос. Батюшка, какие мне лучше читать книги?

Ответ. Паисия (Величковского), Иоанна Лествичника, Серафима Саровского, с приложением правил о молитве Иисусовой, Исихия Иерусалимского, аввы Дорофея и прочие, которые поучают добрым деяниям и молитве. Но читай меньше, а больше занимайся молитвой.

Старцу говорили некоторые ученые монахи, кончившие курс богословия: «Новоначальным послушникам и монахам хорошо и полезно давать читать Толковое Евангелие и Апостол». Старец ответил так: «Никто не может их порицать за это чтение, ибо на сих книгах вся наша вера основана. Святой Макарий Египетский говорит так: «Евангелие показует прямо, как надо полотно ткать, а Апостол поясняет, как и волну приготовлять» (Слово V, гл. 19).

Надо жить по Евангелию и Апостолу, чтобы приобрести и опыт, который всему «научит; без опыта, если и будем читать эти книги, будем знать это дело поверхностно и ум свой острить, но сердце мало будет сочувствовать читаемому. Лучше всего и полезнее всего новоначальному забыть свое *я,* повергнуть свое мудрование под ноги благоразумных людей, отсечь свою волю и отвергнуться себя, взять крест, как Господь говорит во Святом Евангелии*. Трудно спастись без смирения. Хотя бы мы познали всю мудрость века сего, но если у нас не будет смирения, то толку никакого не будет, и душа наша будет пуста, если только на одном познании будем основываться».

Об отношении к братии

Вопрос. Как посоветуете поступить, батюшка, если в келье пью чай или что вкушаю, и придет ко мне какой-либо брат, то пригласить ли его вкусить или нет?

Ответ. Нет, не приглашай; если ты приучишь себя приглашать, то никогда не будешь спокоен.

---

* Ср.: Мк. 8, 34.

Вопрос. Некоторые из братии приглашают меня к себе в келью и предлагают при этом сластей; как мне поступать?

Ответ. Если с богатыми будешь знаться, то и Бога забудешь.

Вопрос. Если придет к нам в коридор какой-либо брат или мирской человек и я слышу из кельи, что пришел кто-то, следует ли мне отворить двери кельи своей и спросить, что ему надо, или не следует?

Ответ. Нет, не надо отворять, а если подойдет к келье твоей и постучится, то другое дело.

Впрочем, отец Александр советовал избегать только праздных бесед с братией, которые, не принося пользы, отвлекали от молитвы и внимания к себе; когда же обстоятельства требовали быть с братией, то не советовал уклоняться. Таковы, например, его советы монахине Каллисфении.

Вопрос. Что мне делать? Я скорблю: послушание мое суетное и многолюдное, в келье живу не одна, не нахожу времени и места, чтобы собрать помыслы и помолиться.

Ответ. Преподобный Феодосий Великий (житие 11 января) говорит, что не в уединении тела, а в предстательстве пред Богом и тишине сердечной совершается монашеское житие.

Вопрос. Батюшка, иногда после вечерни приходит какая-либо сестра, желает поговорить со мной о послушании или о какой скорби, принять ее или отказать? Когда откажу, то скорблю, а если приму и поговорю, то после не нахожу времени прочитать правило; что мне делать?

Ответ. Прими и утешь сестру, а когда не можешь совершить правило, то сядь и твори молитву Иисусову сколько можешь, один час или полчаса, и вменится это вместо правила, а если откажешь, то отнимется благодать.

Вопрос. Когда я вижу какие-либо непорядки между сестрами, то следует ли сказать начальнице ради пользы ближнего?

Ответ. Никак не говори: один раз, другой скажешь, и обратится это в привычку.

В другой раз старец сказал об этом монахине Каллисфе-

нии: «Хорошо покрывать немощи и грехи других, потому что тогда покроет Господь и наши недостатки. Но на все надо иметь рассуждение. Если какую-нибудь сестру покроешь в надежде на исправление и увидишь, что она сама сознает себя и раскаивается в своих согрешениях, то это хорошо. А если она в горшее зло приходит, то надо объяснить начальнице; она властью своей ее исправит, чтобы душа ее не погибла; для того и учинена от Бога власть. За других отвечать пред Богом не будешь, всяк за себя ответ даст Богу. А ежели мы немощному поможем к восстанию или укреплению, то эта добродетель немаленькая; сказано: *Носи́те бремена друг друга, и таким образом исполните закон Христов* (Гал. 6, 2)»

Вопрос ученика. Почему я начал часто раздражаться на некоторых приходящих ко мне о чем-либо посоветоваться или спросить ради пользы душевной? Не знаю, что иногда и делать.

Ответ. Это бывает от нашего нерадения и небрежения о себе, оттого, что не держим себя в необходимом для нас постоянном памятовании о Господе. Каждый приходящий к нам брат есть член Христов, и мы должны принимать его как посланного Господом, с полнейшим вниманием и лаской. Если бы к тебе пришел посланник от царя земного, то, конечно, ты принял бы его с большим благоговением и радостью. Почему так же не принять и каждого брата, как присланного к тебе от Царя царствующих ради обоюдной душевной вашей пользы? Если ты не будешь принимать приходящих и ласково обходиться с ними, то Господь отнимет от тебя благодать и «даст приносящему плоды Его» (см.: Мф. 21, 43).

Вопрос ученика. Я иногда думаю отказаться от послушания, возложенного на меня властью. Держусь той мысли, что в безмолвии мне удобнее сосредоточиться и внимать себе. При настоящем же моем послушании я не нахожу времени, чтобы хорошенько собраться в себя. Чувствую нужду в неотложном приготовлении себя к будущей жизни, но условия моего теперешнего положения препятствуют тому: память Божия бежит от меня, о чем я сильно скорблю.

Ответ. Отказываться от послушания не всегда полезно. Достоверно ли ты знаешь, что в безмолвии ты легче сосредоточишься и больше будешь помнить Бога? Не обман ли это врага? Разве при настоящем твоем послушании нельзя постоянно помнить Бога, ходить пред Ним? Нет. Очень можно. Святой Каллист, Патриарх Константинопольский, был поваром, стоял у печки и памятовал о Господе, просиял молитвой и вниманием. Патриарх Фотий был сенатором, но, несмотря на свои многосложные занятия, он не давал своему уму развлекаться предметами посторонними, мысль его не отходила от Бога, и был он волей Божией избран на Патриарший престол*. Советую и тебе пока отклонить от себя мысль о перемене своего положения. Время придет — Сам Господь устроит твое положение, если Ему будет угодно.

Вопрос. Ведь если так будем молчать и никому не будем заявлять о своем положении, то кто же может понять нас, кому будут известны наши нужды и стремления?

Ответ. Опять скажу, что если будет угодно Богу, то и без всяких намеренных заявлений, усилий и ухищрений со стороны человека люди, которым надлежит ведать, заметят его наклонности и способности и дадут ему соответственное служение или послушание. И это будет устроено и направлено волей и действием Самого Промыслителя. Положение же, данное по Его всеблагой, премудрой и всемогущей воле, конечно, будет прочно, непогрешительно и вполне целесообразно и благонадежно.

Вопрос одного из братии. Занятый каким-либо послушанием, я иногда вкушаю пищу не в свое время, то есть не с братией в трапезной, а в своей келье один, и не знаю, как поступать с остатками пищи: вылить куда-либо жалею и думаю, не отдать ли странникам?

Ответ. Когда я принимал странников, то никогда не был покоен, нарушая свое мирное монашеское устроение. Ибо странники много рассказывают новостей, расхваливают те и

---

* См. статью о молитве Иисусовой в издании сказаний о старце Серафиме и затворнике Марке, 1856 год, Москва.

другие монастыри и заведенные там порядки, а чрез это смущают живущих на одном и том же месте. Но ведь там хорошо, где нас нет: куда мы ни пойдем, всюду понесем с собой свои нравы и страсти, обуревающие нас. Не советую тебе давать, а лучше оставшуюся пищу снеси на кухню. В монастыре мы своего ничего не имеем, а все у нас монастырское и есть дар Божий нам. А то ты сделаешь на грош барыша (отдав как милостыню странникам незначительные остатки пищи), а на пятак убытку (лишив себя чрез их празднословие необходимого каждому монаху довольства своим монастырем и его порядками и причинив себе расстройство духа).

О непревозношении и воздержании

Однажды явился к старцу мирянин, присланный для исповеди оптинским иеросхимонахом Амвросием, и начал разглагольствовать о своих трудах для храмов Божиих и, между прочим, о том, что он устроил в одном храме прекрасные хрустальные иконостасы.

Старец. А упражняетесь ли Вы в молитве Иисусовой?

Мирянин. О, конечно, постоянно упражняюсь.

Старец. А мы — так вот твердим-твердим ее, а все не можем сказать, что постоянно труждаемся в ней. Ваши труды и старания для благоустроения храмов Божиих похвальны, и Вы очень хорошо сделали, что потрудились на этом поприще. Но строите ли храм душевный, внутренний, который выше внешнего? Мы сильно нуждаемся в обновлении внутреннего человека, и в этом много и тщательно нужно потрудиться.

Ученик. Батюшка, простите меня Господа ради, я все предаюсь невоздержанию чрева и празднословию.

Старец. «Грей-ка змейку на свою шейку». Ты как невоздержный извозчик, который когда едет по дороге, то на каждом перепутье останавливается, где — попить, где — поесть, так что приедет домой с одним кнутом, даже лошадей и всю сбрую пропьет. Так и человек невоздержный явится домой, то есть к будущей жизни, с обнаженной душой, без добрых дел.

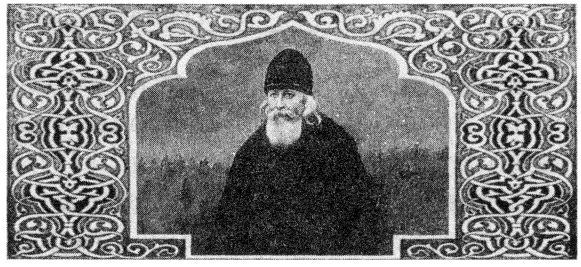
Иногда старец отец Александр говаривал: «Масла старайся немного есть, а то ни одной страсти не победишь!»

Однажды монахиня Каллисфения сказала старцу: «Батюшка, мне кажется, что Вы только при других кушаете чай, и то без удовольствия?

Старец. И ты так же делай.

Вопрос. Батюшка, как бы я хотела подражать Вашему житию.

Ответ. Ну что ж, приготовляйся; хорошо бы не пить чай или хотя в среду и пятницу пить по одному разу, хорошо бы и не ужинать, а если ноги затрясутся, можно съесть кусок хлеба с водой.



ПРЕПОДОБНЫЙ ВАРНАВА ГЕФСИМАНСКИЙ (1831—1906)

Еще при жизни преподобный Варнава был назван «старцем-утешителем». К месту его подвигов — Гефсиманскому скиту при Троице-Сергиевой Лавре — стекались паломники со всей Руси. Невозможно пересказать случаи прозорливости преподобного Варнавы. Многим старец предсказал их будущую жизнь и заповедал, как им поступать в затруднительных случаях, когда они не смогут уже приезжать и спросить его лично — его не будет в живых. Многие и в 30-е, 40-е, 50-е, 60-е годы XX века продолжали жить по его старческим советам. Эти пророческие указания и назидания, в свое время часто непонятные, впоследствии, после революции, в годы гонений, помогали людям жить и спасаться, когда мудрого руководителя в духовной жизни найти стало трудно.

Служение преподобного Варнавы Иверской Выксунской обители было для него подобно служению преподобного Серафима Саровского Дивеевской обители. Основав эту обитель в 1863 году, старец никогда не переставал заботиться о сестрах, ввел в ней строгий устав, духовно окормлял сестер в своих многочисленных письмах. Шесть-семь раз в году преподобный Варнава приезжал в обитель и в устных беседах, которые и приводятся в нашем издании, показывал себя истинным окормителем своей огромной духовной семьи.

Духовные беседы преподобного Варнавы

Разъясняя подробно в своих письмах, как сестры должны идти к конечной цели своего жизненного подвига — спасению, отец Варнава и в своих устных беседах с ними делает немало самых полезных и благоразумных советов. Убеждая сестер стараться научиться молитве Иисусовой и денно и нощно прославлять Пречистую Богородицу, старец нередко приводит следующий замечательный рассказ. Из этого рас-

сказа особенно ясно видно, как велика награда и сколько великих искушений представляется имеющим непрестанно в уме и сердце молитѣу Иисусову.

«Один благочестивый инок, — рассказывает старец, — старался научиться молитве Иисусовой и наконец после великих усилий приобрел себе этот дар непрестанного призывания всесильного имени Иисусова, коим всю жизнь нещадно поражал невидимых духов злобы. Не имея возможности лично приступить к подвижнику, лукавый враг поселил ненависть и злобу к нему в сердце другого брата-инока, который с той поры всячески старался повредить и досадить своему брату.

Стоя однажды в храме за утреней, этот брат взглянул в сторону ненавидимого им инока и увидел, что возле него стоит прекрасная Жена в черном одеянии инокини и плетет венок из цветов, которых подле Нее лежит весьма много. Берет Она девять роз белых и десятую пунцовую и вплетает их в венок. При возгласе иеродиакона: «Богородицу и Матерь Света в песнех возвеличим» — Жена вдруг поднялась на воздух и увенчала инока сплетенным венцом.

В ужасе брат этот пал на помост церковный. Затем, подошедши к иноку, увенчанному от руки Прекрасной Жены чудным венком, он падает на колена пред ним и умоляет открыть ему, чем он так благоугодил Богу и Царице Небесной, что заслужил такую награду от Нее. Благочестивый инок-молитвенник с удивлением и смирением отвечал, что ничего за собой доброго не знает, кроме навыка к безмолвному творению молитвы Иисусовой. Он молился постоянно так: девять раз произносил молитву Иисусову и десятый — песнь Богородице.

Понял тут брат, почему Прекрасная Инокиня вплетала в венок через каждые девять белых роз одну пунцовую. Умилился он душой и просил благочестивого инока принять его к себе в ученики».

* * *

На вопросы некоторых сестер, обращающихся к старцу за благословением употреблять в пищу мясо, что им предписывается нередко врачами для излечения той или другой болез-

ни, старец строго внушает сестрам отнюдь не следовать такому совету докторов.

— Батюшка! Да что же делать-то, когда совсем нет сил нести даже самые легкие послушания, — возражают ему некоторые страдалицы. — Ведь нам и самим тяжело подумать о мясной пище, да и так-то жить, не принося пользы для святой обители, отягощая собой лишь других, не хочется, болит об этом душа. Нам бы только поправить несколько свое здоровье, батюшка!

— Но мясной пищей вы, сестры, нисколько не поправите своего здоровья, если только еще его больше не расстроите. Здоровье — дар Божий. Но если оно по воле Божией отнято у нас, может быть для спасения душ наших, то следует ли нам нарушать правила иноческого жития, установленные святыми отцами? Следует заботиться о том, чтобы, укрепивши силы телесные, в то же время не расслабить сил душевных.

Нам, монахам, более должно заботиться о душе, нежели о здоровье и покое тела; должно стараться посильными трудами и терпением изыскивать путь ко спасению, а за скорби и различные лишения, ниспосланные от Бога, благодарить Его, потому что они — лествица на небо.

Мне самому, сестры, врачи советовали оставить на время постную пищу и есть мясную. Иначе, говорили они, я проживу не долее двух дней. Это было в первое время по вступлении моем в обитель, когда действительно я был почти в безнадежном состоянии.

Но, не получив согласия и благословения моих старцев на вкушение мяса, я отказался есть его и вот остался же жив.

Ведь Сама Матерь Божия, указывая одному иноку путь ко спасению, заповедала ему не вкушать мяса. Усердно просил этот инок Царицу Небесную указать ему этот желанный путь, и Она, Владычица, явившись ему, сказала:

— Не ешь мяса, не пей вина, чаще молись Богу и будешь спасен.

Итак, сестры, еще раз повторяю вам: не думайте вы получить себе здоровье только от питания себя мясом, ибо без

воли Божией не поможет вам и мясо, а пожалуй, и повредит еще. Поэтому убедительно прошу вас, сестры, всегда и во всем полагайтесь на волю Божию, а не на свой человеческий разум, советующий вам, как и в сем случае нарушением постановлений Святой Церкви принести себе якобы некоторую пользу. Святой апостол говорит: *Когда я немощен, тогда силен»;* также сказано, что *сила* Божия *в немощи совершается* (2 Кор. 12, 9).

Господь да укрепит вас!

* * *

О необходимости всегда прибегать под защиту святого Креста и о силе крестного знамения отец Варнава в поучение сестрам приводил следующий рассказ.

Одна кроткая, смиренная девица проживала несколько лет в монастыре. Враг рода человеческого не оставил в покое эту добродетельную девицу, щедро одаренную от природы прекрасной наружностью. Один юноша, увлекшись ее красотой, упрашивал ее оставить монастырь и выйти в мир. Не получая ее согласия на это, он обратился за содействием к родному дяде инокини, который также желал, чтобы она оставила тихую обитель и возвратилась в мир. Но и после того девица осталась непреклонной в своем намерении до конца дней своих служить одному Господу. Она решилась жить в монастыре, мужественно побеждать врага, действовавшего через этих людей. Видя ее твердость, решился сатана на последнее средство к совращению ее с доброго пути. Явившись к инокине в образе дяди ее, он стал прямо-таки упрашивать ее возвратиться из монастыря в мир. Обольститель говорил, что она может получить спасение и в миру, как спаслись великие пророки, апостолы и некоторые святые жены. Юная девица смутилась, слыша такие доказательства правоты слов и убеждений мнимого дяди своего. Но не поколебалась она и при этом в своем намерении не оставлять обитель и, призывая на помощь Пресвятую Богородицу, оградила себя крестным знамением. Мгновенно с шумом исчез обольститель, не терпя силы крестного знамения, и девица увидела, что она одна. Тут бедная инокиня ясно познала, что совершилось с ней.

* * *

Убедительно просит старец сестер избегать в своих обычных разговорах всяких пересудов, укоров и иногда совершенно неправильных обвинений посторонних в чем-либо греховном. Мы часто поступаем в данном случае легкомысленно. Судить ближних не имеем власти, да и судить-то правильно весьма часто не можем.

«Один брат, — рассказывает батюшка сестрам, — живя в монастыре много лет, был невнимателен к обязанностям монашества: то к обедне опоздает, то утреню проспит... Все почитали его нерадивым. При кончине же его все с удивлением заметили какую-то необыкновенную радость, светившуюся на его лице, и спросили его:

— Что ты так весел? Разве тебе не страшно умирать? Ведь ты всегда жил в небрежении.

— Нет, не страшно, — отвечал он. — Со времени вступления моего в монастырь я никого не осуждал и ни на кого злобы не имел. Жил я все время с полной верой в слова Спасителя: не осуждай — и не будешь осужден, прощай — и будешь прощен. Теперь же я видел Ангелов Божиих, разорвавших рукописание грехов моих. Поэтому я радостно отхожу в вечность.

Из этого видно, поясняет старец, что не должно спешить с обвинением и тех, кто, по-видимому, действительно виноват, потому что всегда можно осудить невинного. И действительно, не можем мы быть судьями ближнего, так как видим его только согрешающим, а не видим кающимся. Каждая из сестер должна усиленно следить за собой, замечать и искоренять собственные погрешности и дурные наклонности. Тогда никто не станет судить ближнего — не только судить, а будет считать его гораздо даже лучшим себя.

Но если кто из вас, замечая свои грехи, внимательно следя за своими сокровенными мыслями, впадет в уныние и отчаяние, тогда вдвойне погрешит, ибо самая эта безнадежность есть величайший грех. Помните ли видение святого Пахомия? Видел он глубокий ров и в нем множество иноков, которые стремились выйти из него, но сталкивались с другими встреч-

ными им иноками, обрывались со стен рва и падали в бездну, исчезая во мраке; только некоторые из них с великим усилием выходили из мрачного рва в место света. Проснувшись и размыслив о виденном, святой Пахомий стал со слезами взывать к Богу:

— Господи Вседержителю! Если так, то для чего Ты попустил устраиваться монастырям? Помяни завет Твой, которым Ты обещал хранить до скончания века служащих Тебе! Ты знаешь, Господи, что с тех пор, как принял я монашество, всегда смирялся пред Тобою и не вкушал хлеба, не пил воды досыта!

— Пахомий! — услышал он голос с неба, — не хвались: ты человек, проси прощения! Моим милосердием монастыри устоят, и семя духовное не оскудеет до скончания века! Из тех, кто будет после тебя, многие Моей помощью спасутся из глубины рва мрачного и станут выше древних подвижников, потому что они без наставников вырвутся из мрака греховного, собственным лишь трудом, и пойдут усердно путем иноческих добродетелей, и угодят Мне. Иные же получат спасение за благодушное перенесение скорбей.

Вот, дети, как Господь наставлял и утешал Своего раба Пахомия, великого наставника монахов. Помните поэтому, что, так как мы немощны и не в силах понести трудов и подвигов древних иноков-подвижников, то наша обязанность — быть терпеливыми в перенесении скорбей, всем довольными в жизни. Главное же — вы не должны давать какого-либо повода приразиться к нам темным духам. Это да будет вашим подвигом: не храните злобы на ближнего в своем сердце, как сказано: *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26). Обуздывайте язык свой, чтобы не говорить злого во гневе на ближнего. Сказанного слова не возвратишь, а оно, произнесенное во гневе, острее ножа поражает сердце ближнего».

Поступивши в обитель, не думайте, сестры, что вы, оставя мир и вся *яже в мире* (Ин. 2, 15): богатство, почести, удовольствия мирские, — чего-либо лишились в этом мире. Нет, сестры, все это, что представляют собой все радости и удовольствия мирские, — минутный призрак, за которым следует

пустота, уныние духа и недовольство. Вы благодарите Бога, что водворились в тихом пристанище святой обители и теперь являетесь уже избранницами Царя Небесного. Поэтому да будут все ваши мысли в Боге, и Господь поможет вам во дни скорби. Одно только нужно в обители: молитва, отсечение своей воли, труд и терпение. Не забывайте, дети, что без скорбей и искушений невозможно нам и спасение. Велико искушение — тут-то и борьба: проси помощи у Подвигоположника Господа, от Которого великая награда готовится потерпевшим искушение.

Старайтесь, сестры, поучает старец, стяжать смирение и послушание. Помните, что Сам Господь говорит нам: *На кого́ воззрю́, то́кмо на кро́ткаго и молчали́ваго и трепе́щущаго слове́с Моих* (Ис. 66, 2). Смиренный всецело предает себя воле Божией, ничем не гордится, всякий успех в деле приписывает не своим способностям, а Благости Божией, ни в чем не доверяет своему разумению, во всем безпрекословно следует повелению настоятельницы или рассуждению своего отца духовного.

Также, сестры, прошу вас, не опускайте церковных служб. Что делать? Иногда и не хочется идти или трудно рано встать к службе. Понудьте себя, за это-то и награда вам готовится от Господа. Неопустительное присутствование при богослужениях со вниманием и усердной молитвой будет возгревать в вас любовь к Богу и тщательному исполнению Его святых заповедей. Свободное от богослужений и от послушаний время, советую и даже с усердием прошу, не проводите праздно, более читайте душеспасительные книги, делайте из них выписки для большей памяти, удаляйтесь, как можно, от разговоров о мирском, шуток и смеха. Это для инока нетерпимо. Мы шли в монастырь не за этим, а чтобы упражняться в богомыслии.

При первом ударе в колокол, сестры, у кого есть в руках рукоделие какое, откладывайте в сторону (кроме послушания) и тщательно спешите в церковь. Пришедши, встав на своем обычном месте, помолясь, испроси у предстоящих благословения; встав прямо, не переступай с ноги на ногу, глаза и руки имей опущенные вниз, не смотри по сторонам, не разговари-

вай и отнюдь не смейся, тщательно блюдись, чтобы мысли не рассеивались чем-либо посторонним, помни, что место сие есть свято, храм Божий — рай земной, и устремляй ум свой горé к Богу, из глубины души взывай к Нему: «Боже, очисти мя, грешную!» или: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Со вниманием слушай поемое и читаемое, и тогда Господь не оставит вас, согреет Своей Благодатью сердца ваши к тщательному исполнению Его святых заповедей.

Вы, певчие и чтицы, подобно Ангелам на небеси, всегда славословите Бога, а посему и старайтесь быть примером для всех предстоящих, будьте кротки, смиренны, избегайте ссор; молодые послушницы чтобы без старших, уставщицы и регентши, не могли распоряжаться в пении и чтении; при *Аллилуиа, Приидите поклонимся,* и при *Трисвятом* неопустительно класть по три поклона.

За новопреставленных молитесь, сестры, усерднее; по разлучении души от тела каждая душа очень нуждается в молитве, и с усердием возносимые за новопреставленных молитвы много помогают и делают утешительного и отрадного каждой душе; а я вам замечу, сестры, что у вас молитва за усопших охладевает; вот вам мое завещание — по двенадцать поклонов каждое утро и вечер за усопших.

Келейное правило неопустительно, каждое утро и вечер, исправляйте: от тщательного исполнения правила просвещается и укрепляется душа.

Во время трапезы и входя и выходя из оной разговоров не имейте; когда вкушаете пищу, со вниманием слушайте читаемое вам, а мысленно творите молитву Иисусову, по сторонам не смотрите; если кушанье вам не понравилось, не ропщите, а говорите каждая про себя: это за мои грехи сегодня такой плохой обед; если и хорош обед, опять не думай, что это за твои молитвы, а говори смиренно, что за сестринские молитвы Господь послал нам сегодня такой хороший обед, а я, грешная, этого недостойна.

Старайтесь, сестры, при встрече со священником принять от него благословение, особенно же когда он бывает служа-

щим при Божественной литургии. Отец Серафим Саровский всегда, после каждой литургии, стоял на паперти, выжидая выхода священника, чтобы принять благословение.

Без крестного знамения из кельи никуда не выходите и не начинайте никакого дела, и вы всегда будете хранимы Богом от врага.

Без четок никогда не бывайте: если руки заняты делом, можно на шею надеть, — это меч духовный, им побеждайте врага.

При встрече сестры с сестрой предваряйте друг друга поклоном, это дело великого смирения; а у вас, у некоторых, есть привычка говорить: прежде ей кланяться нужно мне, я постарше ее летами, да и побольше в монастыре живу, — это глупое слово и произносимое от гордого сердца; а вы хотя почтите образ Божий и Ангела-хранителя: кто прежде поклонится, тот приимет от Господа и благословение.

Сестры, еще есть у вас привычка: соберется вместе вас несколько и начинаете судить, кто хорошо живет, кто плохо; старайтесь, сестры, Бога ради, я вас прошу, никого никогда не осуждать, вы видите только согрешающих, а покаяния их не видите, покаяние же чистосердечное есть второе крещение: как бы велик ни был грех, он после сокрушения и чистосердечного покаяния прощается, и этот человек делается чистым и приятным Богу. Не на начало смотрите, сестры, а на конец, что покажет. Да хранит вас Господь!

Берегитесь, сестры, почасту оставлять кельи ваши и ходить без крайней нужды к другим сестрам, хотя и будете кем призываемы, дабы не согрешить празднословием, празднословие же есть вместе с сим и празднолюбие, памятуя, что за каждое праздное слово мы воздадим Богу ответ; аще себя не понимаем, то можем ли рассуждать или учить других? Лучше нам претерпеть временную скуку, чем за наше нерадение впоследствии терпеть нескончаемую вечную муку, от чего да избавит вас Господь. Помни последняя твоя — исход и Страшный Суд, — вовеки не согрешишь.

Сестры, если иногда по вражескому искушению найдет на

вас скука, уныние, спешите открыться в этом старшей по летам и опытной монахине или матери игуменье, а в особенности перед своим духовным отцом не скрывайте ничего; если зародится в мыслях какое-либо греховное пожелание, не соизволяйте и не принимайте к сердцу, а повергшись пред Богом, просите Его всесильной помощи, боритесь и увенчаетесь венцом нетленным: при усердной молитве, трудах и заботах некогда мыслям развращаться и страстям бушевать. *Помина́й последняя твоя, и во веки не согреши́ши* (Сир. 7, 39).

Каждое утро и вечер, сестры, поверяйте свою совесть, уделяйте на это благое дело хотя по десять или пятнадцать минут ежедневно, и вы со временем получите от этого большую пользу. Встав утром, благодарите Господа за прошедшую ночь и просите, чтобы Господь помог и день провести безгрешно. Вечером молитесь со слезами и с сокрушенным сердцем умоляйте Господа о прощении ваших согрешений, молитесь усерднее за благотворителей вашей обители, которые, надеясь на молитвы ваши, ради Царствия Небесного не оставляют вас своими милостями, молитесь о своих сродниках, живых и умерших, и о всех православных христианах. Мы, иноки и инокини, затем и шли в обитель, чтобы в чине ангельском служить непорочно пред Богом и умолять Его Благость о всем православном мире. Не ропщите, сестры, и не падайте духом, если кому из вас придется потерпеть недостаток, скудость в чем-либо: нам, монахам, богатство вовсе не на пользу, это дело мирян, а мы иноки. Иначе должна быть и жизнь наша с миром; наше богатство, при помощи Божией, должно состоять в приобретении всех добродетелей и неуклонном исполнении Его святых заповедей. Господь знает, что нам нужно, то и посылает. Нестяжательность — это первая ступень ко спасению, будьте всем и малым довольны, о всем благодарите Бога, и Господь вас не оставит.

Сестры, у каждой из вас в келье есть Псалтирь и Евангелие, в трапезе вы ежедневно слышите чтение о дивных житиях угодников Божиих и их наставления о пути ко спасению, — и оправдаться не знаем мы, не можем. Вот каким тесным и

скорбным путем достигали себе спасение угодники Божии! А пространный путь ведет к вечной погибели. Скорби, теснота, труды и болезни сближают нас с Богом и готовят нам за безропотное перенесение оных венцы нетленные.

Вот вам пример, сестры, — житие преподобного Симеона Нового, и вы постарайтесь положить начатки жития такого: молитва в устах и сердце его была непрестанная, нрав кроткий, уста молчаливые, сердце смиренно, дух умилен, тело с душой чисто, девство непорочно, нищета истинная, нестяжание пустынническое, послушание безропотное, повиновение тщательное, делание терпеливое, труд усерден. В чем и вам да поможет Бог!

Сестры, будьте готовы отвечать на всякое слово, которое услышите: прости меня; этим стяжете смирение, которое разрушает все козни врага.

Сестры, внимайте себе и имейте страх Божий, как бы нам не обмануться: избрав жизнь подвижническую ради любви к Богу, как бы не совратиться на пространный путь, который ведет в вечную погибель. От чего да избавит вас Господь!

На вопрос одной новоначальной сестры монастырской к старцу: «Скажи мне, отче, слово на пользу, как мне спастись?» — старец в ответ на сие сказал ей: «Если вступление твое в обитель, чадо мое, поистине только ради любви к Богу и спасения души, то сие соблюди: во-первых, постарайся понудить себя на все доброе, будь добра, благочестива, кротка, смиренна и приветлива со всеми; встретившись с сестрой, поклонись ей, испроси благословения; если что спросит, ответь со смирением, потом испроси прощения и молитв и уходи; походка чтобы была неспешная, скромная, глаза всегда имей опущенные вниз, представляй себе, что из земли взята, в землю и отидеши; свою совесть каждый вечер поверяй и очищай ее искренним покаянием, отнюдь никого не осуждай, не гневайся и никого не уничижай, на всех смотри одинаковыми глазами, с одинаковым сердечным расположением и в простоте сердца своего принимай всех как Самого Христа, всегда смотри только на свои недостатки, укоряй и уничижай себя ежедневно, люби безчестие и считай себя хуже всех, — и будешь поистине жить с Богом!»

На ответ сестры, что это возможно лишь только совершенным подвижникам, старец отвечал: «Юность если имеет смирение, сего ей достаточно, ибо Бог ничего более не требует от юного, как только чистоты и смирения; ты же, чадо, подвизайся, содержи уста твоя во многом молчании, будь медленна на беседу и скора на молитву, укоряй себя ежечасно, говори себе всегда так: «Знаешь ли, душа моя, что мы грехами превзошли и бесов, а доброго дела никакого не сделали, и горе нам будет, — какой ответ воздадим мы в День Судный?» Во все течение жизни твоей постарайся всегда содержать в себе молитву сию и с сокрушением сердца повторяй мысленно на всякое время: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!» и: «Боже, очисти мя, грешную!» Повторяй в себе и эти слова: *От тайных моих очи́сти мя, и от чужди́х пощади раба Твоего* (Пс. 18, 13—14). А посему, чадо, уповай всегда на помощь Божию, а себя всегда считай за безполезный прах — отсюда и последует исправление.

На вопрос сестры: «Каким образом легче побеждать всякое искушение вражие?» — старец отвечал: «Победа вражескому искушению состоит в молчании, смирении и преданности себя воле Божией; все дела смиренномудрого благоугодны Богу и похвальны пред святыми Ангелами Его, грозны же и страшны бесам.

Итак, чадо мое! Понудь себя на все сие доброе, будь смиренна сердцем, дабы Дух Святый возжелал вселиться в тебя, и Он подаст тебе силу отвергнуть от себя всякое житейское попечение. Знай и то, что без борьбы и принуждения никому ничего не достается, а тем более душевное спасение, чего и должны мы всеми силами стараться достигать, тогда и будем истинные монахи не по одежде только, а по душе и сердцу. В чем да поможет тебе Бог!»

Матери и сестры! Вы, живя в обители, знайте, что она охраняет вас от многих соблазнов. Жизнь в монастыре удобно ведет ко спасению: тут непрестанно можно слышать Святое Евангелие, апостольские и святых отец поучения, а посему должны пребывать всегда в молитве; которые же допускают в этом леность, у тех закосневает сердце и доходит до неверия,

и тяжко согрешают они пред Богом. Ибо и Спаситель говорит: *бди́те и моли́теся, да не вни́дете в напа́сть* (Мф. 26, 41).

Также, сестры, советую вам во все святые посты, а также аще приключится какая болезнь, как можно чаще с верой, с умилением и сокрушением сердца приобщаться Святых Таин, потому что приобщение Тела и Крови Христовой отгоняет все искушения, просвещает сердце и соединяет дух со Христом, оно есть исцеление души и тела.

Матери и сестры! Об одном вас прошу всегда — понуждайте себя на все доброе, да не нерадите о своем спасении, сказано и в Священном Писании: Горе нерадивым монахам, горе монахам, богатеющим златом, ибо таковые будут поношением для Господа Бога и не узрят лица Бога Живого. Старайтесь стяжать благодать Святого Духа, потому что без благодати мертв есть человек, а стяжать ее надо молитвой теплой, со слезами горячими и умилением, кротким терпением и смирением и со страхом Божиим. Молитесь за творящих вам напасти и старайтесь всегда читать молитву Иисусову; весь ум ваш да будет в Боге, потому что как птице нельзя лететь без крыльев, так и человек не может приблизиться к Богу без молитвы. Андрей Христа ради юродивый видел инока, идущего и шепчущего молитву, из уст же его исходяще пламень и *досязаше до Небеси Ангел же Божий идяше одесную его и имеяше в руце меч, имже отгоняше бесов.*

Сестры! Постарайтесь приобрести смирение нелицемерное в душе и сердце вашем, считая всегда себя самой последнейшею из всех и грешнейшею пред Богом, помня то, что лучше грешник смирен пред Богом, нежели праведник горделив, имейте послушание безропотное и строго наблюдайте, дабы не исполнять своей воли и желаний, да будет вам известно, что с нашей волей часто соединяется и воля врага душ наших — диавола, а потому без совета и спроса старших ничего не делайте.

Еще, матери и сестры, *солнце да не зайдет во гневе вашем* (Еф. 4, 26); аще и прилучится на кого разгневаться, сейчас же со смирением испросите взаимно прощения друг у друга, потому что Господь не принимает ни молитвы и ничего от гне-

вающихся; кто терпит много в здешней жизни, в особенности понапрасну, то, сестры, о, как близок к тому и с какой любовью смотрит на того Сам Подвигоположник Господь и Его Всепетая Матерь и как радуются о нем все святые Ангелы, и невидимо возлагают на того райский пресветлый венец, и приуготовляют нескончаемое вечное блаженство в Будущей Жизни! А как кратковременна здешняя жизнь! Как сон пройдет вся слава, все почести и богатство, а будущность наша безконечна! Спасайтесь о Господе!

Сестры, берегитесь почасту без крайней нужды оставлять ваши кельи или часто выезжать в мир в гости к родным; берегитесь, да не рассеетесь между людьми: редко бывает, чтобы человек такой же возвратился в келью, каким вышел из нее. Пустыня и уединение собирают добро, а соблазны мира расточают его. Ничем, сестры, мы не грешим так, как языком, в уединении же убегаем того греха. Келья соблазнить не может и соблазна не приемлет. Юным же наипаче должно держаться уединения, да не подадите и да не приимете соблазна. Полюбить же уединение вы тогда только можете, когда реже будете оставлять келью и когда будете принуждать себя к уединенной жизни; впоследствии, сестры, найдете в ней сладчайшее утешение. Очень похвально для инокини как можно реже выезжать в мир и даже совсем не желать этого. Как свято ваше тихое убежище, неужели возможно сменять его на суетный мир, где сама мудрость безсильна? Оставьте суетное людям суетным, а вы занимайтесь тем, к чему вас Господь призвал, и тогда да ничто же не нарушит спокойствие вашего сердца и ваш душевный мир. Господь да хранит вас!

Спасайтесь о Христе, матери и сестры, и меня, немощного, в своих святых молитвах поминайте! Господь Иисус Христос да помилует и спасет нас всех и части избранных сопричтет и сподобит нас.



СХИИГУМЕН ГЕРМАН
(1844—1923)

Схиигумен Герман (Гомзин), устроитель Зосимовой пустыни, был одним из великих русских старцев. В Зосимову пустынь, к старцам Герману и Алексию, стекались тысячи богомольцев со всей Руси, пустынь стала одним из духовных центров русского Православия того времени.

Беседы со старцем Германом записаны митрополитом Вениамином (Федченковым) в 1916 году.

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ

Беседа первая

Вопрос. Батюшка, скажите нам что-нибудь на пользу души.

Ответ. Что же я сказать могу? Как я в монастырь поступил, все чувствовал свое недостоинство: жалкий, ничтожный я человек, и ничего я не могу по себе, ничего! И это чувство и нужно хранить и иметь в себе — это главное в монастыре, да и в миру тоже.

Помнить надо завет Спасителя: *...научи́теся от Мене́, яко кро́ток есмь и смире́н сердцем: и обря́щете поко́й душа́м ва́шым* (Мф. 11, 29). А еще терпение надо иметь в послушании. Читали вы житие Павла Препростого — ученик он был Антония Великого? Непременно себе купите эту книгу: много там назидательного. Так вот, когда пришел он к преподобному Антонию, стучит к нему в келью, просит принять его в число братии, а Антоний взглянул на него и говорит:

— Нам таких не надо: стар ты слишком, ничего делать не можешь.

Ему шестьдесят два года было. Долго умолял его Павел Препростый, говоря, что он все будет исполнять, но святой Антоний прогнал его от себя и затворился в келье. Три дня и три ночи простоял Павел Препростый у кельи преподобного, на четвертый день отворил преподобный дверь и видит его, исхудавшего, измученного, и спрашивает:

— Ты еще здесь?

А тот ему отвечает:

— Здесь и умру, святый отче, если не примешь меня.

И принял его старец. Велел одежду ему самому шить. Только тот кончил с трудом, а преподобный Антоний велел ему все распороть и потом опять заново сшить. Ведь иной, незнающий, подумает:

Вот дурак какой, что же это? Сшить, распороть и опять сшить?

А Павел Препростый смиренно все это выполнял на пользу душе своей.

Вы непременно его жизнь прочтите. А ведь вот я-то возгордился! Ведь воображаю о себе, что могу и наставить, и поучить, ведь как теперь вам разглагольствую. Вы ведь, пожалуй, подумать можете, что и я делатель какой?! А я только все это слыхал, что другие так делают; а сам ничего и не делал, и не начинал делать.

А смиренномудрие — великая это вещь и глубина безконечная.

Святые отцы сравнивают и говорят, что вот как жемчуг драгоценный из глубины моря достают, так и из глубины смиренномудрия драгоценнейшие жемчужины духовные достаются. А на вопросы ваши что же могу я вам ответить? Читали вы жизнь и подвиги старца, затворника Гефсиманского скита, Александра? Ведь это мой старец был, я у него келейником был да записал о нем. Много там поучительного — вы вот прочтите! Я это все записывал, когда келейником был у него. Да и не решился бы напечатать, если бы не преосвященный Феофан Вышенский. Когда я еще в Гефсиманском скиту жил,

я о себе возомнил много, и наставлял, и учил кое-кого, и даже старцем прикинулся; ко мне даже на совет приходили из братии да и миряне тоже. Так вот я и написал тогда преосвященному Феофану о своих сомнениях; и он меня наставлял. Послал я ему свои записки о старце моем отце Александре, и он мне на это ответил, что советует напечатать, потому что скрыть это от могущих почерпнуть в них назидания было бы «не совсем безгрешно». Вы, может быть, не верите?

Отец Герман встал и своей тихой, слабой походкой удалился в соседнюю комнату и через несколько минут вернулся, неся в руках холщовую обертку от посылки, на которой был написан адрес ему от преосвященного Феофана, с наименованием отправителя и приложением печати на сургуче преосвященного Феофана. Показав нам ее, он благоговейно унес ее обратно в свою келью.

— Дивный был старец, — продолжал он, вернувшись, про отца Александра. — Вот он был делателем молитвы Иисусовой. Бывало, приду к нему, а он сидит в углу на низеньком стуле и весь ушел в молитву, так что не замечает моего прихода. Стану я на коленки у входа в его келью, да так и стою, долго стою; наконец, он меня заметит: «Ты что пришел?»

Я скажу, да и опять стою, как стоял, все хочется, хочется услышать от него что-нибудь поучительное, а старец опять весь ушел уже в молитву.

Молитва Иисусова? Не всем она дается, не всем: а смиренным она дается, а иным и совсем не дается.

21 августа 1916 года.

Беседа вторая

«Помню, говорили мы с вами раньше; говорил я вам тогда много, помню. Уж простите, это по гордости я так говорил. Что могу я полезного сказать; я, весь век свой в грехах проживший? Ведь вот всю жизнь свою прожил я в монастыре, а чему научился? В чем преуспел? Что сделал? Ничего! Из всех людей я самый грешнейший; и вот теперь уже с трудом хожу,

еле передвигаюсь; и гроб мне уже давно готов; и все в нем готово для погребения — только еще меня одного в нем нет. Скоро положат и меня в него, защелкнут ключом, и предстану я пред Господом моим. Только вот с чем предстану и куда пойду потом? Не знаю. А уж скоро это будет. Ведь вот я теперь уже с трудом хожу, еле ноги передвигаю. Говорят мне многие: «Вы, батюшка, не утруждали бы себя службами церковными». А по мне лучше даже умереть у Престола Божия, чем у себя в келье. Но на все воля Господня! И страшно только, когда подумаешь, что ничего-то я не сделал, ничего не собрал, ничему не научился. А ведь у какого старца я был! Мог бы кое-что перенять; да вот так, по моей лености да моему нерадению, ничего у меня и не вышло.

А про старца моего, отца Александра, я, кажется, вам рассказывал еще в тот раз. Книжечку вам давал? Да это я написал ее, да не написал, а так кое-что собрал, записки о нем вел еще при его жизни. И вот когда старец мой умер, так меня многие просили эти записки издать, да я все не решался; а потом послал эти записки отцу Амвросию Оптинскому, он их одобрил. И епископу Феофану Затворнику — может быть, слышали? — так вот он в них кое-что исправил, пересмотрел да и написал мне, чтобы я их непременно издал, и даже выразился так, что «сохранять их под спудом было бы не совсем безгрешно». Ну вот я и решился их напечатать. Некоторые из моих духовных детей, ученые иеромонахи, мне эти записки поправили: расставили, где нужно, знаки, все в порядок привели, и потому хорошо и вышло».

Одной женщине, Д-кой, он говорил: «В монастырь собираетесь? Зачем вам, голубушка, монастырь? Рано вам еще. А вот вы дома живите, как в монастыре: в театры не ездите! Кто бы ни говорил вам — этого держитесь.

Ведь вот я в молодости тоже в театре был; был у меня брат старший женатый; он и в театры ездил, и вообще образ жизни вел светский, а я нет; меня все в монастырь тянуло. Было мне лет восемнадцать. Так вот брат этот мой старший и взял меня с собою в театр; и ушел я оттуда, не высидел.

Упросил я родителей моих отпустить меня в монастырь.

Они меня благословили, и я ушел в Гефсиманский скит, от Троицы недалеко. И взял меня к себе послушником старец отец Александр. Дивный был старец! Вот он был молитвенник, делатель молитвы Иисусовой, в затворе жил. Вот и вам в послушании надо быть, в полном послушании у духовного отца; надо такого выбрать, чтобы сам в послушании был у старца, и без его благословения ничего не делать. Или вам старицу иметь, но это — уже потом. Правило молитвенное исполнять надо с осторожностью: лишнего не набирать, и тоже без благословения отца духовного нельзя».

Книг у старца было немного: авва Дорофей, Иоанн Лествичник, Макарий Египетский, Исаак Сирин да преподобный Серафим: «О молитве Иисусовой», только это он и читал, особенно «Семь слов» Макария Египетского.

«Вы это читаете? И хорошо. Читайте, да не раз, не два, а разов четыре, пять прочтите! Очень это смиряет — меня это очень смиряло».

Помню еще: выхожу я раз от старца, слышу, кто-то подъезжает. Выхожу на крыльцо — вижу, офицер, и лица на нем нет, вид такой страшный. Спрашивает меня, можно ли видеть старца? Я говорю, что старец в затворе и никого не принимает, а он мне в ответ прерывающимся голосом:

— Попросите старца меня принять, иначе я лишу себя жизни!

Я испугался: иду к старцу, говорю ему — так и так; он говорит:

— Впусти его!

Я пошел за приезжим и ввел его к старцу, а сам вышел перед крыльцом, там, где ждал офицер, и вижу: на дорожке крупными буквами начертано три раза: «Преподобный отче Сергие, помоги мне». Видно, в крайней нужде был этот человек. Я постоял, постоял да потом подумал: «Как же это я его так к старцу одного впустил? Вид у него страшный — а ну как он моего старца убьет?»

«Испугался я и пошел к дверям его кельи. Все было тихо. Только слышны были глухие рыдания приезжего и тихий голос старца. Уезжая, офицер сказал, что открыл старцу то, чем

он мучился пять лет, что старец спас его от гибели и теперь он совсем спокоен и счастлив.

В чем было дело, он не сказал.

После смерти старца я вскоре возгордился по греховности своей: кое-кому из братии советы давал, и ко мне приходили; даже старцем прикинулся; вот как я возгордился. А сам ничего не знал, ничему не научился, а о делании молитвы Иисусовой только от других понаслышке знал. Потом меня перевели в Зосимову пустынь, игуменом поставили. Когда я приехал, здесь одни были бедные деревянные строения да деревянная ограда кругом; а вот как Господь все устроил, помимо наших трудов, снисходя к нашей немощи. И вот здесь я весь в дела ушел, о молитве не радел; из Марии в Марфу превратился. А в монастыре трудно жить. В житии святых мучеников Евлампия и Евлампии сказано: когда мучили святого Евлампия, бросили его в котел с маслом горящим, а он восхвалял Бога, как бы не чувствуя мучений. И пришла его сестра Евлампия, с твердым намерением пострадать вместе с ним. И он стал звать ее к себе. Святая Евлампия, желая войти к нему, ухватилась за край раскаленного котла, страшно обожгла себе руки и не могла войти. Когда же святой позвал ее опять, она с разбега сразу впрыгнула в котел и умерла с братом мученическою смертью. Память их 10 октября.

О монастыре и о жизни в нем не мечтайте: на все да будет воля Божия. Вот я в монастыре весь свой век прожил, а ничему не научился. Недостойный игумен! Скоро предстану пред лице Божие; а с чем предстану — не знаю. Ничего не имею, кроме грехов. Помните всегда завет Спасителя: *научи́теся от Мене, яко кро́ток есмь и смире́н сердцем: и обря́щете покой душа́м ва́шым.*

Читайте непременно молитву Иисусову: имя Иисусово должно быть постоянно у нас в сердце, уме и на языке: стоите ли, лежите ли, сидите ли, идете ли, за едой — и всегда-всегда повторяйте молитву Иисусову. Это очень утешительно! Без нее нельзя. Ведь можно молитву Иисусову и короче говорить: это отцы святые советуют для новоначальных. Это полезнее и крепче будет. Помните шесть слов: «Господи Иисусе

Христе, помилуй мя, грешнаго». Повторите медленнее: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя, грешную» — и еще медленнее: «Господи — Иисусе — Христе, — помилуй мя, — грешную». Так хорошо! Учитесь самоукорению: без него нельзя. Вот я пятьдесят лет в монастыре живу, мне семьдесят шесть лет, слепой, еле ноги передвигаю; и только потому меня Господь милует, что я вижу свои грехи: свою лень, свое нерадение, гордость свою; и постоянно себя в них укоряю — вот Господь и помогает моей немощи».

Беседа третья

«Я не знал, что вы здесь. Садитесь. Я вам книжечку приготовил: «Письма старца отца Леонида», почитайте. Это очень интересная книжечка; только я не насовсем вам ее дам.

Что теперь кругом делается?! Трудно вам жить среди такого развращенного мира. Меня все спрашивают: «Конец ли это мира?» Что можем мы на это ответить? Спаситель сказал: О дне сем и часе никто не знает, ни Ангелы на небеси; а только Отец ваш Небесный (см.: Мф. 24, 36). Я думаю, что это еще не конец! Но сердце Божие к нам теперь близко. Не до конца прогневается Господь. Он милостиво хранит нашу обитель под покровом Матери Божией. И опять будет мир и тишина. Господь нас помилует за веру нашу — все-таки еще многие веруют и многие молятся еще на Руси.

А книжечка отца Леонида — очень интересная; великий это был старец, отец Леонид. А его старец был отец Феодор Санаксарский — тоже великий старец; а он был учеником молдавского старца Паисия (Величковского) — слыхали про него? Вот у него чудная книжечка есть о молитве Иисусовой. Так отец Леонид ему духовный внучек приходится. Очень хорошая это книжечка!

Молитва — это главное в жизни. Если чувствуете лень, нерадение, как вы говорите, что же делать? Таков уж есть человек! А вы молитесь Богу в полном внимании, просто, как дети, говорите слова молитвы Самому Господу: «Господи

Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Господь Сам знает, что вы — грешная. Так и молитесь: «Господи Иисусе Христе, помилуй мя». Так легче, короче и лучше будет внимание удерживать на словах. Вот так и молитесь. Да укрепит вас Господь Бог. И за меня иногда молитесь так: «Спаси, Господи, и помилуй Германа», так и говорите. Не надо ни игумена, ни иеромонаха, а просто: «Спаси, Господи, и помилуй Германа». Молитесь обо мне так. Помоги Вам, Господи».

Беседа четвертая

«Любить надо Господа. Ведь Господь добрый! Господь Кровь Свою за нас пролил. За это надо Господа благодарить; и, как дети Отца, молить простить нам наши грехи. Молитесь стоя или даже сидя: ведь Господь видит, что вы дети маленькие, сил у вас мало. Он не взыщет. Просто говорите с Господом. Ведь Он так близок к нам. Святитель Тихон Задонский так молился: «Кормилец мой, батюшка!» Вот как он Господа призывал! Вникайте в каждое слово молитвы умом; если ум отбежит, опять его возвращайте, принуждайте его тут быть, а сами языком слова молитвы повторяйте. Так будет хорошо! А сердце пока оставьте и не думайте о нем, довольно вам такой молитвы. Главное, чтобы чувство самоукорения неотступно было бы, чувство своей греховности и безответности перед Богом. Разве это трудно? Говорите: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную» — и чувствуйте, что говорите. Вы говорите: «Страшно». Но разве Сладчайшее имя Господа может быть страшно? Оно благодатно, но надо произносить Его с благоговением. Епископ Феофан говорит: «Надо стоять перед Богом, как солдат на смотру». А укорять себя надо не только в делах плохих. Дел-то греховных у вас, может быть, и немного, а за мысли греховные тоже отвечать будем.

Люди мирские и не знают, что такое помыслы; они каются только в делах; а монахи все свои мысли перед глазами имеют, в греховных помыслах каются и себя за них укоряют.

Один мирянин даже соблазнился этим. Книгу какую-то издали: в ней про помыслы, какие являются, написано было; а мирянин-то и говорит: «Вот чем монахи занимаются, вот какова святость их жизни». Монахи за это по смирению себя укоряли, делами-то они не грешили; а мирянин не понял того и соблазнился. Так что миряне и не знают про это делание монашеское; в книгах обыкновенно об этом не пишут. А за помыслами надо следить; а главное — на них не останавливаться, скорее укорить себя да помолиться Богу. Если себя не укорять и своей греховности не чувствовать, можно в прелесть попасть. Вот один монах — я его сам знал, он до сих пор в одном монастыре просфоры продает. Если пойдете туда, можно его увидать; нарочно-то не ходите, это, может быть, и не полезно: так, без дела, в мужские монастыри не ездите; а разве если что нужно будет. И вы там будете вспоминать мои слова. Вот этот монах, кажется, послушником еще тогда был, захотел молитвой Иисусовой заниматься, не узнав как следует о ней; и начал заниматься. Появились у него чувства отрадные; и он думает, что это уже плод молитвы. И все больше и больше надмевается. Видения у него начались; а он все утешается. И казалось ему, что будто он порой ходит в чудном саду; и так всякий раз ему отрадно было молитву начинать.

Только один раз поговорил он с кем-то из знающих, и его спросили: вникает ли он в слова молитвенные? А он даже и не знал, что это нужно. А как начал он вникать в слова да укорять себя, так и пропали чувства утешительные да видения всякие; потому что все это неправильно. Смирения, самоукорения да простоты держитесь!»

Беседа пятая

«Что же могу я вам сказать? Ничего не могу я сказать. Сам ничего не знаю, ничему не научился; а что же еще могу сказать другим? Ведь я неученый, вы понимаете? Малоученый. Ведь как меня учили-то? Читать научили по Псалтири, «Отче

наш», «Богородицу», — это когда мне восемь лет исполнилось; и больше ничему не учили. Хотелось бы дальше поучиться, спросили: что книжки стоят? Говорят: «Пять рублей». Откуда же нам было такие деньги взять? Так я восьми лет свое образование и кончил — совсем необразованным остался, ничего не знаю. А хотелось бы тогда еще поучиться».

Беседа шестая

«Все жду смерти, а смерть ко мне не приходит. Вот думал: «Не доживу до семидесяти семи лет», а 20 марта исполнился мне семьдесят седьмой год; и вот уже тринадцать дней я прожил семьдесят восьмого года; а все смерть не идет за мной. На что я живу? Кому я нужен? Всем я в тягость! Братия терпят меня — спасибо им, не выгоняют! А я, лентяй, живу, ничего не делаю, на соблазн другим. Братия кругом работают, трудятся; а я, лентяй, ничего не делаю. Недостойный монах, недостойный игумен! В монастыре живу уже пятьдесят пять лет, и ничего не сделал — о монашеской жизни и понятия не имею. Вот мой старец отец Александр жил семьдесят лет, преподобный Серафим семьдесят лет, отец Амвросий Оптинский семьдесят три года — а какие светильники были, истинные старцы, подвижники; а я семьдесят семь лет прожил и не сумел угодить Богу. И с чем предстану я, окаянный, на Страшный суд Божий? Всем меня наделил Господь: привел двадцати двух лет в святую обитель в 1866 году; через восемь лет меня посвятили в иеродиаконы, а в 1885 году — в иеромонахи; и в схиму Господь меня облек. Все мне даровал Господь; а я ничего не сделал, ничем не угодил Богу и страшусь праведного Суда Божия на Страшном суде Его.

Обитель вся устроена трудами братии; все они у меня хорошие, труженики, послушные такие! Один я им показываю пример лени и нерадения.

26-го был день моего Ангела — ведь меня Гавриилом звали. Родился я 20 марта 1844 года».

Беседа седьмая

СЛОВО ОТЦА ИГУМЕНА ГЕРМАНА О СХИМЕ

«Многие монашествующие боятся схимы, боятся накладывать на себя обеты, которых сдержать не смогут. Была у отца Александра, моего старца, духовная дочь, монахиня Евфросиния, она потом у меня исповедовалась и умерла года два тому назад. Я ей всегда говорил: «Принимай схиму!» А она мне отвечала: «Батюшка, да разве я могу? Разве я достойна?» А я ей отвечал: «Кто же из нас-то достоин? Кто может считать себя достойным? Мы только смиряться можем и смирением дополнять дела, которых у нас нет... Какой я схимник?! Господи, Ты видишь немощь мою! Никуда я не гожусь! Без Тебя, Господи, я — ничто!»



ПРЕПОДОБНЫЙ СТАРЕЦ АЛЕКСИЙ ЗОСИМОВСКИЙ (1846—1928)

Преподобный Алексий, бывший священник Большого Успенского собора Московского Кремля, поступил в Зосимову пустынь в период настоятельства отца Германа. 30 ноября 1898 года он принял постриг от руки отца Германа и был наречен Алексием в честь святителя Алексия, митрополита Московского. В эти годы у преподобного Алексия получали духовное окормление святая мученица великая княгиня Елисавета Феодоровна и сестры Марфо-Мариинской обители, члены Императорского Дома, высшие сановники государства, иерархи Церкви.

Именно старцу Алексию передал свою многочисленную паству старец Варнава из Гефсиманского скита.

Духовные беседы преподобного Алексия Зосимовского, записанные Еленой Мажуровой

Отец Алексий был мне с детства дорог и близок. Родители мои с шестилетнего возраста возили меня в Зосимову пустынь. Будучи девочкой и приходя исповедовать свои грехи отцу Алексию, я зачастую плакала в его присутствии. Он никогда не спрашивал, почему я плачу, а только говорил: «Плачь, милая, плачь, это значит Христос тебя посещает, а Он нам безценный Гость».

Покойный батюшка всегда был очень снисходителен к истинно желавшим спасения. Не было греха, которого бы не прощал отец Алексий, за исключением греха духовной гордости. «Смирихся, и спасе мя Господь», — говорил отец Алексий. «Знаешь ли ты, — поучал он, — знаешь ли, мне кажется,

что люди оттого только и страдают, что не понимают истинного самоотречения во имя Распявшегося ради нас. Помни, где горе, где беда, ты должна быть первой. Много слез сокрушенного сердца проливает человек, чтобы сделаться способным утешать других о Господе. Нужно идти туда, где туга душевная так мучит человека, что он склоняется на самоубийство. Это нелегкий подвиг; это подвиг, граничащий с истинным распятием собственной греховности, ибо только тот может уврачевать отчаянного, кто сам силой своего духа сможет взять в это время его душевное страдание на себя». «Нет ничего удивительного, что ты страдаешь, — нередко говорил батюшка, — ты должна страдать, чтобы понять страдания других. Терпи, Христос терпел, будучи Безгрешным, поношения от твари, а ты кто такова, чтобы не пострадать? Знаешь ли ты, что душа очищается страданием, знаешь ли, что Христос помнит тебя, если Он посещает тебя скорбями, особенно помнит. Путь жизни труднее всего избрать самому. Нужно при вступлении в жизнь молить Господа, чтобы Он управил твой путь. Он, Всевышний, всякому дает свой крест сообразно со склонностями человеческого сердца. Кто тебе сказал, что Бог наказывает людей за грехи, как принято у нас часто говорить при виде ближнего, впавшего в какую-либо беду или болезнь. Нет, пути Господни неисповедимы, нам, грешным, не надо знать, почему Всевышний Христос допускает на свете часто уму человеческому непостижимые как бы несправедливости. Он знает, что Он делает и для чего. Ученики Христовы никогда не думали, что Христос даст им счастье в смысле благополучия земного здесь, на земле. Нет, они были счастливы лишь общением духовным со Сладчайшим своим Учителем. Ведь Иисус явился в мир для того, чтобы Своей жизнью утвердить последователей Своих в мысли, что земная жизнь есть непрестанный подвиг. Христос мог избежать страдания Своего, однако Он Сам добровольно пошел на Крест. Бог любит особенно тех, кто добровольно идет на страдания Христа ради». «Почему я должна жить не для себя?» — часто спрашивала я отца Алексия. — «Да потому, милая, — говорил покойный батюшка, —

что ты только и обретешь мир о Господе, если отдашь себя на служение ближнему».

Отец Алексий никогда не спешил со многими из своих посетителей. Он много раз говорил, бывало: «Господи, Господи, едут, едут за столько верст, ведь приезжают ко мне недостойному, ну как их торопить!» Относительно молитвенного правила давал мне всегда один очень определенный ответ: «Твори молитву Иисусову всегда, что бы ты ни делала, если же рассеешься, вздохни перед Господом и снова, и снова продолжай». «Страх Божий, вот что потеряли люди, — говаривал батюшка. — Потому и скорбят люди, что думают, что они сами своими силами могут чем-нибудь помочь. Нет, люди готовы умереть духовно, чем поступиться своим самолюбием, своей «благородной», как они называют, гордостью. Гордость изгнала из рая прегордого Денницу, потерявшего из-за нее свое небесное величие. Думают люди, что вот-вот они достигнут здесь, на земле, благодаря своим личным трудам, земного счастья и благополучия, удивляются и печалятся, если выходит наоборот, забывая, что сам человек ничего не может сделать, если Всевышний не изъявит на то Своей Воли. Волос человека не падет с головы без воли Божией, неужели ты думаешь, что что-либо в жизни целых народов происходит без воли Творца? Нам, правда, часто кажется, что происходит что-то нецелесообразное, что-то прямо несогласное с божественными законами. Да ведь не знаем мы, что из этого произойдет в психологии этих исстрадавшихся ныне, не знаем мы, что, быть может, Христос и решил очистить всех, всех, — повторял батюшка, — помни — всех, благодаря этим нечеловеческим как бы страданиям. Христос есть предвечная любовь, любовь николиже отпадает, и Христос с небесного Своего Престола ни на минуту Своим взором не покидает грешной земли, Он все видит, все допускает, а вот **почему** Он допускает, нам грешным знать **не полезно**.

Ты помни одно, что ты христианка, и с этой точки зрения всегда и поступай в жизни. Долг христианки какой? Долг христианки исповедовать Христа безбоязненно и никогда ни в

чем не поступаться своей христианской совестью. Вот я, — говорил про себя отец Алексий, — думал ли я, что мне придется утешать стольких людей, мне, когда я и теперь зачастую чувствую, что я сам немощен и телесно, и духовно, а тут стольких немощных беру на свою ответственность. Ведь я на поруки как бы перед Богом беру вверяющихся мне людей, ведь ответ дам за них перед Престолом Божиим. Ведь это не шутка, милая, взять на себя под свою ответственность пред Всевышним сотни людей, вверяющихся духовному руководству. Многие думают — ну что за важность советовать то или иное? Да ведь знаешь ли ты, что мне Христос полагает на сердце дать тот или иной ответ, ведь я сам, как говорится, в себе не волен. Лучше совсем не спрашивать совета старца, чем не исполнять его совета. Враг Божий только и ждет, чтобы за непослушание человека Божиему через старца совету опутать несчастного своими сетями».

«Всех, всех Христос пришел спасти», — говаривал мне всегда батюшка, когда я выражала ему свою скорбь за знаемых мне неверующих в Бога людей. «Так и помни, — сказал он мне как-то раз особенно дерзновенно, — помни, что ты сама только потому веруешь в Бога, что вера тебе Им дана — вера ведь дар Божий. Нельзя никого судить за то, что он не может верить в Бога, так как это бывает зачастую промыслительно. Христос может сделать чудо мгновенно. Он может в один миг сделать из гонителя ревнителя. Апостол Павел из величайшего из гонителей сделался ревностнейшим проповедником Христовой истины. Но велико, велико дело исповедничества Христовой истины, кому это, конечно, Им дано. «Всяк иже исповесть Мя пред человеки, — исповем Его и Аз пред Ангелы Божиими». Есть два вида мученичества. Мученичество явное, открытое — это когда физически мучают человека, распинают, четвертуют, вообще подвергают каким-либо физическим страданиям за имя Христово — это наши первые мученики. А есть и теперь мученики, которые добровольно сами распинают свою плоть со всеми ее страстями и похотями. Вот наши, хотя бы для примера, ближайшие угодники Божии: Серафим Саровский, Сергий Радонежский, да

и старцы, не прославленные еще открыто Церковью, — Амвросий Оптинский, Иоанн Кронштадтский. Ведь эти последние два жили еще так недавно, жили среди нас, а разве все, все оценили их по заслугам?

Были люди, которые ценили, а были, которые и порицали их. И так было и будет во все времена и лета, и никогда не надо удивляться или негодовать на это, ибо и это происходит по воле Божией».

Я часто скорбела, что я живу совершенно не так, как мне хотелось бы, что я живу, как мне казалось, совершенно не жизнью духа, что жизнь заставляет меня все время лишь думать о куске насущного хлеба. Батюшка всегда лишь улыбался на мои заявления и говорил: «Вот и скорби, скорби, только так и очистишься». — «Да как же я очищусь, батюшка, когда я все больше погрязаю?» — «Ну, ну, погрязнешь и вылезешь, а то, знаешь, бывает и наоборот, вылезает, а вдруг и погрязнет, не спеши вылезать, так-то вернее будет, а тебе нужно узнать всю изнанку жизни, хоть ты и нежный цветочек. Не бойся грязи, грязи видимой в человеке, значит, он спасен, когда вся грязь наружу, то есть когда духовная грязь в нем уже заметна, этим он искупает вполне свое недостоинство, а вот надо бояться той грязи, до которой трудно докопаться, той грязи, которая гнездится в тайниках нашего сердца, где никакая человеческая помощь не сможет заставить ее обнаружиться во всей ее закоснелости, где может помочь лишь десница Божия».

* * *

Приезжай к нам в Великий Четверг: все чудные службы проведешь у нас; останутся они у тебя в памяти, в Четверг пособоруешься. У нас, как и в Успенском соборе, в этот день соборуют и мирян. В Светлую Заутреню стань ближе к Зосимовой пустыни, познакомься с ней, с ее духом. Читай утром и вечером молитвы по молитвослову, затем можно, по усердию, и каноны: Спасителю, Божией Матери, Ангелу-хранителю, а потом акафисты разные — какие захочется. Нужно непременно ежедневно, в течение десять минут (это пока), без счета, чтобы это не было машинально, читать молитву

Иисусову, не скорым галопом, а с размышлением. Когда приедешь в следующий раз, тогда скажу тебе: увеличить ли время на это до одного часа или нет. Во время молитвы Иисусовой можно класть поклоны, можно и не класть. Самое главное — это молитва. Большого правила на тебя не возлагаю, потому что, когда ты получишь начальство в монастыре, то кто знает, успеешь ли ты все выполнить? Годишься ли ты... Если ты только заметишь, что в монастыре не строго, не все по монашескому строю совершается, то, говорю тебе, не поступай в такой монастырь (речь шла об Иоанновом монастыре), в другом месте можно, а **отец Иоанн Кронштадтский** везде-везде тебя сохранит*. Хорошо, если ты будешь по своей матери читать Псалтирь, по усердию, сколько возможно, только помни, что есть там особая молитва при каждой кафизме. Если ты не понимаешь, что читаешь из Святого Евангелия, то советую тебе: день читать по-русски, день по-славянски, а спустя месяц, вот пятого числа, начни снова с того Евангелия, с той же главы, скажем, с третьей, но теперь уже или по-русски или по-славянски и, таким образом, из месяца в месяц.

Надо непременно читать авву Дорофея и святого Иоанна Лествичника. Еще и еще читай. Одно всегда помни: буду ли я твоим духовным отцом или другой, помоложе, — имей к нему полное доверие, иначе ничего не выйдет для спасения твоей души. Доверие к старцу или к духовнику необходимо, но враг будет всячески смущать и постарается тебя от меня отбивать, и даже ты можешь меня возненавидеть...

Те, которые поступают в монастырь, непременно будут обуреваемы **известной страстью** (блудной). Очень часто, правда, так бывает, но этим не нужно смущаться и этого бояться — нужно только тотчас прибегнуть к старцу или духовнику. Те, которые до сорока лет были свободны от этой страсти, после сорока вдруг бывают ею обуреваемы. Особенно это бывает с теми, которые гордились своим целомудрием, смеялись над теми, которые были под гнетом врага, и не жалели о них,

---

* Отец Иоанн Кронштадтский был крестным отцом А.Г., когда она переходила из лютеранства в Православие.

не молили о них. Я, как твой духовник, зная уклад твоей души, не советую тебе выходить замуж, чтобы страсти не поднялись.

Держись духовника, он никогда тебе не даст впасть в неверие, будет тебя пробуждать. Только крепко держись и все ему рассказывай. Избрала ли меня или другого — всегда обо всем посоветуйся с духовником.

Понуждай себя к милосердию, к добру для ближних — это своего рода подвиг — нужно помогать нуждающимся, развивать в себе жалость и любовь.

Однажды я пришел к старцу, а он начал мне говорить, что такое старчество. «Преподобные отцы, живя в пустыни, говорят про себя так: в продолжение седмицы диавол жжет нас своим змеиным ядом, а мы в субботу и воскресенье прибегаем на источники водные, исповедуясь у своих старцев и причащаясь Святых Таин, этим мы избавляемся от змеиного яда». И мы, живя в Зосимовой пустыни, когда теряли душевный мир, приходили к старцу отцу Алексию и открывали ему свою душу. Старец говорил нам, что мир душевный теряется больше всего от осуждения ближних и от недовольства своей жизнью. Когда мы начинали о ком-нибудь говорить с осуждением, старец нас останавливал, говоря: «Нам до других дела нет, говори только свое. Правила святых отцов предписывают останавливать исповедующихся, когда они говорят о других. И мы, придерживаясь этого правила, строго следили за собой, чтобы не сказать какое-либо слово о других. «Кто любит говорить про других, — наставлял старец, — про того и люди много говорят». Старец еще учил нас: «Когда душа обвинит себя во всем, тогда возлюбит ее Бог, а когда возлюбил ее Бог, тогда — что еще нам нужно?» После исповеди и прочтения над нами разрешительной молитвы у нас опять возвращалась жажда духовной жизни и мир в душе водворялся.

Отец Алексий говорил нам: «Хотя Господь во ад меня пошлет за мои грехи, но я все-таки буду благодарить Его всегда за то, что я монах». Он и в миру еще читал и любил святых отцов и был как бы ненасытен в монашеских подвигах.

Глубина смирения отца Алексия была так велика, что он

при всякой своей ошибке сознавал ее, каялся и просил прощения. Раз я пришел к нему днем. Он беседовал с каким-то студентом Академии. Отец Макарий, келейник, только что вычистил самовар, налил его водой, разжег и говорит: «Я пойду за водой в часовню, а вы, батюшка, смотрите, чтобы самовар не ушел».

Отец Алексий во время разговора со студентом забыл про самовар; тот от сильного кипения залился водой. Отец Макарий, вернувшись с водой, увидел, что все его труды даром пропали, и, обратившись к отцу Алексию, с укором сказал ему: «Батюшка, и это вы не могли исполнить! Теперь все мои труды пропали, а я полдня чистил самовар!» Отец Алексий упал в ноги отцу Макарию и стал просить прощения: «Простите меня, отец Макарий, я нехорошо сделал». Но отец Макарий еще долго брюзжал, все жалел свои труды. В другой раз я прихожу к отцу Алексию, когда он был болен; сделав три поклона, я его поцеловал, а он и говорит: «Стоит ли целовать сегодня? Мне бы нужно все лицо разбить». А я говорю: «Батюшка, да за что же?» — «За то, что я пред Богом сказал дурное слово».

Отец Макарий не старался выводить клопов, которые размножались в батюшкиной постели. Однажды отец Алексий крикнул отцу Макарию: «Отец Макарий, идите сюда!» Тот явился. «Возьмите этого клопа, он мне все руки объел». Отец Макарий взял клопа и говорит: «Куда мне его деть?» — «Только не убивай, а выбрось его в окно!» Отец Макарий хотел выбросить его в окно, а батюшка и говорит: «Как вы жестоко поступаете! В такой мороз, куда теперь он денется? Преподобный Исаак Сирин говорит, что монаху надо иметь сострадание ко всякой твари, начиная с блохи». Отец Макарий заворчал: «Ну вот, я и над клопом не имею власти!»

Когда отцу Алексию приносили подарки, он отдавал их другим и сам ими не пользовался. Раз, идя на послушание, встретился я с отцом Алексием: он разговаривал с женщиной, которая принесла ему узелок гостинцев. Она говорила: «Примите, батюшка, это от меня и кушайте на здоровье, это я для вас принесла». Отец Алексий, увидя меня, отдал узелок и го-

ворит женщине: «У нас пища хорошая в монастыре, я сыт, а вот рабочие имеют нужду в гостинцах». Женщина смутилась. «Батюшка, ведь я это для вас принесла, а вы отдаете». Отец Алексий говорит: «Вы принесли мне, и я принял от вас с благодарностью, но я хочу отдать другому, который имеет в этом нужду». Не знаю, чем кончился разговор, так как я узелок взял и унес к себе.

Высоко ставя послушание и сам во всем слушаясь своего духовника, отец Алексий и учеников своих учил этой добродетели. Идя однажды на послушание, встретился я с одним из учеников батюшки, студентом Академии отцом Игнатием Садковским*, который катил маленькую двухведерную бочку. Сам он был очень высокого роста, а бочка-то маленькая, подпрыгивала и перевертывалась. Ему поэтому приходилось ежеминутно нагибаться и подталкивать бочку. Я ему и говорю: «Вы бы ее, отец Игнатий, взяли на плечо да и несли бы». А он отвечает: «Меня благословили катить». Один духовный сын отца Алексия приехал в Зосимову пустынь поговеть Великим постом на первой неделе. Он стал ходить неопустительно по всем службам. А службы там были уставные, долгие. В то время огонь в монастырской кухне не зажигался и ничего варить для братии первые дни не полагалось. Со временем он начал изнемогать и слабеть. Наконец, не выдержав подвига, он бросился к отцу Алексию: «Батюшка, не могу больше без пищи, благословите что-нибудь съесть!» — взмолился он. А тот со свойственной ему мудростью ответил: «Как же ты просишь меня, твоего старца, благословить тебя нарушить устав той обители, в которой он живет? Другое было бы дело, если бы ты, не могший дольше терпеть, сам что-нибудь съел и потом пришел ко мне просить прощения». Не получив благословения нарушить пост, молодой человек ушел от отца Алексия, но не смог больше поститься, раздобыл где-то соленый огурец и кусок черного хлеба, съел их и затем пришел к старцу с повинной головой. Конечно, тот отпустил ему грех с любовью. Сам же старец всегда вкушал то, что давали всем на

---

* Умер мученической смертью в 1938 году.

трапезе, а когда очень уставал от исповедников, то выпивал чашку крепкого чая, и это его подкрепляло.

Раз я иду из своей кельи — в саду стоит старец, а в руках держит небольшой камень. Взял я у него благословение и говорю: «Зачем это у вас, батюшка, камень в руках?» Отец Алексий отвечает: «Это я взял на дороге, камень-то острый, а тут многие ходят босыми ногами, могут ноги ушибить, надо его отнести куда-нибудь подальше». Я попросил камень у батюшки и отнес его в сторону.

Поучения старца Алексия

— Я, — говорил старец, — миниатюра Оптинских старцев, как и сама Зосимова пустынь. Оптинские старцы уже привыкли обращаться с народом.

• Монах должен знать два слова: «простите и благословите». Ему надо заучить наизусть стихиру 7-го гласа: «Виждь твоя пребеззаконная дела, о душе моя, и почудися како тя земля носит, како не расседеся, како дивие зверие не снедают тебе; како же и солнце не заходимое сияти тебе не преста; восстани, покайся и возопий ко Господу: согреших ти, согреших, помилуй мя» (неделя вечера).

Когда слушаешь колокольный звон на улице, он разлетается и разбивается о разные встречные предметы; иногда же его восприятию мешает какой-либо треск, визг или писк. Напротив, когда сидишь в четырех стенах, то этот же звон слышишь очень явственно, ибо стены его не ограждают, не дают ему разлетаться. Точно так же небесные звезды бывают видны только вечером, днем же их не видно. Если ты спустишься в глубину земли (например, в колодец), то оттуда увидишь много звезд, которых ты раньше не видал. Так точно и человек — если более приобучает себя молитве Иисусовой, то эта молитва делается ограждением для его ума, не дает ему развлекаться соседними лицами, предметами; помогает ему схватывать слова церковного пения и чтения и вообще помогает ему более внимательно стоять церковную службу. Но это

относится не к начинающим делателям молитвы Иисусовой, а только к тем, которые привыкли к этой молитве.

• Молитву Иисусову когда творишь, заключай ум в слова молитвы, то есть молись со вниманием. Молитву Иисусову лучше ограничивать во времени (например, пятнадцать-двадцать минут), нежели количеством: в этом случае произносишь молитву более неторопливо и более внимательно. Это правило пусть, как урок, творится постоянно, кроме дней праздничных двунадесятых.

При ежедневном чтении Евангелия и Апостола лучше читать из того и из другого по одной главе в день. В Пасху и двунадесятые праздники Псалтирь оставляется и читается только Евангелие и Апостол.

• Псалтирь в келье лучше читать стоя, нежели сидя, несмотря на то, что в церкви кафизмы Псалтири выслушиваются сидя; келейное чтение Псалтири есть молитвенный труд. (Если в церкви и сидят во время кафизм, то ради седален, читаемых после кафизм, а не ради самих кафизм.)

Евангелие непременно надо читать стоя. Апостола можно и сидя и стоя, но лучше стоя. Мирянину, желающему познакомиться с духовной жизнью, лучше всего сначала прочитать книгу епископа Феофана «Что есть духовная жизнь». Эта книга представляет собой как бы ворота в духовную жизнь.

• Писания Оптинских старцев ближе к сердцу, чем писания Феофана Затворника. У него много схоластической, школьной учености (рубрики, подразделения). У Оптинских старцев более опытности, вследствие их долгого постоянного упражнения с окормляемыми. Вообще живая сердечная вера скорее и глубже схватывает предмет, чем рассудочное изучение его или оперирование над ним с докторским ланцетом.

• Из Оптинских старцев более серьезен и полезен для монахов отец Макарий Оптинский. У него все сводится к смирению и самоукорению. Нет письма, где бы ни говорилось о смирении. Как масло в кашу, он всюду подливает самоукорение.

• Оптинские старцы оттеняют одну черту в Таинстве Елеосвящения, именно оно облегчает хождение по мытарствам.

• Протоиерей Глаголев (настоятель Николо-Покровской церкви, дядя по жене отца Алексия и его крестный отец) говорил: «Сначала исполни то, что указано Церковью, а потом как хочешь, потом можно и полиберальничать».

• Схима есть завершение монашества. Манатейное монашество есть только «обручение ангельского образа», а схима — самый «ангельский образ». Вот почему древняя практика не знала манатейного монашества, а только схиму. Манатейное монашество введено уже позднее как послабление первоначальной строгости монашеской жизни. На Афоне и теперь схима почитается чуть ли не обязательной для каждого монаха: перед концом жизни каждый должен принять схиму. Смотрят очень строго за тем, чтобы ее не принимали рано. Преподобный Серафим Саровский и преосвященный Феофан Затворник совсем не приняли схимы. Значит, они почему-то не сочли схиму для себя нужной. Схима есть повторение и усугубление монашеских обетов: человек чувствует, что он доселе как следует не исполнял монашеских обетов, раскаивается в этом и снова пред всей Церковью их произносит, надеясь с помощью Божией их исполнить. В схимничестве усугубляется молитвенное правило.

• При исповеди, особенно женщин и молодых девушек, не следует смотреть им в лицо, а лучше смотреть в профиль или на икону, ибо зрение, по словам святых отцов, есть сильный проводник блудной страсти.

• Старец говорил, что надо молиться против нервности — Борису и Глебу; против порока пьянства — святому мученику Вонифатию; против блудной страсти — прежде всего нужно молиться Господу Богу, Божией Матери, Ангелу-хранителю, своему святому и затем преподобному Иоанну Многострадальному, преподобному Моисею Угрину, преподобному Мартимиану, преподобной Марии Египетской, святой мученице Фомаиде, апостолу Иоанну Богослову (девственнику) и всем святым.

• О Святом Причащении батюшка еще говорил так: «Плоды Святого Причащения: здоровье души и тела, мир душевный, какая-то радость духовная, легкое отношение к внешним скорбям и болезням. Бывает, например, так: больной,

причастившись Святых Таин, говорит: «Если бы я долго не причащался, я давно умер бы».

• Эти плоды действуют, если мы не оскорбляем святыню. Если же оскорбляем ее, то в тот же день причащения она перестает действовать. А оскорбляем мы святыню чем? Зрением (зрение, по словам святых отцов, — опасный проводник блудной страсти); слухом и другими чувствами; многословием и осуждением. Поэтому в день причащения надо преимущественно хранить зрение и больше молчать, «держать язык за зубами».

• Если мы не получили плодов после Святого Причащения, надо раскаиваться, смирять себя, считать себя недостойным этих плодов: быть может, и недостойно причастился? Рассеялся во время службы — ведь можно рассеяться не только блудными, а и другими посторонними мыслями. Отчаиваться же и скорбеть, что я не получил плодов Святого Причащения, не нужно. Иначе Святое Причащение будет для нас талисманом каким-то. Такое отношение к причащению — своекорыстие.

• Если кто-то батюшку спрашивал о чтении молитв: нужно ли то-то вычитывать или можно пропустить, — то он иногда так отвечал: «Лучше перемолиться, чем недомолиться». И кажется, это он не от себя говорил, а ссылаясь на кого-то, так говорящего.

• За новопреставленного полагается утром и вечером делать по двенадцать поясных поклонов. Один брат сказал батюшке: «Вот я по нескольку дней забываю сделать эти поклоны, а потом уже зараз поклонов сто и сделаю с таким расчетом, чтобы пополнить пропущенное. Можно ли так и впредь делать?» Батюшка сказал: «Хорошо все делать, когда полагается, в свое время».

• Об осуждении отец Алексий как-то сказал: «Осуждаем, детынька, оттого, что за собой не смотрим и себя наперед не осуждаем. Не осуждай никого, не клевещи и не давай неправильных советов ближним, ну а если тебе придется сделать это, то спеши исправить зло. Скажи, что ты неправильно сказала, предупреди, извинись письмом, наконец, если сама не

можешь увидеть их, а то знаешь, много неприятностей от этого бывает».

• О гордости и помыслах тщеславия старец говорил следующее: «Гордиться нам нечем, ведь если и есть что хорошее в нас, то не наше, а Божие. Нашего ничего нет. Когда тебе придет в голову помысл гордый и тщеславный о себе, так ты вот что делай: гони его сию же минуту и говори прямо вслух, если одна: «Знаю я, какая я хорошая, а это кто сделал, а это кто сделал?» — и начни перебирать свои грехи — помысел и отойдет.

• О тайне исповеди старец часто говорил так: «Будь покойна, детынька, старческая душа — это могила, что слышала она, то и похоронила в себе навеки и никому того не отдаст. Не надо и тебе другим рассказывать про исповедь. Зачем? Исповедь — это тайна твоя и духовника. Мало ли что может духовник сказать тебе на исповеди, что сказать-то другим неудобно?»

• Жалующиеся на свою тяжелую жизнь и на множество недостатков и грехов слышали от него следующие слова: «Не ропщи, детынька, не надо, если бы Господь забыл тебя или не был к тебе милостив, то жива-то не была бы; только ты не видишь Его милостей, потому что хочешь своего и молишься о своем, а Господь знает, что тебе лучше и полезнее. Молись всегда, конечно, об избавлении тебя от скорбей и от грехов твоих, но под конец молитвы всегда добавляй, говори Господу: «Обаче, Господи, да будет воля Твоя».

• Как-то сказала я старцу о том, что пою и читаю в церкви, но что это меня рассеивает в молитве и в смиренных чувствах: во время пения и чтения смущают помыслы тщеславия и теряешь спокойствие совести. На это батюшка мне ответил: «Читай и пой в церкви, на это я тебя очень и очень благословляю. Я очень желал бы, чтобы ты принимала в службах деятельное участие. А насчет помыслов я тебе вот что скажу: перед тем как выйти читать, вспомни обо мне, детынька, вспомни, что далеко-далеко в пустыньке есть у тебя старичок отец Алексий, и скажи про себя: «Господи, молитвами отца моего духовного старца иеросхимонаха Алексия помоги мне». И посмотри, как будешь читать, все помыслы отойдут».

• О помыслах нечистых и хульных и о борьбе с ними старец постоянно говорил так: «Все помыслы такие отгоняй молитвой Иисусовой, а когда они очень уж будут докучать тебе, то ты, незаметно для других, плюнь на них и на диавола, тебя смущающего. Ведь вот, когда при крещении христианин сочетается со Христом, он и на диавола, и на дела его и дует, и плюет — так и ты делай!»

• О чтении духовных книг и Святого Евангелия старец говорил мне: «Не ленись читать Слово Божие и духовные книги. Слово Божие поддержит и укрепит тебя в Истине». В первую очередь он советовал читать следующее: авву Дорофея, Иоанна Лествичника и Иоанна Кронштадтского.

• Часто жаловалась я старцу на то, что не могу держать постов из-за домашних условий. Много неприятностей у меня из-за этого выходило и поститься не было никакой возможности — это значило: ничего не есть. На все мои просьбы разрешить мне не поститься старец говорил решительно и твердо: «Не могу, детынька, не могу я тебя на это благословить: я — монах, и пост положен у нас в уставе. Смотри сама, молись, Бог видит условия твоей жизни. Только на исповеди не забывай каяться в нарушении постных дней».

• Поведала я старцу как-то и о своих смущениях, возникших у меня в душе из-за некоторых непонятых мной поступков духовного отца. На это старец очень внушительным и строгим тоном сказал мне: «От раз избранного духовного отца не уходи по причинам, выдуманным тобой. Знай, что диавол любит отводить нас от того, кто наиболее может быть нам полезен! Не слушай его внушений, если он будет шептать тебе, что духовный отец невнимателен-де к тебе, он-де холоден с тобой и не хочет иметь тебя около себя. Кричи прямо вслух ему в ответ: «Не слушаю тебя, враг, это все неправда, я люблю и уважаю отца моего духовного».

• Спрашивала я как-то о музыке и танцах старца: «Можно ли играть на рояле и танцевать?» Батюшка сказал мне так: «Играть на рояле благословляю тебя только классические вещи, например Бетховена, Шопена и других. Есть и легкие вещички, некоторые хорошие, но вообще легкая музыка слу-

жит только страстям человеческим, там, знаешь, и аккорды-то все страстные...» «Ну а танцы, — продолжал батюшка, — это совсем дело бесовское, унижающее достоинство человека. Знаешь, я как-то, когда был еще в миру, смотрел раз из своего окна и увидел напротив в окне бал. Так мне со стороны смешно даже смотреть было — кривляются люди, прыгают, ну точь-точь как блохи».

• «Батюшка, — сказала я как-то старцу на исповеди, — я очень жестокая, не умею жалеть несчастных и больных людей». На это старец ответил мне: «Надо быть милостивой, детынька, *блаже́ни милостивии: яко тии поми́ловани бу́дут*. Главное же, милуй души согрешающих ближних, потому что больных и страждущих душой надо больше жалеть, чем больных и страждущих телом. Милуй и не причиняй страданий даже животным, потому что и о них в Писании сказано: *Блажен, иже и скоты милует*.

• О подвигах духовных и работе над собой батюшка говорил так: «Не вдавайся очень в подвиги и желания через меру, выше твоих сил, — можешь легко погибнуть. Иди средним путем. Средний путь — царский. Нет цены умеренному деланию.

Когда на молитве ты вдруг заплачешь, если вспомнишь, что кто-то тебя обидел или на тебя гневался, — эти слезы не в пользу душе. Вообще нужно подавлять слезы, чтобы не превозноситься, что «вот я какая — уже молюсь со слезами!». Если будешь думать о своих грехах и читать покаянные молитвы — это спасительно. Вообще же знай, что враг всегда настороже, всегда за тобой следит, смотрит на выражение твоего лица, твоих глаз и старается уловить твою слабую сторону, слабую струнку, гордость ли, тщеславие ли, уныние.

• Святые отцы учат, что на хульные помыслы совсем не следует обращать внимания — сами тогда отскочат. Нужно только сказать врагу: «Это не моя мысль, а твоя, навеянная». Если он возразит — нет, твоя, то ответь ему: «Мой духовник мне приказал так говорить» — и тотчас враг отбежит от тебя.

• Светские люди всегда удивляются, что мы, монахи, видим злых духов, а они — никогда. Нет ничего удивительного,

ибо они находятся во власти злых духов, и они их оставляют в покое, монахов же не оставляют в покое, потому что они борются с ними и им не поддаются.

• Против скуки, уныния есть несколько средств: молитва, дело, поделье и, наконец, завернуть себя в мантию и уснуть. Когда на монаха надевают мантию, тогда начинается борьба сатаны с ним.

• Вот, может быть, ты будешь когда-нибудь монахиней-игуменией. Я всегда о тебе молюсь. Если тебя будут пугать, что будто ты заразилась от мамы (раком), то отвечай так: «Кого я оставлю: мужа или детей? Ведь от смерти не уйти, ближе буду к Царству Небесному, к соединению моему с мамой и с моим родителем. Чего бояться страдания?!»

• Отца твоего (лютеранина) нельзя поминать во время церковных служб: ты уж по нем не заказывай парастаса и заупокойных служб. Я тебе дам молитву, составленную отцом Леонидом Оптинским, которая как раз подходяща для твоего отца, и молись по нем. Благословляю тебя с сегодняшнего дня начать молиться о твоем отце по этой молитве. Еще при жизни отца Леонида были извещения о пользе этой молитвы. Старец вручил следующую молитву: «Помилуй, Господи, аще возможно есть, раба Твоего *(имя)*, отошедшего в жизнь вечную в отступлении от Святой Твоей Православной Церкви. Неисследимы судьбы Твои. Не постави мне в грех сей молитвы моей, но да будет святая воля Твоя».

• Когда во время Херувимской или в другие важные минуты приходят в голову разные житейские мысли, нужно тотчас прибегать к Иисусовой молитве. Твори крестное знамение и произноси молитву Иисусову немного вслух про себя, это очень поможет тебе не блуждать мыслями. Нужно собрать мысли и молиться со вниманием и умилением. Иисусову молитву должно творить с великим вниманием и с покаянным чувством, с ударением на слова: «помилуй мя грешную». С сердечным сокрушением и с детским доверием следует ею молиться, и Господь за такое доверие пошлет умиление, и ощутишь плод великий от такой молитвы. Понуждай себя. На исповеди нужно открываться не только в дурных помыслах,

но также и в хороших. Итак, если не будешь себя понуждать к молитве, то заглохнет в тебе молитвенный порыв. Сначала трудно, а затем как бы от себя потечет внутренняя молитва, но все же принуждать себя нужно непременно.

Сознание, что ты духовно не подвигаешься вперед, да послужит тебе для самоукорения. Смирять себя надо. Нужно наедине громко, с покаянным чувством молиться Иисусовой молитвой. Не запускай же ее.

Ты говоришь, что нет памяти смертной. Вот и смиряйся, и кайся в этом. Одно крыло — смирение, другое — самоукорение с терпением. Ты еще должна каяться в том, что у тебя нет должного чувства благоговения к Святейшему Патриарху и к его сану. Столько благодати излилось на него при его посвящении. Без умиления нельзя было стоять при его посвящении.

Я рассказала старцу свой сон: будто он ко мне подошел (я лежала), благословил двумя руками и тихо удалился, произнося следующие слова: «С самоукорением и с молитвой». Старец мне ответил: «Да, эти слова знаменательны. Помнишь, что старец Амвросий велел молчать и не рассказывать своих снов о нем?» — И старец погрозил пальцем. «Будешь верить в Промысл Божий, поручишься ему и обрящешь великий мир. Только тогда будешь спокойна. Чтобы ни случилось с тобой, никогда никого не вини, кроме самой себя. За все неприятности и невзгоды благодари Бога. Старец отец игумен говорил: «У кого больше смирения, тот больше преуспеет в Иисусовой молитве. Если вас прервали по делу, то потом снова начинайте ее, и так всегда. Господь, конечно, видит ваше желание — соединиться с Ним в молитве».

Я спросила старца, не грешна ли следующая моя мысль, что когда я приобщаюсь Святых Таин, то я тоже теснейшим образом соединяюсь с Божией Матерью. Старец ответил: «Твоя мысль не еретическая, но лучше совсем не думать о таких вопросах, иначе додумаешься до ненужного и можно даже дойти до сумасшествия. Достаточно думать только о Спасителе и сознательно приобщаться Тела и Крови Христа».

В 1918 году старец говорил о современном положении Православной Церкви, о Патриархе и о том, что теперь настало «время исповедничества».

Если ты идешь утром в храм, то все равно полагается читать утренние молитвы. Нужно их прочесть дома, разве только по болезни опустить или если проспишь время.

В первый год моей замужней жизни у меня было такое искушение: ежедневно, за вечерним правилом, которое мы с моим мужем всегда читали вслух, начинали смущать меня помыслы о том, что завтра приготовить к обеду, и до такой степени было сильно это искушение, что я совершенно не могла молиться и очень этим мучилась. При первой возможности я пожаловалась об этом старцу и получила от него мудрый совет: «Чтобы не было у вас подобных искушений, — ответил он, — я советую вам каждое воскресенье вечером сесть с вашим И. Н. за столик, взять бумажку и расписать на всю будущую неделю меню обедов. Вы тогда будете покойны, и думать об этом каждый день вам не нужно будет». Я глубоко была благодарна за этот совет, в то же время мы им воспользовались, и искушения как не бывало. Кроме того, составлять расписание обедов нам доставляло даже удовольствие.

Как-то я спросила батюшку: «Нужно ли мне кланяться первой всем знакомым, которые встречаются, будь они старше или моложе меня?» Батюшка велел всегда и всем кланяться первой. Так и сам старец всю свою жизнь ко всем внимателен и первый всем кланялся.

Когда я спросила батюшку, сколько часов полагается спать, он ответил: «Монаху — шесть часов, а мирянину здоровому — семь, больному же — восемь часов».

Если по приказанию врача приходилось так или иначе нарушать пост, батюшка велел все равно себя окаявать и молиться так: «Господи, прости меня, что я по предписанию врача, по своей немощи нарушила святой пост», а не думать, что это как будто так и нужно. «Смирять себя нужно».

Однажды, напутствуя свою духовную дочь в монастырь, старец так ее учил: «Надо прежде всего учиться на всякое об-

винение тебе говорить «простите», хотя бы ты и была в этот раз невинна. «Простите», говори. Подруга за тебя захочет заступиться, скажет: «Ведь это не ты разбила, зачем же ты просишь прощения?» А ты и скажи: «В этот раз я не била стекла, но, вероятно, я когда-нибудь в своей жизни делала какие-нибудь ошибки и портила что-нибудь, а наказание за это не терпела — ну пусть я за то теперь потерплю».

Отец Алексий так наставлял бывало монахинь: «Игумения — наместница Господа Бога, ей свято повинуйтесь. Знаете ли, что такое послушание? Оно паче поста и молитвы; не только отказываться, а бегом бежать на него надо».

Помню, я однажды сказала отцу Алексию с горечью, что не чувствую в себе теплоты сердечной и любви к Божией Матери. Он мне так ответил: «Вот, когда будешь растить детей и будешь прибегать с молитвой к Божией Матери, тогда у тебя и чувства к Ней явятся». Много раз вспоминала я после эти слова батюшки и убеждалась в их истинности.

• Нужно себя принуждать, понуждать исполнять церковные уставы, молиться. Прошу тебя, молю — понуждай себя: сначала будет трудно, но потом станет легко, так что часами простоишь на молитве. Сладость от этого ощутишь. Ты ведь живешь, как полумонахиня, ты и должна молиться — непременно себя понуждай. Видимо, ты принадлежишь к числу таких людей, которые не могут молиться в горизонтальном положении, но есть и такие, которые могут так молиться. Если нет времени, читай половину правила или сколько сможешь, но только всегда с благоговейным чувством, иначе ты только прогневаешь Бога своей недостойной молитвой. Помолись Господу, чтобы он помог тебе творить молитву Иисусову. Ее нужно творить безпрестанно. Я знаю одного человека, простого, необразованного (одного фабриканта), которого Господь сподобил такой благодати, что каждый раз, как он становится на молитву, он проливает потоки слез.

• Нет у тебя духа исповедничества, за это тебе будет трудно умирать. Тяжело будет отвечать перед Богом, которого ты не исповедовала открыто при жизни своей, а только тайно, боясь насмешек. Ты стыдилась отвечать неверующим, откры-

то исповедовать свою веру. Всегда, при всяком обстоятельстве, можно говорить о Боге. Например, ученики тебе скажут: «Нам не удается такая-то арифметическая задача», а ты в ответ: «Ничего, с Божией помощью одолеете ее. Молитесь Богу усерднее» и так далее. На каждом шагу можешь так поступать.

• Если мы не молимся и не призываем нашего Ангела-хранителя себе на помощь, то мы этим оскорбляем Бога, Который нам с первого дня нашего рождения приставил его как хранителя нашей души и тела.



ПРЕПОДОБНЫЙ ЛЕВ ОПТИНСКИЙ (1768—1841)

Преподобный Лев Оптинский — основатель оптинского старчества. Вместе с шестью учениками, среди которых был и будущий великий святитель Игнатий (Брянчанинов), преподобный Лев переселился в Оптину в 1829 году. Господь поставил Своего угодника в Оптину возделывать, насаждать и хранить забытый уже на Руси образ монашеского жития — благодатное старчество.

В нашей книге публикуются две беседы преподобного старца Льва со своими ближайшими учениками — отцом Павлом Тамбовцевым и Алексеем Поликарповичем Бочковым.

Старческие беседы преподобного Льва Оптинского, записанные его духовными чадами

Рассказы монаха Тихоновой пустыни, Калужской епархии, С.

Монах С., бывший ученик старца отца Леонида, рассказывал о себе следующее: «Когда жил я дома, многие из нашего села приходили в Оптину пустынь и, сподобившись слышать от батюшки отца Леонида мудрые христианские наставления, славили его в разговорах друг с другом. Захотелось и мне видеть батюшку, а ежели примут в обитель, то и остаться при нем. Нашел я себе товарища нашей же деревни, человека, который знал немного грамоту, но много о себе думал. Идучи с ним дорогой, я часто ему напоминал об отце Леониде, говоря: «Что-то, — посоветует ли нам старец идти в монастырь или нет?» На что мой товарищ отвечал гордо: «Что его совет?

Я сам умею «в грамоти». Наконец приходим мы к отцу Леониду, который шуточно и ласково нас приветствовал. Прожив несколько дней, мы стали просить у батюшки благословения, чтобы нам остаться в монастыре. Но старец мне благословил остаться, а моему товарищу велел сказать, чтобы он шел в деревню. «Я ему не советую, — сказал он, — идти в монастырь». Оскорбленный этим, мой спутник начал роптать на старца, говоря: «Какой это старец! Я и тебе не советую, брат, слушать его». Но я, несмотря на его горделивые советы, по батюшкину благословению остался в монастыре, а мой товарищ отправился в деревню и, не послушав совета старца, пошел все-таки в монастырь. Пожил в одной обители немного; увидел свою немощь, как страсти воюют и нападают на одинокого борца, не имеющего помощи от духовных советов опытного старца; перешел в другой монастырь — надеялся там найти себе лучшее. Но наши страсти везде с нами. Наконец вышел он из монастыря, потеряв усердие к иноческой жизни. После я слышал, что он женился. Вот до чего довела его глупая гордость: «Что старец? Я и сам «в грамоти» знаю».

Теперь буду говорить о себе. Я каждый день ходил к старцу, говорил о своих худых помыслах и о страстях; но вскоре эту бдительность о своей душе потерял. Сперва начал утаивать от старца самые маловажные, по моему мнению, помыслы; потом потерял веру к старцу и усердие жить в святой обители; начал думать о сельской жизни и о женитьбе. Наконец прихожу к старцу с лицемерной преданностью и прошусь на малое время побывать домой. Но не укрылось мое лицемерие от прозорливого старца. Он с осклабленным лицом и грозя пальцем, говорит: «Смотри, брат, ты не обманываешь ли меня?» Я стал себя оправдывать: «Нет, батюшка, я только повидаюсь с братом и немедленно возвращусь». Наконец старец сказал: «Ступай, брат, с Богом; прибежишь сюда бегом, когда не хочешь теперь оставаться». С радостью ушел я из Оптиной пустыни, с таким намерением, что уже никогда не возвращусь. Так мне наскучило первоначальное нудничество о спасении своей души. Но случилось противное моей мысли, по

предсказанию старца. Прихожу я домой в свое село, начал заниматься обыкновенными сельскими работами. В это время в нашем селе у одного крестьянина пропала лошадь. Он начал подозревать мужичка, замеченного уже прежде в конокрадстве, и не ошибался в своей догадке, но явных улик не было — лошадь была перепродана из рук в руки. Так с виноватым он и не мог ничего сделать. Однажды крестьянин этот ехал из другого села с праздника, порядочно выпив; встретил нечаянно похитителя своей лошади на перелеске и в порыве гнева бросился на него, начал бить жестоко и убил несчастного. В эту ночь случилось мне караулить лошадей на поле. На другой день поселяне известили станового пристава, что нашего села крестьянин лежит на дороге, убитый неизвестно кем. Становой приехал. Начались допросы: кто где в это время был. На меня и показала одна женщина, что я в это время ночью пас лошадей в поле. Меня начали допрашивать. Я одни слова говорил, что знать не знаю. Но крестьяне наши просили станового запереть меня и морить голодом. Заперли меня в чулан и не давали ни пить, ни есть ничего трое суток. Как я в эти трое суток раскаивался, что не послушал доброго совета прозорливого старца, и от всего сердца молил Господа, чтобы за молитвы старца, мною обманутого, избавил меня от беды! Наконец, утомленного голодом, меня вывели на новые допросы. Мужики наши предлагали становому еще жесточайшую первой пытку — раскалить сковороду и поставить меня на нее и уверяли станового: «Повинится-де, ежели вы так сделаете». Я не надеялся этой жестокости вытерпеть и решился было на себя клеветать ложно. Но за молитвы старца избавил меня Господь. Письмоводитель говорит приставу: «Вы за это будете отвечать, если так поступите, — это совсем против государственных законов». Меня оставили. Начали допрашивать других. Дошли до виноватого, который перепутался в словах и в скором времени признался в своем преступлении. Я, обрадовавшись своему избавлению, немедленно поспешил отправиться в Оптину пустынь. Как скоро увидал меня батюшка отец Леонид, то с любовной улыбкой благословил и сказал:

«А, арясина*, пришел! Каково гостил? Сказывай нам». Я все рассказал батюшке: и прежние умышления не жить в монастыре, и случившуюся дома за преступление напасть. С этих пор боялся я малейшего помысла утаить пред старцем.

Когда я пожил несколько в монастыре, стал меня старец посылать в свое село: «Ступай, — говорит, — сходи домой на короткое время и опять сюда возвратишься». Мне идти не хотелось, и я просил батюшку, чтобы не посылал. Но батюшка непременно велел идти. Пришел я на свою родину, нашел брата своего помешавшимся в рассудке от излишнего употребления вина. А крестьяне нашего села только хотели, на другой день моего прихода, послать за мной в монастырь, чтобы я пришел и управлял хозяйством вместо брата. Какая скорбь! Не хочется мне оставаться в миру. Не знаю, что делать. Наконец пришла мне мысль съездить с братом к святителю Митрофану Воронежскому. Мужички наши этому не попрепятствовали. Приехали мы в Воронеж и отпели молебен угоднику Божию. Брату стало полегче. На другой день опять просили отслужить молебен, и после молебна брат совершенно поправился рассудком. Привез я его домой совершенно здоровым. Все удивились этой перемене. Удивился и я тогда прозрению батюшки, как он вперед провидел и предсказал оба мои похода на родину. После этого оставил я брата жить в миру, а сам поспешил возвратиться к старцу и уже шел к нему с верой и сыновней преданностью.

Еще замечал над собой, живши в монастыре: иногда нападала на меня тоска, уныние и жестоко бороли помыслы. Пойдешь, бывало, к батюшке утешиться в своих скорбях, и при вступлении в его келью вмиг все исчезнет, и в сердце вдруг почувствуешь тишину и радость. Батюшка спросит: «Зачем пришел?» А ты и говорить не знаешь что. Возьмет батюшка маслом помажет из лампады да благословит и пойдешь из его кельи с сердечной радостью и душевным миром.

---

* Корень сего слова, по нашему мнению, есть «арь», которое, по словарю Даля, означает: след зверя по пороше. Следовательно, слово «арясина» соответствует слову «зверина», или «зверище».

Потом батюшка отец Леонид велел мне перейти в Тихонову пустынь. Мне не хотелось расстаться с батюшкой, но не смел его ослушаться. Здесь мне стало жить тяжелее. Трудов много, а утешить некому. Старец приезжал сюда редко. Наконец я решился возвратиться опять в Оптину пустынь. В это время приехал сюда батюшка отец Леонид. Я ему рассказал свое намерение. Батюшка призвал меня в келью отца Мелетия. Тут был и отец Алексий. Он велел им положить свои руки на мою голову и сам положил и, прочитав Трисвятое, сказал: «Живи здесь и никуда не ходи отсюда». С тех пор не стало у меня и мыслей о выходе из сей обители».

Рассказ послушника Оптиной пустыни Алексея Иванова (Васильева)

«Однажды, — говорил он, — я чувствовал в себе холодность с тонким смущением и рассуждал в себе, что это есть следствие рассеяния и самочиния. Вот уже прошло три дня, как я не был у своего старца, и не поверял моих дел, и не открывал помыслов. Одна мысль говорила мне, что идти к нему незачем, потому что в течение этого времени тобой против совести ничего не сделано. Другая же, напротив, убеждала меня получить от него хотя благословение, могущее укрепить противу козней диавола. А с тем вместе рассуждал в себе, что по благости Своей Господь, может быть, возвестит старцу о моих скрытых немощах, которых я по дебелости своей не примечаю; и если получу в оных обличение с отеческим наставлением, то может ко мне возвратиться и прежнее душевное спокойствие. Повинуясь этому внушению, понудил я себя идти к моему наставнику. Когда же я вошел к нему в комнату, старец занят был гостями. Увидев меня, вошедшего, спросил: «Что тебе надобно?» Я подошел к нему и, став на колени, сказал, что пришел испросить благословения и святых молитв. Благословив меня, он сказал: «Спасибо тебе». Стал спрашивать, как я провожу время — занимаюсь ли данным мне от начальника послушанием — пишу ли в живописной порученные мне иконы? На сие я отвечал: «За молитвами вашими, батюшка, занимаюсь». Помолчав, старец сказал:

«Хорошо; но я слышал, что ты и портреты пишешь». Эти слова совершенно меня привели в замешательство, потому что в прошлый вечер намалевал я с одного брата портрет самочинно. Испросить должного прощения, как новоначальный, я не нашелся, а в извинение свое сказал, что я «шалил», думая тем оправдаться. Старец, взглянув на гостей, повторял сие слово несколько раз: «Он шалил!» Взяв меня за голову и обратив к посетителям лицом, сказал: «Вот, господа, этот человек с лишком тридцати лет и уже имеет большую бороду; бывши в мирском звании, управлял тысячами людей*, — сюда же в монастырь, пришел «шалить». Ведь будет прок в этом человеке! — и вздохнув, прибавил: — Ну, брат Алексий, чтобы ты был вперед аккуратнее, положи несколько поклонов». Во время оных приказывал мне говорить за ним слова сии: «Хотя я и гордый человек, а смириться должен. Святой апостол Павел говорит: *настой, обличи* и прочее». — Потом с веселым духом и ласковостью благословил меня и сказал: «Ну, мое деточко, теперь будешь мирен; ступай с Богом!»

«Однажды пошел я узнать различие молитв, коих разряды видеть можно в «Добротолюбии». Особенно мне хотелось читать главы Каллиста Катафигиота, но сомневался, что старец дозволит читать мне их еще в новоначалии бывшему. Поэтому я начал у него просить книгу при многих посетителях, полагая, что он, быв занят знатными лицами, не войдет со мною в подробный расспрос о чтении. Сверх моего ожидания батюшка отец Леонид, оставив разговор с гостями, с особенным участием стал спрашивать — для чего мне понадобилось «Добротолюбие» и какие места я желаю читать? Когда же я ему объявил, то он, посмотрев на меня, сказал: «Как ты осмеливаешься за такие высокие предметы браться? Шишка**! Тебе не Каллиста Катафигиота читать, а полезнее навоз чистить! Помни Симона волхва, как он, высоко поднявшись, опустился низко; так и ты, буде не смиришься, то погибнешь». В это время я стоял пред ним на коленях как

---

* Был некоторое время управляющим имением у какого-то господина.

** У этого брата была на лбу шишка.

громом пораженный. Потом старец сказал мне: «Подай сюда щеки». И дав мне несколько легких пощечин, сказал: «Ступай с Богом!»

«Случилось мне пригласить к себе одного брата напиться чаю. Ставя посуду на стол, я нечаянно разбил чайную чашку. Пришел к старцу объясниться и нашел его спящим на кровати. Батюшка от шороха проснулся и, увидев меня, сказал: «Что тебе надо? Денег?» Я отвечал: «Я разбил чайную чашку». Он тотчас позвал келейника и сказал ему: «Поздравь Алексея Ивановича — он взял город». Я не понял, к чему было такое поздравление. Старец сказал мне: «Скажи, пожалуй, когда ты исправишься? Какого от тебя добра ждать? В миру ты был негодяй и теперь живешь без исправления. Если бы ты имел страх Божий, то ты смирил бы себя и подобного с тобою не случилось бы. Видно, ты с рассеянием, не помня себя, занимался угощением и от того разбил. А хуже того еще, что с гордым духом пришел к старцу хвастаться: я разбил чашку. Если бы ты был путный человек, то бы пришел со смирением, сказав: батюшка, простите Бога ради, я нечаянно разбил чашку; как благословите? А то, как город взял, хвастаешься. Ступай вон!» Когда же я приблизился к двери, он, вздохнув, нежным тоном милостиво сказал: «Алексей Иванович! Воротись; надеюсь, что ты положишь начало к исправлению и будешь впредь смиреннее». И приказал келейнику дать мне рубль»*.

Этот же брат уверял, что никогда ему не случалось от старца выходить смущенным, но всегда укрепленным и утешенным. Когда же он являлся удрученным какою-либо скорбью, то отец Леонид, заметя вошедшего, встречал его с неизъяснимой отеческою любовью и, по выслушании дел и помыслов, возлагал на него руки, а иногда, с шуткой взяв за голову, прижимал к себе во время произносимой им молитвы и тем водворял в душу страждущего спокойствие и утешение.

---

* Относившиеся к старцу братия, если кто имел сколько-нибудь денег, не держали их у себя, а деньги эти хранились всегда у старца, и если кому нужно было купить какую-либо вещь, всегда покупалась она с благословения и разрешения старца.

Рассказ Александра Смирнова

«В первый год моего вступления в монастырь пришел я однажды с смущенным духом к духовному моему отцу, старцу отцу Леониду, и, плача, говорил ему, что приезд моей матери и сестры смущает меня. Батюшка же, думая, что я побеждаюсь слабостью любви плотской к родительнице своей и уже жалею о разлуке с ней, пришел от того в такую ревность по Бозе и досаду, что, сильно ударив меня по щеке, сказал: «Любовь ли к матери предпочел любви к Богу? И этим ли платишь Ему за изведение свое из мира, слабодушный?!» Я хотя и не сознавал в себе пристрастия к родным, однако возрадовался духом, видя из поступка отца моего духовного истинного вождя к Богу, Которого он, видимо, возлюбил паче всего, к Которому, конечно, и меня незаблудно учил шествовать».

«Потом, спустя некоторое время, стоял я у батюшки в передней и долго не мог быть допущен к нему за множеством странников, пришедших из дальних мест, с которыми он и занимался.

Не имея же терпения, как новоначальный и неопытный, я стал скучать, а наконец и роптать на старца своего. Когда же вошел ко мне его келейник, не затворив за собой двери, тогда я с досадой сказал, так что и старец мог слышать оскорбительнейшие для него слова, а именно: «Батюшка чуждых овец пасет, а свои у него алчут». От сих слов моих келейный его пришел в гнев и выговаривал мне за дерзость мою и нетерпение. Батюшка же, напротив, кротко и ласково сказал мне: «Ах Саша, Саша! Ты смутился? Яша, дай ему чаю». Потом, обратясь ко мне, продолжал: «Ну что, Александр, успокоился ли ты? Ну как же тебе не стыдно безпокоиться о том, что я принимаю и других. Ведь ты хочешь получить от меня душевной пищи, а другие разве того же не желают? Ты всегда при мне, а другие, тебе досадившие, пришли из дальних стран, чтобы видеть меня, открыть мне свои нужды и получить от меня утешение, и их ли не допустить мне к себе? Да и хорошо ли нам любить самих себя только? Напротив, Бог хочет, чтобы мы любили и других и всем, как Он, желали спастися». Тако-

вая истина его слов и кротость смягчили мое сердце, и я со слезами просил у него прощения и чувствовал вполне незлобие его, как при сем случае, так и во время моего с ним пребывания».

«Сравнивая этот поступок его с первым, я еще лучше стал разуметь о моем старце; ибо он за сделанное ему личное оскорбление не показал и следа неудовольствия ни лицом, ни словом, за предпочтение же мирской любви духовной, или любви к Богу, он пришел в гнев и не мог оставить меня за это без наказания».

Рассказы прочих Оптинских братий

«Будучи еще послушником, — рассказывал иеросхимонах Феодот, — однажды, стоя с другими на коленях пред старцем отцом Леонидом, я увлекся помыслами и стал размышлять, что вот такой-то монах, который хорошо понимал экономическую часть, годился бы в настоятели. Только что я это подумал, как вдруг старец довольно сильно ударил меня по щеке со словами: «Не в свое дело лезешь! Ты не знаешь, что это за человек». Нужно заметить, что монах, о котором так подумал отец Феодот, впоследствии вышел из Оптиной пустыни, переменил много монастырей, а в настоятели все-таки не попал».

«Вошел однажды к старцу отцу Леониду молодой послушник Иоанн, поклонился ему в ноги и стал пред ним в очень смиренном положении. Старец, посмотрев на него и грозясь пальцем, промолвил: «Ох, Ванюшка, не перед добром ты смиряешься». Слова эти, заключая в себе предвестие, в то же время могли послужить предостережением для Иоанна, если бы он захотел вразумиться ими. Но как он оставил слова старца без внимания, то на другой же день и впал в неприличный монашескому званию проступок».

«Новоначальный брат оскорбил старого монаха, и оба пришли жаловаться к отцу Леониду. Для всех очевидно было, что новоначальный был кругом виноват. Но не так рассудил старец. «Не стыдно ли тебе равняться с новоначальным? — строго сказал он старому монаху. — Он только что пришел из мира, у него волосы еще не успели отрасти, с него и взыски-

вать-то строго нельзя, если он недолжное скажет. А ты сколько лет в монастыре живешь и не научился внимать себе». Так они и ушли. Новоначальный торжествовал, считая себя совершенно оправданным. Но вскоре после этого брат этот пришел один к отцу Леониду. Старец взял его за руку и сказал: «Что же это ты, брат, делаешь? Только что пришел из мира, волосы у тебя не успели отрасти, а ты уже старых монахов оскорбляешь!» Неожиданное вразумление сильно подействовало на брата, и он стал просить прощения. «Бог простит, — сказал старец, — только смотри, брат, исправляйся, а то плохо дело твое будет».

«В первое время по вступлении моем в обитель, — рассказывал монах Н., — у меня была чрезмерная ревность к иноческим подвигам. Бывало, после утрени другие идут отдыхать, а я в это время займусь чем-нибудь по своему послушанию и потом уже, утомленный, прилягу для краткого отдыха, мысленно заботясь о том, как бы мне не проспать, а поспеть к самому началу ранней обедни. Вот кто-то стал будить меня. При первом ударе в колокол кто-то будто творил молитву у моей двери. Встаю, смотрю — никого нет. На другой день опять. Только что заблаговестили к обедне, чей-то голос как будто читает молитву. Я подумал на нашего монаха отца И. Выхожу — никого нет. Я все это объяснил старцу отцу Леониду. «Что же ты думаешь, — спросил он меня, — кто это тебя будит?» — «Думаю, батюшка, — отвечал я, — уж не ангел ли?» — «С рожками, — возразил старец. — Посмотрим, что дальше будет». — На следующий день никто не будил меня, и я проспал службу. На другой день и на третий опять проспал. Так и постыдились оба мы — и неизвестный мой будильщик, и я, доверчивый ревнитель».

«Пришел однажды к отцу Леониду приверженный к нему сын его духовный и, просидев в его келье целый вечер, после спросил старца: «Вот я видел, как приходили к вам братия и как вы их принимали. Один брат пришел прежде всех, но всех переждал и подошел к вам последним. Другие, придя, немного ждали, потом подходили к вам и объясняли, что им нужно было. Некоторые же нисколько не хотели подождать, а как

только приходили, сейчас же лезли вперед, домогаясь, чтобы вы их немедленно приняли. Есть ли в этом какое различие?» Старец отвечал: «Есть различие, и большое различие. Кто, придя ко мне, нисколько не хочет дожидаться и лезет вперед всех, у того не может долго держаться в памяти то, что я ему говорю. В другой раз спрашивает и опять забывает. А кто, придя для объяснения своих нужд, с терпением и смирением пережидает других и предпочитает их себе, у того каждое слышанное им слово твердо напечатлеется в сердце, и он целую жизнь будет помнить то, о чем ему однажды было сказано».

Рассказ Петра Иванова, рясофорного скитского монаха

Был во дни старца отца Леонида один брат, который часто изъявлял ему сильное желание мученичества. Старец неоднократно увещевал его, чтобы он оставил этот помысл, что небезопасно вдаваться самопроизвольно в великие искушения. Но когда увидел в брате непреклонность, поступил так: в глухую зимнюю бурную ночь призывает к себе желавшего мученичества брата и посылает его сходить за каким-то делом, кажется, из скита в монастырь. Но так как монастырь и скит расположены среди густого огромного леса, то брат начинает отказываться тем, что страшно идти лесом в такую ужасную непогоду, да еще ночью. «Несчастный! — проговорил старец. — Ты желал мученичества, и тебе, может быть, уже готовился от Господа мученический венец, потому что, по воле Божией, в ответ на твое желание, могли волки растерзать твое тело. И верь, что это вменилось бы тебе в мученичество, потому что ты пошел бы в монастырь за святое послушание». Стыдно и горько стало тому брату, который с тех пор уже никогда не осмеливался напоминать старцу о своем желании мученичества.

Рассказ отца Моисея, бывшего Оптинского иеромонаха

Был в Оптиной один брат, который часто докучал старцу отцу Леониду, чтобы дозволил ему носить вериги. Старец, который сам с очень многих вериги снимал, долгое время никак не соглашался с желанием брата, всегда объясняя ему, что не в

веригах спасение. Наконец, желая проучить брата самым делом, призвал монастырского кузнеца и сказал ему так: «Когда придет к тебе такой-то брат и будет просить тебя сделать ему вериги, дай ему хорошую пощечину». Через недолгое время на неотвязчивое прошение брата старец сказал: «Ну поди, поди к кузнецу, попроси его сделать тебе вериги». Брат с радостью прибегает в кузню, называет кузнеца по имени и говорит: «Батюшка благословил тебя сделать для меня вериги». Занятый в это время делом, кузнец, проговорив наскоро: «Какие тебе вериги?» — как даст ему пощечину. Нестерпевший брат со своей стороны ответил ему также пощечиной, и тотчас оба отправились на суд к старцу. Кузнецу, конечно, ничего не было. А брату, желавшему носить вериги, была от старца хорошая нотация, вроде того: «Куда же ты лезешь носить вериги, когда и одной пощечины не мог потерпеть!»

Три рассказа Оптинского старца иеросхимонаха Амвросия и вместе других монахов-старожилов

Жил в скиту вышеупомянутый ученик старца отца Леонида, схимник отец Диомид. Он был уже в преклонных летах, вел строгую монашескую жизнь и, как передавали старожилы-монахи, имел охоту поучать людей, но не имел опытности духовной и старческого искусства, вследствие чего с его стороны в обращении с посетителями бывали большие промахи. Придет, например, к нему как к старцу отягченный грехами посетитель, с тем чтобы открыть ему свою жизнь и получить от него добрый совет к исправлению ее. Но отец Диомид, выслушав откровение, с ужасом начнет говорить ему в таком тоне и роде: «О! Да как же ты смел делать то и то? Да тебе и спасения нет. Ты попадешь в тартарары на вечные мучения, и выпуску тебе оттуда никогда не будет». Чрез это посетитель приходил в такое смущение, что впадал в совершенное отчаяние. Но вот кто-либо из монахов направит его к старцу отцу Леониду. Узнав, в чем дело, старец начнет его увещевать, чтобы отнюдь не отчаивался, что Господь сходил на землю не ради праведных, а чтобы призвать грешников к покаянию, что милосердию Его предела нет и прочее. Так, бывало, с ме-

сяц убеждает и уговаривает старец впадшего в отчаяние, пока, при помощи Божией, возбудит в нем надежду на спасение. Подобные случаи повторялись неоднократно. Надоел старцу отец Диомид. Надо было его проучить. Упомянуто было выше, что в скиту, при старце Леониде, братия самоваров по кельям не имели и чай пить собирались все к старцу только по субботам и воскресным дням и по двунадесятым праздникам. Случилось, в один великий праздник, в зимнее время, и собрались скитяне в келью старца для чаепития. Видя, что отец Диомид не пришел, старец приказал его позвать. Посланный, возвратившись, сказал, что отец Диомид отказался прийти по нездоровью. Тогда старец, зная, что отец Диомид не пришел просто по нежеланию, так как не имел к чаю привычки, и желая понудить его к покорности и послушанию, а кстати, и наказать за вышесказанные неразумные действия, возвысил свой голос: «Диомидка!.. Сходите за ним опять и принесите его на руках, если не пойдет. А когда понесете, — прибавил старец, — бросьте его в сугроб». Отправились двое и просят от имени старца: «Пожалуйте, батюшка, если вы слабы, мы вас на руках снесем». Не подозревая опасности, отец Диомид согласился: «Ну, пожалуй, несите». Взяв старичка на руки, носильщики понесли, но, выбрав самый большой сугроб, как бросят его туда. Старичок в снегу-то копых-копых, кое-как выбрался и со всех ног сам прибежал к старцу с жалобой, что его обидели. Понятно, что из этой жалобы ничего не вышло, а только чаем отца Диомида напоили да в келью и проводили*.

Жил в скиту брат-старичок, который и в обитель пришел в преклонных летах. И как он в миру имел обыкновение во время богослужений ставить к святым иконам свечи, так и в скиту поступал. Обратился как-то к нему с замечанием скитский же монах N.: «Ну что ты все свечи ставишь? В монастыре монахи не ставят свечей. Сам будь пред Богом свечой». Смутился старик, подумав: «Целый век я ставил свечи, что

* Должно заметить, что старец Леонид, как человек облагодатствованный, действовал так по внушению Божию. Для других же, обыкновенных, старцев описанный факт не может служить примером.

считается добрым делом, а тут вдруг не велят ставить свечей». Пошел к старцу отцу Леониду и поведал ему свое смущение. Зная простоту смутившегося старичка, отец Леонид тотчас и начинает ободрять его: «Ну, слушай ты его! Он тебе наговорит. Станови свечи, как прежде становил! — и прибавил к этому: — Старого учить, что мертвого лечить». Успокоенный таким ответом, старичок идет к себе в келью и, встретившись после с отцом N., говорит с самодовольствием: «Вот ты говорил мне — не ставь свечей, а батюшка велел ставить. Он мне сказал: „Старого учить — что мертвого лечить“».

Поступил в скит какой-то господин, кажется, из мелких помещиков или что-то вроде этого, с сознанием своего пред другими преимущества. По обычаю стал ходить, вместе с прочими скитянами, к старцу на вечернее правило. Известно, что старец сам чтецов у себя не назначал, а кто из братий желал читать, должен был поднять свою руку, давая тем знать старцу о своем желании читать. Новому брату хотелось читать, но поднять при всех руку ему казалось очень конфузно. И каждый раз, по окончании правила, уходя вместе с братиями от старца, выражал свое недовольство на заведенный старцем порядок: «Ну что это такое? Руку поднимать, к чему это? Вовсе это ни с чем не сообразно». Так кропотался-кропотался, терпел-терпел, наконец вышел из терпения, поднял руку, хотя с самопонуждением и не очень высоко. Увидев это, старец сказал: «А! И ты захотел читать? Ну, поди-поди, почитай. Послушаем, как ты читаешь». Вот он и начал читать по-своему — с чувством и с толком. Окончил. А старец заметил: «Ну, брат, плохо читаешь, ступай». Так старец при всяком удобном случае имел обыкновение смирять вознесенную гордыню живших при нем братий.

Рассказывал Киево-Печерский иеросхимонах Антоний

«Монах наш (Киево-Печерской лавры) отец Никодим, бывший Оптинский послушник, ученик старца отца Леонида, долгое время проходя в лавре послушание просфорника, не отставал в этом тяжелом послушании от последнего новоначального брата и весь этот долголетний свой подвиг припи-

сывал силе молитв своего любимого старца. Никогда он не мог говорить про него равнодушно. Батюшка всегда его называл по фамилии — Титов. Часто заставлял его говорить под свою диктовку обличительные слова тем, которых находил нужным обличить, и обличаемые после сознавались в своих неисправностях. Чрез это отец Никодим ясно видел и веровал, что старец отец Леонид получил от Господа дар прозорливости. Вот дословный об этом рассказ самого отца Никодима: «Когда я с паспортом отправился из своего города Белгорода, Курской губернии, для поступления в Оптину пустынь, в миру оставался на мою долю дом. Была у меня и сестра-девица, но она вполне обеспечена была к замужеству. Дядя же мой родной, который (вероятно, как опекун) должен был выдать замуж мою сестру, положил в намерение присвоить мой дом, на который у него и покупатели уже имелись в виду. Проживая временно в Оптиной пустыни, я начал думать, как бы мне взять увольнение от общества. Для расхода на этот предмет у моего дяди было под сохранением моих трудовых денег сто рублей. Вот я пришел однажды к батюшке и говорю: «Батюшка, благословите мне отправиться за увольнением». Старец сказал: «Бог благословит идти». Но, когда я возвратился в свою келью, мне что-то скучно стало, и у меня отпала охота идти за увольнением, потому я и оставил это дело до будущего времени. На следующий день говорю батюшке, что я раздумал идти за увольнением, а старец на это отрывисто сказал: «Ну, как хочешь». Прошло некоторое время, забота об увольнении у меня удвоилась — идти да идти. Говорю об этом батюшке, а он мне возразил: «Отчего же ты тогда не шел?» Я понял свою ошибку, — так как посамочинничал, — заплакал, поклонился старцу в ноги, стал пред ним на колени, зарыдал и говорю: «Простите Бога ради, батюшка, — виноват!» Старец: «Ну-ну, вставай да собирайся, тебе теперь лучше будет». Итак, я прибыл в Белгород и прежде всего зашел повидаться с сестрой. Из разговора с ней я узнал, что дядя при выдаче ее замуж не истратил и того обеспечения, которое оставлено было для этой цели. Затем я повидался с дядей и, наконец, обратился в магистрат за увольнением. Там потребовали от меня денег и сказали, что увольнение можно бы вы-

дать хоть сейчас. Я поспешил к дядюшке за собственными деньгами. Как он закричит на меня: «Какие тебе деньги? Ты еще расплатись со мной. Я твою сестру выдал замуж. Дай-ка мне вексель, а иначе я не выпущу тебя отсюда». Я сразу потерялся и говорю: «Делай что хочешь, только не удерживай здесь меня». — «Ну, говорит, пойдем к маклеру». Пришли. Дядя ухитрился так устроить, что написал было вексель в пятьсот рублей. Оставалось мне только подписать его и в книге расписаться. Но в ту же минуту стали один по одному подходить люди, которых и набралось человек до десятка и которые заняли маклера. Мы ждали-ждали своей очереди и как увидели, что маклер не скоро будет свободен, то и согласились отложить свое дело до другого времени. Дядя пошел домой, а я к сестре и зятю и рассказал им, что дядюшка намерен со мной сделать. Тогда всем нам вполне открылась его злоумышленность. Между прочим, дяде в это время нужно было по своим делам отлучиться из города, а меня в тот же день, когда мы с ним ходили к маклеру, отыскивали покупатели на дом. Таким образом, дом вскоре мной был продан за наличные деньги, а дня через два они и купчую получили. С деньгами я поспешил в магистрат и немедленно получил увольнение, но все-таки пошел с дядюшкой проститься. «Куда же ты?» — спросил дядя. «Да опять в Оптину», — отвечал я. — «Как в Оптину? А вексель?» — Тут я рассказал ему все, то есть как я продал дом и получил увольнение. Он начал меня бранить, проклинать и волосы на себе с досады рвать, а я тотчас за дверь. Потом распростился со своей сестрой и зятем — да и обратно в Оптину, к моему святому и прозорливому старцу, который встретил меня такими словами: «Во! Наш Титов уже слетал да браво отхватал». С тех пор я не мог иначе смотреть на своего старца, как на великого угодника Божия».

Рассказывал о себе духовник Тихоновой пустыни, иеросхимонах Ефрем

«Поступил я сначала, в молодых летах, в число братства Оптиной пустыни, в скит, под руководство старца иеромонаха Леонида. Объятый ревностью к иноческим подвигам, я

положил себе в мысли ничего не делать без благословения моего старца, даже (кроме полуденной и вечерней трапезы, когда вместе с пищей предлагается братиям и квас для питья) ничего не пить, а терпеть жажду до тех пор, пока сам прозорливый старец велит и благословит напиться. Так и шло некоторое время. Но вот настало покосное время, когда все свободные братия монастырские и скитские обязаны были выходить с граблями грести сено. Вышел и я. День был очень жаркий, и я сильно от работы утомился. Жажда мучила меня, но я терпел — ничего не пил. Пришел в скит к старцу, сел на лавку и сижу в большом унынии и расслаблении. Старец понял, в чем дело. Отвернувшись на минутку в свою келью, он выносит кусок соленой селедки, подает мне и говорит: «Ешь».

Как я заплачу. «Неразумный! — так начал говорить мне старец. — Разве можно по своему произволу налагать на себя такой обет, чтобы не пить до тех пор, пока я сам тебе напомню? Можно было бы еще допустить это, если бы мы жили с тобой вдвоем в уединении, да и то по моему совету и благословению. А теперь, видишь, меня окружают сотни людей. Где же мне входить во все такие тонкости всех моих духовных детей? А ты, если захотел напиться, перекрестись с молитвой да и напейся». Тут он подал мне квасу, и я с жадностью стал глотать его. Смотря на меня, старец не преминул заметить: «У! Что ты, что ты так заспешил? Должно пить со страхом Божиим и с благодарением за поданный тебе от Бога дар».

«Летом 1833 года пришел в Оптину двадцатилетний юноша, Павел Трунов, с меньшим братом своим Симеоном. Родом они были из дворян Курской губернии, Щигровского уезда. Получив воспитание в доме своих благочестивых родителей в духе строгого благочестия, они очень стали тяготиться мирской жизнью. Быв определены родителями на службу в Курскую казенную палату, они решились, тайно от родителей, уйти в монастырь. Не раз поэтому Павел просил себе отставку, но его от службы не увольняли. Наконец он обратился к Богу с усердной молитвой, чтобы Господь послал ему болезнь. Молитва была услышана. У Павла заболел глаз, и после того его уже не стали удерживать в палате. Таким образом он и получил воз-

можность, вместе со своим младшим братом, немедленно отправиться к заветной цели. По уходе же их в монастырь родители их сначала погоревали о них, поплакали даже и сильно поскорбели за их самовольную отлучку, но, узнав, что они поступили в святую обитель на молитвенный подвиг, простили им эту вину. Между тем, по прошествии некоторого времени, любовь родительская побудила отца их, Феодота Саввича, написать в Оптину к детям письмо, в котором он убедительно просил, чтобы кто-нибудь из них приехал повидаться с родителями. По благословению старца решено было ехать Павлу. Немедленно он и отправился. (Заметим здесь, что Феодот Саввич, как человек благочестивый, любил в часы досуга читать Четьи-Минеи святого Димитрия Ростовского.) Как раз перед приездом Павла пришлось ему читать житие святителя Николая, Мирликийского Чудотворца, положенное в 6-м числе декабря, где, между прочим, рассказывается, как молодой юноша, сын Африкана, взятый в плен персами и служивший в покоях их князя, по молитвам своих родителей внезапно невидимой силой восхищен был из плена и представлен к родителям в персидской одежде и с чашей в руке, наполненной вином, так как он прислуживал князю. В глубоком раздумье остановился Феодот Саввич над этим сказанием и начал рассуждать: «Как это трогательно! Если бы со мною подобное случилось, я не перенес бы сего». Но вдруг отворяется дверь, и входит Павел в монашеской одежде, которого Феодот Саввич, долго не видел, не узнал. Помолившись на святые иконы, незнакомец поклонился Феодоту Саввичу в ноги и сказал: «Здравствуйте, батюшка, — я сын ваш Павел». Феодот Саввич как сидел, так и обомлел, и книга выпала из рук его; едва мог прийти в себя от радости, что видит пред собой сына, с которым, думалось ему, уже и не придется свидеться в сей временной жизни. Погостив некоторое время в доме своих родителей, отец Павел возвратился в Оптину.

Ознакомившись теперь, хотя заочно, с Оптиной пустынью, родной брат Феодота Саввича, Ермил Саввич, сын которого, Гермоген, прежде своих двоюродных братьев поступил в число братства Оптиной пустыни, и сам пожелал посетить эту

обитель. А после посещения с каким уважением и благоговением вспоминал он о старце отце Леониде и вообще об Оптиной пустыни! Нередко говорил со слезами: «Ах, вот старец-то! Какой же он прозорливец! Все, бывшее в моей жизни, подробно пересказал мне, как будто сам был очевидным свидетелем всех моих обстоятельств». С того времени он сделался особенно благотворителен и нищелюбив, все долги своим должникам простил, перестал употреблять мясную пищу и до самой своей кончины через каждые шесть недель приобщался Святых Христовых Таин.

Переведем теперь речь опять на отца Павла. С самого начала поступления в монастырь он всецело предал себя в послушание и руководство старцу отцу Леониду, которому и открывал всегда тревожившие его помыслы. По отношению к братиям монастырским он так был кроток и незлобив, что ни один из них никогда не слыхал от него оскорбительного слова, или обидного спора, или ропота на кого-либо и за что-либо. Во все время краткого своего пребывания в обители, несмотря на свою болезненность, неленостно проходил монастырские послушания. Случалось, что некоторые из братий роптали на него и озлобляли его за неуспешность в делах, называя его ленивым, тогда как неуспешность эта происходила от его болезненности и малосилия, а Павел, как агнец незлобивый, или молчал, или только, бывало, скажет: «Виноват, прости Бога ради, я немощен». Между тем напрасные укоризны болезненно отзывались в его сердце. Часто он со слезами на глазах приходил к своему духовному отцу и наставнику, старцу отцу Леониду, и пред ним изливал скорбь души своей. Тот говорил ему в утешение: «Терпи, Павел! Ибо сказано в Священном Писании: *мно́гими скорбьми подоба́ет на́м вни́ти во Царствие Божие* (Деян. 14, 22). — И время сие таково: *оби́дяй да оби́дит еще, и сквёрный да сквернѝтся еще: и праведный пра́вду да твори́т еще, и святый да святи́тся еще* (Апок. 22, 11). Итак, *терпе́нием да те́чем на предлежа́щий на́м по́двиг* (Евр. 12, 1). И Господь сказал: *в терпении ва́шем стяжи́те ду́шы ва́ша* (Лк. 21, 19)». И другими словами из Священного Писания старец умиротворял смущенную душу Павла, доводя

его до неизглаголанной радости, давая ему знать, что все делается с ним по воле Господней, для испытания его усердия, что все скорбные случаи должно принимать как неизреченные милости Божии и что самая болезнь дана ему от Бога, да прославит он Имя Его святое. Старец доводил его, таким образом, до крайнего самоукорения.

Давно чувствуемая Павлом болезненность была преддверием чахотки. Телом он постепенно таял как свеча, а ум его погружен был во всегдашнюю молитву. Замечательно, что он знал наизусть всю Псалтирь. Почти за год до смерти он всегда говорил: «Ах! умру скоро; помолитесь за меня, отцы и братия». Наступил 1836 год. Чахотка у Павла обнаружилась во всей силе. Старец отец Леонид говорил приближенным братиям: «Павел на Святой неделе возьмется от нас». Всю зиму Павел едва бродил, а на пятой неделе Великого поста уже не вставал с постели и только молился. Почасту призывал своего отца духовного, старца отца Леонида, и тогда только бывал покоен, когда беседовал с ним. С сего времени он часто исповедовался. В Лазарево воскресенье был облечен отцом строителем во святой малый образ монашества и неоднократно сообщался Святых Христовых Таин. 2 апреля, в Четверток Светлой недели, во время утрени, был особорован, а после обедни снова был сообщен Святых Христовых Таин. После этого старец отец Леонид сказал ему: «Ну, Павел, ты скоро выздоровеешь». — «Знаю, батюшка, — отвечал страдалец, — только не в здешней жизни». Приближался вечер Светлого Четвертка. Одр умирающего окружили некоторые из его приближенных. В седьмом часу пополудни он закрыл глаза и заговорил про себя что-то непонятное. В это время старец отец Леонид сам прочитал ему отходную, а Павел взглянул на него с удивлением и потом благодарил его за прочтение. Старец спросил: «Желаешь ли, чтобы я еще к тебе пришел?» Тот ответил: «Я так желаю, чтобы и до самой смерти был при мне». Сказал он это ясно и громко и с этой минуты совершенно изменился. Затем, встав, сидел до самой блаженной кончины своей и был в полной памяти. Потом попросил находившегося при нем своего двоюродного брата Гермогена положить его на подушку, но едва тот наклонил

Павла, он вздохнул и испустил дух. Это было в девять часов вечера. Трикратный удар колокола возвестил монастырской братии о переселении в вечность души Павловой. Братия толпой ринулась к келье новопреставленного, и старец отец Леонид опять сам совершил над ним «Последование по исходе души от тела». Лицо и все тело покойника побелело и было мягко, как у живого. На другой день отец строитель Моисей соборно, в присутствии всей братии, отпевал тело вновь усопшего. Тихо текли у некоторых слезы о разлуке с незабвенным братом, но всякий благодарил Бога, что сподобил усопшего такой мирной христианской кончины и внутренне желал, чтобы ему Господь даровал такую же кончину. После двоюродный брат почившего просил старца отца Леонида поведать ему о добродетелях Павла, но старец сказал ему только одно: «Велик Павел у Бога, и Господь прославит его».



ПРЕПОДОБНЫЙ АНТОНИЙ ОПТИНСКИЙ (1795—1865)

Преподобный Антоний окормлял не только иноков, но и многих мирян, находивших в нем мудрого руководителя. Духовные дарования его и даже само его смирение привлекали к нему всех, и потому келья его наполнялась множеством посетителей, мирских и монашествующих, желавших принять от него благословение и духовное назидание. Слово его по свойству своему простое, мягкое, всегда было растворено духовной солью и отличалось особенной какой-то меткостью и своеобразной выразительностью и силой.

Наставления преподобного Антония имели такую неотразимую силу, что иногда в течение одной беседы человек духовно перерождался. Люди с непреклонным характером чувствовали, что упорство их сокрушалось, сердце их наполнялось новыми чувствами; от слов преподобного возгоралось в них желание ни в чем не следовать своей воле и своему разуму, но всю волю свою предать святому старцу. Под духовным влиянием преподобного Антония и по глубокой его отеческой заботливости люди, увлекавшиеся вольнодумством и светской жизнью, делались искренними, ревностными и послушными чадами Святой Церкви; люди, предававшиеся суете и привыкшие к тому, чтобы все их причуды исполнялись, посвящали себя смиренной иноческой жизни; люди, потерянные в глазах общества и в собственных глазах, обращались к христианской жизни, отрекались от мира и остаток дней своих посвящали Богу.

Духовные беседы с преподобным Антонием Оптинским

Общее правило отца Антония, равно как и всех духовных старцев, было такое, чтобы без вопроса никому не предлагать своих советов, считая это не только безполезным, но и вредным празднословием. Вместе с тем отец Антоний зорко сле-

дил за вопрошавшими: если кто предлагал вопросы не по душевной потребности, а из пытливости или подобных побуждений, в таком случае ничего не отвечал.

«Когда кого вопрошают, — говорил отец Антоний, — то по мере веры получают и пользу: кто приходит с малою верой, получает малую пользу, а кто с великою — великую». Случалось и мне вначале спрашивать старца, как бы искушая: «Что-то он на это скажет? Ну уж и ответы такие выходили. А если положишь на сердце, что услышишь от старца ответ Бога Самого, то и Бог известит, и совсем человек другой станет, и услышишь, чего не ожидаешь». Некоторым посетителям отец Антоний говорил об их обстоятельствах намеками, а людям простым, которые принимали его слова в простоте сердца и с верой, он говорил прямо и просто. Если же кто многолетним духовным отношением уже доказал свою искренность и преданность, тех он иногда даже вызывал на объяснение. Случалось, что кто-нибудь из духовных его детей, тревожимый помыслом, открывал о нем не в чине исповедания, а в простом разговоре, повествовательно; тогда старец сам возобновлял о том разговор и успокаивался лишь тогда, когда все было как следует исповедано, и в заключение говаривал: «Вот теперь-то хорошо; а то скорлупку покажешь, самого же зернышка не покажешь». Бывало и то, что он некоторым из относившихся к нему напоминал о случаях, о которых они не только никогда ему не открывали, но и сами забыли; или заповедовал молиться о каком-нибудь грехе, которого они не сознавали в себе и даже вовсе не понимали, или не считали за грех, и уже по времени, при внимательном испытании своей жизни, открывали в себе с удивлением указанное старцем. Но так поступал старец с теми, чью искренность испытал, и когда ему было ясно, что они скрывают то или другое не по упорству или недостатку откровенности, а именно по неведению. В других же случаях с необыкновенным терпением выжидал, пока сам человек придет в чувство и сознается, потому что тогда только духовное врачевание и бывает действительно. Также, когда замечания, сделанные по отеческой любви и попечительности,

почему-либо принимались не так, как следовало бы, то он уже воздерживался от подобных замечаний; и кого не имел возможности воспользовать словом, того старался привлечь к полезному втайне приносимой о нем молитвой.

Отец Антоний обладал даром какого-то естественного красноречия или даже сладкоречия: слово его всегда было растворено духовной солью; даже и в шутливой форме оно содержало высокое назидание и отличалось особенной меткостью и своеобразной выразительностью*. Всеми чувствовалось, что в красноречии отца Антония крылась какая-то великая духовная сила, и сила эта заключалась, конечно, в том, что старец поучал не от книг, а от дел, что все слова его проистекали от искреннего доброжелательства к вопрошавшим его и всегда предварялись и сопровождались усердной молитвой о них ко Господу. Познакомившись с кем-нибудь, старец иногда как бы присматривался к нему; сначала говорил мало и только молился о нем. Но зато, когда, наконец, начинал говорить, его слово имело такую неотразимую силу, что иногда в течение одной беседы человек духовно перерождался. Люди с железным непреклонным характером чувствовали, что упорство их сокрушалось, сердце их наполнялось какими-то новыми чувствами; и между тем как прежде во всю свою жизнь никому ни в чем не уступали, от слов отца Антония возгоралось в них желание ни в чем не следовать своей воли и своему разуму, но всю волю свою предать святому старцу. Под духовным влиянием отца Антония и по глубокой его отеческой заботливости люди, увлекавшиеся вольнодумством и светской жизнью, делались искренними, ревностными и послушными чадами Святой Церкви; люди, предавшиеся суете и привыкшие к тому, чтобы все их причуды исполнялись, посвящали себя смиренной иноческой

---

* Родившись и воспитавшись в Ярославской губернии, отец Антоний впоследствии не хотел изменить местному ярославскому выговору (на «о»). Эта особенность приятно звучала в устах простодушного старца и придавала беседе его выразительность, так что и русская речь принимала оттенок освященного церковного наречия.

жизни; люди, потерянные в глазах общества и в собственных глазах, обращались к христианской жизни, отрекались мира и остаток дней своих посвящали Богу.... Многие испытывали над собой духовную силу отца Антония; сначала были привлекаемы его любовью и снисходительностью, а потом незаметно переходили к тому, что и всю жизнь свою отдавали в его руки.

Отеческую снисходительность к человеческим немощам отец Антоний умел, где следует, соразмерять благоразумной строгостью. Во-первых, относительно учения, и преданий, и заповедей Святой Православной Церкви, и вообще относительно всего Божественного, он был неумолимо строг. Если кто отступал от строгости понятий церковных, то хотя судить о нем отец Антоний уклонялся, но сам никогда не соглашался с тем, что противоречило учению Церкви во всей его чистоте и строгости; никто не мог убедить его дать благословение на отступление от канонических правил. Он повторял в подобных случаях слово: «Нам дана власть разрушать грехи, а не разрушать на грехи». Несомненно веруя всему, чему учит Церковь, и неуклонно соблюдая, что она заповедует, он и от всех духовных детей своих требовал такой же несомненной веры и такого же послушания. На прекословия других отвечал молчанием или уклонялся от прений, отвечая на все возражения одно: «...так учит Церковь, так принято Святой Церковью». Во-вторых, сам подавая высокий пример совершеннейшего послушания старшим, он и от тех, кто к нему относился, с большой строгостью требовал повиновения и почтения к родителям, и начальствующим, и духовным отцам, говоря, что к ним относится слово Господне: *слушаяй вас, Мене слушает.*

Наконец, от тех, кто находился под его полным руководством, требовал и в отношении к себе точного послушания. Однажды сказав, не любил изменять и даже повторять своего слова; при этом иногда указывал на изречение святого Григория Богослова: «Не безумными ли считаем тех, которые дважды об один и тот же камень спотыкаются?» Если кто-нибудь из его духовных детей, получив заповедь, переспрашивал

старца, то уже ответа не получал*. Для преданных его духовных детей не было строже наказания, как если старец скажет: «Как хотите». Если при этом лицо его, всегда приветливое, принимало строгий вид, то этого никто из них не мог вынести без тяжкой скорби. Вообще, кто отступал от полученного решения, тому старец умел давать почувствовать его вину, и уже после слезного, искреннего раскаяния прощал и становился по-прежнему милостив и любвеобилен. Впрочем, он так поступал только с преданными духовными детьми. В других же случаях, если он в ком замечал недоверие к его словам, то, незаметно для них самих, умел уклоняться и предоставлял их собственной их воле, тяготу которой они сами должны были и понести: но и в таком случае старец не изменял ни своей любви к ним и благоволения, ни даже благой о них мысли, стараясь и внутренне извинить их. Одного старец не мог вынести равнодушно — ропотливости, особенно по пустым причинам, и говаривал, что, по слову святого Исаака Сирина, и сам Бог всякие немощи человеческие сносит, человека же всегда ропщущего не терпит и не оставляет без наказания (Сл. 85). В беседах с такими людьми у благодушного старца вырывались иногда и резкие выражения, а после он готов был у духовных своих детей просить «милостивого прощения и разрешения». И вообще, если в чье-либо сердце вкрадывалось неудовольствие против отца Антония, то он не оправдывался, а часто просил прощения, говоря, что хотя совесть его ни в чем не обличает, но несть человека, иже поживет и не согрешит, что один Бог без греха и что святой апостол Павел о себе говорит: *Ничесóже бо в себе свéм, но ни о сем оправдáюся: востязýяй же мя Господь есть* (1 Кор. 4, 4)..

Однажды пришел к нему некто в великом горе, что единственного его сына, на которого он полагал всю надежду свою, исключили из учебного заведения. «Да молитесь ли вы

---

* Эта черта была в его характере с детства. Когда ему было лет четырнадцать, ему поручили обучить грамоте маленькую его племянницу. Однажды мать его, слыша, что учение вдруг замолкло, входит и застигает учителя насупившимся, а ученицу в слезах. На вопрос о причине слез маленькая отвечает, что она чего-то не знает, а дяденька не говорит. «Я сказал», — возразил он.

о сыне?» — неожиданно спросил его старец. — «Иногда молюсь, — отвечал тот, запинаясь, — а иногда не молюсь». — «Непременно молитесь о сыне, усердно молитесь о нем: велика сила родительской молитвы о детях». По этому слову безутешный отец, который доселе не очень был усерден к молитве и к Церкви, от всей души стал прибегать ко Господу и молиться о сыне. И что же? Через некоторое время обстоятельства переменились, мальчик был принят в заведение и благополучно окончил в нем курс, к великому утешению отца, который во всю жизнь только это наставление и принял от отца Антония, но всегда с умилением о нем вспоминал и рассказывал, говоря, что одно это простое слово богомудрого старца доставило ему величайшую душевную пользу на всю его жизнь.

Посетили старца два помещика, из которых один уклонялся в вольнодумство и в течение разговора выразил сомнение в истинности повествования о том, что святой Иоанн, архиепископ Новгородский, на бесе ездил во Иерусалим (см.: «Четьи-Минеи», 7 сентября). «Нельзя же верить таким вещам!» — «Да, в прежние времена святые разъезжали на бесе, а теперь бес так и разъезжает на иных российских дворянах», — отвечал значительно старец и засмеялся с грустным чувством укора. Слова эти произвели почему-то такое впечатление на собеседника, что он вдруг присмирел, смутился и потом заплакал. Товарищ его тотчас удалился из комнаты, оставив их вдвоем. Предмет и ход разговора между старцем и этим господином неизвестен; но слезы на глазах того, кто пред сим говорил так вольно, показывали, что беседа между ними была и что сердце его отозвалось на беседу старца, и хотя вольно судивший господин и старался принять после обычный свой вид, но глаза его не осушались более часа.

Некто усомнился в истине свидетельства Барского, что в Иерусалиме на Пасху сходит с неба благодатный огонь. «Если бы вы сами увидели, поверили ли бы вы?» — спросил отец Антоний. — «Поверил бы». — «Ну, так кому же мы должны

больше верить: вам, которые не видали, или Барскому, который видел?»

Одна девица, прощаясь со старцем, шутя попросила его помолиться, чтобы Господь помог ей выйти замуж. «Да ведь вы не хотите идти замуж?» — сказал он ей. «Хочу», — настаивала она на своем. Через некоторое время, посетив старца, была встречена им такими словами: «Зачем вы меня все обманываете? Я вам хотел даже писать». Когда та, забыв про свою шутку, которую она по светским понятиям считала невинной даже в разговоре с духовным мужем, в недоумении отвечала, что не помнит, чтобы обманывала его, отец Антоний напомнил ей о ее последней просьбе при прощании: «Я по вашему слову три раза принимался молиться о том, и три раза слышал голос: не то ей нужно! Зачем же вы меня обманываете?»

Другая особа, когда однажды отец Антоний устремил на нее испытующий проницательный свой взор, чистосердечно объяснила ему, что она боится, когда он так на нее смотрит: «Вы видите все мои грехи», — прибавила она. «Напрасно вы так думаете, — возразил старец. — О чем я помолюсь и что Бог мне откроет, то я и знаю, а если Бог мне не откроет, то я ничего не знаю».

Однажды приходит к отцу Антонию встревоженный чиновник с просьбой: «Батюшка! Завтра я выхожу на дуэль, отслужите молебен, чтобы Бог защитил меня». — «Что вы, что вы? — отвечает старец. — Идете на дуэль, чтобы убить человека, и просите помощи от Бога. Опомнитесь, что вы говорите? Шестая заповедь говорит: не убий. Да и законом гражданским запрещены дуэли; а вы пришли еще ко мне, служителю алтаря, просить благословения на дуэль, на убийство! Мы молимся о мире, о прощении обид: так я прошу вас оставить это богопротивное дело и смириться. Если вас обидели, простите; а если вы обидели, просите прощения, — если угодно, и я за вас попрошу». И так при помощи Божией дело умиротворилось.



ПРЕПОДОБНЫЙ ИЛАРИОН ОПТИНСКИЙ
(1805–1873)

Преподобный Иларион двадцать лет был келейником великого старца преподобного Макария Оптинского. В предсмертные часы преподобного Макария многие его чада были переданы им преподобному Иларион. Это было начало его старческого пути. 8 апреля 1863 года преподобный Иларион становится скитоначальником и духовником обители.

Старческие беседы преподобного Илариона Оптинского
(Из записок монаха отца Порфирия С.)

Долго пробыв ближайшим учеником отца Макария, отец Иларион, став скитоначальником и духовником, старался и по управлению, и по духовничеству поддерживать те порядки, которые были заведены его дорогим учителем.

Пять раз в году, то есть в посты, Великим постом и дважды совершалась им исповедь всем относившимся к нему братиям, исповедь не общая, а с подробным опросом каждого исповедующегося о всем касающемся до его внутренней жизни и устроения. Каждый по своей нужде получал при этом наставление для дальнейшей деятельности.

Несмотря на такой труд, старец все-таки выстаивал все церковные службы, как известно, особенно продолжительные на 1-й и 7-й седмицах Великого поста. Приостанавливалась братская — начиналась исповедь женского пола в хибарке:

сестер монастырского скотного двора, монахинь, или мирян обоего пола, прибывших для того к старцу со стороны. Мужчины исповедовались им особо в приемной его кельи. Исповедь часто продолжалась до чтения правила на сон грядущим. По субботам и перед праздниками приходили для исповеди чредные служащие иеромонахи и иеродиаконы.

Кроме исповеди в посты, бывала исповедь и во всякое другое время всем прибывавшим и желавшим оной посетителям и богомольцам, каковых бывало много, и никому и ни в какое время у старца отказа не было.

Преимущественно после вечерней трапезы, а старшие монахи или имевшие особенную нужду и во всякое время (а многие почти ежедневно) приходили к старцу, по заведенному порядку, для очищения совести откровением помыслов, покаянием и для получения себе от старца в руководство наставления и совета, сообразно с устроением каждого. Старец говорил большей частью не от себя, а приводил слова и примеры из Священного Писания или отеческих, или припоминал, что в подобных случаях говаривал, советовал или приказывал батюшка отец Макарий. Слова наставлений старца отца Илариона были кратки, ясны, просты и имели силу убедительности, потому что сам первый исполнял то, что советовал братии, и сам уже опытно побывал в различных случаях, о которых приходилось наставлять братию.

Много занимался старец с изъявившими желание поступить в братство, чтобы уяснить себе их внутреннее устроение, и советовал сначала пожить несколько в обители в качестве богомольца: ходить ко всем службам, испытать себя, присматриваться ко всем установленным в обители порядкам и послушаниям. Если замечал истинное призвание Божие, то благословлял готовиться к исповеди, припомнить грехи свои, а более всего нераскаянные, с семилетнего возраста, приступить к принятию Святых Таин, помолиться на могилках старцев отца Льва и отца Макария, попросить их помощи, согласия и содействия в предначинаемом деле и затем, положась на волю Божию, идти к отцу игумену, просить его о принятии в

обитель, а если не будет согласия отца игумена, считать, что, значит, не пришло еще к тому время и нет еще на то воли Божией.

Новопоступающему старец старался уяснить, что, оставляя мир, должно оставить и прежние свои навыки и во всем последовать воле своего наставника, которому он себя, по благословению настоятеля, вручает. По своей воле никто ничего не должен делать и начинать, хотя бы что и доброе было, как-то: келейное, молитвенное правило, чтение какой-либо книги, пощение, рукоделие и всякие другие подвиги или труды, но прежде объявить отцу своему духовному, положиться на его рассуждение и со смирением просить его совета. Ищущий спасения должен добровольно и чистосердечно открывать отцу все свои помыслы, как добрые, так и порочные. Враг ратует на нас через помыслы, развращая ум и сердце и обременяя их страстями, которыми мы порабощены, а через откровение, помыслов получается и прощение, и примерное духовное наставление о том, как побеждать мир, плоть и диавола. Не стыдись, говорил он, обнажать струны твои духовному наставнику и будь готов принять от него за грехи свои и посрамление, чтобы через него избежать вечного стыда. Учил также старец иметь любовь и послушание к настоятелю, хотя бы и случалось когда понести от него оскорбление, обличение, выговор или даже наказание, хотя бы и незаслуженные, не разбирая, расположен ли к нему игумен или нет. Истинная любовь не раздражается, не мыслит зла, николи же отпадает.

Наставлял старец быть усердным к храму Божию, без благословной вины не упускать церковного богослужения, приходить к началу, к совершению проскомидии, для прочитывания заздравных, заупокойных, благодетельских и братских синодиков, которые, по заведенному порядку, вычитываются всеми братиями, в чем и сам старец принимал участие и служил примером. Церковь, говаривал он, есть для нас земное небо, где Сам Бог невидимо присутствует и назирает предстоящих; поэтому в церкви должно стоять чинно, с великим благоговением. Будем любить церковь и будем к ней усердны; она нам отрада и утешение в скорбях и радостях.

Послушание, поучал отец Иларион, должно проходить с хранением совести, без небрежения, лености и невнимания; должно наблюдать за собой и быть внимательным ко всем своим и малым действиям и послушаниям. Тогда привыкаем ко вниманию и в важных делах, а от небрежения в малом незаметно перейдем к небрежению и в большем. Каждое дело необходимо начинать с призыванием в помощь Имени Божия, ибо занятия, освященные молитвой, будут благотворны для нашего душевного спасения. Во всем братия должны руководиться смиренномудрием и иметь между собой мир и любовь».

Много учил отец Иларион о незлобивом и безгневном перенесении оскорблений, учил принимать их с самоукорением, как посланные Промыслом Божиим за грехи наши для душевной пользы; гнев свой обращать не на оскорбившего, а на духа злобы и на себя, что не может оскорбление с кротостью и миролюбием перенести; за оскорбившего же молить Бога и стараться примириться с ним и не оставлять в себе неприязненного к нему чувства.

— Какие же мы монахи, — говорил старец, — когда не хотим понести никакой скорби от брата. Нельзя же прожить так, чтобы никто нас не опечалил или не оскорбил, а апостол говорит: *яко мно́гими скорбьмы́ подоба́ет на́м внити в Царствие Божие* (Деян. 14, 22) *и друг друга тяготы́ носи́те, и тако испо́лните зако́н Христо́в* (Гал. 6, 2). Будем поэтому просить, чтобы нам с самоукорением и смирением нести скорби не быть побежденными от зла, но благим побеждать злое и с пророком сказать: *с ненави́дящими ми́ра бех ми́рен* (Пс. 119, 6).

В ободрение скорбящих старец часто говаривал: *Аще Бог по нас, кто́ на ны́?* (Рим. 8, 31). Потерпим немного и получим вечное блаженство. Предадим забвению все утехи и радости земные — они не для нас. Сказано: где сокровище наше, тут будет и сердце наше; а сокровище наше на небеси; поэтому будем стремиться всем сердцем к Небесному Отечеству. Там все скорбное наше превратится в радость, поношение и уничижение — в славу, печали, слезы и воздыхания — в утешение; болезни и труды — в вечный безболезненный покой.

Часто говорил старец о хранении совести, о внимательном наблюдении за своими мыслями, действиями и словами и о покаянии в них.

Братиям, которые, по усмотрению и благословению настоятеля, назначаемы были старшими над другими, старец давал такого рода наставления: стараться с помощью Божией оправдывать его доверие, исполнять свою обязанность со страхом Божиим, усердно и внимательно, без упущения, с хранением совести. С младшими по послушанию обращаться не как с подвластными слугами, а как с братиями о Христе, советовал избегать тщеславия, надменности и высокомерия; всем оказывать равную любовь и расположение, а не так чтобы одному оказывать предпочтение, а другому нерасположение и презрение. «Все пришли, — учил отец Иларион, — ради Бога душу свою спасти — будем же помогать друг другу, ибо брат от брата помогаем яко град тверд. Будем стараться быть примером для младших, располагать их к себе любовью, чтобы и между ними сохранились мир и единодушие. Тогда и послушание будет легко и полезно обители, а главное — будет благоприятно Богу». Учил немощи и недостатки подчиненных нести благодушно, ибо не у всех одинаковые способности и произволение к делу, — к слабосильным и немощным должно быть более снисходительным. В случае чьей неисправности или упущения должно сделать замечание или выговор без гнева, с кротостью, соображаясь с устроением каждого, чтобы не оскорбить и не ожесточить брата, а воспользовать его. «Замечания делай, — наставлял старец, — не давая пищи собственному самолюбию, соображая, мог ли бы ты сам понести то, что требуешь от другого. Знай, когда можно сделать замечание, а когда лучше смолчать. Если чувствуешь, что гнев объял тебя, сохраняй молчание и до тех пор не говори ничего, пока непрестанной молитвой и самоукорением не утишится твое сердце; а тогда можешь говорить с братом. Если нужно вразумить брата, а ты видишь, что он возмущен гневом или смущен, не говори ничего, чтобы еще более не раздражить его. Когда же увидишь, что и ты, и он покойны, говори, не укоряя, а с кротостью. Иногда нужно быть и строгим и

взыскательным, но не столько к другим, сколько к самому себе. Если окажутся нерадивые, дерзкие, упрямые, с совета старца принимай к исправлению, а если меры твои окажутся безуспешными — можно предложить на усмотрение настоятеля. Не будем давать цены собственным нашим трудам.

Младших старец учил оказывать старшим почтение, избегать прекословия, ни с кем не быть дерзким, отнюдь не оскорблять. Когда старший, увещевал отец Иларион, делает тебе замечание или выговор, который не соответствовал твоему ожиданию, и если это даже случится и при других, ты перемолчи и со смирением скажи: «Прости Бога ради»; ибо сказано: *уготовихся и не смутихся*. Ничего ты этим не потеряешь во мнении других, а, напротив, выиграешь. Полезнее для души сознавать себя во всем виноватым и последним из всех, нежели прибегать к самооправданию, которое происходит от гордости, а гордым Бог противится, смиренным же дает благодать. Вспомни, что если бы ты был и прав, или не так в этом случае виноват, как говорят, то все же мы пред Богом все виноваты и во грехах, аще и один день будет жития нашего на земли. Господь же не оправдывает только тех, которые в сердце своем сознают себя великими грешниками».

Припоминается мне один случай. Двое немирствовавших между собой братий просили старца позволить им лично между собой перед ним объясниться для прекращения их ссоры. Старец, по примеру отца Макария, обыкновенно не допускал таких личных объяснений, так как опытом дознано, что они не ведут к прочному миру, к которому ведет не самооправдание, а только самоукорение. По просьбе братий старец на этот раз допустил им объясниться в своем присутствии. Выслушав их, старец сказал: «Из слов ваших выходит, что вы оба правы, но ни один не хочет сознать себя виновным». Далее старец объяснил каждому из них, что было причиной их смущения, в чем они и сознались. Одному старец назначил в келье прочесть 10-е поучение аввы Дорофея о том, как проходить путь Божий, где, между прочим, говорится о том, как должно принимать оскорбления, если сам подал к ним повод, что должно почитать находящие на нас скорби и искушения

за наши собственные. Потом старец сказал им, что оба они не правы, и чтобы покончить ссору и примириться, должны один у другого испросить прощение с земным поклоном. Братия поклониться один другому не захотели. Видя их непреклонность к примирению, старец вздохнул и со скорбью сказал им: «Ну, не ожидал я от вас таких плодов! Горе вам! Вот как трудно сказать «прости, Бога ради». По вашему выходит, что оба вы правы; остаюсь один я виноват, что не научил вас самоукорению; ну, видно этого стою». При этом старец, к изумлению их, смиренно поклонился им в землю, сказав: «Простите, Бога ради!» Таким неожиданным поклоном своего наставника братия были глубоко тронуты, сознали свое самолюбие и виновность и просили старца простить их и обещали положить начало своему исправлению. Опытный старец не вдруг их простил, а сказал: «Вы люди — правые: в чем же вас прощать? Прощают только виновных, тех, которые чистосердечно сознают свою виновность пред Богом и людьми; то дело совсем другое; там есть надежда на исправление. Нет идите от меня, некогда мне с вами время терять. Вот какие плоды наши! Пришли спасаться, а уж первое начало на песке полагаем. Ну, посудите сами, что же больше от вас будет? Лучше и не вступать в обитель»! Наконец, старец простил их, и они, поклонясь друг другу в ноги, испросили обоюдного прощения. Старец, отпуская их, сказал: «Не нужно бы долго томить и себя и меня. Монашеское дело наше: смириться, да поклониться, да попросить прощение — тем и оправдан». Не благословлял старец ходить по чужим кельям или других в свою призывать, иметь исключительную дружбу или любовь с кем-либо из братий, ибо это не соответствует монашескому жительству и ведет ко вреду и скорбям; но ко всем должно иметь равную любовь о Христе и расположение. В келье в свободное от богослужения, келейного правила и послушаний время советовал упражняться в чтении святых и отеческих писаний, и, предпочитая нестяжание, не заводить отличной от других тонкой одежды и обуви, как и отец Макарий не допускал, сам довольствуясь общим монастырским одеянием. У кого еще затем оставалось свободное время, предлагали

употреблять на рукоделие, какое кто мог, по силе и способности каждого, но не для прибытка и не по пристрастию. При занятии рукоделием ум держать всегда в молитве, так чтобы рукоделие не отвлекало от других главнейших занятий.

Относительно прогулок старец большей частью говорил, что лучше прогуливаться не одному, а с одним или двумя из братий и вести себя так, чтобы поведение инока вне обители свидетельствовало о благочинии обители. Прогуливаться более в праздники и свободное от богослужения и общих послушаний время и не отлучаться далеко от обители, как овцам от своего стада, полезно брать с собой книгу.

При занятиях с братией обители, у старца не было отказа никому из посторонних посетителей, приходивших поговорить с ним о своих духовных нуждах. Во всякое время к нему был свободный доступ и знатным и не знатным, и богатым и бедным, и ближним и дальним, и монашествующим и мирским. Всех принимал старец, со всеми был одинаково обходителен и внимателен. Мужчин принимал в своей приемной келье, а женский пол — в так называвшейся хибарке, особой пристройке, состоящей из сеней и небольшой келейки с одним окном, с отдельным входом извне скита, близ скитских ворот. В переднем углу хибарки, пред иконами Христа Спасителя и святого апостола Петра, висела лампадка и стоял аналой с крестом, исповедной книжкой и епитрахилью, чтобы желающие могли тотчас же приступить к исповеди. Многие из посетителей для того и являлись в обитель, чтобы передать старцу, отцу Илариону, о своих духовных нуждах, как опытному наставнику. После обычных приветствий, старец искусными вопросами вызывал откровенное объяснение посетителя о цели его посещения и составлял себе понятие о его душевном состоянии. Когда находил нужным, предлагал посетителю подготовиться к очищению своей совести, исповеданием, назначая для этого не менее трех дней; пересмотреть всю свою прежнюю жизнь с семилетнего возраста, припомнить и отыскать в себе преимущественно забытые грехи, в которых не было принесено покаяние, и в которых часто и таилась причина душевной болезни. Ежели же посетитель

почему-либо не достигал этого, то старец сам на исповеди искусными вопросами уяснял, в чем дело, вызывал посетителя на воспоминание о нераскаянном грехе, по невниманию обратившемся в навык. Возбудив сознание и сокрушение о грехах, старец иногда, по степени и важности их, налагал на кающихся епитимьи, сообразуясь с родом жизни, званием, состоянием, занятиями, здоровьем, летами, причем требовал, чтобы кающийся исполнял ее в точности и неопустительно. Епитимья состояла из молитв, покаянного канона, чтения кафизм, поклонов, раздачи милостыни, в прощении обид и оскорблений, примирении с обидевшими, возвращении долгов, или чего неправильно присвоенного, оставлении неприличных для христианина навыков, забав и удовольствий, праздного времяпрепровождения и т. п. По исповеди допускал к принятию Святых Таин. Многие, получив на исповеди от старца ощутительную пользу душевную, продолжали и после жить по наставлениям старца, исправлялись от душевных недугов и жили за молитвами старца благочестиво и благополучно и имели его уже своим постоянным духовником и наставником.

Много приводили к старцу страдающих нервными и душевными болезнями, которых обычно называют «порчеными». Будучи близким человеком и почитателем Климчонка, отец Иларион, подобно ему, был твердо убежден, что полное искреннее покаяние, всепрощение обидевших и примирение со враждующими есть лучшее лекарство от недугов душевных, ибо причиной подобных болезней, как находил старец, бывает часто непримиримая вражда, раздоры семейные и тяжкие нераскаянные грехи. Эти различные причины болезней старец без затруднения распознавал через искусные расспросы болящего, и иными ему ведомыми путями иногда и по самому крику «порченых» и его свойствам и при помощи Божией врачевал их благодатью Таинства Покаяния. Старец указывал больным не мнимую, а действительно найденную им причину их болезни и приводил к сознанию, раскаянию и сокрушению о своих грехах. Если больные указывали на кого-либо, как на причину своей болезни, что часто бывало с нервными

больными, то отец Иларион советовал тогда испросить у того лица прощения, если оно живо, а если скончалось, то примириться с ним, отслужить на его могиле панихиду о его упокоении, подавать о поминовении на проскомидиях и дома за него молиться, принести покаяние и принять епитимью и положить начало добродетельной жизни. Кроме таких советов давал им на дом богоявленскую воду, святой артос и масло из лампадок, горевших на могилках почивших старцев отцов Льва и Макария.

Однажды старец что-то сверх обыкновения замедлил и долго не выходил из хибарки, в которой исповедовал женщин. Его ожидало много посетителей и посетительниц. Пошли узнать, с кем он там был занят, и узнали, что у него в это время была на исповеди упорнейшая душевнобольная. Старец заставлял ее налагать на себя крестное знамение и говорить свои грехи, но она крепко противилась и не хотела произносить их, кричала и ругала старца грубыми, непристойными словами. Отец Иларион, не обращая внимание на ее брань, добивался только того, чтобы она пришла в полное сознание и покаялась в том грехе, за который так сильно страждет. Наконец, после многих усилий больная созналась, покаялась и обещала выполнить все то, что ей посоветовал старец. Отпуская, старец снабдил ее святым артосом и святой водой. Вышел старец из хибарки весьма усталый, но довольный. На вопрос, почему он так долго с ней занимался, старец сказал: «Поди ты, какая попалась злющая и сопротивная! Таких, кажется, у меня еще и не бывало. Однако Бог помог узнать и добиться толку, за что ей было попущено: хоть не напрасно трудился столько времени. Зато другие верно скорбят, что так долго я с ней пробыл; но Бог поможет — со всеми займусь.

— Ну уж и досталось же мне от нее, — продолжал старец, — таких срамных слов от роду не приходилось мне слышать.

— Вы бы ее, батюшка, оставили, когда она такая, — сказали ему. «Вот ты так говоришь; по-твоему бы и так, — а по-моему не так, — отвечал старец. — У нее ведь душа-то такая же, какая и у нас с тобой. Весь мир — не стоит одной души!» —

После того старец послал келейника: «Поди, скажи ей, чтобы она теперь шла домой». Келейник, возвратясь, отвечает: «Она нейдет, говорит: „Пускай батюшка сам выйдет и благословит меня на дорогу; он мой благожитель; должна я за него вечно Бога молить“». — «Ну ладно, слава Богу; видно, в чувство пришла; надо к ней опять выйти». — И старец пошел в хибарку.

Одна сорокалетняя крестьянка, Одоевского уезда, часто посещавшая обитель, сама рассказывала, что в продолжение многих лет сильно страдала припадками, сопровождавшимися корчами, судорогами, криком на разные голоса. В состоянии припадка она неистово кричала, бранилась и обнаруживала такую неестественную силу, что несколько мужчин не могли удержать ее. Много наслышавшись о старце отце Иларионе, она обратилась к нему за помощью. Как всегда, так и в этом случае, старец исповедал ее во всех грехах, особенно нераскаянных, и вот благодатной силой Таинства Покаяния она получила через старца совершенное исцеление. Припадки не возвращались, и она стала здорова и покойна, глубоко признательна за полученную помощь. Она жива была еще в 1877 году и лично известна многим братиям.

Приведем еще несколько случаев благотворного влияния духовнической и старческой деятельности отца Илариона при помощи Божией на различные тяжелые душевные недуги.

Один купеческий приказчик из Нижнего, средних лет, холостой, страдал несколько лет болезнью, не дававшей ему покоя. Он, по словам его, ощущал, что кто-то нашептывает ему мысли о самоубийстве. Подойдет он к воде — голос шепчет ему: «Зачем тебе больше жить на свете?» Утопись! Увидит он огонь, — голос внушает ему кинуться в огонь. Увидит он нож или какое острое орудие, — голос внушает ему зарезаться, так как незачем ему оставаться на свете. Исхудалый, изнуренный, со впалыми от душевного недуга глазами, он приехал с матерью своей в обитель, был у старца и на вопрос, от чего он страждет, объяснил, что, по его убеждению, он болен от того, что, когда ему еще было два года, мать прокляла его.

Старец долго занимался с ним, подробно расспросил его, о чем находил нужным, и заключил, что причина болезни не та, которую он приводит, а другая, и болезнь послана ему в наказание за ложные взгляды относительно своей матери. Мать была добрая старушка и очень его любила и желала ему всякого блага, а он думал, что она сделала его несчастным на всю жизнь. Долго он не соглашался с мнением старца. Наконец, на исповеди старец, с помощью Божией, убедил его оставить ложное мнение, что его прокляла мать, и вместо того, смириться перед ней, и с чувством раскаяния испросить у нее прощения в оскорбительном мнении о ней. Исполнив наставление старца, он удостоился принятия Святых Таин, и явился к старцу уже в обновленном виде — покойный и счастливый; погибельных внушений он уже не слыхал; совесть его умиротворилась, и душа его, освященная Таинствами Покаяния и Причащения, возвратилась к светлой жизни. Возвратясь в Нижний, он уже вел жизнь свою по наставлениям старца.

Тульской губернии Богородицкого уезда купец тридцати пяти лет, трезвый, более года страдал душевной болезнью: ему представлялось, что все насмехаются над ним и над его действиями и что какие-то незнакомые ему люди, куда бы он ни пошел, преследуют его и намереваются лишить его жизни. Эти мысли ни днем, ни ночью не давали ему покоя, и он несколько уже раз приходил к мысли о самоубийстве и тем самым наводил страх на все свое семейство. По убеждению матери И. В. приехал в обитель и объяснил свое положение старцу отцу Илариону. Старец несколько раз подолгу с ним занимался и нашел у него затаенный грех, который он не объяснил священнику, сомневаясь в прощении его. Старец убедил его, что нет греха, который бы не прощало человеколюбие Божие, если в нем каются, — и он на исповеди принес в нем покаяние, и получив разрешение, удостоен был причащения Святых Таин; при прощании старец сказал ему: «Ну поезжай с Богом, теперь тебя преследовать и вязать не будут». Так действительно и было: И. В. совершенно выздоровел от своего мучительного недуга.

Новосильского уезда купец был два года одержим недугом, не дававшим ему ни минуты покоя и доводившим его до безумия. Ему представлялось, что будто со всех сторон его преследуют, хотят вязать и лишить жизни. Не будучи поэтому в состоянии заниматься своим торговым делом, А. Е. бегал от людей с блуждающим взором, произнося безсмысленные слова. Домашние боялись, чтобы он в припадке безумия не лишил себя жизни. Более всех обезпокоена была этой болезнью его жена, придумавшая, наконец, свозить его в Оптину пустынь. Прибыв в обитель, она объяснила старцу болезнь мужа и просила его помощи. Старец долго занимался с ним и из расспросов дознал, что главная причина болезни была его вражда и непокорность отцу, которую он таил в своем сердце. Старец долго убеждал А. Е. оставить злобу и спросить у отца прощения, доказывая ему, что только в таком случае он может надеяться на помощь Божию и избавиться от болезни. Больной сперва долго упорствовал, оправдывал себя, а отца обвинял, но, наконец, изъявил готовность исполнить все, что приказывал ему старец. Старец исповедал его, и больной, пробыв в обители после принятия Святых Таин еще три дня, поехал домой к отцу совершенно здоровым. Теперь, в душевном мире и спокойствии, он занимается в Москве своими торговыми делами, благодаря Бога и старца отца Илариона.

Города Белева купеческий сын, П. М., занимаясь у отца торговлей, долго страдал душевным расстройством, задумывался, подвергался безотчетному страху, причем часто и видимые предметы представлялись ему не такими, какими они на самом деле были. Наконец, он стал теряться рассудком. Прибыв в обитель, что сделать посоветовали ему родные, больной обратился к старцу отцу Иларион. Старец исповедал его и помог ему советом. Больной с 1870 года совсем остался в обители и живет в ней и ныне мантейным монахом, хотя прежде не только желания, но и мысли у него не было о монашеской жизни.

Но не одни нервные, или душевнобольные, получали, при помощи Божией, от старца облегчение; старец оказывал помощь многим и в других состояниях и обстоятельствах в

жизни, когда обращавшиеся к старцу добросовестно исполняли полученные от него наставления.

Студент Московского университета, тульский помещик А. П. А., дошел почти до полного неверия в Бога. Быв проездом в обители, он имел продолжительные беседы со старцем. Полный искреннего участия и душевной доброты, слова старца подействовали на молодого человека. Он согласился признать свои заблуждения, провел, по предложению старца, в обители несколько дней, исповедался, принес покаяние, сподобился принять Святые Таины, к чему пред тем уже несколько лет не приступал, и поехал в Москву верующим и благочестивым христианином.

Мать благочестивого семейства (Тульской губернии Богородицкого уезда) Т., глубоко уважавшая советы старца, своего духовного отца, приехала в обитель просить его совета относительно вступления в брак своей дочери. К ней сватались три жениха, и они решили поступить в выборе так, как посоветует им старец. Три дня ходили они к старцу, желая услышать, что он им скажет, казалось, что старец и выбрал одного из трех женихов, но три дня не объявлял им своего решения, и на их вопрос: как же, вы, батюшка, нас благословите? — отвечал: «Ах, дочка, дочка! Жаль мне тебя, но как же мне с тобой быть? Погодим еще!» На четвертый день он им сказал: «Ну, дочка! Когда уж плыть, так плыть. Переплывешь — будешь человек. Видно, Богу так угодно». Отец Иларион подразумевал под этими словами, что много скорбей придется перенести девице по выходе замуж. Слова старца сначала показались загадочными, но после, по вступлении девицы в брак, они оправдались. Вначале ей в семействе мужа было очень трудно; пришлось переносить много скорбей и огорчений, так что и крепкое здоровье ее порасстроилось, и духом начала она слабеть. Вспоминая слова старца, Т. ими себя укрепляла, ожидая изменения обстоятельств на более благоприятные. Тяжелое положение ее продолжалось года три. Наконец, неожиданно все изменилось: здоровье ее снова поправилось, и с этих пор она и доныне живет счастливо, благословляя память старца.

Молодой человек из купеческого семейства, после четырехлетнего супружества, овдовел. Ему стали сватать новую невесту. Когда родной брат его поехал в Оптину пустынь, он поручил ему испросить у старца отца Илариона благословения на второй брак. Старец дал такой ответ: «Скажи брату, пусть он погодит еще годок да приедет к нам, и мы посмотрим, не годится ли он нам». Сам съездить к старцу молодой человек не нашел времени, все откладывал, а между тем невесту ему сватали. Не повидавшись лично со старцем, он не исполнил его заочного совета и вторично женился. Но через три с половиной недели вторая жена тоже умерла. После того ему предлагали вступить в третий брак. Тогда он поехал в обитель лично благословиться у старца. Старец принял его с участием и сказал: «Что, не послушался? Вот тебе и женитьба!» Пробыв несколько дней в обители, он у старца на исповеди изъявил желание вместо женитьбы поступить в обитель. Старец спросил, давно ли у него явилось это желание? Тот отвечал: «Всего несколько часов». Старец сказал: «Нужно прежде поиспытать себя некоторое время». По окончании же исповеди с улыбкой сказал: «Ну, приезжай, приезжай, мы тебя примем». Вскоре тот оставил семью и в 1865 году поступил в скит, где и теперь живет мантейным монахом.

Желавшим вступить в брак старец советовал, чтобы брак совершался не иначе, как с согласия и благословения родителей или старших в семействе, но чтобы не было и со стороны старших принуждения; чтобы вступающие в брак один другому нравились и при выборе жениха или невесты внимание обращалось не на капитал, а на то, чтобы брачующиеся и их родители были благочестивы и хорошей нравственности. Тогда, говорил старец, можно надеяться на счастье новобрачных. Не одобрял старец большое неравенство лет, от которого могут потом возникать скорби. Некоторое старшинство можно еще допустить в мужчине, но в женщине оно может быть причиной многих скорбей. Не одобрял старец заключения браков по страсти, ибо когда страсти утихнут — любовь может исчезнуть. Не одобрял брака между лицами различных

вероисповеданий: муж и жена, составляя одно тело, должно быть и духовно соединено.

После дневных трудов старца с посетителями случалось от него слыхать такие выражения:

«Можно ли оставить без участия и помощи добрые души людей, с чистым усердием и любовью стремящихся к Богу. Смотря на них, невольно радуется дух — что их всех заставляет идти сюда за сотни верст? Иные оставляют семейства, малолетних детей на чужих руках и отправляются, находя себе здесь от мирских забот и попечений духовное утешение и отраду. Ни недосуг, ни непогода, ничто не останавливает их и не препятствует благой их цели; ради душевной пользы самый даже путевой труд служит им в утешение. Да, слава Богу, есть и в наше время истинные рабы Божии, ищущие душевной пользы и спасения. Даруй, Господи, чтобы все они, по вере их, достигли своей цели и, возвращаясь от нас с назиданием душевным, выносили чистые мысли, святые желания для совершения добрых дел, прославляя Бога, подающего нашему скудоумию слово к душевной их пользе». При этом отец Иларион часто вспоминал неутомимую деятельность и труды покойного старца своего, батюшки отца Макария, к которому относил апостольские слова, говоря: «Покойный батюшка умел быть для всех всем» (см.: 1 Кор. 9, 22).



ПРЕПОДОБНЫЙ АМВРОСИЙ ОПТИНСКИЙ (1812—1891)

В болезненном состоянии, в полном изнеможении сил принимал преподобный Амвросий ежедневно целые толпы людей и отвечал на десятки писем. Любовь и мудрость — именно эти качества притягивали к преподобному Амвросию людей. С утра до вечера шли к нему с самыми наболевшими вопросами. Он всегда разом схватывал сущность дела, непостижимо мудро разъяснял его и давал ответ. В продолжение такой беседы решался не просто один вопрос, в это время старец вмещал в свое сердце всего человека, со всем его миром, внутренним и внешним.

Прозорливость преподобного старца Амвросия сочеталась с даром духовного рассуждения. Старец часто делал наставления в полушутливой форме, чем ободрял унывающих, но глубокий смысл его речей нисколько от этого не умалялся.

Беседы преподобного Амвросия Оптинского с духовной дочерью

Не вы Мене́ избра́сте, но Аз избра́х вас (Ин. 15, 16). Эти Евангельские слова можно применить к нашему великому старцу, отцу Амвросию. Силой Благодати Божией, обитавшей в нем так явно для искренно почитавших его, он привлекал к себе не только тех, которые обращались к нему во всех скорбях и нуждах, прослышав о его великих духовных дарованиях, но призывал к себе и тех, которые не думали и не считали нужным и даже возможным обращаться к нему. Из числа последних была и я, грешная.

Мирская женщина, рано вышедшая замуж, я, кроме своей семейной жизни, ничего не знала. О монастырях, монахах

и их старцах хотя и слыхала и видала их еще в детстве, но имела самое смутное и даже превратное понятие, которое мне было втолковано такими же, ничего не понимающими людьми, как была и я сама. А узнавать что-либо подробнее о них не считала нужным, короче сказать — вовсе не думала о том.

При всей моей, согласной с мужем, жизни Господь часто посещал меня разными скорбями, то потерей детей, то болезнями.

Но во всю мою многолетнюю замужнюю жизнь ни разу мне не было так тяжело, безотрадно, как в 1884-й и последующие затем годы. Будто какая-то безпросветная туча нагрянули на меня скорби со всех сторон и сразу расстроили всю мою семейную жизнь. Потеря, вследствие дерзкого обмана, материальных средств, собранных многолетним трудом покойного мужа, настолько повлияла на него, что он нажил болезнь, так часто случающуюся в наш век, — постепенный паралич мозга, и при этом грудную жабу. Невыразимы были и его, и мои страдания. Между прочим, положение в свете, его служба, которую он в начале мог еще продолжать, и дочь, молодая девушка, требовали от меня, как мне казалось тогда, поддержки знакомств и светской жизни, что мне, при душевном моем расстройстве, нелегко было. К тому же еще, немалую скорбь и заботу составляло нам с мужем предполагавшееся замужество дочери за избранника нашего родительского сердца, впрочем, не без согласия на то и ее самой. Дело это, по-видимому не без причины, тянулось и откладывалось с году на год. Занятия молодого человека требовали постоянного его присутствия на месте его жительства, обещая ему блестящую будущность, за которой он гнался, как за привидением, и тем затягивал себя и нас. Но больше всех страдало от этого мое материнское, любившее и самолюбивое сердце, заставлявшее меня безрассудно тянуть дело.

На все же то была воля Божия. Не будь сего, не попала бы я к дорогому батюшке и никогда бы не знала и не увидала другой жизни, противоположной той, которую вела до той поры.

Раз (помню я, это было в начале зимы 1884 года — ровно

за два года перед тем, как мне попасть к батюшке) вернувшись с большого бала перед самым утром, с пустотой в сердце и тяжестью в голове, как это всегда бывает при подобных развлечениях, почти не помолившись Богу, я бросилась, утомленная, в постель и тотчас же забылась. И вот вижу в легком сне: очутилась я в дремучем вековом лесу, в таком, какой мне приходилось видеть только в панорамах. Шла я одна по утоптанной дорожке, которая скоро привела меня к какому-то строению, и я очутилась перед небольшими святыми воротами с изображением по сторонам святых угодников. Ворота были отворены, и я вошла в прекрасный сад. Шла я прямо по усыпанной песком дорожке. С обеих сторон были цветы. Скоро дорожка эта привела меня к небольшой деревянной церкви. Вошла я по ступенькам на паперть. Железная, окрашенная зеленой краской дверь церкви была изнутри заперта. Когда я подошла к ней, кто-то отодвинул изнутри железный засов и отворил мне дверь. Я увидала перед собой высокого роста старца, с обнаженной головой, в мантии и епитрахили. Он крепко взял меня за правую руку, ввел в церковь, круто повернул направо к стене, поставил меня перед иконой Божией Матери (Феодоровской, как я впоследствии узнала), коротко и строго сказал: «Молись!» Я и во сне, помню, поражена была наружностью старца и спросила его: «Кто вы, батюшка?» Он мне ответил: «Я — Оптинский старец Амвросий». И, оставив меня одну, он вышел в противоположную дверь церкви. Оставшись одна и помолившись пред иконой Царицы Небесной, пред которой меня поставил старец, я взглянула налево от себя и увидала гробницу или плащаницу. (Действительно, тут и лежит плащаница круглый год, кроме Великого Пятка и Субботы.) Я подошла к ней, помолилась, потом посмотрела назад на всю церковь. Это был чудный маленький храм с розовой завесой на Царских дверях, весь залитой как бы солнечным светом. И, странно, я очутилась вдруг посреди его, в белой рубашке, с распущенными волосами и босая, и так молилась и плакала, как никогда наяву. Вслед за тем я проснулась. Вся подушка моя была залита слезами. Странный небывалый сон

сделал на меня глубокое впечатление и заставил меня задуматься. Мысль же поехать или обратиться к старцу письменно не пришла мне тогда в голову. Но виденный мною сон не выходил и не изглаждался из моей памяти. С сего времени прошло еще два года телесных страданий мужа и моих душевных мук. Поездка его, больного, в столицу к знаменитым докторам, с тратой последних средств на лечение, не принесла ему никакой пользы, а лишь встревожила его. Решено было нами, наконец, не ездить больше.

Но вот Господь восхотел еще испытать до конца нас, для вразумления нашего. К нам в дом занесен был тиф через прислугу, и мы все перезаразились. Первый из семьи заболел тифом мой муж. Три недели могучий его организм боролся с грозившей ему смертью, но вынес. На двадцать первый день горячка оставила его, но сделалось осложнение. Неизвестно отчего заболела его пораженная нога, в верхней части которой образовалась опухоль, с острой болью по временам, особенно по ночам, которые больной проводил без сна, метаясь от боли из стороны в сторону. Притом нога все больше пухла и рдела. От докторов, не понимавших болезни, не было помощи. Больной лежал и страдал невыразимо. Решили почему-то наложить бинт на всю ногу. Был приглашен для этого хирург. При осматривании ноги, этот последний определил внутри ее нарыв и что нога полна гноя. Сделан был разрез на три вершка глубины, и выпущена материя. Больной получил облегчение, но далеко не выздоровление. Через несколько дней начались опять те же страдания — нога опять пухла. Пришлось в другом месте сделать прокол. Потом опять и опять прокалывали несколько раз, и ранки, выделив материю, затягивались. Дошло до того, что невозможно было дальше делать прокола. Все ранки, несмотря на тщательный уход, загнаивались, нарастало, как дикое мясо, и доктор сказал, что прокалывать больше невозможно. Больной лежал на спине три месяца кряду. Нога была как бревно. Нервы были так чувствительны, что прикосновение белья причиняло ему боль. Не выносил он малейшего шума. В комнату входила только я одна, и то в чулках по ковру. Опухоль ноги шла все выше и

выше. Я не выдержала и опять послала за доктором. Но тот, осмотревши ногу, отнял у меня уже всякую надежду на выздоровление больного. Вот тут-то мысль обратиться к молитвам великого старца в первый раз пришла мне в голову, что я тогда немедля и исполнила. А сделать это для меня было очень удобно. Я узнала, что одна моя родственница, духовная дочь старца, гостит в Оптиной. Я подробно описала ей состояние больного мужа, прося ее передать все батюшке и попросить его святых молитв. Написала также: «Думаю, что ему покажется странно, что мирская женщина обращается к нему, монаху, с этим». В таком случае просила ее передать ему мой сон про него. Через несколько дней после отосланного письма, переменяя положение ноги больного, я с ужасом увидала, что опухоль уже захватила низ живота. Притом страдания больного так были велики в ту минуту, что, не зная, чем их облегчить, я вздумала почему-то вдруг сделать бинт и перевязать около паха ногу. Больной от сильной боли не чувствовал, как я своими слабыми, неумелыми руками, насколько возможно, приподняла его ногу и в несколько раз обернула бинтом. Руки у меня тряслись. Туго сделать я боялась. И, конечно, мой бинт, пришедший почему-то мне в голову, был только утешением для меня самой. Но вот, не прошло и часу, как больной громко позвал меня, сказав: «Посмотри, что-то у меня все мокро кругом ноги». Открыв ногу, я увидела, что самая первая ранка, то есть первый прорез, сделанный доктором за три месяца до этого, который настолько зарос, что и знака его почти не оставалось, открыт во всю его бывшую глубину, и из него бьет материя фонтаном. Трое суток шла материя безпрерывно, после чего больной заметно стал поправляться в силах. Списавшись об этом со своей родственницей, как можно было подробно, я, к моему крайнему поражению, узнала, что день и час открытия ранки на больной ноге мужа совпадали с часом прочтения моего письма старцу моей родственницей. Настала весна. Здоровье мужа моего настолько поправилось, что он мог выходить на воздух.

Господь посетил нас новой скорбью и заботой. Неожиданно приехал жених нашей дочери. Его приезд и обрадовал,

и как-то испугал всех нас. Он объявил, что хочет покончить свою погоню за наживой, и уже почти покончил, с тем, чтобы женившись, поселиться вблизи нас в городе. У него были средства, но для семейного человека недостаточные, потому нужно было ему приискать службу, за что мы с мужем и взялись. Затем он уехал, чтобы, закончив все свои дела, через два месяца вернуться к нам совсем.

Оставшись с заботой после его отъезда, я в первый раз написала старцу сама. Не описывая дела подробно, так как боялась и ему открыть тайну, я назвала только имена дочери и ее жениха, прося его усердно помолиться за здоровье обоих. Очень скоро, сверх моего ожидания, я получила от батюшки такой же короткий ответ, как и мое письмо. «О таких-то, — писал он, — помолюсь. Но и ты молись сама — это принесет пользу и им, и тебе. *Многогрешный иеромонах Амвросий*». Тут же мне вскоре передали, что старец, выйдя на общее благословение, сказал при всех: «Я получил письмо из города N. от госпожи (назвал мою фамилию). Чудачка! У ее дочери, должно быть, есть жених, а они это даже и от нас скрывают». Прошло условных два месяца, а о женихе моей дочери не было и слуху. Недоумевая и безпокоясь, я письменно спросила его, почему он не едет и молчит, и, хотя не скоро, получила ответ, но какой? Не только я не узнала его в письме, даже и в почерке было изменение. Это просто было письмо или пьяного, или сумасшедшего. Оно разрушило все наши надежды, оставляя глубокую рану в сердцах наших. Я не хотела отвечать на его письмо, но меня к тому принудили мои. Безсодержателен, впрочем, был мой ответ тому, которого я уже считала как бы своим сыном, недоумевая, что с ним могло случиться. Душевные силы мне изменили на этот раз. Не зная, как справиться с собой, тем более что предстояло скрывать свою скорбь от близких и чужих, я придумала пойти пешком на богомолье к местному угоднику, в надежде телесной усталостью убить душевную муку. Для меня, не привычной к ходьбе, путь был неблизкий. Вышла я с горничной из дома рано утром, к самому дню памяти святого. Прошла верст пять. От непривычки ходить и от потрясенных горем нервов силы стали мне

изменять. К вечеру разболелась у меня голова, руки и ноги, и я едва дотащилась до места. Сделался жар во всем теле, и отнялась правая рука со стороны больного виска, чего прежде со мной не было. Придя в монастырь, где находятся мощи угодника (под спудом), я упала на первый попавшийся камень, не имея сил двинуться дальше и очень раскаиваясь, что, не рассудив о трудности пути и своих слабых силах, решилась на такое путешествие. Послала горничную поискать себе место в гостинице, но она скоро вернулась, сказав, что за большим стечением народа нет нигде свободного уголка. Пришлось идти в село, которое при самом монастыре, и там искать себе приюта. Там, в общем с другими богомольцами помещении, нашелся и для меня уголок: досталась мне одна голая скамья; да хозяйка из жалости ко мне, такой больной и слабой, дала мне свою подушку. От боли, почти не сознавая себя, я как была одетая, так и бросилась на скамью. Но крик гуляющего на улице народа и шум приходящих к моей хозяйке гостей не давали мне покоя всю ночь. К тому еще невыразимая боль всего тела не давала мне возможности удобнее лечь. К утру стих уличный крик, и я забылась легким сном, который меня перенес домой. Представилось мне, будто я в своей гостиной на диване. Но сон мой был так легок, что боль во всем теле и во сне ощущалась. Вдруг будто двери комнаты отворились, и ко мне подошел старец, монах. Протянув руки, он поднял меня, посадил и заботливо спросил: «Что у тебя болит?» Я, очень помню, ему ответила: «Руки и ноги, батюшка, а больше всего голова», — которую и положила ему на руки. Старец своими руками охватил мои больные руки и ноги, а по голове, по больному месту, три раза ударил. Тут я спросила кого-то, стоявшего за старцем: «Кто это?» И получила ответ: «Да это же старец Оптинский Амвросий». Вдруг голос моей хозяйки разбудил меня: «Уже пять часов, благовестят к обедне, пойдешь, барыня?» Я вскочила на ноги. Ни боли головы, ни боли в теле не ощущалось — я была здорова, бодрая, вся как-то ожившая. Я перекрестилась и, сполоснув лицо холодной водой, пошла в церковь, отстояла обедню, молебен с акафистом угоднику и

уже собиралась идти подкрепиться чаем, чтобы потом пуститься в обратный путь. «Как, — говорит моя горничная, — неужели мы, бывши здесь, не пойдем купаться в святом колодце угодника?» Я ей попробовала было сказать, что купальня от монастыря в четырех верстах, — туда и сюда будет восемь верст. А нам надо во что бы то ни стало к вечеру быть дома, так как муж мой, не совсем здоровый, станет тревожиться за меня. Но, вспомнив свое дивное исцеление старцем в эту ночь, пошла. Мы искупались. И так как на это потребовалось довольно времени, то я, почти не останавливаясь, зашла еще в церковь, приложилась к угоднику и, простившись с хозяйкой, отправилась в обратный путь, который и совершила так легко и бодро, что удивила всех своим ранним приходом. Вот тут уже я решила не смотреть ни на какие препятствия, а ехать в Оптину к старцу, батюшке отцу Амвросию, таким дивным образом призывавшему меня, грешную, к себе.

Первая моя поездка в Оптину устроилась в первых числах июля 1886 года. Отправилась я с одной моей родственницей, которая известна была старцу и приехала к нам погостить, и с моей дочерью. Все мы втроем, как сейчас помню, приехали в пустынь утром довольно рано. Наскоро напившись чаю в номере, мы поспешили в скит. Отпущена была я мужем с дозволением пробыть в обители только один день. От волнения, усталости и разных впечатлений голова моя кружилась — и немудрено. Дорожка, ведущая в скит, оптинский лес, святые скитские ворота — все было мной узнано, потому что все было точно так, как мне представлялось в первом моем сновидении, и глубоко тронуло меня. В отворенные ворота скита я увидела тот самый храм, в котором была во сне.

Войдя в старцеву хибарку, мы застали там множество народа. Теснота, удушливый воздух и вообще вся обстановка, по непривычке, сильно повлияли на меня. Батюшка скоро позвал всех нас трех вместе: родственницу и меня с дочерью. Я почти шаталась, когда вошла к нему. Взглянув на старца, я сразу его узнала; только выражение лица его в это время было иное, как представлялось во сне. Батюшка взглянул на меня строго и так испытующе, что я сразу смутилась и,

испугавшись, остановилась на пороге. Мои подошли первые, как будто они ничего не заметили. Батюшка же сказал мне: «Долго собиралась, чего медлила?» Я ничего ему не ответила, подошла, приняла благословение и стала пред ним на колени. Моя родственница начала было что-то говорить о себе, но батюшка, обратившись к моей дочери, спросил: «Ты имеешь что-нибудь сказать мне?» А та, сильно смутившись, только ответила: «Мать вам все скажет». Дочь моя с родственницей вышла, и я осталась со старцем наедине. Смутившись также не менее дочери, я растерялась и начала говорить с конца, забыв, что старец видит нас в первый раз, и потому с нашими обстоятельствами должен быть незнаком. Я начала говорить о неприятном, поразившем меня, письме жениха моей дочери, о непонятном для нас его поведении и о своем оскорбленном самолюбии. Батюшка, не дав мне договорить, сказал: «Зачем отвечала?» Я сослалась на то, что была вынуждена своими. «Ну, впрочем, — прибавил он, — твое письмо ничего не значит». В том и другом случае старец сказал правду, хотя я еще не успела высказать ему ни о своем ответе на письмо жениха моей дочери, ни о безсодержательности этого ответа. Все это, оказалось, он знал по своей прозорливости. «Бог отвел его от твоей семьи, — продолжал говорить старец, — он небогомольный, не по твоей семье. Ведь он... — тут старец назвал его занятие, — они все такие небогомольные. Если бы состоялся брак, он через четыре года бросил бы ее». На мое возражение, что он человек хороший, бывает в церкви и из хорошей семьи, батюшка сказал: «Был хорош, мог измениться. Ходит в церковь, — а зачем? Это не кровь и не плоть твоя, — чего ручаешься? Ты во всем виновата. Какая глупость была — тянуть дело столько лет!» Батюшка и это знал без предварительного о сем объяснения. «Бросить теперь же все, не писать и не узнавать о нем! — сказал старец строго. — Забудешь, — прибавил он мне еще в утешение, — все пройдет. Нападет на тебя тоска, читай Евангелие. Ступай! Слышишь! Отнюдь не узнавать о нем!»

Я вышла от старца. В душе у меня все перевернулось. Мне казалось, что он разрушил все мои надежды. Позвали мою

дочь, но она скоро вышла от старца задумчивая. На мои к ней слова, что я так смутилась, что не могла ничего высказать батюшке, и она также мне ответила: «И я ничего не сказала о себе». Рассуждая так между собой и стоя спиной к дверям, мы не заметили, как вышел старец сам за нами. Ударив нас слегка палочкой по головам, он сказал: «Ну, этот мудреный народ насильно отсюда не прогонишь». Мы обе в один голос сказали: «Батюшка, мы обе ничего вам не высказали». — «Ну, приходите в два часа», — заключил он.

Выйдя, помнится мне, из хибарки и сев на скамейку около скита, я горько, неутешно заплакала. Сердце мое разрывалось от разрушенной надежды. Мне казалось невозможным, что батюшка велел сделать. Дочь же моя была покойна и весела, у нее как бы вся скорбь отлегла. Впоследствии она передала мне такие к ней старцевы слова: «Не говори матери, — твой жених пропадет совсем». Это и случилось на самом деле и очень скоро — его постигла ужасная участь. Кроме того, впоследствии оказалось за ним тридцать тысяч долгу.

Пришедши в два часа к старцу, я приготовилась немного кое-что сказать ему, но батюшка, несмотря на доклад келейника, не принимал меня. Я села на порожке, подле иконы Божией Матери «Достойно есть», и решилась ждать. Толпа опять нахлынула. Тут были монахини и мирские, давно и только что приехавшие. Всех брали, а я все сидела. Батюшка не выходил для общего благословения и меня не брал. Я ждала, несмотря на усталость, мои же ходили, отдыхали и опять приходили. А я все сидела. Голова моя туманилась от непривычной обстановки. Но вот в толпе я услыхала, что приезжим можно у старца исповедоваться и не приобщаясь Святых Христовых Таин. Я попросила келейника передать старцу мое желание исповедаться у него и получила через него же ответ: «Хорошо». Опять осталась я ждать, но время проходило, а меня не звали. Я прождала ровно восемь часов кряду и батюшку не видала.

В 10 часов вечера нас позвали к батюшке в келью на общее благословение. Все кинулись туда. Я попала одна из первых — народом меня толкнуло прямо к старцу в ножки.

По своему обыкновению от усталости он лежал на койке. Узнав сейчас же меня, он пригнул мою голову к кожаной подушке, на которой лежал, и положил свою левую руку на меня. Локтем прижал мою голову к подушке и так стал благословлять весь народ. Я задыхалась. При моей малейшей попытке приподняться, батюшка еще крепче меня прижимал. Наконец, благословивши всех, он поднял голову мою, перекрестил меня и сказал: «Приходи завтра утром, а в 12 часов, пообедав, выедешь из Пустыни». На другой день, утром, когда я с дочерью вошла к старцу, он спросил: «Тут кто-то желал исповедаться?» Я изъявила свое желание, и моя дочь тоже. Батюшка оставил меня; на мое признание — «Во всем грешна», он спросил: «А лошадей крала?» Я ответила: «Нет». — «Ну вот видишь и не во всем», — сказал старец, улыбнувшись. На мои слова, что совсем не умею исповедоваться, батюшка заметил: «От исповеди выходишь как святая».

Отпуская меня, старец строго повторил вчерашнее и еще добавил: «Видишь, у нас была одна такая теща. Зять придет пьяный, а она его от дочки прячет, чтобы дочь пьяного мужа не видала и его не укоряла. А еще одна, — продолжал батюшка, — привезла к нам дочку просить благословения на замужество. Сама в молодости была красива, а вышла за некрасивого; дочке же нашла жениха рослого и красивого. (Жених моей дочери был рослый и красивый.) А дочка ее, приехав ко мне, увидала монастырь да монашенок, с ними и осталась. У твоей дочери и еще жених будет, — продолжал говорить мне старец, — но опять ничего не выйдет — ей назначен не тот». Батюшка говорил мне прямо, не скрывая своей удивительной прозорливости ни в моем настоящем, ни в будущем. Не могла я в то время вдруг всего понять и вместить в себя: настоящее понимала смутно, будущее узналось впоследствии. Старец отпустил меня с тем, чтобы перед отъездом моим еще позвать.

Размышляя о всем сказанном старцем, я решила, что у моей дочери, должно быть, будут два жениха, а выйдет она за третьего. Но и этот помысл мой не скрылся от прозорливого старца. Когда я в последний раз вошла к нему с дочерью и

родственницей проститься, он, указывая на дочь, сказал: «Ей назначен и не тот, и не то». Отпуская нас и указывая на мою родственницу, батюшка сказал: «Это первое отделение, — на мою дочь, — второе, а ты, — прибавил он, — третье. А знаешь, что делают в третьем отделении? Секут».

Отпуская нас, старец благословил иконочками и дал нам с дочерью книгу: «Царский путь Креста Господня». На мою просьбу его святых молитв сказал: «Буду молиться — не проси». Но я добавила: «Если, батюшка, устроится все по моему желанию, то я отдам вам свою волю», — сама, впрочем, не зная, что говорила. Батюшка улыбнулся и сказал: «Ну, с тобой-то мы еще успеем поговорить». Я попросила батюшку ради Бога, чтобы никто не знал того, о чем я с ним говорила, но он опять, улыбнувшись, сказал: «Твой секрет на весь свет». Мы поехали. Когда я была на пароме и случайно взглянула на часы, было 12. Тут вспомнились мне вчерашние слова старца: «Выедешь в 12 часов дня из Пустыни».

Приехавши домой, сначала под впечатлением всего виденного и слышанного, я была покойна духом, но потом чем дальше, тем труднее становилось мне. Страшная тоска напала на меня. Вспомнилось мне и предсказание старца о ней, и я взялась за чтение Евангелия, но от наплыва мыслей даже не понимала, что читала. Страх чего-то и кого-то напал на меня. В душе ощущалась борьба. Воображалось, что ради послушания старцу я добровольно разрушаю счастье дочери. Я разболелась душой. Днем ходила как потерянная. Ночью одолевали меня страшные сны. Один из них особенно смутил меня, потому что сбылся. Потерпев немного, я написала старцу, но неоткровенно, а поверхностно. Ответа не имела. В октябре, на короткое время и одна, выпросилась я у мужа поехать в Оптину, на что он согласился, хотя не совсем охотно. Приехав в обитель, я пошла к старцу. Вдруг стало мне стыдно, что я так скоро приехала опять. Войдя к нему в келью, я сказала: «Батюшка! Вы меня не прогоните?» На что получила ответ: «Мы никого от себя не гоним». Он взял меня одну. И как только я осталась наедине со старцем, какой-то мир душевный, забывчивость и вместе лень напали на меня.

Все мои скорби показались мне таким пустяком, что стыдно было утруждать батюшку откровением всего этого. Так я ему ровно почти ничего и не сказала, и не объяснила толком ничего, что незадолго пред тем испытывала. Получила только на все один ответ старца: «Ты его любила (жениха дочери), от того и искушение».

Вечером пошла к нему проститься. Батюшка лежал. Народу почти не было, и он был свободен. Я попросила его, чтобы он отпустил меня домой. Он сказал: «Бог благословит, поезжай». Я попросила его научить меня молиться. Батюшка сказал: «Молись так: Господи Иисусе Христе, помилуй нас троих и сотвори в нас троих святую волю Свою. Слышишь? Иначе не молись». Опять это мне было сильно не по сердцу. Я молилась и просила всегда у Господа, чего мне хотелось.

Вернувшись домой так, как потом — слыхала — говаривал сам батюшка: «С чем приехала, с тем и уехала», и не получив от старца ни утешения, ни наставления за невысказанное мной ему смущение, я стала вдвое больше тосковать. К тому же и страх чего-то стал нападать на меня вдвое больше.

Видя меня такой изменившейся и расстроенной, очень близкая ко мне особа, одна знавшая наши домашние дела, у которой моя дочь почти выросла на руках, стала меня смущать просьбой — разрешить ей хотя узнать (вопреки старцевой заповеди «не узнавать»), что случилось с женихом моей дочери. «Ну, положим, — говорила она, — вы уже считаете старца за святого и связаны его словом, а я-то при чем тут? Наконец, мне ваша дочь также близка, и я хочу знать, что с ним сделалось». Искушение для меня было слишком велико. Я поддалась, точно разум был отнят у меня, и сказала: «Ну, делайте как хотите». Скоро я почувствовала и упрек совести. Ведь могла же я удержать ее своим несогласием, и она бы меня послушалась. Наконец, не все ли это было равно, кто бы из нас ни написал — она или я. Да и он хорошо это знал.

Наказание за непослушание старцу не замедлило воспоследовать: ответ был получен. Письмо было полно отчаяния: писали — просили спасти от неминуемой ужасной смерти, для чего требовалась высылка порядочной суммы денег.

Обращались с просьбой ко мне. Неопытная, доверчивая, непривыкшая к столкновениям с разнородными людьми, я поверила, тронувшись безвыходным положением молодого человека. Но предварительно послала его письмо целиком к старцу, прося у него благословения помочь находившемуся в беде, с вопросом, впрочем, — как поступить. Батюшка ответил мне телеграммой, значения которой я тогда не поняла. Спрашивать еще, мне показалось, будет долго: побоялась, как бы что не случилось с ним. Деньги наши — последние крохи — были у нас на руках. Я спросила своих — послать ли; мои согласились. И я послала, не написав при этом почти ничего, в надежде, что сами догадаются уведомить меня в получении денег и выслать обеспечение в них. Но этого ничего не было. Мне почувствовался обман. Я поехала к старцу и, припав к нему, с раскаянием сказала: «Простите, батюшка, я вам не поверила». С какой любовью и сожалением он обратился ко мне: «Отчего же ты мне не поверила? Впрочем, это вам всем полезно — лучше будете разбирать людей».

Я осталась тогда около старца пожить некоторое время, чтобы отдохнуть от всех передряг. Раз, я помню, меня позвали к нему утром. Но лишь только я стала на колени перед батюшкой, как он встал и ушел в свою спаленку. Я как стояла на коленях, так и осталась подле его постельки в раздумье — куда же это батюшка ушел. Старца долго не было. Наконец он вернулся и, подойдя ко мне, хлопнув меня по голове, сказал: «Монашкой будешь, только не спеши». Какая-то радость и вместе испуг почувствовались мною от слов батюшки. Я не могла понять, как это может быть. Муж мой был жив, и еще дочь была на руках. «Я боюсь», — был мой глупый ответ старцу. — «*Тамо убоя́шася страха, иде́же не бе страх* (Пс. 13, 5)», — сказал он мне из Псалтири. Я же продолжала: «Я и так, как стала ездить к вам, чего-то стала бояться: на меня нападает страх молиться, в темную комнату боюсь войти — кто-то пугает меня; книги мирские не могу читать — всюду мне попадается против религии, и я вся смущаюсь, дала себе слово уже больше ничего не читать; прежде же я этого ничего не замечала и читала спокойно». — «Это все

у тебя искушение, все скоро пройдет, — сказал на слова мои батюшка, — читай три раза в день 90-й псалом: Живый в помощи Вышняго».

Еще раз, на общем благословении, монахини при мне стали делать вопросы старцу относительно их монашеской жизни. Мне, ничего этого не понимавшей, показалось до того мелочным и глупым, что я подумала — возможно ли и как не совестно спрашивать о таких пустяках старца. Оставшись с ним одна, я высказала ему это. А батюшка мне ответил: «Не осуждай — из мелочей составляется крупное, — и добавил: — Сама такая же мелочная будешь и спрашивать станешь обо всем». Мне подумалось: «Ну, я до этого не дойду».

В этот раз батюшка оттягивал мой отъезд, оставил меня пожить подле себя. Мне он сказал: «Я буду тебя брать, когда придется, и мне будет свободно, а ты сиди в хибарке, моя хибарка всему тебя научит — и терпению, и смирению». Правду сказал батюшка. В этой хибарке мне пришлось многое испытать, потерпеть и многому научиться.

Уезжая в этот раз от него, я сказала: «Батюшка! Я что-то привязалась к вам». Батюшка поднял ручку и погладил меня слегка по лбу. Я продолжала: «Только я боюсь избаловаться подле вас, дома мне очень трудно живется, а здесь хорошо». «Нет, — сказал батюшка, — ты подле меня не избалуешься».

Не скоро мне потом пришлось поехать к батюшке. Прошло месяца три с лишком. У меня вдруг умерла мать, очень старая женщина. С ней случился удар, вследствие чего она осталась без языка. Впрочем, священник успел ее особоровать и приобщить Святых Христовых Таин. Меня смущала мысль, в полной ли она была при этом памяти. Схоронив ее, я тотчас же поехала к старцу. Меня к нему позвали. Не дав еще мне переступить порог кельи, батюшка спросил с безпокойством: «Что с тобой случилось?» Я сказала, что у меня умерла мать, завтра ей девятый день, и высказала при этом, что меня тревожило. «Она была в полной памяти, — утвердительно сказал старец, — иначе священник не приобщил бы ее». И напомнил мне одно обстоятельство при смерти моей матери, ясно доказывавшее, что, умирая, она была в памяти, мной

же это упущено было из вида. Тогда я совершенно успокоилась, удивляясь прозорливости старца.

Но чем дольше я оставалась при батюшке, тем более и более нападали на меня искушения. Сидя целый день в хибарке, я стала смущаться всем слышанным кругом. Разные глупые, непрошеные мысли стали осаждать меня. Высказать же их старцу, казалось мне, стыдно невозможно, но от этого мне становилось все труднее и труднее, и все мне сделалось в соблазн. Я мучилась и молчала. А прозорливый батюшка следил за мной и спустя некоторое время на общем благословении вдруг сказал мне: «Оставь свои дурные мысли, а то разболится у тебя голова». Он так поразил меня этим, что я сейчас же попросилась к нему и спросила: «Почему вы, батюшка, знаете, что у меня дурные мысли?» Он ласково улыбнулся и сказал: «Бог еще больше знает». Столько мне давал отец мой, но я, безтолковая, не понимала, и не верила ему, и не знала, как мне поступить.

В этот же мой приезд батюшка обличил меня на общем благословении — и как! Вышел он, по обычаю, к нам в хибарку и сел на диванчик. Нас было не особенно много. Ближе всех к нему стояла на коленях одна пожилая и всеми уважаемая монахиня, давнишняя духовная дочь старца. Батюшка взял ее голову себе на колени и, ударяя ее по голове рукой, стал говорить, ни на кого не смотря: «Мать Е.! Тебе трудно попасть в святые: ты ничему не веришь, ничего не видишь и ничего не понимаешь, что для тебя ни делай». — «Батюшка, — сказала та удивленно и с огорчением, — Господь с вами! Что вы это говорите? Когда же я вам не верила?» Но батюшка, не слушая ее, продолжал, обращаясь к ней, обличать меня. Он тут высказал все то, что было скрыто в моей душе. Я стояла как приговоренная, краснея и не зная куда деваться. Монахиня же пробовала оправдываться. После, я слышала, она говорила: «Каково же мне батюшка сказал! Что он заставил меня потерпеть! И это потому, что ему нужно было обличить кого-то в толпе, а он обратил все это на меня». При этом батюшка тут же еще сказал: «Смотрите, крепко беритесь и держитесь за мою мантию, чтобы не было

так: раз одна ухватилась за старцеву мантию, он ее и понес через пропасть. Но когда она увидала и дочь свою, ухватившеюся за нее, то стала отрывать ее, и обе оборвались и полетели в пропасть». Это сказано было тоже мне в предупреждение.

После всего этого пришло мне сильное желание высказывать старцу все, но я не умела за то взяться. Попрошусь к нему, да то одно, то другое забуду. Обладая вообще хорошей памятью, я недоумевала, почему у старца я все перезабуду и не смогу ему сказать. Встретилась однажды в Оптиной с одной моей знакомой, очень говорливой особой, совету которой я никогда бы не последовала, считая себя, как мне казалось тогда, умнее ее. Разговорившись однажды с ней, я высказала ей, что все нужное всегда забываю сказать старцу. На что услышала от нее такой ответ: «Да это и со всеми так бывает; надо записывать, что сказать — враг крадет». Я ей не поверила. Но когда я в тот же день пришла к старцу на общее благословение, он разглядел меня в толпе и, подозвав, серьезно сказал: «Подумай ты, кто был апостол Петр, а и тот послушался пения петуха и покаялся, а кто был петух — птица». Ясно поняла я, что́ этим хотел сказать мне старец, то есть что апостол Петр, услыхав пение петуха, который напомнил ему грех отречения, покаялся, а я не хотела послушать человека, говорившего мне истину, гордилась против нее, не желая следовать ее совету. Отпуская народ, старец стукнул меня палочкой по голове и сказал: «А ты, дурак, записывай». С тех пор я стала записывать понемногу и неумеючи. Но тут родной батюшка учил меня с терпением и любовью, как надо записывать.

Скоро пришла мне мысль рассказать старцу всю свою жизнь и грехи с семилетнего возраста зараз. Пришедши к нему исповедаться, я высказала ему эту свою душевную потребность и с полной верой сказала: «Вы, батюшка, сами мне помогите: я многое забыла и не могу всего сказать». Началась страшная и до той поры непонятная и неведомая мне исповедь. Все забытое, недосказанное и непонятное мне говорил сам старец. Вся моя жизнь, моя душа были открыты перед

ним, как открытая книга. Ему было все известнее, чем мне самой. По мере вины и обстоятельств он или оправдывал, или обвинял меня. Тут он даже сказал мне один грех, которому, мне казалось, я и непричастна была. Огорчившись, я сказала ему: «Батюшка! В этом случае я даже и не думала ничего дурного; разве я к вам с обманом пришла!» — «Нет, — сказал мне кротко батюшка, — не с обманом. Да ты не думай об этом, я так сказал — забудь». Взглянув при этом на старца, я увидала батюшкины глазки. Они были открыты во всю их величину, полны необычайного огня и смотрели прямо мне в сердце. Я ушла, но мысль о сказанном мне старцем грехе не давала мне покоя. На другой день я опять попросилась к нему и сказала: «Батюшка, вы вчера смутили меня, я ничего не знаю за собой». — «Я тебя не смутил, — ответил мне старец, — но хотел... — и, не договорив, повторил — забудь». После того я строго стала следить за каждым своим поступком и мыслью. И вот скоро ослепленная до той поры, душевные мои очи открылись, и я увидела, что действительно неведомый мной грех, о котором напомнил мне старец, был, — в чем я и созналась перед ним.

Случилось со мной, помнится, еще большее искушение. Я готовилась к принятию Святых Таин Христовых. Исповедалась и осталась, по своему обыкновению, слушать бдение в хибарке у старца. Был канун какого-то праздника. Народу было много на нашей женской половине. Слушая службу рассеянно и предавшись разным мыслям о всем мной виденном и слышанном, я так вдруг все растеряла и так все у меня перевернулось в голове, что на минуту все забылось, что давал мне мой отец, и страшное сомнение в прозорливости старца, совсем уже ни на чем не основанное, вкралось на минуту в мою душу. Более меня опытный в духовной жизни понял бы и отогнал непрошеную мысль. Я же перепугалась и стояла рассеянно. Мысли больше и больше путались. Началось чтение кафизм. Вдруг, без предварительного уведомления келейника, показался на пороге старец в беленьком балахончике, с накинутой на плечах короткой мантийкой, как молился. И вышел он теперь не так, как делалось всегда, — помолится

сначала на икону «Достойно есть», или «Милующую», и пойдет благословлять. Нет. Он на пороге остановился, взглянув куда-то выше наших голов, к печке, и стоял так с минуту. Глазки его были полны необыкновенного огня и грозны. Все мы вздрогнули, так как все до одной заметили это. Затем батюшка сошел с приступок и стал спокойно всех благословлять направо и налево. Дойдя до меня, он неожиданно сел на стул, за которым я стояла. Когда таким образом очутилась я подле старца и стала пред ним на колена, все искушение от меня тотчас отлетело, глубокое раскаяние в моей непрошеной мысли охватило меня. Батюшка же приподнял свою палочку и, постучав ею крепко об пол, сказал: «Уж я прогоню эту черную галку», — и встал. Тогда я сказала: «Батюшка! Возьмите меня на минутку — я к завтрему готовлюсь». Но старец перекрестил меня большим крестом и ласково сказал: «Ну нет, не могу: завтра придешь».

Наутро приобщившись Святых Христовых Таин, я пошла к батюшке с твердым намерением рассказать все смущавшие меня против него помыслы, несмотря на то что после всего, дарованного мне им, мне было перед ним стыдно, и я не знала, как начать говорить. Старец сейчас же меня принял. Он лежал на своей постельке. Личико у него было такое светлое, веселое. Я подошла и, став на колена, сказала: «Простите меня, батюшка». Батюшка перекрестил меня и так скоро, весело мне сказал: «Бог тебя простит». Мне почувствовалось на душе легко. Батюшка не спросил меня, в чем я была виновата, и ничего не дал мне сказать. Но, приласкав меня, крепко дернул за колокольчик, а вошедшему келейнику велел позвать приехавших издалека каких-то монахинь. Меня же оставил стоять подле себя и, положив головку на мою голову, говорил с ними, а потом всех нас отпустил. Я вышла радостная, недоумевая только, почему я так легко отделалась. Батюшка до той поры всегда спрашивал, в чем я чувствовала себя виновной. А когда, бывало, скажешь: «Что вам говорить? Вы сами все знаете». — «Я-то знаю, — ответил он, — да ты-то говори». А тут батюшка прямо простил, и совесть моя успокоилась.

Прошло после этого дня три, и я уже все забыла. Батюшка вышел днем на общее благословение и сел на диванчик во второй комнате. Не ожидая, что он сядет, я осталась назади. За множеством народа не попала близко к старцу, стояла у притолоки и смотрела на него. В толпе, однако же, он нашел меня глазами и, улыбнувшись, стал рассказывать: «Был у меня знакомый протопоп. Пришел к нему однажды его духовный сын исповедаться и после исповеди согрешил — соблазнился и украл протопопову дорогую шапку с бобром. Придя же домой, поразмыслил — как же я буду приобщаться. Пошел опять к своему духовному отцу и просил прощения, но не сказал, в чем согрешил. Протопоп тоже не спросил и отпустил ему грех. Когда же он ушел, тогда только протопоп спохватился, что обокраден и шапки его нет». При этом батюшка прищурил глазки и пристально поглядел на меня. Я же сейчас поняла, в чем дело, попросилась к нему и рассказала все чистосердечно. Он посмеялся этому и вторично все мне простил.

Когда случалось долго не быть у батюшки, а потом, бывало, мы с дочерью приедем, он всегда встречал нас словами: «Ну, приехал к нам мудреный народ, теперь не разевай рот — живо подхватит». Еще скажет, бывало: «Одна насесть, да не одна от нее весть». Это когда в душевном настроении случалась какая-нибудь перемена, батюшка сейчас, бывало, заметит. Когда долго не берет, и заскорбишь, он скажет: «Чтобы я принял, надо быть поблагоговейнее». И сейчас увидишь, что в то время была рассеяна умом. Любил, чтобы во время церковных служб мы бывали в церкви, и говаривал: «Я богомольных скорее беру, а терпеливых уважаю».

Взяв меня на свои ручки и сказав: «Ты при мне не избалуешься», — батюшка постоянно следил за мной, ни одного моего помысла, ни одного движения души моей не пропускал без внимания. Раз тоже я долго гостила около него. Пришла к нему однажды днем довольно рано. Батюшка после обеда еще отдыхал. В хибарке почти никого не было. Я села в первой комнате. На диванчике сидела С., игуменья старушка, приехавшая издалека, да еще две монахини из разных монастырей. Начался

между ними разговор касательно их монашеской жизни. Рассказывались разные случаи. Я участия, конечно, не принимала в нем и, ничего не понимая в монашеской жизни, только соблазнялась их рассказами. Осудив их за это в душе, я решилась лучше уйти от греха в другую комнату, где находится икона Божией Матери «Достойно есть», или «Милующая». В этой комнате я с самого своего приезда сиживала. Удалившись сюда, я еще подумала: «Там, в других комнатах, нечего сидеть — всегда налетишь на такие разговоры, которые тебя расстроят». Вдруг дверь отворилась, и на пороге показался батюшка. Строго окинув меня глазками, когда я поклонялась ему в ножки, он сказал: «Ты зачем здесь? Твое место там, — и указал на следующую комнатку, — тут сидят только по моему благословению, а тебя я не благословлял». Я перепугалась и переконфузилась. Сказано было строго и при всех. Пришлось удалиться в следующую комнату, где с той поры я и сидела. А пришлось мне там посидеть долго. Батюшка меня не брал и, проходя, не обращал на меня никакого внимания. С той поры редко даже благословлял, и как я к нему ни просилась, меня не звали.

Не помню, собственно, сколько времени так продолжалось, но верно знаю, что довольно пришлось мне потерпеть. К тому же сидеть здесь было гораздо теснее и душнее, чем в первой комнате. А еще, сидя здесь почти целые дни и домогаясь как-нибудь попасть к старцу, я стала, что называется, всем глаза мозолить, всем казалась помехой. Видя мое утомленное грустное лицо, стали надо мной подсмеиваться. Меня осуждали в глаза, безцеремонно замечая, что прежде старец часто меня брал, а теперь оставил, перетолковывали это по-своему. Одна так прямо даже сказала, что она видит по моему лицу, что у меня невысказанный старцу тяжелый грех на душе. Я все крепилась, терпела, хотя частенько втихомолку горько плакала. Все бы мне не так тяжело было переносить это, если бы, как мне казалось, не было полного оставления меня со стороны старца. Батюшка как будто не видел и не замечал меня. Только в это время, когда меня так оскорбила эта особа своим предположением о тяжком грехе моем, я попросилась

к батюшке, он и позвал меня. Я ему сказала про оскорбление, но не хотела назвать сказавшую это. Думаю, уж пускай буду терпеть одна, а чтобы ей за меня досталось от батюшки — не надо. Так тяжело было у него быть под наказанием. Но батюшка мне прямо ответил: «Да это та, что гостит у М. К., да она глупа, а ты не разобрала это. Иди!» Опять родной батюшка холодно меня отпустил. Я все ждала, что это пройдет. Больше и больше разбирала меня тоска, и я наконец решилась уехать совсем и больше сюда никогда не возвращаться. Думаю себе: дольше живешь, к батюшке больше привязываешься, от своей мирской жизни отстаешь, а эта жизнь так тяжела, так она трудно мне дается — я ничего не понимаю, видно, я неспособна, не гожусь для духовной жизни, от того батюшка меня и бросил. Но, с другой стороны, привязанность моя к старцу была уже так велика, что я отчаянием придумывала, как бы мне уехать так, чтобы батюшка не догадался, что я прощаюсь с ним навсегда, — так скрепиться, чтобы не расплакаться.

Я придумала через келейника передать батюшке, что меня зовут домой и я прошусь войти к нему проститься. Думала себе: войду на минутку, приму благословение в последний раз и больше не вернусь. Так жить больше невозможно. План мой созрел, и решение было твердое. Но от прозорливого старца не скрылось мое намерение. Вышедши к нам на общее благословение, он опять прошел мимо меня, не взглянув даже в мою сторону, но, возвращаясь назад, он торопливо вдруг выхватил меня из толпы, вложил мне в руку свою палочку и сказал: «Ну, ты-то иди вперед», — и сам повел меня, поставил пред иконою «Достойно есть» и ласково сказал: «Обожди немного, ты мне нужна, я тебя сейчас позову».

Дав мне с минутку оправиться, старец позвал меня и, еще непредваренный о моем отъезде, сказал: «Ты едешь домой? Я тебя прошу — возьми с собой одну сиротку. Она невеста. Ей надо сделать приданое. Она никого не знает, к кому бы обратиться. Возьми это на себя, пожалуйста. Вот деньги. Закажи ей все необходимое и пригляди, чтобы все было сшито. Тогда приедешь, скажешь, что сделала». Я ничего не

сказала батюшке об испытанном мной горе, так как не была еще настолько откровенна с ним. Да притом же оно у меня все сейчас же и прошло. Ничем не мог меня старец так утешить, как поручить мне от себя дело, и такое святое. Поручение это, конечно, и было мной исполнено.

Не попускал мне старец долго смущаться и заочно, вдали от него, разрешая мои недоумения. Несколько раз приходилось мне испытывать это. Однажды, помню, я очень скорбела. Много было у меня горя и недоумений, как поступить в затруднительном положении. Много раз писала я старцу, но он оставлял меня без ответа. И вот стал меня смущать помысл, что старец, не читая моих писем, бросает их. «Не стоит, значит, и писать», — сказала я себе. Но я, грешная, забыла в ту минуту, как старец раз при мне разбирал свою почту: брал в руки письма и, не распечатывая, одни бросал подле себя на пол, говорил: «Эти — требующие немедленного ответа», — а другие клал в сумку, приговаривая: «На эти можно подождать отвечать». Все это старец знал, не читая еще писем. Но к делу. Стоило мне только смутиться на старца, как пришлось скоро и раскаяться в том. Получаю из Оптиной от своей родственницы письмо. Она мне пишет: «Так давно не была я у батюшки. Так много накопилось на душе. И вот наконец попала. Батюшка позвал меня к себе. Войдя к нему и став на колени, я приняла от него благословение. Но только хотела говорить о себе, как он вынул какое-то предлинное письмо из-под подушки, на которой лежал, и стал его читать, совсем углубившись в него, забыв и про меня. Прочитав его, он сказал мне: «Получил письмо от... (тут названо было мое имя), надо прочитать, что пишет». Хотя и самой мне очень нужно было заняться с батюшкой, но до того мне приятно было видеть любовь и внимание старца к тебе, что я не вытерпела и сажусь тебе это написать». Вот я и получила, хотя через постороннее лицо, ответ на мое неверие, что старец читает мои письма, и перестала на него смущаться.

Еще в одном обстоятельстве встретила я затруднение. По-моему надо было сделать так, а старец благословлял иначе.

Помысл говорил мне — не послушаться. Но вот вижу я во сне старца. Будто нахожусь в Оптиной, в приемной его хибарке, стою пред ним на коленях. Он меня благословляет и говорит: «Я тебя и приласкаю, и проберу за непослушание». Я испугалась сна. Приехав потом к батюшке, я рассказала ему этот сон. А он и говорит мне, смеясь: «Ведь ты все не слушаешься». Я ответила: «Нет, я буду слушаться». — «Ну, — сказал батюшка, — будешь слушаться и хорошо тебе будет». Так во сне батюшка удержал меня от непослушания.

Еще однажды заявилась ко мне от имени старца одна молодая девушка, которой будто бы он благословил до приискания места пожить у меня. Но мой вопрос, привезла ли она письменное доказательство от старца, она сказала: «Старец говорил одной монахине, знакомой вам, написать мне ваш адрес для удостоверения, но та почему-то объяснила его только на словах». При этом девушка сказала, что ушла к старцу тайком от родных из столицы. Видя ее такой юной, остриженной в скобку, без всякого багажа, кроме маленького саквояжика в руках, я сильно усомнилась, прислал ли ее ко мне батюшка (то было время нигилистов); потому что вполне была уверена, что старец, не сказав мне предварительно, никого ко мне не присылал. Поэтому я, не отказав ей совсем, просила только обождать несколько дней, пока я могу устроить ее у себя. Сама же думала выгадать время, дабы письменно спросить о ней старца. Молодая же девушка поместилась пока у одной старушки на короткий срок. Но не прошло и дня, как она рано утром является ко мне совсем, говоря, что старушка держать ее не хочет. Был в это время какой-то большой праздник, и я собиралась идти в церковь, потому сама к ней не вышла, а велела через прислугу отказать, что меня нет дома. Она ушла. Но не прошло и десяти минут, как с почты получаю письмо от одной моей родственницы монахини. Она пишет: «Была я на днях в Оптиной. При мне батюшка послал к тебе молодую девочку-барышню. Занявшись с ней, он сказал ей: «Возьми адрес у В. Б. и ступай в N. к такой-то (мое имя). Она тебя направит на путь истинный, то есть схлопочет тебе местечко». Опять скорый ответ от родного батюш-

ки на мое сомнение. Я тотчас же вместо церкви полетела за молодой девушкой, которую обидела в такой великий праздник, не приняв ее к себе в дом, и уже безотлагательно переместила ее к себе. А затем, видя перед собой, так сказать, только взрослого ребенка, я была в недоумении — какое же место благословил ей старец искать; потому, как только дела мне позволили, взяв ее с собой, повезла к старцу. Тотчас же по приезде мы вместе с ней позваны были старцем. Тут же находилась у него настоятельница Шамординской общины. Старец, благословив нас, спросил молодую девушку, где же она думает устроиться и как. А та ответила: «Возьмите меня, батюшка, к себе в обитель, прошу вас». — «Что же ты думаешь там делать?» — спросил еще батюшка. — «Все, что заставят», — ответила она. — «В огороде землю копать будешь? Капусту рубить?» — «Буду все, что заставят», — сказала она. Старец обернулся на мать настоятельницу и сказал: «Ну, чем круче, тем лучше. Вот тебе мать, — сказал он девушке, — а вот тебе дочь», — сказал затем начальнице. Я стояла как громом пораженная. Такого исхода для нее я никак не ожидала и испугалась монастыря. Видя меня такой смущенной, батюшка хлопнул меня по щеке, и так как я уже стала к девушке привязываться, то он сказал: «Ну, пусть она пока побудет с тобой несколько дней, а ты у меня погостишь». Я же, оставшись одна со старцем, об одном только просила его, чтобы по крайней мере девушка была в игуменском корпусе, сама не зная, почему этого желала. И старец исполнил мою просьбу. Таким образом я нашла девушке местечко, быв тут лично ни при чем.

Благодетельствуя мне так много по милости своей, старец за грехи мои, а главное за невысказывание их, и наказывал меня.

Искушения меня не оставляли. Раз мне пришлось страшно согрешить помыслом против старца. Дело было так: батюшка позвал меня не одну, а с другой знакомой. Не помню, что тут было говорено. Но старец как-то странно, вздрогнув, взглянул на меня. Это было как раз перед тем, как смутиться мне каким-то помыслом против него. Я знаю, что на меня это

налетело вдруг*. Испугавшись этого искушения, я, выходя от батюшки, поклонилась ему в ноги и, мысленно каясь, поцеловала их, но высказать ему свой помысл мне показалось невозможным. Не прошло и дня, как я этим стала мучиться, и как ни отгоняла от себя мысли, упрека совести отогнать не могла. Мучилась, а обратиться к старцу не хотела. Между тем время отъезда моего наставало. Два раза батюшка на общем благословении, взглянув на меня, тихо мне говорил: «Дурак! Скажи, что там у тебя?» Но мне точно кто зашил рот. Я мучилась и молчала. Уезжая, сказала я себе: «Приеду домой, напишу батюшке, — так будет лучше и удобнее», — и, этим успокоив себя, уехала.

Приехав домой, я подробно написала батюшке о всем, со мной случившемся, и просила у него прощения. Прошло после того недели две, совесть моя нисколько не успокаивалась, а все мучительнее и безпокойнее становилось на душе. К моему утешению, совсем неожиданно представился мне случай побывать у старца. Собиралась я с родными на богомолье. А так как мы находились от Оптиной всего верстах в пятидесяти, то я под разными предлогами и склонила моих родных ехать к старцу. Сама же себе думаю: «Батюшка уже, конечно, получил мое письмо, прочел его и все знает. Мне уже ничего не надо объяснять ему. Выпрошу прощение — и только».

Одна из моих родственниц, ехавшая со мной, на грех, ни разу не была у старца и не веровала ему и еще на дороге поспорила с другой, что она старца ни о чем не будет спрашивать, а только посмотрит на него из любопытства. Приехав в Оптину, мы пошли к батюшке. Был вечер. Старец не позвал нас к себе в келью, а вышел сам на общее благословение. Взглянув на меня, он сказал: *Аще поспите́ посреде́ преде́л, крилé голуби́не посре́брене, и междора́мия ея в блеща́нии злата* (Пс. 67, 14). Я стояла перед старцем испуганная, в сильном

---

* Святой Иоанн Лествичник говорит: «Просвещеннейшие и рассудительнейшие из отцов приметили еще иной помысл, который утонченнее всех вышепоказанных. Его называют набегом мысли, и он проходит в душе столь быстро, что без времени, без слова и образа мгновенно представляет страсть». — И далее (Слово XV, отд. 74).

смущении. Не понимая значения слов псалма, я еще больше смущалась. Протолковывала я их себе так: всем кажусь я хорошей, как бы посеребренной, а внутренний мой человек ужасный. Потому я пришла совсем в отчаяние. Едва дождалась я утра, в надежде остаться со старцем одной, но не тутто было. Придя к старцу, все мы сидели, ждали, но батюшка нас не брал. День был субботний. Старец и сам готовился к принятию Святых Христовых Таин и других, готовившихся к служению, должен был исповедовать. Дожидались тут исповеди покойный архимандрит (Исаакий) и еще некоторые иеромонахи.

Во втором часу старец позвал нас к себе всех вместе и на нашу просьбу взять по одной сказал: «Не могу». Даже та, которая спорила, что ни о чем не будет старца спрашивать, горько плакала перед ним и просила принять ее одну, но батюшка отказал всем нам за недосугом. Оставаться же нам еще на некоторое время в Оптиной было нельзя. Лошади уже наняты были обратно. Да и мы все уехали в Оптину потихоньку от своих мужей — они этого не знали, и потому надо было уезжать. Я решилась спросить батюшку при всех о своем письме, получил ли и прочел ли он его. Батюшка мне ответил: «Нет, не читал». Но старец так мне это сказал, что я опять попросилась, ради Господа, взять меня одну, хоть на минутку. Батюшка глубоко взглянул на меня и сначала как бы поколебался, но потом, махнув рукой, сказал: «Нет, не возьму». Я должна была ехать домой, не занявшись с батюшкой. Большего для меня наказания не могло быть. В первый раз старец по приезде моем не взял меня одну.

Мы уехали в ночь. К счастью моему, дорогой мои все спали, и было темно, и потому я вволю наплакалась. Приехав домой, я еще написала батюшке. А через неделю под предлогом 7 сентября*, скитского праздника, опять к нему приехала, удивив своим скорым приездом оптинских моих знакомых. Но и тут не сразу сказала я батюшке всю правду.

---

* День памяти старца иеросхимонаха Макария, когда в скит дозволялось входить женщинам.

Сначала я выпросилась у него готовиться к причастию Святых Таин, затем, по обычаю, исповедалась, но и опять промолчала, отложив до вечера. Батюшка сам мне ничего не сказал. Но вечером, накануне причастия, после вечерни пошла уже я к нему с полным решением все высказать. Войдя в хибарку, я тут встретила отца Иосифа и попросила его довести меня до старца. Батюшка Иосиф повел меня прямо к нему. Никогда старец не принимал меня так, как в этот раз. Он сидел на краю своей постельки, и когда я вошла, он протянул ко мне свои ручки и так ласково, ласково отечески принял меня. Когда же я бросилась к нему, он с безпокойством спросил меня: «Что с тобой?» Я сказала, что не буду приобщаться, не высказав ему все, что со мной случилось. На мои слова батюшка сказал: «Ведь я же тебе, дураку, говорил несколько раз — скажи, что у тебя там. Чего же ты не слушалась и молчала? Ведь ты замучаешься, если не будешь мне говорить всего». Тут он мне объяснил, как надо разбирать помыслы и на некоторые из них не обращать внимания. О словах же, сказанных мне из Псалтири и так меня смутивших, батюшка предварительно спросил меня, как я их поняла, а потом сам, вероятно желая меня утешить, своеобразно протолковал их мне так. Взяв меня тихонько за плечи, сказал: «Они значат, что когда у нас с тобой вырастут крылушки, тогда шейка у нас будет золотая, как у голубка». Так, утешив меня, батюшка отпустил. С какой радостью я на другой день приобщилась Святых Христовых Таин!

Отпуская меня в этот раз из Оптиной, батюшка подарил мне свой беленький халатик (балахон). Только приказал своему келейнику дать мне его из черного белья, самый грязный и самый рваный. Сам надел его на меня и, смотря на рваные рукава, сказал, смеясь: «Ну, ты их как-нибудь подшей себе». Он и теперь у меня хранится таким, каким я приняла его из рук старца, как святынька.

Между борющими меня искушениями было еще одно. Стал нападать на меня в хибарке неодолимый сон. Приду к батюшке, сижу и сплю. Засплю и забуду, что сказать ему. Вообще же я от природы никогда не была сонливой. Приехав с дочерью к старцу на короткий срок, я пропустила первый

раз. Когда он меня брал, не занялась с ним как следует и от усталости, и от искушения продремала у него. И записка была в кармане, но она была не вынута и не прочтена. Родной же батюшка в первый день меня звал, на другой, последний моего в Оптиной пребывания, не звал. А дочь моя занялась и была отпущена совсем. К вечеру я стала волноваться: ну как если старец не возьмет меня, и стала к нему проситься. В десятом часу вечера, уже перед отпуском всего народа, батюшка позвал меня, но не одну, а с дочерью. Когда я стала перед ним на колена, он обернулся ко мне и сказал: «Спите и почивайте, покойной вам ночи». Я испугалась: «Родной мой батюшка! Оставьте меня одну хотя на минутку — я ничего вам не сказала». Батюшка оставил. В келье его горели лампадка и маленькая восковая свечка на столике. Читать мне по записке было темно и некогда. Я сказала, что припомнила, и то спеша, а затем прибавила: «Батюшка! Что сказать вам еще? В чем покаяться? Забыла». Старец упрекнул меня в этом. Но вдруг он встал с постельки, на которой лежал. Сделав два шага, он очутился на середине своей кельи. Я невольно на коленах повернулась за ним. Старец выпрямился во весь рост, поднял головку и воздел руки свои кверху как бы в молитвенном положении. Мне представилось в это время, что стопы его отделились от пола. Я смотрела на освещенную его головку и на личико. Помню, что потолка в келье как будто не было — он разошелся, а головка старца как бы ушла вверх. Это мне ясно представлялось. Через минуту батюшка наклонился надо мной, изумленной виденным, и, перекрестив меня, сказал следующие слова: «Помни, вот до чего может довести покаяние. Ступай!» Я вышла от него, шатаясь, и всю ночь горько проплакала о своем неразумии и нерадении. Утром рано нам подали почтовых лошадей, и мы уехали. При жизни старца я не смела никому рассказать этого. Он мне раз навсегда запретил говорить о подобных случаях, сказав с угрозой: «А то лишишься моей помощи и благодати». Теперь же, после кончины старца, в прославлении имени его записываю*.

---

* Записки эти писаны лет через шесть после кончины старца Амвросия.

Еще раз, помню, батюшка позвал на общее благословение всех нас, сколько было, к себе в келью. Народу было много. Это было днем перед обеденным отдыхом. Батюшка сидел на постельке прямо, спустив ножки. Я попала к нему с боку и стояла за спинкой кровати, так что мне личико батюшки видно было в бок. Батюшка говорил с кем-то в толпе и смотрел прямо на кого-то. Вдруг я вижу, из его глаз, на кого-то устремленных, вышли два луча, как бы солнечных. Я замерла на месте. И все время так было, пока старец смотрел на кого-то. Я тогда не осмелилась и ему самому высказать виденного мной — промолчала. Да! Он, верно, знал, кому что давал.

Дар исцеления у батюшки был великий. С детства я страдала страшными головными болями, доводившими меня до крайнего изнеможения. Начинались они у меня предварительно разными болезненными явлениями, потом мучительная боль сосредоточивалась в каком-нибудь виске и продолжалась она у меня иногда до трех суток. Придя раз к старцу, едва живая от боли в виске, я тихо шепнула ему на общем благословении, что очень болит у меня висок. Он шибко стукнул меня по нему, и боль мгновенно прошла.

Еще одну весну много было больных свинкой. Я приехала к старцу готовиться. Это было Великим постом. Со мной приехала из Перемышля одна барыня, которая и заболела свинкой; несмотря на это, она все-таки ходила к старцу. От нее ли или сама по себе и я заболела также. Опухоль охватила всю нижнюю часть лица и горла. Мучительная боль, жар и озноб сопровождали ее. Я пришла к старцу и показала ему свою опухшую челюсть. Батюшка пригнул мою голову себе в колени и правой ручкой благословлял народ, а левой крепко жал мне опухоль. Когда я поднялась с колен, болезнь моя вся прошла, ни боли, ни опухоли не было.

Был и еще со мной чудодейственный случай. Сильно толкнули меня в народе в грудь, в давно болевшее место, которое доктора велели мне всячески беречь от ушиба, так как я едва избавилась от начинавшегося в этом месте рака. Грудь от ушиба у меня очень разболелась, стала пухнуть и колоть. Я пришла к старцу и, не указывая на больное место, просто

рассказала ему, что со мной случилось. Батюшка же сам, зная, что и где у меня болит, перекрестил мою больную грудь и сказал: «Зачем руки не держала вперед?» Это была правда. На мне был платок. Чтобы он не свалился, я перегнула руки назад, меня и толкнули. Вскоре болезнь моя прошла.

Еще помню замечательную прозорливость батюшки. Старец почему-то показался мне слаб, а я в этот день уезжала домой и безпокоилась, и когда он подошел к двери, я сзади потихоньку перекрестила его. Вдруг батюшка обернулся ко мне лицом и пристально посмотрел на меня. А я уже опустила руку и стояла так, притворившись, как будто ничего не сделала.

В последующий затем мой приезд народу было очень много, и я боялась за слабость старца, потому и стала мысленно молиться так: «Господи Иисусе Христе, спаси старца моего иеросхимонаха Амвросия и святыми его молитвами помилуй меня, грешную». Не знаю, сколько прошло времени в такой моей молитве. Но раз прибежала я к старцу на благословение поздно вечером. Народ почти уже весь разошелся. Батюшка вышел в хибарку на общее благословение и сел на диванчик. Я была подле него и мысленно повторяла свою молитву. Он, подав мне свои ножки, сказал: «Переобуй меня». И когда я, наклонившись, надевала ему на ноги носочки, он на ухо мне сказал, отвечая на мою мысль: *Един ходатай Бога и человеков, человек Христос Иисус* (1 Тим. 2, 5).

Много припоминается мне разных случаев и не касавшихся меня*, доказывающих прозорливость старца. Запишу самые выдающиеся.

Так он при мне исцелил ударом своей палочки одну Каширскую молодую монахиню, страдавшую страшными судорогами ног и всего тела.

Одну приезжую барыню при мне толкнул народ. Она не удержалась на ногах, упала, ударившись об шкаф, и сильно вся разбилась. Когда ее привели к старцу, он стал ее шибко

---

* И посторонние примеры, без сомнения, не оставались без влияния на относившуюся к старцу рассказчицу.

бить своей палочкой по спине. Она потом рассказывала, что даже оскорбилась за это на старца. Но выйдя от батюшки, уже никакой боли не чувствовала от ушиба и тогда только поняла, что старец ее исцелил.

Приехал к старцу издалека один барин, вдовец с двумя молоденькими дочерями. Старшей было лет двадцать, а меньшей семнадцать. Обе очень красивые девушки. Старец несколько раз брал их вместе, но все внимание обращал на одну старшую и ей только давал советы, меньшую же только благословлял. Когда они перед отъездом прощались со старцем, он одарил иконками и книгами отца и старшую дочь, а меньшей ничего не дал. На вопрос о ней отца, батюшка сказал: «Ей ничего не нужно». Расставаясь со старцем, девушка не вытерпела и с огорчением сказала ему: «Батюшка! Что же это вы сестре моей сделали подарочек на благословение и память о вас, а мне не дали ничего?» — «Да тебе ничего и не нужно, — сказал старец, — разве вот это тебе дать?» И батюшка на своем столике, который стоял у него подле кроватки, разыскал какую-то длинненькую, узенькую и пустую коробочку (наподобие гробика) и подал ей. Так она и отправилась с этой пустой коробочкой. По дороге от Оптиной до Калуги она простудилась и занемогла. А приехав в Калугу и остановившись в гостинице Кулона, дня через три скончалась.

Еще раз я Петровками в Оптиной готовилась к причащению. Народу приезжего было очень много. Приехали при мне из Курска две госпожи. Одна была помещица, а другая городская. Эта последняя, незадолго перед приездом, овдовела. Осталась после мужа с шестью детьми и с большим каким-то делом на руках, о котором и приехала посоветоваться со старцем. Помещице батюшка почему-то велел остаться пожить в Оптиной, а ту вдову, после неоднократного с ней занятия наедине, отпустил домой, сказав ей, чтобы она предварительно съездила в Тихонову пустынь помолиться угоднику Божию преподобному Тихону. Помещицу же, как она ни просилась ехать вместе домой и к преподобному Тихону, батюшка не пускал. Я в то время сильно разболелась зубами и лежала у батюшки в хибарке на диване и потому была свидетельницей

всего разговора старца с ними. Молодая вдовушка уехала, а помещица осталась, впрочем, очень недовольная на старца за то, что он ее оставил. Прошло дня два, и я стала замечать за ней, что как только старец выйдет к нам на благословение, ее начнет дергать, и изнутри у нее выходят какие-то неопределенные звуки. Уйдет батюшка к себе, она сделается спокойной. К батюшке она не просилась, а когда он ее позовет через келейника, идет. Раз выходит она от него и держит в руках пузырек со святым маслом от мощей святого великомученика целителя Пантелеимона, из батюшкиной кельи. Вероятно, старец сам ей дал его, но она тотчас же стала отдавать его мне, упирая на то, что я больна, а ей это не нужно. Наконец она не вытерпела. Дня через два без благословения старца наняла лошадей и тарантас и с какими-то двумя попутчиками собралась уезжать в Тихонову пустынь, а оттуда должно быть домой. Садясь в тарантас, она с одним попутчиком барином поссорилась за место, на котором ей хотелось сесть, и так в этом случае была настойчива, что тот, для прекращения дальнейшего спора, пересел на передок. Между тем это для него было счастьем. Как только они переехали на оптинском пароме речку Жиздру и стали на подмостки, необъяснимым ни для кого из нас образом огромная тяжелая цепь, на которой укреплено было бревно парома, оборвалась, и поднявшееся бревно ударило прямо по голове проезжавшую в это время в тарантасе барыню так сильно, что она вся обагренная кровью и без всяких признаков жизни привезена была обратно в гостиницу. Голова ее была проломлена. И хоть она оказалась живой, но без памяти. Жизнь ее была в опасности. Сейчас побежали сказать о случившемся старцу. Он прислал свой балахончик, которым и велел покрыть ее. Скоро она опомнилась. Батюшка разрешил наше недоумение, от чего могло оборваться бревно, сказав: «Много уж их (то есть бесов) насело на него». Мы сами все, сколько нас ни было народу в монастыре, и монахи ходили смотреть на паром и на толстую оборванную цепь. Так барыне, добровольно не хотевшей послушаться старца — остаться пожить подле него, — пришлось это сделать и поневоле. Тут я уехала из пустыни и не знаю,

сколько она прожила в ней. Через несколько месяцев мне пришлось разговориться с одним курским архимандритом, отец которого был священником в имении упомянутой помещицы. Он мне сказал, что она в свое время была ужасная крепостница и много тяжелых дел было у них в семье, от чего она сделалась как бесноватой. Дети ее бросили. Вот она и собралась к старцу за советом.

Помню еще, приехали к батюшке две сестры, одна замужняя, а другая молодая девушка. Старец вышел на общее благословение. Замужняя и спрашивает его, благословит ли он ей выдать сестру замуж в другую губернию за полтораста верст от них: жених — очень хороший человек. Батюшка взглянул на невесту и спросил: «Голова у тебя болит?» Она ответила: «Да». — «Левый бок болит?» — еще спросил старец. Та сказала: «Очень болит». Тогда, обратившись к замужней сестре, он сказал: «Как же отдавать замуж? Подождать год». Батюшка ушел, и я слышу — сестра ей говорит: «Да разве у тебя болит бок? Ты мне об этом никогда не говорила». Та тихо ответила: «Я скрывала».

Была я раз у старца весной, в самое половодье. При мне приехала к нему какая-то вдова лесопромышленника, продолжавшая и по смерти мужа заниматься его промыслом. Водой унесло у нее с берега неизвестно куда лесного материала на тысячу рублей. Она приехала спросить старца, что делать. Батюшка при мне, на общем благословении, сказал ей утвердительно: «Отправляйся в такое-то место, там найдешь твой лес; вернешь его на пятьсот рублей, а половина пропала». Она поклонилась батюшке в ножки и поспешила уехать.

В пятнадцати верстах от Оптинского скита в лесу жил сторож лесной с женой и двумя маленькими детьми. Однажды летом, в послеобеденную пору, врывается при мне в хибарку сторожиха с криком и в слезах. Меньший сынок у нее пропал. Дело было так: жена отправилась зачем-то в город на лошади, а лесник — в лес. Дети оставались одни. Старшей девочке было пять лет, а мальчику ребенку — год с чем-то. Он мог только ходить, но еще не говорил. Увидав отъезжавшую мать, ребенок с криком погнался за ней. Мать, понадеявшись на старшую девочку, что она его остановит, поехала, не огля-

дываясь. Долго ей чудился крик сынишки. Приехав из города поздно вечером, несчастная мать и вернувшийся из лесу отец не нашли сынишку дома. В хате была одна девочка. Всю ночь они проходили с фонарем по всем лесным тропинкам, а также и утро, но поиски их были тщетны. Выбившись из сил и решив, что ребенок съеден волками, оба они через сутки пришли к старцу. На мать жалко было и взглянуть. Тотчас же они приняты были старцем, который немедленно послал их обоих отслужить молебен пред Казанской иконой Божией Матери, а после вновь отправиться на поиски. Молебен был отслужен, но после этого поиски их были уже не напрасны. Версты за четыре от своей сторожки они нашли своего мальчика здоровым и веселым. Сидел он под кустом, и, несмотря на то что прошло более суток со времени его пропажи, не было заметно, чтобы он был голоден или плакал, а как будто спал. Все это было при мне, и я сама все это видела и слышала.

А еще один случай ужасно поразил меня. Старец летом в теплые дни при большом стечении народа имел обыкновение выходить наружу благословлять народ. Для этого отгорожено было жердями довольно пространное место от хибарки до колодца (вырытого по указанию и благословению старца для утоления жажды посетителей из простонародья). С одной стороны этой огорожи мог проходить батюшка с келейниками, а с другой стоял народ. Батюшка благословлял всех по ряду и вместе занимался или отвечал на вопросы посетителей. Недалеко от колодца стоял мужик с небольшим мальчиком лет четырех или пяти. Когда приближался к ним старец, крестьянин поднял с земли ребенка, чтобы самому и ребенку принять от него благословение. Но в это время раздался раздирающий душу крик мальчика. Он в страшных, невиданных мной до той поры, судорогах изгибался на руках отца. Тело его все перегибалось дугой. Несмотря на то что отец его был большой здоровый мужик, у него не хватило сил поднести ребенка к старцу на благословение. Батюшка остановился, строго взглянул на отца и сказал: «Чужое брал?» — «Брал. Грешил, батюшка», — был ответ. — «Вот тебе и наказание», — сказал батюшка. С этими словами старец пошел от него,

а несчастный мужик ни сам подойти, ни сына подвесть под благословение не мог.

А уж и милостив был батюшка к кающимся грешникам!

Раз приехала к нему одна особа, у которой был на душе грех юности. Но она очень боялась явиться на глаза святому старцу, а что-нибудь высказать ему не смела и подумать, но желала только удостоиться поглядеть на него и принять от него благословение. Когда позвали ее к батюшке в келью, он, взглянув не нее, ласково встретил ее следующими словами: «Сидор да Карп в Коломне проживают, а грех да беда с кем не бывают». Она залилась горькими слезами, бросилась к старцу в ноги и призналась в своем грехе.

Совсем противоположное было с другой особой, приехавшей со мной к старцу с таким же грехом, но не с целью покаяться в нем, а спросить, как ей устроиться. Батюшка ее не брал. Сначала она ждала и так смело просилась к старцу, потом стала все смиреннее и смиреннее; батюшка все не принимал, несмотря на просьбу не только келейников, но и всех нас. Она была моя знакомая, и как я ни просила старца помочь ей, он, не отказывая, а, напротив, выслушивая меня, все-таки не брал. Дошло до того, что она наплакалась вволю, а я измучилась из-за нее. Горе было, что старец не брал, и еще было горе, что это стало у всех на виду, что он ее не брал. Так родной батюшка довел ее до сознания своего греха и заставил стыдиться его. Тогда уже и взял ее на чистосердечное раскаяние и помог ей советом. Так святой старец помогал больным душам.

Из слов батюшкиных на общих благословениях много осталось у меня в памяти, а многое и забылось. Так нередко говаривал он:

«Благое говорить — серебро рассыпать, а благоразумное молчание — золото».

«Лучше предвидеть и молчать, чем говорить и потом раскаиваться».

«Вот я как бы закидываю удочку о многих концах и крючках. На каждом из них — добыча. Умейте только брать».

«Отчего человек бывает плох? — От того, что забывает, что над ним Бог».

«Кто мнит о себе, что имеет что, тот потеряет».

«Люди с фарисейской правдой Царствия Божия не наследят. Правда наша в сем случае выходит кривда». На вопрос из толпы слушавших: «Что это, батюшка, значит?» — Старец сказал: «Это те, которые молятся, творят милостыню». Лицо старца в это время было крайне серьезно.

Что несравненно легче изучить дело, нежели его исполнить. Говорил: «Теория — это придворная дама, а практика — как медведь в лесу».

«Научить человека жизни духовной очень трудно. Это все равно, — продолжал старец в шутливом тоне, — что выучить мужика сказать слово «секретарь». Он все будет говорить «слекатарь». Ты говоришь ему: вот тебе рубль, скажи только — «секретарь», а он выговаривает по-своему — «слекатарь». Ну, повторяй за мной: Се. И тот говорит: се; кре — кре; тарь — тарь. Ну, говори теперь один раздельней: се-кре-тарь. Говорит не спеша: сле-ка-тарь».

Тут из толпы кто-то сказал: «Батюшка! Вы говорите часто притчами. Не знаешь, как понять». Старец отвечал: «Свет разделен на умных и дураков. Вот сошлись раз мудрый и дурак. Мудрый, подняв палец кверху, указал на небо, а потом показал на землю, подразумевая при этом, что Господь создал небо и землю. А стоявший тут дурак объяснил себе действия мудреца по-своему: будто он ими подавал дураку такой намек — вот я тебя возьму за волосы, вздерну вверх да и брошу на землю. Тогда и дурак в свою очередь поднял палец, показал вверх, потом на землю и, наконец, провел еще рукой кругом, подразумевая при этом: а я тебя вздерну кверху, потом ударю оземь и оттаскаю за волосы. Мудрец же его движения понял так: Творец создал небо и землю и все окружающее»*.

---

* Под мудрым старец Амвросий разумел человека благоразумного, который на всех и на все смотрит с хорошей стороны, не осуждая ближних за немощи, свойственные людям, считая притом себя одного худшим всем. Под дураком же разумеется здесь человек, который хотя и не лишен умственных способностей, но по своему нерадению дал им превратное направление, потому во всех и во всем, по влечению своего развращенного сердца, видит одно худое и все объясняет с худой стороны, считая притом себя достойнее многих, если не всех.

«Страх Суда Божия и огня геенского и безсильных делает сильными».

«У нас и дурное, да хорошо. У нас и не мытое белье бывает белым».

«Неисполненное обещание все равно что хорошее дерево без плода».

«Купить — все равно что вошь убить, а продать — все равно что блоху поймать».

Объясняя псаломские слова: *Го́ры высо́кия еле́нем, ка́мень прибе́жище заяцем* (Пс. 103, 18), Старец говорил: «Елени, то есть олени, — это праведники на горах, то есть высоко стоят. А зайцы — грешники. Им прибежище — камень. А камень — это Сам Христос, *пришедший в мир не праведных спасать, а грешных привесть на покаяние*» (см.: Мф. 9, 13).

Еще мне одной сказал: «Праведных ведет в Царство Божие апостол Петр, а грешных Сама Царица Небесная».

Что каждый человек причиной своих скорбей бывает сам, старец нередко повторял поговорку: «Всякий сам кузнец своей судьбы».

«Напрошенный крест трудно нести, а лучше в простоте сердца предаваться воле Божией. *Не попустит бо Бог искуситися паче силы, но сотвори́т со искуше́нием и избы́тие* (см.: 1 Кор. 10, 13). *Его́же бо лю́бит Господь, наказу́ет: быет же вся́каго сына, егоже приемлет... Аще же без наказа́ния есте́... убо прелюбоде́йчищи есте́, а не сы́нове*» (Евр. 12, 6. 8). И прибавлял: «В одном месте молились о дожде, а в другом — чтобы не было дождя; вышло же, что Бог хотел».

Одна в старости очень боялась поступить в монастырь, и все говорила: «Не могу исполнить правил монашеских». Батюшка ответил на это рассказом: «Один купец все также говорил: то не могу, другое не могу. Раз ехал он по Сибири ночью, закутанный в двух шубах. Вдруг увидел вдали свет, точно огоньки мелькали. Стал всматриваться и заметил, что это стая волков приближалась к нему. Спасения ждать было неоткуда. Он выскочил из саней и в одну минуту влез на близстоявшее дерево, забыв свою старость и слабость. А после рассказывал,

что раньше того он от роду не бывал ни на одном дереве*. Вот тебе и не могу», — добавил старец.

Любил батюшка повторять псаломские слова: *Мир мног лю́бящым закон Твой, и несть им собла́зна* (Пс. 118, 165).

Не жалобы сестер, что досаждают им, укоряют или даже бранят, батюшка обыкновенно отвечал: «Благословляющие уста не имут досаждения». Любя сам простоту, говорил еще: «Где просто, там ангелов со сто, а где мудрено, там ни одного».

Одной бывшей при каком-то видном послушании монахине, когда она пожаловалась старцу, что ее бранят, он сказал: «Кто нас корит, тот нам дарит, а кто хвалит, тот у нас крадет».

Еще другой знакомой мне монахине, жаловавшейся на скорби, отвечал: «Если солнце всегда будет светить, то в поле все повянет, потому нужен бывает дождь. Если все будет дождить, то все попрет, потому нужен ветер, чтобы продувал. А если ветра недостаточно, то нужна бывает и буря, чтобы все пронесло. Человеку все это в свое время бывает полезно, потому что он изменчив». И добавил ей же: «Когда кашу заварим, тогда увидим, что творим». Тогда ни она, ни я, грешная, не поняли слов старца. А ей это было предсказанием и замечательно исполнилось.

Одной начальнице монастыря на ее слова, что народ, поступающий в обитель, разный, — трудно с ним, батюшка сказал: «Мрамор и металл — все пойдет». Потом, помолчав, продолжал: «Век медный, рог железный, кому рога не сотрет. В Священном Писании сказано: *ро́ги гре́шных сломлю́, и вознесе́тся рог пра́веднаго* (Пс. 74, 11). У грешных два рога, а у праведного один — это смирение»**.

Еще старец ей же говорил: «Оборвешь лычко, потеряешь ремешок. Покойный Государь Петр Великий любил петь на клиросе. Был при нем один диакон с хорошим голосом, но

---

* Страх Суда Божия и огня геенского и безсильных делает сильными.

** В противоположность одному рогу праведного — смирению, под двумя рогами грешника старец, может быть, разумел две сродные страсти — гордость и тщеславие, которые святой Иоанн Лествичник уподобляет коню и всаднику (Лествица, слово XXIII, отд. 38).

такой застенчивый и так боялся царя, что Государь всегда понуждал его петь. Потом уже диакон так привык, что своим голосом покрывал голоса всех певцов и даже голос самого Государя. Тогда Петр Великий стал дергать его за рукав, чтобы остановить, но не тут-то было. Государь дергает, а тот пуще орет».

Тут же батюшка рассказал еще о себе: «Когда я был маленький, очень любил стегать одну лошадку в конюшне у отца. Она была смирная. Но мать моя предостерегала меня: оставь! А я все не слушался: подползу к ней и все ее стегаю. Она же все терпела, да как вдруг ударит меня задней ногой, так и вырвала у меня кожу на голове, и до сих пор знак есть». При этом батюшка показал на свою голову. Кому это говорилось, тот и понимал.

На вопрос кого-то из толпы: сколько раз надо есть в день, — батюшка ответил примером: «Спасался в пустыни один старец, и пришла ему в голову мысль: сколько раз надо есть в день. Встретил он однажды мальчика и спрашивает его об этом, как он думает. Мальчик ответил: «Ну, захочется есть — поешь». — «А если еще захочется», — спросил старец. — «Ну так еще поешь», — сказал мальчик. — «А если еще захочется», — спросил старец в третий раз. — «Да разве ты осел?» — спросил в свою очередь старца мальчик. «Стало быть, — добавил батюшка, — надо есть в день два раза».

Приехала как-то издалека к старцу одна барыня, у которой дочь жила в монастыре. Это была очень светская особа, ростом большая и очень полная. В первый раз она видела пред собой старца. На общем благословении, посмотрев на его слабые, маленькие и худенькие ручки, она сказала: «Ну что может сделать эта ручка?» Старец ответил ей на это следующим рассказом: «У моего отца был старый дом, в котором мы жили. Половицы в нем от ветхости качались. В углу залы стояла этажерка. На самой верхней полке ее стоял тоненький, легкий, пустой стеклянный графин, а на нижней — толстый глиняный кувшин. Вот мы, будучи детьми, однажды расшалились и неосторожно ступили на половицу, на которой стояла этажерка. Она качнулась, и тоненький графин слетел

сверху; сам остался невредим, хотя был на полу, а толстому кувшину отшиб ручку. Мы тогда этому очень удивлялись».

Меня он по временам встречал псаломскими словами: *Терпя́ потерпе́х Господа, и внят ми, и услы́ша молитву мою. И возведе́ мя из ро́ва страсте́й, и от бре́ния ти́ны, и поста́ви на ка́мени но́зе мои, и испра́ви стопы́ моя* (Пс. 39, 2—3), и прочее.

Говорил мне также: «Ум хорошо, два лучше, а три — хоть брось».

На мое имя в рифму говаривал часто: «Сама не юли и другим не вели».

На тщеславие: «Не хвалися, горох, что ты лучше бобов: размокнешь — сам лопнешь».

На рассказ одной, что она избежала какой-то опасности, а то могло бы случиться то и то, батюшка, смеясь, сказал: «Две женщины жили в одной избе. Вдруг как-то с печки упало полено. В испуге одна баба и говорит другой: хорошо, что моя дочь не замужем, да нет у нее сына Иванушки, да не сидел он тут, а то бы полено разбило ему голову».

Раз мы уж очень истомились в хибарке, в ожидании от старца общего благословения. Когда же вошли к нему, он сказал: «Томлю томящего мя. Истома хуже смерти».

Еще говорил: «В скорбях помолишься Богу, и отойдут, а болезнь и палкой не отгонишь».

На мои слова о молодежи, что вести их трудно, батюшка сказал: «Не беда, что во ржи лебеда, а вот беды, когда в поле ни ржи, ни лебеды». Прибавил еще: «Сеешь рожь — растет лебеда, сеешь лебеду — растет рожь. *В терпе́нии ва́шем стяжи́те ду́шы ва́шя* (Лк. 21, 19). И *претерпе́вый до конца́, той спасе́н бу́дет* (Мф. 10, 22). А ты терпи от всех, все терпи, и от детей терпи».

Раз, помню, мне было уже очень трудно с больным моим мужем, так как он был ненормальный, и потому все дела по хозяйству были на мне. Пришло даже мне желание умереть, но старцу я об этом не говорила. Батюшка вышел на общее благословение и, взглянув на меня, сказал: «Один старец говорил, что не боится смерти. Неся однажды из лесу охапку дров, он очень изнемог. Сел для отдыха и в скорби проговорил: хоть

бы смерть пришла. А когда смерть явилась, он испугался и предложил ей понести охапку дров».

Учил старец смирению, чтобы оно было не наружное только, а и внутреннее. На общем благословении он стал однажды рассказывать, взглянув при сем на меня: «Жил в монастыре монах, который все говорил: «Ах я, окаянный!» Раз игумен пришел в трапезу и, увидав его, спрашивает: «Ты зачем тут со святыми отцами?» Монах отвечает: «А за тем, что и я тоже святой отец».

Еще говорил: «Распустили про одного монаха слух, что он святой. И все даже в глаза ему говорили это. А он все называл себя грешным и при этом смиренно кланялся всем. Но вот раз он кому-то по обыкновению своему сказал: «Я грешный». А тот ему в ответ: «Знаю, что ты грешный». Он так и встрепенулся: «Как? Разве ты что-нибудь про меня слышал?»

«А вот, — говорил еще старец, — приехал раз в острог покойный Государь Николай Павлович, да и стал спрашивать арестантов, за что каждый из них сидит в остроге. Все оправдывали себя и говорили, что посажены в острог безвинно-напрасно. Подошел Государь и еще к одному из них и спросил: «А ты за что тут?» И получил такой ответ: «За великие мои грехи и острога для меня мало». Тогда Государь обернулся к сопровождавшим его чиновникам и сказал: «Отпустить его сейчас на волю». И родной батюшка взглянул при этом на меня.

В это время кто-то из толпы сказал: «Батюшка! Вы кого не смирите? И кто не покорится вам?» Старец в ответ на это рассказал следующее: «Раз тоже покойный Государь Николай Павлович шел по улице Петербурга. Встретил военного писаря, он спросил: «Ты откуда?» — «Из депа, Ваше Императорское Величество», — ответил он. — «Слово «депо» — иностранное, оно не склоняется», — заметил Государь. А тот в ответ: «Пред Вашим Величеством все склоняется».

Батюшка в этот раз с нами заговорился. Келейник давно докладывал о каких-то, ждущих с мужской стороны, но старец не слушал. Войдя, келейник опять доложил: «Батюшка! Поздно, уже десять часов (вечера)». Старец не отвечал.

Видно, там теряли терпение, и, вероятно, кто-нибудь сказал: «Пустяки с монашенками толкует старец». Келейник опять доложил: «Батюшка! Вас ждут N.N. и N.». А батюшка стал рассказывать, смеясь: «Был в Туле, видел памятник, где написано: «Под камнем сим лежит Ларин Максим; им бы только жить да веселиться, а они изволили на тот свет переселиться»*. Келейник опять повторил, кто ждет, вероятно думая, что старец не слышит. Батюшка же спокойно, смеясь, ответил ему: «Пустяки мне вот в голову идут». И указав ручкой на всех нас, сказал: «И хорошо помню их, а вот кто там дожидается, забываю». Тут какая-то из Шамординской обители самоуверенно сказала: «Мы знаем, что вы, батюшка, молитесь за нас каждый вечер». Батюшка сказал: «Да, когда не устаю, а то и свинья забудет своих поросят, когда ее палят».

Время шло. Я все ездила к старцу, больше и больше привязывалась к нему и внутренно отрывалась от своей мирской жизни. Наружное же мое было все то же. Между прочим, я тщательно скрывала свое сердечное влечение как от самого старца, так и от всех.

Старец еще два раза намекал мне о монастыре. Раз, провожая меня с дочерью в путь, сказал: «Ведь вам обеим быть в монастыре». Я ничего не ответила на это. А то еще как-то, поводя мне ручкой по лицу, спросил: «Ты знаешь, что я пишу на твоем лице?» Не понимая дела, я в свою очередь спросила его: «Что, батюшка?» — «Букву «Ш» на морде, — ответил он, — и выйдет «Шамордино». Я опять промолчала. Так все было для меня сбивчиво, непонятно тогда. Сама я была несвободна. А у дочери было такое душевное устроение: поживет со мной в монастыре — и как будто ей уже тяжело бывало уезжать из него, а попадет в мир — про монастырь забудет. Притом же предсказание старца насчет вторичного сватовства за нее начинало сбываться. Ей стал нравиться другой молодой человек, и я была не прочь выдать ее за него в замужество. Но по времени встретилось такое обстоятельство, кото-

---

* Замечательно, что все три помянутые лица, ожидавшие старца с мужской стороны, полагали начало иноческой жизни в Оптиной пустыни, но из Оптиной переселились в разные места.

рое заставило вас отдалить ее от этого молодого человека, которого, кстати, очень скоро после сего разбил нервный паралич. Таким образом сбылись и другие слова старца, сказанные ей при первом нашем приезде к нему: «Будет и другой, но опять ничего не выйдет — ей назначено не это».

От старца я не давала отставать своей дочери. Часто брала ее с собой. А раз отослала ее к нему со своей знакомой на два дня. Но прошло дня три, и, к моему крайнему удивлению, моя знакомая вернулась одна, а дочь осталась. Мне велено было сказать, что она захотела посмотреть вновь устроявшуюся батюшкину женскую общину, куда и поехала с начальницей общины, которая очень полюбила ее, и вообще обеих нас, встречаясь часто с нами у старца. Я хотя и удивилась этому, так как моя дочь жила в полном повиновении у нас с отцом, особенно у него, больного, но приняла это сначала спокойно. Потом неизвестность, когда и с кем она приедет к нам, стала меня безпокоить. А виденный мной про нее сон окончательно встревожил меня.

В этом сне представилось мне, будто я нахожусь в Шамордине, где никогда не бывала, но мне кто-то говорит, что это оно. Помню святые ворота и подле какую-то могилу с крестом. Но тогда на самом деле этой могилы еще не было, потому что покойная начальница общины, матушка София, была еще жива. Затем я очутилась в каком-то корпусе с длинным коридором внутри (теперешний настоятельский корпус). В одной из его комнат, вижу, стоит купель, и мне говорят, что хотят крестить дочь мою. Тут я увидала и ее саму. Восприемники же ее будто старец Амвросий и матушка настоятельница София.

Сон этот расстроил меня донельзя. Притом пришел мне на память слышанный мной в хибарке от одной рассказ, впоследствии оказавшийся неверным, будто старец оставил в своей общине насильно одну молодую девушку, единственную дочь у матери; как потом мать приехала и, обливаясь слезами, требовала дочь свою назад, а потом и сама поступила в монастырь. Все это, вместе взятое, испугало меня. Не столько, впрочем, я испугалась монастыря для дочери, сколько того, что

если дочь моя поступит в монастырь раньше меня, каково-то мне будет расстаться с ней! Ибо сама я несвободна. И Бог знает, сколько времени придется мне пробыть с ней в разлуке.

Расстроив себя таким образом душевно, я разболелась и телесно. Следствием этого было то, что я послала к старцу письмо, в котором, не объяснив ему всей правды, написала только, что я сильно разболелась и потому прошу прислать с кем-нибудь дочь мою. Мне потом передавали, что старец, получив мое письмо, вышел, в отсутствие моей дочери, на общее благословение и сказал: «Пишет мне такая-то (мое имя), чтобы прислать к ней дочь. Мы, видите, испугались, что дочку насильно оставят в монастыре. Надо ее отправить». Отправляя же мою дочь, батюшка сказал ей: «Мать твоя заболела, и надо тебе ехать. Ты скажи ей от меня, чтобы она жила по-моему». Была в то время летняя пора, и старец, указав на свое окно, продолжал: «Вот, смотри: верхняя часть его открыта, и на меня сверху идет свежий воздух, и я им дышу; а нижняя часть закрыта, и сквозной ветер на меня не дует. Так пусть и она живет, тогда и болеть не будет». Я очень поняла, что мне сказал старец и что он назвал сквозным ветром. Это — те пустые речи, которые я слушала, а про верхнее мало думала. После, приехав к старцу, я ничего еще не объяснила ему о себе, а он долгое время, благословляя меня при свидании, не пропускал, чтобы не сказать мне: «Тебя ждет та же участь, как и госпожу Х. с дочерью». Так долго этим батюшка пугал меня, неразумную, а я ничего не говорила ему об этом своем ложном страхе. Наконец уже пришлось мне узнать всю правду, то есть как неверен был слышанный мной рассказ, и покаяться батюшке, что поверила этому рассказу. А батюшка смеялся, назвав меня дураком и что у меня все только одно искушение. При этом он рассказал известную басню про старика, мальчика и осла, заключив: «Если слушать чужие речи, придется взвалить осла на плечи».

Покойный муж мой все болел, и болезнь его развивалась все больше и больше. Явилось у меня сильное желание уговорить его переехать на лето в Оптину, пожить подле старца,

дабы, сколько можно, приготовить его к смерти. Все равно мы лето проводили всегда на даче. Потому вместо дачи я и предложила ему эту поездку. Тем только я и могла уговорить его, что указывала на чудный оптинский лес и на здоровый сосновый воздух. О монастырях и старце он не имел никакого понятия, а потому собственно к старцу он никогда не согласился бы переехать на лето в Оптину. Трудно было мне и перевозиться с ним при условиях его болезни. Надобно было туда и обратно нанимать экипаж, но все это, за молитвами старца, мне удалось. Хотя и не без труда довезла я больного до батюшки. Старец сразу спросил его, думал ли он когда о смерти и готовился ли к ней. А затем посоветовал ему особороваться и причаститься Святых Христовых Таин. Больной сначала охотно согласился на это и стал готовиться к исповеди, но вдруг, как нервнобольной, чем-то расстроился, заскучал и стал собираться, не рассуждая, в обратный путь домой, отказался даже пойти и проститься со старцем. Видя все свои труды напрасными, я в этом горе прибежала к батюшке. Это было рано утром. Ворвавшись почти без доклада к старцу, я горько заплакала и в первый раз высказала ему, как мне трудно и тяжело жить. Когда я взглянула на батюшку, то увидела, что у него самого глазки полны слез. Но он, поднявшись, стал сильно бить меня по лицу. Я обиженно спросила: «Батюшка! За что же вы-то меня еще бьете?» Он мне ответил: «Я тебя бью любя». Мне как-то вдруг стало спокойнее и радостнее от слов батюшки, и я ему сказала: «Ну, любя, так бейте». — «Да ты, глупенькая, — продолжал батюшка, — чего ты так огорчилась? Ведь вот ничего и нет. Больной твой уж сам пришел ко мне и сидит у меня в мужской приемной. Только я тебя первую позвал, чтобы спросить, что случилось». Это было для меня непонятно. Я оставила мужа в самом ужасном настроении. Конечно, в ту минуту, как говорил со мной батюшка, больной не мог прийти, потому что не мог так скоро двигаться при своей болезни, а старец провидел перемену в его настроении и потому сказал, что он придет. Не успела я выйти от старца и посидеть в хибарке отдохнуть, как келейник мне сказал, что мой больной пришел и уже беседует со старцем.

Батюшка прямо взял его исповедовать и, утешив и успокоив, отправил в гостиницу. С тех пор больной спокойно доживал в Оптиной и до конца срока не собирался уезжать. Особоровался и приобщился.

При отъезде нашем домой, после проведенного нами в Оптиной летнего времени, батюшка, провожая нас, сказал мужу: «Я советую вам подать в отставку, вам дадут хорошую пенсию». Батюшка назначил даже цифру. Но мы этого испугались. Нас тревожила мысль, что если и при всех удобствах жизни больному так трудно живется, что же будет при тесном помещении и маленьких средствах. Я, грешная, первая попротиворечила старцу. Мысль о скорой кончине мужа мне тогда не приходила в голову. Батюшка ничего мне не ответил, а только, прищурясь, посмотрел мне в глаза. Мы уехали.

В ноябре, приехав к старцу готовиться к причащению Святых Таин, я была встречена им на общем благословении словами из Псалтири: *Человéк, яко трава́ днúе его, яко цвет сéльный, та́ко оцветéт* (Пс. 102, 15) и прочее. В этот раз, позвав меня к себе одну и говоря со мной, старец взял меня за правую руку и стал тащить с моего пальца обручальное кольцо, но оно долго ему не поддавалось. От многолетнего ношения его на пальце образовалась как бы мозоль. Батюшка все тянул его с пальца. Сердце мое дрогнуло предчувствием. Но я, ничего не сказав, стала и сама повертывать кольцо на пальце, чтобы его снять.

В этот раз, когда я уезжала из Оптиной, батюшка неожиданно дал мне девочку-польку, чтобы я помогла ей докончить ее образование, и прибавил: «Вам втроем будет веселее». Но с ней нас должно бы быть четверо, а батюшка сказал: «Втроем». Значит, кто-нибудь из нас да должен был убавиться. Еще прибавил: «Она у тебя в доме и Православие примет». Я безпрекословно, охотно взяла к себе в дом чужого ребенка и, недоумевая — каким образом может состояться принятие ею Православия у меня в доме — молчала, думая, что верно она сама говорила об этом со старцем. Оказалось потом, что это было только его предсказанием. Девочка тогда еще и не думала о принятии Православия.

Прошло немного времени. Вдруг получаю я от батюшки на благословение хлеб. Это меня крайне удивило и испугало. Затем мой муж заболел своей предсмертной болезнью. Я написала батюшке о его болезни и тотчас же получила от него ответ: «Скажи от меня больному, — писал он, — что аз грешный советую ему немедленно приобщиться Святых Христовых Таин». Мужем это было исполнено.

Четыре раза снился мне батюшка в течение тяжелых предсмертных страданий моего мужа, ободряя и подкрепляя меня в уходе за ним. В последнем четвертом сновидении видела я себя в Оптиной, в батюшкиной хибарке. Лежал будто бы тут же у него и мой больной. Батюшка же мной очень недоволен и, не желая меня благословить, отвертывался от меня и укорял меня в непослушании. Я проснулась огорченная и не поняла сна. Дело же было вот в чем: доктор строго запретил мне давать больному что-либо съестное, говоря, что у него полное параличное состояние желудка и что съестным я только продлю ему мучение. И духовные лица говорили мне то же, что он уже готов к исходу и ему ничего не надо. Но я, неразумная, оставаясь с больным одна, давала ему глотать чего-нибудь жидкого. Больной сам этого, как видно, не желал, крепко стискивая зубы, но глотал поневоле. Так я своей любовью мучила его.

После его смерти приехала я к батюшке, который после обычного приветствия и высказанного им ко мне участия строго мне сказал: «А ты все не слушалась ни монашествующих, говоривших тебе, ни доктора — кормила больного. Теперь клади за это поклоны — по шести поклонов утром и вечером». Итак, вот чем был мной недоволен приснившийся мне тогда старец и вот за что не хотел перекрестить меня во сне. Я была поражена всезнанием старца и не находила слов высказать ему это. Наложенную им на меня епитимью я исполняла. И только незадолго перед кончиной своей батюшка вдруг спросил меня: «Ты поклоны кладешь?» На мой утвердительный ответ он сказал: «Ну, клади еще до января, а там оставь». Старец предчувствовал свою близкую кончину и знал, что без него никто бы не мог разрешить меня от епитимьи.

За две недели до смерти мужа деловые люди посоветовали ему, пока он был в памяти, подать в отставку, говоря, что дадут больше пенсии, что и было им сделано. Прошение об отставке было подано и передано в канцелярию губернатора для его подписи и отправки в Петербург. На этот счет мы были покойны, но дело вышло не по-нашему. Мой муж скончался, а прошение об отставке не было подписано кем следует и вовремя и завалялось в канцелярии. Случилось же это по воле Божией, за непослушание наше к старцу. Послушались бы мы его полгода назад, подали бы тогда в отставку, и все было бы сделано как следует, и мне бы дали пенсию больше.

В самые предсмертные минуты муж мой открыл глаза и, повернув ко мне голову, тихо сказал: «Монах пришел». В этот день я послала телеграмму к старцу, прося его отпустить умирающего с миром. После же кончины мужа я получила от старца следующее письмо, весьма тогда меня утешившее. Письмо батюшки писано было нам обеим с дочерью. Вот оно: «Мир вам и Божие благословение, а покойному — Царство Небесное! Он много поболел и много пострадал в болезни. А за терпеливое перенесение болезни даруется и милость, и прощение грехов. Вы теперь осиротели. Но сказано: Сам Бог — Отец сирых и строгий Судия за вдовиц. Силен Господь заступить вас и сотворить о вас всякое промышление, даровать вам и место, и пропитание. Призывая на вас мир и Божие благословение, остаюсь с искренним благожеланием. *Многогрешный иеромонах Амвросий*». Это письмо пришло тогда ко мне как раз вовремя. Я оставалась с детьми без места и без всяких средств к существованию. Каждый пункт батюшкина короткого, но многосодержательного письма исполнился на мне. Господь за его молитвы и заступил, и защитил меня, и дал мне место и пропитание.

После девятого дня по кончине мужа я уехала к старцу, и так как наступила весна, то за разливом рек и осталась в Оптиной до сорокового дня. Накануне этого дня, перед вечерней, пришла я к старцу просить его помолиться за покойного, но во множестве народа, который толкался подле меня, я в ту минуту как бы забыла, зачем пришла. Старец обратил ко

мне свое личико и взглянул на меня испуганно и строго. «Ох, страшно! — сказал он. — Приговор наступает; иди скорей молиться в церковь, и я помолюсь за него». Я очень поняла, о чем мне говорит батюшка, и страшно испугалась его слов и выражения лица. Ему были открыты и тайны загробного мира. Я ушла в церковь, где, отстояв вечерню, заказала панихиду, а наутро обедню с панихидой. Придя после обедни к батюшке, я тотчас была принята им. Он сидел весь светленький и радостно встретил меня. Не успела я поклониться ему в ножки, как он, хлопнув меня по голове три раза, сказал: «В Царстве Небесном! В Царстве Небесном! В Царстве Небесном!» Личико его все сияло небесной радостью. И эта радость сообщилась и мне, грешной.

Время моего отъезда домой с дочерьми приближалось. Хлопоты о пенсии, о местожительстве и одно денежное дело тянули домой. Горько и тоскливо было на душе. Неизвестность томила меня. Батюшка вышел на общее благословение, где икона Божией Матери «Достойно есть» и где мы его ожидали, сел неожиданно подле меня на стоявший тут комодик, пригнул мою скорбную голову к себе в колени и сказал: «Ты не тужи, что у тебя не ременные гужи. Лыко да мочало оборвалось — связала и опять помчала». Одна из толпы, слышавшая слова старца, но не понявшая их, спросила: «Что это значит, батюшка?» Старец ответил: «А вот ехал богатый барин на тройке, у него и лошади были хорошие, и сбруя ременная. Ехал и бедняк. У того и лошадь была плохая, и вся сбруя — лыко да мочало. Оба попали в зажору. У обоих сбруя порвалась. Высвободившись кое-как из зажоры, бедняк связал свое «лыко да мочало» и поехал себе вперед, а богатый остался на месте — ременные гужи надо было сшивать». Этим рассказом батюшка предсказал или определил мою последующую жизнь. Так она и потекла.

При отъезде из Оптиной, принимая благословение от старца, я сказала ему: «Одного боюсь, батюшка: не хватит у меня средств ездить к вам часто». Батюшка ответил: «Средства ко мне ездить у тебя всегда будут. Еще будешь ходить к нам пешком». Я тогда не поняла этого и возразила: «Пешком?

Да разве это мне можно?» Однако слова старца сбылись. У меня всегда являлись средства ездить к батюшке, и даже чаще, чем прежде езжала в Оптину. А теперь, живя в Шамордине, хожу летом пешком к нему на могилку, а вместе и к старцу Иосифу. Вот что означали батюшкины слова: «Еще будешь ходить к нам пешком».

Тут же, при прощании, старец сказал еще: «Не хватит когда-либо у тебя денег на твою приемную дочь (которой надо было еще учиться) или еще на что-либо — бери у меня». Я же, грешная, ответила ему: «Нет, батюшка, а вы лучше дайте мне свое старческое благословение, чтобы у меня никогда не прекращались средства мои собственные на все необходимое. Мне много не нужно». — «Ну, в таком случае, — сказал старец, — дай мне свои руки». Я их подставила, и старец благословил полным крестом руки мои, сказав: «Чтобы у тебя никогда не прерывались деньги! А за то, что ты меня успокоила, взяв к себе приемную дочь, Архангел Михаил будет тебе во всем помощником». Через пять лет после этого умерла моя единственная родная дочь на день Архангела Михаила, 8 ноября, приняв перед смертью пострижение в великий ангельский образ (схиму). О ней много тоже предсказывал мне старец, но в то время, как говорилось им, я ничего не понимала. Так, он часто говаривал ей, встречая ее, Евангельскими словами: *Мариа же благу́ю часть избра́, яже не отъи́мется от нея́* (Лк. 10, 42). Называл ее часто: «Ты моя роза только до мороза». А мне на мою заботу об устройстве ее жизни говаривал так: «Ты об ней не заботься. Ее устроит Сама Царица Небесная». И многое другое.

За молитвы и благословение старца Господь устроил меня с детьми. Дали мне единовременное пособие до пенсии, которую я могла получать только через год от дня кончины мужа, и казенное помещение в том же здании, где мы жили прежде, пока служил мой покойный муж. Отвели мне сначала три комнаты. Устроившись, я поехала осенью к старцу и, пробывши у него некоторое время, собиралась уезжать. Батюшка позвал меня к себе в келью и, занявшись немного со мной, вышел, ничего не сказав мне — уходить или еще

подождать его. Я оставалась в недоумении. Вдруг старец торопливо вернулся и, увидав меня, не говоря мне ни слова, сильно меня ударил и так толкнул, что я, не удержавшись на ногах, стукнулась головой об дверь, которую шибко распахнула своей особой. Но странно — от удара я не почувствовала никакой боли и с удивлением посмотрела на батюшку, не понимая, чем я провинилась пред ним. При сем я встретила ласковый и веселый взгляд батюшки. Сама тут же чему-то рассмеялась и, не спросив его о причине удара, вышла, а потом и уехала. Разгадка этого батюшкина со мной поступка ожидала меня дома. Устройство мое в казенном здании и помощь не обошлись без завистников и недоброжелателей. Подвели и наговорили было на меня так, что я едва удержалась на месте и чуть-чуть не была лишена казенной квартиры. Но все объяснилось, и полученный мной нравственный удар прошел для меня безследно, да еще как будто в мою пользу и на посрамление оболгавших меня.

И так, до пенсии я жила единовременным пособием, которое мне дали, и продажей кое-каких вещей. Но вот случилось, что этот источник иссяк. До получки пенсии, до которой оставалось два с половиной месяца, у меня было всего только три копейки, а взять было неоткуда и не у кого. Конечно, я могла бы написать о сем старцу, и он не отказался бы помочь мне. Но раз я сама отказалась от обещанного им денежного пособия, то мне уже до последней крайности не хотелось в этом случае безпокоить старца. С такой верой я приняла тогда его благословение! Заскучав, не зная, что делать, я ушла пешком к особенно чтимой чудотворной иконе Царицы Небесной, за десять верст от города, и решила отдать свои последние копейки на свечу Ей. День был июльский жаркий. Я сильно утомилась дорогой и вечером, возвращаясь к дому, сказала себе мысленно: «Батюшка! Что же ты меня оставил без помощи? А обещал». Кто-то в это время шибко проехал мимо меня на извозчике. Я, занятая своими мыслями, не обратила на него внимания. А вышло так: подошла я к дому, и ехавший подъехал, и мы вместе вошли на крыльцо. Ехавший оказался приятель моего покойного мужа, тульский

помещик, которого я не видала года два. Он много был обязан моему покойному мужу своим состоянием и даже косвенным образом был его должником. Быв проездом в N., он захотел отыскать и повидать меня. Посидев у меня, он сказал: «Вы знаете, как я был дружен с вашим мужем и любил его! В память этой моей дружбы к нему, прошу я вас принять от меня пятьдесят рублей». Я поблагодарила его. Эти пятьдесят рублей и помогли мне с детьми дожить до пенсии.

Спустя немного времени по кончине мужа родной мой брат стал было звать меня жить подле него, на его полном содержании, до получки мной пенсии, говоря: «Лучше будешь жить у меня, нежели одолжаться посторонними и занимать казенный угол, через который уже была неприятность». Не делая уже ничего без благословения старца, я написала ему о предложении брата, быв вполне уверена, что батюшка не замедлит мне благословить это. Каково же было мое удивление! Получаю от батюшки очень скорый ответ. Он не только не благословляет меня переходить к брату и пользоваться его содержанием, но, во избежание дальнейших неприятностей, велит немедленно мне перейти из трех в одну комнату, а две отдать. Я ничего не могла понять. Мне показалось это даже ужасно. После обширного помещения, которое занимали мы прежде, и в трех комнатах казалось тесно. А тут батюшка велит нам втроем поместиться в одной комнате. Проплакав целый день и нароптавшись на старца (признаюсь в своем малодушии), я стала придумывать, как бы устроиться в одной комнате. И что же? Как стала об этом думать, то так хорошо придумала и устроилась, как нельзя лучше. Это было в ноябре месяце, а в марте мой брат неожиданно умер. Хорошо бы мне тогда было, если бы оставила казенную квартиру! Недели за две перед его смертью я была у батюшки в Оптиной. На общем благословении, когда нас много стояло перед старцем на коленях, он вдруг обернулся ко мне и, как-то особенно взглянув на меня, сказал: «Ты смотри, в карты не играй — можно и умереть за картами». Я с удивлением ответила: «Батюшка! Вы знаете, я в карты никогда не играю и не умею даже». Но батюшка, как бы не слушая меня, опять повторил

то же. Я опять ответила: «Никогда не играла, разве в детстве в дурачки, и то плохо». Что же? Вскорости брат мой умер от нервного удара за карточным столом.

Много батюшка и утешал меня, грешную, особенно когда, бывало, заскорбишь или обидит кто. Так, однажды, в душевном расстройстве приехала я к нему, незадолго перед днем своего рождения, и выпросилась у него поготовиться, чтобы на этот день приобщиться Святых Христовых Таин. О дне своего рождения старцу сама я не говорила, а сказал кто-то из посторонних. Накануне батюшка, позвав меня исповедаться, сам поздравил меня с завтрашним днем, говоря: «А то, пожалуй, забуду, ваше преподобие, поздравить». Так он, шутя, называл меня, мирскую. А на другой день, когда я пришла к нему, сам подарил мне свой портрет, в знак особенного его благоволения.

Раз приехали мы втроем к батюшке встречать с ним Новый год. На общем благословении батюшка благословил меня с детьми образом Трех Святителей, поздравил с Новым годом и заповедал нам утром и вечером класть им по три поклона; тут же и заставил нас на первый раз положить три поклона. При этом он рассказал следующее: «Жили на одном острове три пустынника, имевшие у себя икону Трех Святителей. И как были они люди простые, необразованные, то и молились пред этой иконой не иначе, как простой, своеобразной молитвой: «Трое вас и трое нас, — помилуйте нас». Так они постоянно твердили одну эту молитву. Вот пристали к этому острову путешественники, а старцы и просят, чтобы они научили их молиться. Путешественники начали учить их молитве «Отче наш», а выучив, поплыли далее морем на своем корабле. Но, отплыв несколько от берега, они вдруг увидели, что учившиеся у них молитве три старца бегут за ними по водам и кричат: «Остановитесь — мы вашу молитву забыли». Увидев их, уходящих по водам, путешественники изумились и, не останавливаясь, только сказали им: «Молитесь, как умеете». Старцы вернулись и остались при своей молитве». Потом батюшка приказал келейнику подать ему чашку, которую только что получил от кого-то в подарок, и отдал ее нам,

сказав: «Вот вам одна чашка, пейте из нее поочередно все трое».

Тут было несколько монахинь из обители Шамординской, живших при Оптиной. Батюшка приказал всем читать третью главу Послания апостола Иакова. Сам прочитал нам ее наизусть, особенно делая ударение на начале этой главы: *Не мно́зи учи́телие быва́йте,* а на конце. И сказал: «Учить — это небольшие камни с колокольни бросать, а исполнять — большие камни на колокольню таскать». Прибавил: «Хорошо бы вам и все это послание выучить наизусть и каждый день читать».

Мне часто, взяв меня за подбородок и крепко сжимая рот, говаривал: «Помни салазки». Не знаю, что означали эти его слова, а я понимала их так, чтобы я побольше молчала.

Каких-либо женских украшений, серег или брошек, а также головных уборов на мне батюшка не терпел. И если увидит на мне что-нибудь такое, то протянет свою ручку, возьмет и до тех пор тащит молча, пока я не сниму. Так я уже и перестала надевать на себя какие-либо украшения. Других же из женского пола оставлял в покое.

В тот же приезд, на праздник Крещения Господня, когда мы пришли к старцу, он встретил нас, пропев тропарь Крещению. Тут я увидала у одной монахини очень хорошо написанный образок святого Амвросия, батюшкина Ангела. И мне очень пожелалось иметь такой же образок, и чтобы старец меня благословил им. Но денег у меня оставалось немного — только на обратный путь. Идя в лавочку, чтобы купить образ, я дорогой рассуждала так: «Уж куда ни шло — куплю образ и как-нибудь перевернусь: приеду домой, там и заплачу ямщику за дорогу». Когда же я возвратилась с образом к батюшке за благословением, он мне сказал: «Какое же это будет мое благословение, когда ты образ сама купила? Уж куда ни шло (при этом старец подмигнул глазами точно так же, как я это сделала себе дорогой) — сходи в лавочку и скажи, чтобы там записали образ в мой счет, а я уж как-нибудь перевернусь». И так батюшка благословил меня образом своего Ангела. Вот до чего он был прозорлив!

На мои слова: «Всем бы я была довольна, да вы, батюшка, от меня далеко» — старец сказал: «Ближние мои далече от меня стали. Близко да склизко, далеко да глубоко».

Раз при отъезде из Оптиной мне что-то очень тяжело было расставаться со старцем. Кстати, в тот день батюшка был очень слаб. Меня же за последнее время стала преследовать мысль о смерти старца. И одного я всего больше боялась, как бы это не случилось в мое отсутствие. Я пришла к батюшке проститься и, не смея даже произнести перед ним слово «смерть», только сказала: «Батюшка! Отъезжая всегда от вас, я одного боюсь, как бы не случилось это без меня». Родной батюшка сейчас же понял, о чем я говорю, и так ответил мне: «Нет, нет, будь покойна, — при тебе». Что и случилось после этого разговора через четыре года. Господь сподобил меня быть при кончине старца и даже в самой его келье.

Через год после этого (стало быть, за три года до своей кончины) старец сильно заболел. Я была дома в своем городе и, прослышав о тяжкой его болезни, сильно скорбела и безпокоилась, узнавая письменно и телеграммами о ходе болезни. Сама же ехать не могла — одно, данное мне старцем дело, держало меня. Вырвавшись только на третьей неделе Великого поста, когда уже старцу было немного лучше, я поехала к нему с дочерью. Вечером поздно старец нас принял. Он лежал уже в своей спаленке на постельке. Взглянув на батюшку, я испугалась страшной перемены его личика, и слезы невольно потекли у меня из глаз. Батюшка встретил меня словами: «Хоть плыть, да быть». Этим он определил трудность моего путешествия при полном разливе рек. Затем продолжал: «Дураки! Вымолили-таки меня, остался еще для вас пожить». Я стала подле него на колени и сказала: «Слава Богу, батюшка!» Он мне в ответ: «Дурень! Да ведь мне трудно, невозможно становится жить». Я ничего не могла на это ответить. Все это говорил он как бы недовольным тоном. Вероятно, чтобы удержать мои слезы, которые невольно текли, старец еще продолжал: «Ну что ты приехала? Я болен, заниматься не могу». Я ответила: «Потому и приехала, что вы больны». Дочь же моя добавила: «Кстати, батюшка, и Великий пост —

можно приготовиться». — «Ну что же? — сказал старец. — Я всех своих духовных детей передал батюшке отцу Иосифу. И вы у него исповедуйтесь». Но я смекнула дело и скоро ответила: «Да я, батюшка, недавно перед масляной готовилась, я подожду — могу и после Святой». — «Ну, зачем же откладывать? — сказал он. — Идите, утро мудреней вечера», — и отпустил нас. Я всю ночь проплакала и промолилась, чтобы Матерь Божия внушила старцу при жизни его не передавать меня другому духовному отцу.

Наутро мне еще прибавилось огорчение. Одна пришедшая к нам в номер монахиня, духовная дочь старца, сказала мне, что она уже исповедалась у батюшки отца Иосифа, и стала надо мной подшучивать и тем довела меня до больших слез. Я никому не могла противоречить, но с собой сладить тоже не могла. Оправившись, насколько это было возможно, чтобы не было заметно слез, я пошла к старцу. Войдя к нему в келью и не успев еще поклониться ему, я увидала, что он стал торопливо что-то разыскивать кругом себя на кроватке, на которой лежал. Достал откуда-то из-под подушек мантийку, епитрахиль и поручи, которые были там спрятаны, и стал все это спешно надевать, сказав мне: «Ну, дурак, исповедуйся скорей, только не говори никому, что я тебя сам исповедал. А если спросят, как исповедалась, — скажи: как и все. У тебя пока другого отца не будет». Такой для меня был переход от сильного огорчения к великой радости! Кончив мою исповедь и начав читать разрешительную молитву, старец был прерван приходом к нему батюшки отца Иосифа, так как дверь в келью мной была не заперта. Я вздрогнула. Показался на пороге батюшка отец Иосиф и, увидав, что старец по великой своей любви не выдержал и снизошел к моей немощи, покачал головой и, улыбнувшись на батюшку отца Амвросия, только махнул рукой и ушел. У батюшки же отца Амвросия было при этом как бы виноватое личико. После я узнала, что старцу и доктор запретил, и все очень просили его, начиная с отца архимандрита, чтобы он никого не исповедовал, пока не оправится от болезни.

Прочитав надо мной разрешительную молитву, батюшка

вдруг сделался серьезным и, взглянув на меня своим особенным — загоревшимся внутренним огнем — взглядом, сказал: «Слышишь? Ты иди к отцу Иосифу». Я же, недоумевая, ответила ему с улыбкой: «Зачем я теперь пойду к нему?» Но батюшка опять повторил с добавлением: «Слышишь? Я тебе говорю: если хочешь, иди к отцу Иосифу. Я всех своих духовных детей передал ему». Я же тогда, опять ничего не понимая и рассуждая только о настоящем, думала: зачем же я к нему пойду и что ему скажу? Батюшка подозвал меня к себе и еще в третий раз сказал мне, но так строго, что всякая улыбка слетела с моих уст: «Слышишь? Я тебе говорю: иди к отцу Иосифу». И затем, по свойственному ему глубочайшему смирению, прибавил: «Я вас поил вином с водой; он же будет поить вас чистым вином». Выйдя от батюшки, я стала искать батюшку отца Иосифа, но, к моему крайнему удивлению, не нашла его дома. Оказалось, что он послан был старцем в монастырь и во время моей исповеди входил благословиться идти. Поискав батюшку отца Иосифа, я нечаянно встретилась с одной белевской монахиней, духовной дочерью старца, которая как-то испытующе взглянула на меня и спросила: «Вы у кого исповедались?» К счастью, я научена была старцем, как ответить, и спокойно сказала: «Как и все». Лжи тут не было: исповедь была обыкновенная, как и у всех. Она же удовлетворилась моим ответом.

Скажу еще о прозорливости старца и о некоторых чудесных случаях.

Раз тоже приехала я в Оптину к старцу и еще ничего положительно не думала говорить ему о монастыре и о своем устройстве в нем. Дети и дела держали меня. Мысли свои о монастыре я крепко скрывала. Выйдя на общее благословение, батюшка взглянул на меня и сказал: «О монастыре надо говорить наедине». Пройдя дальше, старец вернулся и, проведя рукой мне по лбу, сказал: «Шила в мешке не утаишь». Я этого сначала не поняла и подумала: Батюшка говорит что-нибудь о моих грехах. Позвав меня вечером того же дня, старец — не помню — спросил ли меня или предложил мне какое-то занятие. Но я перепугалась и сказала: «Да нет, нет, батюшка,

я пойду за вами». — «А, пойдешь за мной, ну так подойди ко мне — я тебя перекрещу». И старец перекрестил меня большим крестом. В этот раз я высказала ему уже все, что было у меня на душе. И потому, когда я уходила, батюшка опять подозвал меня, сказав: «Подойди, я тебя еще раз благословлю». Личико его было радостное. И он тут же велел одной монахине проводить нас с дочерью за него.

Еще случай со мной. Нужно мне было с моей дочерью уезжать из Оптиной. Был конец октября — самая глубокая осень. День был дождливый, грязь невылазная. Батюшка был чем-то занят и принял меня только в два часа дня. Я уже, по правде сказать, и не думала выезжать так поздно. Но батюшка, взглянув на меня, сказал: «Если не побоитесь, Бог благословит ехать». Я ответила: «Если вы, батюшка, благословите, ничего не побоюсь с вашим благословением». И так мы выехали из пустыни на почтовых в третьем часу пополудни и доехали уже до Андреевской, последней до Калуги станции. Дождь усилился, настала непроглядная темь, какая бывает у нас только в осеннее время, хотя час был не особенно поздний — часов семь вечера. Лошадей тут не было, надо было целый час ждать. Староста начал было уговаривать нас остаться за темной ночью и плохой дорогой, которая в то время особенно была плоха от этой станции до Калуги (теперь там шоссе). Но я ему ответила: «Я не боюсь. А если вы не беретесь везти нас — это другое дело». Повезли. Когда мы въехали в лес, который скоро за Андреевской станцией начинается, то не только не видно было дороги, даже нельзя было разглядеть тройки белых лошадей, которые нас везли. Ямщик стал ворчать и пугать нас Выркой (так называется место, где мост через ручей), что трудно будет попасть на мост. Я опять сказала ему: «Боишься — вернись». Едем дальше. Так называемую Вырку проехали благополучно. Но вскоре постигла нас такая неожиданность. Не доезжая версты четыре до Калуги, по обеим сторонам дороги тянется лес. Вдруг неподалеку от нас мы услышали свисток, как это бывает в городах у полицейских. Мы вздрогнули. В ответ свистку раздался другой такой же, а дальше и третий. Дело было понятно. К дороге кто-то подходит.

Мы ехали шагом. Бубенцы и колокольчик звенели потихоньку. Ямщик и мы обе перекрестились. Я подумала себе: «Батюшка родной! Зачем же ты нас отпустил в такую ночь?» Слышалось, что кто-то подходит к нам. Но в это самое время вдруг сзади нас раздался звон колокольчика — кто-то шибко ехал. Оказалось — то была эстафета, которая и догнала нас в самое опасное для нас время. Все мы трое, благодарственно к Богу, перекрестились и уже были спасены.

В другой раз, собираясь Великим постом на пятой неделе в Оптину готовиться, я взяла с собой старшую свою дочь. А меньшая моя, крестница, оставалась у моих хороших знакомых — она еще училась. Очень желалось мне тогда встретить Пасху при старце. Детям я еще ничего не говорила об этом своем желании и более полагалась на волю Божию, как там Господь устроит. Только им сильно не хотелось этого. Такое напало на них искушение. Я же думала и меньшую дочь к Пасхе выписать в Оптину. Но, приехав к старцу, я не высказала ему этого. Не прошло и трех дней, как пахнуло теплом, и реки вскрылись. Путь был прегражден. Казалось мне, ехать не представлялось возможности, и я в душе торжествовала. В субботу приобщились мы Святых Христовых Таин. Но вечером того же дня вдруг батюшка позвал меня и сверх всякого моего ожидания сказал: «Сейчас посылать за почтовыми лошадьми! Завтра рано ехать!» Я сказала: «Батюшка! Почта даже останавливается. Ни на колесах, ни на санях нет никакой возможности ехать». Но батюшка строго сказал мне: «Так вы не слушаться! Ведь вы потонете. Сейчас посылать! Идите». Огорченные и удивленные решением батюшки мы поспешили к отъезду. Дочь моя тогда уже и пожелала было остаться. Признаться сказать, я боялась ехать и проплакала всю ночь. Рано утром, однако, мы выехали. Не могу пересказать всю трудность пути. Мы ехали и на колесах, и на санях. Приехав в село Кожемякино, где мельница, видим — плотину прорвало, и воду спустили. Огромное пространство кругом было залито водой. Мужики высыпали на улицу смотреть на нашу переправу, когда тройка наша подъехала к мосту. Он был залит, и из него торчала только одна палка перил. Ямщику надо

было угадать попасть на него. Нам сказали, что только перед нашим приездом залило мост. Ямщик положил доску на высокую спинку саней, привязал ее и посадил нас. Моя дочь, как молодая, взгромоздилась на доску, подобрав ноги и сев боком. Я же так не могла и села прямо. Вещи наши положены были на козлы. Русский народ храбр. Ямщик перекрестился и, подобрав вожжи, ударил по тройке, которая бросилась в пучину. Я закрыла глаза и забыла подобрать опущенные свои ноги. Вода и лед хлынули в сани, и мои ноги погрузились до колена в воду. Но сильная тройка, направленная лихим ямщиком на мост, выхватила нас из пучины, за молитвами и благословением старца мы поехали дальше. От Кожемякина до города Перемышля восемь верст. Я ехала мокрая, под сильным весенним ветром. Когда мы добрались до Перемышля, на моих ногах образовалась ледяная кора, которую хозяйка постоялого двора едва могла с них стащить. Вещи были перемочены. Переменить нечем. Ноги же мои не только не озябли, но всю ночь горели. Ни малейшей простуды, ни даже насморка не было. Я крепко проспала всю ночь. Наутро мы поехали дальше. Нужно было переправляться через Оку. Пришлось плыть в казенной огромной лодке верст шесть под ледоходом, который гребцы отпихивали баграми. Под самой же Калугой, где в другой раз нужно было переплывать Оку, мы не нашли никакого казенного перевоза. Лед шел Угорский (из реки Угры) сильный, и паром еще не был устроен. Встретив тут старосту почтового двора, мы решились ехать в частной маленькой лодочке, так называемой «душегубке», с какими-то гребцами мужичками. Мы сказали себе: «Если Господь пронес нас там, за молитвами старца, то, без сомнения, и здесь пронесет». Но эта переправа была последняя и чуть ли не самая опасная. Надо было плыть с версту, если не более, против течения и потом выгадать время — между ледоходом повернуть лодку по течению. Господь пронес нас целыми и невредимыми. Мы приехали в Калугу. После, когда я приехала опять к старцу и рассказала ему о трудностях своего путешествия, он сказал, смеясь: «А ты вперед говори свои желания — я бы все устроил».

Раз собралась я с детьми к старцу в Оптину на праздник

Рождества Христова. Сама-то я уже не ела мяса, а детей жалела, боясь, как бы они не ослабели. Да еще думала: пожалуй, будут жалеть, что не остались на праздник дома. Чтобы не было в соблазн, хоть и мирской прислуге на монастырской гостинице, я захватила с собой самый хороший копченый и запеченный окорок ветчины, думая: буду втихомолку давать им понемногу — все подкрепление. Но, приехав, сказала об этом старцу. Батюшка же мне говорит: «Не вози никогда мяса в монастырь. Вот один как-то привез, а в мясе завелась трихнина, и он отравился». Возвратившись от старца, я сказала своим: «Ну, дети, подождите три дня, приедете домой, тогда и покушаете мяса». Но, приехав домой, нашли это мясо, все изъеденное червями. Так и выкинули его.

Бывая в монастырских кельях и видя там почти у всех деревянные кресты с Распятием, я возымела желание купить такой же и себе. Итак, купив себе в Оптиной очень хорошенький крест, я принесла его к старцу и просила его благословить им меня. Батюшка же, взяв в руки крест, сильно ударил им меня по голове, от чего верхняя дощечка с надписью «Иисус Христос» и прочее отскочила и покатилась под стол. Я с сожалением бросилась искать ее и сказала: «Как жаль, что дощечка отскочила!» Я видела, что батюшка с особенным вниманием следил за мной. И когда я ее подняла и приложила к тому месту, от которого она отклеилась, думая: дома приклею, — дощечка сама собой, под пристальным взглядом батюшки, пристала. И вот уже много лет этому кресту, как он у меня, дощечка так крепко держится, как литая. Сколько дорог этот крест изъездил со мной, и я его часто клала за пазуху, но дощечка никогда не отклеивалась. Так крепко приклеил ее родной батюшка своим взглядом.

Весной 1890 года приехала я к нему готовиться и должна была прийти исповедаться. Вдруг, говорят, батюшка получил очень грустную телеграмму о кончине Воронежского Владыки Вениамина* и, прекратив прием народа, отпустил всех до

---

* С преосвященным Вениамином старец Амвросий давно имел духовное общение и всегда был с ним в переписке. По желанию этого Владыки посылал ему иногда Отеческие книги Оптинского издания.

двух часов. Со всеми и я ушла. В два часа прихожу к старцу. Он позвал меня к себе на исповедь. Став пред ним на колени, я сказала: «Батюшка! Вы получили грустную весть — ваш любимый Владыка скончался». — «Да, — ответил мне старец, — двойная скорбь: этот скончался, а нашего возьмут в Воронежскую епархию». Я остолбенела. Своего Владыку я очень полюбила. Он был мне помощником в приведении моей приемной дочери в Православие, обещал и на экзаменах защитить ее от нападок на нее со стороны одного учителя. Не поняв прозорливости старца, я удивленно спросила его: «Да разве об этом говорят уже?» — «Да, — ответил он, отвернув свое личико от моих вопросительных глаз, — слухи носятся. Туда надо хорошего, а другого такого нет». В заботе о своей крестнице я сказала: «Господи! Кто же теперь поможет ей?» — и назвала ее имя. Батюшка утвердительно ответил мне: «Да Владыка же и поможет». Я вышла от старца в недоумении, как и что это он говорит: Владыку нашего переведут, да он же поможет и на экзаменах, которые у нас так поздно кончались, к июлю месяцу. А была еще ранняя весна. Через некоторое время вдруг, как снег на голову, — телеграмма из Петербурга о назначении преосвященного Анастасия на Воронежскую епархию. Ни он сам и никто другой этого не ожидал. Между тем слова прозорливого старца батюшки отца Амвросия, сказанные мне в день кончины Владыки Вениамина, исполнились в точности. И моей дочери помог преосвященный Анастасий, и его перевели в Воронеж.

Поучение преподобного Амвросия сестрам Казанской Амвросиевой женской пустыни в Шамордине

«Лучше не исполнить чего-либо и укорить себя в глубине души за неисправность, — говаривал старец, — нежели все выполнить и подумать, что хорошо сделал». Бывало, батюшка, заметив в ком-либо склонность к формализму и буквальному исполнению своих правил и обязанностей, заставлял

нарушить что-нибудь, говоря, что такому полезнее остаться неисправным. Точно так же и слабых, и немощных он воодушевлял тем, что Бог не требует подвигов выше сил физических и Ему приятнее наше сокрушенное сердце, почему никогда не следует смущаться, что не пришлось наравне с другими попоститься, или не в силах выстаивать все долгие службы, или не можешь трудиться в обители.

«Если не можешь, — говаривал батюшка, — стоять всю службу, сиди, но не уходи из церкви; не в силах держать поста — поешь и поневоле смиришься и не будешь осуждать других». Тех, кто по болезненному состоянию не мог нести послушания и скорбел об этом, батюшка утешал, говоря: «Благодари Бога и за то, что живешь в обители, и это милость Божия». «А я вот ничего не делаю, а все лежу», — прибавит таким в ободрение любвеобильный отец.

Так он был мудр и снисходителен к немощным, а, с другой стороны, от здоровых он требовал сильного понуждения. Он говорил, что лень и немощь так тесно сплетаются в человеке, что очень бывает трудно разобрать, где кончается лень и начинается немощь, и что очень легко принять первую за вторую. Он увещевал неопустительно ходить к службам церковным, говоря: «В Писании сказано: *Пою Богу моему дондеже есмь и Воздам Господеви молитвы моя пред всеми людьми Его.* Кто понуждает себя ходить в храм Божий, того Господь сподобляет особенной милости Своей. Кто не справляет своих монашеских правил и пятисотницы по лени, то горько пожалеет об этом, когда будет умирать. За оставление нами правила Господь оставляет нашу душу».

Самочинных подвигов тоже не велел на себя накладывать. Одна сестра начала подолгу ночью молиться и класть без числа поклоны. Все это ей легко давалось, и она так привыкла, что как заснет, то сейчас точно кто к двери подойдет и постучит — и она снова встает на молитву. Наконец рассказала она об этом батюшке, который ей на это серьезно сказал: «Вот когда тебя будут опять ночью будить, то ты не вставай и не клади поклонов, а лежи всю ночь. За полчаса, как идти на послушание, встань и положи двенадцать поклонов». Она так

и сделала; в двенадцатом часу по обыкновению просыпается, и точно кто говорит ей: «Вставай молиться». Но она, помня приказание старца, пролежала на постели до половины пятого утра и тогда, встав, хотела положить назначенные старцем двенадцать поклонов, как вдруг ударилась лбом об стул, который раньше никогда на этом месте не стоял. Пошла носом кровь, и она, провозившись, не успела положить ни одного поклона. Рассказав все батюшке, она получила такой ответ: «Вот видишь теперь, кто тебя будил; когда ты по своей воле молилась, то тебе не было тяжело сотни поклонов класть, а за послушание и двенадцати не положила, потому что врагу эти двенадцать поклонов гораздо тяжелее, чем твоя тысяча, и раньше он тебя будил, а теперь даже и не допустил».

Батюшка советовал чаще вспоминать слова: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся.* «Помните, — говорил он, — что Господь зрит на вас, на ваше сердце и ожидает, куда вы склоните свою волю. Господь готов каждую минуту прощать нас, если мы только готовы с сокрушением воззвать к Нему:

«Прости и помилуй!» Но мы большей частью на вопрос Господа: *Адаме, где еси?* — стараемся обвинить других и потому вместо прощения готовим себе двойное осуждение».

Предостерегая от лености и праздности, батюшка любил приводить слова святого Ефрема Сирина: «Трудясь, трудись притрудно, да избежишь болезни суетных трудов». Так, однажды батюшка велел всем написать на бумажке и приклеить на стенке следующее изречение: «Скука — уныния внука, а лень — дочь; чтобы отогнать ее прочь, в деле потрудись, в молитве не ленись — скука пройдет, и усердие придет». Побуждая к терпению, он указывал на примеры святых и по своей привычке выражаться иногда полушутя составил и на этот случай четверостишие: «Терпел пророк Елисей, терпел пророк Моисей, терпел пророк Илия, так потерплю ж и я». *В терпении вашем стяжите душы ваша и претерпевый до конца, той спасен будет* — эти слова были любимыми его, и он часто повторял их унывающим.

Ошибками своими батюшка никогда не велел смущаться.

«Они-то нас и смиряют», — добавлял он. «Кабы на хмель не мороз, так он бы и дуб перерос», — говорил батюшка, поясняя этим, что если бы разные немощи наши и ошибки не смиряли нас, то мы возомнили бы о себе очень высоко.

Учил батюшка предаваться во всем воле и Промыслу Божию и не любил, когда роптали и говорили: «Отчего со мной не так поступили, почему другим иначе сказали?» «На том свете, — говорил батюшка, — не будут спрашивать, почему да отчего, а спросят нас, почему и отчего мы не хотели терпеть и смиряться. В жизни человеческой все идет вперемежку, как пряжа — идет ровная нить, а потом вдруг переслега (тонкая нить)».

Батюшка как сам преисполнен был смирения, так особенно заботился, чтобы и сестры старались и понуждали себя к этой добродетели. «Бог любит только смиренных, и, как только смирится человек, так сейчас Господь поставляет его в преддверие Царства Небесного, но когда человек не хочет добровольно смиряться, то Господь скорбями и болезнями смиряет его. Раз одна сестра за невольное ослушание подверглась строгому выговору от настоятельницы. Сестра не могла поступить иначе и хотела объяснить причину, но разгневанная настоятельница не хотела ничего слушать и грозила тут же, при всех, поставить ее на поклоны. Больно и обидно было ей, но, видя, что нельзя оправдаться, она, подавив в себе самолюбие, замолчала и только просила прощения. Возвратившись к себе в келью, сестра эта, к великому своему изумлению, заметила, что, несмотря на то что она потерпела такое незаслуженное обвинение, в особенности при посторонних мирских лицах, у нее вместо стыда и смущения, наоборот, на душе было так светло, отрадно, хорошо, как будто она получила что-нибудь радостное. Вечером того же дня она попала к батюшке (старец в это время жил в Шамордине) и рассказала ему обо всем случившемся и о своем необычайном настроении духа. Старец внимательно выслушал ее рассказ и затем с серьезным выражением лица сказал ей следующее: «Этот случай промыслителен — помни его; Господь захотел показать тебе, как сладок плод смирения, чтобы ты, ощутивши его,

понуждала себя всегда к смирению, сначала к внешнему, а затем и к внутреннему. Когда человек понуждает себя смиряться, то Господь утешает его внутренне, и это-то и есть та *Благодать,* которую *Бог дает смиренным.* Самооправдание только кажется облегчающим, а на самом деле приносит в душу мрак и смущение». «Когда бываешь в Оптиной, — сказал батюшка в другой раз, — ходи на могилку отца Пимена и читай надпись на его памятнике — вот как должен держать себя монах». На памятнике отца Пимена, бывшего смиренным подвижником Оптиной пустыни, духовником братии и самого старца, надпись говорит о том, что он за кротость и смирение был любим всеми. Замечания настоятеля и старших принимал без всякого самооправдания, а, сложив смиренно руки, просил прощения.

Так ясно, просто излагал любвеобильный старец свои мудрые наставления и так сильно они влияли на душу, истомленную борьбой и искушением. В унынии и в томлении душевном старец был особенно сильным помощником; тут, конечно, главным образом действовали его молитвы, но тем не менее он не оставлял и без подкрепления словом. «Это крест монашеский, — говаривал он, — надо нести его без ропота, считая себя достойной, и получишь за это особенную милость Божию. Бог посылает этот крест любящим Его, но виновным в нерадении и за самомнение. Если в это время придут хульные помыслы отчаяния, то не должно смущаться: это внушение вражеское и не вменяется в грех человеку; нужно чаще говорить: «Господи, хочу или не хочу, спаси мя!» Трудящиеся, живущие в повиновении и понуждающие себя к смирению и самоукорению, избавляются от этого креста, но и он полезен и необходим в монашеской жизни, и кто испытал его, будет бояться как огня самомнения и возношения».

«Батюшка, — сказала одна сестра, — как я могу иметь смирение? Святые, которые жили праведно и считали себя грешными, этим действительно показывали свое смирение, а я, например, кроме грехов, ничего не имею, какое же это смирение, когда я вижу только то, что есть?» Батюшка на это ответил: «Смирение в том и состоит, чтобы в чувстве сердца

иметь сознание своей греховности и неисправности, укорять себя внутренне и с сокрушением из глубины взывать: *Боже, милостив буди мне, грешному,* — а если мы, смиряясь на словах, будем думать, что имеем смирение, то это не смирение, а тонкая духовная гордость».

Когда некоторые малодушные жаловались, что трудна монашеская жизнь, батюшка говорил, что действительно иночество требует постоянного понуждения и есть наука из наук, но в то же время она имеет громадные преимущества перед жизнью в миру. «Святые отцы сказали, — добавлял батюшка, — что если бы известно было, какие скорби и искушения бывают монахам, то никто не пошел бы в монастырь, а если бы знали, какие награды получат монахи, то весь мир устремился бы в обители».

Батюшка вообще был снисходителен, и, зная, что люди теперь не могут выносить столь сурового образа жизни, какой вели древние иноки, он дозволял по немощи телесной иметь что-нибудь лишнее из пищи и одежды, но желание большого приобретения никогда не одобрял и особенно был всегда против выигрышных билетов и надежды на выигрыш, говоря, что если нужно для человека, то Бог сумеет и без этого послать. Так, одна его духовная дочь имеет билет и, желая непременно выиграть, огорченная неудачей, говорит раз ему на общем благословении: «Вот, батюшка, опять я ничего не выиграла, а уж как я просила Господа, намедни всю «Херувимскую» промолилась!» «Оттого-то ты и не выиграла, что молилась об этом во время «Херувимской»; поют: *Всякое ныне житейское отложим попечение,* — а ты просишь о выигрыше», — сказал ей на это батюшка со свойственной ему улыбкой.

Не было такой скорби, не было такого искушения, каких не снял бы благодатный старец с души каждого. К батюшке потому так тянуло в минуту жизни трудную, что он удивительно горячо принимал к сердцу всякую тревогу душевную. Когда батюшка брал сестру для занятия, он в это время весь принадлежал ей, жил ее жизнью, вникал во все тайные изгибы ее сердца, с самой нежной заботливостью указывал на недостатки, судил и прощал, пробирал и ласкал. И как легко

становилось на душе после таких занятий! Все как рукой снято, и выходили от него точно с другим сердцем, с новыми чувствами... Конечно, не одно только участие старца влияло на душу, но та великая сила благодати, какой он был исполнен, совершала внутренний переворот, спасала и разливала жизнь и мир. Доказательством этого служат те многочисленные случаи, когда люди приходили к нему в сильном душевном смущении и, не успев еще передать ему свое внутреннее состояние, принимали одно благословение, когда он выходил к народу, и уже чувствовали облегчение, а иногда и полное избавление от душевной тяготы.

Батюшка выйдет на общее благословение, хлопнет по голове или, сидя на диванчике, пригнет голову и крепко держит рукой все время, пока разговаривает с другими, и затем отпустит, не сказав ни слова... А на душе стало уже светло и спокойно! В другой раз придет сестра, как будто спокойная, старец берет ее в келью и начинает наводить ее на какой-нибудь бывший с ней случай, в котором окажется что-либо серьезное и вредное, а между тем она и не считала это за важное.

Раз одна монахиня пришла к нему на исповедь и говорила все, что помнила; когда она кончила, батюшка сам начал говорить ей все, что она забыла, и между прочим упомянул один грех, которого она не делала. Это смутило ее, и она сказала это батюшке. Тогда старец ей сказал: «Ну, забудь об этом». Но она долго не могла забыть и все вспоминала, но, не найдя за собой этого греха, снова сказала старцу, что не грешила в этом. Старец опять ответил: «Забудь об этом, я так сказал, хотел только...», — и не успел он договорить, как она вспомнила, что этот грех действительно был на ней. Пораженная, она принесла чистосердечное раскаяние.

Две сестры пришли в Оптину и просились к старцу. Батюшка вышел на общее благословение и, увидев их, сказал: «А ты мне нужна». Сестры не поняли, к которой из них относились эти слова, а батюшка, возвращаясь назад, взял одну из них за руку и повел к себе. Через несколько минут она вышла от старца вся в слезах. Ее товарка упросила ее рассказать, в чем дело, и та ответила, плача: «Ах, батюшка мне так

страшно сказал, что он видел врага, который сказал, что ходил в Шамордино смущать меня на такого-то, но я даже и не видела его никогда». В смущении она пошла к своему духовнику отцу Анатолию и передала ему все слышанное от старца. Отец Анатолий посоветовал ей хорошенько разобрать свою совесть, говоря, что старец сказал это не просто. Долго мучилась она и, наконец, вспомнила, что действительно думала об одном человеке, только не о том, которого называл старцу лукавый обличитель, и не каялась в этом. Таким образом враг оболгал сестру перед старцем, но молитвами его эта козни вражеская обратилась в стрелу против него же: сестра через этот случай вспомнила свой неисповеданный грех и принесла чистосердечное покаяние.

У одной сестры случились разные вопросы, касающиеся ее внутренней жизни. Это было Успенским постом в последний год его жизни. Народу было много, старец сильно уставал, и она, не надеясь попасть к нему на беседу, написала ему письмо. Дня через два она была у старца, и он на все пункты ее письма дал полные ответы, вспоминая сам, что еще там было написано. Сестра ушла от старца утешенная и успокоенная, не подозревая, однако, какое чудо прозорливости старца совершилось над ней. В октябре старец скончался, и через шесть недель, при разборке его келейных бумаг, нашли нераспечатанное письмо на его имя; так как на конверте было также надписано и от кого оно, то его и возвратили по принадлежности. Каково же было изумление той сестры, когда она увидела то самое свое письмо, которое писала Успенским постом и на которое тогда же получила такие подробные ответы, нераспечатанным!

Поучения преподобного Амвросия, записанные монахиней Евфросинией (Розовой)

«Когда бывает бдение, минут за восемь (до благовеста) надо читать вечерние молитвы».

«После всенощной к тебе придут в келью, то ты встань,

зажги свечку и скажи: ну-ко, сестра Варвара, прочитай-ко вечерние молитвы — и по очереди. Этим отучишь ходить в келью».

«Когда ложишься спать, кровать и келью крестить с молитвой „Да воскреснет Бог“».

«На ночь ложиться и утром вставать — все члены крестить можно: сердце — с молитвою „Во имя Отца и Сына и Святаго Духа, аминь“, а прочие члены — уши и перси и даже всю, с молитвою — „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную“».

«Шесть часов спать, а то (если более) с покаянием».

«В подряснике можно спать и ничем не накрываться. Сны не рассказывать».

«Ничего не желай во сне видеть, а то с рожками увидишь».

«Когда проснешься, сначала перекрестись. В каком состоянии будешь с утра, так и на целый день пойдешь. У святого Иоанна Лествичника об этом написано».

«Утром, когда проснешься, говори: Слава Тебе, Боже! — Батюшка отец Макарий всегда это говорил. И не должно вспоминать прошедшее и сны».

«Когда нельзя ходить в церковь, (должно) дома вычитывать: вместо утрени — утренние молитвы, двенадцать избранных псалмов и первый час, а вместо обедни — третий и шестой часы с изобразительными».

«Утренние молитвы читать и в это время ничего не делать. И ко всякой службе ходить. А то ведь тебя даром кормят. Антоний Великий видел Ангела, который показывал ему (как должно монаху жить): то помолиться, то поработать. А во время работы „Господи, помилуй“ читать».

«В праздности грех время проводить. И службу церковную, и правило для работы упускать грех. А то смотри — Господь как бы тебя не наказал за это».

«К службе церковной непременно должна ходить, а то больна будешь. Господь за это болезнью наказывает. А будешь ходить, здорова и трезвеннее будешь. Батюшка отец Макарий, случалось, заболеет, а все пойдет в церковь. Посидит, потом в архиерейскую келью выйдет, там места не найдет, перейдет

еще в келью к отцу Флавиану, там побудет, но когда уже увидит, что не в силах быть долее в церкви*, перекрестится да и уйдет. А то все не верит себе».

«Когда в церковь идешь и из церкви приходишь, должно читать: „Достойно есть“. А в церковь придя, положить три поклона: „Боже, милостив буди мне“, и прочее».

«К началу ходить к службе — трезвеннее будешь».

«Кафизму иногда стоять и непременно вставать на славах».

«Кафизму попробуй стоять в уголке, а потом выйди на свое место».

«В церкви не должно говорить. Это злая привычка. За это посылаются скорби».

«Четки даны для того, чтобы не забывать молитву творить. Во время службы должно слушать, что читают, и перебирать (четки с молитвой): „Господи, помилуй“, а когда не слышно (чтения), то: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

«Непременно устами читай молитву (Иисусову), а умом не полезно — повредиться можешь».

«Хоть шепотом произноси молитву (Иисусову), а от умной многие повредились».

«Во время чтения Апостола дома можно сидеть, если кто другой читает. И в церкви можно сидеть, когда не в силах стоять».

«От того дремлешь в церкви и не слышишь службы, что помыслы бродят туда и сюда».

«Прежде всего нужно милости просить у Господа и молиться: „Ими же веси судьбами, помилуй мя грешную“».

«От тайных моих очисти мя, и от чуждых пощади рабу твою.

---

* Церковь в скиту первоначально устроена была, по благословению и указанию Калужского преосвященного Филарета (впоследствии митрополита Киевского), в виде домовой. В западной ее части была для него и особая келья, так как Владыка этот имел обыкновение ежегодно приезжать в основанный по его благословению скит в конце сырной недели и проводить здесь в уединении всю первую неделю Великого поста, почему и келья в скитской церкви, которую занимал он, называлась архиерейской. Тут же была келья, в которой помещался и пономарь, монах Флавиан, впоследствии иеромонах и казначей Оптиной пустыни.

(Читать): „Помилуй мя Боже“, „Отче наш“, „Богородицу“, „Да воскреснет Бог“, „Боже милостив буди мне грешной“».

«Читайте „Отче наш“, да не лгите: остави нам долги наша, якоже и мы оставляем...»

«„Христос Воскресе“ читать, когда положено церковью, а то не должно».

«Надо молиться и прибегать к Царице Небесной: помоги, спаси и помилуй».

«„Богородицу“ читать двенадцать раз или двадцать четыре раза в день. Она у нас одна Заступница».

«„Богородице Дево“ читать хоть с поясными поклонами, как одной, явившись во сне, сказала сама Божия Матерь, прибавив, что это для ее же пользы».

«Когда усердно молишься, то так и смотри, что искушение будет. Это и со всеми случается».

«Не должно говорить, что молишься (или будешь молиться) за других. Отец Антоний* и тот говорит: обязываюсь молиться».

«Не должно тебе молиться за сестер. Это враг под видом добра подущает. Это дело совершенных. А ты только перекрестись и скажи: Господи, помилуй нас».

«Правило ко причащению можно читать самой, и „Господи, помилуй“».

«После приобщения надо просить Господа, чтобы Дар сохранить достойно и чтобы подал Господь помощь не возвращаться назад, то есть на прежние грехи».

«Когда приобщаешься, то один только день не полоскать рот и не плевать. Если большая частица (Святых Даров), то раздроблять (во рту); а маленькую так проглотить и не обращать внимание на хульные помыслы, а укорять себя за гордость и осуждение других».

«Если пьешь воду или лекарство до обедни, то не должно антидор и вынутую просфору есть».

«Просфору можно стоя есть — это дело благочестия; а кто сидя ест, того не осуждать».

---

* Игумен Антоний, брат Оптинского начальника отца архимандрита Моисея, живший в Оптиной пустыни на покое.

«К образам прикладываться, как все делают: прежде положить пред иконой два поклона и приложиться, а потом еще один поклон».

«Пятисотницу (по немощи или недосугу) от вечерни можно раскладывать (на целые сутки)».

«Если с вечеру пятисотницу не справишь, то утром получше молись».

«Своих поклонов не накладывать, а если хочешь (больше молиться), то ночью вставать».

«К пятисотнице не прикладывать своих выдумок, а как следует (то есть как положено) молиться».

«Когда справляешь правило (келейное), то опускай занавеску. А когда посмотришь в окно, то вспомни, что каяться надо. У Иоанна Лествичника написано: если хочешь что не должное сделать, вспомни, что должно сказать о сем старцу, то и остановишься».

«Не должно говорить (случившейся посетительнице): иду правило справлять, а скажи: пойду по своим делам. А то скажи ей: давай Казанской Божией Матери акафист читать».

«Молитву в келье читать устами: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную“. Или: „Боже, очисти мя грешную“. А в церкви: „Господи, помилуй“. И слушай больше, что читают. А если не слышишь, то всю молитву читай: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную“».

«Когда ударят к „Достойно“ (если находишься в келье), нужно встать и положить три поклона Святой Троице: Достойно и праведно поклонятися Отцу и Сыну и Святому Духу. Просить заступления Царицы Небесной и читать: „Достойно есть яко воистину...“ А если кто чужой будет (в келье), то только перекреститься».

«С покровенной главой нужно молиться».

«Когда бьют часы, должно перекреститься с молитвой: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную“, как пишет святой Димитрий Ростовский, для того помилуй мя, что час прошел, ближе к смерти стало. Можно не при всех креститься, а по рассмотрению, приком можно; а то и не надо, в ум же молитву должно сотворить».

«Если что представится — перекреститься».

«Не надо верить приметам, и не будут исполняться».

«Лампаду засвечать, а если масла не будет, не скорбеть — пускай не горит».

«Свечей восковых в церкви не ставить, а самой свечкой быть».

«Когда в мирском доме бываешь, то, как в дом взойдешь, в первой комнате креститься три раза, а в другую комнату (перейдешь), можно один раз. А когда обедать сядешь, за первым кушаньем только один раз перекреститься и на весь обед».

«Не должно обращаться свободно с мирскими — ты их соблазнишь».

«Книги читать поутру с четверть часа до работы, а потом целый день жуй, что читала, как овца жвачку».

«Списывать с книг, пожалуй, можно, только нужно усвоивать: что понятно, то читать. Читать надо меньше, но понимать».

«Только хоть прочитай книгу. Если и не запомнишь ничего в то время (то есть во время чтения), получишь пользу».

«Евангелие можно сидя читать только не в положенное время».

«Перед причастием читать святого Ефрема Сирина о покаянии».

«Нужно более читать книги в этот день (когда причастишься), особенно Новый Завет, послание к Ефесеям и Апокалипсис».

«Оттого не любишь отеческих книг, что они обличают тебя».

«Книги давай читать, хотя и маслом зальют, запачкают, — ничего, только по разбору — кто читает».

«Книги лучше не раскрывать» (чтобы узнать неизвестное).

«По воскресеньям не работать. А если праздник, например Иоанна Златоуста и тому подобное, то к вечеру можно поработать».

«Чай пить без хлеба. А если сильно захочется, то после чая маленький кусочек можно съесть на глазомер».

«Когда поутру чай с хлебом пьешь, то скажи себе: разве ты на постоялый двор пришла? — Это от привычки. С малого начнешь — привыкнешь к большему».

«Чай пить по три чашки без хлеба и никому этого не рассказывать. А если у кого в гостях будешь, то раскроши только хлеб, как делал митрополит Филарет (Московский). Подали ему уху стерляжью, он ушицу поел, а рыбу только раскрошил»*.

«Чай постом в другой раз — с покаянием».

«Великим постом поставишь самовар и скажи: кто не хочет осуждать, тот пей чай. Хоть не осуждайте-то, а то и напьетесь, и осуждаете».

«Когда труды, то не принуждай келейных только по три чашки чай пить, а скажи: пейте по вашему правилу».

«Если будешь помногу чай пить, то зубы будут болеть».

«Объястливые уста — свиное корыто».

«Если будешь пить после правила вечернего, то нужно положить за это двенадцать поклонов. Не осуждать людей, а сказать себе: ах я, окаянная!»

«Надо благодарить Господа, что Он тебе все посылает. Это для трех причин — чтобы привести в чувство, сознание и в благодарность».

«Как будешь кого осуждать, то скажи себе: *лицемере! изми первее бревно из очесе твоего»*.

«Бревно в глазу — это гордость. Фарисей имел все добродетели, но был горд, а мытарь имел смирение и был лучше».

«Если найдут помыслы осуждения, то вспомни, что один лошадь украл, а другой овцу, то есть ты лошадь (украла)».

«Все помыслы (недолжные) от гордости. У тебя есть гордишка».

«Гордых сам Бог исцеляет. Это значит, что внутренние скорби (которыми врачуется гордость) посылаются от Бога, а от людей гордый не понесет. А смиренный от людей все несет и все будет говорить: достоин сего».

---

* Подобным образом поступал и старец Амвросий: хлеб скушает малейшую часть, а весь ломоть раскрошит.

«Когда чувствуешь, что преисполняешься гордостью, то знай, что это похвалы других тебя надмевают».

«Когда нападет гордость, скажи себе: чудачка ходит».

«На объяснение, что в разговорах с другими говорю — я, батюшка сказал: „Отец архимандрит Моисей никогда не говорил — я“, а: „Это опытом удостоверено“ или скажет: „мы“».

«Дом души — терпение, пища души — смирение. Если пищи в доме нет, жилец лезет вон» (обычное выражение: выходить из терпения).

«Когда разворчишься, то укори себя, скажи: окаянная! что ты расходилась, кто тебя боится?»

«Если очень зацепят тебя, скажи себе: не ситцевая, не полиняешь».

«Много в этой голове ума, да вон нейдет».

«Когда бывает такое время, что желаешь и сама не знаешь чего, то напиши в уме эти слова: кто я и кто ипостась моя? и чего я желаю? — в гости не еду и дома не остаюсь — везите меня к нам. — Подойди и прочитай».

«Тщеславие и гордость — одно и то же. Тщеславие выказывает свои дела, чтобы люди видели, как ходишь, как ловко делаешь. А гордость после этого начинает презирать всех. Как червяк сперва ползает, изгибается, так и тщеславие. А когда вырастут у него крылья, возлетает наверх, так и гордость».

«Тщеславие, если его тронуть пальцем, кричит: кожу дерут».

«Сказать (хвалящей): не хвали, а то после рассоримся. Лествичник велит опасаться таких людей. Лучше принять злословившего человека».

«Если будут тебя хвалить, должно молчать — ничего не говорить, как написано у аввы Варсонофия».

«Похвала не на пользу. Ужасно трудна похвала. За прославление, за то, что здесь все кланяются, тело по смерти испортится — прыщи пойдут. У аввы Варсонофия написано: Серид какой был старец! А и то по смерти тело испортилось».

«Уступай N.N. во всем, предложи свой совет, только не настаивай».

«Надо быть ко всем почтительной. Будь ласкова, но не ласкательна. Поклонись, да скорее мимо проходи».

«Надо вниз смотреть. Ты вспомни: *земля еси, и в земную пойдеши*».

«Не желай рясофора. Меня самого принудили в рясофор и в мантию, а я не хотел и говорил об этом батюшке отцу Макарию, я сам не принял бы».

«Смирение состоит в том, чтобы уступать другим и считать себя хуже всех. Это гораздо покойнее будет».

«Ведати подобает, яко три суть совершенного смирения степени. Первая степень покорятися старейшине, не превозноситися же над равными. Вторая степень покорятися равным, не превозноситися над меньшими. Третья степень покорятися и меньшим и вменяти себе ничтоже быти, яко единому от скотов, недостойну сопребывания человеческого».

«Лепо тебе смирятися паче иных, в передней бо мнишися жити. Это напиши да к стене приколи».

«Прежде надо наружно кланяться в ноги старцам. Это положили святые отцы. А потом внутри будет (ощущаться), точно как кто (кланяющийся) беден, а затем кучу золота дадут, и он богат будет».

«Сестра! Кайся, смиряйся, сестрам уступай что можно и не осуждай других — все с немощами».

«Кто уступает, тот больше приобретает».

«Смиряйся, и все дела твои пойдут».

«Умудряйся. Смиряйся. Других не осуждай. Не судите, да не судими будете».

«Иди мытаревым путем и спасешься, говори: Боже, милостив буди мне грешной!»

«Если не имеешь любви (к ближним), смиряйся».

«Прочитай „Живый в помощи Вышняго“, да и иди, прощение проси, на кого немирна».

«Если кто сердится на тебя, то спроси у него причину».

«Если кто не покоен (то есть немирен на тебя, а не высказывает сего), то угождай ему, будто не замечаешь сего».

«Если помысл будет говорить тебе: отчего ты этому человеку, который оскорбил тебя, то и то не сказала? — то скажи своему помыслу: теперь поздно говорить — опоздала».

«Если кого хочешь уколоть словом, то возьми булавку в рот и бегай за мухой».

«Будь сама к другим снисходительна».

«Нужно ближнего успокаивать — и с тобой то же может быть».

«Сама живешь нерадиво, а с других строго требуешь, чтобы исполняли все».

«Ты молчи пред всеми, и тебя будут все любить».

«Шуточками лучше высказывай, когда непокойна (немирна на кого) бываешь».

«Не должна вмешиваться в их (вместе живущих) спор. А уйди в свою келью, возьми бутылку воды и полей между ними, особенно же каждой можно говорить. Скажи N.N.: мы без щей насидимся — ни я, ни ты не умеем варить, а другой скажи: потерпи — она Петербургская».

Грубо не велел батюшка обращаться.

«Не должно выбирать сестру по духу, а то будет по плоти».

«Хорошее дело, что родные тебе не пишут. На что тебе знать ихние дела? К нашему отцу А-ию пришла родная сестра и ходила разыскивать для себя сани. Пошла к отцу Д-фею, к отцу казначею, наткнулась на отца игумена, там был и отец А-ий. После он говорил, что такой скорби еще не было ему».

«Смотри на всех просто».

«Будь проста, и все пройдет. Считай себя хуже N.N. Если будешь внимать себе, то найдешь, что ты действительно хуже N.N.».

«Жить просто — значит не осуждать, не зазирать никого. Например, идет Е-да. Прошла и только. Это значит, думать просто. А то при виде проходящей Е-ды подумать о ней с худой стороны: она такая-то, характер у ней такой-то. Вот уже это непросто».

«Если непокойна N.N., то скажи: все по своим местам! Себе внимать и авву Дорофея читать! Напиши это и где-нибудь приколи».

«Ты ей (N.N.) раз уступишь, а она тебе десять раз».

«Когда ты непокойна на N.N., то клади поклоны от трех до девяти с молитвой: Господи, яко же веси, помози рабе тво-

ей N.N., и за ее молитвами меня окаянную помилуй. Тогда клади поклоны, когда непокойна (немирна), а то не надо».

«Истина без смиренномудрия основывается на злопамятности. Истина значит — кто ставит ланиту и обращает другую; а на злопамятности — кто оправдывается, что не виноват».

«У тебя всегда была эта страсть — злопамятность; она скрытна и тонка».

«Внутренняя скорбь значит: например, памятозлобствовать или терпеть отсечение своей воли потому, что другой никто не может знать, что у тебя внутри. А внешняя скорбь со стороны других».

«N.N. чтобы старшая была тебе. Убытку не будет. Ты все та же будешь. Только кто к тебе придет и что спросит, ты скажи: как М.М., — а без нее ничего не делай, а как она скажет».

«Кто будет спрашивать у тебя совета, отказываться должно: не знаю, что сказать».

«Смеяться поменьше; а то от этого недолжные помыслы приходят».

«Смех изгоняет страх Божий».

«Если кто будет смешить, тому уменьшить одну чашку чая».

«За столом не смеяться. Надо знать время на все. Ежели рассмеются, то одна сжала бы губы и вышла в сени, положив там три поклона».

«Если помыслы будут говорить: никаких больших грехов нет, что смеетесь много — большой грех».

«Дерзка и смела от смеха — страха Божиего, стало быть, нет».

«Если перебивать разговор, то это дело дерзости».

«Если кто шутя до кого дотронется, то десять поклонов положить».

«Господь тебя избавит от всех недолжных помыслов, только смиряйся».

«Молитва: «Господи! За молитвами старца Макария избави меня от помыслов». И меня (старца Амвросия), пожалуй, если хочешь, помяни».

«Если придут хульные помыслы и осуждающие других, то укоряй себя в гордости и не обращай на них никакого внимания».

«Когда найдет день, что будто хорошо живешь — весело и покойно, а вдруг сделается безпокойство, и помыслы будут тебя смущать, тогда скажи себе: что ж ты теперь смущаешься? А помнишь, когда была покойна».

Вопрос: «Как стяжать страх Божий?» Ответ: «Должно всегда иметь Бога пред собой. Предзрех Господа предо мною выну».

«Страх Божий приобретается еще исполнением заповедей Божиих, и чтобы делать все по совести».

«Против рассеянности надо иметь страх Божий. Читай у аввы Дорофея о страхе Божием, о хранении совести и о смиренномудрии».

Вопрос: «Как себе внимать, с чего начинать?» Ответ: «Надо прежде записывать: как в церковь ходишь, как стоишь, как глядишь, как гордишься, как тщеславишься, как сердишься и прочее».

«В кельи не ходить и к себе гостей не водить. А если в келье сделается тесно духом, то в чулан выйти прочихнуть».

«Если кто скажет: зайдите, — то скажи: я теперь в кислом расположении — не могу».

«Ты моя дочка. Я сам такой — человекоугодничаю. Не должно человекоугодничать, должно лучше молчать. Положи на бесы угождение людям на одну сторону, а на другую молчание, то молчание перевесит».

«Вы на меня похожи, я тоже учу, вы мои дочки». Батюшка отец Амвросий несколько раз это повторял.

«Помыслы записывать каждый день. А когда пойдешь к М. И. (для откровения), то выпиши их вообще, например сердилась и тому подобное».

«Надо говорить помыслы М. И., помыслы и ослабеют. А откуда они — от гордости».

«N.N. (старице или старцу) все должно говорить, сказать, что осуждаю, и помыслы приносятся, а повторять их не надо. Это враг наносит. Ефрем Сирин называет это лаянием бесовским. Если спросит N.N.: какие? — тогда можно сказать».

«Надо говорить: приходят помыслы хульные против вас и осуждающие». (Если бывают помыслы против старицы или старца.)

«Свои грехи говори и себя больше вини, а не людей».

«Чужие дела не передавай».

«Не рассказывать, где что делается».

Батюшка строго приказывал — чужих грехов не говорить матушке игуменье, но себя винить.

«Помыслы те надо говорить, которые безпокоят. Иной помысл целый день приражается — и ничего, а другой враз оцарапает — тут и нужно говорить».

«Не должно никому говорить, как матушка игуменья утешает, а то зависть будет».

«Милостыню подавать, если лишние деньги будут».

«Выработанные деньги отдавай на общие».

«Когда кто просит тебя что купить, покупай до тех пор, пока денег не будет; а тогда скажи, что денег нет».

«У N.N. немощь — скупость, а у тебя немощь — раздавать. У нас был такой-то брат — раздаст, а потом и скорбит, что того или другого у него нет».

«Свет воссиял, чтобы иоты не было тьмы».

«Кадка меду, ложка дегтю. Враг покажет десять раз правду, а однажды ложь — все дело пропало».

«Нужно себя понуждать гряды копать и на все».

«Вспоминай батюшки отца Макария слова и исполняй — вот и будешь его слушаться».

«Ответ на жалобу о безпамятстве: „Придет время — вспомнишь мои слова, когда нужно будет“».

«Уныние значит та же лень, только хуже. От уныния и телом ослабеешь, и духом. Не хочется ни работать, ни молиться, в церковь ходишь с небрежением — и весь человек ослабевает».

«Прелесть нерадения (может быть), а настоящей прелести не будет, потому что мы — не подвижники».

Вопрос: «Помысл пришел: зачем спасаться? Не спасемся все равно, как ни жить. К тому же теперь нет спасающихся, как написано в видении Афонского монаха». Ответ: «Это сказано к тому, что теперь совершенных во всем нет, а спасающиеся есть. Не каждый может быть генералом, а иной — генерал, другой — полковник, майор, офицер, солдат, и простой человек такой же, как и они».



ПРЕПОДОБНЫЙ ИОСИФ ОПТИНСКИЙ (1837—1911)

Во всех взглядах, поступках и решениях преподобный Иосиф был так проникнут духом своих великих учителей, преподобных и Богоносных старцев Амвросия и Макария, что действительно становился как бы их отражением.

Старческое руководство преподобного Иосифа отличалось сдержанностью, ровностью отношений ко всем, немногословностью. Его краткие ответы и сжатые наставления были сильнее и действеннее самых обстоятельных и продолжительных бесед. Он умел в двух-трех словах сказать так много, что сразу все становилось ясным и понятным. Самые убедительные доводы самолюбия и горделивого самооправдания разбивались тотчас от одной его фразы: «Надо потерпеть». Своей любовью он смирял самые бурные сердца, от него веяло всегда такой небесной тишиной, что в его присутствии самые неуступчивые, гордые и строптивые совершенно изменялись.

Преподобный старец Амвросий говаривал иногда: «Вот я пою вас вином с водою, а отец Иосиф будет поить вас вином неразбавленным». Действительно, старец Иосиф был весь сосредоточенность, речь его была сдержанна и дышала одним лишь святоотеческим учением. Несомненно, что старцу был присущ особый дар — дар учительного, действенно сильного и вместе с тем утешительного слова, дар благодатного воздействия на внутреннее состояние кающегося.

Духовные беседы преподобного Иосифа Оптинского

Все наставления старца проникнуты духом святоотеческого и старческого учения. Перед иночествующими он ставил выше всего послушание и самоукорение, так как обе эти добродетели рождают смирение, которое вселяет в душу Бога и дает то, о чем сказано в Евангелии: *Царствие Божие внутрь*

вас есть. Старец никогда никому не разрешал отказываться от послушания, говоря, что кто до конца несет данное послушание, тот сподобляется блаженной кончины. Нередко старец приводил в пример одного иеромонаха, который никогда не отказывался ни от чего и, будучи нездоров, не отказался от своей череды священнослужения, и во время литургии, только что приобщившись, внезапно скончался тут же в алтаре во всем облачении.

Когда ему приносили жалобы на трудность послушания и на сопряженные с ним скорби, то лицо старца озарялось радостью, в глазах светилась нежная отеческая любовь, и он как-то особенно одушевленно говорил: «Ну что ж? за то мученики будете». При этом всегда старался внушить, что всякий человек должен иметь терпение во всем, на всяком месте, до конца. «За что взялся, — говорил он, — того и держись, и терпи все находящее; только с места не сходи и себя всегда укоряй — и спасешься».

Раз одна особа передавала старцу слышанный ею разговор, что будто прежние старцы не особенно принуждали своих учеников на телесные подвиги, а требовали больше внутреннего монаха. Батюшка на это сказал: «Ты скажи им: не вырастивши дерева, откуда же ждать плодов. Дерево же, на котором вырастает внутренний монах, есть *пост, всякое воздержание, хождение к церковным службам, телесный труд,* тогда уже на нем и вырастет плод, то есть внутренний монах».

Кто-то на общем благословении вспомнил о том фельдшере, который, после бывшего с ним обмирания, во время которого он видел много поучительного на том свете, поступил в Оптинский скит еще при батюшке Амвросии, но затем, когда ушел отбывать воинскую повинность, то опять сошелся со своими неверующими товарищами, и они, убедив его, что с ним была простая галлюцинация, сбили его, и он остался в миру при больнице. Батюшка на это сказал: «Над ним исполнились Евангельские слова: *аще Моисея и пророков не послушают, то аще кто и от мертвых воскреснет, не имут веры*».

Однажды спросили батюшку про одно духовное лицо, почему он человек не образованный, а письма его дышат таким

духовным разумом, что так и проникают в душу? Батюшка отвечал: «Как луч солнечный не может проникнуть сквозь туман, так и речи человека только образованного, но не победившего страсти не могут действовать на душу. А кто сам победил страсти и стяжал разум духовный, тот и без образования внешнего имеет доступ к сердцу каждого».

Одна сказала батюшке: «Вы дадите мне правило, а я боюсь, что мне трудно будет». Старец ответил: «Наложенное всегда трудно», и при этом рассказал про архимандрита Исаакия, который, еще живя в миру, готовился к монашеству и подвижничал. Так он ежедневно клал по тысячи поклонов. По поступлении в монастырь он сказал об этом старцу Льву и тот вместо тысячи назначил ему пятьдесят поклонов. Через некоторое время он приходит к старцу и говорит: «Простите, батюшка, мне стыдно сознаться, но я почему-то не могу положить пятьдесят поклонов». Старец велел ему класть двадцать пять. Прошло еще немного времени, как он снова является к старцу и говорит, что он никак понять не может, почему в миру он делал тысячу поклонов, а здесь и двадцать пять не может? Тогда старец Лев пояснил ему: «В миру тебе враг помогал, — ты клал и гордился этим; а тут ты кладешь не по своей воле, а из послушания, видишь свою немощь и смиряешься, оттого и трудно».

Некто сказал: «Лучше бы я в миру в пост ел 1,2 фунта мяса, чем я здесь наедаюсь хлебом». Старец сказал: «Если ты съешь и 2 фунта хлеба, то все же не погрешаешь против устава Святой Церкви».

Однажды на общем спросили его: «Батюшка, будем ли мы на том свете с вами, поможете ли вы нам и вообще будете ли отвечать за нас?» — «Да, — ответил старец, — но только те будут со мной и за *тех* только я буду отвечать, которые безпрекословно меня слушали во всем».

Одна сказала: «Батюшка, скорблю, что средств нет и все должна зарабатывать, а между тем все хочется то того, то другого». Старец на это сказал: «Ищите прежде Царствия Божия и прочее все приложится вам. С таким устроением и поступали прежние монахи, и Господь снабжал их всем необходимым, и сверх того даже. У нас вот в скиту, когда я поступил,

самоваров ни у кого не было своих, а был один большой самовар у начальника на весь скит, и после службы братия по очереди пили там чай, и все были довольны и счастливы. Также было и во всех других потребностях; старались больше исполнять службы церковные да свои послушания, и за это Господь всё прилагал, ни в чем не имели нужды. А теперь поступают в монастырь со слабым произволением и только думают что об одежде да о пище, оттого и Господь не посылает нам грешным».

Одной монахини старец дал такое наставление:

«Если возмущают тебя поступки и грехи ближнего и похищают твое душевное спокойствие, то вспомни о сем:

а) Погрешность ближнего, которую ты хотел бы исправить, если она нарушает твой душевный покой и раздражает тебя, то и ты погрешаешь и, следовательно, не исправишь погрешности погрешностью, — она исправляется кротостью.

б) Ревность, хотящая истребить всякое зло, сама есть великое зло.

в) Помни, что в твоем глазе бревно, а ты указываешь на сучок брата.

г) Есть несовершенства неизбежные, есть и полезные. Бывает, что злом искушается добро.

д) Пример долготерпения Божия должен обуздывать нашу нетерпеливость, лишающую нас покоя.

е) Пример Господа Иисуса Христа показывает нам, с какой кротостью и терпением должны мы переносить погрешности человеческие, и если мы не начальствуем над людьми, то должны равнодушно взирать на зло.

ж) Каждому тот поступок ближнего кажется великим, который обличает его самого в чем-нибудь.

з) Ничто так не успокаивает и не примиряет нас с поступками ближних, как молчание, молитва и любовь.

Некто, говоря о ком-то из родных-самоубийц, стал доказывать, что Бог может и его простить. «Не наше дело рассуждать об этом: Господь-то может и простить, а наше дело исполнять, что велит закон. Как судьи, должны по закону приговорить преступников к казни, а царь может и помиловать. Один

(святой Василий Великий) помолился о царе Траяне, а ему был голос: «О таковых не дерзай молиться».

Однажды выйдя на благословение, старец вел беседу об исповедании грехов и между прочим сказал: «Если не можешь сказать грехов своих, то уж лучше написать их. И рассказал при этом, как одна женщина написала грехи свои и подала епископу (Василию Великому), прося разрешения, но тот послал ее к преподобному Ефрему Сирину. Преподобный все грехи разрешил, кроме одного, с которым послал ее снова к святителю. Придя в город, женщина узнала, что архиепископ скончался, и в страшном горе и слезах она припала к его гробу и положила бумагу, на которой были написаны грехи, а сама упала, обливаясь слезами. Тогда все стали спрашивать ее, и она рассказала свою скорбь. В это время один священник взял из гроба бумагу и развернул ее — она оказалась совсем чистой — грехи все были изглажены».

Старец говорил: «Совесть человека похожа на будильник. Если будильник прозвонил и, зная, что надо идти на послушание, сейчас же встанешь, то и после всегда будешь его слышать; а если сразу не встанешь несколько дней подряд, говоря: полежу еще немножко и в конце концов и просыпаться от его звона не будешь».

Еще сказал: «Сильнее всего в человеке действует противоречие. По своему желанию человек иногда и труднее что сделает, а скажи ему легкое что сделать, то сейчас же расстроится. А надо слушаться, хотя и не так кажется. К одному старцу пришли пять учеников в монастырь проситься. Он их послал сажать капусту корнями кверху, а листьями в землю. Двое стали сажать, как он велел, а трое говорят: разве так нужно сажать, — и стали сажать по-своему. Старец пришел посмотреть, как они делают, и которые по его сажали — взял в монастырь, а тех не принял».

Однажды, гуляя по лесу, сказали старцу, что в N-ском монастыре есть затворницы. Батюшка ответил: «Это путь опасный — в уединении-то страсти растут, а на народе полезнее. Вон где ходят (на дороге), там и трава не растет, а где не ходят, там она густая. Они и в уединение-то уходят от нетерпения. А нам

полезно, когда нас толкают. То дерево, которое ветер больше качает, больше корнями укрепляется, а которое в тишине, то так сразу и валится».

Одна монахиня из этого монастыря сказала: «Батюшка, благословите вечным домком заранее запастись». — «Запасайся терпением! Сказано: *в терпении вашем спасайте душы ваша.* Без терпения и временный дом не строится, тем более вечный. Терпение рождает утешение, и такое утешение истинно. А мы все ищем что полегче. Что легко для тела, то неполезно для души, а что полезно для души, то трудно для тела, — вот и надо трудом идти в Царствие Небесное».

Однажды, гуляя со старцем по лесу, сказали ему: «Хоть бы вы пожили, батюшка». Старец на это сказал: «Поживем: пока новое орудие не приготовлено. Господь не отнимает старого». Но затем лицо его вдруг сделалось серьезно, и он, помолчав несколько, добавил: «Только надо самим стараться жить хорошенько, а то за наше непослушание Господь, берет старцев и никого не оставляет».

Сказали старцу: вот опять, неурожай. «Да, — сказал он, — всего мало, только грехов много. Неурожай Господь посылает за то, что теперь совсем перестали посты соблюдать, даже и в простонародии; так вот и приходится поневоле поститься».

Еще сказал: «В нынешнее время частые самоубийства происходят кроме неверия еще и от нетерпения — ничего не хотят терпеть, — и если бы Господь не вложил в человека естественное желание жить, то почти все бы себя убивали. Святой Василий Великий пишет об одном языческом философе, который говорил: «Прежде я хотел, чтобы все делалось по-моему, но видя, что ничего не делается так, как я хочу, я стал желать, чтобы делалось все так, как делается, и чрез это стало выходить то, что все стало делаться так, как я хочу». — «Вот, — прибавлял старец, — и язычник самым делом дошел до этой истины, что неизбежно надо терпеть что случается. И святые все просили у Бога терпения, значит, и они в этом нуждались».

Однажды старцу высказали желание, чтобы он сам открывал затаенные и какие не хочется высказать грехи. Он

ответил: «Нет, этого не должно; нужно, чтобы каждый сам высказывал и каялся, а то ему пользы не будет в этом; а за забытые и невысказанные грехи должен терпеть все находящее. И батюшка Амвросий этого никогда не делал, только в очень редких и особенно важных случаях, когда видел, что человек может умереть не раскаявшись».

Кто-то пожаловался, что все болеет. Старец сказал: «Делать нечего; видно, Господь хочет нам спастись и очищает от скверны греховной. Хотя и нелегко терпеть прижигания, но ради здравия душевного надо терпеть все. Если неисправно живем, то будем иметь о сем сердце сокрушенное и покаянное, и на это призрит Господь и не оставит Своею милостию».

«Скорби — наш путь; будем идти, пока дойдем до назначенного нам отечества — вечности. В миру больше скорбей, а у нас хоть и есть, но не такие, и те ради Бога; только то горе, что мало заботимся о вечности и не терпим и малого упрека словом. Мы сами увеличиваем свои скорби, когда начнем роптать. Во всем нужно терпение и великодушие, как кораблю якорь, чтобы во время бури не разбился о камень».

«Как приобретается полное безстрастие?» — спросили старца. — «Полным смирением», — ответил он.

Спросили старца, что означают слова апостола: *мудрствуяй день, Господеви мудрствует и не мудрствуяй — Господеви не мудрствует,* — выходит, что и исполнять и не исполнять все равно. «Нет, — ответил старец, — святой апостол это сказал, чтобы мы никого не осуждали, потому что никто не знает, что кроется внутри у человека. Апостол дальше и прибавляет: *ядый не ядущего да не укоряет и неядый ядущаго не осуждает.* Один как будто видимо все исполняет, но, может быть, делает это холодно или превозносится, а другой ничего не исполняет, но укоряет себя, кается, смиряется и за все благодарит Бога».

Батюшке рассказали про одну барыню, которая умерла без напутствия, потому что в ее приходе был священник, о котором она знала много нехорошего и не захотела у него приобщиться. Старец пожалел умершую и сказал, что не должно

смущаться жизнью иерея, так как рука его только действует, а таинство совершает благодать. При этом он рассказал, как один преподобный, заболев к смерти, пожелал принять Святые Таины. Ближайший иерей, которого нужно было позвать, был очень порочной жизни и, казалось, совсем недостоин носить священство. Преподобный несколько смутился, но затем, победив этот помысл, призвал его. Во время причащения Господь сподобил его такого видения: он видел, что его приобщили Ангелы.

Один священник писал старцу, что умершая в его приходе девица является своей подруге, прибавляя, что последняя еще совсем юная, чистая и невинная. Старец на это ответил ему, что блаженный Диадох советует не доверяться даже истинным благодатным явлениям. Господь не взыщет за то, видя, что люди делают это не из презрения к Богу, а чтобы не поддаться вражескому обману. Один киево-печерский подвижник увидел в своей келье молящегося ангела и рассудил: если бы он был от лукавого, то не молился бы. Тогда этот мнимый ангел стал уже давать ему такой совет: ты теперь сам-то уж не молись, потому что отныне я за тебя буду молиться. Подвижник послушался и впал в прелесть, от которой едва только был избавлен молитвами преподобных отцов.

На этом основании и девица А-ия может говорить являющейся: хоть ты и молишься, а я все-таки не могу верить тебе и прошу тебя, не являйся ко мне, ибо я великая грешница и недостойна благодатных явлений. И пусть она усерднее молится Богу, чтобы Господь избавил ее от этих явлений, ибо в них кроится большая опасность. Еще прибавлю: не имеет ли А-ия о себе хотя тонкого мнения, что она исправно живет. Если имеет, то вот и причина, почему враг приступает к ней с искушением. Все великие святые считали себя грешнейшими и окаяннейшими паче всех людей, и только через такое смирение они и сделались угодными Богу. А что умершая является в небесной одежде и светлою — это пустяк.

Тому же иерею старец писал: «Вы пишете, что у вас некоторые занимаются врачеванием от укушения змей, употребляя для сего молитвы. Нужно бы вам эти молитвы просмотреть.

А то бывают молитвы или безсмысленные, или даже с примесью хулы. Такие молитвы только радуют бесов, от которых, может быть, и помощь некая бывает. Должно молиться молитвами, принятыми в употребление Святой Церковью, и притом прочитывать их приличнее иереям Божиим, а не простому народу».

«Просите дать вам наставление об избавлении от рассеянности во время молитвы. Чтобы совсем не рассеиваться на молитве, для нас, грешных людей, невозможно. Но все-таки должно стараться по возможности собирать свой ум, заключая его в слова молитвы, то есть вникать в каждое слово молитвы. Холодностью и окаменением смущаться не следует, а продолжать понуждать себя к молитве, сознавая себя недостойным утешения и умиления. Если молитва холодна, то из этого не следует заключать, что она и неугодна Богу, а иногда даже такая молитва вменяется человеку в подвиг, если только человек смиряется и всячески укоряет себя перед Богом».

Уча других терпению, смирению, незлобию и всему необходимому для христианского расположения души, старец Иосиф первый сам подавал пример в исполнении всех этих добродетелей. Всякие скорби и неприятности он переносил с таким благодушием и спокойствием, что посторонние и не догадывались даже, какие испытания он имел.

Случалось, что ему с возмущением указывали на некоторые поступки других, явно вредные или производящие смущение. Старец и в таких случаях кротко говорил: «Что же делать? надо потерпеть; нам от этого вреда не будет, а польза большая, если со смирением перенесем». Нередко говорил: «Бывает и ревность не по разуму: или: не *знаете коего духа есте*». На оскорбляющих он никогда не гневался и даже как будто вовсе не замечал дурного.

Когда приходилось на исповеди каяться в осуждении лиц, недоброжелательно к нему относившихся, то старец обыкновенно говорил: «Осуждать не нужно; ведь это не они, а враг их возмущает, а за них молиться надо». Так проникнут он был смирением и так крепок был он духом.

Он одинаково спокойно принимал и честь, и безчестие и с таким же глубоким смирением относился и к похвалам. Когда ему передавали чьи-нибудь похвалы или выражали свое удовольствие, по поводу какого-либо *его* возвышения, он всегда на это отвечал: *Сие да мудрствуется в вас, еже и во Христе Иисусе.* Один раз ему сказали: «Вот вы, батюшка, всегда уклоняетесь от чести, а она сама за вами следует». Старец на это серьезно ответил, глубоко вздохнув: «Да к чему это? На что это нужно?.. Впрочем, — прибавил он, — как не должно искать чести, так не должно и отказываться от нее живущим в обществе для пользы других. Налагаемая честь есть также от Бога».

Как сказано было выше, внутренняя духовная жизнь старца была для всех сокровенна. Одно только известно достоверно, что он занимался внутренней молитвой, или так называемым «умным деланием». Его ближайший келейник, которого старец не стеснялся, рассказывал, что, входя по какому-либо делу в келью старца, он часто заставал его творящим молитву Иисусову. Батюшка, лежа на кровати, с великим благоговением и сокрушением сердечным, полушепотом произносил слова молитвы, особенное ударение делая на словах: Господи, Иисусе Христе... и во избежание самообмана, косточками от маслин отмечал количество пройденных четок, для чего на столике около кровати у него всегда стояла коробочка с этими косточками. Особенно же умилительна и трогательна была эта молитва после приобщения Святых Таин, когда благодатный старец весь погружен был в молитвенное созерцание и от сильного движения молитвы не мог даже сдерживать ее внутри и громко призывал имя Божие.

Однажды у него спросили, как и давно ли получил он дар молитвы? Батюшка со свойственным ему простосердечием ответил: «Молитва сама учит. Сказано: *даяй молитву моляще-муся,* и кто расположен к ней, тот услышит о ней одно слово и уже держится ее; а я читал «Добротолюбие» и... дальше старец не докончил, так как остальное было ясно.

Батюшка как сам был непрестанный молитвенник, так и других располагал к занятию Иисусовой молитвой, и в своих

наставлениях особенно хорошо говорил о молитве, как о самом необходимом для каждого человека деле. Если же в ком видел особенное расположение к ней, то старался развивать и поддерживать в нем искру этого стремления своими опытными мудрыми советами, согласно святоотеческих писаний об этом предмете, изложенных в «Добротолюбии».

Нетерпеливых же и неопытных старец решительно и строго предохранял, не допуская касаться высоких степеней молитвы, уча их проходить этот путь постепенно, начиная с молитвы Иисусовой, произносимой устно и непременно по четкам в определенном количестве. «Это предохраняет от высокоумия, — говорил старец, — иной раз, не соблюдая счета, можно подумать, что по количеству очень много молитв проговорил; а если считать по четкам, то окажется, что и одной сотни не прошел».

«Если и не достигнешь вполне плодов и совершенства молитвы, то хорошо и то, если скончаешься на пути к ней. Высокого (то есть утешения и духовных озарений) не ищи; оно приходит, когда Богу угодно». Сам закалившийся в терпении, старец и других вел этим же путем. — *В терпении вашем стяжите душы ваша;* и, *претерпевый до конца, той спасен будет* — были и его, так же как и старца Амвросия, любимыми словами. «От утешений, даже и духовных, для неопытных бывает больше вреда, чем пользы, — говорил он, — от них душа незаметно возносится и, привыкши к ним, слабеет, и потому в случающихся скорбях малодушествует и падает. Терпение есть мати утешения — вот что говорят святые отцы».

На вопрос: какое *истинное* намерение должно быть при молитве? — Старец ответил: «*Спасение;* чтобы просить помилования, а не утешения; и не по тщеславию молиться, а чтобы терпеть со благодарением все скорбное находящее. И если какое утешение получаем в молитве, то еще больше должно считать себя виновным и должником, что задаром получил».

«Некоторые говорят, что в церкви при молитве со счетом нельзя внимательно слушать, что читается и поется, — говорил старец, — нет, значит, можно, когда достает времени и на разные помыслы. Конечно, и в древние времена преподобные

отцы творили молитву по счету; для этого они же и изобрели четки». Как например полезности такого упражнения, старец указывал на скитского послушника *Л.** «Он жаловался мне, — рассказывал батюшка отец Иосиф, — что ему скучно долго стоять в церкви и потому все хочется тихо подпевать клиросным. Тогда я ему сказал, чтобы вместо этого он творил по четкам молитву Иисусову. Он начал это исполнять и говорил, что ему стало легко стоять в церкви и не скучно, и время богослужения казалось непродолжительным. Итак он и во время болезни своей творил молитву Иисусову, и все желал быть один; так и умер с молитвой».

Вообще он своим сильным словом и живым примером возбуждал, поднимал дух и доказывал воочию, что как в древние времена, так и теперь упражнение в молитве возможно и даже необходимо для всех; что молитвой все получается, даже самая молитва, и поэтому не нужно никогда оставлять ее.

Его великое смирение и непрестанная сердечная молитва вселили в него Самого Господа, и облагодатствованный старец был выше всего земного. Что этот «схимник» был действительно подобен пламенному Серафиму, свидетельствует нижепомещаемый рассказ известного Оптинской и Шамординской обителям досточтимого иерея отца П. Левашова.

«В 1907 году я первый раз посетил Оптину пустынь как-то случайно, ибо к этому не готовился.

Кое-что слыхал раньше о старцах, но никогда их не видал. Когда я приехал в обитель, то прежде всего лег спать, так как в вагоне провел безсонную ночь. Колокол к вечерне разбудил меня. Богомольцы отправились в храм на богослужение, я же поспешил в скит, чтобы иметь возможность побеседовать, когда всего менее было посетителей. Расспросив дорогу в скит, а там келью старца Иосифа, я, наконец, пришел в приемную хибарки. Приемная — это маленькая комнатка с весьма скромной обстановкой. Стены украшены портретами разных подвижников благочестия и изречениями святых отцов.

---

* Богатый, образованный молодой человек, поступивший в скит и через два года скончавшийся блаженной кончиной.

Когда я пришел, там был только один посетитель, чиновник из Петербурга. В скором времени пришел келейник старца и пригласил чиновника к батюшке, сказав мне: «Он давно ждет». Чиновник побыл минуты три и возвратился; я увидел: от головы его отлетали клочки необыкновенного света, а он, взволнованный, со слезами на глазах, рассказал мне, что в этот день утром из скита выносили чудотворный образ Калужской Божией Матери, батюшка выходил из хибарки и молился; тогда он и другие видели лучи света, которые расходились во все стороны от него молящегося. Через несколько минут и меня позвали к старцу. Вошел я в убогую его келейку, полумрачную, с бедной, только деревянной обстановкой. В это время я увидел глубокого старца, изможденного беспрерывным подвигом и постом, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались; через мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы четверти на полторы высотою, а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок кельи раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому был так поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове и на которые я так желал получить ответ опытного в духовной жизни старца. Он, по своему глубочайшему христианскому смирению и кротости — это отличительные качества старца, — стоит и терпеливо ждет, что я скажу; я пораженный не могу оторваться от этого, для меня совершенно непонятного, видения. Наконец, я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться и начал, сказав: «Батюшка! я великий грешник». Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьезным, и свет, который лился на него и окружал его голову — скрылся. Предо мной опять стоял обыкновенный старец, которого я увидел в первый момент, когда вошел в келью. Так продолжалось недолго. Опять заблистал свет вокруг головы и опять такой же луч света появился, но теперь в несколько раз ярче и сильнее. Исповедовать меня он отказался по болезни своей. Спросил я совета его об откры-

тии в своем приходе Попечительства и просил его святых молитв. Я не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с батюшкой и все смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я так и оставил его. После еще три года я ездил в Оптину пустынь, много раз был у батюшки отца Иосифа, но таким уже более никогда не видел его.

Свет, который я видел над старцем, не имеет сходства ни с каким из земных светов, как-то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным и т. д.; иначе ничего подобного в видимой природе я не видал.

Я объясняю себе это видение тем, что старец был в сильном молитвенном настроении и Благодать Божия, видимо, сошла на избранника своего. Но почему я удостоился видеть подобное явление, объяснить не могу, зная за собой одни грехи, и похвалиться могу только немощами своими. Быть может, Господь призывал меня, грешного, на путь покаяния и исправления, показывая видимо, какой благодати могут достигнуть избранники Божии еще в этой земной юдоли плача и скорбей.

Мой рассказ истинен уже потому, что я после этого видения чувствовал себя несказанно радостно, с сильным религиозным воодушевлением, хотя перед тем, как идти к старцу, подобного чувства у меня не было. Прошло уже четыре года после того, но и теперь, при одном воспоминании о сем, я переживаю умиление и восторг. Мой рассказ — «иудеям будет соблазн, эллинам безумие», маловерным, колеблющимся и сомневающимся в вере — выдумкой, фантазией, и в лучшем случае объяснят галлюцинацией. В наше время неверия, безверия и религиозного развала подобные сказания вызывают только улыбку, а иногда и озлобление. Что же? молчать ли нам, служителям истины — да не будет! Приснопамятный старец Иосиф поистине светильник горящий и светящий — светильник же не ставят под спудом, а на свешнице, чтобы он светил всем, находящимся в истинной Церкви Христовой. Прошу всех верующих христиан молиться за него, чтобы и он помолился за нас пред Престолом Божиим.

Все вышесказанное передаю, как чистую истину, нет здесь и тени преувеличения или выдумки, что свидетельствую именем Божиим и своей иерейской совестью».

Приведем, как образчик духовного отношения истинного ученика к старцу, нижеследующий отрывок из дневника одного внимающего себе инока.

«...Господи, благослови на пользу души моей записывать слова старца моего, батюшки отца Иосифа, за его святые молитвы.

Однажды батюшка мне сказал: внимай себе, и будет с тебя. Еще говорил, чтобы чаще себя укорять, во всем быть терпеливым и за все находящее благодарить Бога. При этом старец в назидание рассказывал мне следующее:

— Однажды один святой отец слышал, как нищий укорял себя. Время было зимнее, а он полунагой лежал на куче навоза, едва прикрытый рогожей, и трясся от холода. Между тем он говорил себе: сего ли не хочешь потерпеть, окаянный! святые мученики не то терпели — зиму нагие, в темницах проводили, ноги забиты были в колодах; а ты ноги-то вот как протянул, да еще и рогожей покрыт.

Рассказ этот принес большую пользу душе моей.

— Батюшка, — сказал я, — вот я очень побеждаюсь леностью и знаю, что нехорошо, но снова побеждаюсь.

Старец сказал: в Евангелии говорится, что *нуждницы восхищают Царствие Божие,* а поэтому и нужно понуждать себя во всем, и страсти следует отсекать вначале, пока они молоды, ибо тогда они подобны маленьким лающим щенкам — пугнешь их, и они отбегут от тебя. А если дать им укрепиться и запустить в себя, то они уже будут, как львы, восставать на тебя; и ты не в силах будешь бороться с ними. Я спросил: в чем же больше, батюшка, следует понуждать себя, или воздерживаться?

Старец. Во сне, в пище, в питии, в разговоре; а наипаче в церкви не надобно говорить.

Батюшка. Вот иногда бывает такая ревность ко всему доброму, а то бывает такое нерадение и разленение, ни на что нет охоты, спишь и ешь без меры, молиться не хочется, правило свое келейное оставляешь, — что в таких случаях делать?

— Вот тут-то и нужно себя нудить на все доброе и на молитву; это вот уж будет зависеть *от тебя,* когда во время нерадения и разленения понудишь себя к молитве; а когда бывает ревность ко всему доброму, то *это от Бога.*

Батюшка. С чего бы мне начать, чтобы хотя немного сосредоточиться в себе, — или уж никуда не ходить, кроме самых необходимых случаев?

Старец. Вот с этого и начни: сиди в келье, и келья всему тебя научит — только терпи, будут смущать помыслы выйти — не поддавайся. Ведь все святые этим путем шли. Прочти у Феодора Студита, как он не велит останавливаться и разговаривать, когда выходишь из церкви; да и в уставе об этом сказано. А то мы уж извратили порядок монашеской жизни; у нас все навыворот пошло.

Говорил также батюшка, что старец Лев писал одной духовной дочери: «Вот тебе три орудия в брани духовной: смирение, терпение, самоукорение, — сими побеждай».

Еще на мой вопрос, можно ли кому что дать? Старец сказал: «Можно, если имеешь что лишнее, но не монастырское, на которое тебе не дано благословения». А можно ли что брать у кого: если дают?

Старец. Можно и принимать — это тоже знак смирения, как авва Дорофей говорит; но если не имеешь нужды, то, конечно, лучше не брать.

Батюшка. Мне помысл говорит давно: не имей ничего, как святые отцы учат.

Старец на это сказал: имей, что нужно и необходимо, а лишнего не собирай, а если не будешь иметь да будешь скорбеть, то что толку? — лучше держись середины. Можно иметь, только не привязываться ни к чему, и быть как неимущему; такое устроение и было у святых.

— Молитва Иисусова, батюшка, плохо идет у меня. Кажется, и простая вещь, везде и всегда можно бы творить ее, так нет — забывается.

Старец. Да, она как бы и простая вещь, а неудержима; сказал несколько раз и забыл, — вспомнил, еще проговорил десяток раз — и опять рассеяние. В день-то сотню одну

скажешь, а воображаешь, что молитву проходишь. Поэтому вначале надобно непременно количеством на счет проходить, пока не получишь навыка.

После исповеди я сказал дорогому отцу моему духовному и старцу:

— Батюшка! как бы я желал всегда быть исправным в моем звании, в исполнении монашеских обетов, и вообще пред Господом во всех моих делах и поступках. Иногда сердце как будто и горит любовью к Богу и готов исполнить Его волю, но лишь только решишься взяться за внимательную жизнь, как враг тотчас окрадывает меня; душа моя скорбит о таком нерадении, — когда же я начну исправно жить, а время-то идет.

Старец. Да, что делать? Всегда мы неисправны пред Богом; надобно молиться об этом. Ты знаешь, как написано у преподобного Макария Великого: «Безстудно должно вопиять к Богу, чтобы Он смиловался и Сам помог нам, потому что мы своими силами и сами собой ничего не можем сделать хорошего. А если будем часто молиться, докучать Богу, вопиять безстудно в великом смирении, то Господь и поможет».

Давно у батюшки не был. Был болен родной старец, никого не принимал вот уже с месяц. Очень похудел дорогой наш батюшка, морщин еще прибавилось, но образ его стал еще привлекательней, настоящий преподобнический. Получив благословение, высказав свою скорбь по случаю болезни его, я спросил о давно мучившем меня вопросе, и, получив на все глубокий, духовный ответ, я был понемногу утешен батюшкой, и просил не оставлять меня своим духовным руководством.

Слава Богу! Батюшка еще принял меня и снова получил аз грешный утешение и подкрепление моей унылой и присно-слабой души. Благодатный старец еще подтвердил мне касательно молитвы. Пятисотницу тоже не велел оставлять никогда. «Если не пришлось исполнить с поклонами, то можно без поклонов, — сказал старец. — Если нездоровится, или устанешь, то можно сидя пройти ее; но, конечно, если здоров, то надо исполнять ее стоя и с поклонами.

— Батюшка! вашими святыми молитвами, слава Богу, я как бы немного привыкаю к молитве, конечно, внешней.

Старец сказал: «Это хорошо. Ничего, что внешне; при неопустительном исполнении келейного правила, явится охота и помимо правил заниматься Иисусовой молитвой». Тут мне батюшка сказал что-то очень важное и полезное из писаний одного святого отца; но враг выкрал у меня из памяти, и я забыл, что было сказано. Удивительно, как батюшка может нужное сразу найтись что сказать. Из этого видно, что он есть истинный наставник и сам есть делатель монашества. Счастлив я, убогий, что имею такого опытного в духовной жизни отца, незаблудного, истинного руководителя, которого люблю истинной, сыновней любовью.

Еще батюшка говорил мне, что молитву Иисусову надобно произносить раздельно, редко; а что помыслы приходят — это обычно диавол навевает, чтобы отвлечь внимание от молитвы. Но тут-то и нужно усерднее и более углубляться в молитву, и помыслы, то есть сам диавол, жегомый страшным именем Иисусовым, бежит. Затем старец удивил меня крайне: только что я хотел еще высказать ему, а он, отвечая на мою мысль, говорит: «А иногда враг держит за сердце, раздражает ненавистью к кому-либо и осуждением». А я именно *это-то* и хотел сказать, ибо имел скорбь на одного человека; а батюшка предварил меня.

Господи, сохрани меня, молитвами отца моего, от прелести и обольщения и не по разуму ревности.

Плохая, однако, моя память! Много слышу от дорогого и любимого моего старца, но не все помню, если не запишу, а все слова его — хлеб духовный есть души моей, золото!..

Однажды батюшка говорил мне: «Много есть плачущих, но не о том, о чем нужно; много скорбящих, но не о грехах; много есть как бы смиренных, но не истинно. Чтобы преуспевать в молитве Иисусовой, надобно смиренно себя вести во всем: во взгляде, в походке, в одежде».

Говорил старец, что молитва Иисусова великую пользу доставляет тому, кто ее творит; и непременно надо привыкать творить ее. Она будет утешать, особенно во время болезни.

Если кто привык творить ее всегда, то и в болезни будет творить; и ему не будет так скучно, молитва будет служить ему утешением. А если человек, будучи здоровым, не занимается молитвой; то, и когда заболеет, не в состоянии будет молиться, как не имеющий навыка; и ему тяжело бывает. А посему, пока здоров, и надо учиться и привыкать к молитве, и творить ее часто; хотя и не чисто, но все же будешь со смирением выговаривать: Господи, помилуй мя грешного! А сердца сокрушенна и смиренна, сказано, Бог не уничижит.

И изыдох по-прежнему утешен от старца святого.

О переходе в другую обитель старец говорил, что переходить без особенной нужды не следует; покоя в душе не обретешь. Сколько искушений, ненависти и злобы будет! Иной покажется тебе другом, а у него в сердце нож против тебя. По своей воле не должно переходить; не будешь покоен, и никакие удобства жизни не будут утешать. Другое дело, если за послушание куда переведут.

Так всегда я уходил от старца успокоенным и утешенным, ибо слова его принимал, как из уст Божиих. Господи! помоги мне блюсти все советы возлюбленного старца моего, и управи стези моя...»



ПРЕПОДОБНЫЙ ВАРСОНОФИЙ ОПТИНСКИЙ (1845—1913)

Поступив в монастырь в 1891 году, преподобный Варсонофий, как сказал о нем преподобный Нектарий, «из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божию, стал великим старцем». Уже в 1903 году он был назначен духовником скита, а также духовником Шамординской обители. После кончины святого праведного Иоанна Кронштадтского и преподобного Варнавы Гефсиманского в Оптину пустынь особенно увеличился поток богомольцев. Преподобный старец Варсонофий ежедневно принимал для духовных бесед лиц самых различных сословий, отвечал на множество вопросов.

Эти беседы тщательно записывались духовными чадами старца.

Беседы преподобного Варсонофия Оптинского с духовными чадами

1907 г.

Деды и прадеды мои были купцами-миллионерами в Самаре. Им принадлежала целая улица, которая называлась Казанской. Вообще, вся семья наша находилась под особым покровительством Казанской иконы Божией Матери.

Когда мне было года три-четыре, мы с отцом часто ходили в церковь, и много раз, когда я стоял у иконы Божией Матери, мне казалось, что я видел, как Богоматерь смотрит на меня с иконы, и улыбается, и манит меня. Я подбегал к отцу.

— Папа, папа, Она живая! — повторял я.

— Кто, дитя мое?

— Богородица.

Отец не понимал меня. Однажды, когда мне было лет

шесть, был такой случай. Мы жили на даче в своем имении под Оренбургом. Наш дом стоял в огромном парке и был охраняем сторожем и собаками, так что проникнуть туда незаметно постороннему лицу было невозможно. Как-то мы гуляли с отцом по парку, и вдруг, откуда ни возьмись, перед нами появился какой-то старец. Подойдя к моему отцу, он сказал: «Помни, отец, что это дитя в свое время будет таскать души из ада». Сказав это, он исчез. Напрасно потом его везде разыскивали, никто из сторожей его не видел.

Моя мать умерла при моем появлении на свет, и отец женился вторично. Моя мачеха была глубоко верующей и необычайно доброй женщиной, так что вполне заменила мне мать. И даже, может быть, родная мать не смогла бы дать мне такого воспитания. Вставала она очень рано и каждый день бывала со мной у утрени, несмотря на мой младенческий возраст.

Раннее утро. Я проснулся, но вставать мне не хочется. Горничная помогает матери умываться, я кутаюсь в одеяльце. Вот мать уже готова.

— Ах, Павел-то еще спит, — говорит она, — подай-ка сюда холодной воды, — обращается она к горничной. Я моментально высовываюсь из-под одеяла.

— Мамася, а я уже проснулся!

Меня одевают, и я с матерью отправляюсь в церковь. Еще совершенно темно, я по временам проваливаюсь в сугробы и спешу за матерью.

А то любила она дома молиться. Читает, бывало, акафист, а я распеваю тоненьким голоском на всю квартиру:

— Пресвятая Богородица, спаси нас!

Девяти лет я был отдан в гимназию. Годы учения пронеслись быстро. Потом поступил на службу и поселился в Казани под покров Царицы Небесной. Когда мне исполнилось двадцать пять лет, мать обратилась ко мне с предложением жениться. По ее настоянию я в первый раз подошел к женщинам и вступил с ними в разговор. «Боже мой! Какая нестерпимая скука, — подумал я, — все только говорят о выездах, нарядах, шляпках. О чем же буду говорить с женой, когда женюсь? Нет уж, оставлю это».

Прошло еще пять лет. Матушка снова стала советовать мне: «Подумай, Павлуша, может быть, еще и захочешь жениться, приглядись к барышням, не понравится ли тебе какая из них».

Я послушался матери, как и в первый раз, но вынес такое же впечатление от бесед с женщинами и решил в душе не жениться. Когда мне было лет тридцать пять, матушка снова обратилась ко мне: «Что ж ты, Павлуша, все сторонишься женщин, скоро и лета твои пройдут, никто за тебя не пойдет, смотри, чтобы потом не раскаиваться».

За послушание исполнил я желание матери и вступил опять в беседу с женщинами. В этот день у одних моих знакомых давался большой званый обед. Ну, думаю, с кем мне придется сидеть рядом, с тем и вступлю в странный разговор. И вдруг рядом со мной оказался священник, отличавшийся высокой духовной жизнью, и завел со мной беседу о молитве Иисусовой. Я так увлекся, слушая его, что совершенно забыл о своем намерении разговаривать с невестами. Когда кончился обед, у меня созрело твердое решение не жениться, о чем я и сообщил матери. Матушка очень обрадовалась. Ей всегда хотелось, чтобы я посвятил свою жизнь Господу, но сама она никогда не говорила мне об этом. Господь неисповедимыми путями вел меня к монашеству. По милости Божией узнал я Оптину и батюшку отца Амвросия, благословившего меня в монастырь.

За год до моего поступления в скит, на второй день Рождества Христова, я возвращался от ранней обедни. Было еще темно, и город только что начал просыпаться. Вдруг ко мне подошел какой-то старичок, прося милостыню. Спохватился я, что портмоне не взял, а в кармане всего двадцать копеек. Дал я их старику со словами: «Уж прости, больше нет с собой». Тот поблагодарил и подал мне просфору. Я взял ее, опустил в карман и хотел только что-то сказать нищему, как его уже не было. Напрасно я смотрел повсюду, он исчез безследно. На другой год в этот день я был уже в скиту.

Если посмотреть на жизнь внимательно, то вся она исполнена чудес, только мы часто не замечаем их и равнодушно проходим мимо.

Да подаст нам Господь разум внимательно проводить дни своей жизни, со страхом и трепетом свое спасение содевающе. Аминь.

Декабрь 1908 г.

«Возведи окрест очи твои, Сионе, и виждь, се бо приидоша к тебе от запада и севера, и моря и востока чада твоя». Вот и теперь можно сказать: от разных мест в поисках Христа съехались вы сюда, детки мои. Да вознаградит вас Господь за это и пошлет мир и радость о Дусе Святе в сердца ваши. Блаженны вы, что возлюбили Господа и проводите сей великий праздник Рождества Христова в стенах обители. Мир теперь погружается в пороки и беззакония, и многие гибнут безвозвратно, вы же здесь безопасны в таком святом пристанище, в гостях у Матери Божией. Это все Ее материнские молитвы, и Ее заступничеством попали вы сюда. Благодарите Бога, что Он охраняет вас от бед и напастей. А может быть, кто из вас и сподобится ангельского чина. Я не зову вас ни в монастырь, ни за монастырь — и в миру можно спастись, только Бога не забывайте, но в монастыри идут для достижения высшего совершенства. Правда, здесь больше искушений, но зато дается помощь от Господа, и больше, чем в миру.

Один святой желал узнать, как Господь помогает инокам, и ему было видение. Он видел инока, окруженного сонмом Ангелов с горящими светильниками. Говорят, в миру искушений меньше, но представим себе человека, за которым гонится злодей. Положим, он успел ускользнуть от него, но тот грозит ему издали кулаком со словами: «Смотри, только попадись!» Или идет человек, и на него нападают целой ватагой бандиты, бежать некуда. Но вдруг, откуда ни возьмись, полк солдат, они бросаются на его защиту, и обидчики разбегаются с окровавленными физиономиями. Пожалуй, последний находится в большей безопасности, чем первый, не правда ли? Так и в обители: хотя враг сильнее, но поблизости есть благодатная сила Божия. В монастыре — труды, но и высокие утешения, о которых мир не имеет ни малейшего представления. Трудно положить начало благое, а когда оно уже

положено, то становится легче и отраднее работать Богу, потому что окрыляет надежда на спасение.

Само лицо человека, работающего Богу, выражает его духовное преуспеяние. Однажды я видел в церкви епископа, лицо которого привлекло мое внимание. Мне вспомнились слова Евангелия: *яко лице Его бе грядущее во Иерусалим* (Лк. 9, 53). Действительно, этот епископ вел подвижническую жизнь и неуклонно шел к Горнему Иерусалиму. Наоборот, лицо порочного человека отражает его душевное настроение. Но что особенно бывает грустно — иногда люди с душой хорошей невнимательно относятся к жизни, живут день за днем, не отдавая себе отчета в своих поступках, и гибнут.

Из далекого прошлого передо мной встает образ одного из моих хороших знакомых — музыканта и композитора Пасхалова*. Он обладал огромным талантом; на концертах, которые он давал, собирались тысячи слушателей.

В миру я был большим любителем музыки и сам играл на фисгармонии. Чтобы усовершенствоваться в игре, я начал брать уроки у Пасхалова. Он потребовал большую плату за уроки, но деньги у меня были, и я согласился. Потом он полюбил меня, недостойного, и предлагал заниматься безплатно, но от этого я, разумеется, отказался. Наши занятия шли успешно, но мне было очень печально, что Пасхалов совсем отошел от Церкви. По поводу этого мне не раз приходилось вести с ним беседу.

— Без Церкви невозможно спастись, — говорил я ему. — Ведь вы в Бога-то веруете, зачем же отвергаете средство ко спасению?

— Что же я такого делаю? Живу, как и все или большинство, к чему нужны обряды? Разве без хождения в церковь уж и спастись нельзя?

— Невозможно, — отвечаю, — есть семь дверей для спасения; в одну вы уже вошли, но надо войти и в другие.

---

* Пасхалов Виктор Никандрович (1841—1885) — ученик Н.Г. Рубинштейна, член Балакиревского кружка, автор многих романсов. С 1873 года преподавал в Казани.

— Какие семь дверей? Ничего подобного я не слыхал.

— Семь дверей — это семь Таинств. Святое Крещение над вами совершено, следовательно, одни двери пройдены, но необходимо пройти двери покаяния, соединиться со Христом в Таинстве Причащения...

— Ну что вы мне говорите, Павел Иванович! Каждый служит Богу, как умеет, как, наконец, считает нужным; вы вот в церковь ходите, посты соблюдаете и так далее, а я служу Богу музыкой — не все ли равно?

И, не дожидаясь ответа, Пасхалов заиграл.

Никогда я не слыхал такой музыки, неподражаемо играл он в тот вечер. Я жил в меблированных комнатах, и вот все коридоры наполнились народом, двери всех комнат открылись, все желали послушать гениального композитора. Наконец он кончил играть.

— Удивительно хорошо, — заметил я, — но музыка музыкой, церковь она все-таки заменить не может, всему свое время.

Наша беседа с ним затянулась в тот вечер далеко за полночь. Ушел он в особенном настроении, умиротворенный и радостный. На другой день пришел он ко мне снова.

— Знаете ли, Павел Иванович, всю-то ночь я продумал, какой я великий грешник, сколько лет уже не говел. Вот скоро наступит Великий пост, непременно буду говеть и причащаться.

— Зачем же ждать поста? Говейте теперь.

Хорошо думал Пасхалов, только он забыл, что есть враг, которому неприятна такая перемена в нем, и что нужно подготовиться к борьбе. Все это он упустил из виду. Однажды поздно вечером он приехал домой и велел горничной расплатиться с извозчиком. Та вышла на улицу, но вместо извозчика увидела на облучке какое-то чудовище. Вид его был так страшен, что горничная упала в обморок. Куда враг возил Пасхалова — неизвестно, только на другой день он скоропостижно скончался. И погибла душа навеки. Сердечно мне его жаль. Враг всюду расставляет свои сети, желая погубить человека, и губит неосторожных. Когда я был еще в миру, но уже начал

постепенно от мира отходить, я перестал бывать во многих домах, оставив для посещения два-три благочестивых семейства. Так посещал я одно семейство, состоящее из старой матери, дочери (вдовы) и внучки. Однажды мы сидели за чайным столом и беседовали. Вдова рассказала мне следующее:

— Несколько лет тому назад, когда я только что лишилась мужа, то тосковала безмерно. Жизнь потеряла для меня всякую привлекательность. Мысль о самоубийстве все чаще приходила на ум. Никогда не забуду я канун Пасхи того печального для меня года. Заботами мамы все у нас было приготовлено к празднику, квартира наша приняла праздничный вид, только на душе у меня не было Пасхи, там было полное и мрачное отчаяние.

Мама, зная мое тяжелое состояние, почти не оставляла меня одну, и для приведения в исполнение моего замысла о самоубийстве я решила воспользоваться пасхальной ночью. Мама всегда ходила к заутрене, следовательно, кроме моей маленькой дочери, никого не будет, и мне не помешают. Я сказала маме, что к заутрене не пойду, так как у меня болит голова.

— Да ты ляг, отдохни, — уговаривала мать, — может быть, и поправится твоя голова, тогда в церковь вместе пойдем.

Чтобы не разговаривать с матерью, я легла и незаметно уснула. Вдруг вижу страшный сон. Стою я около какого-то мрачного подземелья, вдали виднеются клубы пламени, а из глубины подземелья, обгорелая, страшная, с веревкой на шее, бежит ко мне моя подруга по институту.

— Оля, Оля, что с тобой? — воскликнула я.

— Несчастная, и ты хочешь прийти сюда! — кричит она мне. И вдруг громко и отчетливо раздается благовест большого колокола. Я открыла глаза, полная страха и ужаса, и, увидев свою комнату, обрадовалась, что я не в подземелье. В это время в комнату вошла мама.

— Ну что, проснулась, дорогая моя? Как твоя голова?

— Голова моя прошла, я иду с тобой в церковь.

— Ну вот, слава Тебе, Господи! — обрадовалась мать. — А то я уже загрустила, как это ты без утрени останешься.

После службы, когда мы с мамой похристосовались, разговелись, я рассказала ей все. С трудом мы разыскали адрес Олиного дяди, проживавшего в Симбирске, и написали ему, спрашивая, где Оля. Он сообщил нам печальную весть, что уже года два, как его племянница покончила с собой. Тогда мы обе поняли значение сна.

Господь вразумил рабу Свою через сон. Вообще, я не придаю значения снам, но иногда бывают сны особенные. Я знал человека, который видел сон про одну монахиню. Видел он, будто пришла игуменья, и сестры привели одну связанную монахиню и, открыв люк, стали ее туда спускать. «Господи, куда же ее спускают?» — подумал он. А матушка велит опускать все глубже, конец же веревки, которой связана монахиня, держит в своих руках. Проснулся он. Утром встретил одну старушку-монахиню из той обители и рассказал ей свой сон.

— Да какая же она на вид-то?

— Белокурая, высокая, с веснушками на лице.

— Да ведь сон-то твой в руку. Действительно с такой монахиней случился грех, и игуменья отослала ее на отдаленную монастырскую дачу.

Когда спросили батюшку Амвросия про падшую монахиню, он ответил:

— Она не погибнет, ведь матушка-игуменья веревку-то из рук не выпустила, значит, спасется.

И я говорю вам, спасайтесь, детки мои, да сподобит вас Господь стать послушницами Его Царства. Да соединит Господь души наши и после смерти, и мы, собравшись, будем вспоминать хибарку эту и наши беседы.

Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас, грешных, и сподоби Тебе причаститися в невечернем дни Царствия Твоего. Аминь.

28 декабря 1908 г.

Смотрит Господь на сердце человеческое и если видит сильное желание исполнить Его святую волю, то помогает ему **ими же Сам веси судьбами.** Желает, например, человек уйти в монастырь и там служить Господу, и далеко от людей

прячет свое намерение, а Господь-то видит его желание и помогает ему.

О существовании Оптиной пустыни я узнал самым неожиданным образом*.

Поехал туда. Отец Амвросий был в Шамордине, я поехал к нему. И он меня благословил прямо в скит. Помню, когда я увидел отца Амвросия, то какой-то голос мне сказал: «Ну вот, **он-то** тебя и возьмет».

Перед поступлением в монастырь поехал помолиться преподобному Сергию. В это время в Черниговском скиту подвизался отец Варнава. Пошел я к нему на благословение. Благословил он меня, да и говорит: «Простудился, жениться надо». Эти слова привели меня в страшное смущение. Некоторые из бывших со мной, не любившие отца Варнаву, говорили: «Вот видите, какие советы дает? Великий старец отец Амвросий благословил в монастырь идти, а этот жениться предлагает». Слова отца Варнавы запали мне в душу и сильно смущали меня. Когда я, уже став иноком, рассказал об этом батюшке отцу Амвросию, то он мне так растолковал эти слова: каждая душа христианская есть невеста Христова, следовательно, надо жениться, соединиться со Христом, слово же «простудился» означает духовную болезнь, от которой страдает человек, пока не вообразится в нем Христос.

Это было давно, когда я был еще Павлом Ивановичем. Однажды поехал я в театр. Шли в первый раз «Гугеноты». Сидел я с моим начальством. Поют на сцене любовные песни, а мне приходит на ум: «А что, если я сейчас умру, куда пойдет душа моя? Уж, конечно, не в рай. Но если не в рай, то куда же?» Страшно мне стало, уж и на сцену смотреть не хочется. А внутренний голос говорит: «Уйди отсюда!» Но как же уйти? Начальство сидит, неудобно. А внутренний голос все повторяет: «Уйди, уйди...»

Я встал, тихо дошел до двери и вышел. Сначала пошел медленно, а затем все скорее и скорее, взял извозчика и поехал домой.

---

* Подробно об этом см. в беседе за 27 декабря 1909 года.

С тех пор я стал избегать театра. Бывало, придут товарищи, ложу предлагают взять пополам, а я отказываюсь то по одной причине, то по другой. Затем глаза у меня разболелись, так больше я и не ходил в театр.

Очень мне захотелось узнать через несколько лет, кто помог мне уйти от «Гугенотов». Оказалось, что в первый раз «Гугеноты» шли 4 октября, когда празднуется память святителя Варсонофия. Понял я тогда, что этот святой убедил меня уйти из театра.

Много лет прошло после того. Я был уже в монастыре, готовился к постригу. Вдруг опасно заболел. Все отчаялись в моем выздоровлении, решили поскорее совершить пострижение. Помню, наклонившись надо мной, спрашивают: «Какое хочешь получить имя?» Я с трудом едва мог ответить: «Все равно». Слышу, при пострижении именуют меня Варсонофием. Следовательно, и здесь святитель не оставил меня, но пожелал быть моим покровителем.

6 января 1909 г.

Великая награда уготована любящим Господа. Апостол Павел говорит: *...око не ви́де, и ухо не слы́ша, и на се́рдце челове́ку не взыдо́ша, яже угото́ва Бог лю́бящым Его* (1 Кор. 2, 9).

Да, безконечно блаженны будут сподобившиеся получить Жизнь Вечную. Что такое рай, мы теперь понять не можем. Некоторым людям Господь показывал рай в чувственных образах, чаще всего его созерцали в виде прекрасного сада или храма. Когда я еще жил в миру, Господь дважды утешил меня видениями рая во сне. Вижу я однажды великолепный город, стоящий на верху горы. Все здания города необыкновенно красивы, какой-то особенной архитектуры, какой я никогда не видел. Стою я и любуюсь в восторге. Вдруг вижу, приближается к этому городу юродивый Миша. Одет только в одну рубашку, доходящую до колен, ноги босые. Смотрю на него и вижу, что он не касается земли, а несется по воздуху. Хотел я что-то у него спросить, но не успел: видение кончилось, и я проснулся. Проснулся я с чувством необыкновенной радости в душе. Выйдя на улицу, я вдруг увидел Мишу. Он,

как всегда, спешит, торопится. «Миша, — говорю, — я тебя сегодня во сне видел». Он же, взглянув на меня, ответил: *не и́мамы бо зде пребыва́ющаго гра́да, но грядýщаго взыскýем* (Евр. 13, 14). Сказав это, он быстро пошел вперед.

В другой раз вижу, что стою в великолепном храме. Царские двери открыты, служат Пасхальное богослужение. На амвоне стоит диакон из одной казанской церкви. Говорит он песню Пасхального канона, а хор вторит ему. Особенно запечатлелись в моем уме последние слова: «Совершен речеся». Удивительно пел хор. Я никогда в жизни не слышал такого пения: казалось, что звучал каждый атом воздуха. Пение это умиляло и приводило в неописуемый восторг. Теперь уже я, грешный, таких снов не вижу, не дает Господь такого утешения — иди так на жизненном пути, — а хотелось бы еще хоть раз пережить те восторги. Помню, долго я был под впечатлением сна. Старался припомнить каждую его подробность. Думалось мне еще, отчего это в небесном храме я видел нашего диакона. Стал о нем расспрашивать знающих его людей. Сначала получал неудовлетворительные ответы: бас у него, говорят, отличный. Что бас — ради него в рай не попадешь. Потом я узнал, что он тайный подвижник.

О, если бы нас всех Господь сподобил улучить рай небесный! Впрочем, нужно надеяться на это: отчаиваться — смертный грех. Разные есть степени блаженства, смотря по заслугам каждого: иные будут с Херувимами, другие — с Серафимами и так далее, а нам бы только быть в числе спасающихся.

Такие великие подвижники, как преподобный Серафим, были Серафимами по духу и теперь унаследовали их славу. Конечно, не все могут достигнуть такой святости. Покойный батюшка отец Макарий говорил: «Такие светила, как преподобные Антоний Великий, Макарий Египетский и прочие, были у Господа генералами, они и заняли генеральские места, мы же солдатики, и благо нам будет, если хоть самое последнее место займем среди спасающихся».

Дух злобы, распаляемый завистью к роду человеческому,

стремится всех совратить с пути правого — и ленивых и нерадивых действительно совращает.

Однажды к некоему подвижнику чувственным образом явился диавол. Подвижник спросил его:

— Зачем вы с такой злобой нападаете на род человеческий?

— А зачем вы занимаете наши вакантные места? — ответил злой дух.

За гордость свою лишились духи злобы райского блаженства, и их места занимают теперь люди за смирение! Оно нас ставит выше сетей диавольских.

Однажды преподобному Антонию было видение о том, как враг всюду и всем расставляет сети. Смутился подвижник и, вздохнув, сказал: «Господи, кто же может избежать этих сетей?» И услышал ответ: «Смиренные». Надо стараться стяжать смирение, без него все наши подвиги ничего не значат. Если подумает человек, что он — нечто, то пропал. **Для Господа приятнее грешник смиренный, чем праведник гордый.**

Преподобный Макарий Египетский отличался особенными духовными дарованиями. Он и называется не просто святым, а великим. Но вот у него однажды появилась мысль, что он для области, где жил, служит как бы духовным центром, солнцем, к которому все стремятся. На самом деле это так и было. Но когда преподобный помыслил нечто такое о себе, то был к нему голос, говоривший, что в ближайшем селении живут две женщины, которые угоднее Богу, чем он. Старец взял посох и пошел искать тех женщин. По Промыслу Божию он скоро их нашел и вошел в их жилище.

Женщины, увидев преподобного Макария, упали ему в ноги и не находили слов для выражения своего удивления и благодарности ему. Преподобный поднял их и начал просить открыть ему, как они угождают Богу.

— Святый отче, — сказали женщины, — мы ничего не делаем угодного Богу, помолись за нас, Господа ради.

Но преподобный начал настаивать, чтобы они не скрывали от него своих добродетельных дел. Женщины, боясь ослушаться старца, начали говорить ему о своей жизни:

— Мы были чужими друг другу, но, выйдя замуж за родных братьев, стали жить вместе и вот уже пятнадцать лет не разлучаемся. За это время мы ни разу не поссорились и не сказали друг другу ни одного обидного слова. Стараемся, по возможности, почаще бывать в храме Божием, соблюдаем установленные посты. Сколько можем, помогаем неимущим... Ну, с мужьями живем, как с братьями, а уж больше решительно ничего нет у нас доброго.

— А что, — спросил старец, — считаете ли вы себя святыми или праведными за добро, которое делаете?

— Святыми? — удивились женщины. — Какие мы святые или праведные?! Мы величайшие грешницы. Помолись о нас, святый отче, да помилует нас Господь!

Преподобный преподал им свое благословение и удалился в пустыню, благодаря Бога за полученное вразумление. Женщинам он не сказал ни слова о своем видении, боясь, как бы не повредить им своей похвалой.

Подобно Макарию Великому, и святому отшельнику Питириму Ангел возвестил однажды, что, несмотря на его подвиги, он не достиг еще той святости, как одна послушница, живущая в общежитии в монастыре. По внушению Ангела святой Питирим отправился в указанный монастырь. Придя туда, он попросил игуменью показать ему всех сестер обители. Когда все явились и начали подходить под благословение, святой Питирим сказал:

— Нет ли еще сестры?

— Есть, — сказала игуменья, — но ее нельзя привести, она наполовину безумная, и мы ее терпим в монастыре только из сострадания.

Святой все-таки велел ее привести. Пришла она в жалком рубище, со сбитым платком на голове.

— Где ты была, мать? — спросил святой.

— У выгребной ямы лежала.

— Что же ты, мать, лучшего места не нашла?

— Да лучшего места я и не стою.

Святой Питирим позволил ей уйти, а затем, обращаясь к игуменье и сестрам, сказал:

— Ваш монастырь имеет неоценимое сокровище: эта смиренная сестра ваша есть великая угодница Божия.

Услышав это, все сестры взволновались. Одна призналась преподобному, что часто била сестру; другая всячески поносила ее; третья относилась к ней с величайшим презрением, не считая ее даже за человека; четвертая призналась, что часто нарочно выливала на нее помои. Сестры хотели тотчас же попросить прощения у обиженной, но та, узнав об их намерении, тайно оставила монастырь, избегая славы, которая погубила бы ее. Господь сказал: *...всяк возносяйся смирится, и смиряяйся вознесется* (Лк. 14, 11).

Июнь 1909 г.

В настоящее время не только среди мирян, но и среди молодого духовенства начинает распространяться такое убеждение: будто бы вечные муки несовместимы с безпредельным милосердием Божиим, следовательно, муки не вечны. Такое заблуждение происходит от непонимания дела. Вечные муки и вечное блаженство не есть что-нибудь только извне приходящее. Но все это прежде всего **внутри самого человека.** *...Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21). Какие чувства насадит в себе человек при жизни, с тем и отойдет в Жизнь Вечную. Больное тело мучается на земле, и чем сильнее болезнь, тем больше мучения. Так и душа, зараженная различными болезнями, начинает жестоко мучиться при переходе в Вечную Жизнь. Неизлечимая телесная болезнь кончается смертью, но как может окончиться душевная болезнь, **когда для души нет смерти?** Злоба, гнев, раздражительность, блуд и другие душевные недуги — это такие гадины, которые ползут за человеком и в Вечную Жизнь. Отсюда цель жизни и заключается в том, чтобы здесь, на земле, раздавить этих гадов, чтобы очистить вполне свою душу и перед смертью сказать со Спасителем нашим: *...грядет бо сего мира князь и во мне не имать ничесоже* (Ин. 14, 30). Душа грешная, не очищенная покаянием, не может быть в сообществе святых. Если бы и поместили ее в рай, то ей самой нестерпимо было бы там оставаться и она стремилась бы уйти оттуда.

Действительно, каково немилосердной быть среди милостивых, блудной — среди целомудренных, злобной — среди любвеобильных и так далее.

Один бедный учитель попал однажды на великосветский обед. Посадили его между генералами. Неловко он себя чувствовал: с ножом и вилкой не так обращался, как его высокие соседи; подвязал салфетку, видит, нехорошо, другие соседи не подвязывают, положил на колени, а она предательски на пол соскользнула, пришлось нагибаться и поднимать с пола. Блюд было много, учитель от некоторых отказывался, так как не знал, как к ним приступить. Весь обед сидел он как на иголках и только мечтал, когда же все кончится. Остальные вели себя как дома, все блюда отведали, весело разговаривали, смеялись. Наконец обед кончается. После десерта несут последнее блюдо: маленькие стаканчики, наполненные какой-то беловатой жидкостью, поставленные в большие стеклянные чашки. Подали сначала генералу, сидевшему рядом с учителем, тот взял и поставил рядом с собой. Учителю очень хотелось пить, взял он стаканчик и выпил залпом. Не особенно вкусно показалось — вода теплая с мятой. Но каково было смущение бедного учителя, когда он увидел, что все стали полоскать рот и никто эту воду не пил. Вконец смущенный, встал он из-за стола и в глубине души дал клятвенное обещание никогда не бывать на великосветских собраниях.

Если уж на земле так неприятно быть не в своем обществе, то тем более на Небе.

Сильно распространен теперь неправильный взгляд на муки вообще. Их понимают как-то слишком духовно и отвлеченно, как угрызения совести. Конечно, угрызения совести будут, но будут мучения и для тела, не для того, в которое мы сейчас облечены, но для нового, в которое мы облечемся после Воскресения. И ад имеет определенное место, а не есть понятие отвлеченное.

В городе Х. жил один молодой офицер, ведущий пустую, рассеянную жизнь. Он, кажется, никогда не задумывался над религиозными вопросами, во всяком случае, относился к ним

скептически. Но вот что однажды произошло. Об этом он сам рассказывал так: «Однажды, придя домой, я почувствовал себя плохо. Лег в постель и, кажется, уснул. Когда я пришел в себя, то увидел, что нахожусь в каком-то незнакомом городе. Печальный вид имел он. Большие полуразрушенные серые дома уныло вырисовывались на фоне бледного неба. Улицы узкие, кривые, местами нагромождены кучи мусора — и ни души. Хоть бы одно человеческое существо! Точно город был оставлен жителями ввиду неприятеля. Не могу передать это чувство тоски и уныния, какое охватило мою душу. Господи, где же я? Вот, наконец, в подвале одного дома я увидел два живых и даже знакомых мне лица. Слава Тебе, Господи! Но кто же они? Я стал усиленно думать и вспомнил, что это мои товарищи по корпусу, умершие несколько лет тому назад. Они тоже узнали меня и спросили: «Как, и ты тут?» Несмотря на необычность встречи, я все-таки обрадовался и попросил показать, где они живут. Они ввели меня в сырое подземелье, и я вошел в комнату одного из них. «Друг, — сказал я ему, — ты при жизни любил красоту и изящество, у тебя всегда была такая чудная квартира, а теперь?» Он ничего не ответил, только с безконечной тоской обвел глазами мрачные стены своей темницы. «А ты где живешь?» — обратился я к другому. Он встал и со стоном пошел в глубь подземелья. Я не решился следовать за ним и начал умолять другого вывести меня на свежий воздух. Он указал мне путь. С большим трудом я выбрался, наконец, на улицу, прошел несколько переулков, но вот перед глазами моими выросла огромная каменная стена, идти было некуда. Я обернулся — позади меня стояли такие же высокие мрачные стены, я находился как бы в каменном мешке. «Господи, спаси меня!» — воскликнул я в отчаянии и проснулся. Когда я открыл глаза, то увидел, что нахожусь на краю страшной бездны и какие-то чудовища силятся столкнуть меня в эту бездну. Ужас охватил все мое существо. «Господи, помоги мне!» — взываю я от всей души и прихожу в себя. Господи, где же я был, где нахожусь теперь? Унылая однообразная равнина, покрытая снегом. Вдали виднеются какие-то конусообразные горы. Ни души! Я иду. Вот вдали река,

покрытая тонким ледком. По ту сторону какие-то люди, они идут вереницей и повторяют: «О горе, о горе!» Я решаюсь переправиться через реку. Лед трещит и ломается, а из реки поднимаются чудовища, стремящиеся схватить меня. Наконец я на другой стороне. Дорога идет в гору. Холодно, а на душе безконечная тоска. Но вот вдали огонек, какая-то палатка разбита, а в ней люди. Слава Богу, я не один! Подхожу к палатке. В сидящих там людях я узнал моих злейших врагов. «А, попался ты нам, наконец, голубчик, и не уйдешь от нас живым», — со злобной радостью воскликнули они и бросились на меня. «Господи, спаси и помилуй!» — воскликнул я. Что же это? Я лежу в гробу, кругом меня много народа, служат панихиду. Я вижу нашего старого священника. Он отличался высокой духовной жизнью и обладал даром прозорливости. Он быстро подошел ко мне и сказал: «Знаете ли, что вы были душой в аду? Не рассказывайте сейчас ничего, успокойтесь!»

С тех пор молодой человек резко изменился. Он оставил полк, избрал себе другую деятельность. Каждый день начал посещать храм и часто причащаться Святых Таин. Видение ада оставило в нем неизгладимое впечатление. Воспоминание о смерти и аде очень полезно для души. ...*Поминáй последняя твоя, и во веки не согрешúши* (Сир. 7, 39). Впрочем, и воспоминание райских удовольствий тоже может предохранить человека от падений.

В одном монастыре жил инок по имени Пимен. Был он из малороссов, неграмотный, уже старец лет семидесяти. По послушанию колол дрова, носил воду, разводил очаг. Повар монастырский отличался вспыльчивым характером, часто, рассердившись, бил отца Пимена чем попало: кочергой, ухватом, метлой. Никто никогда не видел, чтобы отец Пимен рассердился на повара или сказал ему обидное слово. Иногда кто-нибудь из братии спросит: «Больно тебе, отец Пимен?» «Ничего, по горбу попало», — ответит он, и его старческое лицо осветится улыбкой.

Однажды один иеромонах этой обители заснул на молитве и увидел сон: оказался он в саду с деревьями необыкновенной

красоты, покрытыми плодами, испускающими тонкое благоухание. «Кто хозяин этого чудесного сада?» — подумал иеромонах и вдруг видит отца Пимена. «Как, ты здесь?» — воскликнул он. — «Господь дал мне сие — это моя дача. Как сделается на душе тяжело, я ухожу сюда и утешаюсь». — «А можешь ты мне дать райских плодов?» — «Отчего же, с удовольствием, протяни мне твою мантию». Иеромонах протянул, и отец Пимен насыпал в нее много чудных плодов. В это время иеромонах увидел своего покойного отца, бывшего священником. «Тятенька, тятенька, и ты тут!» — радостно воскликнул он и протянул к нему свои руки. Конец мантии выпал из рук, а с ним и плоды упали на землю. Иеромонах проснулся. Было утро. Иеромонах подошел к окну своей кельи и услышал крик: «Ах ты, негодяй! — кричал повар. — Опять мало воды принес, надо, чтобы все ушаты были наполнены, а ты и не заглянул в них вовсе, скотина!» Ругаясь, повар тузил отца Пимена кочергой сколько у него хватало сил. Иеромонах вышел.

— Оставь его, — обратился он к повару.

— Отец Пимен, где ты сейчас был?

— Да заснул немного в поварне и по старческой памяти забыл воды принести в достаточном количестве, чем и навлек на себя справедливое неудовольствие повара.

— Нет, отец Пимен, не скрывай от меня, где ты сейчас был?

— Где я был? Там же, где и ты. Господь по неизреченной Своей милости уготовил мне сию обитель.

— А что было бы, если бы я не уронил плоды? — спросил иеромонах.

— Тогда они остались бы у тебя, и ты, проснувшись, нашел бы их в мантии, но только я тогда оставил бы монастырь, — отвечал отец Пимен.

Вскоре после этого отец Пимен скончался и навсегда переселился в уготованную ему обитель. Да сподобит и нас Господь вселиться во святые Его дворы со всеми благоугодившими Ему!

Один афонский монах рассказывал оптинскому старцу

следующее: «В молодости я был очень богат и вел самый веселый образ жизни. Счастье мне всюду улыбалось. К зрелым годам я сделался очень крупным фабрикантом, доходы свои считал миллионами. Обладая отличным здоровьем, я никогда не задумывался над жизнью, воздаяние за гробом казалось мне басней.

Однажды после обеда я заснул в своем кабинете. Вдруг вижу ясно, как наяву, светлого Ангела, который, взяв меня за руку, сказал: «Пойдем, я покажу твое место, которое будет твоим вечным жилищем». Я в страхе последовал за Ангелом. Спустились мы в долину. Посреди нее возвышалась конусообразная гора, из которой вырывались клубы дыма, а из недр той горы слышны были вопли. «Вот, — сказал Ангел, — то место, в которое ты переселишься после смерти, если будешь жить, как теперь живешь. Господь повелел открыть тебе это». Ангел стал невидимым, я проснулся. Встав, я воздал благодарение Богу, давшему мне время на покаяние. После этого я поспешил завершить свои дела. Жене оставил больше миллиона денег, столько же детям, а сам удалился на Святую Афонскую Гору.

Игумен сначала не хотел меня брать, видя мои зрелые лета и неспособность к труду, но я пожертвовал на монастырь миллион и меня взяли. В настоящее время сподобился схимнического чина и с Божией помощью надеюсь избежать того места мучений».

15 июня 1909 г.

В нынешнем Евангелии читали мы о пребывании Господа Иисуса Христа в Капернауме. Господь сказал жителям этого города, что придут многие от востока и запада и возлягут с Авраамом, Исааком и Иаковом, а сыны царствия изгнаны будут вон. Куда вон? Очевидно, в ад. Разъяренные капернаумцы, как дикие звери, бросились на Спасителя, окружили Его и повлекли к высокой скале, с которой хотели сбросить Его, но *Он же прошéд посредé их, идя́ше* (Лк. 4, 30). *Идяше* — без указания начала и конца действия, *идяше* все время.

В Евангелии скрыт глубокий смысл, который постепенно проясняется для человека, внимательно читающего Писание. И по этой неисчерпаемой глубине содержания узнаем мы о Божественном происхождении Книги, потому что всегда можно отличить дело рук человеческих от творения Божия.

Видали ли вы искусственные цветы прекрасной французской работы? Сделаны они так хорошо, что, пожалуй, не уступят по красоте живому растению. Но это — пока рассматриваем оба цветка невооруженным глазом. Возьмем увеличительное стекло и что же увидим? Вместо одного цветка — нагромождение ниток, грубых и некрасивых узлов; вместо другого — пречудное по красоте и изяществу создание. И чем мощнее увеличение, тем яснее проступает разница между прекрасным творением рук Божиих и жалким ему подражанием.

Чем больше вчитываемся мы в Евангелие, тем явственнее разница между ним и лучшими произведениями величайших человеческих умов. Как бы ни было прекрасно и глубоко любое знаменитое сочинение — научное или художественное, но всякое из них можно понять до конца. Глубоко то оно глубоко, но в нем есть дно. В Евангелии дна нет. Чем больше всматриваешься в него, тем шире раскрывается его смысл, неисчерпаемый ни для какого гениального ума.

Но Он же прошед посреде их, идяше. Кто? По историческому смыслу — Господь. Но кроме исторического значения евангельская история имеет другое, применительное к каждому из нас. Кто же это Он? Это — ум наш, идущий горé. **«Горé имеем сердца»** — стремится душа наша, ум наш к Господу. Но, как дикие звери, окружают помыслы, искушение, суета, и опускаются крылья, поднимавшие дух, и кажется, никогда не устремиться ему горé. «Господи, Господи... жажду общения с Тобой, жизни в Тебе, памятования о Тебе, но постепенно рассеиваюсь, развлекаюсь, ухожу в сторону. Пошла в церковь к обедне. Только началась служба, а у меня появляются мысли: «Ах, дома я то-то и то-то не так оставила. Такой-то ученице надо вот что сказать. Платье-то я выгладить не успела...» И много других мыслей о якобы неотложных заботах. Смотришь, уже и «Херувимскую» пропели,

уже и обедня к концу. Вдруг опомнишься: молилась ли? Разве я с Господом беседовала? Нет, телом была в храме, а душой — в будничной суете. И уйдет такая душа из храма со смущением, неутешенная.

Что же скажем? Слава Богу, что хоть телом побывала в храме, хотя бы пожелала к Господу обратиться. Вся жизнь проходит в суете. Ум идет посреди суетных мыслей и соблазнов. Но постепенно он навыкнет помнить о Боге так, что в суете и хлопотах, не думая, будет думать, не помня — помнить о Нем. Только бы шел не останавливаясь. Пока есть в тебе это стремление вперед — не бойся, цел твой кораблик и под сенью креста совершает свое плавание по жизненному морю. Цел он — и не надо бояться возможных житейских бурь. Без непогоды не обходится никакое обычное плавание, тем паче жизненный путь. Но не страшны жизненные невзгоды и бури шествующим под прикрытием спасительной молитвы: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную». Не страшны они, только бы не впасть в уныние, ибо уныние порождает отчаяние, а отчаяние уже смертный грех. Если и случится согрешить, верь в милосердие Божие, приноси покаяние и иди дальше, не смущаясь.

За одним монахом бес ходил тридцать лет, стараясь соблазнить его, и все не удавалось. Наконец через тридцать лет он соблазнил его блудом и монах пал. Впасть в этот грех монаху — все равно что уничтожить все свои предшествовавшие труды. Бес пришел к падшему и сказал ему, что он теперь отпал от Бога и стал рабом греха и диавола.

— Ты теперь мой, — говорил бес.

— Никогда, я — раб Божий.

— Да как же ты можешь быть Божиим, когда впал в мерзейший грех? Ты ужаснейший грешник.

— Ну что ж, что грешник? Я — Божий, а тебя знать не хочу.

— Да ведь ты пал?

— А тебе-то какое до этого дело?

— Куда же ты теперь пойдешь?

— В монастырь.

— Разве место тебе в монастыре после такого ужасного дела? Твое место теперь в миру. Да к кому же ты идешь?

— К духовнику на исповедь.

Бес всячески хулил духовника, останавливал монаха, но тот стоял на своем. Что же сказал духовник? Грех он его отпустил.

— Все свои прежние труды, брат, уничтожил ты своим падением. Встань и начни сначала.

А в ночь игумену того монастыря, мужу высокой жизни, явился Господь Иисус Христос. Он держал за руку монаха.

— Узнаешь ли ты, кто это? — спросил Господь игумена.

— Узнаю, Господи, это монах из моего стада, да еще падший.

— Знай же и то, что этот монах, не поддавшись наветам бесовским, склонявшим его к унынию и отчаянию, в самом падении своем посрамил беса, и Я оправдал его.

Такое значение имеет твердость и мужественная готовность, потерпев поражение в борьбе, начать ее снова, не впадая в уныние и отчаяние.

Но *Он же прошéд посредé их, идя́ше* (Лк. 4, 30) — приходится нашему уму в своем стремлении горé идти между суетными помыслами, между соблазнами. Часто смущают его помыслы хульные. Иной приходит и заявляет, что он погиб, так как у него возникают мысли, хулящие Бога, святых, Таинства, а хула на Духа Святого не простится ни в сем веке, ни в будущем.

Здесь много понимается превратно. Хулой на Духа Святого, непростительной и ведущей к погибели, считается упорное неверие и отрицание бытия Божия, несмотря на воочию совершающиеся чудеса, несмотря на множество фактов, неопровержимо доказывающих существование Бога. Упорное отрицание и неверие являются хулой на Духа Божия, это не прощается ни в сем веке, ни в будущем, и человек, умерший, не покаявшись в своем неверии, погиб. Примером такого нераскаявшегося хулителя является Лев Толстой, упорно отвергающий Церковь и не признающий Божественности Господа Иисуса Христа, что бы ему ни говорили и как бы ни

доказывали неосновательность его воззрений. Если он умрет не покаявшись, то погибнет. Если же перед смертью покается, то будет прощен.

Между тем многие под хулой на Духа Святого разумеют дурные, скверные мысли, которые откуда-то появляются в уме верующего человека, и считают такого человека погибшим. Глубоко ошибаются они. Разве может тот, кто верует в Бога, любит Его, надеется на Него, мыслить хулу? Очевидно, не его это мысли, а нашептываются они врагом нашего спасения, которому выгоднее всего, чтобы человек впал в отчаяние, счел себя отпавшим от Бога, тогда весь он в руках диавола.

Еще так скажу. Идете по дороге. Навстречу попадается пьяный, который извергает страшнейшие ругательства. Что вам нужно сделать? Поскорее пробежать мимо, стараясь не слышать того, что он говорит. Если что-нибудь, помимо вашей воли, осталось в вашей памяти, будет ли вас за это судить Бог как за хулу? Нет, не будет.

Иное было бы дело, если бы вы подошли к этому пьяному и стали ему говорить: «Вот хорошо, ну скажи еще что-нибудь, а теперь вот это...», обнялись бы и пошли с ним вместе, наслаждаясь тем, что он говорит. В том случае вы были бы осуждены вместе с ним.

Так и с помыслами; если вы стараетесь гнать их от себя, то ошибочно приписываете их себе: не ваши они, а внушаются вам врагом. Только когда вы добровольно останавливаетесь на какой-нибудь непотребной мысли и она вам доставляет удовольствие, тогда вы виноваты и должны каяться в этом грехе.

2 августа 1909 г.

В городе Костроме жил некогда блаженный, который часто спрашивал у одного благочестивого купца: «Ну что, живы ли еще покойнички?» Некоторые смеялись над его словами, не понимая их значения, но человек духовный понимал, что под покойничками блаженный подразумевал страсти, которые замирают у людей благочестивых, но все еще живы, и надо всегда быть настороже.

Люди, борющиеся со страстями, как мы все, то одолевают их, то побеждаются ими. Борющиеся будут спасены, Господь не презрит их трудов и усилий и пошлет им христианскую кончину. Люди же плотские, вовсе не думающие о спасении души своей, погибнут, если, конечно, перед смертью не принесут покаяния.

Различны устроения людей, различную славу унаследуют они и в Жизни Будущей. Апостол Павел пишет: *Ина сла́ва со́лнцу... ина сла́ва звездам* (1 Кор. 15, 41) и так далее. Даже Ангелы Божии не в одинаковой славе у Бога. Ближе всех к Престолу Божию пламенные Серафимы, затем Херувимы, потом Престолы, Господствия, Силы, Власти, Начала, Архангелы, Ангелы. Эти девять чинов ангельских совершенствуются ежесекундно; так и души людей, смотря по тому, насколько они были приготовлены на земле, не остаются в одном состоянии, а переходят из клето́чки в клеточку.

* * *

Мы привыкли считать Запад гнилым, а идеи, которые там проповедуются, считать вредными. Однако там еще не все сгнило. По временам и там появляются люди, распространяющие светлые взгляды и здоровые мысли. К числу таких людей относится и американец Мотт, много пишущий о внутреннем состоянии человеческой души. Он совершенно верно делит людей на категории сообразно их внутреннему устроению. Первая категория — люди совершенные, победившие все страсти. Вторая — борющиеся, которые то одолевают страсти, то побеждаются ими, и, наконец, третья — плотские, которые всецело предаются страстям.

Действительно, каждый человек различно относится к борьбе со страстями. Впрочем, и совершенные люди имеют страсти, вполне безстрастных людей нет, безстрастие существует в полной мере лишь за гробом. Но у совершенных страсти замерли, так как им не дают хода. Каждый человек, какую бы высокую жизнь он ни вел, каких бы благодатных даров ни сподобился, должен помнить и никогда не забывать, что и он человек страстный.

Преподобный Иаков* своей равноангельской жизнью достиг такой святости, что совершал великие чудеса: больных исцелял, прокаженных очищал, бесов изгонял, мертвых воскрешал. Но вот однажды нашло на него искушение. Ночью постучалась в его келью женщина, прося приюта, так как сбилась с пути. Преподобный сжалился над ней и, боясь, как бы не разорвали ее дикие звери, пустил к себе ночевать. После скудной трапезы святой ушел в свою внутреннюю келью, но лукавый помысл начал смущать его, он вошел снова и, увидев женщину обнаженной, впал с ней в грех против ее воли. Когда же грех был совершен, диавол начал внушать Иакову убить женщину, чтобы не огласился его грех и не подвергнуть нареканию все монашество. Слушаясь этих злобных внушений, он совершил и другой смертный грех — убийство.

После этого его охватило отчаяние, он бросил свою келью и пошел в мир. Но Господь не восхотел его погибели. На пути преподобный Иаков встретил какого-то старца-инока, исповедовал ему свои грехи, и тот убедил его поселиться в некоей пещере, обещая приносить туда пищу. «У Господа — море милосердия, неужели для одного тебя не хватит», — говорил старец. Двенадцать лет безвыходно подвизался преподобный в этой пещере, и Господь отпустил его грехи.

Однажды в городе, ближайшем к этой пещере, где подвизался преподобный, разразилась сильная засуха. Епископу этого города, человеку святой жизни, явился во сне Господь и повелел ему и всему народу отправиться к пещере преподобного и просить его святых молитв. Епископ объявил народу о своем видении, и все пошли к святому. Когда начали просить его молитв и говорили о явлении Господа, то преподобный Иаков отвечал: «Вы ошиблись, это не ко мне Господь послал, так как я — великий грешник». Епископ же молил его, говоря: «Не противься велению Божию, помолись о нас». Когда святой начал молиться, пошел сильный дождь, и понял преподобный Иаков, что Господь простил его.

---

* Житие преподобного Иакова Постника (VI век; память 4 марта), отшельника Кармильского (Палестинского)//Четьи-Минеи. 4 марта. С. 104—116.

4 августа 1909 г.

Кажется, ни в какой другой стране нет таких колоссальных богачей, как в Америке. В настоящее время, например, там славится миллионер Рокфеллер. Кроме всякого недвижимого имущества денег у него целый миллиард. Ведь это тысяча миллионов. Вообразите себе тысячу сундуков, и в каждом по миллиону, и около каждого сундука по солдату с ружьем, ведь целый полк солдат разместить придется. Рассуждая по-человечески, этому ли человеку не быть счастливым! А между тем он несчастнейший человек в мире. У него неизлечимая болезнь желудка, в котором сделан треугольный клапан, куда золотыми зондами накачивается пища; остальные питательные соки втираются через кожу. При этом он иногда испытывает такие мучительные боли, что жаждет умереть, думая, что в аду будет легче. Все время он проводит за чтением всевозможных газет, желая узнать, не появилась ли какая-нибудь знаменитость в медицинском мире. И как скоро прочтет о какой-нибудь знаменитости, сейчас же снаряжает корабль и посылает за ней. Но до сих пор облегчения ни от кого не получил.

Кажется странным, отчего я заговорил о Рокфеллере, какое нам до него дело? А заговорил я о нем, чтобы показать, что само по себе богатство не может принести человеку счастья. Радость бывает только о Господе, а если человек далек от Бога, то далек он от истинного счастья.

Посетил меня недавно учитель с неверующим сыном (из Пензы). Сказал я отцу: «Без веры не будет вашему сыну никакого счастья на земле». Оскорбился он на меня. Апостол Павел, презирая наше время, пишет: *...течéние скончáх, вéру соблюдóх* (2 Тим. 4, 7). Значит, это очень трудно, **особенно в наше время.**

Много появилось у нас воров. Не тех, которые лезут в карман или грабят дома, нет, новоявленные воры злее и опаснее. Они прилично одеты, говорят громкие фразы, а в результате крадут самое дорогое — веру. Когда же у человека выкрали веру, он спрашивает у своих учителей: «А как же теперь жить?» «Живите по своему разуму», — отвечают. Разум же, как

известно, без веры не всегда бывает хорошим советчиком, и человек начинает следовать хотениям своей плоти и падает все ниже и ниже.

Деточки, берегите святую веру, это неоценимое сокровище, с ним войдете в Царство. Ведь не для малого мы трудимся, а для завоевания Царства, да еще какого — Небесного! Хотим сделаться его гражданами. Вот и я, грешный игумен, с утра до ночи не знаю покоя. Из-за чего? Очень хочется попасть в Царство, а то вдруг, сохрани Бог, в ад попадешь, вся жизнь пойдет насмарку.

6 августа 1909 г.

(На пути из церкви в скит)

Хотел я сегодня после литургии сказать слово, но накануне не испросил благословения отца архимандрита. Он, конечно, охотно бы разрешил, но не благословясь ничего не следует делать. Если мирские люди в делах более или менее важных спрашивают совета у более опытных людей, то тем более инок должен пребывать в послушании.

У нас в скиту был такой случай. Один инок зимой собрался идти в монастырскую лавку, и пришла ему в голову мысль: не стоит таким пустяком безпокоить старца и спрашиваться, а сходить-то в лавку займет не более четверти часа. Правда, приходил и другой помысл: лучше благословиться, но первое желание превозмогло, и инок пошел не спрашиваясь.

Смеркалось. Дорога шла лесом. Шел он, шел, все никак не может дойти до места. Вот уже и совсем стемнело. Что же это такое? Деревня какая-то виднеется, оказывается, он уже до Прысков дошел. Вдруг перед ним выступают какие-то чудовища. Вскрикнул Марк (так звали инока) от страха. Подойдя ближе, он увидел, что это стог сена, и стал звать на помощь. Прибежали крестьяне, извлекли его из стога и на телеге привезли в скит. Правая нога Марка совершенно отмерзла, так что доктор предложил ее отнять. Но Марк не согласился на операцию, говорил: «Пусть моя нога, ходившая по своей воле, мучается теперь до конца».

Действительно, Марк стал терпеть ужасную муку. Двенадцать лет он пролежал в постели. Нога его почернела и стала гнить. В ней завелись черви, смрад от нее шел страшный. Когда кто-нибудь приходил его навестить, он говорил: «Вот и смотрите на самочинника». «Успокойся, брат Марк, — говорили ему, — Господь простил тебя». — «Да, конечно, это свойственно Его милости, но сам-то я себя не должен прощать».

Великое смирение стяжал брат Марк. После смерти он явился одному брату и возвестил ему, что Господь его помиловал и теперь он утешается в раю.

22 декабря 1909 г.

В скиту бытует обычай принимать у старца благословение на ночь и на день. Утром и вечером весь скит приходит к игумену, и он всех благословляет. Великое значение имеет крестное знамение: никто не знает, что принесет наступающая ночь, потому так важно оградиться силой Честного и Животворящего Креста. Иногда у нас в кельях случаются странные вещи.

Не так давно здесь, в скиту, скончался один схимник, отец Панфил. Был он раньше на военной службе, участвовал в Венгерской войне (1848 года)* и Крымской кампании, а затем все оставил и ушел в монастырь.

Однажды он пришел к утрене очень расстроенный. Охает, и большой палец у него перевязан.

— Что случилось? — спрашиваем.

— Да вот, братцы, ночью бесы одолели. Только что я лег в постель и заснуть еще не успел, как вижу: вереницей идут ко мне люди в пиджаках, точь-в-точь как слуги в трактирах. Думаю, откуда бы прийти этим людям, обе двери закрыты на ключ. Тогда я понял, кто это.

— Зачем вы идете сюда, окаянные? Кто вас звал?

— А вот мы тебе покажем, — отвечают, — распните его!

— Схватили меня. А я-то растерялся и перекреститься не успел. Начали меня распинать. Растянули руки и ноги, и один

---

* Имеется в виду участие России в европейских революционных войнах и конфликтах, в том числе — подавление восстания в Венгрии графом И. Паскевичем.

из бесов ударил меня молотком, хотел, по-видимому, в ладонь, но промахнулся, попал в палец, весь его раздробил. Сильную я ощутил боль и воскликнул: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Бесы тотчас исчезли. Смотрю я, вся рубашка у меня в крови, палец болит нестерпимо. Перевязал я его. Вижу — пора уже идти к утрене. Верьте мне, братие, не лгу я.

Действительно, из Житий святых известно, что бесы могут наносить человеку и телесный вред. На преподобного Антония бесы часто нападали чувственным образом и били его. Однажды, явившись во множестве, они начали бить преподобного скорпионами, то есть ремнями, оканчивающимися острыми зубцами, которыми вырываются из тела куски мяса. Это была страшнейшая из пыток у римлян. Святой Антоний ощутил нестерпимую боль и воззвал: «Господи, Господи!» Бесы исчезли. Весь окровавленный, лежал святой без движения, и вдруг явился Спаситель. Одним прикосновением Он исцелил его.

— Господи, где же Ты был? — воззвал преподобный Антоний. — Отчего допустил так надругаться над рабом Своим?

— Здесь был, — ответил Спаситель, — но не явился тебе раньше, чтобы ты сам посрамил бесов.

В Оптиной был другой случай. Поступил к нам в скит послушником фельдшер Иван. Батюшка отец Амвросий взял его под свое руководство. Этот Иван рассказывал про себя следующее.

Жил он в Тульской губернии и познакомился однажды с одним чародеем. Тот был по происхождению еврей, неизвестно только крещеный или некрещеный. Захотелось фельдшеру поучиться искусству волхвования. Тот согласился принять его своим учеником. На первый раз принес скамейку и велел Ивану положить на нее руки. Тот положил — и скамейка поднялась до потолка. Испугался ученик и бросился бежать, а учитель останавливает его, говоря: «Куда ты, трус? Хочешь постичь всю премудрость, а сам от ничтожной вещи пугаешься». Успокоился Иван, вернулся. С тех пор учение пошло успешно. Скоро он начал видеть самих духов. С одной

стороны, кажется странным, что безтелесные духи могут являться чувственным образом и притом многоразлично: то в виде человека, то — кошки, даже в виде лунного луча (напоминает наши спиритические сеансы), как однажды явился он чародею с учеником. Надо думать, духи избирают себе тело из материи, находящейся в пространстве, которой и сообщают ту или иную форму.

Погибал фельдшер, но Господь, не хотящий погибели человеческой, неисповедимыми путями привел его в нашу святую обитель. Жил он у нас некоторое время. Раз ночью приходит он к отцу Амвросию и просит келейника разбудить батюшку. «Ну куда ты пришел ночью, — говорит келейник, — батюшка спит, он устал, приди завтра». «Нет, — отвечает Иван, — батюшка велел мне приходить во всякое время дня и ночи». Разбудили отца Амвросия. Тот внимательно выслушал пришедшего, который рассказал ему следующее: «После вечернего правила я захотел лечь, как вдруг вижу: сидит у меня какой-то человек уже преклонных лет. Двери у меня крепко заперты, следовательно, войти никто не мог. Я догадался, что это бес. А он говорит мне:

— А ведь ты очень негодно поступил. Был нашим другом, мы сообщили тебе уже некоторые тайны, и вдруг ты все бросил и привязался к этому старичишке.

— Что же мне делать? — спрашиваю.

— А вот что: как ты бросил нас, так брось и его. Только пожелай, и я тебя в одно мгновение перенесу отсюда к твоему бывшему наставнику.

— Да у меня шубы нет, а на дворе мороз.

— Не безпокойся, и лошади, и шуба — все есть.

— Скит заперт.

— Перелезем через ограду, а там уже тройка ждет.

— Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного, — воскликнул я, и бес моментально исчез.

Но на меня напал неизъяснимый страх, думаю: вдруг он опять вернется и задушит меня? Вот и прибежал к вам, отче».

Среди духов не все равны. Как в войске есть солдаты, офицеры, генералы и генералы над генералами, так и в бесовском

войске. Взять евангельский рассказ об исцелении гадаринского бесноватого. Когда Господь спросил обитавшего в человеке беса, как его имя, тот ответил: «Легион». В римском войске легион состоял из шести тысяч четырехсот человек, следовательно, в бесноватом был начальник бесов. Когда отец Амвросий выслушал монаха, то сказал:

— Хорошо, что ты пришел; у тебя был бес восьмилегионный, силы страшной, и почти никто не избавляется от него.

— Господь возвестил мне, что ты в опасности, и я встал на молитву. Слава Богу, что ты вспомнил Его страшное и святое имя и изгнал им беса.

Что стало потом с этим монахом — неизвестно. Ушел он на военную службу и больше в обитель не вернулся.

Великое имеем мы, верующие, оружие! Это сила Животворящего Креста. Как подумаешь, страшно становится за неверующих, они совершенно беззащитны. Это то же самое, как если бы человек, совершенно безоружный, ночью отправился в дремучий лес; да его там растерзает первый попавшийся зверь, а защищаться ему нечем. Мы же не будем страшиться бесов. Сила крестного знамения и имя Иисусово, страшное для врагов Христовых, спасет нас от лукавых диавольских сетей. Аминь.

26 декабря 1909 г.

Сейчас провожу скорбную посетительницу и расскажу вам о ней. Три года тому назад она с мужем была у меня (родом она из Курска, очень богатые торговцы). Жизнь тогда шла так хорошо, а теперь она уже схоронила мать и чуть не похоронила себя. Дело женское — трудно с торговлей, разорилась, всего осталось тысяч сорок. Шла однажды вечером, напали двое, один отнял деньги, рублей шестьсот, а другой бил чем-то по голове. Теперь хочет ликвидировать дела, а то все грозятся убить. Ну а вам не советую прекращать торговлю (то относилось к Л. К. Карасевой), будущее покажет, а теперь кормитесь, и слава Богу.

Да, торговать трудно, и мы сейчас ведем торговлю, только другую. Мы спасаем души, духовно питаем их и за их свя-

тые молитвы цепляемся сами и спасаемся. Так и идет все вкруговую.

Я вот свою эту молельню, свой уголок, не променял бы ни на какой дворец, как, например, в Москве Кремлевский. Залы там такие, малахитовые колонны, мрамор и так далее. А у меня все же лучше, да и тут, и в подземельях люди жили — везде хорошо со Христом. А слыхали вы историю Меншикова? Идет раз Петр I, а ему навстречу мальчик с лотком.

— Что у тебя на лотке?

— Оладьи.

— Оладьи? Дай-ка мне попробовать.

— Ничего оладышки, хорошие. А ты сам откуда?

— Из крестьян Орловской губернии.

— Приходи ко мне, ты меня знаешь?

— Нет, — сказал мальчик, — а оладышков приносить?

— И оладышки приноси.

Царь Петр I имел проницательный ум и умел выбирать людей. И вот Александр Данилович Меншиков сделался генералиссимусом. Одна из его дочерей была царской невестой. При Екатерине I Меншиков достиг полного расцвета, но при Петре II нашлись клеветники, да и сам Меншиков нагрел руки — им овладел дух сребролюбия. Однажды ждали царя Петра II в церковь, приготовили трон, а он не приехал. Тогда Меншиков сам встал на его место. В то время как Александр Данилович стоял на царском месте, около него все скакал на одной ножке блаженный и кричал: «Данилыч — царь, Данилыч — царь». Хотя в то время не было телефонов, но это быстро дошло до царя. Тот сильно разгневался и приказал описать все имение Меншикова в казну (одного золота в вещах было сто двадцать пять пудов), а самого с семьей отправить в ссылку.

Жена Меншикова умерла, не доехав до Березова, а дочери жили с ним. В ссылке Меншиков совсем переменился; зажжет, бывало, лампадочку или свечечку и начнет читать Псалтирь (которую у нас теперь не принято читать, ее, мол, старухам хорошо читать по покойникам). При Петре III Меншиков был прощен, но не дождался известия, умер в Березове, а

дочери вернулись в Петербург и были выданы замуж. Веруем, что Меншиков удостоился царского венца в селении Божием, как сказано в Откровении Иоанна Богослова.

Видимо, это и предсказывал ему блаженный словами: «Данилыч — царь».

К чему же я все это говорил? Да к тому, что и вам приготовлены эти царские венцы, если вы сумеете воспользоваться ими. А как воспользоваться? Это длинная история. Вкратце — исполнение заповедей Евангельских, а главное — заповеди о любви. На этом — весь закон и пророки: никого не осуждать, никого не обижать, молиться по силе нашей и умению. Когда вы достигнете конца жизни, который рано или поздно будет, вы можете получить царские венцы и стать «царями и священниками Бога Вышняго во веки веков». Сейчас пока я этих венцов не вижу, но получить их вы можете.

Известен следующий рассказ. Однажды царь Иоанн Грозный ехал к обедне. Народ, снимая шапки, низко кланялся ему, только Василий Блаженный прыгал на одной ножке, не обращая внимания на царя. «Васенька, сними шапку, вон царь идет», — говорили ему. «Вон царь, вон царь», — указывая на какого-то простолюдина, говорил блаженный. Так и не убедили его поклониться царю. А это оттого, что он своими духовными очами видел венец не над Иоанном Грозным, а над простолюдином. Дивен Промысл Божий, приводящий человека на истинный путь!

В Курске жили известные богачи, купцы Антимоновы, имеющие миллионные обороты. Был у них единственный сын Иван, постоянно стремившийся в монастырь; родители же хотели непременно женить его. Наконец умирает мать и перед смертью говорит сыну: «Иди, Ваня, в монастырь». Проходит год, и отец, найдя богатую, молодую, красивую невесту, идет смотреть ее для сына. В прежнее время ведь и в этом деле не рассуждали, а как скажут родители, так и поступали. Вот вернулся отец, а сын и спрашивает:

— Ну что ж, тятенька, хороша невеста?

— Очень хороша.

— Когда же благословите меня ехать посмотреть ее?

— Да спешить нечего.

— Как же, тятенька, мне ведь жениться, все же надо посмотреть невесту.

— Незачем ее смотреть, так как хотя невеста и есть, да не про твою честь.

— Как же так?

— Да так — сам женюсь на ней.

— Женитесь, тятенька, а меня на рыбные промыслы отпустите.

— Поезжай с Богом.

Он сел и поехал, да вместо рыбных промыслов — прямо в Оптину. Едет на тройке, а кучер нечаянно и проехал мимо гостиницы. Отец гостинник вышел на звук колокольчика и видит: катит тройка и везет мирского человека, а на голове у него митра. «Господи Иисусе Христе, помилуй мя! Что же это такое, ведь в полном разуме и не сплю». Побежал в гостиницу: так и так, говорит, вот что я видел.

— Да что ты, отец, в уме ли?

— Пойдем на крылечко, посмотрим.

Вышли. Кучер в это время лошадей повернул и подъезжает. Выходит Антимонов, кланяется.

— Вы проезжали сейчас?

— Да, кучер нечаянно вперед проехал. Да что вы, отец, так на меня смотрите?

— Да на голове-то что у вас было?

— Картуз.

— Картуз?

Отправился гостинник к архимандриту отцу Моисею и рассказал ему обо всем. Но отцу Моисею не было возвещено об этом.

— Не знаю, что тебе сказать, ступай к батюшке отцу Макарию.

А батюшка сам встретил:

— Ну что? Видел архимандрита? Какова митра-то на нем! Великим будет архимандрит Исаакий.

Так впоследствии и случилось. Но Антимонову об этом не сказали. Отец так рассердился на сына, что три года не видел

его. Потом приехал и сказал: «А ну-ка, покажите мне ослушника». И так понравилось ему в Оптиной, что чуть сам не остался. Но батюшка отец Макарий сказал ему: «Нет, уж вы живите, как живете, жизни вашей уж немного осталось».

Отец Исаакий управлял обителью тридцать восемь лет. Разными путями приводит Господь людей ко спасению. Аминь.

27 декабря 1909 г.

Слава Тебе, Господи! Опять мы собрались все вместе. Люблю я эти вечера, на них я отдыхаю душой. Люблю я и один сидеть в келье. Многие нашли здесь душевное успокоение. Наш великий писатель Н.В. Гоголь переродился духовно под влиянием бесед со старцем Макарием, которые происходили в этой самой келье: великий произошел в нем перелом. Какая цельная натура! Он не был способен на компромисс. Поняв, что нельзя жить так, как он жил раньше, он без оглядки повернул к Христу и устремился к Горнему Иерусалиму. Из Рима и святых мест, которые он посетил, он писал друзьям своим письма, и письма эти составили целую книгу, за которую современники осудили его. Гоголь еще не начал жить во Христе, он только пожелал этой жизни, и мир, враждебный Христу, воздвиг гонение на него и вынес ему жестокий приговор, признав его полусумасшедшим.

В то время как в России разная литературная мелочь, вроде Чернышевского и К°, выражала свое сожаление о погибшем гении Гоголя, такие великие умы, как историк германской и всеобщей литературы Шерх, оценили его иначе. Лютеранин, немец, незнакомый с русской жизнью и русской душой, Шерх выражает удивление, что в то время, когда гений Гоголя необычайно развивался, кругозор его расширялся и мысль его устремлялась в безпредельность, соотечественники не поняли и осудили его. И всякая душа, стремящаяся к новой жизни, жизни во Христе, испытывает гонение извне от мира и переживает великую борьбу с внутренними врагами. Эти искушения неизбежны, по слову Спасителя: «Меня гнали и вас будут гнать». Но тут же утешает Господь: ...*Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше* (Ин. 15, 20).

Относиться же к этим искушениям нужно различно: с внутренним врагом упорно бороться, побеждая его с помощью Благодати Божией; внешним же врагам — прощать. Бояться этой борьбы не надо. Господь укрепляет нас в ней и дает нам такую неизглаголанную радость, что по сравнению с одной минутой этой радости ничто всякая мирская радость. По собственному опыту говорю я это. Было время, когда я жил не скажу в отчуждении от Бога, но как все живут. Целым рядом совпадений, казавшихся мне тогда случайностями и понятых мной только впоследствии, вел меня Господь к духовному перерождению. Это водительство Божие началось следующим образом.

Однажды в Казани Великим постом оттянул я говение до последней недели. В Четверг на Страстной неделе собрался я в военную церковь исповедаться. По дороге обратил внимание на неизвестный мне маленький храм старинной архитектуры. На мой вопрос, как называется эта церковь, мне ответили, что это Ивановский монастырь во имя Иоанна Предтечи, основанный еще Иоанном Грозным. Вошел я туда и стал осведомляться, где здесь живут священники (не зная тогда, что они называются иеромонахами).

— Да кого вам именно надо? — спрашивают.

— Священника, чтобы исповедаться.

Указали мне на иерея преклонных лет отца Сергия. Подошел я к нему, объяснил ему свое желание и исповедался. После спрашиваю:

— Куда ведет эта дверь?

— К игумену нашего монастыря отцу Варсонофию.

— Какое трудное имя!

— Чем же трудное? Ведь в нашем монастыре почивают мощи святителя Варсонофия, вы бы сходили туда помолиться.

С тех пор я частенько стал бывать в этом монастыре, к великому смущению моих сослуживцев. И с этого времени мир восстал на меня, начались безчисленные толки о моем странном образе жизни. «Что это с ним сделалось? Принятый во многих аристократических семействах, у Обуховых,

у Молостовых, он находит теперь удовольствие в беседе и чаепитии с монахами. Да он просто с ума сошел!» — «Однако начальство им довольно, служба у него идет прекрасно, он получает чин за чином, отличие за отличием, — поднимался робкий голос в мою защиту, — и пост он занимает ответственный — мобилизация всей армии восточной России. Дело, требующее неустанной бдительности, находится у него в руках, и он вполне с ним справляется». — «Ну уж не знаю, как это происходит, а только он с монахами познакомился».

Последний довод казался таким убедительным, что умолкали голоса, пробовавшие защитить меня, и все успокаивались на одном: сердечно его жаль, а умный был человек.

Эти и подобные толки еще более способствовали моему отдалению от мира. Но целых десять лет прошло среди искушений и исканий, прежде чем я нашел истинный путь.

Впрочем, Господь в это тяжелое время не оставлял меня без утешения: я переживал минуты такого духовного восторга, что с радостью согласился бы, чтобы резали и жгли мое тело, делали бы с ним все что угодно, лишь бы сохранить мне эти восторги. Так жить было больше нельзя. Но как же? Посоветоваться было не с кем. В таких томлениях и исканиях прошло три года. В это время я ездил по Волге, был в нескольких монастырях, но ни один из них мне не приглянулся. Куда поступить? В Казани меня все знают, а хотелось бы уйти подальше от родных, хоть в Верхний Египет, где бы меня никто не знал.

Один из моих знакомых, очень доброй души человек, зная о моих устремлениях, сказал мне: «Положитесь во всем на волю Божию, не предпринимайте сами ничего. *Скажи́ мне, Господи, путь, во́ньже пойду́* (Пс. 142, 8), и увидите, что все устроится». И действительно, после его слов я совершенно успокоился. По силе своей молился, прочитывал утренние и вечерние молитвы, иногда прибавляя канончик. Много молиться мне было некогда по обязанностям службы.

Однажды я пришел в штаб с докладом к начальнику. Но прошел час, а он все не появлялся. Я решил подождать, а в это время явился ординарец и сообщил, что начальника сегодня не будет, ему нездоровится. Делать мне было нечего,

я начал прохаживаться по штабу. Идя по коридору, заметил в одном из отделений книжечку в коричневой обложке — журнал «Вера и разум», издававшийся в Харькове архиепископом Амвросием. Стал перелистывать: богословский отдел, миссионерский, известия и заметки. Читаю: «В Калужской губернии недалеко от города Козельска находится Оптина пустынь, и в ней есть великий старец отец Амвросий, к которому ежедневно со всех концов России стекаются тысячи богомольцев за разрешением своих недоумений».

— Так вот кто укажет мне, в какой монастырь поступить, — подумал я и решил взять отпуск.

— Давно пора проветриться, десять лет сиднем сидите, и здоровье ваше, кажется, неважнецкое, — сказал мне мой начальник, — товарищи ваши успели уже по два, даже по три раза прокатиться. Я доложу наверх, и вам выдадут из экономического отдела приличное пособие. Сколько времени вы хотите быть в отпуске, двадцати шести дней или два месяца?

— Довольно и двадцати шести дней.

— Поезжайте по Волге.

— Да я по ней уже ездил, — отвечаю, а в душе думаю: махну прямо в Оптину к батюшке Амвросию.

Приезжаю, иду в скит, из монахов никого нет.

— Что же, — думаю, — перемерли все, что ли?

Идет навстречу мне мирянин, обращаюсь к нему:

— Скажите, пожалуйста, где же монахи?

— Они по кельям у себя, а вы, верно, к батюшке Амвросию?

— Да, мне он нужен.

Прихожу, народу было много, пришлось подождать. Наконец батюшка принял меня. Я выразил ему свое желание поступить в монастырь и просил указать, в какой именно.

— Искус должен продолжаться еще два года, — сказал старец, — а после приезжайте ко мне, я вас приму. Сколько вы получаете жалованья?

— Столько-то.

— Ого! Ну, вот вам послушание: пожертвуйте на такие-то церкви.

Между прочим, батюшка назвал церковь Спаса за Верхом, куда велел послать двести рублей. До сих пор я не понял, отчего именно на эту церковь, но, конечно, и это имело свое глубокое значение.

— А в отставку теперь подавать? — спрашиваю.

— Нет, подождать два года.

Приехав в Казань, я распродал свою обстановку, зеркала, картины и поселился в меблированных комнатах. Снял небольшой номерок, в котором было довольно уютно. Чтобы не жить одному, взял к себе сына коридорного, очень хорошего мальчика, лет двенадцати. Где-то он теперь? Не знаю. Говорили, что поступил в монастырь.

Через два года снова отправился к батюшке Амвросию, который в это время находился в Шамордине.

Встретив меня, батюшка сказал:

— Теперь подавай в отставку и к празднику Рождества Христова приезжай к нам, я укажу тебе, что делать.

Когда я вернулся в Казань, мальчик мой очень обрадовался, не знал он, что скоро расстанется со мной навсегда.

Сидим мы раз с ним за чаем.

— А я вас, Павел Иванович, во сне видел, — сказал он.

— Как же ты меня видел?

— Да очень странно. Вижу, будто вы идете из города по направлению к кладбищу во всем белом и поете ирмос «Воду прошед, яко сушу, и египетскаго зла избежав».

Впоследствии мне истолковали этот сон: город — мир; кладбище, которое в Казани было расположено в восточной стороне, означало Горний Иерусалим; шел я, чтобы умереть для мира; белые одежды — убеление души, так как в то время у меня созрело решение оставить все. Ирмос «Воду прошед, яко сушу» поется при отпевании младенцев и означает отпевание умершего для мира.

Выехал я из Казани в Оптину 17 декабря, в день святых отроков Анании, Азарии и Мисаила, спасшихся в вавилонской печи: в этот день я избавился от мира. Приехал в Москву. В моем распоряжении оставалось дня три, а потому я решил

остановиться. Под день памяти святителя Петра* пошел ко всенощной в храм Христа Спасителя. В церкви царил полумрак, особенно в куполе. Пение мне не понравилось, я начал чувствовать усталость, нетерпение и решил уйти в другую церковь, поискать хороших певчих. Рядом со мной стоял какой-то господин.

— Скажите, пожалуйста, есть ли у вас в Москве храм с хорошими певчими? — спросил я его.

— Да ведь и здесь прекрасный хор.

— Но мне совсем не нравится.

— А это потому, что нет самого регента. Он, вероятно, скоро придет. Потерпите.

Я подумал: собираюсь идти в монастырь, надо привыкать к терпению. И остался. В это время запели ирмос «Христос рождается, славите». Я вдруг почувствовал, что это относится ко мне, как и дальнейшие слова: «вознесый род наш». Но что же это такое? Пение совершенно изменилось. Оказалось, что пришел регент. В невыразимом духовном восторге, которого никогда не испытывал раньше, достоял я всенощную. Насколько первая ее половина была утомительна, настолько вторая — торжественна и радостна. На другой день отправился к обедне, и когда вошел в храм, священник, держа чашу, возгласил: «Всегда, ныне и присно, и во веки веков». Хор запел: «Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи!»

К празднику я был в монастыре.

Уже впоследствии я понял значение того, что раньше казалось мне простой случайностью. Всенощная в Москве была изображением моей жизни, сначала печальной и тяжелой, затем радостной о Христе. «Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи!» Но, повторяю еще раз, всякому, только помыслившему вступить на правый путь, приходится переносить массу всевозможных искушений. Блаженны и преблаженны вступившие на правый путь. Но как удержаться на

---

* Святитель Петр — митрополит Московский и всея Руси († 1326; память 21 декабря), великий чудотворец.

этом пути, ведь враг нападает со всех сторон? Исполнением заповедей Евангельских и молитвой Иисусовой. Обидел ли кто — потерпи. Враг научает отомстить, а Христос с высоты говорит: «Прости». — «Не хочу Тебя слушать, Господи, мне слишком тяжело», — и наговорит человеку другому того, что после сам ужаснется. Иисусова молитва приучает нас к кротости, незлобию, терпению. Дай, Господи, нам если не любить врагов, то, по крайней мере, прощать им.

У многих наших великих писателей встречается стремление к иной, лучшей, жизни, но ищут эту жизнь не там, где надо. Отсюда неудовлетворенность и тоска, выражаемая в их произведениях. Вот, например, М. Ю. Лермонтов. Томится он суетой и безцельностью жизни и хочет взлететь горé, но не может — нет крыльев. Из его стихотворения «Я, Матерь Божия, ныне с молитвою...» видно, что не понимал он настоящей молитвы. Пророк говорит: «И молитва их будет в грех». Действительно, что выражает Лермонтов, о чем молится? «Не о спасении, не с благодарностью иль с покаянием» — какая же это молитва? Человек вовсе не думает ни о своем спасении, не кается, не благодарит Бога. Печальное состояние, если поэт называет свою душу «пустынею»! Вот эта пустынная душа его и дошла, наконец, до такого состояния, что стала воспевать Демона. Обособленно стоят два действительно прекрасные по идее стихотворения: «Ангел» и «В минуту жизни трудную». В последнем стихотворении выражается настоящая молитва, при которой «и верится, и плачется, и так легко, легко». Но эти проблески не осветили пустынную душу поэта, и он кончил жизнь свою таким ужасным образом — был убит на дуэли.

В бытность свою в Мукдене познакомился я с инженером, который проводил туннель в горах. Фамилия его была Разгильдеев, хотя характером он совсем не соответствовал своей фамилии. Предок его был татарский князь Урус Гильдеев, перешедший затем в подданство к московскому князю. Разгильдеев был человеком всесторонне образованным: окончил университет по двум факультетам — медицинскому и филологическому. Этого ему показалось мало, пошел на факультет

путей сообщения; окончил, захотел учиться искусствам. Отец его был богат, сын — единственный, ну и представлена ему была полная свобода. Поехал в Италию учиться пению, у него выявился прекрасный голос, и он стал артистом. Занялся музыкой и, вернувшись в Россию, кончил консерваторию. Говорил он на девяти языках. Несмотря на такое обширное образование, Разгильдеев чувствовал некую неудовлетворенность и стремился учиться дальше. Мы с ним часто беседовали. Уйдем, бывало, в горы и говорим, говорим. Один раз он спросил меня:

— Скажите, батюшка, отчего это сквозит такая грусть и неудовлетворенность в произведениях наших писателей? Замечается это и в сочинениях известных композиторов: Бетховена, Мендельсона, Мейербера...

— Оттого, что живут они не той жизнью, которую предписывают Евангельские заповеди.

— Вы думаете? А слыхали ли вы известного кантора варшавской еврейской синагоги, который получает пятьдесят тысяч рублей в год?

— Да за что же так много?

— За чудный голос. Да я вам сейчас воспроизведу.

И завел граммофон. Боже, что это было за безпредельное отчаяние, мрак и ужас! Ад в душе, состояние, вполне понятное для души отвергнутого Богом народа.

Апостол Павел говорит о евреях, что остаток их спасется, но евреи, не обратившиеся ко Христу, — будущие насельники ада. Может ли у них быть истинная радость, когда они и здесь, на земле, находятся в мрачном подвале, каковым является их еврейская вера. Пение кантора навело на меня уныние.

[После этого пришлось услышать наш православный церковный хор.] Пел маленький любительский хор, а дирижировал им один почтамтский чиновник, человек глубоко верующий. Была ночь. Ярко светили звезды, в воздухе было тепло и тихо, и только ветерок слегка колебал верхушки деревьев. И в этом затихшем воздухе вдруг разлились спокойные и умилительные звуки церковного пения. Пели канон, не помню,

какого гласа, но никогда еще эти напевы не казались мне столь пленительными. Действительно ли хорошо пели или мне только так показалось после полного отчаяния пения варшавского кантора, не знаю, только я долго простоял, внимая пению.

Однажды Разгильдеев сказал мне:

— Батюшка, хочу еще научиться, но не вполне решил, чему именно. Что вы мне посоветуете?

— Есть одна великая наука, которую необходимо вам изучить.

— Ах, это вы, наверное, говорите об астрономии, это действительно интересно; я одно время хотел поступить в Пулковскую обсерваторию.

— Нет, я говорю про другое.

— Так вы, может быть, думаете, что мне нужно заняться изучением восточных языков? И об этом я думал и хотел поступить в Лазаревский институт.

— Ну зачем же туда, когда и во Владивостоке есть такой институт?

— Да, но в Москве программа шире.

— И это не то.

— Так какая же наука? Не томите, батюшка, скажите.

— Наука эта великая, наука о спасении души и достижении Царства Небесного. Вот за это вам надо взяться.

— Да, положим, это верно, только как? Постов, например, соблюдать я не могу.

— А вы пробовали?

— Положим, что нет. Вы скажете: ходите в церковь, а, откровенно говоря, она меня нисколько не удовлетворяет. Я, правда, люблю вашу службу, вы служите без вычурностей, просто, но впечатления это на меня не производит.

— Но вы верите в Бога?

— Да или хотел бы, по крайней мере, веровать. Догматы Церкви я признаю все целиком, но как обрести действительную веру?

— Такую веру можно обрести, только исполняя все заповеди Христовы. В Евангелии от Иоанна Господь говорит:

«Испытайте Мое учение и увидите»*. Вот что нужно посоветовать каждому неверующему. Испытайте и увидите. Бог ли Христос или великий пророк, философ.

Такие беседы бывали у нас часто. Не знаю, что теперь стало с Разгильдеевым. Года три тому назад я писал ему, но ответа не получил.

Подобные беседы вели мы и с доктором Валяшко. Это тоже был человек ищущий, но таких людей было немного. С иными невозможно было вести духовные разговоры, слишком сильно прилепились эти люди к земле. «И что вы там говорите? — скажут. — Давайте лучше выпьем да закусим».

В низменных удовольствиях полагали они всю свою жизнь, не допуская даже мысли, что могут существовать иные радости, иные восторги. А происходит это от огрубления души, от полного незнания Евангелия, от равнодушия к Церкви.

Когда я был в гимназии, в моем классе были два товарища, отчаянные шалуны. В общем, они были добрые малые и их шалости никогда не были сквернными. Незаметными стали их прежние выходки, когда все свободное от занятий время они посвятили чтению. Спросишь, бывало: «Что ты читаешь?» И получишь ответ: Пушкина, Никитина и других наших великих писателей. Под влиянием чтения даже лица у них изменились, сделались более серьезными, осмысленными.

Если чтение великих писателей так облагораживает душу, не более ли облагородит и освятит ее чтение Слова Божия и святых отцов? Проникновение в Священное Писание вводит человека в глубину богопознания и дарует ему такое блаженство, с которым не может сравниться никакая земная радость. Внешний мир с его красотами благотворно действует на человека, и душа, способная наслаждаться красотой мира, есть душа возвышенная, но человек, достигший совершенства, созерцает в душе своей такую красоту, перед которой видимый мир ничего не стоит. Господь сказал про душу человека, любящего Бога: «К нему придем и обитель у него сотворим». Непостижимо, как это в маленьком сердце помещается Сам

---

* В Евангелии: *Исследуйте Писания* (Ин. 5, 39).

Господь, а где Господь, там и рай, там и Царство Божие. ...*Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21).

На горе Афонской много православных монастырей. Немало там и отшельников, подвизающихся в пещерах и скалах. У одного отшельника была пещера на высокой горе. Из нее открывался чудный вид на Средиземное море, на покрытые роскошной растительностью берега, отдаленный Родос. Ночью миллионы звезд загорались на небе и луна обливала все своим серебряным светом. А подвижник уходил в глубь пещеры своей и не хотел ни на что это смотреть. Красота видимого мира уже не трогала его душу, созерцавшую красоту мира невидимого.

В Киево-Печерской лавре жил один подвижник, который единственное окно своей кельи заставил образом, чтобы видимый свет не мешал ему созерцать невидимый. Я знал одного юношу, который страстно любил музыку. Когда начинался концерт, он садился в отдалении, закрывал лицо руками и весь погружался в слушание любимой музыки, не желал ни видеть, ни слышать ничего постороннего. Но к Священному Писанию и молитве мы привыкаем, и они уже не действуют на нас. Грубеет сердце наше. Великий древнегреческий математик Пифагор был в свое время и известным астрономом. Он является автором долго существовавшей гипотезы о планетной системе. Пифагор предполагал, что земля занимает центральное место в мировом пространстве, а около нее вращается семь планет. Все планеты составляют гамму. При вращении они издают чудную музыку, но мы ее не слышим, так как привыкли к ней с младенчества.

Но не будем только слушателями Божественных слов нашего Спасителя, будем стараться по силе исполнять Его заветы, и Господь не презрит труды наши, и в наше сердце придет Царствие Божие, и радости нашея никтоже возмет от нас. Аминь.

1909 г.

(Отец Варсонофий рассказывает о себе)

Молодость моя проходила шумно и весело. Денег было много, делай, что хочешь. Но вот однажды вижу я странный

сон. Ясно, как наяву, входит ко мне какой-то старец, подходит близко, берет за руку и, указывая на часы, стоявшие против моей кровати, спрашивает: «Который теперь час?» — «Половина седьмого». — «Через три года ты умрешь». И вторично спрашивает: «Который час?» — «Половина седьмого». — «Через три года ты умрешь». И опять: «Который час?» — «Половина седьмого», — отвечаю я уже с раздражением. — «Через три года ты умрешь».

Я проснулся, зажег огонь, посмотрел на часы. Было 35 минут седьмого, следовательно, явление старца было как раз в половине седьмого. Оделся, позвонил, велел подать самовар. «Что это, Павел Иванович, сегодня так рано встать изволили?» — спросил лакей. — «Да так, не хочется спать».

Налил себе чаю — не пьется. Неужели мне жить осталось только три года? А там — смерть. Господи, так тяжело и страшно.

Часов в 12 зашел ко мне один из товарищей: «Знаешь новость? Устраивается пикник, собирается большое общество, вот будет весело! Я хотел и тебя записать, но потом все-таки решил спросить, поедешь ли?» — «А почем с человека?» — «Пустяки, по пятьдесят рублей». — «Если бы ты записал меня не спросясь, то пришлось бы тебе свои деньги заплатить!» — «С каких пор ты стал Плюшкиным?» — «Я не стал Плюшкиным, но мне сильно нездоровится». — «Конечно, больному человеку удовольствие не в удовольствие».

Он скоро ушел. С тех пор мысль о смерти не покидала меня. Я стал уклоняться от всяких развлечений. Впрочем, я не сразу порвал со всем.

Мир — это такое чудовище, что, если повернуть круто, разорвет. И вот стал я постепенно освобождаться от уз мира, становилось все легче и легче, и, наконец, совсем освободился от него. Я перестал бывать у большинства моих прежних знакомых. Оставил два-три благочестивых семейства, где бывал изредка.

Прошло три года, наступило 17 сентября, памятный для меня день, в который я видел старца. С раннего утра я уехал в один монастырь, исповедался и приобщился Святых Таин.

После причастия стою в церкви и думаю: «Вот грохнусь!» Не грохнулся.

Впрочем, слова старца исполнились. Я действительно умер в тот день, но умер для мира...

2 января 1910 г.

Вначале Господь сотворил мир невидимый; блаженные духи разделялись на девять чинов: Серафимы, Херувимы, Престолы, Господствия, Власти, Силы, Начала, Архангелы и Ангелы. Но сотворенные духи не все сохранили верность Богу; треть отпала от своего Создателя, и из благих они сделались злыми, из светлых — мрачными. Чтобы возместить потерю, сотворен был человек. Теперь люди, работающие Богу, по кончине своей вступают в лик Ангелов и, смотря по заслугам, становятся или просто Ангелами, или Архангелами и так далее. Этот видимый мир будет стоять до тех пор, пока будет пополняться их число, а тогда — конец. Неизвестно только, когда наступит это время: завтра, или через год, или через миллионы веков. Дай, Господи, нам всем войти в это число, чтобы вовеки пребывать со Спасителем нашим. Но чтобы войти в Царство, прежде всего надо быть смиренными. Как же обрести смирение?

Как научиться этому великому искусству? Надо молить Господа о ниспослании этого дара. В одной из вечерних молитв мы читаем: «Господи, даждь ми смирение, целомудрие и послушание». Смирение уподобляет нас Самому Богу, который *смири́л Себе, послуши́в был даже до сме́рти, сме́рти же крестныя* (Флп. 2, 8). Сам Господь является учителем смирения: *...научи́теся от Мене́, яко кро́ток есмь и смире́н сердцем...* (Мф. 11, 29). Смирение можно стяжать посредством послушания. Человек, подчиняющий свою волю духовному руководителю, побеждает гордость и приобретает смирение. Оттого-то людям, особенно монахам, послушание необходимо.

Известен следующий случай. В одном пустынном месте подвизался старец. Однажды к нему пришел молодой инок, прося взять его на совместное жительство для обучения добродетелям. Старец согласился с условием, что инок будет ему

безпрекословно повиноваться. Однажды старец велел своему ученику взять сухую палку, воткнуть ее в землю на расстоянии пяти верст от их кельи и каждый день ходить поливать ее. Инок все исполнял в точности. Каждый день поливал он эту палку, и для этого ему приходилось проходить десять верст по раскаленной солнцем пустыне с тяжелым ведром. Дух зла, не переносящий смирения, начал соблазнять подвижника такими помыслами: «Что ты делаешь? Зачем слушаешь безумного старца? Ты оставил монастырь, чтобы научиться высшим добродетелям, а он заставляет тебя исполнять нелепейшее, никому ненужное дело». Но инок не поддался этим искушениям, прозрев в них козни врага, он продолжал безропотно нести свое послушание.

Раз пришел он поливать свой сук и ужаснулся: на месте его раскинулся великолепный оазис; финиковые пальмы высоко поднялись к небу, более нежные растения росли под ними, защищенные тенью пальм от палящих лучей солнца, а посреди оазиса был источник чистой, прозрачной воды. Вне себя от радости и удивления, пришел инок к своему старцу и воскликнул: «Отче, ты совершил чудо!» — и рассказал ему все подробно.

Выслушав его, старец заметил: «Чадо, это не я совершил чудо, а ты своим послушанием. Знай, что ничто так не приятно Богу, как полное послушание без рассуждений, так как оно дает человеку смирение, а это есть верх добродетелей. Гордым Бог противится, а смиренным дает благодать. Аминь.

18 апреля 1910 г.

Поздравляю вас, детки, со светлым праздником Воскресения Христова. Велик нынешний день: **«Сей день, егоже сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в онь»***. Конечно, все были сегодня у обедни, у нас она торжественно совершается. А мне не удалось быть за службой. Утром совершил правило и уже собрался идти, как почувствовал такую слабость, что с трудом поднялся с дивана... Должен был

---

* Стих канона Пасхи.

дать знать архимандриту, что у литургии не буду. Впрочем, Господь наказал меня за некоторую самонадеянность. По примеру прошлых лет надо бы утреню совершить келейно, а я понадеялся на свои силы и отправился в храм. Утреню простоял хорошо, а потом и плохо стало. Теперь чувствую себя гораздо лучше и радуюсь, что могу вас принять.

Как важно полагаться во всем на волю Божию! Крепко нужно верить в Его Божественный Промысл, устрояющий все во благо. Эту Пасху я был утешен приездом двух иноков, которые раньше жили у нас, а потом были переведены в Петроград. Скучают они по Оптиной обители, доро́га дорога́, при их скудных средствах часто не поедешь. Они сетуют: вот денег нет, а было бы их много — часто навещали бы святую обитель. Я же отвечал им на это: «Было бы у вас много денег, верьте, вовсе не приехали бы к нам». Люди богатые часто забывают *еди́но же есть на потре́бу*... (Лк. 10, 42) и все время проводят лишь в том [думая лишь о том], как бы удовлетворить свои безчисленные прихоти.

Сохранилось одно древнее сказание. В некоем пустынном месте подвизался инок по имени Даниил. Однажды случилось ему зайти к одному рудокопу по имени Евлогий. Человек этот был бедный, но необычайно добрый. Свой дневной заработок он отдавал нуждающимся, дверь его убогой хижины была открыта для всех. Даниила он встретил радушно, чем мог угостил. «Как ты живешь?» — спросил инок. — «Да слава Богу! Я о завтрашнем дне не забочусь, по слову Спасителя, и Господь никогда меня не оставляет. Он щедро посылает не только на потребу мне, но и на долю нищей братии». Долго беседовал инок с рудокопом. На другой день при прощании дал он иноку еды на дорогу. Умиленный душой и обрадованный, возвращался Даниил в свою пустынь, рассуждая дорогой про себя: «Вот бы этому человеку богатство, сколько бы добра он сделал!»

Придя в свою келью, инок стал умолять Спасителя послать рудокопу богатство. Во время этой горячей молитвы Даниилу явился Господь и сказал: «А ты ручаешься Мне за душу этого человека, что она не погибнет, получив богатство?» «Ручаюсь,

Господи!» — воскликнул инок. «Хорошо, пусть будет по-твоему», — сказал Спаситель, и видение исчезло.

Вскоре после этого рудокоп Евлогий нашел богатейшие золотые россыпи; золото лежало большими слитками на поверхности. Призадумался Евлогий, как быть. Отправился он в селение, купил лошадку, затем перевез все золото в свою убогую хижину. На другой день он уже не принял тех нищих, которые по старой привычке толкнулись в его дверь. Через некоторое время он бросил свое дело и переехал в Константинополь. Здесь он стал вести роскошную жизнь и сделался известным даже императору. В великолепном дворце прежнего рудокопа часто задавались пиры на славу, но нищие и убогие уже ничего не получали от трапезы богача. Напротив, у него на дворе были злые собаки, которые не пускали туда никого постороннего.

Однажды к пустыннику Даниилу во время молитвы опять явился Господь, но лик Его, обращенный на пустынника, был строг: «Твои посты, молитвы и коленопреклонения неприятны Мне, так как душа Моего раба Евлогия погибает. Ты поручился Мне за него, верни же Мне теперь его душу!»

В страхе и трепете упал Даниил на землю перед Господом, прося Его милости, и Господь повелел ему идти в Константинополь. Инок оставил свою пустыню и после трудного путешествия достиг великого города. Здесь он начал разыскивать Евлогия и узнал, что он теперь важный вельможа. Пришел к пышному дворцу, но его прогнали. Инок все же решил добиться свидания. И вот когда величественная колесница Евлогия остановилась у крыльца, Даниил, пробравшись сквозь толпу, пал на колени перед вельможей, прося его выслушать, тот же приказал слугам скорее прогнать его. Тогда увидел инок, что ничем не может подействовать на Евлогия, и единственное средство, которое осталось, — это молитва. С горячими слезами и сокрушенной душой взывал Даниил ко Господу и был услышан. Случилось так, что Евлогий чем-то прогневил императора, и тот приговорил его к смертной казни. Бросив все, Евлогий обратился в бегство и после многих скитаний прибыл, наконец, на место своего прежнего жительства.

И опять в поте лица стал он зарабатывать свой хлеб и вновь сделался сострадательным к бедным и несчастным. Когда Даниил узнал об этом, он возблагодарил Бога и воскликнул: «Ныне отпущаеши раба Твоего, Владыко!» — и вскоре почил о Господе*.

Подобный же случай был и у нас в Казани. Жил тут один офицер, необычайно набожный. Часто ходил он в монастырь молиться Богу и жертвовал на обитель из своих скудных сбережений сколько мог. То коврик принесет, то лампадочку, то кулич копеек за сорок в подарок кому-либо из братии. Все любили его, особенно радовался за него один из схимников монастыря. И вот начал этот схимник просить Господа послать офицеру богатство. Молитва была услышана. Понравился этот офицер дочери миллионера, и он на ней женился. А потом произошла в нем резкая перемена. Он вышел в отставку, начал вести роскошную, праздную жизнь и в монастырь уже больше не заглядывал, разве что проезжал мимо на своих рысаках вместе с супругой. Но по молитвам схимника Господь не допустил погибели раба Своего. Бывший офицер разорился и вернулся к своему прежнему образу жизни. Отсюда следует, что не должно желать себе богатства, а надо благодарить Господа за то, что Он посылает. Имеете все необходимое и будьте довольны. Господь никогда не оставит вас, детки мои, если вы будете стремиться по силе исполнять Его святые заповеди. ...*Заповеди...* же Господни *тяжки не суть* (1 Ин. 5, 3). Да поможет нам Господь и Царица Небесная, Заступница и Помощница всех христиан. Аминь.

30 мая 1910 г.

Жизнь есть блаженство. Эти слова могут показаться странными. Как можно жизнь назвать блаженством, если в ней на каждом шагу встречаются неудачи, разочарования, огорчения. Сколько горя терпят люди! Жизнь, говорят некоторые, есть труд, и часто труд неблагодарный, какое уж тут блаженство?

---

* Гурьев В. Пролог в поучениях. 27 марта. М., 1994. С. 392—393.

Блаженством для нас станет жизнь тогда, когда мы научимся исполнять заповеди Христовы и любить Христа. Тогда радостно будет жить, радостно терпеть находящие скорби, а впереди нас будет сиять светом Солнце Правды — Господь, к Которому мы устремляемся. Все Евангельские заповеди начинаются словом «блаженны»: *блаженны кроткие... блаженны милостивые... блаженны миротворцы...* (Мф. 5, 5. 7. 9). Отсюда вытекает как истина, что исполнение заповедей приносит людям высшее счастье. История христианских мучеников с особенной яркостью подтверждает это. Какие только мучения ни переносили они, каким пыткам ни подвергались, весь ад восставал на них. Резали и жгли тела исповедников Христовых, разрывали их на части, измученных бросали в смрадные темницы, а иногда в склепы, наполненные мертвыми костями и всевозможными гадостями. Иногда для большего устрашения им показывали покойников, восстающих из гробов и устремляющихся на них, а мученики радовались. Из безчисленного сонма мучеников вспомним хотя бы святую Перепетую. Ее подвергали ужасным пыткам, желая вынудить отречение от Христа, но святая мученица осталась непоколебимой. Вот, наконец, ей выносят смертный приговор. Услыхав о нем, святая Перепетуя исполняется такой неизреченной радости, что лицо ее сияет. Удивленный мучитель спрашивает:

— Какова причина твоей радости? Сейчас ты расстанешься с жизнью — и вдруг ликуешь?

— Умирая за Христа, — отвечала святая, — я получу Вечную Жизнь в Царстве Жениха моего.

— Пришли нам из этого Царства плодов, — со смехом сказал мучитель.

Святая обещала. Как только ее голова упала под ударом палача, явился юноша необычайной красоты. Он держал вазу, наполненную плодами, от которых исходило дивное благоухание. Подавая плоды мучителю и окружавшему его синклиту, юноша произнес:

— Это прислала вам святая мученица Перепетуя из рая Жениха своего.

И с этими словами он стал невидимым. Все присутствующие исполнились удивления, вкусили от предложенных плодов, и множество людей уверовало во Христа.

Вспомним, что из числа мучеников много было истинных аристократов, изнеженных девушек, как, например, святые великомученицы Екатерина и Варвара, но все они мужественно претерпевали различные истязания, и красной нитью через все жития проходит, что они радостно страдали и с торжеством отходили ко Господу, Который во время их подвига подкреплял их Своей Благодатью. Помощь Божия всегда была близ мученика. Поддерживает Господь и тайных мучеников-отшельников. Явные мучения терпят от людей, тайные — от бесов. Всякий народ принес Христу как жертву мучеников из своей среды. Больше всего явных мучеников было среди греков, а тайных — среди русского народа. Меньше всего было мучеников у индейцев и персов. Даже в Китае была проповедь о Христе, но были ли мученики — неизвестно*. В древних китайских памятниках говорится, что из Палестины пришли к ним евреи и проповедовали нового Царя. Многие уверовали, и было отправлено посольство, но когда оно пришло, Христос уже пострадал и воскрес.

Без Христа жизнь действительно не имеет никакой цели, она вполне безсмысленна. Недавно в «Братском листке», издаваемом в Саратове, было сообщено о самоубийстве одной девушки. Она жила самостоятельно, обладала колоссальным богатством, капитал ее доходил до девяносто миллионов рублей, что дает в месяц около девяносто с лишним тысяч рублей. Подле нее нашли записку: «Не вижу смысла жизни». И немудрено, что не видела! Смысл жизни — в исполнении заповедей Евангельских, и пойди она со Христом, сколько добра могла бы сделать, но она не искала Христа и погибла. Конечно, исполнение Евангельского закона вначале может показаться трудным, но не оставляет Господь работающих Ему.

---

* В течение XX века Китай несколько раз принес массовое мученичество христиан. — *Ред.*

Однажды я возвращался от батюшки Амвросия и на пути заехал в Васильсурск. Остановился в знакомом монастыре, и мне предложили посетить послушника монастыря брата Василия, жившего отшельником в лесу. Постучался я, сотворил молитву. Старец с любовью меня принял.

— Кто ты такой будешь? — спросил он меня.

— Я — воин Павел, благословите меня, батюшка.

— Какой я батюшка, я — простой послушник.

Разговорились мы с ним. Стал я расспрашивать, как он живет, как угождает Господу.

— Жить в лесу — от людей спокойно, — сказал старец, — вот только с бесами воевать приходится. Каких только страхований не нагонят они! Однажды среди белого дня вдруг вижу, едет к моей келье множество саней, в которых сидят чуваши. Остановились, стучат в дверь. «Отвори скорее, — говорят, — мы иззябли». Отец настоятель запретил мне пускать кого-либо без молитвы, вот я и говорю: «Сотворите молитву». «Какую там молитву, — отвечают, — отвори». — «Скажите: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас». За дверью раздался смех. Затем все сели в сани и уехали. Вышел я на улицу посмотреть, вижу — никаких следов на снегу, сугробы кругом моей кельи огромные, следовательно, все это было призрачное. А то покойник приходил по ночам, стучит кулаком и ревет что есть мочи.

— Да, такие искушения были и у преподобного Серафима, — сказал я.

— То — преподобный, а то — я, и молитва у меня слабенькая, а все-таки Господь помогает. Больше всего упражняюсь в Иисусовой молитве.

Я попросил указания, как ее совершать.

— Страшная это молитва, — отвечает пустынник, — очень не любит ее сатана и старается всеми силами отомстить тем, кто ее совершает. Без руководства эту молитву проходить опасно. Если хочешь начать, то начни с небольшого. Возьми четки — у тебя есть? По четочкам сто молитв Иисусовых в день с поклонами, хочешь земными, хочешь поясными, все

равно. Такой раз был случай со мной, никому не рассказывал, а тебе расскажу.

— Отчего же мне такое предпочтение?

— Оттого, что ты будешь монахом и больше того... Стал я вечером на молитву, есть у меня не то что рогожа, а так себе, ковришко... Ну, стою я на коленях и вдруг чувствую — шевелится ковер. Все больше и больше, и поднимаюсь на воздух. Достигнул потолка, он раздвинулся, я поднялся на страшную высоту. Узенькой ленточкой виднелась Волга и Сура с ней, наш город казался совсем крошечным, подо мной расстилалась бездна. Господи! Если грохнусь, косточек не останется! Прильнул головой к своему коврику и стал молиться: «Господи, спаси меня. Господи, помози мне!» Поднимаю голову и вижу, что я опять в своей келье.

Много и других искушений пришлось вытерпеть старцу. Иисусова молитва есть необходимейшее оружие в деле нашего спасения. Но кто берется за нее, должен ожидать искушений и приготовиться к борьбе внутренней, к борьбе с помыслами. Бесы не любят Иисусовой молитвы и всячески мстят человеку, бьющему их этим бичом. Они начинают нашептывать ему (конечно, невещественными устами) всевозможные сомнения: как это доказать, какой смысл в этом, это неправда, этому никто не верит, это обман и так далее. Чем же бороться подвижнику с этими помыслами? Непринятием их? Но легко сказать — не принимать помыслы. Выполнить это дело настолько нелегко, что борьбу с помыслами Господь принимает за мученичество.

Хотя молитва Иисусова требует от человека труда, она же несет с собой высокие утешения.

В Оптиной при батюшке отце Макарии был один инок, часто приходивший за советом к старцу, по-видимому, с искренним желанием исправления. Старец сказал ему, что ближайший путь к усовершенствованию есть непрестанная Иисусова молитва.

— Отчего же именно эта молитва, батюшка, — возразил инок, — ведь о ней ничего в Евангелии не сказано.

— А ты читаешь Евангелие?

— Как же, каждый день по главе.

— Ну, если читаешь, то должен помнить слова Спасителя: *...именем Моим бесы ижденýт...* (Мк. 16, 17).

— Помню, помню эти слова! Значит, они и сказаны о молитве Иисусовой?

— Ну, конечно, в этой молитве и призывается имя Иисусово.

Инок начал говорить молитву Иисусову. Через некоторое время приходит он опять к отцу Макарию с печалью.

— Ну что, брат? — спрашивает старец.

— Прохожу, отче, Иисусову молитву, но какая может быть от нее польза, если я произношу ее только устами, сам не понимая, что говорю, ум все бегает в сторону.

— Ты не понимаешь, — возразил старец, — зато бесы понимают и трепещут. Успокойся, брате, и по силе продолжай молитву.

Прошло немного времени после этой беседы, и инок приходит к батюшке. С радостью он сообщает, что Иисусова молитва открывает ему Таины Божии. Старец возразил ему: «Не обращай внимания и не придавай этому значения». Вскоре опять инок сообщил отцу Макарию о тех же духовных дарованиях, которые дает молитва Иисусова, и снова старец запретил ему придавать этому значение. Другим же отец Макарий сообщил, какой великой милости Божией сподобился брат в такое короткое время. Ему возразили, что вот такой-то много лет совершает Иисусову молитву, а откровений не имеет. От чего это? От недостатка смирения. Сам Христос кроток и смирен сердцем. С приобретением смирения мы достигаем полного спокойствия душевного. Известен исторический пример о светлейшем князе Меншикове. Был он из простых и торговал оладьями. Однажды Петр увидел его и стал покупать у него оладьи. «Ты знаешь, кто я?» — спросил у него Петр. «Нет, не знаю», — ответил Меншиков. «Я — царь Петр». — «Теперь знаю». Таково было первое знакомство. Петр заметил в Меншикове необыкновенный ум и выдающиеся способности к военной службе, приблизил его к себе, и Меншиков занял первое место при дворе. Но высшей славы

достиг Меншиков при императрице Екатерине I, при которой он самодержавно управлял государством, так как сама императрица, не имевшая на то подготовки, не вмешивалась в дела правления. Но вот над Меншиковым разразилась гроза. Он уже думал твердой ногой стать у престола, и дочь его была помолвлена с Петром II, поминали на ектеньях, как вдруг он попал в опалу. Был над ним наряжен суд, по которому, лишенный всего состояния, он был сослан в Березов. Жена его только доехала до Казани и умерла от горя. Ее могила в Казани существует и поныне. Меншиков же остался тверд. В Березове сделали для него меховую юрту, и стал он жить в ней вместе с остальными членами семьи. Здесь он познал Промысл Божий, ведущий его ко спасению, и начал он с увлечением читать Псалтирь. *Благо мне, яко смирил мя еси...* Господи (Пс. 118, 71), — часто говорил прежний властелин. В ссылке он прославил Бога и начал ощущать такие духовные радости, о которых прежде не имел понятия.

Наверно, если бы ему теперь предложили вернуться к прежней жизни, он не согласился бы. Меншиков умер как праведник, и в Сибири его считают святым. Это по внешнему суждению великое несчастье доставило ему вход в Царство Небесное, которого он, наверное, не достиг бы, находясь в славе. В Евангелии говорится: *Блаже́ни есте́, егда́ поно́сят вам...* (Мф. 5, 11). На первый взгляд кажется странным: какое тут блаженство? Бранят, возводят клевету — ведь это одна скорбь! Но нет, это — блаженство, если терпеть во имя Христово. Одного старца спросили, как он относится к поношениям.

— Со скорбью, — ответил тот.

— Неужели и тебя трогают поношения?

— Нет, — отвечал старец, — за себя я радуюсь, но скорблю за тех, которые слышат эти поношения, потому что они лишаются той пользы, которую могли бы получить от Господа через меня, грешного.

Это враг научает злословить рабов Божиих, чтобы отвлечь от них людей. Действительно, врагу выгоднее всего, когда люди бегут от светильников Божиих и пребывают во тьме.

Происки врага бывают и у нас в Оптиной. У отца Макария, несмотря на его святую жизнь, было много недоброжелателей из скитян. Бывали такие случаи: приедут из Москвы богатые купцы на тройках (железной дороги тогда не было) к батюшке отцу Макарию. Подъезжают к скиту и спрашивают:

— Где живет известный отец Макарий?

— У нас такого нет, — отвечают ему.

— Как же такого нет, а нас именно и послали к отцу Макарию.

— Макариев-то в монастыре много, которого же вам?

— Да это Оптин скит?

— Оптин, Оптин!

— Ну как же, тогда нет сомнения, что здесь живет отец Макарий.

— Ах, вам, верно, иеромонаха Макария? Есть, есть, только зачем это вы к нему приехали, никакой пользы от него не получите, не советуем к нему идти.

Озадаченные такими словами, купцы, выругавшись, поворачивали обратно. Некоторые иноки с негодованием передавали отцу Макарию о подобных случаях и говорили:

— Как вы, батюшка, таких монахов терпите? Да их метлой надо гнать из монастыря. Если уж вам все равно, так обитель лишается помощи. Ведь среди купцов были богатые фабриканты. Мы же живем милостыней.

— Успокойтесь, — отвечал обычно отец Макарий, — иноки тут ни при чем, значит, не дорога этим людям быть у меня; кого Бог посылает, тот меня найдет.

Сильно работает диавол, желая отвлечь людей от служения Богу, и в миру он достигает этого легко. В монастыре же ему труднее бороться; оттого дух злобы так ненавидит монастыри и всячески старается очернить их в глазах людей неопытных. А между тем не погрешу, если скажу, что высшего блаженства могут достигнуть только монашествующие. Спастись в миру можно, но вполне убелиться, отмыться от ветхого человека, подняться до равноангельской высоты, до высшего творчества духовного в миру невозможно, то есть весь уклад мирской жизни, сложившийся по своим законам,

разрушает, замедляет рост души. Потому-то до равноангельской высоты вырастают люди только в лабораториях, называемых монастырями.

У батюшки отца Амвросия был в миру друг, очень не сочувствующий монахам. Когда отец Амвросий поступил в монастырь, тот написал ему: «Объясни, что такое монашество, только, пожалуйста, попроще, без всяких текстов, я их терпеть не могу». На это отец Амвросий ответил: «Монашество есть блаженство». Действительно, та духовная радость, которую дает монашество еще в этой жизни, так велика, что за одну минуту ее можно забыть все скорби житейские, и мирские, и монашеские.

Лучшие писатели наши сознавали всю суету мирской жизни и стремились душой в монастырь. Например, Гоголь, Пушкин, Лермонтов, Тургенев. Главную героиню своего романа «Дворянское гнездо» Тургенев помещает в монастырь. Вспомните Лизу! Шекспир в «Гамлете» высказывает свой взгляд на мир и монастырь. «Мир — это сад, заросший сорными травами, — говорит Гамлет Офелии, — иди в монастырь. Если ты будешь белее снега, что на горных вершинах, и тогда мир забросает тебя грязью». В этом преклонении перед монастырем видно стремление к высшему идеалу, которого желали достигнуть многие поэты и художники и не достигали. Огромное большинство наших лучших художников и писателей можно сравнить с людьми, пришедшими в церковь, где служба началась и храм полон народа. Встали такие люди у входа, войти трудно, да они и не употребляют для этого усилия, кое-что из богослужения доносится и сюда: «Херувимская песнь», «Тебе поем», «Господи, помилуй». Так постояли, постояли и ушли, не побывав в самом храме. Так поэты и художники толпились у врат Царства Небесного, но не вошли в него. А между тем как много было дано им для входа туда! Души их как динамит вспыхивали от малейшей искры, но, к сожалению, они эту искру не раздували, и она погасла. Мысли поэта, выраженные в его произведениях, — это его исповедь, хотя сам писатель и не сознает этого. Для примера возьмем хотя бы стихотворение Лермонтова:

У врат обители святой
Стоял просящий подаянья
Бедняк иссохший, чуть живой...
Куска лишь хлеба он просил,
И взор являл живую муку,
И кто-то камень положил
В его протянутую руку.

Этот нищий, о котором говорит Лермонтов, есть он сам. А «кто-то» — это сатана, подкладывающий камень вместо хлеба, подменяющий саму веру. Под его влиянием создается новое христианство. Им вдохновлен Толстой, сочиняющий свое евангелие, свое христианство. Далее у Лермонтова говорится: любви просил. У кого? У всех, кроме Бога, Который один может дать любовь, кроме Христа, к Которому он не обращался и Которого не любил. И получил камень вместо хлеба. Не знал он, как и многие не знают, каких неизглаголанных радостей сподобляется душа от общения с Господом — Источником любви. Чтобы найти Его, вступить в богообщение, более глубокие натуры стремятся к уединению, бегут от людского шума и суеты. Ведь чтобы хорошо оценить произведение искусства, например какую-нибудь музыкальную вещь, нужно углубиться в нее, сосредоточиться. Известно стихотворение молодого поэта и любителя музыки, обещавшего быть светилом по таланту, но рано умершего. В нем поэт высказывает мысль, что стук, аплодисменты, восклицания и прочее вовсе не есть признак хорошей оценки, а, наоборот, все это показывает недостаточное проникновение в художественную вещь, что человек, испытывающий высокое наслаждение, пребывает в молчании.

Итак, для более полного постижения Бога человеку нужно углубиться в Его учение, исполняя Его заповеди. ...*Заповеди...* же Господни *тяжки не суть* (1 Ин. 5, 3). Это сказал Сам Господь, а слово Его не ложно.

Из наших русских писателей более других искал Бога Пушкин, но нашел ли Его — не знаю. Достоверно известно, что он решил поступить в монастырь, однако исполнить это желание ему не удалось.

Помню, однажды задумался я о нем. В какой славе был Пушкин при жизни, да прославляется и после смерти. Его произведения переведены на все европейские языки, а ему как теперь там? На вечерней молитве я помянул его, сказав: «Упокой, Господи, душу усопшего раба Твоего Александра», и заснул с мыслью о нем. Вижу сон: безпредельная, ровная степь. Никаких селений, стоит только один старый покосившийся дом с мезонином. Много народа идет туда, иду и я, поднимаюсь на расшатанное крыльцо, затем по лестнице наверх. Вхожу в зал. Там стоит множество людей, все их внимание сосредоточено на Пушкине, который декламирует что-то из «Евгения Онегина». Одно место в этой поэме было мне непонятно, и я решил спросить о нем самого Пушкина. Пробираюсь к нему. Он смотрит на меня и произносит знаменательные слова, которые я не нахожу нужным передавать вам. Затем Пушкин оставляет зал. Я следую за ним. Выйдя из дома, поэт вдруг изменился. Он стал старым, лысым, жалким человеком. Обернувшись ко мне, он, сказал: «Слава? На что мне она теперь?» Грустно покачал головой и тихо пошел по степи, делаясь постепенно все меньше и меньше, и наконец слился с горизонтом.

Этот сон был ответом на мои мысли о Пушкине. Впрочем, может быть, само желание чистой жизни Господь вменит ему в дело.

Замечателен один случай из жизни Пушкина. Однажды в обществе он познакомился с известной красавицей — мадам Керн. Повстречался он с ней на одном балу, где она имела такой успех, что сам Государь Николай Павлович ни с кем, кроме нее, не танцевал. Пушкин, как художник, поклонник всего прекрасного, был очарован ею и по возвращении с бала написал стихотворение, которое посвятил ей:

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Прошло с тех пор много времени. Дороги Пушкина и Керн совершенно разошлись. Мадам Керн, овдовев, стала вести

такую скромную жизнь, что к старости сделалась истинной христианкой, чуть ли не подвижницей. Известен рассказ о том, что «гроб ее повстречался с памятником Пушкину, который ввозили в Москву»*, чтобы поставить на Тверском бульваре. Так сбылось чудное мгновенье, и перед статуей, как бы перед самим Пушкиным, мелькнула эта старица в гробу, но по жизни — истинный ангел чистой духовной красоты. Таким образом, исполнилось желание Пушкина:

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

Многие искали Бога в явлениях природы. Красота и величие ее возвышают душу человека над мирской суетой и дают душе высокое наслаждение. У Тютчева есть стихи «Восхождение на Альпы», в которых поэт удивляется величию Божию при созерцании тех гор. Тютчев долго жил за границей и наблюдал Альпы в различное время года. Я никогда не был за границей, а теперь всей душой стремлюсь туда, да стар уже и капиталов нет. Не поймите мои слова в буквальном смысле, надо все понимать духовно. Жажду я перейти за границу страстей и достигнуть истинного Света. Я не о смерти говорю, умереть страшно; туда, в Жизнь Вечную, идут «капиталисты», стяжавшие всякие добродетели. Конечно, как миллионеру ничего не стоит дать нищему тысячу рублей, так и Всещедрый Господь может покрыть нашу нищету, но желать смерти страшно. Стар я уже для подвигов, и больше ешь и спишь — какие уж тут подвиги! Нет добродетелей, а хотелось бы их стяжать. Вся жизнь наша есть великая Таина Божия. Все обстоятельства жизни, как бы ни казались они малы и ничтожны, имеют громадное значение. Смысл настоящей жизни мы поймем лишь в будущем веке! Как осмотрительно надо относиться ко всему, а мы перелистываем нашу жизнь, как книгу, лист за листом, не отдавая себе отчета в том, что там написано. Нет в жизни случайного — все творится по воле

* Русский архив. 1884. № 6. С. 349

Создателя. Да сподобит нас Господь этой жизнью приобрести право на вход в Жизнь Вечную! Святые такое право имели. Например, апостол Павел был восхи́щен до третьего Неба, следовательно, он был небесным насельником, но мы, грешные и немощные, можем достигнуть Царства Небесного не ради своих подвигов, которых мы не имеем, но единственно ради заслуг Христа Спасителя, пострадавшего за нас Честною Своею Кровию. Будем иметь твердую веру и надежду на Него и не посрамимся в день Страшного суда. Аминь.

2 июня 1910 г.

Я хотел продолжить беседу с вами о переезде за границу. Вы уже знаете, что это надо понимать духовно. Переехать за границу своих страстей — то есть избавиться от них совершенно и заменить их на противоположное — на добродетели. Когда переезжают настоящую границу, то необходимо иметь с собой паспорт. Так и побеждая страсти, мы получаем как бы новый вид — паспорт для Жизни Вечной.

Каждая страсть есть болезнь души; ведь зависть, гнев, скупость не телесны, а душевны. Лечат больное тело, тем более необходимо лечить больную душу. Для борьбы со страстями и существуют монастыри. Впрочем, и мирские люди не могут быть избавлены от этой борьбы, если хотят спасения. Вот и у нас в скиту ведется борьба. Никто сразу не делается безстрастным. Один поступает гордым, другой — блудником, если не чувственным, то мысленным, третий так зол, что мимо него проходить надо со страхом, четвертый скуп, дорожит каждой копейкой, так что невольно скажешь: зачем же он в монастырь шел? Пятый — чревоугодник, ему все есть хочется. «Ведь ты уже был на трапезе», — говорят ему. «Что мне трапеза, мне этого мало», — отвечает и ест потихоньку в келье, устраивая себе и полдник, и полунощник, и так далее. И все в таком роде. Такие люди сами сознают свои грехи и каются в них, но вначале исправление идет медленно. Опытные в духовной жизни старцы смотрят на них снисходительно: ведь он — новоначальный, что же от него еще ждать? Но проходит лет двадцать пять, и видим, что

труды не пропали даром. Из чревоугодника сделался постником, из блудника — целомудренным, из гордого — смиренным и так далее. В миру редко кто знает об этой борьбе. На вопрос, как спастись, более благонамеренные отвечают, что надо молиться Богу для спасения, а будешь молиться — и спасешься. И не выходят из этого круга. А между тем молитва человека страстного не спасет его. Цель, единственная цель нашей жизни и заключается в том, чтобы искоренить страсти и заменить их противоположным — добродетелями. Начинать эту борьбу лучше всего так: хотя нам присущи все страсти, но одни в большей степени, другие в меньшей. Надо определить, какая страсть в нас господствует, и против нее вооружиться. Вести борьбу со всеми страстями сразу невозможно — задушат. Победив одну страсть, переходить к искоренению другой и так далее.

Человек, достигший безстрастия, получает как бы диплом на право входа в Царство Небесное, делается собеседником Ангелов и святых. Человеку, не победившему страсти, невозможно быть в раю, его задержат на мытарствах. Но предположим, что он вошел в рай, однако остаться там не в состоянии, да и сам не захочет. Как тяжело человеку невоспитанному быть в благовоспитанном обществе, так и человеку страстному быть в обществе безстрастных. Завистливый и в раю останется завистливым, гордый и на Небесах не сделается смиренным. Люди с противоположными взглядами не понимают друг друга и часто приносят вред. Недавно я получил письмо от одной моей духовной дочери. Возвращались они из Оптиной в самом радостном настроении духа, да разговорились с одной неверующей, возвращавшейся оттуда же.

— Ну что особенного в Оптиной, — говорила та, — удивляюсь, что многие туда стремятся.

— А вы были у кого из старцев?

— Нет, да зачем туда ходить?

— Отчего же вы так решили? Вот ваша подруга находит нравственное удовлетворение в обращении к старцу Варсонофию.

— У нее иной душевный склад, а к Варсонофию я никогда не пойду. Не отрицаю, что он — отличный психолог, хорошо умеет рассудить обо всем, но ничего благодатного в нем нет.

Ну и смутилась юная душа, слушая такие доводы. Действительно, я лично — ничто. Все совершает Господь. Как солнце освещает какого-нибудь человека и он оттого делается светлым, хотя это зависит не от него, так и Благодать Божия действует через меня, грешного. Если приходит человек верующий, то удается иногда ему сказать свое на пользу. С неверующими труднее, ничего не открывает о них Господь иногда, вот и не знаешь, что сказать, а на образ посмотришь — и молиться посоветуешь. Что, говорят, молиться, это мы и без вас знаем. Но без веры не спасет не только человек, но и Бог.

Известен евангельский рассказ о жителях Капернаума, где Сам Господь не мог сотворить чудес и удивлялся их неверию. Неверующих людей много всюду — и в миру, и даже в монастыре. У нас в скиту, в бытность батюшки отца Амвросия, был один инок по имени Феодосий, постоянно обращавшийся к батюшке. Однажды, придя к нему, он сказал:

— Вот, батюшка, уже двадцать лет, как я с вами связан, а все не имею сил признаться в одном помысле.

— В каком же?

— Очень трудно сказать, так как помысл против вас, батюшка.

— Ну, что ж тебе помысл говорит? Я — блудник? Убийца? Вор?

— Нет, еще хуже.

— Ну, поджигатель?

— Нет, хуже.

— Сейчас же признайся, — повелительно сказал отец Амвросий.

И как бы по выражению отца Феодосия замок спал с его уст.

— Батюшка, — вымолвил он, — хотя я постоянно пользуюсь вашими советами, но не считаю, что вы имели какую-нибудь благодать, у вас есть дар рассуждения.

— Что же, — ответил отец Амвросий, — ведь и это что-нибудь да значит.

Прошло несколько лет, отец Амвросий уже скончался, а инок Феодосий, читая однажды Пролог, с удивлением прочел место, в котором рассказывается такой случай. Однажды знаменитые подвижники, в том числе и преподобный Антоний Великий, собрались вместе и рассуждали, какая добродетель всех важнее. Один говорил — терпение, ему возразили: такой-то был терпелив, но пал. Наконец все согласились на том, что самая важная добродетель есть духовное рассуждение. Тогда-то понял Феодосий, что покойный батюшка обладал неоценимым духовным даром.

Слова мои просты, понятны и пятилетнему ребенку, но в них заключается смысл всей жизни. Научиться бороться со своими страстями очень важно и даже необходимо. Лучшим руководством будет для вас чтение Житий святых. Мир давно уже оставил это чтение, но не сообразуйтесь с миром — и оно много утешит вас. В Житиях святых мы найдем указания, как вести брань с духом злобы и остаться победителем. Да поможет вам Господь!

23 декабря 1910 г.

Совершение молитвы Иисусовой очень важно. В Оптиной пустыни все иноки обязаны ежедневно совершать пятисотницу, то есть правило, состоящее из трехсот молитв Иисусовых, ста — Божией Матери, пятидесяти — Ангелу-хранителю и пятидесяти — всем святым. Хотя это правило обязательно только для иноков, но хорошо было бы, если бы миряне совершали его по возможности. Хорошо также ежедневно прочитывать 90-й и 50-й псалмы, 90-й псалом «Живый в помощи Вышняго» полезно читать три раза в день: утром, в полдень и вечером. В полдень на человека особенно нападает блудный бес, этот псалом далеко отгоняет его прочь. Апостол Павел говорит: *Трезви́теся, бо́дрствуйте, зане́ супоста́т ваш диавол, яко лев рыка́я, ходит, иски́й кого поглоти́ти* (1 Пет. 5, 8). Как поэтому необходимо всегда творить молитву Иисусову, которая есть крепкое оружие против врага! Господь сказал: *...именем*

Моим бесы ижденýт... (Мк. 16, 17). Молитва эта открывает человеку вечные Таины Божии.

В Сибири подвизались два друга — Василиск и Зосима. Последний был человеком образованным, а первый даже неграмотным. Несмотря на такое различие, они искренне любили и дополняли друг друга. Василиск, хотя был и неграмотным, отличался высокой духовной жизнью. Непрестанное творение Иисусовой молитвы доставляло ему невыразимое наслаждение и вводило в глубину богопознания. Часто, когда Зосима приходил к Василиску, тот был в таком духовном экстазе, что не мог вести обыкновенную беседу. Василиск сообщал Зосиме высокие истины, которые тот записывал и после даже издал книгу, но многое не было в нее внесено, так как Василиск не все позволил записывать.

Исполняйте и вы, мои детки, по силе, эту молитву, она сохранит вас от всякого зла. Исполняя ее, вы будете постепенно приобретать кротость, смирение и незлобие. Вы сознаете свои недостатки, и вам не захочется осуждать ближнего, к врагам отнесетесь благодушно, к недругам — доброжелательно. Эта святая молитва будет хранителем вашего девства. Если же кто из вас соберется выйти замуж, то она же отведет вас от всякого дурного человека и пошлет доброго, верующего друга для совместной помощи на жизненном пути.

Есть три пути: замужество, девство и монашество. Каждый путь может привести в Царство Небесное. В замужестве — исполняя во имя Христово обязанности матери и жены; в девстве — посвящая его Богу; в монашестве — отрекаясь от всего Царствия Божия ради. Я не зову вас в монастырь, при настоящем упадке монашеской жизни иногда легче спастись в миру. У всякого своя дорога, только бы человек искренне искал Бога, стремился к Нему. Конечно, путь монашеский — это путь царский, и кто, поступив в монастырь, будет истинным монахом, сподобится великой награды.

Интересный случай произошел всего несколько лет тому назад. В некой пустыни один послушник решился выйти из монастыря. Накануне собрал он свои вещи и пригласил

несколько послушников прийти к нему на другой день прощаться. Обещал напоить чайком, а может быть, и водочкой. На следующий день пришли гости и удивились. Все вещи опять были разложены, а инок сидел на лавке, по-видимому, не собираясь уходить. Где угощение? Где самовар?

— Самовар стоит на полке, — был ответ. — Впрочем, если хотите, я его, пожалуй, поставлю.

— То есть как это, если хотите? Ведь ты же нас собирался угостить на прощанье!

— Да я, братие, никуда не ухожу. Господь вразумил меня.

И инок рассказал о своем сновидении. Он удостоился видеть обитель, уготованную инокам; по красоте своей она была несравненно лучше обители мирских людей. Этот рассказ произвел на всех сильное впечатление. Передали игумену, тот — архиерею. Архиерей признал сон духовным. Он был издан отдельной книжечкой.

Но как ни спастись, лишь бы спастись! Господь всех зовет в Свое Царство: *Се, стою при две́рех и толку́: аще кто услы́шит глас Мой и отве́рзет двери, вни́ду к нему́ и вечеря́ю с ним, и той со Мно́ю* (Откр. 3, 20), — говорит Христос. Блаженны те, кто слышит глас Господень и следует за Ним!

В Казани я знал одну старицу, матушку Евфросинию. Святая это была душа, с юных лет услышавшая призыв Спасителя. Матушка Евфросиния была единственная дочь богатых и знатных родителей. Когда ей минуло двенадцать лет, ее отвезли в Смольный институт. Здесь свободное от занятий время проводила она за чтением священных книг. Ее в шутку называли монашечкой. Она окончила институт и вернулась к родителям, которые были вне себя от радости. При уме и образованности Евфросиния отличалась необыкновенной красотой, что вместе с огромным богатством сулило ей счастливую жизнь. Но сердце Евфросинии не лежало ни к чему земному, она неудержимо стремилась ко Христу, Которого возлюбила с детства. Суета и роскошь в доме родителей ей были нестерпимы. По случаю окончания института родители устроили ей великолепный бал; они любовались и гордились дочерью, которая в бальном платье, вся усыпанная бриллиантами, была поразительно хороша.

Но вот среди бала Евфросиния выбирает удобный момент и незаметно покидает зал. Придя в свою комнату, она срывает с себя бриллианты, переодевается в платье горничной и, оставив родителям записку, чтобы ее не искали, вместе с верной служанкой покидает родительский дом. Долго скитались молодые девушки, во многих монастырях их боялись принять. Наконец поселились они в Смоленском монастыре и жили там не постригаясь. Впоследствии матушка Евфросиния приехала в Казань. Здесь один благочестивый купец выстроил ей отдельный домик, и святая старица мирно доживала свои дни. Я по временам посещал ее. Интересны были ее беседы, всегда живые, глубокие, назидательные. Она была очень умна и начитанна, и в беседе с ней время летело незаметно.

Однажды она рассказала мне о том, как слышала пение ангельское. Это было так. По какому-то делу матушка Евфросиния ходила к преосвященнейшему митрополиту Киевскому Филарету*. Подходя к дому владыки, она услышала чудное, необыкновенное пение. Наслаждаясь им, матушка недоумевала: кто бы мог так дивно петь? «Верно, к владыке приехали откуда-нибудь певцы», — подумала она. Матушка Евфросиния рассказала ему о том, что слышала, и о своем предположении. Владыка задумался. «Нет, — сказал он, — петь у меня некому; ты слышала, мать, пение Ангелов, но не придавай этому большого значения, чтобы не возгордиться».

Однажды с месяц я не был у матушки Евфросинии. Когда отправился к ней, то у ворот встретил купца, который сказал мне: «Идите же скорее, матушка Евфросиния у нас кончается». Я вошел в ее келью. Старица лежала, тяжело дыша, глаза ее были закрыты. Когда я подошел к ней, она открыла их, и лицо ее озарилось ласковой улыбкой. «Слава Богу, Павел Иванович пришел», — произнесла она медленно. Я взял ее руку и, сложив персты для крестного знамения, трижды осенил ее.

---

* Митрополит Киевский Филарет (Амфитеатров; 1779—1857) — ректор трех семинарий, с 1816 года — Московской духовной академии, с 1819 года — епископ, с 1837 года — митрополит, скончался в схиме. Известен как богословскими сочинениями, так и подвижнической жизнью. Нетленные мощи его пребывают в Киево-Печерской лавре.

Лицо ее еще больше просветлело. Она слегка вздохнула, затем дыхание ее сделалось коротким, и через несколько минут ее не стало.

С утра до вечера келья матушки Евфросинии была наполнена народом. Все хотели отдать последний долг усопшей, непрерывно читали Псалтирь. Я лично не читал, так как много было желающих. Сидел я в келье между шкафом и дверью и пристально смотрел в лицо усопшей. Прекрасное было лицо — такое спокойное, радостное и в то же время величественное. Тяжело мне было. Я чувствовал себя таким одиноким. Хоронили ее во вторник, как помню. Когда вносили ее в церковь, хор запел: «Радуйся, Варваро, невеста Христова прекрасная». Оказывается, читали акафист святой великомученице Варваре. Впоследствии оказалось, что это не было простой случайностью: матушка Евфросиния была в тайной схиме, хотя почти никто этого не знал, и имя имела — Варвара. Слова припева так ясно относились к ней.

Господь утешил меня в моей скорби. Вскоре после погребения я увидел сон: обширное безпредельное поле, кругом ни души. Посреди поля стоит гроб с матушкой Евфросинией, и я стою возле. Раннее утро, и еще темно. Вдруг вижу — по небу движутся полки́ воинов со знаменами; казалось, они шли после решительной битвы и очень устали. Я не могу ясно различить их лиц, так как совсем не рассвело, но восходящее солнце уже освещало верхушки их знамен с золотыми крестами. Я проснулся и недоумевал, что означает этот сон. Мне объяснили так: воины со знаменами — это полки ангельские, воевавшие с супротивными силами за душу матушки Евфросинии и победившие. А Ангелы принимают деятельное участие в судьбе человека. Если враги нападают на нас со всех сторон, то тем более светлые, любвеобильные Ангелы стремятся защитить нас, если только человек сам сознательно не переходит на сторону зла.

Меня поразил рассказ матушки Евфросинии о слышанном ею ангельском пении, но в жизни святых встречается много таких примеров. Известно повествование о святом Пимене Многострадальном. Он жаждал пострига; и вот

однажды ночью видит: приходит игумен с братией и совершает над ним пострижение. Через некоторое время пришел игумен того монастыря с братией и удивился, что отец Пимен облачен в иноческие одежды. На вопрос, кто постригал Пимена, тот, изумившись, сказал: «Да ты же сам, отче!» Стали спрашивать монахов, бывших в соседних кельях, и все подтвердили, что слышали дивное пение молитв, поющихся при пострижении. Понял тогда игумен, что Пимен был пострижен Ангелами.

Об ангельском пении еще есть повествование, сравнительно недавнее. Это было в Вологодской губернии. Служили в одном храме обедню. Вдруг на улице произошел пожар. Все бросились из храма, остались только диакон и священник. Певчие тоже разбежались. Но когда диакон начал ектению, с клироса послышалось чудное пение. Мимо церкви проходил в это время один поляк. Привлеченный дивным пением, он вошел в церковь и был поражен небывалым зрелищем. Церковь пуста, только престарелый священник в алтаре и диакон на амвоне. На хорах — светлые мужи в белых одеждах. Они-то и пели.

По окончании литургии поляк подошел к священнику и спросил его, кто были эти благолепные мужи, которые так дивно пели.

— Это Ангелы Божии, — ответил иерей.

— Если это так, то я сегодня же хочу креститься,— сказал поляк.

— Вы уже крещены, — ответил священник, — примите только Православие.

И поляк был присоединен к Православной Церкви благодаря ангельскому пению.

Сохранилось предание об одном иноке, который, достигнув уже высокой духовной жизни, совершив всевозможные подвиги, начал смущаться помыслом о том, в чем же будет заключаться вечное блаженство. Ведь человеку все может наскучить. В смущении инок не находил себе покоя, душа его скорбела. Однажды пошел он в лес и зашел в густую чащу. Усталый, присел он на старый пень, и вдруг ему показалось,

что весь лес осветился каким-то чудным светом. Затем раздалось невыразимо сладостное пение. Объятый духовным восторгом, старец внимал этим звукам. Он забыл все на свете. Но вот, наконец, пение прекратилось. Сколько времени оно продолжалось — год, час, минуту, — старец не мог определить. С сожалением поднялся он со своего места. Как бы хотелось ему, чтобы это небесное пение никогда не прекращалось! С большим трудом выбрался он из леса и пошел в свой монастырь. Но почему-то на каждом шагу старец удивлялся, видя новые, незнакомые ему здания и улицы. Вот, наконец, монастырь. «Да что же это такое, — сказал он про себя, — я, верно, не туда попал». Старец вошел в ограду и сел на скамью рядом с каким-то послушником.

— Скажи мне, Господа ради, брат, это ли город Н.?

— Да, — ответил тот.

— А монастырь-то ваш как называется?

— Так-то.

— Что за диво? — И старец начал подробно расспрашивать инока об игумене, о братии, называл их по именам, но тот не мог понять его и отвел к игумену.

— Принесите древнюю летопись нашего монастыря, — сказал игумен, предчувствуя, что здесь кроется какая-то Таина Божия.

— Твой игумен был Иларион?

— Ну да, ну да! — обрадовался старец.

— Келарий такой-то, иеромонахи такие-то?

— Верно, верно, — согласился обрадованный старец.

— Воздай славу Господу, отче, — сказал тогда игумен. — Господь совершил над тобой великое чудо. Те иноки, которых ты знал и ищешь, жили триста лет тому назад. В летописи же значится, что в таком-то году, такого-то числа и месяца пропал неизвестно куда один из иноков обители.

Тогда все прославили Бога.

Существует предание, что в древности были птицы, пение которых звучало так сладостно, что человек, слушая, умирал от умиления. На старце, триста лет слушавшем ангельское пение, явил Господь Свое милосердие. Не оставил он

в смущении раба Своего, столько лет Ему работавшего, и вразумил, и утешил его Ему Единому ведомыми судьбами. Любит Господь кротких, смиренных, ибо Сам кроток и смирен сердцем. *...На кого́ воззрю́,* — говорит Господь, — *то́кмо на кро́ткаго и молчали́ваго и трепе́щущаго слове́с Моих* (Ис. 66, 2).

Святитель Исаак Сирин говорит: «Если на одну чашу весов положить множество добрых дел, а на другую молчание, то молчание перевесит».

Не так давно скончавшийся епископ Феофан* так высоко ценил молчание, что в последние годы своей жизни оставил все и затворился в своей безмолвной келье. Помещение его состояло из нескольких комнат и домашней церкви, где епископ Феофан ежедневно совершал литургию. Он писал иногда друзьям своим и замечал между прочим: «Я — архиерей, я и иерей, я и диакон, я и псаломщик».

При епископе жил келейник, который убирал его помещение, готовил ему пищу; епископ Феофан любил чистоту, и у него было даже уютно. Когда келейник входил, епископ уходил в другую комнату. Безмолвие доставляло ему высокое утешение, возносило его дух горе́.

И все мы твердо верим, что принял Господь его чистую душу в Свое Небесное Царствие. Но в обыкновенной жизни иногда молчание бывает преступно. Садится, например, семейство за обед, а одна из дочерей не хочет ни с кем разговаривать. Ну молчит, молчит, и мать начинает смотреть на нее косо: «Что это она не разговаривает? Верно, считает нас ниже себя». Мать начинает говорить дочери нечто неприятное, а та думает: «Ах так! Так я совсем ничего не скажу». Наконец мать замолкнет, но по лицу ее видно, что она недовольна. Кончается обед, и все стремятся уйти друг от друга подальше. Скажите, кому нужен такой «подвиг» молчания? Людям он не нравится, да вряд ли и Господу угоден. Господь заповедует: *...о сем разуме́ют вси, яко Мои ученицы есте, аще любовь и́мате между собо́ю* (Ин. 13, 35).

---

* Святитель Феофан (Говоров; 1815—1894) пребывал в затворе в Вышенской пустыни (Шацкий уезд, Тамбовская губерния). Канонизирован Русской Церковью в 1988 году.

Старайтесь, детки, жить в мире со всеми, насколько, конечно, это от вас зависит. Апостол говорит: *Мир имейте и святыню со всеми...* (Евр. 12, 14). И если будете к этому стремиться, то Сам Господь не оставит вас Своею помощью, поставит вас в такие условия жизни, при которых легче всего спастись, и, наконец, наполнит сердце ваше истинной любовью, которая есть верх совершенства и является источником неизреченной радости, неизреченного блаженства.

29 декабря 1910 г.

Сейчас приходили ко мне иноки на благословение. Среди них несколько новопостриженных. У нас в монастыре такой обычай: после пострижения иноки обитают безвыходно четыре дня в храме, туда им и пищу приносят. Затем они исповедуются, причащаются Святых Таин и после литургии расходятся по своим кельям. Безвыходное пребывание в храме доставляет инокам, особенно внимательным, высокое духовное наслаждение. Спрашиваю я недавно постриженных, что они чувствовали, пребывая в храме. «Было, — отвечают, — радостное, восторженное чувство, но видений никаких не было». Тогда подошел ко мне один из иноков, облаченный в монашеский чин несколько лет тому назад. «Батюшка, — обратился он, — мне все хотелось, но не удавалось вам рассказать нечто из того, что я чувствовал после пострига. Однажды ночью я задремал, прислонясь к гробнице отца Моисея, и вдруг вижу: дивный сад, а в нем множество храмов с голубыми куполами. Вид всего этого был так необычайно величествен, что я невольно залюбовался. Плодов в саду не видел, не слышал и пения, но от созерцания сада и храмов моя душа исполнилась такой духовной радости, такого блаженства, какого я никогда еще не испытывал. Вот уже несколько лет прошло с того времени, но и теперь, когда становится на душе тяжело, стоит только вспомнить об этом видении, чтобы успокоиться и благодушно перенести всякие скорби».

Да утешит Господь рабов Своих, трудящихся во славу имени Его! Труден путь иноческий, но зато самый благонадежный ко спасению. Но где же лучше, удобнее служить Господу,

как не в обители? Я не зову вас в монастырь, и в миру можно спастись, хотя неудобно это, так как весь уклад мирской жизни не приближает, а отдаляет от Бога.

Царствует в миру дух века сего. Порок там ничем не удерживается. Какое, например, безобразие в Москве, особенно в праздники. Целомудренной девушке и по улицам-то проходить страшно: в витринах выставлены такие скверные картины и статуи, что, глядя на них, чувствуешь, как оскорбляется чувство стыдливости и целомудрия. Впрочем, есть люди, живущие и в миру по-монашески, к которым не пристает мирская грязь, душа же их нераздельно принадлежит Господу. Это те, о которых сказал Лермонтов, что «они не созданы для мира, и мир был создан не для них».

Из далекого прошлого встает передо мной образ матушки Евфросинии*.

Познакомился я с матушкой Евфросинией у одного игумена, а затем стал бывать у нее. Когда я с ней познакомился, она была уже старушкой, но лицо ее сохранило следы прежней красоты. Особенно хороши были ее голубые глаза — в них светилось столько неземной красоты! Да и вообще во всем ее облике была какая-то особенная духовная красота. Матушка Евфросиния получила прекрасное образование, знала основательно английский и немецкий языки, а может быть, и французский (я не слышал, чтобы она говорила на этом языке), очень любила поэзию, необычайно хорошо читала стихи, это последнее она в некоторой степени передала и мне. Подобно мудрому книжнику, который **износит новое и ветхое,** она умела заимствовать полезное не только из Священного Писания, но и из произведений светских писателей. В молодости она любила литературу, но потом стала читать исключительно Священное Писание, Псалтирь и отцов Церкви; особенно любила Исаака Сирина, которого сравнивала с орлом, парящим в поднебесье.

Однажды зашел я к ней после всенощной на праздник Покрова Пресвятыя Богородицы: всенощная у нас окончилась

---

* О ней упоминается в беседе от 23 декабря 1910 года.

рано, в половине восьмого. Матушка встретила меня, как всегда, очень приветливо.

— Чайку хочешь?

— Не надо, зачем вам возиться?

— Какая возня, у меня уже все готово.

Я не заметил, как появился на столе самовар. Матушка Евфросиния налила мне стакан, а себе свою чашечку, маленькую, как наперсток. Разговорились мы.

— Вот удивляюсь я, отчего ты приходишь ко мне, убогой?

— Матушка, — отвечаю я, — когда Христос спросил учеников, не хотят ли от Него отойти (как отошли некоторые ученики), то они отвечали: «Господи, куда мы пойдем, Ты имеешь глаголы Вечной Жизни». То же и я могу сказать вам. Куда мне от вас идти? Вы имеете глаголы Вечной Жизни. Хорошо мне здесь, в вашей маленькой уютной комнатке, с образами и горящей лампадой, спокойно и радостно.

— **Днесь благодать Святаго Духа нас собра,** и вси, *вземши крест свой,* глаголем: *осанна в вышних,* — сказала старушка, — а понимаешь ли ты, что значит слово «ОСАННА»?

— Спасение, — отвечаю.

— Да, осанна — спасение, но, чтобы спастись, необходимо исполнять заповеди Христовы. На Страшном суде Своем Господь потребует от нас отчета, как мы провели свою жизнь, как исполнили Его святой закон. Здесь ничем нельзя оправдаться: ни богатством, ни обычаями мира. Вот, думалось мне, когда я еще в родном доме жила, явится Господь и спросит: «Исполнила ли ты Мои заповеди?» — «Но я была единственной дочерью богатых родителей». — «Отлично, но исполнила ли ты Мои заповеди?» — «Но я окончила институт». — «Хорошо, но исполнила ли ты Мои заповеди?» — «Но я была красавицей». — «Но исполнила ли ты Мои заповеди?» Страшно становилось от таких мыслей, и я решила оставить все мирское.

— Да, вы оставили, но нельзя же убегать с бала, — возразил я.

— Это и не нужно, но исполнять закон Христов можно и должно во всяком звании и состоянии.

— А вы надеетесь спастись?

— Надеюсь, — ответила матушка с уверенностью, — не оттого, что я исполняла все заповеди, а хоть за кончики-то бралась. Но главное, уповаю на безценные заслуги Спасителя моего. Сердце свое очистить надо, чтобы увидеть Господа, — продолжала матушка Евфросиния, — помнишь, Пушкин в стихотворении «Пророк» говорит:

И внял я неба содроганье,
И горний Ангелов полет,
И гад морских подводный ход...

Это ясное изображение души человеческой: у нас в сердце может быть «и горний Ангелов полет, и гад морских подводный ход». Чистое сердце созерцает великие Таины Божии. Наоборот, в сердце, отуманенном страстями, замечается «гад морских подводный ход», то есть низменные стремления и желания, всякая нечистота...

Когда я возвращался домой после ее похорон, то чувствовал не скорбь, а радость, что сподобился присутствовать при кончине праведницы. Похороны матушки Евфросинии были торжественные, много народа провожало ее до могилы. Погребение совершал архиепископ, который после предания земле ее праха сказал проникновенное слово, о ее тайном постриге с именем Варвара. Кроме нее и архиепископа, никто не знал этого, и от меня скрыла. Очень смиренна была покойница. За святую жизнь Господь сподобил ее дара прозорливости, но она старалась не обнаруживать этого дара. Она часто говорила мне: «Может быть, тебя Господь сподобит послужить Ему в монашестве». Наверно, ее духовному оку было открыто мое будущее, но, по своему смирению, она никогда не говорила утвердительно, а всегда прибавляла «может быть».

Похоронили ее около Смоленского собора. Все знавшие ее со слезами, но и с надеждой проводили ее в лучший мир, веруя, что помянет она и их святыми своими молитвами у Престола Божия. Напишите и вы в свои поминания имя монахини Варвары, чтобы и за вас она помолилась Господу. Да сподобит Господь и нас христианской кончины, как молится

Церковь: «Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове просим». Аминь.

2 января 1911 г.

Слава Господу! Дожили мы до праздников, нынешние дни называются святыми днями, так как Церковь посвящает их воспоминаниям о Рождестве Спасителя мира!

Но что теперь происходит в миру! Страшно и подумать — объедение, пьянство, разврат...

У Гоголя есть «Повесть о том, как поссорился Иван Иванович с Иваном Никифоровичем». В ней описывается, как из-за ничтожной причины два приятеля поссорились на всю жизнь. Они истощили все свои средства на суды, дошли до бедности, лишь бы только обвинить один другого. Печальная история! В конце повествования автор добавляет: «Скучно жить на этом свете, господа!»

Сейчас мы переживаем лютые времена. После объявления всяких свобод при Александре II усилилась разнузданность, люди восстают один на другого, не щадя ни родства, ни дружбы. Восстают против законной власти — все попрано: вера, добродетель, стыд. Театр развращающим образом действует на душу. В нем разыгрываются безнравственные вещи, как, например, «Анатэма» Андреева* и так далее. Не скучно, а страшно жить на таком свете, господа! Впрочем, не следует приходить от этого в уныние, было и хуже, да прошло, так и настоящее успокоится. Это еще не время перед антихристом. Господь милосерд, но и правосуден. Священное Писание говорит: ...*Бог поругáемь не бывáет*... (Гал. 6, 7). Долго терпит Он грехи и беззакония, но если человек не хочет исправиться, то наказывает нечестивцев внезапной смертью. «В чем застану, в том и сужу»**, — говорит Господь. Ужасна будет

---

* Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — русский писатель, автор повестей и пьес. В начале века пережил кризис религиозного сознания. Скончался вне Церкви. Отпадением от Церкви характеризуется и творчество его сына — Даниила Андреева.

** В Евангелии: ...*Как слышу, так и сужу*... (Ин. 5, 30).

участь человека, умершего внезапно во время совершения грехов. Один богач, женившись на бедной девушке, начал вскоре всячески издеваться над ней, а сам предался разгульной жизни. Однажды он был в театре на одном безнравственном представлении. В антракте он отправился в буфет, взял себе рюмку вина и вдруг упал мертвым. Каково такой душе явиться на Суд Божий?

Однажды в Вене, в Ринг-театре, шло какое-то кощунственное представление. Вдруг вспыхнул пожар и быстро распространился по всему зданию. Множество людей погибло. Потрясающее впечатление произвело зрелище массы гробов, которые затем потянулись по направлению к кладбищу. А какова загробная участь этих людей! Страшно подумать.

Теперь все разрешено, театральные представления будут даже в большие [церковные] праздники. Прежде же в казенных театрах под праздники не играли. Помню однажды в Казани под праздник святителя Николая давалось представление. Вдруг за кулисами вспыхнул пожар, возбудивший всеобщую панику. Впрочем, жертв человеческих не было. Господь помиловал за молитвы святителя. Долго после этого под праздник святителя Николая Чудотворца представлений не давалось.

Когда я был в миру, то любил оперу. Хорошая, серьезная музыка доставляла мне удовольствие, и я всегда имел абонемент — кресло в партере. Впоследствии, когда я узнал другие, духовные, утешения, опера перестала меня интересовать. Когда в сердце закроется клапан для мирских наслаждений, тогда открывается другой клапан — для восприятия духовных. Но как стяжать это? Прежде всего миром и любовью к ближним. *Любы́ долготерпи́т, милосе́рдствует, любы́ не зави́дит, любы́ не превозно́сится, не горди́тся, не безчи́нствует, не и́щет своих си, не раздража́ется, не мы́слит зла, не ра́дуется о непра́вде, ра́дуется же о и́стине: вся лю́бит, всему́ ве́ру е́млет, вся упова́ет, вся терпи́т. Любы́ николи́же отпа́дает...* (1 Кор. 13, 4—8).

Кто же спасется? *Претерпевый до конца,* далее — удалением от греховных удовольствий, каковы, например, карты, танцы и так далее.

Один человек видел во сне танцующих кадриль, и Ангел Господень вразумил его: «Посмотри, что они делают». Господи, да ведь это поругание Креста Христова! Действительно, французская кадриль была выдумана в эпоху революции для попрания креста, ведь и танцуют ее четыре или восемь человек, чтобы как раз вышел крест. Подобный сон видела одна схимница; ей представилось, что танцующие были объяты пламенем и окружены канатом, а бесы прыгали и злорадствовали о погибели людей.

Вот теперь праздники, но какая разница между тем, как празднуют эти святые дни в миру и в монастыре! Там служат врагу, здесь, в монастыре, — Богу. В то время как в миру беззакония достигают самого большого развития, в монастыре радость и мир о Господе! Торжественная служба умиляет душу и располагает ее сильнее восчувствовать всю безпредельную благость Господа, родившегося ныне от Безневестныя Девы Марии. У нас, например, даже сама природа располагает к тихой радости о Господе. В то время как в миру увлекаются светской литературой, часто безнравственной, в монастыре — чтение Псалтири и в свободное время — Жития святых. Когда я поступил в монастырь, то у меня явилось желание перечитать всех наших классиков; я открыл это старцу, но тот запретил. Теперь я радуюсь, что послушался мудрого совета, так как желание заняться светской литературой было приманкой врага, чтобы возбудить во мне воспоминания о мирской жизни, а может быть, и сожаление о ней.

Я не хочу сказать, что чтение наших великих писателей было грехом, но есть чтение более полезное и назидательное. Например, чтение Псалтири: здесь мы можем почерпнуть все эстетические наслаждения. Книга эта написана святым пророком и царем Давидом по внушению Святого Духа, сам пророк говорит об этом: *...язык мой — трость скорописца* (Пс. 44, 2).

Незаменимое чтение представляют собой Жития святых, особенно на славянском языке. В настоящее время славянский язык не всегда понимают, а между тем он несравненно красивее и богаче русского. Один знаток, сравнивая славянский

язык с русским, говорил, что между ними такая же разница, как между дворцом и трактиром. Представьте себе великолепный Миланский собор или собор Святого Петра в Риме, а рядом с ними — простую деревенскую церковь, и это будет подобием славянского и русского языков. В миру чтение Жития святых, в особенности на славянском языке, совсем оставили; вы же не сообразуетесь с обычаями века сего, а занимаетесь этим спасительным чтением. Посещайте монастыри, особенно в праздники; когда и меня не будет, не забывайте приезжать сюда, чтобы отдохнуть душой. А может быть, кого из вас Господь сподобит монашеского чина. Хотя монастырская жизнь полна скорбей и искушений, но она же несет с собой и великое утешение, о котором мир совсем не имеет ни малейшего понятия. Впрочем, как бы ни спасаться, только бы спастись и достигнуть Царствия Небесного, которого да сподобит нас всех Господь. Аминь.

11 апреля 1911 г.

«Воскресения день, просветимся, людие, Пасха, Господня Пасха! От смерти бо к жизни, и от земли к Небеси Христос Бог нас преведé, победную поющия».

Что может быть восторженнее, радостнее этого канона? Полной радости не бывает в этой жизни, где мы зрим Бога яко зерцалом в гадании. Настанет эта радость там, за гробом, когда мы увидим Господа «лицом к лицу». Не все одинаково будут зреть Бога, но по мере восприятия каждого; ведь и зрение Серафимов отличается от зрения простых Ангелов. Одно можно сказать: кто не видел Христа здесь, в этой жизни, тот не увидит Его и там. Способность зреть Бога достигается работой над собой в этой жизни. Жизнь всякого человека-христианина можно изобразить графически в виде непрерывно восходящей линии. Только видеть это восхождение не дает Господь человеку, скрывает его, ведая немощь человеческую и зная, что, наблюдая за своим улучшением, человеку недолго и возгордиться, а где гордость, там падение в бездну.

Ужасную вещь выдумал Бенджамин Франклин, предлагавший на особых табличках отмечать, что ты преуспел за день,

за неделю и так далее. Этим путем до невероятной прелести можно дойти и в бездну погибели рухнуть.

Нет, у нас путь иной, мы все должны стремиться к Богу, Небу, к востоку. Но должны видеть свои грехи и немощи, исповедуя себя первыми из грешников, видя себя ниже всех и всех над собой. А это-то и трудно. Все мы норовим замечать за другими: вот он в чем слаб, а я нет, я паинька, я лучше его — и так над всеми... С этим надо бороться. Тяжела эта борьба, но без нее нельзя узреть Бога. Правда, «лицом к лицу» видят Его немногие, вроде Серафима Саровского, но хотя бы отображение Его видеть должны стремиться все без исключения. Если веруем во Христа и по силе стремимся исполнять его заповеди, то хотя бы в щелочку, а все же видим Его. Наше зрение, то есть способность видеть Христа, и зрение святых людей можно сравнить со способностью человека и орла смотреть на солнце. Орел высоко поднимается над землей, парит в небе и немигающими глазами смотрит на солнце, а человеческое зрение к этому не приспособлено, человек не может вынести всей полноты света, а орел может. Так и с Божественным Светом: те, у кого приспособлено к тому духовное зрение, будут Его видеть, а прочие — нет.

Пишет мне один мятущийся интеллигент: «Очень тяжело мне. Внешне все обстоит благополучно, и дела идут хорошо, семья дружная, жена хорошая, но беда в том, что душу свою мне открыть некому. Того, о чем я тоскую, не понимает жена, а дети теперь еще малы. Что мне делать? Как избавиться от тоски и скорби?»

Я посоветовал ему читать Псалтирь. Там есть в 93-м псалме: *По мно́жеству боле́зней моих в се́рдце мое́м, утеше́ния Твоя возвесели́ша ду́шу мою* (Пс. 93, 19). «Возьмитесь за этот стих, — написал я ему, — и принимайтесь читать Псалтирь. Думаю, что Бог Вас утешит».

Проходит некоторое время, получаю письмо: «Послушал Вас, начал читать Псалтирь и ничего там не понимаю». Отвечаю: «Ты не понимаешь, но зато бесы понимают и бегут прочь. Читай пока не понимая, а когда-нибудь понимать начнешь». Не знаю, что будет с ним дальше. И вам повторяю:

читайте Псалтирь ежедневно, хотя бы понемногу, и Господь не оставит вас Своею милостью, будет всегда вам Помощником и Утешителем. Аминь.

12 апреля 1911 г.

В первые дни христианства последователи Христа Спасителя причащались каждый день и жизнь вели равноангельскую, были готовы предстать перед лицом Божиим каждую минуту. Часто случалось, что утром христианин причащался, а вечером его могли схватить и отвести в Колизей. Конечно, находясь в опасности, христиане зорко следили за своим внутренним миром и проводили жизнь в чистоте и святости.

Но первые века прошли, гонения со стороны неверных прекратились, всегдашняя опасность миновала. Тогда вместо ежедневного причащения стали причащаться один раз в неделю, затем раз в месяц и даже сократили до одного раза в год.

У нас в скиту держатся устава Афонской Горы, где он был составлен святыми старцами и передан во всегдашнее назидание, и в монастыре у нас придерживаются тоже этого правила. Все иноки причащаются пять раз в год, но по благословленной причине можно и чаще. К этому так привыкли, что более частое причащение обращает на себя всеобщее внимание.

— Что это отец Иероним сегодня причащается?

— Ему разрешил старец.

— Но отчего?

— Ему явился диавол чувственным образом, а потому он совсем расслабел.

— Тогда понятно...

Впрочем, исповедоваться можно всегда, даже каждый день, и у нас исповедуют часто. Скитяне даже каждый день приходят к старцу на откровение помыслов, а монастырская братия — раз в неделю. И от монастырской братии, особенно от скитян, требуется высокая жизнь по заповедям Христовым, жизнь равноангельская.

Наши почившие старцы осуществили эти высокие заветы,

и Господь прославляет их. Тела их, веруем, лежат нетленными. Про батюшку отца Макария достоверно известно, что тело его не подверглось тлению, в чем могли убедиться, когда ставили над ним часовню, а ведь он скончался лет шестьдесят тому назад.

Замечательное явление! Тела праведников и подвижников нетленны, от тел же царей и владык мира сего остается горсть золы и больше ничего. Недавно писали, что при раскопках катакомб найдены могилы Диоклетиана, Нерона и других владык, перед которыми когда-то трепетала вся Вселенная. И какова же судьба их праха? Когда служителя спросили, что было в урнах, он равнодушно ответил — зола.

— Да где же она?

— А я отдал ее жене для стирки белья — хорошая зола!

Боже мой! Могли ли эти властелины когда-нибудь предполагать, что прах их попадет в бак для стирки грязного белья! Как много заботились эти люди о своем теле — и вот какова участь этих тел! Святые же, также и все наши Оптинские старцы, умерщвляли свое тело — и оно оставалось нетленным.

Наша святая обитель привлекает к себе многих богомольцев, и часто слышится такое мнение, что, побывав раз в Оптиной, стремятся туда всей душой. Не имеет наша обитель ни чудотворных икон, ни прославленных мощей, но вся земля здесь как бы полита кровью и потом святых старцев, и молитвами их низводится благодать на души верующих. Нигде в другом месте этого нет. Даже наш владыка, как епископ, посещающий обители, всегда говорил, что в Оптиной есть что-то особенное.

В России немного скитов — скитов десять, наверно, будет. Есть у нас один скит, где в храме бывает очень редко кто-нибудь из посторонних, и то лишь за обедней. Утреню же мы совершаем всегда только своей скитской семьей. Сильное впечатление производит наш храм на посторонних посетителей — тихий, пустынный. Один благочестивый человек пожертвовал однажды колокол в сто пятьдесят пудов весом, но он не подошел для скита и был снят. У нас самый большой в тридцать девять пудов.

Слава Богу, что в нынешний день, в век неверия и полной разнузданности нравов, есть еще в России святые места, тихие пристанища для хотящих спастись.

Трудно спастись среди развращенного общества. В Священном Писании говорится: *С преподо́бным преподо́бен бу́деши, и с му́жем непови́нным непови́нен бу́деши... и со стропти́вым разврати́шися* (Пс. 17, 26. 27).

Греховные страсти губительно действуют на душу и тело. Уже находясь в монастыре и читая святых отцов, я узнал, что страсти столь же заразны, как и болезни, они также могут передаваться через предметы, как и зараза.

Когда святитель Спиридон, епископ Тримифунтский, ехал на Вселенский Собор, то на пути остановился в одной гостинице. Сопровождавший святого инок, войдя к нему, спросил:

— Отче, не могу понять, отчего это наша лошадь не ест капусты, которую я ей купил у нашего хозяина. Капуста хорошая, впору человеку есть, а лошадь не ест?

— Оттого, — сказал святой, — что лошадь чувствует нестерпимый смрад, исходящий от капусты по той причине, что наш хозяин заражен страстью скупости.

Человек, не просвещенный духом, этого не замечает, но святые имеют дар Божий распознавать страсти.

Однажды один из посетителей батюшки отца Амвросия просил продать его шубу, почти совсем новую, на дорогом меху, за половинную цену. С этой целью он оставил шубу у старца. Услышав о ней, козельский исправник приехал к батюшке, прося его благословения на покупку. «Нет, — сказал старец, — не благословляю, она вам не подходит. В Козельске есть один еврей, он ее и купит».

Исправник послушался. Оказалось, что шуба принадлежала человеку, зараженному гордостью, и эта страсть передалась тому, кто ее купил.

У одного богатого помещика случился пожар в доме. Вдруг в комнату вбежал его отец, умерший незадолго перед тем, одетый, как в гробу, и воскликнул: «Пожар!» Собака, спавшая тут же, бросилась на покойника с отчаянным лаем. Проснулся хозяин и не мог понять, что случилось с собакой, так как

покойного отца он не видел, видели только его слуга и собака. Слуга потом и рассказал об этом.

В Священном Писании рассказывается, как ослица видела Ангела, а пророк не видел*. У животных бывает особенное зрение, конечно, для нашего вразумления.

Много назидательного дает нам и наблюдение окружающей природы. Все знают растение подсолнечник. Свою желтую голову он всегда обращает к солнцу, тянется к нему, откуда и получил свое название. Но случается, что подсолнечник перестает поворачиваться к солнцу, тогда опытные в этом деле говорят, что он начал портиться, в нем завелся червь, надо его срезать.

Душа, алчущая оправдания Божия, подобно подсолнечнику стремится, тянется к Богу — Источнику света. Если же перестает искать Его, следовательно, такая душа гибнет. Необходимо в этой жизни ощутить Христа; кто не узрел Его здесь, тот не увидит Его и там, в Будущей Жизни. Но как увидеть Христа? Путь к этому возможен — непрестанная молитва Иисусова, которая одна способна вселить Христа в наши души.

У преподобного Иоанна Лествичника спросили, есть ли верные признаки, по которым можно узнать, приближается ли душа к Богу или отдаляется от Него. Ведь относительно обыденных предметов есть определенные признаки — хороши они или нет. Когда, например, начинают гнить капуста, мясо, рыба, то легко заметить это, ибо испорченные продукты издают дурной запах, изменяют цвет и вкус, и внешний вид их свидетельствует о порче.

Ну а душа? Ведь она безтелесна и не может издавать дурного запаха или менять свой вид. На этот вопрос святой отец ответил, что верный признак омертвения души есть уклонение от церковных служб. Человек, который охладевает к Богу, прежде всего начинает избегать ходить в церковь. Сначала старается прийти к службе попозже, а затем и вовсе перестает посещать храм Божий. Оттого-то для иноков и обязательно

---

* см.: Чис. 22, 29—30.

посещение службы. Правда, по неотложным делам иногда разрешается не ходить ко всем службам, но при возможности это вменяется в необходимую обязанность. У нас в скиту даже обходят кельи по праздникам, чтобы никто не уклонился от церковной службы. Впрочем, это делается еще и по другой причине. Страшные явления бывают иногда в кельях иноков. У нас живут в отдельных кельях, но обязательно не менее двух человек в отдельном помещении. Это для того, чтобы в случае каких-либо бесовских наваждений можно было постучать в келью соседа и попросить помощи.

Был у нас флигелек, где жил один монах, но теперь там не позволяют жить одному. Однажды был такой случай. После вечернего правила он увидел, что в его келье сидит какой-то человек уже преклонных лет и говорит ему:

— Что ты здесь? Только небо коптишь! Вернись к своим прежним занятиям, ты там принесёшь гораздо больше пользы и, получая хорошее содержание, будешь жить в свое удовольствие.

— Но как отсюда уйти? Двери скита крепко заперты.

— Ты об этом не безпокойся, только пожелай — и я мгновенно перенесу тебя. У ворот уже стоит тройка.

— Но кто же ты? Верно, демон? Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя! — воскликнул опомнившийся инок, и злой дух исчез.

Было около двенадцати часов ночи, когда инок прибежал к батюшке отцу Амвросию и рассказал ему о случившемся.

— Да, страшное видение ты имел, — сказал старец. — У тебя был восьмилегионный бес, кому он является, почти всегда того убивает.

— Как же я-то спасся?

— Господь известил меня, что ты в опасности, — ответил отец Амвросий, — и я встал на молитву; и тебе Господь напомнил о Своем страшном и славном имени, которого трепещут адские силы.

Да, страшные вещи бывают у нас иногда. Но в монастыре легче победить диавола, в миру же несравненно труднее, и восьмилегионный бес, явившись, убивает. А является он

людям, которые еще не начали праведно жить, а только еще думают об исправлении жизни.

Когда я был в миру, то имел товарища, скептически относившегося к монастырям. «Не понимаю, для чего это люди, особенно иноки, сидят в одиночных кельях и удаляются от людских взоров», — говорил он. А между тем этот человек был монахом в душе, и душа его была чистая, возвышенная. Поэт и музыкант, у него был особый дар читать стихи, как ни у кого другого. Музыка была его страстью. Бывало, рассказывает нам что-нибудь и вдруг восклицает:

— Нет, я не умею объяснить этого словами, а это вот что! — Сядет к роялю, закинет голову, сыграет импровизацию.

— Поняли? — спросит потом.

Часто и не понимали его, но он не изменял своей системы объяснений. Квартира его была обставлена со вкусом и не банально: не было в ней диванов со столами перед ними и креслами по бокам, но было все красиво, изящно, оригинально, как незауряден был и ее обитатель. Душа его всегда питалась высокими идеалами и далека была от всякой житейской прозы. Вначале он отвергал монашество, но позже нашел полное удовлетворение своих высоких устремлений именно в монашестве — в монастыре на Афоне, куда ушел, оставив все в миру.

Я счастлив был в миру тем, что сближался с людьми, действительно заслуживающими глубокого уважения. Случалось мне бывать и в больших собраниях. Другие играют в карты, танцуют, а мы с несколькими лицами такого же душевного склада уйдем куда-нибудь в самую отдаленную гостиную и беседуем. Я, бывало, и в миру не любил говорить глупостей. Иногда нечего говорить — и молчу, а иногда откуда что берется. Это многие замечали. Конечно, мое удаление от соблазнов мира сего многих смущало, и когда я перестал посещать шумные собрания и полюбил ходить в монастырь, обо мне начали отзываться как о сумасшедшем или, по крайней мере, не совсем нормальном.

— Слышали, Павел-то Иванович с монахами сошелся!

— Неужели? Вот несчастный человек!

Таково было мнение обо мне мирских людей. Да, тяжело спастись в миру! Святитель Николай Мирликийский ушел в пустыню, чтобы там подвизаться в посте и молитве, но Господь не благословил его остаться там. Явившись святому, Господь велел ему идти в мир. «Это не та нива, на которой ты принесешь Мне плод», — сказал Господь.

Таисия, Мария Египетская, Евдокия также не жили в монастырях. Везде спастись можно, только не оставляйте Спасителя. Цепляйтесь за ризу Христову — и Он не оставит вас.

Нынче дни Святой Пасхи, самого великого праздника христианской Церкви, — праздник праздников и торжество торжеств. Каждый день церковь оглашается радостными песнями Пасхального канона. Помню, как восхищалась каноном матушка Евфросиния: «Вот, — говорила она, — прошла моя жизнь, ничего не знаю за собой хорошего, с чем предстать перед Престолом Божиим, а услышу пение: **«Воскресения день, просветимся, людие...»** — и радостно, и спокойно становится на душе. **«От смерти бо к жизни, и от земли к Небеси Христос Бог нас преведé...»**

Господь исполнил желание матушки Евфросинии, и скончалась она на Пасху. Когда подняли гроб с ее иссохшим телом, хор запел «Воскресения день» вместо «Святый Боже», двери церкви широко раскрылись, и с улицы волной хлынул свет, и она ушла к вечному, незаходимому Свету.

Да сподобит и нас Господь такой блаженной кончины. Молитесь об этом и, когда диакон возглашает: «Христианския кончины живота нашего, безболезнены, непостыдны, мирны», не забывайте положить поклон, да упокоит вас Господь со всеми святыми. Аминь.

На Пасху 13 апреля 1911 г.

«Житие наше на Небесах есть» — это всегдашняя тема моих бесед, этой мыслью отрываю я себя и своих слушателей от привязанности к земному, тварному. «Житие наше на Небесах есть».

Неудовлетворенность земным чувствуется и у наших

великих писателей, например у Тургенева, Пушкина, и у иностранных — Шиллера, Шекспира, Гейне.

Лет пятьдесят тому назад, когда я еще ходил по стогнам* мира сего, я читал Гейне, но он всегда производил на меня тяжелое впечатление. Это был великий талант, но не просвященный духом Христовой веры. Родом еврей, он хотя и принял христианство, но только для получения привилегий. В душе же он был атеист, не верующий ни в христианство, ни в иудейство. И древние языческие философы, например Аристотель, Платон, Сократ, не удовлетворялись земным. Но вот печальное явление: чем выше старались они взлететь, тем глубже падали. С христианином этого не бывает. Напротив, возносясь от земли, отрывая свое сердце от житейских привязанностей, вознесясь горé — Богу, он изменяется, перерождается и бывает способен ощущать великие радости. Тоска о потерянном блаженстве сквозит в произведениях великих писателей и художников, но нигде эта скорбь, растворенная, впрочем, утешением, не выражается так сильно, как в наших церковных песнопениях и молитвах. В них слышится то рыдание о потерянном рае, то глубокое сокрушение о грехах, то радостная и победоносная песнь о нашем Искупителе. Взять хотя бы Пасхальный канон. Как он величествен и сладостен, как умиляет и утешает душу, еще не утратившую вкус к духовному! **«Ныне вся исполнишася света, небо, и земля, и преисподняя, да празднует убо мир, видимый же весь и невидимый».**

Да, великие ныне дни. В эти дни радуются и в миру, но не по-духовному. Один радуется, что получил деньги, другой — чины и ордена, третий — по другим причинам. Некоторые радуются, что пост прошел и наступило разрешение на все. Это, пожалуй, законная радость, если только в пище не полагать главного счастья. Но во святых обителях радость бывает о Воскресшем Иисусе. Не оставляйте посещать святые обители, особенно в праздники, когда и меня не будет. Здесь теплится духовная жизнь, согревающая душу человека. Правда, есть и земные радости, облагораживающие душу. Нет греха,

---

* Стогны (церковнославянское) — улицы и площади города.

например, наслаждаться красотами мира сего. Есть на земле необыкновенно красивые местности. Прекрасны Альпы, освещенные солнцем, великолепны многие места в Италии, про Неаполь сложилась пословица: «Посмотри на Неаполь — и умри». Ни о Париже, ни о Риме этого не говорится. А говорят именно о Неаполе, который действительно дивно хорош со своим голубым морем и горами.

Хороша и наша северная природа. Тургенев живо и ярко описал ее в своих произведениях. Он, между прочим, был в Оптиной и восхищался красотой нашей обители. Но нынешний мир есть только слабое подобие мира, бывшего некогда до грехопадения. Есть мир Горний, о красотах которого мы не имеем понятия, а понимают его и наслаждаются им только святые люди. Этот мир остался неповрежденным, но земной мир после грехопадения резко изменился. Все равно как если бы кто-нибудь лучшее музыкальное произведение, например Бетховена, разделил на отдельные тона — тогда впечатления целого не получилось бы. Или картину, например Рафаэля, разорвал на клочки и рассматривал отдельные кусочки. Что увидели бы мы? Какой-нибудь пальчик, на другом лоскутке часть одежды и так далее, но величественного впечатления, которое дает произведение Рафаэля, мы, конечно, не получили бы. Разбейте великолепную статую на части — впечатления от прекрасного не получится. Так и нынешний мир. Некоторые подвижники даже отвращали от него свои взоры. Известен один подвижник, который загородил иконой единственное окно своей кельи, а из него открывался восхитительный вид. Его спросили:

— Как это ты, отец, не хочешь даже взглянуть, а мы не могли налюбоваться на небо, на горы и на Эгейское море с его островами?

— Отчего я закрываю окно, вам не понять, но созерцать красоты мира сего я не имею желания, — ответил подвижник.

Это оттого, что он созерцал красоту Горнего мира и не хотел отвлечь от него своего внимания. Действительно, кто познал высшее блаженство, тот нечувствителен к земным утешениям. Но для сего познания надо иметь высокую душу.

Мне вспоминается такой случай. В одном богатом семействе был вечер. На нем одна талантливая девушка удивительно хорошо исполнила лучшее произведение Моцарта. Все были в восхищении, а у притолоки стоял лакей, подававший папиросы и вообще прислуживающий гостям, и позевывал: «И что это господа слушают такую скучную музыку? Вот бы поиграли на балалайке...». Он был прав в своем суждении, так как серьезная музыка была ему непонятна. Чтобы понимать произведения земного искусства, и то надо иметь художественный вкус. Возьмем, например, пение. Теперь даже в церковь проникают театральные напевы и мелодии, вытесняя старинное пение, а между тем оно часто бывает высокохудожественным, но его не понимают.

Как-то я был у обедни в одном монастыре и в первый раз слушал там так называемое столповое пение*. «Херувимская», «Милость мира» и другие произвели на меня сильное впечатление. Народу было мало, я стоял в уголке и плакал, как ребенок. После обедни я зашел к игумену и рассказал ему о своем впечатлении.

— А вы, верно, никогда не слышали столпового пения? — спросил меня игумен.

— Нет, — отвечаю, — даже названия не знал.

— А что такое столбовой дворянин?

— Ну, это значит имеющий древний род.

— Так и столповое пение — это древнее пение, мы заимствовали его от отцов, а те — от греков. Теперь оно редко где встречается, забывают его, много появилось новых напевов — Алябьева, Львова и других. Правда, и из новых есть необычайное... Турчанинов, например, его напевы известны не только в России, но и за границей, даже в Америке и то оценили его по достоинству. Недавно регент спрашивает меня:

— Благословите запричастный спеть «Воскресения день».

— Бог благословит, — отвечаю, — это и нужно.

— Только новым напевом.

— Каким же? Пропойте хотя бы на один голос.

---

* Столповой распев — вариант древнего знаменного пения.

Он пропел.

— Ну, — говорю, — такой напев может вызвать только слезы уныния, а вовсе не радостное настроение. Нет уж, пойте по-старинному.

Так и спели.

Напев Пасхального канона составлен Иоанном Дамаскиным, и так дивно, величественно составлен. Он возвышает душу и исполняет духовной радости по мере воспринимаемости каждого. Но появляется вопрос: где ключ для открытия духовных радостей? На это ответ один — в молитве Иисусовой. Великую силу имеет эта молитва. И степени она имеет разные. Самая первая — это произнесение слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». На высших степенях она достигает такой силы, что может и горы переставлять. Этого, конечно, не всякий может достигнуть, но произносить слова: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя» каждому нетрудно, а польза громадная, это сильнейшее оружие для борьбы со страстями. Одна, например, горда; другую обуревают блудные помыслы, кажется, и мужчин не видит, а все в мыслях блудит, третья завистлива, а бороться с грехами нет сил, где взять их? Единственно — в Иисусовой молитве. Враг всячески отвлекает от нее. Ну что за безсмыслица повторять одно и то же, когда ни ум, ни сердце не участвуют в молитве, лучше заменить ее чем-нибудь другим. Не слушайте его — лжет. Продолжайте упражняться в молитве, и она не останется безплодной. Все святые держались этой молитвы, и она становилась им так дорога, что они ее ни на что не променяли бы. Когда их ум был отвлекаем чем-нибудь другим, они томились и стремились опять начать молитву. Их стремление похоже было на желание человека, жаждущего, например, после соленой пищи утолить жажду. Иногда за неимением воды это не сразу удается, но желание еще больше усиливается от этого, и, найдя источник, он пьет ненасытно. Так и святые жаждали начать молитву и начинали ее с пламенной любовью.

Иисусова молитва приближает нас ко Христу. В Задонске подвизался известный в свое время подвижник Георгий. Рано

познал он всю суету жизни и ушел в монастырь, но и этим не довольствовался, а избрал себе совершенное уединение — затвор. Здесь в посте, молитве и богомыслии проводил он время, но искушения не оставили его. Когда он был еще в миру, то любил чистой любовью одну девушку, и образ ее часто возникал перед ним, смущая его душевный покой. Однажды, чувствуя свое безсилие в борьбе, он воскликнул:

— Господи, если это мой крест, то дай силы понести его, а если нет — изгладь из моей памяти само воспоминание о ней!

Господь услышал его. И вот той же ночью он видит во сне девушку необычайной красоты, облеченную в золотые одежды. В ее взоре светилось столько неземного величия и ангельской красоты, что Георгий не мог оторвать от нее глаз и с благоговением спросил:

— Кто ты? Как твое имя?

— Мое имя — целомудрие, — ответила девушка, и видение исчезло.

Придя в себя, подвижник возблагодарил Господа за вразумление. Образ, виденный им во сне, запечатлелся так в его уме, что совершенно затмил все другие образы.

И я усердно прошу вас: изгоните все образы из головы и из сердца вашего, чтобы там был только один образ Христа. Но как этого достигнуть? Опять же молитвой Иисусовой!

На днях приходит ко мне один скитянин-схимник.

— В уныние прихожу я, авва, так как не вижу в себе перемены к лучшему, а между тем ношу высокий ангельский образ. Ведь Господь строго взыщет с того, кто инок или схимник только по одежде. Но как измениться? Как умереть для греха? Чувствую свое полное безсилие...

— Произносите всегда Иисусову молитву и все предоставьте воле Божией.

— Но какая же польза от этой молитвы, если в ней не участвуют ни ум, ни сердце?

— Громадная польза. Разумеется, эта молитва имеет множество подразделений: от простого произношения этой молитвы до молитвы творческой, но нам хотя бы на последней-то ступеньке быть и то спасительно. От произносящего эту

молитву бегут все вражеские силы, и такой рано или поздно все-таки спасется.

— Воскрешен! — воскликнул схимник, больше не буду унывать.

И вот повторяю: произносите молитву хотя бы только устами, и Господь никогда не оставит нас. Для произнесения этой молитвы не требуется изучения каких-либо наук.

Граф Толстой был человек всесторонне образованный, но не имел Христа — и погиб. Земные знания не помогли ему. Отверг он Святую Церковь — и сам был отвергнут.

Нынче радостное время — Пасха. **«Христос Воскресе из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав».** Кто это сущие во гробех? Это все люди, грешники, прежде мертвые для Бога, но воскрешенные к новой жизни смертью Христа Спасителя.

19 июня 1911 г.*

Начинается отрывок словами: «Какой ангельский язык может выразить все значение Иисусовой молитвы?» Итак, автор думает, что не человеческому языку говорить о ней. Но каков же этот ангельский язык? И есть ли такой язык? Конечно, нет. И мы не можем представить себе его свойств, ибо он состоит не из звуков, там ведь не будет ничего чувственного.

Знаем мы, что люди часто понимают друг друга по выражению глаз, хотя между ними ничего не было сказано. Есть язык жестов, которым изъясняются глухонемые.

Каков будет ангельский язык, мы не знаем, но только ангельского языка будет достаточно, чтобы выразить значение Иисусовой молитвы. Понятным это значение становится только тем, кто на опыте узнал его. Для занятия Иисусовой молитвой автор книги удалился в горы Кавказа, вел уединенную жизнь и лишь изредка приходил в обитель для исповеди и причащения Святых Таин.

---

* Батюшка начал беседу чтением отрывка из книги «На горах Кавказа» — об Иисусовой молитве. Он предупредил, что тем из нас, кто бывал у него раньше, прочитанное не скажет ничего нового, все будет знакомо, но это известное можно повторять много раз.

Все описанное в книге заслуживает полного доверия, как осознанное автором на опыте. Действие этой молитвы покрыто величайшей тайной. Не в одном говорении слов: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного» она состоит, но доходит до сердца и таинственно водворяется в нем. Через молитву мы входим в общение с Господом Иисусом Христом, молимся Ему, сливаемся с Ним в одно целое. Эта молитва наполняет душу покоем и радостью среди самых тяжелых испытаний, среди всякой тесноты и суеты житейской.

Я получил письмо: «Батюшка, задыхаюсь! Со всех сторон теснят скорби, нечем дышать, не на что оглянуться... Не вижу радости в жизни, смысл ее теряется». Что скажешь такой скорбящей душе? Что надо терпеть? А скорби, как жернов, гнетут душу, и она задыхается под их тяжестью.

Заметьте, что не о неверах и безбожниках я сейчас говорю, не о тех, кто тоскует, когда потеряли Бога, — не о них я говорю. Нет, теряют смысл жизни верующие души, вступившие на путь спасения, души, находящиеся под действием Божественной Благодати. Не знают они, что это состояние временное, переходное, которое надо переждать. Пишут: «Впадаю в уныние, что-то темное обступает меня».

Я не говорю, что такая скорбь законна, не говорю, что эта скорбь — удел всякого человека. Это не наказание, это крест, и этот крест надо понести. Но как же понести его? Где поддержка? Иные ищут этой поддержки и отрады у людей, думают найти покой среди мира — и не находят. Отчего? Оттого, что не там ищут. Покой, свет и силу надо искать в Боге, через молитву Иисусову. Станет тебе очень тяжело, мрак обступит тебя — встань перед образом, зажги лампадочку, если она не была зажжена, встань на колени, если можешь, а то и так, скажи: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Скажи раз, другой, третий, говори так, чтобы не одни уста произносили эту молитву, а доходила бы она до сердца. Впрочем, дойдет непременно и до сердца Сладчайшее имя Господа, и мало-помалу удалятся тоска и скорбь, просветлеет на душе, тихая радость воцарится в ней.

Понять это чудное действие Иисусовой молитвы может только тот, кто на опыте познал его. Представьте, какой-нибудь человек никогда не пробовал меда и станет расспрашивать, что это такое. Как ему объяснить? Скажешь: он сладкий, приготовляется пчелами, соты с медом вынимают из улья, режут на части... Вряд ли он что-либо поймет. Не проще ли сказать: хочешь узнать мед — так попробуй его. Так и молитвой Иисусовой. Многие, познав ее сладость и значение, всю жизнь отдавали ей, чтобы сродниться с ней, слиться со Сладчайшим именем Господа Иисуса Христа.

Вам при ваших учебных или иных занятиях невозможно всю жизнь наполнять Иисусовой молитвой, но каждая из вас проходит по двадцать, пятьдесят или сто молитв в день. Каждая по силе своей навыкает ей. Пусть одна преуспела на дюйм, другая — на аршин, третья — на сажень, а иная, может быть, на версту ушла вперед, важно, что хоть на дюйм-то продвинулась, и слава Богу за все.

Для занятий этой молитвой уходят люди в монастырь. Правда, в настоящее время монастыри, особенно женские, поставлены в такое положение, что все время уходит на исполнение послушаний, хлопоты, работу. Трудно монахиням, а все-таки постепенно проникаются они молитвой и навыкают ей. Помню, поступая в монастырь, я вообразил, что там только и знают, что вот так (батюшка молитвенно возвел руки). Но когда поступил, оказалось совсем другое. Мало молитвы, мало труда молитвенного, на одной молитве не проживешь, нужен еще и труд послушания. Если труд молитвенный и исполнение послушания чередуются, сменяя один другое, так и хорошо, и этим путем легко достигнуть спасения.

Дальше в книжке сказано, что молитву постичь может только тот, кто удалил из сердца всякие мирские привязанности; только в сердце, свободном от пристрастия к миру, может вселиться Господь.

Помню, лет сорок, а то и пятьдесят тому назад, был я в одном доме. Собралось там много гостей. Одни, как водится в миру, играли в карты, другие разговаривали, потом начались танцы. Это не был настоящий бал, как-то все вышло

неожиданно. На этом вечере была девушка удивительной красоты. Ни в чем она не принимала участия. Потом вдруг встала, подошла к роялю и начала играть. Чувствовалось, что она совершенно ушла от окружающей обстановки, ушла в себя, в свой внутренний мир и, пожалуй, в эти звуки. Стояла чудесная лунная ночь. Долго играла девушка, а когда наигралась, подошла к окну и задумалась. Меня все это заинтересовало, и я решил с ней познакомиться. Подхожу к одной даме и спрашиваю:

— Знаете ли вы такую-то?

— Знаю.

— Познакомьте меня с ней.

— Познакомить-то я могу, только стоит ли? Уверяю вас, что она совсем неинтересна, ничего вы в ней не найдете.

Я познакомился с этой девушкой. Ей было не помню сколько лет, но не менее двадцати. Она оказалась очень глубокой натурой, жившей своей внутренней жизнью. Она любила, и любила так, как умеют любить только такие люди.

— Понимаете, он все, чем я живу, свет моей жизни, им все наполняется вокруг меня и во мне; без него все — мрак, все — темнота, и жизнь теряет всякий смысл. Я ему отдала всю себя, свою душу, свое сердце.

— Где же он?

— Страшно сказать.

— Что, далеко уехал?

— Нет, умер.

— И вы мертвого любите?

— Да, люблю, и никого другого не полюблю. Все у него, все он унес с собой в могилу, а у меня ничего не осталось.

Недолго продолжалось мое знакомство с этой девушкой, скоро она уехала в Самару, но то время, пока я ее знал, она оплакивала свою первую любовь.

— Я никогда не полюблю другого, — упорно повторяла она.

Эта встреча была пятьдесят лет тому назад. Если бы я встретил эту девушку теперь, я бы знал, что ей сказать. Я бы сказал: «Вы говорите, что не полюбите другого? А я вам советую

полюбить знаете кого? Господа Иисуса Христа! Вы хотели отдать свое сердце человеку — отдайте его Христу, и Он наполнит его светом и радостью, вместо мрака и тоски, оставшихся вам после любви к человеку».

Так и вам говорю: иные, быть может, пережили такое чувство, и, наполовину угасшее, оно теплится чуть видной искрой в вашем сердце — затушите эту искру! Другие, может быть, сейчас переживают самый разгар этого чувства — гоните его, не отдавайте ему своего сердца, так как его требует Господь Себе. *Даждь Ми, сыне, твое сердце...* (Притч. 23, 26), — обращается Он к человеку. Не давайте сердцу привязываться к тленным благам мира сего, гоните из него всякое пристрастие, так как только в свободном сердце, свободном от всех пристрастий, может сотворить Себе обитель Господь.

Основание всего закона Божия — любовь к Богу и ближним. Старайтесь возлюбить Господа. Как достичь этого? Он Сам сказал об этом: *Имéяй зáповеди Моя и соблюдáяй их, той есть любя́й Мя...* (Ин. 14, 21). Итак, по слову Самого Господа, путь к Нему, к Божественной любви один — исполнение заповедей Его, о которых Он, в свою очередь, говорит: «Заповеди Моя не тяжки суть»*.

Заповеди эти все знают, каждый день они читаются или поются на Божественной литургии: *блажéни крóтцыи... блажени милостивии* и др. (см.: Мф. 5, 3—12). Иная скажет: «Этой заповеди я соблюсти не могу, так как у меня нет средств на милостыню». Нет, и такая может исполнить заповедь о милости, и она может подать если не материальную, так духовную милостыню. Спросите: как же это? А вот как: тебя оскорбила такая-то или такой-то — прости его, вот и будет духовная милостыня.

— Нет, я этого не могу! Разве можно простить такое ужасное оскорбление? Да я как вспомню о нем, так готова растерзать того, кто нанес мне его, а вы говорите: «Прости».

— Так не можешь простить?

— Не могу!

---

* *Зáповеди Его тяжки не сýть* (1 Ин. 5, 3).

— А простить-то надо! Сил не хватает? Так проси у Бога. Обратись к Нему и скажи: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную, и помоги мне простить». Скажи раз, другой, третий...

— И что же будет?

— Сама на опыте узнаешь — простишь обидчика. Другая говорит:

— Вот та-то пронесла мое имя, яко зло, перед людьми, такого наговорила, чего никогда и не было, проходу мне не дает колкостями и насмешками.

— А ты молчи, не отвечай ничего, потерпи.

— А разве это можно стерпеть?

— Не можешь? Опять обратись к Господу: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную, и помоги мне стерпеть». Попробуй так просить и на опыте увидишь, что из этого выйдет. И так во всяком трудном положении обращайся к Господу — и поможет. Исполняй заповеди Его и проси Его помощи. Беда, если кто понадеется на свои силы и вздумает сам, не прибегая к Божественной помощи, исполнять заповеди, кто вздумает обойтись без смирения. Две добродетели необходимы в деле спасения: одна — любовь, другая — смирение. Без этих двух не только умная молитва, но и само спасение невозможно. Ведь вот Толстой, как он ужасно кончил, а раньше был религиозный человек, молебны заказывал, молился со слезами, все, казалось, было, одного не было — смирения. Любил осуждать других, не умел прощать людских недостатков.

Заговорили с ним об одном его соседе.

— Что вы, — говорит, — разве он человек?

— А то как же? Конечно, человек!

— Ну вот, какой же он человек? Просто тварь.

— Да ведь и все — тварь. Ангелы и то тварь: **«О Тебе радуется. Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род».**

— Да нет, его нельзя человеком считать!

— Почему же?

— Он безбожник, он в церковь не ходит, в Бога не верит, разве это человек?

А старая нянюшка скажет ему... (Тут беседа прерывается, стучат в дверь: брат Григорий говорит, что пришел брат Филипп, просит благословения ехать и спрашивает, дадут ли ему лошадь.)

— Лошадку ему дадим, пусть идет запрягать... Вот так-то в монастыре у нас — Иисусова молитва, а тут Филипп пришел, лошадка нужна... Ну да ладно, прибежала лошадка и убежала, а мы остались при своем... Так вот старушка-няня говорит Толстому: «Левушка, не осуждай их, пусть они, как знают, а ты их не суди, тебе-то что! Сам за собой смотри». Не мог он переделать себя и плохо кончил.

Вот теперь иная думает: «Я в церковь хожу, а вон та не ходит, ну какая же она! И та вон что делает, на что уж это похоже», — да так все машет, да машет ручкой, себя лучше других считает. Глядишь, и домахала до того, что упала ниже тех, кого осуждала.

Надо себя недостойнее всех считать — вот верный и единственный путь ко спасению, и еще — исполнение заповедей Господних. О них Господь сказал, что они «не тяжки суть», но своими силами нам их не выполнить, надо просить помощи у Господа — и даст. Кажется, просто. Просто, но сложно. Помолимся Ему, да просветит и укрепит Он нас в любви Своей. Аминь.

30 июня 1911 г.

«Там за далью непогоды есть блаженная страна». Когда я ехал по Сибири к Мукдену, смотрел в окно вагона и думал, что вот так к востоку начинаются неведомые нам страны — Китай, Корея, со своими обычаями, своими нравами. Прежде эти страны коснели во тьме язычества, теперь просвещаются светом Христовым. В столице Японии — Токио, где раньше поклонялись дракону, возвышается великолепный собор. А потом от этих неведомых стран мысль неслась дальше, в страну, где блаженствуют небожители, где нет ни печали, ни

воздыхании. О ней хочется говорить, туда вознестись мыслью от земли.

Земля — это место изгнания, ссылка. За уголовные преступления людей осуждают на каторгу, кого на двенадцать лет, кого на пятнадцать, а кого и навсегда, до смерти. Вот и мы провинились перед Господом и осуждены на изгнание, на каторгу. Но так безконечно любвеобилен Господь, что даже в этом месте изгнания оставил Он нам много красот, много отрады и утешения, которые особенно понимаются натурами, обладающими так называемым художественным чутьем. Эти красоты здешнего мира только намек на красоту, которой был преисполнен мир первозданный, каким его видели Адам и Ева. Та красота была нарушена грехом первых людей.

Представьте себе чудную статую великого мастера, и вдруг хватили по ней обухом. Что от нее останется? Осколки. Мы можем подобрать их, отыскать шею, часть лица, руки. Признаки красоты сохраняются и в этих отдельных осколках, но уже не обрести прежней гармонии, цельности, прежней красоты еще не разрушенной статуи. Так и грехопадение первых людей разрушило красоту Божия мира, остались нам только осколки, по которым мы можем судить, как прекрасно было все раньше — до грехопадения.

Но придет время всемирной катастрофы, весь мир запылает в огне. Загорится земля, и солнце, и луна — все сгорит, все исчезнет, и воцарится новый мир, гораздо прекраснее того, который видели первые люди. И настанет тогда вечная радость, полная блаженства во Христе. По этой-то блаженной жизни и тоскует теперь на земле человеческая душа. Есть предание о том, что раньше, чем человек рождается в мир, душа его видит те небесные красоты, а вселившись в тело земного человека, продолжает тосковать по этим красотам. Так Лермонтов объясняет присущую многим людям непонятную тоску. Он говорит, что за красотой земной душе снился лучший, прекраснейший мир иной. И эта тоска о Боге — удел большинства людей.

Так называемые неверы сами по себе верят и, не желая

в этом признаваться, тоскуют о Боге. Только у немногих несчастных так уж загрязнилась душа, так осуетилась она, что потеряла способность устремляться к Небу, тосковать о нем. Остальные ищут. А ищущие Христа обретают Его по неложному Евангельскому слову: *ищи́те, и обря́щете: толцы́те, и отве́рзется вам* (Мф. 7, 7).

В дому Отца Моего оби́тели мно́ги су́ть (Ин. 14, 2). И заметьте, что здесь Господь говорит не только о небесных, но и о земных обителях. И не только о внутренних, но и о внешних. Каждую душу Господь ставит в такое положение, окружает такими обстоятельствами, которые лучше всего способствуют ее преуспеванию. Это и есть внешняя обитель. Когда душа исполняется мира, покоя и радости — это внутренняя обитель, которую готовит Господь любящим и ищущим Его. (Брат Григорий пришел сказать, что через десять минут надо начинать всенощную.)

— Ну вот ты через десять минут и приди, — говорит батюшка. (Вскоре начинается благовест.)

— Что такое благовест? Знаете, что он собой изображает? Архангельский глас, который прозвучит в конце мира. Об этом конце и напоминает нам благовест, а когда-нибудь и мы услышим тот страшный глас. Но сейчас нас о нем предупредили, мы уже ожидали его. А с тем гласом будет не так. Внезапно, без всякого предупреждения, раздастся он, а за ним — Страшный суд, который будет длиться не год, не месяц и даже не день, а один лишь миг, одно слово решит участь человечества, только слова «приидите» или «отидите» — и все кончено! Блаженны, кто услышит «приидите», для них начнется жизнь в раю.

Достоевский, который бывал здесь и сиживал в этом кресле, говорил отцу Макарию*, что раньше он ни во что не верил.

— Что же заставило вас повернуть к вере? — спрашивал его отец Макарий.

---

* Преподобному Макарию (Иванову).

— Да я видел рай. Как там хорошо, как светло и радостно! И насельники его так прекрасны, полны любви. Они встретили меня с необычайной лаской. Не могу я забыть того, что пережил там, и с тех пор повернул к Богу.

И действительно, он круто повернул вправо, и мы веруем, что Достоевский спасся.

В Апокалипсисе апостол Иоанн тоже изображает рай в виде великолепного храма на двенадцати основаниях. Одно основание — яхонт, другое — сапфир, третье — тоже драгоценный камень. В этот храм ведут двенадцать ворот, и каждые ворота состоят из одной цельной жемчужины. Так рисует Иоанн Богослов Град Господень — Новый Иерусалим. Но, конечно, ничего в этом описании нельзя понимать буквально, и эти двенадцать ворот вовсе не похожи вот хотя бы на Святые ворота скита Оптиной церкви или еще какие-нибудь. Объясняющие Откровение говорят, что под двенадцатью воротами надо понимать двенадцать апостолов, просветивших Христовым учением всю Вселенную.

В своем стремлении к этому Граду Господню душа иной раз находит утешение в музыке. Я в миру любил серьезную музыку — Бетховена, Шуберта, например. Иду как-то с концерта. Встречается мне знакомый и спрашивает:

— Откуда вы идете и отчего вы такой радостный и торжественный?

— В концерте был. Что за чу́дная музыка! В какой восторг приводит она душу!

— Нет, есть иные высшие восторги, выше всяких восторгов от музыки. Сходили бы вот к такому-то, он вас введет в иную область, в область восторгов от молитвы.

И он не солгал. Я любил бывать в церкви, особенно у всенощной в нашем Воскресенском соборе. Любил полумрак, тихий, мерцающий свет лампады, там особенно хорошо молиться. Вот и вы сейчас пойдете ко всенощной, помолитесь там, постарайтесь помолиться хорошенько, постарайтесь войти и углубиться в себя. Ведь в каждом из вас есть мир неизреченной красоты, в котором таится много чистых восторгов, неизглаголанных радостей. Войдите в себя — и они

откроются вам. Впрочем, не ждите от молитвы одних восторгов, не унывайте, когда не ощутите радости. Ведь и так бывает: стоишь в церкви, а внутри как будто не сердце, а деревяшка, и деревяшка-то еще и не оструганная. Ну что же, и за то, то есть за деревяшку, слава Богу! Значит, так надо было. Ведь иная душа, пережив высокие восторги, и возомнить о себе может, а состояние «окамененного нечувствия» смиряет ее. И вообще, мы не можем требовать от Бога молитвенных восторгов. От нас требуется молитвенный труд, а радость посылается от Бога, когда это угодно Богу и нам на пользу. Итак, будем молиться Ему и положимся во всем на Его святую волю.

Когда я жил еще в миру, товарищи называли меня идеалистом. Бывало, придут звать меня куда-нибудь:

— Устраивается пикник, целой компанией едем за Волгу с самоваром и закуской. Будет очень весело.

— Сколько же это стоит?

— По десять рублей с человека.

Вынимаю деньги и отдаю за себя, чтобы не слышать упрека, будто уклоняюсь из корыстных побуждений. А потом в день пикника заболеваю некоей дипломатической болезнью и остаюсь дома. Вечером иду на берег Волги. Луна, в городском саду гремит музыка. Я хожу один, любуюсь красотой ночи — и хорошо мне!

А наутро товарищи говорят между собой:

— Был он?

— Нет, не был.

— Ну, конечно, ведь он у нас идеалист.

Вот этот-то «идеалист» и привел меня в конце концов сюда, в скит. Аминь.

25 июля 1911 г.

Сегодня был я в монастыре по делам. Богу было угодно, чтобы, выходя оттуда, встретил я одну девицу, ищущую спасения своей души, и одну монахиню. Зашла у нас речь о том, как строится жизнь человеческая.

Епископ Игнатий (Брянчанинов)*, с творениями которого некоторые из вас, может быть, уже знакомы, говорит, что жизнь всякой человеческой души строится по заранее намеченному Божественному плану. Иные спросят: что это за план и одинаков ли он для всех людей или каждая отдельная жизнь идет по плану, присущему ей одной?

Придется сказать, что у всех людей, идущих ко спасению, жизнь строится по одному плану, но пути, по которым они идут, бывают различны. Представьте себе круг: от разных точек окружности идут линии, которые все сходятся в одной точке у центра. Центр — это Христос, цель всякой души, ищущей спасения, а радиусы — различные пути, которыми люди подходят ко Христу. План спасения человеческой души, по мнению епископа Игнатия, изложен в Библии, а именно в истории древнего Израиля. Еврейский народ жил в Египте под властью фараонов. Не довольствуясь господством над Израилем, фараоны начинают притеснять его народ, заставляют исполнять тяжелые работы, участвовать в постройке пирамид, которые сохранились и до нашего времени. Мало того, фараоны издают приказ убивать еврейских младенцев мужского пола, так как евреи очень быстро размножались. Стонет народ под чужим игом и ждет избавителя от Бога. В лице Моисея, «взятого из воды» (заметьте себе — «взятого из воды»), посылается им избавитель. Он совершает много чудес, наводя различные казни на египтян, и наконец фараон отпускает евреев. Моисей выводит их из Египта. Такова история древнего Израиля, но она служит прообразом того, что совершается до наших дней с новым Израилем, с каждой христианской душой, ищущей спасения. Каждая душа томится под игом мысленного фараона — сатаны, каждая стонет и

---

* Святитель Игнатий (Брянчанинов; 1807—1867; память 30 апреля) — из дворянской семьи, с юных лет хотел стать монахом. Получив образование, в 1827 году вступил в Александро-Свирский монастырь к старцу Льву, затем вместе со старцем — в Оптину. Впоследствии удаляется в вологодские обители. В 1833 году стал архимандритом Троице-Сергиевой пустыни под Петербургом. Там и написал значительную часть своих творений. В 1857 году посвящен во епископа Кавказского, с 1861 года — на покое в Николо-Бабаевском монастыре. Канонизирован в 1988 году.

ждет себе избавителя; и является Избавитель — Господь Иисус Христос, прообразом Которого был древний Моисей. Знал ли он сам, что является прообразом Спасителя? Думаю, что знал. Господь избавляет душу от гнета фараонова, но что происходит дальше? Едва Израиль ушел из Египта, и уже фараон пожалел, что отпустил народ, и погнался вслед за ним. Так бывает и с человеческой душой. Оставив прежнюю нерадивость, ступили на путь добрый. Неужели твердо, непреткновенно пойдут по нему? Ошибаетесь. Сатана, выпустивший их из-под своей власти, непременно пожалеет о том и устремится вслед. Бегут израильтяне, и вот они у Чермного моря. Сзади погоня, справа — разбойники, слева — пустыня, перед ними — вода. Куда деваться? Где искать спасения? Казалось бы, безвыходное положение. Что же Моисей? Помолился он Богу, ударил жезлом по воде, и она расступилась. В длинный водный коридор вступили евреи: идут со страхом по дну моря, а за ними втягиваются полчища египтян. Не маленький был этот коридор. По исследованиям ученых, до сорока верст длиной простирался он. Вышли евреи из воды, а фараон с войском уже на середине моря. Что же делает Моисей? Снова молится, и новое движение посохом, которое вместе с прежним движением составило крест, и волны смыкаются над египтянами. Все войско погибло, ни один не спасся, по слову Писания. Нет больше опасности, нет больше погони, и Израиль спокойно продолжает путь, направляясь к земле обетованной. Подобное состояние переживает и всякая душа человеческая. Но сатана не оставляет ее в покое: отовсюду надвигаются скорби и искушения, кругом обступает мрак, кажется, положение ее безвыходно, кажется, неоткуда ждать помощи. Но тут-то и является Бог со Своей помощью.

Крестом спасен древний Израиль — Крестом Христовым спасется и новый Израиль, и часто близкая к отчаянию душа не знает, что стоит на грани, за которой начинается новый путь. Итак, Чермное море пройдено. Но далеко еще до земли обетованной, до земли, текущей медом и млеком. Не сразу попадают туда евреи, сорок лет кружит с ними по пустыням

Моисей. Иной человек, узнав о спасительном пути и встав на него, думает, что все уже сделано, что он достиг святости и готов чуть ли не на Небо взлететь. Ошибается. Мало начать спасительный путь, мало обратиться к Богу — еще не здесь начинается страна, где текут мед и млеко.

Сорок лет ходят израильтяне с Моисеем по пустыне, стремясь к земле обетованной. Безплодна пустыня, ничего нет кругом, не раз одолевают сомнения евреев, но Господь не допускает им погибнуть. Так и души, избравшие путь богоугождения, высвободившись из-под гнета страстей, оторвавшись от всего, что прежде составляло содержание их жизни, часто устрашаются, увидев себя сразу в пустыне: «Господи, что же теперь делать? Чем жить?» Напрасно смущается такая душа. Бог, пославший ей Моисея, чтобы вывести ее из Египта, пошлет и манну, как послал древним евреям.

Кончается сорокалетнее странствование евреев, прообразовавшее странствование каждой души, ищущей Горнего Иерусалима.

Понимали ли евреи, что они служили таким прообразом? Думаю, не понимали. Кто же вводит Израиль в землю обетованную? Моисей? Нет, за то, что усомнился он в Божественном Промысле, умирает он, не достигнув Ханаана, а вводит туда евреев Иисус Навин. Обратите внимание на это имя: Иисус вводит в обетованную землю, и Иисус Христос отверзает нам двери рая. Крестом Своим вводит Он нас туда. Крест Христов — вот величайшее таинство.

Обратите внимание на подробности, связанные со спасительными страданиями Христа. Распинается Он посреди двух разбойников. Почему между разбойниками? Здесь тоже глубокий смысл. Распятием Своим Господь спасает от проклятия и смерти нас, людей, а все мы, грешные, отпавшие от Бога, являемся разбойниками перед Ним. Разбойники висят справа и слева от Христа тоже не случайно, в этом последующая история всего человечества. Висящий слева изрыгает хулы, а справа слышится голос: *...помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое* (Лк. 23, 42).

И ныне мы видим разделение среди людей, и ныне мы

знаем и правых и левых. Приняв такое название, они изрекают себе приговор, не устрашает их пример повешенного по левую сторону. В различной участи этих разбойников судьбы всего человечества: одна часть его вместе с хулителем низвергается в ад, другая слышит голос Самого Господа: *...днесь со Мною будеши в раи* (Лк. 23, 43). Одни идут на гибель, другие — в Жизнь Вечную.

Цель всей жизни земной — наследовать Жизнь Вечную, ту Жизнь, где не будет никакого труда, не будет ни скорби, ни воздыханий. Для достижения этой Вечной Жизни идут в монастыри. Впрочем, я никого не зову в монастырь и не говорю, что спасение невозможно в миру. Только не могу не заметить, что взоры лучших людей устремлялись именно к монашеству. Не буду приводить мнения учителей Церкви, воспитавшихся в монастырях. Обращу ваше внимание на творения гениев светской литературы. Возьмем представителя протестантского народа, гиганта человеческой мысли Шекспира, и посмотрим, что он говорит о жизни в миру. Устами героя одного из лучших своих произведений — Гамлета так аттестует он мир: «Мир — это старый сад, заросший сорной травой». А затем добавляет, обращаясь к Офелии: «Офелия, иди в монастырь». Вот как отнесся Шекспир к миру и монастырю.

Иные говорят, что монашество не установлено Господом, что в Евангелии нет указания на него. Это неверно. *...могий вместити да вместит,* — говорит Господь именно о жаждущих высшей жизни (Мф. 19, 12).

Спастись можно в миру, но высшее совершенство достигается в монастырях. И в Писании сказано: *...Не оженивыйся печется о Господних, како угодити Господеви: а оженивыйся... како угодити жене* (1 Кор. 7, 32—33).

Вот и разница между миром и монастырем. И снова повторяю: я не зову в монастырь — и в миру много путей, которые ведут к Богу и к ближним. Святое это дело, несомненно: спасая других, и сам спасается. Иные посвятили свою жизнь служению больным — и это великое дело. Иные учительствуют — тоже великое дело быть при детях, сеять в их сердца семена Божией истины, насколько это в их силах, насколько

они сами поняли и усвоили ее. А иные, может быть, не удовлетворяясь своим служением, хотят достичь высшего совершенства, порвать связи с миром и вступить во святую обитель, и исполняют это, если только их желание угодно Богу. Аминь.

22 октября 1911 г.

(На праздник Казанской иконы Божией Матери)

Сколько верст от Петербурга до Козельска? Пожалуй, больше тысячи, и это расстояние поезд проезжает в одни сутки! Может быть, впоследствии удастся и на воде устраивать железные дороги, укрепив рельсы на особого рода площадках, и понесутся тогда любители путешествий в Африку, Америку, Австралию... Наука идет вперед большими шагами; если бы нашим отцам или дедам сказали, что люди по телеграфной проволоке научатся говорить на огромном расстоянии или, например, переговариваться по телефону, то они не поверили бы и, пожалуй, сочли бы человека, рассказывающего о таких вещах, за сумасшедшего.

Да, действительно, в области разных изобретений мы далеко ушли вперед, но стало ли лучше жить людям? Увы, наоборот, стало еще хуже. В 1884—1885 годах была в Париже выставка. Ее посетил один профессор Оксфордского университета. Возвратясь домой, он говорил студентам: «Видел я всевозможные машины, только одной, притом простой, машины я не видел, и на мой вопрос, будет ли такая изобретена, дают отрицательный ответ.

— Какая же это машина? — удивленно спросили студенты.

— Машина, делающая счастье, — ответил он».

Действительно, счастья нет, так как его хотят создать без Христа — и горько ошибаются. Вот вы занимаете скромное положение, но имеете веру и любовь ко Господу, а потому и обладаете миром душевным. Теперь многие неверы кричат: «Не нужно нам Неба, мы и на земле устроим счастье». А болезни? На это доктора, хорошие доктора, говорят, что медицина отстала, а болезни прогрессируют с удивительной силой.

Появляются все новые и новые болезни, и доктора решительно не знают, как их лечить. Например, недавно появилась новая болезнь: кость становится хрупкой, в ней как бы образуется песок. Отчего это происходит — неизвестно, только больной испытывает адские муки, а медицина безсильна облегчить его страдания. Если приглашают доктора, то не может же он сказать больному: «Я не понимаю вашей болезни» или «Вы должны умереть». Нет, он начинает лечить, как ему Бог на душу положит!

Нет, непрочно земное счастье, и благо человеку, который за ним не гонится, но возлагает все упование свое на Христа Спасителя. Он не будет посрамлен. Сегодня как раз у меня человек, которого сильно обмануло счастье, — это Евгений Николаевич Погожев, пишущий под псевдонимом Поселянин.

Евгений Николаевич происходит из старинного дворянского рода, получил хорошее образование, но сначала был неверующим. Привел его ко Господу случай. Однажды он с тетей собрался в Крым, а та перед этим путешествием захотела побывать у батюшки отца Амвросия.

— Вы, тетушка, поезжайте, а я вас в Калуге подожду, — решительно заявил он.

— Да почему же? Поедем вместе, мне веселее будет, а к старцу ты можешь не ходить.

Евгений Николаевич согласился. Приехали. Тетка упрашивает, не сходит ли он хоть разок к отцу Амвросию, но племянник решительно объявляет: «Нет уж, не просите, к отцу Амвросию я ни за что не пойду. Он замучает меня текстами».

Так и не пошел. Тетка же рассказала о нем отцу Амвросию.

— А нужно бы ему ко мне зайти, — сказал батюшка, — передайте ему, что грешный Амвросий просит его зайти к нему на шесть—десять минут.

Он вышел от отца Амвросия другим человеком. С тех пор начал посещать Оптину и просился в монастырь, но батюшка возразил:

— Нет, сначала надо окончить университет, а там я скажу вам, что делать.

По окончании университета Евгений Николаевич приехал к отцу Амвросию и спрашивает, что же теперь ему делать.

— А теперь, — сказал батюшка, — пишите в защиту веры, Церкви и народности.

Погожев — художник в душе, и это отражается на его произведениях.

Прошло несколько лет, отец Амвросий умер, и Евгений Николаевич осиротел. Приезжал он по привычке в Оптину, но ни к кому из старцев не обращался, так как, по его словам, никто не мог заменить ему батюшку отца Амвросия. Гребцов много, и хорошие гребцы, а кормчего нет. Правда, был кормчий, который поджидал его к себе, и, наверное, беседа с ним принесла бы Евгению Николаевичу большую пользу — это покойный батюшка отец Анатолий, великий старец и преемник отца Амвросия, но Погожев не пожелал к нему обратиться. Однажды зашел он ко мне, я тогда был еще послушником. Разговорились мы с ним.

— Вы — идеалист, Евгений Николаевич, — сказал я ему, — в миру вам не место, ступайте в монастырь, все равно в какой, хотя лучше бы в наш, конечно, где хранятся заветы старцев. Пять лет пребывали бы послушником, десять лет — монахом, пять — иеродиаконом...

— Ну а потом?

— Потом вы были бы старцем, как отец Амвросий. Вы теперь внешний художник, а тогда сделаетесь внутренним. Вспомните слова поэта:

Не для житейского волненья,
Не для корысти, не для битв,
Мы рождены для вдохновенья,
Для звуков сладких и молитв.

Хотя здесь говорится про поэтов, но эти слова больше относятся к монахам. Поступайте в монастырь и найдете мир и радость души.

Не согласился.

— И в миру можно приносить пользу, — ответил он.

— Да, конечно, можно, но в миру и множество соблазнов. Знаете ли вы историю индийского царевича Иоасафа? Царь

Авенир, отец его, устроил сыну великолепный замок и хотел, чтобы сын жил у него в роскоши и неге, беззаботной веселой жизнью. Но старец Варлаам обратил юношу ко Христу, и он совершенно изменился. Отец, желая вернуть сына к язычеству, привез ему красавицу Рояйлю, на которой хотел женить его, но Иоасаф не соблазнился красотой невесты, отверг все удовольствия мира и наследовал Царствие Небесное. Как бы и вас не соблазнила Рояйля во дворце.

Не знаю, отчего я это ему сказал, но через несколько лет я узнал, что Евгений Николаевич женился на дочери одного известного сановника, и великий князь Константин Константинович устроил им во дворце свадьбу. Выбор невесты был неудачен: скоро они возненавидели друг друга и через полгода разошлись. Она была женщина практичная и совсем не понимала его. Я не видел Евгения Николаевича двадцать лет, сегодня он приезжал ко мне. Я ему говорю:

— Пройдет время, поступайте в монастырь, я дам вам келью, и успокоится душа ваша после всех житейских треволнений.

— Поздно!

— Ко Христу никогда не поздно, Евгений Николаевич, вспомните разбойника, кажется, и жить-то осталось ему несколько минут, а он возопил: «Господи, помяни меня во Царствии Своем» — и спасся!

Задумался. Не знаю, на что решится, а жаль мне его. Полагайтесь во всем на волю Божию; кто жаждет спасения, вопиет ко Христу: «Спаси меня, Господи, как, ты Сам знаешь» — того Господь спасет.

Расскажу вам страничку из моей жизни. У меня всегда было желание спасения, но окружающие меня люди были равнодушны к вере, опоры найти было не в ком. А между тем мысль говорила мне, что так жить нельзя. Я не знал, на что решиться. Один знакомый инок утешил меня: предайтесь на волю Божию. Когда молитесь утром и вечером, всегда говорите: «Имиже веси судьбами спаси меня, Господи» — и спасет. Так я и молился. Всегда ходил в церковь святого Иоанна Крестителя при монастыре и молился. Туда ходил ко

всенощной, а к обедне — в Спасо-Преображенский собор и там, у раки святого Варсонофия, молился: «Святый отче Варсонофие, помози мне!» Не знал я, что выбрать. Идти в монастырь боялся, там поклоны да посты — редька, квас, а я избалован; затем командовать все станут, а я привык к некоторой власти — не выдержать мне. Но Господь все устроил, и я теперь, хотя недостойный, но все же инок. Как бы случайно, но, конечно, по Промыслу Божию узнал я об Оптиной пустыни и о старце Амвросии, взял отпуск на двадцать шесть дней и приехал к нему для решения вопроса, как мне жить. Батюшка Амвросий сказал: «Надо в монастырь идти, но не сейчас, а через два года», — и дал мне некое послушание, а через два года я поступил в скит Оптиной пустыни.

Так и вам поможет Господь на вашем жизненном пути. Молитесь Матери Божией. Она будет ходатайствовать за вас и в этой жизни, а по смерти поможет пройти мытарства и достигнуть Царствия Небесного. Аминь.

Слово, сказанное на общем благословении

3 января 1912 г.

Во время пребывания в Оптиной епископа Серафима* (в ответ на жалобы одной из духовных дочерей, что много горького пришлось пережить и услышать).

«Горечь сия да превратится в радость».

Когда евреи путешествовали по пустыне, они подошли к громадному озеру Мерра, которое существует до сих пор. Их томила жажда, но вся вода в озере оказалась горькой. Не было возможности ее пить. Народ готов был возроптать, но Бог указал Моисею некое дерево. Погрузил его в воду Моисей, и вода потеряла горечь, стала приятной на вкус. Но то были образы, непонятные для народа, разве только Моисей разумел сокрытый смысл происходившего. Что же преобразовало это

---

* Вероятно, имеется в виду митрополит Серафим (Чичагов), бывший в те годы епископом.

дерево, усладившее горечь вод озера Мерра? Древо Креста. И ныне во всех самых горьких обстоятельствах жизни христианин имеет большую отраду в Кресте Господа Иисуса. Как бы ни был грешен христианин, он имеет драгоценную веру в Господа Иисуса и этой верой спасается. И ты спасешься, только держись за Христа. Вопи к Нему — и услышит. Конечно, не голосом вопи, а сердцем: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную!» И помилует. Помилует!

29 марта 1912 г.

(Четверг Святой Пасхи)

Вы не заметили перемены в моей молельне? Немного вещей я беру с собой. Образа все останутся, а из картин возьму с собой только портреты великого старца и духовного моего благодетеля отца Анатолия и батюшки отца Амвросия, остальное все останется как было.

Вот и портрет схимонаха Бориса останется. Дивный это портрет, замечательно выражение его лица, полного любви и кротости. Останется он здесь молиться за меня, грешного. Был он из крепостных и часто говаривал: «Старые порядки лучше были, хотя от барина сильно попадало».

— Вот видите, отец Борис, — отвечал я ему, — попадало, а говорите, лучше было?

— Да я сам был виноват. Бывало, уйду в Херсонскую губернию, начнут искать и вернут этапным порядком. Ну, конечно, на съезжую. Сильно накажут. Я поправлюсь да и опять уйду.

Уходил он, конечно, для молитвы, посещал святые обители, Христа искал и нашел Его.

— Теперь худо стало, — продолжал отец Борис, — потому что власти нет, всякий живет сам собой.

— Ну про Оптину этого сказать нельзя, — возражал я.

— Еще бы, если бы в монастырях всякий жил по своей воле, то совсем была бы погибель.

Отец Борис был необычайно смиренным и считал себя за последнего. Скончался он на Пасху в 1898 году. Пришел

я к нему, когда он лежал в больнице. По-видимому, Господь открыл ему время его кончины.

В это время отца Варсонофия перевели настоятелем в Старо-Голутвин монастырь.

— Молись за меня и братию, попроси молиться в воскресенье и понедельник.

— Да вся братия молится за вас, отец Борис, и я, конечно, обязательно буду за вас всегда молиться, а не только в воскресенье и понедельник.

Отец Борис, как бы не слыша меня, повторил:

— Пусть молятся обо мне в воскресенье и понедельник.

Я не понял его. Утром во вторник я пришел навестить больного и узнал, что он уже скончался. Так и оправдались слова старца: действительно, только в воскресенье и понедельник можно было за него молиться как за живого, а во вторник — уже за усопшего. В час кончины отца Бориса одной шамординской схимнице было видение. Идя к утрене, она увидела зарево на востоке, как раз по направлению Оптиной пустыни. Вглядываясь в зарево, она увидела душу, быстро возносившуюся к Небесам, так же, как преподобный Антоний видел возносящуюся душу пустынника. Схимница рассказала о своем видении, но ей не поверили. Вскоре приехал вестовой из Оптиной к игуменье Евфросинии с известием, что схимонах Борис скончался в четыре часа утра. Видение было как раз в это время.

Ожидаю сейчас моего бывшего товарища по службе, и мысль как-то колеблется — не могу беседовать с вами так, как обычно. Товарищ этот, хотя я не просил его, хлопотал за меня: был у членов Синода, но сделать ничего не мог. Перевод мой состоялся. Вижу в этом волю Божию, действующую через людей. Может быть, мне не удастся больше беседовать с вами. Утешался я нашими беседами. Помните, всегда на Рождество бывало у меня свободное время. Со второго дня дней пять было в нашем распоряжении, и мы употребляли это время во славу Божию. Выходил я к вам без подготовки, и что внушал мне Господь, говорил вам на пользу. Были у меня недавно студенты Духовной академии и вспоминали свое первое

посещение меня, недостойного. Было их несколько человек. Некоторые из них — иеромонахи. Все с богословским образованием, многие прекрасно говорят проповеди. Шли они ко мне и рассуждали:

— Что может он нам сказать в назидание? Ведь игумен Варсонофий не имеет богословского образования!

— Пришли к вам, — говорили потом студенты, — а вы задали такой вопрос, на который никто из нас не мог дать надлежащего ответа. Мнения разошлись. А когда спросили вас, вы дали прямой ответ, который сначала всех удивил, а потом все с ним согласились. Вы спросили: «Что такое жизнь?» Затем определили это понятие кратко: «Жизнь есть блаженство». Сначала начали возражать: «Как блаженство? Когда на каждом шагу скорби, болезни, неприятности». Вы же говорили: «Жизнь есть блаженство, и не только оттого, что мы верим в блаженную жизнь (вечность), но и здесь, на земле, жизнь может быть блаженством, если жить со Христом, исполнять Его заповеди. Если же человек не будет привязан к земным благам, но будет во всем полагаться на волю Божию, жить для Христа и во Христе, то жизнь еще и здесь, на земле, сделается блаженством. Сам Христос сказал, что есть у врат для достижения блаженства». Из-за оригинальности сравнения мы вас не поняли и недоумевали, о каких вратах вы говорите. Вы тогда пояснили нам: *блажени милостивии, блажени чистии сердцем,* они получат наивысшее блаженство.

Что я говорил студентам, могу сказать и вам: Христос всех призывает к блаженству. Вот теперь Пасха, и Царские врата отверсты, но входить в них не может непосвященный, а только священники и диаконы; в двери же блаженства может войти каждый, кто только пожелает. Другое дело, как войти, а войти можно и должно. В настоящее время многие живут по плоти и духовной радости не ищут. Чего прежде всего хотят достигнуть? Во-первых, богатства. Затем — славы. Для достижения же этого ничем не брезгуют. Господь сказал: *за умноже́ние беззако́ния, изся́кнет* любовь (Мф. 24, 12). Большинство людей уклонились, отошли от Христа. Людей, не разделяющих их взгляды, люди века сего называют отсталыми,

непрактичными. По поводу слова «непрактичный». Это значит — не вор. Например, взять хотя бы генерала Черняева: боролся с турками, много услуг оказал государству, он был человеком «непрактичным», то есть не хапнул ни из сербской казны, ни из нашей, хотя и мог. За это люди практичные осуждали его, а затем посыпались на него всякие беды. Спаси вас, Господи, быть людьми практичными! Будьте всегда с Господом, Христос посреди нас есть, и был, и будет. Людей непрактичных часто упрекают в мнимой гордости: он — гордец, говорят, и это кажется им истинным. И первых христиан обвиняли в гордости. Приводят их, например, к игемону, и тот требует: «Поклонитесь богам!»

— Не поклонимся, так как мы поклоняемся Единому Богу, создавшему небо и землю, — Господу Иисусу Христу.

— Гордецы вы! Смиритесь перед богами!

— Никогда!

И так обрекают их на мучения. Игемон требует смирения ложного; исполнять его желание — значит отречься от Христа, что, конечно, невозможно исполнить. И в частной жизни говорят: «Смирись, живи, как все живут, не будь гордой, не выделяйся среди других». Не слушайте этих советов, некоторые смущаются, отпадают от Христа и гибнут навеки. Спрашиваю иногда посетителей:

— Есть у вас дети?

— Как же, — отвечают, — сыновья и дочери.

— Как же вы хотите устроить их судьбу?

— Да так: сына хочу видеть инженером, у него самого к этому наклонности, дочерей замуж отдать за богатых и знатных людей.

— И вы думаете, что они будут счастливы?

— Конечно! — отвечают с уверенностью.

А о том, как постараться, чтобы дети стяжали Христа, не думают. Говорят, все можно купить за деньги. Только Христа ни за какие сокровища мира нельзя купить. А без Христа нет жизни, нет спасения. Удивлялись студенты, как удалось мне все сказать на пользу. Я же ответил им, что я не сам придумал, что сказать, а говорил то, что возвестил мне Господь.

Что же вам сказать в утешение и назидание? Сегодня я прочел одну статью, которая вам может быть полезна. В Сибири живет много инородцев, в том числе бурят. Живут они патриархально, добры, простодушны, по вере — буддисты. Однажды приехало ревизовать сибирские области одно высокопоставленное лицо — какой-то генерал-губернатор. Побывал он и у бурят, отнесся к ним милостиво и был, по-видимому, поражен огромным идолом. Встал он перед ним на колени и помолился со слезами. На обратном пути он заехал опять в тот улус (селение), где была кумирня Будды, снова поклонился ему и попросил всех бурят с их жрицами и старейшинами собраться для беседы.

— У меня к вам большая просьба, исполните ли вы ее?

— Непременно исполним, ваше превосходительство! Вы так уважаете нашего Будду, что мы считаем вас своим.

— Да, я буддист, и вот у меня к вам просьба: дайте мне на время вашего Будду, я свезу его домой в Иркутскую губернию, в свою семью, чтобы они все поклонились ему. Я воздвигну ему кумирню, а затем приезжайте за ним, я отдам вам его.

Все согласились.

— У нас есть подставной Будда, он будет покамест вместо настоящего.

Уложили в ящик, и генерал отправился в путь. Проходит месяц, два, целый год. Соскучились буряты о своем боге: что же его превосходительство не возвращает Будду? Написали ему, он ответа не прислал. Написали в другой раз, он ответил уклончиво. Поехали старшины в Иркутск, оказалось, что его превосходительство перевелся в Петроград и бога взял с собой. Погоревали, погоревали буряты, да что же делать?

Но неужели генерал действительно верил в идола? Ничуть! Ларчик просто открывался: Будда был сделан из чистого золота и стоил больших денег. Поклонился он не Будде, а золоту и употребил сатанинскую хитрость: золоту принес жертву. Идола он велел разбить на куски и перелить на монетном дворе. Отрекся он от Христа, поклонился золоту, тому золотому

тельцу, которому и раньше поклонялись неразумные люди и теперь кланяются.

Да сохранит вас от этого Господь!

На днях я уезжаю в место, мне совсем неизвестное, знаю только, что везде Бог. Конечно, не найти мне таких отцов и братии, как здесь, единицы будут, но чтобы все были одного направления и искали только Христа — в этом сомневаюсь. Жизнь становится все слабее. Монастырек, говорят, бедненький, но этим я не смущаюсь. Господь пошлет, и нуждаться не будем. Когда я принимал настоятельство от отца Иосифа, он вручил мне сто рублей денег, из которых велел заплатить пятьдесят четыре рубля одному козельскому торговцу, у которого он брал для скита рыбу и другие припасы. Следовательно, на содержание скита осталось только сорок шесть рублей. Сначала мне приходила на ум мысль, как буду на такие средства содержать скит? Но затем я успокоился, положившись на волю Божию. Ведь скит-то не мой, а Иоанна Крестителя, он нас и прокормит, чего мне смущаться? И действительно, Иоанн Креститель не оставил скит, и в настоящее время он вполне обеспечен. Мы ни в чем не нуждались. Рекой лились пожертвования. В скиту у нас пища простая, но вкусная и питательная, всего вдоволь. Не знаю, как в духовном отношении, а внешне все хорошо. Просил я себе, как милости, оставить и старчество, и настоятельство, и духовничество, позволили бы мне только удалиться в мою безмолвную келью, чтобы оплакивать свои грехи, но разрешения не получил, и я вполне подчиняюсь решению Священного синода. Кто будет здесь настоятелем и старцем, не знаю; верю, что Господь пошлет и, может быть, более достойного, чем я, грешный. Я не запрещаю вам приезжать в Оптину, а если захотите посмотреть, как живет грешный Варсонофий, то загляните в Голутвин. Провожать меня до монастыря не благословляю, неудобно это, чтобы не давать повода для всякого рода рассказов. А когда устроюсь, Бог благословит, если пожелаете. Да спасет нас всех Господь. Аминь.

2 апреля 1912 г.

(В день отъезда отца Варсонофия из Оптиной пустыни, после речи архимандрита Ксенофонта)

Все, о чем говорил сейчас всечестнейший отец наш священноархимандрит Ксенофонт, о тех трудах, которые мне пришлось перенести, я не приписываю своим силам, но Благодати Божией, «немощная врачующей» и «оскудевающая восполняющей». По святым молитвам вашим, всечестнейший отец архимандрит, и всей братии до одного Господь помогал мне. Иначе моими немощными силами я ничего не мог бы сделать. Честнейшие отцы, и братия, и чада мои духовные, я старался любить вас. Насколько Господь помогал мне исполнить это, не могу судить, но Христос принимает и намерение — мое желание было всегда любить вас. *От Господа стези человеку, и Той управит путь его*, — сказал отец архимандрит, и истинны слова его.

Хотя со скорбью в сердце принял я известие о моем назначении — тяжело мне расставаться со всем тем, что дорого мне, но я надеюсь, что и там Господь не оставит меня. Не думал я, что придется уезжать отсюда, но решение Священного синода принимаю как волю Божию, памятуя слова Апостола: *не и́мамы бо зде́ пребыва́ющаго града, но грядýщаго взыскýем* (Евр. 13, 14).

Прошу святых молитв ваших за меня, недостойного.

19 мая 1912 г.

(В канун праздника святителя Алексия, митрополита Московского)

Давно это было, в V веке, то есть от Рождества Христова прошло пятьсот лет. Два образованнейших мужа, и притом глубоко верующих, решили совершить кругосветное путешествие и обойти все существовавшие тогда монастыри, чтобы узнать и записать особенные случаи милости и Благодати Божией в назидание себе и другим. В настоящее время, к сожалению, образованность светская и глубокая вера не соединяются, а сплошь и рядом случается, что светские образованные люди бывают неверующими и часто ведут порочную

жизнь. Но с этими мужами было все иначе. Образование не удалило, а приблизило их к Богу. Путешествие свое они совершили и составили книгу под заглавием «Луг духовный».

Люди летом стремятся покинуть душные города, чтобы подышать свежим воздухом: одни на неделю, другие на месяц, а более состоятельные уезжают на все лето. Подобно тому, как освежающе действует на человека природа, так и эта книга освежает человека духовно. Издается она в Троице-Сергиевой лавре, цена высокая, но стоит она дороже всех денег.

Среди прочего там говорится про монахиню, удалившуюся в пустыню, чтобы не быть соблазном для полюбившего ее юноши. Она живет там восемнадцать лет, питаясь моченными бобами, которые она взяла из города. Про мужа и жену, отдавших пятьдесят монет Богу и потом получивших обратно вшестеро больше...

В настоящее время случается, и довольно часто, что муж совращает жену в неверие, жена — мужа, и уходят они в штунду*, в толстовство — и гибнут безвозвратно.

Но не должно быть так. Надо молиться друг за друга — мужу за жену, жене за мужа, отцу за детей и так далее, чтобы Господь не попустил никому погибнуть, но остаться в лоне Православной Церкви. Аминь.

1 июня 1912 г.

Сегодня одна из моих духовных дочерей просила меня подписать карточку. Еще до обедни я подписал ее, как обыкновенно надписывают: «Боголюбивой рабе Божией такой-то от грешного архимандрита Варсонофия», хотел уже выставить дату, но сначала раскрыл Евангелие, и вышла 4-я глава от Марка, 35-й стих: ...*Переправимся на ту сторону.* Эти слова я написал, а потом уже выставил дату.

Идя к обедне, я раздумывал, что бы означали эти слова. Как вы знаете, я уже говорил вам, что Евангелие имеет двоякое значение: одно историческое, другое — глубоко таинственное, относящееся ко всякой христианской душе. Так и здесь. Слова *переправимся на ту сторону* Господь сказал Сво-

---

* Одна из протестантских сект.

им ученикам при таких обстоятельствах. Христос и апостолы находились на западном берегу Генисаретского озера. Кто не совсем забыл географию, тот знает, что это озеро находится в Азии, в Палестине, расположенной у Средиземного моря. Христос сказал: *Переправимся на ту сторону,* — и ученики, взяв с собой Иисуса, поплыли. Они находились на середине озера, как поднялась сильная буря. Волны заливали лодку, а Христос спал у кормы. Ученики в страхе начали будить Его: «Учитель, проснись, мы погибаем!» И, восстав, Господь запретил ветру, и сделалась великая тишина. Так говорит Евангелие об этом событии.

Но есть еще и другой смысл этого повествования. Каждая душа ищет блаженства, стремится к нему. Но греховная жизнь не дает человеку истинной радости, напротив, несет с собой тоску и разочарование. И вот в душе раздается голос Божий: *Переправимся на ту сторону.* Господь зовет начать новую жизнь во Христе.

Томится душа и нигде не находит утешения. Обращается к родным, но и те не понимают ее: «Надо тебе развлечься, пойдем в театр, мы уже и ложу взяли». Знакомые тоже предлагают разного рода развлечения, но все это не в состоянии утешить душу, ищущую Бога. К кому идти? Рассказывать все священнику? Но пойти к нему на дом стеснительно, а в церкви поговорить с ним трудно. Конечно, можно прийти на исповедь, но у каждого священника масса исповедников, в пост до двух тысяч и более бывает, где же ему взять время еще и для беседы?

Но вот Господь посылает ищущей душе руководителя — в лице подруги или духовника, она может теперь с их помощью переправляться на другую сторону.

Когда ученики сели в лодку, то взяли с собой Иисуса. Так и в плавании по житейскому морю необходимо быть с Господом. Замечательно, что Христос находился на западной стороне и поплыл к востоку; и всякая христианская душа стремится к востоку, к Горнему Иерусалиму. Но враг не оставляет человека. Вот поднимается сильная буря — буря страстей и скорбей. Нестерпимо тяжело, а Господь как будто все позабыл и спит. «Господи! Господи! Спаси меня, я

погибаю», — должна вопиять душа, и Господь, может быть, не скоро, но все-таки услышит ее, а когда войдет Он в душу, то воцарится великая тишина, умолкнут страсти, водворятся мир и радость.

Часто обращаются ко мне с вопросом: «Как спастись?» «Как получить Царство Небесное?» В Евангелии сказано: *...аще не снéсте плоти Сына Человéческаго, ни пиéте Крове Его, животá не úмате в себé* (Ин. 6, 53). Следовательно, тот, кто принимает Пречистое Тело и Кровь Христовы, тот получает залог Жизни Вечной.

Для спасения необходимо быть членом Православной Церкви. В настоящее время развелось множество сект, все они находятся во вражде между собой и только в одном сходятся — в непримиримой вражде к Православной Церкви, в желании устроить ей какую-нибудь пакость. Особенно распространились теперь вредные баптистские секты, похищающие многих из лона Православной Церкви. Приходила ко мне недавно одна женщина в большом горе: муж ее изменил Православию, перешел в баптисты и оставил ее с малыми детьми. Спрашиваю:

— Отчего же он перешел? За деньги?

— Нет, он был верующим, все книжки читал и хотел спастись, да, к несчастью, встретился с баптистами. Те говорят ему: «Переходи в нашу веру, так как истина на нашей стороне». Он и поверил им. Сначала перестал ходить в церковь, два года не причащался, а теперь и совсем ушел к баптистам, а нас бросил. Что будет с ним?

— Он погибнет, — отвечаю, — если не вернется к Православию.

Иногда приходят ко мне сектанты:

— Вот мы веруем во Христа и ищем Его, где Он?

— Он, во-первых, на Небе проявляет Свое особенно славное присутствие, а во-вторых, на земле — в Церкви. Вы находитесь в ней?

— Нет, от Церкви мы отошли, но все-таки надеемся спастись.

— Ну так суетна ваша надежда, вне Церкви спасение невозможно.

Люди, находящиеся в Православной Церкви, направляются к Горнему Иерусалиму, то есть к Царствию Небесному, верным путем. Они плывут по житейскому морю в ладье, где кормчий — Сам Христос. Те же, которые вне Церкви, стремятся переплыть это море на одной доске, что, конечно, невозможно, и гибнут безвозвратно.

Господь безпредельно благ. Жертва, принесенная на Голгофе, безконечно велика. Так что грехи всего мира по сравнению с этой жертвой *яко ничесоже*. Это все равно, как если бы кто взял горсть или пригоршню песка и бросил в море. Замутилось бы оно? Разумеется, нет, море осталось бы по-прежнему незамутненным. Но и эта горсть может погубить нас, если мы не считаем себя грешниками и не каемся перед Господом. Причащение Святых Таин восполняет все грехи*, отчего, особенно у простых людей, всегда спрашивают, причащался ли больной перед смертью. Если выясняется, что усопший сподобился Святого Причащения, то успокоительно произносят: «Слава Тебе, Господи!»

Однажды, когда я был еще послушником, теплой июльской ночью вышел из своей безмолвной кельи. Луны не было, но безчисленное множество звезд сияло на темном небе. Любил я ходить по уединенной аллее скитского сада в это позднее время, чтобы, оставшись наедине с Богом, отрешиться от всего житейского. Подхожу к большому пруду и вдруг вижу одного нашего схимника, отца Геннадия, проведшего в скиту уже шестьдесят два года. В последнее время он совсем не выходил за скитские ворота и позабыл про мир. Стоит неподвижно и смотрит на воду. Я тихо окликнул его, чтобы не испугать своим внезапным появлением, подошел к нему:

— Что делаешь ты тут, отче?

— А вот смотрю на воду, — отвечает он.

— Что же ты там видишь?

— А ты ничего в ней не видишь? — в свою очередь спросил отец Геннадий.

— Ничего, — ответил я, — вода и вода.

---

* То есть восполняет урон, нанесенный душе грехами.

— А я, — сказал схимник, — созерцаю Премудрость Божию. Я ведь полуграмотный, только и научился Псалтирь читать, а Господь возвещает мне, убогому, Свою волю, и дивлюсь я, что часто ученые люди не знают самого простого относительно веры. Видишь ли, все это звездное небо отражается в воде, так и Господь вселяется в чистое сердце, следовательно, какое блаженство должны ощущать души, стяжавшие чистоту: *Блажени чистии сердцем: яко тии́ Бога у́зрят* (Мф. 5, 8).

— Вот я, сколько ни стараюсь, не могу стяжать душевной чистоты, хотя и знаю, как это важно.

— А понимаешь ли ты, что такое чистота сердца? — спросил отец Геннадий.

— По собственному опыту не знаю, так как не имею этого, — ответил я, — но думаю, что чистота заключается в полном безпристрастии. Кому неведомы ни зависть, ни гнев, никакая другая страсть, у того и есть чистое сердце.

— Нет, этого мало, — возразил схимник, — недостаточно только ополоснуть сосуд, надо наполнить его еще и водой. По искоренении страстей надо заменить их противоположными добродетелями, без этого сердце не очистится.

— А вы надеетесь войти в Царствие Небесное, отец Геннадий?

— Надеюсь, что там буду, — сказал он уверенно.

— Так как же вы говорите, что не имеете чистоты душевной, а только *чистии сердцем Бога узрят.*

— А милосердие Божие? Оно и восполнит все, чего недостает. Оно безпредельно, и я имею твердую надежду, что и меня Господь не отринет, — сказал схимник, и в его словах слышалась глубокая вера и искренняя надежда на милосердие Божие.

Но что такое Царство Небесное, мы не в состоянии себе представить, мы не можем его постигнуть. Апостол Павел, который был восхищен до третьего Неба, говорит только, что *...око не ви́де, и ухо не слы́ша... яже уготóва Бог лю́бящым Его* (1 Кор. 2, 9).

У нас в скиту жил один подвижник, отец Игнатий, девяностопятилетний старец. Вел он высокодуховную жизнь, но

так умел скрывать это от людей, что очень немногие про то знали. Когда скончался батюшка Анатолий, то я иногда навещал отца Игнатия и уходил от него радостным и полным новых сил. Раз я спросил его (а когда я был новоначальный, то задавал иногда просто нелепые вопросы), видел ли он когда-нибудь рай.

— А тебе на что это знать? — удивился старец.

— Да очень хотелось бы, так как рай представляется в различных видах.

— За твою любовь скажу: только не я видел рай, а один подвижник (он назвал его имя). Однажды уснул он и видит море необычайно красивого цвета, какого он еще никогда не видел. «По ту сторону возвышается великолепный город, — рассказывал он, — где рядом стоят дворцы и храмы. Вхожу я в город и не могу надивиться его неизреченной красоте. Эти великолепные дворцы заселены прекрасными, исполненными великой радости насельниками. Встретили они меня, и я исходил с ними весь город, все время дивясь его величию. Начал проситься, чтобы меня там совсем оставили, но мне возразили, что пока еще нельзя, но и мне уготовано здесь жилище. Я просил показать его. Показали дворец необычайной красоты, я даже и передать не могу, что это было такое. «Это твое вечное жилище, — сказали мне, — а пока поживи еще в скиту Оптиной пустыни, в своей келейке». — И я заплакал от умиления. «Господи, Господи, недостоин я этого, за что Ты так безконечно милосерд? Я желал быть хоть в какомнибудь углу сего дивного града...» — и проснулся. Открываю глаза, вижу: вся подушка мокрая от слез, а я — в своей келье, тот же образ Казанской иконы Божией Матери в углу, та же бедная обстановка, стул, из которого видно мочало, — все то же. И, вспоминая виденное во сне, прославил я Благость Божию, милующую и спасающую нас, грешных...» Да сподобит же и всех нас Господь войти в Его Царствие. Аминь.

Вот приехали вы в Старо-Голутвин под покров преподобного Сергия, слетелись к нему, как птички, с разных концов, всех-то он нас знает наперечет и не оставит за усердие к святой обители. Храните свою лампаду веры и любви

к Богу. У Толстого она разбилась, и он погиб навеки. А ведь раньше был он верующим человеком, как говорила мне его жена, и в церковь ходил, и причащался. К несчастью, в Париже сошелся с одним невером, и это погубило его. Взял он своего нового друга в Ясную Поляну и стал отдаляться от Церкви, повертывал он и вправо, и влево, пока не погиб окончательно. Мне пришлось разговаривать о Толстом с одним епископом, который сказал: «Ведь несомненно было у него желание повернуть к Богу, иначе он не приехал бы в Оптину» (кстати, приснопамятный Зиновий и мою дверь показывал ему, но он не вошел).

Мой путь близится к концу. Чувствую слабость, и энергия уже не та, что была пятнадцать лет назад. Дел множество, и я уже не надеюсь здесь успокоиться, молю только Господа, да успокоит Он меня в Будущей Жизни.

Недавно приехал сюда священник Главного Штаба Левашов (он бывает, во многих религиозных кружках) и встретился, между прочим, с И. и Б., которые постарались убрать меня из Оптиной. Зашел разговор о том, как стоит теперь старчество в Оптиной и почему взяли отца Варсонофия из пустыни, ведь ему было там хорошо. На это они ответили, что их надо благодарить, так как, переведя отца Варсонофия в Голутвинский монастырь, они тем самым подняли его.

Конечно, я стараюсь привести в порядок эту обитель. Сначала мне было здесь очень трудно, монастырь я нашел в полном упадке, братия восставала, но теперь, слава Богу, все налаживается, и, разумеется, насколько хватит моих сил, я буду исполнять святое дело устройства Голутвина монастыря, только сильно сомневаюсь, чтобы те, которые услали меня из Оптиной, имели именно это в виду. Но все во власти Божией. Мир вам. Аминь.

* * *

Писал мне один студент Духовной академии: «Не знаю, что мне делать? Профессора дают мне массу знаний, но они не успокаивают мою душу. Ищу я аскетического настроения, а его нет, и нет мира. Жажду бежать от всего этого».

Я посоветовал ему сначала окончить Академию, а там видно будет. Он послушался, окончил и теперь получил место в семинарии, но неудовлетворенность так и осталась, мирская жизнь тяжела для него.

Все великие писатели томились суетой и молвой народной. Пушкин всегда стремился к одиночеству. Когда он женился на известной красавице Гончаровой и был сделан камер-юнкером, то, конечно, возникло множество препятствий для уединенной жизни. Вот и вы, детки, по-видимому, тяготитесь миром. Если съехались сюда и живете здесь, то, верно, оттого, что находите удовлетворение своим духовным запросам.

Над моим окном много ласточкиных гнезд. Ничего с ними не поделаешь, нечистоплотные они, но разорять гнезда жалко. С утра до вечера носятся они над обителью. Вот и вы, подобно ласточкам, свили себе гнездышко около преподобного Сергия и отдыхаете вдали от шумных городов — Петербурга, Москвы и так далее. Что привлекает вас здесь, как и в Оптиной привлекало? Конечно, желание уединения. Ходите вы здесь в церковь, говеете, причащаетесь Святых Таин и набираетесь сил душевных и телесных. Все вы здесь под покровом преподобного Сергия. Наш монастырь основан им, а случилось это так.

По внушению Божию преподобный Сергий дал свой посох ученику своему Григорию и послал его на место слияния Москвы-реки и Оки. Григорий сначала возразил: «Отче, ведь там разбойничье гнездо, меня непременно зарежут». Но преподобный велел ему идти на послушание. И вот, несмотря на искушение врага, внушавшего ученику, что его зарежут, как барашка, он пошел. Молитвами преподобного совершилось чудо: разбойники из волков и тигров превратились в ягнят, все они стали монахами, и лишь немногие, не согласившиеся на это, ушли в глубь лесов.

Само название монастыря — Голутвин — произошло от слова «голытьба» — так называли разбойников. Да и название Оптина произошло от разбойничьего имени. Когда-то в лесах, и ныне окружающих эту обитель, жили три знаменитых разбойника: Опта и два брата — Добрый и Лютый. Но Господь

умилосердился над ними и обратил к покаянию. Раскаявшись в своих злодеяниях, они изменились и сделались монахами, основав монастырь...

Существует предание, что преподобный Сергий посещал нашу обитель, и даже благочестиво живущие иноки видели его. Я лично его не видел, да и теперь о чудесных посещениях преподобного что-то не слышно: мы недостойны этого, но верим, что духом он с нами.

Ослабело теперь монашество. Еще сорок лет назад были такие духовные исполины, как батюшки Амвросий, Анатолий, из белого духовенства Иоанн Кронштадтский. Ныне же что-то не слыхать о таких, может, они и есть, но мы не знаем. И, несмотря на это, все-таки в монашестве легче спастись. Я не зову вас в монастырь, но у каждой из вас свой круг обязанностей. Исполняя их о Господе, можно спастись и в миру. Читайте Жития святых! Это чтение побудит вас к подражанию, а может быть, Господь и разорвет круг, стесняющий вас, выведет на широту заповедей Христовых и вселит вас в святую обитель. В монастырь поступить — дело большое. Вот одна из вас не убоялась и поступила, да поможет ей Господь.

А что делается в миру? Много расплодилось всяких еретиков, и каждый стремится увлечь в свою веру. «У нас только истина, идите к нам», — кричат они, но не слушайте их. Время всяким ренанам*, они оставили Христа и, страшно сказать, не стыдятся Его. Некоторые не стыдятся раскланиваться с распутной женщиной или с каким-нибудь пьяницей, а Господа стыдятся, чтобы не уронить себя в глазах неверующих. Но слово Христово остается неизменным: *...кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами* (Мк. 8, 38). Забывают сии слова и стыдятся признаться, что они христиане.

Ныне иконы сохранились далеко не у всех. Их встретишь в квартирах священников, купцов, и то старорежимных,

---

* Эрнест Ренан — французский писатель, подвергший ревизии христианское Предание.

у мелких торговцев. Но в домах так называемых интеллигентных людей икон не держат. Про одного толстовца рассказывают, что в переднем углу у него висел портрет Толстого с зажженной перед ним лампадой. Когда его спросили, зачем он это сделал, он ответил: «Я преклоняюсь перед разумом Толстого». Вот Толстого не постыдился, а Христа стыдится.

А что скажет на это Христос на Страшном суде Своем? Ужасно будет состояние грешников. А если сейчас явится Христос, где Он вас поставит? Надеюсь, одесную. Не по делам, конечно, но по вере. И будем хранить веру Христову и по силе исполнять Его святые заповеди. Только не надейтесь на свои собственные силы, а просите помощи у Господа: «Господи, помози мне», — и поможет.

Всем известен великий композитор Моцарт. Имя его стяжало безсмертие. Однажды один немец, тоже музыкант, пожелал увидеть Моцарта и отправился в Италию. Прибыл он в Милан и вдруг узнает печальную новость — Моцарт умер. Музыкант был в большом горе, но его успокаивали:

— Умер отец, зато жив сын.

— А он похож на Моцарта?

— Вылитый отец!

— Ну хорошо, посмотрю на сына.

Ему сказали, где его можно увидеть: он служил в банке. Музыкант пришел к нему и нашел его сидящим за прилавком.

— Вы ли сын знаменитого Моцарта? — спросил немец.

— Я, а что вам угодно?

— Ничего, я пришел только посмотреть на вас.

— Что же на меня смотреть?

— Вы так же любите музыку, как ваш отец? Наверное, уже написали какое-нибудь безсмертное произведение? — продолжал музыкант.

— Никакого, уверяю вас. Вот единственная музыка, которую я люблю, — и Моцарт-сын погремел червонцами, — всякую же другую музыку я терпеть не могу.

Разочарованный немец вернулся в Германию и рассказал собравшимся товарищам о своем посещении Моцарта. Все

задумались, а один из слушателей произнес: «Да, не в отца». Действительно, сын был не в отца. Печальная история!

Мы, пожалуй, склонны осудить Моцарта-сына, но посмотрите лучше на себя. Все мы дети Отца Небесного и должны были бы походить на Него. Что ж выходит на деле? И про нас можно сказать: «Не в Отца!» А между тем, чтобы достигнуть Царствия Небесного, непременно нужно быть в Отца, иначе туда не пустят. Вот святые были в Отца. Они и называются преподобными, то есть в высшей степени уподобившимися Богу. А нам, грешным, хоть бы подобными-то быть, чтобы не лишиться Вечной Жизни.

Тяжело нынче спасаться. Монастыри оскудели духовной пищей и часто не дают хлеба просящим. Не имею в виду калача или сайки, а хлеб духовный — Слово Божие. Многие души огрубели: и очами не видят, и ушами не слышат. Есть слепота и глухота телесная — трудно переносить их, но духовная глухота и слепота гораздо ужаснее. Да избавит нас от этого Господь. Аминь.

30 июля 1912 г.

То, о чем я хочу побеседовать с вами, полезно и для монашествующих, и для мирян. В книге Иисуса, сына Сирахова*, жившего еще до Рождества Христова, говорится: *Сы́не... вся́цем хране́нием блюди́ твое сердце...* (Притч. 4, 20. 23) и еще: *Даждь ми, сыне, твое сердце...* (Притч. 23, 26) — эти слова говорит Сам Господь через премудрого мужа. Святой пророк Давид восклицает: *Сердце чисто созижди во мне, Боже...* (Пс. 50, 12). Это значит, что псалмопевец просит Господа избавить его сердце от страстей, чтобы чистым отдать его Богу.

Господь сказал про сердце человека: *от сих бо исходи́ща живота́* (Притч. 4, 23). Сердце — это центр всего, от него все зависит: *иде́же бо есть сокро́вище ва́ше, ту будет и сердце ва́ше* (Мф. 6, 21).

Необходимо дать себе отчет, к чему лежит наша душа, что составляет ее содержание. Носим ли мы Христа или

---

* Ошибка преподобного Варсонофия: цитата из книги Притчей.

привязываемся к чему-либо земному? Хорошо, если каждая из вас вечером будет посвящать час или два на рассмотрение своего сердца, чтобы определить, любит ли оно Бога или что-то временное. А возлюбить всей душой Христа необходимо: *Даждь ми, сыне, сердце...* Но что мы ныне замечаем? Отдают свое сердце чему угодно, но не Господу. Один привязывается к богатству, и вся его радость заключается в приобретении денег; другой ищет славы: ему ничего более не надо, только бы все говорили и преклонялись перед его талантом — это большей частью люди ученые или художники; третьи отдают свое сердце красоте: восторгаются красотами мира сего, особенно же преклоняются перед красотой женщины — это снова художники.

Тургенев, например, высоко ценил женщину. Все женщины в его произведениях окружены ореолом, мужские типы очерчены менее ярко. Из наших великих русских писателей только Гоголь, также поклонник всего прекрасного, в последние годы своей жизни ищет в женщине прежде всего христианку, и христианку истинную. Он, впрочем, такой не встретил не потому, что среди русских женщин не было таких. Нет, женщины-христианки у нас всегда были и будут, они воспитывают молодое поколение, они являются как бы залогом нашего счастливого исторического будущего... Но, верно, Гоголю это было неполезно.

Сегодня беседовал я с одной интеллигентной особой, окончившей гимназию и собирающейся поступить на курсы. Она восхищена Тургеневым. «Куплю, — говорит, — полное собрание сочинений, все прочитаю, очень уж ярко у него обрисованы женские типы». Да, она говорила справедливо. Тургенев — замечательный художник, но плохо он кончил: не отдал своего сердца Господу.

В одной своей статье, написанной незадолго до смерти, Тургенев говорит: «Довольно гоняться за красотой... и так далее», но, к сожалению, до конца жизни он гонялся за красотой. Много раз Тургенев увлекался, наконец, свою последнюю любовь, все, что осталось в его душе, он отдал безвозвратно женщине, а Христу не осталось ничего. Его он

отринул от себя. И кого же так полюбил Тургенев? Предметом его последнего [многолетнего] увлечения была ветреная женщина, итальянская еврейка Виардо.

Вчера я служил молебен в Боброве и после него был у директора завода. Здесь я познакомился с одной дамой, которая лично знала многих наших писателей: Полонского, Гончарова, Тургенева. Про Ивана Сергеевича она рассказывала, что Виардо ужасно относилась к нему, третировала его и даже гордилась, что с великим русским писателем она обращается как с последним лакеем. А что же Тургенев? Он был ослеплен любовью и все переносил. Жалкое ослепление души! Перед смертью те, кто был рядом с Тургеневым (нашлись все-таки добрые люди), позвали священника, но он отказался причаститься, да так и умер. Предстал он Господу, а Господь требует прежде всего сердце, Ему преданное, но Тургенев отдал свое сердце человеку, а не Христу. Еще на земле он принял возмездие, а какая участь ждет его за гробом — страшно и подумать.

А ведь было время, когда Тургенев был верующим человеком и высоко ценил веру (бывал он и в Оптиной). В одной своей статье он восставал против нигилизма, говоря, что «ныне новое нашествие на Святую Русь, нашествие гораздо страшнее монгольского. Те, татары, поработили нас политически, а нигилистическое направление старается отнять у нас веру. Необходимо всем писателям сплотиться вместе и встать на защиту святой веры от врагов ея». Напоследок Тургенев сам встал в ряды врагов веры и погиб, подобно Толстому. Лермонтов тоже искал красоту и погиб из-за женщины. Печальная судьба и Пушкина — одного из самых великих русских поэтов. Правда, он скончался причастившись. Может быть, Господь и простил его, но как [приходится] ему там, мы не знаем.

Он увлекался преходящей красотой, служил суете, хотя по временам и тяготился этим. Есть у Пушкина стихотворение, очень подходящее по содержанию к нашей беседе. Однажды Пушкин был у одной красавицы, и она стала просить написать ей что-нибудь в альбом.

— Да что же я вам напишу?

— Все равно что, ведь вы — гений. Напишите экспромтом несколько строк и подпишите свое имя. Пушкин исполнил ее желание и написал:

Что в имени тебе моем?
Оно умрет, как шум печальный
Волны, плеснувшей в берег дальный,
Как звук ночной в лесу глухом.

Оно на памятном листке
Оставит мертвый след, подобный
Узору надписи надгробной
На непонятном языке...

Это стихотворение стало как бы пророческим: действительно, на земле-то Пушкина помнят, но, может быть, для Неба имя поэта и умерло.

Убедительно прошу вас: не привязывайтесь ни к чему душой, пусть один Господь царствует над ней. Но некоторые хотят совместить любовь ко Христу с любовью к тленному. Невозможно это! Одна, например, страстно любит богатство или славу, или, наконец, человека. Она хочет любить страстной любовью жениха и оставаться всей душой преданной Христу, но это несовместимо. В любви к жениху, конечно, нет греха, но если любовь к нему сильнее любви к Богу, то она отдалит от Христа. Сам Господь сказал: *Никто не мóжет служить двум господам...* (см.: Мф. 6, 24).

Чтобы работать только Христу, и в монастыри идут — великое это дело. Но вот часто случается, поступят в монастырь, а затем разочаровываются. Пишут мне: «Я надеялась найти в монастыре полный душевный покой, думала, что там я проникнусь молитвенным духом, а что выходит на деле? В монастыре такая же серенькая жизнь, как и в миру: зависть, интриги, сплетни... Нет, не могу я переносить этого, что мне теперь делать?» Я отвечаю: «Терпи. Ты ошибочно думала о монастыре, что там только одна молитва. Необходимо понести и досаду на сестер, чтобы омыться от приставшей духовной скверны». Снова пишут: «Батюшка, нестерпимо мне трудно, сестры восстают и возводят всякую клевету, матушка игуменья тоже нападает, защиты найти не в ком». «Молись за

обижающих тебя, — говорю, — не игуменья нападает на тебя, а так нужно для твоей пользы». «Не могу я молиться, — отвечает, — за тех, которые приносят мне столько огорчений и зла». — «Не можешь? Проси Господа, и даст тебе силу полюбить их».

К одному петербургскому священнику Колоколову, отличавшемуся высотой духовной жизни, пришел однажды один из министров и жаловался: «Батюшка, научи меня, что делать? У меня много врагов, которые без всякой причины ненавидят меня и клевещут на меня государю. Я могу через их клевету потерять место, а если сам уйду, то государь может подумать, что враги мои правы, и имя мое будет запятнанным. Как мне поступить?»

— Молитесь за восстающих на вас, — отвечал батюшка, — не только дома молитесь, но, главное, в церкви поминайте их, пусть на литургии вынимают частицы за их здоровье.

— Какая же от этого польза? — удивился министр.

— А вот увидите... Каждая частичка, вынутая из просфоры, означает душу человека. Частицы опускаются в потир и наполняются Кровию Христовой. Послушайте меня, запишите на записочку имена всех врагов ваших, например Леонида, Иоанна, Владимира...

— Да, да, вот Владимир-то особенно на меня ополчается...

— Ну так за него подавайте каждый день.

Проходит неделя, месяц, и его высокопревосходительство опять приходит к отцу Колоколову. Поклонившись ему в ноги, он стал благодарить его:

— Батюшка, произошло просто чудо. Мои прежние враги не только больше не восстают на меня, но относятся ко мне с уважением и любовью. Вместо прежней клеветы они даже чересчур меня превозносят.

Вот что свершил Господь! И вам советую, молитесь за врагов ваших, и они обратятся в друзей. Молитвой вы спасете их души от сетей врага.

Что делать? Жизнь, особенно монашеская, полна скорбей, но избежать их совершенно невозможно. Но несмотря на все скорби и лишения, в монастыре легче спастись. Все лучшие

писатели преклонялись перед иноческой обителью. Тургенев, например, Лизу — героиню своего лучшего романа «Дворянское гнездо» — поместил в монастырь. Эта девушка была особенно несчастна тем, что полюбила женатого человека. И вот она все оставляет и идет работать Единому Богу.

Шекспир устами своего героя Гамлета превозносит монастырь: «Офелия, — говорит, — ступай в монастырь. Если бы ты была чиста, как снег на вершинах гор, и тогда мир забросает тебя грязью. Если ты будешь чиста, как кристалл, то мир протянет к тебе грязную руку и осквернит тебя». Поэтому счастливы те, которые пребывают в святой обители, да поможет вам Господь.

Простите, не могу продлить беседы с вами: множество дел по монастырю не позволяет уделить вам много времени. В Оптиной я был более свободен. Помните, как мы собирались в моей маленькой молельной, которая едва могла всех вместить. Кто располагался на диванчике, кто на стульях, а кто и на скамеечке. И беседовали мы иногда часа по два или три при мерцающем свете лампады перед ликом Спасителя, кротко взиравшего на нас, а с полотна проступала белоснежная фигура Ангела. Хорошо нам было! Отдыхали и вы и я душой. Но что делать, надо благодарить Бога и за то, что есть: если нет белого хлеба, то едят черный, а иногда и черствый, все лучше, чем ничего. Так и мы будем довольствоваться тем, что есть. Я раньше вам говорил и теперь повторяю, что наступит время, когда люди будут обтекать горы и моря, чтобы найти слово, и не найдут.

Вот наступает Успенский пост, все вы будете говеть и причащаться Святых Таин. Некоторые мирские думают, что говеть нужно только один раз в году, но это неправильно, лучше говеть почаще. Многие мои духовные дети часто причащаются, оттого и исповедовать мне их легче, я знаю всю их душу. Тех же, которые по два или три года не говеют, исповедовать трудно, очень уж замаранной становится душа, не знаешь, как и очистить ее.

Это все равно как в жизни. Мои предшественники очень запустили квартиру, в которой я теперь живу, и рабочим много

труда пришлось положить: белить, красить, пока она не приняла приличный вид, — так и с душой бывает. Люди, преданные миру, часто и совсем оставляют Церковь, начинают увлекаться чем-либо другим, например спиритизмом. Один образованный человек, оставив университет, окончил Духовную академию, и теперь даже в сане иеромонаха, говорил мне, что одно время увлекался спиритизмом, а затем познал, что в спиритизме действует диавол. А другой, ранее неверующий, человек передал мне, что пришел к вере, когда однажды, занимаясь спиритизмом, увидел сатану. Вид его был как бы человеческий, но так ужасен, что увидевший его лишился чувств, а после навсегда отказался от спиритических сеансов и вернулся в Церковь. Спириты разделяются на две категории: одни в обольщении верят, что будто спиритизм не противен христианству, и даже молятся перед началом сеанса, читая различные молитвы и псалмы; другие, не маскируясь, прямо заявляют, что их бог — сатана, который помогает им. Вот до каких ужасов доходят люди. Да спасет вас всех Господь.

2 декабря 1912 г.

(Беседа по дороге из скита на напутственный молебен)

Когда я пришел в скит, то здесь, в лесу, деревья все были великанами, а теперь уже многие повырублены, так и нас вырубят. Помню, еще в Казани шел я однажды со знакомым монахом, на пути был базар — самое шумное место. Отец Афанасий, так звали монаха, улыбнулся, смотря на торговцев. Я спросил, чему он улыбается.

— Да как же, — ответил он, — вот люди волнуются, топочут, суетятся, а пройдет сто лет — и никого из них не будет; видите, там младенец — и того не станет.

— Да, это правда, но хорошо, что вы посмеялись миру, а другие не могут от всего отрешиться. Вот и я, например, должен заботиться о земном, не только о себе, но и о родных: у меня мать, брат.

— И вы будете иноком.

— Ну это сомнительно, я об этом не думаю.

— Будете монахом, — уверенно сказал отец Афанасий.

И, как видите, слово его исполнилось, хотя он был обыкновенным человеком, но Господь внушил ему сказать мне это.

Вот встретился сейчас нам инок Исихий. Он из малороссов. Вдруг собрался и пришел в монастырь. А дома, когда он начал собираться, мать спрашивает: «Куда?» «В церковь», — отвечает. Заныло сердце у матери, предчувствовало оно, что сын навсегда уходит из родительского дома. «Нет, ты не в церковь идешь», — говорит она.

Сын собрался, вышел, затем на крыльце низко поклонился матери и ушел. Ушел в Оптину пустынь, двадцать лет прожил здесь, но никто не знал, где он находится. Теперь просится в Киев. Зачем ему туда? Отец и мать его уже умерли, что ему делать в разоренном углу? Нет ему туда пути.

Старо-Голутвинский монастырь
Рождественские беседы

25 декабря 1912 г.

Поздравляю вас с великим праздником Рождества Христова. Я что-то стал слабеть, еле выстоял вечерню сегодня.

Фарисеи и книжники осуждали Христа за то, что Он Себя называл Богом: *...рáвен Ся творя́ Богу* (Ин. 5, 18). Господь в ответ на их порицание не сказал: «Я единосущный Отцу Бог», но возразил им: *...Бóзи есте́, и сы́нове Вышняго вси* (Пс. 81, 6). Это относилось к израильтянам. Фарисеи ничего не могли ответить на это и замолчали.

Но каким образом человек уподобляется Богу, как можно применить к нему это название? У древних греков были боги, олицетворяющие собой разные свойства людей, как хорошие, так и порочные, но здесь не про таких богов говорится. Конечно, быть такими же, как Господь, не только из людей, но и из Ангелов никто не может, но уподобляться Богу должен каждый человек, если хочет достигнуть Царствия Небесного. Святых, подражавших в высшей степени Богу, так и называют преподобными, но каким образом они похожи на Бога?

Поясним это примером. Если взять несколько капель воды, то хотя они и малы, но по своим свойствам соответствуют воде того озера или реки, из которых взяты. Так и святые заимствуют от Господа Его свойства: благость, любовь, милосердие — и таким образом уподобляются Господу.

Мне вспоминается случай, бывший на моей далекой родине. В одно торговое заведение был взят в услужение семилетний мальчик, сирота. Один богатый человек увидел его кроткое лицо, мальчик ему понравился. Он взял его к себе. Вскоре этот господин уехал из села и увез мальчика с собой. В городе он отдал его в гимназию, затем в университет. Прошло много лет, и бывший сирота, окончив курс в университете, приехал на время в свое село. Поселяне, знавшие его мальчиком, говорили: «Неужели это Митенька?» Точно, это был он, но как он изменился! Сделался образованным человеком, Димитрием Павловичем, приобрел все свойства интеллигентного человека. Его товарищи, с которыми он играл в бабки и другие игры, тоже выросли, но по своему развитию резко отличались от него, его свойств не имели. Подобно тому и грешные люди не имеют тех свойств, которыми отличаются святые, а те, в свою очередь, заимствуют эти свойства от Господа. Но большая разница между сознанием человека, приобретающего земные знания, и святого, приобретающего Благодать Божию. Человек, учась в гимназии, затем в университете, ясно сознает, что обогащается все новыми и новыми знаниями, а святой, наоборот, приближаясь к Богу, считает себя все хуже и хуже, так как видит перед собой идеал — Христа, которому он стремится уподобиться, но неизбежно сознает, как он далек от этого идеала.

Один человек, обладавший пятидесятью тысячами капитала, считался богатым в родном селе. Но вот он приезжает в Александрию и видит, что здесь много людей гораздо богаче его, а когда посетил Константинополь и увидел там миллионеров, то понял, что по сравнению с ними его богатство совершенно ничтожно. Так святые, сравнивая свои добродетели с безконечными совершенствами Божиими, считают себя за ничто. А что же скажем мы, грешные? Чтобы уподобиться Богу, надо исполнять Его святые заповеди, а если рассмотреть, то

окажется, что ни одной-то по-настоящему мы не исполнили. Переберем их все, и окажется, что той заповеди мы едва коснулись, другую, может быть, тоже только начинали, а, например, к заповеди о любви и не приступали. Что же остается нам, грешным? Как спастись? Единственно — через смирение: «Господи, во всем-то я грешен, ничего нет у меня доброго, надеюсь только на Твое милосердие!»

Мы — сущие банкроты перед Господом, но за смирение Он не отринет нас. И, действительно, лучше, имея грехи, так и считать себя великими грешниками, чем, имея какие-нибудь добрые дела, надмеваться ими, считая себя праведными. В Евангелии даны два таких примера в лице мытаря и фарисея. Фарисей, гордый своими мнимыми добродетелями, все только выставляет себя: «Я сделал то-то и то-то», все только «я» и «я». А мытарю нечем хвалиться: он крал и, собирая подати, брал лишнее, а потому, сознавая свои грехи, он смиренно молил Господа: «Боже, милостив буди мне, грешному!» Вам известен конец: фарисей осуждается, а мытарь оправдывается. Усвойте молитву мытаря: «Боже, милостив буди мне, грешной». И не только в церкви, но и становясь на обычную утреннюю или вечернюю молитву, произносите эти слова, да и на всякое время. Сидите, например, дома, упал ваш взор на икону, и вспомните сейчас же эту молитву. Молитва эта выражается и другими словами: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного!» Всегда мысленно произносите эти великие слова, так как в них заключается смирение, а где смирение, там и вера. Одно знание закона Божия не спасет нас. Фарисей знал закон во всех деталях, но его знание было мертвым капиталом, не приносившим никакой пользы, так как оно не воплощалось в жизнь.

В первые века христианства жил в Греции замечательный подвижник по имени Марк. Рано он оставил мир, поселился на Фраческой горе*, где в уединении и безмолвии подвизался

---

* Комментарий к «Житиям святых» по руководству святителя Димитрия Ростовского полагает, что Фраческая гора находилась в Ливии либо Эфиопии. Преподобный Марк Фраческий (†400; память 5 апреля) был уроженцем Афин, поэтому именуется также Афинским.

о Господе. От людей он не мог заимствовать примеров, но в законе Господнем поучался день и ночь. Однажды прибыл Антоний, чтобы погребсти его тело, так как Господь призывал уже Марка к Себе. Когда Антоний пришел, Марк встретил его с любовью и завел с ним духовную беседу.

— Как теперь живут христиане? По-прежнему ли их преследуют? Ведь я вот уже девяносто лет в пустыне и за это время не видел ни одного человека.

— Твоими святыми молитвами, отче, гонения прекратились, всюду открыто совершается христианское богослужение, — ответил Антоний.

— Слава Богу! — воскликнул Марк. — А есть между христианами такие, которые скажут горе сей: «Ввергнись в море», и она их послушает?

Когда Марк произнес эти слова, то вдруг раздался страшный треск и гора, на которой были подвижники, сдвинулась со своего места и ввергласъ в море. Марк, обратясь к горе, как к живому существу, сказал:

— Стой спокойно, я не тебе говорю.

Следовательно, слова Марка имели творческую силу, так как он был творцом закона.

Мы, грешные, конечно, не можем творить таких дел, но если, по слову Спасителя, будем иметь веру с зерно горчичное и смиряться, то Господь не отринет нас, а спасет, какими Сам весть судьбами.

Нынче в церкви поются дивные песнопения: «Христос раждается — славите! Христос с Небес — срящите! Христос на земли — возноситеся! Пойте Господеви, вся земля, и веселием воспойте, людие, яко прославися». Что означают эти слова? «Христос раждается — славите» — не языком или легкими, но прославлять Христа нужно своей жизнью. «Христос с Небес — срящите», то есть встречайте Его верой и добрыми делами, неразрывно связанными с верой. Вера без дел мертва есть. «Христос на земли — возноситеся» — это не то, чтобы возноситься над другими, гордиться, нет, это означает, что необходимо отрывать свое сердце от всего земного, суетного, тленного.

Когда я жил еще в миру, то был однажды в одном аристократическом доме. Гостей было много. Разговоры шли скучнейшие: передавали новости, говорили о театре и тому подобное. Людей с низменной душой удовлетворял этот разговор, но многие скучали и позевывали. Один из гостей обратился к дочери хозяина дома с просьбой сыграть что-нибудь. Другие гости также поддержали его. Та согласилась, подошла к дивному концертному роялю и стала петь и играть: «По небу полуночи Ангел летел, и тихую песню он пел. И месяц, и звезды, и тучи толпой внимали той песне святой. Он пел о блаженстве безгрешных духов под кущами райских садов, о Боге великом он пел, и хвала его непритворна была», — пела девушка, и окружающая обстановка так соответствовала этой песне. Все это происходило на большой стеклянной террасе, была ночь, из окон был виден старый дворянский сад, освещенный серебряным светом луны...

Я взглянул на лица слушателей и прочел на них сосредоточенное внимание и даже умиление, а один из гостей, закрыв лицо руками, плакал как ребенок, — а я никогда не видел его плачущим. Но отчего же так тронуло всех это пение? Думаю, что произошло это оттого, что пение оторвало людей от земных житейских интересов и устремило мысль к Богу — Источнику всех благ.

Стихи эти написал Лермонтов, человек грешный, да и исполняла их не святая, но слова этого прекрасного стихотворения произвели сильное впечатление. Не тем ли более слова церковных песнопений (не только Евангелия), тропарей, канонов могут наполнить душу, не совсем еще погрязшую в житейском море, блаженством. Но чтобы пение церковное производило должное впечатление, необходимо вникнуть в смысл этих песен, и тогда оторвешься от всего земного, а если многие безчувственно стоят в церкви, позевывают и только ждут, когда окончится служба, то это потому, что не понимают они смысла церковных песнопений. Особенно трогают душу старинные напевы. У нас в монастыре, конечно, этого нет. Поют шесть иноков, как им Бог на душу положит, уж простите, чем богаты, тем и рады. А есть храмы

с очень хорошими певцами. Но для спасения жизни нужно петь Господу не голосом, а самой жизнью своей. В Священном Писании жизнь во Христе называется пением. *Крéпость моя и пение мое Господь, и бысть ми во спасение* (Пс. 117, 14). *Восхвалю́ Господа в животé моем, пою Богу моему́, дóндеже есмь* (Пс. 145, 2).

В Оптиной пустыни подвизался насадитель старчества отец Лев*. Сильно восставал враг на него за то, что тот принимал народ и советом спасал многих. Диавол вооружил против сего старца не только мирян, но и иноков. Однажды некоторые из монахов, ненавидевшие отца Льва, донесли на него архиерею: «У него все бабы да бабы, и он возится с ними с утра до ночи, это вовсе не подобает монаху», — писали иноки владыке.

Архиерей сам приехал в Оптину, чтобы лично убедиться в справедливости написанного. Когда он пришел к батюшке отцу Льву, тот действительно был окружен толпами народа, в большинстве состоявшего из женщин. Вдруг принесли бесноватого, который с пеной у рта бился на руках приведших его людей.

— Не запрещал ли я вам принимать народ? — строго сказал архиерей, — но вы все-таки принимаете!

— *Пою Богу моему́, дóндеже есмь,* — ответил старец. — Посмотрите, Владыко, — продолжал он, указывая рукой на бесноватого, — этот человек почти потерял человеческое подобие, неужели же я, как скотину, прогоню его? А эти женщины, жаждущие спасения души, если я их отвергну, то Господь меня отринет.

Архиерей понял глубокое значение слов старца и признал его действия правильными.

Вот теперь торжественный праздник Рождества Христова, в котором вспоминается, как Господь родился от Пресвятой Девы Марии и был яко Младенец среди нас и нас ради.

---

* Преподобный Лев Оптинский (Наголкин; 1768—1841; память 11 октября) был пострижен в монашество в 1801 году. «Умному деланию» обучался у старца Феодора, ученика преподобного Паисия (Величковского), с 1829 года — в Оптиной. Имел дар исцелений. Канонизирован в 1996 году.

Но для чего приходил на землю Единородный Сын Божий? Много здесь причин. Прежде всего, конечно, чтобы спасти людей от грехов и сделать их богами, а также принести мир на землю. *Слава в вы́шних Богу, и на земли́ мир, во челове́цех благоволе́ние* (Лк. 2, 14). Господь хочет, чтобы мы любили друг друга и прощали обиды, а мы часто мстим обидчикам, а если не удается отомстить, то сожалеем об этом. Не должно так поступать христианам; нужно отбросить гордость и тщеславие и считать себя хуже всех, тогда мы не будем осуждать других и мстить им за обиды. Печальную новость узнал я недавно. Одно духовное лицо, человек, известный своей ученостью и богословским образованием, защитник Православия, вдруг отрекся от него. Прямо не хочется верить! Прекрасно, красноречиво он говорил и жил нехудо, не был ни убийцей, ни блудником, не имел и других пороков, но вдруг пошатнулся и отрекся от Господа. Отчего это случилось? Правда, он был поставлен в очень тяжелые условия, враг со всех сторон нападал на него, и он не устоял. Погубило его тщеславие. Те обширные знания, которые он имел, не принесли ему пользы, а, напротив, повредили ему, так как надмили его ум. А тщеславие бывает от недостатка смирения. Человека смиренного никакие скорби не победят, не падет он, так как, смиряясь, находит, что за грехи свои достоин еще и большего наказания. Смиренный уподобляется человеку, построившему дом свой на камне: *и сни́де дождь, и приидо́ша ре́ки, и возве́яша ве́три, и напаадо́ша на хра́мину ту: и не паде́ся, основана́ бо бе на ка́мени* (Мф. 7, 25).

А камень-то этот — смирение. Тщеславный же подобен человеку, построившему дом свой на песке, без основания. *И сни́де до́ждь, и приидо́ша ре́ки, и возве́яша ве́три, и опро́шася...* то есть со всей силой устремились к храмине той, — *и паде́ся: и бе разруше́ние ея ве́лие* (Мф. 7, 27).

Смиримся же перед Богом. Ныне, 25 декабря 1912 года, положим маленький кирпичик в основание своего домика, то есть желание исправиться, а Господь Сам спасет нас по Своей неизреченной благости.

27 декабря 1912 г.

«Днесь благодать Святаго Духа нас собра» — этими словами начинаются тропари, поющиеся в особо важных, торжественных случаях.

«Днесь благодать Святаго Духа нас собра», — скажем теперь и мы с вами, собравшись для духовной беседы. Бывало, так же собирались мы и в Оптиной, в моей маленькой молельне, при свете зеленой лампады. Только там круг слушателей был меньше. Помню, располагались трое или четверо на диване, затем на стульях и на скамеечках; всего на беседах бывало человек двенадцать, самое большее — семнадцать. А теперь двадцать восемь собралось. О чем же беседуем мы с вами? С различных концов прибыли вы сюда: из Петрограда, Москвы, из далекого Тамбова и так далее. Все вы съехались, чтобы получить духовное утешение и отдохнуть здесь от житейской суеты. Не материальные расчеты руководили вами, когда из дальних мест стремились вы в нашу тихую обитель. Эти святки, или святые дни, вы проводите здесь как должно, как учит наша Святая Православная Церковь, посещаете храм Божий, молитесь, слушаете убогую беседу... А все вы знаете, как проводят святки в миру. Театры, балы, концерты, маскарады и тому подобное. Светские развлечения совершенно закружат человека, не давая ему времени подумать о чем-либо духовном. А после этого времяпровождения остается пустота на душе. Вспоминаются суетные разговоры, вольное обращение, увлечение мужчинами, а мужчин — женщинами. И такая пустота остается не только от греховных удовольствий, но и от таких, которые являются не очень греховными.

А что, если среди таких развлечений призовет к Себе Господь? Слово Господне говорит: *В чем застану, в том и сужу.* А потому такая душа не может пойти в обитель света, но в вечный мрак преисподней. Ведь это на всю вечность!

Мне вспоминается ужасный случай, происшедший на одном балу, еще в то время, когда я был в миру. В одном богатом аристократическом доме был бал-маскарад (я на нем не был, но мне рассказывали товарищи). На этом балу была одна

замечательная красавица. Единственная дочь богатых родителей, она была прекрасно образованна, воспитанна (конечно, только по-светски), отчего не доставить ей удовольствие? Родители ничего для нее не жалели. Ее костюм изображал языческую богиню, стоил не одну сотню рублей, об этом костюме много говорили. Бал открылся, как всегда, полькой, затем следовали другие танцы, наконец, французская кадриль. Во время кадрили красавица вдруг упала в предсмертной агонии. Она сорвала с себя маску, лицо ее почернело и было ужасно. Челюсти скривились, в глазах выражался ужас с мольбой о помощи, которую никто не мог ей оказать. Так и умерла она среди бала. Погоревали о ней, особенно родители, похоронили, поставили над ее прахом великолепный памятник, и все земное окончилось для нее. А что стало с ее душой? Конечно, пути Божии неисповедимы, но, по нашему убогому разумению, не быть ей в Царстве Света. Предстала она суду Божию, а Господь же сказал: *В чем застану, в том и сужу* — вот и застал ее Господь среди игралища, в одежде богини разврата, и пошла ее душа в мрачные затворы ада. Вот чем кончается служение миру!

Работающим суете служение Христу представляется тяжким и неудобовыполнимым, а разве в миру легко работать? Какие тяжкие цепи налагает он на своих последователей! Хотя бы эти визиты подчиненных к начальству на праздник! Вместо того чтобы побывать в храме Божием, люди с утра до вечера ездят по этим нелепым визитам, бывают у таких людей, которые им и несимпатичны, и их там не любят, а между тем не сделать визита — значит иногда лишиться места, поневоле приходится исполнять этот скучный обычай. И возвращается человек с таких визитов усталый, разбитый, проклиная суровый обычай мира сего. Но как поступить в этом случае христианину? Святой апостол Павел говорит: «Творите все то, что не против вашей совести, а что противоречит, от того отвращайтесь»*.

---

* *Все, что продается на торгу, ешьте без всякого исследования, для спокойствия совести... Но если кто скажет вам: это идоложертвенное, — то не ешьте... ради совести* (1 Кор. 10, 25. 28).

Совсем не сноситься с мирскими людьми невозможно, иначе нам пришлось бы выйти из мира. Мир сильно не любит тех, которые не следуют его законам. Он награждает их названиями монашек, в устах мира это позорное название ненормальных, отсталых и так далее.

— Знаете ли вы, — говорит один другому, — про такую-то? Еще в прошлом году она была очень мила. На святках на маскарадном балу на ней был чудный костюм, изображавший Диану, преследуемую охотниками. Многих она заинтересовала, а теперь? Нигде не бывает, только ходит в церковь да читает святые книги, вообразите!

— Да, она стала ненормальной.

Вот приговор мира сего. Пока служила она врагу, считалась умной, а когда перешла на сторону добра, то — ненормальной. Правда, смотря что принимать за норму, если отречение от Христа, то она, действительно, ненормальная. И мир осуждает такую и смеется над ней. Но надо все переносить, чтобы остаться верной Христу. Первые христиане так и поступали.

Приводят, например, на допрос великомученика Феодора Тирона.

— Кто ты такой? — спрашивает мучитель.

— Я — христианин!

— Но какого ты звания?

— Раньше, — ответил Феодор, — я был рабом богатого человека, а теперь я — раб Христа Спасителя.

— Но отчего же ты от такого богатого человека перешел к Христу? — дознавался мучитель.

— Потому, что познал истину.

— Но если ты не отречешься от Христа, я буду тебя мучить.

— Мучай, — отвечает святой, — Господь даст мне силы перенести все твои мучения. Тело ты можешь мучить, но не коснешься моей души.

Феодор с твердостью перенес все страдания, но остался верен Христу...

Правда, были и такие, которые отрекались. Ужасен был вид кипящих котлов с раскаленным оловом, в которые бросали

людей живьем, и те обращались в пепел. Загоняли гвозди под ногти, вытягивали жилы и вешали на них, строгали железными когтями тело, отсекали голову — эти и подобные казни смущали малодушных, и они отрекались. Нынче христиан не мучают на площадях, не предают торжественно сожжению, всюду открыты христианские храмы, в которых истово совершается богослужение. Но многие и без мук отпадают от Христа — до чего же гнусное явление! Мир преследует рабов Христовых насмешками и презрением, и многие не переносят этого.

— А ты что-то часто стала ходить в церковь? — язвительно задают вопрос. Молчание.

— Конечно, отчего не сходить на праздники, но ты уж чуть ли не каждый день ходишь? Кажется, и посты соблюдаешь? Уж не собираешься ли ты в монастырь?

Снова молчание. А иная, совсем обнаглевшая, начинает задавать вопросы:

— Вот ты все читаешь святые книги, а читала ли ты Ницше?

Да так и засыплет именами своих богов (у них ведь тоже есть боги).

— Если ты религиозна, — продолжается допрос, — то должна рассмотреть вопрос со всех сторон, не бойся услышать и противоположное мнение.

Не надо слушать подобные слова. Не читайте безбожных книг. Оставайтесь верными Христу. Если спросят вас о вере, отвечайте.

— Ты зачастила, кажется, в церковь?

— Да, потому что нахожу здесь удовлетворение.

— Уж не в святые ли хочешь?

— Каждому, конечно, хочется быть святым, но это не от нас зависит, а от Господа.

— Не в монастырь ли ты собираешься?

— Нет, в монастырь я не собираюсь.

Подобными ответами отразите врага. Конечно, тяжело, очень тяжело подчас бывает, скорби облекают со всех сторон, и приходит даже уныние, особенно это уныние нападает на

монашествующих. Кажется, что и Господь оставил, и, может быть, временно Господь оставляет человека, но зорко следит за такой душой и не даст ей погибнуть. Враг ненавидит монастырь, оттого-то с такой силой и нападает на иноков. Помню, когда я был еще в миру, монастырь представлялся мне страшной скукой. Там только редька, постное масло да поклоны. Но, бывая в великосветском обществе, я все равно скучал. А если кто-нибудь начнет особенный разговор, то его поднимут на смех: вот явился пророк! Да, только пустые, праздные разговоры, даже музыки не слышно. Стоит великолепный рояль, и есть хорошо играющие, но никто до него не дотронется. Все более и более отходил я от мира, хотя заметных изменений не было. Это отпадение продолжалось десять лет, пока я совершенно не отошел от него. Труднее всего мне было оставить театр, оперу, серьезную музыку... Но случилось нечто — я оставил мир и стал иноком. Может быть, конечно, я только внешне отошел от мира, блаженны отошедшие от него внутренне. Под миром подразумеваются здесь не люди, а служение страстям, где бы оно ни происходило. Можно быть и мирскими инокинями, и в монастыре жить, как в миру. Черные одежды сами по себе не спасают, и белые не погубляют. Не зову вас в монастырь, живите в миру, но вне мира — и благо будет вам.

От скорбей не надо приходить в уныние, в отчаяние, надо терпеть. Многие начавшие идти за Христом бывают вначале очень требовательны: «Господи! сделай меня святой!» Правда, это законная просьба, но нельзя сразу достигнуть святости. Были редкие примеры, когда из грешников сразу становились святыми, но они были исключительными, эти примеры, а нам, грешным, указан путь постепенного восхождения. Поступая так, не впадешь в сети врага. И люди говорят, что если нищему дать сразу миллион, то он, пожалуй, от неразумного потребления денег и сам погибнет, и других погубит, а если дать ему рублей тридцать-сорок, то он на ноги встанет. Если так рассуждают люди, то не тем ли более Господь раздает Свои дары на пользу, а не на погибель. Должно помнить, что Господь любит и печется о нас, а потому надо вполне предавать себя на волю Божию: твори со мной, Господи, что

хочешь. Нельзя стать святым, то есть исполнить заповеди Божии без труда, а этот труд троякий: он состоит из молитвы, поста и бдения. В Евангелии говорится, что однажды привели к ученикам Христовым бесноватого. Сколько апостолы ни старались изгнать злого духа, он не слушал и говорил: «Не выйду». Тогда бесноватого отвели ко Христу, и Сам Господь изгнал беса. Ученики, оставшись наедине со Христом, с оттенком упрека говорили Ему: *Почто мы не возмогем изгнати его?* Господь сначала сказал: *За неверие ваше*, затем же добавил: «*Сей род* (то есть злые духи) *изгоняется только молитвою и постом* (Мф. 17, 21). Итак, молитва, пост и бодрствование над собой, то есть хранение своих мыслей и чувств, делают нас победителями врагов нашего спасения. Самое трудное из этих дел — молитва. Всякая добродетель вследствие упражнения превращается в навык, а молитва до самой смерти требует побуждения и является следствием подвига.

Молитва трудна, так как ей противится наш ветхий человек. Но она трудна еще и потому, что враг всей силой восстает на молящегося. Молитва для диавола есть вкушение смерти, хотя, конечно, он уже умер духовно. Но молитва как бы снова поражает его, а потому он всячески противится ей. Даже святые уж, кажется, должны бы только утешаться молитвой, но по временам она и для них трудна. Правда, молитва несет с собой и высокое утешение, и не только праведнику, но и грешнику.

Наш известный поэт Лермонтов испытывал сладость молитвы и описал это в своем стихотворении:

В минуту жизни трудную
Теснится ль в сердце грусть:
Одну молитву чудную
Твержу я наизусть.
Есть сила благодатная
В созвучье слов живых,
И дышит непонятная,
Святая прелесть в них.
С души как бремя скатится,
Сомненье далеко —
И верится, и плачется,
И так легко, легко...

К сожалению, молитва не спасла Лермонтова, так как он ожидал от нее только восторгов, а труда молитвенного понести не хотел. Поэт погиб — он был убит на дуэли.

Враг сильно нападает, внушая уныние, отчаяние и какой-то необычайный страх. *Та́мо убоя́шася страха, иде́же не бе страх...* (Пс. 13, 5). Иногда человек чувствует свое полное бессилие и руки опускает. Но такая печаль незаконна: нужно молитвой и крестным знамением, в котором сокрыта непостижимая сила, противиться козням врага.

Второе средство для получения спасения — это пост. Пост бывает двоякий: внутренний и внешний. Первый есть воздержание зрения, слуха и всех наших чувств от всего скверного и нечистого, второй — воздержание от скоромной пищи. Тот и другой пост неразрывно связаны друг с другом. Некоторые люди все внимание обращают только на внешний пост, совсем не понимая внутреннего. Приходит такой человек куда-нибудь в общество и в разговорах там сплошь и рядом принимает деятельное участие в осуждении ближних, и много похищает от их чести. Наступает время ужина. Ему предлагают скоромную пищу: котлеты, поросеночка. Он долго отказывается.

— Ну покушайте, — уговаривают хозяева, — ведь не то, что входит в уста, оскверняет человека, а то, что из уст!

— Нет, в этом я стоик, — заявляет он, совершенно не сознавая, что, осуждая ближнего, он уже нарушил и даже совсем перечеркнул пост.

Вот отчего так необходимо трезвение над собой и хранение своих мыслей и вообще всех чувств. Трудясь для своего спасения, человек мало-помалу очищает свое сердце, и вместо прежних зависти, ненависти и злобы в нем рождается любовь. Древние христиане жили в любви и согласии, все у них было общее. Апостолы ничего не имели, а достаточные* приносили разную снедь, имущество к ногам апостолов, те же раздавали всем нуждающимся. Собирались они вместе на вечерю любви и вкушали от предложенной трапезы. Так и мы с

---

* Богатые, зажиточные люди.

вами вкусили сегодня. Я ничего не знаю, но все усердствуют мне боголюбивые души, а я только разделяю эти дары между мирянами и монашествующей братией. Идет известный вам отец Григорий и, стучась к какому-нибудь иноку, передает приношение.

— О ком молиться? — спрашивает тот.

— Имена их Ты веси, Господи, — отвечает отец Григорий.

Когда Господь Иисус Христос посылал Своих учеников на проповедь, то говорил: *Когда же приведут вас в синагоги, к начальствам и властям, не заботьтесь, ка́к или что́... говорить, ибо Святый Дух научит вас в тот час, что́ должно говорить* (Лк. 12, 11—12). И слова Господни исполнились. Простые, неграмотные рыбаки своим учением покорили всю Вселенную. Мудрецы века сего не могли противостоять такому учению. Дух Святой и теперь действует через Священное Писание и через преданных Богу людей. Оттого-то святые книги, в частности Жития святых, так благотворно влияют на душу человека, так как это слово жизни. В писаниях же неверующих Ренана, Ницше и прочих — смерть, потому что мраком, тоской и отчаянием покрывается душа от подобного чтения, точно мрачные туманы спускаются со всех сторон и облегают сердце человека, а слово Духа Святого — животворит.

В истории известен такой пример. Грозный завоеватель Аттила* двинулся на Западную Европу. Его огромные полчища все уничтожали на своем пути, и вот Аттила подступил к стенам Рима. Рим со своими несметными сокровищами и громкой славой возбудил у Аттилы желание смирить этот город. Римляне с трепетом ожидали погибели, а святой папа Лев отправился в стан Аттилы и убеждал его отступить от города. Молча слушал Аттила великого старца, и мысль его колебалась. Сподвижники грозного завоевателя уговаривали его не слушать папу и двинуться на город. Миллионное войско было наготове, но Аттила вдруг решительно воскликнул: «Назад!» Удивленные воины вопросительно взглянули на Аттилу.

---

* Аттила (†453) двадцать лет был предводителем гуннов, которые в этот период достигли своего наивысшего могущества.

«Назад!» — повторил он, и все двинулись обратно. Когда они были уже за Дунаем, а может быть, и за Днепром, воины спросили Аттилу, отчего он не взял город, а послушался какого-то старика. «Я не мог не послушаться его, — ответил завоеватель, — так как в словах его была невыразимая сила».

Действительно, Дух Святой говорил через святого папу Льва, оттого-то и не мог противиться этому слову человек. Нечто подобное было и с нашим поэтом-полувером Пушкиным. Он был в большой славе, его стихи приводили в восторг всех не только в России, но и за границей. Не было, да и, кажется, не будет равного ему по музыкальности и звучности стиха. Но эти стихи описывают лишь земное и тленное, сам поэт говорит: «...лире моей вверял изнеженные звуки безумства, лени и страстей». И вот на этого поэта громадное влияние имело слово митрополита Московского Филарета, заставляя его задуматься и раскаяться в своем пустом времяпрепровождении.

Однажды митрополит Филарет говорил проповедь в Успенском соборе. Пушкин стоял, скрестив руки, боясь проронить и слово. Возвращается он домой.

— Где ты был? — спрашивает жена.

— В Успенском соборе.

— Кого там видел?

— Ах, оставьте, — сказал Пушкин и, закрыв лицо руками, зарыдал.

— Что с тобой? — удивилась жена.

— Ничего, дай мне бумагу и чернила.

И под впечатлением слов митрополита Филарета Пушкин написал свое чудное стихотворение, за которое, наверное, многое простил ему Господь.

В часы забав иль праздной скуки,
Бывало, лире я моей
Вверял изнеженные звуки
Безумства, лени и страстей.
Но и тогда струны лукавой
Невольно звон я прерывал,
Когда твой голос величавый
Меня внезапно поражал.

Я лил потоки слез нежданных,
И ранам совести моей
Твоих речей благоуханных
Отраден чистый был елей.
И ныне с высоты духовной
Мне руку простираешь ты
И силой кроткой и любовной
Смиряешь буйные мечты.

Последнее четверостишие особенно замечательно:

Твоим огнем душа палима
Отвергла мрак земных сует,
И внемлет арфе Серафима
В священном ужасе поэт.

Пушкин, конечно, не слышал серафимского пения, но, очевидно, подразумевает под этим нечто великое, с чем только и можно сравнить слова митрополита Филарета.

Дети мои, читайте Священное Писание и творения святых учителей Церкви, так как через них говорит Сам Дух Святой. Но не читайте таких «учителей», которые могут оторвать вас от Христа. Да спасет нас от них Господь! Будем следовать только Христову учению — и спасемся.

У Хомякова есть прекрасное стихотворение «Звезды», в котором он небесный свод с миллиардами звезд сравнивает с учением галилейских рыбаков, то есть с Евангелием.

В час полночный близ потока
Ты взгляни на небеса:
Совершаются далеко
В Горнем мире чудеса.
Ночи вечные лампады
Невидимы в блеске дня,
Стройно ходят там громады
Негасимого огня.
Но впивайся в них очами
И увидишь, что вдали
За ближайшими звездами
Тьмами звезды в ночь ушли.
Вновь вглядись — и тьмы за тьмами
Утомят твой робкий взгляд:
Все звездами, все огнями
Бездны синие горят.
В час полночного молчанья,

Отогнав обманы снов,
Ты вглядись душой в Писанья
Галилейских рыбаков.
И в объеме книги тесной
Развернется пред тобой
Бесконечный свод небесный
Лучезарной красотой.
Узришь — звезды мыслей водят
Таиный хор свой вкруг земли;
Вновь вглядись — и там вдали
Звезды мыслей тьмы за тьмами
Всходят, всходят без числа,
И зажжется их огнями
Сердца дремлющая мгла.

Да, истинное учение Христово способно зажечь и холодные сердца. *Огня приидох воврещи на землю...*, — говорит Спаситель. Всех идущих за Христом покрывает и спасает Благодать Божия.

Недавно была у меня девочка, лет семи, с матерью. Спрашиваю девочку, как меня зовут.

— Вар-со-но-фий.

— Верно. Ну а тебя?

— Ва-лен-ти-на.

— Валя, — добавляет мать.

— Ну, Валя, не вались, — говорю ей.

Сам не знаю, отчего я это сказал, только сегодня пришли они ко мне опять.

— Батюшка, — говорит мать, — а знаете, что с Валей случилось? Был у нас погреб открыт, моя девочка не заметила да оступившись, упала прямо в него, а он глубокий. Мы с мужем в ужасе думали, что она разбилась насмерть, а она осталась жива и невредима. Вот чудо! Ну и вспомнились нам ваши слова: «Валя, не вались!»

Ведь вот враг стремится погубить человека, а Благодать Божия спасает. Да спасет Господь и нас от страшного и мрачного погреба, который есть различные вражеские козни, всюду расставляемые нам врагом.

Вчера служил я обедню в соборе. Много причащалось детей, все подходят спокойно, видно, что соединяются со Христом. Вдруг приносят девочку, лет двух с половиной. Она

сильно закричала, затем, высвободив ножку, ударила по потиру. Я обомлел. Ведь Святые Дары могли пролиться на пол! Не знаю, как удержал Чашу в своих старческих руках. Верно, Ангел-хранитель, который всегда стоит около нас, ослабил силу удара. Спрашиваю, как зовут девочку, говорят: «Зинаида». Принесла ее тетка, так как мать неверующая, в церковь никогда не ходит. Тетке еле удалось оторвать девочку от матери для причащения. И подумалось мне, что ждет этого ребенка впереди? Господу известна судьба каждого человека. Говорят, что с Толстым в детстве было нечто подобное. Да спасет и помилует нас всех Господь! Аминь.

30 декабря 1912 г.

Начну свою беседу теми же словами, как и в прошлый раз: «Днесь благодать Святаго Духа нас собра». Своим пастырским словом свидетельствую вам, что вы совершили подвиг, приехав сюда из разных мест на великий праздник Рождества Христова. Верю твердо, что милосердный Господь вознаградит вас. Как, не знаю, но не оставит вас ни в этой жизни, ни в будущей. Еще лет сорок-пятьдесят тому назад это время от Рождества Христова до Крещения называлось святыми днями. «Это было на святых днях», — говорили. Теперь эти два слова совмещены в одно — «святки». Что подразумевают под этим словом теперь? Обыкновенно — период времени от Рождества до Крещения, но часто с этим понятием соединяется понятие о греховных удовольствиях, которых так много бывает именно в это время. Враг издевается над христианами, и время, в которое совершалась тайна нашего спасения, обращается в разгул всевозможных пороков. Оттого-то и назвал я подвигом то, что вы оставили все мирские удовольствия: театры, балы, маскарады — и приехали в нашу тихую обитель, чтобы провести эти дни в молитве, духовной беседе и удалении от мирской суеты. Здесь вы говели и приобщались Святых Таин. Это великое дело — принять в себя Самого Господа. В Таинстве Покаяния, или исповеди, разрываются векселя, то есть уничтожается рукописание наших грехов, а причащение истинных Тела и Крови Христовых дает нам силы

перерождаться духовно. Правда, это совершается не сразу и, пожалуй, неощутимо для нас: *...не приидет Царствие Божие с соблюдением* (Лк. 17, 20), но несомненно, что это перерождение рано или поздно совершится и мы начнем новую жизнь, жизнь во Христе.

Есть еще великое Таинство Елеосвящения, или соборование. В этом море милосердия Божия потопляются все наши забвенные грехи, а таких у каждого немало найдется. Жизнь сложна, враг сильно нападает на тех, которые желают спастись, но Таинства, молитва и крестное знамение разрушают все козни и делают их «яко ничесоже». Жизнь — это книга. Листы ее — это события нашей жизни, все — от важных до ничтожных случаев. В нашей жизни нет ничего, что не имело бы значения, только мы-то часто этого и не понимаем, и лишь просветленные Божественной Благодатью умы понимают смысл каждого случая. В книге бывают опечатки. В жизни бывают ошибки, часто трудноисправимые, и Господь может исправить их... Книги бывают тоненькие, объемистые и даже многотомные, так и жизнь человека. Часто возникает вопрос: отчего умирает младенец? Почему живет старец? Отчего лишь только появился на свет человек, заплакал, окрестили его, и Господь берет его жизнь, а другой живет до глубокой старости? Тонка книга младенца — всего несколько страниц, а книга старца многотомна. Все это Таина Божия, которую мы не можем постигнуть.

Сохранился рассказ матери известного декабриста Рылеева, напечатанный в свое время в одном журнале.

Рылеева была вдовой и имела единственного сына, которого любила всей душой. И вот однажды ее пяти- или шестилетний сын заболевает. Долго лечили его, и, наконец, врачи, безсильные что-либо сделать, ушли, а мать опустилась на колени перед иконами и начала усиленно молиться о спасении сына. Среди молитвы на нее напал легкий сон, и видит она большую площадь, звуки военной музыки, гул толпы. Вдруг выдвигается эшафот, на нем виселица, на эшафот вводят ее сына и вешают... Она в страхе просыпается. «Господи! — воскликнула горестная мать, — знаю, что это сон — не мечта,

а послан для моего вразумления, но все же молю Тебя, оставь в живых моего сына».

Господь услышал ее молитву, сын поправился, к великому изумлению врачей, неизвестно чему приписавших подобный случай (впрочем, и врачи в то время были верующими).

Прошло много лет, Рылеев вырос, сошелся с людьми, отвергавшими Бога и все святое, желавшими закрыть все церкви и прекратить богослужение, а также восставшими против самодержавной власти. Они составили союз с целью ниспровергнуть самодержавие и учредить республику. Но заговор был раскрыт, его участники, в том числе и Рылеев, были казнены. И вот мать Рылеева наяву увидела большую площадь, толпы народа, звуки военной музыки. Воздвигли эшафот, на нем виселицу, и Рылеев был повешен. Его мать не возроптала, не пришла в отчаяние, но с твердостью произнесла: «Прав Ты, Господи, и правы суды Твои».

Господь лучше нас знает, что для нас полезно, а что вредно, потому надо вверяться Его водительству. Пребывайте в Церкви, будьте верны Христу Богу.

Не далее как сегодня в «Московских ведомостях» я прочел такую историю. Одна молодая девушка, красивая собой, встретилась на балу с молодым человеком, тоже очень красивым, и они полюбили друг друга. Чуть ли не здесь же он сделал ей предложение, и она, не спросясь родителей, изъявила свое согласие. Обвенчались они, живут месяц, другой, третий и утопают в блаженстве. Она так и думала всю жизнь прожить в счастье, но вышло иначе. Ее муж любил женщин и даже от такой прекрасной жены стал уходить к другим. Сначала она только делала замечания ему, затем пошли ссоры. Он начал брать у нее деньги. Сперва она охотно давала, но его требования становились все более нахальными, а когда она ему однажды отказала, он избил ее до синяков. Кроме женщин, муж пристрастился к вину и все уносил из дома. Тяжело было жене, не столько физически, сколько нравственно она измучилась. Каково ей было смотреть на своего развенчанного кумира! Наконец мать сжалилась над дочерью и предложила ей переехать к себе. Дочь взяла с собой единственное свое

сокровище — пятилетнего сынишку. Муж явился и сюда с требованием денег. Бить ее здесь он не мог, но осыпал колкими словами... «Ты разлюбила», — говорил он. «Нет, и теперь люблю тебя, — возражала жена, — брось свою распутную жизнь, и я опять вернусь к тебе. Есть у меня еще кое-какие крохи, будем жить на них, да и я еще имею право на наследство родителей». Но муж не пожелал измениться. Вот однажды приходит он к жене. Швейцар его не пускает. «Мне только надо видеть Надю», — настаивает он. Верно, сунул что-нибудь швейцару, тот пропустил его. У жены он требовал денег, а когда она отказала ему, нанес ей пять ударов финским ножом. Она упала, обливаясь кровью. И все это видел маленький сынишка. Какой пример получил он на всю жизнь! Убийца убежал, а ее похоронили. Печальная история! Но отчего рассказал я вам ее? Прежде всего для того, чтобы показать вам, что вне Церкви не может быть счастья. Они познакомились на балу, где, конечно, и мысли не было о Боге. Думается мне, что и потом они жили вне Церкви.

Нынче расплодилось много еретиков, они считают себя истинно верующими. Но какая же это вера, когда что-то они признают, а что-то отвергают. Мне случилось говорить с толстовцами. Насколько же мрачно их мировоззрение! Полное отчаяние, никакого света! Тяжело мне было. «Вот лежит ваш учитель на смертном одре, — говорил я им, — передайте ему, что здесь пастырь, который может примирить его с Богом». Но меня не допустили до Толстого.

Еще раз повторяю: не ходите на собрания еретиков, которые могут погубить вашу душу. В страшное время мы живем. Людей, исповедующих Иисуса Христа и посещающих храм Божий, подвергают насмешкам и осуждению. Эти насмешки перейдут в открытое гонение, и не думайте, что это случится через тысячу лет, нет, это скоро наступит. Я до этого не доживу, а некоторые из вас увидят. И начнутся опять пытки и мучения, но благо тем, которые останутся верными Христу, Господу нашему.

Надеюсь, что вы все останетесь Ему верны и не отвернетесь от Господа своего. Молитесь, чтобы Господь послал вам

христианскую кончину: **«Христианския кончины живота нашего, безболезнены, непостыдны, мирны и добраго ответа на Страшнем Судищи Христове просим».**

Кончина есть конец жизни, и добро тем, кто сподобится христианской кончины. Один епископ при возглашении этой ектеньи всегда творил земной поклон. И вы не забывайте если не в землю поклониться, то сделать поклон поясной или хотя бы свое внимание сосредоточить на этом прошении. И заметьте, что люди, верующие в Бога и на деле исполняющие Его святой закон, умирают спокойно, а смерть безбожников обычно страшна.

Все образованные люди знают известного немецкого писателя Гете. Незадолго до смерти он дошел до такого безумия, что, поклоняясь языческому богу Зевсу, отвергал Христа и издевался над Ним. Правда, в его произведении «Фауст» добро торжествует над злом, быть может, потому, что «Фауст» написан в лучшую пору жизни, когда он был еще верующим. Ужасна была его кончина. «Света, света больше!» — кричал он в предсмертной агонии. Очевидно, вечный мрак уже начинал окутывать его душу, и вспомнил он о Присносущном Свете, да уже поздно. Как ни стараются почитатели Гете объяснить иначе его последние слова, но истина остается во всей своей силе.

Другой знаменитый писатель, Шекспир, хотя и принадлежал к англиканскому исповеданию, но всегда признавал Бога. Был он идеалистом, его произведения отрывают от мелочной житейской суеты. Умирая, он говорил: «Я спокоен». Это не было спокойствие отчаяния, но спокойствие, посланное Богом за веру в Него.

Страшна смерть неверов и кощунников, а их теперь так много! Писатель Спенсер характеризует многих людей так: «Люди — это деревяшки, а сердце их — рубль». Какая корысть от деревяшки и от рубля, а это выражение очень метко характеризует людей, погруженных в мелкие земные интересы и вовсе не думающих об иных, высших, идеалах. И действительно, Господь *поругаем не бывает* (Гал. 6, 7), и закон возмездия остается в полной силе. Грешники наказываются не только в будущей, но еще и в этой жизни.

В Житиях святых из сонма примеров возьмем хотя бы один — святую мученицу Агафию. Ее подвергают ужаснейшим пыткам, желая вынудить отречение от Христа, но мученица остается непобедимой. Наконец голову ее усекают мечом, а мучитель, захватив ее богатства, довольный собой, едет в Рим к императору Декию с сокровищами Агафии. Доехав до реки, он поставил лошадей на паром. Одна из лошадей вдруг бросилась на мучителя, изгрызла ему лицо, а затем, схватив зубами за одежду, бросила его в воду. Никого другого не тронула. Вот как этот мучитель еще при жизни подвергся казни Правосудия Божия. Так и во всем земная мудрость ничто в сравнении с мудростью небесной, хотя земные знания и бывают нам полезны в сей жизни, но они не ведут нас в Царство Света.

К беседам моим не удается подготовиться: утомишься здесь с народом, а затем — письма неотложные, телеграммы, дела, после обеда немного отдыхаю, иначе по старческой немощи становлюсь вялым и безсильным. А там опять прием народа, и так все время. Помню, когда я был еще в миру, то, побывав однажды в Гефсиманском скиту, удивлялся, почему там утреня была в 2 часа ночи.

— А вы бы когда думали? — спросил меня настоятель.

— Да часа в три-четыре.

— Нет, — ответил он, — необходимо вставать в 12 часов ночи, так как сохранилось предание, правда, нигде не записанное, но в которое веруют и Восточная, и Западная Церковь, что Христос в полночь придет судить мир. *Се Жених грядет в полунощи, и блажен раб, егоже обрящет бдяща.* А потому так важна полуночная молитва! Если уж трудно идти к утрени, то, по крайней мере, дома нужно в это время помолиться. Важна молитва церковная, лучшие мысли и чувства приходят именно в церкви; правда, и враг сильнее в церкви нападает, но крестным знамением и молитвой Иисусовой отгоняйте его. Хорошо встать в церкви в какой-нибудь темный уголок и молиться Боженьке. «Горé имеем сердца!» — возглашает священник, а ум наш часто стелется по земле, думая о непотребном. Боритесь с этим! Молитесь Господу, чтобы мое убогое слово принесло вам пользу.

Батюшка отец Амвросий говорил своим слушательницам:

— Ах, как хотел бы я повести вас на источник воды живой!

Раздается голос:

— Батюшка, поведите!

— Да я и сам там не был, — отвечает отец Амвросий, — но сильно хочу быть там.

В действительности же старец властно вел своих почитателей на источник живой воды.

Вот собрались вы здесь и, может быть, какая-нибудь из вас думает: «Родители мои стары, умрут они, останусь я одна, надо замуж выходить». Что же, это дело хорошее, глядишь, Господь пошлет мужа по сердцу! А другая поднимает тоном выше: «Страшно выходить замуж, вдруг муж изменит и бросит, а еще и безпокойство о детях. А лучше поступить в монастырь — работать Единому Богу». И такое намерение Бог благословляет. А иная хочет, оставаясь в миру, жить в девстве и целомудрии, да поможет и ей Господь!

Читайте Священное Писание, а также и Жития святых, особенно святых великомучениц Екатерины, Варвары, Ирины, Евдокии, потому что каждый святой дает частицу своей крепости читающему его Житие с верой и поможет при прохождении мытарств.

Священное Писание — это книга жизни, писания же еретиков ведут к смерти. Не читайте их, чтобы мрак сомнений не окутал вашу душу.

Англичанин Джеймс написал свою исповедь, в которой рассказывает, почему стал православным христианином. Это случилось так. Джеймс с товарищем (православным) поехал однажды кататься. На пути они увидели часовню, и товарищ решил зайти туда. «А мне можно?» — спросил Джеймс. — «Конечно». Товарищ его пошел приложиться к иконе Божией Матери, а Джеймс смотрел на икону и думал: «А что, если я подойду?» Вдруг случилось великое чудо: Светоносная Жена, Сама Царица Небесная подошла к Джеймсу и покрыла его Своим омофором. Джеймс испытал неизъяснимое блаженство и безповоротно пошел за Христом, сделавшись

православным. Но ведь много неверов, может быть, было в часовне, отчего же Матерь Божия подошла именно к Джеймсу? Это тайна, которую и не будем стараться постичь.

Некоторые говорят, что наука и искусство, особенно музыка, перерождают человека, доставляя ему высокое эстетическое наслаждение, но это неправда. Под влиянием искусства, музыки, пения человек действительно испытывает наслаждение, но оно безсильно переродить его.

Когда я был еще в миру, то очень любил музыку, и в частности игру на фисгармонии — рояль не может так передать глубину чувства. У нас в Казани жил известный композитор Пасхалов. Чтобы усовершенствоваться в игре, я стал брать у него уроки. Часто мы вели с ним беседы. Однажды разговор зашел о Святом Причащении.

— Ну, в это я не верю, — сказал музыкант.

— А вы верите, что есть Америка?

— Конечно, это знает каждый ученик приходского училища.

— Ну а если бы кто-нибудь сказал: я не верю, что есть Америка, то от этого она, конечно, не перестала бы существовать? Так и великое Таинство Тела и Крови Христовых остается в полной силе, несмотря на то, что вы в него не верите.

— Да, действительно, возможно, вы правы, впрочем, со мной еще никто так не говорил.

— Ну вот, Александр Васильевич, сходите вы в это воскресенье в церковь, послушайте там певчих, помолитесь. А во вторник у нас будет урок, мы с вами поговорим.

— Хорошо, согласен, — сказал Пасхалов.

— Вот вы говорите, что искусство перерождает душу, а на деле выходит иначе. Вы пьете, знаете, что это худо, а бросить не можете — нет сил. Развелись с женой, не сохранили к ней верности, а Священное Писание говорит, что ни блудники, ни пьяницы Царствия Божия не наследуют.

Пасхалов задумался. По-видимому, беседа произвела на него сильное впечатление. Прошло три дня, и Пасхалов явился ко мне с тетрадью в руках.

— Разрешите мне сыграть мое последнее произведение, — сказал он, указывая на тетрадь.

— Пожалуйста, — отвечаю, — но отчего же последнее?

— Так я чувствую. Перелистывал я недавно книжку Полонского и остановился на стихотворении «Плохой мертвец», вот и решил в последний раз переложить его на музыку.

Никогда еще, ни раньше, ни позже, не слыхал я таких звуков, полных мощи и воодушевления.

— Больше заниматься музыкой не буду... Не хочу раздваиваться, чувствую, что вы правы, — произнес Пасхалов, несколько успокаиваясь, — помните рассказ про великого художника Ван Дейка? Когда он ушел в монастырь, то не захотел уже раздваиваться между любовью к Богу и художеством, а потому, несмотря на советы игумена, предложившего ему писать иконы, он бросил кисть и краски в протекавшую около монастыря реку Тахо. Оставлю все и приду к вам за наставлениями.

— О нет, — воскликнул я, — я не могу вас учить, сходите лучше к профессору Казанской духовной академии отцу Антонию (который стал впоследствии Петроградским митрополитом)*, он вас наставит. А главное, бросьте пить вино!

Пасхалов обещал. Прошло несколько дней. Вдруг приходит ко мне один знакомый, хорошо знавший Пасхалова.

— Я к вам с новостью, — начал он. — Пасхалов умер.

Затем он рассказал печальные подробности кончины знаменитого композитора.

Пасхалов исполнил свое слово, был у отца Антония, который, между прочим, советовал ему не бросать музыку, но заняться переложением церковных песнопений. Также взял с него обещание не пить. Дня три-четыре Пасхалов не пил, но на пятый день ушел из дома и вернулся поздно ночью. Горничная, которая отворила дверь, с ужасом увидела, что Пасхалова ведет какое-то «страшилище» с огромными сверкающими глазами. Втолкнув его в двери, «страшилище» сказало: «Бери своего барина!» Пасхалов был совершенно пьян.

---

* Митрополит Петроградский Антоний (Вадковский; 1846—1912).

На другое утро его нашли кончившим свою жизнь самоубийством. А одному из родственников композитора явился враг и с адским хохотом кричал: «А! Он спасаться захотел! Нет, я его задушу!»

И действительно задушил.

Вся Казань сошлась на похороны знаменитого композитора. Тело его утопало в цветах. Отпевали торжественно. Затем собрали большую сумму денег и воздвигли ему великолепный памятник. Я тоже был на похоронах и, идя за гробом, думал горестную думу: на что ему теперь это торжество, когда душа его погибла. Конечно, неизвестно, какова воля Божия, но да сохранит нас всех Господь от такой кончины.

Веруйте в Господа, исполняйте по силе Его святой закон, и верю, что спасетесь. Никогда не приходите в отчаяние. А то так случается: затоскует душа и не какого-нибудь невера, а душа истинного христианина. И заповеди по силе исполняет, и говеет, и посты соблюдает, но вдруг покажется ей, что Господь ее ненавидит. Какая диавольская мысль! В Писании сказано, что Господь ненавидит только гордых, даже жидов и магометан Он принимает, если они к Нему обратятся, — и вдруг: христианскую душу ненавидит! Нет, Господь любит всех, а мысль о ненависти Божией — это стрела врага, завидующего человеку. Много посылал он стрел, а эта уж последняя, которую надо изловчиться и отразить, то есть совершенно пренебречь подобной мыслью.

Сегодня 30 декабря. Кончается год, и подводится итог того, что мы сделали за это время. Конечно, каждым совершено много промахов, ошибок, но будем надеяться на милость Божию и пожелаем друг другу не нового счастья, а новой Благодати Божией. Аминь.

Слово на Новый год

1 января 1913 г. (после литургии)

Приветствую вас всех, здесь собравшихся, с Новолетием. Поздравляю вас с радостями, которые Господь да пошлет вам

в наступающем году. Поздравляю вас и со скорбями, которые неизбежно посетят вас и в этом году: может быть, сегодня, может быть, завтра или в скором времени. Впрочем, не смущайтесь и не бойтесь скорбей. Скорби и радости тесно соединены друг с другом. Вам это кажется странным, но вспомните слова Спасителя: *жена́ егда́ рожда́ет, скорбь и́мать, яко прии́де год ея: егда́ же роди́т отроча́, ктому́ не по́мнит скорби за радость, яко роди́ся человек в мир* (Ин. 16, 21). День сменяет ночь, и ночь сменяет день, ненастная погода — ведро; так и скорбь, и радость сменяют одна другую.

Апостол Павел произнес грозное слово на тех, которые не терпят от Бога никакого наказания: если вы останетесь без наказания, вы — незаконные дети. Не надо унывать, пусть унывают те, которые не веруют в Бога; для тех, конечно, скорбь тяжела, так как, кроме земных удовольствий, они ничего не имеют. Но людям верующим не должно унывать: скорбями они получают право на сыновство, без которого нельзя войти в Царство Небесное.

«Отроцы благочестию совоспитани, злочестиваго веления небрегше, огненнаго прещения не убояшася, но, посреде пламене стояще, пояху; отцев Боже, благословен еси» (ирмос Рождества Христова, глас 1, песнь 7).

Скорби и есть огненное прещение, или испытание, но не надо их бояться, а, как преподобные отроки, воспевать Бога в скорбях, веруя, что они посылаются Богом для нашего спасения.

Да спасет же всех нас Господь и введет в Царство Незаходимого Света! Аминь.

6 января 1913 г.

(Крещение Господне)

Сегодня, подписывая книгу одной моей духовной дочери под заглавием «Невидимая брань» и выставляя дату — 6 января, я вспомнил, что это как раз день смерти епископа Феофана, который перевел эту книгу с греческого языка на русский. Епископ Феофан перевел ее не то что дословно, но даже передал и дух этой книги, подобно Жуковскому,

который, переводя Шиллера, так проникался духом поэта, что перевод трудно было отличить от оригинала.

Сегодня не удалось мне служить. Простудился во время исповеди в пятницу. Исповедников было человек тридцать, исповедь продолжалась довольно долго. Стоял я у окна и чувствовал, что холод меня пронизывал, но прекратить исповедь или перенести на другой день счел неудобным, вот и расхворался так, что и на Крещение не мог служить.

Был у нас в Оптиной пустыни великий старец отец Макарий. Он вел однажды беседу с одним посетителем и тоже, сидя у окна, простудился. Чувствовал, что сильно дует, но оставить беседу неоконченной не захотел. От этой простуды отец Макарий потом всю жизнь страдал, так и умер от этой болезни.

Уже говорил я вам и опять повторяю, что вы совершили подвиг, приехав на праздники в нашу тихую обитель на свои маленькие средства, добытые честным, а часто и очень тяжелым трудом. Думаю, что отдохнули вы здесь душой. Причастились Тела и Крови Христовых и утешение от Господа получили по мере восприятия каждой — одна больше, другая меньше, но все же, думается, все получили. Может, и телом вы отдохнули здесь, хотя и терпели некоторые неудобства. Гостиница у нас маленькая, позволяет жить всего три-четыре дня. Приходилось снимать помещение у крестьян, которые, конечно, не могут предоставить многих удобств. Да вознаградит вас за все Господь! Теперь опять возвращаетесь вы к своим занятиям, снова начнется для вас трудовая жизнь, может быть, полная скорбей. Что делать? Скорби неизбежны, хотя и хотели бы мы миновать их. Жизнь представляется нам в виде белой полосы, на ней черные точки — скорби, от них нам желательно поскорее отделаться, а на самом деле жизнь есть черная полоса, и на ней рассеяны белые точки — утешения. *...в ми́ре ско́рбни бу́дете,* — сказал Христос, — *но дерза́йте, (яко) Аз победи́х мир* (Ин. 16, 33). А где найти утешение в скорбях, которые обступают нас со всех сторон? Необходимо углубиться в себя, в свой внутренний мир, так как в нем таится источник утешения.

Именитые для отдыха уезжают за границу, под южное небо Сицилии, а мы углубляемся в свое сердце, в коем заключен целый чудный мир, может быть, многим неизвестный. Но как войти в него? Единственный ключ — Иисусова молитва, которая открывает нам дверь в этот мир. Но, чтобы углубиться во внутренний мир, необходимо уединение. Некоторые святые бежали для этого в глубочайшие пустыни и оставляли всех и вся, чтобы только упражняться в Иисусовой молитве. Известный подвижник Лука Элладский бежал в пустыню для усовершенствования в молитве, так как постоянные толпы народа, приходившего за советом и утешением, мешали ему сосредоточиться. Поступил он подобно Арсению Великому, который был научен Самим Господом: «Бегай людей и спасешься».

Возникает вопрос: правомочно ли поступил Лука, оставив народные массы ради спасения своей собственной души? Вполне! Ученые, чтобы издать какой-нибудь научный труд, удаляются от общества и углубляются в свою работу. Ученик, готовясь к экзамену, уходит в отдельную комнату, а если нет таковой, то часто, закрыв уши, чтобы не слышать чего-либо постороннего, зубрит свои предметы. Не тем ли более святой для приготовления себя к Вечной Жизни имеет право на уединение? И удаляется он от людей не по ненависти к ним, не в силу своего эгоизма — но и там, в пустыни, служит тому же миру молитвой о нас Господу.

Одному схимнику однажды явилась Матерь Божия и спросила:

— Кто ты такой?

— Я — грешнейший и недостойнейший раб Твой, — ответил он.

— Но каково твое звание?

— Я — схимник.

— А что значит — схимник?

Старец затруднился ответить. Тогда Сама Владычица Матерь Божия объяснила ему:

— Схимник есть молитвенник за весь мир.

Святые, удаляясь от всех людей, не перестают любить их

и молитвами своими отвращают от грешных гнев Божий. Один известный писатель, Вальтер Скотт, говорил, что если бы ему предложили на выбор жизнь, полную довольства и богатства, но лишили бы его возможности остаться наедине с самим собой, или одиночную тюрьму, то он выбрал бы последнее.

Вот собрались мы с вами в моей скромной келье для духовной беседы. Окружают нас стены, над нами потолок, за ним крыша, а там — небо, на небе — мир ангельский. В эту минуту смотрят на нас Ангелы, видят наше сердце, знают наши помышления и помогают нам. Особенно близок к нам Ангел-хранитель, который постоянно молится за нас и стремится наставить нас на все благое, защитить от всякого зла. А потому каждый из нас обязан молиться своему Ангелу-хранителю и утром, и вечером: «Святый Ангеле Божий, хранителю мой, моли Бога о мне, грешной». Также ежедневно нужно призывать и ту святую, имя которой носишь.

Смотрит на нас теперь и мир злых духов и уже кует оковы, желая разрушить слова грешного Варсонофия, но не бойтесь! Господь спасет нас от их злой силы. Читайте Священное Писание, Евангелие, Послания, а также Жития святых. Великое значение имеет это чтение, но вот что грустно: Жития святых печатаются, может быть, некоторыми приобретаются, но большинство их не читает. А между тем какую пользу можно извлечь из этого чтения! В нем найдем мы ответы на многие наши вопросы, святые научат нас, как выйти из затруднительного положения, как устоять, когда мрак со всех сторон окутывает душу, так что кажется, будто и Бог оставил нас.

Посещайте храм Божий, особенно в скорби: хорошо встать в каком-нибудь темном уголке, помолиться и поплакать от души. И утешит Господь, непременно утешит. И скажешь: «Господи, а я-то думал, что и выхода нет из моего тяжкого положения, но Ты, Господи, помог мне!»

Тесен и прискорбен путь, вводящий в Жизнь Вечную. Мы идем как бы по лезвию ножа, а по сторонам простирается пропасть. Страшно ввергнуться в нее! *Блюди́те убо,* — говорит апостол, — *ка́ко опа́сно хо́дите...* (Еф. 5, 15). После этой

земной жизни нам предстоит экзамен, решающий нашу участь на всю вечность: переэкзаменовок не будет. Науки земные не помогут нам выдержать этот экзамен.

Некоторые ученые, зная множество наук, совершенно не знают своей души и понятия не имеют о жизни духовной. Явится такой на этот великий экзамен, и спросят его: «Сотворил ли ты заповеди Христовы, а если не сотворил, то каялся ли в том? Веровал ли в Господа Иисуса Христа, Единородного Сына Божия?». И этот ученый, прославленный на земле, оказывается на таком экзамене дурак дураком. Он не только не исполнял заповеди, но даже и не веровал в Бога. Какова же участь его? В Чертог Небесного Царя его не пустят, и будет он отринут во мрак преисподней. Ведь неверы хуже бесов. Те ненавидят Бога и трепещут, а неверы даже отрицают Его существование. Какое же утешение они могут иметь в загробной жизни? Земная ученость без веры в Царство Небесное не ведет, не вводит туда и искусство. Поэты и художники испытывают высокое эстетическое наслаждение, но это только душевное чувство, оно не способно переродить душу. В своем стихотворении «Пророк» жизнь до духовного возрождения Пушкин называет «мрачной пустыней».

Духовной жаждою томим,
В пустыне мрачной я влачился.

Поэты и художники, которые удовлетворялись только восторгами, полученными от искусства, подобны людям, дошедшим до портика царского дворца, но не вошедшим внутрь чертога, хотя им и предлагали.

Но как же спастись? Как войти в Чертог Царя Небесного? Есть лестница туда и из монастыря, и из мира. Можно спастись и в богатстве, и в бедности. Сама по себе бедность не спасет. Можно обладать миллионами, но сердце иметь у Бога и спастись. Вот, например, Филарет Милостивый: он имел огромное богатство, но этим богатством приобрел себе Царство, помогая бедным и бездомным. Авраам тоже был богат, его богатство по тогдашнему времени заключалось в огромных стадах, но это не помешало ему спастись. А можно и в бедности

погибнуть, привязавшись к деньгам. Стоял, например, один нищий на паперти, терпел и голод и холод — лишь бы накопить денег. Накопил рублей сорок-пятьдесят и умер. И пошла его душа в ад, так как привязана была к деньгам, а не к Богу.

Спасающихся в монастырях часто упрекают в эгоизме: надо же, говорят, такой-то поступил в монастырь! Он делал в миру то-то и то-то, так много приносил пользы и вдруг все бросил. Это — грех! Не смущайтесь подобными речами. Если Господь призывает человека на служение Себе в иноческом чине, то надо все бросить и последовать призыву Божию. Впрочем, и в миру спасаются, но с большим трудом. В Житиях святых рассказывается про двух женщин, двух сестер, из которых одна пошла в монастырь, а другая вышла замуж, и обе они спаслись. Правда, та, которая пошла в монастырь, получила высшую награду от Господа, но спасение получили обе. Как же спастись в миру, когда там так много соблазнов? Апостол говорит: *Не любите мира, ни яже в мире...* (1 Ин. 2, 15). Впрочем, здесь надо оговориться. Под словом «мир» подразумевается не Вселенная, а низменное, пошлое, греховное. Можно жить в миру и вне мира.

* * *

Когда Бог хотел дать людям закон, Он поставил между собой и людьми праведного Моисея. И Моисей, чтобы беседовать с Богом, поднялся на гору Синай. Не с народом, а оставив его у подошвы горы, поднялся Моисей вверх один. Зачем он это сделал? Почему бы ему не беседовать с Богом, оставаясь среди народа? Думаю, потому, что народ мешал ему сосредоточиться. Где народ, там суета, а суета заглушает голос души человеческой. Трудно быть с Богом, оставаясь среди людей, и мы, по примеру праведного Моисея, удалимся от суеты и молвы людской, пойдем на Синай.

Хорошо там! Хорошо быть с Господом! А на Фаворе с Христом Спасителем, пожалуй, еще лучше. Так хорошо там было, что апостолу Петру захотелось остаться там навсегда. *...Господи, добро́ есть нам зде бы́ти... сотворим́ зде три сени...* (Мф. 17, 4). Хорошо на Фаворе, и идут туда многие, многие

люди. Кто до половины горы добрался в этой жизни, кто немного поднялся, а кого смерть застала в начале подъема. И все они Божии. Есть и такие, что тянутся к Фавору, хотят начать восходить, да так у них выходит, что сделают они шаг вперед да два назад. И не хватает у них силы идти вперед. Но и этих спасает Господь. Силен Он покрыть немощь стремящихся к Нему людей. Силен Он их перенести и не на два шага вперед, а довести до вершины горы. Только бы двигаться, а не стоять на месте, как рассерженные гуси. Бывает, что эти птицы, что-то гогоча, топчутся на одном месте, не сходя с него. Так и некоторые люди. И среди них многие писатели. Пушкин, например. Бывали у него минуты просветления, рвался он к Небу, и фантазия несколько приподнимала его над толпой, но привычка потакания своим страстям притягивала его к земле. Как орел с перебитыми крыльями, рвался он к Небу, но полз по земле.

Страшно так жить! Нужно идти на Фавор! Но помнить надо, что путь на Фавор один: через Голгофу — другой дороги нет. Устремляясь к жизни с Богом, надо приготовиться ко многим скорбям. Аминь.

* * *

Для тех, кто побывал на прежних беседах, будет новостью то, что я сейчас скажу: у художников в душе есть некая жилка аскетизма. Чем выше художник, тем ярче горит в нем огонек религиозного мистицизма. Пушкин был аскет в душе и стремился в монастырь, что, и выразил в своем стихотворении «К жене». Той обителью, куда стремился он, был Псково-Печерский монастырь. Совсем созрела в нем мысль уйти туда, оставив жену в миру для детей, но сатана не дремал и не дал осуществиться этому замыслу.

Замечу, вообще, что стоит кому-нибудь принять твердое решение уйти в монастырь, как сатана строит против него всякие козни. Отсюда видно, что монашество для сатаны вещь весьма неприятная. Конечно, про нас, монахов последних времен, нельзя сказать, чтобы мы вели особенно деятельную борьбу с врагом, — какие уж монахи! Но все же боремся,

как можем. А в миру эта борьба давно забыта, сатана диктует законы миру, и мир слепо идет за ним. Не подумайте, что, говоря так, я зову вас в монастырь. Нет! Я только хочу сказать, что и живя в миру, не нужно забывать Бога, не нужно терять общения с Ним, а пока не порвана связь, не разрушено богообщение — жива душа человека, хотя бы и впал он в грехи...

Когда же связь обрывается, душа умирает. Казалось бы, тут противоречие: душа безсмертна, а я говорю о ее смерти. Поясню примером. Приезжает ко мне девушка, лет девятнадцати. Лета еще как будто не старые, а говорит, что жизнь потеряла для нее смысл, так как умер человек, которого она любила всем существом своим. Он умер, а она осталась совсем одна.

— В Бога-то веру не потеряли?

— Нет, в Бога я верю... Но поймите, умер тот, кого я любила больше всего на свете...

В разговоре выясняется, что «умер» надо понимать не буквально, что этот человек жив, но он изменил ей, надсмеявшись над любовью, бросил ее. Для этой девушки он действительно умер, хотя, может быть, они и на улице встречаются, и видит она его.

Так и душа может умереть для Бога, потому что, когда нарушается богообщение, тогда душа перестает существовать для Бога. Но и такую, умершую, душу Бог силен воскресить и спасти.

Была здесь у меня и другая девушка. Она из купеческой семьи, обладающей колоссальными средствами. Враг, когда хочет погубить душу, начинает с того, что выкрадывает у нее веру в Бога, чтобы пресечь общение с Ним, тогда она оказывается целиком в его руках. И на эту девушку устремил он свои стрелы. Орудием его оказался один человек, молодой по летам, но опытный по развращенности и порокам. И этого человека она полюбила, а он начал с того, что украл у нее веру в Бога. Ведь это так легко: «Кто все это видел? Как можно этому верить? Все это суеверные бредни...»

Договорился до того, что вера стала в ее глазах всего лишь

пустым предрассудком невежественных людей. А дальше... дальше он заставил уверовать в законность свободной любви и развратил ее совершенно, а потом и бросил. Она дошла до такого состояния, что чуть не покончила с собой. Но Бог способен спасти и такую душу — и Он спас ее, так как в душе ее всегда тлела искра стремления к Небу, к какому-то ею самой не осознанному идеалу.

Художница в душе, она очень любила музыку, особенно минорную, и звуки ее навевали ей мысль о Боге. Ее развратитель этого не любил и часто насильно захлопывал крышку рояля, протестуя против этих, как он выражался, «телячьих нежностей». Ему — бурсаку по происхождению — больше была присуща грубость. Именно эта грубость вместе с врожденной тоской и стремлением к Богу, которое жило в душе девушки, и выручили ее — теперь она спасена. Приехала она сюда, обновилась душой, а теперь вышла замуж за хорошего человека.

Вот этой-то искоркой стремления к богообщению и надо дорожить, не давая окружающему мраку погасить ее. Опять повторяю: лучшие наши писатели стремились к Богу, хотя теперь как-то забыли об этом, и студенчество сейчас ничего не читает, а о Шекспире и Пушкине и понятия не имеют. А эти писатели могли поднять их от будничной, серой, обыденной жизни и привести к Богу. Впрочем, надо сказать, что такое чтение хотя и может довести до мыслей о Небе, но ведет оно все-таки окольными путями. Лучше же избрать прямую дорогу, которая открыта перед нами, лучше читать творения святых отцов Церкви, Жития святых. Аминь.

* * *

Вчера беседа наша вышла какой-то незаконченной. Мне пришлось ее прервать, так как среди некоторых стало замечаться утомление, появились вновь прибывшие, уставшие с дороги.

Кто сидит в гоголевском кресле? М.А.? Я потому спросил, что с Гоголя я хочу начать сегодня речь. Его называли помешанным... За что? За тот духовный перелом, который в нем

произошел и после которого Гоголь твердо пошел по пути богослужения. Как же это случилось?

В душе Гоголя, насколько мы можем судить по сохранившимся письмам, а еще больше по рассказам о нем, всегда жила неудовлетворенность жизнью, ему хотелось лучшей жизни, а найти ее он не мог. «Бедному сыну пустыни снился сон...» — так начинается одна из его статей. И сам он, и все человечество представлялось ему в образе этого бедного сына пустыни. Это состояние человечества изображено в Псалтири. Там народ Божий, алча и испытывая жажду, блуждал по пустыне, ища града обительного, и не находил его. Так и все мы алчем и жаждем этого града обительного и, ища его, тоже блуждаем в пустыне. Это состояние духа знакомо и Лермонтову. В одном из своих стихотворений он жаловался, что не может найти твердый утес, чтобы опереться на него и твердо знать, что ему любить и петь. Но Лермонтов так и не нашел града обительного, то есть Царства Небесного, и кончил плохо. Иной была судьба Гоголя. Мы знаем из его жизнеописания, что он удостоился мирной христианской кончины. Как же он достиг этого? Был в Москве один дом, где собирался весь цвет, все сливки, так сказать, общества того времени, но не аристократического общества, а интеллигенции. Это был дом Погодина. Речи там велись чаще всего на тему о богоугождении. В те времена интересы интеллигентного общества были несколько иные, чем теперь. Безбожников почти не было, были сомневающиеся, и много говорили о Боге и Царстве Небесном. Случалось и Гоголю быть у Погодина. Со свойственной ему экзальтацией Гоголь много говорил о своих исканиях, о том, что жить так, как он живет, невозможно, а как надо жить, он не знает.

— Читайте Евангелие.

— Читал, оно-то и сказало мне, что так жить нельзя, но как перестроить жизнь, как сделать ее святой — не знаю.

— Однако было много людей, угодивших Богу, читайте Жития святых, особенно Жития преподобных (преподобный — это человек, исполнивший заповеди). *Бу́дите убо вы соверше́ни, якоже Отец ваш Небесный соверше́н есть* (Мф. 5, 48).

Преподобные очистили душу и освятили ее так, что она по всем свойствам стала подобна Богу. Понятие о подобии предметов мы встречаем в математике. Один треугольник маленький, другой — большой, но по свойствам своим этот маленький совсем похож, или подобен большому, подобен, но не равен. И в природе мы часто сталкиваемся с подобием предметов. Люди, по свойствам души своей уподобившиеся Богу, называются преподобными. Раньше их жизнеописаниями интересовались, теперь эти книги основательно забыты, к великому нашему несчастью.

— Читал и Жития и вот на что наткнулся: много было святых, все они устремлялись к Богу, но шли к Нему разными путями. Представьте себе круг: к середине его, к центру, сходится множество радиусов, идут все они к одной цели, но с разных сторон — сверху, снизу, справа, слева. Центр — Христос, радиусы — люди, святые, идущие к Нему разными путями. Один спасался путем смирения, другой — терпения, третий — рассуждения, и все они разными путями пришли к Богу. И я хочу идти к Богу, но пути к Нему найти не могу и *...челове́ка не и́мам* (Ин. 5, 7).

Гоголь здесь разумел евангельское сказание о расслабленном при Силоамской купели. Вспомните это сказание. При купели собралось много больных, жаждущих исцеления. По временам сходит Ангел Господень и возмущает воду, и тот больной, который после этого первым погрузится в воду, получает исцеление. Лежит при купели расслабленный, долгие годы ждет он исцеления и не получает. Отчего? *Челове́ка не и́мам* — не имеет человека, который бы его спустил в целительную воду. Так и лежит расслабленный, а Бог смотрит на него.

Под тем расслабленным можно разуметь все больное, расслабленное человечество, бедное, зараженное первородным грехом и ждущее исцеления. Томилось человечество, а Бог смотрел на него.

Конечно, Своей всемогущей силой Он в одно мгновение мог возродить человечество, сделать его из грешного святым. Силен был это сделать Господь, но не допустила того Правда

Божия. Нельзя было дать повод сатане упрекнуть Бога в несправедливости. Для спасения человечества нужен был человек же. Долгие годы люди ждали Этого Человека и томились, подобно расслабленному при Силоамской купели. И пришел Человек, и искупил человечество, очистив его от первородного греха.

Ну а теперь мы опять заблудились, опять ждем человека, который бы подвел нас к источникам воды живой. Так томился и Гоголь и высказал свое томление у Погодина.

— Теперь-то я понял, что вам надобно, — сказал хозяин, — человека вам надобно, так ли?

— Поняли? Только теперь поняли? Не можете ли вы помочь мне? Можете ли указать такого человека?

— Да! Такой человек есть.

— Где же искать его?

— Надо ехать в один монастырь...

При этих словах Гоголь сразу нахохлился:

— В монастырь? Да что можно услышать в монастыре? Бывал я в Италии у католических монахов, не дали они мне удовлетворения.

— И все-таки я повторяю: съездите в этот монастырь.

— Ну хорошо, в какой же?

— Он называется Оптина пустынь и находится в Калужской губернии. Это не так далеко от Москвы. Вы человек холостой, семьи у вас нет (известно, что Гоголь не был женат), и при выдаваемой вам по приказанию Государя пятитысячной пенсии эта поездка будет вам по силам. В Оптиной есть один старец, иеросхимонах Макарий, вот с ним-то вы и поговорите. Это и есть тот человек, которого вы ищете.

— Макарий? Что-то я никогда этого имени не слышал.

— Вот то-то и грех, что вы не знаете этого человека. Мало ли лиц вы видели, мало ли представителей искусства и науки встречали, сколькими художественными произведениями любовались...

— Да, я был в Риме, был в Дрездене по совету своих знакомых и что за чудные минуты пережил, рассматривая произведения старинных мастеров... Стоял перед «Мадонной»

Рафаэля, да мало ли еще пришлось видеть произведений искусства...

— Вот видите, многое пришлось вам видеть, а гения искусства из искусств — жизни по Богу — старца отца Макария не знаете!

— Хорошо, послушаюсь вас, поеду, положившись на вашу ученость и доверяя вашей искренности.

И поехал, и прибыл в Оптину.

А недавно другой гениальный писатель, Толстой, тоже приезжал сюда, подходил к этой моей двери и к дверям другого старца, Иосифа, и ушел. Отчего? Что помешало ему войти в эту или другую дверь? Не гордыня ли его? Что может сказать какой-то старец? Кому? Льву Толстому, перед которым преклонялся весь мир... О чем ему говорить с этими старцами? Не мог он сломить своей гордыни — и ушел. Конечно, это только предположение, но кто знает? Не близко ли оно к истине? Ушел куда? В вечность. В какую? Страшно сказать! И все это произошло почти на моих глазах....

Иначе было с Гоголем. Есть предание, что старец отец Макарий предчувствовал приход Гоголя. Говорят, он был в это время в своей келье, и, кто знает, не в этой ли самой? Отец Макарий быстро ходил взад и вперед по келье и говорил бывшему с ним иноку:

— Волнуется что-то сердце у меня, точно что-то необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то...

В это время доложили, что пришел Николай Васильевич Гоголь.

В Евангелии рассказывается, что когда к Иисусу Христу пришли эллины, Он возрадовался духом и произнес: *...ныне прослáвися Сын Человеческий, и Бог прослáвися о Нем* (Ин. 13, 31). Так, вероятно, и старец Макарий предчувствовал великое прославление, но не себя, а Николая Васильевича Гоголя.

— Проси.

И вот Гоголь у старца. Начинается беседа. Без свидетелей происходила она, никем не записана, но во время ее невидимо присутствовал Бог, и Божественная Благодать преобразила душу Гоголя. Как бы я желал, да и вы, я думаю, тоже

не отказались бы послушать эту замечательную беседу великого старца с великим писателем. Вероятно, она была весьма содержательна и представляла величайший интерес. Старец Макарий в высшей степени обладал даром властного слова, и речи его имели огромное влияние на душу слушателей. Выйдя от старца, Гоголь говорил:

— Да, мне сказали правду! Это единственный из всех известных мне людей, кто имеет власть и силу повести́ на источник воды живой.

И Гоголь переродился. Он сам говорил: «Вошел я к старцу одним, а вышел другим».

Гоголь хотел изобразить русскую жизнь во всей ее разнообразной полноте. С этой целью он начал свою поэму «Мертвые души» и написал уже первую часть. Мы знаем, в каком свете там отображена русская жизнь: плюшкины, собакевичи, ноздревы, чичиковы... Вся книга представляет собой душный и темный погреб пошлости и низменности интересов. Гоголь сам испугался того, что написал, но утешил себя тем, что это только накипь, только пена, снятая с воды житейского моря. Он надеялся, что во втором томе ему удастся нарисовать русского православного человека во всей его красоте, во всей чистоте. Как это сделать, Гоголь не знал. Приблизительно в это же время и произошло его знакомство с отцом Макарием.

С обновленной душой уехал Гоголь из Оптиной, но не оставил мысли написать второй том «Мертвых душ» и работал над ним. Но потом, чувствуя, что ему не по силам воплотить во всей полноте тот образ-идеал христианина, который жил в его душе, он разочаровался в своем произведении. Вот причина сожжения второго тома «Мертвых душ». Друзья и современники не поняли, что произошло с ним. Такой великий ум — Белинский — только обругал Гоголя. Белинский тоже плохо кончил. Вряд ли он спасен, так как был он неверующим, хотя умер не в полном разрыве с Церковью, как Толстой. А Гоголь умер истинным христианином. Есть предание, что незадолго перед смертью он говорил одному из своих близких друзей:

— Ах, как я много потерял, как ужасно много потерял!

— Что вы потеряли?

— То, что не стал монахом. Отчего отец Макарий не взял меня к себе в скит?

Неизвестно, заходил ли у Гоголя с отцом Макарием разговор о монашестве, предлагал ли ему старец поступить в монастырь. Очень возможно, что отец Макарий и не звал его, видя, что он не снесет трудностей нашей скитской жизни.

Монашество... Сколько раз у нас заходила речь о нем, и всегда я советую, если уж сами не идете в монастырь, то, по крайней мере, читайте описание жизни святых монахов и преподобных. Они нас могут многому научить.

Когда-то раньше я говорил вам о моем гимназическом товарище. Учился он прескверно. Как-то вижу, запустил он свои рученьки в волосы и углубился в чтение. Со свойственным мальчикам любопытством я стал заглядывать, что он читает. Запись с одной стороны, с другой — оглавления не видно.

— Что ты читаешь?

— А тебе что?

— Да интересно, редкое явление (а он никогда ничего не читал).

— Уйди!

Пришлось отойти. Позже смотрю, кончил он читать, отложил книгу и задумался. Я подошел.

— Что ты читал, скажи.

Он показал мне лист с заглавием. Оказалось, жизнеописания знаменитых ученых и художников.

— Интересно? — спрашиваю.

— Очень. И знаешь что? Я буду знаменитым ученым!

— Ну, брат, много захотел. Ты вот лучше уроки алгебры поаккуратнее делал бы, а то у тебя все двойки да единицы!

— Нет, это кончено! Буду ученым!

И что же? Начал хорошо учиться, закончил гимназию прекрасно, а потом, как я слышал, и был если не великим, то одним из известных наших ученых. Вот какое воздействие может оказать прочитанная книга: прочел и переменился. Так и на нас чтение Жития святых может подействовать благотворно. В Прологе рассказывается следующее. В пустыне жил

один подвижник. К нему пришли представители языческой школы стоиков и начали спрашивать, что он делает в пустыне и в чем, по его мнению, заключается преимущество его жизни над жизнью людей из секты. «Ты постишься — постимся и мы, ты бодрствуешь — и мы не спим, ты нищ — и мы ничего не имеем. Но мы занимаемся наукой, мы изыскиваем новые пути для человеческой мысли, а ты что делаешь? Какую ты приносишь пользу человечеству?» — «Что я делаю? Ничего. Я охраняю свою душу от гибельных помыслов».

В Прологе не сказано, как отнеслись к этому ответу стоики, но старец в этих словах выразил всю сущность монашеского делания.

Охранять свою душу от помыслов — это трудное дело, значение которого даже непонятно людям мирским. Нередко говорят: «Да зачем охранять душу от помыслов? Ну, пришла мысль и ушла, что же бороться с ней?» Очень они ошибаются. Мысль не просто приходит и уходит. Иная мысль может погубить душу человека, иной помысл заставляет человека вовсе свернуть с определенного пути и пойти совсем в другом направлении.

Святые отцы говорят, что есть помыслы от Бога, помыслы от себя, то есть своего естества, и помыслы от бесов. Для того, чтобы различить, откуда приходят помыслы, внушаются ли они Богом или враждебной силой или происходят от естества, требуется великая мудрость.

Часто, принимая людей не на этой половине, а там, у мужчин*, живущих больше умом, а не сердцем (женщина живет больше сердцем, чувством), я слышу, как жалуются на то, что мы переживаем теперь трудные времена, что теперь дана полная свобода всяким еретическим и безбожным учениям, что Церковь со всех сторон подвергается нападкам врага, и страшно за нее становится, что одолевают ее эти мутные волны неверия и ереси. Я всегда отвечаю:

---

* Старцы в мужских обителях, как правило, имеют две приемные: мужчины допускаются вовнутрь монастыря (скита), а для женщин устраивается внешняя келья.

— Не безпокойтесь! За Церковь не безпокойтесь. Она не погибнет, *...врата ада не одолеют ее* (Мф. 16, 18) до самого Страшного суда. За нее не безпокойтесь, а вот за себя бояться надо.

И правда, наше время очень трудное. Отчего? Да оттого, что теперь особенно легко отпасть от Христа, а тогда — погибель. Те, кто последовали за Христом, преподобные Его, те и воцарятся с Ним.

Но мы знаем других преподобных, уподобившихся не Христу, а врагу Его — сатане. Вероятно, и вы знаете этих преподобных если не по их произведениям, то хотя бы по именам: все эти ницше, ренаны и прочие развратители нравственности — знаете, какова их участь? Во всем уподобившись виновнику всякой мерзости, всякой нечистоты — диаволу, они по смерти попадают в его власть, по русской пословице: свой своему поневоле брат.

Послужившие же Христу воцарятся с Ним. Он им тоже «Свой». Теперь особенно легко отпасть от Христа и подпасть под власть темной силы. Идешь по улице и видишь: в витрине выставлена книга, трактующая ну хотя бы о Божественности Христа. Помысл говорит: зайди, купи книгу, прочти. Хорошо, если человек не поверил этому помыслу, если сообразил, что внушается ему эта мысль сатаной, что книга эта враждебна учению Святой Церкви. А другой, смотришь, зашел, купил книгу, прочел — да и повернул в другую сторону, отпал от Христа. Где начало его падения? В помысле лукавом.

Да и Толстой не от помысла ли погиб? Ведь мог бы быть праведником. Известно, что иногда он спрашивал свою жену: «А что бы ты, Сонечка, сказала, если бы я вдруг поступил в монастырь?»

Неизвестно, что отвечала ему София Андреевна, да и Толстой говорил это, вероятно, полушутя. Помните, у Гоголя в «Старосветских помещиках» Афанасий Иванович любил пугать Пульхерию Ивановну и говорил ей, что вот возьмет, соберется да и пойдет с турками воевать. Пульхерия Ивановна отмахивалась от таких страшных слов мужа. Как относилась

к речам Льва Николаевича София Андреевна, мы не знаем, но жизнь Льва Николаевича могла бы пойти совсем иначе, не послушайся он погибельного помысла. Появилась у него мысль, что Иисус Христос не Бог, и он поверил ей. Потом пришло в голову, что Евангелие написано неправильно, и этой мысли он поверил и перекроил по-своему Евангелие, отпал от Церкви, уходил все дальше и дальше от Бога и кончил плохо. Приходил он как-то сюда, был у батюшки отца Амвросия, вероятно, пришел под видом жаждущего спасения. Но отец Амвросий хорошо понял его, а Толстой заговорил с ним о своем евангелии. Когда Толстой ушел от батюшки, тот сказал про него только: «Горд он!» И поверьте, этим охарактеризовал он весь его душевный недуг. Толстой вернулся в гостиницу, а там жил известный в то время писатель Леонтьев. Они были между собой знакомы, и Толстой стал рассказывать ему о посещении скита. Тот, будучи человеком горячим, пришел в негодование и воскликнул:

— Как могли вы осмелиться, граф, говорить со старцем о вашем евангелии?

— А, так вы хотите донести на меня обер-прокурору? Ну что же, доносите! Посмотрим, что из этого выйдет.

Вот как Толстой его понял и в чем заподозрил! А мало ли других случаев, когда с помысла начинается гибель человеческой жизни. Вот, например, молодой человек любит девушку и начинает размышлять: «Мне она по душе, да и она, кажется, любит меня. Она рассчитывает выйти за меня замуж. Что же мне, жениться? Но тогда она мне будет в тягость. Я получаю такое-то содержание. Теперь оно идет на меня одного, а тогда, после женитьбы, придется делиться с ней. Я лучше обману ее, возьму от нее все, а ее брошу, как выжатый лимон». И если он еще усомнится в своем помысле, тут какой-нибудь советчик найдется, который скажет, что понятия о нравственности условны, церковные заповеди необязательны, что жизнь дана для наслаждения и надо брать от нее все, что она может дать. Жизнь — борьба за существование. Надо жить для наслаждения и шагать через слабейших, для своего удовольствия, не задумываясь о предстоящих страданиях жертвы.

Вот и кончено. Удобная философия найдена, и человек бессовестно пользуется доверчивостью другого лица.

Английский философ Дарвин создал целую систему, по которой жизнь есть борьба за существование, борьба сильных со слабыми, где побежденные обрекаются на гибель, а победители торжествуют. Это уже начало звериной философии, и уверовавшие в нее люди не задумываются, как это — убить человека, оскорбить женщину, обокрасть близкого друга? Все воспринимается совершенно спокойно, с полным осознанием своего права на все эти преступления. И начало всего этого опять в помысле, которому поверили люди, в помысле, что нет ничего запретного, что Божественные заповеди необязательны, а церковные постановления стеснительны.

Нельзя доверяться этим помыслам. Надо раз и навсегда подчиниться требованиям Церкви, как бы ни были они стеснительны. Да они не так уж и трудны!

Чего требует Церковь? Молись, когда надо — постись, это нужно исполнять. Про Свои заповеди Господь говорит, что они не тяжки. Какие же это заповеди? *Блажени милостивии...* (Мф. 5, 7). Ну это мы еще, пожалуй, исполним. Умягчится наше сердце — и мы окажем милость, поможем бедным людям. *Блаже́ни кро́тцыи...* (Мф. 5, 5). Вот тут стоит высокая стена — наша раздражительность, которая мешает нам быть кроткими. *Блаже́ни есте́, егда́ поно́сят вам...* (Мф. 5, 11). Тут уж в нашем самолюбии и гордости почти непреодолимая преграда к исполнению этой заповеди. Милость мы окажем, пожалуй, даже справимся со своей раздражительностью, но снести поношения да еще добром заплатить за них — это вовсе невозможно. Это преграда, которая отделяет нас от Бога, ее мы и не стараемся преодолеть, а преодолеть надо. Где искать силы для этого? В молитве. Есть прекрасная книга, описывающая действие молитвы.

Происхождение этой книги таково. На старом Афоне жил один старец по имени Дезидерий. Когда там поднялись волнения и жизнь русских иноков стала слишком тяжела, им грозили выселением с Афона, тогда русские афонцы стали совещаться: что же делать? Голоса разделились. Некоторые

предлагали обратиться к английской королеве с просьбой продать им земли в Австралии для устройства там новой обители. Но это предложение было отвергнуто, а остановились на другом — переселиться на Кавказ. Здесь император Александр II безплатно пожертвовал участок земли, где и был основан Новый Афон. В числе других иноков, переселившихся сюда, был и отец Дезидерий. Но скоро шум общежития стал его тяготить, и он удалился в горы Кавказа для безмолвия, удалился не самочинно, а с благословения старцев. Здесь он проводил поистине равноангельскую жизнь. Чем он питался — трудно сказать. Был, кажется, у него огород, значит, овощи и вода служили ему пищей и питьем. Здесь познал он истинное счастье в общении души с Богом, которого напрасно ищут люди, гоняясь за скоропреходящими радостями мира.

Отец Дезидерий имел одного ученика, с которым вел беседы о внутреннем делании, то есть об Иисусовой молитве. Когда отец Дезидерий умер, ученик похоронил его святое тело. Беседы эти он постепенно записывал. Когда к нему пришел третий афонец, отец Венедикт, то он увидел эти рукописи, и ему пришло в голову их издать. С этим предложением он приезжал к нам в скит.

Не имея средств, достаточных для этого предприятия, я направил его к Великой Княгине Елизавете Феодоровне, которая предоставила возможность издать эту прекрасную книгу. Несколько экземпляров есть у меня, и я могу дать кое-кому. Книгу надо прочитать несколько раз, чтобы вполне воспринять всю глубину ее содержания. Она должна доставить громадное наслаждение людям, имеющим склонность к созерцательной жизни.

Дай Бог, чтобы чтение это принесло вам не только высокое духовное наслаждение, но также помощь в деле спасения своей души. Аминь.

* * *

Есть предание, что Преображение Господа нашего Иисуса Христа знаменует для нас начало Жизни Вечной, а потому так важно причащаться Святых Таин именно в этот праздник.

Господь всех призывает к Себе, всем обещает жизнь, но вот грустное явление — не хотят идти. Не хотят к Господу и даже не чувствуют, что есть потребность духа, и, кроме удовлетворения прихотей тела, ни к чему не стремятся.

Апостолы, бывшие со Христом на Фаворе, исполнились великой радости, они даже позабыли себя. ...*Господи, добро́ есть нам зде́ бы́ти,* — восклицает за всех апостол Петр, — *аще хо́щеши, сотворим́ зде три́ сени, Тебе еди́ну, и Моисе́ови еди́ну, и едину Илии́* (Мф. 17, 4). А про себя-то и не говорит, не просит позволения устроить еще сень или кущу для трех апостолов. Таково блаженство от созерцания славы Господней, блаженство, ни с чем не сравнимое.

Но, может быть, кто-нибудь захотел бы в этой жизни быть все время на Фаворе! Невозможно это. Один святой сказал: «Сначала побудь на Голгофе, а потом уже взойдешь на Фавор». Святитель Исаак Сирин говорит: «Сперва нужно потерпеть досаду креста, а потом уже ощутить славу креста». Чтобы ощутить эту славу, чтобы духовно преобразиться, нужно очистить свое сердце от страстей. «Возбраняй уста свои от клеветы, — продолжает святитель, — храня сердце свое от страстей и очищая сердце свое от страстей, на всяк час зри Господа. Аще любишь чистоту, да не восклевещи на брата своего. Хощеши увидити Господа внутрь себя, ухищряй очистити сердце свое непрестанно памятию Бога».

Главное, что требуется от каждого человека, — это никого не осуждать. Кажется, просто, а начни исполнять — окажется трудно. Враг сильно нападает на человека и внушает ему помыслы осуждения. Господь говорит: «Прости», а враг внушает: «Отомсти обидчику. Он тебя поносит, и ты его поноси». Не нужно слушать врага, необходимо бороться с ним.

Все люди в этом отношении разделяются на три категории: плотские, борющиеся и совершенные. Люди плотские — это те, которые являются рабами страстей, страсти ими повелевают. Например, диавол внушает: «Убей такого-то, он тебе много сделал зла», и человек это совершает. Люди, отдающиеся во власть страстям, погибнут, если только не покаются, а если раскаются в своих грехах и начнут

по силе бороться со страстями, то будут спасены. Примером может служить разбойник на кресте: он убивал, грабил, совершал всякие злодейства, но когда покаялся и воззвал: *...помяни меня, Господи, когда приидешь в Царствие Твое!* (Лк. 23, 42), — то был помилован.

Люди второй категории — это борющиеся со своими страстями: гневом, блудом, злобой, они стараются не подчиняться им. Например, чувствует такой человек злобу к кому-нибудь: так бы, кажется, и разорвал своего противника на части, но он не поддается страсти, не выражает своего раздражения, даже стремится сделать какое-либо добро ненавидимому — такой человек борется со страстью. И так во всем. Борющиеся будут спасены. Господь не попустит таким погибнуть.

Надеюсь, все мы относимся ко второй категории людей, боремся по силе со своими страстями. Конечно, иногда страсти побеждают, но иногда и мы побеждаем страсти, и эта борьба ведется всю жизнь. «Немощная Врачующий и оскудевающая Восполняющий» даст нам явиться победителями страстей.

Наконец, люди совершенные — это те, которые владычествуют над страстями. У них есть страсти, но они смогли взять над ними власть. Эти люди особенные, а нам, грешным, хорошо и среди борющихся со страстями, и за это, слава Господу, будем иметь надежду на спасение.

Надо бороться со страстями, а если они и победят, то будем каяться и исповедоваться во всех грехах своих. Вот на Страшном суде уже не будет покаяния, не будет там ни Варсонофия, ни Гавриила, а только одна Правда Божия. Постараемся преобразиться духовно, для такого преображения и в монастырь идут.

Когда я поступал в монастырь, то думал, что там только и делают, что стоят с воздетыми горé руками и молятся, а оказалось иначе... Мало труда молитвенного, необходим еще труд, который в монастыре называется послушанием: один в саду, другой в огороде, тот в поварне, иной в квасоварне, некоторые занимаются сапожным или портняжным ремеслом. Это необходимо. Нужно терпеть и труд, и досаду от братии, чтобы действительно преобразиться.

Один студент из богатой семьи решил все оставить и посвятить себя Богу. Внес он большой вклад и поступил в число братии. Послали его на огород, и там в грязи и сырости пришлось ему работать. Враг, не терпящий такого смирения, начал вооружать против него братию, особенно из простецов.

— Ну зачем ты, болван, сюда пришел? — говорит ему однажды один из иноков.

— Хочу спасти свою душу.

— Еще бы! Хлеб монастырский жрать — вот для чего ты явился сюда.

— Прости, Христа ради, — ответил бывший студент и тем победил врага.

Инок, грубо отнесшийся к послушнику, потом раскаивался. А обиженный пошел к старцу и рассказал ему обо всем, прибавив: «Я не жалуюсь на него, но прошу святых молитв ваших, чтобы благодушно перенести всякое оскорбление».

В монастыре дают такие уроки, и ими приобретается смирение незаметным для монаха образом. А пройдет лет двадцать-тридцать, и узнает инок — не назад он шел, а вперед. И, постепенно очищая свое сердце от страстей, сподобится он Царствия Небесного, которого да сподобит и нас всех Господь. Аминь.

...Вот еще странное явление: в настоящее время многие преклоняются перед нравственным учением Христа Спасителя и хотят исполнять Его законы, но отвергают Законодавца, то есть хотят создать христианство без Христа. Таков, например, Толстой и многие другие, ему подобные.

Некоторые говорят, что трудного? В Новом Завете все только любовь да любовь. Да, но это-то и составляет подвиг: любить всех, по Евангелию, совершенной любовью — это дело далеко не легкое и требует громадного труда и содействия Благодати Божией. Заповеди Ветхого Завета легче заповедей Евангельских, их мог исполнять человек невоздержанный, но для Нового Завета это невозможно.

Таинства Православной Церкви имеют такую великую силу, что человек крещеный, будь он даже злодей, если покается, может начать новую жизнь, исполняя Евангельский

закон во всей полноте. Господь требует от нас прежде всего веры: *Без веры угодить Богу невозможно...* (Евр. 11, 6). Сколько бы кто ни делал добрых дел, но если он совершает их не во имя Христово, то они не имеют никакой цены. Поясним примером. Возьмем человека неверующего, но старающегося жить праведно и злодея, но не отвергающего Христа. Умер первый, и Господь отверг его: «Я тебя не знаю, ты не признавал Меня во время земной жизни, а Я отвергаю тебя в Жизни Вечной». Такова поистине судьба невера. Ну а злодей? Много совершил он всевозможных преступлений, но вот приблизился его смертный час: «Господи, Господи, что будет со мной, хуже меня нет ни одного человека в мире!» Зовет он священника, открывает ему свои прегрешения, которые действительно очень велики, тот накладывает епитрахиль, читает разрешительную молитву, и все грехи бывшего злодея потопляются в море милосердия Божия. А затем он сподобляется принятия Святых Таин и отходит ко Господу оправданный, идет в рай.

У нас, в Оптиной, некоторое время жил инок Игнатий (Брянчанинов), впоследствии епископ. Батюшка отец Лев говорил, что из него может выйти Арсений Великий. Но Арсения не вышло, не выдержал он искуса. Отец Лев, желая приготовить из него подвижника, испытывал его смирение. Бывало, пойдет куда-нибудь, возьмет и молодого Брянчанинова с собой и велит ему ехать за кучера. Остановится где — оставит его в конюшне с лошадьми, как будто забудет про него. Потом скажет: «А у меня там дворянчик с лошадьми остался, нужно ему чайку предложить». Подобным испытаниям батюшка частенько подвергал его, и он не выдержал. Однажды Брянчанинов заболел и временно, как бы на поправку, перешел в Любенский монастырь, но оттуда не вернулся. Потом он стал епископом, но Арсением Великим не сделался. Монашеская жизнь требует полного самоотвержения: *...отвергнись себя, и возьми крест свой...* (Мф. 16, 24).

Царствие Небесное нельзя заслужить, махая тросточкой. Мы все ищем избежать скорбей, а Священное Писание

говорит: *Егда не обрящеши скорбей, тогда убойся.* В монастыре прежде всего необходимо смирение и терпение, надо быть готовым перенести всякое оскорбление.

О молитве Иисусовой

Молитва Иисусова имеет громадное значение в жизни христианина. Это кратчайший путь к достижению Царствия Небесного, хотя этот путь нелегкий, и, вступив на него, мы должны быть готовы к скорби. Правда, немалое значение имеют и другие молитвы, и человек, проходящий Иисусову молитву, слушает в церкви молитвословия и песнословия, совершает обязательные келейные правила. И все-таки именно Иисусова молитва скорее других приводит человека в покаянное настроение и показывает ему его немощи, следовательно, скорее приближает к Богу. Человек начинает чувствовать, что он величайший грешник, а это Богу только и нужно.

Враг всячески старается отклонить христианина от этой молитвы, ее он больше всего боится и ненавидит. Действительно, человека, всегда творящего эту молитву, сила Божия сохраняет невредимым от вражеских сетей. Когда же человек вполне проникается этой молитвой, то она отверзает ему райские врата, и хотя бы он на земле не получил особых даров и благодати, душа его будет дерзновенно вопиять: *Отве́рзите мне врата́ правды...* (Пс. 117, 19).

И вот враг внушает различные помыслы для смущения неразумных, говоря, что молитва требует сосредоточенности, умиления и так далее, а если этого нет, то она только прогневляет Бога. Некоторые слушают эти доводы и бросают молитву на радость врагу.

Начинающий Иисусову молитву подобен гимназисту, поступившему в первый класс гимназии и надевшему форму. Можно думать, что он впоследствии и кончит гимназию, может быть, и в университет пойдет. Но вот проходят искушения первого же урока, например, по арифметике ученик не понял, и помысл ему говорит: «Первого урока не понял, тем

более не поймешь второго, а там, глядишь, вызовут. Лучше скажись больным да посиди дома». Если же у ученика есть состоятельные родственники, то тут искушений еще больше, тот же соблазняющий голос говорит: «У тебя дедушка и дядюшка богатые, чего тебе учиться, у них погости». Слушает эти речи гимназист, перестает учиться, теряет зря время, а через несколько лет вырастает никуда не годный балбес. Время ушло, какое тут учение — и исключают его из гимназии.

Так и с молитвой может случиться. Не следует внимать искусительным помыслам, надо гнать их далеко от себя и, не смущаясь, продолжать молитвенный труд. Пусть незаметны плоды этого труда, пусть человек не переживает духовных восторгов, умиления, но все-таки бездейственной молитва остаться не может. Она безшумно совершает свое дело.

В бытность в Оптиной известного старца отца Льва один инок, двадцать два года проходящий Иисусову молитву, впал в уныние — вроде как бы не видел никаких благоприятных результатов своего труда. Он пошел к старцу и высказал ему свое горе.

— Вот, отче, двадцать два года совершаю я Иисусову молитву и не вижу никакого толка.

— А какой же ты хочешь видеть толк? — вопросил старец.

— Как же, отче, — продолжал инок, — я читал, что многие, совершая эту молитву, стяжали духовную чистоту, имели дивные видения, достигали полного безстрастия. А я, окаянный, искренне сознаю, что я самый великий грешник, вижу всю свою скверну и, размышляя о сем, идя по дороге от монастыря к скиту, часто трепещу, чтобы не разверзлась земля и не поглотила бы такого нечестивца, как я.

— А ты видел когда-нибудь, как матери держат на руках своих детей?

— Конечно, видел, отче, но как это ко мне-то относится?

— А вот как. Если ребенка потянет к огню и он даже будет плакать из-за этого — позволит ли мать обжечься ребенку? Конечно, нет, она его унесет от огня. Или вышли вечерком женщины с детьми воздухом подышать, и вот один

младенец потянулся к луне и плачет: дай ему ее поиграть. Что же делать матери, чтобы его утешить? Нельзя же дать ему луну. Она его в избу унесет, в зыбку положит, покачает: «Нишкни, нишкни, молчи!» Так и Господь поступает, чадо мое. Он благ и милостив и мог бы, конечно, дать человеку какие угодно дары, но если этого не делает, то для нашей же пользы. Покаянное чувство всегда полезно, а великие дары в руках человека неопытного могут не только принести вред, но и окончательно погубить его. Человек может возгордиться, а гордость хуже всякого порока: гордым Бог противится. Всяк дар надо выстрадать. Конечно, если царь просто так, от своих щедрот, преподносит дар, то нельзя, отказавшись, бросить его ему в лицо обратно; надо принять с благодарностью, но и стараться употреблять с пользой. Бывали случаи, что великие подвижники, получив особые дарования, за гордость и осуждение других, не имеющих таких даров, ниспадали в глубину погибели.

— А все-таки хотелось бы от Бога гостинчика, — продолжал инок, — тогда и трудиться было бы и спокойнее, и радостнее.

— А ты думаешь — это не милость Божия к тебе, что искренно сознаешь себя грешником и трудишься, совершая молитву Иисусову? Продолжай поступать так же, и если Господу будет угодно, Он даст тебе и сердечную молитву.

Через несколько дней после этой беседы по молитвам отца Льва совершилось чудо. В один воскресный день, когда тот инок по послушанию подавал пищу братии и, ставя миску на стол, произнес: «Приимите, братия, послушание от меня, убогого», он почувствовал в своем сердце что-то особенное, точно какой-то благодатный огонь вдруг подпалил его. От восторга и трепета инок изменился в лице и пошатнулся. Братия, заметив это, поспешили к нему.

— Что с тобой, брат? — спрашивали его с удивлением.

— Ничего, голова заболела.

— Не угорел ли ты?

— Да, верно, угорел, помогите мне, Господа ради, дойти до моей кельи.

Его проводили. Он лег и совсем забыл о пище, забыл все на свете и только чувствовал, что сердце его пламенеет любовью к Богу, к ближним. Блаженное состояние! С тех пор молитва его стала уже не устной, как прежде, а умно-сердечной, то есть такой, которая никогда не прекращается и о которой Священное Писание говорит: *Аз сплю́, а сердце моé бдит...* (Песн. 5, 2).

Впрочем, не всегда Господь посылает умно-сердечную молитву, некоторые всю жизнь молятся устной молитвой. С ней и умирают, не ощутив восторгов сердечной молитвы, но и таким людям не следует унывать. Для них духовные восторги начнутся в Будущей Жизни и никогда не кончатся, а будут увеличиваться с каждым мгновением, постигая все больше и больше Божии совершенства, в трепете произнося: «Свят, Свят, Свят».

Из Жития преподобного Пимена Великого* известен такой случай. К нему пришла однажды его мать из далекой Африки и хотела его увидеть. Когда об этом сообщили преподобному, то он ответил:

— У меня нет матери.

— Как же нет, — возразили ему, — эта приехавшая женщина убедительно говорит, что она твоя мать.

— У меня нет матери, — повторил святой, — но все равно спросите мою мать, желает ли она меня видеть.

— Странный вопрос, отче, если бы она не желала тебя видеть, то не предприняла бы такое путешествие.

— Нет, спросите ее, где она желает меня видеть, в этой жизни или в будущей?

Когда это передали матери святого Пимена, она поняла его значение и ответила: «Желаю свидеться с моим сыном в Будущей Жизни», и ушла обратно.

Этот случай очень назидателен. Может быть, если бы мать настояла на том, чтобы непременно увидеть сына, она не увидела бы его в Будущей Жизни. Когда же ее великий сын обещал с ней увидеться за гробом, то этим обещал ей

---

* Преподобный Пимен Великий († ок. 450 г.; память 27 августа) — египетский подвижник.

вечное спасение. Отсюда можно сделать и такой вывод: совершая Иисусову молитву, мы можем не ощущать святых восторгов в этой жизни, но зато в полной силе ощутим их в будущей.

Молитва Иисусова разделяется на три, даже на четыре ступени. Первая ступень — молитва устная, когда ум часто отбегает и человеку надо употреблять большое усилие, чтобы собрать свои рассеянные мысли. Это молитва трудовая, но она дает человеку покаянное настроение.

Вторая ступень — молитва умно-сердечная, когда ум и сердце, разум и чувства — заодно. Тогда молитва совершается безпрерывно, чем бы человек ни занимался: ел, пил, отдыхал — молитва все совершается.

Третья ступень — это уже молитва творческая, которая способна передвигать горы одним словом. Такую молитву имел, например, преподобный пустынник Марк Фраческий. К нему однажды пришел для назидания один инок. В разговоре Марк спросил: «Есть ли у вас теперь такие молитвенники, которые могут и горы передвигать?» Когда он это говорил, гора, на которой они были, содрогнулась. Святой Марк обратился к ней, как к живой: «Стой спокойно, я не о тебе говорю».

Наконец, четвертая ступень — это такая высокая молитва, которую имеют только Ангелы и которая дается, может быть, одному из всего человечества.

Покойный батюшка отец Амвросий имел умно-сердечную молитву. Эта молитва ставила его иногда вне законов природы. Так, например, во время молитвы он отделялся от земли. Его келейники сподобились видеть это. Последнее время батюшка был болен и все время полулежал в постели, так что не мог ходить в церковь. Все службы, кроме обедни, совершались у него в келье. Однажды совершали всенощную. Батюшка, как всегда, полулежал. Один келейник стоял впереди у образа и читал, а другой — позади батюшки. Вдруг он видит, что отец Амвросий садится на кровати, затем поднимается на десять вершков, отделяется от кровати и молится в воздухе. Ужаснулся келейник, но пребыл в безмолвии. Когда пришла его очередь читать, то другой, встав на место перво-

го, сподобился того же видения. Когда закончили службу и келейники пошли к себе, то один сказал другому.

— Ты видел?

— Да.

— Что же ты видел?

— Видел, что батюшка отделился от кровати и молился на воздухе.

— Ну, значит, это правда, а то я подумал, что мне только это кажется.

Хотели они спросить о том отца Амвросия, да побоялись: старец не любил, когда говорили что-нибудь о его святости. Возьмет, бывало, палку, стукнет любопытствующего и скажет: «Дурень, дурень, что грешного Амвросия об этом спрашиваешь?» — и больше ничего.

В настоящее время в Кавказских горах спасается отец Иларион. Жил он сначала в общежительном монастыре на Афоне, а теперь все оставил и служит Богу в подвиге пустынничества. С ним живет еще молодой (тридцати лет) монах — отец Венедикт. Ему даны старцем некоторые поручения и среди прочего — узнать, как в монастырях совершается молитва Иисусова. Он объездил многие монастыри (мужские и женские) и пришел к печальному выводу. Эта необходимейшая молитва почти всюду оставлена, особенно в женских монастырях. Исполнители ее кое-где, как свечи, догорают.

Прежде молитву Иисусову проходили не только монахи, она была обязательна и для мирских (например, известный исторический деятель Сперанский*, издатель законов, упражнялся в творении Иисусовой молитвы и был всегда радостен, несмотря на многоразличные труды свои). Теперь даже монахи недоверчиво относятся к этому подвигу. Один, например, говорит другому:

— Слыхал?

---

* Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — советник императора Александра I. Руководил кодификацией законов Российской Империи. Будучи сыном сельского священника, в конце жизни получил титул графа.

— Что?

— Да отец Петр начал совершать Иисусову молитву.

— Неужели? Ну, верно, с ума сойдет.

Есть пословица: нет дыма без огня. Действительно бывали случаи, что и с ума сходили люди, но отчего? Да брались за эту молитву самочинно, без благословения, и, начав, сейчас же хотели попасть в святые, лезли на Небо напролом, как говорится, ну и срывались.

(Отец Венедикт недавно был в Оптиной, уехал после Преображения Господня. С батюшкой Варсонофием он вел продолжительные беседы и на вопрос об Иисусовой молитве получил ответ: «Все рабы Божии — и в монастыре, и в скиту — проходят молитву Иисусову, только трудовую, то есть первой ступени»).

Впрочем, и на этой ступени есть до тысячи градаций, и проходящие эту молитву поднимаются, так сказать, с одной линейки на другую. Но человек не может определить сам, на каком уровне он стоит. Считать свои добродетели было бы фарисейской гордостью. Надо считать себя стоящим ниже всех и стремиться получить от Господа те дары, которые несомненно несет с собой Иисусова молитва, — это **покаяние**, терпение и смирение.

*Примечания**

1. Святитель Игнатий (Брянчанинов), впоследствии епископ, был послушником в Оптином скиту и просил однажды одного инока: «Скажи, отче, на пользу моей душе, самодвижная ли у тебя молитва?» Тот, видя, что вопрос предложен не из любопытства, сказал: «Слава Господу, сподобившему меня сего дара, с которым я теперь никогда не расстаюсь. Но получил его внезапно, точно молния озарила меня однажды после многих лет трудовой молитвы».

2. По замечанию батюшки Варсонофия, есть в скиту иноки, которые по сорок лет совершают молитву, но она у них все еще трудовая: мысли расходятся.

3. Некто спросил у отца Амвросия: «На каком слове молитвы Иисусовой делать ударение. Не на слове ли Иисус?» «Это великое слово Господа, — отвечал старец, — но для нас, немощных, полезнее делать ударение на слове „грешный“».

---

* Примечания составлены авторами записи «Бесед».

Беседы преподобного Варсонофия Оптинского, записанные преподобным Никоном Оптинским

10 января 1908 г.

Помоги мне, Господи, довести до конца то, что я начал — батюшка, видимо, ко мне расположен, даже очень добр и нежен. Несколько раз он утешал меня своими беседами и наставлениями. Спаси его, Господи. Всего записать нет возможности, да я и не запомнил всего, а только отдельные наставления:

— Делайте все сами, что можете, старайтесь не пользоваться чужими услугами. В своей келье ничего съестного не держите, всегда аккуратно ходите к трапезе, ибо Господь благословляет скудную пищу и делает ее вкусной. Заметьте, что те монахи и послушники, которые не трапезовали со всеми, а брали пищу себе, хворали и даже умирали.

— В церковь ходите обязательно и всегда до начала, первыми старайтесь прийти. Утреня — одно из самых трудных установлений монастырской жизни, зато и имеет великую силу... За пятисотницу держитесь, как за столп, в ней великая сила. Почему? Это тайна, это закон монашеской духовной жизни.

— Пейте чай у себя, в келье, к другим не ходите, а будут звать — отказывайтесь. В келье же у себя пейте по три чашки. За трапезой кушайте досыта, но не до пресыщения. Пост и воздержание, необходимые впоследствии, для вас совсем необязательны.

11 января 1908 г.

Вчера вечером я быстро был оторван от дневника и пошел к батюшке. Беседа шла очень долго, с 8 до 11 часов. Батюшка много говорил хорошего, но где же все упомнить. Буду опять писать так же кратко и отрывочно.

— «Краеугольный камень иноческого жития есть смирение». Смирение и послушание помогают приобрести различные добродетели, особенно в телесном отношении, но если есть гордость — все пропало. Так, с одной стороны,

велик и гибелен порок — гордость, а с другой — спасительно смирение. *На кого воззрю, только на кроткаго и смиреннаго и трепещущаго словес Моих*, — говорит Господь. А иночество есть великое безбрежное море, исчерпать или переплыть его невозможно.

Это не так понятно человеку, не вступающему на этот путь. Практика нужна. Перед вами огромная завеса, и вот она начинает с нижнего уголка чуть-чуть приподыматься. Вся мудрость земная, правда, которая имеет некоторый смысл и цель, главным образом для достижения удобств в земной, плотской жизни, по сравнению с иночеством есть ничто, или, лучше сказать, — копейка по сравнению с миллиардом рублей.

Один известный мне человек, высоко образованный, получивший европейское образование, был в Московском университете, и в Лондоне, и в Париже. Поступив в монастырь, он пишет своему мирскому другу, товарищу по учению, что он до сих пор ничего не понимал. Так дивно глубок смысл иночества, а назначение инока еще выше.

Святой апостол Павел говорит, что в будущей жизни будут различной степени блаженства: *Ина слава солнцу, ина слава луне, ина слава звездам, звезда бо от звезды разнствует во славе*. Этих степеней миллиарды, говоря по человеческому разумению, неисчислимое количество, и инокам принадлежит первая. А схимонахи, конечно, достойно своего звания живущие, будут в числе «Серафимов». Вот как велико назначение инока. Поэтому как должны мы благодарить Бога, что Он привел нас в скит!

Ни на минуту не подумайте, что вы сами пришли сюда. *«Никто не может прийти ко Мне, аще не Отец Мой Небесный привлечет его»*. От Бога нам дана свобода, и с вашей стороны было лишь свободное произволение. Вы только не противились, когда Он, взяв вас за руку, повел сюда. Господь спасает нас, а не мы спасаемся, но Он, Милосердный, спасает нас при нашем желании.

Итак, благодарите Бога. Вы сами видите, как много людей погибает в миру, сами поразмыслите теперь, за что оказал Господь вам такую милость, что привел вас сюда в монастырь, в

наш укромный тихий скит. Да. Только при помощи Божией можно проходить этот тесный, скорбный путь.

На первый взгляд кажется, что есть какое-то противоречие: с одной стороны, этот путь исполнения заповедей Господних есть легкий и благой, а с другой — он тесный и прискорбный. Да, он тесен и прискорбен для тех, кто вступает на него или с принуждением без внутреннего расположения, или же из-за каких-либо иных целей, кроме спасения души. Для таких он тяжел. А для тех, которые становятся в ряд иноков с чистым желанием и намерением служить Господу Богу в духе и истине, он легок.

Вот и Вы, Николай Митрофанович, поживите здесь, если только Господь сподобит Вас такой милости, два-три года и увидите, какое блаженство — иноческое житие. Вы, может быть, уже заметили, как быстро летит здесь время. Пройдут годы, может быть, десятки лет, а Вам будет казаться, что Вы поступили сюда только вчера.

Я спросил однажды у одного инока, жившего в монастыре пятьдесят лет: «Долгим ли показалось вам время, прожитое в монастыре?» — «Нет, — отвечал он, — мне кажется, что я здесь пятьдесят дней, а не пятьдесят лет. Да и не пятьдесят дней, а пятьдесят минут». Да, очень быстро летит время в монастыре...

Никого никогда в свою келью не пускайте без молитвы, пусть сначала пришедший произнесет молитву, и тогда только впустите его. Выходя и входя в свою келью, кладите четыре уставных поклона с молитвами, а вообще всегда навыкайте молитве Иисусовой. Если кого-либо встречаете из братий — всегда кланяйтесь первым, у иеромонаха берите благословение. Смиряйтесь, смиряйтесь, смиряйтесь.

Теперь читайте книги, пока нет послушания обыденного, потом некогда будет читать... От чтения книг окрепнет ваше произволение. Евангелие все тайнами повито. Одному оно, положим, открывается на одну сотую сантиметра, другому — на тысячу верст. Одному много, другому мало, и малого — одной сотой доли — ему достаточно для жизни. В жизни нашей действуют вера, надежда, любовь. Без них наше спасение невозможно.

В Евангелии обладателем веры является апостол Петр. «Ты еси Христос, Сын Бога Живаго», — исповедует он, когда все, за исключением апостолов, считали Христа человеком. Но и из апостолов он является представителем веры. Любовью обладает более других апостол и евангелист Иоанн Богослов. Представителем надежды является Иаков. Поэтому-то Христос, когда хотел показать Свою славу, преобразился именно перед этими учениками.

Я все стараюсь разъяснить и показать Вам, что такое иночество. Краеугольный камень иночества есть смирение, как я уже сказал.

Между прочим, батюшка рассказывал нам здесь про одного монаха, который обладал не только смирением, но и другими добродетелями: терпением и непрестанной молитвой, произносимой в сердце. Один монах, видя огненный столп от крыши трапезы, пришел в трапезу и увидел сего монаха всего в огне, стоящего на коленях и молящегося. Этого монаха, отца Феодота, знает и помнит один скитский монах.

— В Глинской пустыни недавно был рясофорный послушник отец Феодот. Он прежде был солдатом, и за его высокий рост и крепкое телосложение заставили его, когда он поступил в монастырь, носить дрова и воду в кухню. Так он до конца жизни и оставался на этом послушании. Был у всех в презрении, спал где придется: когда на полу, когда на дровах. Никто не обращал на него внимания. Так он дожил лет до семидесяти.

Однажды отец архимандрит Илиодор, человек доброй жизни, придя от обедни, сел у раскрытого окна в ожидании самовара. Прислонившись к спинке стула, он впал в тонкий сон и видит чудный сад, какой-то неземной. И воздух не такой, и растения, и деревья, и плоды на них не такие, как на земле. Одним словом, сад неизреченной красоты. И вот среди сада отец Илиодор видит отца Феодота. «Это ты, отец Феодот?» — «Я, батюшка». — «Как ты здесь?» — «Да это мне дано». — «А что это?» — «Это рай». — «А ты можешь мне дать этих плодов?» — «Могу». Тут отец Илиодор увидал в раю своего отца и, бросив данные ему плоды, побежал к отцу.

В это время на дворе раздался крик. От этого крика отец Илиодор проснулся, и все исчезло. А на дворе он видит, что за отцом Феодотом бежит повар и бьет его палкой по спине. Отец Илиодор остановил истязание отца Феодота, запретив повару бить его. Затем, позвав к тебе в келью отца Феодота, отец Илиодор спросил его, где он был. «На кухне, — был ответ, — я не так дрова положил, ну и повар меня побил. Да что, мне этого мало, я сам виноват. Да мне и больно не было, я надулся, ну палка и отскакивала от меня, мне и не больно». — «Нет, отец Феодот, скажи мне, где ты сейчас был?» — «Да на кухне». — «Встань, отец Феодот, перед образами на колени, и я встану. Я твой духовный отец, скажи мне, где ты сейчас был?» — «Ну если так, то обещайся мне перед Богом, что никому не скажешь этого до моей смерти...» Тот обещался. «В раю, да и тебя там видел». Тут отец Илиодор понял, что он видел не простой сон, а действительно сподобился видеть рай. «А что, отец Феодот, могли бы очутиться при мне те плоды, которые ты мне дал?» — «Конечно, но, значит, так судил Бог».

Смирение, терпение и непрестанная умная молитва — вот чем обладал отец Феодот. Это такая молитва, о которой мы и понятия не имеем. Заметьте, что все святые, которые удостоились видеть рай, изображали его как неописуемой и неизреченной красоты сад. Оказалось, что отец Феодот был гораздо выше отца Илиодора, хотя первый был послушник, а последний — архимандрит. Но не то важно, какое исполняется послушание, а то важно, как оно исполняется: со смирением, терпением и молитвой.

Всего не упомню. Окончил отец Варсонофий тем, что вспомнил своего старца отца Анатолия, которого можно было заслушаться, когда он говорил. Батюшка всегда с великим благоговением вспоминает своего старца-наставника.

«Слабеть начал я, — сказал, наконец, батюшка, — слабеть. Чувствую, что недолго мне осталось жить. Одного прошу у Бога, чтобы вы встали на ноги, окрепли. Ну, помолимся». Он стал молиться о нас обоих, мы тоже молились. Затем он благословил нас, и мы ушли. Великий святой старец.

13 января 1908 г.

Сегодня у меня времени целый час, постараюсь припомнить что-либо из батюшкиных бесед.

— Послушание паче поста и молитвы, — говорил батюшка. — Не смущайтесь, если придется опаздывать или даже пропускать вовсе церковную службу. Открывайте все свои помыслы, особенно те, которые долго вас не будут оставлять. Постепенно нужно проходить иноческое житие, это наука из наук. Как всякую науку нужно проходить, изучать под руководством более или менее опытного в сей науке человека, так и здесь необходимо держаться своего старца. Но «единого достоит вопрошати»,— ибо может произойти духовное разделение.

15 января 1908 г.

Надо записать, что батюшка говорил об Евангелии и о вере:

— Без веры во что-нибудь нельзя ничего сделать. Посмотрите, почему какой-либо человек, ну хоть ваш брат, желает стать врачом. Потому что он верит в медицину. Каждый из ученых верит в свою науку. И так везде и во всем. Точно так же для христианской жизни необходимо верить в Бога, Христа, Евангелие. «Мы не можем верить, — говорят иные, — нет на то доказательств. Иное дело наука, там все доказано. Хорошо, но, прежде чем отвергать что-либо, надо исследовать предмет, испытать. Святой Иоанн Богослов прямо говорит, что надо испытывать «дух». Но надо испытывать на практике. Пожить надо по Евангельскому учению и узнать на деле: правда ли, что *блаженны нищие духом, блаженны кроткие* и так далее. Если вы не испытали этого, то не можете и опровергать, не можете утверждать, что Евангелие — ерунда. А многие так говорят. Но на Страшном суде сих людей спросят: «Что, читали Евангелие?» — и получится обязательно три ответа: первый — «нет», второй — «кое-как» и третий — «да читали, конечно, только не поняли». Да, обязательно получатся эти три ответа. (Лампа гаснет, не могу более писать.)

17 января 1908 г.

15 января я очень оборвал дневник, керосина не было. Продолжу еще немного самый конец.

— На первый ответ можно сказать, что они сами виноваты: никто не запрещал читать, напротив, даже просили читать. На второй ответ почти то же можно сказать. Вот третий ответ более интересен. Эти как бы даже заслуживают извинения. Не могли понять Евангелия, то есть поверить, хотя вам был дан ключ разумения: «Испытывайте дух». Почему не хотели испытать? Значит, сами и виноваты. Таким образом, и эти безответны.

20 января 1908 г.

— Если плохо живешь, то тебя никто и не трогает, а если начинаешь жить хорошо, — сразу скорби, искушения и оскорбления.

Этим он хотел мне сказать, что необходимо переносить смиренно оскорбления, наносимые другими, и вообще скорби.

— Монахи, вообще вся наша братия, тоже люди, а раз люди, то есть обязательно свои страсти, пороки: один гордый, другой злой, третий блудник и так далее. Все эти люди пришли сюда, в больницу, лечиться кто от чего, и вылечиваются с помощью Божией. Я это говорю потому, что вы будете видеть пороки братии, но надо стараться не осуждать — это у нас девиз. Все люди немощны, у всех есть страхи, мы же должны прощать.

22 января 1908 г.

Попробую передать то, что запомнил из беседы. Кажется, батюшка начал с того, что спросил, как мое послушание, и затем сказал:

— Вероятно, было у вас, или у ваших родных, или даже у предков какое-либо доброе дело по отношению святого Иоанна Крестителя, если он принял вас сюда к себе. Не помните?

Я ответил, что нет.

— А со мной вот что было. В Казани я как-то захотел говеть Великим постом и весь пост пропустил, осталось только три дня. Ну, хоть три дня, да поговеть. Иду и думаю: где же поговеть? У полкового священника мне не хотелось. Где же? И вот смотрю — монастырь, бедный, грязный (послушники какие-то отчаянные), наполовину развалившийся. «Это какой монастырь?» — «Ивановский, во имя Иоанна Крестителя». — «Хорошо, можно здесь поисповедоваться?» — «Пожалуйста». Так я там и говел. А потом стал туда часто к службе ходить. Стою иной раз, а помысл мне и говорит: «Смотри, какая бедная, грязная лампадка. Купи новую, получше». Купил, и как-то приятно стало мне смотреть на нее. Потом киот на большую икону купил. И так я полюбил все в монастыре! Воистину: «Где будет сокровище ваше, тут будет и сердце ваше». А сколько радости испытывал я после исповеди и приобщения Святых Христовых Таин! Вот за какие пустяки святой Иоанн Креститель сподобил меня принять в свой скит.

Когда я зашел в Казани в тот монастырь в первый раз, я спросил, между прочим: «Кто здесь настоятель?» — «Игумен Варсонофий». Только потом я понял, что это значило: в этом бедном грязном монастыре я увидел образ своего душевного внутреннего состояния.

Через много лет, когда я принял управление скитом, меня спросили: «Как вы будете содержать скит?» Я отвечал, что и не думаю об этом и не дерзаю, ибо хозяин не я. Я только приказчик святого Иоанна Крестителя.

30 января 1908 г.

Итак, вчера утром, в день памяти святого Игнатия Богоносца, в 8 часов утра, мы пришли к батюшке за благословением идти одеваться в послушническую одежду и, получив благословение, в 9 часов пошли за благословением к отцу архимандриту Ксенофонту. Получив от него благословение, мы отправились на могилки к старцам. Взяв от них благословение и помолившись, мы пошли в рухольную.

Примерив и с молитвой надев одежду, мы опять пошли за

благословением на могилки к старцам и к отцу архимандриту. Встретили отца Феодосия и взяли у него благословение.

Затем пришли в скит, положили в воротах по три земных поклона, пошли к батюшке. Здесь нас приветствовали келейники и случившиеся из братии. Наконец пришли к батюшке, положили земной поклон перед иконами, затем в ноги до земли поклонились батюшке. Батюшка благословил, поцеловал и начал молиться. Батюшка молился вслух, и я кое-что запомнил: «Благодарю Тебя, Господи, яко утаил еси от премудрых и разумных и открыл еси та младенцем. Благодарю Тебя, Господи, что Ты привел сюда сих Николая и Иоанна». Потом молился о том, чтобы Господь сподобил нас проходить сей путь иноческой жизни и достигнуть цели. Дал нам четки и сказал:

— Вот вам оружие, нещадно бейте этим невидимых врагов. Прежде всего имейте страх Божий, без него вы ничего не достигнете. Теперь для вас начинается новая жизнь. Хоть вы и жили в скиту, да все было не то. Теперь везде разговор идет у бесов: «Были почти наши, теперь пришли сюда спасаться, как это можно и тому подобное». Но не бойтесь. Считаю долгом сказать вам про себя: еще в Казани, когда я решил все окончательно бросить и подал прошение об увольнении, я отдавал одному сослуживцу прощальный последний визит перед самым отъездом. Еду на извозчике мимо одной церкви в честь Пресвятой Троицы, на стене которой была икона Спасителя во весь рост, с распростертыми руками. Обыкновенно я благоговейно крестился и более ничего, проходил мимо.

На этот раз я ехал, задумавшись и опустив голову. Поднимаю голову и вдруг вижу эту самую икону, и мне будто кто-то говорит прямо в сердце: «Теперь ты Мой». Христос, казалось, прямо говорил мне: *Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою вы...* Никогда от той иконы такого впечатления не было, как тогда. Я умилился, слезы выступили на глазах. Извозчик давно проехал, а перед моими глазами все стоит эта икона. Так это и врезалось в память на всю жизнь.

Затем батюшка дал нам обоим три книги: «Кончина праведника — письмо Клавдии Прокулы — жены Пилата»,

«Материкон — собрание наставлений аввы Исаии инокине Феодоре» епископа Феофана и «О внешнем благоприличии и поведении новоначальных послушников» епископа Игнатия Брянчанинова.

— Вот обоим вместе, ибо вы должны быть едино.

Затем батюшка спросил о практической стороне дела в рухольной и у отца архимандрита. Но мы ничего не переговорили с отцом архимандритом: у него скоропостижно скончался келейник отец Иоанн.

Батюшка быстро переспросил:

— Что, что?

Я повторил.

— Да, как верно предчувствие. Уж какой я старец, а все же и через меня бывают откровения. У меня вчера был этот отец Иоанн. Мне, как духовному отцу, все известно про него. Последнее время на него напал бес и довел его до того, что он решил уходить в мир. Пришел ко мне и говорит:

— Благословите уходить.

Я ему отвечаю:

— Разве я могу благословить на такое дело? Представь себе, что ты едешь на пароходе ночью. На море буря, пароход летит на всех парусах. И вот ты говоришь мне: «Благословите броситься в эту бездну и темь...» Вот то же и теперь.

— Да это, батюшка, не то.

— Да, не то, это еще хуже. Сам посуди: с твоим здоровьем ты долго не проживешь, что было, то прошло. Оставайся здесь.

И вот видите, что случилось. Это всегда так. Бесы видят, что человеку недолго жить, вот они и стараются его вытащить из монастыря, надеясь перед смертью погубить и тем столкнуть в бездну. Одно нарушение обета уже губительно.

Был здесь один случай. Какой-то сын миллионера поступил в скит. Прежде жил он очень разгульно, вскоре ему надоела монашеская жизнь, и он ушел. И какую жизнь влачит этот несчастный теперь? Ходит в цилиндре с тросточкой по Невскому проспекту и более ничего. Но отец Иоанн, слава Богу, умер на кресте. Верую, что спасен.

Мы помолились о его упокоении. Батюшка читал молитвы, мы слушали и молились.

— Ну, теперь идите на трапезу. Благодарите Бога, что сподобились такой милости от Него. Сегодня знаменательный день — память святого Игнатия Богоносца. Мир вам.

Забежав в свои кельи, мы отправились на трапезу, где нас поздравляла вся братия. И отец Нектарий после трапезы, когда мы выходили, сказал нам:

— Желаю вам проходить этот путь со смирением, терпением и благодарением, — и убежал.

Мне нравится отец Нектарий, только он больно чудной. Всенощную уже стояли в послушническом одеянии. Сейчас нас позвал батюшка. Подарил нам по балахону и банку варенья — по праздникам утешаться. Спаси его, Господи.

6 февраля 1908 г.

Сейчас был у батюшки, удалось побеседовать минут двадцать-двадцать пять. Чтобы не забыть, постараюсь записать.

Когда я пришел, батюшка благословил меня, и я стал на колени около дивана, на который сел батюшка.

— Сомнения, батюшка, и помыслы у меня.

— Да, сомнения, равно как блудные помыслы и хулы, надо презирать, не обращать внимания на них. Презирайте их, и враг диавол не выдержит, уйдет от вас, ибо он горд, не вынесет презрения. А если будете входить с ними в разговоры, ибо все блудные помыслы, хулы и сомнения — не ваши, то он закидает вас, завалит, убьет. Верующий человек, любящий Бога, не может хулить, а тем не менее замечает в себе две нити: и любит и хулит. Очевидно, что есть еще какая-то сила зла, навевающая сомнения. Заметьте, ведь это серафимский ум. Поэтому нисколько не удивительно, что он может возбудить, поднять сомнения, да еще какие... Не обращайте на них внимания.

Сколько было искренних, верующих людей, которые сильно пострадали от того, что принимали эти сомнения, рассматривали, рассуждали. Возьмите наших писателей: Белинского, — какая разница у него в первой и второй поло-

вине его жизни. Лермонтов — тоже был сильный ум, Тургенев и другие.

Поэтому надо презирать эти сомнения, и хулы, и помыслы блудные, тогда они вам нисколько не повредят, особенно если будете открывать их старцу-наставнику. Но открывать их надо не подробно, иначе можно повредить и себе и старцу. Особенно блудные помыслы: надо засыпать, закрыть навозом эту смердящую яму, а не копаться в ней. Что же у вас есть теперь? Какие сомнения, помыслы?

— Да вот, батюшка, у одного из братии вижу то, у другого — другое.

— Ну вот, диавол всегда так. Он нам иногда представляет взгляд брата совсем другим, не таким, каким он является на самом деле. Тебе кажется, что брат посмотрел на тебя злобно, оскорбительно, а на самом деле этого вовсе нет. Так диавол может представить нам что-либо другое.

Вот какой случай: был здесь один иеромонах отец Венедикт и еще монах отец Арсений, монах хорошей жизни. Он почти не выходил из кельи вследствие своей болезни, вел особую жизнь. Один раз идет отец Венедикт к себе в келью, а у крыльца отца Анатолия он видит: стоит отец Арсений. Взгляд у него какой-то злобный, враждебный, под благословение не подходит.

Отец Венедикт посмотрел на него и прошел мимо с великим удивлением. Только что он начал заворачивать за церковь, ему навстречу с совершенно противоположной стороны идет отец Арсений. Лицо веселое, подходит под благословение. Отец Венедикт, еще больше удивляясь, спрашивает:

— Где ты был?

— У отца Тимона.

— Как? Я тебя сейчас видел около крыльца батюшки отца Анатолия.

— Это тебе померещилось. Сам видишь, откуда я иду.

Тогда отец Венедикт пошел за разрешением сего к батюшке отцу Анатолию.

— Ну что же здесь удивительного? Ты иеромонах, а этого

не знаешь? Это был, конечно, бес в образе отца Арсения, — сказал отец Анатолий.

Да, бывают такие случаи, об них в миру и понятия не имеют, а здесь они не подлежат сомнению...

— Ну еще что? — спросил батюшка.

— Горд я очень, батюшка, тщеславен.

— Да кто же не горд? Макарий Великий говорит, что даже у всякого святого есть что-то гордое. Вот как глубока в нас эта зараза. Не горды только Ангелы — они чисты, да еще те, которые переходят отсюда на небо. А то у всех есть гордость. Ну, будет. Остальное потом. Понемногу буду разъяснять.

7 февраля 1908 г.

Возил с работниками дрова для отопления наших келий. Когда я пошел к батюшке на благословение вместе со всей братией, я захватил книжку «Луг духовный». Батюшка давал читать. Издание книги в настоящем виде принадлежит протоиерею Михаилу Ивановичу Хитрову. Я его совершенно не знаю, хотя он был писатель. Батюшка сказал, что он плакал, когда получил в 1899 году известие о смерти отца Михаила.

— Он много обещал, но, значит, так угодно было Богу. — Потом батюшка сказал:

— Вот уже сколько раз мне помысл говорит, чтобы я спросил вас, не было ли у вас в жизни случая из ряда вон выходящего?

— Да, был случай, — говорю я, сам не зная почему вспомнив один случай, бывший в далеком детстве.

— Обдумайте его и потом расскажите мне.

— Да он очень простой.

— Совсем не простой, а из ряда вон выходящий.

— Я хочу сказать, что его обдумывать нечего, он очень несложный.

— Ну, хорошо.

— Когда мне было лет пять, — начал я, — у меня была болезнь — ложный крупп (кажется, так она называется), горловая болезнь. Я был уже бездыханен, посинел и даже похолодел. Папа думал уже, что я умер, и говорил, чтобы мама оставила

меня и больше не терла мазью, что все безполезно. Но мама, не теряя надежды, все же терла и молилась святителю Николаю Чудотворцу о моей жизни. И совершилось чудо: я начал дышать и потом всегда был довольно крепкого здоровья.

— Конечно, это из ряда вон выходящий случай. Собственно, не случай, ибо все происходит с нами целесообразно. Вам была дарована жизнь. Ваша мама молилась, и святитель Николай Чудотворец молился за вас, а Господь, как Всеведущий, знал, что вы поступите в монастырь, и дал вам жизнь. И верьте, что до конца жизни пребудете монахом. Так об этом напишете вашей маме толкование этого случая.

Я хотел после этого уходить, но потом спросил про Иисусову молитву: нельзя ли читать ее сокращенно. Батюшка не позволил, говоря, что ее всю целиком заповедали читать наши старцы и ударение делать на последнем слове: «грешного».

— У меня так не выходит.

— Потом научитесь, — сказал батюшка.

Я сейчас пишу о разговоре с батюшкой и думаю: ведь я совсем забыл тот случай из моей жизни, даже ни разу не вспоминал здесь о нем. И вдруг, сам не зная почему, назвал прямо его. И только теперь начинаю смотреть иначе. Он мне начинает казаться не простым, обыкновенным происшествием, каким прежде его считал. Правда, я чувствую и прежде чувствовал уважение к святителю Николаю более, чем к каким-либо другим святым. Надо написать маме. Спрошу, если Бог даст, у батюшки, как написать. Этим я еще лучше проверю написанное мной сегодня толкование.

8 февраля 1908 г.

Когда мы были на благословении, батюшка сказал мне на мой вопрос о письме маме:

— Так и напишите, что этим ясно указывалось на ваше иноческое предназначение.

— Значит, я понял верно.

Еще раньше этого, как только я вошел, батюшка спросил:

— Как внутреннее устроение? Имеете ли на устах имя Иисусово?

Я говорю:

— Стараюсь иметь, но очень часто забываю.

— В этом-то все и дело, чтобы всегда иметь память о Боге, для этого и молитва Иисусова. Но не удивляйтесь, что все забываете, надо только стараться. Ведь не сразу вы в Университет пошли, а сначала азбуку выучили, так? Авва Дорофей говорит, что он смотрел на книги как на зверя, а потом очень даже пристрастился к чтению книг. Сначала читал, вероятно, не духовные, а светские книги, а потом перешел на духовные. Да, так всегда бывает...

Был схимонах Клеопа в Соловецком монастыре. Он сорок лет провел в уединении на одном необитаемом острове, куда из монастыря привозили ему пищу и ездил духовник. Потом он изъявил желание возвратиться в монастырь. Никто не знал, как он подвизался, какие ужасы претерпевал от бесовской силы, в чем состоял его подвиг. Когда он возвратился, отец архимандрит при духовнике его спросил: «В чем, главным образом, заключалась твоя деятельность, и много ли ты преуспел, скажи нам: мне и твоему духовному отцу». Он отвечал, что в Иисусовой молитве. Все акафисты, все службы, все, все заменял он Иисусовой молитвой. «И начинаю понимать, чуть-чуть разбирать начальные буквы этого алфавита».

Вот какая глубина. А какое действие Иисусова молитва имеет, о том мы и понятия не имеем. Так вам нечего удивляться. Это приобретается годами и не сразу. В один день этого невозможно приобрести, хотя и бывают исключения, но общее правило таково.

10 февраля 1908 г.

Батюшка не один раз мне говорил:

— Первым вашим делом, как только просыпаетесь, пусть будет крестное знамение, а первыми словами — слова молитвы Иисусовой.

11 февраля 1908 г.

Сейчас на благословении удалось побеседовать минут пять.

— А что, батюшка, всегда ли нужно перебирать с молитвой четки?

— Обязательно. Всегда имейте четки при себе, за службой в церкви и на правиле они должны быть в руках. Если даже будут смотреть или смотрят, не смущайтесь, перебирайте, творя молитву Иисусову. За обедней внимайте тому, что поется и читается, а молитву оставьте. Вот за всенощной можете в ход пустить четки, когда не слышите, что читают.

За послушанием, конечно, невозможно перебирать. Когда в келье пишете, читаете, то четки должны быть за поясом. Когда же так сидите, то творите молитву по четкам. При разговоре можете говорить про себя: «Господи, помилуй», а можно даже и молитву Иисусову...

Вообще, я понял так, что, когда только можно, нужно всегда творить молитву Иисусову по четкам, а если нельзя — тогда молитва должна быть всегда в уме без четок.

18 февраля 1908 г.

Вчера писать не мог. После чтения Псалтири я пошел на благословение. Батюшка сам начал говорить и спрашивать меня. Я говорю:

— ...Конечно, приходят мысли...

— Без этого нельзя, ум не может быть без мыслей, как человек не может не дышать. Это его потребность. Но о чем думать? Иной представляет себе блудные картины, услаждается этой живописью. А вы пришли сюда искать Бога, и все ищут Бога. Найти Бога — это цель монашеской жизни.

Потом батюшка сказал, что можно жить в монастыре, да не быть монахом.

— Все ищут Бога. Вот и художники в области поэзии, живописи, особенно музыки — все желают найти Бога. Да не так ищут. Как искать Бога? Соблюдать заповеди, особенно смирение, поступить в монастырь. А они не хотят соблюдать заповеди, особенно не хотят смиряться, хотят пройти как-либо переулками, поближе, покороче. О целомудрии они весьма скудного понятия. Вот, например, Байрон или Рафаэль — развратнее его трудно было бы найти, а писал Мадонну. Или

знаете стихотворение Пушкина «Пророк»? Там он говорит: «В пустыне мрачно я влачился...» «Влачился», да прямо-таки ползал всем телом. Далее: «И шестикрылый серафим на перепутьи мне явился». Здесь он, может быть, имел в виду себя? Сомневаюсь, явился ли он ему? Затем Пушкин рисует картину посвящения ветхозаветного пророка. Кажется, говорится, что он постиг и «Херувимов горнее стремленье, и гад морских подводный ход». Ангелы чисты, они только «горняя мудрствуют». А у нас есть и «гад морских подводный ход». Эти два течения идут в нас параллельно. Но должно стараться только «горняя мудрствовать». Это не сразу достигается: ход гад морских будет все тише, и, наконец, будет только одно горнее стремление, а те гады нырнут в бездну и исчезнут. Да, этого можно достигнуть. Вот я вам и говорю: «Смиряйтесь и смиряйтесь. Помоги вам, Господи».

Очень утешает он меня, недостойного его любви. Я очень лениво исполняю его наставления, вообще живу нерадиво. Вчера почти весь день спал после чая до самой вечерни, ничего не прочел. Батюшка все покрывает своей любовью, какие гадости ему про себя ни расскажешь. Сколько раз батюшка говорил, что надо встать до службы, даже до звона:

— Колокольный звон изображает глас Архангела. *Блажен, егоже обрящет бдяща.* Надо встать заранее, приготовиться, умыться. Главным образом, надо содержать руки в чистоте. Как вы, например, за обедней возьмете грязными руками антидор? Затем, приготовившись, ожидать звона или будильщика и тотчас же идти. А к обедне идите до звона, как только прочтете утренние молитвы.

23 февраля 1908 г.

Отпустив келейника спать, батюшка сел на диван и начал говорить:

— Чем более монах живет в монастыре, тем большему научается. Это происходит постепенно. Конечно, Бог может сразу обогатить нищего. Бывали случаи, что сразу просвещался ум свыше... Одно дело ум, другое — рассуждение. Рассуждение есть дар Божий, как и все вообще у нас дар Божий. Но

рассуждение выше других даров и приобретается не сразу. Человек может быть очень умным, но совершенно нерассудительным, может удовлетворять самым низменным потребностям, иметь любовниц и даже совершенно не признавать Бога. Есть люди плотские, которые только и живут для чрева, для блуда. Есть люди душевные, эти повыше плотских. И наконец, есть люди духовные.

Разница между душевными людьми и духовными громадная. Ибо, как говорит апостол: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия, потому что почитает это безумием». Он может познать всякую человеческую мудрость, всякую философию, но духовного рассуждения не иметь.

Здесь и напомнил батюшка слова апостола: «Слово крестное погибающим убо юродство есть, а нам, спасаемым, сила Божия есть».

Да, для них юродство, а для нас, спасаемых, сила Божия. И, заметьте, сказано «спасаемым», а не «спасенным», и «погибающим», а не «погибшим». Иной и не заметит этой разницы сразу, а потом вдруг заметит через некоторое время. Все мы спасаемся, но неизвестно еще, спасемся ли. Также сказано «погибающим», ибо они могут обратиться, хотя и стоят на наклонной плоскости, скользя вниз.

Было уже около 11 часов. Батюшка устал.

— Каждый день совершается чудо милосердия Божия на мне грешном: почти семидесятилетний старец, но, слава Богу, хватает сил на день. Когда я заболел, я думал, что уже более не встану, но встал, отмолили меня. Обо мне во многих местах молились, особенно по женским монастырям.

Потом батюшка начал говорить о старчестве.

— Догорает теперь старчество. Везде уже нет старчества, у нас в Оптиной догорают огарочки. Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление: им разрушаются все его силы. Везде он старался его погасить и погасил. Есть монахи, исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Поэтому без старчества во многих монастырях осталась одна только форма монашеского жития,

одна внешность. Иисусову молитву теперь редко кто творит, а что за монашество без Иисусовой молитвы?

При Екатерине II враг воздвиг гонение на старчество. Екатерина II прямо закрывала монастыри; старцы и ученики бежали — кто на Афон, кто в западные православные государства. Один из них, Паисий (Величковский), бежал на Афон... Ученики его опять насадили старчество у нас и в других обителях, после того как позволено было им снова возвратиться в Россию. И старчество процветало... А теперь везде угасло, забыто. Враг начинает с невинных вещей, завлекает в грехи... Поэтому-то враг и ненавидит старчество, ненавидит место откровения помыслов, самый голос, которым это говорится.

— Да, батюшка, — говорю я, — как только хочу записать то, что Вам собирался сказать, так мне уже становится легче, я это замечал.

— Да, вы только пишете, а он уже бежит.

25 февраля 1908 г.

Батюшка мне говорил, что враг всегда нападает с одной стороны, напирая на какую-либо одну страсть.

Например, вовлекая в чревоугодие, он не будет в то же время смущать сребролюбием, ибо этим может разрушить свою работу. Пожалуй, станет скупиться человек и для угождения чреву. Или, завлекая в сети сребролюбия, он не станет напирать на блуд, ибо опять может разрушить свою работу.

Я замечал на себе, что с тех пор, как я сказал батюшке про свои помыслы о военщине и о пострижении в мантию, они меня пока не безпокоят; и, я помню, батюшка сказал мне, что они меня оставят, даст Бог. И действительно, оставили. Другие всякие приходят в голову, а этих нет по молитвам батюшки.

5 марта 1908 г.

Вчера вечером, в 8 часов, я окончил читать Псалтирь и пошел к батюшке на благословение после всех, и неожиданно для меня опять удалось мне побеседовать с батюшкой. Когда я вошел, батюшка сказал мне сесть на стул под часами и побезмолвствовать, а сам ушел. Через некоторое время,

довольно скоро, батюшка пришел и начал занавешивать окна. Из окна, прямо из-за деревьев, светила луна. Уже три-четыре ночи подряд были такие же красивые, как я описывал прежде. Батюшка указал мне на это:

— Видите, какая красота.

— Да, батюшка. Я когда иду к себе в келью после Псалтири, мне все это нравится: и луна и снег, — а когда я приду к себе в келью, мне там еще лучше.

— Конечно, в келье лучше.

Потом батюшка начал рассказывать про одного нашего монастырского монаха отца Феодула.

— Жил на кухне монах, совсем простой, малограмотный. Никто о нем ничего не знал. Даже отец архимандрит не знал, чего он достиг душой. Ну а мне, как духовному отцу, все известно. Он постоянно молчал и проходил Иисусову молитву. Все видели, что четки постоянно при нем и всегда в движении, но никто не предполагал, что делается у него внутри. Устную молитву он до того усвоил, что начал уже подходить к внутренней. Редко мне приходилось с ним беседовать, но, когда случалось, это доставляло мне великое утешение.

Заболел он и лег в больницу, а я, когда на первой неделе исповедовал братию монастырскую в больнице, зашел к нему, поговорил. Спрашиваю, не хочет ли он чего.

— Нет, батюшка, ничего.

Потом я его опять спросил, не хочет ли он чего.

— Ничего... да вот разве, батюшка, кисленького чего-нибудь.

— Хорошо, — говорю я. На следующий день принес ему два яблока да два апельсина... И как он был рад. Как мало нужно для монаха, не то что в миру... Потом я его как-то спросил:

— Как тебе?

— Да скучно здесь, батюшка, жить.

— Да где же весело? — спрашиваю я.

— Да там весело, если только примут.

— А ты готов?

— Да то-то и дело, что не готов. Я грешник, хуже всех.

На следующий день прихожу и спрашиваю:

— Не надо ли тебе чего?

— Нет, батюшка, ничего. Единого желаю: разрешиться и со Христом быти. Помолитесь обо мне, батюшка. Далекий, незнаемый путь предлежит мне, благословите, батюшка, идти.

— Бог благословит. Иди. Когда будешь предстоять Престолу Господню, помяни меня, своего духовного отца.

— Хорошо, помяну, аще буду.

— Ну уж, конечно, если будешь.

Сегодня прибегает послушник и говорит, что отец Феодул скончался. И верую, что пошел он в райские селения. Вот как здесь умирают, и как в миру... И вот на Страшном суде узнается, кто был разумнее: профессора, ученые, художники или такие простецы, как отец Феодул.

Потом батюшка посадил меня вместе с собой на диван и, обняв, сказал:

— С первого же раза я расположился к Вам и верую, что сохранится это расположение на все время, которое мне осталось жить... Оставайтесь здесь монахом до конца своей жизни. А основание монашеской жизни — смирение. Есть смирение — все есть, а нет смирения — ничего нет. Можно даже без всяких дел одним смирением спастись.

...Это время, когда я был болен, я думал, что не встану. Но за меня стали молиться, и мне дана отсрочка. Есть одна блаженная, она видела сон: как будто она подходит к скиту и видит, что меня через святые ворота выводят из скита какие-то жена и муж. «Я, — говорит, — их спрашиваю:

— Куда же вы выводите батюшку?

— В монастырь.

— Зачем же вы его в монастырь? Ведь в монастырь из скита только когда кто умрет выносят, а батюшка в скиту нужен. Оставьте его.

— Никак нельзя.

Тогда я начинаю со слезами просить:

— Да оставьте его, пожалуйста... — Тогда муж тот и жена стали советоваться и решили, что можно оставить, и увели опять в святые ворота в скит».

Это она рассказала Нилусу, а он мне. Ему она рассказала, когда я еще был здоровехонек, за некоторое время до болезни, и говорила, что из этого она заключает, что со мной должно что-нибудь случиться.

Видит Господь, что всех люблю, что всех хотел бы заключить в свое сердце, и не тесно там, но что поделаешь? Не хотят некоторые, сами не идут. Да я их и не виню, все это дело диавола, они не виноваты. Были на меня гонения, да Господу вот как угодно было сделать...

Что Вы теперь читаете?

— Да вот, батюшка, кончил авву Дорофея, благословите начать Петра Дамаскина.

— Хорошо, начинайте. В этой книге есть непонятные, таинственные места. Там увидите, как святые начинали познавать смысл видимой природы. Им дела нет до видимых вещей, а смысл их они понимают...

— Да, батюшка, я понимаю так, как говорится в псалме: «Всякое дыхание да хвалит Господа...»

— Да, да, конечно, не самое творение хвалит Господа. Как снег будет хвалить Господа? Но он сам собой доказывает славу и премудрость Создавшего его. Также огонь, ветер, град не сами хвалят Бога, а только показывают собой славу, силу и премудрость Господа. А сознательно прославляющим Бога является уже человек, который, познавая Божие творение, прославляет Бога. В этом смысле сказано: «Всякое дыхание да хвалит Господа».

Я говорю батюшке:

— А вот некоторые поэты говорят подобное, например Лермонтов: «Когда волнуется желтеющая нива...».

— Да, это стихотворение вы хорошо напомнили мне... да... в таком смысле даже всякое творение говорит: «Птицы имеют свой язык, это даже признают некоторые ученые. Поет соловей — конечно, славит Бога».

6 марта 1908 г.

Пока есть время, спешу записать все, что припомню...

— Теперь ненавидят повсюду христианство. Оно есть

ярмо, мешающее жить вольно, свободно творить грех. Еще Гёте один раз выразился про христианство так: «Только две вещи ненавижу я: клопов и Христианство». Смотрите, какая насмешка, какое кощунство. Когда он умирал, то закричал: «Свету больше, свету больше».

Страшные слова. Значит, на него уже надвигалась адская тьма.

Вот так и теперь ненавидят Христианство и по смерти идут на дно адово, а здесь, в тиши, спасаются, как, например, отец Феодул.

Про него с самого начала батюшка сказал:

— У него лицо было всегда такое, как в Евангелии сказано про Иисуса Христа, что *Лице Его бе грядущего в Иерусалим, как восковое, он уже не думал ни о чем мирском, потерял всякое пристрастие к миру.*

Это выражение я еще замечал у художников. Например, на одном вечере Майков и Полонский читали свои произведения, и у Майкова было оно чуть заметно, чуть-чуть мелькало во время его сильного воодушевления. Но вся полнота принадлежит, конечно, инокам.

7 марта 1908 г.

Сказал батюшке про диавольское наваждение и напомнил ему его слово, сказанное мне им раньше. На это батюшка сказал:

— Вот и увидели больше, и чем больше будете стараться жить по-монашески, тем более будете испытывать.

Я припоминаю, что во время сего наваждения, когда мне стало страшно, я порывисто начал творить Иисусову молитву, и на первом же слове, лишь я произнес: «Господи», — сразу все прекратилось, хотя, может быть, и на время, теперь уже не помню. Когда я сказал об этом, батюшка прибавил:

— Да, и познали силу молитвы.

Кстати, запишу еще из наставлений, бывших на исповеди.

— Когда у вас бывают какие-либо мечтания, то вы сами им не противоречьте и не отгоняйте, а просто возьмите да в них — «Камнем», а Камень есть имя Христово, Иисусова

молитва. Не гордитесь, не тщеславьтесь ни сами в себе, ни перед другими. Сказано: «Не труби перед собой и перед другими», а считайте себя хуже всех и свыкайтесь с мыслью, что вы приговорены к адским мучениям, что вы достойны их и что избавиться от них можете только по милости Божией. Это нелегко, и только святые достигают того, что считают себя достойными адских мучений, и худшими всех считают только себя.

Сегодня праздник иконы Божией Матери «Споручница грешных», и у меня в келье праздник, так как батюшка благословил меня иконой Божией Матери как раз «Споручница грешных».

Еще припомнил, что батюшка говорил о совершенствовании человеков и духов.

— Бога познавать могут люди по мере того, как будут совершенствоваться еще здесь, на земле, но, главным образом, в будущей жизни. На небе все безплотные духи все время совершенствуются, подражая низшие — высшим. Самые высшие духи — это Серафимы, но и они не видят Бога таким, какой Он есть на самом деле, хотя каждое мгновение с огромной быстротой идет их совершенствование, и они подражают Богу, насколько им возможно. А Серафимам подражают Херувимы и так далее и, наконец, человек подражает Ангелам. Итак, друг другу подражая, все стремятся к совершенству, познавая Бога, но никогда ни познать, ни увидеть Его не будут в состоянии, ибо Господь Бог есть Существо безпредельное, а все остальные существа, как сотворенные Богом, ограничены.

Была одна попытка, не только сравняться с Богом, но даже стать выше Его, и окончилась тем, что этот Серафим стал ниже всех и приобрел сразу все отрицательные качества за свою гордость и дерзость. И вот, чем больше здесь живешь, тем все более и более уверяешься, что Господь смотрит только на кроткого и смиренного. И потому так и ненавидит гордость, что это есть диавольская, сатанинская черта.

Если Господь захочет вам, например, возвестить что-либо, то Он Свою волю возвещает Серафимам, а они Херувимам и так далее, и уже Ангел-хранитель скажет вам, чтобы вы

выехали в Оптину и остались там. Но на то, конечно, была воля Божия.

— Да, — отвечаю я, — у меня спросил один монах: «Как у вас началось желание поступить в монастырь»? А я и не знаю как. Помню, что чаще стал ходить в церковь, читать Евангелие, и подобное сему. А как именно явилось это желание — совершенно не могу сказать.

— Да, в вас было всеяно семя, а как семя растет в земле, никто не знает и не может сказать...

Еще припоминаю, как батюшка говорил, что человек должен исполнять заповедь: *Будьте святы, якоже Аз свят есмь.*

10 марта 1908 г.

Начал читать Петра Дамаскина. Мне нравится эта книга. Это серьезная и глубокая книга, и читать ее быстро не могу. Я сказал об этом батюшке, и он подтвердил мои слова, что эта книга глубже аввы Дорофея. Еще бы, авва Дорофей — это азбука монашеской жизни, хотя, читая ее, можно открывать все новое и новое, и для каждого она является сообразной его состоянию. Она имеет берег, и от берега можно ходить сначала по колени, потом глубже и глубже. Иной — сразу в глубину.

Запишу еще несколько наставлений.

— Есть маленький секрет, чтобы легко вставать к утрене и не просыпать: не осуждать тех, кто просыпает и опаздывает. Если не будете осуждать других, и вам будет легко... К обедне надо вставать за час до начала. Я думаю, вам полчаса достаточно, чтобы умыться, одеться и прочесть утренние молитвы, а как зазвонят — начинайте читать синодики.

— За всенощной теперь привыкайте не выходить, а то потом трудно будет, так и брату скажите.

Вчера умер келейник отца Иосифа отец Пахомий. Это уже второй, как мы поступили сюда.

Вот вчера батюшка по этому поводу говорил, что «в Оптиной верный признак того, что человек скоро умрет, если он просится поехать к родным или вообще желает уехать из Оптиной».

16 марта 1908 г.

Времени писать совершенно нет. Со вчерашнего дня мне дано очень много работы по библиотеке. Эти дни на благословении батюшка кое-что говорил. На мой вопрос о страхе, который находит на меня иногда в темноте и вообще, батюшка сказал, что это — вражие.

— Отгоняйте это псаломским словом, как учили старцы: «От страха вражия изми душу мою...»

— Книги читайте, но не входите в тонкости, не вдавайтесь в анализ, а молитесь Богу, да просветит ум ваш. Мне так сказал отец Анатолий и на мой вопрос: «Почему так?» — отвечал: «Запутаешься». Вот так и я говорю вам.

Когда я оделся в подрясник и пришел к батюшке отцу Анатолию, он мне сказал: «Ну, брат Павел». И какой музыкой раздались эти слова в моих ушах. Я, вылезший из вонючего болота — мира, весь в грязи, тине, и я — «брат». Меня называет этот великий старец своим братом. Вот и я называю вас: «брат Николай», а Николай Митрофанович остался там, за воротами... У монаха вся радость состоит в смирении, смирении и простоте.

17 марта 1908 г.

Батюшка сказал:

— Если приходится пропустить что-либо из правила, то на следующий день не исполняйте пропущенное, но мне надо сказать, ибо впадете в неоплатные долги. А пропустили, так пропустили, делать нечего.

— А если, батюшка, будут заставлять читать в церкви, как быть? Вы же еще не благословили?

— Отказываться не надо, если заставляют. Бог благословит... Веруйте: на пользу говорю вам то, что исполняете за послушание. По вере вашей и я говорю вам то, что для вас потребно. Вот приходят ко мне с верой, и я сам удивляюсь, откуда что берется, вспоминаю прочитанное и слышанное и говорю на пользу по вере вопрошающих. А бывает так, что приходят просто из любопытства или когда не имеют цели для пользы душевной, — и тогда я положительно ничего не могу сказать, говорю: молись и более ничего.

Я забыл, что, когда батюшка говорил про ужасы в миру, он в то же время прибавил:

— И среди других там находятся чистые души. Господи. Господи. Истинно: *свет во тьме светит и тьма его не объят.*

19 апреля 1908 г.

Вчера получил телеграмму от епископа Трифона. Поздравляет с праздником. Вот ее текст: «Да благословит вас Воскресший Спаситель». Коротко, но утешительно для нас, то есть для меня и Иванушки...

— Великое дело — архипастырское благословение, — сказал батюшка. — Сам епископ может быть и грешным, как все люди, но его благословение и молитвы имеют великую силу...

В Москве как-то раз пришли мы вместе или я один, точно не помню, к Владыке. Он всегда принимал нас очень хорошо, так же и на этот раз. Мы переговорили, о чем было нужно, и вдруг Владыка говорит:

— Эти дни я все что-то вспоминал вас и, признаться, даже молился за вас. С вами ничего не случилось особенного?

Теперь я хорошо не помню, только я ответил, что, кажется, ничего. А все может быть, что-нибудь и было... только мы были ограждены святительскими молитвами и ничего особенного не почувствовали.

Однако возвращусь к вчерашнему. Батюшка сказал, чтобы я зашел к нему на минутку. Мы вошли вместе. Положив поклоны, батюшка взял со стола восковое с украшениями яичко и, подавая его мне, сказал:

— Я хотел вам дать яичко...

Я взял и поблагодарил батюшку. Затем батюшка спросил, не играю ли я на каком-либо музыкальном инструменте. Я отвечал:

— Нет, пробовал немного, но ничего не вышло.

— И брат Иван?

— Да.

— Так вам, значит, предстоит играть в душе, по слову: *Пою Богу моему, дондеже есмь.* Эта чудная гармония замечается особенно у пророка и псалмопевца Давида в его псалмах... Это пение — достояние иночества...

22 апреля 1908 г.

Книгу святого Игнатия Брянчанинова, том третий, я окончил. Как-то я сказал батюшке, что, несмотря на то что эта книга мне понравилась, есть в ней некоторые места, в которых я чувствовал некоторое сомнение, например мытарства, Престол на небе, чины Ангелов, рай и тому подобное.

— Все это надо духовно понимать, — отвечал батюшка, — это только намек на самую действительность, а некоторые, не понимая, что здесь все в высшем духовном смысле сказано, соблазняются. Например, на небе пред Престолом Бога — завеса, которая раздвиглась, когда подошла к ней блаженная Феодора... Конечно, это надо понимать в духовном смысле. Подобно тому, как говорят, что у евреев было на глазах покрывало. Ведь это не значит, что действительно над ними было некое вещественное покрывало. Или еще говорят про Серафимов, что они закрывали лица крыльями. Какие же могут быть у них крылья? Это значит, что они не могут видеть всей славы Божией.

30 апреля 1908 г.

— Батюшка, Вы не раз говорили мне, чтобы я держался за пятисотницу. Что это значит?

— Держаться — значит аккуратно и исправно исполнять ее в положенное время. Вот и отец Амвросий так говорил одному из своих учеников — схимонаху Мельхиседеку, который об этом передавал мне сам: «Держись за пятисотницу, как за спасительное вервие, не заблудишься». Почему так? Очевидно, потому, что в ней есть особая сила. Отец Амвросий не открыл нам, какая это сила и в чем она заключается, но можем думать, что в произношении имени Иисуса Христа. Многие думают, что сила в том, что пятисотница ведет свое начало от древних отцов Египта и Палестины...

— А вот, батюшка, когда справляю пятисотницу, всякая глупость в голову лезет, так мысль и скользит по всему, что придет в голову.

— Когда читают всякие другие молитвы, все еще ничего; когда же начинают справлять пятисотницу, сразу нападают

помыслы. Враг сразу ополчается. Из этого мы познаем, что пятисотница имеет великую силу, если она столько ненавистна врагу...

— Батюшка, авва Дорофей, преподобный Петр Дамаскин, епископ Игнатий Брянчанинов — все говорят, что необходимо внимать себе, проверять свою жизнь за день вечером, а за ночь утром. Благословите Вы мне так же проверять себя.

— Бог благословит. Проверяйте себя и кайтесь в согрешениях своих. Конечно, утром припоминать нужно только грубые отступления, например проспал и опоздал к утрене, осудил за утреней кого-либо, вольно держал себя и тому подобное, ибо ночь проходит у нас во сне, а у древних отцов она проходила в бдении. Епископ Игнатий говорит: «То, что отцы древних времен относят к новоначальным, может теперь относиться только к значительно преуспевшим инокам». Действительно, и вы, может быть, скажете, что теперешнее монашество мало и походит на прежнее.

Проверка своей жизни приводит к познанию своих грехов; познание своих грехов приводит к познанию своей немощи и покаянию, а это, в конце концов, приводит к мысли о Боге и о смерти... Поэтому достаточно будет, если мы будем вспоминать свои согрешения, проверять свою жизнь и каяться в своих согрешениях, бывших за день и за ночь: «Прости мне, Господи, что я оскорбил брата или сделал то-то и то-то».

Отогнать помыслы не в вашей силе, а не принять — в вашей. Имя Иисусово отгоняет их. А иногда нарочно помыслу попускается безпокоить вас, надо терпеть помысл, не соглашаясь с ним...

У отца Амвросия не было особенно приближенных учеников, только отец Анатолий был действительно приближенным его сотаинником, так сказать. Врагов у него не было, он всех любил, даже тех, которые его не любили; он их как бы более любил, чем других.

4 мая 1908 г.

— Батюшка, а если пропустишь проверку себя утром или вечером, то вам все говорить, что было, или нет?

— Цель такой проверки себя — получить навык в этом... После проверки все говорить мне не надо, только самое важное, только грубые отступления...

— Например, проспал?

— Да, это важно.

— А пустословие? И самому неприятно, что пустословишь, но все не перестаешь.

— Да, это очень важно. Это в вас начатки внимательной жизни. Когда кто пустословит, тот не может внимательно жить, постоянно рассеиваясь. От молчания рождается безмолвие, от безмолвия — молитва, ибо как может молиться тот, кто находится в рассеянии? Внимание себе, внимательная жизнь — цель монашеской жизни. Сказано: «Внемли себе». Молчание, без которого нельзя жить, есть подвиг. Ибо когда кто молчит, то враг тотчас говорит другим: «Смотри, какой он гордец, даже говорить с тобой не хочет». А это совсем не так. Отсюда скорби. Поэтому, кто решается на этот подвиг, тот должен приготовиться к скорбям. Да и само молчание не скоро и не легко дается.

Но потому оно так высоко и необходимо, что «молчание есть тайна жизни будущего века». Кто молчит, тот прямо готовится к будущей жизни. Батюшка отец Макарий часто говорил: «Посмотрите, все святые молчали: преподобный Серафим Саровский молчал, Арсений Великий молчал. Да потому он и великий, что молчал. Когда его спросили, почему он молчит все время, он отвечал: «Поверьте, братия, что я вас всех люблю, но не могу быть и с вами, и с Богом, поэтому убегаю от вас».

У Иоанна Лествичника есть: «Когда я говорил даже о душеполезном, я часто раскаивался, а в том, что молчал, — никогда».

Отец Макарий говорил: «Был великий Арсений. И у нас в России был бы свой Великий Арсений, если бы он пошел другой дорогой. Это — епископ Игнатий Брянчанинов. Это был великий ум».

Еще в прошлую беседу про Игнатия Брянчанинова батюшка сказал:

— Вы не знаете, что было, когда хоронили епископа Игнатия?

— Нет, батюшка.

— Ангелы дориносили его душу и пели: «Архиерею Божий, святителю отче Игнатие». Вот была ангельская песнь...

Я помню, еще до Пасхи батюшка сказал мне:

— Есть еще один скит на Белом море за Соловками вроде нашего. Были бы и еще, только старчества нет в них. А у нас здесь благодать. В монастыре — завалены послушаниями, но сюда к нам не хотят. То, что для нас самое приятное — сидеть в своей келье, того они не хотят.

Да, поистине, хорошо у нас в скиту. Начинаю, кажется, понимать батюшкины слова:

— Как нам благодарить Тебя, Господи, что Ты оторвал нас от мира и привел сюда...

14 мая 1908 г.

Вчера батюшка говорил нам про утреню.

— Утреня у нас в скиту имеет громадную важность. На ней держится вся скитская жизнь, но она также представляет немалую трудность. А для нас, привыкших в миру поздно вставать, это одно из самых трудных положений скитской жизни. Поэтому не надо давать себе поблажки с начала.

«Смотрите, не просыпайте утреню, — говорил отец Анатолий, — это очень опасно. Бывали случаи, что многие от этого уходили и пропадали». Сразу надо браться за это дело, с самого начала. Вот и мне за молитвы старцев это далось ничего.

28 июня 1908 г.

Вчера я каялся батюшке, что не исполнил пятисотницы вследствие усталости...

— Бог простит, — сказал батюшка, — но все-таки нужно укорять себя. Так учили наши великие старцы. При самоукорении это даже приносит пользу. Авва Дорофей, Иоанн Лествичник говорят, что самоукорение есть невидимое восхождение...

— Когда я творю Иисусову молитву или справляю пятисотницу, я бываю очень рассеян, мысль так и перескакивает от одного к другому, она везде побывает, только не в словах молитвы.

— А все-таки уста освящаются именем Господа Иисуса Христа, — сказал батюшка.

7 июля 1908 г.

Вчера на благословении батюшка сказал мне:

— Диавол вам не даст сделать ни одного шагу, за каждый шаг надо бороться. Вы помните, как евреи при построении храма в одной руке держали заступ, а в другой меч? Это вообще сказано про совершение добродетелей. С одной стороны, мы должны исполнять Евангельские заповеди, а с другой — отбиваться от врага мечом, борясь за каждый шаг.

— Батюшка, как же я должен отбиваться, какой же это меч?

— У нас один меч — молитва Иисусова. Сказано: «Бей этим мечом невидимых ратников, ибо нет более сильного оружия ни на небе, ни на земле».

Если вдуматься в эти слова, становится страшно, что нет более сильного оружия даже на небе. «О имени Иисусове всяко колено поклонится небесных, и земных, и преисподних, и всяк язык исповесть, яко Господь Иисус Христос...» Какие страшные времена придут.

Да, молитва Иисусова — вот оружие. А я, окаянный, совершенно забываю про нее; да, не так скоро дается все истинно духовное, Боже, как я думал.

10 июля 1908 г.

Вечером на благословении я сказал батюшке, что прочел одну статью о молитве Иисусовой епископа Игнатия Брянчанинова.

— Я не знаю, как я жил бы без познаний, которые я там почерпнул. Батюшка, благословите по времени прочитать все его сочинения.

— Да, по времени. Да у него все на одном и том же, на

молитве Иисусовой. Какая ширина. Теперь вы видите это. А прежде, может быть, видели в монашестве, как и большинство мирских, одну редьку, квас и глубочайшее невежество. Да и понятно: «Чашу жизни вкусите и видите, яко благ Господь». Да, надо вкусить, и тогда уже увидишь, какое блаженство... Ангелы могут петь. В житии святого Спиридона Тримифунтского или святого Тихона Амафунтского, не помню, говорится, что он один во всей церкви служил. Делает возглас, а ему отвечает хор чудный... То же самое было с одним священником. Тогда в церкви, кроме него, был один поляк, который после этого принял Православие, как я вам об этом, помните, рассказывал.

29 августа 1908 г.

Прихожу вечером к батюшке на благословение. Не успел еще и слова сказать, как батюшка сам начинает говорить:

— Все человечество можно разделить на две части: фарисеи и мытари. Первые погибают, вторые спасаются. Берегите это сознание своей греховности. Что спасло мытаря? Конечно, это сознание своей греховности: «Боже, милостив буди мне грешному». Вот эта молитва, которая прошла уже почти два тысячелетия. Заметьте, мытарь сознает себя грешным, но в то же время надеется на милость Божию. Без надежды нельзя спастись... Господь сказал: «Я пришел спасти не праведных, а грешных». Кто здесь разумеется под праведными? Люди, не сознающие своей греховности и все-таки грешные. Но также это сказано про бесов. Ту гордыню, в которой они стоят перед Богом, мы себе даже представить не можем. Мы не можем понять, с какой ненавистью относятся они к Богу. Бог гордым противится, а смиренным дает Благодать.

Почему не сказано, что Бог противится блудникам, или завистливым, или еще каким-либо, а сказано — именно гордым? Потому, что бесовское это свойство. Гордый становится уже как бы сродни бесу...

Один человек говорит:

— Читаю я Псалтирь, но ничего не понимаю. Может быть, мне гораздо лучше положить эту книгу на полку?

А старец отвечает:

— Нет, не надо.

— Почему же? Ведь я ничего не понимаю.

— Зато бесы понимают. Они понимают, что там про них говорится, не могут вынести и бегут. Следовательно, чтением Псалтири мы прогоняем от себя бесов...

Еще батюшка рассказал про одну девицу, приехавшую сюда с сестрой и матерью, что она одержима бесовской силой и повредилась умом, хотя в ее ум сознание иногда возвращается. Например, тогда, когда она была у батюшки, то очень просила его, чтобы он ее спас. Батюшка говорит: «Я спасти не могу, спасает один Бог». — «Но через вас же, батюшка», — сказала она.

— Видите, — сказал мне батюшка, — начинает рассуждать, а в гостинице мать свою бранит всякими сквернымиями словами. Такого там шуму наделала, ругается, кричит, стекла в окнах побила. Некая бесовская сила движет ею.

7 сентября 1908 г.

Сегодня память старца отца иеросхимонаха Макария — день его кончины. Вчера за бдением вместо обычного поучения батюшка немного сказал о старце — очень хорошо сказал. Между прочим, батюшка благословил всем прочитать жизнеописание, «к сожалению, очень краткое; его жизнь вполне необъятна», или какой-либо том его писем к монахам. А то мы его совсем забыли, то есть отца Макария.

— «Постом, бдением и молитвою небесные дарования приим». Ничем иным нельзя получить их, другого пути нет, но к этому необходимо, как основание всего, смирение. А у отца Макария и было глубокое великое смирение...

18 сентября 1908 г.

На утрени батюшка говорил, что должно иметь любовь друг к другу и удаляться празднословия.

— Пророк Давид сказал: «Оскуде преподобный». Почему же оскудел? Потому что «умалишася истина, суетная глагола

кийждо», потому что не говорят о душеполезном, а повсюду пустословие, только и говорят о пустяках.

Батюшка сказал, кажется, что настанет такое время, когда будут о пустяках только и говорить.

— Одному иноку было видение. Стоят несколько монахов и празднословят. И видит он, что между ними и вокруг них бегают грязные кабаны. Это были бесы. Потом увидал он монахов, говорящих назидающее душу, и между ними стояли светлые Ангелы.

Потщимся же, братие, не погублять своих трудов за послушаниями празднословием, а более всего потщимся стяжать смирение. Пророк Давид сказал: «Смирихся и спасе мя Господь». Для спасения достаточно одного смирения. Опять сказано в одном псалме: «Виждь смирение и труд мой и остави вся грехи моя». Так сказал пророк Давид потому, что истинное смирение никогда не бывает без труда.

Я по нерадению забыл, что батюшка говорил о старцах наших и об отце Льве. Помню только следующее: отец Лев подвергся по клеветам недоброжелателей гонению (он — основатель старчества в Оптиной пустыни), и даже преосвященный Николай, увидев его окруженным толпой народа, с упреком сказал ему: «Что же ты делаешь?» — «Пою Богу моему, дондеже есмь».

Преосвященный уразумел всю глубину этого ответа... Да, батюшка отец Лев пел Богу всем строем своей жизни.

23 сентября 1908 г.

Сейчас, когда я читал в церкви Псалтирь, пришел батюшка. В ожидании пономаря батюшка немного поговорил со мной.

— Одна монахиня, уже мантийная, видела сон. Ей явилась Матерь Божия и говорила, что должно ожидать ужасов. Это было в 1899 году.

— Да и вообще, — сказала Она, — этому тленному миру недолго существовать: терпение Моего Сына и Господа истощается...

Когда, я, будучи мирским, был за Сергиевой лаврой в пещерном Черниговском монастыре, я пожил там дней шесть,

готовился, исповедовался, как только возможно было мирянину, и приобщался. После принятия Святых Таин мне было легко на душе.

Передо мной лежала Псалтирь в русском переводе, я раскрываю и читаю: «Кто введет меня в укрепленный (огражденный) город» — «во град ограждения» по-славянски. Тогда мне подумалось: да ведь это (то есть монастырь тот) и есть укрепленный город. Потом я посмотрел толкование, и оказалось, что это верно.

26 сентября 1908 г.

В миру большинство даже верующих людей не верят в существование бесов, а здесь это — истина. Вот какой случай рассказал мне однажды батюшка:

— Отец Амвросий показал отцу Венедикту (Орлову) бесов таким образом. Накрыл его мантией, потом подвел его к окну и говорит:

— Видишь?

— Да, вижу, батюшка, вижу, что идет множество арестантов, грязных, изодранных, со страшными зверскими лицами. Батюшка, откуда столько их? Идут, идут, и конца нет, и кто их пустил одних в скит? Вероятно, весь скит оцепили казаки? А арестанты эти все идут, идут, расходятся направо, налево, за церковь.

— Ну что, видишь, отец Венедикт?

— Да, батюшка, что же это?

— Это — бесы. Видишь, сколько должно приходиться на каждого из братии?

— Батюшка, да неужели?

— Ну, теперь смотри.

Снова посмотрел отец Венедикт, и уже ничего более не увидал, все было тихо по-прежнему.

Вот видите, против скольких мы должны бороться, но, конечно, Бог попускает борьбу сообразно силам каждого...

27 сентября 1908 г.

Господь помогает мне, недостойному, вставать к утрени. Я просыпал утрени редко, по милости Божией.

Однажды, когда я каялся батюшке, что проспал лишний час, или около того, не помню, батюшка мне сказал:

— Это вас борет бес уныния. Он всех борет. Борол он и преподобного Серафима Саровского, и преподобного Ефрема Сирина, который составил известную молитву «Господи и Владыка живота моего». Смотрите, что он поставил на первом месте: «Дух праздности» — и, как следствие праздности: «уныния не даждь ми». Это — лютый бес. На вас он нападает сном, а на других уже наяву — унынием, тоской. На кого как может, так и нападает. Ведь вы не можете сказать, что находитесь в праздности?

— Да, батюшка, почти нет минуты свободной...

— Ну вот, он на вас и нападает сном. Ничего, не скорбите...

5 октября 1908 г.

Как-то вечером на благословении и на исповедании мной моих немощей и прегрешений за истекший день, а возможно, и за прежнее время, батюшка начал мне говорить о самоукорении.

Я заметил и понял из наставлений батюшки, что нужно укорять себя за свои немощи и смиряться, но всячески гнать от себя уныние, расслабление. Что бы ни случилось, унывать не нужно, а нужно сказать все старцу.

— Бог простит, — говорит батюшка. — Укоряйте себя. Укорять себя нетрудно, а некоторые этого не хотят. Перенести укор от брата труднее, а самому укорять себя нетрудно. Кроме того, если мы и будем укорять себя, а не будем бороться со страстями: будем есть, сколько хочется, будем спать, сколько хочется, — то такое самоукорение не принесет пользы. Если мы укоряем себя, впадая в согрешения невольно, то такое самоукорение законно. В борьбе со страстями если и побеждаемся ими, но укоряем себя, каемся, смиряемся и продолжаем бороться, мы непрестанно идем вперед. Нам осталось одно: смирение. Время же суровых подвигов прошло, должно быть, безвозвратно...

16 октября 1908 г.

Батюшка говорил о монашестве:

— Не все монашество заключается в подряснике да каше. Надел подрясник, стал есть кашу и думает: я теперь стал монахом. Нет. Одно внешнее не принесет никакой пользы. Правда, нужно носить монашескую одежду и поститься, но это не все. Лампа, пока не горит, не оправдывает своего назначения — светить. Чего же недостает? — Огонька. Необходим и фитиль, и керосин, но если нет огня, если она не зажжена, она не приносит никому пользы. Когда же она зажжена, сразу польется свет. Так и в монашестве: одна внешность не приносит пользы, необходим внутренний огонек. Отец Анатолий говорил, что «монашество есть сокровенный сердца человек...».

25 октября 1908 г.

Вчера на благословении я каялся батюшке, что проспал раннюю обедню. На это батюшка ответил:

— Бог простит. Укоряйте себя.

— Батюшка, как же надо укорять себя?

— Как укорять? Очень просто. Совесть сразу заговорит, сразу будет обличать, а вам останется только согласиться, что плохо сделали, смиренно обратиться к Богу с молитвой о прощении.

— Да, батюшка, сначала станет как бы неприятно, укоришь себя, обличишь и через очень короткое время забудешь об этом, как будто ничего и не было.

— Хоть минуту, хоть полминуты, а надо обязательно укорять себя так. Наше дело — укорить себя хотя бы на очень короткое время, а остальное предоставим Богу... А были святые отцы, у которых вся жизнь была сплошное самоукорение... Но нам до этого далеко. Когда мы себя укоряем, мы исполняемся силы, становимся сильнее духовно. Это закон духовной жизни.

Как в нашей телесной жизни мы подкрепляем силы пищей, так и в духовной жизни наши духовные силы подкрепляются самоукорением. Вы только приняли пищу в желудок,

а как пища переваривается в питательные соки, ваше тело питается ими, вы не знаете. Точно так же и в духовной жизни: мы питаемся самоукорением, которое, по учению святых отцов, есть невидимое восхождение, но почему и как — мы не знаем. Это закон духовной жизни. Когда мы питаемся духовным, мы духовно становимся крепче, сильнее.

А что такое самоукорение? — смирение. А что такое смирение? — это риза Божества, по слову Лествичника... Мы идем и касаемся этой ризы тогда, когда укоряем себя...

29 октября 1908 г.

Приходится разговаривать с батюшкой между делом или за чаем, и как становится понятным и ясным то, что было у меня неразрешенным вопросом.

— У батюшки отца Амвросия спросили, — говорил недавно батюшка, — «Что такое монашество?» — «Блаженство», — отвечал он. И действительно, это такое блаженство, более которого невозможно представить. Но монашество не так легко, как думают некоторые, но и не так трудно и безотрадно, как говорят другие.

— ...Я говорю на утрени мое убогое слово потому, — сказал батюшка, — чтобы не понести ответа на Страшном суде за молчание... Это моя обязанность...

2 ноября 1908 г.

Я недавно узнал от батюшки, что он писал стихотворения, они есть в печати листками. Одно из них, «Иисусова молитва», мне очень понравилось. Об этом стихотворении я как-то и говорил с батюшкой.

— Здесь нет ничего сочиненного, — говорил батюшка, — все это вылилось у меня из сердца. Вам, вероятно, особенно понравился конец. Это состояние — переход к внутренней молитве в сердце — нельзя передать на словах так, как оно есть на самом деле... Его поймет и может понять только тот, кто сам его испытал... Путь молитвы Иисусовой есть путь кратчайший, самый удобный. Но не ропщи, ибо всякий идущий этим путем испытывает скорби... В стихотворении гово-

рится: «И ты увидишь, полный изумленья, иной страны сияющую даль...» Да, именно «весь»... Все существо человека как бы изменится...

Сегодня батюшка сказал небольшое слово-поучение. Содержание слова было о поведении инока в скиту, особенно в праздники. Чтение святоотеческих книг, научающих разуметь заповеди Христовы и тем любить самого Христа... «Сиди в своей келье, и она всему тебя научит».

— Старайтесь быть всегда готовыми к смерти, ибо смерть близка и к старым, и к молодым, и к монахам, и к мирянам одинаково: часто она приходит внезапно и неожиданно. Пусть каждый думает, что будет с его душой.

5 ноября 1908 г.

Сейчас за обедом и после обеда я беседовал с батюшкой. (Я обедал у батюшки.)

— Здесь все хорошо, говорил кто-то, я забыл — кто, отцу Клименту (Зедергольму) и отцу Леониду (Кавелину), — начал батюшка, — все хорошо, только одного нет — это музыки. Хорошо бы, например, на рояле играть серьезные пьесы Бетховена или других. Что вы скажете?

— Нет.

— Почему нет?

— Нет.

— Скажите, почему вы так категорически отвечаете?

— Ну, хорошо, я вам скажу. Об этом знают только я сам да мой духовный отец — батюшка отец Макарий: я получил внутреннюю молитву.

Про эту музыку часто говорится в псалмах: «Крепость моя и пение мое Господь...», «Пою Богу моему дондеже есмь». Это пение неизглаголано...

Я теперь уже не имею возможности выходить и ходить по скиту ночью... Вот смотрите, какая аскетическая красота, задумчивая, этот наш храм (старый). Здесь все хорошо, не наглядишься.

— Боюсь уйти самочинно, — сказал батюшка. Этот разговор начался с вопроса батюшки:

— Сколько у вас в Москве дома роялей?

Тут мне припомнился мой товарищ по гимназии. Он был человек не из высоконравственных: неприличные разговоры, анекдоты, плохие умственные способности, весь его наружный вид, отношение видимое к религии, его ближайшие сотоварищи, отзывы о нем моих товарищей — все это подтверждало плохое мнение об его нравственности. Однажды он принес скрипку в класс. Надо заметить: он прекрасно играл на скрипке, он был по природе музыкант. Итак, однажды за отсутствием преподавателя вышло у нас свободное время, и этот товарищ мой, по просьбе всего класса, начал играть. Он играл наизусть, без нот. Лишь только раздались звуки, он весь переменился: в нем не стало заметно обыкновенной легкомысленности, он стал серьезнее. Это заметили многие. Вот это я и рассказал батюшке, а отсюда пошел и весь наш разговор:

— Видите, — сказал батюшка, — как может отрешать от земли музыка: это чувствовал ваш товарищ, если он даже внешне изменился. Этих его чувств никто не может понять, если сам их не испытал. А если так отрешает от земли музыка, то тем более молитва...

8 ноября 1908 г.

Сейчас за обедней батюшка сказал краткое слово, напоминая нам о смысле и значении нашего иноческого призвания. Святой Иоанн Лествичник говорит: «Ангелы — свет монахам, монахи — свет миру...» Вспомните, что мы должны быть светом миру... Вспомните, как милостив Господь, призвавший нас в эту святую обитель. Сами посудите, какие дела мы творили, как жили до призвания нашего сюда, в эту святую обитель.

Я, помню, прочел у епископа Игнатия Брянчанинова слова преподобного Исаака Сирина: «Что есть чистота? Чистота — есть сердце, исполненное милости о всяком создании. А что есть милостивое сердце? Это горение сердца о всякой твари: о человеках, о птицах, о животных, о бесах, — словом, о всяком создании» и далее.

Я невольно остановился на словах «о бесах» и спросил об этом батюшку: как можно чувствовать милость к бесам, когда они ищут нашей погибели, когда говорится в псалмах: «совершенной ненавистью возненавидех я...»

— Заметьте, это не сам епископ Игнатий говорит, — отвечал батюшка, — а он приводит только слова преподобного Исаака Сирского. Это единственный святой, который молился о бесах. Но как молился? Можно молиться, чтобы Господь уменьшил их муки, ослабил по неизреченной Своей милости. Но что можно этому великому святому, того нельзя нам. Все птицы высоко летают, но выше всех орел, подобно орлу и святой Исаак парит между святыми. Нам же молиться за бесов опасно.

Знаю одну начальницу общины. Она молилась за бесов. Я предостерегал ее. Она не послушалась и продолжала. Вскоре бесы стали являться ей и благодарить за молитвы о них. Последствием всего этого было то, что она пала с одной сестрой своей общины однопольным грехом, стала заниматься спиритизмом с этой же сестрой. Конечно, обе они ушли из общины. Смотрите, как же плохо она кончила...

16 ноября 1908 г.

— Замечайте события вашей жизни, — говорил мне батюшка, — во всем есть глубокий смысл. Сейчас вам непонятны они, а впоследствии многое откроется.

Когда отец Анатолий еще не имел священного сана, к нему кто-то подошел под благословение. Когда мы прочли об этом в записках, то батюшка рассказал про себя, что и к нему подходили под благословение, когда он не имел еще сана священства.

Вчера, когда я писал у батюшки, он, читая письмо какой-то девушки, бывшей у него, рассказал мне про нее следующее: «Эта девушка прекрасно играет, она любит классическую музыку.

— Кого вы больше всего любите играть?

— Бетховена, Гайдна, — отвечала она.

— А есть музыка еще лучше.

— Какая же? Моцарта? — спросила она.

— Нет, еще лучше.

— Может быть, Баха?

— Нет, нет.

— Какая же, не знаю, — сказала она.

— Музыка души.

— Души? Музыка души, да разве есть такая? — спросила она.

— А как же. Есть.

— В первый раз слышу. Какая же это музыка?

— Это — покой души. Тот самый покой, про который говорится в Евангелии: «Возьмите иго Мое на себя и научитеся от Мене, яко кроток есть и смирен сердцем и обрящете покой душам вашим, ибо иго Мое благо и бремя Мое легко есть». Вот этот самый покой. Изучали математику? Знаете, что такое знак равенства? Ну вот: покой души — блаженство — музыка, гармония всех душевных сил.

— Так вот какая музыка...»

— Так она мне понравилась. Вот придет одна такая, и все позабудешь: и тяжести, и скорби. С другими приходится все говорить «Сказку про белого бычка». Вы знаете эту сказку? (Я ответил утвердительно.) Ну вот, а такая душа сразу все снимет... Вы понимаете меня?

— Да, батюшка.

— Я вас за то и люблю, что вы меня понимаете. Есть и еще, которые меня понимают.

27 ноября 1908 г.

...Пришел к батюшке, сказал, что было нужно, и сам батюшка начал говорить следующее:

— Весь мир находится как бы под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей, всеми душевными силами человека. Одна барыня рассказывала, что был у нее сын. Он был религиозен, целомудрен, вообще был хороший мальчик. Сошелся с дурными товарищами и стал неверующим, развратным, словно кто-то овладел им и заставляет его все это делать. Очевидно, что эта посторонняя сила — сила злая. Источник

ее — диавол, а люди являются только орудиями, средством. Это антихрист идет в мир, это — его предтечи. Про это апостол говорит: *Послет им духа заблуждения, духа лестча... Зане любви истины не прияша...* Человек остается как бы беззащитным. Настолько им овладевает эта злая сила, что он не сознает, что делает. Даже внушается самоубийство и совершается. А почему это происходит? Потому что не берут оружия в руки: не имеют при себе имени Иисусова и крестного знамения. Никто не согласится сотворить молитву Иисусову да крестное знамение: это такие древности, совершенно отжившие свой век.

— Постоянно имейте при себе Иисусову молитву: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», и открывайте помыслы... Имя Иисусово разрушает все диавольские приражения, они не могут противиться силе Христовой. Все козни диавольские разлетаются в прах. Почему так и как это происходит — мы не знаем. Знаем только, что это действительно так.

Все святые отцы говорят, что ночь особенно способствует молитве. Силы души как-то не развлекаются... Вообще ночью хорошо молиться...

28 ноября 1908 г.

Сейчас на благословении я сказал про тщеславные помыслы, которые безпокоят меня особенно во время келейного моего правила. Я стараюсь читать, по возможности, не спеша и вникая в смысл читаемого. Часто вот и приходит такая мысль, как будто я читаю и кто-либо из родных или знакомых слушает меня и даже видит, хотя я их и не вижу... И мне представляется, что слушающие остаются довольны моим чтением. Вот это я сказал батюшке.

— Да, это тщеславие, с которым надо бороться. Не принимайте этого в мысли... Не обращайте внимания. А если вы видите, что начинаете читать лучше и с большим чувством, то обращайтесь к Богу с благодарением и с самоукорением. Тогда этому бесу нечем будет попользоваться от вас, и он уйдет, но не совсем, он вас не оставит и на следующий раз опять пожалует. Да, у монаха все время идет брань в помыслах.

Преподобный Иоанн Лествичник считает тщеславие не отдельной страстью, а присоединяет его к гордости. Тщеславие, усилившись, обращается в гордыню. Тщеславие делает то, что безголосый начинает петь, ленивый становится ретивым, сонливый становится бодрым и тому подобное. Преподобный Иоанн Кассиан, замечая это, удивляется лукавству, хитрости, злобе этого беса. И как все святые избегали тщеславия, как осторожно они к нему относились...

Батюшка отец Амвросий часто являлся в чувственном виде и наяву, давал советы, избавляя от опасностей. И это бывало при его жизни. Его спросили: как он, не выходя из комнаты, многим является наяву. Понятно, если бы это было во сне, но наяву? «Это не я, это мой Ангел», — отвечал на такие вопросы батюшка отец Амвросий.

15 декабря 1908 г.

Батюшка благословил поминать, то есть записать в свое поминание, каждому из нас непрославленных подвижников, известных своей жизнью.

— Это великое дело. Не столько они нуждаются в наших молитвах, сколько мы — в их молитвах. И если мы за них молимся, то они сейчас же отплачивают нам тем же.

19 декабря 1908 г.

Батюшка говорил, что надо знать наизусть тропарь «Заступница усердная» (Казанской Божией Матери) и читать его ежедневно. Затем псалом 90-й «Живый в помощи Вышняго» читать также ежедневно, а молитву «Богородице Дево, радуйся» утром и вечером читать по 12 раз. Эта молитва имеет также великую силу: ее надо читать каждый час не по одному разу, но отец Амвросий говорил, что «читать за дневные 12 часов — утром, а за вечерние — вечером. Так передайте и брату Ивану...»

Женщина без веры жить не может. Или она после временного неверия опять возвращается к вере в Бога, или же начинает быстро разлагаться. Другое дело мужчина: он может жить без веры. Окаменеет совершенно, станет соляным

столбом, — таким окаменелым и живет. А женщина так не может.

— Вы знаете, какой для меня день 17 декабря?

— Нет.

— В этот день я оставил Казань в 1891 году, чтобы уже более никогда в нее не возвращаться. Сегодня память трех отроков, вышедших из печи невредимыми. И меня Господь сподобил уйти из мира, который тоже есть печь страстей, именно в этот день. Отроки были брошены в печь за то, что не хотели поклониться идолам, поэтому Господь и вывел их из печи невредимыми. Также и мы, монахи, и я, и вы вышли из мира, конечно, потому, что не хотели поклониться идолам. А идолы там везде расставлены: идол блуда, идол гордости, чревоугодия и так далее. Будем молить Господа, да сподобит Он нас Царства Своего Небесного. А там красота, которую воистину и *око не виде, и ухо не слыша... и на сердце человеку не взыде...*

Однажды батюшка с преосвященным Кириллом, пораженные чудным видом в лунную ночь в Казани, невольно перешли к разговору о вечной, нетленной красоте в Царстве Небесном.

— А там-то как? А там-то как, Павел Иванович? — говорил преосвященный Кирилл. И теперь, конечно, наслаждается он тем, чего мы даже вообразить себе не можем. Блаженная душа... С ним я любил побеседовать. Да вот и с вами поговорить мне все-таки доставляет утешение...

20 декабря 1908 г.

Батюшка не раз говорил мне, что к нему приходят «блаженные души». Да и вообще при разговоре употреблял неоднократно это выражение. А вчера батюшка объяснил мне, почему он называет их блаженными.

— Я их называю блаженными, — говорил батюшка, — потому что у них есть великое сознание своей немощи, греховности, и при этом сознании — твердая вера в Бога...

А также недавно говорил следующее:

— Был человек богат, стал вдруг нищим. Это тяжело, но поправимо. Был здоров, стал больным. И это поправимо, ибо

и с нищим, и с больным есть Христос. А потерять веру — великое несчастье. Оно тем ужасно, что нет у человека никакой опоры...

23 декабря 1908 г.

20-го числа скончался великий светильник земли Русской — протоиерей отец Иоанн Кронштадтский. Скончался на день памяти святого Игнатия Богоносца. До нашего скита весть об этом дошла только 21 декабря. Как только узнали, сейчас же батюшка пришел в церковь (за вечерней в воскресенье) и была отслужена панихида. После панихиды батюшка сказал краткое слово об отец Иоанне.

— Он был светильником *горяй и светяй*: он имел дар высокой внутренней молитвы. Его деятельность была так велика, что только удивляешься, как могло выносить это его слабое тело. И вспоминаются слова апостола: «Сила Божия в немощи совершается».

Замечено, что люди высокой духовной жизни обыкновенно отходят из этой жизни на день памяти такого святого, который в свое время подвизался подобным, сродным подвигом или имел одинаковый с ним дар. Так и отец Иоанн скончался в день памяти святого Игнатия Богоносца, который был родоначальником Иисусовой внутренней молитвы... Помолимся по силе о упокоении его души...

Батюшка привел мне текст из Евангелия:

— Апостол Филипп уверовал в Господа и возвестил благую весть о Христе Нафанаилу, но тот не поверил. А когда Господь сказал ему: *Прежде даже не возгласил тебе Филипп, суща под смоковницею видех тя...*, и он уверовал. Господь, видя веру его, рече ему: *Зане рех ти, яко видех тя под смоковницею веруеши: больша сих узриши...*

Это начало очищения ума, когда человек начинает видеть то, чего прежде не замечал, чего и другие не замечают, чего он даже не предполагал. Господь постепенно снимает покров с внутренних очей.

Вот Георгий Затворник, хотя он и был в глубочайшем затворе, но переписку имел, и вот что однажды писал он:

«Я прежде читал светские книги, но теперь решил не читать; там красивые слова, красивые мысли... и больше ничего. А Священное Писание все тайнами повито... Там глубина, там смысл неисчерпаемый. Всего уразуметь нельзя. Подобно тому, как можно снимать с луковицы одну чешуйку, затем другую, третью и так далее — вот то же и в Священном Писании: уразумел человек один смысл, за этим смыслом есть другой, более глубокий, за вторым — третий и тому подобное. Вот так Господь и просвещает разум Своих подвижников...»

28 декабря 1908 г.

Как-то батюшка говорил мне о том, что в Библии, кроме внешней стороны, есть еще и внутренняя, то есть что помимо голых фактов есть глубокий преобразовательный смысл этих же самых фактов. Этот смысл открывается по мере очищения ума человека.

Так, например, «Переход евреев через Чермное море» прообразовал собой новозаветное крещение, без которого никто не может войти в Царство Небесное. Этот факт — переход через Чермное море — действительно был... Так вот все это было и составляет внешнюю сторону фактов. А внутренний смысл таков: первое движение Моисеева жезла начертало прямую линию в вертикальном положении, а второе — прямую в горизонтальном положении, ударив жезлом в сторону, повелевая таким движением сомкнуться водам... Обе линии вместе составляют крест.

Понимал ли это Моисей, исполнявший в точности Божии повеления? Надо полагать, что понимал. Вся совокупность этих событий, как я уже сказал, прообразовала Таинство Крещения. Человек при крещении погружается в воду и оставляет в купели, которую прообразовало Чермное море, всю свою греховность: оттуда выходит совершенно чистым, святым. Таким образом, фараон с воинством означает насилующий человека грех, власть диавола, ибо до крещения, то есть до искупления человека Христом, все были под властью диавола, независимо от праведности их жизни. Крещением человек освобождается от всего этого, как израиль-

тяне избавились от фараона, выйдя из моря в безопасности от погони...

29 декабря 1908 г.

Батюшка при огне с трудом занимается.

— Смотрите, как поздно светает... Кроме того, самые дни-то сумрачные, небо в облаках. Вот за всю зиму два-три дня всего и было ясных. Солнышка нет. Невольно вспоминается знаменитая проповедь отца Иоанна Кронштадтского: «Смотрите, — говорил он, постукивая пальчиком по аналою, — смотрите, уже не третья ли часть солнца померкла, как это говорится в Апокалипсисе...»

Да вот и я помню, хоть и невелика моя жизнь, ясные, светлые дни. Помню, что на Пасху, на Светлый праздник, бывала обыкновенно чудная, ясная погода...

1909 г.

3 января 1909 г. Четверг.

...Однажды, когда я беседовал с батюшкой, он, между прочим, объяснил мне один текст из Евангелия Луки (см.: 11, 23—26): «...и проходит сквозь безводные места, ища покоя, и не обретает». Что разумеется здесь под «безводными местами»? Души людей слабых, порочных, не имеющих никаких добродетелей. Диаволу неинтересно соблазнить, навести на грех такого человека, у которого грешить не только мыслью и словом, но действием — дело обыкновенное.

Такого человека он вводит в грех без всякой борьбы, как обыкновенно он действует в миру.

Наконец он решается возвратиться к тому человеку, из которого он исшел, и приходит... Когда он исшел из этого человека, человек ощутил умаление борьбы со страстями; они его как бы перестали тревожить. И предался рассеянности, перестал внимательно следить за собой, впал в беспечность. Вот в таком-то состоянии и находит его возвратившийся диавол. Видя его не готовым к борьбе с собой, пользуясь его беспечностью, диавол идет и берет с собой еще семь духов, злейших себя, и «вшедше живут тут, и бывает человеку тому последняя горша первых»...

Потому всегда надо внимать себе... Не помню хорошо, но как будто батюшка говорил, что такой человек, по утишению скорбей, дал место в себе гордости, это и способствовало тому, что он пришел наконец в такое бедственное положение...

11 января 1909 г. Воскресенье.

9-го числа батюшка дал мне прочитать книгу под заглавием: «Откровенные рассказы странника духовному своему отцу».

Сравнительно недавно батюшка рассказал мне следующее:

— Хочу рассказать вам про одного англичанина... Не знаю, занимаются ли современные англичане подобными вопросами... Так вот, однажды сидел этот англичанин и пристально глядел в окно. Вдруг он говорит:

— Теперь мне это понятно...

— Что тебе понятно? — спросила его жена.

— Теперь мне понятно, — сказал он, — как наши тела после всеобщего воскресения мертвых будут прозрачны.

— Почему же это тебе стало понятно? — спросила его жена.

— Вот, — отвечал он, — я гляжу на стекло и думаю: ведь стекло прозрачно, тогда как его составные части: земля, уголь и другие — вовсе не имеют этой прозрачности. Поэтому и тело человека, обратившееся по его смерти в прах и землю, может, по Божию велению, восстать в ином, нетленном, светлом виде.

12 января 1909 г. Понедельник.

Недавно батюшка рассказал мне следующее:

— Я в гимназии учился хорошо, шел первым по классу. Были у нас тогда полугодовые репетиции. Я сдал все хорошо и, приехав домой, размышлял о том, что я буду читать, вообще строил в своей голове различные планы, ибо свободного времени было около двух недель: с 24 декабря по 7 января. Пришел, сел за стол. Передо мной лежала бумага. Я беру перо и пишу: «Возрождение». Что такое? Какое возрождение? И начинаю писать далее: «Давно, в дни юности минувшей...» А было мне тогда всего пятнадцать лет.

ВОЗРОЖДЕНИЕ

Давно, в дни юности минувшей,
Во мне горел огонь святой;
Тогда души моей покой
Был безмятежен, и живущий
В ней Дух невидимо хранил
Ее от злобы и сомненья,
И силой чудною живил.
Но жизнью я увлекся шумной;
Свою невинность, красоту,
И светлый мир, и чистоту
Не мог я сохранить, безумный.
И вихрем страстных увлечений
Охваченный, я погибал...
Но снова к Богу я воззвал
С слезами горьких сожалений,
И Он приник к моим стенаньям
И мира Ангела послал,
И к жизни чудной вновь призвал,
И исцелил мои страданья.

Не чудно ли это? Мне было всего пятнадцать лет, а я написал вперед всю мою жизнь.

Сегодня я увидел на столе это стихотворение. Батюшке его кто-то прислал в количестве ста экземпляров, из которых я, с благословения батюшки, взял два.

16 января 1909 г. Пятница.

13-го числа я занимался с батюшкой вечером до 12 часов ночи, а 14-го — до 10 часов, а с 10 до 12 часов мы беседовали.

Много было сказано, не упомню всего. Но что-то святое, великое, высокое, небесное, Божественное мелькнуло в моем уме, сознании во время беседы. Беседа коснулась духовной монашеской жизни, смирения, и высота смирения как бы чуть-чуть показала себя моему внутреннему человеку. Батюшка для выяснения монашеской жизни взял пример из жития святого Иоанна Дамаскина. Батюшка передал мне известную историю отсечения и исцеления его руки. Затем батюшка начал говорить:

— Когда дамасский калиф увидел, что над Иоанном совершилось чудо, то уверовал в Бога, познал невинность Иоанна

и предлагал ему прежнее место при дворе своем. Но Иоанн отказался и просил только одного, именно: чтобы пустили его в иноческую обитель. Делать нечего, и калиф отпустил его.

Тогда Иоанн отправился в обитель святого Саввы. Приходит и объявляет о своем желании посвятить себя иноческой жизни. Его, конечно, принимают и отдают в послушание старцу. Старец, принимая его, спрашивает:

— Зачем ты пришел сюда? Ты ищешь чудных откровений, видений, высших таинств? Нет, еще рано, ты недостоин. Сначала тебе надо приобрести смирение.

Иоанн же отвечает:

— Одного ищу я — спасения души своей.

— Да, сначала тебе надо приобрести смирение и послушание.

— Я на все готов.

— Так, хорошо. Вот тебе послушание: не смей отселе ничего писать.

Иоанн ничего не возражал и перестал писать, хотя и нелегко ему это было, ибо он не мог писать и в защиту святых икон. Наконец, он не вытерпел и написал чин погребения, который полностью принят Церковью и до сих пор совершается нами. Тогда старец сказал Иоанну:

— Так. Ты ослушался. Иди и чисти за это везде отхожие места.

Иоанн смирился и пошел исполнять новое послушание и, вероятно, немалое время исполнял его.

Так как же вы полагаете? Старец по глупости и грубости наложил на Иоанна таких два тяжких послушания? Великая мудрость была у старца. Смысл всего становится ясным из первых слов, которые сказал старец, принимая Иоанна. Он поставил смирение выше всего, ибо оно поставляет имеющего его выше всех. Святые отцы называют смирение ризою Божества. Смирение — первое условие спасения: только им мы и можем спасаться.

Далее батюшка, насколько помню, в связи с этим говорил:

— Путь унижений, смирения и терпения — тяжел. Многие за него брались, решались идти им и не выдерживали.

Хотел идти этим путем и епископ Игнатий Брянчанинов и не выдержал. Ведь он был и в Оптиной. Хотя он и считается наставником современного монашества, ибо желающий понять сущность монашества в настоящее время без его сочинений этого сделать не может (его сочинения дают ясное понятие об иночестве), а все-таки он не Арсений Великий. Правда, святой, а все же не Арсений. У нас сохраняется предание, что батюшка отец Лев сказал про епископа Игнатия Брянчанинова:

— Если бы пошел иным путем, то он был бы второй Арсений Великий.

30 января 1909 г. Пятница.

Батюшка во время разговора в первый раз назвал меня своим «сотаинником». Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси Господи батюшку. Я все более и более начинаю видеть, что батюшка — великий старец. И к моему сожалению, батюшка все чаще и чаще говорит о своей смерти, что дни его «изочтены суть». «Я совершенно один, — говорил как-то батюшка, — а силы слабеют».

— Мы: я и батюшка отец Амвросий — все вместе делали, друг друга утешали в скорбях. Приду да и скажу: «Батюшка, отец Амвросий, тяжело что-то». — «Ну что там тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни...» Да, а теперь-то они и пришли. Монахов много, много хороших, а утешать некому. Теперь я понял, что значит: «Придут дни...»

8 февраля 1909 г. Воскресенье.

Недавно батюшка сказал мне про монашество:

— Монашество — есть блаженство, какое только возможно для человека на земле, выше этого блаженства нет ничего. И это потому, что монашество дает ключ к внутренней жизни. Блаженство внутри нас, надо только открыть его. Полное блаженство — на небе, в будущей жизни, но нижняя ступень его — на земле. В той жизни оно только продолжается.

13 февраля 1909 г. Пятница.

Сейчас я зашел к батюшке на благословение после вечерни. После благословения и откровения моих немощей за этот день батюшка сказал мне следующее:

— Это все ничего, если укоряем себя и смиряемся. А то вот многие на небо лезут, подвиги накладывают на себя, а смиряться не хотят. Смиряйтесь, смиряйтесь. Да, я скажу вам, брат Николай, не хотят смиряться. Это язва, язва современного монашества...

21 февраля 1909 г. Суббота.

19 февраля батюшка мне сказал:

— Я вам, брат Николай, не раз уже говорил и еще скажу: приходит мне мысль — все бросить, уйти в какую-нибудь келью. Страшно становится жить, страшно. Только боюсь сам уйти, а посоветоваться не с кем. Если бы жив был батюшка отец Варнава, то поехал бы к нему, но его уже нет. А сам боюсь: боюсь, как боится часовой уйти с поста — расстреляют. В таком положении начинаешь понимать слова пророка Давида: «Спаси мя, Господи». ...Если взять только одну часть фразы, то само собой разумеется, что никто не хочет погибели и не говорит: «Погуби меня, Господи». Все и всегда могут сказать: «Спаси мя, Господи». Но он далее прибавляет: «Яко оскуде преподобный».

Не к кому обратиться, Господи, спаси мя. Только теперь мне становится понятным: отчего бежали святые отцы от мира, а ведь именно бежали... хочется и мне убежать в пустыню...

Незадолго до этого, как-то вечером, батюшка сам, не по моему вопросу, а сам начал говорить:

— Прежде я не понимал, что делается в миру, а теперь, когда приходится мне сталкиваться с ним, он поражает меня своей крайней сложностью и безотрадностью. Правда, бывают радости, но они мимолетны, мгновенны. Да и какие это радости? Самой низшей пробы. А у нас блаженство, даже немного как бы походит на рай. Бывают, конечно, и скорби, но это временно. «Хорошо, кто заботится о внутренней созерцательной жизни, ибо она даст ему все».

1 марта 1909 г. Воскресенье.

Числа 23—24-го я открывал батюшке свои помыслы. Батюшка и ответил мне:

— Прогонять помыслы, противиться им могут только святые, а нам от них надо бегством спасаться...

— Да, батюшка, когда очнусь, начинаю творить молитву Иисусову...

— Вот про это-то я вам и хотел сказать. Сразу у вас нет своих сил бороться с помыслами, призывайте Господа Иисуса, и имя Его будет прогонять от вас помыслы. В грех они, как я уже сказал, поставиться не могут. Например, разве вы виноваты, что, когда отворили дверь кельи, вас охватил ветер и засыпало снегом. Никакой в этом вины нет. Но если вы видите, что вам не под силу идти при такой вьюге, то можно спастись только бегством, именно: захлопнуть дверь. А другой, покрепче, пожалуй, и пойдет по этой вьюге. Нам до таких далеко. Они могут, подобно Давиду, выходить на единоборство, но не с голыми руками. Заметьте, с чем вышел Давид на Голиафа? С камнем. А что значит камень? «Камень же бе Христос». Вдумайтесь-ка в это.

В этот же вечер батюшка говорил мне:

— Нам, то есть стоящим на таком посту, несущим такое послушание, нельзя отдыхать. Сегодня я очень плохо себя чувствовал и думаю: надо отдохнуть, лягу. «Брат Никита, — говорю я, — сегодня не будем отпирать женскую половину, в первый раз за три года. А я лягу и часов до трех не будите меня». Лег, а помысл говорит: «А может быть, там пришла какая-нибудь раба Христова со скорбью или другой какой насущной нуждой своей, — как же так? Надо отпереть». Позвал брата Никиту, сказал, чтобы он открыл, а сам встал: вскоре вся слабость прошла. А там, действительно, пришли такие, которых надо было принять. И вот как Господь подкрепляет в таких случаях...

Подобные же происшествия батюшка рассказывал и раньше. Например, батюшка не мог совершенно читать при огне вследствие страшной рези в глазах. Когда батюшку посвятили во иеромонахи, он заявил, что при огне служить не

может, а отец архимандрит отвечал, что Бог поможет. И действительно, батюшке была дана возможность служить при огне. А теперь даже и пишет, и читает, и вообще имеет возможность работать при огне, так как этого требует его положение.

14 марта 1909 г.

Однажды батюшка говорил мне:

— За советом надо обращаться к одному кому-нибудь. То, что я сейчас говорю, чрезвычайно важно, и блаженны те, кто это знает. Бывает так, что придет кто-нибудь в Оптину, посоветуется с одним, потом с другим, иногда у трех-четырех побывает. Каждый советует по-своему, и у вопрошающего получается смущение: он не знает, как поступить, чьему совету последовать. А нужно было спросить у того, к кому он первому пришел, и что тот посоветует — принять во внимание, считая это за волю Божию.

17 марта 1909 г.

Иногда батюшка рассказывает и говорит много, что хотелось бы записать, да нет времени и возможности. Сегодня после обеда батюшка стал ложиться отдыхать. Я был с ним, укрыл его, когда он лег. Когда батюшка раздевался, он начал говорить:

— Ни у меня, ни у вас, конечно, нет в мыслях расстаться друг с другом. Но, право, хорошо помереть в такие годы, когда душа ваша еще не очерствела, и у нас в скиту...

— Да, — говорю я, — мое желание — остаться навеки в скиту и лечь здесь в могилу. Но только преподобный Иоанн Лествичник говорит, что «неочистившиеся, аще желают смерти, поступают безумно...».

— Зачем же желать вам смерти; право желать этого предоставляется мне. А все может случиться: у Бога свои расчеты, и кого из нас раньше потребуют отсюда — неизвестно.

Что еще говорил батюшка, я не помню хорошо. Нет свободной минуты, а потому пишу кое-как.

22 марта 1909 г. Вербное воскресенье.

Пользуясь свободной минутой, запишу кое-что. 14 марта батюшка дал мне две деревянных ложки — одну лично мне, а одну — для Иванушки. В тот же день батюшка сказал мне следующее:

— В Казани был архиепископ Афанасий. Про него много чудесного рассказывали. Например, когда он только что приехал в Казань, он поспешил в Кафедральный собор. Отслужив обедню, молебен и сказав краткое слово, он начал благословлять народ. В общей массе, в толпе, подходит также какая-то барыня. Он благословляет ее, а руку целовать не дает. Она подумала, что он сделал это, спеша окончить благословение. Но все же она опять подошла под благословение, и опять он, благословив, не дал поцеловать руки. Она подходила к нему несколько раз, и повторялось то же. Тогда она говорит ему: «Владыка святый, неужели я такая грешная, что недостойна поцеловать у вас руку?» — «Вот еще, — говорит преосвященный, — у меня рука словно у мужика». Барыня покраснела, поняв, что преосвященный узнал ее мысли, ибо он сказал то, что она подумала, подходя под благословение. Было и еще много подобных случаев, доказывающих его прозорливость...

Характерная черта многих святых: позвать гостей, радушно принять их и угостить — замечалась и у преосвященного Афанасия. Он любил в праздники позвать к себе гостей. Так и было однажды. После обедни сразу из церкви с гостями он приходит к себе. Попив чайку и несколько побеседовав с гостями, преосвященный предложил им пообедать. Приказав келейнику подавать обед, он с гостями сел за стол. Подают огромную, прекрасно приготовленную щуку. Посмотрев на нее, Владыка говорит:

— Ее кушать нельзя, она проклята.

Все несколько удивленно посмотрели на преосвященного.

— Она проклята, ее есть нельзя, — повторил Владыка. Призывает келейника и приказывает убрать ее со стола. Тот даже не решается убрать. Тогда преосвященный велит позвать повара. Тот приходит. Владыка смотрит на него и, замечая завязанный палец, спрашивает:

— Что у тебя с пальцем?

— Порезал нечаянно, Владыка святый.

— А что ты при этом сказал?

— Простите, Владыка, я сказал: чтобы ты была... нехорошо сказал.

— Ну, вот видишь, теперь ее есть нельзя. Эту бросьте, а другую надо приготовить. Вот видите, даже проклятие простого человека — повара, так сильно действует...

— Собственно, батюшка, — спросил я, — непонятно, как это узнал владыка Афанасий, и почему нельзя после проклятия есть?

— Проклятие повара произвело в рыбе какие-то изменения, которые преосвященный заметил своими прозорливыми очами. Вследствие этих изменений нельзя стало кушать рыбу. Этим объясняется, почему в миру, в богатых домах, в самых дорогих кушаньях нет того вкуса, который мы ощущаем в наших кислых щах: там все делается без молитвы, с руганью и проклятиями, а у нас в монастыре с молитвой и благословением.

В заключение всего запишу слова батюшки, сказанные мне однажды: *Духа держитесь: дух животворит...*

30 марта 1909 г.

Насколько помню, в Великую Пятницу, на Страстной седмице, батюшка сказал такую истину, засвидетельствованную святыми отцами:

— Если бы желающие поступить в монастырь знали все скорби, присущие иноческой жизни, то никто бы не пошел в монастырь. Поэтому Господь нарочно скрывает от них эти скорби. А если бы люди знали блаженство, ожидающее иноков, то весь бы мир без оглядки побежал в монастырь.

12 апреля 1909 г.

Эти дни я был чрезвычайно занят, все время проводя при батюшке. Сегодня уезжает брат Кирилл, он много помог мне в письменных работах. Спаси его, Господи.

Вчера была память святого Варсонофия и батюшка был

именинник. На днях батюшка говорил мне, что он, будучи в Казани еще мирским, очень любил становиться в Соборе около мощей святого Варсонофия. Когда у батюшки начало появляться желание богоугодного жития, он часто обращался к святому Варсонофию, как бы предоставляя на его решение, какой путь жизни избрать ему. И угодник Божий не оставил втуне молитву с верой к нему прибегающего и указал батюшке иноческий путь и даже сподобил его принятия при пострижении своего имени. И первым шагом к сему, быть может, было то, о чем батюшка рассказал мне 14 марта перед бдением:

— В Казани, когда была поставлена в первый раз на сцене опера «Гугеноты», я был в одной ложе в театре с некоторыми моими хорошими знакомыми. Я очень любил оперу. Внезапно напала на меня тоска, а в душе как будто кто-то говорил: «Ты пришел в театр и сидишь здесь, а если ты сейчас умрешь, что тогда? Господь сказал: «В чем застану, в том и сужу...» Уйди скорее из театра... С чем и как предстанет душа твоя Богу, если ты сейчас умрешь?» Мне стало страшно. Я вполне согласился с этим внутренним голосом и думаю: «Надо уйти». Тогда начинает говорить другой голос: «А что скажут твои знакомые? Да стоит ли обращать внимание на всякий пустяк...» Опять первый голос: «Иди, иди скорее, твои знакомые сейчас забыли о тебе, а потом можешь что угодно сказать на их вопросы».

Началась борьба, но первый голос взял верх, и я решил уйти. Тихо поднялся со стула, едва слышными шагами добрался до двери, быстро закрыл ее за собою и быстро пошел к выходу. С лестницы почти бежал. Быстро надел пальто, выбежал на улицу, крикнул извозчика и полетел домой. Только тогда, когда я уже вошел в свой уютный номерок, я свободно мог перевести дыхание. Здесь я решил уже никогда не ходить в театр и действительно не ходил.

Потом об этом, как и обо всем, с течением времени я позабыл. Затем прошли годы, я снова вспомнил... и захотелось мне узнать, какое число было тогда, чья была тогда память. Я справился и узнал, что тогда было 4 октября, память святителей Гурия и Варсонофия, Казанских чудотворцев...

Господи, да ведь это меня святой Варсонофий вывел из театра. Теперь я думаю: какой глубокий смысл в событиях нашей жизни, как она располагается точно по какому-то особенному таинственному плану.

25 апреля 1909 г.

22 апреля батюшка мне сказал, что исполнилось ровно три года, как он вступил в управление скитом. Память преподобного Виталия.

Сегодня батюшка рассказал мне про то, что в 1870 году, когда поджигали город Оренбург и выгорело семь восьмых его, мать батюшки со своей сестрой и с ним, тогда еще Павлом Ивановичем, со всем домом и имуществом были чудесно спасены от пожара.

— Для пожара был выбран ветреный день, — говорил батюшка, — ветер быстро разнесся по большей части города. Адское пламя уже надвигалось на наш дом. Тогда мы положили на повозку свои пожитки и выехали за город, а незастрахованный свой дом мы оставили на волю Божию. Была ночь. Мы скрылись за уцелевшую часть вала, построенного во время Пугачева и даже ранее. Что делать? Старушка мать встала на молитву: «Господи, спаси нас». — И я встал и говорю: «Матерь Божия, спаси нас...»

И вдруг ветер переменил направление, пламя полетело в другую сторону. Наша часть города уцелела...

Прошло два-три месяца, разговор о пожаре не умолкал в городе. И однажды некто Силин сказал:

— Вы спрашиваете, почему уцелела эта часть города? Да вот почему: кто-то живет монахом, да еще, быть может, в монастырь поступит, вот ради него и спас Господь эту часть города.

Я тогда еще не думал о монашестве, и поэтому только улыбнулся на слова этого человека, но потом не раз вспоминал их. Он сказал истину про меня... Видите, как дорого Господу монашество.

30 апреля 1909 г.

Я помню, как еще зимой батюшка сказал мне:

— В человеке заключается три части: тело, душа и дух. Это

видно из слов Богоматери, сказанных ею на приветствие праведной Елизаветы: «Величит душа моя Господа, и возрадовался дух мой о Боге, Спасе Моем». Здесь очень ясно видно разделение: одно — дух, а другое — душа, а что тело и душа суть две различные части — это очевидно. И заметьте эту последовательность: начинает хвалить Господа душа, и от этого приходит в веселие и начинает радоваться дух. Это относится ко всякому человеку, когда он молится или прославляет Бога. Молитва начинается при посредстве сил души, и ум прислушивается к словам молитвы. Затем смысл молитвы как бы затрагивает дух человека, и дух, вынужденный Божественной силой молитвы, возрадуется...

Я постарался припомнить то, что говорил тогда батюшка, но не знаю, верно ли я передал это.

6 мая 1909 г.

Сегодня уже отдание Пасхи. Батюшка пошел служить в монастырь за отца архимандрита, ибо тот что-то устал.

Вчера батюшка говорил мне о том, какая борьба была у него в душе, когда послали на войну в Муллин. Когда батюшке объявили о назначении, он почувствовал всю трудность этого послушания, но не отказался, а принял его как от руки Господней, хотя оно было плодом недоброжелательства некоторых.

— Здоровье мое было плохое. Как поеду, — думал я, — куда такому хилому старику проехать несколько тысяч верст... Я думал, что не доеду... Затем были в уме и другие мысли, а именно: как ты будешь оправлять требы, крестить младенцев, когда ты ни разу не крестил. Как ты будешь отпевать усопших, когда ты ни разу не отпевал? Как ты будешь ладить с начальством и врачами, если они будут над тобой издеваться? Как ты сразу из скита впадешь в многолюдство, да еще в женское общество сестер милосердия? (Батюшка говорил, что все эти мысли были бесовскими клеветами.) Как на твое здоровье повлияет климат, к которому ты не привык? И прочее и прочее...

Но я только отбивался молитвой Иисусовой. Когда я это

пересилил, враг переменил свои действия, он начал возбуждать к клеветам на меня едущих со мной... Это было очень тяжело... Так продолжалось до Харбина.

Когда же я был отправлен в Муллин, я избавился от «гонящих мя», свободно вздохнул и попал словно в рай. Одна природа чего стоит: синие горы, леса, степи с миллионами цветов. Между мной и окружающими установились простые дружественные отношения. Главный врач оказался хохол, и все другие были истинно русские люди и верующие, в том числе, конечно, сестры милосердия (некоторые из них и сейчас относятся письменно к батюшке). Хорошо мне там было.

Я думаю: несмотря на то, что для батюшки все слагалось так неблагоприятно, он, будучи верен добродетели послушания, получил возмездие. Много скорбей понес батюшка. Враг сильно ополчился, но Божия Благодать не оставляла батюшку.

10 мая 1909 г.

Вчера батюшка ходил в монастырь, да легко оделся, а было холодно. Еще вчера он почувствовал себя не совсем хорошо, а сегодня — еще хуже, даже не пошел к обедне и трапезе. Вчера пришлось немного побеседовать с батюшкой. Не берусь записать всю беседу, отмечу только некоторые мысли:

— Молитва бывает, — говорил батюшка, — во-первых — устная, во-вторых — внутренняя, сердечная, в-третьих — духовная. Внутреннюю, сердечную, молитву имеют весьма немногие, а имеющие духовную молитву встречаются еще реже. Духовная молитва несравненно выше внутренней сердечной. Имеющие ее начинают познавать тайны природы, они смотрят на все с внутренней стороны, постигают смысл вещей, а не внешнюю их сторону. Они постоянно бывают охвачены высоким духовным восторгом, умилением, их глаза часто источают слезы. Их восторг для нас непонятен. Доступный нам восторг самых великих художников, в сравнении с их духовным восторгом, есть ничто, ибо он душевнее.

Просвещение научное может быть усваиваемо всеми народами без различия, но нравственное просвещение и чистота свойственны только христианину...

В монастыре достигнуть нравственного усовершенствования удобнее, чем в миру... Как в миру, так и в монастыре волнуют человека страсти, но в миру с наслаждением предаются страстям, если не на деле, то в слове и мысли, а в монастыре идет борьба против влечения страстей, за что и получается от Господа награда и нравственное очищение...

Преподобный Серафим Саровский говорит, что кто в монастыре не творит молитвы Иисусовой, тот не монах... и страшно подумать, что добавляет: «...тот обгорелая головешка...». Да, необходимо иметь какую-нибудь молитву, хоть самую маленькую.

14 мая 1909 г.

Вчера одна молодая девушка, служившая в горничных в Калуге, принесла батюшке подарок: крест медный и бархатные, вышитые серебром воздухи.

— Сердце умиляется, — говорит про нее батюшка, — эта девушка лет восемнадцати. Она была у меня в 1905 году. Побывав в Оптиной, она возымела намерение когда-либо еще побывать и принести мне подарок. Для этого она решила накопить денег. Получает она теперь на один рубль более прежнего: пять рублей в месяц. Целые три года она копила деньги. Наконец накопила и привела в исполнение свое желание, а именно: съездила в Киев помолиться у Печерских чудотворцев и у других киевских святынь и купить там подарок для батюшки Варсонофия в Оптину. Крест купила за семь рублей, а воздухи за десять рублей, всего, значит, семнадцать рублей, да еще самая поездка в Киев обошлась рублей двадцать. Выходит — тридцать семь рублей, а в Оптиной еще проживет, израсходует, и сама блаженствует.

— Теперь я спокойна, говорит, взяла благословение у Киевских угодников Божиих, сделала подарок батюшке.

Конечно, принята Богом ее жертва.

18 мая 1909 г.

Сегодня Духов день. Очень мне понравилось за обедней то, что в двух-трех саженях от храма на яблоню сел соловей и пел. И как же он пел! Было слышно в храме. Сколько простоты, сколько самой чистой поэзии.

— Лица людей святой благочестивой жизни имеют на себе отпечаток этой святости. Эти лица имеют ту особенность, что, при взгляде на них, они как-то поражают и производят сильное впечатление. И даже по прошествии продолжительного времени не забываются. Таких людей видел я. Однажды я подумал, не видение ли вижу, ибо было что-то неземное.

Это мне батюшка недавно говорил и называл имена таких святителей, но я забыл их.

24 мая 1909 г.

Я недавно просил у батюшки благословения выписать цветочных семян и посеять у себя под окном. Батюшка благословил, сказав, что эта моя мысль — самая невинная. Батюшка тоже любит цветы, и прежние старцы любили. Отец Анатолий, кажется, сам участвовал при рассаживании цветов.

Я с детства любил цветы. Бывало, сам копал грядки, клумбочки для цветов. Сажал, сеял, пересаживал. А иногда даже и воровал цветы у бабушки, за что мне в один прекрасный день и попало.

Мне иногда приходилось заменять келейников у батюшки, правда, редко и ненадолго. Иногда помогал батюшке ложиться отдыхать после обеда. Батюшка всегда ложится с четками, надев их на руку. Однажды пришли к батюшке на благословение только что поступившие и одевшиеся послушники. Я был в соседней комнате и слышал кое-что из наставлений батюшки. Между прочим батюшка сказал:

— Никогда не ложитесь даже без четок, пусть они непременно будут при вас.

Я одно время спал без четок, а потом стал опять с четками, по примеру батюшки. А теперь я узнал, наверное, что нужно ложиться с четками.

6 июня 1909 г.

Многое нужно бы записать, да не знаю, удастся ли.

Когда батюшка говорит о молитве Иисусовой, я всегда чувствую некоторое воодушевление и интерес. Так было на днях: «Был в Петербурге митрополит Гавриил. Жил он хорошо. Он много читал о молитве Иисусовой и сам несколько раз занимался ею, но, несмотря на это, все же у него были какие-то недоумения и сомнения относительно молитвенного подвига. Тогда он задает своим близким вопрос:

— Кто может разрешить мне мои сомнения и указать на главное условие успеха в молитве?

Ему отвечают:

— Владыка святый, позовите монаха отца Клеопу, он вам, пожалуй, кое-что скажет.

— Едва ли, — говорит владыка, — ведь он необразованный. Верую, что он хорошей жизни, но мне нужно не то... Ну а все же пусть придет.

Позвали к нему отца Клеопу.

— Ты кто будешь?

— Грешный Клеопа.

— Садись.

Тот, молча, садится. «Да, это, должно быть, действительно монах», — подумал митрополит.

— Я тебя позвал для того, чтобы спросить тебя, в чем заключается главное условие успеха в молитве? Можешь ли ты мне на это дать ответ?

— Успех в молитве достигается терпеливым пребыванием в молитвенном подвиге. Враг всячески старается оторвать подвижника от молитвы Иисусовой. С этой целью он борет и справа и слева. То внушает мысли, что не стоит трудиться, ибо все равно ничего не достигнешь, смотри, мол, сколько времени ты трудишься и еще ничего не достиг.

Или борет с другой стороны, внушая мысли, что ты уже достиг святости, что уже не надо творить молитвы Иисусовой, что это совершенно лишнее. Также и подобные им помыслы будут бороть подвижника с целью сбить его с молитвенного пути, но он должен терпением побеждать их, то есть терпели-

во продолжать начатый подвиг молитвы и не прекращать его ни в коем случае, — это сказал отец Клеопа, зная хорошо эту борьбу из личного опыта.

Услыхав от отца Клеопы эти мудрые слова, Владыка обнял его, поцеловал и сказал:

— Ты в одну минуту разрешил все мои недоумения и вопросы.

Вот что значит опытное знание. Итак, в молитвенном подвиге главное — это терпение...»

Вчера, то есть 5 июня, батюшка решил дать себе небольшой отдых от суеты, поэтому и стал читать различные книжечки, из которых одна содержала в себе описание гонений на христиан первых веков. Прочтя вслух про гонения Диоклетиана, батюшка сказал:

— Все эти гонения и мучения повторятся, очень может быть. Теперь все это возможно. — Кажется, батюшка даже говорил, что все монастыри будут закрыты и имеющие власть христиане свергнуты и что это время не за горами.

12 июня 1909 г.

Сегодня день открытия мощей святой благоверной княгини Анны Кашинской. Я, грешный, сподобился исповедать свои грехи...

Затем я вспомнил, что иногда у меня бывают помыслы, осуждающие батюшку. Я сказал это батюшке. Батюшка, выслушав, сказал:

— А вы отвечайте на это помыслу: «Это не мое дело, за это старец отвечает, а не я».

14 июня 1909 г.

Когда мы с батюшкой ехали на дачу, я сказал:

— Батюшка, я вот замечал, что чтение книг безбожных, и вообще несогласных с моим миросозерцанием, хотя и не изменяет моих взглядов, но все же оставляет какой-то осадок.

— Да, — отвечал батюшка, — святые отцы и наши старцы советовали читать книги своего направления и чтением еще больше укреплять и развивать свое убеждение.

1 июля 1909 г.

Сегодня утром в 4 часа батюшка уехал с отцом архимандритом в Калугу, откуда отправятся на съезд в Троице-Сергиеву лавру. Вероятно, еще куда-либо заедут. Когда отошла утреня, я пошел к батюшке. Помолившись, батюшка вышел через святые ворота к подъехавшему тарантасу. Когда он сел в него, то еще раз благословил всех нас, и лошади тронулись. Мне стало грустно, и я поспешил уйти в келью...

Когда батюшка воротится? И кто мне его заменит? Придя в келью, я помолился и за батюшку, и за себя. Не скрою, я поплакал.

Вчера, то есть 30 июня, батюшка дал мне полотняный носовой платок:

— Возьмите от меня на память.

— Спаси Господи, батюшка, — ответил я.

Уезжая, батюшка говорил, чтобы я во время его отсутствия занялся собой. Как-то на днях я каялся батюшке, что проспал утреню. На это батюшка ответил:

— Укоряйте себя, Бог простит. А вот когда я уеду, вы уже не просыпайте. Входите в прежние рамки. Займитесь это время собой... Побезмолвствуйте... Просыпание утрени и другие немощи происходят от недостатка решимости. Надо сделать во что бы то ни стало, тогда Господь помогает за такую решимость. Вот, например, вы решили оставить мир, и Господь помог вам, и вы его оставили. И так во всяком деле и всегда.

2 июля 1909 г.

14 мая в воскресенье на литургии читалось Евангелие воскресное и пророку Елисею (см.: Лк. 4, 22—30). Это Евангелие кончается словами: *Он же* (то есть Иисус Христос) *прошед посреде их, идяше.*

Когда я вечером пришел к батюшке на откровение и благословение, то он очень неожиданно для меня спросил:

— Вы помните, какое сегодня читалось Евангелие?

— Простите, батюшка, забыл.

— Там говорилось, что евреи разъярились на Господа, возвели Его на гору *да быша Его низринули. Он же прошед*

посреде их, идяше. Что же это значит? По отношению к Господу Иисусу смысл ясен, то есть что иудеи до того разъярились на Него, что хотели Его сбросить с горы, но Он, пройдя среди них невредимо, пошел далее своим путем. А по отношению к нам это имеет другой смысл, а именно: разъяренные евреи обозначают страстные помыслы, которые тщатся ввергнуть нас в бездну. Но ум наш проходит сквозь них невредимо, и, пройдя, оставляет их сзади себя, и идет вперед и вперед, приближаясь к Горнему Иерусалиму — Царству Небесному. Заметьте, не только проходит сквозь них, но идет и далее...

Георгий, Задонский Затворник, пишет про себя, что он, еще будучи в миру, был идеалистом, всюду искал красоты. Он и сам был красив. Познакомившись с одной красавицей, он даже сделал ей предложение, на что она согласилась. И кажется, в ту же ночь он видит сон: как будто перед ним стоит красавица, каких он никогда не видел, перед которой та, которой он сделал предложение, — ничто. И он в изумлении говорит: «Кто ты? Как твое имя?» — «Мое имя — целомудрие», — и он просыпается. «Так вот она где, красота! Ничего мне не надо». — И он удалился в затвор, все презрев.

Да, иногда Господь вразумляет и при помощи чувственных образов. Георгий Затворник в миру искал красоты, но искал там, где ее нельзя найти, не понимал он, что надо искать ее в совершенно ином, а Господь этим сном поставил его на путь истины.

2 августа 1909 г.

Недавно батюшка говорил мне о молитве Иисусовой. Сочинения епископа Игнатия Брянчанинова необходимы, они, так сказать, азбука, слоги. Сочинения же епископа Феофана Вышенского суть уже грамматика, они глубже. Их даже преуспевшие читают с некоторым затруднением.

— Недавно один иеромонах, — сказал батюшка, — спрашивал о молитве Иисусовой и просил меня указать книги. Я ему ответил. Он, видно, хочет познать эту молитву из одного чтения. Необходимо познать ее личным опытом, надо приступить к ней самому. Молитва Иисусова, — продолжил ба-

тюшка, — безбрежное море. Невозможно исчерпать его. Невозможно всего описать в книгах. Многие начинают, но мало кто кончает. Поэтому мало имеющих внутреннюю молитву. Это великое делание теперь почти совсем забыто... Никто о нем даже не беседует.

Мы слишком отвлеченно думаем об адских муках, вследствие чего и забываем о них. В миру совсем забыли об этом. Диавол всем нам внушил, что ни его (то есть диавола), ни адских мук не существует. А святые отцы учат, что обручение геенны, все равно как и блаженство, начинается еще на земле, то есть грешники еще на земле начинают испытывать адские муки, а праведники — блаженство... только с той разницей, что в будущем веке и то и другое будет несравненно сильнее.

26 августа 1909 г.

Мало приходилось писать и редко, времени совершенно нет. На днях батюшка говорил о том, как опасно уходить из монастыря, и в заключение рассказал такие два случая. Первый, кажется, современный, то есть бывший, может быть, лет пять-десять назад.

«Один богатый купец имел сына, этот сын поступил в одну из святых обителей, но не ужился в ней и ушел в мир, то есть из чертогов царских — в вонючее болото. Вскоре после ухода он женился и жил с женой и детьми в своем доме. Потом он понял, чего лишился, но было уже поздно. И вот однажды удалось ему как-то достать у старьевщика старый, рваный послушнический подрясник. Принес он подрясник домой и в большие праздники удалялся в самую дальнюю комнату — моленную, надевал этот подрясник и предавался горькому плачу, вспоминая свое житие в святой обители.

И вот еще: однажды в баню пришел какой-то человек с маленьким сыном. Разделись. Отец сел на лавку, а сын все смотрит ему на спину. Тогда отец спрашивает сына:

— Ты что смотришь мне на спину?

— У тебя на спине, папа, какое-то черное пятно.

Тогда отец понял, что невинному чистому младенцу были

открыты глаза, и что это черное пятно не что иное, как параман, ибо он прежде был монахом...»

3 сентября 1909 г.

...Недавно, когда я провожал батюшку в монастырь, мы, по обыкновению, зашли на могилы старцев. Поклонившись старцам, батюшка указал рукой на памятник, стоящий прямо за главным алтарем Введенского храма. Потом спросил меня:

— Я вам рассказывал об этом памятнике?

— Нет, — ответил я.

— Ну, так вы напомните мне как-нибудь, я вам расскажу.

Недавно я и напомнил батюшке, а батюшка мне рассказал следующее: «Давно это было, кажется, еще при старцах отце Льве и отце Макарии. Однажды в Оптину приехала молоденькая девушка именем Варвара, красавица собой. Ей очень понравилась Оптина. Но все же нужно уезжать, и она поехала со своей матерью из Оптиной. Едут, а по дороге из Козельска несут на кладбище гроб. В гробу лежит молодая девушка.

Тогда был обычай (едва ли он теперь сохранился), что девушку на кладбище всегда должны нести тоже девушки. С этой целью, когда одна такая умирала, собирали отовсюду девушек, одевали их в белые одежды, украшали цветами, тоже белыми. Они все вместе брали на руки гроб, тоже белый и украшенный белыми цветами, и несли его сами на кладбище. Вот такая похоронная процессия и встретилась на дороге этой девице Варваре. Она, полная восхищения от этой картины, воскликнула:

— Вот счастливая, вот счастливая.

Мать удивилась этим восклицаниям и говорит:

— Что ты, глупая. Я тебя повезу в Москву и Петербург. Там ты будешь у меня первой красавицей на балах.

Но дочь не слушала ее, пораженная этой белой похоронной процессией.

Приехали они домой, но чистая девушка почувствовала себя чужой среди блеска и роскоши и захотела опять в Оптину. Наконец отпросилась и поехала. В Оптиной она поговела, приобщилась и собралась уже ехать домой. Села в тележку и

поехала, но когда стала спускаться к реке Жиздре, лошадь вдруг понеслась и прямо в Жиздру. И когда выловили девушку, она была уже мертва.

Собрались на совет старцы: что делать и где хоронить эту девушку. И решили похоронить ее за главным алтарем, дав ей первое место в своей пустыни за великую ее любовь к Оптиной. Вот какая девица Варвара. Видите, как Бог слышит молитву и видит восторг чистой невинной души, не огрубевшей в земных удовольствиях. Она сочла только счастием, а Господь исполнил ее желание...»

5 сентября 1909 г.

Рассказал мне батюшка и про отца архимандрита Моисея:

«Однажды мужичок привез в Оптину целый воз яблок для продажи, ибо тогда еще в Оптиной не было яблок, то есть садов. Отец Моисей вышел к мужичку и спросил:

— Какие это яблоки и какая цена?

Мужичок, думая, что отец Моисей не понимает толку в яблоках, хотел обмануть и отвечает:

— Это — «Добрый крестьянин», яблоки — первый сорт.

Отец Моисей видит, что это недозрелая антоновка, и говорит:

— Как, как они называются?

— «Добрый крестьянин».

— Да этого крестьянина не Антоном ли звали?

Мужичок понял, что отец Моисей узнал сорт яблок, и в смущении отвечает:

— Простите, батюшка, значит, мне обратно ехать?

— Зачем? Позови ко мне отца эконома.

Когда тот пришел, отец Моисей приказал ссыпать яблоки в подвал, а мужичку дал ту цену, какую он запросил с самого начала...»

8 сентября 1909 г.

6 сентября батюшка рассказал мне про отца игумена Вениамина Наифской пустыни, что около Казани. Рассказ был о том, что в отношении ученика к старцу главное — вера ученика.

— Если спрашивают с верой, то Господь по вере спрашивающего и открывает ему Свою волю. Даже мирские священники по вере обращающимся к ним открывали волю Божию. Святые отцы говорят, что если с верой спросить младенца, то и через него Бог откроет Свою волю. А если спрашивать с испытующим духом, то Бог внушит и пророку сказать ложь.

Я вам не рассказывал про отца игумена Вениамина, как он, не имея никого, к кому бы мог обратиться за советом, решил спросить у первого встретившегося ему младенца. Давно у него было желание построить колокольню в обители, а средств и благодетелей не было. Тогда он решил пойти в ближайшую деревню и у первого младенца спросить: строить колокольню или не надо. Идет, проходит около версты и видит, что идет женщина с маленькой девочкой. Когда они приблизились к нему, он, благословив их, спрашивает девочку:

— Как тебя зовут?

Та отвечает:

— Мася.

— Сколько тебе лет?

Она отвечает, что ей чуть ли не тридцать миллионов лет, а мать сказала, что ей около четырех лет.

— Ну хорошо, так скажи мне: строить мне колокольню или нет?

— Штрой (то есть строй).

— Спаси тебя Господи, деточка, — сказал отец игумен и возвратился в обитель. В этот же день приказал он нанимать рабочих, приготовлять леса и вообще сделал надлежащие распоряжения. На следующий день приходит к нему какой-то подрядчик и говорит:

— Вот, батюшка, явилась у меня мысль пожертвовать вам в обитель заготовленный у меня кирпич — один миллион штук, только смущаюсь я тем, что вам некуда будет употребить.

А отец игумен и говорит:

— Спаси вас Господи, ведь я начал строить колокольню, и кирпич очень нужен.

— Ну вот и слава Богу, — отвечает подрядчик, — так я вам сегодня же начну перевозить кирпич.

И пошло дело, и выстроил хорошую колокольню. Вот видите, что значит вера...

20 сентября 1909 г.

Числа 16—17-го батюшка прочел мне одну-две страницы своего дневника. В этот же день произошли некоторые события, имеющие связь с тем, что батюшка прочел. Об этом писать я буду позже, если Бог даст, ибо это имеет великую важность, а без благословения батюшки я не решаюсь.

15 сентября была прекрасная лунная ночь. Когда я пришел на благословение к батюшке, батюшка сказал мне, что ему хотелось бы пройтись по скиту, но что нет возможности. И вспомнил батюшка те времена, когда в такие чудные ночи он имел возможность ходить по скиту:

— Хорошо бывало тогда у меня на душе, отрадно и покойно. Похожу по скиту и возвращаюсь потом в келью свою. А в келье у меня было всегда чистенько, перед нами сияет лампадочка, а в окно смотрит поющая и ликующая ночь, наполняя мою келью синим светом... Да, бывают в жизни иногда такие минуты, что их никак нельзя передать на словах. Я не могу передать вам то блаженство, какое я тогда испытывал, необходимо самому это почувствовать... Вот и теперь такая же поющая и ликующая ночь. Мир вам. Идите с Богом.

Я пошел от батюшки с каким-то тихим, хорошим настроением. Быть может, батюшка поведал мне часть своих чувств, высоких и святых, насколько можно было передать их на словах и насколько могла их воспринять моя душа.

Выйдя от батюшки, я пошел тихо и остановился взором на кресте перед колокольней, облитой лунным светом. Я залюбовался этой картиной. Дубы и сосны стояли неподвижно, получив от лунного света какую-то особенную красоту. Все молчало, в безмолвии своем поя хвалебную песнь Вседержителю Богу. И я стоял безмолвно и неподвижно, как бы боясь нарушить эту тишину. Наконец я пошел в келью и встал на молитвенное правило — пятисотницу.

17 сентября батюшка говорил на утрени слово, напоминая нам о том, где мы и зачем сюда пришли. Между прочим батюшка говорил, что «сущность нашего иноческого жития — борьба со страстями... и нельзя самочинно проходить путь иноческой жизни...».

23 сентября 1909 г.

Утром, когда я пришел к батюшке для занятий, батюшка сказал мне:

— Вы поступили в скит через святителя Трифона. Это — великое дело. Конечно, в лице его действовал своими молитвами святой мученик Трифон. Вы должны ему молиться каждый день. Быть может, вы его какой-нибудь потомок, святые зорко следят за своим потомством. Ведь вы знаете, какая благодать дана святому мученику Трифону. Он охраняет от злых духов.

— А вот, батюшка, я прочел его житие перед первым моим приездом в Оптину. Оно мне понравилось, но то место, где повествуется, что святой приказал бесу явиться в лице черной собаки, мне тогда не понравилось, ибо я тогда этому не очень верил. Я имел о духах самое отвлеченное и строго невещественное понятие. И вот что я сейчас вспомнил: когда я жил у отца Кирилла (умер иеросхимонахом Кириаком), еще в первый мой приезд в Оптину, явился один из запоздавших посетителей. Было часов 9—10, когда он подошел к гостинице и видит, что дверь заперта. Тогда он постучал ко мне в окно и попросил, чтобы я ему открыл. Я пошел открывать, но не взял с собой огня, а была темная весенняя ночь (Великим постом было дело).

Я отворил дверь и жду, когда придет этот постоялец, чтобы запереть дверь опять, и вдруг вижу, что из тьмы как бы отделяется тьма, и двигается ко мне, и входит на лестницу уже в виде черной собаки средней величины, наклонившей голову немного набок, медленно переступает она лапами по ступеням и идет к двери. Я в страхе захлопнул дверь, и все исчезло. Через несколько секунд вошел постоялец, я ему, конечно, не сказал ни слова.

— Господи, — сказал батюшка, — Господи, — и, помолчав, продолжал: — Всегда захлопывайте дверь, когда к вам будет приходить эта собака. А она будет приходить, она не оставит вас, еще много раз придет к вам...

26 сентября 1909 г.

Сегодня день моего рождения по плоти, мне исполнился двадцать один год. Вчера батюшка благословил меня иконой Нерукотворенного образа.

25-го числа, когда я с батюшкой трапезовал, у нас началась беседа, и много хорошего было сказано. Батюшка сказал, чтобы я прочел теперь же из «Невидимой брани» о четырех страшных и последних искушениях, бывающих перед смертью. Надо знать их и готовиться к ним...

Я как-то начал писать, но не дописал, быть может, допишу сегодня. 16—17 сентября батюшка прочел мне немного из своего дневника и сказал:

— Я писал тогда каждый день и перечитывал свой дневник так: приходит, положим, 20 августа или другое число, и я беру все свои дневники и прочитываю то, что думал, чувствовал и делал в то же число и месяц в другие годы. Великое дело — так следить...

«В 1888 году, 17 сентября, я видел сон, будто входит ко мне в номер старец и, указывая на часы, спрашивает:

— Сколько времени?

Я отвечаю, глядя на часы:

— Полчаса седьмого.

Старец опять:

— Сколько времени?

Я отвечаю:

— Полчаса седьмого.

Старец опять:

— Сколько времени?

Я даже в некотором раздражении:

— Полчаса седьмого.

Старец :

— Через три года в этот день и час ты умрешь.

И я просыпаюсь, подхожу к окну, отдергиваю занавеску, беру стоящие на столе часы и смотрю: они показывают 35 минут седьмого. Я был поражен: вот какие еще сны бывают, соответствующие действительности. И подумал я: надо исправлять свою жизнь.

Проходит два года, уже и третий подходит к концу, наступил уже сентябрь месяц. Значит, скоро умру. Поехал я тогда в Раифскую пустынь. Приехал я туда 13 сентября, в день обновления храма Воскресения. Была пятница. 14 сентября — Воздвижение Креста, а тогда как раз на новую колокольню подымали крест, и подумал я: не мой ли это крест возносится? 15-го было воскресенье. Я подготовился и 17-го числа приобщился Святых Христовых Таин, но не умер. Пришел к себе в гостиницу, в номер, и думаю: не поступить ли в святую обитель? И начал подыскивать себе место. И в этот же день 17 сентября 1891 года я получил от отца Амвросия благословение поступать в скит (смерть для мира). Это было его последнее благословение. Смотрите, как все премудро происходило».

27 сентября 1909 г.

«Все это предзнаменовало то, что предстояло мне в духовной жизни: 13 сентября — обновление храма, это значило, что мне надо прежде обновить храм свой душевный. Затем 14 сентября — Воздвижение Креста, то есть что когда храм обновлен, то на него надо воздвигнуть крест, крест духовной жизни. Это воздвижение бывает и общее и частное. Оно бывает с каждым человеком, но многие, прожив всю свою жизнь, не заметили ничего подобного. И, наконец, 15 сентября было воскресенье, то есть когда на мой душевный храм воздвигнут крест и душе остается только воскреснуть к духовной жизни».

Затем батюшка говорил о тех скорбях, которые он переносил, будучи послушником, и на которые он в душе своей отвечал так:

— Лучше умру, а не уйду из скита.

К батюшке был не расположен скитоначальник отец Иосиф, будучи раздражаем по действу диавола другими. Зная это, я спросил:

— Как же вы относились к отцу Иосифу?

— Я относился к нему как к своему начальнику, на все брал у него благословение, например выйти из скита и прийти. Я только перестал открывать ему помыслы, а стал открывать их отцу Венедикту, и то решился на это не иначе как стал благословения отца Иосифа.

29 сентября 1909 г.

27-го числа, в воскресенье, батюшка сказал мне:

— Если Богу угодно и вы займете какое-либо начальственное положение в монастыре, то знайте, что это — тяжелый крест. Отец Амвросий говорил: «Монаху простому нужен терпения воз, а настоятелю — целый обоз».

Затем батюшка говорил, как побеждать страсти, чтобы приобрести чистоту сердца: для этого необходимо читать Жития святых и современных подвижников, как живые яркие примеры борьбы со страстями, и вообще читать святоотеческие писания...

Сегодня ходил с Иванушкой к отцу архимандриту за благословением ехать в Москву. Он благословил и выдал удостоверение.

26 октября 1909 г.

После чая я спросил батюшку:

— Может ли быть Иисусова молитва в человеке страстном?

— Может, — отвечал батюшка, — может, но вот как: в первый период молитвы Иисусовой страсть, действуя в человеке, побеждает его, а во второй период при всяком возбуждении страсти человек побеждает страсть. Страсть остается в человеке до самой смерти, и безстрастие может быть только относительное. Это мы можем видеть из того, что многие подвижники (например, преподобный Иаков), проведя жизнь в подвигах, впадали в грех.

Я помню, в Казани был блаженный Николушка. Он говорил, обращаясь к людям доброй жизни: «Как покойники-то? Спят?» Я тогда не понимал смысла этих слов, и понял их

только здесь, в скиту, и удивился глубине смысла их. Он страсти называл покойниками. Покойник лежит, значит, существует, а не исчез, ибо мы его видим. Так и страсть в проходящем молитвенный подвиг и достигшем уже внутренней молитвы подобна покойнику. Я спросил:

— Непарение мысли, то есть внимательность, при молитве считается первым даром в любом случае или это касается только молитвы Иисусовой?

Батюшка ответил, что только молитвы Иисусовой. А когда я пришел на благословение и стал на колени, батюшка сам начал говорить:

— Спрашивают, как легче спастись? Один только смиряется, а не трудится, а другой только трудится целый день на всех послушаниях, а другой смиряется — с таким вопросом обратились к преподобному Варсонофию Великому, а он ответил (я говорю, конечно, приблизительно к его словам): «Чадо, ты не так ставишь вопрос. В псалме сказано: *Виждь смирение мое и труд мой, и остави вся грехи моя...* Отсюда ясно, что истинное смирение никогда не бывает без труда, а истинный труд никогда не бывает без смирения: одно должно быть необходимо сопровождаемо другим, иначе мы не будем получать никакой пользы. А если будем и трудиться и смиряться, как сказано в псалме: *Виждь смирение мое и труд мой*, то получим награду — оставление грехов, как сказано: *...и остави вся грехи моя.* Поэтому необходимо упражняться и в том и в другом».

27 октября 1909 г.

Вчера опять с батюшкой читали об Иисусовой молитве. Под конец беседы батюшка заповедал мне творить молитву Иисусову устную и на военной службе, но хранить эту тайну, не открывая ее никому, не уча никого, хотя, быть может, и будут встречаться люди хорошие.

— Теперь решают так, — говорит батюшка, — молись не молись — все равно не достигнешь молитвы. Теперь прошли те времена. Это, конечно, внушенная диаволом мысль. Иисусова молитва необходима для входа в Царство Небесное.

Многим неполезно иметь внутреннюю молитву, ибо они могут возгордиться этим. Поэтому Бог дает молитву молящемуся, но не достигшему внутренней молитвы дает или перед смертью, или даже после смерти, ибо и по смерти идет рост молитвы Иисусовой. Когда я это прочитал, я усомнился: верно ли я это понимаю? И начал искать подтверждения этому и нашел во многих творениях святых отцов, а также и у Паисия (Величковского). А теперь мы прочитали еще и здесь (в книге «На горах Кавказа»). Это меня очень радует.

8 ноября 1909 г.

Вчера на бдении батюшка говорил нам слово вместо поучения.

— Сегодня, — говорил батюшка, — Святая Церковь празднует в честь святых безплотных Сил Небесных, в лике которых святой Архистратиг Михаил занимает одно из первых мест. Я помню, когда я был еще новоначальным послушником, был какой-то праздник, и скитская братия была в монастыре. Когда все стали подходить ко кресту после обедни, я слышу, что стоящий около меня человек, нагнувшись к мальчику, по-видимому, его сыну, говорит:

— Вот смотри, идет ангельский чин.

Эти простые слова очень повлияли на меня. Да, действительно, монах должен быть подобен Ангелу.

Святой Иоанн Лествичник говорит, что вместе с монахами борются и Ангелы, то есть что монаху в борьбе со страстями и диаволом помогают Ангелы. Бывший прежде Ангел — Денница, а ныне отверженный, падший злой дух — диавол везде и всегда старался и старается посеять злобу, вражду и всякое возмущение. Он воздвиг гонение на христиан, он породил массу ересей, он воздвигал всякие немирствия и безпорядки, и ныне он старается посеять то же самое и, увы, часто успевает.

Ко мне приходят вести, что один ропщет или скорбит на другого, а один обижен другим. Ко мне приходят с жалобами. А что я отвечаю таким? Конечно, одно: надо помириться; пойди, попроси прощения, поклонись... Некоторые, к сожа-

лению, медлят, и проходит иногда значительное время во вражде. Это не должно быть так, честные отцы и братия. Монах должен быть исполнен любви к Богу и ближнему. Что такое монах? Монах есть исполнитель всех заповедей Божиих. А все заповеди сводятся к двум: 1) Возлюби Бога всем сердцем твоим, всей душею твоею и всей крепостию твоею и 2) Ближнего твоего, как самого себя. Эти две заповеди совмещают в себе весь закон и заповеди Божии. Ангелы на небесах в любви. Вся жизнь монаха должна быть — любовь.

Наши великие старцы: отец Лев, отец Макарий, отец Амвросий, отец Анатолий — действительно имели любовь эту. А какой чести и славы сподоблялись они еще при жизни за эту любовь, можно видеть из следующего. Когда батюшка отец Анатолий по приглашению отца Иоанна Кронштадтского поехал для соборного служения с ним и когда началась литургия, то отец Иоанн увидел, что с отцом Анатолием служат два Ангела. Неизвестно, видел ли их сам отец Анатолий или нет, но отец Иоанн ясно видел их...

Я счел нужным напомнить вам именно в этот день о высоком назначении монаха... Да будет между нами согласие и любовь. Старец преклонных лет отец иеросхимонах Игнатий, скончавшийся лет двенадцать назад, говорил мне так: «В мое время вся Оптинская братия отличалась взаимным согласием и любовью, а в особенности скитяне». Постараемся, братие, и мы следовать этому...

Иногда выражают мне некоторые свое желание высшей монашеской жизни, высших подвигов. А что может быть выше прощения обид, оскорблений, терпения скорбей и немощи братской? Вы, вероятно, помните случай из жития преподобного Пахомия. К нему приходит инок и говорит: «Авва, благослови меня, я хочу предать себя на мучение, иметь мученический венец». А преподобный Пахомий говорит: «Ни, отче, советую тебе оставаться в обители, нести всю тесноту иноческого жития и немощи собратий и отрекаться от воли, — и это вменится тебе в мученичество».

Видите, значит, всякий монах, терпящий все благодушно, имеет мученический венец.

Это слово мне очень понравилось. Батюшка говорил, что смирение и любовь — самые высокие добродетели и должны быть исключительной чертой всякого монаха.

14 ноября 1909 г.

Батюшка многое говорил о себе, главным образом про монашескую жизнь. Говорил батюшка, как трудно ему приходилось, когда он был рясофорным монахом, какие были на него гонения:

— Я все это говорю вам для того, чтобы показать, что нам нужно надеяться только на Бога. Иногда приходилось так, что впору уходить из скита. Но я решил: лучше умереть, нежели уйти. Я имел твердую надежду на Бога и Его Пречистую Матерь... И кто тогда мог подумать, что этот всеми уничижаемый послушник через несколько лет будет игуменом скита и старцем?.. Не напрасно сказано в псалме: *Не надейтеся на князи, на сыны человеческие, в них же несть спасения, а на Бога.* Только эта твердость и вера помогли мне перенести все это. Но при всех этих скорбях Господь неизреченно утешал меня. Любил я читать святых отцов, а в особенности Псалтирь, — и какие глубины открывались мне. Так вот я вам и говорю: всегда надейтесь только на Бога, но никак не на человека. Тогда всякое зло будет отпадать от вас, как отрубленная ветка.

Хочется записать одну из бесед с батюшкой о молитве Иисусовой. Помню, когда я пришел к батюшке под впечатлением прочитанного в книге «На горах Кавказа», батюшка сказал:

— Я долго не мог понять, что такое соединение ума с сердцем. В сущности говоря, это означает соединение всех сил душевных воедино для устремления их всех к Богу, что невозможно при разъединенности их. Этот закон единения я усматриваю не только в молитве Иисусовой, а везде. Какую, например, имеют красоту нота или звук, взятые в отдельности или в безпорядке? Можно сказать, никакой. Но эти же самые звуки в произведениях гениальных композиторов дают нам воспринять великую силу и красоту. Про живопись и другое я уже не буду говорить... В наших беседах с вами я не

ограничусь этим, я пойду далее. Это такой узел, что, сколько его ни развязывай, он все будет узлом.

Молитва Иисусова не имеет пределов... Ум, когда упражняется в чтении Священного Писания, молитве и тому подобном, очищается от страстей и просветляется. Когда же он погружен только в земное, то он становится как бы неспособным к пониманию духовного.

Страсти легко побеждать в помыслах, но когда они перейдут в слова и дела и укоренятся, то — очень трудно, почти невозможно...

Много говорил батюшка, но где же все упомнить, как все записать...

19 ноября 1909 г.

Третьего дня, то есть 17 ноября, батюшка рассказал нам с отцом Никитой, как ровно двадцать лет назад, 17 ноября 1889 года, он чуть не умер. В августе 1889 года числа 26—28-го, батюшка был в первый раз у отца Амвросия.

На желание батюшки поступить в монастырь отец Амвросий посоветовал ему дослужить до пенсии, то есть еще два года прослужить, и тогда поступать, а пока жить в миру богоугодно и до Рождественского поста, то есть с августа до 15 ноября, поговеть четыре раза. Это батюшке показалось странным и непонятным: почему так? Но все было исполнено, и вот 17 ноября батюшка вдруг почувствовал себя дурно, послали за доктором и за священником:

— А мысль мне говорит: ты сейчас умрешь. Я только об одном молил Бога, чтобы приобщиться Святых Таин. Ужас смерти овладел мной. Наконец приходит священник. Начал меня исповедовать, я ничего не могу сказать, только «грешен», «грешен». Священник сделал мне несколько вопросов, разрешил меня и приобщил. Я успокоился, хотя доктор сказал, что до утра едва ли доживу.

«Я лег на кровать, накрыли меня одеялом, и я остался один. Вдруг слышу, словно какой-то голос с неба: «Дон» — это ударили к утрени в женском монастыре, а в душе кто-то сказал: «Будешь жив...» Мне стало страшно, и я уснул. Наутро мой

денщик приходит и поднимает осторожно с головы моей одеяло, думая увидеть меня уже умершим, а я ему говорю:

— Ты что, Александр?

Денщик обрадовался и говорит:

— Да Вы живы, Ваше Высокоблагородие?

— Да, жив, — отвечаю, хотя после этого и лежал два месяца, борясь со смертью. Я просил раскрыть дневное Евангелие и прочесть мне его. Александр взял и начал читать притчу о безплодной смоковнице: *Во грядущее лето посечеши ю, аще не сотворит плода*. Я и подумал, что, действительно, я безплодная смоковница, хотя и полагал раньше, что имею разные добродетели, потому что был по внешности исправен. И решил я переменить свою жизнь. Ждал я смерти и на следующий год в этот день, но остался жив, и ныне уже прошло двадцать лет с того времени... Когда я был еще послушником, я начал искать подтверждения сему, ибо это говорит только один преподобный Симеон. И вспомнил текст Евангелия: *Блажени чистии сердцем, яко тии Бога узрят*. Если переставить слова, выходит так: Бога узрят только чистые сердцем. А внутренняя молитва Иисусова и есть соединение ума и сердца для устремления к Богу...»

Я не помню слова батюшки в точности, а поэтому боюсь писать смело, так как могу написать что-либо неправильно.

24 ноября 1909 г.

Запишу слова преподобного Симеона Нового Богослова о внутренней молитве Иисусовой: «Если кто не соединится с Господом Иисусом здесь на земле, то и никогда не соединится с ним».

Это мы с батюшкой прочитали в книге «На горах Кавказа», в том месте, где говорится о необходимости молитвы Иисусовой. «Это страшные слова», — говорил батюшка.

26 ноября 1909 г.

Вчера вечером долго занимались с батюшкой делом. Только под конец батюшка рассказал про себя, как Господь охранял его от женского пола в миру, как не попустил ему жениться, хотя и было много невест...

— Я помню, когда я был маленький, — рассказывал еще батюшка, — у нас была картина в доме. Она изображала следующее: стоит Петр Великий, а перед ним на коленях молодой человек, около которого стоит его отец, приговоренный к ссылке в Сибирь за какое-то преступление. Этот молодой человек просит Петра I освободить его отца, потому что он стар, не сможет перенести тяжких трудов, кроме того, в нем нуждается семья.

— Лучше меня сошли в Сибирь вместо отца, ибо я молод, силен и свободен, — сказал юноша.

Петр Великий прослезился и ответил:

— Освобождаю этого отца за то, что у него есть такой сын.

Так мне рассказал про эту картину мой отец и учил меня молиться за него. Да и вообще учил меня молиться: возьмет, бывало, меня и поставит с собой и велит прочесть «Богородицу», «Царю Небесный» и еще что-либо. Учил меня читать 90-й псалом, и я его тогда выучил наизусть в один день. Конечно, я и теперь молюсь за него каждый день...

Вечером.

Сейчас возвратился от батюшки. Очень устал. Батюшка говорил мне о покойном отце Анатолии, великом старце.

— Он любил Бога, как только можно было Его любить. И это чувствовалось всякому, кто к нему приходил...

29 ноября 1909 г.

Вчера за бдением батюшка говорил слово о внешнем и внутреннем монашестве. Говорил хорошо. Указывая на поучения преподобного аввы Дорофея как на прекрасные, поучающие нас внешнему и внутреннему монашеству.

Вот преподобный Дорофей и учит, как соединять одно с другим. Внутреннее монашество есть очищение сердца от страстей при содействии молитвы Иисусовой.

5 декабря 1909 г.

Сподобил меня Господь принятия Святых Христовых Таин. Припоминается мне батюшкина беседа о господине Погоже-

ве, известном более под псевдонимом Поселянин. Он пишет статьи духовно-нравственного содержания.

— Вы себе представить не можете, какая громадная разница между теперешним его лицом и прежним. Ничего нет общего...

Я помню, был он у нас в скиту за трапезой лет пятнадцать-семнадцать назад. Я сидел в уголке около портрета отца Паисия (Величковского), а он сидел на первом месте около иеромонаха. Я залюбовался им. Не подумайте, что я говорю про телесную красоту, нет, я говорю про внутреннюю красоту, которая выступала наружу в выражении его лица и даже во всех его движениях.

Было лето, окна в трапезе были растворены. Он сидел как раз перед окном, спиной к читающему. Помню, подали уже второе или третье, он скушал две-три ложки и, положив ложку, устремил свой взгляд в окно, и чувствовалось мне, что смотрел он на храм, на чудные сосны, затем все выше и выше в голубые небеса с мыслью о великом и безконечном Боге. Я подумал тогда: «Господи, каким же должен быть внутренний мир этого человека?.. До тех пор я уже знал его по сочинениям, а тогда и просто полюбил его. Я попросил отца Иосифа благословения познакомиться с ним, и отец Иосиф прислал его ко мне в келью, и там была у нас беседа с ним первая и последняя...»

Вот я ему и говорю теперь, когда он был у меня:

— Вы помните тогдашнюю нашу беседу?

— О да, она вся у меня здесь. — Он прижал руки к сердцу.

— Помните, я тогда говорил о внутреннем, или, как его называют иногда, о мистическом монашестве, которое вам, собственно, и нравится... Так вот поступайте к нам в скит, вам еще не поздно. Но только не думайте, что сразу нужно на небо возлетать и мертвых воскрешать. Нет, сначала нужно упражняться во внешнем монашестве, перешагнуть его, а приступать сразу ко внутреннему нельзя, нужно потерпеть всякие скорби, унижения и озлобления и внутри себя от диавола, и совне от неразумных собратий. Сначала нужно пройти весь искус. Иногда даже будете чувствовать отвращение и ненависть к монашеской жизни. Нужно испытать борьбу со

страстями, стяжать смиренное о себе мнение и многое другое. Поступайте к нам в скит, дам вам келью. Будете ночью выходить любоваться чудным звездным небом... И сами посудите, что принес вам мир? Какую получите вы от него пользу?

— Хорошо. Теперь я буду приезжать в скит. Ну а если я поступлю в скит, то меня заставят бревна таскать, а я этого не могу...

— Нет, вас не заставят бревна таскать прежде всего потому, что вы не сможете ни одного бревна поднять. Послушание всегда дается сообразно с силами...

Видите, вот в этом у него дикое понятие о монашеской жизни, хотя про монашество он всю жизнь писал. А почему? — потому что не проходил личным опытом монашеской жизни.

Когда батюшка кончил говорить, я спросил:

— А что нужно относить к внешнему и что к внутреннему монашеству?

— Над этим вопросом потрудились много и епископ Игнатий, и епископ Феофан. Епископ Игнатий написал об этом отдельную статью во втором томе, а епископ Феофан отдельную книгу «Внутренняя жизнь». Внешнее монашество — это упражнение в подвигах: пост, бдение, сюда же относится исправное по внешности посещение церковных служб, трезвенность и прочее. А внутреннее монашество — это борьба со страстями, очищение сердца.

7 декабря 1909 г.

Запишу некоторые слова батюшки. Помнится, однажды, перед вечерними молитвами, батюшка сказал так:

— Долго я не понимал слов псалма: «Глас Господа, посещающий пламень огня», и уже в монастыре я подумал так: на земле мы имеем огонь, пламень которого имеет и жар, и свет. Но между адом и раем огонь разделяется так: свет находится в раю и веселит праведников, а жар без всякого света жжет грешников в аду, ибо пишется, что бездна адского пламени находится во тьме, и даже грешник не может видеть никого другого... Господи, спаси и помилуй. Чем хочешь накажи, Господи, здесь, только помилуй там.

9 декабря 1909 г.

Вчера вечером я оставался у батюшки до полчаса первого ночи. Пока батюшка слушал вечерние молитвы, я пошел в моленную справлять пятисотницу, как вдруг меня батюшка быстро позвал к себе и сказал так:

— Адские муки, несомненно, существуют, и эти муки будут вещественны. Души праведников и грешников имеют даже одежду. Например, ведь святители являлись в святительских одеждах. Там, может быть, будут города и тому подобное. Все видят адские муки в условиях земного существования, только там будет не это грубое тело, а более тонкое, вроде газообразного. Но все это будет до Страшного суда, а что будет после него, того никто не знает, даже Ангелы. Это тайна...

27 декабря 1909 г.

Вчера утром я пришел к батюшке после чая. Мы немного побеседовали. Батюшка говорил о трудностях спасения в нынешнее время.

— А вы, — сказал батюшка, — избрали благую часть. Желал бы я видеть вас в рясофоре и мантии, но не знаю, буду ли жив.

Но недолго пришлось нам беседовать. Батюшка прилег немного отдохнуть, а я сел читать «Отечник» епископа Игнатия Брянчанинова.

— Вы хорошо сделали, что стали читать эту книгу. Она составлена так: епископ Игнатий выписывал то, что отвечало на волнующие иноческие вопросы. С этой стороны этот труд его незаменим. Многие недоумения сразу разрешаются какой-либо выпиской.

Это мне батюшка сказал, когда встал.

Тут начали приходить исповедники, монашки, нищие, славильщики-мальчики, а там пришло и время трапезы. Другая часть дня прошла после трапезы быстро, ибо было повечерие и бдение.

28 декабря 1909 г. вечером.

Была у меня беседа с батюшкой...

Когда скончалась моя мать, я не поехал ее хоронить, я

был уже в скиту, а поручил все сделать одному доверенному лицу. После ее похорон мне переслали тысячу рублей, и я решил эти деньги дать отцу Иосифу на вечный помин родителей.

Я был тогда уже рясофорным. Не знаю почему, меня записали на главную таблицу, как и следует по сумме вклада, как раз после отца Иосифа. И я и все, конечно, слышали, как всегда поминали: «Иеромонаха Иосифа, монаха Павла» и далее. И вот мне помысл говорит:

— Ты будешь после него начальником и старцем, ты будешь его преемником...

Я отвечаю:

— Как я могу им быть, когда я всеми унижаем, презираем, гоним и неспособен по болезни глаз?

Проходят годы, я остаюсь таким же бедным послушником... Проходят годы, настает японская война, и я еду на войну, по назначению за послушание, и говорю своему помыслу:

— Ну вот, как же я буду старцем? Когда возвращусь?

Потом оканчивается война, и я возвращаюсь в скит. Когда я приезжаю в скит, то узнаю, что отец Иосиф так заболел, что до утра даже, кажется, не доживет... И действительно, меня назначают духовником, старцем и начальником скита.

Вот я и говорю вам, что нет ничего случайного в жизни нашей. Даже то, что кажется пустяком, имеет свой смысл... Но если бы я не был начальником скита, вас бы не приняли в скит...

Я никому не говорил никогда, а вам скажу: когда я был у отца Варнавы, он мне многое предсказал, и многое уже исполнилось. Он сказал мне:

— Будут тебе все кланяться. Будешь жить и творить молитву Иисусову.

1910 г.

7 января 1910 г.

Когда батюшка ложился отдыхать, он мне сказал:

— Да, все, чему учит Святая Церковь, истина. И загробные муки существуют.

А сейчас на благословении я сказал батюшке, что замечаю в себе рассеянность и нерадение. Когда я это сказал, батюшка прижал мою голову к своей груди, положил свою руку и накрыл своей полумантией, и, осеняя меня и мою голову крестным знамением, прочитал псалом 90-й — «Живый в помощи Вышняго».

23 января 1910 г.

19-го числа, в день памяти преподобного Макария, до обеда я был у батюшки. Батюшка сел на диван и посадил меня рядом, как раз под портретом отца Макария. Я читал книгу «На горах Кавказа». Эта книга написана с целью уяснить желающим заниматься молитвой Иисусовой — путь ее прохождения, цель и плоды.

Между прочим, я прочел там место о том, что хорошо трудиться на молитвенном пути, созерцая «несозданную красоту» Бога в тишине, удаляясь от всякой суеты. Это место очень глубоко, и я прочел его батюшке. Батюшка ответил, что это, вероятно, из творений преподобного Макария (19-я беседа).

21-го числа, когда я утром пришел к батюшке на занятия, он, благословив меня, спросил:

— Сегодня какого святого память? Преподобного Максима Исповедника?

Я ответил:

— Да.

— Обратили ли вы внимание на кондак этому святому?

Я говорю:

— Нет.

— Дайте мне Псалтирь. Читайте.

Я начал:

— *Свет трисиянный, всельшийся в душу твою, сосуд избран показа тя, все блаженне...*

— Здесь говорится про молитву Иисусову, — прервал мое чтение батюшка, — теперь дальше читайте.

— *...Являюща Божественная концом неудобопостижимых разумений ты сказуяй, блаженне, и Троицу всем, Максиме, воспроповедуй ясно присносущую, безначальную.*

— Ну вот, теперь понятно, почему отец Амвросий под подушкой имел творения святого Максима Исповедника. Его творения очень глубоки и таинственны.

Батюшка добавил:

— Прежде было так: кто замечал, что он нужен обители, тот смирялся и более всех, а теперь лишь заметят, что нужен, — возгордятся, и тронуть его нельзя.

— И еще сказал батюшка:

— Да, вот теперь мне становится понятным, как прежде жили старец и ученик единодушно. Как старец говорил с учеником, так я только с вами говорю.

— Глубокая истина. Ученик должен быть всегда при старце, который должен знать и чувствовать все, чем дышит и что переживает ученик. При многолюдстве это невозможно. Не потому ли такой преданный ученик, как епископ Игнатий, покинул своего старца, отца Льва?

31 января 1910 г.

Батюшка говорил о страстях и особенно о блудной, о том, что блудная страсть и сребролюбие одинаково сильны, от них никто не застрахован, хотя, конечно, каждому возрасту соответствует преимущественно одна страсть. У старых — обыкновенно скупость и сребролюбие, а у молодых — блуд. 28-го числа вечером я спросил батюшку:

— Вы мне сказали, что молитву Иисусову за церковной службой надо творить только тогда, когда не слышишь, что читают, или когда плохой чтец, так что трудно разобрать. Также и относительно пения. Когда вы мне это говорили, то специально упоминали, что так учил отец Амвросий. Но вот я прочитал у епископа Игнатия и у преподобного Серафима Саровского, что надо молитву Иисусову творить за службой все время. Здесь я чувствую разногласие, а потому хочу понять, как примирить между собой оба эти учения?

— Прежде всего, каждый учит по своему личному опыту, кроме отца Амвросия так учили отец архимандрит Моисей и отец Макарий. А, несомненно, они были опытны и имели внутреннюю молитву. Затем, одно приличествует новоначальному, другое уже приобретшему внутреннюю молитву. Имею-

щему внутреннюю молитву молитва так же свойственна и естественна, как дыхание. Что бы он ни делал, молитва у него идет самодвижно, внутренне. Так и за службой в церкви молитва у него идет, хотя он в то же время слушает, что поют и читают. Этого не понимал ученик одного старца и просил его разъяснить, как же это так: и слушает, и молитву творит.

Старец спросил:

— Скажи мне, брат, что мы сейчас делаем?

— Беседуем.

— Да. А скажи, мешает ли нашей беседе то, что мы дышим?

— Нет.

— Ну вот, так же и молитва идет у тех, кто стяжал молитву внутреннюю. Она им так же естественна, как и дыхание. Поэтому сказано: «Молитва да прилепится дыханию твоему». Даже когда человек спит, молитвенное действие не прекращается у него в сердце по слову: «Аз сплю, а сердце мое бдит». Но этого мы не имеем. Мы просыпаемся и не имеем даже на устах имени Господа Иисуса.

— Теперь скажу и о службах. Наша молитва не получила еще такой собирательной силы. Наши мысли не имеют еще сосредоточенности. Мы еще не можем так глубоко вникать в молитву Иисусову, а поэтому мы за службой, если будем творить молитву, то будем плохо слушать, что читают и поют, да и в самой молитве будем окрадываться рассеянностью и получится, что ни к тому, ни к другому не пристали. И ничего не выйдет.

— Внимать словам читаемого и поемого легче, нежели охранять себя от расхищения мыслей во время молитвы Иисусовой. Поэтому и следуйте этому правилу. Конечно, иногда бывает, что полезнее человеку творить молитву, нежели слушать службу, вследствие каких-либо внутренних обстоятельств. Здесь надо иметь рассуждение.

Батюшка это очень хорошо говорил, но я не в состоянии передать все так, как оно было сказано. Также я сказал батюшке, что мне приходят тщеславные помыслы, что я буду то старцем, то игуменом и прочее.

— Да и я так думал, — ответил батюшка, — желать этого не следует, а, конечно, все может быть, и поставит вас Господь на это место, а возможно, что и укроет вас где в келье. Но, простите меня Господа ради, я считаю последнее выше.

Еще батюшка говорил мне:

— Всякому человеку нужно претерпеть время искушения и борьбы — тяжелое болезненное состояние... Кто не испытал этих болезней, рождающихся до монастыря в миру, то ему необходимо испытать их в монастыре. И вам это предстоит, ибо вы не испытали этого в миру.

Затем, когда ложился отдохнуть, батюшка сказал:

— Вот видите, через какие горнила приходится проходить монаху на иноческом пути с начала и до конца. Вот тут-то и нужна молитва Иисусова, и без нее ни одна душа не выдержит. Пока я жив, — сколько продержит меня Господь, — вам ничего, а когда меня не будет, вы будете предоставлены самому себе. Поэтому запасайтесь терпением заранее. А созерцанием всего этого не смущайтесь и не унывайте. Раскройте преподобного Феодора Студита и увидите, что все это и тогда было. А теперь запасайтесь терпением.

Неоднократно приходилось мне слышать от батюшки, как он говорил мне и другим:

— Лицемерие, двойственность, лукавство вообще погрешительны, а на монашеском пути — это погибель. Надо твердо идти по пути, никуда не сворачивать, не служить и нашим и вашим.

11 февраля 1910 г.

Сейчас мне батюшка говорил о том, как он переносил скорби, когда был послушником, рассуждая так:

— Должно быть, я достоин всех этих скорбей. Значит, все они нужны, чтобы смыть с меня гордыню и прочие страсти.

Переносил батюшка скорби, никому не говоря о них, не жалуясь, стараясь не озлобляться на обидчиков.

Мало только перенести оскорбления, надо позаботиться и о том, чтобы не озлобиться на нанесшего оскорбление.

14 февраля 1910 г.

Сейчас пришел от батюшки. Открывал свои помыслы. Сначала сказал свои оплошности, бывшие за день, потом сказал, что иногда приходит помысл, особенно за службой, на правиле, что монашеская жизнь безотрадна, идет день за днем, и главное — ожидать впереди нечего, все те же службы, та же трапеза и прочее.

— Это один из самых ядовитых помыслов, — сказал батюшка. — Монах все время должен быть как бы в муках рождения, пока не придет в меру возраста совершения Христова. А пока еще жив наш ветхий человек, он и дает себя знать всякими страстями, тоской, унынием... и что теперь для такого человека отяготительно, то впоследствии будет для него великим утешением, например хождение к службам и утрени. Тогда применимо будет к такому человеку псаломское слово: *Возвеселихся о рекших мне: в дом Господень пойдем*. Тогда уже в нем будет все исполнено светом и радованием о Господе.

— Вы хорошо сделали, что сказали мне этот помысл, он многих заклевывал, так и уходили из обители...

19 февраля 1910 г.

Все эти дни был очень занят, иногда и нужно было бы что-нибудь записать, да нет времени.

— Иногда бывает, — говорю я батюшке, — что, читая что-либо, никак не могу понять, что читаю, — я говорю не про внутренний смысл, а про внешний. Словно какой туман найдет: читаешь, перечитываешь и ничего понять не можешь.

— Тогда нужно, — отвечал батюшка, — закрыть книгу, сесть и сотворить сто молитв Иисусовых. Можно и встать, и даже поклоны положить, а можно и по скиту пройтись с молитвой Иисусовой.

28 февраля 1910 г. Прощеное воскресенье.

Все эти дни ночевал у батюшки. Как-то батюшка сказал:

— Вход в рай, в вечное блаженство, открывается не нашими трудами и добрыми делами, а заслугами и искупительной жертвой Спасителя Христа, Бога нашего. Прежде всего это

совершается через Таинство Крещения, которым смывается первородный грех Адама, и человек становится способным к принятию Божественной Благодати Господа Иисуса Христа, которой мы вводимся в жизнь вечную. А наши добрые дела, то есть совершение Евангельских заповедей, нужно только как доказательство нашей любви к Господу, ибо сказано в Евангелии: *Любяй Мя, заповеди Моя соблюдет.* Без любви к Господу невозможно блаженство, нельзя войти в рай, обязательно спросят: «А ты любил Господа?» — «Любил». — «А чем ты это докажешь?» — «По силе моей, сколько мог, исполнял заповеди Божии, которые и есть доказательство любви». — «Ну, иди».

А если бы вход в рай открывался не заслугами Спасителя, то тогда (не) могли бы войти в него язычники, магометане, евреи и прочие. Поэтому мы должны надеяться не на свои дела, а на милосердие Божие...

— Одна мысль постоянно стоит передо мной, — сказал батюшка, — как спасти мне свою душу? Нет во мне ничего доброго. Вам все известно: получаю благодарственные письма, да и лично получаю благодарности. Но я тут ни при чем. Это действует на них через меня Благодать Божия по вере их... И благодарю Бога, что хоть это сознание своей греховности есть. И надеюсь, что по Своему милосердию Господь спасет меня: не уничижит сердца сокрушенного и смиренного.

Утешаюсь я еще словами отца Анатолия — великого старца: «Ничего не имеет грешный Анатолий, разве только кто вздохнет о нем к Богу?» И я искренно прошу всех помолиться обо мне и вас прошу: помолитесь. Я сравниваю себя с моими предшественниками — старцами — отцом Макарием, отцом Амвросием, отцом Анатолием, и вижу все свое ничтожество, а до других, поверьте, мне дела никакого нет...

4 марта 1910 г.

За утреней слушал молитвы к исповеди, как и вся братия. К вечеру за день устаю, да и ноги утомляются. Самый трудный пост в скиту — это 1-я седмица святого Великого поста. Но и она, по милости Божией, не особенно отяготительна для

меня. Кроме того, помогает сознание, что велики дни сии, что иначе и быть не может. И удивляюсь я тому, что делал я раньше, нарушая святой пост, не понимая и не сознавая его святости и необходимости. Мне часто приходилось слышать от батюшки, что «от невоздержания всякое зло происходит», что «пост возбуждает к молитве», «мы познаем силу поста и его значение хотя бы из того, что он как-то особенно ненавистен врагу: «Приходят ко мне на совет и на исповедь — советую соблюдать святые посты. Со всем соглашаются, а как дело коснется поста: не хочу, не могу и прочее. Враг так возбуждает, не хочется ему, чтобы соблюдались святые посты».

12 марта 1910 г.

Вчера батюшка говорил, что доживем мы до страшных времен, но что Благодать Божия покроет нас. Это он сказал под впечатлением разговоров о новейших изобретениях, которые, имея как бы и добрые стороны, всегда оказываются вредными более, чем полезными. Так же помню, как батюшка говорил:

— Гипноз, то есть открытие, много сделало. Конечно, он был и прежде, но теперь про это все узнали. Судя по всем открытиям, я думаю, что недалек и конец...

14 марта 1910 г.

Однажды я сказал батюшке:

— Пока вы живы, я всегда могу спросить, что читать и как читать. Ну а когда вас не будет, что тогда? Что мне читать и в каком порядке читать? Ведь обратиться не к кому. Вот я и хотел вас спросить об этом, не можете ли вы указать мне порядок чтения?

— Здесь быть определенного ничего не может. Общее правило такое: вначале надо прочесть книги, учащие о деятельной жизни, а потом уже о созерцательной... Вас Сам Господь будет учить...

25 марта 1910 г.

Был за обедней в монастыре, как это полагается для всех. Утомился несколько от долгой службы. После монастырской

трапезы зашел к батюшке. После благословения братий батюшка немного говорил. Мне понравилось, как между прочим батюшка рассказал, что, когда он был маленький, лет семь-восемь, ему очень понравилось житие преподобного Малха, память которого 26 марта. Однажды после чтения этого жития отец сказал ему, что, если он будет любить Бога, Господь спасет его от видимых и невидимых врагов. И в этот же день, 26 марта, батюшка был пострижен в рясофор.

30 марта 1910 г.

Батюшка сказал мне так:

— Смиряйтесь, смиряйтесь. Вся наука, вся мудрость жизни заключается в этих словах: *Смирихся и спасе мя Господь.* Смиряйтесь и терпите все. Научитесь смирению и терпению, а в душе мир имейте. Поверьте, у кого в душе мир, тому и на каторге рай...

16 апреля 1910 г. Великий Пяток.

Сегодня аз, грешный, сподобился пострижения в рясофор. Хотелось бы описать все подробно, но сегодня не смогу, Бог даст, потом, аще жив буду. Сегодня память святых мучениц Агапии, Ирины и Хионы.

27 апреля 1910 г.

Все собираюсь описать пострижение в рясофор и не могу найти времени, опишу хотя бы часть. Утром 16 апреля я пришел к батюшке и получил от него благословение идти в монастырь к часам, после которых и назначен был постриг. Итак, я пошел, со мной пошел из скита брат Иларион, впоследствии монах Ириней. Из скитских нас было двое: он и я. Зашли на могилки старцев. В 9 часов ударили к часам. Они правились в Казанском соборе. После часов мы пошли в храм преподобной Марии Египетской, там уже все было приготовлено для пострига. Вскоре пришел архимандрит. Мы стали по очереди подходить под благословение. Когда все получили благословение, отец архимандрит спросил нас: «Желаете вы получить пострижение в рясофор?» На это мы отвечали, что

желаем. Тогда начался чин пострижения. Передо мной шел брат Мирон (впоследствии Мельхиседек), а за мной брат Митрофан.

Архимандрит сказал нам слово. Главное, на что он обращал наше внимание, — это смирение и старческое руководство. Все пошли из храма в скит к батюшке. Подхожу и я к выходу из храма, а здесь стоит брат Игнатий (юный канонарх), монастырский послушничек, и поздравляет меня. Это было первое поздравление после отца архимандрита. Я поклонился ему и сказал: «Спаси Господи», — и пошел дальше. Нужно было зайти в рухольную за камилавкой... Из рухольной быстро пошли на могилки к старцам принять благословение, а потом догнали монастырских. Пришли в скит. У ворот встречает нас (меня и отца Илариона) вратарь отец Алексий. Он поздравил нас. Вошли в скит, я положил земной поклон и пошел к батюшке. Здесь меня поздравила вся монастырская братия. Я был очень рад, что не опоздал, и вместе со всеми вошел к батюшке.

28 апреля 1910 г.

Все вошли и встали на колени. Батюшка сказал: «Положите три поклона». Потом он стал молиться. Затем батюшка начал свое слово:

— Прежде я говорил вам и теперь повторяю: смирение — это все. Есть смирение — все есть, нет смирения — ничего нет. Вы получили рясофор. Это не есть какое-то повышение, как, например, в миру, когда дают офицерский чин. Там получивший считает своим долгом гордиться этим повышением. А у нас не так. На монашеском знамени написаны слова: «Кто хочет быть первым, да будет всем слуга». Смиряйтесь и смиряйтесь. Теперь вас более будет утешать Благодать Божия, но и враг будет озлоблять.

Припомните, как вы поступали в монастырь, какие препятствия строил вам враг, чтобы не дать вам возможности поступить в святую обитель. Но Богу угодно было, чтобы вы поступили в монастырь, и враг как бы ослабил свою борьбу с вами, вас стала более утешать Благодать Божия. А теперь враг

опять с большей силой будет нападать на вас. Поэтому предупреждаю вас — будьте готовы к скорбям и искушениям. Надо все терпеть.

Более не помню сейчас. Затем батюшка приветствовал нас с пострижением и начал благословлять не по старшинству, а кто как стоял. И когда всех благословил, пожелал нам всякого успеха и сказал, чтобы зашли к отцу Иосифу на благословение, что мы и сделали. Отец Иосиф только благословлял и давал листочки.

Далее я поклонился у церкви до земли, пошел и у корпуса встретил отца Нектария и отца Иоанна-пономаря, они оба очень ласково поздравили меня, но слов я не помню. И наконец, я пришел в свою келейку, сотворил поклоны поясные и земные и возблагодарил Создателя за Его ко мне милости.

29 апреля 1910 г.

По немощи своей мы сели за стол подкрепиться чаем, хлебом, огурчиками и капустой. Вскоре я остался с батюшкой один...

— Батюшка, года полтора или два тому назад вы дали мне по моей просьбе листики со стихотворением: «Молитва Иисусова». Я говорю: «Зачем так много?» А вы мне ответили: «Я хочу, чтобы вы шли этим путем, то есть молитвой Иисусовой». Потом я говорю вам: «Вы мне дали эти листики и сказали, чтобы я шел этим путем, а одет я в подрясник 29 января, в день памяти святого Игнатия Богоносца». А вы мне ответили: «Больше сих узриши».

— Право, я совсем об этом забыл. Конечно, на вас теперь действует особая благодать... Вот и продолжайте путь молитвы Иисусовой... Я уже говорил вам, что монашество есть внешнее и внутреннее. Миновать внешнее нельзя, но удовлетвориться им одним тоже нельзя. Внешнее монашество можно уподобить вспахиванию земли. Сколько ни паши — ничего не вырастет, если ничего не посеешь. Вот внутреннее монашество и есть сеяние, а пшено — молитва Иисусова, которая освещает всю внутреннюю жизнь монаха, дает ему силу в борьбе, в особенности она необходима при перенесении скорбей, искушений...

Потом вот еще что. В Великую Субботу перед Светлой заутреней я был около батюшки. Вот батюшка мне и говорит:

— Вы, быть может, заметили, что я теперь стал к Вам строже. Мне, когда я был пострижен в рясофор, отец Анатолий в свое время сказал так: «Теперь для вас начинается новая жизнь. И какое дает себе направление и настроение монах в первое время по пострижении в рясофор, то останется у него до гроба».

— Вот как, — я говорю, — а я думал, что настоящая монашеская жизнь начинается с пострижения в мантию.

— Да, время пострижения в рясофор имеет великую важность в жизни монаха. Поэтому вам надо быть теперь особенно внимательным к себе и избегать смехотворства, это я вам говорю.

6 мая 1910 г.

3 мая в понедельник вечером батюшка оставил меня у себя. Батюшка сказал, что, когда он был послушником, всеми гонимым и презираемым, настроение его было более радостное и светлое, чем теперь... Теперь ему приходится читать иные книги — книги душ человеческих. Затем батюшка говорил мне:

— Не слушайте врага, внушающего вам, что впереди то время, когда вы по-настоящему займетесь чтением. Для вас теперь-то и идет самое учение.

13 мая 1910 г.

Однажды батюшка спросил меня:

— Когда вас постригали в рясофор?

— 16 апреля.

— Каких святых?

— Святых мучениц Ирины, Агапии и Хионии.

— Что значат эти имена?

Я посмотрел:

— Агапия — любовь, Ирина — мир, Хиония — снежная.

— Это значит, что вы должны иметь, по слову апостола, мир и святыню со всеми. Кроме этих добродетелей мира и

любви, должны очиститься от страстей, Хиония — значит снежная. Вот и вам надо очистить свою душу, чтобы она была белоснежная, как сказано в псалме: *паче снега убелюся.* А что дальше сказано? *Слуху моему даси радость и веселие.* Это есть предвкушение блаженства по мере очищения, а потом уже *возрадуются кости смиренные.* Здесь в псалмах тонкая последовательность...

Как-то на днях мне батюшка сказал:

— Вас Господь привел сюда. Словно вы для Оптиной, а Оптина для вас...

27 мая 1910 г.

Есть немного времени, запишу то, что хотел. 26 октября 1909 года я остался у батюшки, стали мы читать книгу «На горах Кавказа» о молитве Иисусовой, необходимость которой батюшка признает. Начали беседу, я почти ничего не говорил, а только слушал.

— Псаломское слово — троекратное повторение слов: *обыше́дше обыдо́ша, мя и именем Господним противля́хся им* (Пс. 117, 11) — вполне понимают делатели молитвы Иисусовой, хотя бы им этого никто не растолковывал... Это одно из самых ясных мест о молитве Иисусовой, коих очень много в Псалтири...

Томительное, часто безотрадное состояние, предваряющее получение молитвы Иисусовой внутренней, не бывает обязательно с каждым... Но общий порядок стяжания молитвы Иисусовой тот, что достигают ее трудами и скорбями, в числе которых имеет себе место томительное состояние духа.

— В Казани, когда я был еще на военной службе, митрополит Петербургский Анатолий прислал мне только что вышедшую из печати книгу: «Откровенные рассказы странника». Я прочитал ее и говорю себе: «Вот еще путь спасения, самый краткий и надежный — молитва Иисусова. Надо принять это к сведению».

Достал я себе четки и начал Иисусову молитву. Вскоре начались разные звуки, шелесты, удары в стену, окно и прочие явления. Их слышал не только я, но и мой денщик. Мне ста-

ло страшно и ночевать одному, я стал звать к себе денщика. Но эти устрашения не прекратились, и я через четыре месяца не выдержал и бросил занятия молитвой Иисусовой. Потом я спрашивал отца Амвросия об этом. Он мне сказал, что не должно было бросать.

31 мая 1910 г.

Сегодня утром батюшка взял Библию, раскрыл третью Книгу Ездры и, указывая на место, отмеченное синим карандашом, сказал мне: «Читайте». Я прочел: *Ибо век потерял свою юность, и времена приближаются к старости, так как век разделен на двенадцать частей, и девять частей его и половина десятой части* (3 Езд. 14, 10—12). Батюшка закрыл Библию и начал говорить:

— Вообще эта книга таинственная. Многие делали вычисления, и у большинства конец падает на наше время, то есть на двадцатое столетие...

9 июня 1910 г.

Под Святую Пятидесятницу правили бдение у батюшки. Во время правила батюшка после чтения синаксаря немного с нами побеседовал. Между прочим батюшка объяснил нам, что значат слова псалма: «Молнии и дождь сотвори». Под молнией разумеется гнев Божий на людей за грехопадение их в лице праотца Адама. И этот гнев продолжался до воплощения Христа Спасителя, когда была дарована людям благодать, которая в псалме названа «дождем». Вот вкратце беседа батюшки.

В день Святого Духа беседовали с батюшкой о молитве Иисусовой. Началось с того, что он задал мне вопрос:

— Какой признак Промысла Божия о человеке?

Я не умел ответить. Тогда батюшка начал говорить:

— Непрестанные скорби, посылаемые Богом человеку, суть признак особого Божия промышления о человеке. Смысл скорбей многоразличен: они посылаются для пресечения зла, или для вразумления, или для большей славы... Но приобретение внутренней молитвы необходимо... Одна устная

недостаточна, а внутреннюю получают весьма немногие. Вот некоторые и говорят: «Какой же смысл творить молитву? Какая польза?» Великая, только не надо ее оставлять.

Был у нас в скиту иеромонах Михаил. Он творил молитву, это я знаю, хотя и не входил с ним ни в какие отношения. Когда он скончался и все ушли из его кельи, я обратился к нему и говорю: «Батюшка, батюшка. Помолись ты за меня». И вдруг я вижу: он улыбнулся. Сначала я испугался, а потом ничего. И это была такая улыбка, которую я никогда не забуду... Он читал Псалтирь. Я подошел к аналою, взял Псалтирь и развернул, где у него была закладка, то есть где он кончил. Последний псалом в жизни он читал 117-й. Там говорится: *Отве́рзите мне врата́ правды, вшед в ня испове́мся Господеви* (Пс. 117, 19). Так может говорить душа, обретшая внутреннюю молитву...

Мы раскрыли Псалтирь и стали читать этот псалом. Он мне всегда нравился, а здесь еще более понравился. Затем батюшка дал мне книгу Паисия (Величковского), указав, что именно прочитать в ней.

13 июня 1910 г.

10 июня батюшка делал мне напоминание, что со сном надо бороться.

— Надо иметь желание и решение встать, тогда вы встанете вовремя. А если нет желания и решения встать во что бы то ни стало, то если бы над тобой колокольня была, и то проспишь.

— Кроме того, молитесь своему Ангелу-хранителю, а также святому Варсонофию Тверскому и Казанскому, которому дана благодать помогать от многоспания.

И еще говорил мне:

— Я вам и раньше говорил, что нужно приходить к службам до звона, чтобы звон заставал вас уже в храме. Почему так? Потому что в это время Матерь Божия входит в храм. Это я читал где-то прежде. Потом читал про Киевского отца Паисия... Это был подвижник монах, юродствовавший. Однажды он пришел к вечерне, отзвонили. В храме нет никого.

Пономарь, оправив все, вышел из храма. Остался он один. Вдруг он слышит шелест, как будто кто идет. Он посмотрел и видит Величественную Жену высокого роста в сопровождении святого апостола Петра и еще кого-то. Она оглянула храм и произнесла такие слова: «К вечерне отзвонили, а монахов нет». Затем, обратившись к отцу Паисию, благословила его, осенив широким крестным знамением, и пошла из храма, подымаясь в то же время от земли. Отец Паисий вышел за Ней из храма, провожая ее взглядом. Она поднималась все выше и выше, пока не исчезла совсем из глаз отца Паисия...

Когда и отец Анатолий — великий старец — обращался к отцу Макарию, то он ему тоже сказал, что необходимо ходить к службам до звона, что это очень важно.

— Почему? — спросил отец Анатолий.

— Потом скажу, — отвечал тот и через несколько лет сказал: — Потому что в это время Божия Матерь входит в храм.

22 июня 1910 г.

Сегодня батюшка мне сказал:

— Дал бы Господь пожить мне еще хотя до вашей мантии, чтобы вы укрепились в духе. Есть мантия вещественная, и есть мантия духовная. Надо, конечно, укрепляться в духе.

— А в чем же состоит это укрепление в духе? — спросил я.

— В самоотвержении Господа Иисуса Христа. В отвержении чего бы то ни было. Во вменении всего, яко уметы ради Господа. Это очень сложная психика духовной жизни.

27 июня 1910 г.

Недавно я заметил, что пятисотница умиротворяюще действует на душу. Однажды я встал на совершение пятисотницы недовольный чем-то, с некоторым ропотом, осуждением и неразлучным с ним самооправданием. Когда же я кончил ее, то почувствовал в теле некоторую усталость от поклонов, а в душе умиротворение.

29 июня 1910 г.

Был за бдением у батюшки, обедня была в скиту и после

нее молебен. А после молебна — общий чай по случаю мирских именин батюшки — святого апостола Павла.

После чая я пошел к батюшке. Батюшка сказал:

— Когда я учился, нас посылали в кузницу делать подковы. Там я видел, как мастер, сделав для ружья какую-то часть, начал ее закаливать, чтобы она не испортилась, когда ее будут пускать в дело.

Так вот и я хотел бы закалить вас, ввиду ожидающих вас впереди скорбей и искушений от демонов-бесов, от человеков, от соблазнов мира, которые вы должны будете перенести, пока не выйдете на широту христианской любви и свободы.

Я, помолчав немного, сказал:

— Батюшка, я прежде думал, что иноку бывают искушения только в начале или в половине его подвига, а недавно я прочел у епископа Игнатия, что монаху от начала его иноческой жизни и до гроба нужно быть готовым к перенесению скорбей и искушений.

Не помню, что на это сказал батюшка. Вскоре я начал читать книгу «На горах Кавказа» о молитве Иисусовой. Между прочим я прочел следующее: «Иноку, решившемуся проходить молитвенный подвиг, предстоят немалые труды, постоянные и многолетние, а также и разные скорби, но придет время, когда молитвенник увидит «Утро Воскресения Христова» и получит отраду. Как только я прочел это, батюшка и говорит:

— Вот вы сейчас говорили, что всегда будут скорби. Да, но внутреннее состояние человека будет уже другое...

Я понял так, что хотя скорби и будут, но достигший молитвы будет их переносить легко, ибо с ним будет Христос, Который будет наполнять неизреченной радостью сердце подвижника, и эту радость о Господе не пересилит никакая скорбь.

18 июля 1910 г.

Давно не писал, и многое нужно записать. 5 июля я спросил батюшку о значении и смысле заключения пятого тома

сочинений епископа Игнатия. Не берусь описать этот разговор, скажу только следующее.

— Пятый том сочинений епископа Игнатия, — говорил батюшка, — заключает в себе учение святых отцов применительно к современному монашеству и научает, как должно читать писания святых отцов. Очень глубоко смотрел епископ Игнатий и даже, пожалуй, глубже в этом отношении епископа Феофана. Слово его властно действует на душу, ибо исходит из опыта...

10 июля пошел с батюшкой ко бдению, но батюшка постоял очень немного и, позвав меня, пошел из храма домой и сразу лег в постель. Сначала я почитал ему немного из книги «На горах Кавказа», потом немного поговорили.

— Хорошо мне сейчас с вами, истинно говорю вам, ибо души у нас звучат в один тон... Ничего я не ищу, только Господа Иисуса. А что мне в том, что все мне кланяются... — Потом батюшка перестал говорить, ему становилось все хуже и хуже, был сильный жар и лихорадило.

11 июля к обедне мы не пошли. Батюшка лежал. Послали за фельдшером отцом Пантелеимоном. Приходил отец Феодосий и отец архимандрит. Вечером, часов в 7—8, пришел опять отец Феодосий. Батюшка позвал меня, велел найти чины пострижения в рясофор, мантию и схиму, а затем позвать отца Нектария и отца Кукшу, что я и исполнил. Начали все готовить для пострига батюшки в схиму. Когда я был один с батюшкой в его кабинете и доставал разные вещи, батюшка сказал:

— Должно быть, придется нам расстаться: что я не докончил, пусть совершит Благодать Божия...

Слезы подступили у меня к горлу...

Наконец все было готово и начался постриг. Я пел, но очень слабо вместе с другими, потом держал книгу батюшке, чтобы давать ответы на вопросы. Потом держал книгу отцу Феодосию.

Наконец надели на батюшку схиму, я взглянул, и слезы опять начали подступать к горлу, но я удержался. Постриг кончился, мы все подходили поздравлять и принять благо-

словение. Затем батюшка дал по баночке варенья всем, участвовавшим при постриге, кроме нас. Когда все вышли, батюшка сказал:

— Теперь должна начаться другая жизнь.

Часам к 10 все окончили, прочли вечерние молитвы и легли спать.

12 июля батюшка приобщился Святых Христовых Таин, ему стало легче. 13 июля навещал батюшку отец Иосиф. В тот же день батюшка говорил мне:

— Схима — это край: или смерть, или выздоровление. Я чувствую, схима меня подняла. Мне надлежало умереть, но дана отсрочка. Отец Нектарий теперь мой восприемный отец. Приходит он сегодня и говорит, между прочим, следующее: «А вот на трапезе сегодня читали: один монах умер и ожил, и рассказал братии, что ему было сказано, что дается отсрочка на пятнадцать лет. И ровно через пятнадцать лет в этот день он действительно скончался...»

Затем отец Феодосий говорил, что замечал у меня уже недели три опухоль на лице, и поэтому сразу предложил мне схиму, указывая на опухоль, как на признак смерти. Я сказал: «Да будет воля Божия», ибо страшно отказываться от схимы. Схима дает прощение всех грехов. Кроме того, у меня было чувство смерти, а отец Феодосий говорит: «Кто может ручаться, что вы останетесь живы эту ночь?» Я согласился, и отец архимандрит охотно согласился, и вот я пострижен.

Потом батюшка сказал:

— Да воздаст вам Господь, что ходили за мной.

14 июля между прочим батюшка сказал:

— Я чувствую, что началась во мне новая жизнь: в чем она, я и сам хорошо не знаю, чувствую усиление бурь... — А в другой раз сказал, что чувствует в себе прилив новых сил.

25 июля 1910 г.

Батюшка говорил, как глубоко таинственны события нашей жизни.

— Я сейчас вдруг вспомнил: когда я ездил из скита в Воронеж к святителю Митрофанию, меня позвал к себе пить чай

иеромонах, стоявший у мощей святителя. Я пошел. Он очень радушно принял меня и, между прочим, взял и надел на меня схимническую шапочку святителя Митрофания, которая у него хранилась как святыня. Вот, значит, когда я был уже предназначен к схиме. Затем я спрашиваю: «Как ваше святое имя?» А он отвечает: «Грешный Варсонофий». Конечно, я тогда из этого ничего не понял. Вот видите, какая глубина, к чему ни коснись.

— Также помните, мы разбирали обстоятельства вашего поступления в скит относительно иконы Божией Матери «Нечаянная радость». Какая нам тогда открылась глубина... И будет вам эта радость при кончине. Та радость будет уже началом вечной радости...

12 августа 1910 г.

По открытии батюшке своих немощей за день, я что-то спросил о молитве, и батюшка начал говорить:

— Первый от Господа дар в молитве — внимание, то есть когда ум может держаться в словах молитвы, не развлекаясь помыслами. Но при такой внимательной, неразвлекательной молитве сердце еще молчит. В этом-то и дело, что у нас чувства и мысли разъединены, нет в них согласия.

— Вторая молитва — второй дар — это молитва внутренняя, то есть когда мысли, чувства в согласии направлены к Богу. До сих пор всякая схватка со страстями оканчивалась победой страсти над человеком, а с этих пор, когда молятся ум и сердце вместе, то есть чувства и мысли в Боге, страсти уже побеждены. Побеждены, но не уничтожены, они могут ожить при нерадении. Здесь страсти подобны покойникам, лежащим в гробах, и молитвенник, чуть только страсть зашевелится, бьет ее и побеждает.

— Третий дар есть молитва духовная. Про эту молитву я ничего не могу сказать, здесь в человеке нет уже ничего земного. Правда, человек еще живет на земле, по земле ходит, сидит, пьет, ест, а умом и мыслями он весь в Боге на небесах. Некоторым даже открывались служения ангельских чинов.

Это молитва — молитва в и д е н и я. Достигшие этой молитвы видят духовные предметы, например состояние души человеческой так, как мы видим чувственные предметы, как будто на картине. Они смотрят уже очами духа, у них смотрит уже дух. Постоянно ли они находятся в видении или по временам — не знаю. Они не говорят о том, что видят, редко открывают другим свои видения. Как-то, помню, батюшка говорил, что схимник называется «молитвенником за весь мир».

5 сентября 1910 г.

После откровения помыслов батюшка сказал:

— Святые отцы учат: со всякой страстью борись, но от блуда спасайся бегством... Да, а нам приходится почти от всякой страсти спасаться бегством. Под бегством здесь разумеется не буквально бегство: ощутил в себе блудную страсть — так и уходи из обители. Нет, под бегством разумеется имя Господа Иисуса, молитва Иисусова, ибо сказано: *камень прибежище заяцем*. Под зайцами разумеются все робкие и смиренные, которые не могут бороться со страстями своими силами...

7 сентября 1910 г.

Сегодня день кончины старца отца Макария. Пятидесятилетний юбилей со дня его блаженной кончины. После трапезы батюшка сказал нам краткое слово.

— На каждом из нас лежит обязанность подражать тем святым, имена которых мы носим. Батюшка отец Макарий носил имя преподобного Макария Египетского, житие которого сейчас читалось. Вы слышали, когда читали, как сказал преподобному диавол: «Ты мало спишь, а я вовсе не сплю; ты много постишься, а вовсе не ем. Одним ты меня побеждаешь». — «Чем?» — спрашивает святой. «Смирением», — отвечает диавол.

— Вот эту-то добродетель смирения, подражая житию своего святого, и положил в основание своего подвига наш приснопамятный старец Макарий. Ибо если смирение необходимо для всех христиан вообще, то для иноков в особенности. Есть

смирение — все есть, нет смирения — ничего нет. Смиренный высок перед Богом, хотя бы он был и совершенно неграмотный.

— У отца Макария в письмах постоянны напоминания о смирении. Будем почаще заглядывать в них и учиться смирению сперва из книги, а потом, по милости Божией, понемногу будем вводить его и в свою жизнь... Да поможет нам Господь молитвами приснопамятного старца отца Макария и да утвердит в этой высокой добродетели смирения.

19 сентября 1910 г.

Недавно батюшка сказал мне:

— В Евангелии сказано: «молитесь за врагов ваших» — и действительно, враги наши, желая нам досадить и сделать что-либо злое, делают это исключительно по своему нерасположению к нам, но по большей части своим злом пресекают еще большее зло, которое грозило нам.

Например, один человек, узнав про другого, что тот хочет жениться на хорошей девушке, написал ложное письмо этой девушке, в котором всячески очернил его, и этим расстроил партию. Проходит несколько лет, и этот человек, который хотел жениться, ушел в монастырь Богу служить.

А если бы он женился, то, будучи связан, не мог бы этого сделать. Вот и спрашивается, что клеветой принесено: вред или польза? — Конечно, польза — клеветник оказался этому человеку благодетелем.

Я прочел у епископа Феофана в «Пути ко спасению», что надо отыскивать в себе главную страсть. Я подумал и не смог остановиться ни на какой страсти. Я сказал об этом батюшке, и он мне ответил, что «надо молиться, чтобы Господь открыл эту главную страсть, сам ее не найдешь. А найти ее очень важно, для того чтобы знать, куда направить свои силы, то есть знать, с какой страстью преимущественно бороться».

26 сентября 1910 г.

Сегодня день моего рождения, мне исполнилось двадцать два года. Батюшка служил. В конце обедни, когда батюшка вышел с Крестом Животворящим, сделав отпуст, он сказал:

— Честные отцы и братии. Вот я с Животворящим Крестом в руках прошу и умоляю вас прекратить между собой неудовольствия. Неудовольствия, если не сказать вражда, увеличиваются. Если это так в миру, то да не будет сего между нами в обители. Первая заповедь — любовь. Апостол Павел сказал: «Если я говорю языками ангельскими и человеческими, но любви не имею, то я — ничто; если я имею дар пророчества, а любви не имею, то я кимвал звенящий». Любовь выше всего. Я вам решил это напомнить в день памяти святого Иоанна Богослова — апостола любви. Не останавливайтесь на одной внешней исправности, хотя и она нужна, но главное — это искоренение из сердца страстей, в особенности злобы...

Вот общий тон и содержание сказанного батюшкой.

1 октября 1910 г.

26 сентября вечером на откровении помыслов батюшка сказал по поводу читанного на трапезе о талантах.

В Евангельской притче о талантах сказано, что один раб закопал свой талант, данный ему от Бога, в землю. Некоторые понимают слова «закопал в землю» буквально, как есть. Весь свой талант, данный Богом, человек употребил исключительно на приобретение земного, суетного, тленного — ничего для жизни будущей, вечной он не приобрел. Так, например, профессора, ученые, если они ограничились только научными знаниями, ничего не делая полезного для своей души, то, конечно, они зарыли свой талант в землю. А вы, оставив весь этот тлен, ушли во святую обитель, значит, не зарыли свой талант. Это я говорю вам для укрепления вашего...

— А вот, батюшка, в поучении, которое я читал, сказано, что если человек имеет возможность или дар проповедовать, учить и этого не делает, то, значит, он зарывает талант в землю. А из Жития святых и современных подвижников известно, что многие, например преподобный Арсений Великий, имели возможность учить и проповедовать, но молчали по смирению. Как это примирить со сказанным в поучении?

— Кому что дано: кому деятельность, кому безмолвие, да-

ров Божиих много. Преподобному Арсению дано было равноангельское житие — служить Богу в безмолвии. Другие, наоборот, служат Богу в кипучей деятельности. Но уподобляются зарывающим свой талант те, которые отказываются от того, куда их поставляют, согласно воле Божией. Например, преподобный Серафим Саровский отказался от настоятельства, и что же? Едва не впал в отчаяние, перенес великие скорби и искушения. Ему потребовалось подъять на себя великий подвиг — трехлетнее стояние на камне, чтобы побороть эти искушения. Вот что значит отказываться.

Так вот и я стою на этом месте. Боюсь отказываться. Отец архимандрит говорил мне: «А перенесете ли вы то, что может случиться, если Вы откажетесь?» Вот я и стою...

Еще батюшка рассказывал мне, какие у него были скорби и как Господь всегда избавлял его Своей Благодатью.

— Это я вам говорю для того, чтобы поселить в вас веру в Господа, потому что вам придется ее впоследствии показать. Одна у меня надежда — на Бога, истинно говорю вам: «Не надейтеся на князи, на сыны человеческие...»

Еще как-то батюшка сказал мне:

— Вы поступаете в монашество при самых благоприятных условиях, потому что позже будут вам великие скорби, но вы их перенесете, ибо уже окрепнете, и они послужат для прославления имени Божия и для получения венцов...

Иногда из слов и дел батюшки я вижу, насколько мне доступны мудрость и рассуждение батюшки, вера в Бога, надежда на Его милость и другие иноческие добродетели, а я истинно нищ и убог есмь. Далеко не всегда сознаю я это, но бывают минуты. Господи, даждь мне смирение.

5 октября 1910 г.

Как-то батюшка сказал мне, что отец Макарий — великий старец — через каждые три года перечитывал авву Дорофея и «Лествицу» и находил все новое и новое, ибо рос духовно. Перечитывал их батюшка и мне сказал, что надо через каждые три года. Батюшка благословил мне прочитать житие преподобного Никодима, Кожеезерского чудотворца (3 июля), а

потом благословил начать изучение устава Богослужения. Батюшка прибавил, что это нужно для всякого послушника. За разрешением недоумений батюшка благословил обращаться к отцу Кукше, а в пособие взять из библиотеки книгу Булгакова. Праздники батюшка благословил употреблять на чтение, так как это единственно свободное у меня время, но благословил делать и проходки по скиту или за скитом, сказав, что это для меня будет полезно.

Читал письма старца Макария. Батюшка говорил мне, чтобы в один день я не брал разных книг: то ту, то другую — а чтобы читал что-либо одно.

7 ноября 1910 г.

Я спрашиваю батюшку:

— Исповедь и откровение обязательно должны быть у одного лица или можно у одного исповедоваться, а другому открывать помыслы?

— Конечно, исповедь — одно, откровение помыслов — другое. Святые отцы пишут: когда не к кому обратиться, то избери себе единодушного брата и ему открывай свои помыслы. Помыслы можно открывать даже не имеющему священного сана... (отец Иосиф, отец Нектарий).

На этом дневник отца Никона обрывается



ПРЕПОДОБНЫЙ НЕКТАРИЙ ОПТИНСКИЙ (1857—1928)

Поэтесса Надежда Александровна Павлович (1895—1980) оказалась в Оптиной в 1921 году. Здесь впервые видит она преподобного Нектария. В течение трех дней пытается поговорить с ним, но старец отказывается принять молодую женщину, представительницу столичной литературной богемы. Потрясенная, она уезжает в Петроград, но мысль о старце («я видела настоящего святого»), о единственно возможном для нее пути исцеления не покидает ее. Через полгода она вновь возвращается в монастырь. С этого дня жизнь ее навсегда соединяется с Оптиной. По благословению преподобного Нектария она остается жить в Оптиной, становится сотрудницей первого Оптинского краеведческого музея, которым заведовала его основательница Лидия Васильевна Защук (впоследствии она приняла схиму с именем Августы и была расстреляна вместе с оптинским архимандритом Исаакием в 1937 году в Туле). Два года прожила Надежда Александровна в Оптиной в послушании у старца. Но музею и самому монастырю уже грозила беда. Сбывалось предсказание отца Нектария о том, что «скоро монастыри закроют и ходить в монашеском по улицам будет нельзя». В Вербное воскресенье 1923 года Оптина пустынь была закрыта. Тяжелобольного старца Нектария сперва положили под арестом в больницу, а затем в Великий Четверг отвезли в тюремную больницу в Козельске, большинство духовных отцов и монашеской братии также были арестованы. Выдав в ЧК батюшку Нектария за своего дедушку, Надежда Александровна добивается замены расстрела (отца Нектария обвинили в контрреволюции) поселением. Она увозит батюшку в село Холмищи (65 км от Козельска), навещает его там, привозит продукты, теплые вещи. Перед кончиной в 1928 году батюшка Нектарий благословил свою духовную дочь Надежду Павлович помнить Оптину, всегда заботиться о ней и делать все возможное для ее сохранения. Она и выполняла завещанное как могла в те страшные для Православия годы: в конце 20-х перевезла и таким образом сохранила для нас ценнейший архив и библиотеку Оптиной пустыни, сдав все материалы в Государственную библиотеку им. В. И. Ленина в Москве. Работая

в Красном Кресте, помогала родственникам и друзьям передавать вести и посылки заключенным (среди которых много было и Оптинцев); совершила духовный подвиг, навестив находящегося в заключении отца Сергия (Мечева). Ее стараниями в 1974 году Оптина пустынь получила статус памятника культуры и была поставлена на государственную охрану.

Надежда Александровна собрала и записала множество рассказов и свои воспоминания о последнем Оптинском старце Нектарии, его удивительной прозорливости и духовных наставлениях, поучениях, беседах с ним.

Духовные беседы с преподобным Нектарием Оптинским, записанные Надеждой Павлович

Последним Оптинским старцем был иеромонах отец Нектарий. Он был учеником скитоначальника отца Анатолия Зерцалова и старца Амвросия, а впоследствии архимандрита Агапита, широко образованного и духовно опытного монаха. Старцем он стал в 1913 году и поселился в хибарке старца Амвросия у скитских ворот. В период его старчествования в Оптиной были еще старцы — Варсонофий и Феодосий, а позже отец Анатолий, скончавшийся за год до закрытия Оптиной, летом 1922 года.

Батюшка Анатолий был необыкновенно прост и благостен. Всякий подходивший к нему испытывал счастье попасть как бы под золотой благодатный дождь. Само приближение человека к этому старцу уже как бы давало ему чудесную возможность очищения и утешения. Батюшка Нектарий был строже, проникновеннее и своеобразнее. Он испытывал сердца приходивших к нему и давал им не столько утешение, сколько путь подвига, он смирял и ставил человека перед духовными трудностями, не боясь и не жалея его малой человеческой жалостью, потому что верил в достоинство и разумение души и великую силу благодати, помогающей ищущему Правды. Основными чертами батюшки Нектария были смирение и мудрость, и свет его был как светлый меч, рассекающий душу. К каждому человеку он подходил лично, индивидуально, с особой мерой и говорил: «Нельзя требовать от мухи, чтобы она делала дело пчелы. Каждому человеку надо давать по его мерке. Нельзя всем одинаково».

Внешне старец был невысок, с лицом несколько округлым; длинные редкие пряди полуседых волос выбивались из-под высокой шапочки; в руках гранатовые четки. Исповедуя, он надевал старенькую красную бархатную епитрахиль с истертыми галунными крестами. Глаза — разные и небольшие. Лицо его как бы не имело возраста — то древнее, суровое, словно тысячелетнее, то молодое по живости и выразительности мысли, то младенческое по чистоте и покою. Еще лет за шесть до смерти, несмотря на преклонный возраст, ходил он легкой скользящей походкой, как бы касаясь земли. Позже он передвигался с трудом, ноги распухли, как бревна, сочились сукровицей. Это сказались многолетние стояния на молитве.

К концу жизни лицо его утратило отблеск молодости, который так долго покоился на нем и вернулся к нему лишь во время предсмертной болезни. Если в эти последние годы лицо его светлело, то только каким-то вневременным светом. Старец очень одряхлел, ослабел, часто засыпал среди разговора, но еще чаще он погружался в глубокую умную молитву, как бы выходя из мира, и, возвращаясь к нам, был полон особой силы духа и просветленности. Вся жизнь старца, от младенчества до смертного часа, была отмечена Божиим Промыслом.

Он родился в Ельце в 1857 году у бедных родителей, Василия и Елены Тихоновых. Крещен в елецкой церкви, освященной во имя преподобного Сергия, при крещении назван Николаем, крестных звали Николай и Матрона. О них и о родителях своих он всегда молился. Отец был рабочим на мельнице, скончался он тогда, когда сыну исполнилось семь лет. Мальчик был умным и любознательным, но учиться ему пришлось только в сельской школе — помешала нужда.

Из раннего его детства известен только один случай: однажды он играл около матери, а рядом сидела кошка, и глаза у нее ярко светились. Мальчик схватил иголку и вздумал проколоть глаз животного, чтобы посмотреть, что там светится, но мать ударила его по руке: «Ах ты! Вот как выколешь глаз кошке, сам потом без глазу останешься».

Через много лет, уже монахом, старец припомнил этот случай. Он пошел к скитскому колодцу, где был подвешен ковш с заостренной рукояткой. Другой монах, не заметив батюшки, поднял ковш так, что острие пришлось прямо против батюшкиного глаза, и лишь в последнее мгновение старцу удалось оттолкнуть острие. «Если бы я тогда кошке выколол глаз, и я был бы сейчас без глаза, — говорил он. — Видно, всему этому надо было быть, чтобы напомнить моему недостоинству, как все в жизни от колыбели до могилы находится у Бога на самом строгом учете».

С матерью у Николая была глубокая душевная близость. Она была строга с ним, но больше действовала кротостью и умела тронуть его сердце. Одиннадцати лет устроила Николая в лавку купца Хамова, и там к семнадцати годам он дослужился до младшего приказчика. Вырастал юноша тихим, богомольным, любящим чтение. «Лицом он был очень красив, с румянцем нежным, как у девушки, с русыми кудрями», — рассказывали старейшие Оптинцы, помнившие его в молодости. О дальнейшей жизни своей он тогда не загадывал. Как стукнуло ему восемнадцать лет, старший приказчик Хамова задумал женить его на своей дочери, и хозяин этому сочувствовал. Девушка была очень хороша и Николаю по сердцу.

Даже через десятки лет, вспоминая свою нареченную невесту, батюшка растроганно улыбался, а одной монашенке, которую он очень ласково принимал, говорил: «Ты мне мою давишнюю невесту напоминаешь».

В то время была в Ельце благочестивая старица, тогда уже почти столетняя, — схимница Феоктиста, духовная дочь отца Тихона Задонского. К ней елецкие горожане ходили на совет. И хозяин посоветовал Николаю пойти к ней благословиться на брак. А схимница, когда он пришел, сказала ему: «Юноша, пойди в Оптину к Илариону, он тебе скажет, что делать». Перекрестила его и дала ему на дорогу чаю. Тот поцеловал ей руку и пошел к хозяину — так и так, посылает меня матушка Феоктиста в Оптину. Хозяин — ничего, даже денег дал ему на дорогу. Простился Николай с невестой, и больше никогда в жизни им не пришлось увидеться.

Когда подошел он к Оптиной, было лето, а летом кругом Оптиной красота несказанная. Все луга в цветах, среди лугов серебряная Жиздра, над ней ивы и дубы, а дальше, на том берегу, — сады монастырские и огромный оптинский мачтовый лес. Монастырь белой стеной опоясан, по углам башни, а на каждой башенке флюгер — Ангел с трубой.

Пришел Николай в скит, народу множество — все к великому старцу иеромонаху Амвросию, — и думает: «Какая красота здесь, Господи! Солнышко ведь тут с самой зари, и какие цветы! Словно в раю!» Так вспоминал старец о своем первом впечатлении от Оптиной.

А как найти Илариона — не знает, и не знает даже, кто такой Иларион. Спросил он одного монаха. А тот улыбнулся на простоту его и говорит: «Хорошо, покажу тебе Илариона, только уж не знаю, тот ли это, что нужен тебе». И привел его к скитоначальнику Илариону. Рассказал ему Николай о матушке Феоктисте, просит решения своей судьбы, а тот говорит: «Сам я ничего не могу сказать тебе, а пойди ты к батюшке Амвросию, и что он тебе скажет, так ты и сделай».

В то время народу к старцу Амвросию шло столько, что приема у него ждали неделями, но Николая старец принял сразу же и говорил с ним два часа. О чем была эта беседа, старец отец Нектарий никому не открывал, но после нее Николай навсегда остался в скиту, домой уже не возвращался ни на один день.

Увидев однажды в руках у посетителя книгу «Жизнеописание старца Илариона», батюшка сказал: «Я ему всем обязан. Он меня и принял в скит пятьдесят лет тому назад, когда я пришел, не имея, где главу преклонить. Круглый сирота, совершенно нищий, а братия тогда вся была — много образованных. И вот я был самым что ни есть последним». Батюшка показал рукой от пола аршина полтора, чтобы сделать наглядным свое тогдашнее убожество и ничтожество... А старец Иларион тогда уже проходил и знал путь земной и путь небесный. «Путь земной — это просто, а путь небесный...» — и батюшка не договорил.

Первое послушание, которое дали ему в Оптиной, было

ходить за цветами, которые так ему полюбились, а потом назначено ему было пономарить. На этом послушании он часто опаздывал в церковь и ходил с красными, опухшими, словно заспанными глазами. Братия жаловалась на него старцу Амвросию, а тот отвечал, как было у него в обычае, в рифму: «Подождите, Николка проспится, всем пригодится!»

Стал он духовным сыном отца Анатолия Зерцалова, впоследствии скитоначальника, а на совет ходил к батюшке Амвросию. В «Жизнеописании в Бозе почившего старца иеросхимонаха Амвросия», составленном архимандритом Агапитом, приводятся воспоминания батюшки Нектария: «В скит я поступил в 1876 году. Через год после сего батюшка отец Амвросий благословил меня обращаться как к духовному отцу к начальнику скита иеромонаху Анатолию, что и продолжалось до самой кончины последнего в 1894 году. К старцу же Амвросию я обращался лишь в редких и исключительных случаях. При всем этом я питал к нему великую любовь и веру. Бывало, придешь к нему, а он после нескольких слов моих обнаружит всю мою сердечную глубину, разрешит все недоумения, умиротворит и утешит. Попечительность и любовь ко мне, недостойному, со стороны старцев нередко изумляли меня, ибо я сознавал, что их недостоин. На вопрос мой об этом духовный отец мой, иеромонах Анатолий, отвечал, что причиной этому «моя вера и любовь к старцу и что если он относится к другим не с такой любовью, как ко мне, то это происходит от недостатка в них веры и любви к старцу; как человек относится к старцу, так точно и старец относится к нему».

Дальше батюшка Нектарий вспоминает: «К сожалению, были среди братии некоторые порицавшие старца. Приходилось мне иногда выслушивать дерзкие и безсмысленные речи таких людей, хотя всегда старался защищать старца. Помню, что после одного из подобных разговоров явился ко мне во сне духовный отец мой иеромонах Анатолий и грозно сказал: «Никто не имеет права обсуждать поступки старца, руководствуясь своим недомыслием и дерзостью. Старец за действия даст отчет Богу. Значения их мы не постигаем». Так

отцу Нектарию объясняли духовные отцы и учителя высокое значение и духовные законы старчества.

И отец Амвросий, и отец Анатолий вели его строго истинным монашеским путем. Батюшка Нектарий рассказывал так о том старческом окормлении, что он получал: «Вот некоторые ропщут на старца, что он в положение не входит, не принимает, а не обернутся на себя и не подумают: «А не грешны ли мы? Может, старец потому меня не принимает, что ждет моего покаяния и испытывает?» Вот я, грешный, о себе скажу. Бывало, приду я к батюшке отцу Амвросию, а тот мне: «Ты чего без дела ходишь? Сидел бы в своей келье да молился!» Больно мне станет, но я не ропщу, а иду к духовному отцу своему батюшке Анатолию. А тот грозно встречает меня: «Ты чего без дела шатаешься? Празднословить пришел?» Так и уйду я в келью. А там у меня большой, во весь рост, образ Спасителя; бывало, упаду перед Ним и всю ночь плачу: «Господи, какой же я великий грешник, если и старцы меня не принимают!»

Однажды старца спросили, не возмущался ли он против своих учителей. Тот ответил: «Нет! Мне это и в голову не могло прийти. Только раз провинился я чем-то и прислали меня к старцу Амвросию на вразумление. А у того палочка была. Как провинишься, он и побьет (не так, как я вас!). А я, конечно, не хочу, чтобы меня били. Как увидел, что старец за палку берется, я — бежать... и о том прощения просил».

Про отца Анатолия Зерцалова старец говорил: «Я к нему двадцать лет относился и был самым последним сыном и учеником, о чем и сейчас плачу». И, обращаясь к посетительнице, прибавил: «Так вот, матушка, если хочешь быть монашенкой, так и ты считай себя последней дочерью и плохой ученицей. Нужно всегда думать о себе, что находишься в новоначалии».

Та же монахиня рассказывает: «Однажды старец спросил ее: «Что же, матушка, благоденствуешь?» — «Очень хорошо, батюшка!» — по простоте ответила она. «Хорошо!» — повторил он. Потом ушел к себе и через некоторое время вернулся суровый, сердитый. Она его спрашивает о житейском, о доме,

о разных вопросах, что тут решить надо, а он молчит. А потом сказал, направляя к другому духовнику: «А ко мне и не ходите! Отказываюсь я от вас!» Она плакать, а он и не глядит, других батюшка принимает, а с ней и не занимается. Отчаянные помыслы пошли у нее. Тогда он взял ее за руку и подвел к угольнику: «Говори, хочешь в Царство Небесное?» — и так сурово, только что не кулаком толкает. Та молчит. «Говори, хочешь?» Та сквозь слезы: «Хочу!» — «Ну вот! Лучшего и не ожидай. Я другой дороги туда не знаю. А если ты хочешь, то поищи сама», — и опять ушел. А у нее от скорби все в голове мутится. Тогда он словно смягчился немного и дал в книжке прочесть жизнеописания двух саровских старцев, одного очень сурового, а другого мягкого, и как новоначальных суровый больше посылал к мягкому, а то они его суровости не выдерживали и отпадали. Так сурово воспитывали батюшку Нектария его старцы и так же вел он ближайших своих учеников, но не натягивая тетиву, а временами давая как бы отдых, чтобы силы не перенапряглись. Он сказал однажды своей ученице: «Уверяю тебя, что у нас будут экзамены и маневры, а после экзаменов у нас духовная радость будет». А та возражала: «Батюшка, я же взрослая, какие у меня будут экзамены?» Батюшка улыбнулся: «Нет, нет! Обязательно у нас будут экзамены и переэкзаменовки».

Послушанию старец придавал величайшее значение. «Самая высшая и первая добродетель — послушание. Это самое главное приобретение для человека. Христос ради послушания пришел в мир, и жизнь человека на земле есть послушание Богу. В послушании нужно разумение и достоинство, иначе может выйти большая поломка жизни.

Без послушания человека охватывает порыв и как бы жар, а потом бывает расслабление, охлаждение и окоченение, и человек не может двинуться дальше. А в послушании сначала трудно — все время точка и запятая, а потом сглаживаются все знаки препинания».

«Нашим прародителям дано было обетование, которое они ждали от Каина. Каин был первенец, но предпочтение они оказывали Авелю, потому что он был кроток, смирен и

послушлив, а Каин был первенец, но был жесток и груб и творил свою волю. Ему было досадно, что Авелю отдают предпочтение, и он омрачился и опустил лицо свое. А Господь сказал ему: «Каин, грех лежит у порога. Властвуй над ним, а то он обратится и сокрушит тебя». А он не вник, не послушался Бога — грех лежал у порога сердца его, а он не вник и посмотрел на порог дома — видит, там никто не лежит, он и не стал об этом думать и пошел, убил брата своего, отказался от послушания Богу и попал в послушание греху. А уж как он мучился потом! Господи! Он всегда бежал отовсюду и всего боялся и трясся». Так старец в образной форме учил разумению и внимательности в послушании. Он указывал, что нельзя понимать духовных указаний буквально и поверхностно, ограничиваясь внешним; надо смотреть не только на порог дома, но главным образом на порог своего сердца.

Приводя какой-нибудь текст или пример из Священного Писания, он обычно говорил о прямом, буквальном, и об иносказательном его значении. Например: *Блаже́н муж, иже не и́де на сове́т нечести́вых* (Пс. 1, 1). Со стороны внешней это значит, что ублажается человек, избегающий нечестивых собраний, не принимающий участия в еретических или антицерковных учениях, но мужем называется и ум, когда он не принимает приходящих от врага помыслов. Запретить приходить помыслам нельзя, но можно не вступать с ними в совещание, в разговоры, а вместо этого говорить: «Господи, помилуй!» Вот поступающий таким образом и называется мужем.

Назначая какое-нибудь послушание, он с величайшей точностью и заботливостью разъяснял его, указывал, как лучше исполнить, соразмерял его с силами человека, но, раз назначив, требовал исполнения неукоснительного и безотлагательного. Однажды он послал одну свою духовную дочь с поручением. Она задержалась в хибарке, с кем-то разговаривая. Старец вышел и сказал: «Две минуты прошло, а ты еще здесь!»

Поступив в скит в 1876 году, батюшка Нектарий получил мантию в 1887 году. Было это для него великой радостью. Он вспоминал в старости: «Целый год после этого я словно

крылышки за плечами чувствовал». О постриге он говорил одной монастырской послушнице: «Когда ты поступила в монастырь, ты давала обещание Господу, и Господь все принял и записал все твои обещания. И ты получила монашество. А это только обряд монастырский. И когда ты будешь жить по-монашески, то все получишь в будущей жизни, а когда ты получишь мантию, а жить по-монашески не будешь, с тебя в будущей жизни ее снимут». Мать А., слушавшая это поучение, говорит батюшке: «Я очень плохо живу». А он в ответ: «Когда учатся хоть какому искусству, то всегда сначала портят, а потом уже начинают делать хорошо. Ты скорбишь, что у тебя ничего не выходит. Так вот, матушка, когда Господь сподобит тебя ангельского образа, тогда Благодать тебя во всем укрепит». Мать А. возражает: «Батюшка, ведь вы только что говорили, что не нужно стремиться к мантии?» — «Матушка, таков духовный закон: не нужно ни проситься, ни отказываться».

Монашество он ставил очень высоко. Оптинскому послушнику отцу Я. говорил: «У тебя три страха: первый страх — отречения от монашества бояться; второй страх — начальства бояться; третий страх — молодости своей бояться. Какого же страха надо тебе больше всего бояться? Я тебе заповедую монашество больше всего хранить. Если тебе револьвер приставят — и то монашества не отрекайся».

В 1894 году отец Нектарий был посвящен в иеродиаконы, а в 1898 году рукоположен калужским архиереем в иеромонахи.

О своем рукоположении он рассказывал П. Н.: «Когда меня посвящал в иеромонахи бывший наш благостнейший Владыка Макарий, то он святительским своим оком прозревал мое духовное неустройство, сказал мне по рукоположении моем краткое и сильное слово, и настолько было сильно слово это, что я до сих пор помню, сколько уже лет прошло, до конца дней моих не забуду. И много ли всего-то он и сказал мне! Подозвал к себе в алтарь, да и говорит: «Нектарий! Когда ты будешь скорбен и уныл и когда найдет на тебя искушение тяжкое, ты только одно тверди: «Господи, пощади, спаси и помилуй раба Твоего — иеромонаха Нектария». Только

всего ведь и сказал Владыка, но слово его спасло меня раз и доселе спасает, ибо оно было сказано со властию».

От какой беды спасло его это слово, осталось прикровенным, но о нескольких искушениях своих старец однажды рассказывал: одно было в первые годы его послушничества.

В молодости у него был прекрасный голос, а музыкальный слух оставался и в старости. В те первые годы своего жительства в Оптиной он пел в скитской церкви на правом клиросе и даже должен был петь Разбойника благоразумного. Но в скиту был обычай: раз в год, как раз в Великом посту, приходил в скит монастырский регент и отбирал лучшие голоса для монастырского хора. Брату Николаю тоже грозил перевод из скита в монастырь, а этого ему не хотелось. Но и петь Разбойника... было утешительно и лестно. И все же он в присутствии регента стал немилосердно фальшивить, настолько, что его перевели на левый клирос, и, конечно, больше вопрос о его переводе не поднимался.

Второе искушение обуяло его, когда он был уже иеромонахом и полузатворником. Получив мантию, он почти совсем перестал выходить из своей кельи, не говоря уже об ограде скита. Даже были годы, когда окна его кельи были заклеены синей сахарной бумагой. Сам он любил повторять, что для монаха есть только два выхода из кельи — в храм да в могилу. Но в эти же годы он учился и читать. Читал он не только святоотеческую и духовную литературу, но и научную, занимался математикой, историей, географией, русской и иностранной классической литературой. Говорил он с посетителями о Пушкине и Шекспире, Мильтоне и Крылове, Шпенглере и Хаггарде, Блоке, Данте, Толстом и Достоевском. В единственный час отдыха своего после обеда он просил читать ему вслух Пушкина или какие-нибудь народные сказки — русские или братьев Гримм.

Изучал языки — латынь и французский (по-французски он даже говорил, познакомившись с одним французом, принявшим в Оптиной Православие; по-латыни он часто цитировал); был близок с Константином Леонтьевым; тот, живя в Оптиной, читал ему в рукописи свои произведения.

У художника Болотова, принявшего монашество, он учился живописи. Художник Болотов, окончивший Петербургскую Академию художеств, товарищ Репина и Васнецова, основал в Оптиной иконописную мастерскую, в. которой преподавал по методам Академии, и отец Нектарий сохранил интерес к живописи до конца жизни.

Уже во время иеромонашества обуяло отца Нектария желание поехать путешествовать, поглядеть дальние страны. В это время и пришло в Оптину требование откомандировать иеромонаха во флот для кругосветного путешествия, и отец архимандрит предложил это назначение батюшке. Тот с радостью стал собираться. Только уже перед самым отъездом он пошел за напутственным благословением к старцу Иосифу, а тот не благословил. Так и пришлось батюшке остаться в Оптиной.

Третье искушение было, уже когда батюшка сам был старцем. Ему, почти семидесятилетнему, захотелось бросить старчество и уйти странником. «Только здесь я уже сам понял, что это искушение, поборол себя и остался», — рассказывал он.

В эти же годы учения и духовного возрастания старец начал юродствовать. Он носил цветные кофты поверх подрясника, сливал в один котел все кушанья, подаваемые на трапезной, — и кислое, и сладкое, и соленое, ходил по скиту — валенок на одной ноге, башмак — на другой. Еще более смущал он монахов не только в это время, но и в период своего старчествования своими игрушками. У него были игрушечные автомобили, пароходики, поезда и, наконец, самолеты. По игрушкам он составлял себе представление о современной технике. Еще были у него музыкальные ящики, и он даже завел граммофон с духовными пластинками, но скитское начальство не позволило. Для него характерен был этот интерес к общему течению жизни. До последнего года своей жизни он знакомился с современной литературой, прося привозить ему книжные новинки, расспрашивая о постановке образования в школах и вузах, знал обо всем, что интересовало интеллигенцию. Но все это знание нужно было ему для его служения Богу и людям. Он рассказывал, как однажды, еще до революции, пришли к нему

семинаристы со своими преподавателями и попросили сказать им слово на пользу. «Юноши! — обратился он к ним. — Если вы будете жить и учиться так, чтобы ваша научность не портила нравственности, а нравственность научности, то получится полный успех вашей жизни».

Как-то одна его духовная дочь горестно говорила своей подруге в батюшкиной приемной: «Не знаю, может быть, образование совсем не нужно и от этого только вред. Как это совместить с Православием?» Старец возразил, выходя из кельи: «Ко мне однажды пришел человек, который никак не мог поверить в то, что был потоп. Тогда я рассказал ему, что на самых высоких горах в песке находятся раковины и другие остатки морского дна и как геология свидетельствует о потопе, и он уразумел. Видишь, как нужна иногда научность». Часто он говорил: «Я к научности приникаю». Об истории он говорил: «Она показывает нам, как Бог руководит народами и дает как бы нравственные уроки Вселенной». Говоря о математике, он любил спрашивать, может ли быть треугольник равен кругу, и часто приводил святоотеческий пример: «Бог — центр круга, люди — радиусы. При приближении к центру, они сближаются между собой». О внешнем делании он говорил: «Внешнее принадлежит вам, а внутреннее — Благодати Божией. А потому делайте, делайте внешнее, и когда оно все будет в исправности, то и внутреннее образуется. Не надо ждать или искать чудес. У нас одно чудо: Божественная литургия. Это величайшее чудо, к нему нужно приникать».

Он учил внимательности в мысли: «Перестаньте думать, начните мыслить. Думать — это расплываться мыслью, не иметь целенаправленности. Отбросьте думание, займитесь мышлением. Была «дума», которая думала, а не мыслила государственно — Наполеон думал, а Кутузов мыслил. Мысли выше дум».

О жизни он говорил: «Жизнь определяется в трех смыслах: мера, время, вес. Самое доброе, прекрасное дело, если оно выше меры, не будет иметь смысла. Ты приникаешь к математике, тебе дано чувство меры. Помни эти три смысла. Ими определяется вся жизнь».

Он рассказывал, что в молодости много наблюдал жизнь насекомых и животных.

Однажды старец сказал: «Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы тот возрастал в познании. В Божественном творчестве нет остановки, все движется, и Ангелы не пребывают в одном чине, но восходят со ступени на ступень, получая новые откровения. И хотя бы человек учился сто лет, он должен идти к новым и новым познаниям... И ты работай. В работе незаметно пройдут годы». В это время лицо его было необыкновенно светлым, таким, что трудно было смотреть на него.

В другой раз он сказал: «Одному пророку было явление Божие не в световом окружении, а в треугольнике. И это было знамением того, что к неисследимой глубине Божией человек не может приближаться и испытывать ее. Человеку позволено испытывать окружение Божества, но если он дерзнет проникнуть за черту, он гибнет от острия треугольника».

Говорил старец и об искусстве и литературе. «Заниматься искусством можно, как всяким делом, как столярничать или коров пасти, но все это надо делать как бы перед взором Божиим. Есть большое искусство и малое. Вот малое бывает так: есть звуки и светы. Художник — это человек, могущий воспринимать эти другим невидимые и неслышимые звуки и свет. Он берет их и кладет на холст, бумагу. Получаются краски, ноты, слова. Звуки и светы как бы убиваются. От света остается цвет. Книга, картина — это гробницы света и звука. Приходит читатель или зритель, и если он сумеет творчески взглянуть, прочесть, то происходит «воскрешение смысла». И тогда круг искусства завершается. Перед душой зрителя и читателя вспыхивает свет, его слуху делается доступен звук. Поэтому художнику или поэту нечем особенно гордиться. Он делает только свою часть работы. Напрасно он мнит себя творцом своих произведений — один есть Творец, а люди только и делают, что убивают слова и образы Творца, а затем от Него полученной силой духа оживляют их. Но есть и большое Искусство — слово, убивающее и воскрешающее (псалмы Давида, например), но путь к этому искусству лежит через лич-

ный подвиг художника, это путь жертвы, и один из многих тысяч доходит до цели».

«Все стихи в мире не стоят одной строчки Священного Писания».

«Пушкин был умнейший человек в России, а собственную жизнь не сумел прожить».

Старец любил цитировать «Гамлета»: «Есть многое на свете, друг Горацио, что и не снилось нашим мудрецам».

Один писатель спрашивает у старца, как он считает, можно ли напечатать стихотворение, направленное против монастыря. «Печатай! Вот Мильтон писал страшные вещи и, можно сказать, даже ужасные, а все вместе хорошо. Всегда надо творчество брать в целом».

Он говорил о необходимости для писателя продумывать каждое слово: «Прежде чем начинать писать, обмакните перо семь раз в чернильницу».

Признавая значение театра как средства народного воспитания, советуя артистам соблюдать в игре соразмерность, он однажды не благословил идти на сцену одну девушку, мечтавшую об этом. Когда его спросили, почему он не благословляет, он ответил: «Она не осилит и развратится. Здесь сила нужна. Застенчивость — по нынешним временам большое достоинство. Это не что иное, как целомудрие. Если сохранить целомудрие (а у вас, интеллигенции, легче всего его потерять) — это все сохранит!»

Живопись, к которой он сам имел способности, была ему особенно близка.

«Теперь нет большого живописного искусства. Раньше художник готовился к писанию картины и в душе и внешне. Прежде чем сесть за работу, он все приготовлял: и холст, и краски, а картину свою писал не несколько дней, а годы, иногда всю жизнь, как Иванов свое «Явление Христа народу». И создавались великие произведения. А сейчас — сядет работать, ан кисти подходящей нет или краски надо бежать доставать, от работы отрывается. Даже внешне не соберет себя. И пишет все второпях, не продумав, не прочувствовав...»

Однажды старец заметил: «А когда пишешь Ангела, нужно, чтобы свет не на него падал, а из него струился».

Старцу очень хотелось, чтобы была создана картина Рождества Христова. «Надо, чтобы мир вспомнил об этом. Ведь это только раз было! Пастухи в коротких, изодранных по краям одеждах стоят лицом к свету, спиной к зрителю, а свет не белый, а слегка золотистый, без всяких теней, и не лучами или снопами, а сплошь, только в самом дальнем краю картины светлый сумрак, чтобы показать, что это ночь. Свет весь из ангельских очертаний, нежных, едва уловимых, чтобы ясно было, что это красота не земная — небесная, чтобы нечеловеческое это было!» — прибавил батюшка с особой силой.

Одной девушке он сказал: «Почему пастухи видели в эту ночь Ангелов? Потому что они бодрствовали».

Однажды старцу показали прекрасную икону Преображения Господня, где яркость Фаворского света достигалась контрастом с черными узловатыми деревьями на переднем плане. Старец велел их стереть, говоря, что там, где Фаворский свет, не остается никакой черноты. Рассказывая, он показывал: «Когда загорается этот свет, каждая трещинка на столе светится, а там, где тени, — только более слабый свет».

Все замечания эти были плодом внутреннего духовного опыта отца Нектария. Сейчас, неся служение старца, он делился с людьми своими знаниями. Но переход из уединенной кельи к общественному служению дался ему нелегко. В 1913 году по настоянию отца Венедикта, настоятеля Боровского монастыря и благочинного монастырей, Оптинская братия собралась, чтобы избрать старца. Сначала старчество предложили отцу архимандриту Агапиту, жившему в Оптиной на покое. Это был человек обширных познаний и высокого духа, автор лучшего жизнеописания старца Амвросия, но решительно уклонявшийся и от архиерейства, не раз ему предлагаемого; от старчества он отказался наотрез. Он спасался, имея лишь несколько близких учеников. Одним из них был иеромонах Нектарий. Когда братия стала просить его указать им достойного, он назвал отца Нектария. Тот, по смирению своему, и на соборе братии не присутствовал. Когда его

избрали, послали за ним отца Аверкия. Тот приходит и говорит: «Батюшка, вас просят на собрание». А батюшка Нектарий отказывается. «Они там и без меня выберут кого надо». — «Отец архимандрит послал меня за вами и просит прийти!» — говорит отец Аверкий. Тогда батюшка сразу же надел рясу и как был — одна нога в туфле, другая в валенке — пошел на собрание. «Батюшка, вас избрали духовником нашей обители и старцем», — встречают его. «Нет, отцы и братии. Я скудоумен и такой тяготы понести не могу», — отказывался батюшка. Но отец архимандрит сказал ему: «Отец Нектарий, прими послушание». И тогда батюшка согласился.

Отец Венедикт поддержал этот выбор, но когда отец Нектарий стал уже старцем и поселился в хибарке старца Амвросия, решил испытать его. Приехав в монастырь, он послал сказать ему, что требует его к себе. А батюшка Нектарий не идет: «Я столько лет в скиту живу и никуда не выхожу и идти не способен». Тогда отец Венедикт посылает вторично и велит сказать: «Благочинный монастырей требует тебя к себе». Тут батюшка сразу пришел в монастырь и поклонился отцу Венедикту в ноги, а тот смеется и говорит: «Я — благочинный, тебе в ноги кланяться не стану, а до земли поклонюсь». Потом они стали дружески беседовать.

Но всегда старец говорил о себе: «Ну какой я старец. Как могу я быть наследником прежних старцев! Я слаб и немощен. У них благодать была целыми караваями, а у меня ломтик».

Вспоминая старца Амвросия: «Это был небесный человек и земной Ангел, а я едва лишь поддерживаю славу старчества». С тонким юмором он говорил: «Я — мравий и ползаю по земле и вижу все выбоины и ямы, а братия очень высока — до облак подымается. «О, лениве, пойди ко мравию и поревнуй его житию!» — это сказал не светский писатель, а в церкви читается. Паремии слышали? А кто мы такие — батюшка Анатолий и мы? Только мравки. И вы к нам пришли. А вот Крылов, ваш петроградский библиотекарь, про мравия писал, как к нему стрекоза пришла. Вы знаете?» Батюшка начинает улыбаться, рассказывая конец басни. Однако тут же обращается

к образам, творит краткую молитву и отпускает посетителя: «Вы еще только подходите к первой ступеньке, не поднимались, а только подходите. А еще надо пройти сквозь дверь, и никакими усилиями невозможно в нее войти, если не будет милости Божией. А потому первым делом надо просить: *Милосердия двери, Господи, отверзи ми.* Все испрашивается молитвой! Адам в раю. Заповедь: Возделывай и храни — о молитве. А Адам безпечно только созерцал красоту, он не благодарил Бога». Смирение, любовь к ближним и покаяние батюшка считал важнейшими в духовном пути.

«Положение Иова — закон для всякого человека. Пока богат, знатен, в благополучии, Бог не откликается. Когда человек на гноище, всеми отверженный, тогда является Бог и Сам беседует с человеком, а человек только слушает и взывает: *Господи, помилуй! Только мера унижения разная*».

«Главное, остерегайтесь осуждения близких. Как только придет в голову осуждение, так сейчас же со вниманием обратитесь: *Господи, даруй ми зрети моя согрешения и не осуждати брата моего*».

С умилением старец говорил: «У меня плохо, зато у Благодати хорошо. Тем только и утешаюсь, что у Благодати хорошо. А как дивно хорошо! Когда посмотрю на себя и вижу, что у меня плохо, а у брата хорошо, то и это меня утешает. У меня плохо, сознаюсь. Но у Благодати хорошо и у брата хорошо. А я с братом одной веры. И «хорошо» брата и на меня переходит в Благодати, не мое хорошо, а брата». Здесь поразительны слова об одной вере с братом, ибо это единство веры создает как бы среду для действия Благодати.

Старец много предостерегал приходивших к нему против уклонения от Православия, против «живой церкви» и ложных мистических течений.

О «живой церкви» он высказывался решительно: «Там Благодати нет. Восстав на законного Патриарха Тихона, живоцерковные епископы и священники сами лишили себя Благодати и потеряли, согласно каноническим правилам, свой сан, а потому и совершаемая ими литургия кощунственна». Своим духовным детям старец запрещал входить в захваченные

живоцерковниками церкви; если же в тех церквах находились чудотворные иконы, например Иверская, то заповедал, входя в храм, идти прямо к ней, ни мыслью, ни движением не участвуя в совершающемся там богослужении, и свечи к иконе приносить из дому или из Православной церкви.

Но говорил: если живоцерковники покаются, в церковное общение их принимать. О мистике же он говорил: «Мистика — это многоцветная радуга. Один конец ее упирается в море, другой — в землю, а там что — одна грязь, а у них остается море — высокая область... Что, поняли?» — спросил он слушателей. Образ моря в святоотеческой литературе — это образ неверного, колеблемого, обуреваемого.

Особенно боролся старец с увлечением спиритизмом. «Люди ученые часто увлекаются спиритическими учениями, искренне думая, что этим путем можно найти спасение. Ан — нет! Вот отсюда-то и проистекают болезни».

Быков, бывший когда-то видным спиритом, описал в книге «Тихие приюты» свое посещение старца Нектария и привел слова старца о спиритизме: «О, какая это пагубная, какая это ужасная вещь! Под прикрытием великого христианского учения и через своих слуг-бесов, которые появляются на спиритических сеансах незаметно для человека, он, сатана, сатанинской лестью древнего змея заводит человека в такие ухабы и такие дебри, из которых нет ни возможности, ни сил выйти самому, ни даже распознать, что ты находишься в таковых. Он овладевает через это Богом проклятое деяние человеческим умом и сердцем настолько, что то, что кажется неповрежденному уму грехом, преступлением, то для человека, отравленного ядом спиритизма, кажется нормальным, естественным. У спиритов появляется страшная гордыня и часто сатанинская озлобленность на всех противоречащих им... И, таким образом, последовательно, сам того не замечая — уж очень тонко (нигде так тонко не действует сатана, как в спиритизме!) — отходит человек от Бога, от Церкви, хотя заметьте! — в то же время дух тьмы настойчиво через своих духов посылает запутываемого человека в храмы Божии служить панихиды, молебны, читать акафисты, приобщаться

Святых Таин и в то же время понемножку вкладывает в его голову мысли, что все это ты мог бы делать и сам, в домашней обстановке и с большим усердием, с большим благоговением... И по мере того, как невдумывающийся человек все больше и больше опускается в бездну своих падений, все больше запутывается в сложных изворотах и лабиринтах духа тьмы, от него начинает отходить Господь. Он утрачивает Божие благословение. Если бы он был еще не поврежденным сатаной, он бы прибег за помощью к Богу и святым угодникам, к Царице Небесной, к Святой Апостольской Церкви, к священнослужителям, и те помогли бы ему своими молитвами, а он со своими скорбями идет к тем же духам, к бесам, и они еще больше втягивают его в засасывающую тину греха и проклятия. Наконец от человека совершенно отходит Божие благословение, у него начинается необычайный, ничем внешним не мотивированный развал семьи... от него отходят самые близкие, самые дорогие ему люди... Наконец, когда дойдет несчастная человеческая душа до самой последней ступени своего, с помощью сатаны, самозапутывания, она или теряет рассудок, человек становится невменяемым в самом точном смысле этого слова, или кончает с собой. И хотя говорят спириты, что среди них самоубийства редки, это неправда. Самый первый вызыватель духов — царь Саул, окончил жизнь самоубийством за то, что он не соблюл слова Господни и обратился к волшебнице».

Эти мудрые слова старца Нектария могут быть обращены ко многим ложным мистическим учениям, также запутывающим душу видимостью общения с духовным миром (например, теософия). О других христианских вероисповеданиях старец говорил: «Премудрость создала себе дом на семи столпах. Эти семь столпов имеет Православие. Но у святой Премудрости Божией есть и другие дома — там может быть шесть и менее столпов и соответственно этому различные ступени благодатности». Он говорил: «В последние времена мир будет опоясан железом и бумагой. Во дни Ноя было так: потоп приближался. О нем знал Ной и говорил людям, а те не верили. Он нанял рабочих строить ковчег, а они, строя ковчег, не

верили, и потому за работу свою они лишь получали установленную плату, но не спаслись. Те дни — прообраз наших дней. Ковчег — Церковь. Только те, что будут в ней, спасутся».

— А миллионы китайцев, индусов, турок и других не христиан?

Старец отвечал так: «Бог желает спасти не только народы, но и каждую душу. Простой индус, верящий по-своему во Всевышнего и исполняющий, как умеет, волю Его, спасется, но тот, кто, зная о христианстве, идет буддистским путем или делается йогом, — не мыслю».

О софийности в душе человеческой старец говорил, что она возгорается, когда душа воззовет к Богу: «Отец мой и вождь девства моего!» Тогда Бог душе блудницы возвращает девственность и она становится «невестой Христовой, сестрой Слова».

Старец определял духовный путь как «канат, протянутый в тридцати футах от земли. Пройдешь по нему — все в восторге, а падешь — стыд-то какой!».

С тихим вздохом сказал однажды старец: «Общественная жизнь измеряет годы, века, тысячелетия, а самое главное: *И бы́сть ве́чер, и бы́сть утро, день един* (Быт. 1, 5). Бывает в движении сужение и расширение, но, сколько бы человек ни прожил, все так будет: *И бы́сть утро, и бы́сть вечер, день един*. Самое твердое — камень, самое нежное — вода, но капля за каплей продалбливает камень. Человеку даны глаза, чтобы он глядел ими прямо».

Он говорил о великой постепенности духовного пути, о том, что «ко всему нужно принуждение. Вот если подан обед и вы хотите покушать и слышите вкусный запах, все-таки сама ложка вам не поднесет кушанья. Нужно понудить себя встать, подойти, взять ложку и тогда уже кушать. И никакое дело не делается сразу — везде требуется пождание и терпение».

«Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила, а не он ей», то есть человек не должен делаться рабом своих обстоятельств, не должен приносить свое внутреннее в жертву внешнему. «Служа жизни, человек теряет соразмерность,

работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоразумение, он и не знает, зачем живет. Это очень вредное недоумение, и часто бывает: человек, как лошадь, везет и везет, и вдруг на него находит такое... стихийное препинание».

Батюшка разъяснял символы пеликана и феникса. «Пеликан кормит своей кровью птенцов — это символ Божественной Благодати. Феникс предчувствует, что приближается смерть его. Тогда он собирает в кучку щепочки, веточки и садится на нее. От жара его тела развивается такая теплота, что костер зажигается, и сам он на этом очистительном костре сгорает и тогда, очистившись в огне, из пепла возрождается вновь в юности и красоте».

Об этом очистительном духовном пламени рассказал однажды старец Нектарий, по-своему истолковывая роман английского писателя Хаггарда «Она»:

«В фантастическом романе этом рассказывается о волшебнице, жившей несколько тысячелетий и сохранявшей молодость и красоту, потому что она окунулась в пламенный источник жизни, сокрытый в горной пещере. Полюбив обыкновенного юношу, она захотела дать такую же красоту и бессмертие своему избраннику и, когда тот испугался огненной волны, дерзновенно вошла в нее вторично, чтобы показать, что пламя это безопасно, и была наказана мгновенным превращением в дряхлую старуху и смертью».

Батюшка подробно изложил историю таинственной и недосягаемой пещеры, где время от времени раздается гром, потом треск, а потом вырывается необычайный свет, и, кто входит в этот свет, получает молодость и красоту. «Хаггарду было попущено дать надписание в мир, чтобы часть знания об этом свете была в мире». Слушатели недоумевали и вечером спрашивали друг друга — какой общий смысл этого батюшкиного поучения. Наутро, когда они пришли к старцу за благословением, тот встретил их словами: «Общий смысл — «Господи!» — раздается гром, «Иисусе Христе» — треск, «Сыне Божий» — появляется свет, «Помилуй мя, грешного!» — душе, если она хочет (тут есть полная свобода), позволяется вступить в этот свет и получить в нем обновление,

а состариться душа может за одну неделю, а иногда и в один день. Бывает, что сам Свет приходит к человеку. Так Мария Египетская рассказала Зосиме. Она лежала, как труп, в пустыне, и к ней явился таинственный тихий свет».

В этот же день вечером старец говорил: «Человек принадлежит двум мирам — видимому и невидимому. Человек состоит из тела физического, душевного и духовного — умного. Тело дано ему для удобства — спутником душе, чтобы обращаться в видимом мире. Мир видимый отражается в мире невидимом, и обратно. И такая пещера, о которой рассказал писатель, существует в сердце человека, только не каждому человеку дано спуститься в эту пещеру. Бывают люди, которые никогда туда не спускаются, ибо она окружена всяческими опасностями и обрывами. Гром раздается для устранения нечистых духов, а иногда и самой души. Треск — явление Спасителя, ибо как бы разъялся видимый привычный мир. А когда вспыхнет свет, душе дозволяется в него войти не один, а даже несколько раз, и она получает молодость, красоту и безсмертие. Она в романе Хаггарда потеряла эти дары, войдя вторично неблагоговейно в доказательство, что этот огонь не опасен, а он и сжигает, этот огонь».

Старец заповедал ученикам своим никогда самовольно не заниматься Иисусовой молитвой; он говорил о ней: «Знай, что сначала тебе будет очень тяжело и трудно, ведь надо войти в свою душу, а там такой тебя встретит мрак, и только потом — не скоро — забрезжит свет, и надо ждать, и принять много скорби».

Батюшка много, с любовью говорил о молитве. «Молитвой, словом Божиим, всякая скверна очищается. Душа не может примириться с жизнью и утешается лишь молитвой. Без молитвы душа мертва перед благодатью. Многословие вредно в молитве, как апостол сказал. Главное — любовь и усердие к Богу. Лучше прочесть один день одну молитву, другой — другую, чем обе зараз. Одной-то будто бы и довольно».

Это не значит, что старец ограничивал молитвословие или ежедневное правило одной молитвой. Он говорил о мере

новоначальных, которые имели силу сосредоточиться только на одной молитве, а другие читали рассеянно. Это — снисхождение к немощи, что старец и проявил дальнейшим примером. «Спаситель взял Себе учеников из простых, безграмотных людей. Позвал их — они все бросили и пошли за Ним. Он им не дал никакого молитвенного правила — дал полную свободу, льготу, как детям. А Сам Спаситель, как кончал проповедь, уединялся в пустынное место и молился. Он Своих учеников Сам звал, а к Иоанну Крестителю ученики приходили по своему желанию — не звал их Креститель, а к нему приходили. Какое он им давал правило, это осталось прикровенным, но молиться он их научил. И вот, когда ученики Иоанновы пришли к Спасителю, они рассказали апостолам, как они молятся, а те и спохватились — вот ученики Иоанновы молятся, а наш добрый Учитель нам ни полслова не сказал о молитве, и так серьезно к Нему приступили, как бы с укором, — что вот ученики Иоанновы молятся, а мы нет. А если бы ученики Иоанновы не сказали им, то они бы и не подумали об этом, — заметил старец, поглядывая на одну послушницу, которая попросила у него молитвенного правила, узнав, что другим ученикам старец такое назначает. — А Спаситель им сице: «Отче наш...» И так их и научил, а другой молитвы не давал».

«Есть люди, которые никогда не обращаются к Богу, не молятся, и вдруг случается с ними такое — в душе тоскливо, в голове мятежность, в сердце — грусть, и чувствует человек, что в этом бедственном положении ему другой человек не поможет. Он его выслушает, но бедствия его не поймет. И тогда человек обращается к Богу и с глубоким вздохом говорит: Господи, помилуй! Казалось бы, довольно нам в молитве сказать один раз «Господи, помилуй», а мы в церкви говорим и три, и двенадцать, и сорок раз. Это за тех страдальцев, которые даже не могут вымолвить «Господи, помилуй», и за них говорит это Церковь. И Господь слышит, и сначала — чуть-чуть благодать, как светоч, а потом все больше и больше, и получается облегчение». Одному духовному сыну батюшка сказал: «Аз возжегох вам светильник, а о фитиле вы позаботьтесь сами».

О Шестопсалмии. «Шестопсалмие надо читать не как кафизмы, а как молитвы. Значение Шестопсалмия очень велико: это молитва Сына к Богу Отцу».

Батюшку спрашивают, как молиться о тех, о ком неизвестно, живы ли они. «Вы не ошибетесь, если будете молиться, как о живых, потому что у Бога все живы. Все, кроме еретиков и отступников. Это мертвые. Так, если угодно, и поминайте о них, как мертвечине». «Вот вам наказ: когда готовитесь к Святому Причащению, поменьше словесности и побольше молитвенности».

Одна женщина говорит старцу: «Батюшка, сильно раздражаюсь», а он отвечает: «Как найдет на тебя раздражение, тверди только: Господи, помилуй. Ищи подкрепления в молитве и утешения в работе».

Старик-возчик Тимофей падает перед батюшкой на колени. Лицо у Тимофея все преображено верой, умилением и надеждой: «Батюшка, дайте мне ваше старческое наставление, чтобы ваш теплый луч прогрел мою хладную душу, чтобы она пламенела к горнему пути». После этой мудреной фразы он просто говорит: «Батюшка, у меня слез нет!» А старец с чудесной улыбкой наклоняется к нему: «Ничего, у тебя душа плачет, а такие слезы гораздо драгоценнее телесных».

Сам старец молился с детской верой и простотой, иногда простирая к образам руки.

Одна его духовная дочь рассказывала, что долго сидела у него и беседовала. Потом он отпустил ее. Уходя, она обернулась и увидела, что он стремительно двинулся в угол к иконам, простирая к ним руки. Она незаметно вышла. Исповеди у него — самое прекрасное и страшное, что она видела в жизни. Она всегда знала, что и без ее слов он знает не только то, что она скажет, но и то, что еще не дошло до ее сознания. Он был очень строг на исповеди, указывал на духовное значение помыслов, а не только дел. Иногда же он был ласков, даже шутил. Так, он однажды дал читать исповедь по книге. Исповедница на одном месте остановилась. «Ты что?» — «Я думаю, грешна я этим или нет». — «Ну подумай! А то ты, может быть, вычеркнешь это в книжке». И улыбка.

Очень хорошо рассказывала об исповеди у него одна женщина, которая не исповедовалась с юности, от Церкви была далека, даже не отдавала себе отчета, верит она или нет, и к старцу попала, лишь сопровождая больного мужа. Старец произвел на нее большое впечатление, и, когда он предложил ей исповедаться, она согласилась. «Вхожу я, — рассказывает она, — а он подводит меня к иконам: «Стань здесь и молись!» Поставил ее, а сам ушел к себе в келью. Стоит она и смотрит на иконы. И не нравятся они ей — нехудожественны они, и даже лампадка кажется ей никчемной. В комнате тихо. Только за стеной батюшка ходит. Шелестит чем-то. И вдруг начинает находить на нее грусть и умиление, и невольно, незаметно начинает она плакать. Слезы застилают ей глаза, и уже не видать икон и лампадки, и только радужное облако перед глазами, за которым чудится Божие присутствие. Когда вышел батюшка, стояла она вся в слезах. «Прочти „Отче наш“». Кое-как, запинаясь, прочла. «Прочти „Символ веры“». — «Не помню». Сам старец стал читать и после каждого члена спрашивает: «Веришь ли так?!» На первые два ответила: «Верю». Как дело дошло до третьего члена, то сказала, что ничего здесь не понимает и ничего к Богородице не чувствует. Батюшка укорил ее и велел молиться о вразумлении Царице Небесной, чтобы Та Сама ее научила, как понимать «Символ веры». И про большинство других членов «Символа веры» женщина эта говорила, что не понимает их и никогда об этом не думала, но плакала горько и все время ощущала, что ничего скрыть нельзя и безсмысленно было бы скрывать и что вот сейчас с ней как бы прообраз Страшного суда, а батюшка о личных грехах спрашивал ее, как ребенка, так, что она стала отвечать ему с улыбкой сквозь слезы, а потом отпустил ей грехи с младенчества до сего часа.

Однажды одна его ученица на время отошла от него, уехала, но молча очень без него тосковала; ее подруга сказала старцу: «Она очень одинока сейчас». — «А что, она причащается?» — спросил старец. «Да!» — «Тогда она не одинока».

О преодолении безпричинного страха он говорил: «А ты

сложи руки крестом и три раза прочитай «Богородицу», и все пройдет». И проходит.

Отпуская однажды в скиту осенним вечером духовных детей своих, он сказал: «Ночь темна для неверного. Верным же все в просвещение».

Он говорил: «Не бойся! Из самого дурного может быть самое прекрасное. Знаешь, какая грязь на земле, кажется, страшно ноги запачкать, а, если поискать, можно увидеть бриллианты — вот тебе, твою шею украсить».

Батюшка строг, требователен, иногда ироничен с духовными лицами и с интеллигенцией и необыкновенно добр с простыми людьми и доступен им.

Один старик-крестьянин рассказывал: «Пропал у меня без вести сын на войне. Иду к батюшке. Он меня благословляет; я спрашиваю, жив ли сын мой. Как скажешь нам молиться за него — мы уже за упокой подавать хотели. А он так прямо мне: «Нет, жив сын твой, отслужи молебен Николаю Чудотворцу. И всегда за здравие поминай сына». Я обрадовался, поклонился, рублик положил ему на свечи. А он так смиренно тоже поклонился мне в ответ».

Батюшка с простотой давал деньги. Однажды одной духовной дочери нужны были деньги. Она попросила у старца. Он вынес с улыбкой скомканную пачку: «Вот, сосчитай эти тряпочки».

Он говорил, что милостыню надо подавать с рассуждением, а то можно повредить человеку.

Келейник его рассказывал, что он всегда хотел подробно знать нужду человека, зря не любил давать, а если давал, то щедро, на целые штиблеты или даже на корову или лошадь.

Особенно внимателен был батюшка к более грешным посетителям или восстающим против него своим духовным детям. Тот же келейник говорил, что он «девяносто девять праведных оставлял, а одну [овцу] брал и спасал».

В периоды непослушания и возмущения он был отечески ласков, звал не по имени, а «чадо мое», «овечка моя» — и возмущение стихало, потому что самая возмущенная и упрямая душа чувствовала искренность этой великой любви,

о которой старец сказал однажды сам: «Чадо мое! Мы любим той любовью, которая никогда не изменяется. Ваша любовь — любовь-однодневка, наша и сегодня и через тысячу лет — все та же».

Однажды духовная дочь спросила старца: должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить их страдания и утешить. Он ответил: «Ты сама поняла, поэтому я скажу тебе — иначе облегчить нельзя. И вот чувствуешь иногда, что на тебя легла словно гора камней — так много греха и боли принесли к тебе, и прямо не можешь снести ее. Тогда к немощи твоей приходит Благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев, и можешь принимать сначала».

Многие считали батюшку Нектария прозорливцем, каждое движение его истолковывалось символически. Иногда это очень тяготило его. Однажды он рассказал такой случай: «У меня иногда бывают предчувствия, и мне открывается о человеке, а иногда — нет. И вот удивительный случай был. Приходит ко мне женщина и жалуется на сына, ребенка девятилетнего, что с ним нет сладу. А я ей говорю: «Потерпите, пока ему не исполнится двенадцати лет». Я сказал это, не имея никаких предчувствий, просто потому, что по научности знаю, что в двенадцать лет у человека часто бывают изменения. Женщина ушла, я и забыл о ней. Через три года приходит эта мать и плачет — умер сын ее, едва исполнилось ему двенадцать лет. Люди говорят, что вот батюшка предсказал, а ведь это было простым рассуждением моим по научности. Я потом всячески проверял себя, чувствовал я что-нибудь или нет. Нет, ничего не предчувствовал». Иногда же батюшка так же прямо говорил: «Тебе это прикровенно, а я знаю».

В нем была прекрасная человеческая простота, умная проницательность, мягкий юмор. Даже в глубокой старости он умел смеяться заливистым детским смехом. Он очень любил животных и птиц. У него был кот, который его необыкновенно слушался, и батюшка любил говорить: «Старец Герасим

был великий старец, потому у него был лев. А мы малы — у нас кот» — и рассказывал замечательную сказку о том, как кот спас Ноев ковчег, когда нечистый вошел в мышь и пытался прогрызть дно. В последнюю минуту кот поймал эту зловредную мышь, и за это теперь все кошки будут в раю. Эта шутливость была свойственна батюшке. Как бы исполняя слово святого Антония Великого, что нельзя без конца натягивать тетиву лука, старец Нектарий перемежал наставления свои и требования легкой шуткой, передачей исторического анекдота или сказкой. Рассказывал он всегда подробно, живо, со всеми деталями, как будто сам являлся участником или очевидцем события, даже события из Священной истории. Неиссякаемы были его рассказы из жизни Оптиной, о славных старцах, мудрых архимандритах и скитоначальниках, о необходимости свято до конца соблюдать старческие заветы. По возрасту батюшка был один из старейших насельников Оптиной и являлся как бы живой летописью ее.

В высшей степени в нем была развита духовная трезвость — никакой экстатичности, никакой наигранности чувств, никакой сентиментальности в христианской любви к людям. Сам — глубокий аскет, он с любовью благословлял своих духовных детей на брак и говорил о светском воспитании детей. Когда некоторых родителей смущал антирелигиозный характер советской школы, старец говорил: «Ведь ваши дети будут советскими гражданами; они должны учиться в общегосударственных школах. А если вы хотите сохранить в них христианство, пусть они видят истинно христианскую жизнь в семье».

Он говорил приходящим к нему людям искусства: «Любите земные луга, но не забывайте о небесных».

Высоко ставил он человеческий труд. Когда одна духовная дочь его сокрушалась, как она будет жить после его смерти, без его руководства, он сказал: «Работай! В работе незаметно пройдут годы».

О его обращении, о его речи пишет покойный ученик его отец А.: «Батюшкина беседа! Что перед ней самые блестящие лекции лучших профессоров, самые прекрасные проповеди!

Удивительная образность, картинность, своеобразность языка. Необычайная подробность рассказа (каждый шаг, каждое движение описывается с объяснением. Особенно подробно изъясняются тексты Священного Писания). «Вся наша образованность — от Писания», — говорил о себе батюшка. Каждое слово рассматривается со всех сторон. Легкость речи и плавность. Ни одного слова даром, как будто ничего от себя. Связность и последовательность. Внутренний объединяющий смысл не всегда сразу понятен. Богатство содержания, множество глубоких мыслей. Над каждой из них можно думать год. Это жемчужная нитка, которой не видно, да и нет конца. Живой источник живой воды. Вся беседа чрезвычайно легко и воспринимается и запоминается. Часто принимает оттенки светской шутливости. Например, в рассказе о том, как человечество впервые (в лице Евы) услышало слово «Бог», батюшка говорил, что у Евы в полдень явилось желание подкрепиться, как это свойственно нашему естеству. И вот ходит она по раю и выбирает, какой плод сорвать. При этом путь ее случился как раз мимо древа познания. Она проходила мимо так близко — рукой подать, хотя и было запрещено не только рвать плоды, но и подходить близко. А враг-то как раз и воспользовался этим...»

Старец Нектарий скончался в глубокой старости 12 мая 1928 года в селе Холмищи Брянской области, куда переехал после закрытия Оптиной. Перед смертью он исповедался и причастился. При кончине его присутствовал один священник — его духовный сын, который прочел отходную. В момент смерти он поднял над умирающим старцем свою епитрахиль. Батюшка Нектарий умирал тихо, весь в слезах.

Смерть свою он предчувствовал и прощался со своими близкими еще за два месяца, давал им последнее благословение и наставление, передавал их тому или иному духовнику.

Хоронили его в светлый весенний день, несли с пасхальными песнопениями, и великая радость была на сердце у плачущих детей его.

Похоронен он был на местном кладбище в Холмищах... Память о последнем Оптинском старце жива и светла.

Выписки из записок Н. Павлович, сделанные митрополитом Вениамином (Федченко)

Батюшка крещен в Ельце, в церкви преподобного Сергия; служил он потом приказчиком у купца Хамова. Мать звали Елена. Отца — Василием. Фамилия: Тихоновы. Крестные: Николай и Матрона.

Батюшка стал старцем в 1913 году.

* * *

В первый раз я увидела старца Нектария в июне. Тогда это был старец с чудесным лицом: то невероятно древним — тысячелетним, то молодым — лет сорока. Черты лица правильны; из-под шапочки выбиваются длинные, редкие пряди волос... Длинные пальцы; походка скользящая, словно он мало касается земли, — и вместе старческая. Очи его небольшие. Такая в них мысль, ясность, иногда любовь.

К 1925 году старец одряхлел, согнулся; ноги страшно отекли, сочатся сукровицей (это следствие безконечных стояний на молитве). Лицо его утратило отблеск молодости. Это все вернулось к нему только во время предсмертной болезни (я видела его за два месяца до смерти). Он очень ослабел... Часто засыпал среди разговора.

* * *

В 1921 году умер близкий мне человек... Мне нужен был учитель, который спас бы меня от прелести. Я молилась. В тот день пришли ко мне (знакомые) и рассказали об отце Нектарии. Я написала ему письмо. Тогда же я увидела его во сне, и сон этот произвел на меня глубокое впечатление. Я видела, что я и другие люди стоим в какой-то комнате и ждем выхода старца Нектария.

...Наконец проходит он; я запоминаю его лицо; и все мое

существо стремится за ним. Потихоньку я иду за ним в другую комнату. Там стоят столы, и монахи рассаживаются и пьют чай. Я чувствую себя недостойной, забиваюсь в угол и оттуда со слезами гляжу на трапезующих. Предо мной как бы развертывается вся моя жизнь, а выйти из своего угла из-за шкафа просто невозможно. И когда я дохожу до какой-то предельной точки этого горького сознания, отец Нектарий встает, подходит ко мне, берет меня за руку, ведет к столу, усаживает рядом с собой и начинает поить меня чаем.

Проснувшись, я как-то затаила в себе сон.

* * *

В июне 1922 года ко мне пришел неверующий литератор О., не знавший ничего вообще о моей духовной жизни, не говоря уже о моем обращении к старцу, и предложил мне написать книгу об Оптиной. Я сначала отказывалась, ссылаясь на незнакомство с предметом.

— Поезжайте туда, чтобы писать на месте.

— У меня нет денег.

— Вот вам аванс.

Это было настолько удивительно, что я больше не посмела отказываться. Приезжаю в Оптину.

* * *

Отец Нектарий вышел в хибарку на благословение. Я его сразу узнала: я видела его во сне.

* * *

Наконец старец говорит:

— Нет, хорошо, что вы приехали. Это — Божий Промысл. Оставайтесь здесь и пишите книгу.

Молчание. И вдруг лицо его загорается и делается строгим:

— Вы верите в Бога?

— Да.

— Вы хотите у меня исповедоваться?

— Да.

— Идите сейчас в церковь. Там идет повечерие, через полчаса возвращайтесь ко мне на исповедь. Вы обедали?

Я ела в тот день скоромное.

Прихожу через полчаса. Я была в каком-то безконечном восторге. Я не знала, как сложатся мои отношения со старцем; я видела только необыкновенное обаяние этого человека, и я узнала в нем того, кого видела во сне. После исповеди он был очень ласков со мной и сказал (не помню: теперь или в конце исповеди) после долгого молчания:

— Да, грешна, но дух истинно христианский.

...После я при всех сказала ему: «Простите меня».

Тогда он положил руку мне на голову и сказал три раза: «Все прощено».

* * *

Вся маленькая приемная его была залита послеобеденным солнцем, и в ней стояла чудная тишина. Я чувствовала, что погружаюсь в какую-то неизъяснимую радость.

Я осталась жить в Оптиной.

* * *

Некто Ф., бывшая курсистка математического факультета, пришла к отцу Нектарию и осталась там. Она с детства была ясновидящей; у них в семье наследственное ясновидение. Демонов она видела совершенно запросто, в любое время дня и ночи и в любой обстановке. Часто мы сидим с ней, а она говорит:

— Н., вот демон.

Я — в ужасе:

— Где?

— А вот там, — показывает.

Я — в панике, но с любопытством:

— А какой у него вид?

Облики демонов бывали разные — в виде рыбы, в виде кошки, в виде красной пьяной морды и так далее. Я пошла к батюшке и рассказала ему. Он в ответ:

— А ты не бойся.

Я и перестала бояться и с тех пор относилась к Ф-м виде-ниям спокойно. Мне самой нечистую силу пришлось видеть только раз за это время. Я сидела в хибарке — там, где икона «Достойно», — на ступеньках, ведущих в комнаты старца, спиной к его двери. Хибарка была полна. Никакого ожидания чего-либо сверхъестественного у меня не было, и время было не позднее — часов около шести вечера.

Вдруг я вижу — из-за моего правого плеча выбегает синева-тая змейка вроде медленной молнии, проскользнет, скроется и опять выбегает. Я изумилась и стала тереть глаза, думая, что это какое-то странное физическое явление. Нет, не помо-гает. А перекреститься мне стыдно: ну чего я буду — этак, лицом к народу — креститься? Змейка все быстрее и как бы наглее вьется сбоку от меня. «Хоть бы батюшка вышел!» — думаю я.

Нет, не идет. А меня уже начинает охватывать неприятное чувство. Тогда я перекрестилась потихоньку — опять стесня-ясь этого. Еще хуже! Передо мной — уже прямо передо мной, на уровне лица моего — загорается тем же синевато-золотым пламенем звездочка и начинает лихо отплясывать; ее движе-ния были одушевленны, задорны и торжествующи. Тогда я не выдержала и перекрестилась большим открытым крестом. Все мгновенно исчезло.

Через минуту дверь открылась, вышел батюшка, благосло-вил всех и позвал меня к себе. Я ему рассказала о виденном и спросила его, что это было все-таки: физическое или же ду-ховное явление?

Он, улыбаясь, сказал:

— Нет, духовное.

И прибавил, что это мне за что-то наказание; только не помню сейчас — за что.

* * *

Как-то я спрашивала его: можно ли надеяться на соедине-ние Церквей? Он ответил:

— Нет! Это мог бы сделать только Вселенский Собор; но Собора больше не будет. Было уже семь Соборов, как семь

Таинств, семь даров Духа Святаго. Для нашего века полнота числа — семь. Число будущего века — восемь. К нашей Церкви будут присоединяться только отдельные личности.

* * *

Батюшка приучал меня всячески к терпению. Любимая его поговорка: «Всюду нужно терпение и пождание».

Учил он терпеть, заставляя ждать приема целыми часами, а иногда — и днями.

Зато какое бывало счастье, когда примет! Очень хорошо было бывать у него во время повечерия. Это были часы его отдыха. Он не любил в это время отвечать на вопросы и сам не говорил. Бывало, он сидит в кресле и молча молится или дремлет — а молчание его всегда было прекраснее и выше слов, — или просит читать ему вслух. И никто в этот час не входит в келью, не безпокоит его...

* * *

Бремя старчества страшно и тяжко. И быть старцем каждую секунду непосильно человеку. Старца окружает великая любовь народная, но — и требовательность. Каждое движение его истолковывается символически. Я видела, как люди плакали, если он попросту ласково угощал конфетами: дескать, если он дает конфету, значит, меня ждет горе! Много конфет я съела из его рук, и никакого горя не следовало за этим. И батюшка иногда изнемогал под этими суеверными отношениями к нему, — не говоря уже о тяжести самого старческого подвига.

Однажды я спросила его, должен ли он брать на себя страдания и грехи приходящих к нему, чтобы облегчить их и утешить. Он сказал:

— Да. Ты сама поняла; поэтому я скажу тебе: иначе облегчать нельзя. И вот чувствуешь иногда, что на тебе словно гора камней — так много греха и боли принесли к тебе; и прямо не можешь снести ее. Тогда приходит благодать и разметывает эту гору камней, как гору сухих листьев; и можешь принимать сначала.

О суеверном же отношении к нему он сам говорил:

— У меня иногда бывают предчувствия, и мне открывается о человеке. А иногда — нет. И вот удивительный случай был. Приходит ко мне женщина и жалуется на сына — ребенка девятилетнего, — что нет с ним сладу. А я ей говорю: «Потерпите, пока ему не исполнится двенадцать лет». Я сказал это, не имея никаких предчувствий; просто потому, что по научности знаю, что в двенадцать лет у человека бывает изменение. Женщина ушла. Я и забыл об этом. Через три года приходит эта мать и плачет: умер сын ее, едва ему исполнилось двенадцать лет. Люди, верно, говорят, что вот батюшка предсказал. А ведь это было простым рассуждением моим — по научности. Я потом всячески проверял себя: чувствовал или нет? Нет, ничего не предчувствовал.

* * *

— Чадо мое! Мы любим той любовью, которая никогда не изменяется. Ваша любовь — однодневка; наша — и сегодня, и через тысячу лет все та же... Но не говори никому, что я люблю тебя. Иначе — не взыщи.

Потом он меня отпаивает чем-то, чаем, кажется; благословляет и отпускает. И я, конечно, уже не хочу уехать из Оптиной.

Иногда я прихожу к нему злая и капризная. Тогда он особенно нежен со мной и уже зовет меня не Н., а «чадо мое»... Раз назвал «моя овечка». Иногда он дразнит меня, как ребенка, и с ним я действительно чувствую себя ребенком. Нет ни Москвы, ни моего писательства, есть только эта, увешанная образами, сияющая, душная келья — и этот дивный мой отец: уже не «батюшка», а «дорогой мой отец».

* * *

Холмищи. Вечер. Красная полоска заката.

Батюшка сидит в своем кресле... Он безконечно ласков со мной, но мне скучно. Все, что он говорит, скучно и неинтересно. Самый воздух его комнаты душен от скуки. И со скукой и ленью я повторяю:

— Что же, вы меня возьмете с собой (в рай)?

Батюшка:

— Но ведь там, где буду я, тебе будет «скучно».

* * *

Оптина. Осень. Последняя горсточка муки приходит к концу, последние деньги тратятся. Мне нужно ехать на заработки в Москву, но мне не хочется уезжать от старца... Вдруг с почты мне подают денежную повестку.

Когда я прихожу в себя, батюшка дает мне читать о том, как апостол Иоанн пошел в горы за заблудшим учеником своим; и еще о том, что, если бы Господь счел нужным, Он мог бы каждую морскую гальку превратить в драгоценный камень и дать любящим Его, но не делает этого, ибо это им не полезно.

* * *

Но бывают дни, когда старец страшен и суров. В хибарке неутешно плачет женщина. У нее один за другим умирают дети. Вчера она схоронила последнего. Старец выходит на общее благословение, проходит по рядам. Женщина с плачем падает ему в ноги. Он, не останавливаясь, с каменным лицом бросает ей:

— Это наказание за грехи.

* * *

В Оптиной была девица, самовольно юродствовавшая. Она, сидя в хибарке, пела мирские песни, безсмысленно смеялась, иногда ругалась. Старец благословлял пришедших к нему. Девица стояла, ожидая благословения. Вдруг он поднял руку с грозным отстраняющим жестом и, пятясь, безконечно медленно стал отступать от нее — все время с поднятой рукой. Когда он скрылся за своей дверью, девица упала в судорогах.

Страшное впечатление оставила во мне еще одна история. После Рождества я поехала из Оптиной в Москву. Одна монахиня, матушка А., при мне просила батюшку, чтобы он позволил мне привезти с собой в Оптину ее больную слепую

сестру, которая находилась в то время в одной московской богадельне. Батюшка не благословил, он только велел мне навестить ее, передать посылку от матушки А., и попросить отца С., чтобы тот причастил больную. Я поехала в богадельню. Среди грязной палаты я увидела худенькую измученную женщину, по которой ползали вши. Когда я назвала ей имя отца Нектария, на лице ее отразился дикий ужас, как у затравленного животного. И она испуганно спросила меня. Я, как могла, ее утешила и успокоила и сказала, что на днях к ней приедет отец Сергий и причастит ее. Когда я вернулась в Оптину, батюшка сказал:

— Видишь ли, она два раза спрашивала меня, как ей жить. Я благословил ей идти в монастырь, но она не послушалась меня и, вот видишь, ослепла. — А затем, обернувшись к матушке Анне (сестре болящей), прибавил: — Она скоро умрет, но перед смертью прозреет, и последние дни будет очень хорошо жить, а похоронят ее самым лучшим образом.

И действительно, так и случилось... Умерла она в том же году.

* * *

Молитвой и словом Божиим всякая скверна очищается.

Душа не может примириться с жизнью и утешается лишь молитвой.

Без молитвы душа мертва для благодати.

Многословие вредно в молитве, как апостол сказал (см.: 1 Кор. 14, 19; ср.: Мф. 6, 7). Главное — любовь и усердие к Богу. Лучше прочесть в день одну молитву, другой день — другую, чем обе зараз. Одной-то и довольно. Спаситель взял Себе учеников из простых безграмотных людей; позвал их — они все бросили и пошли за Ним. Он им не дал никакого молитвенного правила, дал им полную свободу — льготу, как детям. Днем — работа духовная, а вечером — спать. А Сам Спаситель, когда кончал проповедь, уединялся в пустынное место и молился... И вот когда ученики Иоанновы пришли к Спасителю, они рассказали апостолам, как они молятся. А те и спохватились: вот ученики Иоанновы молятся, а наш

добрый Учитель нам ни полслова не сказал о молитве... А если бы им ученики Иоанновы не сказали, то они бы и не подумали об этом... Вот тогда Спаситель сказал им еще: «Отче наш»... И так их и научил, а другой молитвы не давал им.

Как-то я говорю батюшке, что временами испытываю страх, часто безпричинный.

— А ты сложи руки крестом и три раза прочитай «Богородицу», и все пройдет.

И проходит.

Я помню комнату в Холмищах. Лампада и свеча пред образами. Я вхожу — он в епитрахили сидит в кресле... Вдруг он со стоном подымается и показывает мне, чтобы я шла за ним к образам... Вынести этот страдальческий стон его (вставшего с постели из-за меня) невозможно: и с ужасом... поддерживаю, когда он идет. А там, пред образами, границы миров совсем стираются. Я чувствую, как оттуда надвигается волна Божиего присутствия, — а батюшка рядом со мной — приемник этой волны. Я становлюсь на колени немножечко позади него, не смотрю на него и только — или держусь за его руку, или за ряску.

* * *

Приезжает N.N... Помню изумительный вечер. Он сам заговорил о Фаворском свете:

— Это такой свет, когда он появляется, все в комнате им полно — и за зеркалом светло, и под диваном (батюшка при этом показал и на зеркало, и на диван), и на столе каждая трещинка изнутри светится. В этом свете нет никакой тени; где (должна быть) тень — там смягченный свет. Теперь пришло время, когда надо, чтобы мир узнал об этом свете.

Еще раньше батюшка благословил Л. написать икону Преображения — для Германии, говоря: «Ваш образ будет иметь действие сначала на мысли, а потом — и на сердце». Л. написал чудесный по краскам образ, но эффект сияния этого белого света достигался тем, что на первом плане подымались черные узловатые деревья. Увидев их, батюшка приказал их стереть: ничто не должно омрачать такого светлого

проявления. И Л., плача, стер. Тогда батюшка не объяснил, ни почему он приказывает стереть деревья, ни каков должен быть Фаворский свет. И вот теперь — через три года — он заговорил об этом.

Говорил он нам о незримой физическому взору красоте; как под видом нищего старика однажды явился Ангел. И лик батюшки был так светел и прекрасен во время этих рассказов, что мы не смели глядеть на него: казалось, в любую минуту может вспыхнуть этот дивный свет.

* * *

Он говорил нам и о послушании. Хвалил N. за то, что она приняла послушание, и говорил, что это важнейшее приобретение в жизни, которое она сделала. Самая высшая и первая добродетель — послушание. Это — самое главное приобретение для человека. Христос ради послушания пришел в мир. И жизнь человека на земле есть послушание Богу.

В послушании нужно разумение и достоинство.

Человеку дана жизнь на то, чтобы она ему служила, а не он — ей. Служа жизни, человек теряет соразмерность, работает без рассудительности и приходит в очень грустное недоумение: он и не знает — зачем он живет. Это — очень вредное недоумение: и оно часто бывает. Он, как лошадь, везет и... вдруг останавливается; на него находит такое стихийное препинание.

Бог не только разрешает, но и требует от человека, чтобы он возрастал в познании.

* * *

Надо творить милостыню с разумением (рассуждением), чтобы не повредить человеку.

* * *

Застенчивость по нашим временам — большое достоинство. Это не что иное, как целомудрие. Если сохранить целомудрие — а у вас, у интеллигенции, легче всего его потерять — все сохранить.

* * *

Он говорил:

— Не бойся! Из самого дурного может быть самое прекрасное. Знаешь, какая грязь на земле: кажется, страшно ноги запачкать; а если поискать, можно увидеть бриллианты.

* * *

О народе. Про одного крупного русского человека он сказал: «Для него необходимо Православие, а то он оторвется от русской души».

N. и N. жаловались батюшке на крестьян, что с ними очень трудно.

— Вы с ними, верно, на иностранных языках говорите. С ними надо по-русски говорить. Русская словесность — это целая научность.

...Я с горечью говорю батюшке:

— Вам не дорога русская культура.

— Мы отреклись не только от культуры, но и от самих себя; но все же русская культура дорога нам. Но если нет жизни, не может быть и культуры.

* * *

Заниматься искусством можно так же, как столярничать или коров пасти; но все это надо делать как бы пред Божиим взором.

Но есть и большое искусство — слово, убивающее и воскрешающее (псалмы Давида): путь к этому искусству — через личный подвиг, путь жертвы; и один из многих тысяч доходит до цели.

Все стихи мира не стоят одной строчки Священного Писания.

* * *

Пушкин был умнейший человек в России, а собственную жизнь не умел прожить.

Про Ходасевича, слушая «Тяжелую меру», сказал: «Вот умница».

О Блоке. Нравились стихи о Прекрасной Даме и «Итальянские стихи».

— Он теперь в раю. Скажи его матери, чтобы она была благонадежна.

Проявлял большой интерес к Хлебникову.

Последняя книга, которую мы читали батюшке в Оптиной, были статьи Шпенглера («Закат Европы»).

* * *

Много раз просили у старца благословения написать его; но он всегда отказывался:

— У меня нет на это благословения предков.

* * *

«Святой Серафим предвидел и революцию, и церковный раскол, но говорил: «Если в России сохранится хоть немного верных православных, Бог ее помилует», — а у нас такие праведники есть» — и светлая улыбка.

Мне он сказал: «Над человечеством нависло предчувствие социальных катастроф. Все это чувствуют инстинктом, как муравьи... Но верные могут не бояться: их оградит благодать. В последнее время будет с верными то же, что было с апостолами перед Успением Богоматери. Каждый верный, где бы он ни служил, — на облаке будет перенесен в одно место.

Ковчег — Церковь. Только те, кто будут в ней, спасутся».

* * *

Бог желает спасти не только народы, но и каждую отдельную душу. Простой индус, верящий во Всевышнего и исполняющий, как умеет, волю Его, — спасется. Но тот, кто, зная о христианстве, идет индусским мистическим путем, нет.

— Батюшка, а какова судьба других христианских вероисповеданий?

— Они не спасутся.

Я (с возмущением):

— А святые католические? А святой Франциск? Что же, по-вашему, они совсем безблагодатны?

Батюшка (неохотно):

— Ну, у них частичная благодать.

* * *

В другой раз батюшка мне рассказывает видение одного Оптинского монаха. Тот вышел однажды на крылечко своего домика в скиту (не про себя ли говорил? — *Матушка В.*) и видит: исчезло все — и скит, и деревья, а вместо этого до самого неба подымаются круговые ряды святых, только между высшим рядом и небом — небольшое пространство. И монаху было открыто, что конец мира будет тогда, когда это пространство заполнится.

— А пространство было уже небольшое, — добавил батюшка.

Однажды батюшка сказал мне:

— Мы живем сейчас во время, обозначенное в Апокалипсисе: это — после того, как Ангел восклицал: «Горе живущим» — перед явлением саранчи *(о саранче см. Откр., гл. 9. — Матушка В.)*.

Перед его арестом и закрытием Оптиной я предлагаю ему убрать его келью, вынести и спрятать то, что могло бы вызвать осуждение при обыске, например женское белье, духи, пудру, которые были у него в шкафу. Это частью было отнято им у дам легкомысленных, приезжавших в Оптину и здесь каявшихся; либо, как белье, жертвовалось ему для раздачи бедным девушкам-невестам. Батюшка отказался наотрез прятать что-либо.

— Как у меня есть, пусть так и будет, — твердо сказал он.

И действительно, при обыске над ним издевались.

Каталептик и крестное знамение. В Оптиной постригся академик-художник Болотов и стал обучать живописи некоторых монахов и мирян. Батюшка стал заниматься у него... К периоду занятий живописью относится замечательный случай из батюшкиной жизни. Об этом он сам рассказал.

У Болотова занимался один мирской юноша. Раньше он был болен — чем-то вроде одержимости, и впадал в каталептическое состояние. Старец Амвросий исцелил его, но не

окончательно, то есть у юноши осталась способность сознательно вызывать у себя такое состояние.

Однажды, когда они с отцом Нектарием остались вдвоем, юноша сказал батюшке:

— Хотите, я вам нечто покажу?

— Хорошо!

Тогда юноша сел, сосредоточился. Затем тело его стало неестественно изгибаться, голова запрокинулась, и все члены как бы одеревенели.

Тогда батюшка поднял руку и начертал в воздухе крестное знамение.

(«Заметьте — без молитвы», — прибавил батюшка, обернувшись к нам с N. во время рассказа.)

Юноша остался в том же положении. Тогда батюшка начертал крестное знамение вторично — также без молитвы. И в третий раз. После третьего раза юноша пришел в себя.

— Что ты видел? — спросил его батюшка.

— Я видел как бы слоистый воздух и плоские очертания людей и других существ, — ответил он. — А затем я видел как бы молнию. Она имела вид креста. Она вспыхивала два раза, а на третий раз вспыхнуло пламя, но формы его я не успел разглядеть. И я очнулся.

— Видите, какую силу имеет крестное знамение, — закончил батюшка свой рассказ.

* * *

Однажды, видя, что он необыкновенно добр, снисходителен и позволяет спрашивать себя обо всем, я осмелилась и спросила его:

— Батюшка, может быть, вы можете сказать: какие у вас были видения?

— Вот этого я уж тебе не скажу, — улыбнулся он.

И я больше не дерзнула спрашивать.

* * *

Рассказывали, что еще во время ареста, когда власть требовала, чтобы батюшка отказался от приема посетителей, ему явились все Оптинские старцы и сказали:

— Если ты хочешь быть с нами, не отказывайся от духовных чад твоих! — И он не отказался.

А второе явление Оптинских старцев было ему тогда, когда хотели увезти его из Холмищ: тогда они запретили ему уехать.

Я (Н.), чувствуя свою ответственность за неудачный выбор местожительства для батюшки (в Холмищах), умоляла его позволить мне поискать ему другую квартиру, но он сказал:

— Меня сюда привел Бог.

* * *

Мы привыкли читать только в книгах о чудесах и прозорливости святых. Здесь семь лет мы жили пред этим прозорливым взором и принимали это как нормальное — иногда даже смеясь.

Сам батюшка свою прозорливость облекал иногда в юмористическую форму.

Вернувшись из Москвы в Оптину, я начинаю выкладывать батюшке все мои новые богословские измышления (о гностицизме). Батюшка слушает, усмехается и с непередаваемым выражением говорит:

— Что? Владимира наслушались?

Ученого (гностика) звали Владимиром. А о том, что я с ним знакома, батюшка не знал.

Собираемся в гости к доктору. Батюшка задерживает нас на два часа. Потом смеется и говорит:

— А не собираетесь ли вы в гости? А я-то не догадался.

* * *

В тихий, тихий вечер в Холмищах. Батюшка в своем кресле.

— Ты знаешь, как сладок отдых после труда. Вот я теперь отдыхаю.

Он говорит мне о трудностях предстоящей мне жизни. Я огорчаюсь...

— Можешь ли ты понять? Это — о самом высоком. Бог любы есть. И Христос по любви сошел в мир. И Мария Египетская в пустыне была по любви.

* * *

В Холмищах в 1925 году батюшка принимает меня. День. Какие-то хозяйственные батюшкины распоряжения. Никаких особенных разговоров. Батюшка уходит к себе, потом возвращается в приемную, садится в кресло и неожиданно говорит мне:

— Н., скажи мне: хочешь ли ты, чтобы мы положили тебя на страницы истории?

Я теряюсь, думая, что он шутит, и, смеясь, говорю:

— Как будто — нет.

Через несколько минут он повторяет настойчиво вопрос.

Я недоуменно гляжу на него, думаю, к чему бы это? Может быть, он обличает меня в честолюбии? И говорю:

— Не знаю, батюшка.

В это время приходят звать меня обедать. Батюшка отпускает меня, провожает и на пороге говорит страшно строго и торжественно:

— Согласна ли ты, чтобы мы положили тебя на страницы истории?

Я робко говорю ему, падая к его ногам:

— Я в вашей воле, батюшка.

* * *

Об отце архимандрите Агапите. В 1913 году отца Нектария выбрали старцем. Особенно советовал избрать его отец архимандрит Агапит, его духовный отец и учитель.

Архимандрит Агапит — одна из таинственнейших фигур истории Оптиной. Он был исключительно образован (в мирском смысле) и вместе — духовно одарен. Ему предлагалось и архиерейство, и старчество, но он не захотел принять на себя подвиг общественного служения, имея всего несколько учеников. В старости он стал юродствовать, затем заболел.

Батюшка говорил, что болезнь старца Агапита была Божиим наказанием именно за отказ от общественного служения по послушанию.

* * *

Когда батюшку избрали старцем, он три дня отказывался, плача. Уже на хуторе В. П. батюшка сказал мне:

— Я уже тогда, когда избирали меня, предвидел и разгром Оптиной, и тюрьму, и высылку, и все мои теперешние страдания — и не хотел брать этого всего.

Старчество он принял только тогда, когда этого потребовали у него «за послушание».

Он часто говорил: «Как могу я быть наследником прежних старцев? Я слаб и немощен. У них благодать была целыми караваями, а у меня — ломтик».

Про старца Амвросия говорил: «Это был небесный человек или земной Ангел, а я едва лишь поддерживаю славу старчества».

* * *

Из современных богословов он знал — и даже иногда давал из него посетителям выписки — Флоренского, но относился к нему очень сдержанно.

* * *

Духовный путь батюшки был окрашен юродством: он юродствовал и в костюме (яркие кофты, красные шапки и так далее), и в пище (сливая в одну кастрюлю и щи, и кисель, и холодец, и кашу), и в обращении с людьми.

Кроме того, он имел игрушки, чем смущал некоторых монахов. Я поинтересовалась, какие же игрушки у него были. Оказалось: трамвай, автомобиль и так далее. Меня он как-то просил привезти ему игрушечную модель аэроплана. Так, играя, он как бы следил за движением современной жизни, сам не выходя целыми десятилетиями за ограду скита.

* * *

Я помню, на хуторе В. П., — он стоит на крылечке и глядит на Плохинскую дорогу, по которой тянутся возы на базар. Он глядит своим прекрасным, умным человеческим взором и круто оборачивается ко мне:

— Н.! Пойми, ведь я пятьдесят лет этого не видел.

Еще был у него музыкальный ящик. Как-то он завел себе граммофон с духовными пластинками, но скитское начальство его отняло.

* * *

Наступает революция. В 1923 году Оптина как монастырь ликвидируется. Батюшку арестовывают. Затем освобождают, но предлагают, чтобы он выехал за пределы губернии (Калужской). Сначала он уезжает на хутор Василия Петровича в сорока пяти верстах от Козельска. Но это еще Калужская губерния, до ее границы с Брянской остается две с половиной версты, и оставаться здесь нельзя.

Батюшка просит меня поехать и посмотреть, где ему лучше устроиться — в самом Плохине или в Холмищах у Андрея Ефимовича Денежкина, родственника Василия Петровича, который всячески уговаривает батюшку переехать к нему.

В Плохине слишком шумно и нет подходящего помещения. Еду в Холмищи. Там прекрасный домик, батюшке предлагается целая изолированная половина, хозяин — предупредителен до крайности. Я выбираю Холмищи, возвращаюсь к батюшке и советую переехать сюда.

В это время батюшка был в очень угнетенном состоянии. Он просил ни о чем его не спрашивать.

— Пойми, что сейчас я не могу быть старцем. Я еще не знаю, как собственную жизнь управлю.

Он никого не хотел принимать, и только постепенно он стал крепнуть душевно. Иногда целыми днями он плакал (с месяц).

Здесь я захворала малярией и должна была уехать в Москву. А вернувшись, я уже нашла батюшку в Холмищах.

Он жил с келейником Петром. Я поселилась напротив.

Последние дни

В феврале 1928 года я узнала, что у него (отца Нектария) открылась грыжа и что доктор признал его положение опас-

ным. Я мгновенно поехала к нему. Батюшка позвал меня к себе.

Он, с очень светлым, помолодевшим лицом, с блестящими и страдальческими глазами, полусидел на постели.

Меня пронзило такое ощущение его святости и вместе — моей неразрывной связи с ним и боли за его человеческую боль, что я только тихонько опустилась и поцеловала его сапожки. А когда подняла голову, увидела, что лицо его все просветлело нежностью и что он крестит меня. Он сказал мне:

— Н.! Ты видишь, я умираю.

Я очень растерялась от прямого его слова о смерти. Он долго смотрел на меня:

— Ты не погибла. Ты грешна, но дух у тебя истинно христианский.

Эти же слова он сказал мне во время первой моей исповеди у него в 1922 году.

...Потом смотрел на меня:

— Над тобой туча демонов. Ты непременно исповедуйся и причастись!

Я сказала:

— Я так бы хотела исповедаться у вас.

Он улыбнулся:

— Я от тебя не отказываюсь. Только грызь у меня. Нет сейчас сил у меня. Ты исповедуйся у другого православного священника. Только в красную церковь не ходи (в «живую», или обновленческую).

...Тут он стал слабеть.

Он еще посидел немножко с очень отрешенным и безстрастным лицом и ел сухарики. Потом поднял голову и сказал:

— Пойди теперь. И завтра пораньше уезжай.

Он благословил меня и сказал:

— Ночью перед отъездом приди ко мне.

До трех часов ночи пролежала я без сна... Пробило три. Иду на батюшкину половину. Из темноты голос:

— Н.! Воды!

На лежанке, в аршине от батюшки, был чайник с водой и пустой стакан, но дотянуться до них и тем более налить воды

у батюшки не было сил. А перед этим у него была рвота. Я напоила его. Он попросил положить в воду сахару и долго выбирал нужный кусок: «Вот этот положи, квадратный».

Потом он опять приподнялся и спустил ноги с постели. Он был в белом халатике с отложным воротником, и — опять юным и белым было лицо.

Он заговорил очень отчетливым, ясным и громким голосом. Я поняла — сейчас опять говорит только старец:

— Я умираю и вымолю тебя у Бога. Я все твое возьму на себя. Но одно испытание ты должна выдержать сама. Ты должна выдержать опять такое же искушение: если ты покончишь с собой — не взыщи!

И голос его стал нежным:

— Н.! Умоляю тебя, выдержи, вытерпи! Если бы не грызь моя, я бы тебе в ноги поклонился. Но когда я умру и меня не будет, ты вспомни то, что я сейчас говорю тебе. Как придет искушение, ты только говори: «Господи, помилуй».

Я посмотрела на него. Чего-то я не понимала и спросила:

— Батюшка, о чем вы говорите: о прошлом или о будущем?

Он улыбнулся:

— И о настоящем.

Я сказала:

— Я боюсь.

— А ты не бойся. Ты только сохрани Причастие, и все будет хорошо...

Потом был разговор о некоторых знакомых. Отец Нектарий сказал:

— Я больше в ваши мирские дела входить не могу. Помни, что я монах последней ступени.

Тут я увидела, что лицо его делается усталым и голос слабеет.

— Что мне прислать вам?

— Благодарствую. Ничего не надо. Только вина... портвейна. Я им свои силы поддерживаю.

А потом батюшка сказал очень строго:

— Передай всем, что я запрещаю ко мне приезжать! Пауза.

Другим, жалобным, тоном:

— Передай, что я умоляю, чтобы не приезжали, от этого мне еще больнее.

Я увидела, что слабость батюшки с каждой секундой увеличивается... Я вспомнила, что у меня целый список вопросов, но батюшка уже бледнел у меня на глазах.

— Пощади меня, больше не могу.

Лицо его совсем побледнело. Он что-то невнятно пролепетал и стал клониться набок. Вошел А. Е. и стал помогать мне: взял батюшку за туловище, я — за ноги; и мы удобно уложили его. Он лежал на боку и чуть заметно перекрестил меня.

— Андрей Ефимович! Проводите их. Я поклонилась ему и вышла.

Исповедь

Вечером идти на исповедь к батюшке. Грехи я записала; а раскаяния у меня нет — один каприз. Батюшка встречает меня:

— Давай мы с тобой помолимся.

И стал говорить: «Господи, помилуй!»

— Повторяй за мной: «Господи, помилуй!»

Я сначала безсознательно повторяю. А он все выше и выше берет:

— Господи, помилуй.

И такой это был молитвенный вопль, что вся я задрожала. Тогда он оставил меня перед иконами и сказал: «Молись», а сам ушел к себе. Я молюсь; а когда ослабеваю, он от себя голос подает: «Господи, помилуй!» Когда же я всю греховность свою сознала, он вышел и стал меня исповедовать. Я говорю:

— Батюшка, я записала грехи.

— Умница. Ну, прочти их.

Я прочла. Батюшка говорит:

— Сознаешь ли ты, что ты грешна во всем этом?

— Сознаю, батюшка, сознаю.

— Веришь ли в то, что Господь разрешил тебя от всех твоих грехов?

— Батюшка, я имею злобу на одно лицо и не могу простить.

— Нет, Н., ты это со временем простишь. А я беру все твои грехи на себя.

Прочел разрешительную молитву и сказал мне:

— А завтра ты пойди в церковь к утрени, а оттуда приди ко мне и, что в церкви недостаточно будет, здесь покаянием дополни.

Причащение было чудным и торжественным.



АРХИМАНДРИТ
БОРИС ХОЛЧЕВ
(1895—1971)

От деда иконописца будущий старец архимандрит Борис унаследовал сильную волю, твердый характер и целомудрие. Уже в детские годы никто не видел его раздраженным, а только спокойным, серьезным, почти всегда с книгой, очень самостоятельным. Смеялся редко. Не только дети подчинялись ему, но к мнению его прислушивались и взрослые. Была в его словах, поведении и во всем облике особая убедительность, вызывающая доверие у людей.

В 1-й Орловской гимназии, где Борис учился, он удивлял всех своими познаниями и способностями. Особый интерес он проявлял к религиозной философии, психологии, истории и вообще гуманитарным наукам.

В эти годы он уже живет напряженной внутренней жизнью. Самоуглубленность, замечательные нравственные качества, стремление помогать людям были у Бориса не только врожденными, но во многом результатом сознательной работы над собой. Он трудился над переделыванием, совершенствованием самого себя в духе Евангельских заповедей. Много лет спустя он говорил: «Надо трудиться, чтобы привлечь к себе Благодать Божию, если не будет борьбы, труда, то и Благодати не к чему будет прикоснуться». Еще семнадцатилетним юношей он ничего не приписывал себе, понимая, что без помощи Божией он сам ничего доброго сделать не может.

Впервые Борис поехал в Оптину пустынь в 1916 году. В то время там были два старца — преподобные Анатолий и Нектарий. Отец Борис рассказывал, что, побывав у обоих, сразу почувствовал, что его старец — отец Нектарий. В отличие от преподобного Анатолия, он принимал не всех и не сразу —а нужно было ждать — иногда по нескольку дней. Борис просидел три дня, наконец к нему подошел келейник преподобного Нектария, назвал его по имени, хотя Борис имени своего никому не говорил, и сказал, что батюшка зовет его. По словам отца Бориса, старец, преодолевших все трудности на пути к нему, утешал «великим духовным утешением». Последние годы отец Борис не раз говорил: «Все, что мне сказал отец Нектарий, уже исполнилось, осталось одно, после чего я скоро умру».

В университете Борис специализировался по психологии под руководством известного профессора Г. И. Челпанова, который считал Бориса одним из лучших своих учеников, внимательно следил за его научным ростом и впоследствии предлагал ему остаться при университете.

Московский период жизни Бориса тесно связан с церковью святителя Николая в Кленниках, на Маросейке. Возможно, что преподобный Нектарий указал ему на этот храм как наиболее близкий по духу к Оптиной пустыни. Про настоятеля храма, святого праведного Алексея Мечева, Оптинские старцы говорили приезжающим к ним москвичам: «Зачем вы к нам ездите, у вас в Москве есть свой старец отец Алексей». По благословению преподобного Нектария Борис всегда обращался к отцу Алексею и исповедовался у него. С сыном отца Алексея, отцом Сергием Мечевым, будущим священномучеником, Бориса связывала глубокая духовная дружба, продолжавшаяся долгие годы. Время от времени Борис ездил в Оптину, общался со старцем и ничего не делал без его благословения.

Революция застала Бориса на третьем курсе. Ему пришлось пережить все тяготы пореволюционных лет, отразившиеся и на здоровье (у него начался туберкулез), и на жизни университета. Закончив его в 1920 году, Борис вернулся в Орел, где в это время ректором Педагогического института был знаменитый ученый-востоковед Н. И. Конрад, пригласивший Бориса в институт для чтения лекций по психологии и логике. Одновременно он становится секретарем церковного совета Воскресенской церкви. Весной 1922 года, во время изъятия церковных ценностей, Борис был арестован и заключен в Орловскую тюрьму, где провел почти два месяца, и был выпущен за отсутствием обвинений.

В это время Борис переехал в Москву и стал научным сотрудником нескольких медицинских учреждений. Все эти годы Борис постоянно ездил в Оптину — до ее закрытия в 1923 году. За год до этого умер преподобный Анатолий, а преподобный Нектарий пережил арест, после которого ему предложили выехать за границы Калужской области. Преподобный Нектарий выбрал село Холмищи, в шестидесяти верстах от Козельска. Туда к нему и поехал Борис для решения вопроса о выборе дальнейшего жизненного пути. Он был одним из первых молодых ученых, занимавшихся проблемами экспериментальной психологии, и готовился к защите диссертации. День был уже назначен, Борис приехал к старцу за благословением. Но преподобный Нектарий сказал: «А теперь оставь все это и посвящайся в диаконы в церковь Николы в Кленниках». Научный мир был ошеломлен. Отец Сергий Мечев, которому Борис передал слова старца, сказал с удивлением: «Как же можно просить о посвящении вас, когда вы не женаты? Поезжайте к старцу еще раз». Когда Борис приехал, старец ответил: «Скажи им: епископ не может быть женат». (Позднее преподобный Нектарий еще раз сказал про епископство Бориса — когда в Холмищах келейница постлала ему постель: «Ты знаешь, кому стелешь? — епископу»).

8/21 апреля 1927 года, в Великий Четверг, архиепископ Иннокентий Бийский посвятил Бориса Холчева в сан диакона в церкви святителя Николая при селе Котельники близ Москвы. В этом же году в Холмищах скончался преподобный Нектарий, и отец Борис участвовал в похоронах и отпевании.

8/21 июля 1928 года, на праздник Казанской иконы Божией Матери владыка Арсений (епископ Серпуховской, бывший настоятель Чудова монастыря) рукоположил отца Бориса во пресвитера. Он продолжал служить в храме на Маросейке, а жил в годы священства в Москве — сначала в районе села Всехсвятского на окраине города, а затем на Плющихе.

В 1929 году был арестован отец Сергий Мечев, а в начале 1931 года арестовали отца Бориса. Церковь на Маросейке вскоре была закрыта. Отца Бориса приговорили к пяти годам лагерей. Срок он отбывал сначала на стройке в районе города Красновишерска, а позднее был переведен в лагерь в Сибири (город Юрга Кемеровской области), где работал в свиноводческом хозяйстве. Ссылка для отца Бориса была очень тяжела, особенно страшен был этап. Некоторые падали на дороге, там их и оставляли умирать, этап, не останавливаясь, двигался дальше. Рядом с отцом Борисом шел совершенно измученный человек. Отец Борис, желая поддержать его, сказал: «Поверьте, придет время, мы и этот этап будем вспоминать, как прошлое».

Из лагеря отец Борис вышел в 1935 году (срок был сокращен на год), очень слабым, с возобновившимся процессом в легких. Вернулся в свой родной Орел, где прожил три года с матерью и сестрой. В 1938 году отец Борис был вынужден покинуть Орел и переехать в Рыбинск по распоряжению ГПУ.

В Рыбинске отец Борис пробыл десять лет. Это были почти годы затвора. Отец Борис исповедовал живущих в ссылке духовных детей отца Сергия. Литургию служил один. Некоторое время в самом Рыбинске и в деревне на берегу Волги, в двадцати километрах от города, жил отец Сергий. Они переписывались, в 1941 году было последнее их свидание. В лесу, сидя на поваленном дереве, они долго беседовали. Отец Сергий сказал тогда, что скоро умрет; его предсказание сбылось в конце года, но отец Борис узнал об исповеднической смерти своего друга только в 1950 году, когда уже служил в Фергане; он один отпевал его в Крестовой церкви архиерейского дома в Ташкенте.

В 1948 году отцу Борису стало возможно служить открыто, и он переехал в Среднюю Азию к владыке Гурию Ташкентскому. Отец Борис стал благочинным и настоятелем храма во имя преподобного Сергия в Фергане. Храм был переделан из немецкой кирхи, готического стиля — небольшой, изящный, блистающий белизной, очень красивый среди окружающей зелени. Служба в храме была ежедневная — утром и вечером, священники чередовались через неделю, а в праздники служили вместе.

Народ скоро почувствовал отца Бориса; в храме стало больше молящихся. Многих отец Борис принимал у себя в доме.

Были у него и баптисты, с главным руководителем которых отец Борис подолгу беседовал наедине. К хлыстам, приходившим в храм, он относился строго, не допуская их под благословение. Одного человека, выдававшего себя за священника и самочинно совершавшего требы по кишлакам, не разрешил отпевать, так как он умер без покаяния. По субботам и воскресеньям было много крестин младенцев, иногда человек до сорока; отец Борис сильно уставал физически. Тяжело было для отца Бориса и его положение благочинного.

В Фергане отец Борис прослужил до 1953 года. После владыки Гурия на Ташкентскую кафедру был назначен архиепископ Ермоген. Он давно знал отца Бориса и поэтому сразу же перевел его из Ферганы в Ташкент и назначил священником Успенского Кафедрального собора. Отец Борис поселился рядом с храмом, чтобы его в любое время легко было позвать, даже и ночью, если придут просить причастить умирающего.

В самом начале служения отца Бориса ему было поручено крестить взрослых. Во дворе Собора была крещальная. Там батюшка беседовал с желающими креститься, исповедовал. Он считал невозможным крестить взрослых, как крестят младенцев, без предварительной беседы и исповеди. В крещальне он принимал людей наедине: человек гораздо легче раскрывается, зная, что его никто не слышит. Беседовал он и с восприемниками и с просто желающими разрешить какие-нибудь вопросы. Были и такие случаи, что приходили просто из любопытства, а после беседы сознательно крестились. У него было глубокое понимание людей, чуткость, он умел подойти именно так, как того требовала душа человека.

В храме почти за каждой литургией, даже в будние дни, батюшка говорил хотя бы краткое слово. По воскресеньям, после вечерней службы, проводил беседы. На них обычно Собор был полон. Люди стояли с тетрадками и записывали. У отца Бориса была прекрасная дикция, и, видя записывающих людей, он говорил еще отчетливее. В одну из зим каждое воскресенье он проводил беседы на тему о молитве Господней. Разбиралось всего одно прошение молитвы, но отец Борис раскрывал его очень глубоко, приводя слова святых отцов, рассказывая целые жития святых. Вдохновенные служения владыки Ермогена и беседы отца Бориса многих пробудили от духовного сна.

Но, к сожалению, беседы продолжались недолго. Популярность отца Бориса среди прихожан, строгое его отношение к богослужениям, очевидно, не всем пришлись по душе: на батюшку посыпались доносы. В результате ему запретили принимать людей наедине в крещальне и дома, разрешив исповедовать только в храме, что он и делал ежедневно после вечернего богослужения.

Под праздник преподобного Сергия 24 сентября/7 октября 1955 года во время всенощного бдения совершился постриг отца Бориса. Владыка Ермоген, постригая отца Бориса, не изменил его имени, а в приветственном слове сказал: «Я не изменил имени при постриге отца Бориса, ибо он всю жизнь был монах, нес монашеский подвиг»,— и пожелал новому иеромонаху возрастать еще более духом, а всех призвал помолиться о нем.

В том же году 13/26 ноября, на праздник святителя Иоанна Златоуста, особенно торжественно праздновавшийся в Ташкенте, по благословению Святейшего Патриарха Алексия, отец Борис был возведен в сан архимандрита.

Вскоре владыка Ермоген выставил кандидатуру отца Бориса на епископство и повез его в Москву. Он был так убежден, что это совершится, что даже облачение архиерейское было сшито и взято с собой для хиротонии. Но гражданские власти не пропустили. Перед возвращением в Фергану отец Борис посетил Лавру преподобного Сергия, где произошел знаменательный эпизод. Батюшка вошел в храм преподобного Михея, где в это время служился молебен. При входе отца Бориса служащий иеромонах сделал знак певчим, чтобы они замолчали. В глубокой тишине отец Борис приложился к надгробию преподобного Михея, сделал перед ним поклон, потом поклонился в сторону иеромонаха. Глас народа — глас Божий: певчие со всем народом грянули «Ис полла эти, дэспота!» как если бы к мощам прикладывался архиерей. Отец Борис молча, склонив голову, вышел из храма. А когда вышел, с улыбкой покачал головой и сказал свое обычное: «ай-ай-ай», как говорил, когда бывал среди своих близких. Позже он сказал одному духовному сыну, что при тогдашнем церковном положении он не мог быть епископом, поэтому молился, чтобы Господь отвел это — и молитва его была услышана.

С 1957 года и до самой кончины отец Борис был духовником епархии. Он многих окормлял как старец. Отец Борис говорил, что путь христианина похож на путь Спасителя, поэтому у каждого человека, идущего ко спасению, должна быть своя маленькая Голгофа. Чтобы со спокойствием и верою принять ее, необходимо, чтобы у каждого христианина был и свой Фавор, свой личный опыт знания Бога, Богообщения. «Общение со старцем Нектарием было моим Фавором»,— говорил отец Борис. Говорил он также, что у него в жизни было два учителя: книга святителя Игнатия Брянчанинова и наставления старца Нектария, которые учили его практической жизни по заповедям Божиим.

Один из окормлявшихся у него священников писал: «Батюшка часто повторял, что он является духовником, а не старцем. Но говорил он это, конечно, по своему смирению, ибо был истинным старцем. В его лице Среднеазиатская епархия получила продолжение Оптинского старчества».

Огласительные беседы с крещаемыми

ЦЕЛЬ КРЕЩЕНИЯ

Многие из приходящих ко Святому Крещению не отдают себе отчета в важности этого шага, в его смысле и значении.

— Для чего вы хотите креститься, что надеетесь получить от приобщения этому великому Таинству? — такой вопрос предлагается взрослым.

— Для какой цели мы крестим детей? — такой вопрос предлагается восприемникам.

Редко можно услышать правильные ответы.

Говорят: «Для того, чтобы быть крещеными», или: «Русские должны быть крещеными», или: «Чтоб веровать и быть здоровыми», или: «Чтоб иметь веру», и так далее.

Вряд ли стоит подробно разбирать несостоятельность таких ответов. Они как «масло масляное». «Для чего едете в Ташкент?» — «Чтоб быть в Ташкенте».

Веру может иметь и некрещеный человек. Больше того, человек, не имеющий веры, исключая малышей, не может быть допущен до Крещения.

Таким образом, надо сначала веровать, а потом креститься; не в Крещении искать веру, а ко Крещению приступать с верой. Спаситель сказал: *Кто будет веровать и креститься, спасен будет* (Мк. 16, 16). Значит, вера предшествует Крещению.

Многие приходят просто без подготовки, думают так: окунут их — и все, и они будут крещеными.

В XII веке в Патриарший синод в Константинополе пришли несколько турок, заявивших, что они христиане. «Как же случилось, что вас, турок, магометан, окрестили?» — спросили их. Они отвечали, что у них, турок, «существует обычай крестить своих детей у православных священников, потому что, по их мнению, во всяком новорожденном ребенке находится злой дух и «смердит как собака», пока не получит христианского Крещения».

Синод не признал такого крещения, потому что они искали его не как средства, которое очищает от всякой душевной

скверны, просвещает и освящает человека, не с добрым православным намерением, но как некое «телесное лекарство» и чародейство (см.: Епископ Никодим Милаш. Правила Православной Церкви с толкованиями. СПб., 1911. Т. 1. С. 615).

Юноши и девушки при поступлении в вуз или техникум никогда не осмеливаются прийти на экзамен без подготовки. Здесь же дело более великое, более страшное, здесь Сам Бог, сами Ангелы предстоят, принимая вашу веру, вашу готовность, а вы не трепещете.

Приходящих ко Крещению приходится спрашивать, молятся ли они Богу. Очень часто получаешь ответ: «Нет». Некоторые даже добавляют: «Как можно молиться некрещеному?»

Вот именно, некрещеному надлежит, может быть, даже больше молиться, чтобы Бог сподобил его Святого Крещения.

Из житий святых Василия Великого, Григория Богослова, Иоанна Златоустого, Константина Великого, великомученика Пантелеимона и многих других мы видим, как долго молились они перед Крещением, посещали богослужения в храме, изучали догматы святой веры; еще до Таинства Крещения своей горячей молитвой они совершали чудеса.

Итак, перед Крещением необходимо изучение истин святой веры, чтение Евангелия. Христос заповедал апостолам: *идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святаго Духа* (Мф. 28, 19).

Правило 78 Шестого Вселенского собора говорит: «Готовящимся ко Крещению надлежит обучаться вере и в пятый день седмицы (недели) давать ответ (известное испытание) епископу или пресвитерам (священникам)» (Епископ Никодим Милаш. Т. 1. С. 569).

Пять дней изучения даны как минимум, ранее это изучение, или оглашение, длилось до трех лет.

Цель Крещения должна быть одна: соединение с Богом, получение Благодати Его. Не следует здесь искать здоровья, ума, способностей к учению. Это второстепенное: оно не должно заслонять главного. Христос сказал: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам* (Мф. 6, 33).

Святой князь Владимир пришел к купели Крещения, желая получить это Царство Божие, но получил не только его, но и прозрел очами, исцелился от слепоты, как говорят о том летописи.

Помните или, лучше, осознайте, куда вы пришли! За тысячу лет до Христа евреи приступили к горе Божией, имея ходатаем за себя Моисея. Но и то ветхозаветное «видение» было столь страшно, что *Моисей сказал: «я в страхе и трепете»* (см.: Евр. 12, 21). Что же сказать о том, к чему приступаете вы?!

Об этом говорит святой апостол Павел: *вы приступили к горе Сиону и ко граду Бога живаго, к небесному Иерусалиму и тьмам Ангелов, к торжествующему собору и церкви первенцев, написанных на небесах, и к Судии всех Богу, и к духам праведников, достигших совершенства* (Евр. 12, 22—23).

Вам открывается *вход в вечное Царство Господа нашего и Спасителя Иисуса Христа* (2 Пет. 1, 11).

Крещение не есть омытие телесной нечистоты, но есть *обещание Богу доброй совести* и *спасает* нас *воскресением Иисуса Христа* (1 Пет. 3, 21).

Об этом и поговорим подробнее.

О БОГЕ

Бог всегда был, есть и будет. Он начало и причина всего существующего. Бог непостижим, невидим, несоздан, вечен.

Бог — Отец, Бог — Сын и Бог — Дух Святой. Однако не три Бога, а Один Бог. Законы арифметики и математики к Творцу законов — Богу — неприменимы.

Творец Отец, Творец Сын, Творец Святой Дух, но не три Творца, а Один Творец. Бог называется также Троицей.

Каково рождение Сына, мы понять не можем, оно только применительно к нашим человеческим понятиям называется так. Бог Сын называется также Словом. Ум человека выявляется посредством слова. Что на уме человека? Как узнать, если он не скажет слова?

Так и Бог Отец (надмирный Ум) открывается нам посредством Слова, то есть Сына Своего.

Вот что говорится в Евангелии от Иоанна: *В начале было Слово* (в начале — значит еще до бытия мира, то есть всегда), *и Слово было у Бога,* потому что Слово и Отец одна Сущность, *и Слово было Бог.* Значит, Сын Божий — Слово, есть Бог и равночестен Отцу. *Все чрез Него на́чало быть, и без Него ничто не на́чало быть, что начало быть* (Ин. 1, 1—3).

Значит, согласно Евангелию, все, что только существует на свете, что имеет начало своему бытию, получило начало от Сына-Слова. Он Творец всего сущего. Только Один Бог безначален, несотворен.

Отец безначален, Сын безначален, Святой Дух безначален, но не три безначальных, а Один безначальный.

ТВОРЕНИЕ МИРА НЕВИДИМОГО

Мир мы разделяем на видимый и невидимый, или, более понятно для нас, на духовный и материальный.

Среди нашего материального мира много невидимого. Невидим воздух, невидим звук, невидим магнетизм, электрический заряд и так далее. Среди так называемых электромагнитных волн лишь очень небольшая часть принадлежит видимому спектру. Но вот, например, ультрафиолетовые лучи невидимы, а обнаружить их можем на фотобумаге, которую они чернят. Невидимы радиоволны, а улавливаются приемником. Невидимы рентгеновские лучи, но на флуоресцирующем экране они обнаруживаются.

Все вышеперечисленное обнаруживается и познается физическими или химическими средствами и относится нами к миру видимому.

Но, кроме него, есть иной мир, мир невидимый. Его Господь Бог создал прежде видимого мира. Это мир духов, или мир Ангелов.

Человек никакими физическими средствами, никаким способом принципиально не может обнаружить существование духа. Но тем не менее духи существуют, и они могут

быть даже видимы человеком в том или ином виде по особому Божиему Промышлению, иногда и по воле этих духов, если Бог разрешит им явиться. Но и будучи невидимыми, они воздействуют на человека, наводя на него те или иные мысли, которые человек может принять или отвергнуть.

Природа духов называется простой, а природа человека и животных — сложной.

Человек имеет голову, мозг, сердце, руки, кожу, волосы, скелет, кровеносную систему, нервную систему и множество других органов. Все вместе взятое определяет его тело. Поэтому он и сложен.

Дух же не имеет тела, он безплотен; нет ни рук, ни ног, ни крыльев, ни головы. Все одно. Поэтому он и прост. Лишь художники на картинах вынуждены придать ему изображение.

Бог создал духов, или Ангелов, со свободной волей. Это значит: они могли действовать и хотеть так, как желал Бог, но могли и не подчиниться Ему и противопоставить свою волю.

Часть духов, или Ангелов, пала, то есть не подчинилась Богу; вот почему они и называются падшими духами, демонами. Главный из них называется сатаной, диаволом, а в просторечии чёртом.

Ангелы, светлые духи, изображаются на картинах и на иконах как люди с крыльями. Крылья символизируют быстроту их передвижения с одного места на другое.

Серафимы, что значит «пламенные», изображаются на иконах часто красным цветом.

Демоны, бесы, изображаются черными, с рогами, с копытами, противными на вид, потому что они духи зла и всего плохого.

Таким образом, изображение духов на иконах символическое.

ТВОРЕНИЕ ВИДИМОГО МИРА И ЧЕЛОВЕКА

По сотворении невидимого мира Бог создал и видимый: землю, воздух, воду, солнечную систему и иные системы

звезд; создал рыб, птиц, различных животных и, наконец, человека.

Человек создан Богом после всего, как венец творения. Человек по своей природе должен был объединить видимый и невидимый мир. По своим физиологическим отправлениям, по устройству тела — скелета, мозга, сердца и прочих органов — он не отличается от животных. Но по уму он в корне, или качественно, отличается от них. Он создан со свободной волей, так же как и Ангелы. Он мог подчиниться воле Божией, Его заповедям, а мог действовать по своей воле и вопреки воле Божией.

Господь при творении человека вдохнул в него дыхание жизни, то есть благодать Своего Святого Духа. Человек создан был для того, чтобы жить с Богом и в Боге, чтоб постоянно находиться с Ним в общении, в вечном блаженстве, довольстве и радости.

Так сотворены были первые люди. Адам и Ева, равно как и вся природа, были созданы нетленными, а все живое бессмертным. Человек не мог ни поцарапаться, ни разбиться, ни сгореть в огне или утонуть, ни задохнуться, ни даже испытывать усталости, недомогания, печали, голода, холода, зноя, старости или чего-либо подобного. Все это, вместе взятое, называется тлением.

Бог, — говорит премудрый Соломон, — *создал человека для нетления и соделал его образом вечного бытия Своего; но завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем. 2, 23—24).

Как же вошла в мир смерть? Как человек и животные лишились нетления и стали тленными?

ПАДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЛИШЕНИЕ ПРИРОДЫ НЕТЛЕННОСТИ

Бог создал человека со свободной волей. Человек мог подчиниться воле Создателя, поступить так, как Он заповедал, но мог поступить и наперекор сему. Бог дал человеку заповедь для утверждения его души в повиновении, но человек добровольно отпал от Бога, нарушив ее. Он мог нару-

шить ее, мог и не нарушить. Не предвидение Божие определило волю человека, который пал, а, наоборот, падение человека было предвидено Богом, Которым было предусмотрено и восстановление наше через Сына Своего еще прежде сложения мира.

Подобным этому является и наше теперешнее состояние в том смысле, что каждый из нас может спастись, но каждый может и погибнуть, если отвергнет руку спасения, которую дает ему Бог. *Бог никому не хочет погибели, но хочет и желает для каждого из нас спасения*, так говорит пророк (см.: Иез. 18, 32). Но, несмотря на то что от каждого из нас зависит — принять или не принять спасение, данное Богом, Господь Бог, несомненно, знает того, кто примет и кто отвергнет это спасение. Так, опытный шахматист, глядя на игру других, часто сразу может предвидеть исход этой игры. Однако не от его предвидения происходит выигрыш или проигрыш, а от внимания и рассудительности, или умения, играющего.

Послушаем святого Симеона Нового Богослова: «Первозданный Адам (первый человек, сотворенный Богом), будучи в раю, впал, по внушению змия, в гордость и, возмечтав быть богом, как сказал ему диавол, вкусил от (плода) древа, от которого Бог повелел ему не ясти. За это предан он великим карам — тлению и смерти для смирения гордыни его... Адам согрешил великим грехом, потому что словам Бога не поверил, а словам змия поверил. Сравни Бога и змия и увидишь, как велик был грех премудрого Адама» (Слово 1, § 1).

Адам, вкусив, тотчас познал наготу свою, то есть почувствовал себя лишенным Благодати Божией. «Так душою Адам умер тотчас, как только вкусил, а после... умер и телом, ибо как смерть тела есть отделение от него души, так смерть души есть отделение от нее Святаго Духа, Которым осеняему быть человеку благоволил создавший его Бог, чтоб он жил подобно Ангелам Божиим, кои, будучи всегда просвещаемы Духом Святым, пребывают неподвижными на зло. По этой потом причине и весь род человеческий соделался таким, ка-

ким стал чрез падение праотец Адам, — смертным, то есть смертным по душе и по телу» (Слово 1, § 2).

«Как тело умирает, когда отделяется от него душа, так и, когда от души отделяется Дух Святый, душа умирает» (Слово 4, § 1).

В теле, лишенном души, заводятся черви, в душе, лишенной благодати Духа, заводится зависть, лукавство, ложь, ненависть, жадность к деньгам, хищения, неразумная похоть, наговоры, пересуды, сварливость, высмеивание других, славолюбие, нарушение клятв и обещаний, богозабвение, дерзость, безстыдство и всякое другое зло (ср.: Слово 4, § 1).

Человек, созданный для Бога, чтоб жить с Богом и в Боге, стал жилищем страстей и всякой нечистоты. Не только растлилась физическая природа человека, сделавшись тленной, подверженной болезням, недомоганию, усталости, старости, но и нравственная его природа. Хочет человек сделать доброе и не может, часто поступает наоборот. Хочет не гневаться — гневается; хочет не пить — пьет. Человек стал рабом страстей, а диавол, соблазнивший человека, подчинил его себе, поработил. Человек теперь уже не чувствует Бога так, как чувствовал Его Адам до грехопадения; он не может ощущать Его, подобно Адаму. Человек может только стремиться к Богу, искать вновь соединения с Ним и желать опять возобновить утраченный союз. Ведь само слово «религия» значит «воссоединение» («ре» — обратно, «вос» — лига, значит, союз). С кем воссоединение? Конечно, с Богом. Святой Симеон говорит: «У раба от прежнего его самовластия ничего не осталось, кроме одного желания и искания свободы. Но и это станет он делать тогда лишь, когда тяготится слишком игом рабства; если же случится ему в рабстве иметь покой и не встречать тяготы, то он и свободы не захочет» (Слово 5, § 2). Преподобный Макарий говорит: «В тот день, когда пал Адам, пришел Бог и, ходя в раю, увидев Адама, пожалел, так сказать, и изрек: «При таких благах какое избрал ты зло?! — После такой славы, какой несешь на себе стыд! — Почему теперь так омрачен ты, так безобразен, так бренен? — После

такого света, какая тьма покрыла тебя!» — Когда пал Адам и умер для Бога, сожалел о нем Творец, Ангелы, все силы, небеса, земля; все твари оплакивали смерть и падение его. Ибо твари видели, что данный им в цари стал рабом сопротивной и лукавой силы, потому что воцарился над ним князь тьмы» (Макарий Египетский. Беседа 30, § 7).

Вот таким образом сила, заключенная в плодах запрещенного Богом древа, при вкушении их вопреки воле Божией могла причинить человеку телесную и душевную смерть (см.: Беседа преподобного Серафима с Н. А. Мотовиловым о цели христианской жизни, гл. V). Это не потому, что плоды были якобы ядовиты, не потому, что человек вкусил их не вовремя, не сообразуясь с волей Божией. Если маленького ребенка накормить пищей, которую едят взрослые, то ребенок может умереть, не потому, что пища плоха, а потому, что она несвойственна его возрасту.

Далее, *как пишется в Библии,* Бог изгнал человека из рая, чтоб он уже больше не вкушал от древа жизни; и это не потому, что Бог захотел лишить человека счастья и сделать ему зло, а, напротив, Он захотел, чтобы то смертное зло, которое уже вошло в природу человеческую, не смогло бы там пребывать на веки вечные, но чтоб человека можно было опять восстановить. Ибо истинное зло — это есть противление воле Создателя Бога.

Некоторые спрашивают: «Зачем же Бог дал заповедь, которую человек мог нарушить, зачем насадил дерево или не оградил его, чтоб человек не мог неблаговременно есть плоды от него?»

Отвечаем словами святителя Иоанна Златоуста, что заповедь дана Адаму «для утверждения души его в повиновении... Иное дело, если бы заповедь была тяжела и ею дозволялось употреблять лишь немногое, а требовалось воздержание от многого... когда было совершенное изобилие во всем, запрещение же касалось немногого, то почему Адам не оказал повиновения Благодетелю своему?» (Творения Иоанна Златоуста. Изд-во П. П. Сойкина. Т. 7. С. 345). Виновата лишь его воля.

В падении изменилась не только человеческая природа — из нетленной стала тленной, но изменился также и весь мир, вся неодушевленная и одушевленная природа. Все сделалось тленным, все живущее — смертным. Голод, засухи, лесные пожары, наводнения, борьба за существование, пожирание слабых сильными — вот проявление тления в природе.

Вместе с человеком — главой всей твари — изменилась и вся тварь. Поэтому говорит апостол Павел: *вся тварь совокупно стенает и мучится доныне* (Рим. 8, 22). Но она в отличие от человека подверглась тлению не по своей свободной воле, которой у нее нет, но через человека. Поэтому и восстановление ее произойдет вместе с человеком, но без воли и усилий с ее стороны.

Вот так произошло тление. Через целую цепь рождений от родителей к детям оно достигло и нас. Ребенок маленький, только родился, а уже плачет, значит, ему не по себе. Матери с первых шагов жизни приходится оберегать его, не простудился бы он, не заболел бы, а потом не сломал бы ножку, не попал бы под машину и так далее. Но конечно, никакая заботливая мать не может уберечь рожденного ею от смерти, которая неизбежна для всякого.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ТВАРИ

Когда человек, изгнанный из рая, сделавшись тленным, лишившись общения с Богом, познал свое жалкое состояние, он стал плакать и просить у Бога прощения. Господь обещал послать Сына Своего, Который должен прийти в мир и спасти его от греха, проклятия, тления и смерти.

Его Пришествие возвещали пророки, особые люди в избранном народе еврейском. О Его Пришествии говорили и некоторые языческие писатели (Вергилий, например).

И вот Бог — невидимый, непостижимый, неограниченный, безтелесный — воплотился, то есть стал, или сделался, ради нас человеком; принял на себя нашу человеческую при-

роду. Сделался, как и мы, с душой и телом человеческим, но без греха. Сделался человеком, не переставая быть Богом. Человеческая природа не растворилась, не смешалась с Божеством, но и Божество Его не потерпело ущерба или умаления от Его вочеловечения.

Пришел на землю Господь Иисус Христос, родившись от Пресвятой Девы Марии.

Второе Лицо Пресвятой Троицы — Сын Божий — называется в Писании Словом, потому что как слово человеческое изъясняет мысль или ум человека, так и через Слово Отчее мы познаем Бога.

Вот это Слово, Которое всегда было, есть и будет, Которое есть Бог, воплотилось. *Слово стало плотию* — так говорится в Евангелии от Иоанна (Ин. 1, 14). Господь Иисус Христос принял в Своем воплощении такое же тело, как и у нас.

Родившись от Святой Девы, Он был питаем материнской грудью, далее возрастал. Он испытывал и усталость, и потребность в сне, отдыхе, испытывал голод и жажду и все те невзгоды, какие и мы испытываем. Под конец Он предан был одним из Своих учеников, Иудой, на позорную смерть, на распятие на кресте. Он пошел на эту смерть добровольно, для того чтобы нас избавить от смерти, которую навлек на себя наш праотец Адам по своей воле. Господь называется Агнцем, закланным прежде сложения мира (см.: 1 Пет. 1, 19—20), потому что прежде создания мира было решено Богом через Него спасти человека и мир. Господь страдал на кресте, чтобы нас освободить от страданий; Он умер для того, чтобы нас освободить от смерти. Далее Он воскрес, сделавшись первенцем, воскресшим из умерших (см.: 1 Кор. 15, 20), ибо как Он воскрес, так и нам надлежит воскреснуть в день нашего воскресения. Христос, воскресши, имеет нетленное тело, Которое уже не испытывает голода, жажды, недомоганий; тело, которое нельзя не только второй раз распять, но даже причинить ему какую-либо боль. Такое же тело получим и мы, соединившиеся со Христом в день нашего общего воскресения. Так говорит и святой апостол

Павел: *Если мы с Ним умерли* (умерли для греха, чтоб не делать больше его, не противиться Богу), *то с Ним и оживем* (см.: 2 Тим. 2, 11). Вот так и при воскресении мертвых наше тленное тело, которое согнило, обратилось в прах, как бы посеянное в землю, при восстании даст лучший плод, оживет: по образу Тела Христова будет нетленным. Апостол говорит: *сеется в тлении, восстает в нетлении; сеется в уничижении, восстает в славе; сеется в немощи, восстает в силе; сеется тело душевное, восстает тело духовное* (1 Кор. 15, 42—44). Потому что *мертвые воскреснут нетленными, а мы изменимся. Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление, и смертному сему облечься в безсмертие* (1 Кор. 15, 52—53).

Некоторые спросят: «Старое ли наше тело будет нетленным, или будет новое тело?»

Представьте себе кирпичный дом, в котором постоянно кирпич за кирпичом вынимают и заменяют новым. По прошествии тринадцати лет оказалось, что дом стоит такой же, а все кирпичи его новые, другие. Таково и наше тело: все клетки нашего организма постоянно обновляются, заменяются, и, как учит биология, через тринадцать лет ни одной клетки не остается старой. Неужели потому, что у меня все клетки новые, это не я когда-то был ребенком, или когда я был ребенком, то имел другое, а не это тело? Тело мое осталось, а все вещество обновилось. Нечто подобное можно мыслить и о том теле, какое будет в день общего воскресения. Господь не только сделал наше тело человеческое нетленным, но и вознес его на небо, туда, где Его Отец; вознес туда нашу человеческую природу.

Господь придет опять на землю, но только не так, как в первый раз, когда Он родился в маленькой стране, в унижении, когда о Рождестве Его знали немногие; напротив, Он придет в великой славе, и тогда мертвые воскреснут, природа вся обновится, *тварь освобождена будет от рабства тлению* (Рим. 8, 21) и все те, кто соединился со Христом, будут с Ним и там, в вечной нескончаемой жизни.

О ТАИНСТВЕ ТЕЛА И КРОВИ ХРИСТОВЫХ

Господь Иисус Христос, пришедший к нам и принявший в воплощении наше человеческое тело и человеческую кровь, не зараженные грехом, захотел нашу природу, растленную грехом, обновить Своею Плотью и Кровью.

Кровь простого человека, вливаемая в больного, часто возвращала последнему силы и спасала от смерти. Что же сказать о Плоти и Крови Спасителя нашего, давшего их нам для того, чтобы получить не временную, а вечную жизнь? Но Кровь Спасителя вливается в нас не так, как в медицине врачами, а преподается нам в пищу под видом хлеба и вина и соединяется с нашим организмом. Вот что говорит Господь: *истинно, истинно говорю вам: если не будете есть Плоти Сына Человеческого и пить Крови Его, то не будете иметь в себе жизни. Ядущий Мою Плоть и пиющий Мою Кровь имеет жизнь вечную, и Я воскрешу его в последний день* (Ин. 6, 53—54), и еще: *ядущий хлеб сей жить будет вовек* (Ин. 6, 58).

В Евангелии рассказывается о Таиной Вечери Иисуса Христа со Своими учениками. Прежде Своего страдания на кресте Он пришел в горницу (комнату), возлег со Своими двенадцатью апостолами и, взяв хлеб, преломил его, благословил и преподал им, сказав: *Приимите, ядите: сие есть Тело Мое, которое за вас предается; сие творите в Мое воспоминание* (Мф. 26, 26; Мк. 14, 22; Лк. 22, 19). Затем Спаситель взял чашу и также подал апостолам, говоря: *Пейте из нее все, ибо сие есть Кровь Моя Нового Завета, за многих изливаемая во оставление грехов* (Мф. 26, 27—28; Мк. 14, 23—24; Лк. 22, 20).

Вот и вы, крещаемые, после Крещения будете участниками этой Вечери, этой великой Таиной Вечери, как бы находясь с апостолами в той горнице.

Об этом мы молимся: Сыне Божий, прими меня сегодня в причастники (то есть участники Твоей Тайной Вечери; я не открою тайны врагам Твоим, не дам Тебе лобзание, как Иуда (см.: Мф. 26, 48—49; Мк. 14, 44—45; Лк. 22, 47), но как

разбойник исповедую Тебя, помяни меня, Господи, во Царствии Твоем (см.: Лк. 23, 40—42).

К участию в этой великой Вечери надо готовиться молитвой.

ПОРЯДОК (ЧИНОПОСЛЕДОВАНИЕ) СВЯТОГО КРЕЩЕНИЯ

Первая молитва, которая читается над приступающим ко Святому Крещению, есть молитва наречения имени. Приходящему ко Крещению дается Имя Божие, как печать. Ибо *позна́ Господь су́щыя Своя* (2 Тим. 2, 19).

Имя Божие, которым запечатлевается человек, является печатью Божественной, хотя невидимой для людей, но видимой для духов. В Апокалипсисе в нескольких местах говорится, что Господь запечатлевает рабов Своих (см.: Откр. 7, 3; 14, 1), а лукавый и антихрист — своих (см.: Откр. 13, 16). Поэтому мы молимся, чтобы Имя Божие пребыло «неотреченно», то есть чтобы эта печать не стерлась и чтоб крещаемый не поругал это Имя, чтобы он достойно носил Его.

В следующих молитвах приступающий ко Крещению называется уже «новозапечатанным воином Христа Бога нашего», воином, который будет вести борьбу с диаволом и побеждать его силой Христовой; еще мы молимся о том, чтобы свет Божий запечатлелся на нем и чтоб крест Сына Божия запечатлелся в сердце и помышлениях его; чтоб ему бегать суеты мира — не мира, то есть творения Божия, — это было бы безрассудно, но мира греха, суеты мирской, той язвы, которую привнес грех. Поэтому апостол Иоанн говорит: *Не люби́те мира, ни того, что в мире* (1 Ин. 2, 15). И еще: *весь мир лежит во зле* (1 Ин. 5, 19). Мы молимся еще и о том, чтобы крещаемый сохранил печать целой, «нерушимой» и через это получил бы блаженство избранных в Царствии Божием. Само Крещение, а особенно Миропомазание называются также печатями, которые возлагаются на крещаемого с Именем Божиим.

Итак, великое, страшное Имя Божие возлагается на вас. Второе имя дается в честь святого, которое вы также будете носить.

Далее читаются три заклинательные молитвы. В двух первых диавол заклинается или запрещается Именем Христовым. Ему повелевается выйти, отступить от создания Божия и уже больше никогда не возвращаться к нему; повелевается отступить от новозапечатанного Именем Христа, Бога нашего. Эти молитвы читаются потому, что лукавый после падения человека и ослушания его Богу подчинил его себе, сделал как бы рабом своим. Вот, например, хочет человек не гневаться и не может — гневается. Таким образом, лукавый поработил человека, сделал его рабом страстей. Поэтому мы молимся в третьей молитве: «Избавь его (или их) от рабства врагу, приими в Царство Твое пренебесное...» Лукавый же, который укрылся в сердце некрещеного человека, изгоняется из него Именем Божиим. По Крещении он искушает уже человека только совне, а не изнутри, как ранее.

Крещаемый должен отречься от сатаны, от всех дел его, не только таких, как воровство, убийство, разврат, но и от злопамятства, гнева, зависти и всего, что противно учению Христа.

В знак полного разрыва с сатаной крещаемый дует и плюет на него.

После этого прощаемый обращается ко Христу и дает обещание жить по Его воле. Крещаемый читает Символ веры.

Только теперь, после отречения от сатаны и обещания быть со Христом, он допускается ко Крещению. С этого момента и начинается, собственно, чин Крещения.

Освящается вода.

В ектенье мы просим, чтобы крещаемый сделался сыном или дочерью света, наследником вечных благ, чтобы был соединен с Господом и был бы участником смерти и воскресения Христа, Бога нашего, то есть чтобы был мертвым для греха и зла, чтоб получил нетление и жизнь вечную, данную Христом; чтоб сохранил благодатную одежду, сотканную из благодати Святого Духа. Она потому называется одеждой нетления, что, имея и сохранив ее, человек получает Царство Христа, Бога нашего. Потерять же эту одежду или запятнать ее можно через грехи. В Евангелии рассказывается

про человека, который пытался войти в Царство Божие без этой одежды, но был изгнан из него во тьму внешнюю (см.: Мф. 22, 11—14).

Но как же быть? Что делать тому, кто потерял или запятнал эту одежду? Ведь Таинство Крещения не повторяется!

Пока мы еще живы, для нас имеется Таинство Покаяния, в котором мы обновляем эту одежду.

Мы просим в молитве, чтобы Господь помог сохранить эту одежду крещаемому даже до дня Страшного суда Христа, Бога нашего, чтоб вода (Крещения) была бы для него одеждой нетления, баней пакибытия, то есть купелью новой жизни.

Не все приходящие к этой купели получают благодать Святого Духа, а только те, которые приходят с верой, молитвой и упованием.

«Симон-волхв приступал некогда к купели сей, — говорит святой Кирилл Иерусалимский. — И крестился, но не просветился; омыл тело водою, но не просветил сердца Духом» (Предогласительное слово, § 2). Но вы, если только веруете во Христа, непременно просветитесь. Вот что говорит святой Кирилл: «И на тебя, когда будешь крещен, низойдет благодать. Но как снизойдет, сего не скажу, потому что не предупреждаю времени» (Огл. 16, § 20); «вода омывает внешность, а Дух, ничего не исключая, все крещает до внутренности самой души» (Огл. 17, § 14). «Если уверуешь, не только примешь отпущение грехов, но будешь делать, что выше человека» (Огл. 17, § 37).

Крещенская благодать называется еще залогом вечной жизни. Подобно тому, как если залог за дом внесен, то дом уже ваш, а если залог пропал, то и дом не считайте своим. Так и вечное Царство Божие: оно тогда ваше, когда вы сохранили благодать, то есть цел залог. Благодать, даруемая при Крещении, называется еще обручением Святого Духа. Как невеста, обрученная жениху, хотя еще не вполне соединилась с ним в браке, но уже его, принадлежит ему, так и душа человеческая в Таинстве Крещения еще до наступления Второго славного Пришествия Христова, этого брака Агнца (см.: Откр. 19, 7), соединяется ныне с Господом.

Когда Господь Иисус Христос начал проповедовать, то первыми Его словами были: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 4, 17).

Это Царство Небесное начинается здесь, в купели Крещения, оно *подобно зерну горчичному, которое человек взял и посеял на поле своем,* то есть которое Господь посеял на поле сердца человека в этом Таинстве, *которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом, так что прилетают птицы небесные и укрываются в ветвях его* (Мф. 13, 31—32)*.

Господь сравнивает также Царство Небесное, эту таинственную благодать, с закваской, *которую женщина, взяв, положила в три меры муки, доколе не вскисло всё* (Мф. 13, 33).

Весь ваш организм, вся ваша природа, то есть дух и душа и тело (см.: 1 Фес. 5, 23), должны проникнуться этой закваской и вскваситься к жизни вечной. Процесс изменения всей природы человеческой незаметен, но начинается сразу после Крещения; это изменение совершается не без воли человека. *Царствие Божие,* — сказал Господь, — *подобно тому, как если человек бросит семя в землю, и спит, и встает ночью и днем; и как семя всходит и растет, не знает он* (Мк. 4, 26—27).

Господь был *спрошен фарисеями, когда придет Царствие Божие,* и *отвечал им: не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: вот, оно здесь, или: вот, там. Ибо вот, Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 20—21). Оно хоть и неприметно начинается здесь, но будет общезримым в тот последний день этого старого мира, когда Господь придет со славой. Ибо дальше в Евангелии говорится: *как молния, сверкнувшая от одного края неба, блистает до другого края неба, так будет Сын Человеческий в день Свой* (Лк. 17, 24).

Вот что говорит святой Симеон Новый Богослов о Царствии Божием: «Царствие Божие в нас есть, когда Бог бывает с нами в единении, благодатию Пресвятаго Духа. Бог был в единении с нами от начала создания Адама; но когда праотец

---

* В этой притче говорится о канадском, так называемом горчичном зерне, которое вырастает в большое дерево.

наш прельстился и согрешил, Бог удалился от нас, удалилось вместе с тем от нас и Царствие Его. Ибо невозможно, чтобы Всесвятый и Всеблагий Бог был в единении с тем, кто возлюбил грех и зло. Чтоб опять возвратился к нам Бог и опять пришло к нам Царствие Его, надлежало нам престать и очиститься от грехов. Но как мы не могли сего сами собою сделать, как измаранное платье не может отмыться само собою, и еще без воды, то пришел наконец Сам, могущий обмыть нас и очистить, чтоб очистить нас и, очистив, Богу открыть вход в нас и Царствие Его вселить в нас. Сие совершается в Таинстве Святого Крещения, а кто согрешит после Крещения, в Таинстве Покаяния. И в том и в другом случае от тебя требуется покаяние» (Слово 29, § 2).

Если еще здесь, в настоящей жизни, не войдет в душу Христос и не воцарится в ней, то не будет здорова она и нет ей надежды спасения, закрыт для нее вход в Царство Небесное. Надлежит человеку здесь, на земле, родиться свыше от Божественной Благодати, и тогда сможет он увидеть Царство Божие! (ср.: Ин. 3, 5. 7).

Таина Крещения велика. Мы молимся, чтобы крещаемый изменился, отложил образ ветхого человека, тлеемого в похотях прельщения, и облекся в нового, по образу Создавшего его (ср.: Кол. 3, 9—10; Еф. 4, 22—24). Мы молимся о том, чтобы вы, крещаемые, быв соединены подобием смерти со Христом, были бы также общниками и Его Воскресения.

«Новое и необычайное дело, — восклицает святой Кирилл. — Умираем мы не в самой действительности, и погребены бываем не в самой действительности, и, распявшись не самым делом, воскресаем, но уподобление бывает только в образе, а спасение в самой вещи» (2 Тайнов. Слово, § 5).

Далее в молитве говорится, что вы, крещаемые, сохранив дар Святого Духа и возрастив залог благодати, получили почесть горнего звания и были бы сопричислены к перворожденным, написанным на небе.

Итак, пусть «никто да не думает, — говорит святой Кирилл, — что Крещение есть благодать оставления только грехов, а не вместе и сыноположения» (Там же, § 6).

Поэтому и в молитве говорится, чтобы оно (то есть Крещение) было оставлением прегрешений, просвещением души, купелью новой жизни, одеждой нетления, источником жизни, обновлением Духа и даром сыноположения, то есть усыновления.

Вот и младенцев мы крестим, чтобы выполнить заповедь Спасителя не препятствовать детям приходить к Нему, *ибо таковых есть Царство Небесное* (Мф. 19, 14), которое начинается здесь рождением *от воды и Духа* (Ин. 3, 5).

«Ты просишь меня указать причину, — пишет преподобный Исидор Пелусиот, — почему крестят младенцев, еще не знающих греха? Некоторые говорят: для того, чтобы омыть нечистоту, внесенную в естество человеческое преступлением Адама. Признавая сие справедливым, я думаю, что Крещением доставляются и многие другие дарования, много превышающие наше естество. Ибо природа наша получила (в Крещении) не то только, в чем она нуждалась для уничтожения греха, но и украшена Божественными дарами. Ибо она не только освободилась от наказания и совлеклась лукавства, но и возродилась свыше пакибытием Божественным, превосходящим слово, и искуплена, и освящена, и удостоена всыновления, и оправдана, и соделалась сонаследницей Единородного и единым телом с Ним по участию в Священных Таинствах, и именуется Его плотью, и, как тело соединено с главой, так и она со Христом. Поэтому Павел сказал: *Поставил Его выше всего, главою Церкви* (Еф. 1, 22), то есть кроме других даров даровал еще человеческому естеству то, что Христос соделался ее Главою... Мы не врачевство только получили, соответствующее болезни, как думают некоторые, не понимая щедродательности Божией, но и благообразие, и честь, и славу, и достоинство. Поэтому, возлюбленный, признавай Крещение не очищением только грехов, но и доставляющим всыновление и безчисленные другие блага, частью упомянутые мною, частью не упомянутые» (цит. по 14-й части «Прибавления к творениям святых отцов». С. 544—545).

Непосредственно перед Крещением крещаемый помазывается заклинательным елеем. Елей в переводе с греческого

значит «милость». Помазание напоминает нам о милости Божией, дарованной нам в искуплении через предстоящее Таинство.

В Библии рассказывается о том, как Господь решил истребить растленный род человеческий через потоп и только в семействе Ноя сохранил остаток его. Когда вода сходила и должна была уже показаться суша, то Ной, желая узнать, сошла ли вода, прошел ли гнев Божий, дважды выпускал голубицу из ковчега, и второй раз голубица прилетела к нему в ковчег, имея в своем клюве масличную ветвь. Это значило, что показались уже верхушки деревьев и еще немного, и можно будет выходить на землю. С этих пор голубица, несущая в клюве масличную ветвь, стала символом мира, символом нашего примирения с Богом.

По выходе из купели крестившиеся помазываются святым миром. Святым миром помазывается человек только один раз в жизни. При этом ему даются благодатные дары Святого Духа.

Некоторые, не зная этого, говорят, что на всенощной они будто бы помазываются святым миром, но то не миро, а только освященный елей — масло (иногда с духами).

При помазывании святым миром произносится: «Печать дара Духа Святаго».

Святой Кирилл пишет: «Смотри, не приходи к крещающим, как Симон, лицемерно, между тем как сердце твое не ищет истины. Наше дело — засвидетельствовать, а твое — быть осторожным. Если стоишь в вере — ты блажен. А если впал в неверие — с сего же дня отринь неверие и удостоверься... Он (Бог) готов запечатлеть душу твою и дает печать, которой трепещут демоны, печать небесную и Божественную, как и написано: *в Нéмже и вéровавше знáменастеся Духом обетовáния Святым* (Еф. 1, 13)... Если лицемеришь, то люди крестят тебя теперь, а Дух не будет крестить. А если пришел ты по вере, то люди служат в видимом, а Дух Святый дает невидимое... Если уверуешь, не только приимешь отпущение грехов, но будешь делать, что выше человека» (Огл. Слово 17, § 35—37).

Христос в переводе с греческого значит «Помазанник». «Христос не от человека, и не елеем или миром телесным был помазан, но Отец, предопределивший Ему быть Спасителем целого мира, помазал Его Духом Святым, как говорит Петр: *Иисуса, Иже от Назарета, Его же помаза Боз Духом Святым* (Деян. 10, 38) (Он помазан Духом Святым, а вы, соединившись с Ним, став Его участниками, помазаны святым миром). Но смотри не подумай, что сие есть миро простое. Как хлеб Евхаристии, по призвании Святаго Духа, есть уже хлеб не простой, но Тело Христово; так и святое миро сие по призвании (то есть освящении архиереем) не простое уже, или, как бы сказал иный, обыкновенное миро, но дарование Христа и Духа Святаго, от присутствия Божества Его соделавшееся действенным. Им назнаменательно помазуются чело и другие орудия чувств. И тело помазуется видимым миром, а душа освящается Святым и Животворящим Духом.

Сперва миропомазано у вас чело, чтобы освободиться нам от того стыда, какой всюду носил с собой первый человек, преступивший закон, и чтобы *откровенным лицем* взирать вам *на славу Господню* (см.: 2 Кор. 3, 18). Потом миропомазаны уши, чтобы приобрести вам уши, способные внимать Божественным Таинам, уши, о которых сказал Исаия: *и приложи ми* Господь *ухо, еже слышати* (см.: Ис. 50, 4), и Господь Иисус говорил в Евангелии: *имеяй уши слышати, да слышит* (Мф. 11, 15). Потом миропомазаны ноздри, чтобы, восприяв на себя Божественное миро, сказать вам: *Христово благоухание есмы Богови в спасаемых* (2 Кор. 2, 15). После сего миропомазаны перси, чтобы, *обóлкшеся в броня́ правды... вам ста́ти противу ко́знем диаволским* (Еф. 6, 14. 11). Ибо как Христос, исшедши по Крещении и наитии Святаго Духа, поборол сопротивника, так и вы, по священном Крещении и таинственном Помазании, облекшись во всеоружие Святаго Духа, противостаньте сопротивной силе и поборайте ее, говоря: *вся могу о укрепляющем мя Христе* (Флп. 4, 13).

Сподобившись сего святого Миропомазания, именуетесь вы христианами (то есть помазанными), оправдывая имя это возрождением. Ибо прежде, нежели сподобились вы этой бла-

годати, не были в подлинном смысле достойными и этого наименования, но приближались только к тому, чтобы вам быть христианами» (3 Тайнов. Слово § 2—5).

По принятии великих Таинств Крещения и Миропомазания вы соединились со Христом. Поэтому после этого мы обходим купель трижды в честь Святой Троицы с пением: *ели́цы во Христа крести́стеся, во Христа облеко́стеся,* то есть: *все вы, во Христа крестившиеся, во Христа облеклись* (Гал. 3, 27), соединились с Ним.

Круг — это символ вечности. Да будет же и ваше соединение со Христом на веки вечные!

После этого читается Послание к римлянам, гл. 6, ст. 3—11, и Евангелие от Матфея, гл. 28, ст. 16 и до конца, а затем молитвы на омовение (смывание) мира, потому что священное миро не должно быть стерто одеждой или чем-либо. В молитвах мы просим, чтобы в миропомазанных всегда озарялись сердца светом лица Господнего, чтоб щит веры был неуязвим от врагов, чтоб одежда нетления пребыла бы чистой, печать неповрежденной и обручение было неокраденным.

По омывании крещаемые постригаются во имя Отца и Сына и Святаго Духа, то есть волосы головы остаются в храме как залог посвящения Господу.

Наконец вы сподобляетесь принятия страшных Таин Христа и Бога нашего.

«Со всею уверенностию, — говорит святой Кирилл Иерусалимский, — будем причащаться сего и как Тела Христова, и как Крови Христовой; потому что под образом хлеба дается тебе Тело, и под образом вина дается тебе Кровь, чтобы, причастившись Тела Христова и Крови Христовой, соделаться тебе стелесником (одним телом) и единокровным Христу. Так делаемся мы Христоносцами, потому что Тело и Кровь Христовы сообщены нашим членам. Так, по словам блаженного Петра, бываем *Божественного причастницы естества* (2 Пет. 1, 4).

Некогда Христос, беседуя с иудеями, сказал: *аще не сне́сте Плоти* Моей, *ни пие́те Крове* Моей, *живота́ не и́мате в себе* (Ин. 6, 53). Они же, не с духовным разумением выслушав

сказанное, соблазнились и *идоша вспять* (Ин. 6, 66), думая, что предлагает им в подлинном смысле ядение плоти (то есть тела)...

Посему взирай не просто как на хлеб и как на вино: потому что, по Владычнему изречению, они — Тело и Кровь Христовы. Хотя чувство и представляет тебе хлеб и вино, но да укрепляет тебя вера. Не по вкусу суди о вещи, но верой несомненно удостоверься, что сподобился ты Тела и Крови Христовых...

Дознав это и удостоверившись, что видимый хлеб есть не хлеб, хотя и ощутителен по вкусу, но Тело Христово, и что видимое вино есть не вино, хотя и подтверждает то вкус, но Кровь Христова, и что о сем древле сказал, псалмопевствуя, Давид: *и хлеб сéрдце человéка укрепúт, умастите лицé елéем* (Пс. 103, 15), — укрепляй сердце, причащаясь его как хлеба духовного, и умащай лице души своей. О если бы тебе, имея лице сие откровенным, в чистой совести славу Господню взирающе, восходить *от славы в славу* (2 Кор. 3, 18) о Христе Иисусе, Господе нашем! Ему честь, и держава, и слава во веки веков! Аминь (4 Тайнов. Слово, § 3, 4, 6, 9).

Беседы о Молитве Господней

НАЧАЛЬНЫЕ СЛОВА МОЛИТВЫ (ПРИЗЫВАНИЕ)

Сегодня, с помощью Божией, мы начнем беседы о Молитве Господней. Название «Молитва Господня» дано той молитве, которая начинается словами *Отче наш.*

Почему эта молитва называется «Молитвой Господней»?

Дело в том, что молитвы, употребляемые Святой Церковью, имеют различное происхождение.

Одни молитвы составлены святыми угодниками Божиими, духоносными отцами.

Другие молитвы люди заимствовали от Ангелов; такова молитва *Слава в вышних Богу, и на земли мир, в человецех благоволение,* воспетая Ангелами в ночь Рождества Христова

(Лк. 2, 13—14); от Ангелов также заимствованы молитвы: «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный...» и «Достойно есть, яко воистинну блажити Тя, Богородицу, Присноблаженную и Пренепорочную и Матерь Бога нашего...»

Есть молитва, составленная и воспетая Пречистой Девой Марией, — *Вели́чит душа Моя Господа, и возра́довася дух Мо́й о Бозе Спа́се Моем* (Лк. 1, 46—55). Эта молитва поется Церковью ежедневно, за исключением только нескольких дней в году.

Молитва же *Отче наш* дана людям Самим Господом Иисусом Христом, поэтому она называется «Молитвой Господней».

Ученики просили Господа Иисуса Христа научить их молиться, в ответ на эту просьбу Он и дал им молитву *Отче наш* (Мф. 6, 9—13).

Поскольку эта молитва дана Самим Господом, то мы должны относиться к ней с величайшим вниманием; должны уяснить себе смысл не только каждого слова молитвы, но и порядка, в каком одно слово следует за другим.

Сегодня мы остановимся на начальных словах Молитвы Господней: *Отче наш, Иже еси на небесех!*

В этих словах раскрывается истина, имеющая основное значение и для христианского мировоззрения, и для христианской жизни.

Все народы Земли имели и имеют религию, все народы стремятся познать Бога, войти с Ним в единение, в контакт, построить свою жизнь по Его закону.

Но познать Бога — дело нелегкое, дело, требующее великого труда, великого напряжения всех сил человеческой души.

Если трудно познать те или иные природные явления или жизнь человеческих обществ, то еще труднее познать Бога.

Если наши знания, относящиеся к природе или истории, отличаются неполнотой, ошибками, постоянно меняются и дополняются, то тем более знания, относящиеся к Богу, и ограниченны, и неполноценны.

Это объясняется тем, что у падшего, удалившегося от Бога человека познавательные способности — ум — ограничены и омрачены.

Поэтому у различных народов существуют различные, отличающиеся друг от друга понятия о Боге, о путях единения с Ним.

Каждый человек в глубине своей души ощущает, что есть Высшая Сила, есть Источник Бытия, но когда пытается составить представление, понять, что такое эта Высшая Сила, что такое Источник Бытия, то делает ошибки, впадает в противоречия.

Одни языческие народы отождествляли Бога с отдельными природными силами или природой в целом, думая, что выше природы ничего нет; природные силы они считали живыми существами, почитали их и поклонялись им.

Другие языческие народы думали, что выше природы судьба, что есть какой-то роковой закон, которому подчиняется и жизнь природы, и жизнь каждого человека, а человек и природа безсильны перед судьбой и роком.

Некоторые из языческих мыслителей признавали, что, кроме природы и человечества, есть другой, сверхприродный, идеальный мир, ничем не связанный с нашим миром; между этими мирами нет живой связи; в лучшем случае люди могут только созерцать идеальный мир, но созерцание это безплодно и нежизненно.

Были и такие, которые приходили к мысли о едином Боге, но одни из них считали, что Бог создал мир, но не управляет им и не заботится о нем, другие видели в Боге только Судию и Карателя.

Таковы человеческие понятия и попытки познать Бога. Как видите, они и многообразны, и противоречивы.

Если бы падшие, отступившие от Бога люди были предоставлены только самим себе, если бы они оставались только с одними своими ограниченными и омраченными грехом познавательными способностями, то они были бы обречены на безконечное блуждание и никогда бы не дошли до познавания Истинного Бога.

Но Бог Сам открыл людям истину о Себе — сначала частично, через пророков богоизбранного еврейского народа, а в полноте — через воплотившегося Сына Божия, Господа

Иисуса Христа. Человечество получило истинное знание о Боге, знание, принесенное Господом Иисусом Христом и хранящееся в Святой Церкви.

Начальные слова Молитвы Господней содержат эту великую истину о Боге, открытую Иисусом Христом.

В начальных словах Молитвы Господней Иисус Христос открывает, что Бог — не природная сила и не природа в целом, не судьба и не рок, не идеальный космос, не имеющий живой связи с нашим миром. Бог — это Отец всего существующего. Бог не только создал Вселенную, весь мир — и природный и духовно-идеальный, — но как Отец любит свое создание, заботится, промышляет о нем и ведет его к поставленной цели. Слово «Отец» близко и понятно человеческому уму и сердцу: Отец — это Тот, Кто вызывает к жизни, Тот, Кто любит Свое создание и заботится о нем.

Созданная Богом Вселенная многообразна: с одной стороны, это «наш» мир — мир природный и человеческий; с другой — это ангельский духовно-идеальный мир, называемый на библейском языке «небом». Поэтому Бог называется, с одной стороны, Отцом «нашим». То есть Отцом нашего природно-человеческого мира, а с другой — Отцом «Небесным», *Иже еси на небесех,* то есть Отцом духовного мира, ангельских сил.

И Ангелы, и люди, и природа составляют одну Вселенную, одну великую Божию семью, имеющую Единого Отца. Ангелы — это старшие братья людей, а вся природа — это младшие братья.

Эта великая истина о Боге как Отце Вселенной и о мире как Божией семье имеет великое жизненное значение: человек — это не «винтик» бездушной природы, не игрушка «судьбы» и «рока», человек — это чадо Божие.

Бог не только создал человека, но и любит его, и заботится о нем.

Человек не одинок в мире, он живет в великой Божией семье: у него есть живая связь и с ангельскими силами, и с младшими братьями — животными, растениями и более элементарными природными силами.

Великая истина о Боге — Отце Вселенной — окрыляет и вдохновляет человека, наполняет его неизреченной радостью и силой. Аминь.

ПЕРВОЕ ПРОШЕНИЕ

В прошлое воскресенье мы беседовали о той молитве, которой научил Сам Господь Иисус Христос, о молитве, начинающейся словами: *Отче наш, Иже еси на небесех!*

Говоря о начальных словах этой молитвы, мы видели, что в них открывается великая истина, лежащая в основе всего христианского мировоззрения и всей христианской жизни. В этих словах Молитвы Господней открывается, что Бог есть Отец всего создания, что вся Вселенная — и видимая и невидимая — является великой Божией семьей, что духовный мир — ангельские силы — являются нашими старшими братьями, а все мы вкупе являемся детьми Божиими.

Вот какая великая истина открывается в этой молитве.

Эта молитва проливает свет на наше отношение и к Богу, и к миру, и друг к другу; эта истина определяет основной закон жизни.

Начальными словами молитвы мы призываем Отца Небесного, обращаемся к Нему. А дальше следуют наши прошения — то, о чем мы просим Бога.

Всех прошений семь.

Первое прошение: *Да святится Имя Твое;* второе: *Да приидет Царствие Твое;* третье: *Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли;* четвертое: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь;* пятое: и *остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим;* шестое: *И не введи нас во искушение;* седьмое: *Но избави нас от лукаваго.*

А в конце содержатся заключительные слова молитвы.

Если мы будем иметь в виду, что молитва нам дана Самим Господом Иисусом Христом, то мы должны с величайшим вниманием отнестись к ней, со вниманием осознать содержание этих прошений, и не только содержание, но даже и порядок прошений, осознать, почему именно одно прошение предшествует другому.

Сегодня мы побеседуем о первом прошении Молитвы Господней: *Да святится Имя Твое.*

Что это значит? О чем мы просим в этом прошении? Какая духовная нужда, какая потребность нашего существа раскрывается и выявляется этим прошением?

Вы знаете, что Бог свят и пресвят в Самом Себе. И даже если бы не было ни человеческого рода, ни ангельских сил, то Бог был бы всегда свят и пресвят. Бог не только свят, но Он является Источником святости для всего творения. Всякая святость, всякая святыня исходит от Него, всякая святыня освящается Им. Бог — Начало святости, Бог — Источник святости.

Если наш Отец Небесный является святым и пресвятым, если наш Отец Небесный является Источником святости, то это нас, детей Божиих, обязывает знать и помнить о святости Божией, благоговейным чувством сердца ощущать Его святыню, стремиться к уподоблению Ему.

Еще в Ветхом Завете Бог, обращаясь к людям, говорил: *Святы будьте, ибо свят Я Господь, Бог ваш* (Лев. 19, 2; 20, 7).

Слова эти приводит в своем Первом соборном послании и апостол Петр (см.: 1 Пет. 1, 16).

Если у человека имеется живое знание Отца Небесного, благодатное ощущение Его святости, постоянное волеустремление уподобиться Небесному Отцу, то в этом человеке прославляется и святится Имя Божие.

А если человек забыл своего Небесного Отца, если в сердце человека нет никакого благоговения к святыне Божией, если у человека нет устремленности уподобиться Отцу Небесному, то в таком человеке Имя Божие поносится, хулится.

Таким образом, в первом прошении Молитвы Господней мы просим о том, чтобы Бог просветил наш ум знанием о Своей святости, осенил наше сердце благодатным ощущением Своей святыни, направил нашу волю к уподоблению Ему, Небесному Отцу.

Вот что значит: *Да святится Имя Твое.* Если мы посмотрим на людей, достигших высшей степени духовного совершенства, много потрудившихся над собой и с помощью бла-

годати действительно ставших чадами Божиими, то увидим, что в их устроении все это имеется: имеется и знание Отца Небесного, и благодатное ощущение Его святости, и постоянное целеустремление — уподобиться Небесному Отцу.

Но если мы обратимся к своему внутреннему состоянию, то увидим, что в нас не прославляется Имя Божие, потому что мы настолько погружены в грех, что сила греха отводит нас от уподобления Отцу Небесному.

Мы стремимся выйти из этого положения и начать прославлять Имя Божие.

Мы смотрим на духовное совершенство святых, и у нас возникает вопрос: с чего начать, как сделаться действительно чадами Божиими? Что нам нужно сделать, чтобы и в нашем сердце прославлялось Имя Божие?

Если мы обратимся к творениям святых подвижников, которые опытно прошли духовную жизнь, то они говорят, что первой ступенью прославления Имени Божиего является страх Божий.

В Ветхом Завете говорится: *Начало премудрости — страх Господень* (Притч. 1, 7). Вспомните также слова псалмопевца: *Работа́йте Го́сподеви со страхом и радуйте́ся Ему с тре́петом* (Пс. 2, 11); или *Приид*и́*те, чада, послу́шайте мене, страху Господню научу́ вас* (Пс. 33, 12).

В творениях святых отцов много внимания уделяется страху Божиему. Если возьмем книгу, которую можно назвать азбукой христианской жизни, — «Душеполезные поучения» преподобного аввы Дорофея или книгу «Лествица» преподобного Иоанна Лествичника, то они говорят, что желающие спастись, желающие сделаться чадами Божиими должны научиться страху Божиему.

Страх Божий — это сознание и чувство ответственности за свою жизнь; сознание того, что жизнь дана человеку Богом и человек несет ответственность перед Богом за то, как проведет жизнь.

Из страха Божиего вырастет решимость порвать с греховной жизнью. Под влиянием страха Божиего человек начинает исполнять заповеди Божии; со страха Божиего начинается прославление Имени Божиего.

Если человек начнет со страха Божиего, если он углубит чувство ответственности перед Богом за всю свою жизнь, то это чувство ответственности заставит человека действовать, трудиться, чтобы исполнять волю Божию, чтобы уподобляться Богу; а когда человек начнет исполнять волю Божию, начнет уподобляться Богу, то в его сердце станет произрастать сыновнее благоговение по отношению к Небесному Отцу.

Страх Божий — это начальная ступень, это «начало премудрости», а завершение — это сыновнее прославление Имени Отца Небесного.

И если мы действительно хотим спастись, хотим быть чадами Божиими, то должны начать со страха Божиего.

Мы должны заботиться, чтобы воспитывать в своей душе страх Божий. На страхе Божием, как на фундаменте, возрастает все прочее, необходимое для духовной жизни. На этом фундаменте возрастает и благоговейное сыновнее отношение к Отцу Небесному.

Да святится Имя Твое — это значит: да прославляется в нас Имя Твое. Высшая ступень прославления Имени Божиего — это сыновнее отношение к Небесному Отцу.

Святые подвижники дают целый ряд практических указаний, как воспитывать в нашей душе страх Божий.

Так, в книге аввы Дорофея мы находим следующие наставления: тот, кто хочет воспитать в своей душе страх Божий, должен, прежде всего, ежедневно вспоминать о смерти и о том, что следует за смертью, то есть о Суде и о вечном наказании преступающих волю Божию. Если мы будем помнить, что на земле живем временно, что нам придется переходить в другую жизнь и мы понесем величайшую ответственность за неисполнение воли Божией, то эта память о смерти будет порождать в нашей душе страх Божий.

Это первое средство для воспитания страха Божиего.

Второе средство — это ежедневно вечером, перед отходом ко сну, проверять себя, как провел минувший день, вспоминать основные особенности минувшего дня, вспоминать, в чем нарушил заповеди Божии. Нужно не только вспоминать,

что сделал плохого, но и раскаяться в этом и решиться в дальнейшем воздерживаться от греха.

Далее преподобный авва Дорофей говорит, что если хочешь научиться страху Божиему, то живи с человеком, который живет со страхом Божиим.

Если мы будем сближаться с такими людьми, которые внимательны к себе, то от них научимся страху Божиему. Одна душа влияет на другую. Если человек имеет страх Божий, то из его души и в нашу душу может влиться страх Божий.

Итак, первый путь воспитания страха Божиего — думать о смерти; второй путь — ежедневно просматривать все события минувшего дня; третий путь — стараться сближаться с людьми, имеющими страх Божий.

Святые отцы указывают еще один путь, одно практическое средство, как воспитать в своей душе страх Божий.

Преподобный авва Дорофей говорит о том, что если мы хотим научиться страху Божиему, мы должны отучиться от вольного обращения со своими ближними.

Когда вы в первый раз знакомитесь с человеком, то вы относитесь к нему со вниманием; вы заботитесь, как бы чем-нибудь его не обидеть, не оскорбить. Так бывает первое время, потом у вас образуется панибратское отношение к человеку: вы теряете первое благоговейное отношение к нему, позволяете себе и пренебрегать им, и презирать его, и даже оскорблять; вот это и есть так называемое вольное обращение.

Если мы посмотрим, как мы относимся к своим ближним, то увидим, что многие из нас заражены этим вольным обращением.

Такое отношение искореняет из души страх Божий, искореняет бдительность и заботу о своем спасении.

Итак, братие, на нас лежит великая обязанность, чтобы в нашей жизни прославлялось, святилось Имя Божие, чтобы мы уподоблялись Отцу Небесному, а для этого мы должны заботиться о воспитании в нашей душе страха Божиего, должны идти тем путем, каким шли святые отцы. Аминь.

ВТОРОЕ ПРОШЕНИЕ

В прошлое воскресенье мы беседовали о той молитве, которой научил нас Господь Иисус Христос. Эта молитва начинается словами: *Отче наш, Иже еси на небесех!*

Мы видели, что в этих словах открывается та истина, что Бог является Отцом всего создания, что вся Вселенная, весь мир — великая Божия семья, а небесные ангельские силы — наши старшие братья.

Мы беседовали о первом прошении Молитвы Господней: *Да святится Имя Твое,* значит: да прославится Имя Твое святое в нас, людях, в наших мыслях, в нашей воле.

И мы старались уяснить, как же нам начать прославлять Имя Божие, с чего положить начало прославления Имени Божиего. Мы видели, что мы, грешные, подверженные всяким страстям, должны начинать прославление Имени Божиего со страха Божиего. Мы пытались понять, как святые отцы учат приобретать в своей душе страх Божий.

Сегодня побеседуем о втором прошении Молитвы Господней.

Второе прошение читается: *Да приидет Царствие Твое.*

Что означают эти слова: *Да приидет Царствие Твое?*

О каком царстве мы просим в этом прошении, чтобы оно пришло?

Повествование евангельское начинается проповедью Иоанна Крестителя. Он, проповедуя, говорил: *Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное* (Мф. 3, 2).

Этими словами начал Свою проповедь и Господь, возвещая, что приблизилось Царствие Божие. И Евангелие, которое проповедовал Он и Его ученики, так и называется — Евангелие Царства.

Царство Божие является начальной проповедью и святого Иоанна Предтечи, и Самого Господа Иисуса Христа, и Его учеников.

Царство Божие является тем, что заповедует искать Господь Иисус Христос. Господь говорил: *Ищите же прежде Царства Божия* (Мф. 6, 33).

С одной стороны, Царство Божие приблизилось, с другой — Господь заповедует искать прежде всего Царство Божие.

Если вы обратитесь к содержанию Евангелия, то там многократно упоминается о Царствии Божием. Говорится, что Царство Божие нужно искать с усилием. *Царство Небесное силою берется* (Мф. 11, 12). Приводится ряд притч, содержащих некоторый сокровенный смысл, о Царстве Божием.

Господь Иисус Христос говорит: *Царство Небесное подобно зерну горчичному... которое, хотя меньше всех семян, но, когда вырастет, бывает больше всех злаков и становится деревом* (Мф. 13, 31—32).

Господь Иисус Христос уподобляет Царство Небесное неводу, закваске, вечери, пиру, который устроил человек и на который созвал приглашенных.

Нам предстоит углубиться в понятие Царство Божие. Предстоит понять, что такое Царство Божие, которое приблизилось, которое нужно искать прежде всего, которое силой берется и употребляющие усилия восхищают его.

Чтобы понять смысл евангельских понятий о Царстве Божием, мы должны напомнить, какое понятие о Царстве Божием бытовало в то время среди окружающего Господа иудейского народа.

Иудейский народ имел определенное мировоззрение, определенное понятие о мире. В этом мировоззрении содержалось много истин, открытых Богом. Но было много и привнесенных человеческих мудрований. Эти человеческие мудрования искажали богооткровенные истины.

В то время, когда жил Иисус Христос, приблизительно две тысячи лет тому назад, иудеи потеряли свою политическую самостоятельность. Иудея была подчинена римской власти. Такое подчинение римскому народу, потеря национальной независимости переживалась иудеями с большими скорбями.

И самой пламенной мечтой было — вернуть национальную самостоятельность, освободиться от римского гнета и вновь стать свободным, независимым народом. Иудеи мечтали, что придет Мессия, могущественный завоеватель, способный

освободить их от власти римлян, сделать иудейский народ самым могущественным, и тогда все другие народы подчинятся иудеям. А так как иудейский народ был народом богоизбранным, народом Божиим, то это царстве иудейского народа будет Царством Божиим.

Вот какое представление о Царстве Божием было у тогдашних иудеев. Таким образом, Царство Божие иудеи понимали внешним образом, как национально-политическое могущество.

В одном из евангельских рассказов говорится, что среди лиц, окружавших Господа Иисуса Христа, к Нему подошла мать апостолов Иоанна и Иакова. Она поклонилась Господу и стала молить, чтобы Он, когда сделается царем, владыкой, разрешил одному из ее сыновей сесть с правой, а другому с левой стороны.

У нее тоже было представление о Мессии как о внешнем завоевателе и о Царствии Божием как о царстве иудейского народа над другими народами.

Затем в Евангелии повествуется, что когда Иисус Христос пятью хлебами насытил пять тысяч человек, то это произвело такое впечатление, оказало такое действие на окружающих, что народ захотел сделать Иисуса Христа своим владыкой-царем.

Господь Иисус Христос, проповедуя Евангелие, говорил о другом царстве, говорил не о внешнем царстве, не о том царстве, которое достигается путем завоевания. Господь Иисус Христос говорил: *Царствие Божие внутрь вас есть* (Лк. 17, 21).

Как это понять, что Царство Божие есть внутри человека?

Когда апостол Павел в одном из своих посланий пишет о Царствии Божием, у него нет ни одного намека на иудейское понимание Царства Божиего как на подчинение других народов иудеям. Он говорит о Царстве духовном: *Царствие Божие не пища и питие, но праведность и мир и радость во Святом Духе* (Рим. 14, 17).

Самой великой ценностью, которая выше материальной, политической, научной ценности, является душа человеческая; и Господь сказал, что душа человека дороже всего в

мире, потому что душа человека является образом и подобием Божиим. Подобие Божие заключается не только в том, что душа имеет сходство с Богом, но также и в том, что душа имеет единение с Богом, что она соединена с Богом.

Душа человека может быть подобной Богу, сходной с Богом именно потому, что она способна быть в единении с Богом.

Если душа может единиться с Богом, то сила Божественной Благодати может изливаться в душу человека и человек может уподобляться Богу. Если человек является чадом Божиим, то находится во внутреннем таинственном благодатном единении с Богом.

Если душа человека находится в единении с Отцом Небесным, если Благодать Отца Небесного изливается в душу человека и душа уподобляется Отцу Небесному, то душа находится в том состоянии, которое именуется Царствием Божиим.

Когда душа находится в благодатном общении с Богом и человек уподобляется Отцу Небесному, это значит: *Царствие Божие внутрь вас есть.*

Может быть другое состояние человеческой души. В душе может царствовать не Бог, не Отец Небесный, а кто-то другой.

Если душа порвала связь с Богом, если она не находится в единении с Отцом Небесным, если она не уподобляется Отцу Небесному, если она связала себя с диаволом, то Царства Божиего в такой душе нет. В такой душе царствует диавол; душа уподобляется диаволу, а не Отцу Небесному.

Обращаясь к творениям святых отцов, часто встречаешь противопоставление этих двух состояний души. В душе может быть или Царство Божие, или царство диавола.

Если обратите внимание на жизнь святых угодников, на их труды и подвиги, то увидите, что они стремились к тому, чтобы в их душах было Царство Божие, чтобы из их душ был изгнан диавол — грех, чтобы их души были богоподобными, чтобы Царство Небесное было в их душах. Жизнь угодников Божиих — это борьба за Царство Божие; они боролись за то,

чтобы изгнать из своих душ зло — грех — и чтобы в их душах воцарился Бог. Они старались исполнять слова: *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

Вот о каком Царстве Божием благовествовал Господь Иисус Христос; вот о каком Царстве Божием проповедовали Его преемники; вот к какому Царству Божию стремились угодники, за какое Царство Божие умирали мученики.

Когда читаем молитву: *Да приидет Царствие Твое,* в этих словах мы молимся, чтобы в наших душах воцарился Бог, чтобы души наши были чадами Отца Небесного, чтобы был изгнан грех.

Да приидет Царствие Твое. Да приидет благодатное Царство Божие в наши души.

Если обратим внимание на толкование святых отцов, то у них Царство Божие понимается не только как благодатное состояние души. Прошение *Да приидет Царствие Твое* говорит не только о царстве благодати, но и о царстве славы.

Царство Божие — это, с одной стороны, благодатное состояние души, с другой — царство славы.

Что такое царство славы?

Весь мир, вся Вселенная есть Царство Божие. И было время, когда во всей Вселенной Божией не было греха, не было зла, не было смерти. Вся Вселенная была храмом Божиим. Затем часть Вселенной отпала. Мир разделился на две части. Одна часть мира осталась верной Богу. В этой части и сейчас господствует жизнь добра, радости. А в другой части, в той части Вселенной, в которой живет падшее человечество, совершилась великая катастрофа: под влиянием диавола эта часть Вселенной заразилась грехом, а вслед за грехом последовала и смерть.

Таким образом, в настоящее время часть Вселенной является царством славы, а та часть Вселенной, которая заразилась грехом, является царством греха.

Бог не забыл и об этой отпадшей части. Он Своим искупительным действием стремится, чтобы и эта часть Вселенной была преображена, чтобы и из этой части был изгнан

грех, была изгнана смерть, был изгнан диавол, чтобы и эта часть Вселенной тоже стала царством славы, нерукотворным храмом.

Если мы обратимся к Апокалипсису, книге, которой кончается Святая Библия, то увидим, что в ней открывается великая истина: вся Вселенная вновь станет животворящим храмом Божиим, в ней не будет ни зла, ни смерти, ни диавола.

Когда читаем прошение: *Да приидет Царствие Твое,* то, с одной стороны, молимся о благодатном царстве, чтобы в наших душах воцарился Бог; с другой стороны, молимся о том, чтоб пришло царство славы, чтобы вся Вселенная стала нерукотворным храмом Божиим. В это царство славы можно войти только в том случае, если в нашей душе будет благодатное Царство Божие. У кого в душе не будет царства благодати, тот не сможет войти в царство славы.

Царство славы — это великий храм. Он будет создан из живых камней — душ человеческих, приобщенных Божественной Благодати.

Молясь, чтобы наступило царство славы, должно прилагать все усилия, чтобы в наших душах было царство благодати.

Вот о чем мы молимся в прошении: *Да приидет Царствие Твое.*

Как бы человек нравственно ни упал, как бы его душа ни была заражена инфекцией греха со стороны диавола, но в душе у него остается искра Божия, способная охватить душу и из грешника сделать святого.

Какая же искра Божия имеется в душе человеческой? Это совесть. Нет человека, у которого не было бы совести

Святые отцы заповедуют хранить совесть.

Они говорят, что если ты хочешь, чтобы в душе твоей воцарился Бог, если ты хочешь, чтобы душа твоя стала Царством Божиим, то храни свою совесть. Если будешь хранить свою совесть, то в душе твоей воцарится Бог, а если будешь ее попирать, то в душе навсегда останется диавол и царство греха.

В творениях святых отцов, подвижников, где даются прак-

тические указания как жить, как трудиться, указывается, что одной из основных, главных задач является хранение совести.

В Евангелии есть такие слова Господа Иисуса Христа: *Мирись с соперником твоим скорее, пока ты еще на пути с ним, чтобы соперник не отдал тебя судье, а судья не отдал бы тебя слуге, и не вергли бы тебя в темницу* (Мф. 5, 25).

О каком сопернике говорит Святое Евангелие? О совести.

Хранение совести — это первый шаг к тому, чтобы в душах наших воцарился Бог.

Преподобный авва Дорофей, книга которого является азбукой христианской духовной жизни, учит нас хранить совесть по отношению к Богу и по отношению к людям.

У каждого из нас есть, с одной стороны, открытая сторона жизни — наши поступки, слова, действия; с другой — есть сокровенная, тайная сторона — наши чувства, мысли, желания.

Хранить совесть по отношению к Богу — значит стараться о том, чтобы в нашей тайной, сокровенной стороне жизни было все угодно Богу. Если мы заметим мысли, не угодные Богу, мы должны эти мысли пресечь. Если мы заметим, что поднимаются чувства, противные Богу, мы должны их сокрушить. Если мы заметим желания, не угодные Богу, мы должны такие желания подавить.

Когда мы, заботясь о тайнах сокровенной стороны нашей жизни, стараемся, чтобы наши мысли, чувства и желания были угодны Богу, то этим самым сохраняем совесть по отношению к Богу.

О нашей внутренней, невидимой борьбе никто не знает, кроме Одного Бога.

Прилагая усилия вести такую невидимую борьбу, человек хранит совесть по отношению к Богу, борется в своей душе за Царство Божие.

Мы должны хранить совесть и по отношению к людям. Это значит: мы должны не соблазнять своими поступками других людей.

Представьте себе: кто-нибудь, зная о том, что мы христиане, члены Святой Церкви, замечает в наших словах,

поступках что-то нехорошее и думает: «Он называется христианином, а какой он христианин?» И соблазняется. Этот соблазн распространяется и на всю Церковь.

Человек, познакомившись с нами как с христианами, может быть, стал бы тоже христианином, но когда он соблазняется, то удаляется от Церкви. В этом наша вина.

Желая хранить по отношению к ближним совесть, мы должны заботиться, чтобы ничем не соблазнять ближнего, не подавать ему дурного примера.

Когда мы слышим или читаем Молитву Господню и доходим до прошения: *Да приидет Царствие Твое,* будем молиться, чтобы в нашей душе воцарилось благодатное Царство Божие, чтобы весь мир сделался царством славы. Будем помнить, что, решаясь бороться в своей душе за Царство Божие, мы должны хранить свою совесть по отношению к Богу и по отношению к ближним. Аминь.

ТРЕТЬЕ ПРОШЕНИЕ

Уже несколько воскресений мы беседуем о Молитве Господней, о той молитве, которую дал людям Господь Иисус Христос. Эта молитва начинается словами: *Отче наш, Иже еси на небесех!*

Мы беседовали и о начальных словах этой молитвы, и о первом прошении: *Да святится Имя Твое,* и о втором прошении: *Да приидет Царствие Твое.*

Сегодня мы остановимся на третьем прошении: *Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.*

Мы обращаемся к Отцу Небесному, прося, чтобы на земле Его воля исполнялась так же, как на небе. Под словом «небо» здесь разумеется не физическое небо, а духовный мир, ангельские силы.

В Священном Писании под словом «небо» в некоторых местах разумеется физическое небо, то воздушное пространство, которое окружает нашу Землю, а в других местах — духовный мир, ангельские силы; так же как под словом «земля» в некоторых местах разумеется земля в буквальном смысле,

а в некоторых — человечество, то есть человеческий род, населяющий Землю.

Слова: *Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли* — можно передать следующим образом: пусть человеческий род, люди исполняют Твою волю так, как исполняют ее ангельские силы.

А как исполняют ангельские силы волю Отца Небесного?

Воля Ангелов едина с волей Отца Небесного. Воля Ангелов ничем не отличается от Его воли. Между волей ангельских сил и волей Отца Небесного царит полная гармония.

Помните, как Иисус Христос молился накануне Своего страдания? Он молился не только об апостолах, но и о верующих в Него по слову апостолов.

Господь Иисус Христос произнес такие слова: *да будут все едино, как Ты, Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино* (Ин. 17, 21).

Вот о каком единстве молился Господь. О том, чтобы род человеческий, мы, люди, были едины с Отцом Небесным.

На небе, в ангельском мире, такое единство уже достигнуто. Там имеется единение между волей Ангелов и волей Отца Небесного. А среди людей не так. Люди под влиянием диавола отдалены от Бога. Их воля направлена не к Богу, а на нечто другое. Поэтому на земле нет единения между волей людей и волей Божией, а есть даже противоположность.

Это различие между волей человеческой и волей Божией и есть самое ужасное зло. Никакое другое зло, никакие другие бедствия не являются столь преступными, столь страшными, столь опасными, как то, что люди свою волю отдалили от воли Божией.

Что же стало предметом устремления людей?

Под влиянием диавола человеческая воля стала стремиться удовлетворять свое самолюбие, служить своему «я». «Я» занимает центральное место, возведено на пьедестал.

Самое ужасное в душе каждого из нас — разъединение с Богом. Человек поставил свое самолюбие, свое «Я» на место Бога. Это и было тем преступлением, за которым последовали другие бедствия.

Господь пришел на землю для того, чтобы избавить человечество от зла, чтобы вернуть волю человека к воле Божией, чтобы объединить человеческую волю с волей Отца Небесного, чтобы человеческий род представлял такое же единение с Богом, какое представляют ангельские силы.

Многие читают Священное Писание и, наверное, обращали внимание, что в Святом Евангелии много раз упоминается о воле Божией.

Господь Иисус Христос говорит: *Не всякий, говорящий Мне: «Господи! Господи!», войдет в Царство Небесное, но исполняющий волю Отца Моего Небесного* (Мф. 7, 21).

Господь Иисус Христос говорит, что Царство Небесное наследует только тот, кто творит волю Отца Небесного.

О Самом Себе Христос говорит, что Он пришел на землю не для того, чтобы исполнить волю Свою, но волю Отца Небесного.

В лице Господа Иисуса Христа объединяется и Божеское, и человеческое естество. Его человеческое естество как бы пронизано Божеством и является великим образцом для каждого человека.

Вспомните канун страданий Господа Иисуса Христа, Его Гефсиманскую молитву. Господу Иисусу Христу предстоит крест, предстоят не только физические страдания, но Ему предстоит взять на Себя грехи всего мира, взять на Себя ответственность за грехи всех людей, от первого до последнего. И в Гефсиманской молитве Он просит Отца: *Да минует Меня чаша сия* (Мф. 26, 39). Эту молитву Он заключил такими словами: *Не Моя воля, но Твоя да будет* (Лк. 22, 42).

Вот какова была воля человеческого естества Господа Иисуса Христа. Воля Отца Небесного была для Него всем. То, что проявилось в человеческом естестве Господа Иисуса Христа, является образцом и для каждого человека.

Если человек хочет спастись, то он должен стремиться, чтобы его воля была единой с волей Божией. Каждый из нас в глубине своего сердца искренне должен обращаться к Отцу Небесному: *Не Моя воля, но Твоя да будет.* Эти слова легко произнести. Но если вдуматься, если представить себе чело-

века, который не только искренне их произносит, но и искренне самоопределяет себя, то мы удивимся величию слов: *Не Моя воля, но Твоя да будет.*

Если обратимся к нашему сердцу и душе, то увидим, что в нас живет воля, противная воле Божией, что наше сердце и душа как бы произносят: «Не Твоя, а моя воля да будет». А нужно было произнести наоборот: «Не моя, а Твоя воля да будет».

Когда мы добровольно отдаемся какому-нибудь греху, то мы свою волю и волю диавола ставим на место воли Бога, в то время как вожделенным стремлением подвижников, начиная от апостолов и кончая нашим временем, было преобразить свою волю. Они старались так устроить путь своей земной жизни, чтобы их воля преобразилась, стала едина с волей Отца Небесного.

В Священном Писании есть одно замечательное место. У апостола Павла в Первом послании к фессалоникийцам есть такие слова: *Сия́ бо есть во́ля Божия, святость ваша* (1 Фес. 4, 3). Если перевести на русский язык, то: *Воля Божия есть освящение ваше.*

Бог свят, и Он хочет, чтобы и дети Его были подобны Ему, то есть были святы.

В Ветхом Завете сказано: *Будьте святы, ибо Я свят* (Лев. 11, 44).

Все подвижники стремились к тому, чтобы стать подобными Отцу Небесному. Они старались изгонять из своего сердца и души грех, ибо грех вносит противоречие по отношению к воле Божией.

Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.

Да будет среди нас такое отношение к Отцу Небесному, как среди Ангелов.

В одном из псалмов читаем: *Благослови́те Господа вси Ангели Его, си́льнии кре́постию, творя́щии слово Его* (Пс. 102, 20).

Такая характеристика дается Ангелам. Они называются сильными крепостью, творящими слово — волю Отца Небесного. Они приобретают силу, крепость и могущество через творение воли Божией. А когда человек нарушает волю Отца

Небесного, то его духовная природа расслабляется, грех ведет к безсилию, а исполнение воли Божией делает человека крепким и мужественным. Поэтому Ангелы и называются сильными крепостью: *Благословите Господа вси Ангели Его, сильнии крепостию, творящии слово Его.*

И далее есть еще такое место в Священном Писании: *Творя́й во́лю Божию пребыва́ет во ве́ки* (1 Ин. 2, 17).

А почему творящий волю Божию пребывает вовеки?

Потому что творящий волю Божию соединяется с Богом, а Бог выше смерти. Кто соединяется с Богом, тот пребывает вовеки, а кто отдален от Бога, тот умирает и духовной и физической смертью.

Цель нашей земной жизни заключается в том, чтобы нашу волю соединить с волей Отца Небесного, чтобы в нашем сердце и душе жили стремления, подобные воле Отца Небесного.

Это великая и нелегкая задача для человека, требующая труда и подвига всей жизни христианина.

Мы, принадлежащие к Святой Православной Церкви, должны стремиться, чтобы во время нашего земного пути наша воля стала единой с волей Отца Небесного.

Если каждый из нас обратится к своему сердцу, то увидит, что в нем нет единения с Божией волей.

Наоборот, в нашем сердце живет противоречие воле Божией. Мы ежедневно преступаем, нарушаем волю Божию.

Нужно обратиться к творениям святых отцов, чтобы узнать, как они научились творить волю Божию, как они подвизались, чему учат.

Они учат отсекать свою волю.

Что значит отсечение своей воли?

Когда человек замечает в самом себе, в своих мыслях, чувствах, желаниях нечто противоречащее воле Божией, то он должен это отсекать или пресекать.

Можно привести самые простые примеры.

Вот представьте себе: вы встречаете людей, которые беседуют о чем-нибудь недолжном, заняты или пересудами, или болтливостью, и у вас возникает желание присоединиться к

ним, попробуйте отсечь это желание, не принимайте участия в их пересудах; если вас тянет взглянуть на что-нибудь недолжное, на то, что вызывает нечистое желание, чувство, а вы не станете смотреть — этим вы отсечете свою волю; если вас тянет совершить какой-нибудь грех — воздержитесь, отсеките его.

Некоторые не обращают внимания на мелочи, думают, что путь спасения состоит из крупных дел. Мы должны быть верны Богу и в мелочах.

Святые отцы говорят: «Если хотите отсечь свои страсти, то начинайте с мелочей, начинайте отсекать волю с самых пустяков, с самых малых дел: тянет посмотреть — вы воздержитесь, тянет сказать какое-нибудь слово, или о чем-нибудь подумать, или помечтать о нечистом — воздержитесь».

Если начнете так трудиться над своей душой в мелочах, то через это приобретете способность отсекать и крупные свои страсти, и основные свои пороки.

Многие из нас, думая, что путь спасения состоит в крупных делах, ежедневно предаются мелким грехам, доживают до смерти и переходят в другой мир неочищенными. А святые отцы говорят, что работу над своей душой нужно начинать с мелочей.

Это первое практическое указание, как преобразить свою волю.

Многие, стремясь спастись, достигнуть святости, ограничиваются только внешними действиями и не стремятся преобразить свои чувства и желания. А для Бога важны не только наши внешние действия, но и наши внутренние стремления и чувства.

В житиях святых есть один поучительный в этом отношении пример.

В один монастырь, строгий по своему уставу и по жизни монахов, поступил молодой инок. Своим поведением он обратил на себя внимание более опытных в духовной жизни монахов. Они заметили, что он никогда не раздражается; когда его обижают, причиняют что-нибудь неприятное, он остается невозмутимым. В то время как даже старым монахам слу-

чалось раздражаться, быть недовольными чем-то, — он был спокоен. Многие задумались о том, как он, такой юный, а достиг такого совершенства?

Один большой подвижник, опытный в духовной жизни, однажды подошел к иноку и сказал: «Брат, открой тайну своей души, как ты достиг того, что никогда не раздражаешься?» Тогда молодой отшельник показал рукой на других монахов и сказал: «Мне ли раздражаться на этих псов?» Услышав такие слова, старец перекрестился и отошел.

На этом примере мы видим, что при внешней сдержанности, спокойствии, как будто бы даже святости, — внутри у инока царили гордость и самомнение. Всех других братиев монастыря он считал псами, недостойными того, чтобы из-за них раздражаться.

Это страшное внутреннее состояние было как бы диавольским состоянием. В самомнении, гордости, презрении к другим молодой инок как бы уподоблялся диаволу.

Таким образом, христианин должен заботиться о том, чтобы не только внешнее его поведение, вид, внешние поступки, но и внутреннее его состояние были близки к святости.

Это второе практическое указание.

Святые отцы говорят, что путь очищения души, путь к тому, чтобы сделать свою душу прекрасной, могущественной, близкой к Богу, — это путь трудный, и здесь нужен совет опытных людей. Если мы будем надеяться только на самих себя, то мы можем запутаться в духовной жизни, опуститься ниже того, чем мы были, начиная путь спасения.

Обращаясь к жизни святых угодников, которые подвизались и достигли святости, мы видим, что свою жизнь, свою волю они проверяли советом опытных людей.

У каждого из нас есть духовный отец, у которого мы исповедуемся, которому мы открываем свою душу. Свой жизненный путь мы должны проверять через совет духовного отца.

Многие из нас прибегают к Таинству Исповеди, один раз исповедуются у одного духовника, другой раз у другого, третий раз у третьего. Нужно же стараться, чтобы у каждого из

нас был один духовник, одному духовнику должно открывать свою душу.

Итак, третье практическое указание в деле преображения нашей воли заключается в том, чтобы мы старались проверять, правильным ли путем мы идем, проверять себя советом духовно более опытных людей, и прежде всего своего духовного отца.

Следуя святоотеческому пути, мы еще на земле достигнем начатков того блаженства, которым наслаждаются Ангелы Божии, творящие волю Отца Небесного. Аминь.

ЧЕТВЕРТОЕ ПРОШЕНИЕ

Уже несколько воскресений мы с вами беседуем о Молитве Господней, беседуем о той молитве, которой научил нас Господь Иисус Христос и которая начинается словами: *Отче наш, Иже еси на небесех!* Мы беседовали о начальных словах этой молитвы, о первом прошении: *Да святится Имя Твое,* о втором прошении: *Да приидет Царствие Твое* и о третьем прошении: *Да будет воля Твоя, яко на небеси и на земли.*

Сегодня речь будет идти о четвертом прошении Молитвы Господней: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь.*

В это прошение, как и во всю Молитву Господню, углублялись многие из Богоносных и духоносных отцов.

Для уяснения смысла прошения *Хлеб наш насущный даждь нам днесь* они раскрывали нам истину о различии между бытием Божественным и бытием творений.

Бог имеет источник бытия и источник жизни в Самом Себе.

Бог ни в чем не нуждается, и бытие, и жизнь заключается в Нем Самом. Он Источник бытия и Источник жизни, а все творения, все создания Божии не имеют в самих себе источника жизни. Они не только вызваны к бытию Богом, но и в своей жизни нуждаются в Боге и друг в друге. Этим бытие творений отличается от бытия Божиего.

Бог является Самодовлеющим. Он ни в ком и ни в чем не нуждается.

Можно привести такой пример. Представьте себе самый простой организм, какое-нибудь растение. Чтобы развиваться, жить, это растение нуждается и в свете, и в тепле, и в питании.

Если растение совершенно изолировать, лишить питания, света и теплоты — предоставить его самому себе, то оно погибнет.

Для того чтобы жить, самый простой организм — растение — нуждается в получении жизненной энергии, в соответствующей среде.

А возьмите какой-нибудь сложный животный организм. Даже самый высший организм животных — человеческое тело — не может жить без определенной среды, без притока жизненной энергии, нуждается и в питании, и в теплоте, и в свете.

Это касается материальных вещественных организмов. А высшие творения Божии — ангельские силы, не имеющие материального тела, плоти, — и они не могут жить без притока жизненной энергии. Они могут жить, только получая благодатную духовную энергию от Бога.

В одной из церковных книг ангельские силы называются вторыми светами. Бог — это Первый Свет, Источник всякого света, а ангельские силы являются вторыми светами потому, что они нуждаются в Первом Свете, нуждаются в светолитии, в Божественной энергии, исходящей от Первого Света Божиего.

Таким образом, материальные существа — растения, животные и самые высшие из творений Божиих — ангельские силы не являются сами по себе источниками жизни, но нуждаются в притоке жизненной энергии извне.

А если вы обратитесь к человеку, то Слово Божие, наука и опыт подтверждают ту истину, что человек является сложным существом. Его тело имеет в основном такие же органы, такие же функции, как тело и организм у животных. Но по своей душе он сроден ангельским силам. Его душа — ангелоподобное существо.

Человек нуждается, с одной стороны, в притоке веще-

ственной энергии из окружающей материальной среды, а с другой стороны — в благодатной жизненной энергии, исходящей от Отца Светов.

Когда мы слышим в четвертом прошении Молитвы Господней: *Хлеб наш насущный даждь нам днесь,* то прежде всего под хлебом разумеем то, что необходимо для подкрепления жизни нашего тела.

Наше тело нуждается в притоке жизненной энергии из окружающей среды. Хлеб, о котором упоминается в четвертом прошении, означает не только хлеб в узком смысле слова, но все те необходимые условия, которые нужны для жизни тела. Но душа наша выше тела, и поэтому то, что необходимо для души, выше того, что необходимо для нашего тела. Человеческая душа нуждается в иной пище, в другом хлебе.

То, в чем нуждается наше тело, — как бы хлеб с маленькой буквы, душа же нуждается в Хлебе, в пище с большой буквы.

В Псалтири сказано: *Хлеб сердце человека укрепит* (Пс. 103, 15). Ведь хлеб укрепляет не сердце, а наше тело.

Сердце на библейском языке — это наш внутренний мир, наша духовная жизнь.

Некоторые из учителей Церкви говорят, что святой пророк Давид, произнося слова: *Хлеб сердце человека укрепит,* имел в виду не наш обыкновенный хлеб, а другой Хлеб, который нужен нашей душе, духовному бытию.

Какой это хлеб, какая это пища, о которой пророчествовал пророк Давид?

В Святом Евангелии Господь Иисус Христос говорит о другой пище, о другом хлебе, необходимом для жизни нашей души.

Вспомните слова Спасителя: *Не о хлебе еди́ном жи́в бу́дет челове́к, но о вся́ком глаго́ле, исходя́щем изо у́ст Божиих* (Мф. 4, 4).

Господь указал, что человек нуждается не только в хлебе как телесной пище, но и в Слове Божием.

Что такое Слово Божие и почему оно необходимо для питания нашей души?

Под Словом Божиим мы разумеем все то, что нам открыто Богом: о Нем Самом, о мире и о нас.

Человеческий ум ограничен и нуждается в откровении от Бога.

Все, что открывается Богом, именуется Словом Божиим.

Слово Божие является пищей для нашего духовного бытия. Слово Божие отличается от слов человеческих.

Когда мы воспринимаем слова человеческие, они действуют на наш рассудок. Мы стараемся уяснить их смысл, понять содержание словесных знаков. Через этот уясненный смысл слова могут влиять на наши чувства и стремления. Слово Божие точно так же может оказывать влияние на наши чувства и стремления, может просвещать наш ум. Но, кроме того, Слово Божие имеет благодатную силу, способную влиять на нашу душу непосредственно, помимо рассудка. Благодатная сила Божия может озарять наш дух, открывать великие тайны, недоступные рассудку.

Многое недоступно нашему рассудку. Слово Божие открывает нам эти тайны непосредственно, является величайшей благодатной озаряющей силой, могущей питать и преображать наш духовный мир. Святой апостол о Слове Божием говорит, что оно сильно, действенно.

И Господь Иисус Христос учит: *Не о́ хле́бе еди́ном жи́в бу́дет челове́к, но о вся́ком глаго́ле, исходя́щем изо у́ст Божиих* (Мф. 4, 4); *Блаженны слышащие слово Божие и соблюдающие его* (Лк. 11, 28).

В церкви значительная часть богослужения состоит из Слова Божия. И если внимать тому, что читается в храме, то наша душа озаряется духовным благодатным светом, питается духовной пищей.

Чтение Святого Евангелия особенно торжественно. Оно предваряется молитвами, которые сосредоточивают наше внимание, подготавливают нашу душу к восприятию Божественной пищи. По прочтении Евангелия возносится благодарение Богу: «Слава Тебе, Господи, слава Тебе!»

В Святом Евангелии мы слышим слова не человеческие, но слова Самого Христа. А слова Христа имеют величайшее

значение и оказывают могущественное влияние на тех, кто их воспринимает.

Несмотря на то, что прошло уже около 2000 лет после того, как жил Иисус Христос, слова Его действенны и ныне, ибо Господь пребывает вовеки.

Для уяснения мысли о том, что когда слышим Евангелие, то слышим Самого Христа, я приведу один пример.

Все вы, наверное, обращали внимание на одну особенность архиерейского служения литургии.

Перед чтением Святого Евангелия за литургией епископ снимает омофор и во время чтения Евангелия стоит без омофора.

Омофор — главная отличительная часть архиерейского облачения, представляет собой длинный плат с изображением нескольких крестов, возлагаемый на плечи архиерея. Омофор означает заблудшую овцу, которую Пастырь Господь Иисус Христос взял на свои плечи и вознес к Отцу. Овца — это символ человека, заблудшая овца — символ падшего человека.

Господь Иисус Христос именуется добрым Пастырем, Который оставляет всех овец и идет в горы, чтобы найти заблудшую и привести к Отцу. Он соединяется с человеческим естеством, воспринимает человеческое естество. Омофор — символ человеческого естества, спасаемого Господом.

В древней Церкви омофор делался из шерсти овец, чем еще более подчеркивалась аналогия с заблудшей овцой.

Епископ является как бы образом Христа. В своей одежде он носит отличительные черты этого образа. Подобно тому, как Господь Иисус Христос спас человечество, точно так же епископ возлагает на свои плечи омофор — образ заблудшей овцы.

Почему же во время чтения Евангелия епископ снимает эту, наиболее значительную из своих одежд, делающую его как бы образом Христа Спасителя?

Святые отцы и учители Церкви изъясняют: «Когда читается Святое Евангелие, то глаголет Сам Христос, присутствует Сам Первообраз. А когда присутствует Сам Первообраз, то образ как бы смиряется, умаляется перед Первообразом. По-

этому епископ снимает самое отличительное, самое главное из своей одежды».

Так объясняют это действие святые отцы. Так объясняет святой Исидор Пелусиот; так толкует блаженный Симеон Солунский. Данный пример раскрывает, какое значение придает Святая Церковь чтению Слова Божия.

Когда читается Святое Евангелие, то присутствует и глаголет Сам Господь Иисус Христос, поэтому Слово Божие и является благодатной силой, преображающей и освящающей нашу душу.

Вот почему у каждого христианина должно храниться Святое Евангелие, и в течение дня нужно прочитывать из него хотя бы понемногу.

Вот один из видов Пищи с большой буквы, о которой говорит Иисус Христос в Евангелии: *не о хлéбе едúнем жив бýдет человéк, но о вся́цем глагóле исходя́щем изо уст Божиих* (Мф. 4, 4).

Но в Святом Евангелии Господь Иисус Христос говорит еще и о другой Пище, необходимой для души человека.

Если вы читали Святое Евангелие от Иоанна, то вы обратили внимание на слова, произнесенные Господом Иисусом Христом после того, как Он совершил величайшее чудо — насытил пятью хлебами пять тысяч человек.

Он сказал: *вы ищете Меня не потому, что видели чудеса, но потому, что ели хлеб и насытились. Старайтесь не о пище тленной, но о пище, пребывающей в жизнь вечную* (Ин. 6, 26—27).

И далее говорит: *хлеб Божий есть тот, который сходит с небес и дает жизнь миру* (Ин. 6, 33).

КАКОЙ ЖЕ ЭТО ХЛЕБ?

Господь Иисус Христос открывает в дальнейших словах великую тайну. Он говорит, что хлеб Божий, хлеб, сходящий с неба и дающий жизнь миру, есть Он Сам: *Аз есмь хлеб животный* (Ин. 6, 35) — *Я есмь хлеб жизни.*

Если Господь Иисус Христос называет Себя Хлебом жизни, то этим Он указывает, что без такого Хлеба мы не можем жить.

Как все живое не может жить без солнца, так все духовное не может жить, не питаясь тем Хлебом, который есть Спаситель.

Как мы можем питаться Хлебом с большой буквы, как мы можем питаться тем Хлебом, о котором Господь Иисус Христос говорит, что этот Хлеб есть Он Сам?

Это великая тайна. И совершается она в Таинстве Причащения Тела и Крови Христовых. Сам Господь Иисус Христос установил это великое Таинство.

Иисус Христос, живя на земле, был как бы простым человеком, не имеющим внешних отличий от других людей. У него было то же тело, что у человека, но тело это было как бы покровом, за которым скрывалось Его Божество. Точно так же мы под видом хлеба и вина воспринимаем истинное Тело и истинную Кровь Господа Иисуса Христа.

В Ветхом Завете есть одно место, где говорится, что кровь животного неразрывно связана с его душой: *Кровь бо есть душа его* (Втор. 12, 23). Поэтому древним евреям запрещалось употребление крови.

Точно так же, когда мы причащаемся Тела и Крови, то все наше существо входит в тесное соприкосновение с душой Господа Иисуса Христа, потому что душа Его пребывает в Его Теле и Крови.

А приходя в соприкосновение с душой Господа Иисуса Христа, мы через это делаемся причастниками Божественного естества.

Многие из вас в своем духовном опыте испытывают, что Тело и Кровь Господа Иисуса Христа поистине животворящая Божественная сила.

Некоторые причащаясь только верят в эту силу, но многие не только верят, но и сами испытывают: приступая с должным приготовлением к Святым Таинствам, они ощущают, что Святые Таины являются светом и жизнью.

Сразу или после Причастия человек чувствует близость Божию в своей душе: страсти, помыслы, мечтания утихают. Человек получает как бы власть над своими мыслями и чувствами. Это — свидетельство того, что Тело и Кровь Божии —

истинный Хлеб жизни и что, причащаясь Святых Таинств, мы входим в непосредственное соприкосновение с Господом.

Многие испытывали, как дух зла, темные силы стараются воспрепятствовать Причащению Тела и Крови Христовых. Когда человек готовится ко Святому Причащению, часто возникает множество препятствий, внутренних и внешних. Появляются, например, холодность, безчувствие, поднимаются страсти, в мыслях рождаются разные недоумения.

И после Причастия темные силы часто стараются воспрепятствовать восприятию плодов этого Таинства, побуждают человека или к болтливости, или к сонливости; сила зла противодействует причащающимся, чтобы не дать человеку ощутить, испытать силу Святых Таинств. Сила зла боится, страшится Святых Таин, Хлеба жизни, ибо Святые Таины имеют великую силу, являются великим огнем.

Опыт христиан побуждает и нас к тому, чтобы, готовясь к Причастию, мы отдавали приготовлению все нужное внимание, чтобы старались преодолеть те внутренние и внешние препятствия, которые воздвигают духи зла.

И когда мы причастились, мы должны хранить себя, не должны предаваться болтливости или сонливости, должны уединиться в своей душе, хотя бы некоторое время побыть внутри себя, побыть с Тем, Кто вошел в нашу душу. И подобно тому, как христианин не может быть христианином, если не питается Словом Божиим, точно так же христианин не может быть христианином, если не питается Телом и Кровью Христовыми.

Апостол Павел в Первом послании к коринфянам говорит, что Таинство Тела и Крови будет совершаться до Второго Пришествия, так же как и Церковь Божия будет существовать до Второго Пришествия Христова.

Христиане до конца существования мировой истории будут питаться Телом и Кровью Христовыми. Если христианин удаляется от Причащения, то удаляется от жизни и переходит на сторону вечной смерти.

Как должны мы ежедневно питаться Словом Божиим, не только слушать Святое Евангелие в церкви, но и ежедневно

читать дома, так мы должны по мере сил и по мере устроения каждого из нас приступать к Святым Таинствам.

Нельзя решать вопрос в общем порядке: как часто должен причащаться человек. Это зависит от обстоятельств. Некоторые могут причащаться часто, но если не имеют внешних и внутренних благоприятных обстоятельств, то причащаются реже.

Мы должны отнести на совет духовного отца, как часто нужно нам причащаться. Не следует самим себе назначать сроки Причащения. Это первое дело, а второе — мы должны готовиться к принятию Святых Таин.

Если мы по благословению духовного отца решимся причаститься Святых Христовых Таинств, то в течение нескольких дней мы должны приготовляться — углубляться в себя. Тогда мы не только будем верить, что Святые Таинства преображают душу, но сами на себе испытаем их силу.

Питаясь в течение земной жизни не только вещественным, но и духовным хлебом, при наступлении часа смерти мы перейдем в другой мир, насыщенный этим Хлебом жизни. Аминь.

ПЯТОЕ ПРОШЕНИЕ

Уже несколько воскресений мы беседуем с вами о Молитве Господней, о той молитве, которую дал людям Господь Иисус Христос и которая начинается словами: *Отче наш, Иже еси на небесех!*

Сегодня мы побеседуем о пятом прошении Молитвы Господней: *И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим.*

Мы неоднократно говорили о том, что основная мысль, основное содержание Молитвы Господней заключается в той истине, что Бог есть Отец Своего создания, что вся Вселенная является великой семьей Божией и люди призваны быть чадами, детьми Божиими.

Первые четыре прошения раскрывают состояние души чада Божиего, показывают, какими мы должны быть,

чтобы соответствовать своему призванию — быть детьми Божиими.

Если человек является чадом Божиим, то вся его жизнь прославляет Бога, во всей жизни его святится Имя Божие. В его душе царит Бог, пребывает Отец Небесный; его воля всегда соединяется с волей Отца Небесного. Чадо Божие питается не только хлебом вещественным, но и Словом Божиим и Причастием Тела и Крови Господа Иисуса Христа.

Первые четыре прошения раскрывают главные особенности, главные отличительные черты человека, если он соответствует своему назначению — быть чадом Божиим.

Но человек — существо падшее, он должен восходить к тому, чтобы быть чадом Божиим; для этого нужно преодолевать препятствия и трудности, нужен духовный подвиг.

Какие препятствия должен преодолевать человек, чтобы осуществить призвание — быть чадом Божиим?

Об этом говорят три последних прошения: *И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим; и не введи нас во искушение, но избави нас от лукаваго.*

Первое препятствие, которое должен преодолеть человек, первая трудность, которая мешает человеку стать чадом Божиим, — его греховное прошлое.

У каждого из нас есть прошлое, и в этом прошлом наряду со светлой его частью есть и много греховного, мрачного, темного. Греховное прошлое, тяготеющее над каждым из нас, — первое препятствие на пути к тому, чтобы человек стал чадом Божиим.

Когда мы совершаем какой-нибудь дурной поступок, когда поддаемся греховному влечению, мы стараемся оправдать себя, говоря: «И это ничего, и это обойдется, и другое обойдется». А между тем не проходит без следа не только ни одно дело, но даже ни одно чувство, ни одна мысль — они-то и составляют наше греховное прошлое, все время увеличивающееся новыми греховными делами, мыслями, чувствами. Греховное прошлое является как бы великим долгом, тяготеющим над нами.

Если у человека есть какой-нибудь долг, если он должен,

то он не сможет нормально жить, пока не погасит его. Если он не заплатит, то должник будет иметь власть над ним, будет иметь право потребовать возвращения долга. Он может привлечь его к ответственности. Наше греховное прошлое и представляет тот страшный долг, который должен быть нам оставлен, от которого мы должны освободиться.

Если мы обратимся к жизни святых угодников, то увидим, как они старались освободиться от своего греховного прошлого, увидим, какую страшную, злую, темную силу представляет это греховное прошлое, держащее как в тисках нашу душу; оно многообразными щупальцами охватывает нас и мешает нам жить нормальной человеческой жизнью.

Вспомните жизнь преподобной Марии Египетской.

Вы знаете, что она была грешная женщина. Больше того, она утопала в грехах, дошла в них до самого дна, до самого края падения, а потом обратилась к Богу, разорвала с грехом и стала жить с Богом и для Бога. Она ушла в Иорданскую пустыню.

Она поведала сама о себе. Она говорила, что греховное прошлое не оставляло ее в покое в течение многих и многих лет, и прежде всего через ее воображение. Перед ней возникали разные греховные мечтания во всей красоте, во всей силе. И это были не какие-нибудь мимолетные образы, а жгучие мечтания, которые отвлекали ее от Бога и молитв, и огонь их охватывал ее. За этими мечтаниями в ее душе возникали стремления уйти из пустыни и вновь начать греховную жизнь.

Преподобная Мария говорила, что она боролась с греховными мечтаниями, чувствами и стремлениями, как со зверями. Эти мечтания, чувства и стремления были как бы щупальцами, которыми греховное прошлое ее охватывало и тянуло назад. Они были как бы тисками, которые держали ее и препятствовали идти вперед, к Богу.

Такая борьба была у великой угодницы — преподобной Марии Египетской.

Но у каждого из нас есть своя борьба с греховным прошлым. У каждого из нас также множество греховных пятен в душе, составляющих греховное бремя.

В Великом каноне на первой неделе поста мы молим: «Возми с меня тяжкое бремя греховное». Это и есть наше греховное прошлое. В том же каноне мы говорим о греховной, окровавленной, разорванной одежде, которая мешает нам жить с Богом.

Что это за кровавая одежда? Это — наше прошлое.

В брачный чертог вошел человек не в брачной одежде. У него было желание войти в чертог, но одежда его была не брачная — он не освободился от греховного прошлого. Этот великий греховный долг не был ему прощен, и эта одежда, в которой вошел человек, была греховной, разодранной, окровавленной (см.: Мф. 22, 11—14).

Когда читаем это прошение Молитвы Господней: *И остави нам долги наша,* то мы просим, чтобы Отец Небесный снял с нас греховное бремя.

У одного великого подвижника спросили, какой признак того, что грех оставлен, прощен человеку. И этот подвижник ответил: если грех потерял для человека свою прелесть, если грех перестал влечь и тянуть его к себе, то это значит, что грех оставлен человеку, прощен ему.

Если грех оставлен, то это не значит, что человек только освобожден от наказания за него. Когда оставляются наши греховные долги, то наше греховное прошлое отсекается, теряет свое значение, власть, оно не тяготит, не имеет на нас никакого влияния.

Я вам рассказывал, что преподобная Мария Египетская боролась с греховным прошлым. А когда подвиг был закончен, то греховное прошлое уже не имело над ней никакой власти. Грех ее не тяготил, не влек к себе, она получила духовную свободу от власти греховного прошлого.

Оставить человеку греховные долги — это значит сделать его духовно свободным от власти прошлого. Вот о чем мы просим.

Если мы хотим жить настоящей внутренней христианской жизнью, то мы должны ставить целью освободиться от этого греховного долга, освободиться от власти греховного прошлого.

Борьба за освобождение своей души от греховного долга является двусторонней: с одной стороны, человеческие усилия, с другой — Благодать Божия. Человек одним своим усилием не может снять с себя долги греховные, порвать с греховным прошлым. Для этого нужна Благодать Божия. Но Благодать Божия дается человеку подвизающемуся, употребляющему усилия, чтобы освободиться от власти греховного прошлого.

Если мы обратимся к святым опытным подвижникам, которые прошли путь христианской жизни и сняли с себя греховное бремя, то мы увидим в их жизни, с одной стороны, их усилие, их подвиг, с другой — великое действие Благодати Божией, снимающей с них это греховное бремя, освобождающей их от этих греховных долгов.

Вот что значит прошение Молитвы Господней: *И остави нам долги наша.* Но это прошение имеет еще и вторую часть. Вы знаете, что это прошение заканчивается словами: *якоже и мы оставляем должником нашим.* Значит, наше греховное бремя может быть снято при некотором условии, а именно: если и мы оставляем должникам нашим.

Что это значит? Какой имеет смысл?

Смысл великий, ибо молитва эта составлена не человеком. Она дана Самим Господом. Поэтому к ней мы должны отнестись с великим вниманием.

Что это значит: *якоже и мы оставляем должником нашим?*

Мы живем в мире, подверженном греху. Человечество является падшим, поэтому каждый из нас исполнен греха, каждый из нас грешен не только перед Богом, но и друг перед другом.

Мы терпим и несправедливости, и обиды, и клевету, и всякого рода озлобления. Но мы не только сами это терпим, а часто и по отношению к другим тоже бываем несправедливы — и обижаем и оскорбляем. Если мы находимся в таком состоянии, если мы испытываем обиду, несправедливости, то мы можем по-разному к этому относиться.

С одной стороны, наше сердце может охватить великая злоба, ненависть, желание отомстить, уничтожить того, кто

нас оскорбил. В нашей душе может гореть огонь ненависти, мести, злобы. Но мы можем и по-другому реагировать на обиду человеческую. У нас может возникнуть глубокое сожаление, скорбь о том человеке, который причиняет нам обиду и оскорбление. Ведь если человек наносит обиду несправедливо, то это значит, что он совершает великий грех, падает, нравственно разлагается. Когда мы видим его совершающим такие дела, у нас возникает сожаление, скорбь о его падении, и возникает желание помочь ему.

Святые угодники Божии, подвижники, подвергались великим оскорблениям, терпели притеснения, трудности, но их души не загорались местью или желанием уничтожить тех, кто их оскорбил. У них возникала глубокая скорбь, сожаление и желание помочь этим людям освободиться от греховного падения.

Как по-разному человек может реагировать на обиду и несправедливости! В первом случае — его сердце исполняется злобы, ненависти; в другом — милосердия и милости.

Христианское милосердие и милость не являются равнодушием, сентиментальным непротивлением злу, чем-то пассивным.

Если мы посмотрим на угодников Божиих, то увидим, что в их душах не было зла, ненависти, но было милосердие, которое выражалось в глубоком сожалении о падших людях и в стремлении им помочь.

Итак, когда мы терпим обиды, скорби или неприятности, мы можем действовать двояко: мы можем допустить злобу, желать мести, а можем уподобиться тем, кто проникался глубоким сожалением к падшим и стремился им помочь.

Вот что значит: *якоже и мы оставляем должником нашим.*

Должники — это те, кто причиняет нам скорби, и мы оставляем им грех, если не впускаем в свою душу злобу, ненависть и страсть. Если все эти пороки проникают в нашу душу, то это значит: мы не оставляем должникам нашим.

Какая связь между первым положением этого прошения и вторым?

Для того чтобы с нашей души были сняты греховные долги,

греховное бремя, мы нуждаемся в помощи Благодати Божией, а если в душе живут злоба, ненависть, злопамятство, то Благодать Божия не может войти в нашу душу и снять с нас тяжкое греховное бремя.

Господь Иисус Христос говорит, что когда мы молимся: *и остави нам долги наша,* — то оставление грехов возможно в том случае, если в душе нет злобы, ненависти.

Вот что значат слова эти: *якоже и мы оставляем должником нашим.*

В другом месте Евангелия говорится: *если вы будете прощать людям согрешения их, то простит и вам Отец ваш Небесный, а если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших* (Мф. 6, 14—15).

В этом глубокий смысл: оставить грехи — значит изгладить грех Божественной Благодатью. А Божественная Благодать не может войти в душу, если душа исполнена злом и ненавистью. Если хотим, чтобы Отец Небесный снял с нас грехи, то не должны допускать в душу зла, злопамятства, потому что это является преградой, не допускающей в душу Благодати Божией.

В житии святых есть глубокое повествование о том, как злоба, охватывающая душу, может лишить человека Благодати Божией.

9/22 февраля совершается память святого мученика Никифора. Житие его повествует о том, что святой мученик Никифор жил в первой половине III века. У Никифора был друг, которого звали Саприкием. Они были близкие друзья, жили душа в душу. Но диавол, которому ненавистен мир между людьми, внес в их взаимоотношения разлад. Сначала они поссорились; злоба все более и более углублялась и дошла до того, что они не хотели не только разговаривать, но и смотреть друг на друга. Первым опомнился Никифор. Он пришел к Саприкию и говорит: «Я виноват перед тобой, прости меня, давай жить, как раньше». Но Саприкий не захотел разговаривать с ним, и Никифор должен был уйти огорченным. Через некоторое время христианская Церковь подверглась гонению. Саприкий, как христианин, был взят, заключен в темницу

и подвергнут многообразным пыткам. Его принуждали отречься от Христа, но он выдержал все пытки и не отрекся. Тогда язычники приговорили его к смерти. Никифор узнал об этом. Когда Саприкия вывели из ворот темницы, он подошел, поклонился и говорит: «Мученик Христов, я виноват перед тобой, давай помиримся». Но в сердце Саприкия была злоба. Он вспомнил о давней своей обиде, отвернулся и пошел дальше. Никифор следовал за ним. Пришли на место казни, и вновь Никифор подошел к нему, поклонился и сказал: «Прости». Но Саприкий опять вспомнил прежнюю обиду и не захотел смотреть на него.

Благодать Божия помогала Саприкию переносить тяжести темницы, пытки, давала ему силы не отречься от Христа. Но когда Саприкий впустил в свое сердце злобу, когда не изгнал злопамятства, — Благодать Божия оставила его.

Увидев палача и орудие казни, он спросил: «За что хотят меня умертвить, что хотят от меня?» Ему ответили: «Чтобы ты отрекся от Христа». Никифор подошел к Саприкию и сказал: «Ты вынес все: претерпел заключение, пытки, осталась только казнь, и ты будешь на небе, но не отрекайся от Христа». Благодать же Божия оставила Саприкия, потому что в сердце его было зло, и он сказал язычникам: «Я отрекаюсь от Христа».

Он был мучеником, он перенес и темницу, и пытки, он был на месте казни, для него был уже готов венец мученика, но, поскольку он допустил в сердце злобу, Благодать Божия оставила его, ибо не может быть в том сердце, в котором есть злоба. Тогда Никифор выступил перед язычниками и сказал: «Я христианин». Прежде он скрывал это, боясь преследования, а теперь сказал об этом громко — и был казнен. Святая Церковь прославляет его как мученика. Мы молимся: *И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим.*

Если мы не оставляем долги, то и нам не могут быть оставлены наши долги, и с нас не может быть снято греховное прошлое, потому что мы закрываем доступ в свое сердце Благодати.

Вот какой смысл имеет пятое прошение. Когда мы слышим это прошение: *И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим,* будем помнить, что у нас есть страшный грех — это греховное прошлое, которое мешает нам приблизиться к Богу. И мы должны бороться с ним, должны молиться, чтобы освободиться от него. В то же время будем помнить, что Благодать Божия, оставляющая наши грехи, может быть дана нам только в том случае, если мы оставляем должникам нашим, если мы изгоняем из своего сердца злобу и злопамятство.

Все мы живем на земле, и земная жизнь дана нам для того, чтобы снять с себя тяжелое бремя грехов наших, чтобы расплатиться с греховными долгами, чтобы в час смерти греховное прошлое не имело над нами власти, чтобы этот страшный долг был заплачен. И какое несчастье будет, если в час смерти мы почувствуем, что греховное прошлое попрежнему имеет власть над нами, что мы находимся в его тисках, что оно своими щупальцами держит душу. Какое несчастье будет, если в час смерти человек окажется не освобожденным от греха!

Пока мы на земле, употребим же все усилия, чтобы избавиться от этого греховного долга, чтобы снять с себя его тяжелое бремя; тогда в час смерти мы перейдем в другой мир очищенными и освобожденными и будем прославлять нашего Господа Иисуса Христа с Его Безначальным Отцом и Святым Духом во веки веков. Аминь.

ШЕСТОЕ ПРОШЕНИЕ

В прошлое воскресенье мы беседовали с вами о пятом прошении Молитвы Господней, о том прошении, которое читается: *И остави нам долги наша, якоже и мы оставляем должником нашим.*

Сегодня мы побеседуем о шестом прошении Молитвы Господней: *И не введи нас во искушение.*

Мы неоднократно говорили о той истине, которая лежит в основе молитвы Господней, что Бог является Отцом Своего

создания и что каждый человек призван быть чадом Божиим, быть в живом единении с Богом и жить так, как подобает жить чаду Божиему.

Люди же по своей свободной воле удалились от Бога и живут не как дети Отца Небесного, а уподобляются животным или диаволу. А когда человек начинает понимать всю опасность удаления от Бога, когда у него возникает желание приблизиться к Богу и жить, как подобает чаду Божиему, и он начинает это осуществлять, тогда появляется целый ряд препятствий, которые мешают человеку стать чадом Божиим, уподобиться Отцу Небесному.

Об одном из таких препятствий мы говорили в прошлый раз — это наше греховное прошлое.

У каждого человека были в прошлом грехи, лежащие бременем, которое мешает идти к спасению.

Это первое препятствие на пути к Богу.

Сегодня мы побеседуем о другом препятствии.

О нем говорит шестое прошение молитвы Господней: *И не введи нас во искушение.*

Что же такое искушение? Что нужно понимать под этим?

Если мы обратимся к Священному Писанию, то увидим, что и в книгах Ветхого Завета, и в книгах Нового Завета неоднократно говорится об искушении.

Так, например, в одной из книг Ветхого Завета есть такое место: *Чадо, аще приступаеши работати Господеви Богу, уготови душу твою во искушение* (Сир. 2, 1). Это значит: если готовишься работать Господу, то будь готов переносить искушения.

В Евангелии повествуется о том, что после Крещения Господь Иисус Христос претерпевал искушения от диавола в пустыне.

В Послании апостола Иакова говорится: *С великою радостью принимайте, братия мои, когда впадаете в различные искушения* (Иак. 1, 2).

Если мы обратимся к творениям святых отцов, то там встретим целые главы, посвященные выяснению того, что такое искушение и как надо его переносить.

Прежде всего под искушением нужно понимать многообразные скорби, напасти, беды, которые постигают падшего, удалившегося от Бога человека на пути его жизни.

Эти беды, скорби, страдания происходят от собственного тела человека, от стихийных природных бедствий и от окружающих людей.

Есть еще скорби от темных сил, от диавола.

Когда мы читаем жития святых, то убеждаемся, какие великие скорби приходилось претерпевать подвижникам от темных сил.

Кроме внешних скорбей, есть еще внутренние скорби, внутренние страдания — это наши страсти.

Если человек духовно проснулся, начинает внимательно относиться к себе, то у него начинается трудная борьба со страстями. Страсти исходят от падшей человеческой природы и от диавола, который этими страстями, как разжженными стрелами, пытается удалить человека от Бога. Для человека-подвижника эти страсти являются величайшими внутренними скорбями.

Подвижник томится, страдает, молится о том, чтобы Господь избавил его от внутренних страстей.

Страсти — это то же, что страдания.

Искушение — это совокупность всех страданий и от внешней природы, и от сердца самого человека, и от диавола. Оно неизбежно для каждого человека, пока он живет на земле.

Откуда же появляются эти искушения? Кто их создал?

Искушения созданы не Богом, они пришли в мир через грех.

Когда человек заразился грехом от диавола, когда удалился от Бога, то следствием этого явились многообразные скорби и внутренние, и внешние. Эти скорби и страдания явились результатом, следствием греха.

Когда человек заразился грехом от диавола, он духовно заболел. Всякая болезнь — скорбь и сопряжена со страданием.

Скорби неизбежны для каждого человека: для праведного и неправедного, для тех, кто еще спит духовно и кто проснулся и начал над собой трудиться.

Но можно двояко относиться к скорбям. Можно быть побежденным ими и внутренне, и внешне, погрузиться в бездну страстей и скорбей, а можно преодолеть их, оказаться победителем.

В Евангелии есть два образа, которые воплощают в себе двоякое отношение человека к искушениям.

Вспомните Голгофу. По обе стороны креста Господня было еще два креста: были распяты два разбойника. Они претерпевали одинаковые муки — муки тяжелые, невыносимые — это было одно из величайших для них искушений. Но посмотрите, как по-разному два разбойника переносят одинаковые скорби.

Один из разбойников предается отчаянию, произносит хулу на Бога. Другой же относится к своим страданиям по-иному. Он говорит: мы достойны переносить эти страдания, мы заслужили их за свою вину, а Господь страдает невинно. И, обращаясь ко Господу, благоразумный разбойник восклицает: *Помяни мя, Господи, егда́ прии́деши во Ца́рствие Си,* и Господь отвечает ему: *Днесь со Мно́ю бу́деши в раи́* (см.: Лк. 23, 39—43). В первом случае эти страдания вызывают отчаяние, хулу, в другом — переносятся спокойно, с самоукорением, с молитвой ко Господу Иисусу Христу.

Каковы результаты такого отношения к искушениям?

Первое — отчаяние, безумие и хула — низводят в ад. Другое — самоукорение и молитва — возводят в рай.

Страдания двух разбойников показывают нам, как люди переносят искушения, неизбежные на пути земной жизни.

Каждый человек уподобляется или первому, или второму разбойнику, среднего нет.

Когда нас постигают искушения и нашу душу охватывает отчаяние, смущение, если мы поддаемся тогда этим страстям, побеждаемся ими, это путь первого разбойника. Другой путь — когда мы, перенося искушения, вспоминаем о своих грехах, укоряем себя, молитвенно обращаемся к Богу и, таким образом, оказываемся победителями их, то есть, по толкованию святых отцов, слова: *И не введи нас во искушение* — значат: не дай нам быть побежденными искушением, не дай нам

погрязнуть в искушении, но дай нам, Господи, переносить искушение так, как Ты заповедал.

Этими словами мы молимся о том, чтобы Бог дал нам силы переносить искушения и скорби так, как переносил благоразумный разбойник, а не как другой, погрязший в страстях и отчаянии.

Вот какой смысл имеют эти слова Молитвы Господней.

Искушения не только сопровождают жизнь человека, они неизбежны и при смерти. В страшный час смерти искушения объемлют душу человека.

Есть духовная книга «Невидимая брань». В этой книге рассказывается о трех искушениях, которые постигают человека в час его смерти.

Первое искушение — сомнение в вере.

Вдруг возникают сомнения в бытии Божием, сомнения в Богочеловечестве Христа Спасителя и в других религиозных предметах веры. Эти сомнения пронзают, как острая стрела, душу человека, а иногда к ним присоединяются хульные мысли на Бога и на человека.

Второе искушение — это страх, который охватывает душу, чувствующую приближение темных бесовских полчищ, приступающих к умирающему. В это время бесы стараются окутать страхом душу человека.

Наконец, третье искушение в час смерти — это отчаяние.

Когда человек близок к исходу, бесы стараются ввергнуть его в отчаяние. Они говорят: ты не спасешься, для тебя нет возврата, ты все равно погиб. Если человек согласится с этими бесовскими внушениями, его охватит отчаяние, малодушие.

Такие три искушения постигают человека в час смерти: сомнение в вере, хульные мысли, страх, затем отчаяние и малодушие за свое спасение.

Духовникам, принимающим последнюю исповедь, которым приходится напутствовать умирающих накануне или за несколько часов до смерти, по опыту известно, что эти три искушения действительно обуревают человека в час смерти. Они могут засвидетельствовать, что, действительно, темные

силы внушают умирающим или сомнения в вере, или страх, или отчаяние в спасении.

Борьба с этими искушениями должна происходить в течение всей жизни. Тогда в час смерти человек перенесет искушение как должно, окажется победителем над темными бесовскими полчищами, которые стремятся погубить его душу.

Если мы обратимся к писаниям святых отцов, то найдем в них целый ряд указаний, как относиться к искушениям внутренним и внешним, как достигнуть того, чтобы не быть побежденными ими, а, наоборот, оказаться победителями.

Святые отцы говорят, что, когда постигнет нас какое-либо искушение, прежде всего мы должны укорить самих себя. Мы должны вспомнить, что грешны и поэтому заслуживаем всяких скорбей.

Апостол Павел говорит в одном из своих Посланий: *Бог... не попустит вам быть искушаемыми сверх сил* (1 Кор. 10, 13).

Поэтому, когда нас постигают искушения, мы должны помнить, что сверх сил нам искушений не будет.

Иногда мы впадаем в отчаяние, и смущение охватывает нашу душу, потому что мы думаем, будто искушения окажутся свыше наших сил. Оказывается, что искушения свыше сил не посылаются. И Господь, посылая их, дает нам и утешение и в нужный момент совсем освобождает от искушений.

Наконец, мы должны обращаться к Богу с молитвой, как благоразумный разбойник обратился к Господу Иисусу Христу.

В одном из Посланий апостола Павла говорится: *Са́м искуше́н бы́в, мо́жет и искуша́емым помощи́* (Евр. 2, 18).

В этих словах апостол Павел говорит о Господе Иисусе Христе, что Он искушался, а потому может оказать помощь и искушаемым.

Действительно, Господь Иисус Христос перенес все скорби земной жизни, все страдания, вплоть до крестной смерти. Господь Иисус Христос перенес не только страдания телесные, не только скорбь, клевету, неправду от людей, но Он перенес и скорби от диавола.

Эти страдания и искушения не нужны были Господу Иисусу Христу — Он свят и пресвят, но Он перенес их ради нас и нашего ради спасения, чтобы дать нам силу переносить свои страдания и скорби.

Когда мы молимся Господу, мы должны помнить, что Он переносил нечто более трудное, чем мы, претерпевал тяжелейшие страдания и поэтому может ниспослать Свою силу, чтобы и мы могли переносить те искушения, которые посылаются нам на пути жизни.

Итак, святые отцы указывают три пути, три средства, как переносить скорби и искушения: самоукорение, память о том, что Бог не посылает искушений свыше сил, и молитва.

Вот как мы должны относиться к искушениям, посылаемым нам в жизни.

Если мы будем так относиться, то приобретем определенный навык, определенную способность переносить искушения, и когда наступит час смерти и враг начнет искушать, то сможем оказаться победителями. А если мы не научились переносить скорби и искушения в течение жизни, то в час смерти окажемся безоружными и безпомощными.

Искушения и скорби постигают нас не только в час смерти, но и после смерти.

Все вы знаете мытарства и трудности, которые встречаются на пути в другой мир.

Один подвижник благочестия — святитель Феофан Затворник, говорит, что мытарства, которые приходится переносить человеку, — это своеобразное искушение.

На мытарствах враги тоже искушают человека, тоже пытаются разными ухищрениями удалить от Бога. Если человек в течение земной жизни научился переносить искушения, то он и на мытарствах победит искусителя, а если в жизни поддавался искушениям, то на мытарствах окажется побежденным.

Если мы будем по-должному переносить искушения, научимся молиться, то окрепнут наши воля, сила, устремленность к Богу, мы получим силу сопротивляться.

А желание спастись, приблизиться к Богу есть у каждого человека. Это желание диавол хочет уничтожить через искушения, через скорбь.

Но не думайте спастись без искушений. На пути к спасению они необходимы.

Если будем переносить искушения, как учили святые отцы, как переносил благоразумный разбойник, то и скорби и искушения, которые будут нам посланы, не победят, не преодолеют нас, они не сломят нашего устремления к Богу.

Благодать Божия укрепит наши слабые силы, и мы не только в этой жизни, но и в час смерти, с помощью Божией, окажемся победителями и будем вечно прославлять Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

СЕДЬМОЕ ПРОШЕНИЕ

В прошлое воскресенье мы беседовали о шестом прошении Молитвы Господней: *И не введи нас во искушение.*

Сегодня побеседуем о седьмом, последнем прошении молитвы Господней: *Но избави нас от лукаваго.*

Мы многократно уже убеждались, что в молитве Господней открывается основная истина христианской веры, христианского мировоззрения.

В Молитве Господней открывается та истина, что Бог является Отцом Своего создания и что человек призван к тому, чтобы быть чадом Божиим. И в первых четырех прошениях Молитвы Господней раскрывались основные черты, основные отличительные особенности, какими должен обладать человек, если он хочет быть чадом Божиим. А в последних трех прошениях Молитвы Господней говорится о препятствиях на пути к тому, чтобы стать чадом Божиим.

Человек — падшее существо, человек подчинился диаволу, подчинился злу, и для того чтобы стать чадом Божиим, ему надо преодолеть много препятствий. Об этих препятствиях говорится в трех последних прошениях Молитвы Господней.

Первое препятствие — наше греховное прошлое, имеющее

большое влияние на наше настоящее, являющееся как бы тяжелым долгом, который мы должны уплатить.

Второе препятствие — это многообразные скорби, напасти земной жизни. Если к ним относиться не по-должному, не как заповедано Богом, то эти скорби, напасти, искушения тоже могут оказаться препятствием на пути к Богу.

О последнем препятствии на пути к Богу, на пути к тому, чтобы стать чадом Божиим, говорится в седьмом прошении: *Но избави нас от лукаваго.*

Это последнее препятствие на пути к Богу.

Кто имеется в виду под этим именем? Кто или что такое лукавый?

На языке Священного Писания лукавым называем диавола. О диаволе многократно говорится во многих местах Священного Писания, начиная с первой книги Святой Библии — Книги Бытия и кончая последней книгой — Апокалипсисом, — говорится о диаволе как о величайшем противнике нашего спасения, создающем препятствия на пути человека к Богу.

В Первом соборном послании апостол Петр, обращаясь к христианам, говорит: *Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить* (1 Пет. 5, 8).

Апостол Петр приглашает трезвиться, бодрствовать, указывает на то, что диавол ищет поглотить тех, кто заботится о спасении, кто идет к Богу.

В Посланиях апостола Павла есть много мест, где говорится, что диавол является противником нашего спасения. Но особенно замечательны слова из Послания апостола Павла к ефесянам: *Наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных* (Еф. 6, 12).

Апостол Павел говорит, с кем идет борьба у человека. У человека идет борьба с духом злобы. Он является величайшим противником человека на пути к спасению.

Если мы обратимся к святым отцам, к их жизни и писаниям, то они также раскрывают ту истину, что жизнь хрис-

тианина есть борьба с темными силами, возглавляемыми диаволом, борьба страшная, борьба не на жизнь, а на смерть. Если человек окажется победителем в этой борьбе, то он наследует жизнь вечную, если побежденным — получит вечную смерть, лишится лицезрения и света Божиего. Поэтому нам очень важно узнать о происхождении этой борьбы, условиях борьбы и способах ее ведения.

Когда люди ведут борьбу друг с другом, они должны знать своего противника, его особенности, должны знать, какими способами он ведет борьбу, должны знать условия, при которых борьба с ним может быть успешна.

Кто же такой диавол? И кто такие возглавляемые им темные силы, которые препятствуют человеку быть чадом Божиим? Кто такой диавол и темные силы, которые борются с людьми, идущими к Богу?

Священное Писание открывает нам эту великую тайну. Оно открывает, что диавол вначале не был диаволом, а был создан Богом, как Ангел, и как один из великих Ангелов, близких к Богу, был наделен великими благодатными дарованиями и свойствами, уподобляющими его Богу. Но в начале мировой истории произошла страшная катастрофа — этот светоносный Ангел пал, и причиной этого падения была гордость. Гордость погубила этого Ангела, из Ангела сделала его диаволом. Он залюбовался своими достоинствами, теми дарами, которыми наделил его Бог, и у него возникла мысль, что он не нуждается в Боге, что он может быть равным Богу. Эта безумная мысль, с которой он согласился, и погубила его. И когда он возгордился, из светоносного Ангела сделался диаволом. Все внутреннее его существо изменилось: вместо любви к Богу у него появилась злоба; вместо славословия Богу у него возникла хула; вместо радости Богообщения у него возникло стремление удалиться от Бога и жить изолированно. Это было величайшим безумием, но он заразил им других Ангелов, и часть Ангелов тоже стала падшими ангелами, и часть светлых Ангелов — темными силами.

Вот кто диавол и возглавляемые им падшие ангелы —

темные силы. Удаление от Бога — это первое величайшее преступление падшего ангела.

За этим первым преступлением последовало второе преступление.

Среди творений Божиих был человек. Человек был прекрасным творением Божиим. По своей душе он был Ангелом, был близок к Богу и тоже наделен был многообразными дарованиями. И диавол по своей вражде к Богу решил заразить человека грехом и удалить его от Бога. Это был адский замысел, направленный к осквернению творения Божиего, и диавол осуществил его — заразил человека грехом. Это было второе величайшее преступление диавола.

Конечно, вина человека в некоторой мере была меньше, чем вина диавола. Диавол сам удалился от Бога, а человек удалился от Бога обманом, увлеченный диаволом.

С тех пор, как человек и человечество удалились от Бога, диавол и темные силы приобрели большое влияние и на жизнь каждого человека, и на жизнь человечества в целом.

Один великий угодник, преподобный Антоний Великий, имел удивительное видение, полное глубокого смысла. Он увидел сети диавольские, которыми было охвачено все человечество. Он ужаснулся. Они показались ему непреодолимыми, такими, из которых человек не может освободиться.

Что же это за сети диавольские, каким образом диавол влияет на человека, каким образом он улавливает человеческие души в свои сети, чтобы отвлечь от Бога?

Прежде всего диавол имеет доступ к внутренней, духовной, жизни человека.

Когда человек заразился грехом, то душа его как бы открылась для влияния диавола и диавол получил доступ сеять в душу человека всякое зло, и прежде всего греховные страстные мысли и мечтания.

Если мы обратимся к нашим мыслям, мечтаниям, то увидим, что некоторые из них возникают по нашей собственной воле. Мы сами хотим о чем-нибудь мыслить и мыслим; хотим о чем-нибудь мечтать и мечтаем.

Некоторые мысли и мечтания возникают в нашей душе непроизвольно. Они возникают как бы без участия нашей воли, по естественным законам нашей психической жизни.

Если мы обратим внимание на нашу душевную жизнь, то увидим, сколько мыслей возникает в течение дня, сколько мечтаний таких, каких мы не хотим, но которые возникают непроизвольно в нашей душе. Есть и такие мысли и мечтания, которые возникают не по естественному закону нашей жизни, а насильственно. Они, как огонь, вторгаются в нашу душевную жизнь. Мы чувствуем, что это что-то такое, что приходит извне.

Каждый из нас переживал в своем духовном опыте такие состояния, возникали вдруг навязчивые мысли и мечтания. Человек не хочет их, а они насильно вторгаются в душу и порабощают ее.

Вспомните, какой насильственный обольстительный характер носят мечтания, связанные со злобой, или развратные мысли.

Но среди многих мыслей есть еще и такие, которые носят явно диавольский характер. Многие христиане испытывали их на себе. Об этих мыслях мы встречаем указания в творениях отцов — это хульные мысли, или хульные помыслы.

Человек молится, у него на душе спокойно, и вдруг как стрелой его сознание пронзают хульные мысли, оскорбительные по отношению к Богу, или сомнения в таких истинах, в которых человек убежден, сомнения в бытии Бога, в спасении, совершаемом Господом Иисусом Христом, или хульные мысли по отношению к Пречистой Деве Марии и святым угодникам Божиим.

Об этих мыслях и помыслах святые отцы говорят, что это диавольское искушение. Некоторые люди, испытывая хульные мысли, впадают в отчаяние. Думая, что они сами виноваты в них, перестают молиться, боятся приступить к Святым Таинам. Но, как говорят святые отцы, человек не виноват в таких мыслях. Эти мысли вкладывает в его душу диавол, и он будет отвечать за них.

В одной святоотеческой книге рассказывается такой случай.

Один богобоязненный инок страдал хульными мыслями, и диавол довел его до отчаяния. Он обращался ко многим подвижникам, но никто не мог оказать ему помощь. Он думал уже, что погиб. Однажды пришел он к одному великому, опытному в духовной жизни старцу, но постыдился рассказать ему о мыслях, охватывающих его душу по отношению к Богу, Матери Божией и Святым Таинам Божиим. Он написал обо всем на бумаге и передал старцу. Когда старец прочел, то положил свою руку на шею инока и сказал: «Не бойся, чадо, ты не виноват в этих мыслях, всю вину за них я беру на себя. В этом виноват диавол». И когда старец произнес это, инок почувствовал величайшее облегчение, словно гора свалилась с его души.

В таких мыслях человек не виноват. Он бывает виноват лишь в том случае, если задерживается на этих мыслях, если вступает в разговор с подобными мыслями, — тогда виноват он.

Это один из видов сетей диавольских. Но диавол оказывает действие не только на душу человека, но и на его тело.

Вы читали Евангелие. В евангельском повествовании встречаются рассказы о бесноватых, о так называемых одержимых, на которых враг оказывает влияние и имеет власть не только над их душами, но и телами.

Далее, диавол может оказывать на нас влияние через людей, которые являются его рабами.

Если человек подчинен диаволу, если исполняет во всем его волю, если творит грех и беззаконие, то, когда мы встречаемся с таким человеком, он может заразить нас своим внутренним содержанием. Этот человек может быть как бы орудием диавола, через которого он уловляет нас в свои сети.

Вот как многообразны, как страшны эти сети диавольские, которые как бы распростерты над всем миром.

Преподобный Антоний Великий, увидев эти сети, ужаснулся и воскликнул: «Кто и как может избежать этих сетей?» И он услышал ответ: «Только смирение может избежать сетей диавольских».

В этом ответе, который услышал преподобный Антоний Великий, заключается раскрытие великой тайны духовной жизни.

Диавол сделался из Ангела диаволом через гордость, поэтому самым сильным оружием против него является смирение. И если у человека нет смирения, то он окажется пораженным в борьбе с диаволом.

Если человек несет величайший труд, величайший пост, величайший молитвенный подвиг, если он полон самоотвержения по отношению к другим людям, но если у него нет смирения, он не может победить диавола, он станет жертвой диавола и будет побежденным.

Преподобный Иоанн Лествичник говорит, что есть много подвижников, которые спаслись, не имея прозорливости, дара чудотворения, не имея особых дарований. Но нет ни одного человека, который мог бы спастись без смирения. Без смирения спастись нельзя, нельзя избежать сетей диавольских.

Вот какую истину открывают святые отцы из своего опыта: они боролись с темными силами, они чувствовали все их влияние, всю их силу, но они преодолели их. Они убедились, что без смирения нельзя освободиться от сетей диавола.

Что такое смирение? Как нам приобрести это оружие по отношению к диаволу? Как составить хотя бы в основных чертах представление о смирении? Какие главные особенности смирения?

Для того чтобы узнать, что такое смирение, святые отцы сначала излагают, что такое гордость.

Мы неоднократно беседовали о книге преподобного аввы Дорофея, которая исполнена величайшей практической мудрости. Преподобный авва Дорофей говорит о том, как в человеческой душе развивается гордость, как зарождается, возрастает и чем кончается. Преподобный авва Дорофей говорит, что начальная стадия гордости заключается в том, что человек начинает закрывать глаза на свои недостатки. У каждого из нас есть какие-нибудь недостатки. Мы безконечно виноваты не только перед Богом, но и друг перед другом. Человек начинает закрывать глаза на свои недостатки и начинает как

бы умалять свою вину или отрицать, а свои способности или добродетели начинает переоценивать и таким путем возрастает в своих глазах. А ближнего начинает осуждать, а потом презирать и гнушаться им.

Вот как в человеческой душе зарождается гордость. Из переоценки самого себя и из того, что человек закрывает глаза на свои собственные недостатки, а отсюда он начинает презирать и гнушаться другим человеком.

Если человек закоснеет в таком состоянии гордости, то гордость переходит в более высокую стадию, поднимается на более высокую лестницу, и человек начинает свои способности и добродетели приписывать себе. Он начинает думать, что Бог ему не нужен, что он своими силами может устроить свою жизнь и может спастись и приобрести все для него нужное. Эти мысли подобны тем, которые зарождались у того ангела, который стал диаволом. Человек, который заразился этими мыслями, перестает молиться. Если он и молится, то неискренне, без сокрушенного сердца. Эта высшая степень гордости является безумием. Если человек думает, что он не зависит от Бога, то это признак безумия. В творениях святых отцов гордость называется безумием.

В книге преподобного Иоанна Лествичника имеется целая глава о безумной гордости.

В одной из церковных, духовных книг рассказывается случай, происшедший с одним иноком.

Инок подвизался в одном из египетских монастырей. Этот монастырь был под управлением преподобного Макария Великого. По его благословению были поставлены духовники — старцы, которые руководили иноками.

Этот инок, о котором повествует церковная книга, начал пересуживать духовников и старцев и стал как бы разбираться в них. И выходило, что и тот нехорош, и другой нехорош, что у одного только старца Зосимы есть все нужное, только он является настоящим старцем, а остальные недостойны называться духовниками и старцами. Этим самым гордость зарождалась в его душе. Через некоторое время он стал говорить, что и у Зосимы есть недостатки, только один препо-

добный Макарий является достойным старцем и руководителем. Прошло некоторое время, гордость стала пускать ростки. И он стал говорить: «Что такое преподобный Макарий? Только святители: Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст — являются достойными, а преподобный Макарий по сравнению с ними — ничто». Еще дальше стала возрастать гордость, и он возгордился против святителей вселенских и стал говорить, что только первоверховные апостолы Петр и Павел являются великими святителями, а остальные — ничто. Прошло еще некоторое время, гордость еще более возрастала, и он стал говорить, что только Один Бог свят, а святые угодники Божии недостойны почитания. Прошло еще некоторое время, он возгордился и против Бога и сошел с ума.

Гордость появилась, как семя, стала возрастать и дошла до полного безумия, до хулы на Бога.

Вот как начинает расти гордость и чем кончается. Начинается с переоценки самого себя, с отрицания того, что мы грешны и виноваты, затем переходит в презрение к окружающим и, наконец, завершается безумием и хулой на Бога. Такова гордость.

Чтобы узнать, что такое смирение, мы должны идти обратным путем.

Человек смиренный не закрывает глаза на свои недостатки; если он виноват перед Богом и людьми, он считает себя виновным, если совершает ошибки, то признает их. Если же он видит у других какое-либо преимущество, то радуется их достоинствам и не завидует, не клевещет, не гнушается и не пересуживает.

Смиренный человек чувствует зависимость от Бога, у смиренного человека ясный ум. Он видит, что есть единый Источник всякого блага, всякого добра, всякой красоты — это Бог. И без этого Источника не может быть ни добра, ни блага, ни красоты. И поэтому смиренный человек чувствует зависимость от Бога, с постоянной *молитвой* обращается к Богу за помощью, потому что только в Нем видит Источник жизни и всякого блага.

Вот какие черты гордости и какие противоположные черты смирения раскрывают нам святые отцы.

Сети диавольские распростерты над миром и над душой каждого из нас. И каждый из нас может запутаться в этих сетях, оказаться побежденным диаволом, или может выйти из этих сетей и победить диавола.

Когда мы произносим это прошение: *Но избави нас от лукаваго,* мы молим Бога, Отца Небесного, чтобы Он избавил нас от этих диавольских сетей, чтобы помог освободиться от них, чтобы нам не запутаться в этих сетях и не стать жертвой диавола. Это первое. А далее будем помнить, что без смирения мы не можем освободиться от сетей диавола; поэтому пусть каждый из нас постарается победить в своей душе гордость и не закрывать глаза на свои грехи и недостатки и перестанет гнушаться и презирать других людей.

Будем с сокрушенным сердцем молиться Богу, тогда в нашей душе возникнет смирение, возникнет то, чем мы можем победить диавола и чем можем освободиться от диавольских сетей, тогда и нашу земную жизнь проведем как христиане; и когда наступит грозный и страшный час смерти, невозбранно пройдем через диавольские сети. Он не сможет сделать нас своей жертвой. Мы достигнем вечной жизни и будем прославлять своего Господа Иисуса Христа с Его Безначальным Отцом и Святым Духом. Аминь.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ СЛОВА МОЛИТВЫ ГОСПОДНЕЙ

В прошлое воскресенье мы беседовали о последнем, седьмом, прошении Молитвы Господней: *Но избави нас от лукаваго.*

Сегодня нам предстоит беседа о заключительных словах Молитвы Господней.

Молитва Господня состоит прежде всего из призывания, из начальных слов: *Отче наш, Иже еси на небесех!* Потом следуют семь прошений.

Первое прошение: *Да святится Имя Твое* — и последнее прошение: *Но избави нас от лукаваго,* и затем имеется заклю-

чение, конец Молитвы Господней. Это заключение произносится: *Яко Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь.*

Об этих заключительных словах Молитвы Господней мы сегодня и побеседуем.

На протяжении всех наших бесед о Молитве Господней мы убедились в той истине, которая лежит в основе этой молитвы и которая раскрывается в каждом из прошений.

Эта истина заключается в том, что Бог является Отцом всего создания и человек призван к тому, чтобы быть чадом Божиим. Но человек является существом падшим, он находится под влиянием темных сил. И для того чтобы выполнить свое призвание, чтобы быть чадом Божиим, для человека необходим подвиг, необходима борьба. О тех препятствиях, которые приходится преодолевать человеку на пути к Богу, говорят последние три прошения. Эти препятствия заключаются в наших грехах, в наших долгах, которые тяготят нашу совесть, в многократных искушениях, скорбях, затем в действиях диавола, направленных против нашего спасения.

Всю жизнь христианина можно выразить в двух словах: невидимая брань, или невидимая борьба.

Действительно, как только человек просыпается от грехов-ного сна, как только начинает трудиться над собой и до последнего дыхания жизнь его — невидимая борьба.

Что является самым опасным в этой борьбе, какая страсть больше, чем другие, может повлечь за собой то, что человек окажется не победителем, а побежденным?

Среди страстей есть разные: есть страсти грубые, например страсть винопития, или страсть разврата, или злобы. Если человек подвержен этим страстям, то все это видят, все знают.

Кроме грубых страстей, в душе человека живут тонкие страсти, которые во много раз опаснее грубых страстей. Одной из самых тонких страстей является отчаяние, малодушие; подверженный этой страсти человек обречен на то, чтобы быть побежденным.

Невидимая брань, как и всякая борьба, требует со стороны человека мужества, требует сильного, крепкого духа. А если человек падает духом, если малодушествует, теряет самообла-

дание, предается отчаянию, то этим самым он как бы бросает оружие и становится побежденным.

Когда человек старается выполнить свое призвание быть чадом Божиим, когда старается преодолеть трудности и препятствия на этом пути, то он должен обратить сугубое внимание на то, чтобы не поддаваться отчаянию. Какие бы ни были трудные обстоятельства, он должен стараться не поддаваться малодушию, смущению и тревогам. В невидимой брани необходимо хранить спокойствие, дух великодушия, а не малодушия.

Среди вечерних молитв есть двадцать четыре молитвы святителя Иоанна Златоуста. В одной из молитв мы молимся о том, чтобы Бог даровал нам великодушие. Это и есть состояние, противоположное состоянию отчаяния.

Святитель Иоанн Златоуст в своих толкованиях о Молитве Господней говорит, что заключительные слова Молитвы: *Яко Твое есть Царство и сила и слава во веки. Аминь* — направлены к тому, чтобы уврачевать человека от отчаяния, чтобы не допустить человека поддаться отчаянию и малодушию.

Каким образом эти заключительные слова Молитвы Господней могут уврачевать самую опасную страсть, живущую в нашей душе?

Заключительные слова Молитвы Господней обращают наше внимание на то, что Бог является Высшим, Верховным Владыкой всего мира, всех миров и духовных, и видимых и Его сила является выше всяких сил.

Если мы обратим наше внимание на все создания Божии, то мы увидим как бы иерархию этих созданий, как бы определенный порядок. Прежде всего мы увидим то, что называют мертвой, бездушной природой, то, что называют материей. Она имеет свои законы, по которым развивается, по которым действует. Далее перед нами живые существа, организмы — растительные и животные. Затем есть еще следующая ступень бытия — это человеческая психика, душевная жизнь человека. И замечательно то, что человеческая душа, человеческая воля может управлять законами материи и законами растительных и животных организмов.

Человеческая воля может управлять материей и жизнью потому, что является высшей силой по сравнению с материей, растительными и животными организмами.

Есть и еще более высокие существа — ангельские силы, их дух, их природа являются еще более высокой силой. А есть совсем особая сила, Сила с большой буквы, — это Сила Божия, Божество.

В одном из псалмов есть такое выражение: *всяческая рабо́тна Тебе* (Пс. 118, 91). Всяческая — это значит все ступени бытия: и материя, и жизнь, и человеческая душа, и ангельские силы, и все ступени бытия работают на Тебя, то есть работают Богу. Бог является Силой, Которая владычествует над всеми низшими силами. Не произвол человеческой силы воли творит то или другое, а все совершается по воле Творца. Сила Творца является высшей силой.

Если мы проникнемся этой мыслью, если мы углубимся в эту жизнь, то поймем, что эта Сила может избавить нас от малодушия, от отчаяния.

Отчего происходит наше отчаяние? Оттого, что когда постигает нас какая-нибудь скорбь или несчастье и принимаем меры против этого, то они оказываются безплодными. Нам кажется, что бедствия — это дело слепого случая или дело природы и мы безсильны перед этим. Это чувство безсилия и вызывает отчаяние. А если мы будем знать, что выше силы природы, выше человеческого произвола существует высшая Сила — Отец Небесный, Творец и Создатель мира, то в нашей душе не может быть отчаяния.

Вспомните одно событие из евангельской истории, вспомните, как Господь предстал на суде у Пилата. Пилат Ему сказал: *я имею власть распять Тебя и власть имею отпустить Тебя* (Ин. 19, 10). Эти слова не были ложью. Он действительно был представителем самого могущественного в то время Римского государства. Но Господь Иисус Христос сказал ему в ответ: *ты не имел бы надо Мною никакой власти, если бы не было дано тебе свыше* (Ин. 19, 11). И человек со своим произволом может делать то, что допустит Бог. И если бы Богу не угодно было, то Пилат ничего бы не сделал.

Вот что значат эти слова.

Точно так же эти слова могут относиться не только к жизни Господа Иисуса Христа, но к каждому из нас.

В жизни каждого из нас много событий радующих, окрыляющих, вдохновляющих, но есть много скорбей, много таких трудностей, которых мы преодолеть своими силами не можем. Когда нам кажется, что они нас давят, нужно вспомнить, что и природа, и человеческая воля находятся во власти Творца и Отца Небесного.

Все бедствия человеческой жизни являются следствием греха. Но если бы не было верховной Силы, промысляющей о человеке, то что бы было со всей Вселенной? Вся Вселенная обратилась бы в хаос, вся Вселенная представляла бы руины, развалины. А благодаря тому, что Господь владычествует не только над людьми, но и над темными силами, Он зло держит в определенных пределах.

Зло является следствием греха. Но Бог не допускает злу развиваться во всей полноте. Он направляет зло к торжеству добра.

Иногда жизнь человека является слишком сложной. Человеку кажется, что это скопление случайностей. Когда же заканчивается жизнь, когда человек взглянет как бы на целую картину жизни, то поймет, что его жизнь направляется не случаем, а рукой Божией.

Среди житий святых есть назидательное житие преподобных Ксенофонта и Марии и их детей Иоанна и Аркадия.

Ксенофонт и Мария были благочестивыми христианами. Они воспитывали своих детей Иоанна и Аркадия в христианской вере и благочестии. Они стремились дать своим детям должное воспитание и образование. Жили они в Константинополе, а детей отправили в Бейрут, имевший высшие учебные заведения, где были ведущие учителя. Однажды их отец Ксенофонт тяжело заболел. Ему грозила смерть. Об этом дали знать детям, чтобы они приехали проститься. Дети прибыли, повидались и вновь отправились в город Бейрут. Случилась на море буря. Корабль потерпел крушение, и оба юноши были выброшены на берег Палестины в разных местах. Во время

бури они много пережили. Когда произошло крушение, они пересмотрели всю свою жизнь и решили стать иноками, чтобы служить Единому Богу. Долгие годы жили они в разных местах Палестины, ничего не зная друг о друге. Потом встретились случайно, узнали друг друга. Родители, получив известие, что корабль, на котором плыли Иоанн и Аркадий, потерпел крушение, считали детей погибшими. Но прошло несколько лет, и они случайно узнали, что их дети живы и стали иноками палестинских обителей. Это известие так потрясло их, что они продали имущество, направились в Палестину и сами кончили жизнь в иноческих обителях.

Если посмотрим на жизнь и родителей и детей, то увидим руку Божию. Господь управлял их жизнью. Господь Иисус Христос вел их к тому, чтобы они спаслись, чтобы они совершили высший подвиг — встали на путь иночества.

Из жития Ксенофонта и Марии видно, что и внешние, и внутренние условия жизни являются средством, которое употребляет Господь Иисус Христос, чтобы привести людей к спасению.

Будем помнить, что главное и высшее в мире — это Божие Царство и Божия Сила, а не случай; не бездушная природа, не человеческий произвол управляет миром. Управляет миром Отец Небесный, Высшей Силой является Божественная Сила.

Если мы проникнемся этой мыслью, будем знать и помнить, что все направляется Отцом Небесным, ведущим к спасению, тогда в нашей душе будет возникать не отчаяние, не малодушие, а славословие Богу.

Вот что значат три заключительных слова Молитвы Господней: *Яко Твое есть Царство и сила и слава.*

Кто убежден, что выше всего Божие Царство и Сила, у такого человека из души вырвется славословие Богу.

Вот какое значение имеют эти заключительные слова Молитвы Господней.

Если обратимся к жизни подвижников, то увидим, что одним из духовных деланий, которым они отличались, было славословие и благодарение Богу.

Святитель Иоанн Златоуст безконечно много сделал для Церкви. Мы безконечно многим обязаны ему. Его жизнь была великим подвигом, и он много претерпел в своей деятельности, но его любимыми словами, которые он повторял всегда, и в час смерти, были: «Слава Богу за все».

Когда ему приходилось с кем-нибудь беседовать, когда ему приходилось решать трудные вопросы, он всегда говорил: «Слава Богу за все».

Это указывает на то, что в его душе не было отчаяния, малодушия. А жизнь давала повод к тому, чтобы впасть в малодушие и отчаяние. Но он был выше этого. Он все время помнил, что Бог есть Владыка мира и Его сила выше всех сил.

И не только Иоанн Златоуст, но и другие подвижники всегда благодарили и благословляли Бога и нам заповедали это духовное делание.

Богослужение в Церкви также исполнено хвалы и славословия Богу.

В богослужении мы встречаемся с многообразными прошениями к Богу. Мы просим о многих наших нуждах, и внешних и внутренних, — это одна часть содержания нашего богослужения. Вторая часть — это покаяние, покаянные вопли, покаянные чувства. Третьей частью нашего богослужения является славословие и хвала Богу.

Каждая служба заканчивается словами: «Слава Тебе, Христе Боже, Упование наше, слава Тебе».

За литургией поют: *Благослови́, душе́ моя, Господа* (Пс. 102, 1) и *Хвали́, душе́ моя, Господа* (Пс. 145, 1).

В каждой церковной службе обязательно возносят хвалу Богу, обязательно прославляется Бог.

Нам не страшны ни законы природы, ни произвол человека, ни трудности нашей жизни; мы знаем, что мир правится Отцом Небесным и Его сила является высшей силой.

При углублении в Молитву Господню мы убедились, что наша жизнь есть невидимая борьба; но будем помнить, что, как бы ни трудна была эта борьба, мы никогда не должны

впадать в отчаяние, потому что миром правит Отец Небесный; мы должны быть радостными, бодрыми, и всегда наша душа должна изливать славословие и благодарение Богу. Тогда мы будем и на земле славить Бога, и, когда перейдем в другой мир, наши славословия будут присоединяться к славословию ангельских сил, непрестанно славословящих нашего Господа Иисуса Христа с его Безначальным Отцом и Святым Духом. Аминь.





ПРЕПОДОБНЫЙ ГАВРИИЛ, СТАРЕЦ СЕДМИЕЗЕРНОЙ ПУСТЫНИ (1844—1915)

Преподобный Гавриил, восприяв заветы Оптинских старцев, положил начало своему старческому служению в Казанском крае. Преодолевая в духе кротости и молитвы телесную немощь и многочисленные душевные скорби, стяжал схиархимандрит Гавриил многие благодатные дары: прозорливости, исцеления телесных и душевных недугов. Множество людей разных званий и сословий находили у старца разрешение от тягостных сомнений, утешение в скорбях, действенную молитвенную помощь.

В Седмиезерной пустыни исполнил старец еще одно церковное послушание — наставничество и духовное окормление иночествующих студентов и преподавателей Казанской Духовной Академии, многие из которых в годы гонений на Русскую Православную Церковь засвидетельствовали истину Христову мученической кончиной.

Духовные беседы преподобного старца Гавриила

БОГАТСТВО БЛАГОСТИ БОЖИЕЙ

Вам говорю, делатели виноградника Христова, спасающиеся о Господе, — не думайте, что исчерпаете когда-нибудь всю сладость у Господа. Нет! Он — неисчерпаемая бездна сладости. Если бы весь мир небесный и земной неотступно стремился познавать Его, то и тогда Он бы только все более и более открывал им Свою Премудрость и Любовь, восходя от силы в силу, от совершенства к совершенству, и от восторга и благоговения люди бы, как Ангелы, вечно взывали: *свят, свят, свят Господь... полны небеса и земля славы Его, Аллилуиа!*

Пусть не познавшие Бога с недоверием спрашивают: «когда это будет? не мечта ли все это?» Мы слышим призыв Христа Спасителя: *аще кто жáждет, да прии́дет ко Мне и пие́т: ве́руяй в Мя, якоже рече́ Писа́ние, ре́ки от чре́ва его истеку́т воды́ жи́вы* (Ин. 7, 37—38), и молитву Его к Отцу: *Отче пра́ведный, и мир Тебе не позна́, Аз же Тя позна́х, и сии позна́ша, яко Ты Мя посла́л еси: И сказах им имя Твое, и скажу: да любы, ею́же Мя еси́ возлюби́л, в них будет, и Аз в них* (Ин. 17, 25—26), мы знаем, что Он принес людям Богосыновство и верующим во имя Его дал область быть чадами Божиими (см.: Ин. 1, 12). Сия область открыта сердцам смиренномудренно следующим по стопам Сына Божия. Им дается Любовь Божественная, которая всюду видит Отца Небесного, всюду слышит призывающий, наставляющий и утешающий голос Его. Сии чада Божии следуют завету Спасителя: *научи́теся от Мене, яко кро́ток есмь и смире́н сердцем: и обря́щете покой душа́м ва́шым* (Мф. 11, 29), исполняют волю Его, и осуществляется в них обещание Христово: *приидем к ним, и обитель у них сотворим.* Они делаются жилищем Отца и Сына, и Дух открывает им глубины Божии (см.: 1 Кор. 2, 10).

Здесь, на земле, доступно это блаженство Богопознания, здесь, в сердцах людей, еще облеченных бренной плотью, водворяется Царствие Божие. Только бы не мечтали люди, что они сами приобрели это великое сокровище. *Не вы́ Мене́ избра́сте,* — прямо против этого говорит Христос, — *но Аз избра́х вас и положи́х вас, да выи́дете и плод принесе́те, и плод ваш пребу́дет, да, аще про́сите от Отца во имя Мое, даст вам* (Ин. 15, 16). И смиряющий себя, вседушно верующий Слову Божию и исполняющий его, по молитве своей приемлет в сердце свое Самого Господа; поистине всюду видишь и слышишь Его. Даже и тогда, когда поносят его и злословят на него, он слышит вразумляющий голос Божий, видит указующий на греховные раны перст Его и с благодарностью приемлет от руки врачующего этот жгучий, но цельбоносный пластырь. Он знает, что нет ни от кого такой пользы, как от врагов, и легкой, даже желанной становится для него заповедь: *люби́те враги́ вашя, благослови́те клену́щыя вы, добро́ твори́те ненави́дящым вас и моли́теся за творя́щих вам напа́сть и изгоня́ющыя*

вы (Мф. 5, 44). Он считает их своими благодетелями, способствующими ему приблизиться к Богу, войти в Царствие Его, и не только не ненавидеть и не сердиться, но любить их даже больше других и скорбеть об их ожесточении и гибели. Вспоминая своего Спасителя, молящегося на кресте за врагов, и он взывает к Богу: *Авва, Отче, не вмени им греха сего*!

Поистине, когда возгорится в сердце человека пламенная любовь к Богу, он на все бывает готов, все с радостью терпит ради Возлюбленного своего. Как воск тает от огня, так сердце его тает под горящими лучами любви. Как угодно обидь его тогда, он и не заметит обиды, ибо он будет сознавать себя ничтожеством в сравнении с всегда стоящим пред его глазами Божественным Страдальцем, понесшим на кресте все наши немощи и скорби. *Предзре́х Господа предо мно́ю вы́ну, яко одесну́ю мене́ есть,* — воззовет он, — *и не подвижуся!* (Пс. 15, 8). Он ощущает и видит простирающуюся к нему силу благодати от креста Иисуса Христа распятого; событие прошедшее являет ему силу в настоящем подвиге.

О, какое приращение сокровища обретет он тогда в сердце своем! Еще ярче возгорится в нем любовь Божественная, еще теснее прильнет он к Господу своему и взойдет от прежней силы в новую, большую. Вот награда за поношение! Вот бесконечное милосердие Божие к страдающему ради Него сердцу! Вот неописуемое и конца неимущее блаженство! Человек, приняв в себя, сам как бы горит, отражает и распространяет вокруг тот свет, о котором сказал Господь: *Аз есмь свет миру: ходя́й по Мне не и́мать ходи́ти во тме, но имать свет живо́тный* (Ин. 8, 12). Сердце сокрушенное и смиренное заменяют ему все правила, и, идя во свете Божием, он приближается прямо к Богу, в простертые к людям объятия Его.

Умягчим же сердца свои и смирим — они сами научат нас тогда всему. Аминь.

О СМИРЕНИИ

Возлюбленные о Господе N.N., радуйтесь о Дусе Святе и спасайтесь! Об этом, то есть о том, как нам спастись — и по-

беседуем в настоящий раз. Сложное дело — наше спасение: из многих подвигов оно составляется. Каждый подвиг имеет в нем свое место, тесно связан с другими, и все они вместе составляют стройное, отделанное здание спасения. Здесь своего рода есть основание, стены, возглавия. Что же составляет основание подвига спасения? Таким основанием служит смирение. Все подвиги стягиваются и утверждаются на одном главном — самоотвержении, самоотвержение же происходит от смирения. Без смирения все добродетели, как здание без фундамента, не могут прочно созидаться, как и долго стоять. Без смирения нельзя иметь ни самоотвержения, ни чистой, совершенной любви к Богу и ближним. Нечего уже говорить о подвигах поста, бдения, упражнения в чтении Писания, вольной нищеты и других: эти служат только средствами к возведению здания.

Очистив самоотвержением душу от нечистот греха и заложив в ней прочный фундамент смирения, можно возводить и самое здание духовное — совершенство. Слагаясь из трудов доброделания и богоугождения, оно возводится и возглавляется конечной и высочайшей добродетелью — любовью. Любовь к Богу и ближним — душа всех подвигов благочестия, конец всех выспренних стремлений духа. Она есть, по учению Священного Писания, первая и большая заповедь (см.: Мф. 22, 38), сущность закона (см.: Мф. 22, 40; Рим. 13, 10; 8, 38), совокупность, верх духовного совершенства (см.: Кол. 3, 14). Без любви, никогда не престающей, все прочие добродетели и духовные дары (даже дар чудотворения и подвиг мученичества) не имеют цены (см.: 1 Кор. 13, 1—3), как средства без цели. Она есть высшее совершенство для человека, ибо ведет его к конечной цели его бытия — к единению с Богом. Бог есть любовь по преимуществу, так что пребываяй в любви в Боге пребывает и Бог в нем пребывает (см.: 1 Ин. 4, 16).

Так как Бог есть существо безпредельно совершенное, то и любовь к Богу должна быть развита до высшей степени (или лучше развиваться до безконечности), быть чистой, без всяких побуждений самолюбия и земных расчетов; Бога должно любить для Самого же Бога. Эта любовь, по учению Спасите-

ля нашего, должна обнимать собою и оживотворять все силы души: *Возлю́биши,* — говорит Он, — *Господа Бога Твоего всем сердцем твои́м, и всею душею твоею, и всею мы́слию твоею* (Мф. 22, 37). После своей действенности эта любовь, объемля и упражняя все силы души, должна иметь также владычество над человеком, чтобы он и мыслил только о Боге (см.: Пс. 43, 2) и желал единого Бога (см.: Пс. 72, 25) и жил и дышал только Им (см.: Иак. 2, 30). Все мысли, расположения, намерения и действия такого человека делаются отпечатком жизни Божественной, образом Божественной истины, святости, блага, лепоты.

На этой высоте своего развития любовь к Богу делает нас чистыми орудиями Воли Божией, совершенными органами жизни Его, так что душа взывает с апостолом Павлом: *живу́ же не ктому аз, но живе́т во мне Христос* (Гал. 2, 20).

Не с тем, конечно, я пишу это, чтобы поучать Вас. Нет, родные мои о Господе! — Я хочу только поделиться с Вами от сердца к сердцу мыслями о любви Божественной. Любовь! — само слово это звучит в моей мысли и сердце как бы слово «Бог». Какая же преграда существует к приобретению этого сокровища? почему многие его не имеют и не ищут? Причина тому — злосчастное самолюбие. Нет надобности толковать это слово — оно всякому понятно; это — прямая противоположность любви Божественной: одно — любить Бога, а другое — любить себя.

Вот это-то самолюбие, как непроницаемая стена, и заграждает от многих свет Божественной Любви. Самолюбие, как говорит Господь, — есть смерть для души: *кто возлюбит душу свою, погубит ю* (см.: Мф. 16, 25). Самолюбие, поясняет святой Максим Исповедник, есть причина всех страстных помыслов, ибо от него рождаются три основных страсти: пресыщение, сребролюбие и тщеславие, а прочие все следуют за которым-нибудь из сих трех; — отсеки страсть самолюбия, отсек и все страсти, от нее происходящие (О любви, 3, сотни 56—57). О Боже! Ужас объемлет меня при взгляде на мир: как он самолюбив, какой в нем непроглядный мрак страстей! Легион имя им... и ничем они не могут быть изгнаны, как

молитвой и постом (см.: Мк. 9, 29). Авва Исаак Египетский так любомудрствует о сем цельбоносном врачевании (в связи со всем подвигом спасения): цель монаха — совершенство сердца, говорит он, состоит в непрерывном и неразвлекаемом пребывании в молитве и, сколько возможно, в непоколебимом спокойствии духа и всегдашней чистоте. Для достижения сего мы имеем нужду в телесных трудах, сокрушении духа и прочих добродетелях. Между тем и другим есть неразрывная связь: ибо как без добродетели нельзя приобрести постоянной, совершенной, чистой молитвы, так и добродетели без постоянства молитвы не могут достигнуть совершенства.

Итак, заключу я беседу с вами тем, с чего начал, будем подражать повиновению второго Адама, Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа, которое Он оказал Отцу Своему. *Аз бо,* — говорит, — *от Себе не глаголах, но послáвый Мя Отец, Той Мне зáповедь дадé, что рекý и что возглаголю* (Ин. 12, 49—50). Как в праотце первом Адаме и в его последователях корень всех зол есть превозношение, так и в новом Адаме — Богочеловеке Иисусе Христе и в желающих жить подобно Ему, начало, основание и источник всех благ есть смирение. Противное врачуется противным. Посему, если вина всех зол в непокорности и кичливости, причина же благ — повиновение, то желающим жить праведно надлежит жить в повиновении у искусного старца. А так как силы наши настолько слабы, что и тогда, когда хотим сделать добро, скорее делаем зло, то необходимо нам еще непрестанно обращаться с молитвой о помощи к Богу, подающему всем вся во благое.

О БОРЬБЕ СО СТРАСТЯМИ

Вы спрашиваете, как бороться против страстных помыслов? По свидетельству опытных подвижников, много облегчает сию брань усердная молитва к Пресвятой Деве Богородице, а также к тем святым, которые сами выдержали сильную брань с вожделениями или претерпели мученичество за целомудрие. Молитва к ним, как некая небесная роса, угашает раскаленные стрелы лукавого.

Необходимы для сохранения душевной и телесной чистоты также частая исповедь и причащение Святых Таин Тела и Крови Христовых. Вообще при борьбе с какой бы то ни было страстью всемерно нужно стараться отвлечь внимание от обуревающих помыслов в сторону любви к Богу. К объятой любовью к Богу душе не может приблизиться ни один нечистый помысел, все равно как на горячий сосуд не сядет ни одна муха, будь в нем даже самое лакомое кушанье. Уязвленные любовью к Богу, — говорит преподобный Петр Дамаскин, — даже не едят в продолжение многих дней, забывая свои тела; или если и едят, то вовсе не замечают, когда, что и сколько; при таком состоянии души, какие страсти могут приступить к ней? Предавшись в волю Божию, таковые люди всеми силами души стремятся к единому Богу любви, как растение к солнечному свету и теплу. Сокрушают страсти также искреннее сознание своей немощи, смирение, нищета духовная, если они охватывают всю душу, простираются на все расположения, желания, мысли. Даже этого не должно иметь: пристрастия даже к вещам первой необходимости, например к одежде, сосудам и тому подобное, ибо пристрастие и к малой ничтожной вещи губит чистоту сердца подобно тому, как и один ноготь орла, запутавшийся в сети, не позволяет ему воспарить в небеса, на родную ему высоту. «От того-то и бывает, — говорит авва Моисей, — что некоторые, отказавшись от многочисленных своих имений, не освободились от прежнего пристрастия к вещам. Они возмущаются гневом за самые маловажные вещи, например за ножичек, грифель, перо и прочее, и с такой бережливостью хранят свои книги, что никому не дают читать, даже прикасаться к ним не дозволяют. От чего можно было бы приобрести приращение в терпении и любви, в том они находят случай к нетерпеливости и погибели. Таковые никогда не могут достигнуть совершенной, описанной апостолом (см.: 1 Кор. 13, 2—7) любви.

Прекрасный для достижения безстрастия совет дал авва Дорофей своему келарю: «Если не хочешь, — говорит он, — впасть в ярость и злопамятство, то отнюдь не имей пристрастия к вещам и не безпокойся много о каких-нибудь сосудах,

впрочем, и не пренебрегай ими. Если кто хочет взять у тебя, давай; если по небрежности или же как-нибудь случайно разобьется или затеряется какой-нибудь из них — не печалься. Но это должно делать не по небрежению о монастырских сосудах, а по желанию сохранить себя без смущения. Этого же можешь достигнуть, когда будешь всем распоряжаться не как своим, а как Божиим имуществом, которое вверено тебе для употребления».

Итак, будем ходить как приставники к дому Владыки, пред очами Его, — тогда само собой явится страх Божий. Он сделается непогрешимым руководителем во всех делах наших, и не нужен станет нам совет человеческий. «Начало премудрости — страх Господень и совет святых Его — разум».

О ТЩЕСЛАВИИ И СМИРЕНИИ

Не тщеславься! — Тщеславный — безплатный работник, труд несет, а награды не получает. — Как дырявый мешок не сохраняет в себе того, что в нем положено, так тщеславие губит мзду добродетелей. — Воздержание тщеславного — дым, выходящий из печи: то и другое рассеивается в воздух. — Ветер заметает след человека, так и тщеславие заглаждает всякие добрые дела и ни во что обращает милостыню и молитву. — Когда надмевает тебя помысел и в сердце слышатся какие-либо славолюбивые доводы, — тогда отвечай им словами псалма: *Да возвратя́тся а́бие стыдя́щеся глаго́лющии ми: бла́гоже, бла́гоже* (Пс. 69, 4).

Сердце смиренномудренное есть сокровищница, отовсюду огражденная Благодатью Божиею, возграждение, *иде́же ни червь, ни тля тлит, иде́же та́тие не подко́пывают, ни кра́дут* (Мф. 6, 20). Обилие здоровых плодов нагибает до земли древесные ветви, так страх Божий — добродетельную душу. — Возделывай ум поучением в законе Божием, потому что непрестанное поучение в нем искореняет худые помыслы. — Памятуй всегда о Боге — и небом сделается ум твой. — Радуйся смирению, ибо порождается им высота великая, пасть не могущая.

ПРИЗЫВ ГРЕШНИКОВ КО СПАСЕНИЮ

Страх и ужас объял бы тебя, брат, если бы ты увидел, как души наши изъязвлены грехами. Поистине не осталось в них целого места. Все они покрылись гнойными струпьями, зияющими язвами и слились в сплошную воспаленную рану. Где искать лекарства от этой душевной болезни, где найти цельбоносный источник, заживляющий эти язвы? Кто откроет его, чтобы, почерпая от него с верой, мы прохладили души наши, грехами и страхом Суда Божия сокрушенные? Каждый, наверное, задавался целью отыскать его, многие, как та евангельская больная, истратили все свое имение, ища его среди людей, но не нашли, ибо нет против этих язв лекарств у людей. На наши недоумения и запросы (об источнике исцеления) отвечает Слово Божие, указывая прообраз для нашего исцеления в медном змии, вознесенном на древо Моисеем в пустыне. Как угрызаемые змеями сыны Израилевы, взирая с верой на того медного змия, исцелевали от смертных язв; так и нам, угрызаемым от адского змия, змия древнего — диавола, должно взирать на вознесенного грех ради наших на древо Христа Сына Божия и с умиленным и сокрушенным сердцем просить исцеления от язв греховных, ибо *Он есть Агнец Божий, взе́мляй грехи́ мира* (Ин. 1, 29). *Той же я́звен бысть за грехи нашя...* Его *я́звою мы изцеле́хом* (Ис. 53, 5). Так и Он сам учил, говоря: *якоже Моисей вознесе́ змию в пусты́ни, та́ко подоба́ет вознести́ся Сыну Человеческому, да всяк ве́руяй в Онь не поги́бнет, но и́мать живот вечный* (Ин. 3, 14—15). Итак, взирать должно всякому согрешающему на Христа Распятого, к Нему, седящему ныне одесную Бога Отца, возводить сердечные очи и с верой просить греховным язвам исцеления. Вот цельба нашим греховным ранам! Вот источник животворящий!

Слышу многих, говорящих: «И хотели бы мы исцелиться от пьянства и других грехов, да не можем сделать над собой усилия, чтобы с верой воззреть на Распятого, с решимостью припасть к ногам Его». Не обманывайте, возлюбленные, себя и других: можете, но не хотите. Не хотите познать любви

Божией к вам и ринуться в объятия Господни. А если бы захотели, смогли бы. Хотящему все возможно, ибо Сам Бог, повелевший нам изыти из сего греховного мира, помогает всякому, хотящему прийти в объятия Его. Он любящих Его любит, прилепляющихся к Нему приемлет, ищущим Его идет навстречу и желающим насладиться любви Его неоскудно дает сладость (см.: Притч. 8, 17). Бог любви изливает господство Духа Святого в сердца наша (см.: Рим. 5, 5). Это господство Духа — не насилие над нами, а благодать, добровольно всех приводящая в единство (см.: Ин. 17, 21). В этом и состоит сущность преблаженного нам лекарства. Это — высочайший дар союза любви с Самим Иисусом Христом. Всем он преблажен, все им в силах воспользоваться, ибо действующий при этом не немощный человек, а всемогущий Бог. Не отказывайтесь же от предлагаемого вам спасения немощью. Ведь и святые Божии люди, подвизавшиеся о Христе, такие же были, как и мы, земные, плотяные, и, однако, они презрели и победили мир, да и теперь многие презирают и побеждают. Как же им это — возможно, а нам нет? Возжелаем, возлюбленные, понудим себя — и мы сможем. Отвратим сердца наши от неправых путей, размыслим о грядущих бедах, будем взирать на обещанное блаженство и горячая надежда, воскреснув, понудит нас приблизиться к Источнику цельбы, и исцелеет унылое сердце каждого из нас.

Охваченные огнем все бросают и, хотя жалеют о доме и имуществе, однако, без оглядки бегут, чтобы спасти свою жизнь. Поверьте, возлюбленные мои о Господе, истину говорю вам: если бы увидели гибельность греха и будущую сынов Божиих славу, и вы бы, презрев царские диадемы, всю мира сего славу и все сокровища его, без сожаления бежали бы из огня греховного, охватывающего вас со всех сторон в мире, и к тому единому потщились бы, чтобы удостоиться оной славы. Тогда не только прелести мира сего, но и самое тяжкое мучение не воспрепятствовало бы вам. Не достойны бо суть страсти нынешнего времени сравнительно со славой, хотящей явиться в нас (см.: Рим. 8, 18). Поверьте, если бы показал Бог адские мучения, которые, думаю, представляют

собой все муки и горе мира сего, собранные в единую тьму вечного мучения, то ваша горделивая честь, слава, богатство и вся красная мира сего показались бы вам горькой полынью и вы бы в ужасе плакали, дабы не прийти на место мучения сего.

Увы нам, братие! ей, ей увы! и ей, ей мы не чувствуем, что Бог будет судить народы по Своему всеведению (см.: Ис. 11, 2—3). Покаемся, пока есть время покаянию; и переплавит нас покаяние, как огонь переплавляет серебро и золото, и Бог мира будет для нас, как щелочь очищающая (см.: Мал. 3, 1—3). Вспомним, что Богу будут служить все народы, племена и языки (см.: Дан. 7, 14). Примем во внимание воплощение Сына Божия и вольное Его страдание. Ради кого Он пришел в мир и пострадал? Нас ради, ради каждого человека. Он сжалился над нами, погибающими, и сошел на землю, дабы Своими страданиями избавить нас от вечного мучения и ввести в жизнь безконечную. О, дивное дело Божие, о, дивный о нас Промысел Его! Великое и непостижимое будет вечное блаженство, безконечной ценой купленное или, лучше, возвращенное нам! Неужели же мы пожелаем грехами своими опять, вторично потерять его? Сжалимся над собой, ибо о нас сожалеет Бог. Ему душа одного человека дороже неба и земли и всей вселенной. Эту Он создал одним словом (Рече, и быша), а ради души человеческой Сам в мир пришел, воплотился, пострадал и умер. О человеколюбие Божие! О достоинство души человеческой! Так эту благородную, безценную душу ты хочешь поработить чувственному миру, поработить пьянству, исполнить всякой нечистоты, бросить опьяненную в грязь?! Этот многоценный бисер повергаешь в кал тинный?! Нет! Пропади ты, мир, со всеми своими прелестями! Пусть ищут тебя сластолюбцы и наслаждаются тобой не познавшие Христа. Нам же, о христиане, да будет един Христос — красота, премудрость, сладость, честь, слава, похвала, утешение, радость, веселье, блаженство, ныне в тайне сердца нашего сокровенные, в день же онь явиться имущие во откровении славы сынов Божиих! Он наше сокровище, которое мы ныне носим в скудельных сосудах плоти нашей. Его, как золото

закопченное, презирают и как Маргарит, в грязи валяющийся, попирают, мы же в Нем и Он в нас и довлеет нам.

Верите ли вы этому? Если верите, то отвратитесь от призрачных сокровищ, которыми, как каким-нибудь миражом, мир прельщает любителей своих, обратитесь ко Христу и у Него взыщите истинного сокровища. Если же не верите ныне, то тогда, в день тот, своими глазами увидев, как праведники просветятся, яко солнце, во Царствии Отца их (см.: Мф. 13, 43), с сожалением и теснотой сердца убедитесь, только уж позднее, и безполезное будет то убеждение.

Со страхом и стыдом идет человек на суд человеческий, — представьте же с каким чувством явится грешник на Суд Божий. Стоит преступник на суде человеческом, закованный в железо, покрытый стыдом, одержимый страхом; его обличают свидетели, открываются его беззаконные дела, ему износят осуждение, лишают его чести и отлучают из числа добрых. Этот суд, стыд, страх, безчестье — только некая тень оного суда, стыда, страха, безчестья или даже ничто в сравнении с ними. Там истинный стыд, ибо Суд всемирный, там истинный страх и ужас, ибо Судья — Бог, ведущий и тайное сердца, от Которого ничто уж не укроется. Явится Он в Божественной славе Своей, окруженный тьмами Архангелов и Ангелов, откроется книга совести и каждому пред лицом всего мира Ангелов и людей представляется содеянное им делом, словом, помышлением, тайно и явно. Увидит грешник праведный гнев Того, Который ради него приходил в мир, пострадал и умер, но был им неблагодарно отвержен, и обымет его сокрушение, теснота и ужас. Вострепещет он, как лист от ветра, услышав за неблагодарность грозный приговор от Судии, заклеймят его печатью осуждения, отвергнут от лица Божия, отлучат от лица праведных навеки, причислят к духам злобы, заключат с ними в темницу вечного мучения, и будет он пить вечную, горькую чашу гнева. Вспомните и вообразите в уме праведный и страшный оный суд — и отыдет от вас любовь к миру. Поверьте, всегдашняя память и размышление о последнем Суде отвратит вас от суетных желаний и подвигнет к истинному покаянию, молитве и той единой заботе, чтобы не посрамиться там.

В каком состоянии будет грешник тогда, когда вся вселенная вострепещет и поколеблется от страха разгневанного Судии, когда увидит он пред очами огненную реку, в которой он будет гореть и не сгорать, вкушать смерть и не умирать? В тот час цари и вельможи, богатые и судьи неправедные, у которых мзда заменяла правду, сильные и славные и всяк раб и свободный возжелают скрыться в пещерах, посреди горных камней и будут говорить горам и камням: *падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца; ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять?* (Апок. 6, 16—17). Что тогда будете делать вы, содержатели и посетители театров, портретных, маскарадов? Закроют ли ваши маски преступные порывы ваши, как закрывают их здесь от людей? Вы, посетители ресторанов, бильярдные игроки, спасут ли вас ваши трактиры и погребки от ярости и огня, готового пожрать грешников? Горе вам, которые зло называете добром и добро — злом, тьму почитаете светом и свет тьмой, жизнь смертью и смерть жизнью! Горе вам, которые мудры в своих глазах и разумны перед самими собой! Горе храбрым пить вино и приготовлять крепкие напитки, оправдывающим за подарки виновных и лишающим правых законного! Горе вам, которые не заповедям Божиим внимаете, а о суете единой замышляете, не Богу, а себе угождаете, не Создателя и Благодетеля своего, а себя и тварь любите и почитаете, не Божией, а своей чести и славы ищете! За то, как огонь поедает солому и пламя истребляет сено, так истлеет корень ваш, и цвет ваш развеется, как прах. Вы отвергли закон Господа Саваофа и презрели слово Святаго Израилева, за то возгорится гнев Господа, прострет Он руку Свою и поразит вас так, что содрогнутся горы, и трупы ваши будут, как помет на улицах, и при всем том гнев Его еще не отвратится и рука Его будет простерта, и вот Он (опять) приидет легко и скоро (см.: Ис. 5, 20—26). Кто мы, чтобы противостоять Ему тогда? Земля мы и пепел! Помыслите сие и исправьте сердца ваши. Да слышится в ушах ваших и души ваши да уразумеют пророческое слово: *Господь во век пребывáет, уготóва на суд Престол Свой, и Той судити úмать... людем в правотé* (Пс. 9, 8—9). Готов Судья на

Суд, готов Престол Его, готовы Ангелы Его вострубить и собрать всех на Суд, готово Царствие Небесное благословенным, готова геенна нераскаянным грешникам, но ожидает нашего покаяния (Творения святого Тихона Задонского). Не замедлит Господь исполнить обещанное, как некоторые думают, но долготерпит на нас, *не хотя́, да кто поги́бнет, но да вси в покая́ние прии́дут* (2 Пет. 3, 9).

Как в сем веке те, которые обрабатывают землю, трудятся, сеют, — с радостью собирают в свое время плоды трудов своих, а ленивые гуляки и пьяницы не имеют чем и пропитаться и, смотря на довольство трудившихся, скорбят и окаивают себя; так будет и в день онь. Боголюбцы с радостью пожнут плоды своей веры и благочестия и получат благая, *их же око не ви́де, и ухо не слы́ша, и на сердце человеку не взыдо́ша* (1 Кор. 2, 9), а миролюбцы, видя тех награжденными, а себя лишенными таковых благ, восплачут и возрыдают. Но тогда уж безполезно будет покаяние *еже бо сеет человек, то́жде и по́жнет: яко сеяй в плоть свою, от плоти пожнет истление, истлевая вечно... а се́яй в Дух, от Духа по́жнет живот вечный* (Гал. 6, 7—8). *Се работавшии Ми,* скажет тогда Господь, *ясти будут, вы же пьяницы, сластолюбцы, беззаконники, взалчете; се работающии Ми возрадуются и взвеселятся, вы же покрыйтеся срамом, возопийте в болезни сердца вашего, восплачьте и возрыдайте в сокрушении духа.* И поразят грешников жалость, скорбь и болезнь, когда они увидят в славе, радости и несказанном блаженстве со Христом праведников; когда увидят, что это были все такие же немощные и с той же плотью люди, как и они сами, что между ними и те, которых они на земле презирали, осмеивали, злословили, считали злодеями или лицемерами, попирали, как какой-нибудь сор; когда увидят всех их в Царствии Божием, себя же в крайнем окаянстве, бедствии и безчестии, отверженными от источника жизни и света навеки; тогда они познают суетность своей минувшей жизни, в которой они вместо истины гонялись за ложью и тьмой, и сие познание еще более увеличит их мучение, и *будет,* — по слову Господню, — *плачь и скре́жет зубом, егда у́зрите Авраама и Исаака и Иакова и вся про-*

роки во Царствии Божии, вас же изгони́мых вон (Лк. 13, 28). О вечность злополучная, коль горька память твоя страшная! Тяжко будет вечно терпеть вечное жжение огня геенского, болезнь лютую и несносную, скрежет зубов, угрызение червя неусыпающего и от всего этого страдать душой и телом! Познайте убо вечное страдание от временного и берегитесь, да не впадете в тое и вы; ныне сходите умом во ад, да не потом душой снидете (Творения святого Тихона Задонского). Помышляй о суде и муках — и в твое сердце вселится страх и внимание к своей судьбе. Вонми слову Спасителя: *кая бо польза человеку, аще мир весь приобря́щет, душу же свою отщети́т; или́ что даст человек изме́ну за ду́шу свою* (Мф. 16, 26).

Знаете ли, с каким торжеством и ликованием воины, победив неприятельские силы, возвращаются в свое отечество? Народ встречает их с радостью, похвалами и благодарностью, везде им оказывают честь, сам царь дает каждому из них награду по заслуге... Несравненно большее бывает торжество душ, здесь подвизавшихся против мира, плоти и диавола, когда они, победив этих врагов, восходят в отечество свое — на небо. Там они являются пред лицем Царя Небесного, Христа Бога нашего, приемлются Им в объятия, приветствуются радостью и торжеством от Ангелов Божиих и святых, и слившись во едины уста со всеми небожителями, поют благодарственную песнь Богу. Мирно и сладко упокоятся в вечном животе эти души, которые на земле трудились, боролись, подвизались, умножили таланты Господа своего, забудут все здешние труды, безпокойство, перенесенные обиды, скорби, печали и болезни (см.: Евр. 4, 10). Они наследуют град славный, вышний Иерусалим, его же Художник и Содетель — Бог. Кто может описать красоту его? — *ибо око не ви́де, и ухо не слы́ша, и на се́рдце челове́ку не взыдо́ша, яже уготова* (в нем) *Бог лю́бящым Его* (1 Кор. 2, 9). Правда, видели и теперь видят оный град святый, но не могут виденного передать нам; потому что как слепому сколько ни рисуй красоты — он не видит, и глухому сколько не кричи — он не услышит, так и нам, которые еще не стяжали в себе Царствия Божия, сколько не описывай — не поймем, пока не вселится в нас

вся испытующий и ведущий Дух Божий и не откроется зрение душ наших. Но истинно слово тех, кто говорит нам об этом граде, ибо они прияли откровение Духа и сами видели то, что описали в Слове Божием. Град оный из злата чиста подобен стеклу чисту, и основание стены града всяким драгим камнем украшено, и стогны града — злато чисто, яко стекло пресветло (см.: Апок. 21, 19—21), описывает тайновидец Иоанн Богослов, стараясь подобием видимых вещей дать нам понятие о невидимом нами. В этом граде в дому Отца Небесного — обители мнози (см.: Ин. 14, 2). В этих обителях пресладких, на вечной трапезе Христовой (см.: Лк. 22, 30) и водворятся души избранников Божиих. *Блаже́ни живу́щии в дому́ Твоем,* Господи, *во веки веков восхва́лят Тя* (Пс. 83, 5). Тогда упиются праведники те от тука дому Господня и потоком сладости насытятся (см.: Ис. 65, 13—14), оденутся они в виссон чистый, в ризу спасения и одежду веселия (см.: Апок. 19, 8), и преобразится тело смирения их, яко быти ему сообразну телу славы Христовой (см.: Флп. 3, 21), так что просветятся они, как солнце, в Царствии Отца их (см.: Мф. 13, 43). Будет там слышаться непрестанное пение Ангелов и святых, по всем стогнам града того будут петь пресладкую песнь: *аллилуиа, яко воцари́ся Господь Бог Вседержитель, ра́дуимся и веселимся, и дадим славу Ему, яко прии́де брак Агнчий и жена Его угото́вила есть себе* (Апок. 19, 6—7). И будут избранники Божии вовеки торжествовать над врагами своими смертью и адом, ибо сбудется слово написанное: *пожре́рта бы́сть смерть побе́дою* (1 Кор. 15, 54). Между избранниками Божиими будет царствовать совершенный мир, согласие и любовь; Ангелы и люди будут тогда едина Церковь, едино стадо. Едиными усты и единым сердцем будут они хвалить и воспевать Пресвятую и Животворящую Троицу, Бога и Содетеля своего. О любезное и вожделенное дружество, в котором человеки соединятся с Ангелами и Бог будет всяческая во всех! В Боге, в этой самосветящейся бездне сладостной любви Его, почивают святые. О, какой радостью возрадуются они тогда пред Царем славы! Того, ради Которого на земле поношение, безчестье, гонение, страдание терпели, Того Самого увидят уже не верой, но

лицом к лицу; прославятся, вознесутся, возвеличатся, увенчаются с Ним, как уды с главой, как меньшие братья с первородным своим. Как сильно желание человека, уязвленного любовью к Богу, увидеть Его! Томится он этой жаждой, восклицая с пророком; *имже образом желáет елéнь на источники водныя, сúце желáет душá моя к Тебе, Боже. Возжадá душа моя к Богу Крепкому, Живому: когда приидý и явлю́ся лицý Божию* (Пс. 41, 2—3). Тогда утолит человек алчбу свою и жажду свою прохладит непрестанным видением прелюбезного Бога: ныне, — говорит боголюбивая душа, апостол Павел, — *ныне видим, якоже зерцáлом в гадáнии, тогда лицем к лицý* (1 Кор. 13, 12), *верою бо ныне хóдим, а не видéнием* (2 Кор. 5, 7). Ныне благодеяниями снабдеваемся, Благодетеля же Своего не видим, тогда и Самого Благодетеля увидим, как дитя видит отца, и возрадуется сердце наше и радости нашей никтоже возмет от нас. Ныне слышим святое слово Его, пророками и апостолами Его явленное, стоим пред Ним и обращаемся к Нему в молитве, пении, славословии, хвалении, но, Того, Чьи слова слышим, Кому молимся, поклоняемся и поем, — не зрим. Тогда же и Самого лицом к лицу узрим и будем без сытости зреть Его, яко же Он нас (см.: 1 Ин. 3, 2), и поклоняться, петь и хвалить без труда. Тогда исполнится слово оное: *Якоже мати утешáет* дитя свое, *тако утешу вы... узрите и возрáдуется сердце ваше* (Ис. 66, 13. 14). И будут у избранных Божиих тела нетленные, здоровые, благоцветущие, краснейшие, славные, легкие, светлые, одухотворенные, по слову апостола: *сéется в тлении, востает в нетлении: сеéтся не в честь, востает в славе: сеется тело душевное, востает тело духóвное* (1 Кор. 15, 42—44).

О прекрасная и вожделенная весна, которая произращает такие цветы на земле новой! Горя благодарностью за все к Богу, предстанут тогда пророки, апостолы, святители, преподобные, исповедники, мученики, праведники и праведницы, и все святые, течение свое добре совершившие и веру соблюдшие, и вместе с Ангелами сольются во едины уста, исповедуя и прославляя Господа, Царя славы. И воспоют: «Прославляем Тебя, Бога Спасителя нашего, прославляем Имя Твое Святое,

ибо Ты был нам покровителем и помощником и по множеству милости Твоея избавил от погибели, от сети языка клеветнического, от уст, сплетающих ложь и от восставших на нас; исхитил нас от зубов, готовых пожрать нас, от руки, искавшей души нашей; от многих скорбей, случавшихся с нами, от удушающего со всех сторон огня, из среды пламени, в котором мы горели в мире, из глубины чрева адова освободил нас. Души наши близки были смерти и жизнь наша была близ ада преисподнего, со всех сторон враги окружали нас, и не было нам помогающего. Искали мы глазами заступления от людей — и не было его. И вспомнили мы, Господи, о Тебе; о Твоих страданиях, которые Ты за нас претерпел, о Твоей милости и делах Твоих от века сущих — как Ты избавил надеющихся на Тебя и спасал их от руки врагов. И вознесли мы от земли моления наша и воззвали к Тебе, Господи, и к Отцу Твоему, чтобы Ты не оставил нас во дни скорби нашей, когда не было помощи от людей, и избавил нас от смерти. Теперь мы лицом к лицу предстоим Тебе, Господи, и воочию видим спасение наше. Господи Боже наш! будем хвалить Тебя и превозносить непрестанно и славословить во веки, ибо Ты услышал молитвы наши, спас нас от погибели и от злого времени избавил нас. Тобою Тебя будем прославлять и благословлять. Господи! Хвала наша во устах наших будет пищей и питьем и никогда мы не насытимся ею. О дыхание наше, воскресение и жизнь вечная! Будучи еще юными, прежде нежели пойти странствовать по пути спасения, искали мы Твоей премудрости, в храме Твоем молились Тебе о ней и не оставили поисков ее до смерти. Как виноград, зреющий под лучами солнечными, радовались сердца наши, озаряемые светом ее, ноги наши следовали за нею от юности нашей. Понемногу наклоняли мы выи наши под иго ее, принимали и слагали ее в сердце своем, и, находя в ней много полезных наставлений для себя и для других, удивлялись и восклицали: «Воздадим славу Давшему нам мудрость!» Мы решили следовать ей до конца и не постыдились. В награду Ты дал нам Себя Самого и вложил в уста наша сладость Твоего хваления. Господи Боже наш, поклоняемый от Херувимов, Серафимов, Престолов, гос-

подств и от безчисленного воинства сил небесных певаемый и хвалимый! Ты отверз уста наша к хвалению — и мы славословим Тебя! Преклоняем выи, колена наши, понесшие благое иго Твое. Ты дал нам его, дал и силу снести его, поэтому души наши принимали и смиренно исполняли сродное им учение Твое. Теперь видим глазами своими, что немного потрудились и нашли себе великое успокоение! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, давшему нам победу Господом нашим Иисусом Христом в Дусе Святе! Слава Тебе во веки веков!

Потщимся, возлюбленные, и мы приобрести такое расположение сердца к Богу и смиренно, отвергнув свою волю, предадим себя воле Всевышнего Бога в терпении и труде. Поспешим куплю деять, ибо только здесь, в мире сем, — место торга и время умножать Богом данные таланты доброделанием; здесь путь странствия, а там место упокоения, там отечество и дом. Кто чем может, будем деять куплю: кто благотворя от мамоны неправедной, кто служа физическим трудом, кто полагая душу свою за других, — чтобы приобрести нам Жениха-Христа; и Он будет помощником во спасение со Отцом и Духом Святым. Бросим худые привычки наши, будем пуще огня бояться пьянства и всякого другого греха, трезвиться, подавать милостыню святым — тогда и нас милостиво приимет Господь в вечные кровы Свои. Пока имеем время, будем делать добро, тогда и час смерти нашей не смутит нас, ибо милость и добро и на суде хвалятся. Умножая, умножит Господь милость Свою на нас и за все, за все воздаст в свое время щедрой наградой. Пойте же и превозносите Его во веки. Аминь».

О МОЛИТВЕ ИИСУСОВОЙ, В СЕРДЦЕ ТВОРИМОЙ

Великое дело — умная молитва. Хочешь ли узнать, как она необходима? — Без нее никому нельзя спастись, потому что мы спасаемся не своей силой, а помощью Божией, как учит Христос, говоря: *без Мене не мо́жете твори́ти ничесо́же* (Ин. 15, 5); и как свидетельствует апостол Его Павел, говоря о себе: *Вся могу о укрепля́ющем мя Иисусе* (Флп. 4, 13). Помощь же

подается от Христа только по молитве, как свидетельствует тот же апостол, побуждая нас всякой молитвой, молением, прошением, благодарением молиться во всякое время духом (см.: Еф. 6, 18). Хочешь ли узнать, как она чудна и честна? Душа, занятая ей, подобно купине, виденной Моисеем на Хориве, или девственной утробе Богоматери, вместившей Бога воплощаема. В нее, как в утробу Богоматери, вселяется Бог, она, как некогда купина, пламенеет всегда огнем благодати и не сгорает. Об этом, охватывающем душу, огне говорил Христос: *Огня приидо́х вовре́щи на зе́млю, и что хощу́, аще уже возгоре́ся* (Лк. 12, 49). Это есть тот огонь совершенной любви и радости, которых просил Спаситель у Отца для Своих учеников, идя на страдание: пусть они имеют радость Мою, исполненную в себе... *пусть любовь, которою Ты возлюбил Меня, в них будет, и Я в них* (Ин. 17, 26). Это есть само Царствие Божие, вселившееся в людях (см.: Лк. 17, 21).

Познав такое великое благо умной молитвы, уподобимся, братия, евангельскому купцу и взыщем сего доброго бисера — сердечного призывания имени Иисусова. Изучим искусство делания и хранения мысленного рая и, подобно поселенным Богом в раю прародителям, начнем возделывать Царствие Небесное в сердцах наших.

Начало этого умного делания есть внимание, собранность мыслей в Боге. Святой Иоанн Лествичник так говорит об этом: *сидя на высоте, наблюдай, если только умеешь, и тогда увидишь, как, когда и куда, сколько и какие тати приходят, чтобы войти и украсть твои грозди... Душа, утомившись, встает и молится, потом опять садится и мужественно принимается за прежнее делание* (Святой Иоанн Лествичник, Слово 29 о умной молитве). Чтобы яснее тебе познать значение внимания для умной молитвы, возьмем другое сравнение. Сердце человеческое подобно лампаде; внимание, сосредоточенное в себе, подобно маслу, наполняющему ее. Когда в лампаде горит масло, от нее исходит свет и тепло; так и в душе, когда внимание занято молитвой Иисусовой, ощущается просветление, теплота, радость. И наоборот, подобно тому, как, если выгорит масло, остается одна только холодная, мрачная,

смердящая лампада; так и сердце, когда внимание удалится из него и ум начнет блуждать по разным нечистым предметам, — делается холодным, мрачным, наполненным смердящим дымом греховных помыслов; благодатный огонь угасает и молитва делается пред Богом мерзкой жертвой, подобной молитве братоубийцы Каина.

Итак, если хочешь начать сие священное делание молитвы умной, прежде всего сосредоточься вниманием, молись неисходно в сердце. Так молиться учит нас своим примером святой апостол Павел. *Хощу,* — говорит он, — *пять слове умом моим глаго́лати... нежели тмы словес язы́ком* (1 Кор. 14, 19). Так молиться заповедует и Христос, говоря: *Ты, егда мо́лишися, вниди в клеть свою и, затворив двери твои, помоли́ся Отцу твоему в та́йне* (Мф. 6, 6). Василий Великий: клеть — это сердце, затворить двери — значит сосредоточиться вниманием в сердце.

Второе условие для непрестанного делания молитвы Иисусовой — отражение греховных помыслов. Всеми силами души старайся не заниматься представляющимися тебе худыми помыслами. *Не обманывайте себя,* — говорит об этом апостол Павел, — *ни воры, ни блудники, ни малакии, ни мужеложники, ни лихоимцы, ни пьяницы, ни злоречивые Царствия Божия не наследуют* (см.: 1 Кор. 6, 9—10), если не покаются и не оставят своего нечестия. И святой Иоанн Богослов учит: в Царствие Небесное *не войдет ничто нечистое и никто преданный мерзости и лжи* (Апок. 21, 27). Сознавая это, и пророк Давид молился: *Сердце чи́сто созижди́ во мне, Боже* (Пс. 50, 12). Невозможно молиться, не очистив наперед сердца от греховных помыслов и пожеланий. Ибо сердце — источник всей жизни человека, и когда оно нечисто, и помышления от него исходят злые (см.: Мф. 15, 19), потому и Христос прямо заповедует: *очисти прежде внутренность... чтобы чиста была и внешность* (см.: Мф. 23, 26). Если помыслы и пожелания греховные оскверняли сердце и делали его нечистым, то имя Господа Иисуса, произносимое с благоговением, помыслы о Нем, о Его заповедях и Царствии послужат оружием, с силой изгоняющим из сердца все греховные пожелания и недопускающим греху овладеть волей человека.

Зная такую силу молитвы против греха, святой Иоанн Златоуст умоляет христиан, говоря: *молю вас, братие, не оставляйте никогда призывания Господа нашего Иисуса Христа, но при всяком занятии в страхе Божием непрестанно трисвятое имя Его произносите.* И апостол Петр заповедал: *Господа Бога святите в сердцах ваших* (1 Пет. 3, 15). Кто освящает свое сердце именем Господним, у того все чувства бывают святы и для врагов спасения неприступны. У такого сердце делается исходищем живота (см.: Притч. 4, 23), из сердца такого человека истекут, по обещанию Господа, реки воды живой, то есть мысли духовные, полные жизни и мира (см.: Ин. 7, 38; Рим. 8, 6).

Чтобы достигнуть этой чистоты сердца и свободы его от греховных помыслов, необходимо иметь страх Божий, непритворное смирение, постоянное сокрушение сердечное, терпение во всем, молчание. Последнее особенно советуют святые отцы, сами проходившие подвиг умной молитвы. По их словам, нет ничего возмутительнее многословия, или как они называют — языкоболия, — нет ничего зловреднее болтливого языка; ибо ничто так не расстраивает спокойствия души, как смех и многоглаголивые уста. Отсюда рождаются плотские скверные и суетливые помыслы, которые суть смерть для души, ибо покоряющиеся им не могут уже покоряться закону Божию (см.: Рим. 8, 6—7). Поэтому благо душе того человека, который с пророком Давидом желает, чтобы не говорили уста его дел человеческих (см.: Пс. 16, 4), который возлюбил сладость безмолвия, безмятежной жизни, чтобы предаваться внутренней непрестанной молитве. Многие святые отцы приучали себя к молчанию и тем стяжали Духа Святого. Они всегда радовались, непрестанно в молитве благодаря за все Бога, сердца их были исполнены плодов духовных: любви, радости, мира, долготерпения, веры, милосердия, кротости, воздержания (см.: Гал. 5, 22).

Итак, молчание есть самый прямой путь, которым водворяется Царствие Божие в сердцах людей, которым являет Господь спасение Свое и благословляет людей Своих миром.

Представьте теперь себе, братие, какое неизмеримое блаженство вкушает человек, соединившись чрез умную молитву

с Господом. Как невеста Христова, как родной Ему, он в радости восклицает: *уя́звлен (есмь) аз любовию* к Тебе (Песн. 2, 5), *прильпе́ душа моя по Тебе... десница Твоя* поддерживает меня (см.: Пс. 62, 9), *и согре́яся сердце мое и в поучении моем разгори́тся огнь* (Пс. 38, 4), *возжада́ душа моя к Богу Крепкому, Живому, когда прииду и явлюся лицу Божию* (Пс. 41, 3). Тогда понятным для него становится слово: *никто́же может рещи́ Господа Иисуса, то́чию Духом Святым* (1 Кор. 12, 3). Тогда он *от труды добродетели своей снесть* (см.: Пс. 127, 1—2). Всецело предавшись воле Божией, он с надеждой будет смотреть вперед, зная, что от Господа исправляются пути его (см.: Притч. 4, 29), от Него он получит радость и спасение, в соединении с Ним найдет истинное успокоение. Его осеняет Благодать Божия, внутри его — постоянно пламенеющий огонь любви Божией. Господь, по неложному обещанию Своему, пришел к нему с Отцом и сделал его жилищем для Себя (см.: Ин. 14, 21—23). Водворилось внутри его Царствие Божие (см.: Лк. 17, 21), правда, мир и радость во Святом Духе (см.: Рим. 14,17); Бог мира и его приобщил миру Своему. Одно воспоминание имени Божия делает то, что душа такая, забывая все земное, стремится любовью к Нему одному — Царю Небесному, погруженная в безмолвие и безконечное славословие Господу Богу, она восходит от совершенства к совершенству, воскресает, оживляется, живет для Бога и наслаждается причастием жизни Его.

Не вдруг достигает этого блаженного состояния грешник, решившийся принять на себя подвиг молитвы. Впереди ему предстоит еще трудная борьба с собой и с миром, дерево молитвы разрастается в душе постепенно, по мере ее очищения.

Море жизни, окружающее подвижника, — бурно; враг его спасения возбуждает против него полчища страстей, вздымает волны невзгод, грозит разбить его корабль искушениями. Когда тебя, брат, начинающего свой подвиг, окружат все эти опасности и ты при виде их почувствуешь свое безсилие и безпомощность, тогда вспомни святых апостолов, как они, застигнутые на море сильной бурей, взывали: *Наставниче, Наставниче,* спаси нас, погибаем (см.: Лк. 8, 24). Взирай и ты на

подвигоположника Христа и сердечно взывай: Наставниче, спаси, погибаю и как тогда Он, встав, запретил ветру и волнению водному, так и к тебе приидет и водворит в сердце твоем тишину велию. Ибо если и мы не отказываем в помощи утопающему, тем более Он не оставит без исполнения искренней молитвы.

Затворись же, брат, в клети сердца твоего, смиряй себя, помня, что место, на нем же ты стоишь, свято, ибо ты предстоишь Самому Богу. Непрестанно взывай в мыслях: *Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного!* Или когда начнут одолевать какие-либо страсти или помыслы: Сыне Божий, помози мне, Христе мой, помилуй мя! Твой есмь аз, сохрани мя, Господи! — и, я верую, последует тебе Его помощь, все страсти твои замрут и греховные помыслы отпадут, как зажившие болячки. Постепенно, по мере омертвения в тебе греха, начнет пробиваться в твою душу благодатный огонь молитвы. Мало-помалу овладеет он твоим умом и приведет его в состояние тишины и внимания, потом начнет проникать в сердце, возбуждая его от сна смертного. Пройдет Дух Божий по всем изгибам его, отымет всякую греховную нечистоту, и ты, как бы вновь рожденный, встретишь начало обновленной жизни в слезах радости и умиления.

Если ты, брат, уразумел важность умного делания и, возжелав его, не знаешь, как его осуществить, — воспользуйся наставлениями опытных в этом деле старцев. Я приведу советы не древних, а ближайших к нам, живших в наше грешное время подвижников.

Священноинок Дорофей, Российский подвижник, так учит о молитве Иисусовой: «Кто молится устами, а о душе небрежет и сердце не хранит (от греха), такой человек молится воздуху, а не Богу и напрасно он трудится, потому что Бог внимает уму и усердию сердца, а не многоречию. Молиться должно от всего усердия своего, от души и ума, в сокрушении сердца со страхом Божиим, тогда умная молитва не допустит входить во внутренность сердца ни мечтанию, ни скверным помыслам. — Хочешь ли научиться деланию умной, сердечной молитвы, — продолжает угодник, — сначала должно тебе

творить Иисусову молитву голосом, устно, вслух себе одному. Когда насытятся уста и чувства молитвой, произносимой гласно, тогда гласная молитва прекратится и начинает она произноситься шепотом. Тогда умная и сердечная молитва сделается манием и будет самовластно и непрестанно действовать во всякое время, при всяком деле, на всяком месте, и сделается хвала Его во устах твоих, как хлеб небесный.

Саровский старец отец Серафим советует: «Когда бы ты ни произносил имя Божие и молитву: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного, — внимай себе, то есть собирай ум и соединяй его с душой. Сначала день, два и более твори эту молитву одним умом раздельно, внимая каждому слову особо. Тогда Господь согреет сердце твое теплотой Благодати Своея и соединит тебя в един дух, тогда потечет эта молитва непрестанно и всегда будет с тобой, будет наслаждать и питать тебя, тогда исполнятся на тебе слова псалмопевца: *чашу спасения приму, когда имя Господне призову.*

«И тогда, когда ты стоишь во храме при богослужении, занимайся молитвою Иисусовой; она удержит ум от скитания, ты сделаешься гораздо сосредоточеннее, глубже, гораздо лучше будешь внимать чтению и пению церковным и в то же время неприметным образом и постепенно обучишься умной молитве» (Наст. 6).

«Молчи, непрестанно молчи; помни всегда присутствие Бога и имя Его. Ни с кем не вступай в суетный и пустой разговор, но и остерегайся осуждать разговаривающих и смеющихся» (Наст. 32).

Когда ум и сердце трудом молитвы будут соединены воедино, тогда сердце согреется теплотой духовной, тогда воссияет душе свет Христов, и радость и мир исполнят всего внутреннего человека. Ничто бо есть лучше мира во Христе, — мира, в нем же разрушается всякая брань воздушных и земных духов. Этот мир, как некое безценное сокровище, оставил Господь наш Иисус Христос ученикам Своим пред смертью, говоря: *Мир оставляю вам, мир даю вам... Да не смущается сердце ваше и да не устрашается* (Ин. 14, 27).

Если чрез умную молитву этот мир Христов вселится в сердце твое, храни, брат, со всевозможным старанием сей драгоценный дар Божий. Мир Христов — это веяние Духа Святого, — тонок, почти не заметен для нас, грешных, и немедленно отступает от души, которая предается греху. Чтобы сохранить его, нужно избегать всякого гнева, ярости, осуждения других, ничего не желать себе из сущего, никого не возненавидеть, ни уничижать, отдалять от себя уныние, ибо, по слову премудрого, *печаль многих уби, и нет в ней пользы* (Сир. 30, 25).

Есть еще одно особенное искушение, в которое впадали многие неопытные подвижники и которого нужно бояться тебе, брат, начавший подвиг умной молитвы. Многие, потрудившись над умным деланием, впадают в прелесть: считают себя праведниками, желают творить чудеса, пророчествовать, требуют от Бога, как некогда фарисеи, знамения с небес, искушающие Его (см.: Мк. 8, 11). Бойся этого, брат, смотри, как бы свет, который в тебе, не оказался тьмой (см.: Лк. 11, 35). Ведь каким бы ни был праведным человек, праведность эта не его, но от Бога, как говорит и апостол Павел: *Благодатию есте́ спасе́ни чрез веру: и сие не от вас, Божий дар: не от дел, да никто́же похва́лится* (Еф. 2, 8—9).

Потерявший мир Христов по собственной вине лишается вместе с тем и благодатной молитвы. В душу его опять входят греховные страсти и начинают терзать ее, и бывает тому человеку последняя горше первых.

Береги же, брат, раз возжженный в тебе огонь благодати. Не ищи пресыщения; ибо когда ты пресытишься и упьешься, священный мир перестанет в тебе действовать, и грех опять возобладает тобой. Не позволяй себе никакой дерзости, ибо надолго прекратится в тебе действие мира. Не люби земного, не пристращайся к вещам и человеку, не ищи здесь правды и успокоения, ибо их ты не найдешь, а мир непременно отступит от тебя. Не услаждайся греховными блудными помыслами, ибо они будут терзать тебя, а мир душевный, как не терпящий никакого зловония греховного (особенно блудного и тщеславного), надолго, надолго, если не навсегда, оставит тебя.

Словами святого апостола Павла умоляю вас, братие, непрестанно *молитеся* (1 Фес. 5, 17) и удаляйтесь от худых и скверных дел, слов, помышлений, и тогда мир Божий, который превыше всякого ума, соблюдет сердце ваше и помышления ваша о Христе Иисусе и Бог любви и мира будет с вами (см.: Флп. 4, 7; 2 Кор. 13, 11). Аминь.

ВОЗБУЖДЕНИЕ ПОДВИЗАЮЩИХСЯ

Теките, теките, возлюбленные мои о Господе! Теките, — Владыка Христос всерадостно объятия Свои отверзает. Теките, да постигнете Христа, и явит Он вам Самого Себя сладостью — Благодатью Духа Своего. Приидет и обитель Свою сотворит внутри вас, водворит Царствие Небесное в сердцах ваших. Тогда, очистив душу, освятив силы, стяжав не мятущийся и не увлекающийся страхованиями помыслов ум, почтите и возлюбите паче всего другого Творца и Владыку всех; к Нему обратите все свои желания, со страхом и трепетом осяжите Его, вкусите безсмертной трапезы Его, обоняйте воню духовную от риз Его, и познаете, что нет никого другого более прекрасного, приятного, сладостного, могучего, премудрого, кто бы мог животворить, делать безсмертными и нетленными, как Бог. Не смущайтесь, родные мои, что, начав подвиг, вы чувствуете себя как бы в безводной пустыне, вдали от обетованной земли, текущей млеком и медом. Напротив, ободряйте себя к дальнейшим подвигам тем, что хотя вы и в пустыне, зато избавились от рабства фараону мысленному — врагу спасения нашего, перешли посуху бурное море страстей и стоите у камня, источающего воду живую, у ног Самого Христа, Бога нашего. Взирайте на Него очима веры и непрестанно взывайте к Нему: *даждь нам сию воду, да не вжаждем во веки!* — и Он источит из ребра Своего Кровь и живую воду, — и они утвердят вас в вере, сделают вас готовыми умереть за Христа, за заповеди Его, умирать радостно, в убеждении, что такая смерть (страдания) за Христа приносит жизнь (см.: Мф. 16, 25), нищету обращает в богатство, худость и ничтожество в истинную славу и знатность. Тогда, ничего не

имея, вы всем будете обладать. Это — состояние уже познавших Христа, стяжавших Его неисследимое богатство. О, как счастливы они, взирающие на все видимое, как на прах и дым: вера во Христа делает не только то, что они небрегут о приятностях жизни, но еще и то, что терпеливо и благодушно переносят всякое находящее искушение, печали, скорби и неприятности, ожидая, пока благоволит Бог призреть на них. Подражая Давиду, они говорят себе: *Терпя́, потерпе́х Господа, и внят ми* (Пс. 39, 2), то есть терпя скорби, уповаю, что Господь поможет мне, что Он, видя, как я, не колеблясь, чаю помощи от Него, призрит на мя и явит мне милость Свою.

Родные мои о Господе! Вы знаете, как восхваляет Христос таких терпеливо стремящихся к Нему: *блажени,* — говорит, — *жаждущие, яко тии насытятся.* Верю этому неложному обетованию Божию и надеюсь, что и вы будете утешены Им, ибо и вы ищете и жаждете Царствия и правды Его. Только бы не возроптать вам как-нибудь в жажде вашей и терпеливо ждать помощи Божией; посетила бы тогда это терпение ваше Божия Благодать, и настал бы тогда конец ваших очистительных странствований по пустыне и начало наследования земли обетованной, ибо это конец всех чаяний и стремлений человека, верх его совершенства. Не очистившие себя от нечистот египетских, сожалеющие еще о египетском мясе не могут войти в этот покой; но смиряющие, предающие себя воле Божией непременно войдут. Они познают Руку Божию, промышляющую об их спасении, отсюда явится у них полная вера, а с верой надежда. Откроется им ведение, вселится в них страх Божий, любовью к Нему растворенный. С одной стороны, сознание своей немощи и греховности, с другой — ощущение Божественной любви и своего возвеличивания — приведут в трепет сердце, умягчат душу — и потекут из глаз радостнотворные слезы умиления. Род Божий, семя Божие нетленное — есмы, скажут таковые, и по такому благородству, данному нам, невозможно нам быть рабами каких-либо страстей или пороков; ни за что не сойдем мы с высоты, на которую поставлены Всемогущей Рукой Спасителя нашего.

Еще и еще взываю с апостолом Павлом и возбуждаю вас: *Тако тецыте, да постúгнете* (1 Кор. 9, 24). На вас взирает с высоты небес Сам Подвигоположник Иисус Христос, держа в руках неувядаемые венцы. Выходите же, подвизайтесь, сражайтесь, предваряйте друг друга, тщитесь получить венец и украсить оным победоносную свою главу. Не щадя сил, спешите к столь великой почести, да Жениха-Христа приобрящете.

Я же буду умолять Господа моего, да ниспошлет Он вам Благодать Святого Своего Духа, Духа мудрости, веры, мужества, упования на спасение. Верю, что услышит Бог мою молитву, хотя и немощна она; ибо Он для того и сошел с небес, чтобы нас туда возвести; для того и воплотился и дал нам Плоть Свою ясти и Кровь Свою Пречистую пролил, чтобы заветом этим примирить нас с Отцом Своим; для того и умер и воскрес, чтобы нас вчинить наследниками жизни. Еще ли это не довольное уверение в том, что мы не рабы, но сыновья и дщери, наследницы Божии через Иисуса Христа (см.: Гал. 4, 7).

Возлюбленные Богу, наследники Царствия Его, сыны и дщери Божии! Вам отверста искуплением прежде заключенная райская дверь, вход в жилище святых открыт верой в Сына Божия, страсть ослаблена, зависть посрамлена, злоба скрылась, тьма грехов светом Благодати Божией рассеяна; время гнева уступило место милосердию, поносное рабство греху уничтожено, явилась истинная свобода чад Божиих и благословение небесное покровительствует вам! О блаженство, более которого нельзя и пожелать смертному! О торжество всех верующих мира сего! Теките же, теките, чтобы радость и мир Божий, всяк ум превосходящий, водворился в сердцах ваших Господом (см.: Флп. 4, 7). Мира, который вселяет в душу неизглаголанную радость и спокойствие, — мира Божия, которого никакие мирские увеселения и выгоды не могут дать, но только Бог, — мира, превосходящего всякий ум, то есть такого, которого не в силах обнять, а кольми паче выразить ум человеческий — сего-то мира всеусердно вам желаю и радостно взываю: мир вам и союз любви, да возможем вси едиными усты и единым сердцем святое возношение

Богу приносити и преблагая глаголати: «Слава Тебе, Боже наш, во веки веков». Аминь.

ПУТЬ К БОГУ — ЛЮБОВЬ

Господь и Бог наш Иисус Христос вчера и днесь той же и во веки! Если это так, если Господь не изменился, по-прежнему любвеобилен и милосерд, то чем объяснить, что когда-то за Ним следовали ученики Его и безчисленная толпа народа, теперь же мы не слушаем зова Его и не следуем по стопам Его? Чем, как не нелюблением Его и путей Его? Возлюбленнии, неужели мы не любим Спасителя своего, неужели мы дошли до такого скотского состояния, что смехом будем отвечать на Его призыв, с яростью будем попирать заповеди Его? Оставим безумие наше и с радостью последуем за Господом нашим, как следовали за Ним некогда ученики Его. Ныне ближайшее к нам спасение, нежели в их времена, нынче легче следовать за Господом, чем тогда; ибо нет теперь ни мучения, ни гонений, какие были раньше, ныне вера Христова — господствующая. Последуем же за Христом радостно, послушно и доверчиво, как дети, ибо иначе не будем и в Царствии Его. Так говорит Сам Он: *аще не будете, как дети, не внидете в Царствие Небесное,* кто умалился и смирился, как дитя, тот больший в Царствии Божием наречется, ибо здесь на земле приимет Господа в себя (см.: Мф. 18, 2—5). Смотрите, как Господь заботится о таковых: не презрите, — говорит, — никого из умаливших себя Меня ради, ибо Ангел-хранитель его на небесах всегда предстоит пред лицом Отца Моего и ходатайствует о нем, и еще: *Сын Человеческий пришел взыскать и спасти погибших; и нет воли Отца вашего Небесного, чтобы погиб один от малых сих* (см.: Мф. 18, 10—11). Отсюда видно, как оберегает Господь возлюбленных Своих рабов, да не погибнет ни один из них; как Он и заблудших сынов, обратившихся от заблуждения, радуясь, приемлет в объятия Свои. Облачив их в одежды первой чистоты, Он слугам Своим — Ангелам, повелевает устроить пир и радоваться о обратившихся (см.: Лк. 15, 23). Обратившихся же сынов не только обле-

кает в одежды света, но и насыщает от трапезы Любви Своей. Так Он обещал чрез пророка Иеремию: *упокои́х,* — говорит, — *вся́ку душу жа́ждущую и вся́ку ду́шу а́лчущу насы́тих* (Иер. 31, 25), и чрез псалмопевца, говоря: *упию́тся от ту́ка дому Твоего, и пото́ком сла́дости Твоея напои́ши я* (Пс. 35, 9). Так Он и сделал, сшедши на землю и собираяй как Добрый Пастырь, рассеянные овцы на пажить Свою. *Аз приидох,* — свидетельствует Он, — *да живот имут и лишше имут* (Ин. 10, 10). Он радуется о возвратившихся к Нему сынах, говоря домочадцам Своим: *возрадуемся и возвеселимся, яко сын Мой мертв бе, и оживе, изгибл бе, и обретеся* (см.: Лк. 15, 32).

Такую любовь и милосердие Господь оказывает, такой радостью Он радуется всякий раз, когда греховное упорство и гордость побеждается в людях смирением, — и непрестанно взывает ко всем нам: *аще обратитеся, свободит Сын Божий вас от грехов и поистине свободни будете!* Зачем же в нас это гибельное пренебрежение призывам Божественной Любви, ненависть друг к другу и эта доходящая до смешного напыщенность, этот нарыв самомнения, готовый всякую минуту лопнуть и выпустить смердящий гной. Покаемся, братие! Господь вчера и днесь, той же и во веки. Он всегда любвеобилен и милостив и всегда простирает Свои отеческие объятия кающимся. Аминь.



СВЯТИТЕЛЬ МАКАРИЙ, МИТРОПОЛИТ МОСКОВСКИЙ И КОЛОМЕНСКИЙ (1835—1926)

Служение святителя Макария пришлось на трагическое время истории России — ее гибели как Православного государства. В судьбе святителя виден, как писал о нем один из его почитателей и соратников, «особый Промысл Божий — с одной стороны, высота сана, с другой — великие испытания: изгнание, болезнь, людская оставленность, почти забвение. Но ни один из этих поворотов не заставил святителя отступить от живого дела духа — дела покаяния, веры, любви к Богу и ближним».

Митрополита Макария, который, по оценке епископа Серпуховского Арсения (Жадановского), был «поистине светильником на свещнице Московской Церкви, дивным архипастырем», Москва не приняла. Благословляя и назидая молящихся, святитель смело обличает нравственную распущенность современников, выступает против всего, что подтачивает «твердыню Церкви Божией», — против проведения властями увеселительных мероприятий во время поста к соблазну верующих, против нескромной моды, вольного поведения. И, естественно, вызывает упреки в несовременности, отсталости, провинциальной консервативности.

«Гордой столице не понравилось его простое учительство, его строгоцерковное патриархальное направление. Отшедшие от веры и доброй нравственности люди считали его за отсталого, неинтересного архиерея, а пастыри, ставившие на первое место не спасение пасомых, а свои личные житейские интересы, не находили себе в митрополите поддержки» (епископ Арсений (Жадановский)). У многих возникло желание освободиться от своего архипастыря, пришедшего, как они выражались, из «глухой Сибири».

Газеты, «кои все безумны, нахальны, продажны, печатают клеветы и брань» (как еще в свое время характеризовал их К. Победоносцев), начинают кампанию против митрополита Макария, и в 1913 году вытаскивают на свои страницы события, бывшие в 1905 году в Томске, обвиняя Владыку в том, что он благословлял погромы.

Отношение оппозиционной части общества к архипастырю Макарию было отчетливее всего выражено в одном из тогдашних словарей, который, поместив статью о Макарии, охарактеризовал его как архи-

ерея, известного своей погромной деятельностью. В газетах же его проповедническая деятельность, обращенная к народу, представлялась как имеющая одну цель — возбуждение масс, что следовало, якобы, из самих названий — «Объединимся!», «О хранении заветов старины» и так далее, в то время как все эти статьи, подчеркивает С. Дмитревский, были откликом церковного проповедника.

С отречения Царя и великого князя от престола прекратила свое существование последняя православная монархия. Образование Временного правительства, появление новых людей в Синоде и связанные с этим изменения в церковной власти — это все те внешние обстоятельства, которые способствовали устранению Владыки Макария. У престарелого митрополита под угрозой сгноить его в Петропавловской крепости, в случае его упорства, было вытребовано прошение об отставке — небывалый случай, потому что Московские митрополиты, по своему статусу, никогда не увольнялись на покой: ни по болезни, ни по старости. Его лишили права проживания в Троице-Сергиевой лавре, священноархимандритом которой он был, и положенного ему по его статусу содержания.

Признавая совершённое по отношению к нему неканоничным, а значит, вредным и оскорбительным для всей Русской Церкви, он делал устные заявления Священному синоду, потом письменное Святейшему Патриарху Тихону, разослал всем епископам Московской Церкви послание, в котором объяснял обстоятельства своего отстранения и обосновывал его неканоничность. Но все это не имело никаких положительных последствий.

Он был выслан в Николо-Угрешский монастырь, где 19 февраля 1926 года, на девяносто первом году и закончил свою жизнь, изнуренный злостраданиями и болезнями, пережив многих своих соратников по служению.

Архипастырская беседа о хранении заветов старины

«Той земле не устоять, где начнут уставы ломать».

Это изречение народной мудрости дошло до нас от старых времен. В нем заключается добрый совет для всякого времени, а для нашего по преимуществу. Ломка старых обычаев сильно теперь бросается в глаза всем любителям доброй русской старины. Ныне старые русские, прекрасные обычаи изъемлются из употребления, как старая дорогая мебель выносится из дома потому только, что она стара, не отвечает последней моде, и заменяется новомодной, хотя часто и весьма непрочной. При этом настоящее золото заменяется поддельным, прочный материал слабым. Так же поступают неко-

торые люди нашего времени с древними обычаями. Уставы церковные пренебрегаются; освященные временами обычаи оставляются; вводятся новые, противные церковному духу; простота и чистота нравов заменяется лоском внешних приличий, в которых иногда бывает много блеска, но мало простоты, чистоты и приличия; много красивых слов, но мало правды и искренности; храм Божий у многих заменяется театром и цирком; благоговейное чествование праздников — праздным провождением времени, ночным и дневным разгулом.

Что касается постов, то ныне не те стыдятся, кто нарушает посты, а те, кто соблюдает их. Незаконные сожительства более и более вытесняют честное супружество. Счастливые браки ныне так редки, что многие стали предпочитать законному союзу супругов внебрачное сожительство. Дети не чтут родителей. Молодое поколение отбивается от рук. А в последние дни свободомыслие и легкомыслие уже стало переходить в дерзкие речи об изменении существующего порядка государственной жизни, порядка, покоящегося на исконных устоях Православия, самодержавия и русской народности.

Все это не было бы весьма прискорбным, если бы так делающие сознавали, что они грешат против Бога, против веры, против совести; что этим нарушением законов Божиих и уставов церковных привлекают на себя гнев Божий и что безразборчивой переменой обычаев расшатывают устои дорогого нашего отечества. Такое сознание, рано ли, поздно ли, могло бы привести их к раскаянию и исправлению. Но прискорбно то, что желающие совершить ломку уставов, обычаев и порядков церковной, общественной и государственной жизни хотят это во имя каких-то своих новых мировоззрений; они мечтают, что осчастливят сословия, племена и народы, если перестроят общества и государства на новых, ими измышленных началах. Социалист думает, что если переобразовать мир по его учению, если отобрать у богатых их имущество и разделить всем поровну, то все будут довольны и счастливы. Анархист думает, что счастье сойдет на землю тогда, когда не будет власти на земле. Последователь новоизмышленного

евангелия также мечтает, что последуй все учению его учителя — нового лжеевангелиста, и будут все счастливы. Напрасные мечты — осчастливить мир ломкой старого и введением нового порядка! Ведь не оттого люди страдают, что существующие порядки таковы, а не иные; а оттого, что у людей расстроены порядки внутренней их жизни. Счастье не вне человека, а внутри его: *Царствие Божие внутрь вас есть.* Устрой каждый человек свою жизнь по законам совести и по заповедям, изложенным прежде всего в десятословии, и будешь счастлив. Научись веровать в Бога и любить Его: почитай родителей и старших, не убивай, не прелюбодействуй, не кради, не лжесвидетельствуй, не завидуй, и будешь счастлив при всяком строе общественной жизни. Не в роскоши счастье, а в умеренности и довольстве своим уголком; радость жизни не в изысканных яствах и многих переменах одежд, а в куске хлеба, с миром и с покойной совестью. Наблюдения за жизнью народов прежних времен, разных стран, свидетельствуют, что племена и народы счастливее живут там, где нет роскоши, где молодое поколение воспитывается в нравственных правилах, в страхе Божием и почитании родителей; что наиболее устойчивыми оказываются те народы, которые сохраняют простоту патриархальной жизни, где дети не отделяются от родителей, но составляют одну крепкую, цельную, связанную родственными узами, многочисленную семью; глава этой семьи есть как бы царь в народе: все ему повинуются и все одинаково трудятся и одинаково пользуются общим достоянием. Все члены такой семьи довольны и потому счастливы. Там почти нет самоубийств, которые так часты в наши времена, когда с умножением знаний, искусств и удобств жизни умножается и недовольство жизнью, а вместе с тем непомерно возрастает и число самоубийств. Счастливо то семейство, где молодое поколение воспитывается в страхе Божием и повиновении родителям; счастливо то государство, которое состоит из таковых семейств. Кто почитает родителей, тот почитает и начальников. Если государство будет состоять из таковых семейств, то это будет мирное и благополучное царство: там не будет возмущения

рабочих, не будет злоумышленников, не будет и бунтовщиков.

Русское царство, по милости Божией, стоит крепко и будет стоять дотоле, пока народ будет хранить неизменно закон Божий, предания святой старины и уставы Святой Церкви; пока он, подобно предкам своим, готов будет умереть за Веру, Царя и Отечество.

Соблюдая уставы церкви и обычаи, унаследованные от предков, русский человек должен соблюдать и внешний свой облик, которым он отличается от других народов. Главный внешний облик, отличающий один народ от другого, есть его одежда и язык. Тот народ устойчив, который неизменно хранит свои добрые обычаи, язык и одежду. Перемена одежды, погоня за модой обезличивают народ. Перемена покроя одежды разделила русский народ на части: отделила богатого от бедного, городского жителя от сельского. Городские сословия, оставив старую русскую одежду, стали оставлять с тем вместе и старые добрые обычаи и святые уставы. Одетому в иностранную одежду показалось уже неприличным стоять там, где стоит крестьянин в русской одежде: он стыдится полагать на себе крестное знамение, как следует и как делает это русский народ по душе и по одежде; он перестал являться в церковь, оставив соблюдение этого устава простолюдину; он не хранит постов, потому что за границей нет этого обычая. Вслед за городскими сословиями, ныне уже и простой народ для своей обиходной жизни стал все покупать, а в старину у него все было свое. Ныне и простые селяне, а молодое поколение в особенности, стали оставлять простоту сельской жизни, сельского труда, ища себе работы в городах, на фабриках и заводах, откуда возвращаются они неузнаваемыми; все худое городской и фабричной жизни ими усвоено и принесено домой; они и наряжены уже не в ту одежду, в какую одевались родители и предки их. Не напрасно блаженной памяти Царь-Миротворец Александр III, увидев на одном из старшин, явившихся для представления Государю, вместо кафтана сюртук, сказал ему: «Для чего это? Ты русский: для русского лучше и одежда русская».

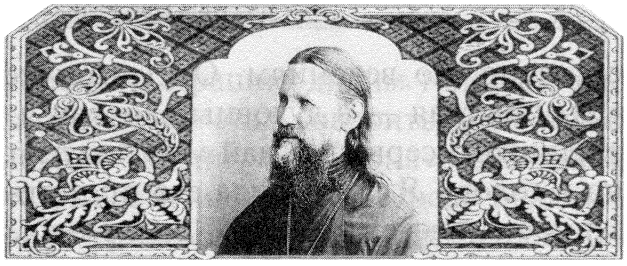
Увидев, что в зарубежных землях некоторые христиане не имеют в домах своих икон, и наши понесли вон из домов свои иконы; вместо старинных больших икон, иногда в сребропозлащенных ризах, составляющих украшение домов их, оставили в углах своих домов едва заметные лики святых. Не стали уже возжигать ни лампад пред иконами, ни свечей. Аромат ладана стал невыносим для обоняния изнеженных женщин; постный елей нестерпим для вкуса, так же как и постная пища для желудка. Иноземцы стали провозглашать свои измышления, под именем открытий науки, что нет ни духа, ни души, ни Бога: стали то же говорить некоторые ученики их, наши соотечественники. Перестали быть русскими по душе и одежде, некоторые из них сказали: пойдем в народ, будем учить его тому, что мы сами узнали; скажем ему, что нет ни Бога, ни души, ни совести, что властям повиноваться нет надобности. И пошли в народ некоторые из них, называясь учителями, и стали проповедовать свое безумие в народе: ведь только безумный говорит в сердце своем: несть Бог. Стали говорить недоброе о начальстве, лгать на служителей Церкви; стали учить по-своему, не по-Божиему; стали внушать, что властям повиноваться не нужно, пастырей слушать не следует. Началось было большое развращение. Но, слава Богу, Господь не допустил распространения этого зла среди народа. Из народа многие здравомыслящие поняли, что тут делается что-то недоброе, дело ведется не по старым добрым обычаям.

И сам Благочестивый Царь увидел, что дурные люди стали употреблять грамоту не на добро, что они недоброе внушают народу, и стараются удалить его от Бога, от Церкви от повиновения власти; и поведено было ставить школы ближе к храму Божию, под покров Церкви; начальное образование вверять представителям Церкви и доверенным от царской власти лицам благонадежным, чтобы дети могли учиться истинно полезному, читать и петь Божественное, любить свою Родину, молиться за Царя и христолюбивое воинство; чтобы дети, под руководством пастырей, ходили в церковь и дома молились Богу. Школы стали открываться и по деревням;

и засиял свет Божий среди темных людей, и как бы снова повеяло святой стариной. Вспомнились времена Ярослава Мудрого, когда на Руси впервые явились школы с церковной азбукой, Часословом и Псалтирью. Дай Бог, чтобы и вперед так было; чтобы измена и коварство не нашли себе на Руси места, где бы они могли свить себе гнездо; чтобы священные основы русской жизни — вера Православная, Царь самодержавный и Русь единая, Святая остались навеки непоколебимыми.

Добрый русский человек! Храни заветы старины и не забывай мудрого изречения, что той земле не устоять, где начнут уставы ломать, храни неизменную верность Царю, зная, что на небе Бог, а на земле Царь — Божий Помазанник.

Соблюдай уставы Церкви-Матери твоей; ибо кому Церковь не мать, тому и Бог не отец, говорит святоотеческая мудрость.



СВЯТОЙ ПРАВЕДНЫЙ ИОАНН КРОНШТАДТСКИЙ (1829—1908)

Русский православный народ уже при жизни чтил отца Иоанна как праведника, верил в его молитвы и предстательство пред Господом. Сразу же после кончины Кронштадтский пастырь был вознесен в «лик отцов и учителей Церкви», и его почитание еще более усилилось.

Из множества воспоминаний о батюшке Иоанне, записей о беседах с великим пастырем, дневник его духовной дочери Е. Духониной ценен тем, что она записывала наставления и беседы, которые длились много лет, вплоть до его кончины.

Беседы святого праведного Иоанна Кронштадтского с духовной дочерью (Дневник Е. Духониной)

16 сентября 1897 г.

Я только что переехала на новую квартиру. Отец Иоанн, посетив меня, отслужил молебен с водосвятием, освятил всю мою квартирку и с только ему свойственной добротой и внимательностью относился ко мне; я подбодрилась, набралась храбрости, бросилась перед ним на колени, поклонилась ему в ноги и стала просить взять меня в духовные дочери. Он милостиво посмотрел и спросил: «А ты будешь меня слушаться всегда и во всем?» Я отвечала на это, что дорогой батюшка меня уже знает, так как по его приказанию два года тому назад я окончательно бросила свои занятия спиритизмом. Отец Иоанн сказал «да» и задумался. Я же продолжала просить, обещала во всем повиноваться и всю жизнь свою

направить согласно его велениям. Он улыбнулся и сказал: «Ишь какая ты прыткая — в духовные дочери я тебя беру, а о жизни это слишком серьезно, дай мне подумать», — и поцеловал меня в голову. Я попросила его принять от меня на память связанное мною ему одеяло, он принял, поблагодарил и назвал меня рукодельницей; затем передал мне поклон от Орловской игуменьи; сказал, что недавно был в Орле, узнал о ее нездоровье и послал ей сказать, чтоб она не смела болеть; затем выразил надежду, что она поправилась. Я подтвердила это и передала батюшке благодарность за его молитвы от матери игуменьи, как она просила это сделать в полученной мною вчера от нее телеграмме. Отец Иоанн перекрестился, сказал: «Благодарю Тебя, Господи, — благословил меня полным крестом и, сказав: — Ну, прощай, моя доченька», — уехал.

Затем дорогой отец Иоанн в течение этого года еще два раза приезжал в Москву, и я была на двух его обеднях, я видела его у В. Е. Чертовой, где после молебна он довольно долго посидел и побеседовал со старушкой и мною; на ее просьбу не пускать меня в монастырь отец Иоанн сказал, что теперь еще рано об этом думать; я спросила батюшку, что он надумал насчет меня и моей жизни, он ответил: «В духовные дочери беру, а что касается жизни, то пока живи как хочешь»; когда старушка стала просить его позволить мне взять попечительство над слепыми, он сказал, что это дело благое. Затем обласкал приехавшего из Сибири полковника, привезшего исцелившуюся по молитвам батюшки дочку. Батюшка на благодарность полковника отвечал: «Велика ваша вера, потому Господь и услышал меня, ничтожного Его служителя, а потому и благодарите Господа». Я проводила отца Иоанна на станцию и там спросила, не благословит ли мне он вступить в «Белый Крест», куда меня зовут заведовать пансионом детей военных; он ласково мне заметил: «Ведь ты вся отдашься долгу и делу — твои силы не выдержат, нет, живи как живешь, молись Господу и больше ничего».

В следующий раз, когда батюшка говорил слово, помню случай: когда он заговорил о грехах и наказаниях за них, одна

барышня закричала страшно диким голосом, так что все испугались; батюшка же стал говорить еще строже о последствиях греховной жизни, тогда она стала так кричать, что пришлось ее вывести из церкви. После обедни мне удалось повидать дорогого батюшку, получить от него благословение и поговорить; на мой вопрос, как он благословит мне проводить пост, так как мое здоровье не выносит постной пищи, он ответил: «Кушай то, к чему привыкла, но только соблюдай пост в количестве и качестве, отказывая себе в том, что больше нравится, и в лишнем против того, что необходимо для питания». На второй мой вопрос, будут ли видеть друг друга в будущей загробной жизни все любящие здесь и живущие вполне по христианским заветам, отец Иоанн, не задумываясь, произнес: «Непременно, если только своею жизнью угодят Господу». Затем я сказала батюшке, что за мой уединенный образ жизни многие мои знакомые считают меня ненормальной. Он, как-то радостно улыбнувшись, сказал: «Вот как! Ну что же, огорчаться нечего, ради Господа все нужно потерпеть, зато награда будет на небесах; смотри, не вздумай поддаться их разговорам и переменить свою жизнь, знай, что благотворить всегда и везде можно, для этого вовсе не нужно возвращаться в свет, гораздо больше можешь сделать добра так, как живешь. Ты стоишь на хорошем пути и не сходи с него».

13 января 1898 г. Москва

Отец Иоанн навестил меня и при встрече сказал: «Здравствуй, дорогая моя доченька, как поживаешь, кажется, не совсем-то ты здорова? Ну, помолимся». Отслужив молебен, батюшка исповедал меня; я, открывая ему всю душу, высказала сильно смущавшую меня мысль — правильно ли я живу, ничего не делая; не нужно ли мне взять на себя какой-либо подвиг. Отец Иоанн сказал: «Ничего не нужно; как живешь, так и живи, только усерднее молись о муже, — и, узнав, что я это делаю, прибавил: — И больше ничего не нужно, а если найдешь возможность, то подавай бедным». Затем я сказала батюшке, что, читая с большим увлечением святых отцов, я

нахожу у них все больше и больше требований, так что на меня нападает страх, могу ли я, такая грешница, и думать о спасении: — Если и праведник едва спасется, то нечестивый и грешный где явится! — сказала, что на меня напало уныние, и воскликнула: «Один только вы, дорогой батюшка, праведник, кто из нас в состоянии выполнить хотя часть того, что вы выносите?» Отец Иоанн взволновался: «Ну, ну, не называй меня праведником! Какой я праведник. А ты, смотри, не думай предаться этому унынию, Боже тебя сохрани, Господь этого не любит; молись усерднее и живи, как живешь, и Господь тебя спасет, не сходи с пути, на котором Он тебя поставил, милая доченька, и да будет благословение Господне с тобою...»

25 февраля 1898 г.

Отец Иоанн приезжал и 17 февраля служил обедню; мне удалось получить его благословение и наставление, как провести по-христиански наступающий Великий пост. Батюшка сказал: «Смотри, поступай с разумом, не насилуй слишком плоть, а береги ее, насколько требует рассудок, вообще не утрируй и не делай ничего выше сил и больше того, что позволяет здоровье...» Узнав, что у меня бывают сильные спазмы в груди, сказал: «Береги здоровье; если почувствуешь себя нехорошо, дай передышку, а потом, как пройдет, начинай снова поститься».

2 августа 1898 г.

Батюшка служил раннюю обедню у слепых и сказал там хорошее слово на сегодняшнее Евангелие об исцелении бесноватого. Он говорил о том, как строго мы должны следить за собой и не давать демонам в виде разных страстей одолевать нами, и перечислил все страсти, так что каждый из слушавших мог найти в себе какое-нибудь зло и, вняв совету батюшки, заняться удалением его.

4 октября 1898 г.

Сегодня батюшка служил в Лепехиной лечебнице и ска-

зал прекрасное слово на послание к Коринфянам, где апостол Павел говорит о своем восхищении до третьего неба; описал первое и второе, а о третьем, как о месте пребывания Самого Господа нашего Иисуса Христа, говорил с таким жаром и увлечением, с такою уверенностью во все то блаженство, какое ожидает нас за гробом, что я невольно подумала, не испытал ли батюшка того же, что и апостол Павел. Так как мне редко удавалось хорошо поговорить с батюшкой, то я написала ему письмо о волновавших меня вопросах, которое и передала через моего духовника отцу Иоанну, как только он приехал. И когда отец Иоанн после обедни увидал меня в одном доме, то, ласково поздоровавшись, сказал: «Что это ты, какую мне задачу задала — прочесть твое письмо до обедни, прости, дорогая моя, при всем желании не мог этого сделать, прочел только начало и хорошо помолился о тебе; большое тебе спасибо за доверие ко мне». Затем мы заговорили о произнесенной им проповеди, батюшка говорил, что теперь, как и прежде, всякий, если только искренно захочет, может спастись и достичь того совершенства, какого достиг апостол Павел; мешает этому, говорил отец Иоанн, то, что теперь мы сильно испортились и нет в нас той веры, которая способна передвигать горы... Я попросила батюшку наложить на меня епитимью, так как считаю себя великой грешницей и боюсь, что не могу надеяться на спасение. Отец Иоанн, добро и ласково посмотрев на меня, обнял меня и сказал: «Какую тебе епитимью, когда ты послушная» и благословил меня; мне сразу стало как-то необыкновенно легко и радостно на душе. «А ты здорова?» — внезапно спросил он (у меня действительно страшно болела рука) и, не дожидаясь ответа, взял мою руку и стал ее крепко тереть. После этого начал служить молебен. Весь молебен простоял батюшка на коленях, молился со слезами, освятил воду, окропил ею, по обыкновению своему обласкал всех, благословил и уехал. У меня рука совсем перестала болеть, и я вернулась домой, проводив отца Иоанна на станцию, счастливейшею из смертных и от всего сердца возблагодарила Господа.

11 января 1899 г.

Совершая обедню в Лицейской церкви, отец Иоанн сказал слово о Божественно чудодейственной силе Христовой, исцеляющей всех, с верою притекающих к ней и доселе обильно изливающихся в святой Православной Церкви чрез священные таинства, особенно через причащение. «Христос, — говорил отец Иоанн, — теперь, как и всегда, близок к каждому из нас, ближе отца и матери, ближе воздуха, ближе всего видимого; Он в сердце всякого верующего, лишь бы мы сами не изгоняли Его от себя своею гордостью и всякими другими страстями». Затем, обращаясь к начальствующим, учащим и учащимся, продолжал: «Как всякое дело, так и ваше тогда будет успешно, когда оно будет утверждаться на вере во Христа, когда в основе своей будет иметь Его Божественное учение и будет совершаться под покровом и водительством Святой Церкви... Итак, устрояйте дом души вашей на камне веры, а камень веры — Христос, и тогда никакие бури страстей и реки бед не будут вам страшны и дом ваш устоит...» Я поблагодарила батюшку за проповедь, попросила помолиться за меня и заметила ему, что очень люблю вглядываться и разбирать поступки людские; он на это ответил: «Нужно во все вглядываться и все испытывать, только не надо преувеличивать, а надо смотреть на все правильно, стараться ловить и себя, следить за собою». На мое заявление, что я теперь ничего больше не желаю, как бы только спастись, и ничего не прошу у Господа, кроме мирной кончины, батюшка сказал: «И прекрасно делаешь, это единственно чего и должен желать настоящий христианин; по кончине можно судить, что ожидает нас за гробом; мирная кончина есть залог будущего блаженства».

18 февраля 1899 г.

Сегодня за обедней батюшка сказал хорошее слово о том, что нужно поменьше думать о развлечениях, а побольше о церкви и не заниматься пустой литературой, а читать побольше Евангелие, которое и должно быть у всех настольной книгой; сказал о молитве, что она должна быть неустанная, сердечная, порицал пороки и особенно нападал на пьянство.

На мой вопрос, правильно ли я поступила, что привезла еврейку в церковь на его службу, ответил: «А ты помнишь, как святые отцы пускали язычников на свои богослужения и сколько из них тогда обращалось?» Когда же я спросила, что лучше — принять ли католичество или остаться еврейкой? — отец Иоанн сказал: «Конечно, католичество неправильное христианство, а все же христианство, и через него она все же ближе будет ко Христу, чем оставаясь еврейкой».

17 марта 1899 г.

Батюшка велел при совершении домашних молитв молиться и своими словами, а при поклонах всякий раз просить Господа, чтобы Он избавил от какого-нибудь греха; все посты велел непременно поститься...

6 сентября 1899 г.

Сегодня дорогой отец Иоанн, отслужив обедню в Вознесенском женском монастыре, посетил меня. У меня собралось много желающих повидать его, и батюшка ко всем отнесся крайне симпатично: с кем поговорил о делах, кого полечил прикосновением руки и молитвою, кого наградил благим советом... Садясь за стол, батюшка издали увидал мою кухарку, подозвал ее к себе, два раза наливал чай на блюдечко и, благословляя, давал ей, говоря: «Выпей на здоровье»; напоил чаем и меня, и многих других, благословил всех и уехал. Только проводив батюшку, я узнала, что моя кухарка, перед самым его приездом, спускаясь с чердака, упала с лестницы и так расшибла себе бок и руку, что с трудом могла двигаться; после батюшкиного чая она совсем ободрилась и боли уже прошли.

3 ноября 1899 г.

Сегодня отец Иоанн служил в Лепехинской богадельне, где я и причастилась Святых Таин; узнав, что я все хвораю, он посетил меня. Перед этим я видела батюшку у своей знакомой 28 сентября, тогда он облегчил мне боль руки, потерев ее и помочив святою водою; в тот же раз, помню, во время молебна к нему подводили молодую девушку с чудными открытыми глазами, но совсем слепую, — он, усердно помолив-

шись, промыл ей глаза святою водою (я потом видела ее совершенно зрячей), и многих других обласкал он тогда и утешил. Я встретила батюшку сегодня на дворе у себя; он, узнав, что я вся расхворалась, очень ласково и сочувственно отнесся ко мне: «Ну, пойдем помолимся Господу хорошенько», — сказал он. Тут к нему подошла молоденькая барышня и пожаловалась на сильнейшую боль в боку, сказала, что сильно идет кровь. «Я очень боюсь смерти», — добавила она. Батюшка обласкал ее и стал успокаивать: «Да и смерти бояться нечего, — сказал он. — Она есть радость, потому что переводит человека в другую, настоящую жизнь, где мы будем блаженствовать. А что здешняя жизнь! Что ее жалеть... кроме горя и страданий, нет ничего, — просил и убеждал девушку не унывать, хорошенько молиться и вполне положиться на волю Божию; записал ее имя и дал обещание молиться за нее. Затем к нему подвели одного пьяницу, но по душе-то хорошего человека. Батюшка и к нему также сердечно отнесся, уговаривал не пить, доказывал, что пьянство прогневляет Господа, да и себе портишь всю жизнь, потому что теряешь свой образ», — говорил он. Слова отца Иоанна растрогали этого человека до слез, и он дал положительное обещание бросить пить. Служа молебен, батюшка все время молился на коленях и со слезами просил у Господа всем нам исцеления и прощения всех наших грехов. Отслужив молебен, отец Иоанн сел к столу, усадил меня возле себя и стал расспрашивать про мою поездку в Петербург; я сказала, что все по его благословению удалось и аренду мне оставили, батюшка перекрестился и произнес: «Благодарю Тебя, Господи», — затем, спросив участливо, что у меня особенно болит и почему это я все хвораю, задумался и, после некоторого молчания, сказал: «Теперь, пока ты нездорова, приобщайся-ка почаще, вот всякий раз, когда я служу здесь».

17 декабря 1899 г.

Сегодня исполнилась четвертая годовщина со дня смерти моего мужа; дорогой отец Иоанн утешил меня, отслужил по нем заупокойную обедню, причастил меня и в четыре часа

приехал ко мне; здесь помолился с нами, милостиво принял от меня пелену моей работы, назвав за это меня труженицей и доброй христианкой!

7 января 1900 г.

Батюшка сказал за обедней прекрасное слово о значении Агнца Божия. «Господь, — говорил он, — так возлюбил род человеческий, что принес себя в жертву за наши грехи, — и убежденно продолжал: Никто не должен сомневаться в спасении! Как бы кто грешен ни был, только покайся чистосердечно, и Господь простит, даже разбойника, убийцу, и тех простит, как только покаются от души. Прощения не будет только неверующим, самоубийцам и Иуде». Затем сказал еще, что не только молитва священника, но и молитва мирян друг за друга сильна испросить у Господа прощение, смягчение и помилование, как и молитва за усопших...

Благословение от отца Иоанна я получила в квартире моей приятельницы, где и была свидетельницей того, как батюшка исцелил двоих, старушку и девушку, одержимых, как говорили, бесом. Когда их подводили к отцу Иоанну, у них лица были страшные, зверские какие-то, исступленные, казалось, вот сейчас бросятся на него и задушат; но батюшка был спокоен и только повторял: «Именем Господа Иисуса Христа выйди из нее» (сначала он обращался к старушке), та упорствовала вначале и молчала; наконец после третьего повеления она стала как-то странно корчиться и дико закричала что-то безсмысленное: «Меня зовут рыбак». Отец Иоанн стал требовать, чтобы она назвала настоящее свое имя; наконец она проговорила: «Екатерина»; тогда, помолившись, батюшка сказал: «Именем Господа Иисуса Христа приказываю тебе, выйди из нее», — она стала еще усиленнее биться и в исступлении кричать: «Не выйду, не выйду!» Батюшка еще повелительнее повторил свое приказание: она постепенно опустилась на колени, стала обнимать батюшкины ноги, говоря: «Слава Богу, он вышел», и успокоилась. Точно так же отец Иоанн поступил с девушкой — та оказалась более послушной и успокоилась, он дал им приложиться ко кресту, причастив их запасными дарами.

22 февраля 1900 г.

Сегодня дорогой батюшка снова был в Москве; он служил в Лицейской церкви и произнес там хорошее слово о том, что христианское учение одним пошло во спасение, других же погубило в зависимости от нашего отношения к нему: «Далеко не всегда, говорил отец Иоанн, — относятся к нему с полною верой, чаще с рассуждениями и критикой, которые — как явления не Божеские, а только проявления ума человеческого — почти всегда приводят к ошибкам и заблуждениям; все же те, кои слушают этих критиков и философов, впадают в обман и отклоняются от истинного учения Христова и, конечно, не спасутся, а погибнут, если вовремя не спохватятся и молитвою и чистосердечным покаянием не вымолят себе у Господа прощения». От обедни отец Иоанн приехал ко мне, где его встретило большое общество его почитателей, с нетерпением ожидавшее батюшку; отец Иоанн благословил всех и довольно долго побеседовал с одним чахоточным дьяконом, сильно приунывшим вследствие своей болезни, и ободрил его, сказав: «Бог милостив, не унывай, а веруй и молись — и будешь здоров...» Так же внимательно отнесся к одной больной, страдавшей сильной подагрой, похлопал ее по плечу и спине со словами: «Успокойся — поправишься, и все пройдет».

Проходя через гостиную, батюшка вдруг спросил меня: «А ты читаешь духовные книги? (тут на столе лежал том Златоуста) — и на мой ответ, что прямо зачитываюсь Златоустом, так и просиял весь и так весело сказал: — Лучше этого ничего и желать нельзя», подошел к столику, взял книгу, раскрыл и в трех местах поцеловал ее; на мое заявление, что у Златоуста много общего с батюшкой, он отвечал: «Это мой самый любимый учитель, и действительно, я его вполне разделяю и из него черпаю».

17 апреля 1900 г.

За это время отец Иоанн приезжал три раза. Один раз я видела его на станции и получила благословение, но возможности побеседовать с ним не представилось; потом 22 марта он служил в Никитском монастыре, и мне удалось повидать его у

никитской игуменьи, где он очень ласково отнесся ко мне, благословил и, когда я пожаловалась на головную боль, положил руки мне на голову, крепко прижал их и сказал: «Не тревожься, пройдет, по вере и дастся тебе». Я передала отцу Иоанну просьбу одной женщины помолиться за пропавшую у нее девочку; батюшка с большим сожалением произнес: «Теперь часто случается, что ими эксплуатируют», очень пожалел бедную, обещал помолиться, но в утешение ничего не сказал. Про себя батюшка сообщил, что поболел, так как, поскользнувшись, расшиб себе колено и не мог служить обедню, а должен был вернуться домой; сказал, что в Кронштадте ему приходится приобщать до пяти тысяч человек. На вопрос одного священника, кому батюшка сочувствует — бурам или англичанам, ответил: «Конечно, я за буров и очень рад, что англичан бьют». Сегодня я встретила отца Иоанна на станции, получила благословение и передала ему несколько писем; затем отстояла обедню в Мещанской богадельне и причастилась. Батюшка сказал слово на Евангелие о браке в Кане Галилейской. «Господь своим присутствием, — говорил отец Иоанн, — освятил нам брак и положил начало этому таинству...» Далее отец Иоанн советовал снисходительно относиться к человеческим слабостям, вспоминая, как Господь в Кане Галилейской, не желая творить чудеса, послушался Богородицы и положил начало чудесам Своим, претворив воду в вино... После обедни посетил мою знакомую, благословил всех и похристосовался; затем поговорил с приехавшими из Орла двумя больными монахинями, расспросил, чем страдают, одной положил руку на голову, другой потер горло и не велел обращаться к докторам и лечиться. «Бог милостив, — произнес отец Иоанн, — попросите вашего духовника разрешить вам почаще приобщаться Святых Таин, конечно, с самою строгою подготовкой, и Господь пошлет вам облегчение».

19 мая 1900 г.

Отец Иоанн служил в богадельне слепых старух и произнес там слово на Вознесение Господне. Он говорил: «Когда Господь вознесся на небо, то послал вместо себя Духа

Святого, который тоже должен был принять участие в спасении рода человеческого; Бог Отец сотворил мир, Иисус Христос разрушил ад и открыл нам двери Царствия Небесного, а Дух Святый должен докончить дело спасения и помочь нам избавиться от греха...»; обращаясь к нам, отец Иоанн прибавил: «Надо всеми силами стараться не угашать в себе Духа Святого». В два часа дорогой отец Иоанн приехал ко мне. Преподав всем свое благословение, отец Иоанн прошел ко мне в кабинет и там очень мягко поговорил со мной, ответил на все мои вопросы, указал мне, как познавать волю Господню: «Посредством молитвы, руководствуясь сердцем и совестью», — сказал он, благословил девочке, покровительствуемой мною семьи, поместиться у монахини и посещать ей монастырскую школу. Узнав о моей болезни, очень пожалел и сказал: «Гомеопатию принимай, но особенного какого-нибудь лечения не нужно, усердно молись Господу да почаще приобщайся, Господь милостив». Про себя отец Иоанн сказал, что теперь он, слава Богу, совсем поправился, но сильно утомлен и опечален тем, что за его службой в Кронштадте во время сильной толкотни и давки одну женщину раздавили насмерть; этот случай страшно его мучает и не дает покоя.

Третьего июня, уезжая по батюшкиному благословению в Орел в Введенский женский монастырь на лето и намереваясь проводить время вполне по-монашески, я решила написать отцу Иоанну письмо, в котором испрашивала его наставлений, в ответ я получила от батюшки письмо следующего содержания:

«Спасибо, дорогая духовная дщерь моя, за твое духовное мне подчинение; итак, слушай: ради Господа в это лето говей в оба поста — Петровский и Успенский, — по средам и пятницам кушай постное, поблажку плоти гони прочь от себя, плоть порабощай, самоугодия отвергайся, будь рабой Господа, а не плоти и похотей ее.

Грешнейший паче всех

Иоанн Кронштадтский».

25 августа 1900 г.

Отец Иоанн приехал, по обыкновению, благословил всех и стал читать переданное мною письмо ему от матушки Антонии; сейчас же по прочтении, обращаясь ко мне, он сказал: «А все же я не советую ей уходить, пусть несет крест свой до конца; что же касается ее взгляда на крест, подаренный ей как на предвестник несчастья или мучений, то в этом она ошибается: крест есть орудие спасения, крестом нам открыто Царствие Небесное, на получение креста нужно смотреть как на великую милость Божию и уповать на то, что он-то именно и поможет перенести все испытания с полною покорностью воле Божией; я всегда радуюсь кресту и благодарю Господа». Затем, отслужив молебен, батюшка расспросил меня, как я провела лето; услыхав мой ответ, что провела я вполне по-монашески, рассмеялся и сказал: «Ну, не хвастайся», обнял меня и долго гладил по голове. Я передала батюшке, что один слепой просит его благословения на операцию, отец Иоанн сказал: «Если доктора настоятельно не требуют, то не нужно», — а потом, внутренно помолившись, добавил: «Да и вообще не надо».

27 сентября 1900 г.

Сегодня отец Иоанн служил обедню в Кремле в Вознесенском женском монастыре (мне сегодня сильно нездоровилось, и я, ожидая батюшку дома, хорошо приготовилась к принятию Святых Таин). Отец Иоанн приехал и, давая мне причастие, как-то пристально посмотрел на меня и сказал: «Спаси и исцели, Господи, рабу Божию Екатерину...» Мне сейчас же стало легко и хорошо на душе. Перед тем как начать причащать, отец Иоанн с каким-то особенно вдохновенным взором обратился к нам с речью, в которой указал на великое значение приобщения Святых Христовых Таин, подчеркнул также великое и важное значение священнослужителей — архиепископов, епископов и иереев, — сказав, что только одна наша Православная Церковь и обладает епископами, поставленными самими апостолами, которым Самим Господом дарована благодать, как дар Святого Духа; другие же все религии и ве-

роисповедания, говорил батюшка, кроме католической, не могут считаться и религиями, так как у них нет такого облагодатствованного священства, и прибавил: «Потому священнослужители совершенно правильно и вполне заслуженно должны пользоваться любовию своих пасомых, а пасомые должны быть послушными и покорными им, и тогда только церковь будет процветать».

Вечером я побеседовала с батюшкой у моей знакомой, которая страдает сухоткою спинного мозга и уже двенадцать лет приговоренная к смерти всеми врачами только и живет молитвами отца Иоанна; он, по обыкновению, ласково отнесся ко мне, узнав, что мне нездоровится, потер больное плечо и довольно долго подержал на нем руку, говоря: «Полно тебе хворать», обласкал хозяйку, благословил всех и отслужил молебен. Сев к столу, посадил меня рядом, рассказал о своей поездке в Гродненскую губернию, в Сувалки, и о том, какое чудное впечатление произвело на него посещение им женской обители, о которой он и теперь с восторгом вспоминает; и вообще с большой похвалой отозвался отец Иоанн о женских монастырях, сказал, что монашенки трудятся как пчелки, что монастыри громадную пользу приносят Православию, и прибавил: «Чем больше познаю их, тем более убеждаюсь в их необходимости».

12 октября 1900 г.

По моей просьбе батюшка исповедал меня, сказав: «Начну с того, что я тебя исповедую как посредник между Господом и тобой и как любящий отец. — Выслушав меня, продолжал: — Старайся смотреть внутрь себя, там всегда найдешь много грехов, заглядывай почаще в свое сердце и старайся очищать его, а других судить предоставь им самим и Господу: работай больше над собой, этим и себя исправишь, и Господу угодишь».

За обедней, где он служил (в приюте Цесаревны Марии), отец Иоанн сказал слово на Евангелие об исцелении слуги сотника; он восхищался необыкновенной простотой и силой веры у язычника, сопоставляя с ним иудеев, которые не ве-

рили и которых Господь лишил Царствия Небесного, тогда как просьбу сотника сейчас же удовлетворил; затем батюшка продолжал: «Что может быть проще учения Евангелия Господня, которое необходимо постоянно читать, но отнюдь не мудрствовать по-своему, а принимать так, как объясняют святые отцы и как написано; не поступать так, как теперь часто поступают: что нам нравится, то принимаем, а что не по нас, то отвергаем, на что не имеем никакого права. Мы живем теперь в такое время, когда многие потеряли веру совсем; наши интеллигенты, — говорил батюшка, — или веруют по-своему, или совсем не веруют: и здесь, в Москве, нередко является ученый, образованный писатель, извративший все христианские понятия и толкующий Евангелие на свой лад. Господь ему не простит этого, хотя бы он и покаялся, потому что он уже многих соблазнил и все еще продолжает соблазнять; а в Евангелии сказано: горе тому, кто прельстит хотя одного из малых сих; итак, ему не миновать вечных мук, потому что ни одно слово в Евангелии не останется неисполненным». По окончании службы начальница пригласила отца Иоанна к себе, но напустила такую массу народа, что и пошевельнуться батюшке нельзя было, и он поскорее выбрался в коридор, где его опять окружили уже новые толпы; как он смог добраться до кареты, я уже не видела.

30 октября 1900 г.

У моей знакомой батюшка отслужил всенощную, я передала ему глубокую благодарность от генеральши Барановой, которая, будучи приговорена к смерти врачами, по молитвам отца Иоанна совершенно исцелилась.

28 ноября 1900 г.

Отец Иоанн за обедней (он служил в Лицейской церкви) произнес слово на Евангелие: «Не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш благоволит дать вам царство». «Как ни велика надобность в науке в этой жизни, но духовная подготовка к Царствию Небесному, — говорил отец Иоанн, — нужнее; продавая имения, раздавая милостыню, совершенствуясь таким

образом нравственно и думая больше о ближнем, нежели о себе, мы должны памятовать, что мы здесь на земле — странники, что все, что только тут есть, все это преходящее, а потому и не следует ни к чему чрезмерно привязываться».

29 декабря 1900 г.

Сегодня батюшка был в Москве и благословил мне ехать в одном вагоне с ним в Петербург. За обедней он сказал небольшое слово о борьбе со страстями, о том, как они сильно овладевают человеком, вкрадываясь в него совсем незаметно, и совершенно поглощают его. Я причастилась и только благодаря вниманию батюшки могла приложиться ко кресту; он протянул мне крест через головы других, так как вследствие сильной толкотни я не могла никак приблизиться к нему. Мне посчастливилось достать билет в одном вагоне с батюшкой, и он, по прибытии своем на поезд, пригласил меня к себе. Когда поезд тронулся, мы остались одни, и таким образом я имела случай хорошенько побеседовать с батюшкой. Отец Иоанн дал мне совет, как бороться со страстями, которые никогда совсем не покидают человека, почему и должно всегда быть во всеоружии к отражению их; выразил неодобрение мне по поводу того, что я держала у себя лютеранку, и похвалил, когда узнал, что нашла ей другое место. «Им никогда нельзя верить, они не сочувствуют нашей вере, нет в них этого сочувствия, совсем нет», — сказал он. На мой вопрос: «Правда ли, что вы собираетесь на покой?» — батюшка отвечал: «Нет, ни за что, я с Божией помощью желаю остаться на своем поприще до конца, — потом прибавил: — Разве пойду на отдых в свое подворье в Петербурге, но никуда не уеду...»

Я спросила: действительно ли в монашестве лучше спасешься? Отец Иоанн отвечал, что подвиг, конечно, больше, но можно спастись и в миру.

1901 г.

Сегодня отец Иоанн служил в Лепехиной лечебнице и с каким-то особенным воодушевлением и дерзновением сказал слово о важности приобщения Святых Таин; строго порицал

тех, кои позволяют себе приступать к оным без надлежащей подготовки, без твердого обещания исправиться в своих недостатках. Он так строго это говорил, что я заметила, как некоторые из исповедавшихся не подошли к причастию.

3 февраля 1901 г.

Сегодня пошла в Ермоловское училище, где служил обедню дорогой отец Иоанн. Там батюшка произнес чудное слово на слова Евангелия от Матфея: «Кто нарушит одну из заповедей сих малейших и научит так людей, тот малейшим наречется в Царствии Небесном». Я не понимала, что значат слова этого Евангелия — «сотворит и научит», и хотела попросить отца Иоанна объяснить их мне, как вдруг получила полное объяснение в сказанной им проповеди.

«Заповеди даны нам Самим Богом и должны быть исполняемы все без всяких рассуждений; кто нарушит или не исполнит их, или же по-своему перетолкует, тот лишается Царствия Небесного; а кто и сам твердо выполнит, да еще и других научит, тот великим наречется в Царствии Божием. Хотя нам и кажется, что трудно исполнять заповеди, но если бы мы проверили себя, то заметили бы, что при исполнении заповедей мы имеем душевный мир, и сердце, и совесть покойны; когда же мы позволяем себе мудрствовать, объясняя заповеди и Евангелие по-своему, то душа наша, вместо нравственного удовлетворения, смущается, волнуется и делается безпокойною; таким образом мы уже здесь на земле терпим за то, что уклонились от начертаний воли Божией. Природе нашей свойственно падать и грешить, но также свойственно и каждый раз после падения подниматься и каяться и всегда получать прощение от милосердного Господа. Господь дал нам разум и сердце — разумом мы можем познавать истину, а сердцем предаваться ей вполне. В нашей воле не предаваться во власть греха, а каждый раз, согрешив, снова восставать и тем самым иметь силу над грехом и не подпадать под его власть; для этого постоянно нужно быть настороже и не иметь пристрастия ни к чему — ни к деньгам, ни к славе, ни к почестям, всего избегать и строго помнить заповеди, которые

нарочно даны на камне, чтобы их ничто не могло изгладить из памяти человека. Человек не должен унывать, когда упал, но должен воспрянуть, всем сердцем покаяться, попросить у Господа прощения, и Господь Своею Благодатью поднимет упавшего и снова поставит на путь заповедей. И совсем это не трудно, нужно только следить за собой, за своим «я», за своею внутреннею жизнью и обращать внимание на помыслы».

26 февраля 1901 г.

Сегодня дорогой отец Иоанн посетил меня. Я просила батюшку помолиться, так как у меня сильно развился ревматизм; он благословил меня, взял обе мои руки и крепко потер их, сказав уверенно: «Успокойся, дорогая моя, Бог милостив, эти боли пройдут, и ты не перестанешь действовать своими руками». Я пожаловалась отцу Иоанну, что страшно возмущаюсь студенческими безпорядками и горько плачу, что на свете все стало так плохо и я ничего не могу понять из того, что творится; одно только порадовало меня, — сказала я, — это отлучение Святейшим синодом Льва Толстого от церкви. Отец Иоанн сказал, что и он этому от души порадовался и всем сердцем возблагодарил Господа, и добавил, что давно этого ожидал. За молебном усердно молился, все время стоя на коленях, и со слезами просил у Господа исцеления мне и другим. Освятив воду, окропил обильно мои больные руки, дал всем приложиться ко кресту и прошел в столовую, где поговорил со всеми присутствовавшими и обласкал их. По моей просьбе батюшка принял от меня подризник, сказав, что он ему очень нравится по легкости своей. Прощаясь с батюшкой, я поклонилась ему в ноги, благодаря его за посещение, и от всего сердца поцеловала его благословляющую руку. Мучительные боли рук у меня прошли, и я возблагодарила Господа за Его милость ко мне.

11 марта 1901 г.

Сегодня батюшка служил в Сокольниках обедню и говорил такое слово: «Жестоко ошибаются все те, кои думают, что верят в Господа, считая Его не Сыном Божиим, воплотившим-

ся и пришедшим спасти нас, а необыкновенным человеком и восхваляют его добродетели, не признавая в Нем Божества. Они жестоко будут наказаны и подвергнутся вечным мучениям... И как только они не хотят понять, какие страшные муки претерпел Сын Божий за нас! Кроме страшной Крестной смерти, сколько он внутренно перестрадал, мучаясь за грехи наши, и как болел душою, видя такое упорство и нежелание исправиться! Как бы Он мог все вынести, что вынес, если бы Он был простым человеком? Какие готовят себе муки неверующие... Не слушайте вы ложных учителей, взявших на себя почему-то право учительствовать, таковые уже погибли, в особенности же один самозваный проповедник. Больно и тяжело видеть, как сильно упала наша вера и развелось столько сект. Умоляю вас, не слушайте никого, оставайтесь приверженцами Православной веры и Церкви, устроенной Самим Господом Иисусом Христом и распространенной чрез святых апостолов. Знайте и верьте, что все оставившие ее строго будут наказаны правосудным Богом и подвергнутся таким мукам, о каковых и понятия-то никто не может иметь. Душа безсмертна, ей предстоит вечная жизнь; если она верует, то какое блаженство, какая награда ожидает ее за добродетельно прожитую жизнь; если же она заблуждалась, то какие ни с чем не сравнимые муки, вечные, от которых уже нет избавления! Умоляю вас, удаляйтесь от всяких сект, коих развелось такое множество! Верьте в Сына Божия Иисуса Христа, любите Церковь, исполняйте ее веления, и Господь вас наградит...»

Я насилу выстояла обедню: у меня очень разболелся глаз от попавшего в него комка снега. Я причастилась, приложилась ко кресту и поскорей поехала домой, чтобы встретить у себя дорогого отца Иоанна, который обещал навестить меня. Отец Иоанн прибыл и очень участливо отнесся ко мне; когда я пожаловалась на боль в глазу: «Не тревожься, это пустяки и пройдет», — сказал он. За молебном горячо молился и, освятив воду, промыл ею мне глаза и сам вытер полотенцем, повторяя: «Не бойся — маленькое воспаление, все пройдет». Затем прошел в мой кабинет и там побеседовал со мной.

Я сказала дорогому батюшке, что все эти забастовки, эти волнения и недовольства всем прямо измучили меня, я нахожу все это ненормальным и незаконным, что настроение мое близко к отчаянию и я до того одинока в моих взглядах и мыслях, что мне начинает казаться, не схожу ли я с ума. Отец Иоанн на это сказал: «Волноваться и возмущаться неправдами — это твой крест, и нужно его нести с полною покорностью воле Божией, — и в утешение прибавил: — Не думай, что ты одна так волнуешься, знай и верь, что есть еще люди, преданные Господу, которые усердно молятся, чтобы Господь послал просветление умов и успокоил все мятущееся». Затем батюшка прошел в столовую, присел к столу и побеседовал с присутствующими. Разговор зашел о Льве Толстом. Батюшка произнес: «Какая страшная ересь — толстовщина, сколько она уже принесла непоправимого вреда, и что всего грустнее — он сам так обольщен поклонением своих почитателей, что даже нет надежды на то, чтобы он когда-нибудь образумился и покаялся; Господь его не простит, и не миновать ему вечных мук, — затем отец Иоанн прибавил: — Но, слава Богу, есть еще защитники Православной веры, которые борются с этим ложным учением». Пока батюшка был у меня, глаз мой совсем прошел, и я от всего сердца поблагодарила отца Иоанна. Он сказал: «Смотри, только не тоскуй и не вздумай унывать, положись на волю Господню», поднял меня с колен, благословил полным крестом и уехал.

17 апреля 1901 г.

Побывав у Троицы и познакомившись с делом, которое мне предлагают, я решила, что нужно хорошенько переговорить с батюшкой, и потому попросила у него телеграммой благословения выехать ему навстречу в Клин. Батюшка благословил, и я в условленное время, в Клину, села на поезд и вошла в вагон отца Иоанна. Он встретил меня радостно и сказал: «Здравствуй, моя дорогая, очень рад тебя видеть, как поживаешь? Садись-ка возле меня и поговорим». Я сказала, что очень много терплю неприятностей за это время и много

нагрешила, что мне ужасно хочется исповедаться у батюшки и причаститься Святых Таин. Он отвечал: «Если ты хорошо приготовилась, сознала свою вину и раскаялась, то я с удовольствием тебя исповедую». Сейчас же надел епитрахиль и, положив крест и Евангелие, продолжал: «Ты знаешь, какое великое дело исповедь? Видишь крест и Евангелие? Помни, что ты предстоишь пред лицом Самого Господа, открой всю твою душу без малейшей утайки, и Господь по Своему неизмеримому милосердию простит тебе все; но ты должна исправиться, в чем погрешила, и больше к этому греху не возвращайся». Затем отец Иоанн положил мне свою руку на плечо и предлагал разные вопросы, говорил со мною так ласково и добро, что я всю душу свою излила ему; произнес: «Прощаются тебе все твои грехи, — накрыл епитрахилью со словами: — Я, недостойный иерей, властию, мне Господом данной, разрешаю», — и дал приложиться ко кресту и Евангелию. Потом посадил рядом и стал продолжать разговор. «Как мне жаль, что ты терпишь такие огорчения; но, что делать, это крест твой, надо его нести спокойно и стараться почаще проверять себя и каяться... Молишься ли ты? И хорошо ли молишься?» — говорил отец Иоанн. Я отвечала, что Господь почти каждый день посылает мне молитвенное настроение и слезы покаяния и благодарности. Батюшка так и просиял весь; видно было, что он сейчас внутренно благодарит за меня Господа. Я подала батюшке письмо и попросила его помолиться за моего племянника. Отец Иоанн прочел письмо и сказал: «Хорошо, помолюсь, а ты выйди на минутку и позволь мне помолиться», благословил меня и поцеловал в голову; я вышла совершенно успокоенная, довольная и счастливая, что видела батюшку таким чудным и милостивым. Немного погодя вышел псаломщик отца Иоанна и, притворив дверь батюшкиного купе, предложил мне посмотреть, как батюшка молится; я увидела, как отец Иоанн, стоя перед окном и возведя очи к небу, молился со слезами, внутренно, без слов, и я всем своим существом почувствовала, что он молится обо мне и о Вас; мне было так хорошо, что я желала бы, чтобы его молитва не прекращалась и хотела бы с этим бла-

женным чувством умереть... Батюшка окончил молитву, обернулся и, заметив меня, ласково опять пригласил сесть к нему и спросил, когда я поеду в Орел. Я отвечала, что если он благословит, то отправлюсь завтра же; затем спросила, как он прикажет мне проводить лето, как прежде или нужно исполнять какие-нибудь монашеские правила? Отец Иоанн сказал: «Нет, живи по-прежнему, присматривайся, приглядывайся, но сама на себя ничего не налагай». На мой вопрос, благословляет ли мне принять на себя предлагаемое мне попечительство у Троицы, отец Иоанн уклонился от прямого ответа и сказал: «Теперь поживи лето у твоей матушки, а там увидим; я боюсь, что ты не выдержишь, слишком ретиво возьмешься за дело, — ну, да там увидим».

9 августа 1901 г.

Я провела все лето в Орле, приобрела много полезного там для своего самоисправления и к 1 августа преблагополучно вернулась. Сегодня же по благословению батюшки выехала навстречу ему в Клин и дорогой рассказала ему все, что вынесла из наблюдений монастырской жизни; сказала, что нашла там мало духовности, что монахини поглощены заботами о насущном хлебе, сама матушка все в суете и постройках и ремонтах; нет настоящих стариц, с которыми можно было бы посоветоваться духовно. Отец Иоанн подтвердил это и сказал: «Правда, в нынешних монастырях пропадает духовность, что крайне грустно, а все же монастыри нужны». Затем, посадив возле себя, отец Иоанн сказал мне: «Судить чужие поступки — великий грех, так как от нас сокрыто, что в человеке, какой его дух! Судить может только один Господь, а мы, своим судом, как бы врываемся в область Божию и, конечно, этим прогневляем и оскорбляем Господа; нам необходимее всего судить самих себя, вглядываться в свои проступки, разбирать и проверять свои мысли, а все другие сами за себя отдадут отчет Господу...» Я сказала батюшке, что стараюсь ловить свои мысли, на что он отвечал: «И прекрасно делаешь — наружное и внутреннее в человеке бывает совершенно различное». Я спросила, на верном ли пути стоят те, кои на вид вполне

благочестивы, молятся усердно, на устах у них постоянно имя Господне, а все дела делают по своей воле? И получила ответ: «У кого нет послушания, тот не то, за кого он себя выдает, и тот не угоден Господу. Послушание — это первое, что должно иметь, вступая на путь исправления, — затем прибавил: — Вот я на себе вижу, как исполняется заповедь Господня, — дающего рука не оскудевает, — вот только что выдал бедняку двадцать пять рублей, как Господь послал опять двадцать».

В это время поезд остановился у дачной платформы, и к батюшке стали подходить за благословением; какой-то купец, подбежав к окну, закричал: «Ах, дорогой батюшка, здравствуйте, благословите меня, ради Бога, еду к Варнаве», отец Иоанн благословил и поцеловал его, а тот подал ему два золотых, и как батюшка ни отказывался, купец со слезами упросил его взять, говоря: «Ради Христа, возьмите, ведь вы сейчас найдете им должное употребление». Я опять спросила, прикажет батюшка мне взять предлагаемое место у Троицы или нет, и добавила, что для меня все в его благословении — как прикажет, так тому и быть. Он выслушал меня и с доброй улыбкой сказал: «Они отлично поняли, кого в тебе приобретут, их выбор действительно хорош; но все же скажу тебе — живи как живешь, из тебя может выйти хорошая игуменья». «Можно ли, — спросила я, — продолжать дружеское знакомство с теми, кои сделались ярыми последователями Толстого?» Отец Иоанн ответил так: «В послании апостола Иоанна сказано — кто приходит к вам и не пребывает в учении Христовом и не приносит сего учения, того не принимайте в дом и не приветствуйте его. Ибо приветствующий его участвует в злых делах его; и я думаю, лучше не иметь никаких сношений с людьми, открыто заявляющими себя толстовцами или другими какими отступниками Христа, и не сообщаться с ними совсем, — и прибавил: — Ты, слава Богу, хорошо понимаешь слова Господни, и стой на своем пути, помни слова Иисуса Христа — иго Мое благо и бремя Мое легко есть». Я ответила: «И во истину легко и приятно», — батюшка радостно посмотрел на меня и поцеловал меня в голову. Потом вдруг лицо его омрачилось грустью и он сказал: «Как много в

высшем интеллигентном обществе отступников Христовых, как жаль, что они погибают». «Да неужели же Господь не образумит их?» — спросила я. «Господь старается образумить, все делает, чтобы привлечь их к Себе, но, как видишь, не слушают...» — возразил отец Иоанн. В это время мы подъехали к Москве; батюшка благословил меня и поехал служить обедню в Иверскую общину.

Отец Иоанн, как всегда, служил с большим благоговением и сказал слово, в котором опять коснулся Толстого...

Когда батюшка уезжал, к нему подвели какую-то порченую женщину; он, дотронувшись до ее головы, велел ей перекреститься и произнес: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа»; она безпрекословно выполнила это. Тогда он положил ей руки на голову, благословил и сказал: «Не тревожься, Бог милостив, и ты будешь здорова». Затем простился со всеми провожавшими, благословил нас и ушел в вагон.

Я вернулась домой и застала у себя гостя, полковника С., который нарочно остался дожидать меня, чтобы рассказать мне о чуде, которое совершил дорогой батюшка, будучи 29 августа на освящении Суворовской церкви в селе Кончатском. Он рассказал следующее:

— Во время обеда, в здании Суворовской школы, двое крестьян внесли совсем безчувственную, разбитую параличом, женщину; за ними шли две бабы, которые бросились в ноги отцу Иоанну и стали вопить: «Спаси, батюшка!» Отец Иоанн живо встал из-за стола и спросил, что с больною; пришедшие объяснили, что это их родственница, которая уже седьмой год лежит недвижима. Узнав, как ее зовут, батюшка сказал: «Погляди на меня, Авдотья!» Родные ее объяснили, что уже три года она не открывает глаз; но батюшка еще несколько раз повторил свое приказание, и больная открыла глаза. «Перекрестись», — сказал батюшка; рука больной зашевелилась, но перекреститься она могла только после третьего приказания. «Обними меня», — приказал он, и после нескольких повторений приказания больная рукой обняла шею батюшки и повисла на нем. Он стал гладить ее голову, произнося тихо молитву, и затем приказал ей встать: больная вы-

прямилась, крестьяне хотели ее поддержать, но батюшка велел им оставить ее. Принесенная полчаса тому назад полумертвая женщина встала перед отцом Иоанном. Он сказал ей: «Иди и молись», и больная медленно неровной поступью без посторонней помощи вышла из комнаты.

31 октября 1901 г.

В течение этого месяца батюшка четыре раза приезжал в Москву, два раза был у меня, служил оба раза молебны, был добр и ласков ко мне. Также приветливо отнесся к моему племяннику, промыл его глаза святой водой и дал ему хороший совет, как нужно жить, чтобы выйти хорошим человеком и честным исправным воином (у племянника так сильно болели глаза, что я опасалась полной потери им зрения, после же молитв отца Иоанна боль прошла совсем и зрение у него сохранилось до конца его жизни). Так как мой племянник вышел неудачником в жизни, то это доставляло мне очень много забот. Я просила отца Иоанна помолиться Господу об исправлении моего племянника, чтобы он перестал пить, играть в карты и делать долги. Батюшка обещал молиться и сказал, что тут трудно что-нибудь советовать, а вся надежда только на Господа; мне же советовал не мучиться с ним, оставить его в училище, а самой ехать на время в Орел к матушке Антонии (она прислала отцу Иоанну письмо, в котором просила его благословить меня пожить у нее в Орле).

Батюшка сильно возмущался речью Стаховича о свободе совести, произнесенною им на Орловском миссионерском съезде. Батюшка говорил, что только анархист может требовать свободы совести или воли, ибо это значит требовать полной разнузданности. Сегодня за обедней он сказал слово, все направленное против речи Стаховича; он говорил так: «Чистая хорошая совесть находит свое удовлетворение в делании добра, в полном повиновении властям, начальству, родителям и наставникам, а злая никого знать не хочет. Толстой проповедует полное неповиновение власти и церкви. А между тем Церковь — это наше спасение, в ней мы почерпаем силы на борьбу с несчастьем и горестями, получаем терпение,

научаемся покорности воле Господней. Где найти утешение? А когда его не находят, то и обращаются к своей злой воле, и что она прикажет, то и делают, или других убивают, или себя лишают жизни... Так вот, друзья мои, берегитесь этих людей, Толстого и многих других, не слушайте их речей, а любите церковь, исполняйте заповеди и все предначертания церкви и приготовляйтесь к Царствию Небесному и вечному блаженству. Не забывайте Господа, и Господь вас не забудет».

15 ноября 1901 г.

Я сказала батюшке, что очень хочу причаститься и подготовилась к этому. Тогда батюшка исповедал меня, дал надлежащие советы после исповеди и продолжал беседовать со мной. «Как люди все понимают по-своему, — сказал он, — и все переиначивают: мои советы и разрешение почаще приобщаться сделали то, что мне теперь нередко приходится отказывать в этом, потому что многие вздумали приобщаться чуть ли не каждый день. Я нахожу, что этого нельзя. Мы, священнослужители, приобщаемся, мы иначе не могли бы и служить. Страшно тяжело становится жить, как-то понятия у всех извратились, по всему видно, что последние времена наступают, надо готовиться к переходу туда...» — говорил отец Иоанн.

Затем спросил, много ли я читаю священных книг. Я отвечала, что постоянно читаю, стараюсь поучаться из них, все, что особенно меня трогает, выписываю и вообще хорошо себя чувствую, когда сижу одна дома.

«Ты поняла, что весь мир заключается в человеке и все удовлетворение в самом себе, а не во внешнем мире...» — сказал мне батюшка.

«Я так верю в вашу молитву, дорогой батюшка, что когда молюсь о вас, то мне иногда чувствуется, что и вы молитесь обо мне, и тогда у меня бывает особенно радостно на душе». Он согласился с этим: «Да, это часто бывает, когда один молится, другому это передается или сном, или чувством».

Батюшка благословил мне в следующий его приезд сопровождать его в Петербург и поехал служить в Лицейскую церковь. В этой церкви я причастилась Святых Таин и прослу-

шала слово отца Иоанна, произнесенное на Евангелие о беседе Господа с самарянкой. Отец Иоанн, говоря об обещании Господа дать воду живую, обличал новейшие книги и газеты, говорил, что они расшатывают умы юношей и взрослых; убеждал думать не только о чтении светских книг, но и духовных, так как без духовной пищи невозможно прожить на свете, не погибнув или не превратившись в животное, просил всех чаще читать Евангелие. После службы батюшка посетил моего духовника, отца Николая, помолился о всех присутствующих и немного побыл там. Отец Николай выразил сожаление, что стало мало людей, выступающих борцами за Церковь. Батюшка подтвердил это и сказал: «Правда, и это ужасно грустно; и что еще всего обиднее: все точно оглупели, какое-то скудоумие напало».

7 декабря 1901 г.

Отец Иоанн приехал сегодня, как раз в день, назначенный им для моего отъезда в Петербург, на освящение церкви при Сурском подворье. Обедню служил батюшка в Никитском монастыре; сказал небольшое слово о том, что церковь и адовы врата не одолеют, и о важности Таинства Святого Причащения. «Как можно сомневаться в истинности учения Христова и в силе значения Его Святых Таинств, говорил отец Иоанн, — я думаю, что каждый приобщающийся чувствует себя как бы на небе».

Я причастилась и получила от батюшки благословение в покоях игуменьи, к которой он зашел от обедни. Поздоровавшись со мной, отец Иоанн сказал: «Если ты собралась ехать сегодня на освящение моей церкви, то поедем со мной». Мне удалось достать место в одном вагоне с ним, и я отлично устроилась там в купе с одной дамой.

В 7 часов утра псаломщик позвал меня к отцу Иоанну, который принял меня еще радушнее... Затем батюшка заговорил о тяжелом положении, в каком находится теперь наше общество, отказываясь от веры и поклоняясь только своим силам. Особенно сожалел батюшка об упадке веры в самом духовенстве и сослался на слова Златоуста о том, что из священников

немногие спасутся; выражал большое удивление, как это люди могут отрицать Таинство Причащения, как они сами не испытывают на себе присутствие благодати каждый раз, как только достойно приобщаются? Затем по моей просьбе объяснил мне Евангелие от Луки (16-я глава) о неверном домоправителе, который, будучи отрешен за неправильное управление имением от должности, всем должникам своего хозяина убавил их задолженность, и Господь сказал на это, что сыны века сего мудрее сынов света.

Отец Иоанн разъяснил, что Господь вовсе не одобряет неправильную наживу, но этою притчею показывает, что мудрее неправильно нажитое богатство употреблять на добрые дела, нежели копить его или прятать и самому не пользоваться и другим не давать; сказал, что такие лица, раздавая разумно, все же приобретают себе молельщиков и в этой еще жизни получают некоторое удовлетворение, да и в будущей, хотя небольшое, да получают за молитвы тех, коим помогли. И прибавил: «Господь все простит, только искренно покайся. Даже если и Лев Толстой покается теперь, то и его простит Господь; но только от него нельзя этого ожидать, он не покается, гордость ему помешает». Батюшка выразил сожаление о том, что большинство нынешних писателей, описывая в своих произведениях все противное вере и религии, в этом своем занятии сами доходят до того, что теряют веру и так мнят о себе, что выше себя не считают никого, и указал как пример С., который двадцать лет уже не был у исповеди. «Вот несчастные-то, и себя губят, и других ведут в ад...» — добавил он. На мой вопрос: что ожидает тех, которые по недостатку умственного развития не понимают, где есть правда, и грешат? — отец Иоанн ответил: «Господь вложил в каждого сердце и совесть, и потому каждый грешащий ответственен перед Господом».

Заговорили об орловском предводителе дворянства Стаховиче по поводу его речи о свободе совести, и я сказала, что в Орле распространился слух о том, будто вы, батюшка, похвалили эту речь. Отец Иоанн взволновался и сказал: «Кажется, я везде порицаю Стаховича и мои проповеди печатаются, как

же могут говорить подобную ложь?» Я на это заметила: «Теперь предстоят выборы, он боится быть забаллотированным; большинство мелких дворян, сидя в деревне, не слыхали его речи и, узнав, что она одобрена вами, поверят, что она хороша, и будут на стороне Стаховича». Батюшка согласился с моим мнением и сказал: «Да ведь, правда, удивительно, как мое имя привлекает народ: как бы я ни старался укрыться, всюду проведают, и везде-то я окружен. Мне приятно, что я могу быть полезен, и не знаю, как и благодарить Господа, что Он помогает мне удовлетворять разные нужды людей».

Я спросила: «А сами-то вы желаете жить? Не надоела вам жизнь?» Батюшка отвечал: «О да! Я хочу жить, видя себя постоянно окруженным; я сознаю, что я им нужен, и это заставляет меня любить жизнь». Так мы доехали до Петербурга.

19 декабря 1901 г.

Я приготовилась к Святому Таинству и исповедалась. Отец Иоанн приехал и отслужил обедню; хотя и была большая толкотня, но мне, слава Богу, удалось приобщиться. Батюшка сказал слово о том, с каким страхом и какою глубокою верою должно приступать к Святому Причащению и как страшно грешит тот, кто решается приступать к нему, не приготовившись. Говорил с особым дерзновением и указал на Льва Толстого, что он отлучен от церкви за то, что не признает этого Таинства и что так же отлучатся Господом все последователи Толстого, которые не веруют, что в каждой частице Святых Таин присутствует сам Господь и через причащение входит и вселяется в человека, отчего на такового исходит благодать; но она нисходит только тогда, когда к этому Таинству приступают с младенческой чистотой и твердой верой.

28 декабря 1901 г.

Доехала я до Москвы, и мне так все понравилось дома, стало так весело и хорошо на душе, что я твердо решила оставить всякие мысли не только о монастыре, но даже и о выезде куда-либо из Москвы; меня безпокоило только то, что я не испросила на это благословения у батюшки. Узнав, что он

завтра приезжает, я решила было не видаться с ним, но Господь судил иное... Совсем неожиданно, почти никогда за болезнью не посещавшая меня, моя больная приятельница вдруг явилась ко мне с неотступной просьбой приехать к ней завтра, чтобы вместе молиться за службой отца Иоанна, и не оставила меня, пока не взяла слова, что приеду; тут же принесла мне и приглашение на батюшкину обедню. Я усмотрела в этом волю Божию, чтобы я повидала батюшку. И слава Богу, несмотря на свое нездоровье, я прекрасно отстояла обедню и вечером посетила свою приятельницу. Как только я увидала карету отца Иоанна, я выбежала на двор встретить его; он радостно поздоровался и с участием спросил, почему я все хвораю. Я поклонилась ему в ноги и сказала: «Дорогой батюшка, вы меня простите и исцелите...» Он поднял меня, благословил и передал мне, что матушка Антония пишет ему и жалуется на свое нездоровье, а также на меня, что я ее забыла и долго к ней не еду. Поздоровался с хозяйкой, поздравил ее с праздником и опять заговорил со мной. Я сказала, что все хвораю, и сегодня только первый раз выехала и отстояла обедню. «А разве ты была у обедни, что же я тебя не видел?» — ласково спросил он, но, заметив, что его внимание ко мне вызывает в других зависть, сейчас же прибавил: «Впрочем, я, когда служу и приобщаю, никогда никого не вижу...» — и стал говорить о своем подворье, о церкви, каким она служит утешением для сестер. Потом, обращаясь ко мне, произнес: «А матушка Антония, видимо, приближается к концу... но прекрасно она делает, что не оставляет игуменства; она заслужила себе награду на небесах в Царствии Небесном». Затем, пристально посмотрев на меня, вдруг спросил: «А ты, Е. В., часто читаешь Евангелие? Помнишь то место, где говорится, — кто, взявшись за рало, обращается назад, тот ведь ненадежен для Царствия Небесного? Ну и что же, ты теперь уже не хочешь попасть в Царствие Небесное?» Я страшно взволновалась и возразила: «Как не хочу? Хочу!» — «А, а! Если хочешь, так вот тебе мое благословение и совет: продавай и раздавай все лишнее и уезжай в орловский монастырь к матушке Антонии, Благодать Господня поддержит тебя...»

Я сказала, что насмотрелась на матушку А., — она как белка в колесе никогда отдыха не имеет, так что мне как-то и жутко, и страшно становится, вдруг я не вынесу монашеской жизни? Батюшка, отечески радостно посмотрев на меня, сказал: «Господь тебя поддержит, а я благословляю и буду молиться, продавай и уезжай». «Я дивлюсь, глядя на вас, дорогой батюшка, как это вы никогда не даете себе ни минутки отдыха, с вами прямо чудеса творятся!» — выразила я свое удивление. Он на это сказал: «А на что же Господь — Он и дает силу». Затем встал, простился со всеми и уехал.

Приказанием батюшки переменить мне жизнь были поражены решительно все; но всего удивительней то, что я нисколько не чувствую себя огорченной, что все мои планы на жизнь в Москве разрушились, — напротив, стало хорошо и радостно на душе; я почувствовала себя вполне счастливой, вернулась домой и сейчас же написала объявление о распродаже.

29 декабря 1901 г.

По батюшкиному благословению я все живо распродала и сегодня в последний раз принимала его у себя в Москве. Сегодня отец Иоанн служил в Иверской общине сестер милосердия, после чего, по моей просьбе, навестил больную, мать жены моего воспитанника, очень подбодрил и утешил ее. «Веруйте, и Господь исцелит вас, и вы еще поживете...» — сказал он ей (действительно, так и было, через несколько дней она выздоровела, а была уже приговорена к смерти). Когда батюшка приехал и прошел ко мне, я поклонилась ему, поблагодарила его за то, что, по его молитвам, так скоро устроила свои дела, попросила благословения на отъезд и умоляла его как моего дорогого духовного отца и руководителя дать мне какие-нибудь наставления или приказания. Отец Иоанн ответил: «На отъезд я тебя с радостью благословляю, а приказания и наставления пусть тебе даст игуменья; я же скажу только одно: побольше терпения, смирения и снисходительности к слабостям других; следи строго за собой, чтобы не иметь пристрастия ни к чему мирскому,

молись хорошенько и ходи к службам непременно, смотри и следи внимательно за собой — за своим внутренним миром и старайся ловить свои мысли и исправлять себя».

14 мая 1902 г.

Мы приехали в Москву, и я направилась в Лицейскую церковь, где батюшка и служил сегодня. Там он произнес слово приблизительно такого содержания. «Каждый человек, прежде чем заняться наставлением других, должен хорошенько изучить себя, узнать и испытать свое сердце, чтобы быть в состоянии служить примером для других, и только такой человек имеет право получать воздаяние за свои труды, то есть сделать свою паству такою же чистою, каков он сам, вот объяснение евангельских слов — трудящийся достоин награды».

Давая приложиться ко кресту, батюшка поздравил меня с принятием Святых Таин. Затем, провожая его на станцию, я была свидетельницей того, как отец Иоанн изгнал беса из одной женщины, это произвело на меня такое сильное впечатление, что я и теперь не могу забыть его.

Эта бесноватая имела ужасный вид; она неистово кричала, бросалась на батюшку с кулаками, хватала его за горло (я тряслась как в лихорадке, боясь, как бы она не задушила его). Он же стоял как вкопанный, ни одна жилка не дрогнула на его лице. Я удивлялась этому спокойствию и тому, как он глубоко верил, что бес должен его послушаться. Она лезет с кулаками, а он гладит ее по голове, целует в голову и только твердит: «Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе — выйди из Елизаветы и не смей ее тревожить». Глаза у нее выкатились, налились кровью, руки скрючились, стали похожими на когти у хищной птицы, на нее страшно было смотреть, а он все с тем же спокойствием повторяет все те же слова: «Выходи из нее».

Наконец она закричала еще ужаснее: «Ишь, пучеглазый, чего захотел, я уже семь лет живу в ней, не выйду! Вот ни за что не выйду!» Отец Иоанн велел ей перекреститься, а она кричит во все горло, что ее зовут «молодчиком Иваном». Батюшка на это сказал: «Иван — христианское имя, а ты скажи,

как твоего беса зовут?» Она еще хуже стала бесноваться и лезть с кулаками на него. Батюшка строго произнес опять: «Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе — выйди из нее». Мало-помалу она стала утихать и, наконец, по приказанию отца Иоанна она перекрестилась. «Как тебе имя?» — спросил он. Она ответила: «Вельзевул, — и стала падать, говоря: — Умираю». Тут батюшка уверенно произнес: «Не умрешь, Елизавета, а будешь свободна от него, — и строго прибавил: — Выходи из нее и не смей более касаться ее». Вторично велел перекреститься ей, что она уже охотно исполнила. Затем благословил ее и поцеловал в голову; она совсем преобразилась, лицо сделалось спокойное, хорошее, глаза стали совершенно нормальные, здоровые и добрые; она бросилась к ногам батюшки, начала обнимать и целовать их и всячески выражать свою глубокую благодарность отцу Иоанну за исцеление. Он же благословил и всех тут бывших и вошел в вагон, оттуда еще раз благословил меня и пожелал мне счастливого возвращения в Орел. Я вернулась под глубоким впечатлением всего виденного.

25 октября 1902 г.

Я послала отцу Иоанну поздравление с днем его Ангела и получила в ответ его благословение приехать в Москву повидаться с ним. Батюшка служил в Никитском монастыре; народу набралась такая масса, что с трудом можно было протолкаться туда. Когда батюшка вышел с дарами, то остановился в дверях и произнес маленькое слово. Он объяснял значение слова «аминь». Упомянув о том, как велико значение Таинства Причащения, батюшка сказал, что слово «аминь» подтверждает все сказанное Спасителем о воскресении мертвых, о будущей жизни, о суде и наказаниях, о блаженстве и вечных муках, — все непременно так и будет.

Матушка игуменья пригласила меня к себе, там я и встретила батюшку. Он радостно повидался со мной, благословил и, внимательно посмотрев на меня, сказал, что я теперь гораздо лучше выгляжу, чем прежде. К нему подвели больного мальчика и просили батюшку благословить его на операцию,

но благословения своего отец Иоанн на это не дал. Затем угостил меня чаем, который показался мне опять необыкновенно вкусным, поблагодарил меня за поздравление и сказал, что день своего Ангела он провел превосходно, все отнеслись к нему необыкновенно сердечно и внимательно. «Я был вполне счастлив», — прибавил он. Из монастыря батюшка проехал к моей знакомой М., на Малую Дмитровку; там я поднесла ему икону Иоанна Рыльского, вышитую золотом, и попросила его освятить ее. Батюшка поинтересовался узнать, кто шил, и восхищался работой. Узнав, что шила орловская монашенка, спросил, продолжаю ли я сама работать, и похвалил меня за мой утвердительный ответ. «Очень, очень благодарю тебя за икону», — произнес он. Я сказала: «Дорогой батюшка, я получила анонимное письмо, в котором меня называют бесноватой и просят меня немедленно оставить монастырь, угрожая в противном случае сжечь мою келью и зарезать меня». Отец Иоанн, выслушав меня, так весь и просиял от радости, точно я ему сообщила что-то необыкновенно хорошее, и проговорил: «Так вот как, и тебя уже не оставляют в покое...», обнял меня и крепко поцеловал в голову.

2 января 1903 г.

Батюшка исповедал меня, велел побольше разбирать свои поступки и мысли и стараться исправлять себя. «Вглядываться во все следует и взвешивать все можно и должно; но нужно в то же время быть снисходительнее и больше любить ближних...» — говорил батюшка и отпустил мои грехи; мне стало легко и весело на душе — точно гора с плеч свалилась. Я попросила его помолиться за некоторых лиц; батюшка охотно это исполнил и помолился тут же при мне, стоя у окна. Я чувствовала, что он молится и за меня, и мою душу охватило какое-то совсем особенное необыкновенное хорошее чувство, которое не выразить никакими словами.

16 февраля 1903 г.

В ответ на посланное мною письмо дорогому батюшке я получила от него также письмо такого содержания.

«Дорогая сестра о Господе, Екатерина Васильевна! Шлю тебе сердечное благословение и такое же желание тебе доброго здоровья и душевного мира. Слышал я, что ты нездорова и не покойна. Молю Бога о даровании тебе здоровья и благодушия. Матушке игуменье Антонии шлю мой сердечный поклон и выражаю великую благодарность за драгоценные ее ко мне письма. Когда выздоровеешь, Е. В., приезжай в мой монастырь и познакомься с настоятельницей Ангелиной, с образом жизни наших монахинь и решай сама, как тебе поступить в нашу обитель, когда и на каких условиях. Я здоров Божиею милостью. Протоиерей Иоанн Сергиев. 13 февраля 1903 года».

По получении этого письма меня охватила необыкновенная радость и вместе с тем какая-то грусть при сознании, что все прежнее теперь кончено и наступает что-то новое; но мое здоровье стало сразу лучше; я долгое время никуда не выходила из кельи; сегодня же посетила матушку и, переговорив с ней и посоветовавшись, как поступить, написала настоятельнице Сурского подворья матушке Ангелине почтительнейшее письмо; в нем я сообщала, что получила от дорогого батюшки приглашение поехать в ее подворье, и просила ее сделать мне великое одолжение — дать мне какое-нибудь крошечное помещение. 5 марта я получила от нее телеграмму, извещавшую меня, что комната готова и что матушка просит приехать, когда мне будет угодно. Я в тот же день выехала с Полей (служанкой); матушка Антония и сестра очень сердечно проводили меня. Матушка сильно плакала и все просила вернуться назад и совсем водвориться в ее монастыре.

Матушка Ангелина встретила меня очень любезно, назначила мне комнату, но извинилась, что за недостатком помещения должна поместить со мной и игуменью Сурского монастыря, неожиданно приехавшую сюда. Мне комната очень понравилась, с матушкой Порфирией мы сошлись и прекрасно устроились.

9 марта 1903 г.

Весь день я провела в обществе настоятельниц; разговоры шли о монастыре и монастырской жизни; одна жаловалась на

недостаток средств и на постоянную суету, мешающую думать о спасении, другая на трудность управления совершенно не подготовленными монахинями. В 10 часов вечера приехал отец Иоанн, страшно утомленный; тут его окружили монахини так, что он насилу поднялся на лестницу; заметив меня, улыбнулся мне и сказал: «Здравствуй, дорогая Е. В., когда ты приехала? Очень, очень рад тебя видеть!» Прошел в свой кабинет и выразил желание немного отдохнуть, ссылаясь на сильную усталость. За ним прошла туда же матушка Ангелина и Вера Перцова, которая его сегодня сопровождала. Мы все остались в зале, но не прошло и четверти часа, как он вышел к нам, еще раз благословил меня, поговорил с Сурской игуменьей о делах, дал ей некоторые инструкции, переговорил с матушкой Ангелиной и пригласил нас в свой кабинет. Там спросил меня, как я поживаю. Я отвечала, что хорошо, слава Богу, вашими молитвами, передала низкий поклон от матушки Антонии и ее просьбу принять в дар икону «Скоропослушница», шитую золотом, — работу и труды ее монахинь. Батюшка, узнав, что она освящена, принял ее с удовольствием и приложился к ней; затем хотел прочесть письмо, которое я передала ему от матушки, но его отвлекли по какому-то делу, позвали в ризницу. Когда вернулся, то усадил меня напротив и начал оживленно рассказывать, как он присутствовал сегодня на диспуте в Духовной академии, который вел ключарь Андреевского собора на степень магистра, и как ему оппонировали более ученые, чем он. «Но, — прибавил батюшка, — мне было довольно скучно, так как я не мог уловить всего, как следует, благодаря тому, что плохо слышу. В результате мой ключарь одержал верх, и я за него очень порадовался». На мой вопрос, прошел ли его кашель, отвечал отрицательно. Я заметила, что батюшка сильно похудел; он согласился со мной и выразил догадку, что это от постной пищи. В это время приехал какой-то англичанин и пожелал поговорить с батюшкой; его впустили в кабинет, а мы все вышли. Отец Иоанн не долго беседовал с ним, скоро проводил его, пришел к нам в столовую, помолился, усадил меня рядом и, обращаясь ко всем со своей чудной улыбкой, произнес: «Вот тут я у

себя дома и как мне хорошо!» Затем передал, что этот англичанин просит за свой клочок земли сто тысяч. «Я думаю, не надо нам покупать, пока обойдемся тем, что есть, а нужно будет, то Господь не оставит, пошлет все, что нужно; я ему так и сказал», — говорил батюшка. Я посоветовала ему совсем сюда переехать. Батюшка возразил: «Кронштадт не пустит меня, они все побегут за мной, этого нельзя сделать». Сурская настоятельница сказала, что батюшка их позабыл, а Сура — его родина и что ему необходимо поселиться там. Он сделался серьезен и ответил: «Ишь чего ты захотела! Что мне там у тебя делать? С нищими возиться? Их у меня и тут много, а здесь я нужен всем, во всех слоях общества; так как же я могу уйти в такую даль?» Затем сказал, что страшно устал и еще нужно помолиться, встал, благословил нас и ушел.

11 марта 1903 г.

Мы с настоятельницей Сурской пришли пораньше в игуменскую и там ожидали батюшку. Он вышел к нам из кабинета в подряснике и шитом золотом кушаке, ласково поздоровался и спросил, как мы провели ночь. Мы поблагодарили за внимание. Я заговорила было об исповеди, но батюшка сообщил нам, что на этой неделе не будет здесь служить, так как все время уже распределено: сегодня на Бежецком подворье, завтра едет в Москву, потом в Леушинском.

Как ни упрашивала его матушка Ангелина, он остался при своем решении; затем прошел в церковь и прочел там канон. Когда он уходил, я просила его помолиться обо мне, чтобы меня покинуло уныние, — он обернулся и очень строго сказал: «Уныние гони вон, усерднее молись Господу...» и уехал.

15 марта 1903 г.

Отец Иоанн приехал, когда я была у всенощной. Узнав об этом, я сейчас же пошла в игуменскую и застала батюшку в столовой — он пил чай. Батюшка очень приветливо встретил меня, сейчас же налил мне чаю и спросил, пригляделась ли я к их порядкам? Сказал: «Я сегодня сам причастил до пяти тысяч человек разных паломников, калек и несчастных у себя

в Кронштадте и страшно устал — с пяти часов утра до часу дня все на ногах; а затем и здесь уже многих навестил». Тут Вера Перцова заметила: «Батюшка сегодня исцелил бесноватого».

При этих словах отец Иоанн обратился ко мне и сказал: «Да, и представь себе, сколько я с ним провозился, — не может поднять на меня глаз, да и только! Но, слава и благодарение милосердному Господу, я изгнал беса и исцелил его». Вдруг батюшка, обращаясь ко всем здесь присутствующим и указывая на меня, произнес: «Екатерина Васильевна — это мой старинный, дорогой друг!»

Увидав мою девушку, стоявшую вдали в белом платочке, спросил, кто эта «белая», и узнав, что моя прислуга, сказал: «Ах, так это твоя, надо ей дать чаю...» — налил на блюдечко, подозвал ее и дал; та была наверху счастья. Зная, что в понедельник батюшка будет служить у нас, я просила его исповедать меня. Он согласился, велел хорошенько приготовиться и изложить письменно, в чем особенно грешна. Затем, сказав, что ему нужно помолиться, ушел в свою спаленку, а все остались ожидать его возвращения; я же прошла в зал и там помолилась перед иконой Спасителя; вдруг батюшка вышел из кабинета и сказал: «Е. В., иди сюда, что ты там стоишь?» и осадил меня рядом. К нему подошла матушка Ангелина и подала письмо матушки Антонии, которое ему не удалось прочесть раньше. Он с радостью взялся за чтение и несколько раз выражал свое удовольствие, восклицая: «Вот превосходно пишет! Как логично, хорошо, сколько смирения! Я, читая, получил такое удовольствие, воспрянул духом; за одно это смирение она спасется... Господи, как я доволен, что прочел, — так могут писать только одни святые!» Окончив чтение, ушел к себе, заперся и стал молиться.

Через полчаса батюшка опять вышел, сел к столу и стал просматривать свой дневник; тут по распоряжении матушки Ангелины ему подали закусить; он долго отказывался, но наконец согласился и скушал несколько ложек ухи. В это время помощница матушки Ангелины подвела к нему настоятельницу Сурской обители со словами: «Дорогой батюшка, она со-

всем захлопоталась, все бегает, закупает». Он встал, благословил ее и сказал: «Молодец мать Порфирия, я за то ее люблю, что она все заготовляет и обо всем заботится». Батюшка закусил, поблагодарил Господа и собрался идти спать, как матушке Ангелине доложили о приезде двух девушек, которых он, по их словам, обещал взять в монастырь; батюшка подтвердил, что это он действительно их направил, но оставляет за матушкой Ангелиной полную свободу решить — принять их или нет, и вышел. Матушка Ангелина старалась им доказать, что места нет и она принять их никак не может, как вдруг вернулся батюшка и сказал: «Прими их, Ангелина, на место тех двух, которые уходят». Разговаривать было больше нечего, и она велела им принести свои паспорта, а батюшка пожелал нам спокойной ночи и ушел спать. Я вернулась к себе довольная и возблагодарила за все Господа.

16 марта 1903 г.

Я встала пораньше и прошла в игуменскую; батюшке делали в это время перевязку больной левой ноги, на пальце которой прорвался нарыв, и все мозоли и даже ступня страшно опухли. Услыхав об этом, я удивилась терпению батюшки, как он с такими больными ногами мог простоять вчера целых 8 часов, приобщив пять тысяч человек, и еще сегодня ехать в Царское освящать храм с митрополитом, в присутствии Государя... какой же он мученик! В это время батюшка вышел в кабинет, поздоровался, благословил и стал читать канон; но долго стоять не мог, должен был от боли сесть и окончить чтение сидя. В 6 часов он оделся и уехал. Я отстояла раннюю обедню, приготовилась к исповеди и записала все свои грехи. Вечером только я пришла в игуменскую, как приехал отец Иоанн, страшно усталый и измученный, благословил нас, сказал, что хочет отдохнуть, и прошел к себе, но очень скоро вышел обратно, позвал меня в кабинет и стал рассказывать о своей службе в Царском Селе вместе с митрополитом в присутствии Государя и Государыни.

Затем записал что-то в своем дневнике, попросил чаю и ушел к себе помолиться. Чай ему подали туда, но он вышел

со стаканом оттуда, совсем усталый, сел на стул, предложил и мне чаю, причем еще спросил, какой я люблю — с лимоном или без него. Налил полное блюдечко и со своей доброй улыбкой подал мне. Я поцеловала его руку и выпила. Батюшка допил остальное и ушел к себе, а мы все остались ждать.

Действительно, он скоро опять вышел, и, когда сел, игуменья Ангелина подвела к нему действительного статского советника Хлебникова. Последний привез свою дочь, рясофорную монахиню, с просьбой взять ее сюда в монастырь со вкладом в три тысячи рублей и с тем, что она будет жить на свою пенсию в тысячу рублей. Мы все вышли в зал, а отец Иоанн стал беседовать с ними. Разговор шел так громко, что нам все было слышно. Батюшка велел игуменье Ангелине принять их, а монахине сказал: «А вас прошу во всем слушаться и безпрекословно повиноваться настоятельнице матушке Ангелине». Затем извинился перед ними, сказав, что ему нужно ехать. Они вышли, батюшка благословил нас, меня обещал исповедать завтра утром и оставил нас.

17 марта 1903 г.

Я приготовилась к исповеди, встала раньше и, идя в игуменскую, встретила батюшку; он шел погулять в садик и сказал, что исповедует меня, как вернется. Я во время исповеди заплакала. Он говорил: «Старайся приобрести более доверчивости к людям и менее подозрительности, старайся всеми силами разбирать свои поступки и свои мысли, исправляй себя, а не отыскивай недостатков в других... — и тут прибавил: — Как прожить совсем без разбора людей? Кто это может? И я в этом грешен». На мое заявление, что я раздражаюсь при виде людей, поступающих вполне самовольно, а носящих маску святости, и чувствую к ним отвращение, отец Иоанн ответил: «Надо к таким относиться снисходительно, постарайся избавиться от чувства отвращения и достигнуть такого спокойствия, чтобы это тебя не возмущало». Затем помолился обо мне и отпустил грехи. Я от всей души поблагодарила батюшку и поклонилась ему в ноги.

На проповеди батюшка говорил слово о значении Таинства Святого Причащения, о той великой милости, которую нам явил Господь Иисус Христос, сойдя на землю, приняв на себя наши грехи и искупив их своими крестными страданиями. Напомнил, что через Причащение нисходит благодать, которая и помогает людям становиться лучше и исправляться; что поэтому необходимо как можно чаще приступать к сему Таинству, так как в нем — великая сила спасения для нас.

19 марта 1903 г.

За обедней батюшка произнес слово опять о важности Святого Причащения, о том, как недостойно многие приступают к нему, не покаявшись как следует, и не умеют благодарить Господа, дающего нам Свою Плоть и Кровь для нашего спасения. Рассказал о десяти прокаженных, которых исцелил Господь; указал, что только один из них вернулся поблагодарить Его; не вернувшихся же девятерых Господь не оставил без наказания и строго осудил за неблагодарность. «Так и вас, — говорил отец Иоанн, — неблагодарных, превратившихся в каких-то животных, обуреваемых страстями и забывших Бога, не воздающих Ему должного благодарения, и вам, приступающим недостойно к Святым Таинам, Господь этого не простит, а взыщет, и строго взыщет».

20 июля 1903 г.

16 июля 1903 года я опять была на батюшкиной службе. Он сказал слово о необходимости каждому человеку нести свой крест и исправляться, чтобы из ветхого человека сделаться новым, и для этого отстать от всех пороков, но молиться и хорошо соблюдать пост. «Не исправляющиеся Царствия Небесного не наследуют», — горячо и даже как бы сердито добавил отец Иоанн. Я повидала его у знакомой; батюшка так же ласково отнесся ко мне, как в прошлый раз, и сообщил мне, что гостиница при Иоанновском монастыре будет готова через два месяца; и, с какой-то особенно доброй улыбкой глядя на меня, сказал: «Прошу пожаловать».

Отслужив молебен, угостил нас своим чаем, налил крошечную рюмку вина, половину выпил сам, а другую сам же влил мне в рот. При прощании батюшка поцеловал меня в голову и крепко прижал ее руками (она у меня болела). По его отъезде боли в плечах у меня уменьшились (батюшка полечил и их), а голова совсем перестала болеть; я осталась в самом счастливом настроении и возблагодарила Господа, что послал мне такого вселюбящего духовного отца.

Сегодня, 17 июля, батюшка служил в Никитском монастыре. Во время обедни с одной женщиной сделался припадок; она закричала нечеловеческим голосом, а потом вдруг залаяла собакой, но затем успокоилась; ее подвели к причастию, и, когда батюшка ее причастил, она сказала, что теперь чувствует себя совершенно свободной от своего недуга. Матушка игуменья пригласила меня к себе. Для батюшки там приготовили чай и закуску на балконе. Он скоро приехал, приветливо поздоровался со всеми и, проходя на балкон, положил мне руки на плечи и похлопал их. Помолился, сел, стал угощать духовенство вином и дал опять из своей рюмки выпить и мне; побеседовал с игуменьей, благодарил за поднесенную ему икону Никиты Мученика, поговорил с присутствовавшими и обласкал всех. Одному, разбитому параличом, сказал: «Бог милостив, будешь здоров скоро совсем» (этот человек вскоре умер; действительно, его только и могла совсем поправить — смерть). Отец Иоанн стал прощаться; в это время к нему подошла молодая женщина; он благословил ее, она схватила его руку и стала усиленно целовать, а потом вдруг — кусать. Я испугалась и скорей высвободила батюшкину руку; она уже начала страшно кричать и кривляться, и вообще вела себя как бесноватая. Батюшка обнял ее и стал успокаивать; лицо у нее сделалось страшное, искаженное. Он же именем Иисуса Христа велел ей открыть глаза; она открыла; тогда он именем Господа велел лукавому выйти из нее, обласкал ее и успокоил совершенно. Сейчас же после этого батюшка простился и уехал.

Сегодня 18-е. Отец Иоанн, читая перед обедней канон Спасителю, просил Господа, чтобы Он стер с лица земли этого

страшного еретика, Льва Толстого, которого заела гордость и который служит орудием диаволу. Обратившись к народу, батюшка сказал, что нужно бегать, как от огня, страшной толстовской ереси и от самого графа, так как он отступник и безбожник, он отнимает у людей веру и желает разрушить все их душевное спокойствие; отнимает все, чем человек живет, веруя в Спасителя, Божию Матерь, Святую Троицу и загробную жизнь, а взамен всего этого не дает ничего. От обедни я поехала в Сокольники к своим знакомым, куда должен был прибыть батюшка. Меня приняли очень сердечно, показали мне свою дачу и, в ожидании отца Иоанна, провели гулять в сад. Приехав сюда и увидя меня здесь, батюшка был видимо доволен, благословил и опять положил свои святые руки мне на плечи. Разговор зашел о статье Толстого, изданной за границей, в которой Толстой глумится над всеми догматами, отвергает божество и человечество Иисуса Христа, Божию Матерь считает обыкновенно нехорошей девушкой и страшно ополчается на духовенство, говоря, что его совсем не нужно, ни высшего, ни низшего, ни православного, ни католического. Батюшка сказал, что, прочитав эту брошюру, он был страшно раздражен, почему и сказал в слове, что Толстому мало плюнуть в глаза. Потом заговорил о своем монастыре, хвалил имение Ваулово, пожертвованное ему Мордвиновым, и очень жалел, что нет у него такой хорошей монахини, которая бы с толком и пользой могла управлять им.

7 октября 1903 г.

Сегодня получила от дорогого батюшки коротенькое письмо такого содержания: «Дорогая Екатерина Васильевна, милости прошу пожаловать в мой монастырь для водворения в оном или для житья при обители. Духовный отец Иоанн Сергиев».

16 октября 1903 г.

Устроив все свои дела в Москве, я сегодня приехала в Петербург в Иоанновскую обитель и устроилась в отведенном мне помещении.

17 октября 1903 г.

Приехал дорогой батюшка; я выбежала вместе с другими навстречу ему. Он был в чудном настроении духа и радостно поздоровался со всеми. Я поклонилась ему в ноги, он поцеловал меня в голову, обнял и закидал вопросами: «Ну что, переехала? Хорошо ли тебе? Не сыро ли? Как твое здоровье?» Я отвечала, что спина и руки болят все. Он похлопал по плечу и сказал: «Ну, что делать, старость начинает давать себя чувствовать». Прошел в столовую, усадил рядом и стал угощать кофе и чаем, наливая на блюдечко из своего стакана, как бы делясь со мной; всех других тоже угощал, но не из своего стакана, а из других. Матушка Ангелина передала батюшке о том, что я предложила ей свои услуги заведовать домом для живущих при монастыре. Батюшка ласково сказал: «Очень, очень рад, пожалуйста, возьмись за это дело». Затем благословил нас и уехал.

20 октября 1903 г.

Вчера был день Ангела дорогого батюшки, и я, когда он сегодня приехал, поднесла ему шитый золотом складень и воздухи. Но батюшка был не в духе. Поздоровался как-то равнодушно, ни на кого не глядя; принял подарки и поздравление как-то холодно и рассеянно поблагодарил — как будто все это ему неприятно. Улыбнулся только, когда я подала ему поздравительную телеграмму и письмо от матушки Антонии, которые, не читая, положил в карман, а воздухи и складень велел взять в Кронштадт. Хотя матушка Ангелина уговорила его пойти в столовую и выпить чаю, но он ничего не пил, а только угостил находившегося там архитектора и некоторых других из всего громадного там собравшегося общества. Затем простился, благословил только меня и, идя по лестнице, повторил провожавшим его два раза: «Прощайте, прощайте».

22 октября 1903 г.

Сегодня отец Иоанн служил у нас. Я пришла к батюшке пораньше и просила его исповедать меня. Он, узнав, что я приготовилась, взял записку с моими грехами, позвал меня в

свою спаленку, надел епитрахиль и положил крест и Евангелие. Я встала на колени. Батюшка пристально прочитал мою записку и стал говорить о смирении и о том, как необходимо его приобрести. Он сказал мне: «Конечно, ты мучаешься, потому что жила широко, стояла в обществе очень высоко и привыкла ко вниманию, а потеряв мужа, сразу увидала обратную сторону и поняла, что большей частью внимание оказывалось не от чистого сердца, а по необходимости; конечно, для тебя это было сильное испытание; но все во благо и да поможет тебе Господь смириться. Знай, что смиренных Бог любит, а гордым противится, работай хорошенько над собой, вникай побольше в свой внутренний мир, старайся быть снисходительной к поступкам людским и побольше старайся находить недостатков в себе и их исправляй; других же не осуждай, одному Господу открыты сердца всех».

26 октября 1903 г.

Дорогой батюшка в первый раз посетил меня. Сначала пришла матушка Ангелина, и мы вместе с нею встретили отца Иоанна на лестнице. Он ласково поздоровался, благословил и сказал, что идет ко мне; я поклонилась ему в ноги и поблагодарила. Батюшка прошел в комнату, говоря: «Да как же у тебя хорошо-то!» — обратил внимание на портреты и картины и опять повторил: «Очень, очень хорошо у тебя, Е. В.» «Ну что же, хочешь помолиться?» — спросил он. «Сделайте милость, батюшка, освятите мое новоселье», — сказала я. Сейчас же принесли епитрахиль, он надел ее, опустился на колени и стал молиться... Батюшка молился так, что невольно всю душу охватывало молитвенное настроение и слезы полились у меня неудержимо. Сначала молил Спасителя, прося у него милости, укрепления, исцеления и водворения здесь, молился от всего сердца; призывая Царицу Небесную, со слезами просил Ее заступничества и помощи. Затем произнес: «Укрепи и поддержи, спаси и помилуй Екатерину и Ангелину», — освятил воду и дал приложиться ко кресту. За неимением кропила своею рукою обильно окропил меня святою водою. «Все равно, рука моя освящена», — сказал батюшка, зачерпнул

стакан святой воды, напоил ею меня и игуменью Ангелину и сам докончил. Тут принесли кропило, отец Иоанн окропил всю мою комнату. «Да будет Благодать Господня на ложе сем», — сказал, окропляя мою кровать, освятил другую мою комнату и кухню, вернулся, сел за стол и разговорился со священником отцом Александром Коротаевым. Потом спросил, болит ли у меня голова? Я отвечала — нет, но зато болят плечи и опухли пальцы; я выразила догадку, что, может быть, Господь наказывает меня теперь за мои прежние занятия спиритизмом, когда я много писала, беседуя с духами. Батюшка сказал: «А что, пожалуй, и правда! — и прибавил: — А ведь они замечательно говорили с тобой, у меня хранятся твои беседы с митрополитом Филаретом и епископом Смоленским Иоанном; верно и справедливо обрисованы личности того и другого». Затем продолжал: «Оба они были большими умниками и необыкновенными людьми. Епископ Иоанн был со мною в Академии духовной и был такой умница! Я перед ним казался совсем простенький; но он возгордился своим умом — это ему помешало в дальнейшей его карьере, он и умер епископом Смоленским».

Я заметила, что епископ Иоанн говорил чудные проповеди, нас, мирян, громил безпощадно, до слез, и как-то особенно умел затрагивать наши слабые стороны. Батюшка согласился с этим и, обращаясь к матушке Ангелине, сказал: «В нашей здешней библиотеке эти проповеди есть; вели-ка достать мне их». Отец Александр заметил, что теперь в Петербурге очень многие занимаются спиритизмом. Отец Иоанн произнес: «Никто из них не останется безнаказанным, потому что спиритизм есть диавольское занятие», простился со всеми и уехал.

2 ноября 1903 г.

Батюшка приехал в монастырь вчера в 4 часа и заночевал, а сегодня служил у нас литургию. Вчера дорогой батюшка был в особенно благодушном настроении и весьма порадовал меня, проявив ко мне особенное внимание и участие! Мне блеснула мысль спросить батюшку, какую силу имеет молит-

ва об усопших и приносит ли она всегда полное прощение, если даже умерший не успел при жизни раскаяться во грехах своих? Батюшка, ласково и добро посмотрев на меня, сказал: «Был один царь язычник, который страшно гнал христиан; когда он умер, то тело его так смердело, что невозможно было выносить. Тогда жена, христианка, стала целым собором молиться, чтобы Господь простил и помиловал ее мужа. И вот кто-то увидел сон, что труп царя не истлел и цел. Выкопали труп и нашли его нетронутым и не смердящим. Значит, Господь принимает молитвы за умерших». Тогда я спросила: «Как понимать слова Священного Писания: «Что посеешь, то пожнешь?» И у апостола сказано, что молитва праведника не будет действительна, если тот, за кого он молится, сам не приложит своих стараний. Он ответил: «Конечно, без собственных трудов трудно спастись, необходимо всякому самому работать». На том и закончилась наша духовная беседа. Батюшка за обедней сказал глубоко прочувственное слово на тему, кто не со Мною, тот против Меня, и объяснил, что значит быть со Христом; все ли мы с Ним? и доказал, что не многие — со Христом только те, которые избавились от страстей и похотей и приобрели кротость, смирение и любовь к ближним и полную покорность воле Божией; а кто этих качеств не приобрел, хотя бы он находился и в монашестве, в том Христа нет. Тот только носит имя христианина, не будучи им в действительности.

5 ноября 1903 г.

Сегодня тоже мне посчастливилось довольно долго побыть в обществе дорогого батюшки. Одна почитательница привезла батюшке из Сарова икону преподобного Серафима. Батюшка, одобрив и похвалив живопись, приложился к святой иконе и стал рассматривать альбом с последовательным изображением картин открытия святых мощей преподобного Серафима. Затем дал нам всем по брошюрке, содержащей его ответ на статью графа Льва Толстого против духовенства. Это обстоятельство вызвало во мне вопрос к батюшке: «Может ли Лев Толстой обратиться и оставить свои заблуждения?» «Им

страшно одолела гордость, — ответил батюшка, — он слишком уже далеко ушел в своих лжемудрствованиях, так и умрет отступником. — И тут же добавил: — А как он все хорошо писал, когда занимался обыкновенной литературой и не касался духовной; вот тут-то и стал он сам себе противоречить и ни одна его статья не выдерживает критики». После заговорила почитательница батюшки и сказала, что она в Сарове видела какого-то прозорливца Гришу, который очень хвалил батюшку. «Я его не помню, — ответил батюшка, — и если его предсказания сбываются, то можно думать, что они от Господа». И продолжал: «Когда я только что начал свое служение, мне одна монашенка (простая душа) предсказала все, что теперь со мною: что я буду много получать и все раздавать, благотворить и что меня будут почитать. Вот ведь все сбылось».

24 ноября 1903 г.

Батюшка рассказал, как в свою поездку в Ревель Господь спас его и ехавших с ним от крушения: вагон так и подбрасывало, но кондуктор догадался затормозить вовремя вагон. Батюшка прибавил: «Я так счастлив, что Господь меня любит; это я вижу из того, что Господь слышит мою молитву», и с каким-то сияющим лицом прибавил: «А какое счастье иметь Господа в себе». Вздохнув, батюшка продолжал: «А вместе с тем, как мы недостойны, часто подвергаемся разным грехам». Что Господь слышит молитву меня, недостойного, я замечаю из того, что я особенно молюсь во время пения «верую», о том, чтобы все отделившиеся от Церкви Православной сошлись с нею, и теперь замечаю, что эти желания сильно охватывают старокатоликов. На мой вопрос: «Не будем ли мы обязаны сделать какие-нибудь уступки для этого?» — он сказал: «О! нет — разве каким-нибудь неважным маленьким обрядом пожертвуем; но больше ничем. Догматов же мы не изменим ни под каким видом, ни одного». Затем батюшка похвалил статью Заозерского об учреждении у нас патриаршества, только без допущения на собор мирян, сказав, что при нынешнем заблуждении умов они могут принести только вред, а не пользу.

В течение декабря месяца мне удалось несколько раз повидать дорогого батюшку; я исповедалась у него два раза и чудно причастилась. На мою просьбу помолиться о генеральше Б. и дать ей совет, благословлять сына на женитьбу или нет, батюшка сказал, что советует ей не мешать ему, но просит ее вооружиться терпением и не оставлять его, а стараться всеми силами расшевелить в нем веру, которая, по-видимому, у него несколько оскудела. Духовный мой отец приказал, несмотря на мои частые недомогания, посещать непременно воскресные службы. 13 декабря, прочитав покаянный канон и за обедней сказав чудное слово о горчичном зерне и закваске, батюшка вдруг обратился к народу и произвел общую исповедь, сказав: «Сестры и братья! Вглядитесь хорошенько в ваше сердце и чистосердечно покайтесь!» Поднялся рев, слезы, восклицания «грешны, помолись за нас, каемся»; такой поднялся рев, что весь храм стонал; батюшка поднял епитрахиль, как бы над головами всех, всем отпустил грехи, благословил и стал приобщать. Я тоже приобщилась.

Что-то необыкновенно чудное совершилось с моей душой; я вернулась домой счастливейшая и от всего сердца возблагодарила Господа, что Он удостоил меня быть участницей этой общей исповеди дорогого батюшки.

9 января 1904 г.

Увидав меня в игуменской, батюшка обласкал меня, спросил о здоровье и, узнав, что все прихварываю, а теперь еще напало уныние, он, так ласково смотря на меня, сказал: «Гони уныние прочь, молись усерднее Господу», — и усадил меня возле себя. На мой вопрос, как узнать, что поступаешь не по своей воле, а по воле Божией, он сказал: «Надо руководствоваться сердцем и совестью, тогда после совершения какого-нибудь хорошего, доброго дела чувствуешь духовное удовлетворение и на душе бывает легко и весело. На мой вопрос, как бороться с помыслами, он сказал: «Молитвой». — «Я молюсь, а молитвенного жару нет, и не помогает».

Батюшка, посмотрев на меня чудным своим взглядом, сказал: «Представь, ведь и со мной это бывает; но я сейчас же

обращаюсь ко Господу; ведь как враг одолевает, а Господь слышит молитву и удаляет его». За обедней батюшка говорил слово о том, как Спаситель был искушаем диаволом, и затем прибавил: «А мы-то постоянно искушаемся и потому должны строго блюсти себя и всегда быть во всеоружии, чтобы его отражать; в особенности священникам необходимо быть всегда настороже, как носящим такой высокий сан, ибо к ним-то диавол больше, чем к кому-либо пристает, а они как будто этого и не замечают и не принимают никаких мер для борьбы с ним; потому из священников мало кто спасется вообще; кто ищет власти и домогается ее, тот, наверное, в руках диавола.

31 марта 1904 г.

28 февраля батюшка ночевал у нас в монастыре. Когда он приехал, то, ласково поздоровавшись, усадил меня возле себя и сказал, что он сегодня страшно утомился: причастил более пяти тысяч человек и что ему что-то не совсем здоровится. Батюшка пришел к себе в спальню, надел шубу и, так стоя, продолжал разговор: «Какое страшное время мы переживаем! Завтра предстоит страшная атака Порт-Артура, помоги, Господи, нашим храбрым воинам! Завтра еще помолимся о них поусерднее. А ведь все виноваты мы, слишком уже прогневали Господа своим неверием, своею дурною безнравственною жизнью. Веришь ли, дорогая Е. В., где я только не бываю, почти везде царит несогласие, раздор, неверие, ссоры или полный разлад; совсем нет прежней, нравственной, патриархальной жизни, нигде нет ничего отрадного — по всему видно, что близок конец. Ужасно это тяжело, а надо готовиться к скорому концу жизни. Как хорошо написано в Библии: как Господь долго терпел и, наконец, выведенный из терпения, Он наказывал израильтян за отступничество; а ведь это все прообраз Нового Завета. А теперь разве не то же самое? Мы забыли Бога, забыли заповеди, вот Господь и попустил язычникам напасть на нас. — И прибавил: — Какая чудная книга Библия: чем больше ее читаю, тем больше она мне нравится». И сейчас же прочел нам, как

Моисей одолел Амалика; прочитав то место, где Моисей поднимал руки и израильтяне одерживали победу, а когда опускал, то победа переходила на сторону врага, объяснил нам, что простирание рук означало Крест Господень и Его страдания за грешный мир. Когда я с грустью сказала, что в обществе существует мнение, что содержание Библии пустая сказка и что даже Ветхий Завет следует совсем устранить из преподавания, батюшка, глубоко вздохнув, сказал: «В тяжелые времена мы живем! И все это зло наделал Толстой! Как страшно упала нравственность, что только пишут! Например: «Рай (Мережковского), в котором он христианство называет абсурдом». В это время приехал какой-то господин из духовного ведомства и заговорил с батюшкой, что как это он так много трудится и сам читает каноны. Батюшка сказал, что он читает потому, что видит в них духовную красоту и считает себя особенно счастливым, что народ его любит и верит его молитве; он чувствует, что Господь к нему особенно милостив и часто по его молитвам посылает исцеления тем, кто с верою обращается к Нему. Говоря это, батюшка перекрестился, сказав: «Слава и благодарение милосердному Господу за все Его милости ко мне, грешному». Я подвела к батюшке одну даму, приехавшую издалека; дама сказала, что ее прогнал муж и что она просит батюшку помолиться и дать совет, как ей жить. Батюшка ужасно возмутился, сказав: «Да что это такое творится: только и слышишь, то муж прогнал, то жена ушла. — И, обратившись к ней, спросил: — Что он прелюбодействовал?» Когда она ответила, что все вышло из-за денег, он покачал головой и сказал: «Как же! Было и то, и другое». Дама, услыхав это, так растерялась, не нашлась, что и ответить... Он же очень строго сказал, чтобы она отложила всякое самолюбие и непременно возвратилась со своим трехмесячным ребенком к мужу, что тогда Бог пошлет ей здоровья. Обратившись к нам, батюшка сказал: «Пост подходит к концу, нужно нам хорошенько проверить себя, что мы сделали за это время, исправились ли хотя в чем-нибудь, и крепко пожалеть, если придем к заключению, что не сделали ровно ничего».

Ведь Господь Сам установил пост, постившись сорок дней и победив диавола. Когда я спросила батюшку: «Что это вы так похудели, вы, верно, ничего не кушаете, — и прибавила: — Вас только одна благодать поддерживает!» — он перекрестился, сказав: «Да, благодарение Господу, действительно благодать поддерживает меня, — и ласково глядя на меня, сказал: — Я не только все ем, я чревоугодник», — и в подтверждение сказанного из всей поданной закуски выпил только один глоточек чаю, а весь стакан свой отдал мне и больше ни к чему не прикоснулся; затем вдруг повернулся ко мне и крепко хлопнул ладонью по больному плечу: я тут же почувствовала, что боль сразу утихла.

19 апреля 1904 г.

За обедней батюшка сказал слово о том, что не надо много мудрствовать, а надо чаще ходить в церковь; в ней получается спасение чрез Причащение Святых Таинств. В церкви человек обновляется, получает полное духовное удовлетворение, совсем оживает и делается другим человеком и прибавил: «Я сам на себе все это испытываю». Служа у меня молебен, батюшка чудно, со слезами молился, поговорил с моими воспитанницами, кончающими институт, благословил их на труд, говоря: «Трудитесь, деточки, Господь любит труды, только смотрите, берегите ваши души от всего нехорошего и недоброго», — напоил их чайком и горько пожалел, что потонул «Петропавловск» и на нем погиб такой чудный адмирал и человек, как Макаров.

На мой вопрос, как батюшка благословит мне провести лето, сначала он сказал: «А как хочешь, — но услыхав, что я ничего не делаю без его благословения, ласково посмотрел и похвалил меня, сказав, что отречение от своей воли есть весьма угодное Господу дело, и благословил провести лето в Орловском Введенском монастыре, прибавив притом: — Твоя любимая игуменья Антония становится слаба; ей уже недолго остается жить, навести ее», — благословил меня и всех присутствующих и уехал.

3 мая 1904 г.

Уже несколько дней, как у меня сильно болело плечо, а сегодня боль усилилась до того, что я решила позвать девушку растереть. Но вдруг я заснула и вижу дорогого батюшку; я подошла к нему и стала просить полечить; он благословил меня, перекрестил, так нежно похлопал по больному плечу, и у меня сразу боль утихла. Я проснулась, чувствуя себя совсем хорошо. Так как батюшка сегодня должен был служить у нас и ночевал тут, я от всего сердца возблагодарила Господа за исцеление и пошла в игуменскую; там я попросила батюшку исповедать и причастить меня, сказав ему, что я видела его во сне и он исцелил мое плечо, и поклонилась ему в ножки, благодаря.

Он выслушал меня, ласково смотря на меня, и сказал: «Слава Богу, что ты поправилась; по вере твоей Господь и посылает тебе», и сейчас же стал меня исповедовать и дал мне целое наставление, как надо жить и совершенствоваться, чтобы приблизиться к тому идеалу, как сказал Господь: «Будьте вы совершенны, как и Отец ваш Небесный совершен, — и прибавил: — Работай хорошенько над собой, проверяй себя постоянно, кайся почаще, зови и благодари Господа». Затем объяснил мне слова апостола Павла — никто не может ко мне прийти, если не привлечет его Отец, пославший меня, и я воскрешу его в последний день — и сказал: «Господь, конечно, вперед знает, кто Его послушает, а кто нет; но Господь-то желает всех спасти и потому дает свободную волю исполнять Его законы или пренебрегать ими; Он же дает и все средства к тому, чтобы все исправились, ну и конечно, кто ничему не захочет внимать, тому приготовлено вечное мучение; но Господь неизреченно милостив и долготерпелив, долго ждет нашего исправления и покаяния и прощает нам. — И прибавил: — Тем, которые охотно последуют Господу, Он помогает Своею Благодатью, усиливая в них желание спастись и помогая им спасаться; от нежелающих же спасения, испробовав все средства, Господь отнимает Благодать и оставляет без ее помощи».

23 июля 1904 г.

Узнала, какое чудо сотворилось в Ваулове по молитвам батюшки. Матушка Ангелина попала под лошадь, и по ней проехали колеса, так что никто не думал, что она останется жива. Батюшка в это время усиленно молился, и она не только осталась жива, но даже не изуродовалась (осталась такой же красивой и цветущей, как была) и имела силы на другой же день вернуться с батюшкой в свой монастырь в Петербург. Как только дорогой батюшка встал, сейчас же прислал за мной; я попросила его помолиться обо мне, чтобы Господь избавил меня от тоски и уныния, которое вызвано разными невзгодами — каковы убийство Бобрикова, Плеве, война, полное извращение понятий и тому подобное: «Все это так меня мучает, что нигде места не нахожу». Батюшка, выслушав меня, сделался очень серьезен, сосредоточился, встал, подошел к окну и стал молиться; и как он молился! В эти 10 минут мне так было хорошо; хотелось бы, чтобы его молитва не прекращалась. Потом он сел и, посадив меня возле себя, заговорил об общем почти безверии, охватившем большинство образованного общества, — и прибавил: «Все это показывает, что конец близок, предтеча антихриста уже есть, остается только самому ему народиться и конец. Что делать — тяжело, а надо терпеть». Затем я рассказала, как мне жаль дочь моей приятельницы: она потеряла веру и сама призналась мне, что это случилось потому, что она сделалась ярой поклонницей Льва Толстого.

Батюшка удивился и спросил: «Да неужели она неверующая? Вот от того-то она все и болеет, да, пожалуй, и с ума сойдет. (Она сошла с ума.) Ах как тяжело не верить, я по опыту знаю, и с каждым днем все больше и больше убеждаюсь, что Господь близ нас, что Он слышит наши молитвы; я сам Его вопрошаю и получаю ответы — это факт. Как же можно сомневаться и не верить? О! несчастные, несчастные эти неверующие!» Так мы проговорили всю дорогу, и я вернулась к себе в самом чудном, счастливом настроении духа.

30 июля батюшка служил у нас обедню и сказал чудное слово о Втором Пришествии Господа нашего Иисуса Христа

и о Страшном суде. Уезжая, батюшка вдруг обратился к нам и сказал: «Поздравляю с праздником». Не успел он уехать, как начался колокольный звон, пальба из пушек и мы с великой радостью узнали, что у Государя родился Наследник. Затем 1 августа я опять видала батюшку и говорила с ним о войне с Японией. Он выразил большую радость, узнав из газет, что наш флот вышел из Порт-Артура в открытое море и, что надеются, что теперь победа должна быть наша. Батюшка перекрестился, сказав: «Дай, Господи, чтобы это так было».

Матушка Ангелина это время хворала и просила батюшку помолиться, говоря, что она сильно страдает. Он ей сказал: «Побольше веруй и перестанешь страдать — страдания приведут в Царствие Небесное».

13 августа 1904 г.

Батюшка приехал вчера вечером в монастырь; увидав меня, радостно поздоровался, благословил, спросил о здоровье и рассказал, как он счастлив, что был на крестинах Наследника. Как все было необыкновенно торжественно! Батюшку поставили возле купели; в ту минуту, когда крестили Наследника, вся церковь озарилась особенным солнечным светом.

Сегодня батюшка служил у нас обедню и сказал хорошее слово: «Так как человек служит храмом для Духа Святого, то и должен особенно заботиться о том, чтобы этот храм всегда был чист и достоин того, чтобы в нем обитал Святой Дух». Затем батюшка осчастливил меня своим посещением, отслужил молебен, так хорошо молился, что и у всех явилось молитвенное настроение и слезы; всех обласкал, каждого утешил своим вниманием, многим дал советы, как жить и за все благодарить Господа, всех благословил и уехал, оставив нас счастливейшими.

27 августа 1904 г.

Дорогой отец Иоанн так приветливо благословил меня, поговорил с матушкой Ангелиной и со мной. На мой вопрос, почему это на войне с Японией все так неудачно, он сказал, что во всем виновата толстовщина, распространив-

шая неверие: присланной в Порт-Артур иконе Божией Матери не оказали должного почитания — вот Господь и наказывает. Я спросила, нужно ли поступать так, как советует святой Пимен, — покрывать все и не заботиться об исправлении других. Батюшка отвечал: «Тому, кто не стоит в положении учителя или начальника, а не тому, кому поручено управлять чем-либо; частному человеку, безусловно, следует послушаться этого совета, — и прибавил: — Как много надо терпения, зато в нем великое благо: ничего нет тяжелее, как быть духовно слепым, и как много развелось их за последнее время!»

30 сентября 1904 г.

В течение этого месяца батюшка несколько раз бывал у нас и служил 6-го числа. В своей проповеди он объяснял значение слов: «Хлеб наш насущный даждь нам днесь». Он говорил, что это есть просьба о допущении всех нас каждодневно к Святым Таинам, подразумевая под хлебом Тело и Кровь Христову, и убедительно высказал, что необходимо чаще приобщаться, чтобы получить благодать, без помощи которой мы своими силами не можем спастись.

12 октября 1904 г.

Сегодня дорогой батюшка исповедал меня в игуменской перед обедней. Я сказала ему, что не могу так часто приобщаться, как другие, потому что считаю себя недостойною и в то же время вижу, как многие через частое приобщение впадают в гордость и начинают считать себя святыми. Отец Иоанн ответил, что приобщаться нужно часто, но непременно с самым строгим приготовлением, следя за собой и не позволяя себе грешить ни прежде, ни после приобщения; сказал, что нужно быть внимательней к себе, стараться исправлять себя, а не других, что благодать не всегда бывает ощутительна по нашей греховности. Затем благословил и отпустил все мои грехи; мне стало легко и хорошо; я прекрасно отстояла обедню и причастилась одной из первых. Батюшка произнес чудное слово на Евангелие: «Кто хочет душу свою сберечь, тот

потеряет ее». Объяснил слова: «Есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как не увидят Царствие Небесное».

26 октября 1904 г.

Батюшка говорил о великом и важном значении Таинства Святого Причащения и о необходимости приступать к нему как можно чаще: «Я это на себе чувствую, я оживаю, воскресаю душою, совсем обновляюсь после того, как приобщусь», — говорил батюшка. «Что же и нам, мирянам, вы советуете тоже часто приобщаться?» — спросила генеральша Муяки. Отец Иоанн отвечал: «Непременно, а иначе где же вы возьмете сил бороться с окружающим злом? Нужно только от всего сердца искренно покаяться — Господь примет покаяние и простит, тогда смело приобщайтесь... Сам Господь, давший нам молитву «Отче наш», говорит — *хлеб наш насущный даждь нам днесь*, — значит, этими словами Он прямо указывает, что этот хлеб насущный и есть Его святое Тело и Кровь, которые ежедневно подаются нам, чтобы мы имели силу бороться со злом».

На просьбу монашенки помолиться об ее брате, чтобы тот перестал пить, батюшка сказал: «Ужасная это страсть, такой человек, если не исцелеет, то он погиб и не наследует Царствия Небесного; мало надежды спастись пьянице, ибо смерть может наступить неожиданно, как раз в этом состоянии, когда уже не придется покаяться...» Затем угостил всех нас чаем и благословил.

9 ноября 1904 г.

Сегодня дорогой батюшка служил обедню у нас в монастыре и, хотя выглядел таким слабым, все же нашел в себе силы и сказал прекрасное слово на Евангелие: «Соль есть добрая вещь; но если она обуяет, то чем сделаешь ее соленою?»

Солью он назвал преподавание людям евангельского учения, которое истребляет всю нравственную гнилость в них; о просвещении сказал — хорошая вещь, но если и оно обуяет, то к чему оно будет годно? Нужно бросить его...

15 ноября 1904 г.

Я попросила отца Иоанна объяснить, что это такое бывает с человеком: на душе так хорошо, весело, чувствуется какое-то блаженство, а между тем в это время слезы так и льются. Он сказал: «Это означает, что Господня Благодать посетила, — эти слезы чудные, благодатные, за них надо всем сердцем благодарить Господа...»

4 января 1905 г.

Я опять была в Кронштадте. Ездила с одной большой поклонницей батюшки, Чельцовой. Он принял нас лежа в кровати. Лежит такой слабенький, худенький; я с трудом сдерживала слезы, так мне невыразимо больно было видеть его страдальческое лицо; видно было, что у него что-то страшно болит, и он не в состоянии скрыть этих страданий. Батюшка ласково поздоровался и благословил своею слабою рукою; я встала на колени около кровати и все время целовала его руку. Он произнес: «Довольно уже я настрадался, пора уже мне разрешиться и быть со Христом...» Когда мы сказали — что же может быть лучше этого, батюшка даже улыбнулся. Не желая более тревожить отца Иоанна, мы простились с ним. Он перекрестил меня и велел передать всем нашим благословение... Мы вернулись домой очень грустные.

3 февраля 1905 г.

Сегодня я со своею знакомой, госпожой Г., опять посетила батюшку. Он только что причастился; ласково нас принял, благословил, сходил к себе и вернулся в епитрахили, держа в руке чайную чашку и кусочек антидора; обратившись ко мне, он сказал: «На, Е. В., выпей-ка со мною теплоты», и дал мне выпить три глотка и кусочек антидора; также дал и моей спутнице и другим, тут находившимся. Затем ушел к себе, немножко отдохнул и опять вышел; принес стакан чаю, усадил нас и сказал, что сам приготовил нам чай; налил на блюдечко, подал мне и сообщил, что теперь чувствует себя немного лучше, но тут же прибавил: «А все же очень хотелось бы мне разрешиться и быть со Христом». Затем разговорился о теку-

щих событиях, сказал, что такой страшной войны еще не было. «А все это потому, что мы потеряли веру и перестали совсем молиться, за грехи наши и за неверие Господь так нас наказывает, и войною, и внутренними беспорядками, и отсутствием настоящей власти...» — говорил батюшка. Затем налил нам еще чаю, сказал, что сильно устал, благословил нас и пошел к себе отдохнуть. Я пожаловалась на сильную боль в ногах и руках. Батюшка на это заметил: «Что делать! Вот и я все болею и тебе надо поболеть, видно, так угодно Господу...»

15 февраля 1905 г.

Сегодня я была обрадована: дорогой батюшка прислал мне письмо в ответ на мое, в котором я просила его дать мне наставление, как мне приготовиться к отходу в будущую жизнь.

Вот его содержание:

«Добрейшая сестра о Господе, Е. В.! Благодать Божия и мир да будут с тобою. Ничего иного столь нужного не нахожу писать тебе, как приучить себя и тебя затвердить христианскую азбуку о любви к Богу и к ближнему. Изучение и восприятие этой азбуки умом и сердцем и всем помышлением спасет меня и тебя и удостоит лицезрение Божия на небе. Это занятие всего лучше приготовит к смерти, которая не за горами, а за плечами, по пословице.

Мое здоровье день ото дня делается лучше, милостию Божией. Аппетит самый здоровый, силы возвращаются и сон хороший. Приехать ко мне благословляю тебя, с радостию приму твою милость.

Ваш смиренный богомолец, протоиерей Иоанн Сергиев».

3 апреля 1905 г.

Получив от батюшки благословение приехать к нему, я съездила в Кронштадт. Батюшка принял меня очень ласково, радостно поздоровался со мной, поблагодарил за приезд и сказал: «Я, слава Богу, поправляюсь, каждый день служу и приобщаюсь Святых Таин. Сегодня сильно устал — очень многих причастил». Усадил меня и стал угощать чаем. «В какое тяжелое время живем мы, какая земля стала жалкая, пе-

реполнилась всякими неправдами, лукавый хозяйничает крепко... страшно тяжело всем», — говорил отец Иоанн. Я согласилась, что действительно так тяжело, что ждешь смерти с нетерпением. Батюшка сказал на это: «Да, смерть — это избавление; но желать ее и звать нельзя, потому что один Господь знает, когда нужно ее послать человеку, а мы сами не можем знать, готовы ли мы, очистились ли как следует... а потому ты не проси смерти, а лучше хорошенько изучай себя, просматривай внимательно все свои мысли и хорошенько следи за ними; и что найдешь не так, старайся поскорей исправить и за все постоянно благодари Господа». Затем продолжал так: «Как интеллигенция-то вся испортилась, а власть забыла, что она власть, точно притаилась! Я сейчас прочел и, сознаюсь тебе, искренно порадовался, что в Маньчжурии трех сестер за измену приговорили к смерти: это послужит хорошим примером другим и отнимет у многих охоту идти по их следам. По всему видно, что Господь сильно прогневался, да ведь и есть за что! Потеряли веру, смеются над религией и никто даже не осмеливается из какого-то самосожаления встать открыто на защиту веры; но я не теряю веры, что Господь смилуется и простит нас; думаю, что Рождественский не потерял веру, что он молится и исполнит свято свой долг. И, видимо, Господь пока еще с нами; какие были бури и штормы, и, слава Богу, эскадра наша не пострадала, — пошли ему, Господи, удачу...»

Налил мне чаю: «Кушай на здоровье, — сказал мне батюшка и весело прибавил: — Я, слава Богу, поправляюсь, каждый день говорю слово, и, знаешь, так громко, от всего сердца; слава Богу, моя болезнь не затронула легких, они совершенно здоровы, голос тверд и крепок; я сам чувствую, как у меня силы прибавляются». На мой вопрос, поедет ли батюшка в Суру, отвечал: «Теперь время такое, что не совсем удобно ездить, везде волнения... — призадумался и, глубоко вздохнув, сказал: — Ох, сколько еще крови прольется на этой земле... — и, вдруг повеселев, прибавил: — А все же Господь смилуется и простит нас. А как ты поживаешь?» — спросил меня батюшка. Я отвечала: «Слава Богу, только страшно воз-

мущаюсь всем, что творится, — как прочту газету, так просто в отчаяние впадаю; бездействие правительства просто изводит меня. Хочу бросить чтение газет совсем». Отец Иоанн сказал: «Этого нельзя делать, необходимо следить за тем, что творится, а только нужно относиться спокойнее, твердо веря, что все делается по попущению Божию, и да будет Его святая воля!»

19 апреля 1905 г.

Сегодня первый раз после болезни дорогой батюшка приехал в наш монастырь и вместе с матушкой Ангелиной известил и меня. Я прихворнула, и весь день у меня сильно болели руки и ноги. Увидав батюшку у себя, я так обрадовалась, что забыла всю свою болезнь. Меня зашли навестить мои соседки, и мы сидели за столом и пили чай, как вдруг совсем неожиданно вошел батюшка. «Христос Воскресе, — произнес он, три раза поцеловал меня, сел к столу и сказал: — Вот прекрасно, и самовар на столе, я с удовольствием выпью чаю». Спросил, что у меня болит, сам предложил полечить — встал и похлопал меня по больному плечу; мне сейчас же стало лучше. Налил мне на блюдечко чаю и сказал: «Выпьем вместе на здоровье». Я попросила батюшку помолиться; он сейчас же послал за епитрахилью; как только принесли ее, батюшка прошел в мою другую комнату и, приступая к молебну, сказал: «Знай и твердо верь, что, где двое или трое соберутся во имя Господне, тут уже Он непременно присутствует, и потому молись с твердою верою, что Господь услышит тебя». Особенно сильно просил Господа послать мне исцеления и укрепления сил; давая приложиться ко кресту, обильно окропил меня святою водою. Затем посидел немножко, благословил всех нас и, ссылаясь на усталость, простился и ушел. Рука моя совсем перестала болеть, и настроение духа чудесное.

20 апреля 1905 г.

Сегодня дорогой батюшка служил у нас обедню и произнес небольшое слово. Он говорил: «Надо бодрствовать и стараться исправлять свои недостатки, избавляться от всех своих

грехов, чтобы всегда быть готовым к смертному часу». С благословения батюшки я сегодня у него причастилась.

2 мая 1905 г.

Батюшка сказал: «Вот меня все бранят в газетах, но я и не читаю». Я отвечала: «На вас, батюшка, нападают за то, что вы громите толстовцев, и указывают, что Христос так не поступал». Отец Иоанн сказал: «А как же в Евангелии не раз говорится — имея уши — не слышите, имея очи — не видите; не будьте, как книжники и фарисеи, которые ходят в овечьей шкуре, а сами суть волки хищные? Это наша святая обязанность указывать и нападать на грех и хвалить добро... Зато «Московские Ведомости» теперь превосходны. Каждый день в них чудные передовые статьи, смелые и вполне справедливые». Когда батюшка говорил, его лицо так оживилось и просияло. К нему подошла одна дама и сказала ему, что он не бережет себя. Он посмотрел на нее и строго произнес: «Я должен трудиться и тружусь, Господь милостив и дает мне силы».

3 мая 1905 г.

Сегодня отец Иоанн за чтением канона был, видимо, чем-то сильно озабочен — несколько раз прерывал чтение, уходил в алтарь и прикладывался к иконе. За обедней усиленно и горячо молил Господа даровать нам победу над японцами и избавить нас от крамолы. Его молитвенное настроение сообщилось также мне; я проплакала всю обедню и, приготовившись как следует, прекрасно причастилась.

Батюшка произнес небольшое слово на евангельские слова: «Аз есмь живот вечный». Он опять доказывал, что причащение, притом частое, крайне важно для нас, что через него Христос Сам входит в сердце человека и живет там, и указывал на необходимость надлежащего и долговременного приготовления к этому таинству.

6 мая 1905 г.

Опять видела дорогого батюшку в игуменской; поздоровавшись со мной и благословив меня, он спросил меня о состо-

янии моего здоровья и, услыхав, что оно не поправляется, очень энергично произнес: «Довольно болеть! — И крепко похлопал меня по плечу и спине со словами: — Пусть болезнь проходит». Я поцеловала ему руку. Затем батюшка прошел в столовую, сел к столу, но ничего не кушал. На мой вопрос, читал ли он, что устроилась монархическая партия, батюшка так живо и весело ответил: «Как же! Грингмут прислал мне пункты, чего эта партия должна придерживаться, — и прибавил: — Я им сочувствую... надо бороться со злом». Я спросила у батюшки: «Не благословите ли вы мне взять на себя обет полного молчания и затвора? А то я совсем не могу разговаривать с моими знакомыми хладнокровно, так как большинство из них желает этой противной конституции и ожидает от нее каких-то великих благ».

Отец Иоанн серьезно сказал: «Ни под каким видом! Тебе дан дар справедливо судить о вещах, так и говори, высказывай свои мнения, молчать не следует». Подал мне полное блюдечко чаю, потом подал матушке Ангелине: «На, игуменья, выпей-ка и ты чайку, — сказал он, затем, угостив всех, прибавил: — Должно быть, я на то и создан, чтобы всем служить», выпил один глоток и прошел в кабинет, где его ожидала какая-то дама.

11 мая 1905 г.

Я сообщила батюшке, что перестала разговаривать с соседкой, чтобы избавиться от ее надоедливости и что зато теперь у нас тишина; спросила, как он прикажет, молчать мне или начать говорить. Батюшка благословил мне молчать и сказал, что Господь меня простит и благословит. Затем он говорил мне так: «Что делать, тяжело жить, теперь такое тяжелое время, какого еще не бывало, но все же надо во всем видеть милость Божию, потому что Господь желает всех спасти, и необходимо все это зло вырвать с корнем... и даже позволяю себе молить Господа, чтобы Он уничтожил всех этих крамольников. А только, душа моя, унывать не надо; Боже тебя сохрани, ты от этого избавься... — положил мне руку свою на голову и продолжал: — Да избавит тебя Господь от этого уныния

и простит. Что же делать? Тяжелое время, и страшно тяжелое, а все же и в том видна милость Божия — Господь кого любит, того и наказует... Я так благодарен Господу за мою болезнь! Я за это время хорошо перечитал Евангелие, все пророчества и Библию. В Ветхом Завете сказано, какое страшное наказание постигает того, кто нарушает Закон Божий. И ты молись хорошенько Господу за всех друзей и за всех врагов, пожалей заблуждающихся от всей души, и да простит тебя Господь! Старайся побольше вглядываться в себя, лови свои мысли, старайся отыскивать самое зарождение их, лови только что нарождающиеся грехи и вырывай их с корнем; работай над собою усиленно, и да поможет и да помилует тебя Господь... Я же данною мне властью прощаю тебя».

После этого отец Иоанн накрыл меня епитрахилью, помолился и три раза перекрестил.

17 мая 1905 г.

Хотя батюшка и приехал вчера вечером, но чувствовал себя настолько слабым и измученным, что никого не принимал. Говорят, что 14-го его помяли и чуть не вывихнули руки; рука была вся в синяках, так что он тотчас вернулся в Кронштадт и должен был лечь.

Сегодня, выйдя читать канон, он выглядел очень слабым; когда я подошла, он благословил меня не глядя, а когда начал читать, вдруг повернулся, живо подошел ко мне и сказал: «Здравствуй, Е. В., желаю тебе быть здоровой», — благословил, перекрестил меня и, вернувшись на свое место, стал читать. Прочитав место, где говорится, что Господь нигде не учился, но вся премудрость была в Нем Самом, батюшка посмотрел на маленьких монашенок и на детей и сказал им: «А вам, детки, надо учиться и набираться разуму». Затем, прочитав другое место о том, что Господь добротой и чистосердечием заслужил у иудеев зависть, сказал: «Люди, мнящие себя мудрыми, всегда относятся недоброжелательно к людям смиренным и чистым сердцем...», преподал всем благословение и ушел. Я прошла в игуменскую; в это время в зале раздался страшный крик; я поспешила туда и увидала отца Иоанна,

изгонявшего беса из одной, еще не старой, но страшной на вид, женщины, глаза у которой были ненормально выпучены и руки скрючены так, как будто она собиралась поколотить батюшку. Он же спокойно говорил ей: «Именем Господа нашего Иисуса Христа повелеваю тебе — выйди из нее и впредь не входи». Она же кричала нечеловеческим голосом: «Нет, нет, ни за что не выйду...» Когда батюшка повторил свое повеление, она стала кричать тише, а после третьего раза совершенно успокоилась; лицо ее приняло вид хороший и добрый. Она упала ему в ноги и благодарила батюшку, говоря: «Слава Богу, совсем вышел». Батюшка благословил ее и пошел садиться в карету, чтобы ехать куда-то служить обедню, протянул мне руку и сказал: «Ну, прощай, Васильевна».

19 мая 1905 г.

Смотря на ярко горящие лампадки, батюшка сказал, что свет огней перед иконами означает горячность чувств возносимых молитв к Господу, Царице Небесной и всем святым угодникам, молящимся за нас; сказал, что мы должны всегда помнить это и с такими чувствами приступать к ним, велел мне зажечь свечи и стал служить молебен. И как он чудно и долго молился, прося Господа даровать мне исцеление и избавление от всяких бед и напастей. Молил Господа за всех нас и просил помочь нам достигнуть Царствия Небесного.

20 мая 1905 г.

Сегодня отец Иоанн служил последнюю обедню перед своим отъездом. Народу набралось масса. Выйдя читать канон, батюшка приветливо поздоровался со мною. Во время чтения он несколько раз обращался к народу, разъясняя прочитанное им; так, например, о том, как нужно спасаться и как нетрудно этого достигнуть при том великом милосердии, которое оказывает нам постоянно милостивый Господь. «Необходимо только искренно, от всего сердца покаяться, и Он прощает», говорил батюшка и привел в пример самарянку, бывшую блудницу, но искренно покаявшуюся. Служба сегодня была особенно благолепная; с батюшкой служили девять священ-

ников и четыре дьякона. Слово сказал отец Иоанн опять о великом значении Таинства Святого Причащения, о том, что приступать к нему нужно со строгим приготовлением и полным примирением.

1 августа 1905 г.

Отец Иоанн благословил монахинь, затем сказал о значении первого и второго Спаса и о выносе креста и, окончив эти объяснения, приступил к чтению канона. На том месте, где всегда стою я, сегодня села хромая старуха Лукерья, разыгрывающая роль предсказательницы, на самом же деле большая сплетница и вымогательница. Батюшка, окончив канон, вдруг энергично подошел к ней и, крепко дернув ее за руку, поднял со стула и поставил на ноги, сказав строго: «Что ты все сидишь? Если нога и болит, то стой, держась за спинку стула...» Сам взял ее стул, выдвинул вперед и, показав, как надо за него держаться, еще встряхнул ее хорошенько и спросил: «Чего ты не уезжаешь?» Как только он отошел, старуха упала, как будто в припадке. Стоявшая возле меня, бывшая келейная матушка Ангелины, Дуня сказала мне, чтобы я не тревожилась, так как она это часто проделывает: полежит и сама же встанет. Отец Иоанн выходил из алтаря и видел, что она лежит, но не обратил на нее никакого внимания. Когда начались часы, старуха встала сама и села; стоявшая рядом с ней монахиня сказала ей, что она должна считать за счастье, что батюшка ее потрепал. Я прекрасно исповедалась и все время находилась в молитвенном настроении. Батюшка говорил слово почти все время с закрытыми глазами. Он говорил о том, какую неоцененную великую милость оказал нам Господь своим снисшествием на землю в образе человека, как Он Своими страданиями спас нас от проклятия и вечных мук и купил нам ими прощение грехов и дарование Царствия Небесного. «Кто любит Господа и покоряется Его святой воле, того и Господь любит, и кто послушлив — с тем и Господь, а кто отворачивается от Господа и грешит, не думая о покаянии и о том, что близок смертный час, от того и Господь отворачивается...» — говорил батюшка и перечислил все пороки и

грехи: вражду, блуд, лихоимство; при этом посмотрел на некоторых. Затем стал причащать; после игуменьи Ангелины сам подозвал меня и сказал: «Приобщается раба Божия Екатерина».

По окончании обедни я прошла в игуменскую и попала в батюшкину комнату. Когда батюшка вышел, то благословил и поздравил меня с принятием Святых Таин, протянул мне свою ручку и спросил, хорошо ли я съездила. Я отвечала: «От всего сердца благодарю, вас, батюшка! Вы, верно, молились за меня, что я чувствовала себя все лето так хорошо». Он на это сказал: «А я тебя благодарю, и ты за меня хорошо молилась». Чай был приготовлен в кабинете; батюшка сначала угостил меня чаем, а потом, выпив немножко вина сам, влил и мне глоток вина, затем дал глоточек на укрепление сил, как он выразился, казначее и игуменье. Угостив всех чаем, заметил, что постное кушанье вкуснее скоромного и пожелал нам хорошенько попоститься и встретить праздник Успения Пресвятой Богородицы, надлежащим образом подготовившись за пост.

8 августа 1905 г.

Батюшка пришел в церковь, очень внимательно отнесся к сестрам, сказал им: «Мир вам, ангельское стадо, святое собрание! Очищайтесь и исправляйтесь!» Благословил их и дал всем поцеловать руку, в том числе и мне со словами: «Я к тебе непременно приду». Во время чтения канона батюшка несколько раз переворачивал аналой и оборачивался лицом к народу, чтобы дать объяснение прочитанного. За чтением Апостола, когда батюшка обыкновенно сидит, он вдруг сегодня встал, подошел к жертвеннику и вынул частицу из просфоры. В своем слове отец Иоанн опять коснулся великого значения Таинства Святого Причащения и выяснил значение праздника Преображения Господня. Он сказал, что Господу Иисусу Христу явились во славе давно умершие Илия и Моисей; Сам же Спаситель сиял как солнце. Сказал, что, подходя к причастию, мало приготовиться и исповедаться, а нужно еще и отстать от тех грехов и пороков, в которых сознал себя винов-

ным. «Необходимо отстать от зависти, гордости, тщеславия, лжи, самомнения, самолюбия, сребролюбия и злобы...» — добавил батюшка. Когда он кончил говорить, к нему подвели старуху с бесноватой дочерью; батюшка сейчас же взял чашу и причастил их первыми. Я от обедни пошла к себе и, как только заметила карету, выбежала на лестницу и встретила там дорогого отца Иоанна. Он радостно поздоровался со мной, благословил, и я, взяв его под руку, ввела по лестнице в свою комнату. Батюшка узнал, что у меня болят зубы, и сказал: «Помолимся». Сам зажег свечи, встал на колени и со слезами просил у Господа здоровья и душевного спокойствия. Я хорошо помолилась, и зубная боль у меня утихла. «Да пошлет тебе Господь здоровье и мир душевный...» — сказал мне батюшка, давая приложиться ко кресту, и обильно окропил святой водой. По окончании молебна отец Иоанн сам попросил чаю, говоря, что ему очень хочется пить; он выпил половину стакана, налил остальное на блюдце мне, а потом угостил и всех, тут находившихся. Видя, что батюшка находится в таком чудном благодушном настроении, я встала около него на колени и спросила: «Дорогой батюшка, скажите, какой сон видел адмирал Ломен, что просил вас навестить его и объяснить ему что-то об аде? Все страшно заинтересованы его поступком, потому что мало людей верит в адские муки».

Отец Иоанн сильно взволновался и сказал: «Как не верят? Кто не верит? Разве только толстовцы со своим графом... Да, действительно, Ломен звал меня, потому что сильно испугался сна, и очень много говорил со мной, — он ведь лютеранин...» На мой вопрос, спасутся ли лютеране, батюшка отвечал: «Думаю, что нет; разве Господь каким-нибудь особенным путем привлечет их к Себе... Вот будет хорошо-то, если Ломен так уверует, что примет Православие!» «Можно ли спастись по чужим молитвам, без собственных трудов и стараний?» — спросила я. «Ни под каким видом! — каждый должен сам трудиться над своим исправлением и усердною молитвою просить себе помощи у Господа», — убежденно сказал отец Иоанн. «Может ли молитва за умерших исходатайствовать им прощение?» — продолжала я свои вопросы. Батюшка отвечал отрицательно и

сказал, что усиленные молитвы за умерших могут вымолить у Господа только некоторое облегчение страданий. Затем я, с согласия батюшки, попросила всех на минутку уйти в другую комнату, чтобы дать мне возможность поговорить с ним наедине. Когда все удалились, я поднесла батюшке икону, присланную для него игуменьей Антонией; он, узнав, что она уже освящена, приложился к ней, похвалил работу и просил передать матушке глубокую благодарность за внимание. Затем я попросила батюшку разрешить мне молиться дома, а в церковь ходить только в те дни, когда нужно приобщаться; свою просьбу я мотивировала тем, что дома я всегда молюсь со слезами и вся сосредоточиваюсь в молитве, в церкви же нет такого молитвенного настроения и я рассеиваюсь. Батюшка строго посмотрел на меня и сказал, что этого он мне разрешить не может, так как в храме совсем другая молитва, нежели дома; и вся служба, пение, каноны, все это весьма поучительно и полезно, говорил он. «А что? Ты на кого-нибудь недовольна?» — вдруг спросил он. «Нет, дорогой батюшка, — отвечала я, — а только мне думается, что слезная молитва более угодна Господу, нежели рассеянная; все равно я и в церкви молюсь своими молитвами, то есть написанными святыми отцами и выученными мною наизусть». «Так молиться нужно, — сказал он, — а все же я тебя прошу ходить к церковным службам».

16 августа 1905 г.

Отец Иоанн служил у нас обедню; сегодня он выглядел очень утомленным и голос у него был совсем слабый. Во время пения стихир об Успении Божией Матери он сам пел с каким-то особенным воодушевлением. Затем произнес слово на сегодняшнее Евангелие: когда апостолы просили у Господа позволения низвести огонь с неба на людей, не принявших Спасителя, то Господь отвечал им на это — «не знаете, какого вы духа». Тут батюшка особенно дерзновенно, насколько хватило сил, громко заявил, что не должно и из ревности мстить, нужно же все переносить с кротостью и терпением. Когда стал причащать, поднялась страшная толкотня; батюшка передал дары местному священнику, а сам ушел в алтарь.

21 августа 1905 г.

Сегодня, когда приехал дорогой отец Иоанн, нас не хотели пустить в игуменскую и, пропустив в переднюю, сказали, что батюшка занят монастырскими делами с игуменьей, дверь в кабинет заперта и не велено никого пускать; некоторые послушались и ушли, а мне какой-то внутренний голос говорил: потерпи, но не уходи. Вдруг мы услышали в зале батюшкин голос; я с соседкой бегом поспешила туда и там увидели отца Иоанна, говорившего игуменье: «Пустите всех, кто только хочет меня видеть». Батюшка прямо направился ко мне, сказал: «Здравствуйте, дорогая Е. В.», и так ласково пригласил меня в кабинет.

На мой вопрос, как его здоровье, он отвечал: «Ничего, слава Богу, немного похворал, да и сообщения пароходного не было», — и пригласил меня сесть, после того как я поздоровалась с матушкой Ангелиной; воодушевленно стал беседовать со мной, смотря прямо мне в глаза. «Ну что же, поздравляю с миром!» — сказал батюшка. Я отвечала: «Не знаю, радоваться ли этому, батюшка?» Он возразил: «Если приходится платить около ста пятидесяти миллионов, то трудно радоваться; но, впрочем, надо во всем усматривать волю Божию; видимое дело, что Господу неугодно было, чтобы мы забрались туда, на северо-восток! Вот все наши затраты и пропадают». «Кажется, не сто пятьдесят миллионов, а много меньше...» — сказала я. Отец Иоанн отвечал: «Дай-то Бог, чтобы это так было. Сегодня пишут, что для блага других государств, и в особенности Англии, следует отдать России Константинополь; дай Господи, чтобы это было так. Как бы это хорошо было!» Я заметила отцу Иоанну: «Меня удивляет, дорогой батюшка, что во время войны наша миссия с преосвященным Николаем не терпела никаких нападок и насмешек; удивляет, что японцы христиане старались облегчить участь наших пленных! Не возникнет ли у нас дружба с Японией и не предстоит ли ей стать христианской державой?» Батюшка слушал меня с большим вниманием и наконец, воодушевившись, произнес: «Да! Господь высоко милосерд и правильно воздает людям по делам их. Наша интеллигенция

извратилась, отстала от веры; может быть, Промысл Божий так и ведет, что заменит отставших вновь привлеченными и поэтому послал перевес в военном счастье им над нами». И, глубоко вздохнув, продолжал: «Ужасно что творится! Религия, нравственность, все расшаталось... Как же Господу не проявлять Своего гнева?»

Я спросила: «А как вы смотрите на Думу, дорогой батюшка?» «Да, может быть, Господь поможет с помощью этого учреждения установить больший контроль, который не даст так эксплуатировать и обирать наше правительство, как теперь. Что, например, у нас делается с нефтяными промыслами? Как посторонние люди наживаются за счет правительства? Ведь это страшно подумать что делается!» — отвечал отец Иоанн.

«Выборное начало ведь все основано на подкупе?» — спросила я. Батюшка задумался и произнес: «Ну, не всегда же так; могут попасть и хорошие люди».

«Мне кажется, что гораздо больше порядка там, где управляет одна умная голова, нежели двадцать с различными взглядами...» — сказала я. В этом батюшка вполне согласился со мною.

26 августа 1905 г.

Батюшка был очень ласков и добр, угощал всех чаем; со мной он говорил о том, что его сильно возмущают ксендзы, которые всеми мерами стараются обращать православных в католичество и без всякого стеснения лгут для этого; они говорят, что Иоанн Кронштадтский — и тот принял католичество, и путем такой лжи стараются доказать, что, следовательно, Православие никуда не годится. «А сколько еще впереди?» — говорил отец Иоанн.

В каноне восхвалялась Пресвятая Богородица, и батюшка читал канон с особенным воодушевлением и даже подпевал. Обратившись к сестрам, он сказал: «Какое великое значение имеет Владычица, что Сам Бог избрал Ее для рождения Спасителя, — и, показывая им на икону Тихвинской Божией Матери, произнес: — Вот Она, ваша Заступница и Покровительница! Уповайте на Нее и не забывайте, что вы, вступив в

монашество, взяли на себя ангельский чин и должны исправить все недостатки, каковы суть: вражда, ненависть, злоба; должны постоянно ловить свои помыслы, какие только явятся, зная, что все дурное от врага. Старайтесь уничтожать их в самом зародыше, приобретайте терпение, упражняйтесь в послушании и отречении своей воли. Любите всей душой вашу настоятельницу — Царицу Небесную, старайтесь брать пример с Ее жизни и не забывайте, что и в вас, как во всех людях, живет Дух Святой, и потому всеми мерами старайтесь исправляться и любить друг друга».

31 августа 1905 г.

Сегодня во время чтения канона батюшка несколько раз перевернул аналой; за чтением Апостола я наблюдала за батюшкой: он сидел и выглядел таким старичком, глаза были закрыты; вдруг он открыл их и стал во что-то внимательно всматриваться, — выражение лица совсем изменилось, сделалось такое сияющее и радостное, точно батюшка вдруг помолодел.

Он сказал сегодня слово на Евангелие о том, что Господь изгоняет бесов силою Божественною.

Отец Иоанн старался изъяснить ту мысль, что бес не может изгонять себе подобных. Так как сегодня публика держала себя невыносимо — кричали, перелезали через решетку, — то я плохо слышала, как говорил батюшка.

26 сентября 1905 г.

Сегодня батюшка приезжал к своей племяннице, Анне Семеновне Орнатской, навестить свою хворавшую сестру — Дарью Ильинишну, — там мне и удалось его повидать. Как только он приехал, прошел к сестре, поздоровался, отслужил молебен и, обратившись к ней, предложил ей исповедаться ему не как брату, а как священнику, имеющему право отпустить грехи, нас же попросил уйти.

Затем всем нам дал приложиться ко кресту и окропил святой водой. Я пожаловалась батюшке на зубную боль и попросила его полечить; он похлопал меня по щеке и сказал: «Это пустяки, потерпи».

Окропил святой водой все помещение и осведомился у племянницы об ее здоровье; узнав, что она в «ожидании», произнес: «Ну и что же! Слава Богу! —Напоил всех чаем и, давая мне блюдце, сказал: — Хотите, выпьем на здоровье».

Затем глубоко вздохнул и произнес: «Господи, как грустно! Опять забастовки! И что это только делается?» Я сообщила батюшке, что редактора газеты, в которой нападали на него, разбил паралич. Отец Иоанн заметил на это: «Вот как его Господь наказал! Пишут, а сами не знают даже, что пишут...»

Затем благословил всех и уехал.

11 октября 1905 г.

Во время канона отец Иоанн повернулся лицом к народу и сказал: «Помолимся хорошенько, чтобы Господь избавил нас от этих крамол, бедствий и забастовок! Я надеюсь на Господа, Он милостив и верно скоро все успокоит». Сказал слово на Евангелие об исцелении прокаженного. «Господь посылал проказу за грехи, и она съедала тело, а теперь наши души подвергаются тоже проказе, заключающейся в страшном количестве грехов, охвативших всю нашу душу. Каждому человеку необходимо постоянно следить за собой, хорошенько проглядывать внутрь себя и всеми силами стараться очищать свое сердце, чтобы греховность не лишила нас Царствия Небесного...» — говорил отец Иоанн. Далее опять указывал на великое милосердие Господа, давшего нам Свое Тело и Свою Кровь для избавления нас от грехов. Как мы должны ценить это благо и с каким благоговением всегда приступать к этому таинству — с самым искренним покаянием и твердым обещанием вполне исправиться.

Часов в 8 батюшка зашел ко мне, поздоровался, прошел в мою комнату и, садясь в кресло, сказал: «Я сегодня посетил одну семью по случаю сорока лет со дня их свадьбы; как приятно было видеть, что столько лет люди прожили счастливо, душа в душу, и вырастили и воспитали детей! Я благословил их брак и крестил у них детей...»

Я поздравила батюшку с наступающим днем его Ангела и попросила принять от меня икону Божией Матери «Утоли

моя печали», вышитую золотом. Он обнял меня, поцеловал в голову и сказал: «Благодарю тебя, моя дорогая! Помолимся теперь». Батюшка прекрасно отслужил молебен и, давая приложиться ко кресту и окропляя святой водой, произнес: «Да благословит тебе Христос!» Сел к столу и стал всех угощать чаем; давая мне, поцеловал меня в голову. Сестра дьякона, все время хворающая, пожаловалась на свое нездоровье отцу Иоанну и сказала, что ей хочется выздороветь. Он улыбнулся на это и отвечал ей: «Ишь чего захотела! Ничего, похворай и потерпи...»

Я, все время стоя на коленях, смотрела на чудное, доброе лицо батюшки и спросила его: «Неужели вы, безценный батюшка, взяли наши грехи на себя и мы все без труда спасемся?»

Он же серьезно сказал: «Один Господь взял грехи наши! А я! Что же я-то могу? Конечно, я молюсь за всех вас; но каждый должен сам работать над исправлением самого себя, и без этого труда нельзя ожидать спасения, и все мои труды и молитвы будут напрасны».

Я просила батюшку помолиться о том, чтобы я получала радость в церкви. Он опять сказал: «Ишь ты чего захотела! Я и сам ее не всегда ощущаю — это дается после долгих и больших усилий и трудов, после долгих и усиленных молитв, хотя я знаю ее, она у меня, слава Богу, бывает, но только после усердной молитвы. Молись! И тебя эта радость посетит...» У батюшки, когда он все это говорил, было какое-то необыкновенное, сияющее, выражение лица.

27 октября 1905 г.

Вечером неожиданно батюшка приехал в игуменскую на извозчике; поднялась суета... ко мне прибежала монашенка и сказала, что в Кронштадте бунт и поджигают город. Батюшка пошел в трапезную служить молебен, чтобы Господь избавил Кронштадт от разгромления. Я пошла туда же. Отец Иоанн, стоя на коленях, чудно молился, со слезами, все монахини плакали. Батюшка читал молитвы, в которых просил Господа простить нам все многочисленные наши прегрешения. По окон-

чании молебна он сказал: «Будем надеяться, что Господь смилуется и все эти возмущения окончатся».

Из трапезной батюшка прошел в свой кабинет, не обращая ни на кого внимания, видимо, сильно взволнованный. Я осталась с монахинями в передней, и они мне сообщили, что, как только батюшка приехал, он сказал: «Кронштадт горит, и матросы бунтуют, но скоро все кончится...» и велел послать за извозчиком, чтобы поскорей поехать к тем, которые умолили его во что бы то ни стало отслужить у них сегодня всенощную. В это время батюшка вышел в переднюю уже в шубе и сильно разволновался, что извозчика еще нет. Я подошла к нему, он очень ласково поздоровался, благословил, дал поцеловать ручку и, смотря на меня своим добрым взглядом, сказал: «А какие ужасы творятся в Кронштадте! Поджигают, матросы бунтуют! Брат на брата пошли... Но Бог милостив! Я с трудом выехал на общем пароходе на Лисий Нос, еще две недели назад дал слово, должен был выполнить его...»

3 ноября 1905 г.

Батюшка пришел читать канон, ласково поздоровался и благословил меня. За обедней он произнес слово на сегодняшнее Евангелие: когда Спаситель шел со Своими учениками в Иерусалим и самаряне Его не приняли, то ученики просили Господа позволить им наказать их, подобно Илии; Господь же запретил это, сказав: «Разве вы не знаете, какого вы духа? Я пришел не погублять, а спасать грешников...»

Отец Иоанн говорил: «На это не надо сердиться, надо все переносить со смирением и не только не мстить никому, но и не судить никого, оставить это Господу — Он Сам будет судить и Сам воздаст каждому по его заслугам...» Затем, обращаясь к монахиням, сказал: «Не думайте, что вы безгрешны! Вы все переполнены грехами...» Перечислил все пороки, страсти, дурные наклонности и продолжал: «Поэтому вы должны исправиться, оставить все порочные наклонности, чистосердечно покаяться и дать обет уже больше не грешить, в чем сознались. Только поступая таким образом, можете решиться приступить к Святым Таинам, всем сердцем благодаря

Господа за то великое благо, которое Он дал нам, принося Себя за нас в жертву Богу, удостаивая нас принятия святой Его Плоти и Крови, помогая нам соединиться с Ним и доставляя нам благодать, с помощью которой мы легче можем отражать стрелы врага».

Вечером отец Иоанн опять приехал в игуменскую. Когда я постучалась туда, меня сейчас же впустили; он, видимо, обрадовался моему приходу, весело поздоровался и сказал: «Дорога забастовала, и мне пришлось вернуться сюда!» Затем прибавил: «А ты знаешь, ведь меня пробрали в газетах, сказали, что я бежал из Кронштадта?» Я ответила батюшке: «Ныне хоть ничего не читай, Бог знает что только ни пишут! В одних только «Московских Ведомостях» рассуждают правильно и честно...» и предложила ему прочесть молитву, напечатанную в сегодняшнем номере; он сейчас же прочел, даже поцеловал и произнес: «Действительно, хороша! И следует вполне исполнить преподанный тут совет — хорошенько молиться и наложить на себя пост». Похвалил воззвание к русским людям встать на защиту Отечества; очень понравилось батюшке, как в Нежине крестьяне заставили крамольных студентов в страшно грязную и дождливую погоду во время крестного хода снять шапки, встать на колени, молиться и петь «Боже Царя храни» вместо «Марсельезы», и, что всего лучше, заставили публично дать присягу на верность Царю и Отечеству.

Я попросила батюшку помолиться обо мне, так как меня страшно одолевает уныние. Он так участливо сказал мне: «Боже тебя сохрани, не давай ему места!»

4 ноября 1905 г.

Сегодня во время чтения канона отец Иоанн несколько раз перевернул аналой. Слово было произнесено им сегодня на объяснение Евангелия от Матфея — «если где не примут вас, отряхните и прах от ног ваших, а тем, которые примут вас, проповедуйте, что приблизилось к вам Царствие Божие». «Это есть основанная на земле Церковь Божия с ее спасительными таинствами!» — говорил отец Иоанн. «В Таинстве Святого Причащения Господь соединяется с нами и становится един

дух с нами; но как теперь многие далеки стали от Бога! Не повинуются Церкви и не пользуются таинствами, живут по влечению плоти, предаваясь страстям. Царствие Божие внутрь нас есть, говорит Спаситель! Для того чтобы это было так, с нашей стороны нужна твердая вера, искреннее покаяние и горячая любовь к Богу и ближнему. Всем надо усердно подвизаться для своего спасения; жизнь христианская есть борьба, а для успеха в этой борьбе необходима благодатная помощь Божия, которую Господь подает в таинствах покаяния и Причащения Святых Таин всем ищущим».

Когда батюшка стал причащать, поднялась страшная давка; меня так стиснули, что я искала только возможности уйти, но батюшка увидал мою муку и, пригласив меня вперед других, произнес: «Приобщается раба Божия Екатерина». Господи! Какой я почувствовала себя счастливой, причастившись и оставшись не задавленной, и возблагодарила от всего сердца Господа. Потом я пошла в игуменскую поблагодарить батюшку. Он так приветливо поздоровался, поздравил меня с принятием Святых Таин и сказал, что на днях посетит меня.

14 ноября 1905 г.

Отец Иоанн посетил меня сегодня. У меня собралось очень много жаждущих повидать его. Одна дама, самая нездоровая, привела с собой припадочную девочку, другая пришла помолиться за умирающую мать и благословить для нее икону Пантелеимона, третья — исцелить глаза. Батюшка, войдя, поздоровался, благословил меня и всех собравшихся тут, припадочную же обласкал и утешил. Освятил иконку, спросил имя болящей и, предложив всем помолиться усердно за болящих, стал служить молебен; встал на колени и все время чудно молился со слезами.

Я же от всего сердца молила Господа продлить столь дорогую и необходимую нам всем жизнь самого бесценного батюшки и оградить его от всяких случайностей.

Отец Иоанн дал приложиться ко кресту, припадочную девочку окропил святой водой и велел матери почаще приобщать ее Святых Таин, а когда девочка сама пожаловалась на

такую боль у себя в спине, что она не может и разогнуться, то батюшка полечил ее, похлопав по спине; она сейчас же почувствовала облегчение и с восторгом поклонилась ему в ножки, сказав, что боль прошла, осталась же только слабость. Батюшка сказал ей: «Благодари Господа, да тоже почаще причащайся».

15 ноября 1905 г.

Сегодня отец Иоанн вышел читать канон через Царские врата и благословил всех общим благословением, не позволив никому подходить к себе. Читая канон, он вдруг повернул аналой и обратился лицом к народу, сказав, что так будет слышнее. Несколько раз обращался к монахиням и давал им советы, как нужно все переносить терпеливо, не раздражаться, не ссориться, а постоянно помнить, как страдали святые, что они выносили, как терпеливо и благодушно все встречали, не только не роптали, но еще за все благодарили Господа. Окончив чтение, батюшка опять, обращаясь к сестрам, произнес: «Приготовьтесь хорошенько, покайтесь от всего сердца и проверьте себя — я хочу сегодня всех вас приобщить». За обедней, стоя все время на коленях, со слезами прочел молитву об избавлении от крамол. Сказал прочувственное слово на Евангелие, как Христос пришел к фарисею и сел за стол, не умыв рук, и как фарисей осудил Господа за это. Батюшка говорил: «Кого осудил-то! Самого Господа! Господу нужна не внешняя сторона веры, а внутренняя, то есть не одна обрядная сторона, а сердце, ибо Он сказал: если око твое светло, то и все тело твое чисто, а если око темно, то и все тело темно. Око — это мысль сердечная, которая, если побуждается правильными и честными мыслями, то тогда и поступки выходят правильные; если же поступки снаружи и будут казаться хорошими, а при этом сердце будет не чисто, то все наружное не зачтется ни во что и будет одним только лицемерием».

Я еще вчера хорошо приготовилась и, слава Богу, прекрасно приобщилась: сейчас же вслед за матушкой Ангелиной отец Иоанн сказал: «Приобщается раба Божия Екатерина», и уже никто меня не толкнул, хотя толкотня вообще была ужасная.

Когда батюшка вернулся из церкви в игуменскую, он выглядел сильно утомленным и озабоченным, прошел в зал ни на кого не глядя, помолившись, сел и стал угощать. Я встала сзади него и попросила благословить меня; он очень охотно исполнил мою просьбу и сказал, что он меня и не видел; спросил, пила ли я чай, взял сейчас же стакан, положил сахару, перекрестил и дал мне. Я поцеловала его ручку и спросила: «А как благословите проводить пост? Без рыбы?»

Батюшка, так ласково взглянув, сказал: «Это как ты найдешь нужным и как твое здоровье потребует. Вот я по слабости здоровья позволяю себе есть иногда рыбу. Поступи по своему разуму».

24 ноября 1905 г.

Батюшка служил обедню в Кронштадте, а ко мне приехал в 6 часов; я встретила его в дверях. Он выглядел таким бодрым, благодатным, как я люблю его видеть; так весело сказал: «Здравствуй, дорогая моя именинница! Я нарочно приехал поздравить тебя...» Благословил, прошел в мою комнату, сказал, что чувствует себя, слава Богу, хорошо, и спросил: «Ну что же, хочешь, помолимся?» Я отвечала: «Что же может быть лучше молитвы, а только я боюсь, не утомились ли вы, дорогой батюшка?» «Нет, как видишь, не устал! А ты-то что, все хвораешь?» — сказал он мне. Я пожаловалась на зубную боль. Батюшка так отечески ласково заметил: «Что же делать! Надо пострадать; вот и мне тоже часто нездоровится, да ведь и лета такие... — И с каким-то особенно чудным выражением лица прибавил: — А за то, что нас там-то ожидает! Как мы там-то будем блаженствовать!» Сам же в это время легонько приложил свою ручку к больному зубу и слегка потер щеку и похлопал по больному плечу. Затем, за молебном, чудно молился, прося у Господа исцеления, душевного спокойствия, бодрости духа и долголетия. У меня сердце так и билось от радости. После молебна батюшка сел к столу, но кушать ничего не захотел, а только попросил чаю; похвалил чай и, давая мне, сказал: «Выпей на здоровье, дорогая моя Е. В.». Я, стоя на коленях, смотрела в его

необыкновенно добрые глаза, поблагодарила его и поцеловала ручку.

Батюшка сказал: «Вот и ты мучаешься, как Екатерина великомученица, и получишь достойные венцы; ты должна подражать ей и стать во всем подобной ей!»

Я отвечала, что я не в состоянии переносить такие страшные мучения, как она. Он на это возразил: «Да ведь теперь таких и нет, теперь другие мучения — не меньше тех, пожалуй: нравственные и различные болезни...» При этом посмотрел на меня таким в душу проникающим взглядом... Мне было ясно, что батюшка всю мою душу видит и вполне меня понимает.

28 ноября 1905 г.

Во время чтения канона отец Иоанн, обращаясь к народу, сказал: «Господь Бог так велик, что Его никто из людей никогда не видал и увидеть не может, только одни сущие на небесах лицезрят Его, да и то не все». Слово произнес сегодня батюшка о званных на брачный пир: «Господь велит звать на пир нищих, хромых, увечных, и только так поступая, мы можем угодить Господу и наследовать Царствие Небесное; угощая же богатых и знатных, мы утешаем самих себя и заискиваем расположение людей с эгоистичной целью, надеясь получить от них что-либо, и совершенно забываем, что все зависит от Господа и делается только им, а не людьми. Заботиться о земном — значит заботиться о том, что есть не больше, как прах, пыль, мыльный пузырь. Забывая же Бога, мы делаемся преступниками...» Затем батюшка опять указал на великое и спасительное для нас значение Таинства Святого Причащения.

По окончании обедни я вернулась домой, а когда вечером приехал отец Иоанн, пошла в игуменскую. Он ласково встретил меня, благословил и спросил: «А что, читала ты, как меня бранят?» Я отвечала: «Как же, батюшка, и возмущена до слез». Отец Иоанн сказал: «Что поделаешь — давно бы пора правительству проявить свою власть! А то до чего мы дойдем? Невозможно обходиться без наказаний — они, как лекарства,

оздоровляюще действуют на забывшихся и предавшихся своим страстям людей... И детей необходимо наказывать и нельзя им во всем поблажать».

На мой вопрос, кончатся ли эти все безобразия, батюшка отвечал: «Так как всему бывает конец, то, должно быть, и этому будет, но только тогда, когда Господь найдет нужным послать его».

Батюшка сегодня так хорошо выглядел — свежий, розовый, бодрый — в своем чудном покойном настроении духа; видно, что он весь в Боге и с Богом и всю надежду свою возлагает на Господа, вполне подчиняясь Его воле.

5 декабря 1905 г.

Сегодня отец Иоанн приезжал в игуменскую во второй раз; он выглядел страшно взволнованным; к нему подвели какого-то священника, немного расстроенного психически, и сказали, что он хочет поговорить с батюшкой; отец Иоанн раздражительно отвернулся и не захотел с ним говорить, а сказал тому, кто привел его: «Как это вы не умеете выбрать время, когда подводить ко мне, ведь и я человек и бывает время, когда я не могу говорить! Я такой же человек, как и все, и этого не надо забывать...» Немного погодя батюшка сжалился и подал этому священнику стакан чаю и сказал: «На, батюшка, садись и пей!» Когда же тот не хотел брать, он повелительно сказал: «Я тебе говорю, сядь и пей!» Затем ни с кем больше не говорил, только благословил меня и Чельцову и как-то торопливо поднялся, тут же надел галоши и почти бегом спустился с лестницы.

Возвратясь домой, я припомнила, что я уже раз видела батюшку в таком расстроенном состоянии: это было в Москве, в Кремле, накануне Ходынской катастрофы — во время коронации ныне царствующего Государя. У меня мелькнула мысль, не предчувствует ли батюшка опять чего-либо подобного? *

---

* Верно оказалось волнение батюшки 5 декабря — 9-го числа началась революция в Москве.

14 декабря 1905 г.

В конце декабря 1905 года мне удалось повидать дорогого батюшку несколько раз. 15-го я была свидетельницей, как он исцелил бесноватую. Выходя от дьякона, у которого он служил молебен, и намереваясь сесть в карету, чтобы ехать по больным, он был окружен толпой казаков и солдат; они все поклонились ему в ноги и, сняв свои тельные крестики, просили, чтобы он благословил их, сам их каждому надел; батюшка удовлетворил их желание, и они все до единого приложились к его ручке и опять сделали земной поклон. В это время двое мужчин подвели бесноватую, та было бросилась на него с кулаками, крича во все горло, что она не может его видеть. Он же очень спокойно, ласково сказал: «Успокойся, милая, — погладил по голове и, положив руки на голову, сказал: — Именем Господа нашего Иисуса Христа выйди из нее и больше не мучь», — и при повторении этих слов она совсем успокоилась — батюшка благословил ее и поцеловал в голову; она упала ему в ноги и, обвив их руками, стала целовать и благодарить, говоря, что она чувствует, что исцелилась. Он еще благословил ее, дал ей просфору и уехал.

За обедней батюшка говорил слово о великом значении праздника Рождества Христова: как мы должны ценить эту великую милость Господа, что Он для нас пришел на землю и принес Себя в жертву за наши грехи, как мы должны думать о спасении своей души и всегда помнить о великом значении Таинства покаяния и о великой важности Таинства Святого Причащения. «Не забывайте, в какое тяжелое время мы живем», «в какое страшное заблуждение впали все потерявшие веру и увлекшиеся учением Толстого, которое и привело к забастовкам, революции и вызвало анархию». После обедни я зашла в игуменскую, и мне матушка Ангелина, пока батюшка переодевался у себя, дала прочитать, что он сегодня записал в своем дневнике на слова в Евангелии, где говорится: «Где труп, там соберутся и орлы». «До чего мы все погрязли во грехах! Все хорошее в нас заглохло, мы сделались подобны трупам смердящим, которые движутся и разносят смрад; нужно надеяться, что скоро прилетят орлы и поклюют все».

16 января 1906 г.

Сегодня с батюшкиной племянницей мы преблагополучно прибыли в Кронштадт, остановились в Доме трудолюбия и сейчас же отправились к батюшке; он нас так ласково принял — он выглядел бодрым, благословил нас, дал мне поцеловать его щечку и сказал, что здоровье его слава Богу, только опять возвратилась прошлогодняя болезнь и доктора запрещают выезжать и ходить по лестницам. Тут вышла к нам супруга батюшкина; он велел подать самовар, помолился, усадил меня возле себя и стал говорить, как он благодарен Господу, что может служить обедню, совершать Таинства и приобщать; что во время службы он чувствует себя крепким и бодрым, так, что даже может говорить слово; похвалил «Московские Ведомости», сказав, что с наслаждением читает их, потому что они вполне здраво и справедливо разбирают настоящее положение вещей.

На мой вопрос, не отрезвит ли нас хотя бы немножко московская революция, батюшка сказал: «Я думаю, что непременно отрезвит, да ведь и эти статьи показывают, что началось понимание!» Я передала ему от одной знакомой письмо, в котором она просит помолиться о благополучном рождении младенца, который после двадцатилетнего супружества впервые должен появиться на свет. Он сказал: «С удовольствием исполню ее просьбу, буду молиться; шлю ей и ее мужу благословение, прошу не тревожиться, а смотреть на это, как на великую милость Божию; я надеюсь, что Господь будет милостив и она благополучно разрешится (все это вполне сбылось). Пусть хорошенько молится Господу и за все благодарит». Батюшка угостил нас чаем, сам наливал и затем прибавил: «Я сегодня почти всю ночь не спал, теперь пойду немножко отдохнуть, а вы посидите с Елизаветой Константиновной». Через некоторое время он вышел и позвал меня к себе, сказав: «Мне хочется поговорить с тобой, Е. В.» Когда мы вошли в его спаленку, он усадил меня около стола и сам сел возле. Опять стал хвалить газету, спросил: «Как ты поживаешь в монастыре, хорошо ли тебе, часто ли видишься с Ангелиной?» И очень опечалился, услыхав, что она редко

принимает меня, то больна, то занята; я прибавила: «Помолитесь, дорогой батюшка, чтобы я всегда поступала по воле Господа, совершенно отрешившись от своего я, и чтобы Господь сохранил мою способность молиться и работать над собой до конца моей жизни». Он так хорошо, милостиво посмотрев на меня, сказал: «Я всегда молюсь за тебя, а теперь еще удвою свои молитвы; а ты почаще читай Евангелие и старайся вникать в читаемое; слава Богу, что у тебя есть молитвенное настроение, дорожи этим и всем сердцем благодари Господа за эту милость». Затем мы вышли в гостиную; тут батюшка простился с нами, пожелав нам счастливого пути; мы, поблагодарив Елизавету Константиновну за ее внимание, вернулись в Дом трудолюбия. Повидав батюшку, я совсем оживилась, тоска и уныние совсем оставили меня. 17-го числа мы отстояли обедню в Кронштадтском соборе. Мне ужасно понравились и служба, и собор; все выглядит величественно, чувствуется, что тут царит особенная благодать; все шло так чинно, благоговейно, батюшка выглядел бодрым. От обедни мы прямо направились к нему на квартиру; он, ласково поздоровавшись, благословил нас, поблагодарил, что мы опять пришли к нему, просил нас посидеть и напиться чайку с его супругой, пока он немножко отдохнет, и прибавил особенно сердечно: «Я прошу вас, будьте как дома, не стесняйтесь, я живо вернусь». Мы и не заметили, как быстро прошло время и дорогой наш батюшка вернулся; он сел к столу, сам стал угощать нас и, обратившись ко мне, с таким чудным, радостным выражением лица, сказал: «Вот ведь в прошлом году в это время я совсем умирал и не думал, что встану, а Господь милосердный воздвиг меня от одра; вот мне уже семьдесят шесть лет, а Господь дает мне силы, так, что я могу совершать литургию; и как я себя хорошо чувствую, совершая ее! Да и вообще много мне Господь оказал и продолжает оказывать милостей, какую страшную нищету испытывал я, будучи ребенком, какие лишения претерпевал. Как наши крестьяне в Архангельске бедны, как они страшно нуждаются; Господь вырвал меня оттуда и, поместив сюда, дал мне столько средств, что я мог и могу многим помогать, и я от

всего сердца благодарю Господа, что он продлил мою жизнь; мне нужно еще многое окончить». Тут супруга батюшкина сказала про какую-то даму, что та предложила своей знакомой поговорить с ее умершим мужем!

Батюшка с удивлением спросил: «Да неужели она все продолжает заниматься спиритизмом? — и, глубоко вздохнув, сказал: — А как грешно! — обратившись ко мне, батюшка прибавил: — А ведь как лестчий дух хитер, как он ловко подделался под Филарета Московского; ведь как хорошо написано в твоих тетрадках, Е. В., которые у меня, и какое счастье, что ты бросила твои занятия спиритизмом». Когда я сказала: «Это вы, дорогой батюшка, спасли меня, вернули от смерти к жизни, я вечно вам буду благодарна, что вы меня спасли», он поцеловал меня в голову и, положив руки на голову, сказал: «Господь оставил тебя жить для того, чтобы сделать тебя угодною Себе, чтобы ты исправилась от всех недостатков и хорошенько приготовилась к Царствию Небесному». Затем прибавил: «Сегодня в Дом трудолюбия приехали сестры милосердия, вернувшиеся с войны; просят отслужить благодарственный молебен, что они, получив мое благословение и хорошо помолившись со мною при отправлении на войну, вернулись невредимы и там не хворали. Как я благодарю Господа, что Он услышал мои молитвы; сейчас же поеду к ним и с большой радостью помолюсь с ними».

19 февраля 1906 г.

Дорогой батюшка опять побывал у меня и поздравил меня с днем моего рождения; приступая к молебну, сам зажег свечи, сказав: «Пусть свет этих свечей будет, как свет Евангельский, просвещающий всех, искренно любящих Господа и приходящих к Нему с глубокою верою и сознанием». Я пожаловалась на боль глаз. Он потер их ручкой, сказав: «Веруй, и по вере твоей дастся тебе». (Глаза перестали болеть.) Весь молебен батюшка совершил стоя на коленях и со слезами просил Господа даровать мне исцеление физическое, просвещение духовное, осияние благодатное и долготерпение. Освятив воду и давая приложиться ко кресту, батюшка спросил:

«Сколько тебе минуло лет? — и услыхав, что шестьдесят, улыбнулся и как-то особенно убедительно сказал: — Нет, не шестьдесят, а пятьдесят». А когда я повторила, что шестьдесят и что надо мне готовиться к смерти, он, чудно, милостиво, ласкающим взглядом посмотрев, сказал: «Поживи еще». Затем всех жалующихся на какие-либо недомогания утешил: кому помочил голову святой водой, одной даме, жаловавшейся на страшное удушье, поколотил грудь, и она, счастливая и довольная, сказала, что твердо верит, что теперь ей будет легче; потом батюшка присел к столу и посмотрел «Московские Ведомости»; прочитав о том, что Государь явившейся к нему депутации сказал, что все написанное в Манифесте 17 октября будет исполнено, но что самодержавие, вполне неограниченное, останется во всей своей силе, перекрестился, сказав: «Слава Богу!» На мое заявление, что я до слез возмущаюсь, читая, что священники требуют изменения церковных служб, разрешения носить светское платье и вторично вступать в брак, батюшка сказал: «Никаких изменений, ни в службе церковной, ни в одеянии, ни браков повторных, быть не может, так как это все противно Евангельскому учению». Я сказала: «Дорогой батюшка, научите меня, как мне расшевелить мою совесть, а то я начинаю думать, что я страшная грешница потому, что она меня совсем не тревожит». Он, ласково, отечески посмотрев на меня, сказал: «Постарайся хорошенько вглядываться в себя, постарайся вспомнить из твоей жизни что-нибудь такое, чтобы вызвало раскаяние и слезы; читай святых отцов, припоминай заповеди и, согласуясь с ними, проверяй свои поступки. Постарайся хорошенько изучить себя, и твоя совесть проснется», и, поцеловал меня в голову, налил мне на блюдечко чаю из своего стакана и подал, говоря: «Ну выпьем за твое здоровье!» Затем всех угостил фруктами и чаем, говоря: «Да тут, кажется, весь монастырь собрался! Подходите, кто не получал, а то некоторые ведь по два раза берут». И, обратившись ко мне, сказал: «Знаешь, когда бывает очень много причащающихся на моем служении, то я заметил, что некоторые подходят по два раза, а ведь это очень грешно». Батюшка подписал мне свою карточку и стал про-

щаться; благословил меня и, ласково смотря на меня, сказал опять: «А тебе не шестьдесят лет, а пятьдесят», — и, поцеловав в голову, уехал. Необыкновенная радость и счастье охватили всю мою душу, и я от всего сердца возблагодарила Господа. То же испытывали и все присутствующие.

27 февраля 1906 г.

За это время батюшка два раза служил у нас обедню. Я, получив известие, что умирает мой племянник, попросила батюшку помолиться, чтобы Господь послал ему то, что ему во благо, и только не лишил бы его Царствия Небесного; батюшка особенно сердечно отнесся к моей просьбе, сказав: «С радостью исполню твою просьбу». Объясняя слова молитвы — «да исправится молитва моя, яко кадило пред тобою», сказал: «Как молитва, подобно дыму кадильному, поднимается к небу, так и душа наша должна быть всегда обращена к Господу и так же должна быть чиста и благоуханна, как дым кадильный; а потому мы и должны особенно заботиться о спасении души, а для этого необходимо, как можно чаще, прибегать к покаянию, чтобы никогда не оставаться не раскаявшись; нераскаянность дает особую силу врагу, и он овладевает человеком так, что он весь поглощается страстями.

Сегодня, читая канон, батюшка разъяснял прочитанное; сказал о гонениях на святые иконы и как пострадал преподобный Ираклий Декаполит, защищавший иконопочитание, и тут же объяснил народу, как должно относиться к иконам и почитать их, говоря: «На иконы должно смотреть, как на напоминание тех святых, которые изображены на них, и как на напоминание сотворенных ими дел; но отнюдь не считать самую икону за Божество; а теперь есть такие, которые совсем отвергают почитание икон — да, впрочем, они и все отвергают и ничему не верят: «Вот и привели Россию в такое тяжелое состояние, что почти все живущие в мире представляют собой взбаламученное море». И, обратившись к сестрам, прибавил: «Радуйтесь и благодарите Господа, что вы в обители и не стремитесь возвращаться в мир, в котором так извратились все понятия: одни совсем отвергают почитание икон, другие

кланяются иконе Божией Матери, считая Ее за Самого Бога, а есть еще и такие, которых можно и должно считать совсем сумасшедшими: они позволяют себе простого священника Ивана считать за Божество и именовать его Христом; эти несчастные лишены совсем здравого рассудка». Окончив канон, батюшка поехал по больным; прощаясь, сказал: «Тебе не нужно хворать», — и сам погладил больную щеку и похлопал по больному плечу (которое после этого перестало болеть).

27 марта 1906 г.

Сегодня дорогой батюшка утешил меня вдвойне: выйдя читать, он сам подошел ко мне, благословил, спросил о здоровье и сказал: «Погода такая переменчивая, почти все жалуются на нездоровье. Слава Богу, я пока чувствую себя довольно хорошо!» Читая канон, несколько раз обращался к сестрам, прося их бороться со страстями, не поддаваться им, а всеми мерами стараться достигнуть Царствия Божия, говоря, что Господь есть такая красота, какую никакими словами не выразить. Когда он говорил это, у него лицо было какое-то особенное, восторженное.

За обедней сказал слово на текст псалма — нет праведного, нет ни одного — и отнес эти слова к настоящему времени: сказав, что и теперь то же самое: увлекаются самолюбием, властью, роскошью, а Бога, все создавшего, совсем забыли и не хотят и признавать. После обедни зашел ко мне, отслужил молебен и чудно со слезами помолился о моем болящем племяннике; многим монашенкам, просившим его позволить сделать операцию или обратиться к доктору и хорошенько полечиться, приказал хорошенько приготовиться и в среду приобщиться Святых Таин, запретив делать операцию и идти к доктору. Когда я пожаловалась, что на меня напало уныние, батюшка положил мне обе ручки на голову и, окропив меня святой водой, сел к чайному столу. Я спросила, читал ли он книжку, которую издал кружок тридцати двух священников о вопросах, которые нужно провести на церковном соборе, он сказал: «Вряд ли этот кружок может предложить что-нибудь дельное»; взяв у меня книжку и просмотрев ее, страшно

возмутился и сказал: «Да они предлагают отделение Церкви от государства», всплеснул руками и, глубоко вздохнув, сказал: «Господи, да в какое же мы страшное время живем! Что же это будет наконец? Как жаль, что теперь нет Филарета Московского, как бы он много помог. Мне кажется, что все это пройдет и еще настанет мирная христианская жизнь!» Глубоко задумался и потом прибавил: «Да, может быть, оно и будет так!»

12 апреля 1906 г.

Третьего дня батюшка опять осчастливил меня: зашел ко мне, отслужил молебен; услыхав, что на меня напало уныние, сначала строго сказал: «Как можно в такие великие дни поддаваться этому чувству, ведь это ясно, что оно от лукавого! Гони его вон!» И так очень усердно просил Господа избавить меня от этого чувства. Но когда я попросила у него благословения уехать в Орел совсем, он, строго посмотрев на меня, сказал: «Пожалуй, съезди на недельку»; я попросила благословить если не совсем, то хотя на лето, — он нахмурился и сказал: «Поступай по своему разуму!», — а когда я сказала: «По своей воле я ничего не хочу делать, а как вы благословите, так тому и быть», батюшка повеселел, похвалил меня, поцеловал в голову и, угостив всех чаем, уехал. Когда я узнала, что дорогой батюшка сегодня приехал в игуменскую, то прошла туда; но двери в его кабинет оказались запертыми; я постояла немного, и, услыхав, что батюшка говорит кому-то, что он сегодня хорошо спал и больше отдыхать не хочет, а желает спокойно посидеть и поговорить, я постучалась, назвав себя; батюшка велел открыть дверь, и меня впустили. Он сидел с правой стороны у стола в голубом ватном подряснике и выглядел таким спокойным, благодатным. Встав, радостно поздоровался, благословил меня и посадил рядом с собой. Про свое здоровье сказал, что оно слава Богу, только он сильно устал: положил мне свою ручку на плечо и, так ласково взглянув, спросил: «Ну а ты как поживаешь?» На мое заявление, что я страшно возмущаюсь всем, что делается, как прочту газету, так и разволнуюсь, он сказал: «А я уповаю на Господа, думаю, что как дума соберется, то откроются настоящие

русские люди, верующие, которым Господь поможет водворить порядок в государстве». В это время вошла моя большая приятельница и большая батюшкина почитательница Ч. Батюшка обласкал ее, благословил и, услыхав, что у нее сильно болит печень, сказал: «Это тяжело, но что же делать, пора приближается, надо терпеть, такие уже наши лета».

На мое заявление, что Ч. слишком всех любит и за всех страдает, оттого у нее и печень разболелась, он сказал: «Любовь превыше всего на свете; вот я, как ни стараюсь приобрести ее, а все же нет-нет да и рассержусь, — и прибавил: — Я ведь эгоист!» Тогда я заявила: «Что это вы говорите! Вы для нас пример, которому мы всем сердцем желаем следовать; но, увы, это далеко не удается нам: знаете, безценный батюшка, что я надумала: — Мне так стала противна эта жизнь, эти забастовки, экспроприации, так и хочется куда-нибудь спрятаться, уйти от всего, благословите мне поступить в монастырь!»

Он весь просиял и только спросил: «А куда?» И на мой ответ: «Все равно куда», он необыкновенно радостно сказал: «Благословляю, благословляю, с радостью благословляю, хорошее дело задумала, попадешь прямо в рай! Мы тебя с радостью постригем, подобно тому как в прежние времена постригали княгинь и княжон; а под конец твоей жизни оденем тебя и в схиму, подобно Александру Невскому, — и опять прибавил: — Прекрасно задумала, от всей души благословляю». Когда я сказала, что меня измучила привычка все взвешивать и обдумывать, сказал: «Нам для того и ум дан, чтобы все разбирать и хорошего придерживаться, а дурное изгонять прочь».

На мою просьбу завтра исповедаться и причаститься у него сказал: «С удовольствием благословляю, только смотри, хорошенько проверь себя и приготовься!» При этом слегка ударил меня по левой щеке; затем взглянул мне в глаза и опять легонько ударил по правой щеке; потом сказав: «Мне пора ехать», уже посильнее ударил по спине и по плечу и при этом спросил: «Почему ты не на всех моих службах приобщаешься?» На мой ответ: «Я исполняю ваше приказание, приобщаюсь каждые две недели и каждый раз исповедуюсь» — он както особенно оживленно сказал: «И превосходно делаешь,

чаще и не нужно; и я бы чаще не причащался, если бы не должен был это делать, благодаря своему званию. Ты прекрасно поступаешь, совершенно справедливо и правильно, так поступай и будешь в раю», — и поцеловал меня в щеку. Затем благословил и пошел к выходу. Спускаясь с лестницы, он выглядел таким сияющим, счастливым, никогда еще никто из нас не видал его таким чудным, как сегодня.

27 мая 1906 г.

Сегодня батюшка служил последнюю обедню; сказал небольшое слово о том, какое великое благодеяние сделал Господь всем нам, принеся Себя в жертву за наше спасение, и как Он милостив, что каждый день закалывается и отдает Свое Тело и Свою Кровь нам в Святом Причащении, а потому как нам надо быть благодарными и ценить эту неизреченную милость и хорошенько очищаться от своих грехов и страстей, приступая к этому великому таинству.

26 августа 1906 г.

Батюшка служил и во время чтения канона дал целое наставление сестрам, отправляемым в Вауловский скит. Он сказал, что им необходимо всеми силами стараться исправлять свои недостатки и терпеливо выносить все невзгоды, ожидая будущих благ в Царствии Небесном, которого они непременно достигнут, если будут так поступать: будут постоянно трудиться и безропотно нести всякое послушание. Вот Богородица Своею Святою жизнью достигла какого счастья, что Сам Господь родился от Нее и Она в Царствии Небесном стала выше всех Ангелов, Архангелов и всех святых. Так как сегодня день Владимирской Божией Матери, то батюшка объяснил, как эта икона спасла Москву от татарского хана Тамерлана, какая Владычица Милостивая, сколько раз спасала Россию от разных бед. Батюшка сказал также слово о великом значении той великой жертвы, которую Господь Иисус Христос принес за нас, облегшись в нашу плоть и осудив Себя на крестные страдания за наши грехи, и ими вырвал нас из рук диавола, возвратив нам возможность заслужить

Царствие Небесное и блаженство в будущей жизни. Как мы должны быть благодарны Господу и должны об одном только и думать, как бы нам своею жизнью угодить Господу и отблагодарить за Его милость к нам, стараясь жить по заповедям и исправлять свои порочные наклонности и недостатки, и потому кайтесь искренно, от всего сердца и, хорошо приготовившись, почаще приступайте к Святому Причащению. После обедни мне удалось повидать батюшку в игуменской. Он, ласково поздоровавшись, благословил меня, сказал, что чувствует себя лучше, напоил меня чайком; сказал, что навестил вдову генерала Мина, что она страшно горюет по мужу, он утешил ее, как умел. Сегодня батюшка сам наливал чай и, кладя сахар в стаканы, говорил: «Пусть чай будет так же сладок, как нам сладко быть с нашим Спасителем Господом Иисусом Христом».

12 октября 1906 г.

Хотя я была на его обедне, но, благодаря страшной давке, не могла там причаститься, зато с большим вниманием слушала чудную проповедь и почти всю запомнила. Он говорил о значении духовенства: «Все настоящие христиане, все без различия звания и положения, все суть рабы Божии и должны повиноваться воле Божией. Господь всех призывает в Царствие Небесное через Своих пастырей. Пастыри — это все духовенство, начиная с патриарха, митрополитов, епископов; они поставлены пасти рабов Божиих и поучать их; им дана великая власть в преподании Святых Таин Тела и Крови Христовой, посредством которых Сам Господь входит в своих рабов и наделяет их благодатью, с помощью которой они могут отражать врага и сами совершенствоваться. Как жестоко ошибаются все те, кто уверен, что со смертью жизнь кончается совсем и за грехи нет наказания. Все, что сказано в Евангелии, все сбудется, и отрицающих веру Христову и хулящих Имя Господне — ожидают страшные, невообразимые муки, которым нет конца». Как только батюшка вошел ко мне, я ему поклонилась в ножки, поблагодарила за телеграмму и за то, что по его молитвам я поправилась. Он, благословив,

спросил: «А что у тебя болело?» и узнав, что был сильный кашель и так болела грудь, что не давала вздохнуть, он встревожился и спросил: «Да где же ты так простудилась?» — положил свои ручки на голову, потер грудь и плечи (я поцеловала его ручки) и сказал: «Ну теперь помолимся». Я попросила его принять от меня розовый епитрахиль моей работы и белые ризы; он поблагодарил. За молебном все время, стоя на коленях, батюшка молился со слезами, говоря: «Укрепи, Господи, болящую, пошли ей полное исцеление и награди ее Твоею Благодатию». Его молитвенное настроение передалось и мне, и я от всего сердца благодарила Господа, что мне стало лучше по молитвам дорогого батюшки. Батюшка меня чудно исповедал, отпустил мне все грехи и причастил; я почувствовала себя счастливейшей из счастливейших. После того как все приложились ко кресту, батюшка сел к столу, и я, встав около него, сказала, что видела необыкновенный сон: Царицу Небесную, и другой раз Спасителя и боюсь, не от лукавого ли это? Он сказал: «Что ты! Да это очень хорошо! Расскажи...» Я видела, что Царица Небесная вошла в мою комнату и, остановившись в дверях, смотрела на меня большими, чудными глазами и что-то много говорила, но я все забыла. Я была преисполнена необыкновенною радостью, упала ей в ноги и слыхала, как она сказала: «Я завтра приду к тебе», и с этим я проснулась в таком радостном и чудном настроении, точно все это было наяву.

Батюшка так весело сказал: «Благодари Господа, что Он тебя так утешает, это чудный сон». Затем сказал: «С каким я удовольствием читаю «Московские Ведомости», какие чудные статьи! Вновь посвященный Орловский викарий, бывший священник Афонский, сказал чудное слово. — И прибавил: — Должно быть, он хороший человек, что Господь его избрал на такое высокое назначение». Когда я сказала, что он действительно хороший человек, глубоко верующий; только хорошо ли, что его так скоро, в несколько дней, одели в мантию, сделали архимандритом и сейчас же посвятили в епископа, — то батюшка особенно радостно сказал: «И прекрасно сделали, знали, что человек достойный и полезный, для чего же вся эта

процедура долгого приготовления? И прежде случалось, что так же скоро посвящали, не выждав даже известного возраста». Я сказала: «Некоторые из монашествующих отвергают старчество, говоря, что человек должен сам своими силами спасаться, прибегая к молитве и труду; батюшка даже встрепенулся весь, сказав: «Да что это они толстовское учение проповедуют! Что может быть выше и полезнее старчества?» Я просила его скушать что-нибудь, но он сказал, что он теперь пока ничего не кушает, питается только одними Святыми Дарами.

В октябре батюшка посетил нас несколько раз. 17-го, приехав вечером, он всех нас обрадовал, обещав день своего Ангела провести с нами, был в чудном настроении и много поговорил с нами о настоящей жизни и о том страшном неверии, которое так усилилось, и, обратившись ко мне, сказал: «Представь себе, Е. В., мне недавно пришлось повидать моего бывшего профессора академии, который был прекрасным человеком и чудным профессором и теперь, седой старец, вдруг говорит, что Бога нет, и несет такую ерунду, что слушать невозможно, что это только делается у нас! Что будет с нашей вконец испорченной молодежью! Ведь уже это молодое извращенное поколение не вернешь на путь истинный, а оставаясь такими извращенными, сколько они бед наделают, глубоко вздохнул и, перекрестившись, сказал: «И дай, Господи, чтобы поскорей — нам с тобой уже недолго осталось жить — все сбывается, что написано в Святом Евангелии». Я спросила батюшку, не может ли он мне объяснить, почему иудеи особенно прогневались на Господа и хотели Его избить камнями, когда Он сказал, что пророк Илия был послан только к одной вдове Сарептской? «Этим он обличил их, показав, что все остальные были так худы, что только она одна угодила Господу и еще один человек, к которому был послан пророк Елисей, — сказал батюшка и прибавил: — А ты понимаешь слова Спасителя: „Кто хочет быть моим учеником и последовать Мне, пусть возьмет крест свой и возненавидит отца и мать?“» Я сказала: «О, да! Я это понимаю — отдавшись Господу Иисусу Христу, конечно, все и всех забудешь». Батюшка одобрил меня и про-

должал: «Часто случается, что мать или отец оказываются неверующими и совершенно не тем путем идущими, каким заповедал Христос; таковых следует возненавидеть!»

24 октября 1906 г.

Батюшка опять служил у нас обедню и сказал чудное слово о том, как мы должны ценить и быть благодарными Господу Иисусу Христу за то, что Он принес Себя в жертву за нас и этим искупил наши грехи; как мы должны постоянно это помнить и благодарить Господа, стараясь всеми силами исправлять свои недостатки, постоянно прося прощение у Господа, с твердым намерением впредь не грешить. Объяснил, что ветхозаветные жертвы тельцов были прообразом смерти и Воскресения Спасителя. Затем в игуменской батюшка утешил свою любимую племянницу Анну Семеновну Орнатскую, которая только что похоронила своего новорожденного младенца и сильно горевала. Он сказал, что горевать не надо, это великий грех: «Ему там хорошо, он там молится за тебя, — и вдруг, обратившись ко мне, спросил: — А у тебя который час?» Я посмотрела, оказалось, что часы остановились на пяти, и когда я с грустью сказала, что и мои часы стоят, он как-то особенно весело сказал: «Да ты и сама-то стоишь!» — всех угостил чаем, благословил, простился и уехал.

27 октября 1906 г.

Батюшка служил обедню в маленькой церкви Иоанна Рыльского, я встала в коридорчике против Царских врат. Батюшка, читая канон, обратился к народу и сказал: «Смотрите, слушайте внимательно», и стал объяснять, в чем заключается ересь Ария и Македония и как многие ею увлекались, признавая Господа Иисуса Христа не Богом, а обыкновенным человеком. «И теперь Толстой проповедует то же самое и уже скольких погубил! Смотрите, знайте и любите одного Господа Иисуса Христа и веруйте, что только им мы живем; Он Себя принес в жертву Богу и открыл нам двери Царствия Небесного, и мы должны быть Ему вечно благодарными, любить Его всеми силами души, помнить и исполнять все Его заповеди и

твердо верить, что Он близ нас и всегда готов нам помочь, лишь бы мы пребывали твердо верующими и постоянно каялись чистосердечно во всех своих прегрешениях». По окончании канона, когда он вышел с духовенством, помолился и потом, поклонившись народу, он увидел меня и, обратившись ко мне, сказал: «Е. В., если ты приготовилась, подходи, я тебя приобщу». Ко мне подошла келейная матушки игуменьи и провела меня за решетку. Он был сегодня таким же сияющим, как и 19-го. Сказал чудное слово: «Что мы делали бы, если бы Господь не принес Себя в жертву за нас? Как мы должны бы были страдать и здесь, и в будущей жизни, если бы Господь не сделал этого! Конец близок, вера иссякла, никто и не думает ни о чем духовном; священных книг никто не читает, все заняты газетами, а те только распространяют ложь и сеют смуту, и потому необходимо как можно чаще приступать ко Святому Причащению, хорошенько покаявшись».

27 декабря 1906 г.

Читая канон, батюшка обратился к сестрам и сказал: «Запомните хорошенько то, что вам скажу. Вы должны быть подобны Ангелам и так же безпрекословно послушны, как они. Как в ангельском чине есть Ангелы, Архангелы, Херувимы и Серафимы, и все чины безпрекословно повинуются одни другим и Господу, как главе всего, и наши Ангелы-хранители строго повинуются, никогда не смеют ослушаться, да это им в голову не приходит, — так и вы, дорогие сестры, приняв ангельский чин, еще на земле должны быть послушливы к старшим, дружны между собой и снисходительны друг к другу, стараясь угождать одна другой и не ссориться и не делать назло. Вы должны быть смиренными, кроткими, незлобивыми, должны подражать своим Ангелам-хранителям. Слушайте внимательно! Вот как учили святые отцы: один монах во время чтения задремал; старший подошел и ударил его по щеке; тот не только не обиделся, но после того случая совсем исправился и сделался весьма ретивым, настоящим послушником, вполне сознавая, что старший имел полное право так поступить, и поблагодарил его за науку, попросив у него про-

щения. Вот какое послушание должно быть у монаха!» За обедней сказал слово на Евангелие от Луки: не бойся, малое стадо, ибо Отец ваш благоволил дать вам царство. Этими словами Господь убеждает своих последователей не бояться последствий, которые бывают уделом людей не много помышляющих о завтрашнем дне и думающих только об угождении плоти, но все-таки всею душою ищущих Царствия Божия. «Не бойтесь! — говорит он таким людям. — Господь даст царство, которое обещал любящим Его. Господь всегда стучит в двери нашего сердца через разные обстоятельства — горестные и радостные, через скорби, и постоянно призывает к покаянию и исправлению или к благодарности. Будьте же вы всегда готовы, в который бы час не пришел Господь: работайте, молитесь, кайтесь, не привязывайтесь ни к богатству, ни к славе, ни к чему преходящему и земному, возлюбите Господа всем сердцем и всею душой». Я прекрасно отстояла всю обедню и причастилась; затем прошла в игуменскую, где батюшка ласково поздравил с принятием Святых Таин, напоил чайком; потом прошел в свой кабинет и там еще поговорил с нами, страшно возмущаясь, что, благодаря свободе печати, пишут ужасные ложные вещи и затрагивают таких людей, которых не следовало бы трогать. Кто-то из присутствующих заметил, что многие удивляются, что батюшка каждый день служит. Он сказал на это: «Слава Богу, что Господь дает мне сил, а служение литургии — это моя жизнь, Святые Таинства меня поддерживают, благодаря им у меня достает сил делать то, что я делаю».

23 января 1907 г.

Я сказала: «Какая теперь стала тяжелая жизнь, мне думается, что земная наша жизнь и есть настоящий ад». Он, так ласково отечески посмотрев на меня, сказал: «Да, теперь это, пожалуй, действительно так: ужасное время переживаем, а знаешь, я все-таки твердо уверен, что Господь милостив, накажет, но и помилует нас, что все пройдет, и еще наступят светлые дни». В это время к нему подошла молодая девушка и, показывая ему карточку своего жениха, стала просить дать ей совет, выходить или отказать ему, сказав, что он вдовец и

имеет двоих детей. Он сначала сказал: «Да как же я дам совет, когда я его не знаю, вы сами его хорошенько узнайте». Она заявила, что решила поступить так, как он скажет. Батюшка, услыхав, что жених не пьет и в карты не играет, сказал: «Ну что же, выходите с Богом». Она встала на колени, и он благословил ее, затем всех тут находившихся благословил и уехал. Сегодня служил обедню и когда пришел читать канон, то ласково поздоровался и благословил, говоря слово, и объяснил значение слов 50-го псалма: «Окропиши мя иссопом и очищуся». В Ветхом Завете иссопом назывался пучок растения, который обмакивали в крови жертвенных животных и потом окропляли всех молящихся. Пророк Давид провидел под иссопом жертву, которую принесет за нас Господь Иисус Христос, распяв Свою Плоть на кресте, и дает нам окропление Своею Кровию посредством Таинства Святого Причащения.

18 февраля 1907 г.

13-го батюшка служил обедню и сказал чудное слово о том, что не следует привязываться ни к чему земному и не надо поддаваться страстям, а надо все заботы направить на то, как спасти душу свою и как приготовить ее к будущей жизни. Необходимо постоянно помнить, что Второе Пришествие Христово близится. Нечего думать об удовольствиях, а нужно быть готовым, чтобы предстать на Страшный суд.

19 февраля батюшка прочитал канон у нас и несколько раз обращался к монахиням, говоря, как нужно бороться со страстями и очищаться от всех плотских вожделений, у Господа обителей много, Земля — самая маленькая планета, какая масса Ангелов и какое чудное их житие! Как нам необходимо направить все свои усилия на то, чтобы исправить все свои недостатки, а для этого мы не только не должны допускать худых дел, но должны избегать и всяких помыслов.

4 марта 1907 г.

Так как я постоянно хвораю и только по батюшкиным молитвам постоянно излечиваюсь, то от одного, то от другого недуга меня и начала тревожить мысль, правильно ли я живу,

не служит ли этому причиной то, что я не вступила в монашество? Я написала батюшке, подробно изложив все и прося его дать мне совет, как мне вести дальше мою жизнь. И сегодня была очень обрадована, получив его чудное письмо, которое и помещаю тут:

«О Христе возлюбленная дщерь моя, Е. В. Получил сейчас сердечное длинное письмо ваше, прочел и считаю долгом немедленно отвечать вам, чтобы не томить ожиданием. Прежде всего благодарю вас за истинно родственные, святые ко мне чувства, которые Господь вложил в сердце твое, а затем за то доверие ко мне, как к священнику, коим вы удостаиваете меня: так ли я живу? Чтобы ответить вам на этот вопрос, я возьму из вашего письма слова, которыми докажется, что ты (или вы) живете по воле Божией и для собственного вашего великого блага — для вечности. Вы сами пишете мне, что вам в обители нашей благо, мирно, удовлетворенно, что вы живете, как бы на каком-то оазисе; кругом бури и волнения; но они вас не касаются, и слава Богу! Вы, значит, в тихой пристани. Чего же и желать лучше! Где вы в мире или в другом месте найдете такое неоцененное благо? Не Сам ли Господь указал вам эту пристань душевную, а если так, то и живите в ней до скончания вашего тихого жительства; по примеру других наших инокинь, княгинь и княжон или Великой Княгини нашего времени Александры Петровны вручите себя совсем Христу, приняв обет всецелой ему преданности себе и приняв иноческое пострижение. Имуществом распоряжайтесь по вашему доброму усмотрению, болезни различные великодушно переносите, как крест, посланный вам от Бога для очищения грехов и для обучения терпению. Сказано: «Терпением вашим спасайте души ваши», — без терпения никто не спасется. Если совет мой примете, то распорядитесь собою, своим достоянием, не откладывая надолго, ибо час воли Божией неизвестен. Не сегодня, завтра, послезавтра раздастся глас: «Се Жених грядет, придите в сретение его».

Ваш покорный слуга и смиренный молитвенник, грешный иерей Иоанн Сергиев.

11 марта 1907 г.

Дорогой батюшка служил у нас в монастыре обедню; выйдя читать канон, он ласково поздоровался, благословил и похлопал по больной щеке; у меня сейчас же прекратилась боль, и я прекрасно отстояла всю обедню. Говоря слово, батюшка объяснил значение сегодняшнего Воскресения — торжества Православия: оно установлено в память восстановления почитания икон, на которые было воздвигнуто гонение, и прибавил: «Необходимо почитать святые иконы; глядя на них, мы вспоминаем всех святых, всех молитвенников наших, которые теперь ходатайствуют за нас пред Престолом Всевышнего. Мы теперь живем в такое время, когда размножились секты — пашковцы, толстовцы и другие, которые отвлекают верующих от Христа, проповедуют ложное сатанинское учение. Боже вас сохрани, сестры и братья, слушать эти учения и верить распространителям его; держитесь Православной веры, исполняя все предписания церкви, почитая святые иконы и часто, но достойно приступая к Святому Причащению, и Милосердный Господь удостоит вас Царствия Небесного». По окончании службы я прошла в игуменскую; когда батюшка пришел в кабинет, он ласково поздоровался, усадил меня и сказал: «Какое великое благо сделал нам наш Милосердный Господь, дав нам в Святом Причащении Свою Кровь и Плоть! Какая это нам поддержка. Вот веришь ли, Е. В., я только и живу Причащением и каждый раз после принятия Святых Таин чувствую, что я обновляюсь, укрепляюсь духовно и физически; являются силы и чудное настроение. Какие жалкие лютеране и католики: у них причастие не полное, и потому они, наверно, лишены этого счастья». Затем сказал, что едет в Устюжну, стал прощаться, благословил и уехал.

30 октября 1907 г.

Весь сентябрь батюшка не приезжал; на все мои письма с просьбой дать благословение посетить его в Кронштадте я ответа не получала (потому что ему не давали их). Сегодня отец Иоанн Николаевич предложил мне поехать с ним пови-

дать батюшку. Мы прекрасно совершили дорогу; погода благоприятствовала, солнце светило ярко, и воздух был восхитительный. Приехали прямо к батюшке, но его не было: он поехал покататься; нас приняла его супруга и стала угощать чаем. В это время вернулся дорогой батюшка и сейчас же позвал к себе отца Иоанна Николаевича и довольно долго беседовал с ним; потом вышел, радостно поздоровался со мной, благословил, повел меня в свой кабинет и сказал: «А я все время собирался к тебе, а вот наконец-то ты сама приехала, чему я очень рад. Я все хвораю; сегодня, слава Богу, немножко получше, да чего же и ожидать-то в мои лета? Старость берет свое, чувствую, что отхожу от вас, и хочется мне туда, и жаль вас всех оставить; уж очень вы меня жалеете и крепко молитесь за меня; хотел бы я еще послужить вам, но чувствую, что силы слабеют: я ничего не могу кушать, как только съем что-нибудь, сейчас чувствую себя хуже». Мы сидели у его письменного стола перед чудным иконостасом. Я встала, поклонилась ему в ножки и сказала: «Как и чем могу я отблагодарить вас за все, что вы сделали со мной? За то, что вы сделали меня совсем новым человеком?» Батюшка так и просиял и, положив свои ручки мне на голову, так весело сказал: «Я ничего не сделал, все Господь, Его и благодари!» Я еще больше расплакалась, до того я глубоко чувствовала благодарность к батюшке; слезы лились, я не могла их сдержать и продолжала: «Из такой гордой, самолюбивой, своевольной вы сделали то, что я совсем отрешилась от своей воли и совсем разлюбила мир и все его прелести». Батюшка, так же чудно смотря на меня и целуя в голову, сказал: «Благодари Господа — это Он, Милосердный, сделал с тобой за то, что у тебя у самой душа чудная, чистая, как кристалл, послушная и покорная, ты сама достигла всего этого». Встал и со слезами помолился Господу. Я спросила: «Как же вы прикажете мне поступить с моею жизнью? Ведь я все прихварываю». Он, посмотрев на меня внимательно, сказал: «Слава Богу, ты хорошо выглядишь». — «Благословите мне одеться в рясофор!» Он, еще веселей взглянув на меня, сказал: «А ты приготовилась к тому, что тебе придется много выносить

неприятностей? Монашество — великое благо, посредством его легче попасть в Царствие Небесное; если хочешь поступить в монашество, то возьми себе в пример житие преподобных Синклитикии и Ефросинии, и если не боишься трудов, то одевайся!» Я опять поклонилась ему в ножки и поблагодарила за все. Я подала ему апостольник, который мне подарила игуменья Антония — и попросила его надеть на меня, что он и исполнил; взял его в руки, помолился, перекрестил его, положил свои ручки мне на голову и еще помолился, перекрестил голову, надел и, опять положив ручки на голову, помолился; что-то тихо прочел. Я поклонилась в ножки и от всего сердца поцеловала его ручки. Он благословил меня завтра причаститься у него. Я посидела немного с супругой батюшкиной и затем прошла в Дом трудолюбия, где мне дали хорошую комнатку, я прекрасно помолилась дома, со слезами благодарила Господа, что он удостоил меня повидать батюшку и получить его благословение на вступление в монашество; теперь все равно, оденут меня или нет, я сама себя должна уже считать вышедшей из мира; Господь все видит и знает и да будет во всем Его святая воля. Сегодня, 4 октября, я прекрасно приготовилась, в 6 часов прошла в собор, мне дали хорошее место недалеко от Царских врат, так что когда батюшка вышел говорить слово, то я оказалась почти возле него.

Он говорил слово на Евангелие от Луки, как Господь о Своем небесном посланничестве указывал на свидетельство Иоанна Крестителя и как все иудеи молчали, потому что не могли ничего сказать против, а сами ничему не верили, и прибавил: «Так всегда бывает: что ни говори неверующим и заблуждающимся, как убедительно ни доказывай им истину, они все остаются неверующими. Вот как толстовцы и пашковцы: их ничем не разубедишь; жалкие, несчастные люди, сами гибнут и других губят, прельщая и развращая своими извращенными толкованиями Евангелия и всего Священного Писания. Дорогие братья и сестры, не слушайте этих отступников, держитесь крепко нашей святой веры и почаще приступайте к Святым Таинам». Я прекрасно причастилась и про-

шла к батюшке на квартиру, где меня очень любезно приняла супруга батюшки. Вскоре приехал и сам дорогой батюшка; ласково поздоровался, благословил и поздравил с принятием Святых Таин. Сейчас же причастил запасными дарами одну больную даму, которую каждый день приносят на руках из Дома трудолюбия, и батюшка причащает ее на дому, потом дал приложиться ко кресту ей и нам, сказав: «Свет Христов да просветит вас», — дал мне свою книжечку, сделав на ней надпись, причем сказал: «Я исполнил твою просьбу, дорогая Е. В., а если бы ты только знала, как мне трудно писать, — разделил свою просфорочку со мной пополам, сел к столу и сам налил мне чашку чая, сказав: — Кушай на здоровье. — Сам же ничего не пил, а сказал: — Я страшно утомился, пойду немного отдохну». Я попросила благословить меня, сказав, что сейчас еду домой. Он благословил, сказав: «Поезжай с Богом».

30 октября 1907 г.

Сегодня батюшка опять служил у нас в монастыре обедню. Читая канон, он обернулся к монахиням и сказал: «Необходимо постоянно каяться, исправляться, очищать свое сердце от всяких грехов; на здешнюю жизнь надо смотреть как на переходную, нельзя ею прельщаться, она есть только подготовка к будущей настоящей жизни, там мы только начнем жить; а для того чтобы к ней приготовиться как следует, необходимо отстать от всех своих греховных навыков; а чтобы отстать от них, необходимо постоянно каяться и каяться. Батюшка сам исповедал нескольких и сказал чудное большое слово о покаянии, начав словами Спасителя: «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Божие».

24 ноября 1907 г.

Получив от дорогого батюшки разрешение и благословение провести день моего Ангела у него, я вчера с моей большой приятельницей приехала в Кронштадт прямо к батюшке, мы застали его сидящим у стола в ватном подряснике, с вышитым поясом за чтением. Я поклонилась ему в ножки и,

поцеловав его ручку, едва сдержала слезы, увидав, как он страшно похудел и каким выглядел страдающим и слабым, у меня так и заныло сердце. Он так радостно поздоровался, благословил и сказал: «Вы ведь прямо с дороги, садитесь поскорей да выпейте со мной кофейку. — Сам его приготовил, налил и, подавая, сказал: — Выпей на здоровье». Я поцеловала его ручку, сказав: «Не знаю, как и благодарить вас, что вы благословили день моего Ангела провести с вами». Он, ласково посмотрев на меня своими чудными, добрыми глазками, сказал: «Я очень, очень рад видеть тебя; здоровье же мое ничего не улучшается: старость, слабость, все болит, ничего не поправляюсь. Служу, но с большим трудом». Когда я спросила, читал ли он о чудном спасении генерала Гершельмана, он так оживился и весело сказал: «Как же! Ведь настоящее чудо совершил Господь. — И перекрестился, говоря: — Слава Тебе, Господи, за Твое неизреченное милосердие к нам, грешным. Да, истинно все сбывается, что сказано в Евангелии: двое будут вместе; одна берется, а другая оставляется». Потом, спросив меня, понравился ли мне кофе, сказал: «И я сегодня выпил кофейку, а то ведь почти ничего не ем: питаюсь только Святыми Таинами да пью минеральную воду», сейчас же принес бутылку и дал мне попробовать, сказав: «Вода так вкусна, что хочется выпить всю бутылку». Вдруг он закашлялся и схватился за грудь обеими руками: видно было, что он сильно страдает. Он встал, благословил нас, сказав: «Вы переночуйте в Доме трудолюбия, там вам будет очень хорошо, приготовьтесь и завтра причаститесь, а я страшно устал и пойду отдохнуть». Мы отстояли всенощную в эстонской церкви и, прекрасно приготовившись, отлично провели ночь в Доме трудолюбия. Сегодня, встав пораньше и прочитав правила, прошли в собор; но, увидав большую толпу за решеткой, мы остались стоять у свечного ящика; моя приятельница чувствовала себя нехорошо, и мы побоялись толкотни и решили попросить батюшку приобщить нас у него. Отстояв всю обедню и прекрасно помолившись, мы приехали к батюшке. Когда он вернулся, то выглядел совсем слабеньким, но радостно поздоровался, поздравил с днем Ангела и, узнав, что за

толпой нам не удалось причаститься, сказал: «Я сейчас вас приобщу, — прошел к себе и, вернувшись, приобщил и эту убогую больную и все время говорил: — Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй нас грешных, — дав приложиться ко кресту, он разделил свою просфорочку с нами; несмотря на страшное утомление, он сел к столу и сам стал наливать чай и, подавая, совсем слабеньким голосом сказал: — На, дорогая моя именинница, выпей на здоровье! Затем батюшка подал чай другим и своей супруге Елизавете Константиновне, сам же выпил один только глоточек; все наливал на блюдечко из своего стакана и поил мою больную приятельницу. Он выглядел таким слабым, что я не посмела ничего с ним говорить, а только внутренно молила Господа укрепить дорогого батюшку и избавить от страданий. Затем батюшка сказал: «Простите меня, больше не могу, должен пойти отдохнуть», и благословил, пожелав нам счастливого пути.

12 января 1908 г.

Получив батюшкино благословение, мы сегодня с Марией Александровной Боборыкиной преблагополучно съездили в Кронштадт... Батюшка, такой худенький, слабенький, ласково поздоровавшись, благословил нас и сказал: «Очень вас благодарю, что вы приехали, и очень, очень рад вас видеть; но только я так слаб, что больше пяти минут не могу пробыть с вами». Я передала ему несколько писем, говоря: «Все просят вас помолиться». Он, взяв их, хотел идти к себе, я сказала: «Дорогой батюшка, утешьте нас, причастите нас, мы приготовились!» Он оживился и так радостно сказал: «Хорошо, только исповедовать вас я по моему нездоровью не могу, сами хорошенько покайтесь», — и пригласил нас в свою спальню-кабинет. Как только я вошла туда, то всю мою душу охватило какое-то чудное настроение; все мне тут сегодня показалось необыкновенно хорошо, так бы, кажется, и не вышла отсюда. Батюшка сейчас же надел епитрахиль, взял крест и, обратившись к нам и смотря на нас своими чудными глазами, сказал: «Кайтесь хорошенько, старайтесь все припомнить, помните, что когда приблизится смертный час, как будет невыносимо

тяжело, если в чем не покаялись или не заметили какого греха во время жизни. Страшно тяжело, когда видишь перед своими глазами всю свою прошедшую жизнь, все грехи, все ошибки, которые творил, не замечая их; ах, как-то тяжело! — в это время на его глазах появились слезы: — Кайтесь хорошенько, пока еще есть время!» Каждое его слово проникало прямо в сердце, какое у него в это время было чудное выражение лица! Велел нам прочесть необходимые молитвы и хорошенько от всего сердца помолиться; затем приобщил нас запасными дарами и все время молился, говоря: «Слава Тебе, Господи, слава и благодарение, что Ты оказал нам такое великое милосердие, давая нам приобщиться Святого Твоего Тела и Святой Твоей Крови». Перед тем как стал приобщать, он накрыл стол епитрахилью, сказав: «Прощаются и отпускаются вам все грехи». Давая нам приложиться ко кресту, батюшка радостно поздравил нас с принятием Святых Таин. Мария Александровна, обняв меня, сказала: «Дорогой батюшка, как я рада, что Е. В. привезла меня к вам; я так счастлива, что удостоилась причаститься!» Он положил мне руку на голову, сказал: «Большое тебе спасибо», и поцеловал в голову. Марию Александровну поблагодарил за приезд и за ее письма, которые доставили ему большое удовольствие, и тоже положил ей руку на голову. За наше поздравление его с назначением членом Святейшего Синода батюшка поблагодарил, сказав: «На что мне теперь это, когда я не могу никуда выехать, не могу ничего говорить, да и еще плохо слышу. Получаю приглашение приехать в заседание Святейшего синода, но куда же мне! Ну какую я им пользу принесу! Меня теперь уже ничего не занимает». М. А. сказала: «Это назначение вас в Синод порадовало всю Россию, всех настоящих русских людей». Он перекрестился, сказав: «Благодарю Тебя, Господи». На ее вопрос, как он смотрит на предстоящий церковный собор, какая его задача, сказал: «Что прежде всего он должен быть единодушен и по примеру прежних Соборов преисполнен истинного Духа Божия». Относительно своего здоровья он, грустно посмотрев на меня, сказал: «Нисколько не улучшается; по всему видно, что уже близок конец; ведь мне семьдесят

восемь лет! Силы мои все истощились; вот сегодня мне, слава Богу, немного полегче; вчера взял ванну, и она мне немножко помогла, — приложив руку к груди и к желудку, сказал: — Вот тут все болит. Да и жить-то теперь становится все тяжелей, все извратилось». Вдруг его лицо преобразилось и сделалось такое радостное, когда он произнес: «Ах как мне хочется поскорей разрешиться и быть со Христом». Я, целуя его ручку, сказала: «Да и что может быть лучше этого!» Затем батюшка попросил нас остаться у него посидеть с его супругой и напиться чайку. Мы вышли от него счастливые и довольные, а он остался немножко отдохнуть; сегодня мы смело можем сказать, что ощутили в себе Царствие Божие. В столовой нас уже ожидала Елизавета Константиновна; радостно поздоровавшись и порадовавшись нашей радостью, она стала нас угощать чаем. В это время впустили каких-то мужчину и женщину, и дорогой батюшка вышел к ним, спросив, что они от него желают. Оказалось, что жена этого господина страдает раком на шее, который теперь представляет громадную опухоль, и так как она по батюшкиному благословению десять лет воздерживалась делать операцию, а теперь доктор требует этого, угрожая смертью, потому что эта опухоль должна ее задушить, то она и приехала спросить, как батюшка благословит ей поступить. Он потер своей ручкой опухоль и не велел делать операции, сказав, что уверен, что Господь по Своему великому милосердию и так ее исцелит. (Она совсем выздоровела.) А мужу ее сказал, что пьяница Царствия Небесного не наследует; но все же обещал помолиться, чтобы Господь избавил его от этого порока. Они уехали; батюшка сел к столу возле Марии Александровны и поблагодарил ее за внимание и за поклон от ее брата Владимира Александровича Дедюлина. На мой вопрос, нравятся ли ему «Московские Ведомости» в новой редакции, батюшка с особенным оживлением сказал, что они очень хороши; дух остался тот же, а передовые статьи стали еще интереснее, и похвалил статью о постановлениях Святейшего синода о вероисповеданиях. Про статью Богдановича сказал, что уже он чересчур много надежд возлагает на духовенство. А где же духовенству одному справиться, да еще

таким священникам, какие образовались теперь? Наше духовенство стало не то, что было прежде: семинарии дают плохих учеников; я думаю, что это потому, что в священство стали вступать лица из всех сословий. Потом батюшка благословил нас и пожелал счастливого пути; мы вернулись домой счастливые и довольные.

15 февраля 1908 г.

Сегодня, я опять посетила дорогого батюшку в Кронштадте вместе с игуменьей одного монастыря матушкой Афанасией. Приехали прямо на квартиру; нас приняли очень приветливо, так как мы приехали по благословению батюшки, батюшка отдыхал, и мы не велели его тревожить, прошли в столовую, где встретили большую батюшкину почитательницу; я, ласково с ней поздоровавшись, разговорилась. Вскоре вышел дорогой батюшка; он выглядел страшно страдающим, благословил нас и совсем слабым голосом сказал: уж извините меня, пожалуйста, мне страшно нездоровится, «я не могу пока остаться с вами, мне необходимо отдохнуть». А когда я сказала: «Дорогой батюшка, если только можно, приобщите нас, мы хорошо приготовились», он сразу оживился и сказал: «Ну, пойдемте со мной», — провел нас в свой кабинет, запер дверь, надел епитрахиль и, держа дароносицу, приказал сделать земной поклон Святым Дарам. Мы встали на колени, а он, повернувшись к иконам, стал читать свою чудную молитву Спасителю, говоря: «Ты, Господи Милосердный, безгранично добрый, всех нас любящий, прости им все их прегрешения, утверди и укрепи их всякой добродетелью и сподоби их до конца их жизни не осужденно причащаться Святых Твоих Таин». Затем, обратившись к нам, сказал: «Кайтесь хорошенько внутренно! Вспоминайте все свои согрешения и дайте обещание исправиться», — опять повернулся к иконам и сказал: «Укрепи их, Господи, прости им все их прегрешения и утешь их». Накрыл нас епитрахилью, отпустил все грехи и опять начал громко молиться, говоря: «Да наградит Господь Милосердный ваши сердца всякою добродетелью и да украсит Он вас всякою красотою, как украсил неизреченною красотою Царицу Небесную». Затем, прочитав молитвы к

причащению, приобщил нас; поздравляя, дал просфору; разломив верхнюю часть, он дал ее мне, а нижнюю — матушке Афанасии, сказав: «Это Богородичная». Сам приготовил запивку, сам влил несколько глотков мне в рот, а затем дал матушке точно так же.

Поздравив нас, приказал прислуге приготовить чай и попросил извинения, что пойдет отдохнуть, так как не в силах теперь посидеть с нами. «А вы напейтесь чайку и пообедайте со мной», мы поцеловали ручку, и он ушел к себе. Нет слов выразить того счастья, той радости, которая охватила всю мою душу; я от всего сердца возблагодарила Господа. Матушка Афанасия прочла последование по Святом Причащении. Как только мы окончили, к нам вышла супруга батюшки со своею компаньонкой. Ласково поздоровавшись с нами и поздравив, она сказала: «Слава Богу, сегодня батюшке немного лучше, а вчера у него сильно болели зубы. Вчера, когда И. Н. Орнатский попросил у него благословения вам приехать, он так радостно дал его ему, — и прибавила: — Да ведь как же вас батюшка любит, кажется, никого другого он так не любит». Это подтвердили и компаньонка, и находившаяся тут батюшкина почитательница, а наша общая знакомая сказала: «Ведь для всех видно, что батюшка их особенно отличает, да ведь он видит, что у них чистое сердце и открытая душа». В это время пришел и дорогой батюшка. Он выглядел таким довольным, шел с таким сияющим выражением лица; велел накрывать на стол, а сам прошел в переднюю. Слышно было, что кто-то просил у него ряску; он сейчас сходил к себе и принес ватный хороший подрясник и отдал просящему; тот стал еще просить, батюшка и эту просьбу удовлетворил; обласкав, благословил и отпустил просящего. Возвращаясь, батюшка сказал: «Теперь скоро лето, мне не нужно будет теплого подрясника», — сел возле матушки Афанасии и стал расспрашивать ее об ее монастыре; посочувствовал ей, что очень тяжело бороться с католиками в западном крае, говоря, что теперь эта борьба стала особенно трудна, потому что с дарованием свобод католики невыносимо дерзки; пожаловался на Теолинскую игуменью, что она его измучила своими жалобами на бедность монастыря, затем помолился, благо-

словил трапезу и стал нас угощать. Усадив нас, сам сходил на кухню и привел супруга своей почитательницы; усадил его между собою и мною и сказал: «Нечего церемониться, садись, дорогой гость, возле меня». Нас стал угощать, а сам же ничего не кушал. По окончании обеда мать Афанасия попросила его помолиться о больной казначеи и попросила дать ей епитрахиль; батюшка сейчас же встал, принес его и дал ей. Я спросила об его здоровье, он сказал: «Во время обедни, когда совершаю литургию, в особенности когда приму Святые Таины, чувствую себя совсем хорошо: ничего не болит, и дух бодрый; но под конец уже начинаю утомляться так, что должен уже полежать; вообще к ночи чувствую себя хуже и боли совсем почти не дают спать; вот и теперь не могу долго разговаривать, уже вы меня извините, а я вас оставлю и немножечко отдохну».

24 февраля 1908 г.

Дорогой батюшка прислал матушке Ангелине целое наставление сестрам ее обители, как должно проводить пост: «Честнейшая матушка игуменья Ангелина со всеми о Христе сестрами! Да будет со всеми вами подвизающимися о Христе ради будущей жизни благодать, милость и мир от Господа нашего Иисуса Христа в Духе Святом.

Наступило время Святой Четыредесятницы, данное нам милостью Божией для благодушного подъятия подвига постного. Но какой пост угоден Богу? Есть пост, только приятный врагу нашего спасения, когда мы постимся в ссоре, ябедах, клеветах, в осуждении ближних и подобное! Будем поститься постом, приятным Богу; истинный пост есть избежание всякого зла, воздержание языка, ярости отложение, похотей отлучение, отчуждение лжи и клятвы преступления. Избежание всех этих грехов есть истинный пост и благоприятный. Запомните это и, главное, исполните. Желаю, что по болезни не могу быть с вами и лично беседовать о спасении души. А оно первая и главная цель в жизни нашей, особенно монашеской. Не забывайте ни на один час — для чего вы собрались и живете в обители, для чего носите монашеское одеяние, и непременно черное. Оно означает постоянный траур, постоян-

ную печаль о грехах, коими мы непрестанно прогневляем Всевышнего и праведного Творца нашего, которому должны дать отчет в своей жизни.

И так, со страхом Божиим, проводите время, данное вам для спасения, и обителью пользуйтесь, как тихим пристанищем Божиим, в котором Господь укрыл вас от бурь и треволнений житейских. В миру каждый день множество людей погибает от прелести грехов; а между вами да не будет ни одной погибающей. Ибо вас осеняет, защищает Благодать Божия. Живите в любви взаимной. Дай Бог мне и вам дождаться Страстей Христовых и всерадостной Пасхи.

Протоиерей Иоанн Сергиев».

5 марта 1908 г.

Сегодня получила от дорогого батюшки письмо в ответ на мое, в котором я просила его помолиться, чтобы я могла достигнуть такого состояния духовного, что могла бы молиться Господу за врагов, как молюсь за друзей.

Вот его содержание:

«Дорогая, высокочтимая Е. В.! благодарю за ваши сердечные письма, дышащие верою и благодарностью к Богу. (Со своей стороны я недостоин того, что вы мне приписываете.) В вашем последнем письме мне нравится особенно та черта, что вы желаете и молите Бога любить врагов, все равно как друзей. Это чисто по-евангельски, тут и мне урок, ибо я человек с немощами. Желаю вам провести Великий пост в борьбе с ветхим человеком, который крепко сидит и работает. Дай Бог выйти из борьбы победительницей с помощью Благодати Христовой.

Ваш смиренный богомолец протоиерей Иоанн Сергиев.
4 марта 1908 г.

28 апреля 1908 г.

Получив через отца Иоанна Николаевича Орнатского благословение дорогого батюшки, я приехала к нему и сегодня с нашей монахиней Никодимой посетила его. Как только мы приехали, нас любезно приняли и провели в комнаты

матушки Елизаветы Константиновны, которая встретила нас очень ласково и внимательно; тут уже сидел какой-то монах в священническом сане; как только батюшка показался, он поклонился ему в ножки, что сильно раздражило батюшку, и он сделал ему выговор, сказав: «Я простой священник, такой же, как и вы, и меня оскорбляет, когда мне кланяются в ноги». Когда мы подошли, то батюшка очень ласково поздоровался и благословил. На нашу просьбу причастить нас, сказал: «Если хотите, то завтра за обедней приобщитесь». Мне совсем нехорошо, все болит, и я больше не могу быть с вами. Спросил монаха, что ему нужно, и, услыхав, что его смущают помыслы и он желает поговорить с ним, отошел с ним; но минуты через две извинился своим нездоровьем и направился к себе. Я подошла к нему, подала письмо и икону Спасителя, шитую шелками. Он взял, но сказал: «Благодарю тебя, только зачем? У меня так много икон!» — и прошел к себе. В это время пришел архимандрит, приехавший от преосвященного Никанора. Мы с ним поговорили о владыке, которого я очень хорошо знаю и очень уважаю. Вскоре вышел дорогой батюшка; выглядел он бодрее, он сел возле архимандрита, ласково поговорил с ним и принес ему свою книжечку. Говорили о Варшаве. Батюшка сказал, что ксендзы и католики много себе позволяют, а наше правительство и духовенство не так энергично действуют, как бы им следовало, оттого православным и приходится много страдать и многие переходят в католичество.

Проводив архимандрита, батюшка приказал прислуге приготовить кофе и угостить нас, а сам опять пошел отдохнуть. В это время к нам пришла баронесса Таубе, большая почитательница батюшки, живущая уже давно в Доме трудолюбия, и рассказала мне, как она узнала батюшку и как он поставил ее на настоящий путь ко спасению. Вдруг в это время батюшка вышел, подошел прямо ко мне и, так ласково, чудно смотря на меня, сказал: «Я прочел твое письмо, прелесть, как хорошо написано, какое счастье, что ты поняла и испытываешь это Царствие Божие внутри себя, благодари Господа и знай, что в этом все счастье!» Обнял меня, крепко прижал к своему

сердцу и поцеловал в голову, говоря: «Большое тебе спасибо за это письмо». Затем пригласил нас в столовую пить кофе и сказал матушке Никодиме: «Какое ты несешь послушание? — И на ее ответ, что она находится в алтаре, сказал: — Ну и будь же ты постоянной алтарницей» — и этим очень ее утешил. Затем встал и, извиняясь перед всеми, сказал мне: — А ты завтра приходи к обедне и непременно причастись у меня», — благословил, дал поцеловать ручку и ушел. Мы с матушкой Никодимой прошли в Дом трудолюбия.

29 апреля 1908 г.

Хорошо приготовившись, мы прошли в собор; староста был так добр, что провел нас на амвон и поставил около певчих. Батюшка вышел из алтаря такой худенький и слабенький и приложился к иконам у Царских врат в правом пределе, но все же сегодня он выглядел бодрее вчерашнего. Хотя и очень слабеньким голосом, сказал слово на сегодняшнее Евангелие, где Господь сказал иудеям: «Ядый Мою плоть и пияй Мою кровь во Мне пребывает». Батюшка, показывая рукой на Чашу со Святыми Дарами, говорил: «Вот Тело и Кровь Господа; кто приступает к этому Таинству, тот соединяется со Христом; приступая к этому Великому Таинству, необходимо хорошенько себя проверить, покаяться и дать твердое обещание исправиться; так как Господь назвал это Таинство пищею и питием, то этим Он Сам указал нам, что к этому Таинству необходимо приступать как можно чаще. А у нас многие приобщаются только раз в год; попадаются, в особенности между интеллигентами, и такие, которые и по двадцать лет не приступали к оному (у одного такого я был, и он отказался приобщаться; разумеется, я его оставил, от всей души пожалев). Батюшка стал приобщать. Меня провели вперед, и дорогой батюшка, взглянув на меня, сказал: «Приобщается раба Божия Екатерина». Я, приобщившись, почувствовала себя такой счастливой, как и выразить не умею. Батюшка сам вышел с крестом, но дал приложиться только немногим, а затем передал крест другому священнику. Из собора мы прошли к батюшке. Он, возвратившись, был

так слаб, что едва передвигал ножки. Он поздоровался, благословил и, поздравив, попросил угостить нас чаем (тут был еще знакомый священник из Москвы отец Николай), а сам извинился и пошел отдохнуть.

Через некоторое время батюшка вышел опять; но выглядел таким же слабым и сказал: «Ну прощайте и простите меня, я уже больше не могу совсем». Я попросила его помолиться, что у меня большой шум в голове. Он, так отечески, хорошо посмотрев, положил мне ручки на голову, сказав: «Будешь здорова!»

17 мая 1908 г.

Хотя совсем слабенький, а все же дорогой батюшка сегодня служил обедню у нас в монастыре. Как только он вошел, помолившись и приложившись к иконам, обратился к народу и сказал: «Кто приготовился, я всех приобщу, — и, взглянув на меня, прибавил: — А кто и не приготовился, то хорошенько покайтесь от всего сердца и приступите к Святому Причащению». Сказал небольшое слово о том, как Господь милостив, что сколько бы мы ни грешили, Он нам все прощает, как только мы искренно, от всего сердца, покаемся; когда стал причащать, то, увидав меня, назвал по имени и причастил прежде других. Я почувствовала себя необыкновенно счастливой. Затем я прошла в игуменскую, и батюшка благословил меня; затем, выйдя в зал, он попросил находившихся тут епископов, преосвященного Гермогена и Серафима, благословить трапезу; дал им по стакану чая, взял и себе стакан, выпил глоточек, благословил, перекрестил стакан и, подавая мне, сказал: «Ну, выпей, Е. В., на здоровье! Я начал, а ты кончай». Я поцеловала протянутую ручку, а он особенно ласково улыбнулся. Потом батюшка скушал две ложки перлового супа, сказав, что это позволяет себе для подкрепления сил. Обратившись к преосвященным со словами: «Простите ради Бога, но я уже пойду отдохнуть», ушел. Я, получив благословение у преосвященных, вернулась домой и от всего сердца возблагодарила Господа, что удалось еще повидать батюшку.

24 ноября 1908 г.

Последнее свидание с дорогим батюшкой. Получила от него благословение приехать к нему сегодня. Взяв мою девушку, я в 7 часов утра выехала в Кронштадт. Приехали прямо к батюшке. Нас очень любезно встретила компаньонка матушки Елизаветы Константиновны, провела в гостиную и сказала: «Вы, пожалуйста, останьтесь у нас обедать. Батюшка сам вчера заказал для вас обед, сказав, что он желает в день вашего Ангела угостить вас. Он приготовил запасные Дары, чтобы причастить вас». Вскоре вышел дорогой батюшка из своей комнаты, и еще я не успела подойти к нему, как он уже ласково поздоровался, говоря: «Здравствуй, дорогая Е. В.! Поздравляю тебя с днем твоего Ангела!» Я поклонилась ему в ножки, а он сказал: «Этого совсем не надо». Когда я попросила его причастить меня и мою девушку, он спросил: «А ты приготовилась?» И на мой утвердительный ответ, ласково посмотрев, сказал: «С удовольствием приобщу», и так живо прибавил: «Ну, пойдем со мной», — и провел меня в спаленку. Взял Дары запасные, велел сделать поклон и, причастив меня, позвал мою девушку и причастил ее. Дал запивки, потом дал приложиться ко кресту. Батюшка выглядел страшно слабеньким; видно было, что ему тяжело держать крест. Затем он прошел с нами в столовую, моя девушка, поцеловав его ручку и поблагодарив, убежала на кухню. В столовой он сказал мне: «Дорогая Е. В., пообедай сегодня со мной». Я, поблагодарив его, попросила помолиться о болящем нашем протоиерее отце Д. Федорове; батюшка сказал: «Помолюсь, передай ему и его матушке мой поклон и сожаление об его нездоровье». Велел прислуге накрывать на стол, а сам ушел к себе. Пока прислуга накрывала, компаньонка привезла на кресле супругу батюшкину, которая тоже последнее время все прихварывает. Она ласково поздоровалась и поздравила меня с днем Ангела, сказав, что она так рада, что я день Ангела провожу с батюшкой. Тут пришел и батюшка и, так приветливо смотря на меня, сказал: «Ну, садись, дорогая моя Е. В., покушай со мной», и посадил рядом с собой. Тут еще было несколько лиц, которых

матушка пригласила к столу. Батюшка повернулся ко мне и с неописанной радостью сказал мне тихо на ухо: «Знаешь, дорогая моя, через три недели у вас наступит Рождество и торжество». Я с удивлением посмотрела на него, не зная, как понять, и видела, что его лицо как-то необыкновенно сияет. Затем батюшка прибавил, смотря на меня все тем же сияющим взглядом: «Поверишь ли, дорогая моя, что я ведь только и живу одними Святыми Таинами, если бы их не было, то я, наверно, уже давно не существовал бы. Сам налил мне тарелку ухи и подал мне. Затем налили шампанского. Батюшка поздравил меня и, пожелав здоровья, сам выпил. Затем, скушав несколько ложечек ухи, встал и, обратившись ко всем, сказал: «Вы, пожалуйста, кушайте, а я уже больше не могу», благословил меня и, так ласково посмотрев, ушел к себе. Мы окончили обед, все ушли, а я осталась с Елизаветой Константиновной и ее компаньонкой. Вскоре батюшка опять вышел к одной больной и спросил, что ей нужно. Она стала что-то объяснять непонятное. Батюшка сказал: «Я ничего не слышу, говорите громче!» Тогда она сказала, что у нее болит нога и ей нужно с ним поговорить. Он ответил: «Вы видите, я и сам еле живой, ничего не могу с вами говорить, простите и прощайте». Она ушла, а я подошла к нему и попросила благословения на обратный путь. Он ласково благословил, положил ручку на голову и сказал: «Поезжай с Богом, желаю счастливого пути; передай мое благословение отцу протоиерею, его супруге, скажи, что буду молиться, чтобы Господь послал ему здоровья; всем монахиням, моей племяннице и отцу Иоанну Николаевичу и всем живущим кланяйся, большое тебе спасибо, что ты посетила меня, — поцеловал в голову и смотрел на меня чудным, ласкающим взглядом. Наконец, когда уже я совсем выходила на лестницу, он сказал опять: — Прощай, поезжайте с Богом», и пошел к себе. Хотя я и чувствовала себя счастливой и довольной, что в день моего Ангела мне удалось повидать батюшку и причаститься у него, но сердце мое щемило какое-то грустное чувство и думалось, уж не последнее ли это свидание?

20 декабря 1908 г.

Сегодня сбылось батюшкино предсказание. Батюшка скончался. Все были удручены сильным горем, мы теперь остались как сироты без отца. Я, грешная, при всей грусти, что уже больше не увижу его, внутренне благодарила Господа, что он послал батюшке желаемое успокоение и избавил его от всех страшных мучений, каким он подвергался в особенности за последнее время своей жизни. Похороны его были такие необыкновенные, что вышло не печальное событие, а чрезвычайно небывалое торжество. Сам батюшка лежал в гробу как живой, только страшно худенький, ручки были мягкие. Мне удалось проститься с ним и поцеловать в последний раз его безценную святую ручку.



ИЕРОМОНАХ ВЛАДИМИР (МУСАТОВ)

Двадцать один год прослужил в Георгиевской церкви городе Ливен, Орловской губернии, иеромонах Владимир (Мусатов). Поступив в Киево-Печерскую лавру, он стал ее духовником.

Беседы, которые мы печатаем в нашем сборнике, были записаны одним из паломников, по просьбе которого отец Владимир отвечал на вопросы о путях спасения в миру, об основах христианства. Когда выяснилось, что эти беседы записывались, отец Владимир попросил тетрадь, исправил записи, а к записанным ответам присовокупил и некоторые ответы на вопросы иноков.

Возвращая тетрадь, отец Владимир попросил делать с нее список, что с усердием и любовью было исполнено. В 1855 году эти беседы были изданы отцом Владимиром отдельной книжкой.

1

Ученик: Как мне поступать, чтобы приобрести навык творить Иисусову молитву?

Старец: Опытом дознано, что ничто так не укореняет в человеке навыка к этой святой молитве, как основанное на вере крепкое убеждение в том, что только усиленным понуждением к непрестанному ее совершению удобно достигается эта спасительная цель. Поэтому должно с твердым терпением нудить себя во всяком состоянии духа и при всех делах произносить эту молитву, чтобы удобнее ей научиться. Сия молитва есть ключ к Царствию Божию; а Господь, Спаситель наш, изрек, что *Царство Небесное силою берется, и употребляющие усилие восхищают его* (Мф. 11, 12).

2

Ученик: Как поселить в душу свою *печаль ради Бога* (см.: 2 Кор. 7, 10) и чем оградить постоянное настроение себя в ней?

Старец: Много способствуют этому телесное воздержание, строгое рассуждение о своих деяниях и исследование своей жизни от самой юности.

3

Ученик: Что такое самолюбие, как оно возникает в человеке и чем истребляется?

Старец: Самолюбие в нас усиливается от недостатка самопознания, оно есть излишнее к самому себе уважение и возрастает в душе при невнимании нашем к себе и при внимании к льстивым похвалам от людей; корень его есть прирожденная нашей поврежденной природе гордость. Уничтожается самолюбие памятованием смерти, внимательным исследованием своих поступков, а паче представлением Страшного суда Божия.

4

Ученик: Чем разогреть хладную душу в отношении к духовным предметам?

Старец: Во-первых, представлением сладчайших плодов того мира духовного, который снискивается посредством подвига; во-вторых, познанием себя и светлым взглядом на природу; в-третьих, произвольным напряжением духа в исполнении заповедей и, наконец, в-четвертых, памятованием сокрытой в правосудии Божием вечной казни грешным и неизъяснимой небесной награды праведным.

5

Ученик: Подвизающемуся часто случается впадать в уныние, а от него порождается охлаждение не только к духовным, но даже и ко всем вообще предметам; каким образом побеждать его?

Старец: Дух уныния, при всяком удобном случае нападающий на подвизающегося, побеждается: во-первых, чтением душеспасительных книг, кои останавливают на себе внимание и согревают сердце; во-вторых, рукоделием, сопровождаемым молитвою Иисусовою; в-третьих, братским советом человека, опытного в духовной жизни и искусного в распознавании духов лестчих. Некоторые из подвижников при охлаждении духа старались приводить себе на память подвиги прежде их бывших отцов, прилагая скорби свои к их терпению, а от этого и снискивали себе утешение и поощрение к дальнейшим подвигам. Иные же дух уныния побеждали послаблением на некоторое время постоянного их воздержания. Они, этим способом убеждаясь в пустоте и суетности утешений жизни и самого даже позволительного развлечения, получали теплое расположение к вящим подвигам.

6

Ученик: Каким образом поступать, когда, бывая в кругу братии, не могу воздержаться от слов, а когда говорю, то хотя не намеренно, но кого-либо обижаю своими словами?

Старец: Кто неискусен в обуздании своего языка, тому более всего должно помнить произносимый Святой Церковью к Богу псаломский глас этот: *Положи́, Господи, хране́ние усто́м моим, и дверь огражде́ния о устна́х моих* (Пс. 140, 3). Притом, особенно начинающему жизнь духовную, надобно смиренно рассуждать в себе, что те, которые позволяют себе говорить, делают это в разуме духовном, и им это пристойно; а ты считай себя недостойным разговора с ними; когда же спросят тебя, отвечай с благоговением. Если ж и несмотря на это увлечешься когда-либо своей слабостью, кайся и старайся неотложно исправиться, зная несомненно, что неудержимое зло, язык, *исполнен смертоносного яда;* если же *кто не согрешает в слове, тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело* (Иак. 3, 8. 2).

7

Ученик: Как поступать, когда я соблазняюсь, видя, что другие вольно выражают свои мысли, или оскорбляюсь, когда не вижу у иных кротости в обращении с другими?

Старец: Уверь себя, что это тебе кажется так от невнимательности и нерассуждения твоего. Не должно никого осуждать, ибо ты не знаешь, с какою целью они это делают, равно, с какою целью и я с кем-либо так, а не иначе поступаю. Старайся более внимать себе, а не разбирать дела, обращение и поступки других. Ты пришел в училище самоотвержения исполнять повеленное тебе и потому не имеешь права судить, где, когда, как и с кем поступают. Для юных много непонятного в самых простых действиях старца, но для опытного подвижника очень ясны часто самые сокровенные побуждения труженика юного.

8

Ученик: Почему я не вижу от братии любви, когда желаю слышать от них наставление от словес Священного Писания?

Старец: Не может быть, чтобы у них не было любви — так должно думать. Если же ты не видишь в них любви, то потому, что ты сам в себе любви не имеешь; покажи прежде сам истинные признаки любви, а тогда увидишь, что любовь в них обитает и к тебе хранится обильно. Притом мы имеем заповедь Божию: любить чистосердечно ближних; а о том, чтоб имели мы право требовать от них любви, без любви к ним, нигде не сказано. А что они не могут, или, лучше сказать, не дерзают беседовать с тобой от Писания, то ты не должен искать этого с ревностью. Где смирение, там и простота, а эта отрасль Божественной мудрости не испытывает судеб Божиих: она только верой повинуется и до времени довольствуется теми понятиями, которые ей открывает вера. Знай, что Бог не будет судить послушника за то, почему он не богословствовал, но почему он не внимал себе. Если Богу благоугодно будет, то для их спасения Он откроет им тайны Своего смотрения; и разум, просвещенный светом Божиим, по

мере веры, выше всякого учения; ибо, и по естеству рассуждая, видим, что разум изобрел учение, а не учение породило разум.

9

Ученик: От чего происходит то, что я часто к советам старческим теряю веру и благоговение и что все, ими заповедуемое, кажется неудобным для исполнения?

Старец: Вера потеряна от подозрительности, благоговение — от дерзости, а недействие старческих назиданий на сердце бывает от того, что мы их слушаем только из любопытства. По своей пытливости ты блазнишься тем, что они решают твои вопросы самыми простыми понятиями. Оставь любопытство; храни умеренность в вопрошании; веруй, что Бог в лице других тобой руководствует; не высокомудрствуй; держись в простоте сердца послушания и будешь тогда ощущать совсем другое в душе твоей. Если же ты благоразумной простоты не имеешь, приобретай оную недоверием к себе и памятью о твоем намерении, с каким пришел ты в обитель, воспоминай тот жар, те расположения души, которые ты ощущал в самом начале твоего водворения в святой обители. Для истинного послушника, при Божией помощи, нет ничего неудобного: истинное самоотвержение всегда будет чувствовать спасительное иго легким. Если и бывают искушения, не малодушествуй, поскольку никакие искушения сами по себе не превышают даров Божественных, то есть сил и средств к преспеянию в добродетели; а потому желающий спастись вся может силой укрепляющего Господа Иисуса, и это столь священная истина, что в ней никто, имеющий сколько-нибудь живой веры, никогда не усомнится. Для маловерного и пылинка кажется горой, а для верующего и преставлять горы искушений весьма удобно и легко.

10

Ученик: Чувственная страсть ратует сильнее прочих на душу мою; какое бы найти удобнейшее средство к погашению ее?

Старец: Первое и обыкновенное средство к отсечению плотской страсти состоит в удалении предметов, разжигающих душу, равно как и строгое воздержание, соединенное с безмолвием. Трудно уцеломудриться среди соблазнов мира. Также памятование о своей тленности и скором приближении часа смертного к погашению ее очень полезно. Для многих, еще не познавших сладости целомудрия и не начавших чистой жизни внутренней, полезно может быть и представление пагубных последствий блудной страсти, которая, кроме всецелого отвлечения души от любви Божией (что гибельнее всякого греха), сама в существе своем гнусна. Как жалко видеть людей, прежде обладаемых ею, поверженными в неудобоцелимые болезни, или лишившимися ума, или изнуренными ревностью, пронзенными вероломством и изменой и мучающимися прежде смерти в адском огне отчаяния.

11

Ученик: Ищущие спасения часто смущаются желанием почестей и славы мира этого; каким образом предохранить себя и избавиться от сих суетных желаний?

Старец: Как многие древние отцы, так, подобно им, и в наши времена ищущие спасения находят действительными к истреблению тщеславия следующие средства. 1) Начинающий подвизаться непрестанно должен думать о себе, что он, не разумевая благодеяний Божиих, ежеминутно льющихся на него, вместо благодарности к Богу много погрешает пред Ним, почитая дарования Божии собственными своими, за что не похвалы, а порицания достоин. 2) Если он услаждается хвалой человеческой, то презирает Божии щедроты, коими награжден единственно по человеколюбию всех благ Подателя. Притом чаще представлять должно, что Тот, Который наградил оными, без сомнения, может и лишить их. 3) Хвала и честь, надмевающие мысль нашу, проистекают со стороны других более от лести, нежели от прямого к нам уважения, а потому достойны быть отвергаемы, как дары, подносимые с лукавством и не от искреннего сердца. 4) Многие отцы убегали чести и славы и, будучи возведены на высоту почестей,

равнодушно их с себя слагали. Так, Исаак Сирин, пробыв полгода епископом, ради смирения оставил сан этот и удалился на безмолвие; так святой Ефрем Сирин, когда хотели против его воли возвести его в сан архиерейства, притворился юродивым; так Дамаскин, ученый, мудрый и сановный муж, охотно променял всю славу свою на самое строгое послушание простому иноку.

12

Ученик: Как побеждать иноку леность к спасительным подвигам?

Старец: Принявший чин иноческий должен помнить, что он при торжественном собрании Ангелов и человеков, в присутствии Самого Бога, добровольно произнес обет быть готовым к исполнению всякого дела благого и должен крепко содержать в памяти своей оный день святых обетов. Воспоминание об этом, обнимая более и более всю душу и мысли подвизающегося, породит ревность к стяжанию дел благих и изженет всякую тяжесть и обленение духа. А чтобы тяжесть плоти не отнимала у духа бодрственности — для этого нужно самое умеренное употребление пищи, пития и удаление от людей, ищущих телесного наслаждения.

13

Ученик: Чем ободрять себя при трудности в прохождении подвига?

Старец: Опытом дознано, что против всякого рода скорбей, облежащих душу, полезнейшее врачевство есть благоговейное размышление о спасительных страстях Иисуса Христа, Искупителя нашего. Воспоминай постоянно: предание Его иудеям руками неверного ученика, премудрое и смиренное молчание на суде пред Пилатом, жестокое ударение по ланите, безчисленные раны, на Пречистое Тело Его наложенные, возложение на главу тернового венца, пригвождение ко Кресту и прободение ребр; представляй, что все страдание Его сопровождалось совершенным терпением и окончено молитвой о врагах, ясно показавшей крайнее Его незлобие. Мысль

скорбящая, направляясь по спасительным следам Распятого за нас Господа, конечно, скажет всякому: «Безконечно малы страдания твои в сравнении со страданиями Всесладостнейшего Иисуса».

14

Ученик: Чем предостерегать душу от пристрастия к тленным вещам?

Старец: Благоговейным и благодарственным размышлением о даруемом благодатью величии души своей и многоценности ее в очах Божиих. Представь себе, как на картине, обширность земли и рассмотри безпристрастно вещества, наполняющие ее: сколь они ничтожны покажутся тебе в сравнении с достоинством души человеческой, возведенной Божиим человеколюбием, священнотайне, до степени совершенства равноангельского. Из этого увидишь, что всякая вещь до крайности малоценна пред высоким благородством души христианской. *Какая польза человеку*, — говорит Господь наш, — *если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мф. 16, 26). Если ж это так, то подумай — несравненно худшее недостойно быть любимо пред драгоценнейшим и без сравнения лучшим, то есть тленное вещество пред нетленной и безсмертной душой. Поэтому правильная любовь к своей душе требует ревновать о дарованиях и благах духовных, для спасения нашего полезных, а не увлекаться пристрастием к тленным вещам, не могущим насытить безсмертную душу.

15

Ученик: Что должно делать, чтобы удержать на более продолжительное время теплоту, ощущенную в душе по действию Божией Благодати?

Старец: Полезно исследовать и внешнюю вину возникшей теплоты; если она окажется порожденной или посредством благочестивого размышления, или через какую-либо благую деятельность, то устремить все внимание к расширению деятельности. Но поскольку, во всяком случае, ощущаемая душой теплота возрастает по действию на душу нашу

Божественной Благодати, то как можно более надлежит смиряться, признавая себя не по достоинству, но туне приявшим толико драгоценный дар Божий. При этом нужно заметить, что часто получаемая теплота духа охлаждается в нас и оттого, когда, ощутив ее, мы приписываем к числу плодов нашего подвига. Наконец, для поддержания теплоты духовной полезно и то, чтоб блюсти великим хранением свое сердце от страстных помыслов и печалей житейских, при усилении коих любовь чувственная, преодолевая небесную, удаляет сердце от Сладчайшего Иисуса. Далее, если кто ощутил, хотя однажды, восхищение духа, при охлаждении душевном может согревать себя и приведением на память тех златых минут, кои разверзали в душе его небесный мир, не говоря уже о том, что Божественное рачение при твердой надежде на Божественную помощь всегда сильно возгревает духовный огонь в сердце нашем.

16

Ученик: Чем согревается охладевшая душа?

Старец: Словом Божиим, молитвой, смиренным, покаянным и благодарным в отношении к Богу чувствованием сердца во всех изменениях, не только внешнего состояния, но и внутреннего.

17

Ученик: Каким образом поступать, когда случится быть в обществе таких, которые в разговорах между собой повествуют иногда о происшествиях, слыша о коих трудно одержать победу над смехом?

Старец: О словах их должно думать так: я не понимаю по скудоумию моему, что и на какой конец они так говорят, а не зная их цели, не должно смеяться. Если же нечаянно и невольно осклабишь лицо свое, обвиняй самого себя, помня истинные свидетельства святых отцов, что ничто так «не разрывает цепь добродетелей и любви евангельской, как смех и смехотворство». Как кружение скверных мыслей во внутренней на-

шей храмине лишает душу присутствия благодати, так упражнение в смехе и склонность к нему удаляют от нас Ангела-хранителя. У изыскивающего повод к смехотворству добродетели бывают тщетны, вокруг каждой обвились какие-либо блазненные помыслы, и сушат корни ее душевные какие-либо пороки; ограда бодрственности и мира разрушается. Сам Господь наш, Спаситель мира грозит вечной горестью любящим смехотворство: *Горе вам, смеющиеся ныне!* (Лк. 6, 25).

18

Ученик: Как избавиться от необыкновенно сильных ощущений сладострастия не только в присутствии лиц женского пола, но и при случайном воображении о них?

Старец: При виде жен должно хранить ум и чувства от всякого развлечения и движений нескромных, особенно ничего не должно говорить без осмотрительности и скорее удаляться из их собрания. Если же блазнит подвижника воображение, воспламеняемое демонской лестью, то нужно удерживать порывы мыслей и с благоговением ограждать себя крестным знамением. Для предохранения себя от плотских и мысленных сладострастных волнений полезна благоразумная во всем умеренность; но первее и более всего должно умолять Господа Всемогущего о защите от нападения на нас лютейшей этой страсти, ибо человек сам собой никогда ее не искоренит. Но при нашем произволении и молитве Бог Премилосердый угашает порывы этого пламени тихим наитием Своей Благодати.

19

Ученик: Когда мой ум насильно влекут за собой помыслы сладострастные, как избавиться от нападения их?

Старец: Если, по демонскому насилию, поползновенный твой ум обуяли сладострастные помыслы, то сойди мыслью твоей в преисподнюю и при свете Божественного Писания, равно и некоторых тайнозрителей, посмотри там на мучения плотоугодников. Ужели ты пожелаешь за временную сладость

греха ужаснейшей вечной погибели? Помни непрестанно час смертный и страшное безобразие разрушающейся тогда нашей телесной красоты. Смиренно проси Бога Помощника, да отразит разжженные эти стрелы врага, неукротимо бунтующего против законов нашего духа.

20

Ученик: Какое средство употреблять против помыслов, сильно влекущих меня к осуждению ближнего, и особенно того, который и меня, и других братий чувствительно оскорбляет и которого поступки кажутся несообразными званию о Христе и дерзкими?

Старец: При появлении помыслов, побуждающих тебя к осуждению ближнего за нанесенную им тебе обиду, когда рассвирепевшая буря мысли устремится к отмщению, сообрази состояние скорби твоей с бывшим состоянием скорби Спасителя мира. Этот Великого Совета Ангел, Сын Божий, будучи без греха, терпел от грешников величайшее поругание и скорби; не тем ли более должны терпеть горесть и оскорбления мы — люди грешные, достойные наказаний. В подобных случаях мы должны сами обвинять себя за нашу гордость, нетерпение и преступную слабость и леность в подъятии первых подвигов крестоношения, на которые призывает всех Господь наш и к которым обязались мы обетом. Оружием самоосуждения мы должны сражаться с возмутителем духа нашего, невидимым филистимлянином, окрадывающим богообразный кивот души нашей. Того, напротив, который наносит нам оскорбления, мы должны почитать благодетелем нашим, ибо, если терпеливо примем обиду, это послужит для души благоприобретением. Таким образом, когда мы будем почитать обижающих нас благодетелями и когда начнем приучать себя к самообвинению, тогда приметно успеем в образовании внутреннего нашего человека; тогда сердце наше, с помощью Вышнего, может сделаться мягким и кротким и дух наш соделается вместилищем благодати и мира духовного. Тогда душа почувствует такой мир, которого мы прежде не ощущали или вкушать не могли. Этот-то

мир будет просвещать разум подвижника; заря кротости духовной прольет лучи свои на ум, слово, чувство и видение. Когда же разум не будет мрачен, тогда он удобнее может отразить зло, покорить и посвятить сердце всему тому, что только спасительно; напрасные от других огорчения тогда будут казаться уже радостными и приятными.

21

Ученик: Когда никакая святая мысль и представление не действуют на сердце раздраженное или предавшееся нечувствию, что должно делать, чтобы умягчить его?

Старец: Должно уединиться, принудить себя к молитве, к излиянию души пред Богом. Когда несколько умягчится душа, тогда должно изыскивать причину такой хладности. Если возникло нечувствие духовное от неудовлетворения какой-либо страсти, то презри движение страсти и удали от себя предмет, ее разжигающий; а когда это столь горестное ожесточение водворилось от непроницаемых причин, то более проси Всеведущего Господа, да отразит Благодатью Своею все страстные прилоги и теплотой ее да согреет охладевшее сердце твое.

22

Ученик: Ощущая в себе не только склонность, но и самые действия тщеславия и желая от оного избавиться, каким образом могу успеть в том?

Старец: Можешь успеть в том, если будешь искренно продолжать послушание, ибо тогда не будешь ни в чем настоятельно склонять старших к соглашению с твоей волей и выискивать их благоволение к себе. Паче же можем успеть в том, если в духе сокрушения и совершенном сознании немощей своих совершенно повергнем свое ничтожество пред Богом; тогда всемогущая Благодать Его не оставит тебя страдать неисцельно этим недугом и ты возможешь, со временем, избавиться от тщеславия. Сия страсть от юности до преклонных лет, нередко и до самого гроба обдержит человека; она не

только преуспевающих, но иногда и совершенных преследует, почему и требует со стороны человека немалой осмотрительности. Лишь безстрастный Творец может в нас искоренить ее. О, коль трудно душе избегнуть этого яда, убивающего плоды и самых зрелых добродетелей!

23

Ученик: Я весьма желаю исправить себя, но увлекаюсь стремлением страстей. Что должно делать для преодоления их?

Старец: Желай исправиться, и Бог Всемогущий даст тебе по сердцу твоему, ибо начало добродетелей в источнике их есть расположение, желание добра о Господе. Страсти человек должен обуздывать, но победить их сам собой не может. Это дело десницы Вышнего, произведение Его Божественной силы. С нашей стороны должно только неослабно хранить данное нам от Бога святое произволение и по оному прилагать старание достигнуть святой области безстрастия, а Вышний, без сомнения, увенчает успехом подвиг желающего. Итак, если желаешь воспрянуть от омертвения страстей, то имей о том всегда внимательную мысль, попечение, неуклонную деятельность и ревность; веруй и уповай на Могущего показать силу Свою в немощах наших, Благодатью Своей, Бога — и спасешься.

24

Ученик: Каким образом избавиться от рассеяния мысли во время молитвы?

Старец: Моляся устами, молися и умом, то есть устремляй ум в силу слов молитвы. Если по немощи или прилогу вражью увлечешься среди молитвы размышлением о каком-либо предмете, то, ощутив свою неосмотрительность в том, воздохни с сокрушением ко Господу и с большим жаром углуби свое внимание в молитву; всегда поступай так и ощутишь пользу. Постоянство ума и бодрственность привлекают в душу особенные дары благодати.

25

Ученик: Ужасным образом побеждает меня леность. Как избавиться от нее?

Старец: Если ты нерешительно будешь сражаться с леностью, то никогда не победишь оной; а коль скоро восстанешь против нее с твердым намерением, хотя и не без внутренней болезни, то с помощью Божией можешь одержать над ней победу. Отражать врага есть знак верного и доброго воина, но обращать хребет свойственно одному ленивому и недостойному оруженосцу. Человек до гроба должен наблюдать за собой относительно этого порока, чтобы не услышать в последний день ужаснейшего определения Сердцеведца. В Писании сказано, что верному до смерти даст Господь венец жизни (ср.: Откр. 2, 10). Значит, дается венец только тому, кто выходит на борьбу с твердым намерением вести брань до последнего издыхания, не оставлять оружия даже в минуту самых ужасных опасностей и не предает сердца своего врагу. Таковой хотя и бывает иногда повержен, однако не ослабляет своего священного рвения и никогда не теряет надежды; а потому, успевает или не успевает, за одно свое намерение и непреклонность венчается, как добрый воин, стремившийся к небесной почести.

26

Ученик: Как избавиться от угнетения духом уныния?

Старец: Вероятно, ты увлекаешься к нему собственной волей. Если оставишь самораспоряжение и будешь исполнять предприятия и дела с благословением, то с благословением и пожнешь мир душевный и прочие плоды Святого Духа. Если оставишь совершенно свою волю, то никогда не будешь ощущать невыносимой тяжести уныния. Свирепеющие волны страстей утихнут; на их месте возникнут: ясность мыслей, тишина помыслов, кротость духа, нелестная любовь, которые приосенят тебя и водворятся в душе твоей. Если ты сохранишь в подвигах послушания непрерывное внимание и неослабное самонаблюдение, то уподобишь-

ся мудрым девам и внидешь в чертог безсмертного Жениха. Жених грядет в полуночи! Блюди же, да не отягчишь сердце твое унынием. Воздайте славу Господу Богу вашему, *доколе Он еще не навел темноты* (Иер. 13, 16). Гряди, во имя Господне, путем самоотвержения, если желаешь истинно спастись. Уныние преследует всех, даже в великих подвижниках может оно погубить спасительные плоды трезвения; поэтому нужно внимание к себе и постоянство на пути подвижничества. Кто отвергся себя и стезею послушания идет с упованием на Бога, тому о чем унывать? В таковом иноке *врагу оскудéша орýжия в конец* (Пс. 9, 7).

27

Ученик: Я не довольно понимаю силу покаяния и желал бы выслушать о нем твое наставление.

Старец: Покаяние есть врачевство, грех истребляющее; оно есть дар небесный и сила чудесная, которая, по милости Божией, силу возмездия за преступление закона превозмогает. Вот почему оно не отвергает блудника, не отгоняет прелюбодея, не отвращается пьяницы, не гнушается идолослужителя, не презирает укорителя, ни хульника, ни гордого, но всех переменяет, ибо покаяние есть горнило, всецело очищающее грех. Настоящая жизнь наша есть время покаяния. Великая опасность предстоит нам, обремененным грехами, если покаянием не предотвратим вечного наказания, *не предварúм лицé Его в исповéдании* (Пс. 94, 2) и не угасим пожар греховный слезами раскаяния и умиления. Велик огонь греха, но угашается слезами.

28

Ученик: Сколько нужно употребить времени для принесения истинного покаяния?

Старец: Бог не требует долгого времени к покаянию. Грешник как только в истинном сокрушении объявил грех свой, так и оправдался, как только искренно покаялся, так и помилован стал. Не время удовлетворяет Божией правде, но усер-

дие кающегося уничтожает грех; ибо возможно в долгое время провождающему покаянную жизнь не получить спасения и в кратком времени искренно покаявшемуся освободиться от греха.

29

Ученик: Для чего Бог долготерпит нашим грехам?

Старец: Бог долготерпит, чтоб согрешающий покаялся. Апостол Петр пишет: Господь... *долготерпит нас, не желая, чтобы кто погиб, но чтобы все пришли к покаянию* (2 Пет. 3, 9).

30

Ученик: Всю жизнь во грехах провел я и, если покаюсь, буду ли спасен?

Старец: Конечно, будешь; только веруй в крестные заслуги Сына Божия и надейся на Его человеколюбие. Поелику покаяние привлекает милость Божию, а человеколюбие Божие безмерно и Благость Его неизреченна. Злоба наша имеет меру, а преизбыток благодати спасающей меры не имеет: каков бы ни был грех наш, он есть грех человеческий; и неизреченное милосердие Божие всегда сильно преодолеть злобу нашу, в какой бы степени она, по нашей немощи, ни развилась. *А когда умножился грех,* — говорит святой апостол, — *стала преизобиловать благодать* (Рим. 5, 20). *Оставаться ли нам в грехе, чтобы умножилась благодать? Никак* (Рим. 6, 1).

31

Ученик: Можно ли спастись и в мире или для этого непременно нужно удалиться в монастырь?

Старец: На вопрос этот отвечать тебе нелегко; знай только, что не место спасает человека, но добронравие и сердечное произволение. Адам, живя и в раю, согрешил, а Лот и в Содоме спасся; Иов на гноище заслужил оправдание, а Саул, и находясь в царских чертогах, лишен царствия настоящего и будущего. Спастися убо возможно на всяком месте и при всякой доле, по судьбам Всевышнего нам доставшейся.

32

Ученик: Кого из грешников Бог наипаче отвращается?

Старец: Надменного нищего, лживого богача и старика-прелюбодея (Сир. 25, 4). Отвращается еще и памятозлобного человека, надменного сердца и гневливой души. Хотя бы мы были и довольно праведны, но и если памятозлобствуем, то все дела наши тщетны и безплодны и спасения получить не можем. А потому всякую вражду непременно должно уничтожать и всегда *иметь мир* и любовь *со всеми, без которых никто не увидит Господа* (Евр. 12, 14).

33

Ученик: Возможно ли не употребляющему вина быть пьяну, а пиющему вино иметь трезвость?

Старец: Возможно, ибо в Писании упоминается *опьяневший, но не от вина* (Ис. 51, 21). Без вина упивается тот, кто не оставляет исступление и не удерживает буйство страстей благочестивым рассуждением. Можно и употребляющему вино быть трезвым душой и добрым во всех душеспасительных делах: ибо, если бы это было невозможно, святой апостол Павел не дал бы святому ученику своему, апостолу Тимофею, такого совета: *употребляй немного вина, ради желудка твоего и частых твоих недугов* (1 Тим. 5, 23). Ибо пьянство не что иное есть, как исступление естественного ума, превращение сердца, оскудение смысла, лишение разума; все оное не от одного винного пьянства происходит, но и от пьянства ярости и непорядочного похотения.

34

Ученик: Что есть добродетель человека, а паче монаха?

Старец: Добродетель человека есть любовь к Богу, знание себя самого и честность в отношении к ближним. Потому не составляют оную ни богатство, да не боимся нищеты, ни здравие тела, да не страшимся болезни, ни народное мнение, да не вменяем в безчестие злословие, ни жизнь, да не ужасна будет смерть. Безпристрастие ко всем вещам есть добро;

а потому уклонившийся Господа ради от мира уже более не должен прилепляться к мирским вещам, потому что исчезнувшие страсти удобно опять возвращаются в человека.

35

Ученик: Что необходимо оставляющему мир для блага души?

Старец: Оставляющему мир для блага души необходимо избрать для жительства такое место, где нет суетных утешений и нет пищи для тщеславия и гордости. Если же останемся с теми же страстями, как и прежде, то подобно птицам с места на место перелетать токмо будем, нисколько не сокровиществуя благ духовных, необходимых для вечного нашего спасения. В избранном месте полезно также скрывать свое благородство и не величаться ни богатством, ни знатностью.

36

Ученик: Во избежание неприятностей, позволительно ли монаху перейти в другой монастырь?

Старец: Непостоянство сердца и перемена мест не из послушания привлекают к монаху соблазны и бедствия. Склонные к перехождению с места на место часто сами не знают, чего ищут. Если они ищут, как и подобает монаху, подвигов самоотвержения, то зачем бегут от них? Если ж они ищут убежать от них, то где с ними не встретятся? Для монаха место или обитель, в коей он обитает, да будет гробом, а из гроба никто до общего воскресения не исходит. Знай притом, что когда мы, намереваясь перейти с одного места на другое, чувствуем внутри себя борьбу, то это да будет знаком, что на прежнем месте наше служение было угодно Богу.

37

Ученик: Что должно думать иноку о наносимых ему от других оскорблениях?

Старец: О наносящих оскорбления должно думать как о наших друзьях, содействующих нашему улучшению, а об оз-

лоблениях, наносимых ими, надобно знать, что они очищают нашу душу от страстей. Часто люди, когда кого в лицо бранят обидными словами, чрез это открывают его недостатки и таким образом возбуждают в нем желание исправиться.

38

Ученик: Как поступать с клевещущим на ближнего своего?

Старец: Никогда не должно слушать клевет и уважать того, кто клевещет на ближнего; лучше сказать таковому: «Перестань, брат, я сам ежедневно еще в тягчайшие сих впадаю грехи, а потому не могу и не должен никого осуждать». Сими словами, как целебным лекарством, исцеляются две болезни — своя и клевещущего.

39

Ученик: Почасту против воли моей бываю многоречив. Чем победить этот недуг души моей?

Старец: Познанием того, что многоглаголание есть знак невежества, истребление сердечного умиления и рассеяние мыслей. Любящий ходить по распутьям выгоняется из храмины души своей своим же многоглаголанием. Редкие могут удержать воду без плотины, редчайшие — обуздать уста свои невоздержные. Молись со усердием Богу: *Положи́, Господи, хранение устом моим, и дверь ограждения о устна́х моих!* (Пс. 140, 3). А притом знай, что только изнуривший свое чрево силен заградить уста свои. Ибо от невоздержания в пище и питии усиливается язык; а потому всеми силами должно сражаться с чревом своим, побеждать его и всячески трезвиться.

40

Ученик: Нередко преступаю меру в употреблении пищи. Каким образом от этого избавиться?

Старец: Чревообъедение и неумеренность есть причина многих зол наших и елей для пламени страстей; оно было причиной падения Адамова, погибели Исава, пагубы израильтян, обнажения Ноя, истребления Гоморрского, кровосмешения

Лота и смерти сынов Илия первосвященника. Во всю жизнь свою не должно верить воплям бренной своей плоти, ни надеяться на воздержание, требуемое природой телесной; не должно думать, что мы по причине своей осторожности не можем впасть в излишество. Только пост и молитва суть действительные средства к возвышению духа и его бодрственности в обуздании плоти.

41

Ученик: Что наиболее может смирять мою надменность?

Старец: Ничто так смирить нас не может, как искреннее послушание и убожество, ибо тогда только являем мы себя прямыми боголюбцами, когда и можем выситься, но всемерно убегаем всякой высоты, представляя свою духовную скудость, а все свои добрые успехи приписывая Благодати Божией.

42

Ученик: Не могши иногда победить себя самого, думаю, что в настоящее время и люди стали не таковы, какие были в древности. Непогрешительно ли мое мнение?

Старец: Время всегда одинаково, равно и природа людей одна. На людей не время действует или споспешествует развитию сил духа, а произволение и собственное их сердце: потому что кто истинно и вправду хочет спастись, того ни время, ни место, ни обстоятельства жизни, одним словом, ничто не совратит с евангельского пути. Бог всегда был, есть и будет Богом спасения; так же были, есть и должны быть, до последнего дня, люди ангельской чистоты. Мир не мог бы стоять, если бы во всяком роде и в каждом периоде времени не было таких людей, которые силой молитв своих служат оплотом человечества и ходатайствуют пред Божиим милосердием за грешных собратий.

43

Ученик: Видя странников в нашей обители, почасту увлекаюсь мыслями посетить святые места. Не противно ли это желание, а паче исполнение оного обетам монашества?

Старец: Никакое дело святое, предпринимаемое с чистой

и святой целью, не противно обетам монашества. Кто ради спасения своей души странствует по святым местам, тот получает великую пользу. Он молитвой своей ко святым, именами которых прославлены самые места их земного жительства, снискивает себе в них сильных помощников и теплых предстателей пред Богом и здесь, и в день последнего Суда. Примеров таковых странствований имеется безчисленное множество в истории святых.

44

Ученик: Из числа многих книг, имеющихся у тебя, отче, какая полезнейшая для чтения моего?

Старец: Самая лучшая книга для чтения твоего есть скрижаль послушания; в ней все написано для твоего спасения, именно: пост, вретище, пепел, слезы, исповедь, молчание, смирение, бдение, мужество, мороз, труд, бедствие, уничижение, сокрушение, непамятозлобие, братолюбие, ласковость, простая и нелюбопытная вера, небрежение о мире, оставление его благ, безстрастие, простота с незлобием, самопроизвольное презрение себя. Кто успешно изучает эту скрижаль, тому не вредна никакая книга, исполненная мудрости и читаемая смиренными подвижниками.

45

Ученик: Не от коварства ли злых духов я столь непостоянен при всем моем старании об исправлении себя?

Старец: Многообразно и непонятно злых духов коварство, и немного таких, кои не неразумевают помышлений сатанинских; ибо отчего это бывает, что мы иногда, постясь и плоть свою изнуряя, бедственно в сон погружаемся? Или каким образом, будучи в безмолвии, ожесточаемся, а в обращении с людьми умиленны бываем? Когда бываем тощи, во сне искушение претерпеваем, а когда пищей удовольствованы, без искушения остаемся? В молитве являемся рассеянны и жестокосерды, а когда бываем в умилении, внутренно этим превозносимся? Да внимаем себе, чтобы не быть нам поруганными от исконного врага нашего.

46

Ученик: Как избавиться мне от застарелых привычек?

Старец: Как змее не можно совлечь с себя старой своей кожи, если она не проползет сквозь тесную скважину или ущелье, так и мы застарелых своих к грехам привычек и греховной одежды ветхого человека совлечь с себя не можем, если не будем ходить по тесному и прискорбному пути пощения и самоотвержения.

47

Ученик: Когда молюсь Богу, смею ли пред Ним желания души объяснять своими словами?

Старец: При молитве не должно мудрствовать своими словами, но и нельзя возбранять устам словес, истекающих из чистого и распаленного молитвой сердца; ибо часто простой и нехитростный детский лепет Отцу Небесному бывает приятен. Также многоглаголание при молитве не пользует, ибо Божественное Писание очевидно уверяет, что и мытарь умилостивил Бога, и разбойник спасся кратким речением, с верой произнесенным.

48

Ученик: Если кто просит меня помолиться о нем, имею ли право отрицаться, чувствуя мое недостоинство?

Старец: Когда просят нас молиться о спасении другого, то мы не должны отрицаться, хотя и не стяжали еще дара молитвы. Ибо часто вера того, который просит, спасает его при его старании исправить свою жизнь.

49

Ученик: Чему подобны души зараженных страстями?

Старец: Души зараженных страстями подобны различным водным вместилищам: души чревоугодников и винопийц подобны водам грязным и зловонным, а души сребролюбцев и любостяжателей — водам, наполненным жабами и разными кровожадными насекомыми; души гордых и завистливых по-

добны водам, в которых витают змеи. Гордый разум подобен гнилой воде: никому не хочется почерпать оттуда, по причине горести нрава и зловония нечистых дел.

50

Ученик: Чему подобен человек жизни развратной и словами увлекающий к соблазну?

Старец: Когда увидишь кого-либо по жизни развратного, а по словам соблазнительного, вспомни о змие, о котором Писание говорит: *Змей же был мудрее всех зверей, сущих на земле* (ср.: Быт. 3, 1), и не последуй, подобно Еве, его злым обаяниям. Эта мудрость и ему во вред, потому что не сопутствуется добродетелью и должна устрашать всякого невинного и неопытного как самая губительная, смертоносная язва.

51

Ученик: Нужно ли стесняться иноку, когда он при всем своем добром поведении не достигает заслуженной почести?

Старец: Нисколько не нужно, ибо честь не в нашей власти; в нашей власти только возможность сделаться ее достойными. Лучше стараться о том, чтобы быть достойными истинной похвалы от братии, избегая всячески гласного изъявления оной. Ничто не делает нас более достойными чести, нежели равнодушие ко мнению людей, соединенное с пламенным желанием поступать правдиво и делать добро. Поэтому должно учиться быть добрыми и достойными чести и вместе равнодушными к ней.

52

Ученик: Хорошо ли бы было, если б духовные отцы, увлекаясь ревностью, стали объявлять всенародно грехи, им наедине исповеданные?

Старец: Духовные отцы не должны объявлять преступлений грешника, чтобы не отнять у него последнего средства ко спасению, поселив в нем боязнь к святому Таинству Покаяния, и чтобы выше силы не обличить его тогда, когда он после подробного грехов своих исповедания непосред-

ственное получает прощение в них из уст самого же отца духовного.

53

Ученик: Следует ли желать, чтобы начальник под видом человеколюбия и кротости снисходил к порокам своих подчиненных?

Старец: Кто из настоятелей под видом человеколюбия и кротости снисходит к порокам своих подчиненных, тот потворствует и прельщает их, а не пользует, ибо для засыпающей во грехе совести своим потворством уготовляет мягкое возглавие.

54

Ученик: Святые мужи не ощущали ли иногда упадок любви один к другому?

Старец: Любовь их взаимная *никогда не перестает* (1 Кор. 13, 8). Но для усовершения искушаемых в терпении, братолюбии и самоотвержении и праведные мужи, при чудном сплетении обстоятельств и недоразумений, при вмешательстве чужих нечистых страстей, несмотря на то что одушевлены любовью, смирением, безусловным послушанием воле Божией и безкорыстным служением благу своих ближних, входили иногда в разногласие между собой, не выходя, однако, из своего незлобия и искреннего благожелательства. Это, впрочем, есть один из высших крестных подвигов мужей высокой святости, недоступный плотскому суду и разумению человеческому.

55

Ученик: Желательно мне стяжать добродетель; что для этого нужно?

Старец: Кто хочет стяжать добродетель, тот прежде должен возненавидеть противное ей зло. Итак, если ты хочешь иметь печаль о Бозе и плач, должен возненавидеть суетные радости и смех. Хочешь ли иметь смирение? Возненавидь гордость. Хочешь быть воздержным? Возненавидь пресыщение. Хочешь быть целомудренным? Возненавидь сладострастие. Хочешь быть милостивым? Возненавидь сребролюбие.

Желающий жить в пустыне, подвизаться в безмолвии пусть возненавидит суету и гордость житейскую. Желающий не развлекаться пусть пребывает в уединении. Желающий удержать язык пусть заградит уши свои, чтобы не слышать многого. Желающий всегда иметь страх Божий пусть возненавидит самомнение и тщеславие, возлюбит скорби и тесноту и тогда искренно может служить Богу.

56

Ученик: Тревожит меня иногда мысль, что напрасно я удалился от мира и что спастись в монастыре не могу. Чем удалить ее от себя?

Старец: Кого смущает помысл, что он напрасно отрекся от мира и не может спастись в монастыре, да знает таковой, что хотя грехи наши и препятствуют нам войти в обетованную землю, однако же лучше прешельствовать в пустыне, чем возвратиться в Египет.

57

Ученик: Какой верный путь ко спасению?

Старец: В каком бы кто состоянии ни жил, всякий по вере в заслуги Христа Спасителя, при помощи Его Божественной Благодати будет идти ближайшим путем спасения, если он будет следовать примеру святых отцов; и если он до конца пребудет в истинной вере, любви и уповании на Бога, то придет наконец туда, где все лики святых отцов, и будет участвовать с ними вечно в радостях небесных.

58

Ученик: Чего нет труднее для монаха?

Старец: Самая труднейшая добродетель в подвижничестве — молиться Богу непрестанно. Когда только захочет человек молиться, враги стараются отвлечь его, ибо знают, что ничто так им не противодействует, как молитва к Богу. Во всяком подвиге, какой бы ни предпринимал человек, после усильного труда он получает успокоение, а молитва, хотя и доставляет по временам небесные и святые утешения, но до последней минуты жизни

подвижника требует от него бдительности. Чтоб неослабно иметь побуждение к молитве, инок должен непрестанно внимать себе и обличать душу свою, говоря: «Увы мне! Как я предстану на Суд Христов и чем буду оправдываться пред Ним?» Если всегда будет так размышлять, может спастись.

59

Ученик: Что потребно, чтобы Бог услышал молитву мою?

Старец: Кто хочет, чтобы Бог услышал молитву его, тот, когда станет пред Ним и прострет к Нему руки свои, прежде всего, даже прежде молитвы о душе своей, должен от всего сердца молиться о врагах своих. За это доброе дело Бог услышит его, если предмет молитвы угоден Ему.

60

Ученик: Могу ли я иметь какое стяжание?

Старец: Сокровище твое да будет произвольная нищета, а драгоценное украшение — послушание. Кто имеет послушание, тот будет услышан Богом и с дерзновением предстанет пред Распятого, ибо воплотивыйся Господь был *послушным даже до смерти* (Флп. 2, 8).

61

Ученик: Какие подвиги особенно Богу приятны?

Старец: Три эти подвига многоценны пред Богом: во-первых, когда человек, впадши в напасть и подвергаясь новым искушениям, принимает их с благодарением; во-вторых, когда кто старается, чтобы все дела его были сокровенны от людей и чисты пред Богом и не имели суетных побуждений; в-третьих, когда кто пребывает в послушании своему духовному отцу и отказывается от всех своих желаний. Последний получает один лишний венец против прочих.

62

Ученик: В чем состоит ежедневная обязанность инока?

Старец: Инок должен каждодневно вечером давать себе отчет в том, какие дела о Бозе совершил он из числа тех,

которых требует от нас Бог, и не допустил ли каких из числа тех, которые Бог запрещает; так он должен проводить всю свою жизнь. Его обязанность — стараться каждый день стоять пред Богом и молиться Ему так, как бы он был пред Ним лицем к лицу. Не предписывать самому себе произвольно измышленных заповедей и никого не осуждать. Ему должны быть чужды клятвопреступление, ложь, проклятие, обида и смех.

63

Ученик: Что побуждает живущих в пустыне иноков непременно каждую субботу и воскресенье приходить в церковь?

Старец: В Писании сказано: *Имже о́бразом желáет елéнь на истóчники водны́я, сúце желáет душá моя к Тебе, Боже* (Пс. 41, 2). Олени в пустыне едят много змей, и потом, когда яд змеиный начнет жечь их, они быстро бегут к воде, и, когда напьются, воспаление от яда проходит. Так и иноков, живущих в пустыне, жжет яд злых помыслов, внушаемых бесами, и они с нетерпением ждут субботы и воскресенья, чтобы идти на источники водные, то есть приступить к Телу и Крови Господней, чтобы очиститься от скверн лукавого.

64

Ученик: По совету твоему, отче, я пощусь; но неужели до гроба должен нести я это послушание?

Старец: В пустыне поста нет постоянного жилища, стремись вперед, доколе не достигнешь земли обетованной — духовного безстрастия и единения с Богом. Встретятся воды Мерры — уныние, душевная тягость и горечь? Повергай в них древо креста — живое размышление о страданиях Господа, за нас подъятых, — и горечь усладится. Нападут амаликиты — темные помыслы, нечистые пожелания? Простирай руки, подобно Моисею, во образ креста, к Спасителю, — и враг отразится. Будут угрызать змеи — внешние соблазны от мира и плоти? Паки подобно израильтянам, исцелявшимся от воззрения на вознесенного в пустыне змея, взирай на древо креста — и силой Распятого на нем исцелится всякая язва. Мы

считаем дни говения, а там, на небе, уже сочтены дни нашей жизни. Будем бодрственны в подвиге, ибо мы трудимся ради своего спасения. Придет время, когда за день люди заплатят веком, целой вечностью.

65

Ученик: Поэтому всякое излишество в пище и питии вредно?

Старец: Объедения и пьянства всячески должно блюстися, ибо они суть начало и корень блуду и нечистоте, ходатаи и предуготовители вечной муки, от них тягость души, помрачение ума, воспаление плотской похоти, возгорение гнева, удобный приступ к нам бесу, а Божественной любви отчуждение. Напротив, жизнь воздержная и трезвая есть рай — еще на земле; тогда как растленная и греховная — есть величайшее томление души и ад на земле.

66

Ученик: Как думать, когда иные ради множества грехов своих отчаиваются?

Старец: Если бы, от чего сохрани Бог, всякую меру превзошел грех наш, и тогда не должны мы отчаиваться и безнадежно скорбеть, поелику нет греха, побеждающего милосердие Божие. Все наши грехи не сравняются с бездной щедрот нашего Господа, Который спасает нас туне милосердием Своим.

67

Ученик: Сегодня скончался в нашей обители брат. Что можем мы сделать полезного для души его?

Старец: Можем принести отраду его душе милостынями и молитвами за него, а паче — безкровной жертвой, приносимой за него. Хотя душа преставившегося обретается на время в некотором месте в удержании за свои прегрешения (которых у кого нет?), но совершаемые Церковью молитвы сильны искупить его от долгов, и мы, грешные, этим брату нашему поспешествовать можем.

68

Ученик: Что есть жизнь наша?

Старец: Жизнь наша есть море, постоянно воздвизаемое бурей напастей, страстей и соблазнов; продолжение жизни — непрерывное плавание, ежеминутно сопряженное с великими опасностями. Опасность в плавании по ней производят ветры искушений, внезапные приключения. Много путей в многобедственной жизни этой, и на каждом встречаются свои скорби; на пути добра нужна борьба со злом. Утешительно для нас то, что не попустит нам Бог искуситься сверх наших сил, но дарует Свою помощь, чтобы искушения могли мы перенести.

69

Ученик: Как поступить должно при виде соблазнов?

Старец: Если ты видишь соблазны вокруг себя, то обращайся от них к святилищу твоего духа и они легко останутся вне тебя. Гнетут ли сердце твое обиды, обращайся к живущему в тебе Духу благодати, и они составят евангельское блаженство. Затрудняют ли путь твоей жизни мрачные обстоятельства, держись помазания, которое имеешь от Святаго, и оно научит тебя всему (ср.: 1 Ин. 2, 20). Изнемогают ли в чем твои силы, ты и прежде не должен был надеяться на них, а теперь опытом убеждаешься прибегать к Силе Божией, которая любит совершаться в наших немощах.

70

Ученик: Часто бывает, что ты, отче, по окончании чтения Библии даешь мне отеческие наставления; преподай мне краткое наставление относительно этой Святой Книги.

Старец: В Библии содержатся дух и жизнь для верующего. Учение Церкви есть раскрытие того, что содержится в Священном Писании; а потому крепко мы должны быть убежденными в том, что учение пастыря Церкви заемлет свою силу от Божественных словес. Священное Писание произведено не усилиями человеческими, но от Святого Духа просвещаемые глаголали святые Божии человеки.

71

Ученик: Вразуми меня, отче: что такое чистота, которую превозносишь всегда?

Старец: Чистота сердца путеводит к видению Бога. Росток ее восходит и цветет в душе при отвращении от всего греховного. Если хочешь, чтобы сердце твое было чистым местом для тайн нового мира, то прежде обогати его заповеданными иноку делами: постом, бдением, служением, подвижничеством, терпением, истреблением худых помыслов. Прилепись умом своим к чтению Священного Писания и к упражнению в нем. Заповеди Господни имей всегда пред очами своими. Непрерывным упражнением в молитве исторгни из сердца твоего всякий образ и предмет, которыми ты был занят прежде. Приучи ум твой всегда упражняться в размышлении о благах, дарованных нам Спасителем, и тогда уразумеешь, сколь полезна чистота.

72

Ученик: Часто слышу, отче, от тебя: терпи все с благим упованием, но доколе же буду терпеть?

Старец: Область терпения широка и протягается в долготу всей жизни человека, равно как объемлет собой и все судьбы человечества в этом мире. С терпением человек приобретает и сохраняет блага, успевает в предприятиях, достигает исполнения желаний, безвредно выдерживает приражения зол; выйдя из терпения, он тотчас в опасности утратить благо и пострадать от зла или, что более бедственно, сделать зло. Без терпения нет подвига, а без подвига нет добродетели, ни дарования духовного, ни спасения. Ибо *Царство Небесное силою берется* (Мф. 11, 12).

73

Ученик: Что потребно, чтобы всегда быть спокойным и ничего не бояться?

Старец: Дабы всегда иметь покой, не должно полагаться на свои силы, а постоянно поучаться в Божественном Слове.

Оно нам опора, крепость и спокойное пристанище. Есть в Священном Писании обетование Господне, которое для нас стена и ограда. Господь нам изрек: *Я с вами во все дни до скончания века* (Мф. 28, 20).

74

Ученик: Конечно, я грешнее всех, что скорби почти ежедневно меня посещают?

Старец: Скорби, подобно водам Мерры, неизбежно встречаются на пути нашем к Небесному Отечеству, ибо венец получается не иначе, как по неуклонном несении креста. Когда глава наша увенчана тернием, прилично ли ногам ходить по путям, усыпанным розами? Скорби и болезни суть святые врачевства; мы можем услаждать их верой и усердной молитвой, но мы сами по большей части делаем их горькими, прилагая в чашу испытания примесь наших нетерпения и маловерия. А притом скорби всегда полезны. Они в деснице Господа суть средства для уврачевания духовных наших недугов, для смирения гордости и укрощения страстей. Они смягчают жестокое сердце наше, заставляют прибегать с молитвой к Богу, делают нас нищими духом и ничтожными в собственных глазах.

75

Ученик: Так поэтому все, случающееся со мной, мне полезно?

Старец: Все пути Божия Провидения касательно нас имеют целью преславный конец: иногда внешнее благо наше, потребное для этой жизни, а всегда — благо духовной и вечной жизни нашей. Все так называемые случаи, которые видим в мире, служат к той же цели; они направлены к распространению славы Отца Небесного и спасению верных чад Его. Каждые болезнь или немощь, приключившиеся с нами, каждая потеря, нами понесенная, всякая укоризна, нами претерпенная, всякое неправедное презрение, для нас нелегкое, всякое бедствие, огорчающее сердце наше, всякие тоска и мука, терзающие нас, — все клонится ко благу нашему. Напасти

научают нас выше ценить исполнение обязанностей святой веры, способствуют ненавидеть мир или, по крайней мере, ослабляют любовь к нему; они заставляют нас уклоняться от земных вещей, открывая их непостоянство и тленность; побуждают прилепляться сердцем к Богу, не искать надежного утешения в людях. Словом, чрез них в душе скорбящего благие желания менее обретают препятствий, немощь — менее преткновений, вера сердечная находит более пособий, страсти — более обуздания, даже добродетель — более цены.

76

Ученик: Можно ли найти истинное и полное утешение в дружестве?

Старец: Утешение есть дар небес, и от небес только, из дальних стран Горнего Отечества нашего можно получать оное. А потому не друг наш утешает нас, но Бог посылает нам друга или в утешение, когда мы в огорчении, или на вспоможение, когда находимся в нужде, или для уврачевания, когда мы больны, или в исцеление, ежели уязвлены, или для советов, когда в недоумении и не знаем, на что решиться.

77

Ученик: Желательно мне знать: какой есть конец всех намерений Божеских на земле?

Старец: Чрез меру трудного для тебя не ищи, и что свыше сил твоих, того не испытывай (Сир. 3, 21). Сколько нам дано знать, видим, что слава Божия и спасение наше есть конец всех намерений Божиих на земле; все, что видим в мире, должно служить к увеличению Царства Божия на земле. Добродетель и пороки, владычество и подчинение, успех и неудачи, богатство и бедность народов, возвышение и упадок государств — словом, все в порядке вечных законов должно содействовать образованию и возграждению Горнего Иерусалима. Тираны очистили веру гонениями, праведные подкрепляют ее любовью, святые угодники суть свидетели чистоты ее; пастыри — хранители учения, а православные цари суть покровители веры и Церкви.

78

Ученик: Почасту, отче, я побеждаюсь славолюбием: что такое слава?

Старец: Слава земная не что иное, как обман духа нашего и следствие этого обмана. Еще курится фимиам народной хвалы над прахом умершего; но пройдет один день, и все исчезло. Но чье сердце без особенной Божией помощи и Благодати может совершенно охладеть к ее волшебным прелестям? Пленяя юношу своими лучезарными призраками, венком лавровым и плеском народным, она манит и старца к своим монументам долговечным, к памятникам заслуг и благодарности потомства.

79

Ученик: Какая страсть самая опаснейшая?

Старец: Из всех страстей самая опаснейшая для истины и добродетели — зависть. *Завистью диавола вошла в мир смерть* (Прем. 2, 24); завистью же и грех плодится в земной юдоли. Этот один порок порождает многие другие и особенно опасен потому, что обладаемые им скрывают его даже от самих себя. Этот непримиримый враг добродетели и заслуг раздражается всем тем, что возбуждает в людях удивление, и не прощает никому и ничему, кроме порока и незнатности. Надобно соделаться недостойным всеобщего воззрения, чтобы привлечь к себе его взоры и пощаду. Нет зла, которому бы не сродна была зависть, нет такой низости, на которую бы она не решилась или которой бы не старалась извинить. Как скоро зависть возобладает душой, то ее из сосуда, устроенного в честь, делает сосудом безславия и всякой мерзости.

80

Ученик: Чем сопровождается истинное раскаяние?

Старец: Человек, стяжавший истинное раскаяние, говорит мало и действует решительно. Придя в чувство, он спешит изменить к лучшему жизнь свою в уверенности, что настала для него минута спасения. Волнуемый сильными размышле-

ниями о превратностях мира и переменах своей прежней жизни, он изыскует уединенное место, где бы свободнее мог беседовать с собой и проливать обильные потоки слез. Не могши более владеть своей печалью при воспоминании прежних своих деяний, он преклоняет чело свое к земле и не смеет возвести взоры к небесам, откуда, впрочем, ожидает помощи и избавления; он часто из глубины сердца воздыхает ко Господу, прося у Него помощи к укреплению в добродетели.

81

Ученик: Возможно ли одной милостыней спастись?

Старец: Напрасно раздавать имение нищим, если в сердце нет любви, которая долготерпит, милосердствует, не завидует, не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своего, не раздражается... все покрывает, всему верит... (см.: 1 Кор. 13, 4. 5. 7). Без исправления нравов щедроты наши одни сами собой не могут спасти нас. Милостыня очищает грехи, в коих мы раскаялись, но не оправдает тех, в коих упорно коснеем. Она есть долг наш, но не единственный долг, и хотя не исполнить его — значит нарушить закон в самом его основании, однако же, исполнив оный, мы обязаны сохранять и другие заповеди закона.

82

Ученик: Отчего многие жалуются на мир этот?

Старец: Оттого, что мир этот исполнен искушений и все, что ни окружает нас, ополчается, совокупно с растленной природой нашей, против нас: богатство развращает нравы, бедность выводит из терпения, счастье надмевает, несчастье крушит, дела развлекают, бездействие нежит, знания напыщают, невежество сдружает с заблуждением, здравие поддерживает страсти, немощи наклоняют к нечувственности или ропоту, словом, все, что ни есть в нас или окрест нас, становится для грешного и неосмотрительного человека сетью и камнем преткновения. Одна надежда ко спасению осталась для человека — простирать непрестанно вопль к Престолу

Всемилосердого Бога, да благоволит Сам прийти на помощь нашу, обуздать неукротимые страсти, озарить невежество, укрепить немощи, управить к победе духовную борьбу и восставить от падения.

83

Ученик: Поэтому удобнее спастись только в обители?

Старец: Плоды запрещенного древа по грехам нашим размножились везде — змии-искусители доселе не престают шептать в слух каждого: не умрете, а *будете, как боги* (Быт. 3, 5). Преступая закон Божий, мы повторяем преступление нашего праотца, а чрез это и в святом месте предаемся опасности погубить свою душу. Нужно внимание к себе и трезвенное житие, чтобы наше пребывание в обители соделалось душеспасительным для нас.

84

Ученик: Чем побеждаются похоть плоти, похоть очес и гордость житейская?

Старец: Если приближается к нашему сердцу похоть плотская и своими воплями призывает нас к чувственному наслаждению, мы можем отвечать ей: «Удались от нас, мы пришельцы и странники, а на пути не пиршествуют и не роскошествуют. Мужественно перенесши лишения нашего странничества, мы безмерно будем вознаграждены в нашем Отечестве». Если похоть очес представит воображению нашему тленные богатства и разные земные, тленные вещи и спросит, для чего мы мало имеем их, для чего не стараемся пользоваться ими более, отвечай и ей: «Мы пришельцы и странники; для странников всегда удобнее нести с собой мало, нежели много, и благоразумнее нести несокрушаемое, нежели скорогибнущее. Сохранив душу свою нестяжательною в странничестве, в Отечестве найдем для нее сокровища, которые *ни моль, ни ржа не истребляют и... воры не подкапывают и не крадут*» (Мф. 6, 20). Если гордость житейская станет безпокоить нас, зачем мы не довольно возвышены и почтены, обязаны сказать ей: «Не смущай нас напрасно — мы здесь

пришельцы и странники, а имеем такое высокое Отечество, где невысоким почитается возвышенное на земле. Поэтому горами ли, дебрями ли ведет нас невидимая рука Провидения, все равно, только бы привела нас в наше Горнее Отечество».

85

Ученик: Многократно ты называл лицемерие великим грехом. Почему так?

Старец: Потому что лицемер глаголет мир с ближними своими, но в сердце его злая (ср.: Пс. 27, 3). Часто приветствует гласом ангельским, объемлет отверстыми объятиями, лобзает, являет готовность к услужению и дружбу, но тогда же направляет лук, уготовляет стрелы, *еже состреля́ти во мра́це пра́выя сердцем* (Пс. 10, 2). Свойство лицемера пророк Давид изобразил этими словами: *умя́кнуша словеса́ его паче еле́а, и та суть стре́лы* (Пс. 54, 22). И точно стрелы! «Лучше меч поражающего врага, нежели язык льстивого», — сказал некто из отцов. Врага можно избежать, но от лести лицемера кто удобно может избавиться? Ибо когда лобзает, тогда предает; когда услуживает, тогда погубляет и разоряет; когда хвалит совершенства, тогда, как злое насекомое, умножает раны, громко проповедуя слабости и падения ближнего и видя всякий сучец в оце брата своего. Великий и язвительный грех есть лицемерие!

86

Ученик: Отчего во время жительства моего в здешней обители я не стяжал плодов духовных и как будто сделался хуже (о чем свидетельствуют неосмотрительные мои поступки, хладность сердца и неимение благодушия)?

Старец: Не все даже после продолжительных трудов приходили к полному утешению духовному. Иные редко на земле ощущали духовные наслаждения. И это по смотрению небесного Раздаятеля благ Бога, Который всегда лучше о нас промышляет. Ибо мы, будучи как младенцы в рассуждении полезного для нас, нередко у Него просим того, что по достоинству своему и силе спасительно, но по нашему неискусству

может быть употреблено нами со вредом для нас. Потому любвеобильный Отец светов скрывает от некоторых и благочестивых Свои дары. Он хотя и всегда внемлет молитве избранных Своих, но желаний их иногда не исполняет, и единственно для того, чтобы, по Божественному Своему намерению, устроить все лучше. Но видеть себя вне преспеяния не есть еще совершенное непреспеяние. Когда ты подлинно имеешь сознание, что лишен плодов духовных, то старайся неослабно усиливать свое стремление к Богу. Когда мы находим себя лишенными добродетелей и потому не имеем самомнения, то это самое может привлекать к нам Божественное призрение, которое укрепит нас надеждой против смертного греха — отчаяния. Успели ль мы или не успели в добродетелях, нет ближайшего средства ко спасению, чем смиренномудрие. Высокомерие и при добродетелях богопротивно, но кроткая мысль пред Богом забвенна не будет.

87

Ученик: Что наиболее способствует к тому, чтобы привыкнуть ко внутренней молитве?

Старец: Имеются к этому многие способы, а именно:

1) Обретши уединение, следует устроиться так, чтобы очи, уста и слух ограждены были от всего возмущающего. Держать пост до некоторого изнеможения и неопустительно пребывать в телесных трудах. Убегать общения с людьми, чтобы вовсе искоренить гнев и осуждение; подчиниться в безусловное послушание наставнику и принять от него правило, как расположить свои действия по часам дня и ночи и сколько числом произносить молитв по четкам и полагать коленопреклонений. Если кто уединения найти не может, тот должен наипаче держаться телесных трудов, чтобы более смириться; в общении с людьми хранить как можно более молчание; памятование о Боге при всех занятиях непрестанно удерживать в мысли.

2) Говорить молитву языком вслух себе одному так: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного. При

усталости можно ее не произносить вслух. Когда же будут обуревать помыслы или дремание, опять говорить оную гласно. Даяй молитву молящемуся, то есть молящемуся прилежно (со вниманием) телесною (гласною) молитвою, даст Бог умную молитву; а пребывающему в ней со тщанием — безвидную и не воображенную.

3) Старайся более упражняться в богомыслии, в благочестивых беседах, читай Священное Писание и отеческие наставления о молитве и силе ее.

4) В книге «Добротолюбие» дается такой совет: «Сев в келье безмолвно и собрав ум твой, введи оный в путь, где воздух входит в сердце, и подвижи его, принудя вкупе сойтись со вдыхаемым духом в сердце; и тогда ум твой, по соединении с душой, исполнится неизреченной сладости и веселия. А потому старайся приучить ум не скоро оттуда исходить, ибо при начале нередко от созатворения и утеснения внутренних он унывает; но когда привыкнет, тогда с охотой удаляется от всего внешнего, познав, что Царствие Божие внутрь нас есть (ср.: Лк. 17, 21). Причем должно знать, что ум, находясь в таком положении, не должен быть в праздности, но непрестанно поучаться в этой молитве: Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя. Святой Иоанн Златоуст говорит: «Умоляю вас, братие, никогда не нарушайте и не презирайте правила молитвы этой. Должен инок, когда ест, или пьет, или сидит, или служит, или путешествует, или иное что творит, непрестанно вопить это: „Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя“». Да имя Господа Иисуса, сходящее в глубину сердца, смирит змия, содержащего пажити, душу же спасет и оживотворит. Убо непрестанно пребуди в имени Господа Иисуса, яко да поглотит сердце Господа, и Господь сердце, и да будут два сия в едино...»

5) Наконец, необходимо искреннее расположение к молитве и в простоте сердца всегдашнее предавание себя Богу с сильным желанием в правом намерении сердечной молитвы, — и тогда увидишь исполнившимися над тобой слова преподобного Мелетия Галисийского: «Молитва, возлюбленный,

учителя не требует, но тщания, но рачения и множайшего усердия, и бывает ее учителем Сам Бог во всех».

Впрочем, чтобы вышеизложенные способы сопровождались верным успехом, нужен искусный руководитель. Если найдешь такового, держись его как твердого оплота и повинуйся ему.

88

Ученик: Должно ли верить снам, которые (по-видимому) предвещают будущее?

Старец: Случалось, что и Божественные веления открываемы были во сне мужам праведным; но такие сны имели ясный признак откровения свыше, ибо сопровождались явлением Ангелов или святых угодников и даже Самого Господа. Но вообще в сновидениях должно остерегаться, как бы чрез них не впасть в самообольщение, ибо чрез веру снам многие прельстились. Любомудрый старец Феостирикт, составивший Параклисис Пресвятой Богородице, вверившись снам, наконец так ими прельстился, что погиб. Поэтому нужна осторожность, чтобы не увлечься сонными мечтаниями. Верующий сновидениям подобен бегущему за своей тенью и покушающемуся схватить оную; а никакому мечтательному сну не верующий есть истинный любомудр.

89

Ученик: Тебе, отче, известны мое усердие к Пресвятой Богородице и моление пред святой иконой Ее; прошу вразумить меня о Ее величестве, о ходатайстве пред Богом и о том, что Ей приятно.

Старец: Пресвятая Дева Мария удостоена высочайшего избрания, потому что превысшей всех явилась по Своим душевным качествам и чистейшему девству. Подражающий Ее девству может чаять особенной Благодати Божией и приближения к Богу. Славящие уста утомились бы в продолжение веков, если бы на глас молитв и славословий не присещала верующих Пресвятая Богородица Своей могущественной помощью, принося душам их Благодать Иисуса Христа, подобно

как Она является носящей Его на руках в наших священных изображениях. Если опасность, бедствие, скорбь, тебя постигающие, колеблют твое мужество и истощают твое терпение, то помяни Матерь Господа, стоящую при Кресте Его, и рассматриванием Ее безмерной и безвинной скорби, непобедимого мужества и терпения возбуди себя к мужеству и терпению в твоих, по сравнению, конечно, малых и, вероятно, не безвинных скорбях, прося в то же время от Нее помощи к благодушному оных перенесению. Приятен же Ей тот, кто творит волю Сына Ее Иисуса Христа и в покаянии провождает жизнь до конечного издыхания.

90

Ученик: Отчего люди подвергаются несчастьям?

Старец: Всех несчастий первоначальной причиной суть грехи; за грехи насылаются печали, за грехи — безпокойства, за грехи — брани, за грехи — страдания; и все, ныне приключающиеся нам, неудобоцелимые болезни первоначально произошли от греха. Бог, налагая жене за преступление наказание, сказал ей: *в болезни будешь рождать детей* (Быт. 3, 16), и болезнь оказалась плодом греха. Но как рождающийся от древа червь снедает самое древо, так и печаль, от греха рожденная, потребляет грех, если соединяется с покаянием. *Ибо печаль ради Бога производит неизменное покаяние ко спасению* (2 Кор. 7, 10).

91

Ученик: Иногда я, не дождавшись конца Божественной литургии, выхожу из церкви; не грешно ли это?

Старец: Кто без благословной вины исходит из церкви прежде окончания Божественной литургии, тот уподобляется Иуде-предателю, который с последней вечери, когда все еще оставались, вышел. Если бы он не выходил, не сделался бы предателем; если бы не оставлял прочих учеников, не погиб бы; если бы от пастыря не отлучался, не был бы похищен зверем.

92

Ученик: Что должно думать при наступлении Нового года?

Старец: Окончив прошедший и встречая Новый год, мы должны, сокрушаясь сердцем, размыслить: прошедшие дни жизни нашей безвозвратно протекли, но что в оные мы сделали доброго? Остальное время приближает нас к старости, кончина безвестна, а Суд Божий не коснит. Потому непременно должно каждому начать новую жизнь о Христе Иисусе.

93

Ученик: Как иноку освободиться от скорби о своей разлуке с родными?

Старец: Один богобоязненный и трудолюбивый инок, когда у него спросили, имеет ли он родных, ответствовал так: «Имею. Отец мой на земле тот, кто поучает меня постоянству в подвиге и печется об очищении моих грехов; мать моя — сердечное сокрушение, могущее смыть мои нечистоты; брат — вместе подвизающийся и помогающий в путешествии к небу; сожительница — память смертная; чада — сердечные стенания; слуга — тело, а друга стараюсь стяжать в Ангеле-хранителе, да сопутствует мне по разлучении души моей от тела».

94

Ученик: Любя читать христианские книги и несколько приобретши их, не нарушаю ли этим правило иноческого нестяжания?

Старец: Приобретение христианских книг по мере средств весьма полезно, ибо и самый взор на эти книги останавливает в нас стремление ко греху и побуждает сильнее стремиться к правоте. А чтение Священного Писания есть великая защита от греха; незнание же Божественных письмен есть великая стремнина и глубокая пропасть. Между книгами полезнейшие для инока — писания святых отцов Церкви и сказания о жизни святых угодников Божиих.

95

Ученик: Что такое видимая природа и чему она поучает?

Старец: Видимая природа есть огромная книга, в которой крупными буквами написаны и в живых картинах изображены необходимые и первоначальные истины, направляющие нас на путь спасения; ее могут и должны читать все. Благодетельные явления природы раскрывают и питают чувство любви и благодарности к Господу; явления грозные внушают чувство страха и благоговения к Нему; явления тихие — чувство кротости; явления трогательные — чувство умиления и молитвенное расположение духа; явления высокие и поразительные порождают в нас чувство человеческой нашей немощи и безсилия, а потому возбуждают чувство смирения, производят веру и живое упование на Творца вселенной.

96

Ученик: Поэтому каждый день чему-либо поучает нас?

Старец: День естественный есть неумолкающий проповедник величия и славы Божией, явленных в мире видимом чрез творение и промышление Творца вселенной; *день дни отры́га́ет глаго́л*, говорит псалмопевец, и *нощь но́щи возвеща́ет разум* (Пс. 18, 3). День христианский есть проповедник сколько величия и славы Божией, столько долготерпения и неизреченного милосердия Божия, явленных и являемых нам Спасителем нашим. День каждого человека есть начало новой жизни его, определяющейся разными родами деятельности его; потому каждый день есть для нас новое побуждение к преуспеянию в добродетели.

97

Ученик: Что наипаче нужно помнить желающему работать Господеви?

Старец: Верно слово: если ты со Христом умрешь для греха, то и оживешь с Ним; если переносим скорби, живя по учению Иисуса Христа, то с Ним и царствовать будем. Но если отвергнемся умереть для греха и жить по учению

Христову, то и Христос отвергнется нас. Помни же это верное слово, говорит апостол Павел (см.: 2 Тим. 2, 11. 12).

98

Ученик: Есть ли на земле счастье?

Старец: На земле нет совершенного счастья, ибо здесь не время утешения, но скорби. Высокий сан имеет свои труды и лишения, простое звание — особенные печали и неудобства, мир — свои прихоти, уединение — свои горесть и скуку, брачное состояние — свои утраты и заботы, дружество — свои неприятности и вероломство, благочестие — свои горести. По уставу, неизбежному для чад Адамовых, всяк обретает на своем пути волчец и терние. Тысячи случаев убеждают нас, что к блаженству нашему на земле всегда многого и многого недостает.

99

Ученик: Соответствуют ли какие действия в духовной жизни древнему прообразовательному жертвоприношению?

Старец: В духовной жизни должно совершаться подобное тому, что некогда представлялось в Храме Ветхозаветном. Ты закалаешь твою жертву, когда духом умерщвляешь плоть со страстями и похотями; омываешь ее, когда оплакиваешь прежние грехи твои; возжигаешь ее, когда огнь любви Божией объемлет и наполняет сердце твое, так что силой оного темные стихии ветхой плотской жизни разрешаются и очищаются и сквозь них проникает новая светоносная, горé парящая жизнь духа. Ты приносишь фимиам — одну из самых благовонных для неба жертв, проникающую во святая святых, — когда приносишь молитву. Ибо еще во дни сени и гаданий разрешал эту священную тайну тот, который воспевал: *Да испра́вится моли́тва моя, яко кади́ло пред Тобою́, воздея́ние руку́ мое́ю — же́ртва вече́рняя!* (Пс. 140, 2). Приносишь в жертву главу, когда пленяешь разум твой в послушание веры и умом твоим предаешься богомыслию. Приносишь рамо, когда благодарственно приписываешь Богу силу, тебе дарованную. Приносишь тук, когда посвящаешь Богу твою радость и весе-

лие. Приносишь агнца, когда ходишь в незлобии. Приносишь птенца голубина, когда хранишь чистоту. Приносишь работного тельца или юницу, когда ревностно подвизаешься для Бога или благодушно трудишься ко благу ближнего.

100

Ученик: Для чего при встрече с иереем просим у него благословения?

Старец: Для того, что священник есть раздаятель небесных благословений по чину благодатного тайноводства. Еще в первоначальном постановлении о законном священстве Бог сказал священникам: *благословляйте сынов Израилевых* (Чис. 6, 23), и паки о них же: *Так пусть призывают имя Мое на сынов Израилевых, и Я* [Господь] *благословлю их* (Чис. 6, 27). Благословение иерея во имя Святой Троицы изливает свет и мир в души, цельбу в тела, благопоспешество в начинания и дела, благоустройство в семейства, освящение на благословляемые места и вещи, невидимую, но плодотворную небесную росу на землю. Поэтому просящий благословения должен стараться, чтобы грехами своими не отдалять от себя силы благословения.



ИЕРОСХИМОНАХ НИКОЛАЙ, ДУХОВНИК КИЕВО-ПЕЧЕРСКОЙ ЛАВРЫ (1829—1899)

Старец Николай буквально вырос в Киево-Печерской лавре: он поступил в нее в четырнадцать лет, оставшись сиротой. Восемнадцать лет он пробыл в монастыре рядовым послушником, и без ропота, терпеливо исполнял свои послушания. Архимандрит Мефодий, один из выдающихся подвижников Киево-Печерской лавры, пророчески предвидел, что из этого молодого послушника выйдет великий старец.

В 1877 году старец был назначен лаврским духовником и с этого времени окормляет не только многочисленных насельников лавры, но и неисчислимое множество паломников, богомольцев, пришельцев со всех концов необъятной России. В 1883 году он принимает великую схиму.

Духовные беседы иеросхимонаха Николая (Цариковского)

После подвига молитвенного в святом храме за ранней литургией начинались для отца Николая ежедневные труды в исполнении своего послушания духовничества. С самого раннего утра толпились богомольцы у двери, ведущей в келью батюшки, в ожидании, когда она откроется и он начнет прием на исповедь и для преподания благословения и наставления. И батюшка, придя домой из церкви, почти всегда не отдыхая и не вкушая пищи, начинал принимать богомольцев. Двери открывал келейник отца Иосия, и передняя комната кельи, которую в своей добровольной простоте отец Николай называл «залой», наполнялась быстро и пришедшими издалека паломниками, и своими иноками — очередными иеромо-

нахами или иеродиаконами, монахами и послушниками. Все ожидают некоторое время, пока их позовет батюшка в келью или пока он сам не выйдет к ним. Наконец батюшка выходит через комнату келейника — в скуфье, он одет сверх легкого подрясника, в другой, короткий — до колен подрясник теплый, или зимой в теплую, на меху душегрейку, еще более короткую, чуть ниже пояса. Кстати сказать, батюшка очень любил теплоту: очень тепло одевался, чтобы предохранить себя от простуды, которой он весьма часто подвергался, а в келье его всегда было очень тепло, и для освежения воздуха и предохранения очень старинного здания кельи от сырости печь топилась даже летом. Поздоровавшись с иноками и преподав им благословение, батюшка переходил в другую половину «зала», где были богомольцы-миряне. Преподав и здесь благословение, батюшка иногда отделял в одну сторону тех, кто пришел только за благословением или наставлением, и говорил отдельно им наставление — общее и сообразно нужде вопрошавших. Иногда же он, преподав всем благословение, сейчас входил в свою келью и, облачившись в мантию и епитрахиль, открывал дверь и приглашал всех пришедших войти. Когда все вошедшие разместятся по келье, батюшка предлагает всем свое поучение. Вот оно.

Обычно батюшка начинал так: «Пред исповедью я желаю сказать вам несколько слов на пользу души:

Во-первых, как только каждый из вас утром пробудится от сна, сейчас благодарите Бога за то, что еще оставлены на покаяние, и просите у Него помощи на труды послушания в течение всего дня. А затем, начиная всякое дело свое, призывайте Бога на помощь. Желаешь ли молиться, поститься, творить поклоны, работать, идти или ехать куда-либо, призывай Господа Бога, Божию Матерь и святых угодников Его и говори: «Господи, благослови и помоги мне грешному!» Ибо Сам Господь сказал: *Без Мене́ не мо́жете твори́ти ничесо́же* (Ин. 15, 5), то есть без Меня и Моей помощи не можете свято исполнять свои дела и даже подумать ни о чем истинно добром. А если кто скажет: «Я (сам) то и то сделаю» — и не призовет Бога на помощь, то с ним силы и помощи Божией не будет.

Тогда и диавол скажет свое «и я» и будет старания употреблять, чтобы противиться начатому тобой делу и с успехом вредить ему и достигнет того, что и молитва твоя будет в грех, и вообще все дела так осквернит, что они будут противны Богу, ибо ты на себя надеялся, а не на Бога, и творил их без Его помощи и защиты.

Во-вторых, никого не нужно бранить (ругать), а тем паче проклинать, особенно же родители не должны делать этого в отношении к своим детям. От недоброго, злого, матерного слова нередко иные дети умирают; другие всю жизнь болеют; третьи, возрастая, не повинуются ни отцу, ни матери, сами мучаются и других мучают. Какая-то сила действует на них через матерные слова. Если отец проклинает детей, то разоряет счастье их до половины, а если мать, то до основания. Также родители, а особенно матери, должны помнить, что они дадут на Страшном суде ответ о детях. Господь спросит их тогда: «Я создал дитя, отдал тебе его для воспитания, дал тебе здоровье и все что нужно было... где Мое создание?» Кто воспитывал детей и молился о них, тот скажет: «Господи, се аз и дети, их же дал ми еси!» А кто бранил, проклинал, истреблял отравой детей, которые бы получили Царствие Небесное, те будут страшный ответ давать на Страшном суде.

В-третьих, некоторые ходят к ворожеям, кланяются им, просят у них помощи. Диавол очень радуется, что христиане кланяются ему в лице ворожей и просят у него помощи через его слуг. Он записывает таких и, если кто, не покаявшись в этом на исповеди, умрет, то диавол скажет тогда Ангелу-хранителю: «Эта душа принадлежит мне: она оставила Бога, Божию Матерь и Церковь и просила помощи у меня» — и увлечет такую душу во ад. Вот только и пользы людям от посещения ворожей, что диавол низринет их души во ад, если они не покаются на исповеди. Тяжесть греха от посещения ворожей особенно увеличивается оттого, что посещающие их отвергаются от Бога. А между тем Сам Господь наш никогда не отвергает нас, а, напротив, всячески привлекает к Себе, поучает всегда и за всем потребным обращаться к Нему. Он

ведь говорит: *Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и откроют вам; если с верою попросите, все получите* (см.: Мф. 7, 7; 21, 22). И несмотря на это, посещающие ворожей не верят Богу, Который создал их, дал им душу и тело и все потребное, еще и Царствие Небесное обещал даровать им. Они Ему не доверяют и не просят Его, а идут к ворожеям, им кланяются, их просят и славу Божию чрез это отдают диаволу. Это есть мерзость пред Господом и прикрытое идолопоклонство.

В-четвертых, некоторые на исповеди утаивают грехи свои. Кто так делает, тому нет ни прощения, ни спасения. Подходит к Святой Чаше и вкушает Святые Таины в суд и во осуждение себе. От Чаши отходит более черным, чем был прежде. Сам Господь, зная нашу немощь, что человек после крещения не может остаться чистым и святым, дал покаяние и исповедь. Явившись апостолам после Своего воскресения, «Он дунул на них и сказал: *приими́те Дух Свят, и́мже отпусти́те грехи́, отпу́стятся им: и́мже держите́, держа́тся*» (Ин. 20, 22. 23). Если кающийся на исповеди чистосердечно открывает все свои грехи, то иерей прощает и разрешает его, и Сам Господь прощает и разрешает. А кто утаивает грехи, тому нет ни прощения, ни разрешения, ни очищения, ни спасения, так как, приступая ко причащению Святых Таин, вкушает их в осуждение себе. В случае же смерти диавол возьмет такового, как свой жребий, ибо никакая нечистота не явится пред Богом в блаженном Царствии Небесном.

Нам Бог сказал: *В чем застану, в том и сужду*. Кого застанет в покаянии, тот получит Царствие Небесное и блаженство вечное, такое блаженство, какого, по словам апостола Павла, *око не видело, ухо не слышало и на сердце человеку не приходило* (см.: 1 Кор. 2, 9).

А кто погордится и не покается в этой жизни, умрет без покаяния и исповеди, тот получит не Царство Небесное, а наказание вечное, будет отлучен от Бога, рая, всего блаженства и вместе с диаволом будет ввержен в ад. А в аде огнь, который будет жечь без света; там червь, который будет есть тело, как колоду, — червь вечный и тело вечное. От этого все-

го будет происходить смрад. Тем смрадом нужно будет дышать и глотать его. Жажда будет такая, что хотя бы кто каплю воды дал, но никто не даст, ибо грешники отлучены от Бога. Во аде один кричит, другой скрежещет зубами, иной проклинает всех, но друг друга они не видят, потому что находятся в бездне и тьме.

В-пятых, помните, что жизнь наша краткая и приготовительная. Всякий должен приготовлять добрые дела. При смерти человек все оставит: и дома, и серебро, и золото, и все свои вещи. С ним пойдут лишь добрые дела и злые. В зле, содеянном заблаговременно, кайтесь, а добрые дела собирайте для вечности.

В-шестых, помните также, что нужно ходить в церковь и молиться Господу Богу, Божией Матери и угодникам. Каждый должен и сам за себя молиться и просить о себе молитв у священника, а также и о священнике молиться. А без церкви и священников нельзя спастись человеку, как на море без корабля и кормчего. Священник есть посредник между Богом и людьми, а глава Церкви — Христос. Кто ходит в церковь, молится Богу, Божией Матери и Его угодникам и случается, что часто грешит и по правосудию Божию должен быть строго наказан, но за молитвы к Богу и Его угодникам еще оставляется на покаяние.

В-седьмых, знайте, что наша брань с диаволом за Царствие Небесное продолжится до окончания нашей жизни. Диавол, как дух, сверженный с неба за гордость и непослушание Богу, позавидовал прародителям нашим — Адаму и Еве и, обольстив их, ввел в гордость и непослушание Богу и тем лишил рая. Также он и теперь преследует людей, а наипаче православных. Своей лестью он всячески старается войти в душу (голову) человека. При помощи притворства, скрывшись так, чтобы человек и не подозревал его, представляет ему разные прелести, разнообразные лица, скаредности, в соответствие с тем, какой кто страстью заражен в большей степени. Кто услаждается той или иной из возбужденных таким образом страстей, то диавол этим услаждением входит к человеку, как к своему дружку, соединяется с его душой, осквер-

няет ее, потом водворяется на его сердце и разжигает его на всякие скверные, греховные дела. Если являются у тебя на уме скверные, недобрые мысли, это есть диавольский приход, приступ. Тогда ты скажи диаволу: «Не соглашаюсь с тобой» — и не допускай себя услаждаться теми мыслями. Тогда твой Ангел-хранитель будет отгонять от тебя диавола, а Бог, за такое сопротивление врагу — диаволу, пошлет тебе отпущение грехов и награду: для тебя будет соплетаться неувядаемый славы венец. Поэтому всячески старайся не допускать диавола до души, ибо она есть невеста Христова. Бог ее создал для того, чтобы она вечно Его славила и вечно радовалась пред Ним. Диавол все силы употребляет, чтобы ее осквернить, чтобы чрез это она лишена была Царствия Небесного и радости Божественной. А во время искушений нужно помнить (и не унывать), что за помыслы, всеваемые врагом в душу, еще нет осуждения человеку, ибо это вражеская брань. Только уже за услаждение помыслами и соизволение с доводом на грех постигают человека осуждение от Бога и праведный Его гнев.

Когда призываете имя Божие, полагайте на себя крестное знамение. Старайтесь совершать всегда это знамение правильно: на челе, на персях, на правом и на левом раменах, чтобы и все тело чувствовало прикосновение руки, сложенной для крестного знамения. Тогда и тело освящается, и враг трепещет».

Осаждаемый, особенно в последние годы жизни своей во время наплыва богомольцев, массами простонародья, а в течение четырех постов все более и более увеличивавшимся количеством духовных своих чад — иноков, ибо слава о нем, как о великом, опытном духовном руководителе распространилась и среди Лаврской братии и далеко за пределы лавры, так что всякий хотел иметь отца Николая своим духовным руководителем — старцем или только поисповедоваться у него: и несмотря на это, несмотря на свой преклонный возраст и немощи, на изнеможение от личного подвига иноческих трудов — поста и молитвы, не стесняемый и тем обстоятельством, что количество времени, имевшееся у него для

приема на исповедь, далеко не соответствовало количеству желавших у него исповедоваться, несмотря, говорим, на все это, приснопамятный батюшка отец Николай, по свидетельству всех чад своих духовных и живших у него келейников, никогда и никому не отказывал в исповеди, и ничто не могло заставить его совершать чин Святого Таинства Покаяния с небрежением. Приняв пришедших на исповедь, будет ли их много или только два и один, батюшка всегда, даже для одного кающегося, читал молитвы к исповеди. И вот что удивительно: читая в день одни и те же молитвы, может быть, в десятый раз, он все-таки всегда произносил их, казалось, как бы в первый раз: внятно, раздельно, с одинаковым, всегда ему присущим, простым, непоказным благоговением, с живым вниманием и интересом и даже углублением в смысл молитв, с глубоким, передававшимся и слушавшим чтение, миром и спокойствием душевным, с любовью к Богу и к кающимся, с пастырским достоинством, но и с сокрушением сердечным, растворенным непоколебимым упованием. В его чтении этих молитв звучало какое-то поразительное дерзновение молитвы доброго пастыря — отца о чадах, и потому-то чтение это было особенно сильным приготовлением приступающих к исповеди. Читаемый часто и потому давно наизусть изученные молитвы эти отец Николай всегда одинаково произносил по книге. Во время чтения молитв к исповеди батюшка становился как-то особенно строгим и как бы недоступным, как бы отделялся от пришедших к нему и отходил духовно от них для молитвенной беседы с Богом. Чтение это было как-то особенно сознательным, разумным, строго выразительным, и в нем обнаруживалась украшавшая отца Николая «старческая» мудрость и знание сердца человеческого. На слушавших оно производило чрезвычайно сильное, неизгладимое впечатление: ибо в нем была сила благодатная, оно было совершаемо со властью, с Богопросвещенным, не колеблющимся помыслами, сознанием Богодарованной власти пастырской — вязать и решить грехи. Произнесение отцом Николаем этих молитв вводило слушателей в чувство чистейшего сыновнего страха Божия.

Выразительность чтения батюшкой этих молитв к исповеди приобретала еще какой-то особенный вразумительный характер и силу влияния на души пришедших оттого, что он умел и имел обыкновение произноситъ особенно многозначащие слова и выражения молитв с логическим ударением на них: он несколько возвышал свой голос в известном месте и замедлял произнесение того или другого слова или выражения. Этим способом он представлял совести каждого и благо великое, силу и важность Таинства и способ, коим оно совершается, то есть посредством слова, и возбуждал чувства искреннего, без утайки грехов, покаяния. Он как бы передавал пришедшим на исповедь свое чувство и сознание вездеприсутствия Божия, надежды на Его милость безмерную и спасение иметь за утаенные грехи сугуб грех и выйти из духовной врачебницы не исцеленным.

В первой молитве «Боже, Спасителю наш» батюшка особенно подчеркивал слово «кающегося» («Сам и раба твоего кающегося, *имярек*, приими...») и, произнося всегда это слово очень медленно, тоном голоса как бы вопрошал пришедшего на исповедь, действительно ли он искренно кается и заслуживает ли того, чтобы Господь снова примирился с ним — кающимся, под условием его покаяния, намерения и обещания по мере всех сил своих исправить свою греховную жизнь на добродетельную. Затем батюшка делал ударение на слове «безмерна» («милость Твоя безмерна»), чтобы кающиеся возымели твердое упование на эту безмерную милость Божию, во имя которой они получают прощение грехов. Во второй молитве «Господи Иисусе Христе, Сыне Бога живого, Пастырю и Агнче» батюшка делал особенно сильное ударение на словах: «яко человек плоть носяй и в мире живяй, от диавола прельстися», снова как бы ободряя кающихся в уповании Божия благоснисхождения к ним. Далее, делая ударение на выражении «словом разрешитися» («словом разрешитися благоволи»), давал понять кающимся самый внешний способ, образ разрешения пастырем кающихся от грехов: «словом» пастырским, и чрез это как бы требовал особенного внимания к этому слову. Наконец, произнося приводимые в молитве

слова Господни о даровании апостолам и пастырям церкви, как их преемникам, власти словом вязать и решить грехи, батюшка особенно подчеркивал слово «свяжете» («елика аще свяжете на земли») и давал этим кающимся почувствовать силу и благотворность власти пастырской.

После чтения молитв к исповеди батюшка, полуоборотившись назад к кающимся, произносил следующее по чину приготовления к Таинству исповеди последнее, так сказать, предуведомление и наставление: «Се, чада, Христос невидимо стоит».

Какая удивительная, святая простота чувства живой веры и сознание важности совершающегося, глубочайшее смирение и мирное сознание своего достоинства пастырского слышались в произношении отцом Николаем этого «предуведомления»! Как естественно и вместе трогательно произносил он его и какое неотразимое впечатление производил на кающихся! Как глубоко поразительно было иногда произнесение отцом Николаем, с ударением на слове «невидимо», предостережения: «Се, чадо, Христос невидимо стоит!» Слово «стоит» батюшка всегда здесь произносил с малороссийским акцентом — «стоить», пользуясь и этим незначительным, по-видимому, средством для упрощения своей речи и сообщения ей большей выразительности и силы.

Страх и трепет и совершенное, детское смирение охватывали души кающихся, уже вполне готовых пред лицом невидимо Стоящего принести совершенное покаяние в своих грехах. Продолжая читать далее это «предуведомление» и приглашая кающихся к чистосердечному пред Богом исповеданию своих грехов, батюшка указывал им все новые и новые основания — побуждения для этого и нарочито подчеркивал выражения, в которых заключались эти побуждения. Замедляя чтение слова «свидетель» («аз же точию свидетель есмь»), батюшка удивительно как-то ясно определял пред кающимися свое значение, как пастыря в деле их исповеди, облеченного властью быть свидетелем — посредником во вновь заключаемом ими, чрез покаяние и исповедь грехов, союзе — завете с Богом. «Ответственность за искренность покаяния и

чистосердечие исповедания грехов всецело, как бы, так говорил батюшка, лежит на совести вашей, кающиеся, а я буду свидетельствовать на Страшном суде только о тех грехах, которые вы мне исповедали, а за исповеданные иерею и отпущенные им грехи уже душа не подлежит казни».

С такой старческой мудростью приготовив пришедших на исповедь, одних возбудив от душевного усыпления обыденной жизни, а других ободрив и утешив упованием милости Божией, всех же утвердив в истинном страхе Божием и благоговении, батюшка отец Николай приступал уже к самой исповеди, сначала общей, а затем частной. Он вручал кому-либо из присутствующих, большей частью кому-либо из монашествующей братии, книжицу и указывал ему читать вслух медленно и громко, так, чтоб все слышали, повседневное исповедание грехов. Все остальные кающиеся должны были произносить за читающим, слово за словом, громко и отчетливо, это общее исповедание грехов. При этом отец Николай строго следил за тем, все ли громко и отчетливо повторяли слова за читавшим. Заметив, что кто-либо не повторял, батюшка делал ему строгое замечание: «кажить вси», объявлял всем, чтобы все они произносили все слова исповедания, говоря, что во время исповедания устного пред духовником человек невидимо освобождается от невидимых врагов и очищается от содеянных и исповеданных грехов.

После молитв к исповеди и исповедания общих, повседневных грехов (которое батюшка практиковал ради ускорения дела исповеди, чтобы каждый отдельно не повторял уже раз исповеданного и не задерживал этим других, ожидавших исповеди), все имеющие исповедоваться, за исключением одного из них, выходили в «залу». Батюшка всегда исповедовал по одному человеку. (А об исповеди по нескольку человек сразу он выражался, что это вовсе не исповедь, а поругание ее, один только грех, как для духовника, так и для пасомых, принуждаемых такой исповедью, из ложного стыда, скрывать свои грехи и не имеющих возможности чрез это искренно на духу покаяться.) Когда кающийся сообщал свои грехи, батюшка сидел на скамеечке у выдвигавшейся из стоявшего

пред иконами шкафика доски, заменявшей аналогий. На ней обычно лежали крест и Евангелие.

Начиная совершение частной исповеди, батюшка вопрошал кающегося, не имеет ли он еще в чем-либо, кроме высказанного при исповедании общих грехов, покаяться? За этим следовало со стороны кающегося исповедание грехов, а со стороны батюшки терпеливейшее выслушивание исповеди.

По утверждению многих, исповедовавшихся у отца Николая и испытывавших на себе всю силу его пастырского — отеческого, старческого влияния на исповеди, батюшка относился к своим чадам духовным с такой мудрой духовной любовью и снисходительностью, какую едва ли может оказывать даже редкий отец или мать!

Не стесняемый никакими обычными предвзятыми мнениями и понятиями — их не было у совершенно отрекшегося от мира и мирских похотей, которые именно и представляют в ложном свете все земное, — батюшка относился ко всем без исключения одинаково просто по духу веры и поэтому приобрел себе великий дар рассуждения, глубокого понимания человека среди всех его обстоятельств, состояний и положений житейских. Проникая в глубину души человека своей мудростью, батюшка и всегда, а особенно на исповеди, говорил всем кающимся чистую правду о них. Но делал это так просто, естественно и непринужденно, так умно и осторожно, с такой свободной прямотой и независимостью и в то же время с такой добротой и искренностью и изящной деликатностью, нередко в форме шутки или невинной остроты или народной пословицы, что тот, к кому это относилось, как ни тяжело было слышать горькую правду, принимал слова батюшки с радостью и с полным миром душевным, которого батюшка никогда не мог поколебать в чадах своих. Сам исполненный мира душевного, он скорее мог и умел передать его и чадам своим. Притом батюшка высказывал спасительные суждения свои по тому или иному вопросу только тогда, когда являлся к тому повод — вопрос или недоумение кающегося. Сам же обычно не прерывал речи кающегося и только тогда, когда последний останавливался,

умолкал, по необходимости предлагал вопросы: «а еще что?», «больше ничего?»

После изъявления кающимся всех своих грехов батюшка произносил разрешительную молитву. Произнесение и этой молитвы было какое-то особенное, всегда также проникнутое сознанием духовной Богодарованной власти вязать и решить, любовью к Богу и ближнему. Своим любвеобильным сердцем, своим чувством всепрощения, так выразительно звучавшим в тоне, батюшка как бы старался дать кающемуся почувствовать, что он, пастырь, духовник, лично прощает ему все исповеданные грехи и разрешает его от них и что, следовательно, согласно обетованию, и Сам Господь на небе прощает и разрешает. Это сознательно разумное чтение разрешительной молитвы с выражением личного святого чувства живой веры и любви (а не формально обрядовое, как часто бывает) производило в сердцах кающихся и живую же, сознательную уверенность в том, что все исповеданные грехи действительно прощены Богом, по дару и власти всесвятого Духа, совершающего чрез пастырей Таинства Церкви Христовой. Искренно покаявшийся на исповеди — а пред батюшкой едва ли было возможно кому-либо оставаться неискренним — действительно уходил духовно новорожденным младенцем, как любил выражаться сам батюшка об истинно покаявшихся, с примиренной, успокоенной совестью, с утешением духовным и умилением сердечным и с совершенной признательностью к самому батюшке, как человеку Божию, с таким усердием и любовью совершающему силой Божией Благодати дело спасения ближних. Нередко можно было видеть выходящих из кельи батюшки в «залу», после исповеди, богомольцев плачущими, хотя нельзя было не заметить, что слезы эти были не столько слезами безутешной скорби, а скорее началом плодов истинного покаяния, слезами тихой, мирной духовной отрады, воссиявшей в их сердцах на исповеди.

Какое удивительное постоянство терпения, можно сказать, превышающего силы человеческие, обнаруживал батюшка в ведении бесед с посещавшими его и вообще в обращении с

людьми! Как снисходительно-участливо относился он ко всякому желающему беседовать с ним, просить у него совета, наставления! И сколько же посетителей было у него с этой целью! По истине нужно было изумляться, как, живя посреди столь великой суеты и испытаний всех возможных родов, непрестанно находясь в общении с людьми, отец Николай мог сохранять и сохранял то свое духовное устроение трезвения и непрестанной молитвы, благодаря которому в нем непрестанно сияла и озаряла других его облагодатствованная мудрость духовная. Так, он мудро покрывал себя среди общения с людьми своим глубочайшим смирением, как непроницаемым щитом от стрел вражьих.

А необходимость в этом покрове смирения и опасность без него была крайняя. Ведь почти все те из богомольцев, которые посещали отца Николая, приходили к нему, наслышавшись о его мудрых советах, о его прозорливосте: что он скажет, так тому и быть. Поэтому обращались к нему как к святому прозорливцу, прося разрешить их недоумения и наставить, что делать в том или другом случае. Как же держал себя отец Николай посреди этой сени смертной, непрестанной опасности со стороны тщеславия, славолюбия, духовной гордости? С достойным подражания умением и всегдашним успехом, иногда кротко, но нередко и со строгостью и твердой настойчивостью старался уничтожить мнение богомольцев о нем как о прозорливце. Выслушав какую-либо неразумную просьбу какой-либо богомолки предречь будущее, отец Николай строго начинал говорить ей: «Иды до Бога, до Божией Матери и святых угодников и молись усердно: что тебе Господь положит на сердце, куда оно склонится, так ты и поступи». Или же советовал сначала свое дело хорошенько обдумать и взвесить все то, что можно было бы сказать за или против него, а затем, помолившись усердно, ожидать, смотреть, куда склонится сердце, и сообразно с расположением сердечным действовать. Но когда не удовлетворялись некоторые неугомонные богомолки и этими, так просто высказанными отцом Николаем наставлениями святоотеческими, заимствованными из книги вопросов и ответов пре-

подобного Варсонофия Великого и Иоанна пророка, и в своем наивном любопытстве и упорстве просили от него предсказания, случится ли с ними и их близкими то или иное событие, будет ли то или иное лицо счастливо в замужестве за таким или иным лицом, тогда отец Николай со святым негодованием делал им строгий выговор. «Один Бог только и знает будущее, — говорил он им, — мы же, как неключимые рабы, должны трудиться и молиться, чтобы Он благословил всякое доброе намерение и дело наше и направил его к добру. А вы (попрывыкалы) привыкли ходить к ворожеям и у них искать предсказаний будущего, то и сюда пришли за тем же? Так поступать богомерзко, и это есть погибель для души».

Когда же вопросы были более или менее разумны, батюшка, терпеливо выслушав их, давал необходимые ответы. При этом можно было заметить, что для него не было необходимости входить в подробности того или иного дела, он сразу, из нескольких слов уяснял себе суть, смысл его, и также сразу, не затрудняясь, при помощи общих истин и правил житейской мудрости, так просто и вразумительно разрешал недоумения богомольцев, что они всегда уходили от него с глубокой благодарностью, получив как бы больше, чем ожидали. Да и неудивительно это последнее: в самых простых, обыкновенных выражениях и словах, высказываемых отцом Николаем, дышала какая-то особенная, духовно утешающая, как бы оздоровляющая душу сила. И как поразительно действенны были очень часто его простые, даже как бы нечаянно высказанные, слова! Достаточно было отцу Николаю сказать несколько слов самых обычных своим особенным тоном строгой, как бы нарочно принятой на себя серьезности, в котором чувствовалась бездна доброты, святого невинного юмора, которым бы, кажется, он и духовно мертвого развеселил, в котором было столько непоколебимого ничем благодушия, благодатного мира и радости о Дусе Святе, чтобы у пришедшего к нему за утешением мгновенно и незаметно, как бы от прикосновения чудодейственного какого-либо жезла, рассеивалось самое тяжелое настроение,

самая жгучая, горькая печаль и сменялась детски простой радостью и весельем, смехом до слез, светлым благодушием и благонадежием, желанием жить вечно в этом чувстве жизни, радости и блаженства, которое охватывало душу. Иногда же слово отца Николая как бы чудесно избавляло душу грешника от опутывавших его козней вражеских. Вот пример этого. Однажды ранней весной, когда еще на реках едва начался ледоход, произошло у батюшки следующее обстоятельство. По обычаю своему утром, после ранней литургии, он вышел в «залу» принимать богомольцев, пришедших к нему на исповедь или только за советом и благословением, и стал преподавать им благословение. Вдруг из среды богомольцев выделилась одна богомолка и в каком-то странном душевном состоянии очень громко, вслух всех, бывших там, обратилась к отцу Николаю с сообщением, что вот она такая несчастная, безталанная и что поэтому хочет сейчас же идти и утопиться в Днепре. А батюшка, не прерывая своего дела, продолжая преподавать богомольцам благословение, быстро оборотившись в ее сторону, сказал ей как бы в тон так же громко, вслух всех, и по своему обыкновенно серьезно и на малороссийском наречии: «Пидожды, пидожды, бо ще вода холодна». Обезкураженная таким оборотом речи отца Николая, пристыженная пред всеми богомольцами словами его, эта несчастная женщина как-то внезапно пришла в себя, одумалась и сначала спокойно, а потом и со слезами горького сожаления и покаяния стала слушать наставление батюшки о том, как ужасен грех самоубийства.

Но особенно в деятельности духовного руководителя иноков по пути христианского совершенства обнаруживались у отца Николая высокие качества его: мудрость духовная и сила молитвы. Особенно в этом роде деятельности отца Николая невидимый его внутренний подвиг делателя, совершителя непрестанной умной молитвы, становился как бы видимым в тех плодах трудов и дарах Благодати Божией, при помощи которых он совершал это свое главнейшее и труднейшее служение святой обители Киево-Печерской и ее братству.

Вот некоторые существенные свойства и черты его духовного руководительства.

Прежде всего и более всего главным руководительным средством у батюшки, которым он вел своих чад духовных на пути спасения, была его всегдашняя, Богоугодная, отеческая молитва о них. Испрашивая им у Бога ежедневно за Божественной литургией милости и благодатной помощи в деле совершения каждым своего спасения и послушания, при личном свидании с ними он был уже готов преподать им необходимое для каждого наставление. Передаваемое им в личной беседе было именно то, что вымолил он для каждого из них у Сердцеведца Бога, то есть именно то самое, в чем каждый в то или иное время имел нужду. Поэтому-то слова-назидания приснопамятного батюшки и наставления его духовным чадам были от Духа Божия и так мудро всегда были сообразованы с особенностями характера, свойствами и духовно-нравственными состояниями, не только общими, но и частными условиями жизни и послушаний каждого из них. Слово батюшки поэтому, как слово облагодатствованное, имело внутреннюю силу духовную и имело особенную действенность на сердца человеческие. Он умел всегда сказать каждому именно то только, что необходимо было сказать в данное время, при той или иной потребности, и ни более, так что от исполнения того, что он советовал сделать, нельзя было и отказаться. Говорил же всегда так, что наставлению его нельзя было не последовать, нельзя было противиться его слову, духовной силе и разумности его суждений. Хотя, будучи в высшей степени любящим отцом своих духовных чад, он свои наставления всегда предлагал, по примеру Господа Иисуса Христа, не в форме повелений и принуждений, так сказать, навязывания, как говорится, другому своего мнения, даже истинного, прекрасного. Но ожидая от них свободного расположения к Богоугодной христианской жизни, а также не желая подвергать их великому осуждению за неисполнение испрошенного добровольно отеческого наставления, по своей мудрой предусмотрительности и сердечной деликатности, батюшка выражал большей частью свои

наставления в форме предложения и разрешения: «можно», «а як же», «та треба» — и предоставлял больше на свободу избрания самого просителя наставлений, как поступить в том или другом случае. А когда требовали обстоятельства какие-либо особенные, тогда он ясно и прямо свидетельствовал истину и говорил, что поступить следует так, а не иначе, так что его слово не было «и да», «и нет», а всегда «да», но всегда соединено было с великой и мудрой осторожностью и предусмотрительностью.

Батюшка и не скрывал секрета силы и действенности своего слова на сердца людей. Желая научить чад своих духовных говорить, что следует и кому следует так, чтобы слово наставления приносило пользу и было принимаемо слушающими, он советовал употреблять следующее средство, то есть именно то, думаем, в силе и благотворности чего убедился сам собственным опытом, чему и сам всегда следовал. «Если хочешь, — говорил он, — чтобы тебя послушали и приняли к сердцу твои слова, если намереваешься принести кому-либо духовную пользу посредством слова, то прежде чем кому говорить что-либо, помолись о нем Богу, а потом уже скажи что следует. То Бог, приняв твою молитву, расположит его сердце к принятию от тебя слова наставления». Вот поэтому-то батюшка имел какую-то особенную силу и власть духовную над чадами своими, особенно проявлявшуюся в примирении и устранении недоразумений, «скорбей», возникавших между некоторыми из братии. Когда приходил к нему кто-либо с жалобой на другого, то батюшка приглашал их вместе к себе для беседы. И какова бы ни была их взаимная «скорбь», отец Николай всегда, с какой-то необычайной простотой и легкостью, как бы шутя, примирял их и словом назидания так располагал их друг к другу, что у них не оставалось и тени взаимной «скорби», и уходили они от батюшки успокоенные, с полным миром душевным.

Другой общей характерной особенностью духовного руководительства батюшки отца Николая было то, что он не давал сам своим духовным чадам правил и наставлений частных, для частной жизни каждого. Он всегда старался сооб-

щить им свой дух, дать им общее доброе направление и настроение для всех сторон их духовной жизни и деятельности. Не устанавливая для них и не возлагая на выи их никаких особенных правил для поведения, но возводя постепенно от закона к благодати, батюшка старался воспитать в чадах своих духовных ту свободу любви христианской, которая, утвердившись в душе христианина, является главным условием, при котором он легко и с одушевлением может все в своей жизни направить к Богоугождению, то есть спасению своей души и ближних своих.

Он учил и новоначальных своих духовных чад — иноков непрестанно молиться, дышать, так сказать, умной молитвой Иисусовой, говоря, что ее можно совершать и без четок, но со смирением и терпением, что она имеет великую силу, что с нею можно и в миру безбедно, безопасно жить, а без нее и в монастыре трудно. Ею особенно нужно пользоваться тогда, когда враг нападает и старается или через внешние чувства, или через греховные помыслы войти в душу. Даже когда он, пользуясь неопытностью или нерадением человека, проникнет в сердце его и начнет уже властно принуждать его ко греху, действуя на кровь, то изгнать из сердца этого лютого врага может только одна молитва Иисусова, сказываемая умом в сердце с верою и любовью, с терпением и усердием. Она, как огонь вещество, невидимо, силой Божией опаляет диавола и его демонов, так что, не вынося ее, он оставляет человека. «Мы, — наставлял батюшка своих духовных чад, — всегда должны исполнять волю Божию, заповедь апостольскую *непрестанно молитеся* (1 Сол. 5, 17). Но, трудясь в молитве постоянно, не должно ждать сейчас же и плодов ее, например каких-либо духовных утешений, духовно-благодатной сердечной молитвы, как бы награды за труды. Если будут в душе добродетели и усердие, то Бог в свое время, когда нужно будет, пошлет и духовно-благодатную, сердечную молитву. Молитву Иисусову нужно творить и иноку, и мирянину, не взирая на сухость душевную: эта самая сухость душевная пройдет от терпеливого совершения молитвы».

Батюшка, как было выше замечено, советовал духовным чадам своим и Богослужение церковное посещать по возможности неопустительно и упражняться всегда в умной молитве. Но особенно он советовал определить себе для упражнения в умной молитве какой-либо час ночи или утра раннего, когда царит полнейшая тишина, и всегда уже в этот час упражняться в ней не особенно долго, четверть часа, а то и менее, по силам. Осторожный и осмотрительный во всем, батюшка был крайне, до боязливости осторожен особенно в деле сообщения инокам правил «художного», как говорят подвижники, совершения умной Иисусовой молитвы. Он опасался, чтобы его чада духовные, не поняв и не заметив в точности его наставлений об этом, не потерпели бы вместо пользы вреда, «не попортили», как выражался он, себя, не впали бы в прелесть, самообольщение. Вследствие этого о «художном» совершении молитвы Иисусовой он делал наставления не многим. «А то, — высказывал батюшка, — один начнет заниматься этой молитвой и привыкает ум, внимание держать в голове, жить представлениями, воображением и фантазией и так испортит свой мозг, что может сойти с ума. Другой начнет сосредоточивать ум и внимание на легких и окончательно испортит их, так что заболевает болезнями легких, ибо молитва умная имеет очень великую силу: если ее совершать правильно — пользы, какую она приносит человеку, нельзя и выразить словами; если же творить неправильно, то она может стать источником неисчислимого вреда и для души, и для тела. Если кто, совершая ее, внимание и ум будет иметь посредине сердца или ниже его, то его охватят пламень похоти плотской и срамные плотские помыслы. Если внимание и ум будут сосредоточены на каком-либо из боков, краев сердца, то есть его верхних боковых частях, то такой неумелый подвижник погрузит ум свой в помыслы и чувства раздражительности, гнева и ярости. И только кто навыкнет во время совершения умной Иисусовой молитвы утверждать ум свой и внимание посредине верхней части сердца, тот и получит от молитвы великую пользу духовную. «Уж лучше, — говорил отец Николай, —

при произнесении молитвы Иисусовой не сосредоточивать внимания и ума ни в каком месте своего тела и так трудиться, пока не пошлет Господь дара сердечной молитвы». А в предупреждение от прелести особенно убедительно советовал батюшка прочитывать учение святого Симеона, Нового Богослова, о трех образах внимания и молитвы («Добротолюбие». Т. 5-й. С. 500—510), при помощи которых подвижник или преуспевает, или низвергается. Преподавая своим духовным чадам — инокам наставления о молитве, батюшка советовал считать и иметь ее самым необходимым и спасительным средством и долгом как всякого христианина, так инока в особенности.

Нередко он говорил: «Что́ бы с тобой ни случилось, в чем бы ты ни имел нужду, сейчас обращайся к Богу, к Божией Матери, Угодникам. И всегда получишь просимое. А кроме этого, никогда не должно забывать слов Спасителя: *без Мене́ не мо́жете твори́ти ничесо́же* (Ин. 15, 5), и поэтому всегда и во всем обращаться к Богу и призывать Его на помощь».

Но всего более батюшка старался воспитать в чадах своих истинное смирение и смиренномудрие и через это сделать почву их душ плодородной, способной ко всякой добродетели, пригодной для возращения на ней дара молитвенного. Прежде всего, конечно, примером собственной смиренномудрой жизни и деятельности он достигал этого. Его собственный такт, тон глубочайшего смиренномудрия в отношениях к посещавшим его чадам его духовным заставлял их, хотя в минуты и часы пребывания у батюшки, забывать о всех своих нередко мнимых достоинствах и преимуществах и нисходить в глубину истинного смирения и смиренномудрия.

Но, кроме собственного примера, у него были и некоторые свои особенные приемы, при помощи которых он нередко вводил в дух смирения некоторых своих чад духовных.

Когда, например, они приходили к нему в количестве нескольких человек ради поздравления с праздником Рождества или Воскресения Христова или 6 декабря для поздравления его с днем Ангела, то он, после обычных приветствий

и краткой беседы о чем-либо, как-то очень кстати предлагал всем им в самой невинной, исполненной благодушия, форме какие-либо вопросы для разрешения, заимствуя их из житий святых, церковной истории и Священного Писания. В пасхальные святки, например, батюшка иногда вопрошал пришедших о том, что сталось с теми святыми, о которых в Евангелии сказано: *и мно́га телеса́ усо́пших святы́х воста́ша, и изше́дше из гроб, по воскресении Его, внидоша во святый град и яви́шася мно́зем* (Мф. 27, 52. 53). В Рождественские — о Вифлеемской звезде, путеводившей волхвов восточных к Богу, явившемуся во плоти, — что́ такое была эта звезда? В других случаях батюшка предлагал другие вопросы, и всегда он умел выбрать такие, что из пришедших редко кто был в состоянии, без предварительной подготовки, ответить так батюшке, как это ему хотелось. При этом всех пришедших охватывало общее веселье и некоторое смущение от крайней простоты вопроса. «Где жил прежде преподобный Антоний, в ближних или дальних пещерах? или почему ближние пещеры называются ближними, а дальние — дальними?» — вопрошал батюшка. И знающие, читающие все, кроме житий святых, приходили в недоумение, затруднялись отвечать. Тут начнутся всякие предположения со стороны пришедших, а батюшка только как бы горько подсмеивается да разбивает их суждения своей простой логикой. Убедившись, что из пришедших к нему мудрецов никто не может точно ответить на предложенный вопрос, батюшка делал вслух вывод: «Оце, так, довчылысь!» И с крайним добродушием начинал укорять их за то, что они не все знают и, приведя таким образом к полному смиренному сознанию, что они действительно не все знают и даже много очень простого не знают и не могут разрешить, потом сам разрешал не разрешенное ими. Весь этот экзамен батюшка производил с такой, исполненной малороссийского юмора, серьезностью, что все экзаменовавшиеся чуть не до слез смеялись, и так умело и незаметно, в собственных их мнениях, смирял их, что они после таких экзаменов исполнялись и искренним, смиренным благоговением пред Еван-

гельской мудрой простотой своего Богомудрого отца духовного, и полным благодушием и каким-то особенно радостным чувством от одного только представления, как это так хорошо умеет батюшка смирить их и развеселить. И вот этим или подобным способом — их у него было великое разнообразие — приснопамятный батюшка умел передать, сообщить так или иначе почти каждому из посещавших его дух смирения, то есть как бы часть того настроения, которым преисполнена была без меры душа его. Достигал он этой цели иногда при помощи одного даже взгляда или краткого слова и замечания, дышавшего каким-то удивительным юмором, духовным, святым остроумием. Обратив свое внимание, например, на не совсем правильный способ совершения пришедшим к нему крестного знамения и попросив совершить его истово, правильно, уж этим самым батюшка достигал своей цели. «А скилько тоби лет?» — спрашивал он пришедшего и неправильно перекрестившегося, и, так сказать, одним этим вопросом уничтожал его, смирял до последней крайности. Или вот еще пример. Некто из духовных чад отца Николая, входя к нему в келью, не зачитал, обычно читаемой в обителях, при входе в келью чужую, молитвы: «Молитвами святых отец наших, Господи Иисусе Христе, Боже наш, помилуй нас!» Войдя в келью, он сказал просто: «Здравствуйте, батюшка!» А батюшка, сидя в своем креслице, готовый принять пришедшего гостя дорогого, отвечает ему со своей великой строгостью: «Як?» «А еще что?» — и этим так обескуражил его, что он не знал, что и говорить. А затем, рассмеявшись самым благодушным образом, стал спрашивать: «А що злякав (испугал) тебя?» — и научил, что нужно произносить при входе в келью вышесказанную молитву. Или еще: на вопрос одного, жившего в Киево-Печерской лавре некоторое время после пострига новоначального инока, воспринятого от мантии отцом Николаем: «Следует ли, выслушав всенощную с вечера, ходить и в великую церковь на утреню, а после нее уже идти на раннюю литургию?» — батюшка ответил обычным своим тоном: «А на щож бокы

одлеживать?» Чтобы понять всю соль этого ответа, нужно знать, что этот новоначальный инок, высокий во всех отношениях и знатный по предшествовавшей и последующей своей общественной деятельности, был очень крепкого телосложения и даже несколько тучен. Выражение это, может быть, сразу произведшее на душу некоторое неловкое впечатление своей как бы вульгарностью, впоследствии приводило, при воспоминаниях о батюшке, в самое благодушное настроение и самого этого инока, и тех, кому о таком отношении к нему и обращении с ним батюшки было сообщено.

Но были у отца Николая и другие способы учить смирению своих духовных чад. Некоторым из них, посещавшим его ради душевной пользы, он предлагал как бы урок: выяснить, в чем состоит смиренномудрие. Как бы нарочно для этого у него имелась, висела на стенке табличка: восьмая доля листа бумаги наклеена была на картон, и напечатано там было полууставом учение о смиренномудрии — краткое, но в существенных чертах изложенное определение добродетели смиренномудрия. Вот эту-то табличку и давал батюшка читать кому-либо из пришедших для назидания. «Смиренномудрие, — гласила она, — состоит в том, чтобы никогда и никого сердцем своим не осуждать, не держать в душе своей памяти о причиненном зле и отпускать ближним согрешения их против нас; считать себя ниже и хуже всех людей, всегда и во всем быть готову отдать предпочтение другим пред собой; пред Богом же всегда и во всем себя осуждать и не считать себя достойным тех естественных и благодатных Даров, которыми Он награждает. Такой человек пред Судом Божиим, как не судящий и не осуждающий ближнего, — не Судится, как прощающий всем согрешения их — прощается и как смиренный, смиряющий себя пред всеми — оправдывается». Вот так поступать и советовал батюшка своим чадам духовным.

Нередко для научения их смиренномудрию батюшка рассказывал им о некоторых событиях из жизни святых, явивших

в своем лице великие примеры смиренномудрия. Такими рассказами батюшка запечатлевал в сердцах их великое значение, силу и крайнюю необходимость добродетели смиренномудрия, без которого ни одна добродетель и доброе дело не могут иметь пред Богом цены. «Ни о чем так враг наш — диавол не заботится, — говорил батюшка, — как о том, чтобы лишить нас смирения, привлекающего Благодать Божию, и ввергнуть в гордость, отвергающую нас от Бога. Нужно иметь о себе поэтому такое мнение, какое имели святые, чтобы совершенно враг не мог подступить к сердцу, ибо смирения, как силы Божией, сатана трепещет и бежит от него. А гордость, напротив, в один миг может лишить милости Божией и подвергнуть рабству диавола, как это случилось с одним святым, который, причащаясь Святых Таин, в самомнении помыслил о себе, что вот он достойно принимает Святые Таины. Но в тот миг, как он это помыслил, Ангел Божий взял у него из рук Святое Причастие, а на него напал диавол. В подтверждение значения и силы смирения в борьбе со врагом батюшка приводил часто пример из жизни преподобного Симеона Столпника. Диавол, во образе Архангела Михаила, на огненной колеснице, запряженной огненными конями, по Попущению Божию, явился этому преподобному и говорит ему: «Вот ты уже угодил Богу, как Илия пророк, поэтому Бог послал меня и огненную эту колесницу, чтобы взять тебя, как Илию, на небо». А святый ему ответил в своем глубочайшем смиренномудрии: «Ты, вероятно, ошибся и прибыл не к тому человеку, к которому послан, ибо то, что ты говоришь, не может относиться ко мне: я человек грешный». Как только он это сказал, диавол, палимый, как огнем, смирением подвижника, мгновенно исчез».

Наконец тем своим духовным чадам, которые исповедовали ему, что не имеют смирения и смиренномудрия, а, напротив, постоянно боримы бывают противоположными качествами, батюшка отец Николай советовал отказаться от своего «я» самолюбивого и начать труды самоотречения. А главное, говорил им батюшка, нужно молиться Богу, чтобы Он даровал смирение, и очищать свою душу покаянием и исповеданием

пред духовным своим отцом помыслов. Без труда же самоотвержения и без очищения души скорбями и лишениями и особенно без возможно частого исповедания пред опытным духовником греховных помыслов, живя в покое, человек постепенно начинает быть всячески довольным собой, помышлять о своих мнимых достоинствах как о действительных и, сравнивая себя с другими людьми, мытарями и грешниками, считает себя святым и безгрешным. Если же случится, что кто-либо, по Божию Попущению, только прикоснется, например, словом укора или обиды, оскорбления к душе так помышляющего о себе, то и станет очевидной вся его мнимая добродетель: он никак не может перенести обиды, унижения и начинает озлобляться на обидчика и всячески мстить ему, уподобляясь неведущему учения Христова язычнику. Нужно заботливо сопротивляться всякой страсти: гневу ли, гордости, зависти, тщеславию и делать это сейчас же после появления помыслов этих страстей, не соглашаться мысленно с тем, что внушает невидимо враг. Нельзя давать этим помыслам и минуты пробыть в душе и укорениться в ней, ибо чем дольше с ними не бороться, тем труднее с ними становится борьба, и Ангел-хранитель может отступить от нас за несопротивление злу, греху. Если же человек не соглашается с диавольскими помыслами страстными, то Ангел-хранитель, видя благое произволение души, сейчас отгоняет от нее врага. Богу и врагу нашему нужно только произведение наше, так как нам дана свобода избирать благое или злое и отвергать противоположное избранному. Ни Господня Благодать, ни враг не принуждают человека насильно делать что-либо, но только предлагают: благодать — благие помыслы к совершению воли Божией, а враг — помыслы лукавые, греховные, злые, соблазняющие ко греху. Только уже склонение человека своим произволением в сторону добра или зла вменяется ему в заслугу или осуждение.

Утверждая чад своих духовных во смирении, батюшка советовал им не забывать и крепко помнить, что мы ничего своего не имеем, а все, что имеем, не наше, а Божие. Тело — от Бога, душа — от Бога, ум и все душевные силы — от Бога,

различные знания и искусства, образование — дар Божий, сан, власть и все благое, что мы имеем для душевной и телесной жизни, своей и ближних своих, — это дары милости Божией, за пользование которыми нужно будет отдать Богу в свое время строгий отчет. Мы и греха не должны считать своим собственным произведением, принадлежащим нашей природе. Ибо, если грех и живет в нас, людях, то и он не наше произведение, а вошел к нам от врага Божия и нашего. Поэтому если мы оказываемся неимеющими ничего своего, а все у нас от Бога, то у нас нет чем тщеславиться или гордиться. Напротив, мы должны за все и всегда благодарить Бога и всячески смиряться, готовясь дать во всем ответ Ему. Ибо наша жизнь земная есть жизнь подготовительная и краткая и дана нам не для того, чтобы мы тщеславились или гордились один перед другим своими достоинствами и преимуществами. Мы рождаемся в этом мире для того, чтобы прославлять Творца и послужить Ему, потрудиться во славу Его над созданием Его рук, этим видимым миром, порученным нам во владение, и чрез это обрести милость у Бога, потрудиться для своего блага и спасения, и для блага и спасения ближних. И, несмотря на то, что мы должны весьма много в жизни своей трудиться и всегда молиться, как неключимые рабы, нам нельзя ни на минуту забывать того, что спасает нас Господь Бог по единой милости своей, а не по делам нашим. Чтó сильнее этого помысла может побудить нас к совершеннейшему смирению? Где при таком нашем положении место тщеславию или гордости? Но бедствие человека и состоит в том, что он или не знает ничего о себе и о своем положении в этом мире, или, если и знает, то забывает. (Неведение и забвение.) Если же не знает или забудет об этом, то и ввергает сам себя в различные бедствия. Забыв, например, что мы спасаемся, несмотря на все наши труды и заслуги, единственно только по милости Божией, подвижник начнет уже с иной целью и намерением, расположением духовным, и поститься, и молиться, читать душеполезные книги. Он с горделивым намерением самопроизвольными подвигами, совершаемыми с тщеславием, захочет сам заслужить, как бы купить себе у Бога спасение. Но без

руководства и наставления опытных руководителей, которых он не хочет слушать, своими неразумными подвигами так испортит себя, расслабит свои силы, что станет не способным ни к какому делу — послушанию, и начинает уже лечиться всю жизнь, а не подвизаться. Нужно избегать гордости и тщеславия еще особенно потому, что они имеют столь пагубные последствия, и за подвиги поста и молитвы без духовного руководителя не браться, чтобы, вместо пользы и спасения, не потерпеть тяжкого вреда или даже не впасть в совершенную погибель. Нужна осторожность, чтобы по самомнению или из тщеславия и гордости не взять на себя трудов и подвигов, превышающих силы, и без помощи духовного руководителя подвигами не зайти туда, где очень тонко. Ибо, не удержавшись, не умея удержаться на духовной высоте, можно упасть с нее и не только ушибиться, но и искалечиться, сделаться непригодным ни для подвигов духовных, ни для прохождения послушания.

Вот еще совет батюшки отца Николая, всячески предостерегавшего своих духовных чад от опасности потерять смирение и впасть в гордость. «Нужно стараться и не смотреть за тем, как другие живут и действуют, а непрестанно следить за собой, что и как сам делаешь. А если человек перестает строго следить за собой, то, естественно, сейчас же обращает внимание на других и начинает судить их: «Тот или этот не так живут, как следует, а вот этот не так, как подобает, действует». Но пройдет немного времени, смотришь, а сам судивший и осуждавший других за осуждение и гордость так расстроится, ибо благодать отступает от него, — что не знает как и быть, как исправиться, поправить свои обстоятельства и сам начинает допускать такие поступки, каких и другие, осужденные им, не делали, и не может перестать их делать, хотя и самому стыдно, и от Бога и людей осуждение. И сам, без особой милости и помощи Божией, пока не покается, не может выйти из своего поистине бедственного состояния. Всегда должно помнить, что каждый сам за себя даст ответ Богу. Но если тебе попущено будет, продолжает батюшка, за гордость и тщеславие, чтобы ты подвергся такому наказанию или впал

в грех, а то просто, чтобы постигли тебя за грехи разные испытания, несчастья, неприятности скорби, то всячески старайся не допустить в себе и на малое время жить унынию, этому самому ядовитому и погибельнейшему плоду гордости и тщеславия. Что бы ни случилось с тобой, не показывай и вида печали, скорби, уныния. Враг не знает того, что в глубине души христианина скрывается, а узнает об этом только из того, как человек ведет себя. Ища только повода, чтобы «морочить» человека, заметив, что он начинает унывать от чего-либо, враг сейчас подносит ему еще и еще что-либо тяжелое, обидное, оскорбительное, чтобы увеличить печаль и скорбь и незаметно довести до полной бездеятельности, отчаяния и погибели, когда человек, как говорится, голову потеряет, опустит руки и не хочет уже придумывать и просить у Бога помощи найти какие-либо средства выйти из бед и несчастья. Если заметишь, что согрешил в чем-либо, познаешь себя в грехе, сейчас, не медля ни минуты, иди до Бога и кайся, проси у Него прощения, *ибо несть грех, побеждающ человеколюбие Божие.* Мы должны в этом отношении уподобляться малому дитяти, которое если во время игры упадет, или ушибется, или его кто обидит, то сейчас же бежит к отцу или матери, ища защиты и утешения. А мать тотчас берет его на руки, утешает его, и оно сейчас же забывает о своем несчастье и снова весело начинает играть и бегать. Так бывает и с душой человека; согрешила ли она или впала в какое-либо несчастье, если тотчас с искренним покаянием и усердной молитвой прибегает к Богу, то снова получает Благодать и помощь от Бога и снова радуется и утешается милостью Божиею. Мы должны стараться, чтобы всегда иметь радость, о Бозе неотъемлемой. Жизнь нам дана не на печаль, а на радость, и потому каждый должен стараться всегда быть веселым: это освежает все силы человека, воображение, память, ум. При унылом же и сумрачном, печальном настроении все в душе бывает сдавлено, стиснуто, а это только и нужно диаволу: он особенно на мрачно настроенных, унывающих и угрюмых нападает.

Работу, то есть послушания свои разные, нужно исполнять со смирением, прося усердно у Бога помощи. Успех же дела

должно предоставлять воле Божией и не особенно о нем беспокоиться. А главное — никогда не хвалиться и не говорить с похвальбой: «Я то и то сделаю», потому что, если за тщеславие благодать отступит от человека, то хотя бы он и начал работать, например там писать какое-либо сочинение, то уж не будет в нем той силы, какую давала благодать. В чем есть нужда, сейчас до Бога, проси Его, потому что Он Сам сказал: *Просите и дастся вам.* Если просим, то и получаем, а не просим, то и не получаем. Во всем должно на Бога надеяться, а не на себя, на свои силы, способности и средства; то Бог никогда не оставит Своей всесильной помощью и Благодатью, ибо сказал: *Скорее мать забудет свое дитя, чем я забуду тебя.*



СВЯЩЕННОМУЧЕНИК СЕРАФИМ, ЕПИСКОП ДМИТРОВСКИЙ
(1871—1937)

Священномученик Серафим, епископ Дмитровский, — один из замечательных подвижников Русской Православной Церкви XX века.

Уже в годы учебы в Духовной академии Николай Звездинский (так звали будущего владыку в миру) прославился своими проповедями. Его первыми духовниками были великие старцы Зосимовской пустыни — Алексий и Герман, по благословению которых он и принял монашество. Ему довелось быть настоятелем Чудова монастыря и пережить в ноябре 1917 года штурм большевиками священного Кремля. В 1918 году богоборческие власти закрыли Кремль для верующих, монахов выселили.

В конце лета 1919 года Святейший Патриарх Тихон объявил архимандриту Серафиму, что имеет в нем нужду и желает видеть в епископском сане. Архиепископ Нижегородский Евдоким (Мещерский) просил поставить архимандрита Серафима во епископы Арзамаса. Для посвящения нужно было ехать в Нижний Новгород или Арзамас. Пропуск для поездки получить не удалось. Видя в этом Божие смотрение, святейший оставил отца Серафима в Москве викарным епископом, предоставив кафедру города Дмитрова. Старец Алексий благословил отца Серафима на архиерейское служение. Хиротонию назначили на 21 декабря 1919 года (3 января 1920 года), день святителя Петра Московского. Накануне в Епархиальном доме архидиакон Константин (Розов) провозгласил наречение архимандрита Серафима во епископы богоспасаемого града Дмитрова.

Подойдя к архиереям, отец Серафим низко поклонился и сказал слово, ясно изобразившее предстоявший ему исповеднический и мученический подвиг.

Три года, проведенные им в Дмитрове, для жителей города были годами сплошного торжества и праздника. Огненная молитва, приобщение отпавших, взыскание заблудших, утешение старцев, воспитание подростков, непрестанное поучение словом Божиим — таким было его служение. Епископ Серафим уже на общей исповеди приводил к покаянию нераскаянных грешников, а частная исповедь была такова, что те, кто никому не мог открыться, открывал душу епископу, как сердоболь-

ному отцу. По красоте и блеску его интереснейших проповедей народ прозвал его среброустом.

Паству свою епископ Серафим окормлял усердно, знал каждый дом. Как отец, всем был доступен. Народ толпился у дверей его дома, очередь скорбящих, притекающих за утешением, возрастала с каждым днем. Часто, возвращаясь поздно, он тем не менее заезжал к своим чадам. «Владыка, вот огонек, не нас ли ждут? Не всех успели объехать», — говорил келейник.

В декабре 1922 года начинается крестный путь владыки Серафима — он был арестован, помещен в Бутырскую тюрьму. Здесь, в тюремных стенах, сподобился владыка Серафим великого утешения и рассказал об этом так: «...валялся я, яко скот, на нарах, в грязи, табачном дыму... Вижу изумленными глазами седалище, а на нем Христос... весь в белом-белом одеянии, якоже белильник не может убелити... У меня тишина велия, радость неизреченная».

Но даже в ссылке и гонениях не прекращается общение великого старца со своими духовными чадами. Своей духовной дочери Е. Л. Четверухиной владыка говорил о старчестве как об особом даре Божием. Не каждый духовный отец является старцем для чад своих. Бывает так, что у духовного отца много чад духовных, а старцем он — для одного-двух. Это дается Богом. «Я не умею объяснить, почему это так», — говорил владыка. «Ты хочешь познать эту тайну, — говорил он, — ты ходишь кругом да около старчества, но еще не проникла в эту тайну». «Когда получишь старца, то будешь его чувствовать около себя всегда».

Другой раз он говорил: «Ты познаешь старчество, когда крест твой войдет в рамки терпения и смирения». Он учил, что кто искренно предаст себя в послушание духовному отцу, тот каждое слово его считает Словом Божиим. «Духовный отец по отношению к такому чаду ничего не делает и не говорит без внушения Божия».

Пройдя мученический путь ссылок, изгнаний, тюремных и лагерных заключений, владыка Серафим был расстрелян в Омске 26 августа 1937 года.

Духовные беседы священномученика Серафима, епископа Дмитровского

Есть восемь драгоценных камней, на которые можно купить дивную золотую цепочку с восемью золотыми звеньями. Эти камни следующие:

1) Господи
2) Иисусе
3) Христе,
4) Сыне

5) Божий,
6) помилуй
7) мя
8) грешнаго.

Или, лучше сказать, это один драгоценный камень; а вот и золотая цепочка с восемью звеньями:

1) хождение пред Богом,
2) страх Божий,
3) самоконтроль,
4) покаяние,
5) смирение,
6) мир душевный,
7) мир со всеми,
8) рай в душе, правда, мир и радость о Дусе Святе.

Ложась на ложе свое, отходя ко сну, твори непрестанно молитву Иисусову устами лишь, ибо иначе уже невозможно от утомления, но твори ее устами до тех пор, пока не погрузишься окончательно в глубокий сон.

Просыпаясь, старайся, чтобы самая первая мысль твоя была молитвой к Богу, ибо бес стремится и сторожит твою первую мысль, стараясь овладеть ею, и тогда весь день будешь в его власти. Как проснешься, не оставайся лежать на ложе твоем, но немедленно вставай, чтобы не нагнал на тебя бес какого мечтания или мыслей неподобных.

По морю житейскому

Тогда Он, войдя в лодку, переправился ***обратно*** *и прибыл в Свой город* (Мф. 9, 1). Какие же это были счастливые, блаженные люди, которые со Христом Спасителем вместе и в лодке по водам Генисаретского озера совершали плавание, и сквозь сеяния путь с Ним творили, и смотрели на Пречистое Лицо Его, и внимали сладчайшим паче меда и сот словесем Его! Если уж одно имя Его — Иисус Христос — так сладко, что подвижники никогда не могут расстаться с этим именем, непрестанно повторяя его и сердцем, и мыслью, и устами, то

сколь же сладостно и пресладостно было лицезреть Самого Сладчайшего! Да! Воистину рек Ты, Господи, ученикам Своим: *блаже́ни очи ви́дящии, яже ви́дите: глаго́лю бо вам, яко мно́зи пророцы и ца́рие восхоте́ша ви́дети, яже вы ви́дите, и не ви́деша: и слы́шати, яже слы́шите, и не слы́шаша* (Лк. 10, 23—24).

«Войдя в лодку...» Вот и вся наша жизнь — что иное, как не море, море безбрежное, непостоянное, бурное? Недаром и поется в одной церковной песне: «Житейское море, воздвизаемое зря напастей бурею, к тихому пристанищу Твоему притек, вопию Ти: возведи от тли живот мой, Многомилостиво!» (ирмос 6-го гласа, песнь 6). Море — жизнь наша... Волны на море то прибьют к берегу, то снова отхлынут... всплеснут — уйдут, вспенятся — исчезнут...

Так и в жизни: одно поколение придет — уйдет ... Другое его место займет... *Род прехо́дит и род прихо́дит*... (Еккл. 1, 4). Непогода, скорби сменяются ясными днями — радостями. И все мы плывем по этому морю житейскому. Каждому из нас дана ладья — тело наше. А в ладье находится пассажир, в очах Божиих наидрагоценнейший, дороже всей вселенной — это душа наша. Пассажира этого обязаны мы в целости и сохранности доставить на другой берег — в потусторонний мир, где уже нет бурь, нет волн, нет непогод, где тишина велия (см.: Мф. 8, 26). Для того, чтобы доставить туда невредимым пассажира — душу, необходимо во все время плавания зорко наблюдать за нашей ладьей — телом. Наблюдать, чтобы ладья эта была всегда чистой, плотской нечистотой не осквернённой, иначе может завестись духовная гниль, ладья накренится, затонет, ко дну бездны увлечет за собой и пассажира. Наблюдать надо, чтобы ладья была хорошо просмоленной воздержанием, покрыта была всегда покровом целомудрия, с большой осторожностью обходила всегда четыре главных подводных камня, могущих вконец разбить ее: первый камень — нега, второй — роскошь, третий — праздность, четвертый — леность. Наблюдать надо, чтобы два паруса ладьи — руки наши — чаще поднимались горé к небу с горячей мольбой о помощи свыше, а особенно, чтобы правый парус — десница наша чаще слагалась бы в истовое крестное знамение.

Да! Трудно, трудно плавание. Много потребно умения, бдительности, осторожности при управлении этой до крайности сложной ладьей. Не управиться одним нам, никак не управиться... Кормчего в помощь звать надо — не доплыть нам одним. О, Господи Иисусе, прииди, поспеши на помощь, «приближися, приближися нам, везде Сын» — прииди и Сам управляй нами! Сам через волны житейского моря веди и приведи нас «во Свой град — Иерусалим Небесный, идеже празднующих глас непрестанный и безконечная радость зрящих Твоего лица доброту неизреченную».

Корень жизни духовной

Духовная жизнь требует к себе большого внимания: самый незначительный проступок способен разрушить внутренний строй. Она подобна нежному цветку, который от грубого прикосновения моментально закрывает свою благоухающую чашечку.

У каждого дерева есть корень, ствол и ветви. Важнейшая часть дерева — корень. Если обрубить ветви, дерево живо, если срубить ствол, от корня пойдут новые побеги.

Моток ниток мотают на основу, не будь основы, ниткам не на чем держаться, и моток выйдет некрепкий, нитки рассыпятся.

И в духовной жизни есть свой корень, основа, без которой ее не может быть.

Что значит корень духовной жизни? Постоянное хождение перед Богом, или память Божия, не отходящая от человека. Все подвиги, молитвы, поклоны — только пути к единственной цели. Три канона, которые читаем, — путь, правило молитвенное — путь. Но если пути не доведут до цели, они предприняты тщетно. Если путник пойдет в дорогу и не дойдет до города, в который собрался, к чему было идти. Так и в духовной жизни, если не дойдет человек до цели — внедрить в себя память Божию, добиться, чтобы постоянно ходить пе-

ред Господом, значит, тщетны были его молитвенные подвиги и другие труды.

Надо уподобиться царю Давиду, воспевшему: *Предзрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть* (Пс. 15, 8). Тогда только и может исполниться то, о чем ежедневно несколько раз молимся в Церкви: «Дне сего совершенна, свята, мирна и безгрешна у Господа просим». Когда постоянно будем помнить, что Господь близ и наблюдает за нами, видит каждое дело, слышит каждое слово, знает всякую мысль и, даже когда спим, над нами есть недремлющее око, тогда только мы перестанем грешить, так как спасительный страх Божий поселится в сердце.

Лучшее средство для достижения этого, по свидетельству святых отцов, — молитва Иисусова. Повторяй ее все время, как открываешь глаза, и весь день, что бы ты ни делал: ходишь ли, сидишь ли, лежишь ли, работаешь — не переставай повторять. Имя Господа Иисуса, постоянно повторяемое, будет напоминать нам близость Господа.

Вначале молитва будет внешним действием, повторяться механически, но после внедрится в сердце, а с нею неразлучно придет и память о Господе — корень духовной жизни. Ведь подвиги — только пособия к достижению единой цели.

Вселить в себя Господа

Замечательно житие преподобного Михаила Малеина. Он поставил целью жизни вселить в себя Господа Иисуса Христа, к чему употребил все силы. В его каноне сказано, что он проводил жизнь, полную подвигов и молитвы. Еще при жизни так утончил свою плоть, что после его смерти червям нечего было есть.

О вселении Господа в человека особенно подробно писал Симеон Новый Богослов. Он имел дерзновение говорить, что все, что ни делает, делает в нем Христос. Святые достигали того, что Господь вселялся в них и никогда не оставлял. И нам надо ставить это целью жизни.

Человеческое сердце никогда не пустует: в нем живет или Господь, или диавол. Пустоты быть не может. Человек работает или Господу, или диаволу. Когда приходится встречаться с человеком, работающим демону, чувствуется, что близ него кто-то виден, кто-то глядит в его глазах. Особенно у бесноватых. Что нам делать, чтобы вселился в нас Господь?

Главное, с утра помнить о Господе. Спящего всегда сторожит бес — предводитель, который стремится схватить первую мысль проснувшегося. Только откроешь глаза, осени себя истово крестным знамением. Так призывается Господь: жест, установленный Святой Церковью, чтобы приблизить, призвать к себе Господа Иисуса Христа. Нам, родившимся в Православии, привыкшим к крестному знамению, оно так обычно, что мы не обращаем внимания на чудодейственную силу Креста. Но вновь обратившиеся и крещеные свидетельствуют о великой его силе и помощи. Истово перекрестившись, встань с постели и сделай несколько земных поклонов с молитвой Иисусовой. Сколько можешь, по силе. Прочти не спеша утреннее молитвенное правило и иди в церковь или на послушание. Этот прием, исполненный со всем усердием, много приносит помощи.

А у нас так делается обычно: встаем нехотя, без креста, молитв прочесть некогда, или совсем не читаем, или на ходу. Голова и сердце заняты помыслами всякого рода. В церковь с ними войдем и простоим, как истуканы, и, придя домой, отдаем себя бесу. Сперва празднословие, а там осуждение, за осуждением раздражение. Бес раздражения, насмеявшись над нами, передаст бесу нечистоты, а там бесу уныния. Нападает тоска и отчаяние; не знаешь, что с собой делать. Приходится слышать жалобы на уныние, тоску, плохое настроение, а если спросить, как начато утро, окажется, что без креста, без поклонов и молитв. Надо помнить, что Господь не терпит празднословия, осуждения и самолюбия. Грехи эти перестали нами считаться тяжелыми, кажутся обычными мелкими промахами, а они изгоняют Господа из сердца.

После литургии особенно должно следить за собой. Не можешь по немощи целый день промолчать, так хотя бы четыре

часа, возможно дольше, помолчи, чтобы не впасть в празднословие и осуждение. Всеми силами подавляй в себе самолюбие. Укорят, обидят — промолчи, попроси прощения, отойди, соблюди себя четыре часа после литургии без греха. В полиелейные дни прибавь еще два часа, в большие праздники — еще два. В обычные дни, начав с четырех часов молчания, прибавляй понемногу, по полчаса или по пятнадцать минут, и так с Божией помощью привыкнешь весь день быть настороже.

Господь в целях обучения подвижника самоисправлению даст почувствовать сладость общения с Ним и отойдет. Пустота, тяжесть, мертвенность, руки опускаются, молиться не хочется. Отчего? Подвизающийся начинает вспоминать, что он делал, чем прогневал Господа: празднословил, осудил или разгневался. Кается, дает обещание следить за собой и еще больше боится упасть, когда почувствует, что прощен. Господь опять с ним.

Приходится встречать людей, которые живут как бы ощупью, говорят медленно и все время с мыслью — не согрешить, не прогневать Господа. Никогда не забываются. Таков был покойный митрополит Макарий. Господь в него вселился обильно и никогда не оставлял, он боялся прогневать Господа. Сидит за столом, разговаривает с гостями, но чуть коснутся кого-нибудь, насторожится: «А мы не осуждаем? Не осуждение? Лучше переменить разговор». Так и надо поступать. Нетрудно взять себя в руки и начать следить за собой, призывать к себе Господа и беречь Его. Если не удержишь — бывает тяжело.

Владычице, помоги немощным!

Есть люди, которые знают свои страсти, хотят исправиться, всеми силами стараются, но не исправляются. Дают обещания не делать того или другого, или сами, или в Таинстве Покаяния (всякая исповедь есть обет исправления), но нарушают обеты, не говоря о постоянном нарушении обетов крещения. Будто нитка греховная тянется, тянется; вдруг оборвется в Таинстве Покаяния и снова покажется, так без конца. Нет у человека сил к исправлению: один грех за другим. Он

впадает в уныние, не хочет больше обещать, боясь, что худший грех совершает, и может впасть в отчаяние.

Один старец, после размышления об этом, читал канон пятого гласа Октоиха на пяток. И в шестой песне нашел необычайно утешительный стих: «Присно обещаваюся дел злых отступити, но всегда лгу и оскорбляю Владыку моего: Пресвятая Владычице, Ты ми даждь исправление».

Вот откуда может прийти избавление. Пресвятая Богородица — всем людям присная помощница — сильна исцелить всякую греховную язву. Подвизающийся и желающий исправиться пусть заучит эту коротенькую молитву и почаще повторяет с надеждой, что, чего он сам достигнуть не может, может совершить в нем Царица Небесная.

Путь духовный

Представим путника, решившего пойти в чудный город, где ему обещано полное обезпечение и исцеление от всех болезней. Путь далекий, но так заманчиво, что ожидает! Он берет необходимое для дороги в сумку, посох в руки и идет. Вначале все благоприятствует: солнце греет, но не печет, дорога ровная, среди мягкой зелени. Но чем дальше, тем труднее: дорога становится не такой ровной, солнце печет сильнее, иссякли ручейки, и прохладные рощи не попадаются. Дальше труднее идти: то горы, то обрывы, болота, наконец, чаща непроходимая. Он употребляет все усилия, чтобы пробраться: то раздвинет сучья, то подлезет под упавшее дерево; вынимает и топорик из сумки и рубит ветки. Если болото встретится, посохом ощупывает глубину или кочку, куда ступить. Если зверь нападет, надо успеть спрятаться или отразить нападение. Приходится и раны получать, но, несмотря ни на что, идти вперед. Нападает отчаяние на путника, думает, что не дойдет, но набирается сил и идет снова. Наконец, выходит из леса на поляну, откуда виден город.

Путник — каждый из нас. Чудный город — Иерусалим Небесный, обещанное нам Царство Небесное, где не будет

скорбей, болезней и воздыханий. Путь монашествующих очень тяжелый, но и награда велика. По свидетельству святого Иоанна Лествичника, если бы миряне знали, какую награду получают монахи, все бы бросились в монастыри. Но если им открыть тяжести и трудности монашеского подвига, то ни один человек не пошел бы в монахи.

Вступившему на духовный путь все благоприятствует. Господь услаждает путь его, рвения много, желание служить Господу безконечное, ручейки молитвы так и струятся. Не подступают враги спасения и страсти, подобно как на горячую сковородку не садятся мухи и гады. Но чем дальше, тем труднее становится путь. Рвение охлаждается, теплота исчезает, молитва идет труднее и препятствий на дороге все больше и больше. Надо все старание приложить, чтобы не повернуть назад; не дать врагу восторжествовать, а видеть перед собой одного Жениха Господа Иисуса Христа и к Нему стремиться.

Надо посох-молитву крепко держать в руках и им отражать нападение или ощупывать дорогу; необходим и топорик-смирение, чтобы подрубать хлещущие ветки. Смирение в пути особенно важно. Иногда надо нагнуться и поползти, чтобы не остановиться. Страсти как звери нападают со всех сторон, болото помыслов на пути: гнев, зависть, нечистота, скверные пожелания, чувства и мечтания. Все надо с Божией помощью преодолеть.

Святые от юности, идя по этой дороге, дошли до Господа быстро и не очернили белоснежной одежды своей, ни один зверь не дерзнул им нанести раны или язвы.

Нам же, грешным, не надо смущаться тяжестью пути и нападениями врага. И раны получим, и удары, и в болото не раз попадем. Иди, не унывай, рану залечишь, из болота как-нибудь выйдешь и опять иди, устанешь — отдохни немного и опять — встань и иди. Как-нибудь дойдешь. Только бы совсем не упасть, не быть убитому насмерть. Кончится путь, дойдешь до Господа. Ничего, что израненный и грязный. Все же дошел. Придешь, скажешь: «Господи, Ты видишь, как труден был мой путь, я, слабый, падал каждую минуту, но все же вставал и шел к Тебе, Господи. Я Твой, приими меня!»

И Господь приимет. Повелит Ангелам дать новую, чистую одежду, новый перстень обручальный взамен потерянного в болоте, и отвести в место покоя.

Неосуждение

Представьте двух путников, идущих к городу. Один пошел окружной дорогой, встретились ему горы и болота, приходилось их обходить или взбираться. Падал, утопал в болоте, барахтался в реке. Другой пошел прямой дорогой и дошел легко и быстро. При входе в город оглянулся, где спутник, и увидел его в реке, борющегося с волнами. Удивился, что не выбрал товарищ дорогу, по которой пришел он. И вошел в город.

Город — Царство Небесное. Трудный окружной путь к нему — путь подвига, борения, самоисправления, поста, молитвы, бдения. Сколько искушений и труда!

А путь прямой — неосуждение. В Отечнике известна история святого отца, причисленного к лику преподобных. Вел он не очень ревностную жизнь, не отличался молитвенным подвигом, даже в церковь нечасто ходил. Но, умирая, улыбался неземной улыбкой. Братия, знавшие его нерадивую жизнь, удивлялись и укоряли, что перед самой смертью не ужасается за участь души. А он, продолжая улыбаться, повторял: «Радуйтесь, пророки, радуйтесь, апостолы, радуйтесь, святители!» Будто он их видел и приветствовал, а затем обратился к братиям: «Простите меня, братия, я вел нерадивую жизнь, не нес подвига молитвенного, но с того дня, как я поступил в монастырь, ни разу никого не осудил». И с этими словами скончался.

Велико неосуждение, оно без труда доводит прямым путем к Царствию Небесному. Будем стараться идти им. Хочется осудить — замкни уста и удержи осудительное слово. Внутренне не осудить трудно — это плод величайшего смирения, доступный немногим. Но удержать слово в нашей власти, и мы все обязаны работать над собой.

У одного человека было сто пудов хлеба. Он пошел и променял весь хлеб на лохмотья, лохмотья взял себе, а хлеб отдал тому, у кого взял лохмотья. Как назвать поступок такого человека? Безумным, конечно. Но так же безумно вечную жизнь менять на суету удовольствия, а что такое по сравнению с вечностью театры, увеселения разные (танцы), не лохмотья ли?

Бинокль

Мы все знаем, что такое бинокль. С одной стороны два больших стекла, с другой — два поменьше. Если смотришь в маленькие стекла, то все далекое видишь близким. И обратно — если смотришь в большие, все, что рядом, кажется отдаленным.

У врага нашего спасения тоже есть бинокль, который он приставляет к глазам людей и дурачит их. Отдаляет от нас все Божие, все необходимое для спасения представляет очень отдаленным и даже иногда совсем невидным, приставляя к глазам два адских стекла — безстрашие и нерадение. Человек, смотрящий в них, перестает думать о смерти: он ответит после нее за все свои дела, слова и мысли. И если ему случайно напомнит кто-нибудь об этом, допускает хульный помысл: «Да уж есть ли будущая жизнь? Ведь только пишут, а на самом деле никто не знает». Или: «Я молод, успею подумать о покаянии, можно пожить, повеселиться, а покаяться всегда успею». И прирастут ужасные стекла к глазам, да так, что никак не отдерешь.

Бывает и наоборот: что неважно и незначительно — враг представляет близким и страшным, переворачивая диавольский бинокль другой стороной и представляя глазам страх вражий и окаменение. Смотрит человек в него и теряет способность молиться, думать о спасении, одолевают помыслы житейские, страх за жизнь, имущество как сохранить. Думает: «Что я буду делать, если заболею или состарюсь? Кому нужен, кто меня будет кормить?» В таком состоянии, если кто и посоветует доброе, толку не бывает, на все есть возражение:

«Хорошо говорить: сохраняй мир, а попробовал бы жить с теми, с кем я». Или: «Говоришь: «Молись, молитву Иисусову держи», а мне немыслимо, столько дел: печку топить, дров принести, то и то сделать. Какая уж молитва? Хорошо говорить тому, кто ничего не делает».

Уставы святых отцов, способы спасения кажутся неподходящими: «Тогда другое время было, а в наше не подходит. Как правило исполнять, когда надо думать о насущном хлебе?» И будет рассуждать так бедный человек, пока не стряхнет адского бинокля, все Божие удаляющего и приближающего вражие, пустяки делающее страшным.

Три адских пятна

У беса есть три адских пятна, которыми старается он запятнать наше сердце. Чтобы бояться этого, нужно представлять картину, как падают на нас они и как, с помощью Божией, изглаживаются.

В аду стоит громадная помойка с человеческими грехами — бес помелом брызгает оттуда на людей. Конечно, не в равной степени, но почти на каждого человека попадают адские брызги. Главные из них три. О них упоминает евангелист Иоанн в послании: «Три господствуют в мире: похоть плоти, похоть очей и гордость житейская».

Похоть плоти — всякого рода нечистота. Похоть очей — тщеславие, когда человек тщеславится или все делает напоказ, забывая, что Господу известны все тайны сердечные. Наконец, гордость житейская — гордыня, самовозношение. Подобно тому как мы, чтобы очистить грязь и пятна, берем тряпку или веник, иногда мягкую щетку, иногда жесткую, так и Господь употребляет разные способы очищать сердце человека от адских пятен. На каждое пятно особая щетка. На пятно нечистоты, похоти плоти — болезнь. Человек изнуряется, нечистые пожелания спадают и совсем исчезают. На пятно тщеславия Господь отнимает то, чем человек тщеславится: красотой — отнимается красота, тщеславится талантом —

отнимается дарование и так далее. Для пятен гордости употребляет Господь особо жесткую щетку: ставит человека в положение, где его все время укоряют, упрекают, считают за ничто.

Если не понимать, что все способы посылаются Господом, чтобы очистить адские брызги, убелить душу, озолотить ее, то нет возможности терпеливо перенести. Если понимаешь, чувствуешь пользу, благодетельную руку Божию, можно перенести не только терпеливо, но и с радостью.

Господь не перестает пещись о душах, употребляет все, чтобы освободить душу от власти диавольской, убелить душу, ввести ее в Свое Небесное Царствие. А мы не только не помогаем Господу, но всеми силами противимся, затрудняем дело Божие и увеличиваем тяжесть жизни.

Завеса греховная

Когда светит солнце, в комнате тепло и светло. Но можно завесить окно, и будет темнее; если легкой занавеской закроешь, солнышко будет светить, но тускло; если черной — еще темнее; ставню поставить — совсем темно, разве в щелочку проникнет луч. А если еще сверху завесить тяжелым ковром, и луч солнечный не пройдет. Так можно насидеться в темной комнате, что решишь, что солнца нет: станет темно, сыро, нехорошо. А за окном солнце по-прежнему светит и греет, люди ходят и пользуются светом и теплом.

Так и душу можно закрыть от солнца Благодати Божией, от первых, главных лучей этого Солнца — Плоти и Крови Господа Иисуса Христа, от служб, канонов, молитв можно закрыться так, что и не вспомнить.

Начинается с легкой занавески — нерадения: велика ли беда пропустить раз правило? Господь не взыщет, вычитаю половину. Скоро захочется лежа молиться, оправдываясь, что и великие люди лежа молились. Или заменить четками, что легче.

Скоро явится леность — черная занавеска. Затем ставня из

двух половинок — ожесточения и нечувствия — закроет благодать почти совсем и погрузит душу в полную тьму поверх забвения.

Трудно душе сдернуть эти занавески и снова освежиться солнцем благодати. Не дай нам, Господи, такого состояния.

Зеркало души

Зеркало, если его не протирать, пылью покрывается, загрязняется, так что ты не можешь уже с ясностью видеть в нем свой образ, и если никогда зеркало не очищать, то оно настолько запылится, что ты и совсем не увидишь в нем себя. И душа подобна зеркалу: ее покрывают пыль и грязь — помыслы суетные, нечистые. Если их не очищать, то есть не открывать чистосердечно, то душа настолько запылится и загрязнится, что сначала будет отражать в себе образ Божий — небо небесное, духовное — тускло, слабо, смутно; а потом запылится пылью худых помыслов и совсем потеряет свою небесную духовную прозрачность, будет как доска какая или камень.

Тщательно прочищай исповедью свое зеркальце — сердце, тогда в него будут смотреть Господь, Пречистая Дева, Ангелы, души святых, небо; а не будешь прочищать это зеркальце, загрязнишь, запустишь — смотреть будут в него и отражаться в нем диавол, ад, зло и всякая мерзость.

Очисти душу

Как на земле и на вещах бывает пыль, так и в душе человека есть она. Пыль души — это греховные помыслы и пожелания. Если обыкновенную пыль смочит дождь, она превращается в грязь, и греховные помыслы, приведенные в действие, образуют грязь в душе. Грязь души — греховные дела. Но пыль и грязь можно вычистить. Загрязненную вещь можно отчистить, высушив ее на солнце. Можно и прогладить, и будет как новая.

Так и душу, запыленную и загрязненную помыслами и грехами, можно очистить и убелить. Для этого нужно просушить ее солнцем смирения, омыть слезами покаяния и выгладить чистосердечным исповеданием. Помоги, Господи, всем нам так делать, но не дай Бог иметь в душе ужасный вид грязи болотной. Когда долго не просушивает солнышко грязи, а, наоборот, один дождь льет за другим, то грязь делается непроходимой, болотной: ни пройти, ни проехать нельзя. Так и душу можно довести до того, что ее очистить почти невозможно: когда согрешишь день, два, неделю — и не каешься, снова каждый день те же грехи. Старые, нераскаянные, забываются, новые накапливаются. И нет ни солнца смирения, ни слез покаяния, ни исповедания; такие души освободить от болота греховного стоит великого труда и часто невозможно. Спаси, Господи, всех от этого.

* * *

Выражение из псалма: Глас Господень, пресекающий пламень огня, относится к Страшному суду. Огонь, как известно, обладает двумя силами: силой света и силой жжения. В день Страшного суда, после изречения над людьми последнего приговора: *приидúте, благословéннии Отца Моего, наслéдуйте уготованное вам Царствие... идúте от Мене, проклятии, в огнь вéчный* (Мф. 25, 34. 41), люди разделятся: одни пойдут в Царство Света с Ангелами, другие — в преисподнюю с диаволом и слугами его. И тогда Господь пресечет пламень огня, то есть разделит его: весь свет уйдет в Царство Небесное, а сила жжения — в ад. В аду не будет света, а лишь жжение безконечное.

Беседы святителя Серафима в Аносиной пустыни

БЕСЕДА ПЕРВАЯ

Существует в обители один добрый обычай: отводить новопостриженную монахиню в келью после того, как она просидела, подобно Марии Евангельской, пять дней в храме, как

бы у ног Сладчайшего Иисуса. Этот обычай напоминает нам о том, что все мы должны позаботиться, чтобы приготовить себе келью там, в будущей жизни, чтобы, когда придет к нам страшный, неумолимый проводник — смерть, не оказаться нам без пристанища. А келья эта покупается еще здесь, на земле, за три золотых рубля: первый рубль — смирение, второй — послушание и третий — безроптание. И украсить ее мы должны еще в этой жизни пятью чудными узорами. Узоры эти — наша монашеская Пятисотница: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную».

Что это же о вас таинство, сестры мои дорогие, новопостриженные монахини Виталия и Мартиниана, новые нареченные вам имена, новые на вас одения? Что сие еже о вас бысть таинство?

Постриг — это второе крещение. При крещении, когда нарекают христианское имя хотящему следовать за Господом, Сам Христос в день первый его Ангела дарит ему Свой подарок — надевает на него руками священнослужителя крест.

А теперь сочтите, сколько надел я на вас крестов, или лучше сказать не я, а моими руками Сам Христос. Три креста! Один — первый крест на плечах у вас, на хребте — это параман, четырехугольный плат с изображением креста и орудий страданий Господа Иисуса Христа, на котором написаны великие слова, которые так любил повторять первоверховный апостол Павел: «Аз язвы Господа Иисуса на теле моем ношу». Второй крест на груди, на персях, который прикрепляется к первому кресту четырьмя поясами, в честь четырех евангелистов. И третий крест с зажженной свечой в руках. Что значат эти кресты?

В чине пострига нет ни одного слова, ни одной строки, написанных зря. Этот чин составлен святыми отцами по внушению Духа Святаго.

Три креста — три обета, которые дает монахиня Господу: обет послушания, обет нестяжания и обет целомудрия, чистоты.

Первый обет — первый крест, который подобен мученичеству безкровному: послушание. Этот крест изображает параман

на плечах, на хребте. Послушание — это благое иго и легкое бремя Христово. Подклонись и неси его со смирением и великим терпением на хребте своем. А когда тебе станет невыносимо трудно отрекаться от своей воли, от себя самой, невыносимо станешь гореть, как жертва на огне всесожжения, тогда вспомни слова, которые начертаны у тебя на парамане: «Аз язвы Господа Иисуса на теле моем ношу». Вспомни, как и Господь сказал о Себе Самом устами пророка Своего: *Плещи Мои вдах на раны и лица Моего не отвратих от студа оплевания*. Вспомни и понеси терпеливо крест Его.

Другой крест, который принимает новопостриженная монахиня, надевается на грудь ее, на сердце. Это крест нестяжания. Сердце наше много мятется, много заботится, волнуется, и на него у монахини накладывается крест для того, чтобы сердце ее отныне не заботилось, не волновалось, а всецело услаждалось преданностью в волю Божию. Крест на груди показывает, что теперь ее сердце все целиком отдано в жертву Господу.

И соединен этот крест с первым крестом послушания четырьмя шнурами, четырьмя поясами в честь четырех евангелистов, в знак того, что эти обеты, эти кресты послушания и нестяжания, не выдуманы, как говорят любомудрые века сего, а истина Евангельская.

Третий крест дается монахине со свечкой зажженной. Этот крест не надевается ей ни на грудь, ни на спину, а дается в руки. Монахиня держит его только в момент пострига и в те незабвенные пять дней, когда она просидит, подобно Марии Евангельской, у ног Спасителя, пребывая неотходно в храме и сподобляясь ежедневно Причастия Святых Животворящих Таин Христовых. А потом она отнесет его к себе в келью, поставит в божницу, затеплит лампаду и будет хранить, как величайшую драгоценность, до того часа, когда ей дадут этот крест при последнем издыхании в ее уже холодные руки. Что это за крест, как величайшая святыня даемый монахине при постриге и с которым ее хоронят? Крест этот полит многими кровьми и потом подвижников и подвижниц — это обет чистоты и целомудрия. Вспомните слова пострига: «Сохраниши

ли себя в чистоте и девстве даже до смерти?» О, Господи, я человек есмь, плоть ношу, как дерзну взять я этот крест, эту величайшую святыню?

Чистота в очах Божиих выше всех подвигов. Это драгоценная жемчужина, это белоснежная лилия, которую принес Архангел Гавриил Деве Марии в день Благовещения. Лилия эта настолько нежна, настолько бела, что малейший ветерок, малейший помысл уже оставляет на ней пятно. Митрополит Филарет, который столь много сделал для созидания этой святой обители, говорил: «Брак рождает человека, и только девство одно было способно родить Богочеловека». Сама Пречистая Дева, Высшая Небес и Чистшая Светлостей солнечных, положила начало девству.

Вот те три креста, которые даются монахине при постриге вдобавок к крестильному кресту, — это три великие данные ею обета.

Еще отличительная одежда монахини — мантия. Все остальное есть у инокини, нет только трех крестов (потому что она не давала еще тех обетов) и мантии. Мантия — это длинная одежда, которая не позволяет быстро двигаться, не дает нам возможности делать резкие высокомерные движения. Мантия как бы стесняет нас. Она и есть образ глубочайшего смирения и указывает, при каких условиях можно донести те три креста монашеских: покрой их мантией смирения. Смирись пред Господом, пред всеми людьми, скажи Богу: «Я прах и пепел. Без Твоей воли, Господи, помощи, без Твоей всесильной Благодати — я ничто. Без Тебя я не дерзнула бы и прикоснуться к святым тем крестам, но на Твою помощь уповая, я беру их и понесу». Смирись не словом только, но и всей душой твоей, сотри себя пред Господом в порошок, в прах, смирись пред сестрами и считай всех, как говорят святые отцы, ходящими по облакам и только себя одну пресмыкающейся по земле. Когда ты так смиришься до самой глубины души своей, тогда дерзай взять эти кресты монашеские и крепко держи, когда ветер искушений будет вырывать их из рук твоих.

Положи на сердце твое лучше умереть в этой брани, чем

выпустить хотя один из данных тебе Господом крестов. И чем больше потерпишь ты искушений, тем все ярче и ярче будет вырисовываться на крестах твоих образ Сладчайшего Жениха твоего — Господа нашего Иисуса Христа, Который и будет утешать, веселить сердце твое утешением Святого Духа.

Сам Господь да умудрит вас в брани этой. Сам да поможет вам донести кресты эти святые до дня Страшного суда Своего. Аминь.

БЕСЕДА ВТОРАЯ

[Одеваяся в ризу спасения и в броню правды, в ограждение от всякой неправды, со всегдашним отсечением своей воли и своего мудрования, в памятование смерти, имея себя распятым миру и мертвым на всякое злое дело, но готовым во всякое время на добродетель ради Господа.]

В сегодняшней беседе моей с вами расскажу я вам об одном великолепном дивном саде. Сад этот окружен стеной и стоит как на фундаменте на четырех драгоценных камнях. Первая большая стена расписана чудными рисунками, дивными картинами. Глаз от нее не оторвешь. За ней идут еще семь стен, потом четырнадцать, а задняя стена темная, таинственная, непонятная для нас, красками и узорами исписана она.

Ворота ведут в этот сад. Ворота эти очень низкие, но в то же время и высокие. Чтобы пройти в них, нужно очень наклониться. Но чем ниже наклоняешься, тем выше потом поднимешься. И над этими святыми вратами горит неугасимая лампада. Когда пройдешь те святые врата и войдешь в сад, ты увидишь три чудных дорожки, три дивных тропинки, которые ведут в глубь сада. Когда пройдешь ты по этим тропинкам, то увидишь, что они усыпаны мягкими цветами. Мягко, приятно идти по ним. Пройдешь несколько шагов, и стопы твои начнут ощущать острые шипы, колючий терновник, который растет на этих тропинках; но если ты дашь себе труд претерпеть боль от этих шипов и дойдешь до конца этих дивных дорожек, то увидишь три райских дерева, которые растут по одному в конце каждой этой тропинки. Чудные эти деревья, благосеннолиственные, под сенью которых можно отдохнуть.

И растут на них плоды необыкновенные, райские, благоуханные и сладкие на вкус.

В саду этом дивном разбита клумба, и на ней растут три райские розы, благоухание которых освежает не только весь организм, но обновляет душу и сердце человека. Если пойдешь ты дальше и будешь внимательно прислушиваться, то услышишь пение не земного, а небесного соловья, который разливается на двадцать ладов и на сто пятьдесят трелей. Дивный животворящий источник журчит в этом саду, николиже не оскудевающий, никогда не высыхающий, и чем ты больше будешь пить из него, тем он будет журчать еще сильнее, течь еще обильнее. От этого источника исходят три ручейка.

Вот какой чудный дивный сад описал я вам! Что он изображает? Вы, наверное, уже догадались. Изображает он то звание, которое мы с вами носим. Сад этот дивный — монашество. Стоит он как на фундаменте, на четырех драгоценных камнях — это четыре евангелиста. Святое Евангелие это указывает, что монашество основано на Святом Евангелии, а не выдумано, как говорят умники века сего. Нет в Евангелии слова «монашество», но о сущности его говорится очень много: «Аще, кто хощет по Мне идти, да отвержется себе, возмет крест свой и по Мне грядет». Вот и монашество. Или слова: «Аще кто любит отца или матерь, или сестер, или братьев паче Мене, несть Мене достоин».

Святой первоверховный апостол Петр от лица всех святых апостолов сказал Господу: *Се мы остановихом вся и вслед Тебе идохом*. Святые апостолы — это первые монахи. Идя за Господом, они оставили всех. У некоторых были жены, они их оставили; имения оставили и предались в полное послушание Господу своему Иисусу Христу. В своей жизни они исполнили те три обета, которые даем все мы. Святое Евангелие — это фундамент, это те четыре драгоценных камня, на которых стоит дивный сад монашества. И каждому монаху и монахине, каждой послушнице вменяется в обязанность каждый день прочитывать хотя бы по одной главе Евангелия. Каждый день она должна держать его в руках и смотреть на него, и не только смотреть, но и в сердце иметь те драгоценные четыре камня.

Дальше: первая большая стена, исписанная необычайно красивыми картинами, — это книга Деяний святых апостолов. Дивные жития, дивные там картины — очей не оторвешь. Затем идут семь стен — семь соборных посланий и четырнадцать посланий святого апостола Павла, этого монаха, проповедника языков. И далее, таинственная темная стена с непонятными таинственными рисунками — это Апокалипсис, Откровение святого Иоанна Богослова.

Святые ворота, ведущие в этот сад, — это врата Христовы, врата смирения. Тесные они, низко надо наклоняться, чтобы пройти, даже пролезть в них, но и высокие они, ибо чем ниже наклонишься, тем потом выше поднимешься, в противоположность вратам диавольским. Они широкие и пространные, но чем выше поднимаешься, проходя в них, тем ниже упадешь, даже до ада. Над этими святыми вратами горит неугасимая лампада: это молитва монашеская. Три дивные тропинки, которые представляются твоим очам, как только ты пройдешь святые ворота, это три обета монашеские: первая дорожка — послушание, вторая — нестяжание, третья — целомудрие.

Когда вступает человек в святую обитель, большая ревность бывает у него идти этими тропинками: буду все делать, буду все терпеть, только возьмите меня в святую обитель, на все бывает готов, всего себя целиком приносит в жертву Господу. Но проживает год-два и начинает остывать, приходят искушения. Чем дальше идет подвижник по этим святым дорожкам, тем ветры вражьи начинают дуть сильнее и мягкие цветы на пути ее заменяются острым терновником. Блаженна ты будешь, если перетерпишь боль и дойдешь до тех райских деревьев, что растут в конце каждой из этих тропинок. Но часто случается, что идет человек, пока на пути его цветы, а как только начнут уязвляться стопы его острым терновником, он не выдерживает и убегает. И, увы, много таких случаев! А надо терпеть до конца, иначе не вкусишь ты тех сладких райских плодов. Много шипов на этих тропинках, но я вам назову только несколько из них.

На дорожке послушания один острый шип будет постоянно уязвлять твои ноги. Это ропот и непокорство. А на дорож-

ке нестяжания — это многопопечительность, забота о хлебе насущном и непредание себя в волю Божию. На дорожке целомудрия особенно много шипов, которые будут ранить не только стопы твои, но и руки. Шипы эти так велики, что, вонзаясь тебе в ноги, они проникают в самую глубину твоего сердца, в самые его сокровенные изгибы и тайники и до того уранивают его, что сердце это все истекает кровью. Вонзаются эти шипы и в голову, и в ум подвижника, идущего по тропинке целомудрия, в виде нелепых помыслов, которые не хочет монахиня, но которые сплетаются в виде тернового венца на главе ее и даже когда она приступает к святым страшным Животворящим Таинам Христовым.

Трудно идти по этим святым дорожкам, но если ты побежишь по ним, ведомая Ангелом-хранителем, ведомая молитвами отца своего духовного, старицы своей, если достигнешь дорожки послушания, то узришь там чудное дерево, под ветвями которого ты можешь отдохнуть: обвяжешь листьями его свои израненные ноги, и они в тот час же исцелятся. На дереве этом растут три сладких благоуханных плода. Блаженна ты будешь, когда вкусишь от них. Первый плод — внутрь себя смотрение или внутрь себя пребывание. Эта добродетель достигается только подвигом святого послушания, через постоянное отречение своей воли, через постоянные поправки, постоянное отложение своих собственных деланий. Второй плод — самоукорение. Вкусивший его так глубоко входит в себя, что даже не видит чужих грехов. Ему открывается вся глубина его собственной души. Третий плод необыкновенно сладкий — это мир душевный. Мир, о котором мы молимся после принятия святых Христовых Таин, в благословенной молитве, чтобы Таины святые были нам в мир душевных наших сил. Этот мир открывает в душе нашей то, о чем говорил Спаситель: «Царство Божие внутрь вас есть». Этот мир уводит подвижников в затворы, и они жили там, не видя лица человеческого.

На древе в конце тропинки нестяжания тоже найдешь ты дивные плоды. Первый плод — полная безпопечительность и второй — полная преданность в волю Божию и надежда на Бога. Уверенность в том, что бы с тобой ни случилось, Бог

тебя не оставит. Пусть ты останешься в одном хитоне, в котором постриглась, и не усумнись: Господь тебя оденет и прокормит. Знай, что после того, как ты трижды распростиралась, сравнила себя пред Господом с грязью, с прахом земным, молясь Богу словами: *«Объятия Отча отверсти ми потщися»*, — Господь, как о дочери Своей, заботится о тебе и не выпустит из Своих Отчих объятий, если ты сама не вырвешься своим презорством и ропотом против Него.

На древе, что растет в конце тропинки целомудрия, — один плод, о котором говорил Спаситель в заповедях блаженства: *Блаже́ни чистии сердцем: яко ти́и Бога у́зрят*. Богозрение — вот тот сладчайший плод, который вкушает подвижник или подвижница, когда пройдет великотрудный и тернистый путь целомудрия. Пусть придешь ты вся израненная, кровью облитая, но блаженна ты будешь, когда вкусишь от того сладкого плода Богозрения. Батюшка преподобный Серафим еще здесь, на земле, вкушал этот плод: зрел Господа Иисуса телесными очами, грядущего во время Божественной литургии и благословляющего всех в храме. Вот те плоды, которых достигает подвижник, пройдя три тернистых дорожки обетов монашеских: внутрь себя пребывание, самоукорение, мир душевный, преданность в волю Божию, полное упование на Него и блаженное Богозрение.

А те благоухающие розы райские, что растут в том саду, благовоние которых должна монахиня ощущать ежедневно, иначе она будет ощущать зловоние вражие, — это три канона: Спасителю, Божией Матери и Ангелу-хранителю. Эти каноны должна прочитывать ежедневно каждая монахиня, каждая послушница, потому и положено вычитывать их на вечерне в храме, а кто не может присутствовать в храме, должен прочитывать их дома, опускать их иногда только, будучи задержан в храме, на послушании, и то с великим опасением.

Соловей, что поет в этом дивном саду, разливаясь на двадцать ладов и сто пятьдесят трелей, — это святая Псалтирь святого пророка Давида. Двадцать кафизм — двадцать ладов, сто пятьдесят трелей — это сто пятьдесят псалмов. Эти псалмы пели во вся дни святые отцы в пустыни, не читали, а пели их

нараспев, прислушиваясь ушами сердца и слухом души к этому чудному пению райского соловья.

И, наконец, приснотекущий животворящий источник, что журчит в этом чудном саду, — это непрестанная молитва Иисусова: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешную». Тихое журчание ручейка этого заглушает вой диавольский. И подвижник, вкусивший от этого источника, уже ничего не устрашится.

Рассказывается об одном старце, как послушник спросил его: «Авва, а что ты сделаешь, если нападут на нас разбойники?» Старец ответил: «Не только если нападут разбойники, но если я увижу, что небо падает и земля разверзается, то и тогда я не убоюсь, останусь сидеть в своей келье». Об этом имени Господь сказал: *Именем моим бесы ижденут, языки возглаголют новы, змия возьмут, аще и что смертное испиют, не вредит им.* И, укрепленные именем этим, святые подвижники, при всех кознях, при всех страхованиях вражиих, оставались непоколебимыми. Один подвижник говорит о себе, что когда ходит летом и весной в поле и слышит журчание ручейка, то сердце его поет вместе с ним: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешного». И солнце поет эту же дивную песнь. И в поле каждая былинка, и в небе каждая звезда поет: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя грешнаго». И уходили святые подвижники и святые подвижницы в пустыни, чтобы слушать там, среди тишины природы, это чудное пение и с ним сливаться в одну песнь, в одну хвалу Господу своему. Диавол устрашал их страшными призраками, показывая им целые полчища, которые шли на них, представляя им, что келья их уже сметена и щепка на щепке лежит, но то тихое журчание источника молитвы Иисусовой заглушало вой диавольский, и святые подвижники на все эти страхования отвечали словами пророка: *Аще восстанет на мя полк, не убоится сердце мое.* Источник этот журчит и днем и ночью и поет свою чудную песнь: «Аз сплю, а сердце мое бдит». Бдит в этой молитве Иисусовой, в этом вечном стремлении к Сладчайшему Господу Иисусу Христу. Немощны мы и не можем сразу пить из этого источника непрестанной молитвы

Иисусовой, опаляет он. Вот святые отцы и провели от него пять ручейков, пять золотых трубочек, через которые мы приобщаемся тому животворящему приснотекущему источнику. Это святая пятисотница монашеская. Всю необъятность, всю ширь непрестанной молитвы Иисусовой они сократили до пятисот молитв, из которых только три Сладчайшему Господу Иисусу, четвертая Божией Матери и пятая Ангелу-хранителю и всем святым. Только приучив себя к ней, только через эти пять ручейков можно вкусить от того живого источника непрестанной молитвы Иисусовой.

Вот этот дивный сад — наша жизнь монашеская. Желаю вам и вашими молитвами себе, идти безбоязненно по тем трем тернистым тропинкам обетов монашеских, достигнуть и вкусить сладких плодов, что растут на деревьях в конце этих тропинок, и приобщиться приснотекущему и николиже оскудевающему источнику непрестанной молитвы Иисусовой, непрестанного устремления души и сердца нашего к Господу нашему Иисусу Христу, Ему же слава вовеки. Аминь.

БЕСЕДА ТРЕТЬЯ

В ныне наступившей Неделе о блудном сыне среди многих умилительных песнопений пелись в стихирах на «Господи воззвах» следующие слова: *Господи, ветром благоутробия Твоего развей плевы дел моих.* Господи, ветром дуновения Твоего — милосердия Божия. Дует Он особенно могуче в святых Животворящих Таинах Христовых: причастишься и проветришься, причастишься и очистишься, причастишься и из немощной крепкой станешь. Дует Он и во всех молитвах церкви. Иногда несется Он как сильный вихрь и срывает всю скорбь с души нашей, как, например, в песнопениях святой Пасхи, когда поют «Христос Воскресе».

«Да воскреснет Бог»; то тихо веет в «дыхании хлада тонка» в службе великопостной, а особенно в молитве Иисусовой. Молитва Иисусова, святая Пятисотница, — это тихое дыхание Духа Божия. Вот святая Церковь и молится, чтобы Господь этим дуновением, этим ветром милосердия Своего, развеял

плевы, сор дел наших. Как все вещи, если мы относимся к ним нерадиво, покрываются сором, так и наши дела покрываются сором греховным.

Возьми самое наше святое дело — святое послушание и увидишь, что и это святое дело, и эта святая икона тоже может настолько засориться, что трудно будет ее и очистить. Сор на деле святого послушания — это ропот. Когда человек настолько делается дерзким, что начинает вмешиваться в распоряжение Промысла Божия, начинает указывать Господу: «Зачем Ты, Господи, сделал так, а не так, зачем мне указал такой путь, а не иной», — эта пыль ропота настолько засоряет ему глаза, что он уже не видит перста Божия в жизни и указывает себе путь своим собственным перстом. Забывает он, что Промысл Божий бдит над ним с самого рождения и до смерти и во всю вечность. Забывает слова Спасителя: *Не две ли птицы ценятся за самую малую монету, и то не упадут без воли Отца Небесного.* Так как же ты дерзаешь спорить с Господом, дерзаешь в своем ослеплении представлять Господу счеты: «Я-де прожила в обители столько-то, на трапезе столько-то, итого получить с Тебя, Господи, столько-то, а я не получаю. Почему так? Что это за порядки? Вот ту постригли, ту к рясофору представили, а меня нет. Почему так?» Какое это безумие, какая дерзость так вторгаться в Промысл Божий. Ропот этот не просто сор, а зола, которая поднимается со дна ада. Сатана сам горит в этом огне и бросает золой в лицо, в глаза монахини. Бойся этой ядовитой адской золы. Святой Василий Великий говорит: «Всех можно терпеть в обители: и падшего монаха со всякими немощами, одного нельзя терпеть — ропотника, потому что ропотник — диавол». Эти слова сказаны не мною, а святым Василием Великим.

Был один монах, которого ропот довел до сумасшествия. Началось с того, что он стал роптать, почему его не постригают. Постригли. Почему его не сделали иеродиаконом, потом — почему он не игумен. А потом: почему он не архимандрит, не епископ, не митрополит, не патриарх. А в конце концов дошел до такого безумия, что стал роптать на Господа, почему его Господь сотворил человеком, а не Ангелом.

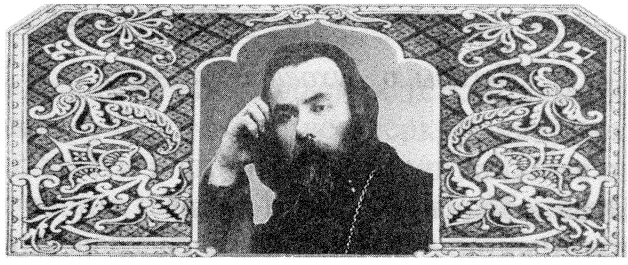
«Хорошо, — говорит, — Ангелам на небе там, а я во плоти, поди-ка поборись. Почему я не Ангел?» И сошел с ума. Вот как страшен ропот: он близок к хуле, к такому греху, который, по словам Спасителя, не простится человеку ни в этом веке, ни в будущем.

Если ты чувствуешь, что в душе у тебя поднимается этот дым, закрывай скорей трубу — уста твои и не пускай этого угара в воздух святой обители. Разные пути жизни указывает Господь людям. Одним благословляет жить в миру, других призывает в обитель, и здесь каждый шаг его направляется по Его святой воле: и потому ропот, почему жизнь твоя идет так, а не так, почему одну постригают раньше, другую позднее, есть дерзкое вмешательство в дело Промысла Божия и распоряжение о тебе Царицы Небесной.

Так и на всяком деле может быть сор греховный. На деле молитвы сор тщеславия, когда ты молишься напоказ. Или, наоборот, леность и нерадение. Возьмем, наконец, любовь — это святое чувство. Спаситель сказал: *Любите друг друга*. Сам Бог есть любовь. Но и это святое чувство враг засоряет, к нему примешивает свои плевелы. Это всякие нечистые привязанности, подружество в женских обителях, которые иногда выливаются в ненормальные уродливые формы, когда одна по другой скучает, воздыхает, млеет — это диавольский сор на святой церковной любви.

Святая Церковь, приготовляя нас к подвигу святого поста, призывает нас проветрить все наши дела. И мы внимательно их пересмотрим, перестроим, увидим, как они засорены, как много в них пыли и грязи. Есть одна чудная щеточка, которая счищает пыль со всех дел наших. Имя ей покаяние. Вот и постараемся в настоящем святом посте усмотреть сор на наших делах и очистить их этой щеточкой покаяния.

«Господи, ветром благоутробия Твоего развей плевелы дел моих». Аминь.



ПРОТОИЕРЕЙ ВАЛЕНТИН СВЕНЦИЦКИЙ
(1882—1931)

Священный сан протоиерей Валентин принял по благословению преподобного Анатолия Оптинского в 1917 году. После октябрьского переворота отец Валентин стал священником в Белой армии. После окончания гражданской войны он не эмигрировал, а остался в России, и в 1920 году приехал в Москву. Вначале он выступал как проповедник по разным храмам, часто сослужа святителю Тихону, Патриарху Московскому, которого очень любил и уважал.

В 1925 году, после возвращения из первой ссылки, отец Валентин стал служить в храме священномученика Панкратия в переулке на Сретенке, где вел духовные беседы с прихожанами о вере, о Церкви, о спасении. Эти духовные беседы, записанные духовными чадами отца Валентина, распространялись среди верующих.

В 1926 году отец Валентин стал настоятелем храма святителя Николая Чудотворца на Ильинке (Никола Большой Крест), где создал крепкую общину, ввел регулярную индивидуальную исповедь, частое причащение Святых Христовых Таин. В своих поучениях и проповедях он открывал духовным чадам путь нравственного и духовного совершенствования в условиях гонения на Церковь.

С именем отца Валентина связана идея особого пути духовного совершенствования, который называется монастырем в миру. Люди, вставшие на такой путь, не делаются тайными монахами и не принимают негласно обеты. Отец Валентин призывал своих чад, живущих в миру, внутренне, духовно воздвигнуть как бы монастырскую стену между своей душой и миром, во зле лежащем, не допускать, чтобы суета, мирское зло захлестнули душу.

7(20) октября 1931 года отец Валентин скончался после тяжелой болезни в ссылке под Тайшетом.

Беседы о духовной жизни

1

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Монастырь в миру — вот основная идея всего моего служения. Она лежит в основе моей настоятельской деятельности, она лежит в основе моего духовничества, она лежит в основе моих проповедей.

Многие считают эту идею неосуществимой. Для многих она представляется неверной, но для очень многих, несмотря на то что я постоянно возвращаюсь к ней, она все еще недостаточно ясна.

И вот ныне я имею побуждение вновь говорить о том же, говорить со всей ясностью, с которой я только могу.

Я всегда стараюсь как можно меньше говорить от себя и держаться учения Церкви и святых отцов, я и здесь не погрешил против этого. Монастырь в миру — это не моя мысль, это мысль святоотеческая. Святой Иоанн Златоустый говорит следующее: «Мы должны искать пустынножительство не только в каких-либо местах, но и в самом произволении, и прежде всего другого душу свою ввести в самую необитаемую пустыню».

Вот монастырь в миру.

Если есть что-либо новое в моих словах, то это лишь то, что эту задачу я считаю задачей нашей эпохи. Если есть что-либо новое здесь, то не самая эта мысль, а постоянный благовест мой о том, что нужно сознательно поставить перед собой эту задачу, ибо это задача нашей церковной эпохи. Для того чтобы нам уяснить с надлежащей полнотой и ясностью, что значит созидать монастырь в миру, рассмотрим, как создались монастыри, огражденные высокими каменными стенами.

Преподобный Иоанн Кассиан передает следующую беседу египетских пустынножителей о происхождении монашества.

«Образ жизни киновитян, — говорит авва Пиаммон, — получил начало от времен апостольской проповеди. Ибо таково было в Иерусалиме все общество верующих, о котором

пишется в Деяниях апостольских (см.: Деян. 4, 32. 34. 35). Таковы, говорю, были тогда все церкви, каковых ныне очень мало можно найти в киновиях. Но когда после апостолов общество верующих начало ослабевать, особенно вступившие в христианскую веру из различных иноплеменных народов, от которых апостолы по причине невежества их в вере и застарелых обычаев язычества ничего больше не требовали, как только удерживаться от идоложертвенного, крови, удавлины и блуда, когда при таком снисхождении к христианам из язычников мало-помалу начало приходить в упадок совершенство даже и Иерусалимской Церкви и когда при ежедневном возрастании числа верующих из туземцев или пришельцев начала ослабевать ревность первоначальной веры, тогда не только вновь вступавшие в христианскую веру, но даже и предстоятели Церкви уклонились от прежней строгости жизни. Ибо некоторые, почитая и для себя позволительным, что христианам из язычников дозволено было по причине их слабости, думали, что нисколько не повредит чистоте их веры обладание имуществом».

Но те, в коих еще пламенела ревность апостольская, помня прежнее оное совершенство, удалялись от своих сограждан и общения с ними, стали пребывать в подгородных уединенных местах и отдельно жить по тем уставам, которые апостолами даны были первенствующей Церкви.

Те, кои мало-помалу с течением времени отделились от общества верующих по той причине, что воздерживались от брака и удалялись сожительства с родными и общения с миром, названы монахами, или единожительствующими, от уединенной, одинокой их жизни.

Монахи эти, живя многие совокупно, назывались «киновитами», а кельи и жилища их — «киновиями».

Так вот что по этому свидетельству лежало в основе стремления к монашеству. Это было стремление отдалиться от общества церковного, которое стало постепенно приходить в упадок. Ревностные христиане, помнящие заветы первоначального христианства и чувствующие, что в условиях тогдашней жизни эти заветы мало-помалу уходили из церковной

жизни, вознамерились сохранить их; для этого устремились на окраины городов, где стали жить замкнутой, отгороженной от зараженного языческими понятиями и языческим развращением мира жизнью, и там, в этом уединении, начали служить Господу так, как это было заповедано первым христианам. Это были единожительствующие люди, которые ушли от других во имя служения этой высшей цели.

Сложна история монашества. Много было всевозможных изменений, всевозможных испытаний на его пути. Мало-помалу выработался особый быт монашеского жития, особый стиль монашеского богослужения, выработалась и внешняя обстановка, создались особые здания монашеские, словом, создался монастырь в современном его понимании.

Но душой монастырской жизни, тем, что лежало в основе устремления в монашество, осталось то же, что было и в первые времена — это было желание отгородиться от развращенного языческого мира, чтобы в этом ограждении сохранить чистоту христианства. Естественно, что осуществление такой задачи породило исключительный расцвет молитвенной и духовной жизни. Монастырь стал истинной сокровищницею Церкви. Оттуда выходили истинные светочи Церкви Христовой, там устрояли души людей, которые становились духовными вождями; словом, это была твердыня в той брани, которая ведется Церковью Христовой со злым началом мира. И вот наступает время, когда в силу внешних обстоятельств монастырь разрушается и, можно сказать, почти разрушен. Нет больше прежних монастырей в Православной Церкви. Еще сохранились отдельные представители монашества, сохранился еще внешний облик монашества в отдельных людях, кое-где уцелели отдельные небольшие монастыри, почти везде потерявшие свой истинно монастырский дух, превратившиеся в общежития с некоторыми воспоминаниями прежнего монашеского уклада, уже не имеющие той духовной основы монашеской, уединенной жизни, которая прежде была в них.

Но, спрашивается, неужели же вместе с тем разрушилось и уничтожилось то, что вызывало потребность в монастырях,

то, что жило в человеческих душах, то, что побуждало людей идти в Оптину пустынь, или в Киево-Печерскую лавру, или в какие-либо другие уединенные монастыри, скиты и пустыни?

Ведь душа-то человеческая, которая стремилась к этому ограждению себя от мира каменными стенами, которая стремилась отдать свою жизнь на служение Господу в духовном и молитвенном делании, она осталась, и не только осталась, но, можно сказать, что самое стремление к этому могло лишь возрасти и оно действительно возросло. А уйти некуда, монастырей больше нет. В каком же положении оказались эти души человеческие, стремящиеся к отделению от мира и в то же время не имеющие возможности заключиться в монастырь так, как это можно было сделать раньше?

Что же им делать?

Обычная приходская жизнь, обычное посещение приходских храмов, может ли это удовлетворить их потребность в ухождении от мира за монастырские стены?

Может ли удовлетворить эту потребность какая-нибудь попытка натянутого и безсильного подражания прежнему монастырю, с его прежним укладом?

Совершенно ясно, что возникает какая-то новая великая задача для Церкви дать удовлетворение этой потребности человеческой души. Эта задача — созидание невидимого монастыря в миру. Задача новая, не потому, что не было такой идеи, высказанной раньше святыми отцами, но потому, что никогда раньше она не вставала в такой плоскости и в таком объеме.

Многие пастыри делают работу, которая фактически есть не что иное, как создание монастыря в миру, но эта работа получит твердое основание и будет проходить вполне надлежащим образом лишь тогда, когда она будет поставлена вполне сознательно, когда религиозное сознание верующих примет вполне и осознает ее как задачу современной церковной жизни, чтобы те побуждения, которые влекли людей в монастырь, нашли себе удовлетворение здесь, в миру, ввиду невозможности уйти за каменные монастырские стены.

Как же должен строиться этот внутренний монастырь?

Как должна осуществляться эта трудная внутренняя задача?

На этот вопрос ответить легко, ибо это устроение внутреннего монастыря должно протекать так же, как протекало оно в условиях прежней монастырской жизни. Мы также должны стать единожительствующими. И нас побуждает к этому окружающая жизнь, нас к этому побуждает полная невозможность строить нашу внутреннюю, духовную жизнь, не отгородившись внутренне от безбожного, нас окружающего мира. В каждой семье, в каждом доме, иногда в каждой комнате есть такое взаимоотношение с окружающими, которое заставляет глубоко прятать свою внутреннюю, религиозную, молитвенную жизнь, что является не меньшим побудителем к созданию внутреннего монастыря, чем тот побудитель, которым являлся языческий мир для создания монастырей прежних. Когда человеку нельзя встать в свой угол и лба перекрестить и он должен делать вид, что смотрит в окно, и в это время мысленно читать свои молитвы, то он поставлен в условия, более необходимые для создания внутреннего монастыря, чем тот христианин первых веков, которому приходилось, чтобы проводить христианскую жизнь, уходить в монастырь на окраину города.

С одной стороны, уничтожение прежних монастырей, с другой стороны, всеобщее безбожие и отпадение от веры — эти два условия неизбежно приводят верующих людей к новому внутреннему монастырю. И они не должны упираться на этом пути, не должны говорить: «Это невозможно, это неясно, неосуществимо; все это вражеские препятствия на этом пути».

Монастырь в миру не только осуществимая, но самая главная задача нашего времени. Человек для этого и — не уходя из мира — должен идти по пути такого же внутреннего делания, которым шли люди в условиях прежней монастырской жизни.

Необходимо возвратиться к семейной, домашней, личной молитве, надлежит возвратиться к соблюдению всей полноты церковности; нужно оцерковлять свою жизнь, надо вернуться

к частому причащению Святых Таин, должно вернуться к постоянному Богомыслию, к чтению и изучению Слова Божия, читать жития святых отцов — словом, надо делать то же самое в миру, что люди делали в монастырях, что считалось как бы специальностью, задачей монахов. Все это из монастырей должно перейти в мир, и здесь, в миру, должно перерождать человека.

Но для того, чтобы это можно было сделать, необходимо исполнить тот завет, который мы только что прочли у святого Иоанна Златоустого, мы должны «прежде всего другого душу свою ввести в самую необитаемую пустыню», то есть оцерковление нашей жизни должно прежде всего иметь за собой решительное отмежевание нашей внутренней жизни от жизни безбожной, нас окружающей, от нас окружающих понятий, от нас окружающих нравов, от нас окружающей безнравственной жизни. Все то, что можно уподобить прежней развращенной языческой жизни, все это должно быть нами внутренне отринуто. Мы должны как бы заключиться во внутреннюю пустыню, мы должны чувствовать себя так: мы — и они, верующие — и неверующие, верные — и безбожники, Церковь — и мир, царство от мира сего — и царство не от мира сего, граждане земли — и граждане неба.

Все это должно определить наше отношение к миру как ухождение из него, как ограждение своего внутреннего строя от этого, совершенно на иных началах строящегося мира безбожного. Вот когда это ухождение внутреннее совершится так же, как оно ранее совершалось при ухождении в монастыри, и человек встанет на путь полного оцерковления своей внутренней жизни, начнет созидать свою молитву, начнет соблюдать посты, начнет ходить в храм Божий, причащаться Святых Таин, отдаст себя в духовное руководство, будет находиться в послушании, прекратит мирское, самочинное свое житие — словом, когда вся его внутренняя жизнь будет не что иное, как создание того же самого монастыря с тем внутренним содержанием, которое было в прежнем монастыре за каменными стенами, тогда будет найден выход для жаждущих монастырской жизни и в нашу эпоху.

Так вот что значит монастырь в миру. Монастырь в миру — это создание молитвенной, духовной жизни, которую мы переносим из наших разрушенных монастырей в условия жизни мирской. Здесь такое же ухождение от развращенного мира, как там, здесь такое же уединенное жительство, как там, здесь такое же устремление к высшему и горнему, к служению Богу, как там, здесь, может быть, и такое же полное оцерковление, как там, здесь, может быть, и такое же великое послушание, как там. И тогда, если эта задача будет выполнена нами, будет создан новый невидимый монастырь взамен разрушенных монастырей. И этот монастырь не смогут разрушить никакие случайные внешние обстоятельства.

И это не мечта, это не художественная греза, это не какой-то манящий призрак, может быть, прекрасный, но неосуществимый — это есть самая подлинная правда, это есть великая задача нашего времени.

Аминь.

2

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Святые отцы научат нас жить так, чтобы постоянно памятовать о смерти: ложась спать, мыслить, что Господь, может быть, не приведет встать наутро, а утром, вставая, думать о том, что Господь, может быть, призовет до вечера.

И в отношении всякого дела эта мысль должна жить в человеческом сердце, должна она жить и в сердце каждого пастыря. И он также и в отношении своего пастырского служения всегда должен иметь эту мысль, что сегодня он здесь, а завтра его нет. Эта мысль побуждает всегда стараться передать то, что тебе представляется самым важным в деле спасения.

Думается, вот если бы ты знал, что тебе последний раз придется вести беседу, чтобы ты сказал своим духовным детям наиболее, по твоему разумению, важного и нужного для них?

Все велико и важно в учении Церкви, но есть в нашем внутреннем устроении некоторое особое ощущение, особое внутреннее состояние, которое стоит за всей жизнью нашей

и является как бы внутренней ее основой. Вот эту-то основу, на которой зиждется внутренняя жизнь человека, вот это-то чувствование, вожделенное для каждого верующего, и надлежит раскрыть как главнейшее в деле нашего внутреннего устроения.

Это чувство заставляет иногда остро переживать жалость, смятение при виде множества, страшного множества неверующих людей, живущих без Бога, без Церкви, без молитвы, без радости, без счастья.

Иной раз, когда едешь в трамвае или на поезде, так и взял бы за руку сидящего против тебя и сказал бы: «Да зачем же ты живешь на свете, зачем ты живешь? Думал ты когда-нибудь об этом?»

Все эти погрузившиеся в мирские дела люди представляются такими жалкими, такими несчастными, точно больными в бреду, бродящими по земле не зная куда, не зная зачем, не зная для чего.

Есть три пути, и один только из них есть путь жизни, а два других — пути смерти. Один путь смерти — это есть путь прямого неверия и безбожия, другой путь, обольщающий иных, — это есть подобие веры, когда говорят, что верю, но по-своему верю, а в Церковь не хожу, верю, но не причащаюсь. Эти люди идут, как будто в том же направлении, в котором идет путь жизни, но они идут в сторону и не могут прийти к спасению.

Последний путь — путь церковной жизни, единственный, истинный путь спасения.

В основе этого пути лежит перерождение человека благодатным действием Таинства.

Христианин и нехристианин — это только по видимости одно и то же, но по своему внутреннему существу это нечто совершенно различное.

Христианин рожден свыше и есть уже иной, чем тот, кто не имеет этого рождения.

Это не слова, не богословствование, не отвлеченная академическая мысль, это есть самая подлинная, самая истинная жизненная правда, и если по некоему наваждению это пере-

рождение не чувствуется или не дает плодов, то это вовсе не значит, что его нет.

Благодать Духа Святого все меняет в душевном строе человека. Она меняет прежде всего его отношение к внешнему миру. Внешний мир для верующего человека представляется как проходящий сон.

Когда мы читаем у святых отцов сравнение живущих на земле со странниками (у святого Иоанна Лествичника и других), когда нам говорится о том, что мы здесь, на земле, во временном жилище, на остановке и потом пойдем дальше в путь, здесь имеется в виду не простое образное сравнение, а самое точное выражение того внутреннего ощущения в отношении окружающей жизни, которое живет в душе у человека веры. Ведь если мы будем рассматривать и чувствовать окружающую жизнь только как временную остановку, а не как постоянный наш дом, естественно, что мы совершенно по-иному начнем к ней относиться.

Мы делаем необходимое для того, чтобы существовать здесь, на земле: мы должны есть, должны одеваться, должны иметь жилище. В наших квартирах, у христиан, идет повседневная жизнь мирская, и нам нужно, чтобы было все то, что есть необходимое условие нашего земного бытия. Но ведь ты внутренне рожден свыше, и внутреннее твое отношение ко всем этим заботам совсем не то, чем у тех, кто смотрит на земную жизнь глазами смерти. Для нас эти условия земного бытия — временная квартира, и мы постоянно чувствуем это. И когда пьем чай, и когда садимся за обед, и когда ходим покупать дрова, и когда заботимся о нашей одежде, и когда думаем о всевозможных житейских мелочах, мы все время внутренне чувствуем себя странниками. Мы чувствуем, что не в этом жизнь наша, а что это только необходимые условия ее так же, как и для странника, которому тоже нужно иметь кусок хлеба, чтобы идти в путь.

Дальше переживания касаются нашего внутреннего состояния уже не в отношении форм внешней нашей жизни, а в отношении нашего внутреннего мира. Мы, верующие, ощущаем нечто, что делает нас иными, чем людей неверующих; мы чувствуем свое безсмертие!

Безсмертие для нас не теоретический вопрос, не какая-то философская проблема, не нечто такое, что нужно доказывать, а самое жизненное, несомненное наше знание.

Спрашивают о доказательствах безсмертия!

И нам приходится что-то такое от разума приводить, чтобы доказать это, но это так же не нужно для верующей души, как и для человека, имеющего здоровые глаза, не нужно теоретических доказательств, что видимый мир существует, ибо он видит его глазами своими. Совершенно то же самое и в отношении благодатного ощущения безсмертия.

Когда мы стоим друг против друга и смотрим друг на друга, и чувствуем внутреннюю жизнь, как смешно и нелепо кажется нам отрицание человеческого безсмертия и требование каких-то доказательств.

Ведь ты сам живое свидетельство безсмертия, и твое внутреннее состояние, то, что в сердце твоем, значительней, убедительней и непреложней всяких доказательств от разума и от логики. Вот это есть основа нашего христианского самочувствия, это есть то, что имеют верующие христиане.

Вера в безсмертие утверждается не какими-либо внешними доказательствами, а вот этим благодатным чувствованием своей духовности. Это есть та основа, которую нужно иметь в жизни всегда, и как в отношении окружающего мира надлежит чувствовать себя странниками, так в каждый момент своей жизни, в каждом движении своего существа нужно всегда ощущать свою духовность, нужно всегда ощущать свое безсмертие.

Но это ли только является иным у людей веры по сравнению с теми, кто этой веры не имеет? Меняется самое отношение уж не к внешнему миру и не к внутреннему своему состоянию, а ко всей жизни, в смысле уразумения ее высшего смысла.

Надо жить так, чтобы всегда видеть перед собой ту жизнь, которая наступит после твоей смерти.

Нужно за всей этой мелькающей, и шумной, и тленной жизнью, за всеми твоими заботами, скорбями, неприятностями, за всем, что заслоняет от тебя высшее, что есть в жизни

твоей, ради чего жить на свете стоит, нужно, чтобы постоянно оно горело в твоем сердце и освещало жизненный путь. Нужно ни на одну минуту жизни своей не терять этого, нужно, чтобы постоянно человек чувствовал себя гражданином неба, чтобы никогда земное и тленное так не овладевало им, чтобы ему начинало казаться, что больше, кроме этой грязной, земной жизни, прикрытой лишь красивостью, ничего нет, что нет красоты небесной.

Но это ли одно отличает нас от людей неверующих? Есть еще одно, лишь Нам, людям веры, доступное и что уразуметь не могут люди неверующие. Я говорю о величайшем счастье теснейшего единения со Христом в Таинстве Евхаристии и о молитве.

Как можно жить без литургии?

Как можно жить без Евхаристии?

Если ты хоть сколько-нибудь пережил причащение Святых Таин, что ты испытал бы, если бы тебе сказали, что этого больше никогда не будет? Я думаю, каждый из стоящих здесь верующих людей, причащающийся Святых Таин, поймет, что было бы, как отзвук на эти слова, в его душе. Это можно сравнить только с тем, как если бы внезапно в мире погас свет.

Первые христиане не могли дня прожить без Евхаристии. Мы огрубели, мы отяжелели, нас клонят долу наши грехи и наше обмирщение. Но как ни огрубели, как ни отяжелели мы, в нас, верующих, есть все-таки духовность, которая при Таинстве Евхаристии заставляет наш дух гореть и оживать, хотя бы на одно мгновение. Но эти мгновения таковы, что их не променяешь ни на что земное.

В Евхаристии мы вкушаем залог нашего воскресения, здесь мы видим воочию чудо преображения плоти, здесь перед нами такое теснейшее соединение со Спасителем, здесь такое милосердие Божие, которое перерождает душу; вкусив это, без этого нельзя жить.

А молитва? Какой нам кажется она иногда тяжелой, и скучной, и трудной после трудового суетного, мирского дня!

Но кто же из нас, молящихся, верующих людей, преодоле-

вая эту усталость, эту мирскую нашу тяжесть, когда дух окрыляется и возносится хотя бы несколько над отяжелевшей мирской нашей жизнью, не испытывал вдруг благодатного озарения, в котором открывается Горний мир!

Разве этот момент молитвы нашей не есть та основа внутренней жизни, которую мы должны всегда иметь в своем сердце! Так вот что нужно передать от сердца в сердце.

Нужно передать постоянное отношение к окружающему миру как к миру чуждому и враждебному, в котором мы лишь странники, нужно передать это внутреннее, постоянное ощущение своей духовности и безсмертия, нужно передать постоянное горение высшим смыслом бытия и нужно передать величайшую радость, которую нам Господь дает в благодатном Таинстве Евхаристии и молитве.

Аминь.

3

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Жизнь мирская — жизнь безблагодатная, жизнь духовная, церковная, исполнена Благодати.

Жизнь мирская течет по законам естественного бытия, жизнь духовная вся проникнута Духом Божиим.

«Так и мы, доколе были в детстве, — говорит апостол Павел, — были порабощены вещественным началом мира».

И в Послании к колоссянам: «Вы со Христом умерли для стихий мира».

Но значит ли это, что в миру совсем не ставится задач возвышенных? Было бы несправедливо сказать так. Но постановка этих возвышенных задач нравственного совершенствования так же безблагодатна, если она вне Церкви. В основе этих задач нравственного совершенствования у отдельных, хороших по-мирскому людей лежат личные, человеческие силы. Было время увлечения, положим, толстовскими идеями. Это был как бы призыв к нравственному совершенствованию человека, но без благодатной помощи Божией этот путь нравственного совершенствования оказался безпомощным, он не мог привести и не приводил людей к тому состо-

янию благодатного устроения, к которому приводит путь благодатный.

Было и еще увлечение индусской философией, так называемой «йогой», в основе которой лежала мысль о развитии скрытых в человеке душевных сил. Как путь, кроме различных чисто механических упражнений, для развития этих сил предлагалось совершенствование нравственной жизни. Казалось, что это почти совпадает с христианской аскетикой. На самом же деле это было нечто совершенно иное, именно потому что там все основывалось на личных человеческих силах. Это был путь безблагодатный и потому неспасительный. Совершенно иное раскрывается в христианском учении, в Слове Божием. Здесь, напротив, все основано на благодати. О значении благодати столь много есть свидетельств в Слове Божием.

«Я наименьший из апостолов и недостоин называться апостолом, — говорит апостол Павел, — потому что гнал Церковь Божию, но Благодатью Божиею есть то, что есть, Благодать Его во мне не была тщетной, но я более всех их потрудился, не я, впрочем, а Благодать Божия, которая со мной».

Эта благодать открывает человеку истинный смысл жизни, Царство Божие, которое, по словам апостола, «...не пища и питие, а праведность и мир и радость во Святом Духе». «Господь сказал мне, — говорит апостол Павел, — довольно тебе Благодати Моей, ибо сила моя совершается в немощи».

Слова эти совершенно неприемлемы для тех мирских учений, которые полагают основой нравственного совершенствования личные силы человека.

Благодать подается по воле Отца через Сына: «Силою Бога, спасшего нас и призвавшего званием святым не по делам нашим, но по своему изволению и Благодати, данной нам во Христе Иисусе».

«Непрестанно благодарю Бога, — говорит тот же апостол, — за вас, ради Благодати Божией, дарованной вам во Христе Иисусе!»

И, наконец, раскрывается это действование благодати в следующем месте Послания к ефесянам:

«Предопределив усыновить нас Себе через Иисуса Христа по благоволению воли Своей в похвалу славы Благодати Своей, которой Он облагодатствовал нас в Возлюбленном. В Котором мы имеем искупление Кровию Его прощение грехов, по богатству Благодати Его».

Так все время напоминается верующим, что они ничто и что только действующая в них Благодать Божия ведет их к спасению.

Что же значит эта Благодать Божия в деле нашего спасения?

Не делает ли она ненужными наши усилия? Если мы ничто, мы ни за что не ответственны. Не станем ли мы ждать, когда в нас будет действовать его Божественная воля, сами не прилагая никаких трудов в деле нашего внутреннего устроения?

Как понимать соответствие между трудами и усилиями и этим учением о Благодати Божией?

Было бы совершенно безумным принять именно такое неправославное понимание значения благодати в деле нашего спасения. Это было бы, с одной стороны, уклонением к католичеству, с другой стороны, уклонением к протестантству. Православное, истинное, христианское церковное учение совершенно не устраняет значения личных усилий и обязательности их в деле спасения, принимая всю полноту богооткровенных учений о Благодати Божией.

Вы представьте себе, что вам нужно поднять какую-нибудь тяжесть и вы протянули руку, чтобы поднять ее, и когда вы только прикоснулись к этой тяжести, чья-то сильнейшая, мощная рука присоединяется к вашей руке, берет вашу руку и вместе с вами поднимает эту тяжесть. Если бы не эта сильнейшая рука, ваши немощные силы не могли бы поднять и меньшей тяжести, но если бы вы не протянули руку свою, то эта невидимая рука сильного не подняла бы за вас этой тяжести.

Вот таково именно взаимоотношение личной и благодатной силы. Господь требует от нас, чтобы мы немощную руку свою протянули к этой тяжести нашего креста, и тогда сила

благодатная, вспомоществующая нам, как бы берет эту нашу протянутую немощную руку и вместе с нами подымает великую тяжесть. А когда мы отвергаем Благодать Божию и, надеясь на себя, сами беремся за тяжесть нашего спасения, то мы только делаем вид, самообман, что мы действительно эту тяжесть подымаем. Но и если мы, напротив, будем в ложном смирении думать, что мы настолько ничтожны, что наших усилий не нужно для спасения и что Господь Сам все сделает за нас, а мы будем только ждать этого, то нас Благодать Божия не осенит, нам Благодать Божия не споспешествует. Благодатное воздействие требует личных наших трудов, и об этом мы имеем также свидетельство в Слове Божием: «Царство Небесное силой берется, и употребляющий усилия восхищает его».

В Послании к евреям говорится: «Вы еще не до крови сражались, подвизаясь против греха!»

Святые отцы нас также вразумляют именно к такому пониманию действия Благодати Божией. Преподобный Макарий Египетский говорит: «Если нет воли, Сам Бог ничего не сделает, хотя и может по свободе Своей».

Сознательно поставленный перед нами путь духовной жизни требует правильного уяснения учения о Благодати Божией. Если не усвоить этой истины, то постоянно будем хромать то на одну, то на другую ногу. Или ты будешь думать, что все зависит от твоих личных сил, всецело утверждаться на своих трудах и недоумевать, почему у тебя ничего не выходит, или, напротив, ты начнешь небрежительно относиться к тем трудам, которые от тебя требует Господь, и будешь все ждать и так и не дождешься вожделенных благодатных сил Божиих.

Нужно непременно уяснить, что ты во всей немощности своей, в полном сознании своего личного ничтожества должен трудиться всеми силами, памятуя, что не ты поднимешь тяжесть своего спасения, а тебе поможет Благодать Божия. Но ты трудись, ты подними руку, ты протяни ее, чтобы все, что есть у тебя в душе твоей, посвятить тому, что требует от тебя Господь.

«Се стою у двери и стучу, если, кто услышит голос Мой и

отворит дверь, войду к нему и буду вечерять с ним и он со Мной». Так говорит Господь в Откровении Иоанна Богослова: «Се стою у двери и стучу...» Это говорится каждому человеческому сердцу, и горе ему, если оно прослушивает этот стук.

Надо все время быть настороже и прислушиваться к зову Господню, а когда услышишь его, надо ждать Благодати Божией, которая поможет нам в деле нашего спасения.

Аминь.

4

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В духовной жизни, в духовно-нравственном нашем совершенствовании первенствующее значение, как мы видели в прошлой нашей беседе, имеет Благодать Божия. Но Благодать Божия не только не исключает, но положительно требует от нас трудов, работы Господней.

Мы уподобляли взаимоотношение благодатной силы и личных усилий человека в деле спасения тому, как если бы человеку надлежало поднять какую-нибудь большую тяжесть и он протянул бы руку свою, чтобы поднять ее, и в это время ощутил бы, как сильнейшая рука помогает руке его. Мы говорили о том, что если человек не протянет руки своей, то эта помогающая, невидимая, благодатная, Божественная рука не будет сама поднимать за него тяжести, и если, с другой стороны, человек самонадеянно, уповая только на свои личные силы, вздумает поднять тяжесть, то непременно погибнет.

Вот потому так важно, чтобы человек правильно сознавал задачу своих личных усилий в духовной жизни. Большая разница между человеком, который грешит и сознает, что делает грех, и человеком, который совершает тот же поступок и считает, что в этом нет ничего плохого. Они как будто бы делают одно и то же, но душевное состояние их совершенно различное.

Если один человек пьянствует и считает, что так и быть должно, а другой пьянствует и все время чувствует свою греховность и оплакивает ее, как свою немощь, здесь будет

существенная внутренняя разница. В деле нашего внутреннего устроения, в деле нашего нравственного совершенствования есть одна зловредная мысль, которая уподобляет человека пьянице, оправдывающему свой порок. Эта мысль заключается в том, что высокие нравственные требования христианства надо исполнять лишь настолько, насколько это не мешает обычному мирскому течению жизни.

Эта мысль возводит в принцип (возводит в закон, в правило) исполнение христианского учения лишь постольку-поскольку оно не мешает жизни мирской. Может быть, люди, понимающие, что задачи христианские стоят перед каждым человеком во всей полноте и что законы нравственные и правила святых отцов и Церкви Святой должны исполняться во всей своей полноте, может быть, и они погрешают, может быть, и они не всегда делают и живут так, как бы требовало Слово Божие, но самое отношение к идеалам христианским, правилам духовной жизни и установлениям Церкви у них совершенно иное.

Неисчислимые бедствия для духовной жизни проистекают от возведения в правило и закон исполнения христианства постольку-поскольку.

Если человек чувствует свою немощь и не может выполнять то, что от него требует Святая Церковь, и ощущает это как грех, он всегда будет радоваться на всякого человека, освобождающегося от немощности и старающегося трудиться, чтобы встать на истинный путь полноты духовной жизни.

Если же человек думает, что так и быть должно, что христианство есть какой-то особый, для определенных дней и для определенных случаев предназначенный обычай, совершенно не долженствующий коренным образом менять жизнь человеческую, то он непременно будет раздражаться и сердиться, и укорять всякого, особенно близкого человека, который всерьез задумает идти дорогой жизни духовной. А между тем перед нами в Слове Божием раскрывается нечто такое, что, казалось бы, должно нас совершенно исцелить от этого страшного недуга — практической ереси возводящего как бы в некоторый закон такое совершенно недолжное по-

нимание христианства, это то, где говорится и заповедуется нам подражание Христу.

Вот мы открываем Евангелие от Иоанна и читаем: «Я дал вам пример, чтобы и вы делали то же, что Я сделал вам».

Открываем Первое послание апостола Петра и читаем: «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, чтобы мы шли по следам Его».

Открываем Первое послание Иоанна, читаем: «Кто говорит, что пребывает в нем, тот должен поступать так, как Он поступал».

Открываем Послание апостола Павла к филиппийцам, читаем: «В вас должны быть те же чувствования, как и во Христе Иисусе». Неужели, прочтя эти слова, можно хоть на минуту согласиться с тем, что правы принимающие христианство постольку-поскольку.

Оно не мешает кинематографу, театру, нашему мирскому благополучию, нашему мирскому времяпрепровождению?

Это ли значит: «В вас должны быть те же чувствования, как и во Христе Иисусе»?

Это ли значит, что: «Он пострадал за нас, оставив нам пример, чтобы мы шли по следам Его»?

Это ли есть пример, это ли есть дорога, указанная Спасителем?

Нам и более определенно в Слове Божием раскрывается, в чем именно ждет от нас Господь подражания Христу. В Послании к ефесянам апостол Павел говорит: «Живите в любви, ибо Христос возлюбил нас».

Так вот чему мы должны подражать — любви Христовой, должны иметь такую любовь в сердце своем, которая бы была подобна той любви, которой возлюбил нас Христос. В Евангелии от Матфея читаем: «Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, яко кроток есмь и смирен сердцем».

Вот чему научитесь — кротости и смирению, чтобы нам быть такими же, как Господь наш Иисус Христос, показующий этот пример.

Можно ли, будучи все время в раздражении, ведя постоянную озлобленную борьбу со всеми окружающими, можно ли, возвеличивая свою человеческую волю, впадая в гордыню,

можно ли брать пример со Спасителя в Его кротости и смирении?

И как можно соединить это постольку-поскольку с образом Христа, который, как предмет подражания, стоит перед внутренним зрением человека?

Увещевая Тимофея подвизаться добрым исповеданием, апостол Павел говорит: «Добрым исповеданием подражай Христу, Который засвидетельствовал перед Пилатом доброе исповедание».

Мы должны быть подражателями Христу и в нашем исповедании веры. Разве примиряется такое исповедание веры, которое требуется от нас этим примером, с нашим постоянным малодушием, с нашим постоянным трусливым прятанием своего христианского звания. Как мы до сих пор не почувствуем, не поймем, что мы, верующие, есть избранный народ, что, сколько бы по числу вокруг нас ни было смеющихся и кощунствующих над нашей верой, это чувствование высшего своего христианского достоинства должно всегда побуждать к открытому, твердому и решительному, доброму исповеданию.

Конечная цель нашего совершенствования, ради чего нужно брать этот пример, для чего все наши труды, вся наша работа Господня, — теснейшее единение с Господом, когда, по слову апостола: «Будет Бог вся во всем». «Будьте святы, потому что Я свят», — говорится в Послании апостола Петра. В Евангелии от Матфея говорится: «Будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный».

Но, может быть, так поставленные задачи христианские могут возыметь совершенно обратное действие на нашу душу?

Может быть, увидав эту высоту и почувствовав свою немощность, мы вовсе откажемся идти этим путем.

Ведь когда пригорок невысок, на него есть возможность взойти, а когда гора высока, у человека может явиться мысль: «Не подняться мне на нее, значит, и пробовать нечего». Но это будет безумнейшая мысль, полнейшее непонимание того, что́ именно есть совершенствование по нашему христианскому пониманию.

Христианство не ставит определенных пределов совершенствования. Совершенствование безпредельно, ибо самая

жизнь в Боге не может быть ограничена никакими определенными нравственными, хотя бы и самыми возвышенными пределами. Значит, дело тут не в том, как высока гора, на которую ты подымешься, а важно то, чтобы ты, смиренно усвоив то, что тебе раскрыто в Слове Божием, стал бы в полном сознании всей немощности своей трудиться для достижения поставленной перед тобой Господом задачи.

Ты никогда не должен говорить: «Я дойду только до этого места, потому что только до этого нужно идти».

Ты никогда не должен говорить: «Я подымусь на ту или иную высоту», — ты просто будешь трудиться над своим внутренним устроением, памятуя, что этого требует от тебя Господь, а плоды — от Благодати Божией. Дивные слова читаем мы по этому поводу у святого Иоанна Златоустого: «Бог обыкновенно назначает венцы, взирая не на конец подвига, а на расположение подвизающихся».

В этих словах Иоанна Златоустого нам уясняется то, что от нас требует Господь и что нам дает надежду на этот венец. Нам дают надежду на это не какие-либо великие заслуги наши перед Господом, а наше внутреннее расположение, устремление, готовность, желание трудиться и работать для Господа, а самый путь этой внутренней духовной работы безпределен, как безпредельно само совершенствование.

Мы никогда не должны искушаться страшной и кощунственной мыслью, что христианство — это какой-то заброшенный уголок в нашей душе.

Но, работая над своим внутренним устроением, над спасением души своей, мы должны всегда памятовать о нашей немощности, твердо уповая на Божественную Благодать.

Аминь.

5

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В разные времена по-разному в миру понималась жизнь.

В разные времена главнейшим считалось разное. Но действительная основа жизни всегда остается одна и та же.

Эта основа — любовь — слово, которое имеет неисчерпаемую глубину содержания. В духовной жизни велико значение богомыслия. Посмотрим, как учит нас Слово Божие о любви.

«Возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, всею душею твоею, всем разумением твоим».

Сия есть первая и наибольшая заповедь. Вторая же подобна ей: «Возлюби ближнего твоего как самого себя».

На сих двух заповедях утверждается весь закон и пророки. В Послании Иакова говорится: «Если вы исполняете закон царский по писанию «возлюби ближнего своего как себя самого», хорошо делаете».

Апостол Иаков заповедь о любви к ближнему называет царским законом. У апостола Павла о значении любви как основного закона бытия говорится: «Любовь есть исполнение закона».

И в другом Послании: «Больше же всего облекитесь в любовь, которая есть совокупность совершенства».

В Послании к римлянам он говорит: «Радуйтесь с радующимися, плачьте с плачущими».

У святых отцов в соответствии с тем, что открывается об этом основном законе в Слове Божием, говорится: у святого Григория Богослова: «Если бы нас кто спросил, что мы чествуем и чему покланяемся, ответ готов: мы чтим любовь».

У блаженного Августина читаем: «Сущность всего Божественного Писания заключается в любви к Богу и ближним. Итак, если ты не имеешь столько сил и времени, чтобы надлежащим образом пересмотреть все листы Священного Писания и понять истину во всей ее полноте, постигнуть все тайны Писания, то предайся только любви, которая обнимает собой все прочее».

Так утверждают Слово Божие и святые отцы основное значение любви. Но нужно вникнуть, что же здесь разумеется, какое содержание вкладывается в это понимание. Мы знаем чувство, которое мы называем любовью. Мы знаем любовь, которой мы любим детей своих, знаем любовь, которой мы любим друзей своих; многовидны, и разнообразны, и возвышенны проявления человеческой любви. Знаем мы и самую

высочайшую из них — это любовь к Богу. Мы знаем, хотя, может быть, и редко переживаем, возможность любви даже к врагам своим. Все это переживается как некое чувство, нам же нужно уразуметь источник его, что оно есть, для того чтобы оно легло в основание поставленной перед нами задачи духовной жизни.

Чувство любви к Богу есть стремление к самосовершенствованию путем теснейшего соединения с Господом Богом.

Наше чувство любви к ближнему — это желание слиться духовно с ним. Другими словами, это есть таинственная способность и стремление человека к величайшему единству прежде всего с источником всякой жизни — с Господом, а затем со всем, что есть образ и подобие Его, то есть с человеком, носящим в себе образ Божий.

Вот из этого источника, из этого таинственного стремления к полноте в единой жизни с Богом и всеми людьми, то есть к жизни в Церкви, и проистекает это чувствование возвышеннейшего состояния любви. По этому поводу мы имеем нечто в Слове Божием, там говорится: «Бог есть любовь». «Всякий, любящий родившего, любит и рожденного от Него».

В другом месте апостол говорит: «Возлюбленные, если так возлюбил нас Бог, то и мы должны любить друг друга».

В Евангелии от Иоанна читаем: «Как Я возлюбил вас, так и вы да любите друг друга».

В Деяниях апостольских об этом состоянии полного единства говорится: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа».

В Евангелии от Иоанна читаем: «Да будут все едино, как Ты Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино».

Вот где раскрывается во всей полноте тайна, смысл и сущность любви, до какового понимания человеческий разум не может возвыситься. Здесь истинное Божественное откровение. Ведь здесь говорится о том, что человеку заповедуется такое же единство, как единство Троичного Бога: «Да будут все едино, как Ты Отче, во Мне, и Я в Тебе, так и они да будут в Нас едино».

А ведь Бог есть любовь; тайна Пресвятой Троицы есть тай-

на любви, соединяющей Единое Существо Божие. И мы в этой заповеди Христовой становимся сопричастниками этой Божественной любви, этой тайны Пресвятой Троицы.

Так вот из этого источника, из таинственной глубины, где раскрывается как высший идеал недосягаемого совершенствования, раскрывается полнота единства любви Божественной и проистекает чувство любви. Какие-то скрытые, безсознательно действующие законы этой же содержащей все в единстве любви Божией заключаются в самой природе.

Святой Василий Великий с истинным даром благодатного уразумения Божественных Таин по этому поводу написал в «Шестодневе» следующее: «Целый мир, состоящий из разнородных частей, Бог связал каким-то неразрывным союзом любви в единое общение и единую гармонию, так что части, по положению своему весьма удаленные одна от другой, кажутся соединенными посредством симпатии».

То есть он видит во всей вселенной неосознанный нравственный закон любви, лежащий в основе вообще всякого бытия.

Вся вселенная связана в единую гармоничную жизнь, Божественный дух любви влит в самое бытие вселенной, которое есть не что иное, как союз любви. У человека это становится высочайшим идеалом, осознанным законом бытия его, безконечной задачей его совершенствования, где этот союз любви и симпатии раскрывается и вырастает до Богосовершенствования. Вот поэтому чувство любви, которое сознаем мы в себе как некий Божественный дар и кладем мы в основу закона жизни, закона бытия, ибо Господь все содержит Божественной любовью, все объединяет Собой, все Собой проникает, все делает единой Церковью. Потому и сказал апостол Павел о любви, что любовь никогда не перестанет: «Любовь долготерпит, милосердствует, любовь не завидует, любовь не превозносится, не гордится, не безчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит. Любовь никогда не перестанет, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знамения упразднятся».

Любовь не перестанет, потому что она переживет земную жизнь, потому что она содержит единство не только этого изменчивого бытия, но она будет содержать единство бытия вечного.

Когда мы говорим о любви как основе жизни, основе бытия, мы больше, чем при какой-либо иной проповеди, чувствуем себя «гласом вопиющего в пустыне» — потому что любовь, как сознанный закон жизни, не приемлется миром. Мир избрал иной закон, мир избрал закон тления и смерти, закон разделения и разложения. Путаясь, выбиваясь из сил, чтобы преодолеть это тление и разделение, люди создают видимость единства — внешнее единство, которое ничего не объединяет и ничего не содержит, оно, это внешнее единство, противопоставляется внутреннему единству любви.

Напоминание, и проповедь, и утверждение Божественного закона любви так же неприемлемы для мира, как и проповедь вечной жизни и безсмертия. Люди совершенно сознательно отказались от безсмертия. Люди совершенно сознательно отказались от Бога, люди совершенно сознательно отказываются от своего Богочеловеческого достоинства, и поэтому они не могут не отказаться от того, что есть основа вечной жизни, они не могут не отказаться от любви Божественной.

Но мы верующие, как мы можем не строить всю нашу жизнь на началах любви, которой содержится, утверждается бытие мира?

Аминь.

6

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Каждую неделю мне приходится причащать больную, признанную врачами безнадежной. Каждую неделю я сижу около ее постели, и мы ведем беседы о смысле жизни. И я каждый раз чувствую, что идет какая-то непостижимая, но ясно ощущаемая борьба за эту душу.

И когда у постели чувствуется веяние смерти, то хочется противопоставить этому дыханию смерти какое-то высшее утверждение жизни и спасения. Не жизни земной, не продол-

жения этого, все равно недолгого, временного бытия, а вечного, нетленного, истинного, безсмертного.

Раба Божия София умирает, едва начав жить, с каждым днем тает она на глазах, но в этой телесной оболочке все светлеет, все утверждается, все крепнет бытие вечное.

«Буду ли я жива?» — «Будете, будете».

Кто дерзнет брать на себя предсказания о земной жизни?

Но утверждаем истинное бытие и дерзаем утверждать даруемое Господом спасение.

Освобождается, освобождается тяжкими испытаниями, скорбями и болезнями наш дух от всевозможных обольщений и порабощений. Бойтесь в духовной жизни бесовских наваждений; в духовной жизни непременно надо знать своего врага. Духовная жизнь строится под всевозможными нападениями вражескими, и плох тот воин духовный, который небрежительно относится к изучению вражеских козней. Мы должны строить наш внутренний мир, зная не только те основания, на которых он строится, но должны строить его и зная те опасности, которые ему угрожают, эти опасности и есть обольщения бесовские.

Вот мы слышали в житии преподобного Памвы, как его хотели рассмешить бесы, которые сделали вид, что они запряглись и везут перо, и как они кричали: «Помоги нам, помоги нам!»

Изобразили бесовское смешное зрелище.

И засмеялся Памва, никогда не смеявшийся, и возрадовались бесы, что они рассмешили его. И сказал им Памва:

— Вы не рассмешили меня, я не рассмеялся, а посмеялся над вами, что вы даже пера не можете свезти.

Бесы безсильны, они сильны лишь нашей слабостью.

Бесы безсильны, потому что они ложь от начала до конца. Ложь, безсильная сама по себе, имеет такую могущественную силу над нами обольщениями своими.

Вот этих-то обольщений и надлежит нам бояться в духовной жизни, обостряя свой внутренний взор для того, чтобы распознавать их. Самое страшное обольщение бесовское — это то, каким нам показывает бес мир, как он его принаря-

жает, в какие блестящие костюмы он облекает его, как он его расписывает. И когда смотрит человек, не освободившийся от этого обольщения, ему все кажется там таким пышным, нарядным и увлекательным.

Это и есть обольщение страшной мирской ложью. И когда спадет с очей человека бесовское обольщение и он увидит разнаряженный, культурный мир таким, каков он есть в действительности, увидит душу этого мира, какой страшный, непривлекательный, злой, грязный, поганый увидит он мир. Обольщение бесовское касается не только прикрас мира, оно касается и нашей внутренней жизни. Посмотрите на людей, обольщенных этим бесовским наваждением, которое закрывает душу человеческую от собственных внутренних очей человека. Какой представляется им душа здоровой, устроенной, как будто бы все в ней прекрасно, все благополучно, а они просто не видят ее перед собой. И когда их кто-нибудь спросит, как они живут, — они ответят, сколько они получают на службе, ответят, какая у них квартирная площадь, скажут, может быть, о тех или иных семейных обстоятельствах, но душу свою они не видят. И если спадет с их очей это бесовское обольщение и они начнут присматриваться к внутренним движениям своего сердца, они ужаснутся, увидев, какая это все была ложь. То, что думали они о своей жизни и какое у них на самом деле грязное, засоренное, разбитое, поганое сердце.

И, вглядываясь в свою душу без этого бесовского обольщения, закрывающего службой, квартирной площадью и прочими внешними обстоятельствами жизнь внутреннего мира человека от него самого, когда это обольщение кончится, каким предстанет перед собой человек разбитым, запутавшимся, опустошенным, неустроенным, несчастным. Но не только внутренний мир подлежит этому бесовскому обольщению.

Наши внешние отношения все запутаны этим же наваждением бесовским. Бес постоянно нас мутит, постоянно наговаривает, он постоянно плетет сети озлобления, разложения, разделения между людьми, он все представляет как правду, как истину, тогда как он весь неправда, весь ложь. Мы погибли

бы в этом обольщении, если были бы отданы лишь своим собственным силам.

Но к великому нашему утешению, к великой радости нашей, мы вовсе не брошены на произвол судьбы, а над нами все время действует Божественный Промысл. И если действие Божественного Промысла иногда и заслоняется от нас этим же наваждением бесовским, то это не значит, что он перестает действовать.

Когда мы поддаемся здесь бесовскому наваждению, мы воистину делаемся безсильными в этом страшном мире всевозможных кошмарных обольщений бесовских. Есть некий путь, который непременно приведет человека к освобождению от этого наваждения бесовского, который есть истинная дорога туда, где исчезают все обольщения, как при свете исчезает мрак, это путь, о котором мы всегда благовествуем и на который так трудно встают верующие. Разумею путь молитвенного делания. Слышал фразу, искренне, от сердца сказанную: «Лучше бы мне камни таскать, чем молиться, вот как трудно мне себя заставить». Да как же не трудно-то, когда здесь, на руках и ногах, как путы, висят препятствующие молитвенному деланию невидимые наши враги и темные силы. Когда ты хочешь камень поднять, как бы он ни был тяжел, тебе никто не помешает, а здесь за этот маленький камешек твоего молитвенного делания цепляются и не пускают тебя страшные враги твоего спасения. Тут все у них пущено в ход: и твои телесные немощи, и твои всевозможные житейские, неотложные заботы, и твоя рассеянная мысль, воспоминания, чувство окаменелости сердца, и уныние, и просто позабыл, все здесь пустит враг в ход, лишь бы только ты не встал на этот путь, ибо он знает, что как только ты встанешь на путь молитвы, конец этому царству лжи и обмана. Как только ты встанешь на этот путь, так и обнаружится весь обман бесовский, ибо откроется перед тобой, что есть истинный мир, что есть твоя душа и какой истинный путь спасения. Как же бесу не бояться, что он, прикрывшийся и кажущийся таким прекрасным, вдруг будет увиден таким, каков он есть на самом деле.

В молитве утверждается такое отношение к миру, каковым оно должно быть. Надо непременно полюбить молитву и надо не только в своем воображении или пожелании, а на самом деле взяться за нее и устраивать, не откладывая молитвенную свою жизнь.

Не всем в семнадцать лет суждено лежать на смертном одре, но эта страшная тяжба со смертью, которая происходит у одра семнадцатилетней девушки, будет у одра каждого из нас, и то, как нам будет суждено пережить час смертный, зависит от того, как мы проведем свою жизнь.

Аминь.

7

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Я слышу за окном разговор. Говорят два голоса. Я знаю, что мужской голос принадлежит молодому человеку, служащему в галантерейном магазине, а женский голос — старушке, матери его жены.

— Ты что же думаешь, — говорит мужской голос, — это небо?

— А что же?

— Это сгущенный воздух. Вот вас так попы и обманывают!

— Слышишь гром. Ты небось думаешь, что Илия пророк катается?

— А что же такое?

— Это электричество. Вот вас так попы-то и обманывают!

Старушка огорченно говорит:

— Мы умрем — к Господу пойдем, а вы куда?

— Мы никуда, да и вы никуда, потому что никакой вечной жизни нет. Это все попы выдумали.

Вот этот случайно донесшийся до меня разговор слышится сейчас по всей Руси. Почти смешно, совершенно ни с чем не сообразно, но этот сгущенный воздух, о котором где-то вычитал молодой человек, и это электричество победоносно разрушают в простых сердцах истины веры.

Сгущенный воздух, а не небо — это безграмотная фраза. Но молодой человек говорит ее, торжествуя победу над

обманутой в своей вере старушкой. Если бы я мог его спросить (но ведь он никогда не придет сюда), какое отношение к истинам веры имеет то, что гром происходит от электричества? Конечно, он не ответил бы на этот вопрос, но разве ему это важно? Он убежден, что поймал обманщика попа, разоблачил его.

Воистину почти смешной разговор, но над ним можно и заплакать. Ибо что значит вот этот сгущенный воздух и электричество? Это страшно много значит. Это значит погибшая для спасения душа. Наука ли повинна в этом? Наука ли отнимает веру? Сколько раз уже мы возвращались к этому вопросу, и надо ли вновь здесь свидетельствовать, что серьезное, настоящее образование вполне уживается с верой, что истины веры лежат совершенно в другой плоскости, чем научное знание, и поэтому, если не сделать передержки, наука никогда не сможет разрушить веру.

Но самое страшное — это не слова, а тон, в котором они говорились, это тон радостного торжества. Можно подумать, что человек торжествует победу, доставляющую ему какие-то необычайные блага. Насмешка диавола в том и состоит, что он заставляет людей вырывать из себя самое лучшее, самое святое, самое радостное, что есть в них, и, вместо того чтобы привести их при этом ужасном деле к слезам отчаяния, к величайшей тоске, он вселил в них веселье, дал им чувство, как будто бы здесь достигнуто что-то необычайно приятное для людей. Но что же достигнуто?.. Кто-то говорил, ты будешь жить вечно. Это мечта, фантазия, несбыточная греза... На миг допустим, что это так, но здесь есть чему радоваться, здесь есть от чего прийти в восторг, здесь понятно ликование: ведь ему говорят о безсмертной, вечной, блаженной жизни. Но вот говорят человеку: «Ты проживешь несколько дней, месяцев, лет, умрешь, сгниешь — и больше ничего». Откуда же здесь веселие? Откуда здесь торжество? Чего же торжествовать, что ты только ни для чего ненужное соединение вещества, которое разрушится, и живой человек превратится в гниющее тело. Откуда же здесь взяться торжеству, если человек не впал в безумие?

Человеку говорят, Господь Бог содержит всю вселенную, Он дает высший смысл бытию вселенной и каждому отдельному человеку, Он ведет людей ко спасению; жизнью руководит разумная высшая сила, Промысл Божий.

Это — мечта, это — греза, это — несбыточная фантазия... Но есть от чего торжествовать, есть от чего прийти в восторг! Это понятно: разве не величайшая радость, что есть высший смысл бытия вселенной, что есть Господь, который ведет нас ко спасению и дает нам жизнь.

Но вот говорят, никакого Бога нет, все это пустяки; живете во зле, в грязи, в мерзости, умрете, сгниете, и больше ничего не будет. Как можно эти страшные слова произнести, торжествуя и веселясь?

Можно быть неверующим человеком, но совершенно нельзя понять, как можно быть веселым неверующим человеком?

Надо тогда плакать, плакать день и ночь в постоянном сознании полнейшей безсмысленности человеческого существования. Тогда нужно постоянно быть в тоске, что кто-то над тобой сыграл ужасную шутку, вложив в тебя какие-то неясные стремления к безусловному добру и истине, и потом все это свел к куску разлагающегося тела.

Можно быть неверующим человеком, но тогда нужно носить в своем сердце неизбываемую, постоянную тоску.

Можно быть неверующим человеком, но нужно иметь достаточно честности и смелости сказать, что вы, верующие, — счастливейшие существа, что ваша вера есть мечта, но мечта, отнять которую — значит отнять самое лучшее, что у человека есть.

Вот если человек домучается до того, чтобы так сказать, он будет уже на грани между неверием и верой.

Бесовское наваждение, царящее в мире безбожия, в том и состоит, что люди торжествуют, веселятся и чувствуют себя победителями оттого, что убили в себе самое лучшее, что было в их душах.

Когда смотришь на толпу людей, наряженных, накрашенных, веселых, возбужденных, идущих по этой жизненной

дороге так, как будто бы они действительно знают, зачем и куда идут, и подумаешь, что все это люди неверующие, разве не чувствуешь ты себя как в доме сумасшедших? И когда приходит на исповедь мать и говорит со слезами, что сын ее перестал верить, ты как бы видишь, что ведь еще один занемог и пристал к толпе безумных. Наше чувство скорби о потерявших веру особенно сильно потому, что мы-то ведь знаем, что вера не мечта, не греза, а самая святая истина, и при этом истина, дающая человеку счастье, радость, мир, покой, смысл жизни, и что все это отнимается пустой, фельетонной фразой о сгущенном воздухе и электричестве.

Когда подумаешь обо всем этом, есть от чего страдать и плакать, видя человеческое неверие.

Много всяких мудреных и ученых опытов и исследований сделано над составом материи. Химия и физика и целый ряд других естественных наук исследуют и изучают природу, но что такое жизнь, как было и есть, так и навсегда останется для этих исследований тайной. В этом чувствовании жизни заключается самая непоколебимая основа нашей веры в безсмертие и загробную жизнь. Надо почувствовать внутреннее течение, самый внутренний состав того, что есть жизнь, то, что содержится в твоей собственной душе, созданной по образу и подобию Божию. Для того чтобы стать верующим человеком, для этого не нужно знать мудреных доказательств безсмертия, нужно лишь широко открыть свое сердце для этого чувствования жизни, и тогда твой внутренний, безсмертный мир предстанет перед тобой в такой несомненности, твое тело, материальное твое бытие представится тебе до такой степени явно иным началом, чем этот открывшийся тебе внутренний мир твой, что не понадобится никаких логических и научных для веры в безсмертие доказательств.

Тогда никакие пустые слова о сгущенном воздухе и электричестве не смогут отнять у тебя этой великой драгоценности — веры, которая есть не поповский обман и не несбыточная греза, а самая несомненная, самая непоколебимая правда.

Аминь.

8

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В Москве умирает великий пастырь, настоятель храма во имя Святых Адриана и Наталии отец Александр (Стефановский).

Я только что был у него, и мне хочется начать свою сегодняшнюю беседу с этого всю душу наполняющего впечатления.

Я знал о тяжкой, смертельной болезни отца Александра — у него рак желудка — и пришел к нему проститься. Я не знал, пустят ли меня. Я часто бывал у него и раньше, когда возникали какие-либо сомнения, когда сам не мог решить какого-нибудь сложного вопроса, именно у него можно было найти всегда благодатный, истинно духовный ответ. Но на этот раз я пришел не за этим, я шел проститься с ним. И когда я вошел в его комнату и увидел его, лежащего на постели, перекрестившегося, как всегда, при начале разговора и едва внятным голосом приветствовавшего меня, я почувствовал, что здесь уже совершается таинство смерти. Но что же услыхал я и что я увидел? Я увидел счастливейшее лицо, как будто бы человек испытывал не страшные предсмертные страдания, а как будто бы перед ним открывалось нечто до такой степени радостное и светлое, что невольно отражалось и на его лице. И сказал он мне:

— Прошу ваших святых молитв, а когда умру, я весь в руках Церкви, прошу вас тогда особенно молиться о моей душе. Дальше, после большой паузы, прибавил:

— Я своим сказал, Господь нас так любит, что всегда делает для нас самое лучшее, и если я умру, зачем же вам плакать, ведь это все из любви ко мне Господом делается, и самая смерть моя из любви Его ко мне.

Почему я сейчас вспомнил и почему я сейчас заговорил об этом? Я все время думаю об этих словах и все время испытываю необычайное чувство, как будто бы в этот-то страшный момент церковной жизни сказано какое-то самое нужное мне слово, хотя я уже ни о чем не спрашивал своего старца. Это

слово о Церкви. Так устроить свою душу, чтобы в самых тяжких физических страданиях испытывать такую радость, такой мир, такую любвеобильность, такой покой, такую веру, такое упование, для этого нужно не только быть самому великим духом человеком, но нужно жить жизнью Церкви.

Вне Церкви нет истинного христианства и вне Церкви нет полноты истинного спасения. Да и в природе являет себя Господь, и, созерцая жизнь вселенной, видим черты Творца Небесного, но полнота откровения дана в Слове Божием. И в нас заложены черты добра, и мы есть образ и подобие Божие, но достигнуть полноты спасения можно не этими своими хорошими чертами души, а вот этой полнотой Благодати Божией, содержащейся в Церкви.

Когда задают вопросы о том, можно ли спастись язычнику, который совершенно не знает о Христе, можно ли спастись людям, которые ничем не виноваты в том, что они не знают Церкви и христианства, это все праздные, ненужные, казуистические вопросы, ибо Господь распорядится так, как нужно, с каждой человеческой душой. Но нам, нам-то открыто, что спасение лишь в истинной Церкви. Вот это нас касается и это повелевает нам небезразлично относиться к тому, пребываем ли мы в истинной Церкви или нет. Ибо здесь идет речь не о каком-либо желании или нежелании нашем, каком-то капризе — это нам нравится, а это не нравится. Здесь идет речь о единственно важном в жизни земной человека — придет ли он через эту земную жизнь свою ко спасению.

Потому и вопрос, в истинной ли мы Церкви, имеет для нас не кабинетный, отвлеченный, а самый жизненный, самый важный для нас смысл, и непременно мы должны решить его, если не избираем сознательно пути погибели.

Вот потому в древней церкви, когда это ощущалось всеми, так строго стоял вопрос о том, что требуется от членов церкви, чтобы они могли считать себя принадлежащими к ней. Тогда не было такого положения, что верующие точно какое-то одолжение делают тем, что они не отпадают от Церкви. Тогда Церковь не ставила вопроса — хочешь ли ты исполнять

то или иное, а категорически требовала исполнения своих законов.

Церковь не послабляла своих требований из-за того, что это трудно для понимания или исполнения, она возвещала истины, которые должны принять верующие, чтобы быть членами церкви, и ограждала себя самыми строгими, самыми решительными мерами, отлучая от церкви, запрещая в священнослужении.

Мы живем в эпоху возрождения Церкви.

Эти слова могут казаться странными, как на самом деле в эпоху торжествующего безбожия говорить о церковном возрождении?! Но это именно так. И потому строгость в требованиях исполнения церковных законов также возрождается.

Это не черты характера того или иного отдельного пастыря — строгость, суровость, обязательность церковных законов, а это есть дух церковной современности.

Отец Александр был любвеобильнейшим человеком, который никогда не возвышал голоса и который мне теперь сказал фразу, залившую меня краской стыда. Он просил у меня прощения и прибавил:

— Ведь я иногда позволял себе возражать вам.

Так он чувствовал свое великое смирение. И что же, разве отец Александр считал для себя или для своей паствы возможным нарушение церковных законов, церковных правил?

Разве он, по существу, не так же сурово и требовательно относился к этому? И разве там, где это касалось истин Церкви, он не так же дерзновенно и открыто всегда свидетельствовал о них? Возрождается этот суровый дух Православия, который должен ограждать его чистоту. Все это невольно связывается у меня с впечатлением моего прощания. Мне думается, ведь проверка, зачем и как жил человек, — это его смерть. Не то есть проверка, как мы живем, не думая о часе смертном, как мы смеемся, как мы отдаемся всевозможным страстям, какие мы испытываем удачи в жизни, как мы ликуем, забывая о смерти, — все это суета, все это пройдет.

Настоящий ответ в прожитой жизни дается в смертный час. И нельзя выразить словами с достаточной полнотой того

чувства, которое испытываешь, видя вот так приготовленную к вечной жизни душу человеческую. Это могла сделать одна Церковь Благодатью Божией. Никогда самый хороший от природы человек не будет в состоянии так встретить смерть. Для этого надо быть в Церкви, а для этого надо знать, где истинная Церковь, для этого нужно пребывать именно в этой истинной, Святой Соборной Апостольской Православной Церкви, где совершается Таинство Евхаристии, ибо оно, это великое и страшное Таинство, совершается лишь в одной истинной Церкви.

Не отдельные грехи человека страшны, самое страшное — это отпадение от Церкви. Мы говорим: «Согрешиша, но не отступиша». Вот это свидетельство о грехе, но не об отпадении, оно и важно для нас. Врагу нашего спасения всегда хочется нас погубить нашими страстями и грехами, но в единый час может человек покаяться и вновь омыться Благодатью Божией в Святой Церкви; окончательная гибель наступит тогда, когда он уйдет из Церкви, когда он уже явится отрезанным, «не на лозе». Поэтому враг так и старается исторгнуть человеческие души из истинной Церкви.

Какие же признаки истинной Церкви? Как нам ее узнать?

В Святой истинной Церкви, в той, в которой является полнота Благодати Божией, где совершается святое Таинство Евхаристии и в которой можем мы спастись, в этой Церкви исповедуются те догматы, которые исповедуются Православной Церковью. В этой Церкви соблюдаются те правила Церкви, которые созданы и переданы нам святыми отцами. В этой Церкви существует преемственная, законная, истинно церковная власть. Никакое повреждение догматов недопустимо, никакое самочинное повреждение правил Церкви недопустимо, никакое самочинное захватывание церковной власти недопустимо.

Если Святую Церковь постигают какие-либо испытания, то вот эти три ее основания всегда должны быть незыблемыми в ней.

Ни ради чего нельзя повреждать догматов, ни ради чего нельзя отрицать устава, ни ради чего не может быть приемле-

ма незаконная церковная власть. Может возникнуть очень много трудных обстоятельств в церковной жизни, могут и бывали в истории Церкви страшные времена, когда отпадали от истинной Церкви даже патриархи. Грехи могут быть прощены, но отпадение от Церкви, оно является грехом к смерти, является отпадением от самого источника спасения.

Так надлежит утвердиться в своем внутреннем отношении к Церкви Христовой. Нужно проникнуться твердой уверенностью, что только в этой истинной, Православной Церкви может быть достигнуто спасение, и каждый должен со всей строгостью следить за чистотой Церкви Христовой, быть как бы на страже Православия, чтобы здесь не погрешить ни в каком отношении. Здесь нужно много терпения, здесь нужно много спокойствия, здесь нужна мудрость и, главное, упование на Благодать Божию.

Все это с такой полнотой имеет умирающий пастырь.

И сегодняшнюю беседу свою я как бы говорю в его память.

Аминь.

9

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

О чем же в преддверии Великого поста можно говорить, как не о посте и молитве?

Пост и молитва — два крыла духовной жизни, два крыла, подрезанных у современного христианского общества мирским мудрствованием. Говорить о посте всегда трудно. Трудно говорить не тогда, когда сказанное тобой противоречит понятиям мирским, мы чувствуем такую крепкую невидимую стену, отделяющую нас от жизни мирской, что для нас не составляет затруднений, когда мы чувствуем, как сказанное нами расходится с понятиями и чувствованиями тех, кто живет за этой стеной. Но трудно бывает говорить о том, что встречает противодействие в самой нашей церковной среде. Эта трудность и побуждает постоянно возвращаться к вопросу о посте и келейной молитве.

Сколько недоразумений, сколько всевозможной суеты поналегло на вопрос о необходимости поста!

Ведь когда теперь, с Божией помощью, понемногу восстанавливается постничество среди рядовых христиан, то это встречает не меньшее недоумение в среде верующих, чем в среде неверующих.

«Вы постничаете?» Этот удивленный вопрос задают вовсе не всегда безбожники, его совершенно так же задают верующие люди. Для них как будто бы дело решенное, что пост должен быть понемногу изъят из церковного употребления.

Никогда этого не будет, ибо никогда в церковной жизни не прекратится жизнь духовная, а без постничества никакой духовной жизни быть не может.

Можно только поговорить о духовной жизни, а если хоть чуточку от слов перейти к делу, так сейчас же и понадобится пост. Говорить о ненужности поста может только тот, кто даже и не пытался поставить себе вопрос о жизни духовной как цель и задачу жизни. Пока вопрос о посте будет вопросом кабинетного порядка, вопросом академическим и отвлеченным, могут быть споры, могут быть сомнения, но как только пост станет вопросом не отвлеченным, а действенным средством нашего внутреннего устроения, так мы и перестаем и спорить, и сомневаться.

В самом деле, неужели такая строгость в требовании поста Церковью, такой строгий устав, такая ревность о посте подвижников — все это было во имя какой-то отвлеченной буквы закона? Не ясно ли, что такое великое значение, такое громадное место в жизни Церкви, которое уделено посту, все это не из требования отвлеченной буквы закона, а из самого существа духовных потребностей человека.

Сколько раз указывалось мной на ту причину, которая вызывает это недоумение у православных христиан в вопросе о посте, — недоумение, зиждящееся на том, что обычная повседневная христианская жизнь почти совершенно слилась с обычной повседневной безбожной и мирской жизнью.

Только в самое последнее время все наши тяжкие испытания и переживания вновь создали стремление к оцерковлению нашей повседневной жизни и отсюда к решительному разделению между жизнью мирской и жизнью церковной. Но

обычно все же жизнь вне храма, если взять наше отношение к людям, наше отношение к скорбям, наше отношение к материальному благополучию, наше отношение к обидам, к клевете, взять эту общую нашу мирскую жизнь повседневную, то окажется, что она так совпадает с жизнью людей неверующих, что явилась весьма пагубная мысль: для того чтобы жить так, вовсе не требуется никаких постов.

Да, верно, для того чтобы жить так, как они живут, не требуется, совершенно не требуется!

Если вы хотите продолжать жить так же, и не нужно поститься!

Если вы хотите на всякое слово отвечать зуб за зуб, если вы хотите за каждую обиду отвечать обидой, если вы хотите устраивать свои мирские дела, решительно ни с чем не считаясь, через все перешагивая, думая только о своем благополучии, словом: если вы хотите жить так, как допускает жить безбожный мир, не поститесь. Ешьте все и в Великий пост, ешьте все и в Страстную седмицу; какое может быть воздержание?!

Но ведь вы так жить не хотите! Вы так живете лишь по своей немощи, по своей слабости!

Мы так мучаемся, почему у нас не хватает сил жить так, как должно, почему мы делаем злое, которого не хотим, а доброе, что хотим, не делаем. Почему не смиряется наш дух, почему не хватает достаточно смирения перенести обиду, почему у нас все так же, как и у безбожников, хотя мы веруем!

Вот тут-то мы и узнаем, что одной из причин является нарушение нами поста. Духовник, принимающий исповедь, как никто знает это ужасающее положение вопроса о посте.

Ведь здесь он видит людей наиболее церковных, наиболее сознательно вставших на путь жизни духовной. Уже нет сомнений в вере: их посещают лишь как мимолетные, проходящие бесовские мысли, уже чувствуется необходимость в частом причащении, уже сознается высокое христианское достоинство, уже нисколько не смущают насмешки и недоумения окружающих людей, все как будто бы благополучно. И вот вопрос о посте. В ответ слышатся слова страшные:

«Разрешите мне, батюшка, в пост есть молочное!» — «Вы больны?» — «Нет». — «Почему же?»

Ответы бывают разные, но всегда неудовлетворительные. Матери заботятся о здоровье своих детей, как бы они не заболели от этого. Взрослые смущаются: хватит ли у них сил провести пост, у иных на этой почве семейные разногласия — много всякого! Но за всем этим все время чувствуется: да потому это, что в глубине души не веришь в пост.

Один человек сказал мне: «Если бы меня спросили, зачем ты постишься, по совести сказать, я ответил бы: для Вас!» — то есть для меня, для отца Валентина!

Но в глубине души нет веры, что пост является движущей, не всегда сознаваемой силой, но могущественнейшей силой в деле нашего духовного устроения.

Ты не заметишь, почему у тебя в душе расстройство, ты сам не осознаешь; но вот загляни в творения святых отцов и там ты найдешь объяснение: там тебе будет сказано, что пост есть первая ступень духовной жизни, что дальнейшие достижения на пути духовном всегда связаны с твоим подвигом постническим.

Так велико значение этого подвига постного, тесно связанного с подвигом молитвенным. Ибо это есть два крыла, и если одно перебито, то другое, если и будет стремиться поднять человека, не сможет.

Истинный пост немыслим без молитвы. И молитва невозможна без поста. Молитва у нас немощная не только по причине нашего внутреннего неустройства, нашей внутренней растрепанности, она у нас не в порядке еще и потому, что мы ею не занимаемся как определенным делом, требующим выучки. «Молитва как сердечный порыв, молитва как минутная настроенность под впечатлением каких-либо жизненных переживаний: горя, нужды, сомнений, внутренних борений, страстей — все это молитва ценная, имеющая великое значение, но это не есть твой капитал как постоянная некая драгоценность, твоей душой уже приобретенная.

Только та молитва есть капитал, которая делается привычным состоянием твоего духа. Но для того, чтобы стяжать

такую молитву, нельзя ждать, когда найдет на тебя настроение, и иметь суетную мысль, что пока такого настроения нет, то и молиться чуть ли не грешно, ибо это будет молитва одними устами.

Молитва требует дисциплины, настойчивого труда над нею, постоянного, ежедневного, неотступного и смиренного. Только при таком систематическом уходе и настойчивом труде с Божией помощью, постепенно человек приобретает дар молитвы. Как велико значение ее в духовной жизни, об этом мы много говорили и много еще раз будем говорить. И ныне мне бы хотелось обратить ваше внимание на одну сторону этого значения молитвенного делания. Все мы сознаем большой недостаток нашей жизни, заключающийся в разделении нашей жизни церковной и жизни домашней. Получается для многих страшная двойственность жизни: пришел в церковь — здесь особый мир, чистый, радостный. Здесь святые угодники, здесь молитва. Пришел домой, там все другое: сутолока, крики, брань, ссоры, неприятности, — словом, мирская жизнь. И никак не соединит человек в своей душе церковь со своим, там в миру, душевным состоянием, и как ни силится, не надолго хватает у него вынесенного из храма.

Если он имеет возможность бывать в церкви часто, ежедневно или почти ежедневно, он все-таки так часто глотнет здешнего свежего, чистого воздуха, что может кое-как дотерпеть в миру до следующего посещения храма; но те, кто бывает раз в месяц или реже, у того и вовсе не хватает силы сохранить церковную свою настроенность в миру. Молитва келейная, домашняя — она и есть не что иное, как перенесенный вами отсюда туда, как бы маленький храм, если вы хотите продолжать церковную жизнь и там, в миру, уйдя отсюда, вы непременно должны и там, у себя, создавать молитвой своей храм Божий. Страшная наша духовная слабость заключается в отсутствии церковного духа в нашей повседневной жизни. Но он никогда у нас не явится, пока мы не восстановим во всей полноте пост и келейную молитву.

Все эти размышления я имею побуждение высказать в преддверие Великого поста.

Как мы ни легкомысленно живем, но мы все же живем лучше в Великий пост, как мы ни мало постимся, но все-таки лучше всего постимся в Великий пост, и, как мы ни плохо молимся, все-таки лучше всего молимся в Великий пост, и было бы так прекрасно, если бы это улучшение наше в Великий пост в нашей жизни и в смысле исполнения поста, и в смысле создания нашей молитвы не прекратилось бы с окончанием поста и наступлением Пасхи, а продолжалось бы и вошло в нашу жизнь.

Аминь.

10

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

В Великом посту все время перед нашим умственным взором стоит Голгофа, все время в церковных Богослужениях, в церковных песнопениях и молитвах, в наших коленопреклонениях, во всем настроении Великого поста содержится это чувство Голгофы.

Для человека нужно что-то, напоминающее ему о высшем, чтобы он не потонул в повседневной мирской жизни. Нужно нечто помогающее, что бы его подымало и давало ему силы все время чувствовать главное в жизни, а главное — только то, что соединяет человека с Господом, что дарует ему спасение, что ведет его к жизни вечной. В нашей повседневной жизни самый большой грех — наше крайнее легкомыслие, наше небрежение к этому главному.

Как часто человек задумывается о смысле жизни лишь тогда, когда Господь пошлет ему какое-нибудь тяжкое испытание, и он, как бы силой обстоятельств приведенный к необходимости осмыслить свою жизнь, начинает хоть сколько-нибудь думать о главном.

Но мы, считающие себя верными, так нуждаемся постоянно в помощи, чтобы помнить о вечности, иметь мысль о спасении, страшиться напрасно, безполезно для дела спасения проводить время.

Ведь если бы человек всегда перед собой держал этот вопрос о вечной жизни и если бы он видел, как мало дней дано

ему для того, чтобы себя приготовить к вечной жизни, каким бы ему показалось безумием, что он это малое разбрасывает, и разбрасывает совершенно без всякой пользы для дела своего спасения.

Великий пост — великий наш помощник. Святая Церковь здесь благодатными силами своими нас подымает из праха мирского, возводя нас на Голгофу, тем самым наш дух освобождает от приковывающих нас к земному праху цепей.

Был когда-то много раз повторявшийся спор о славянском языке, то есть спор о том, надо ли переводить Богослужение на русский язык? Как всегда, кажущееся истиной для нашего мирского рассудка при более глубоком уразумении вопроса оказывается совсем не истиной. Так и здесь. Вопрос, кажущийся столь простым и ясным для многих, думающих, что славянский язык — это есть какая-то старина и пережиток и что просто не хватает смелости признать очевидную истину, что лучше молиться на всем понятном языке, этот вопрос совсем не так прост. И такое его решение совсем не истина, а глубочайшее заблуждение. Богослужение должно совершаться именно на славянском языке, на древнем языке. Причина такого утверждения ясна для тех, кто решает вопрос не на основании мирских размышлений, а на основании духовного опыта. Этот духовный опыт показал людям, что язык разговорный, на котором ведутся наши мирские разговоры, перенесенный в Богослужение, влечет за собой мирские воспоминания, и наша мысль, и без того блуждающая невесть где во время молитвы и занимающаяся своими мирскими делами, от этого мирского языка при Богослужении еще более уносится в сферу чисто мирских забот.

Этот духовный опыт показал далее, что славянский язык является совершеннейшей формой для выражения молитвенных состояний.

В вопросах веры не так важен рассудок как вся совокупность душевных сил, уразумевающих эти истины, так и в молитве важны вовсе не дословный перевод и знание каждого слова, а полнота и совершенство формы, вмещающей все содержимое.

Так вот, когда был этот спор, говорили, что простой русский человек ничего не понимает из того, что слышит в церкви на славянском языке. Один русский писатель, возражая на это, сказал: «Каждый простой русский человек знает молитву Ефрема Сирина, а это значит знать все».

И воистину в молитве Ефрема Сирина, столь настойчиво повторяемой в наших Богослужениях великопостных, если мы всмотримся и вдумаемся в каждое ее слово, раскрывается самое существенное, что надлежит знать нам. И вот когда ныне мы обращаемся к вопросу, что нам напоминает Святая Церковь в дни Великого поста, потребного для жизни и спасения, мы невольно мыслью обращаемся именно к этой молитве.

«Господи и Владыко живота моего» — то есть Господи и Владыко моей жизни! — вот уже это одно выражение: Владыко жизни моей — оно сразу нас ставит в должное отношение к жизни, в то отношение к жизни, которое совершенно непонятно, совершенно безумно для людей безбожных, которые воображают, что они есть те строители, которым надлежит устраивать и свою жизнь, и жизнь других. Здесь провозглашается совершенно иной принцип, совершенно новая Богооткровенная истина, по которой человек исповедует и утверждает владыкой жизни своей не себя, как лжецаря, а Господа, как Владыку своего. Далее у этого Владыки Господа человек начинает испрашивать, чтобы Господь и Владыко жизни не дал ему духа праздности, уныния, любоначалия и празднословия.

Дух праздности — это дух той внутренней лености нашей, которая объясняется нашей душевной пустотой, — это обленение — общее состояние безбожников, ибо они вовсе не живут жизнью духовной, они всегда находятся в состоянии внутренней пустоты, которое, если не заполнять его мирской мерзостью и суетой, заставляет испытывать страшную скуку и тоску. Ибо, если у безбожника отнять светские и мирские развлечения, если отнять то, что кажется чрезвычайно важным, а на самом деле совершенно ни для кого не нужное дело, которое он в большинстве случаев делает, вертясь как белка в колесе, с утра до вечера, если все это отнять у него, то ниче-

го, кроме пустого места, в душе не останется. Но и верующие, уже чувствующие, уже знающие, уже видящие некие проблески начинающейся внутренней жизни, — и они страдают этим обленением духовным, когда после малейшего напряжения, малейшего труда в деле молитвы, в деле изучения Слова Божия, в деле изучения святых отцов — словом, всего того, что составляет духовную жизнь, ему хочется поскорее отдохнуть в привычной мирской суете.

И когда иной раз на духу спрашиваешь человека, кающегося в том, что он не может долго молиться: «Неужели вам не надоела мирская жизнь, неужели вы не чувствуете потребности от нее отдохнуть?» — как этот вопрос застает человека врасплох!

Так вот эта леность, вот эта праздность!

А за нею, как ее родной брат, следует и уныние. Ибо как же не унывать человеческому духу, если он уже коснулся, уже требует небесной пищи и вместо этого получает лишь пищу мирскую, непригодную для питания души?

И человек, испытывающий какое-то движение души к высшему, чувствующий, что он уже не может удовлетвориться мирской жизнью, где люди пьют, едят и все устраиваются, все устраиваются и неизвестно, когда начнут жить, когда человек все это уже уразумел и уже не может так одурачивать себя, чтобы ему эта ни для чего не нужная жизнь казалась зачем-то нужной, и в то же время у него от лености нет сил приобрести то новое питание для этой проснувшейся в нем духовной жизни, он и начинает тогда впадать в уныние: ослабевает, опускаются руки.

Любоначалие, или властолюбие. Не только цари властвуют над другими, но и самые маленькие люди иногда чувствуют себя царями, одержимые этой отравляющей их страстью владычествовать над другими.

Празднословие — разве мы не утопаем в нем? Разве есть у нас чувство, что за каждое праздное слово мы дадим ответ Богу? Разве мы думаем когда-нибудь, какое таинственное, какое великое дело есть наша речь, наше слово, и разве мы употребляем его именно для того, для чего оно дано человеку,

разве не разбрасываем мы его без всякой нужды, без всякой цели с тем легкомыслием, с которым мы проводим всю свою жизнь?

А сквернословие, кощунство, осквернение, опоганивание уст?

«Дух же целомудрия, смиренномудрия, терпения и любве *даруй ми, рабу Твоему.*

Целомудрие — это есть то, что мы просим у Господа как драгоценнейший дар, ибо, может быть, ни в чем не повинен так человек, как в грехе блуда.

Святые угодники, великие подвижники все силы, данные им, посвящали молитвенному деланию. А мы расточаем их, расточаем с малых лет, с юных лет, а потом иной раз, прожив половину, а то и больше жизни своей, начинаем чувствовать, какое страшное опустошение произвело в нас это прошлое наше нарушение целомудрия. Желая оправдать себя, человек всячески послабляет столь трудно и без того поборяемую в нем страсть, давая утвердиться такому злу, которое вырвать потом бывает не под силу человеку.

Смиренномудрие — смирение, так презираемое в миру. Диавол восстал на Бога, вообразил себя равным Ему, он был низвержен с небес, он не стал смиренным, он остался исполненным гордости и в своей гордыне дерзнул приступить с искушениями к Самому Господу Иисусу Христу. Этот гордый диавол царствует в миру: мир весь во власти гордыни, в миру все исполнено самоутверждения, мир поклоняется силе, мир пресмыкается перед силой, мир боится силы — сила в миру ценится как нечто имеющее высочайшее значение. Эта сила, ценимая в миру, — мерзость перед Господом, и такая мерзость, которая в ничто превращает все труды подвижников! Достаточно при самых ревностных подвижнических трудах, чтобы этот дух гордости овладел человеческим сердцем, как все делается безполезным, все превращается в ничто — вся жизнь, все труды, все подвиги окажутся не имеющими никакой цены перед Господом. Смирение, предаваемое осмеянию в миру, оно является одной из величайших добродетелей перед Господом.

Терпения просит молящийся. Вот в чем мы все так нуждаемся! Прежде всего мы не имеем терпения, проходя наш жизненный путь. Мы до такой степени нетерпеливы, что если, считая себя богомольными, не получим то, что просим в своих молитвах, ропщем и в полнейшем ослеплении начинаем считать себя как бы обиженными и обманутыми Господом. Мы нетерпеливы в наших болезнях, нетерпеливы в наших скорбях, нетерпеливы в нужде, нетерпеливы во всем, что составляет нашу земную жизнь.

Но не в этом только главное наше несчастье — мы нетерпеливы еще и в духовной жизни.

Приснопамятный иеросхимонах старец Анатолий всегда говорил: «Никогда не торопись».

Мы всегда торопимся в духовной жизни. Нужно так приступать к работе, как будто бы ты делаешь это дело навсегда: вот буду до скончания своих дней исполнять молитвенное свое правило, реши так — спокойно продолжай, не считай дней, сколько ты этим занимаешься, не подсчитывай, не пора ли видеть плоды трудов, не смущайся, что ты как будто бы их не видишь, не думай, что ты никуда не двигаешься или не так трудишься. Надо вооружиться великим терпением, упованием на Господа в деле духовной жизни, только тогда это приведет к благим благодатным результатам.

И просит далее молящийся *духа любве.*

Трудно говорить о любви к людям в такие времена, как наше время, когда при посадке в трамвай человек человеку готов наступить на горло, когда в каждой квартире ад, когда у людей безумная злоба друг на друга, и не только среди безбожников — довольно нам все сваливать на них, но и среди верующих, когда первый попавшийся пустяк воспламеняет наш гнев, каждое ничтожное обстоятельство может вызвать совершенно диавольское состояния духа. Но именно теперь и надо молиться о духе любви.

«Ей, Господи Царю, даруй ми зрети моя прегрешения и не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Эта молитва о том, чтобы Господь дал нам силу видеть наши грехи, — это не напрасная молитва.

Наименование грехов мелких имеет относительный смысл: не убивал человека, не обманул его, не украл у него — словом, не совершил большого преступления, а грешил грехами мелкими, повседневными, как у всех.

Но мы, верующие, должны иные мерки применять к своим поступкам. Мы должны видеть свою жизнь при свете высших евангельских требований. Вот об этом-то и молится человек, прося, чтобы Господь дал ему силу узреть его прегрешения.

И в заключение: «Не осуждати брата моего».

И воистину в заключение! Ибо этот грех до такой степени всеобщ, до такой степени неуловим, до такой степени неискореним, так наполняет душу, что, кажется, нет никаких сил избавиться от него: мы просто захлебываемся в этом постоянном осуждении и злословии друг друга.

«Не осуждати брата моего, яко благословен еси во веки веков. Аминь».

Этим словом заканчивается молитва. Вручая себя воле Божией, просматривая всю свою жизнь и прося, чтобы Господь помог отрешиться от всех видов зла и стяжать истинный дух добра, человек произносит восхваление Господу.

Так вот что нам хочет вложить в сердце наше Святая Церковь, когда нам предлагает молитву Ефрема Сирина.

Если бы наша жизнь хотя сколько-нибудь соответствовала словам этой молитвы и они остались у нас в сердце, как бы тогда вся она изменилась!

Аминь.

11

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Десятого марта управляющим Московской епархией епископом Алексием запрещена общая исповедь.

Это событие великого церковного значения. Как упорно, как настойчиво велась борьба за общую исповедь! Какие ведомые и неведомые препятствия встречали на своем пути защитники православной частной исповеди, знает один Господь.

В это воскресенье, после литургии, нами будет отслужен благодарственный Господу Богу молебен о прекращении церковного бедствия. Но мне хотелось бы еще раз разъяснить вам, от какого бедствия избавляет нас воспрещение общей исповеди, чтобы радость была полной, чтобы можно было бы каждому из вас, моляся и благодаря Господа за это избавление, всем сердцем участвовать в этом благодарении. В акте, воспрещающем общую исповедь, говорится: «Мы вступили в спасительный Великий пост. В эти дни верующие особенно стремятся в храм для молитвы и для очищения грехов в Таинстве Покаяния».

И далее предлагается пастырям быть терпеливыми в слушании грехов, чуткими к пониманию страданий исповедующихся, не забывать, что за каждую душу, которая приходит к духовнику, он даст ответ перед Богом. А потому предлагается не формально относиться к великому делу исповеди, а вложить в него свою душу. Колеблющихся укреплять, сомневающихся убеждать, слабых поддержать, отчаивающихся ободрить, падших поднять, озлобленных обласкать — предлагается против каждой болезни найти духовное врачевание. И далее, указывая, что в последнее время стала практиковаться так называемая общая исповедь, епископ Алексий просит отойти от этой формы покаяния, так как в обычной обстановке пастырской деятельности общая исповедь недопустима, что пастырь должен взять на себя труд побеседовать с каждым духовным сыном в отдельности. «В наступающую Четыредесятницу никто да не дерзнет через общую исповедь принимать покаяние своих духовных детей».

Что же самое страшное в общей исповеди и от чего мы избавляемся с ее запрещением?

Здесь мы вновь возвратимся к вопросу, о котором часто беседуем и будем беседовать, — разумею обмирщение церковного общества, церковной жизни.

Не говоря уже о том, что общая исповедь повреждала самое существо Таинства, что она нарушила церковные правила, — словом, являясь вопиющим беззаконием, она наносила смертельный удар духовничеству, то есть главному средству

оцерковления человеческой жизни. И в самом деле. Наряду с всеобщим распространением так называемой общей исповеди было тяготение, как бы в противовес этому, к установлению совершенно иных отношений между пастырем и духовными детьми, иных, чем это установилось обычно в приходских церквах, как бы монастырский, старческий дух проникал в эти отношения.

Пастыри стремились рассмотреть исповедь не только как разрешение грехов, но как духовное внутреннее руководство теми душами, которые приходят на исповедь.

Чувствовалась необходимость этого в тех условиях, в которых ныне приходится в миру спасаться людям. Чувствовалось, что нельзя на год оставить человека, чтобы он через год пришел исповедовать грехи, ибо за год без всякой поддержки, без всякого присмотра человеческая душа слишком отдается во власть мирской стихии, подвергается слишком большим опасностям, и поэтому только постоянное, бдительное руководство духовного отца может помочь в этих условиях жизни мирской не растерять, не рассеять, не погубить своей души.

Все, понимающие, что в теперешней церковной жизни должно быть положено именно такое водительство духовное, не могут без ужаса относиться к общей исповеди, как смертельно угрожающей духовничеству. Всякая неправда тем страшней, чем она больше имеет видимости добра.

Общая исповедь имела эту видимость. Как в самом деле было не соблазняться общей исповедью, не считать ее чем-то положительным, видя, как плачет епископ, совершающий общую исповедь, и как плачет вся церковь, исповедующаяся ему!

Какое умилительное зрелище! Какое покаяние! Можно ли это сравнить с частной исповедью, когда не только поплакать, а и перечислить грехи свои часто не успевает исповедующийся? Какое видимое превосходство над частной исповедью.

Много и другого можно указать положительного в общей исповеди, соблазнявшего и тех, кто ее вел, и тех, кто на нее приходил.

Ну а духовничество-то, ну а душа-то человеческая?

Допустим, даже искренне поплакала о грехах, хотя этот всеобщий и постоянный плач всегда подозрителен, ибо очень трудно плакать человеку наедине о своих грехах и гораздо легче поплакать, когда плачет вся церковь. Но допустим, допустим.

Где же у этой души духовный отец, где же у него тот, кто руководит его душой, кто не только заставил его поплакать, но кто разобрался в его душе, кто мог взять его за руку и повести за собой? Ведь для того чтобы установилось должное отношение пастыря и духовного сына или духовной дочери, они непременно должны соприкоснуться духовно лицом к лицу, где же это возможно, как не на исповеди?

Общая исповедь, как нарушение основы духовничества, была явлением угрожающим. Последнее и самое сильное средство в деле нашего церковного воспитания пропадало, исчезало и совершенно сходило на нет. Ведь недаром же доходило дело до того, что сторонников частной исповеди начали называть еретиками и говорили, что они идут против всей Церкви, значит, общая исповедь представлялась по некоему наваждению как принятая всей Церковью.

Обмирщение — это есть то, чего мы должны бояться, как духа антихриста. Если мы представим себе самочувствие христианина в тот момент страшный, который нам раскрыт в Слове Божием, в момент, предшествующий последним временам, то нам станет ясным, сколько требуется благодатных сил от Господа, чтобы устоять, чтобы сохранить и веру, и церковность свою в тех условиях, в которых тогда будет протекать жизнь верующих людей.

Это будет эпоха, когда будет торжествовать безбожие, когда будет страшное нравственное растление, когда мирская стихия решительно захлестнет собой мир. И вот остаются верующие, остается Церковь, всеми презираемая, всеми в миру осмеиваемая, всеми попираемая во прах. Какое самочувствие должно быть тогда у этих немногих людей, которые будут объединяться в Святой Христовой Церкви?

Какая будет у них вера, какая будет у них сила духа, какая у них будет любовь, какое будет у них тогда оцерковление жизни!

Гонимая Церковь, презираемая миром, будет блистать высшей, духовной красотой.

Нам неведомы времена и сроки, неведомы и нашим детям, может быть, не доживут до них и наши правнуки, может быть, многим поколениям суждено ожидать последние времена. Но мы знаем, и это нам дано знать, что приближается это страшное время.

И в этом движении к последним временам все, что является обмирщающим нашу жизнь, все есть некое дыхание антихриста.

Поэтому и всякое торжество Православия, всякое уничтожение в нашей церковной жизни обмирщающего начала должно нами восприниматься как великое торжество правды Христовой.

Вот в этом-то смысле значение запрещения общей исповеди — это истинное торжество Православия.

Как же нам не возблагодарить Господа, который от нас отвел эту страшную церковную беду!

Аминь.

12

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Вчера мы слышали Великий канон, весь проникнутый чувством раскаяния, весь проникнутый чувством ничтожества земной суеты, чувством стыда за ту плотскую страстную и грязную жизнь, которой отдается человек на земле.

В четверг Святая Церковь будет праздновать Благовещение — благую весть о спасении мира, о рождении Господа Иисуса Христа. В четверг вечером будет совершаться заупокойная всенощная в память Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Тихона. В пятницу за всенощной мы услышим Похвалу Богородицы. Вот эта пятая неделя Великого поста невольно обращает нашу мысль к постоянному и основному вопросу о жизни и смерти.

Отношение к смерти чаще всего страдает двумя крайностями. Или размышление о смерти человека приводит в состояние болезненного уныния, он начинает везде и во всем чув-

ствовать дыхание смерти, он не может смотреть на людей, все ему представляются покойниками, он не может и на себя смотреть, и ему самому кажется, что он уже видит себя лежащим в гробу. Это дух антихриста. Другие, боясь безпокойства, стремятся просто забыть о смерти.

Человек отмахивается от этих размышлений, пока есть возможность, пока не встал вопрос о какой-либо тяжкой болезни. Если и мелькает иногда мысль о смерти, такой человек старается поскорее от нее избавиться, как от мрачной мысли, от которой чем скорее избавиться, тем лучше. А если она все же навязчиво возвращается помимо его воли, он считает себя почти больным и обращается к доктору, жалуясь, что он стал неврастеником. Это дух антихриста.

И в то же время мысль о смерти, а через нее возможность уяснения себе иной жизни является непременной, обязательной для всякого живущего духовной жизнью. Нас этому научают и святые отцы, и подвижники; нас этому научает даже самый малый опыт духовной жизни, так плодоносна, так животворяща эта постоянная мысль о смерти. Надо совершенно отрешиться и от первой крайности и не видеть в смерти торжествующего начала, которое угашает всю жизнь, все превращая в нечто смрадное, тленное, все делая безжизненным трупом. Нужно оставить и легкомысленное, мирское, преступное отношение к вопросу о смерти, когда она изгоняется из нашего разума, чтобы не мешать нам жить так, как мы живем, то есть пить, есть, спать и наслаждаться.

Так поразмыслим же вновь и вновь об этом вопросе, чтобы нам уяснилось главное, уяснилось истинное содержание жизни. Что меняется от срока жизни, который каждому из нас дан здесь, на земле?

Вот одни живые существа живут тысячу лет, другие живут сто, третьи — пятьдесят лет, а есть и такие, которые живут один день. И те, которые живут один день, если бы они могли сознавать как человек, они бы думали, какая долгая жизнь у тех, кто живет год, а те, которые живут несколько лет, они, наверное, подумали бы, как длинна, как безконечно длинна жизнь человека. А вот человек думает, как долго живут те

существа, которые живут тысячу лет. Но не безразлична ли для уяснения смысла жизни и содержания ее эта арифметика?

Какая разница, сколько ты проживешь: тысячу ли, сто ли, пятьдесят ли лет или один день?

Приблизим к себе наш конец, приблизим его так, чтобы он стоял для нас не там где-то в отдалении, что как будто он нас не касается, а приблизим его так, чтобы он стоял перед нами лицом к лицу. Представим себе, что мы, каждый, умрем через три дня. И посмотрим на нашу жизнь, что в ней останется тогда ценного и что сразу покажется суетой?

Вот ты любишь своего сына, ты умрешь через три дня и что же? И все-таки ты будешь любить его, и все-таки ты будешь чувствовать, что в этом выражается нечто, что нисколько не перестанет иметь смысл от того, что ты через три дня жить перестанешь.

Ты задумал выстроить себе роскошный дом и узнаешь, что через три дня умрешь. Какой интерес у тебя будет к этому твоему земному начинанию, которому, может быть, ты отдавал столько своих душевных сил? Подойди к каждому жизненному своему движению с этой меркой, и ты научишься различать, что в твоей жизни суета, ради которой не стоит жить, и что составляет то содержание жизни, которое смертью не уничтожается. Размышления о смерти совершенно по-иному определяют не только твое отношение ко всему делаемому тобой здесь, но также определяют по-иному и твои отношения с людьми.

Внутренние наши распри, трудность для нас относиться к человеку снисходительно, уметь ему прощать, относиться к нему с жалостью, иметь в своей душе ту или иную постоянно его сопровождающую доброжелательную мысль об окружающих его людях — все это питается размышлением о смерти. Пусть каждый проверит себя: как изменялось отношение его к умирающему человеку. Но ведь эта мысль о смерти так должна касаться отношений ко всем ближним нашим, потому что каждый из нас на очереди, чтобы уйти туда. И если ты будешь постоянно памятовать об этом, для тебя сразу определится, что в твоих отношениях к ближнему суета и что истина.

Какое же откроется при этой проверке положительное содержание жизни?

Вот два человека: один живет, пользуясь всеми земными наслаждениями — богат, славен, красив, всемогущ, имеет все, что может дать мирская жизнь. И вот преподобный Серафим Саровский, который питался сниткой, варил траву и питался ею несколько лет, стоял денно и нощно на камне с воздетыми руками и молился Богу, — преподобный Серафим, которому явилась Божия Матерь и сказала:

— Этот от рода нашего.

Который из этих двух людей живет, где открывается жизнь истинная?

Какой странный, какой нелепый вопрос для мирского разума! Какой ненужный вопрос для верных!

Но разберемся, в чем же истинная жизнь преподобного Серафима и в чем кажущаяся жизнь мирского человека?

«Через три дня умрешь», — скажут вот этому богачу. Ну и что же у него останется от его наслаждений, от всех богатств, от всего, чем он казался тебе таким счастливым, могучим и прекрасным? Гроб, больше ничего. Богатства его останутся здесь, наслаждения его кончатся, слава и величие — пустяки, все это мирской вздор, диавольские выдумки для обольщения неверующих мирских людей.

Ну а через три дня преставится преподобный Серафим. Что ему даст грозное слово «смерть»? Да ничего оно не даст ему, кроме величайшей радости, радости потому, что он знает жизнь истинную, знает, что он видел ее здесь, как в тумане, а там, в загробном бытии, она откроется ему в величайшей полноте. Здесь он предчувствовал, там он увидит, здесь он стоял пред дверями, там они отверзятся.

То состояние, которое здесь было у него, — это лишь предчувствие славного бытия спасенного человека.

Нетленная, вечная, прекрасная, истинная жизнь останется, ее никогда не победит смерть!

Так вот что нам дают в уяснение истинного смысла и истинного содержания жизни размышления о смерти.

Верующему человеку все это для разума ясно, но для того,

чтобы это было не только ясным для разума, но чтобы это стало действительным содержанием внутренней жизни, для этого нужно постоянно и постоянно молитвенно обращаться к Тому, Кто есть Источник Жизни.

Аминь.

13

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Весьма важно для духовной жизни уразуметь внутренний смысл того или иного события, того или иного явления.

Как часто в нашей личной жизни мы думаем, что поступили бы совершенно по-иному, если бы знали, для чего то или иное событие совершается в жизни нашей. Человеку трудно пережить многое именно потому, что он не может уразуметь, зачем это посылается ему. Наш разум, если он не посягает на большее, чем ему дано, может иметь в нашей духовной жизни большое и положительное значение, помогая нам сознательно ставить перед собой те или иные задачи, уяснять наши ошибки, побуждая к исправлению, двигая нашей волей, склоняя ее в ту или иную сторону.

Вот потому-то так важно для нас уяснить себе внутренний, религиозный, высший смысл той эпохи, в которую мы живем.

Этот высший смысл, как и высший смысл личной жизни человека, заслоняется всевозможными повседневными мелочами. Нужно как-то подняться над жизнью, чтобы увидеть даль, чтобы жить не только изо дня в день, но жить тем, что открывается в этой дали, и чтобы сама повседневная жизнь освещалась тем, что в этой дали увидят человеческие очи.

Ведь нельзя рассматривать смысл мировой жизни только в связи с ближайшими внешними задачами. Есть одно размышление, которое должно освободить человека от этого узкого, ограниченного, материального внешнего понимания смысла мировой жизни. И верующие, и неверующие люди признают жизнь вечно существовавшей. Не было времени, когда не было бытия. Для нас это есть вечное бытие Божие, всегда бывшее, для безбожников — это вечное, всегда бывшее,

существование материи; но во времени оно было всегда, бытие было изначала, извечности.

Спрашивается, почему же не все еще достигнуто? Можно ли сказать, что еще не пришло время? Ведь времени было безконечно много. Значит, если бы существующее зависело от какого угодно количества миллионов лет, то эти миллионы лет уже были, они уже протекли, и все во времени должно было быть уже совершившимся, и должен бы быть какой-то круг вечно повторяющихся, одинаковых событий.

Когда-то уж была земля, когда-то уж на этой земле все было, и вновь возникает мир, и вновь безсмысленная и вечно движущаяся кинематографическая лента вертится и вертится, приходят и исчезают события мировой истории.

Но если это не так (а кто же, хотя бы и из безбожников, скажет, что это так), то, значит, смысл жизни вне времени не зависит от этого миллиона протекших лет.

Вне времени существует лишь нематериальное бытие, невещественный мир. Потому и смысл жизни лежит не в материальном, внешнем бытии. В чем же он лежит вообще и в чем лежит смысл именно нашего времени?

Для нас здесь все твердо, все ясно, все несомненно, ибо все это открыто в Слове Божием, все это есть Божественное Откровение, а не человеческие мудрствования. Да, мы утверждаем, что смысл всей жизни мира заключается в преодолении зла, в победе высшего добра над этим злом, в грядущей славе Второго Пришествия Христа, в преображении косной материи в нетленное бытие, в новое небо и в новую землю, во всеобщем воскресении. Вся борьба, все совершающееся в мире для того и совершается. Это те дали, которые открываются очам веры.

Это определяет и внутреннюю задачу нашего времени. Чувствуем и утверждаем, что задача эта заключается в решительном разделении мирского царства и царства не от мира сего. Утверждаем, что ныне должно уничтожаться вошедшее в самую плоть и кровь нашу служение двум господам, смешение двух противоположных стихий — мирской и духовной.

Тяжкие испытания привели человека к необходимости избрать или тот, или другой, но единый путь: или узкий путь спасения, или широкий путь гибели.

Понаблюдайте жизнь, всмотритесь в свою душу, и вы согласитесь с тем, что никогда еще так определенно и так резко не разделялись люди, никогда еще перед человеческой душой не стоял так ребром вопрос: кто он — христианин или безбожник, для чего он хочет жить — для Бога или диавола? Нужно определиться каждой душе.

Все то, что кажется тяжким и скорбным, есть не что иное, как Божие указание, Божия помощь в этом трудном деле самоопределения души человеческой.

Если бы извне не стоял так твердо и неотступно вопрос: с крестом ты или без креста, веришь или нет, было бы вновь лукавство, было бы всяческое самоукрывательство. Нужно, чтобы помог нам Господь открыто, прямо, решительно и окончательно определить путь своей жизни. Значит ли это, что жизнь уже кончается? Господь долготерпелив и долго, может быть, потерпит это состояние, когда люди будут всячески уклоняться от решительного выбора пути. Мы открываем Апокалипсис и читаем там следующие слова: *И сказал мне: не запечатывай слов пророчества книги сей; ибо время близко. Неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится; праведный да творит правду еще, и святый да освящается еще. Се, гряду скоро и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его* (Апок. 22, 10—12).

Се, гряду скоро... но неправедный пусть еще делает неправду; нечистый пусть еще сквернится... (Апок. 22, 11. 12). Господь долготерпелив, и этот процесс самоопределения, когда неправедный будет делать еще неправду, а праведный будет делать правду, может длиться долго. Но за всеми этими действованиями или во имя неправды, или во имя правды стоит: «Се, гряду скоро».

Вот мы и связываем жизнь каждого из нас этой общей целью жизни мира. Как она вся освещается этой конечной целью разделения добра и зла, Христа и антихриста в мире, так и жизнь каждого из нас определяется нашим единством с Тем или другим.

Нельзя служить двум господам. Эта грозная заповедь Спасителя ныне получает особую силу.

Здесь возникает обычный страх, обычная робость, как же это выбрать единого господина. Не значит ли это отказаться от всего того, что имеет тот, другой господин и что кажется таким сладостным? Выбрать единого господина не значит ли отказаться от всего, что даст мирская жизнь?

И вот эта связь с мирской жизнью, желание сохранить ту сладость, которую она дает, заставляет робеть и не решаться на внутренний выбор окончательного пути, окончательного, единого господина. Но какое здесь ужасающее недоразумение, какая диавольская ложь и неправда! Жить? Но это и значит служить единому Господину — Господу. Все, что в жизни мирской является настоящей жизнью, все это отблеск того служения единому Господину, которого от нас требует Господь.

Вы будете служить другому господину тогда, когда будете принимать за жизнь самообман, подделку под истинную жизнь. Нужно всем своим существом почувствовать неправду мирской жизни, смерть, царящую в миру.

Позволю себе для пояснения привести одно жизненное впечатление.

Я хожу по платформе железной дороги. Праздник, много народу, люди смеются, разодеты, на людях странные наряды. Я смотрю на этих накрашенных полуголых людей, и мне делается тяжко и душно, как будто бы я вижу тяжелый-тяжелый сон. А ждать долго... И тогда я наклоняюсь через перила и начинаю смотреть вниз... А там высокая трава зеленая, и цветы освещены солнцем... И я чувствую, как успокаивается моя душа. Там, за перилами, жизнь. И думалось мне: «Когда монах уходил, чтобы не видеть этой мирской платформы, в дремучие леса и видел там небо, лес, траву, цветы, разве он не чувствовал истинной жизни, и разве не смерть, разодетая в пышный наряд, — мирская жизнь?»

Мы должны любить жизнь потому, что где жизнь — там Господь, Он один лишь есть источник жизни, все, что есть в жизни, все содержится Им, все содержится рукой Господней,

все, что есть в тебе истинного, что в тебе живет, — все живет в Боге.

И думать, что уйти от второго господина, имя которому смерть, и отдаться решительно, окончательно служению Господу — значит что-то потерять, не иное что, как бесовское наваждение.

Все, что есть в жизни прекрасного, все, что есть в твоей душе светлого, все, что заслуживает названия жизни, — все это в Боге. Ни от единой черты в жизни не откажешься ты, если будешь служить Богу, ты откажешься только от тления, от смерти, от лжи, от маски и от неправды.

Аминь.

14

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Всякое церковное действие может быть фарисейским, может быть внешним, без внутреннего содержания. В Святой Церкви такое мертвенное состояние всегда считалось безблагодатным, тяжким состоянием, и ему всегда противопоставлялось состояние живое, благодатное, как любил говорить современный пустынник, недавно скончавшийся отец Никифор: «Все живое». Все живое «в Церкви Христовой».

И пост, и молитва, и богослужебный устав, и обряды — все церковное может быть мертвенным и может быть одухотворенным благодатью. Благодать Божия не зависит от человеческих усилий, но, однако же, от нас нечто требуется, чтобы она нам вспомоществовала, и прежде всего требуется правильное понимание внутренних задач нашей жизни и правильное внутреннее отношение ко всем церковным действованиям.

Преподобный Серафим в беседе с Мотовиловым с чрезвычайной ясностью определил эту внутреннюю задачу каждого христианина. Мотовилов спросил его об истинной цели христианской жизни. И сказал ему преподобный Серафим, что он, Мотовилов, уже многих спрашивал, и архиереев, и священников, и монахов, и никто ему не разъяснил еще достодолжно.

— Истинная цель жизни нашей христианской, — сказал преподобный Серафим, — есть стяжание Духа Святаго Божиего, пост же, бдение, молитва, милостыня и всякое, Христа ради делаемое добро есть средства для достижения Святаго Духа Божиего.

И далее, когда Мотовилов с недоумением спрашивал преподобного Серафима, в чем состоит это особое состояние души, стяжавшей Духа Святаго Божиего, преподобный Серафим взял его крепко за руку и сказал:

— Мы оба теперь, батюшка, в Духе Божием с тобой. Что же вы глаза-то опустили, что же не смотрите на меня?

А Мотовилов отвечал:

— Не могу смотреть, потому что из глаз ваших молнии сыплются, лицо ваше светлее солнца сделалось, и у меня глаза ломит от боли.

И спрашивал преподобный Серафим Мотовилова:

— Что же чувствуете вы теперь?

— Необыкновенно хорошо, — отвечал ему Мотовилов.

— Как же хорошо-то? Что же именно?

Он отвечал:

— Такую тишину и мир в душе моей, что никакими словами его выразить не могу.

Дальше преподобный опять спрашивает его:

— Что же вы еще чувствуете?

Тот отвечал:

— Необыкновенную сладость.

— А что же еще вы чувствуете?

Он сказал:

— Необыкновенную радость в сердце моем.

И продолжал:

— Когда Дух Божий приходит к человеку и осеняет его полнотой наития, тогда душа человеческая преисполняется неизреченной радости.

— Что же вы еще чувствуете, Ваше Боголюбие?

Он отвечал:

— Теплоту необыкновенную.

Преподобный Серафим сказал:

— Состояние, в котором мы оба с вами теперь находимся, есть то, про которое сказал Господь: *Суть неции из зде стоящих иже не имут вкусити смерти*. Вот что значит быть в полноте Духа Святаго.

Вот как раскрыто это состояние преподобным Серафимом, состояние благодатной душевной тишины, состояние благодатной душевной радости, состояние благодатной душевной теплоты; все это даруется душе, находящейся в полноте Духа Святаго Божиего, состояние благодатное, от человека не зависящее. Все остальное есть средства, предлагаемые Церковью для достижения этого состояния. Для достижения его — все труды, все подвиги, вся внутренняя работа человека, для этого весь тот трудный путь внутренних борений, борьбы со страстями, для этого все средства, которые предлагает Святая Церковь своим чадам; для этого и Господь пришел, чтобы дать людям возможность стяжать Духа Святаго Божиего, ибо это значит — благодатная жизнь в Боге.

Сами заповеди, они есть то русло, по которому должна течь жизнь человеческая, чтобы он мог прийти к этому состоянию, чтобы жить в Боге, в полноте Духа Святаго. Но как только эти средства для достижения этой благодатной, вожделенной цели сами делаются целью у человека, он неминуемо впадает в фарисейство, как бы ни была, казалось, возвышенна сама по себе эта цель.

Если человек будет исполнять устав для устава, он непременно впадет в мертвенное фарисейское состояние.

Все это мной говорится как некое предисловие к тому, что надлежит мне ныне сказать относительно наступившего поста. Те из вас, кто исповедуется у меня, да и те, которые часто слушают, прекрасно знают, как я настойчиво и упорно везде, где только возможно, настаиваю на соблюдении постов.

Многократно по разным поводам мною уже указывалось вам, что легкомысленное забвение поста — одно из первых, с чего начинает вражеская сила обмирщение человеческой души. Подход к вопросу о посте чисто мирской, когда начинают говорить, что пост не важен, что лучше не сердиться, не раздражаться, не говорить неправду, словом, не осквернять

тем, что выходит из уст. И то хорошо, и это хорошо, и нечего здесь заниматься сравнениями.

Если нас одухотворяет в нашей церковной и религиозной жизни то, о чем ныне словами преподобного Серафима мы здесь говорили, то тогда и пост будет иметь великое значение, как одно из условий стяжания полноты Духа Святаго.

Мешает полноте благодатной жизни в нас все косное, тленное и злое, что есть в нас и в мирской жизни. Поэтому все, что будет нашу жизнь обмирщать, все будет идти наперекор нашему намерению стяжать Духа Святаго Божиего, и, наоборот, все то, что будет оцерковлять нашу жизнь, все будет служить на пользу для достижения этой вожделенной цели. В числе других средств, перечисленных здесь преподобным Серафимом, на одном из первых мест стоит соблюдение поста. Нет слов выразить негодование по поводу укореняющегося у нас отношения к посту.

Как будто бы неважно перешагнуть небольшое пространство, но если это пространство — бездонная пропасть, отделяющая один мир от другого, то это маленькое пространство может быть решающим. Есть такая русская пословица: «Коготок увяз, всей птичке пропасть».

Вот так же и в вопросе обмирщения жизни: ты только зацепись коготком за мирскую жизнь, пропадет вся птичка. Если ты грешишь, то так и сознавай, как грех, а оправданий не вводи в норму, в некоторое разрешенное правило. Если ты будешь нарушать пост, сознавая тяжкое свое прегрешение, — это полбеды, но когда у тебя в душе мысль: «Да ведь это, собственно, не нужно» — мысль лукавая, мысль вредная, отравляющая душу. Дело поста — дело великое в нашем оцерковлении жизни!

Надлежит непременно всем сознательно встающим на путь духовной жизни возвращаться к соблюдению поста.

Если кто-нибудь указывает на фарисейское, внешнее, мертвенное исполнение поста, то этим он обличает не пост, а только фарисейство. В посте, как и во всем церковном, важно внутреннее содержание. Ведь для некоторых маловажное дело и крестное знамение, но для нас оно наполнено живым

содержанием, это есть знамение, которым мы ограждаемся от бесовской силы. Ведь и Таинства для иных есть дело маловажное, но для нас за ними стоит живое, благодатное действие Духа Святаго.

Вот когда подходят под благословение, это для многих тоже дело маловажное, а для нас в этот момент преподается Благодать Божия.

«Все лживое», — как говорил пустынник отец Никифор.

Так и пост.

Да, мы будем исполнять постный устав, мы не будем смущаться, что нам надлежит иметь знание этого постного устава. Мы будем знать, что вот в этот Петровский пост по субботам и воскресным дням нам разрешается рыба, что по понедельникам, средам и пятницам мы должны воздерживаться от масла, что во вторник и четверг мы можем вкушать пищу с маслом. Все эти мелочи нисколько не будут нас смущать, когда за всем этим будет светиться вожделенная цель — достигнуть благодатного состояния стяжания Духа Святаго.

Вся церковная жизнь есть мелочь для тех, кто видит только внешние ее стороны, и вся церковная жизнь есть величайшее дело, ради которого мы живем, для тех, кто верит, что церковная жизнь ведет ко спасению, ибо только Церковь соединит нас с Господом, ибо она только раскрывает нам полноту Духа Святаго Божиего.

Аминь.

15

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Христианская вера есть вера в воскресшего Господа нашего Иисуса Христа. Прочтем слова апостола Павла: «Ибо я первоначально преподал вам, что и сам принял, то есть что Христос умер за грехи наши, по Писанию, и что Он погребен был и что воскрес в третий день, по Писанию, и что явился Кифе, потом двенадцати, потом явился более нежели пятистам братии в одно время, из которых большая часть доныне в живых, а некоторые и почили, потом явился Иакову, также

всем апостолам, а после всех явился и мне, как некоему извергу».

Значение для христиан веры в воскресшего Господа мы видим со всей силой в следующих словах апостола: «А если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша!»

Как же должен мыслить христианин Воскресение Христово?

«Как в Адаме все умирают, так во Христе все оживут».

То есть вера в Воскресение Христово наитеснейшим образом связана с нашей верой во всеобщее воскресение.

«По рассуждению человеческому, когда я боролся со зверями в Ефесе, какая мне польза, если мертвые не воскресают? Станем есть и пить, ибо завтра умрем!»

Но это не так: «Ибо тленному сему надлежит облечься в нетление и смертному сему облечься в безсмертие».

Как это будет?

«Сам Господь при возвещении, при гласе Архангела и трубы Божией сойдет с неба, и мертвые во Христе воскреснут прежде, потом мы, оставшиеся в живых, вместе с ними восхищены будем на облаке в сретение Господа на воздух и там всегда с Господом будем. Итак, утешайте друг друга сими словами».

Только этими словами и может быть утешено человеческое сердце. Только слова о Воскресении Христа и о всеобщем воскресении могут действительно утешить человеческую скорбь, жажду человеческую о правде, об истине, человеческое стремление к вечному бытию, дать и утешение, и оправдание человеческой жизни.

Будем размышлять ныне о Воскресении Христове, пускай эти размышления нам укажут, что так и что не так в нашей жизни.

Воскресение Господа нашего Иисуса Христа переживается и чувствуется людьми не только, когда они размышляют об истинах веры: весь окружающий мир дает основание для этих размышлений. Приведу вам пространно слова Тертуллиана о Воскресении Господа: «Обрати взоры твои на образы Боже-

ственного могущества в мире. День умирает, уступая место ночи, погребается в тьму; краса вселенной скрывается, похороненная завесой. Все делается безцветным, безмолвным, смутным. Природа облекается в траур и оплакивает потерю света. Но вот, лишь только появляется солнце, вселенная снова оживает со всем своим великолепием, пока снова не наступает ночь, когда опять все погружается в тьму, умирает и погребается. Место исчезнувшего солнца тогда заступают звезды, потухающие при утренних сумерках. Планеты, днем на время изгнанные, торжественно возвращаются. Луна возобновляет круг свой. Ослабевши от ежемесячного обращения, зима, лето, весна, осень преемственно следуют друг за другом. На земле те же законы, как и на небесах. Деревья принимают красу свою, которой были лишены. Цветы появляются во всем разнообразии их красок. Поля снова одеваются своей зеленью. Семена, истлевшие в недрах земли, возникают, и возникают не иначе, как из истлевшего.

Какая дивная премудрость! Она лишает нас благ наших, чтобы возвратить их нам сугубо, отнимает их, чтобы подарить ими опять, истребляет, чтобы сохранить, портит, чтобы обновить, поглощает, чтобы умножить стократно. Одним словом, всякая тварь переходит от смерти к жизни. Все, что перед твоими глазами было, существует; все, что потеряно, возвращается с избытком, все исчезнувшее приходит в прежнее состояние, все переставшее существовать снова воспринимает бытие, все оканчивается, с тем чтобы возникнуть. Что же значит это безпрерывное кругообращение природы? Оно есть постоянное свидетельство будущего воскресения мертвых. Бог начертал его в Своих деяниях прежде, чем в Священном Писании. Он возвестил его Своим могуществом прежде, чем преподал словесно. Читай внимательно книгу природы, и ты убедишься, что Бог воскресит человеческое тело».

Основное, самое главное, что есть в нашем вероучении, — вера в воскресшего Христа и грядущее всеобщее воскресение недостаточно усваивается нами, недостаточно и не всегда содержится в нашей душе, и если мы всмотримся в нашу внутреннюю жизнь, мы очень скоро и очень ясно в этом убедимся.

Люди очень мало и плохо умеют переживать положительное в жизни, они очень сильно чувствуют боль и очень плохо ощущают радость. Если вы проверите себя, вы очень скоро и очень легко убедитесь в этом несчастном нашем свойстве. Пока ты здоров, ты не чувствуешь своего счастья; пока ты окружен близкими людьми, ты не чувствуешь, что это счастье; пока ты имеешь то, что тебе дает Господь, ты этого не замечаешь. Но вот, когда от тебя отнимается здоровье, когда у тебя умирают близкие люди, когда ты лишаешься того, что имел, тогда ты чувствуешь боль и начинаешь считать себя несчастным.

Все вы, здесь стоящие, смотрите и видите.

Но многие ли чувствуют счастье оттого, что имеют зрение. Но если бы хоть одного слепого привести сюда и сказать ему, что он будет видеть, ему бы это показалось несбыточной мечтой и ему бы казалось, что если бы только видеть ему, он, наверное, был бы счастливейшим человеком. Мы все имеем это счастье и не чувствуем его. И что бы мы ни взяли в жизни нашей, нам нужно известное усилие, чтобы заставить себя чувствовать, переживать, радоваться тому, что имеем. Причина сего коренится в самом нашем душевном строе. Человеку трудно переродиться и так строить внутреннюю свою жизнь, чтобы ощущать положительное ее содержание. Слова апостола Павла: «Всегда радуйтесь!» — решительно не усваиваются нами в нашей повседневной жизни; хотя оснований для этой постоянной радости великое множество, если бы только мы могли должным образом переживать то, что нам дает Господь.

Что же дает нам Господь? Господь дает нам воскресение. Ну давайте представим себе воскресение не как отвлеченный догмат веры, а как нечто постоянно ощущаемое в душе. Разве можно было бы тогда постоянно не испытывать чувство радости. Что по сравнению с радостью вечной жизни и грядущего всеобщего воскресения наши печали, скорби, неприятности в квартире, сокращения по службе, какая-нибудь обида нашего соседа — все то, что так легко повергает в уныние и отчаяние? Как можно впадать в уныние, когда Христос

воскрес, когда мы знаем, что и мы сопричастники этого воскресения!

Разве не мертвый догмат для нас воскресение, если наша душа все время не трепещет радостью, веруя во всеобщее воскресение?

Самая большая скорбь, самое тяжкое горе — это, конечно, смерть близких нам людей. Вот в этой скорби проверим свою веру в воскресение, куда она девается, когда мы плачем у гроба и кажется нам, что жить больше незачем. Это когда Христос воскрес, это когда мы сопричастники всеобщего воскресения!

Почему же, если это не отвлеченный догмат, а истинная живая вера наша, почему у нас нет отношения к умирающим, уходящим от нас близким людям, как к уходящим от нас на время, как к уезжающим лишь куда-то в дальнюю страну?

Когда Христос воскрес и мы есть сопричастники его Воскресения!

И все же как ни немощны мы в нашей жизни, вера в Воскресение Христово есть то, чем мы живем. Слова апостола Павла, побуждающего нас утешать друг друга этими словами, то есть словами о всеобщем воскресении, есть заповедь, которую мы соблюдаем даже и доныне, ибо этой верой в Воскресение Христово хоть сколько-нибудь утверждается наша радость здесь, на земле. И если при размышлении о том, чем должна была бы быть наша жизнь, мы скорбим о немощности нашей веры, то все же мы утверждаем, что этой лишь верой мы и живем, этой лишь верой мы и оправдываем жизнь свою. Неверующие люди — безбожники — иногда кажутся счастливее христиан. Но это счастье подобно счастью человека, лишившегося рассудка, в безумии своем воображающего себя тем или другим великим. Он мог бы испытывать подобие некоторого счастья и наслаждения. Но кто бы из людей, находящихся в разуме, позавидовал бы ему и захотел бы иметь такое счастье? А между тем счастье неверующих и безбожных людей — воистину такое безумное счастье! Апостол Павел почти две тысячи лет тому назад сказал: «Если Христос не

воскрес, *станем есть и пить, ибо завтра умрем*». Но через две тысячи лет, что могли бы сказать безбожные апостолу на эти слова? Чем бы они могли оправдать высшее стремление в своей жизни? О каких высших стремлениях может быть речь, когда *станем есть и пить, ибо завтра умрем*?

Для того чтобы победить уныние, не впадая в безумие, нужно ответить на слова апостола Павла. Но ответа на эти слова не дано и не может быть дано, кроме ответа, который дает вера. Ибо если Христос не воскрес, то и мы не воскреснем. Если Христос не воскрес, то мы не есть семя, которое сеется в тлении, чтобы восстать во славе. И что же ты ответишь тогда на вопрос: чем утверждается жизнь?

Неужели и в самом деле, ешь и пей, ибо завтра умрешь? Мы знаем, что ответить на это.

Мы ответим именно теми словами, которые так мало чувствуем, но которыми все же живем: «Христос Воскресе».

Аминь.

16

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Прошлый вторник мы говорили о Воскресении Спасителя, говорили о том, как должна переродиться человеческая душа, вместившая в себя полноту этой великой тайны, как должна она постоянно испытывать чувство радости, как несвойственно должно быть верующей христианской душе чувство уныния. Но это вовсе не значит, что христианское миропонимание, христианское чувствование не имеет перед собой и не сознает страшного в мире зла.

Думать, что для христианина кажется все таким радостным, в том смысле, что христианин не воспринимает и не переживает мирового зла, — это значит представлять себе Спасителя и христианство в совершенно искаженном виде, представлять себе Его с несвойственным для христианства оттенком немощной сентиментальности.

Когда-то была книга, которая считалась чрезвычайно вредной, книга Ренана об Иисусе Христе. И действительно, книга эта вредная, в том смысле, что она совершенно искажает

образ Спасителя. За этим искаженным образом Спасителя стоит искаженное понимание христианства.

Для Ренана сущность христианства — в безсильной, совершенно человеческой, ни к чему не обязывающей и ничего в мире не перерождающей любви.

В христианстве — все мощь и сила, но сила не суетная, человеческая, волевая, а сила любви Божественной.

Ведь мы в делании подвижническом наши страсти претворяем по учению Церкви в духовную жизнь, какое же тут может быть место для немощного сентиментального чувства.

Не по-ренановски понимает христианство и смысл мировой жизни.

Радуясь и утверждая Воскресение Христово, христианин никогда не забывает времен антихриста. И вот ныне, чтобы нам раскрылась полнота христианского миропонимания, вслед за словами нашими о воскресшем Христе нам надлежит восстановить перед собой слова Священного Писания и об этом времени, о времени пришествия антихриста.

Вот что мы читаем в Откровении Иоанна Богослова о звере: «И стал я на песке морском, и увидел выходящаго из моря зверя с семью головами и десятью рогами, на рогах его было десять диадем, а на головах его имена богохульные. Зверь, которого я видел, был подобен барсу; ноги у него, как у медведя, а пасть у него, как пасть у льва; и дал ему дракон силу свою, и престол свой, и великую власть. И видел я, что одна из голов его как бы смертельно была ранена, но эта смертельная рана исцелела. И дивилась вся земля, следя за зверем, и поклонилась дракону, который дал власть зверю, и поклонились зверю, говоря: кто подобен зверю сему и кто может сразиться с ним? И даны были ему уста, говорящие гордо и богохульно, и дана ему власть действовать сорок два месяца. И отверз он уста свои для хулы на Бога, чтобы хулить Имя Его и жилище Его и живущих на небе. И дано было ему вести войну со святыми и победить их; и дана была ему власть над всяким коленом и народом, и языком и племенем. И поклонятся ему все живущие на земле, которых имена не написаны в «Книге Жизни» у Агнца, закланнаго от создания мира».

Вот как в Апокалипсисе рисуется перед христианином этот образ грядущего антихриста. У апостолов мы находим слова, свидетельствующие о том, каково будет то время, которое подготовит явление в мир антихриста: «Знайте же, что в последние дни наступят времена тяжкие. Ибо люди будут самолюбивы, сребролюбивы, горды, надменны, злоречивы, родителям непокорны, неблагодарны, нечестивы, недружелюбны, непримирительны, клеветники, невоздержанны, жестоки, не любящие добра, предатели, наглы, напыщены, более сластолюбивы, нежели боголюбивы».

Это будут те времена, по словам апостола, когда злые люди, обманщики будут преуспевать в зле, вводя в заблуждение и заблуждаясь. Это будет, по словам апостола, время, когда здравых учений принимать не будут, но по своим похотям будут избирать себе учителей, которые будут льстить слуху.

Ефрему Сирину открылось в благодатном даре прозорливости это грядущее время. И вот по духу Апокалипсиса и Святого Писания это грядущее время здесь, у Ефрема Сирина, получает как бы особую жизненность, исполненную даже житейских подробностей. Вот что будет при антихристе: «Он сметет вселенную, подвигнет концы ее, всех притеснит, осквернит многия души».

Каковы будут его поступки? Он будет поступать «не как человек благоговейный, ласковый, но при всяком случае суровый, жестокий, гневливый, раздражительный, стремительный, безпорядочный, страшный, отвратительный, ненавистный, мерзкий, лютый, лукавый, губительный, безстыдный своим неистовством, старающийся весь род смертных ввергнуть в пучину несчастия».

«Когда свершится сие по сказанному и народи поклонятся ему и восхвалят его, как Бога, — Всевышний на небесах со дня на день будет являть гнев свой и отвратит лице свое от него. И будут наконец тяжкие годы, продолжительныя язвы, непрестанныя землетрясения, повсюду оскудения пищи, великая скорбь, повсюду теснота, непрестанныя смерти, великий страх, несказанный трепет. Тогда небеса не дадут дождя, земля не будет приносить плодов, источники иссякнут, реки

иссохнут. Трава не будет расти, не покажется на земле зелень, дерева померзнут в корнях и не дадут отпрысков, рыбы и киты в море изомрут, и море издаст такое заразительное зловоние и такой страшный шум, что люди будут падать без чувств и умирать от страха. Тогда сильно восплачет и воздохнет всякая душа, тогда все увидят, что несказанная скорбь гнетет их день и ночь, и нигде не найдут пищи, чтобы утолить голод, ибо жестокие надзиратели будут поставлены на место, и кто только имеет у себя на челе или на правой руке печать мучителя, тому позволено будет купить немного пищи, какая найдется. Тогда младенцы будут умирать на лоне матерей, умрет и матерь над своим детищем, умрет также отец с женой и детьми среди торжищ, и некому похоронить и положить их в гроб. От множества трупов, поверженных на улицах, везде зловоние, сильно поражающее живых. С болезнями и воздыханиями скажет всякий поутру: когда наступит вечер, чтобы иметь нам отдых. Когда наступит вечер с самыми горькими слезами, будут говорить сами в себе: скоро ли рассвет, чтобы избежать нам постигшей скорби. Но некуда бежать или скрыться, потому что все в смятении — и море, и суша... Множество золота и серебра и шелковые одежды не принесут никому пользы во время сей скорби, но все люди будут называть блаженными мертвецов, преданных погребению, прежде чем пришла на землю эта великая скорбь. И золото, и серебро рассыпаны на улицах, и никто до них не касается, потому что все омерзело, — но все поспешают бежать и скрыться, и негде им укрыться от скорби... Страх внутри, извне трепет; день и ночь трупы па улицах, зловоние на стогнах, зловоние в домах, голод и жажда на стогнах, глас рыдающих в домах, с рыданием встречаются все друг с другом, отец с сыном, и сын с отцом, и мать с дочерью. Друзья на улицах, обнимаясь с друзьями, кончают жизнь; братья, обнимаясь с братьями, умирают. Увядает красота лица у всякой плоти, и вид у людей, как у мертвецов; омертвела и ненавистной стала красота женская, увянет всякая плоть и вожделение человеческое».

Вот как в благодатных откровениях Ефрема Сирина рисуется это страшное время антихриста.

Так что же, будем ли унывать, будем ли испытывать веяние антихриста и в наших душах? Раскроем Слово Божие и там найдем ответ на этот вопрос. Я прочту много, ибо не все из вас читали эти слова, они должны глубоко залечь в наши сердца. Говорится о том, чем все это кончится: «И увидел я новое небо и новую землю, ибо прежнее небо и прежняя земля миновали и моря уже нет.

И я, Иоанн, увидел Святый город Иерусалим, новый, сходящий от Бога с неба, приготовленный, как невеста, украшенная для мужа своего. И услышал я громкий голос с неба, говорящий: Се, скиния Бога с человеками, и Он будет обитать с ними, они будут его народом, и Сам Бог с ними будет Богом их. И сотрет Бог всякую слезу с очей их, и смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезни уже не будет, ибо прежнее прошло. И сказал Сидящий на Престоле:

— Се творю все новое...»

«...И вознес меня в духе на великую и высокую гору и показал мне великий город, Святый Иерусалим, который нисходил с неба от Бога...»

«...Стена города имеет двенадцать оснований, и на них имена двенадцати апостолов Агнца».

«...А двенадцать ворот — двенадцать жемчужин; каждые ворота были из одной жемчужины; улица города чистое золото, как прозрачное стекло. Храма же я не увидел в нем, ибо Господь Бог Вседержитель — Храм Его и Агнец...»

«...Ворота его не будут запираться днем, а ночь там не будет...»

«...И не войдет в него ничто нечистое и никто, преданный мерзости и лжи, а только те, которые написаны у Агнца в „Книге Жизни“».

«...Се гряду скоро, блажен соблюдающий слово пророчества книги сей».

Так вот конец-то! Так вот какое торжество в конце этого страшного времени! Этот страшный обольститель повержен будет в прах, сгорит в огненном озере. И будет новое небо и новая земля — преображенный мир, в котором отрет Господь всяку слезу. Мы стоим перед Божественным Откровением;

перед нами, грешными, немощными духом, волей Господа открываются судьбы мира. Но ведь нам нужно жить нашей теперешней жизнью. Какое же к нашей жизни имеют отношение эти раскрытые перед нами судьбы мира?

Антихрист уже в мире. И борьба антихриста со Христом лишь довершится в конце времен, но она совершается беспрестанно в жизни каждого из нас. Там, в Слове Божием, говорится о конечных судьбах мира, а наше сердце говорит о теперешних наших днях жизни. Так же и из нашего сердца выходит зверь с лапами барса, так же и в нашем сердце воздвигается белый престол, так же, как в конце времен, повергается в прах силой Божией дух антихриста в сердцах наших, и так же восстанавливается в душе нашей Горний Иерусалим, когда мы начинаем служить Господу и идем по пути жизни духовной на зов Спасителя нашего Господа Иисуса Христа.

Аминь.

17

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

С самых первых дней своего существования Христова Церковь была обращена к будущему славному Второму Пришествию. С самых первых времен христианства, с эпохи мученичества, с эпохи языческих гонений все время в Церкви жило это трепетное ожидание последних времен, славного Пришествия Господа Иисуса Христа. В разные времена это ожидание переживалось по-разному — то с большей, то с меньшей силой. Но общее чувствование Церкви никогда не изменяло этому постоянному трепетному, радостному ожиданию Господа во Славе.

И в наши дни это чувствование приближающегося страшного Второго Пришествия усиливается и как бы роднит нас этим с эпохой первоначального христианства.

Много прошло веков бытия Церкви. И теперь много есть и признаков, которые усиливают это внутреннее чувствование.

Иссякла любовь, люди стали горды, жестоки, предатели, люди отпадают от Бога — все это предречено как признаки

грядущего Второго Пришествия. Страшные потрясения Церкви, всевозможные попытки провозгласить то там, то здесь истинную церковь.

Все это признаки, указанные в Слове Божием.

Но не столько эти признаки усиливают чаяние Второго Пришествия, сколько чувствование преизбыточествующей Благодати в самой Церкви. Если никогда, может быть, не было такого ужасающего отпадения от Церкви и такого ужасающего предательства в самой Церкви, то, с другой стороны, такая полнота благодати, такие явные знамения и постоянные чудеса, которые ныне являются для верующих людей, — все это как бы невольно внутренне переносит нас в эпоху первоначального христианства.

Такое состояние Церкви есть один из главнейших внутренних признаков грядущего славного Пришествия Спасителя. Ибо эта апокалипсическая грядущая Церковь в Слове Божием, наряду с этим ужасающим беззаконием и отпадением, рисуется именно как Церковь того же золотого века христианства, которым были I, II и III века. Все это не только касается нашего чаяния грядущего Страшного суда Божия, но все это касается и восстановления тех внутренних духовных задач, которыми жило первое христианство.

Дико, нелепо, безумно рассматривать задачи Церкви как возвращение к апостольскому христианству, понимая под этим его внешнее опрощение.

Такую именно безумную мысль хотел осуществить в церковной жизни недавно умерший Антонин. Это была безумная ересь, которая посягала на самое основное в Православии — на веру в Церковь, ибо вся история Церкви тогда должна бы была рассматриваться не как постепенное раскрытие в мире правды Божией, а как постепенное ее угасание. Но если эта мысль была безумна в понимании церковного опрощенства, возвращения к старому (в смысле отказа от всех развившихся постепенно, водительством Духа Святаго, форм церковности), то в то же время мы должны твердо установить и решительно почувствовать, что, при всей истинности за эти долгие века создавшейся церковности, наша эпоха действительно возрож-

дает перед нашей душой, перед нашим сердцем, перед нашей жизнью те задачи внутренней жизни, которые стояли перед первоначальным христианством. Эти задачи, конечно, всегда жили в Церкви, но они заслонялись другими великими задачами Церкви, вопросами о догматах, о культе, о канонах, о внешнем порядке и строе церковной жизни, за все это велась упорная борьба в недрах Церкви.

Ныне возрождается основная задача христианской жизни: Богосовершенствование.

Достаточно прочесть несколько выдержек из творений святых отцов об этой задаче, чтобы сразу стало ясно, о чем идет речь. Вот мы читаем у святого Иринея Лионского: «Сын Всевышняго, — пишет он, — стал Сыном Человеческим для того, чтобы человек сделался сыном Божиим».

В другом месте он пишет: «Люди будут жить не в многоглаголании закона, а в простоте веры и в любви. Он посредством веры в Него развивает нашу любовь к Богу и ближнему, вследствие чего мы делаемся благочестивыми и праведными и добрыми».

«Мы называемся, — пишет Иустин Философ, — истинными сынами Божиими, и на самом деле таковы».

Нужно было церковной действительности иметь основание для того, чтобы сказать так.

Философ Аристид говорит о христианах следующее: «Они не любодействуют, не распутничают, не лжесвидетельствуют, не ищут чужого, почитают отца и мать и любят ближних, справедливо судят. Чего не хотят себе, не делают того другому... Стараются благодетельствовать даже врагам... Рабов и рабынь и детей, если кто из них имеет, они из любви к ним убеждают сделаться христианами, и когда они становятся ими, они безразлично называют их братьями. Они кротки и услужливы, лжи нет у них, и они любят друг друга».

По словам Иустина Философа, что в теле душа, то в мире христиане. Вот каково было первоначальное христианское общество! Вот какими идеалами оно жило, вот каково было его самочувствие!

Писатели — святые отцы того времени дерзали говорить о

задачах тогдашнего христианского мира как о задачах истинного Богосыновства: «Мы называемся истинными сынами Божиими, и на самом деле таковы».

Это дерзновенно, но надо сказать, что эпоха, в которую мы живем, вновь восставляет перед человеком через все испытания, через все потрясения Церкви, восставляет перед нами именно эту задачу Богосовершенствования. Значит ли это, что мы стали уж очень хороши? Значит ли это, что мы приблизились к состоянию святости? Совершенно нет.

Напротив, эти задачи заставляют нас с особой силой переживать все наше окаянство, полнейшую неподготовленность к осуществлению этих задач, встающих перед нами. Но повергает ли нас такое сознание в отчаяние и уныние?

Такое осознание полнейшего нашего недостоинства для осуществления задач Богосовершенствования заставляет нас всеми силами своими обратиться к Церкви.

Когда мчится вихрь, удержаться и быть не увлеченным вихрем может только тот, кто будет крепко держаться за твердое основание.

Вот именно такое положение сейчас в мире.

Все те, кто будет ограничиваться той степенью церковности, которая была возможна не так еще давно, все они отойдут от Церкви. Заметно или незаметно для себя, постепенно или сразу, но этот вихрь безбожия и обмирщения, предтеча антихриста, заставит людей, которые некрепко держатся за церковность, от нее отойти. Все такие люди неблагонадежны для Царствия Божия. Такое самочувствие не заставляет нас горделиво думать о нашей святости и великом достоинстве, оно, напротив, усиливает чувство нашей немощности и заставляет нас всецело, всем своим существом, войти в Церковь. Мы уже не можем не сознавать, что нельзя сохранить душу свою в вере и жизнь свою хоть сколько-нибудь на началах христианских, если так относиться к Церкви, как это было раньше: один раз в год причащаться, по большим лишь праздникам посещать храм и исполнять необходимые требы.

Теперь же, когда так ясно чувствуется вновь воскрешаемая

перед нами задача Богосовершенствования, когда нам нужно для того, чтобы остаться христианами, встать твердо и решительно на путь духовной жизни, не где-то в монастыре, а нам, живущим в миру, когда все это чувствуется, тогда остается одна дорога: самое полное оцерковление жизни каждого из нас.

Да, конечно, на этот путь должен встать прежде всего пастырь. Достаточно прочесть сии вразумительные слова святого Григория Богослова: «Как оку необходимо быть чистым, чтобы тело двигалось правильно (а когда око нечисто, и тело движется неправильно), так вместе с предстоятелем Церкви, каков он будет, и Церковь или подвергнется опасности, или спасется».

Так главная ответственность и первая задача здесь лежит на тех, кто руководит духовной жизнью, но вместе с тем и все верующие должны твердо уяснить себе ту задачу, которая налагается на них сейчас Святой Церковью.

Это не слова для минутного переживания в Церкви, это то, что должно лечь в основу всей жизни верующих христиан нашего времени. Они должны твердо и окончательно уяснить себе, что больше не может быть в принцип возводимой полуистины и полухристианства в жизни. Мы грешим по нашей немощности, мы плохо идем по тому пути спасения, по которому нам надлежит идти, но мы должны ясно сознавать, каков тот путь, по которому мы идти должны.

Для того чтобы то, чем жило первоначальное христианство, не было лишь отвлеченными, с амвона проповедуемыми идеалами, а тем, что движет, содержит и определяет нашу жизнь, для этого мы должны уповать не на свои личные силы, не на свои подвиги, не на свое достоинство, а должны встать на путь оцерковления во всей возможной для нас полноте.

Мы должны вернуться к соблюдению церковных правил, мы должны вернуться к частой Евхаристии, мы должны вернуться к строгому соблюдению постов, мы должны вернуться к молитвенному деланию.

Аминь.

18

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

К числу основных добродетелей относятся смирение, терпение и послушание. Мне и надлежит рассмотреть сегодня эти наиболее ненавистные для мира добродетели жизни духовной.

Почему они так неприемлемы для жизни мирской?

Потому что они решительно противоположны тем началам, на которых жизнь мирская строится. Пока эти добродетели лежат на полках в творениях святых отцов, можно кое-как еще примириться с учением Святой Церкви. Но если кто-нибудь начнет руководствоваться этим учением в самой жизни, так сразу начинается смятение. И не только в той безбожной среде, в которой приходится жить многим верующим людям, это еще полбеды, но и среди так называемых верующих людей. Это уж настоящая беда!

Откуда же такое возмущение? Почему это так смущает?

Да все потому же! Потому что очень много усвоено верующими людьми из совершенно мирских понятий, из мирского отношения к жизни. Человеку кажется, что достаточно считать себя верующим, и это одно уже изменит весь внутренний строй его. На самом деле совсем не так. У многих, считающих себя верующими, внутренний мир иного происхождения — мирского, безбожного, ничего общего не имеющего с жизнью духовной.

Это мирское начало в верующих людях возмущается истинной духовной жизнью.

Смирение — одна из основных добродетелей, которая стоит как внутренняя задача на пути духовной жизни.

Что такое смирение? Чем оно питается в душе человека?

Когда мы рассмотрим это, для нас сразу станет ясно, почему эта добродетель так важна в деле внутреннего нашего устроения.

Что противоположно смирению?

Смирению противоположна гордыня, чувствование своей личной воли, своей личной силы.

Гордыня — диавольское чувство, ибо гордыня и привела к погибели ангела, низверженного с неба. Поэтому и мир, который во зле лежит, то есть проникнут духом диавольской гордыни, поклоняется, возводит в культ гордость, силу, непоколебимую человеческую волю. В этом самовозвеличивании, в чувствовании самости, личной воли все противоположно смирению, все проникнуто духом богоборства. Верующий человек должен, напротив, согласовать свою волю с Божией волей, он должен всецело проникаться ею, чтобы все время ею руководствоваться, чтобы все время жить в направлении действования Божественной воли. Отсюда самоуничижение, чувствование личного своего недостоинства.

Как же ясно, что духовная жизнь, которая вся имеет своим содержанием богосовершенствование, должна начинаться с уничтожения в себе именно этого препятствия!

Смирение не есть образ, внешний стиль, не есть подражание, лишь внешняя личина. Истинное смирение есть труднейшая добродетель, которая является первой, главной и необходимой задачей внутренней духовной жизни.

Терпение. Это слово объемлет такое многообразие жизненных явлений.

Вот сегодня утром я соборовал больную. Я торопился соборовать ее, потому что боялся, что не успею ее причастить, — так быстро угасала в ней жизнь. Больная умирает от рака. Я хожу причащать ее каждую неделю. Я уже знаю эти страшные физические страдания при этой болезни, и я столько видел людей, которые по-разному их переживают. Боли у всех одинаковы, но душа у всех разная, и каждый по-разному их переносит. Больная, которую я соборовал, переносит, с Божией помощью, эти страдания с необычайным терпением. Это благодатное, дарованное ей, может быть, страданиями ее, может быть, покаянием ее, может быть, верою при причащении Святых Таин, — это благодатное терпение ее на смертном одре не было в ней раньше, в течение жизни ее, когда она была здорова. Постоянно она погрешала нетерпением по пустякам, по мелочам, которых не мог переносить человек спокойно.

А вот рак, который съел все тело, неимоверные физические боли и смятение предсмертное — это человек может перенести, на это у него нашлось терпения! Откуда же оно взялось?

Оно взялось от смиренного усвоения Божественной Благодати.

Мы нетерпеливы в нашей жизни в значительной степени от гордыни, от постоянного самоутверждения в жизни. Отсутствие духовности лишает нас способности видеть положительное содержание жизни. Многим из вас, которые считают себя страшно несчастными, предложить бы поменяться с умирающей рабой Божией Верой, а ей бы на ваше место: какой бы, наверное, она почувствовала себя счастливой, а вы, стоящие здесь, несчастными.

Мы нетерпеливы в страданиях, нетерпеливы и на пути нашей духовной жизни: нам все кажется, что у нас не ладится; нас постоянно бес наталкивает на ненужную критику, на ненужные сравнения, на ненужное недовольство, которое нас заставляет все время торопиться. А между тем это чувство торопливости является помехой на пути духовной жизни, это самый тонкий вид нетерпения.

Когда вам нужно найти что-нибудь и вы торопитесь, вы гораздо дольше проищете, чем если будете искать спокойно.

Так и в жизни духовной, эта внутренняя торопливость, она всегда является помехой к внутреннему, нравственному совершенствованию. Терпение есть великая добродетель духовной жизни, и приобретение ее нужно поставить перед собой как одну из основных задач внутреннего устроения.

Наконец, третья добродетель — *послушание*. Это требует особого внимания и разъяснения.

Говорю твердо: послушание — добродетель. Послушание дается не только решением человека начать слушаться, такое решение есть лишь первый шаг на этом пути. Но как человек от одного решения стать целомудренным не станет сразу чистым, так же и в добродетели послушания: недостаточно решить быть послушником, надо еще им стать.

Послушание — труднейшая добродетель, приобретаемая

постепенно. Послушание в своих наиболее законченных формах, в наибольшей своей полноте было дано в старчестве. Неисповедимые пути Божии так направили жизнь Церкви, а значит, и жизнь верующих, что эта задача — воспитания послушничества — перешла к рядовым духовникам в миру. Это создало много особых трудностей, ибо все в миру не соответствует воспитанию добродетели послушания. Но от этого нисколько не умалилось его значение. Ведь не очень благоприятны мирские условия для духовной жизни, и было гораздо лучше проводить ее в условиях скитских или монастырских. Но значит ли это, что теперь, за отсутствием этих лучших условий, христиане должны совершенно отказаться от пути духовной жизни?

Точно так же и в деле воспитания послушничества.

Если условия жизни монастырской были для этого более благоприятны, создавали обстановку, более подходящую для выполнения этой задачи, то из этого совершенно не следует, что мы, проводя духовную жизнь в условиях мирских, должны от нее отказаться. Напротив, в миру послушание может и должно быть больше, чем где бы то ни было, и нам надлежит твердо вставать на путь воспитания в себе этой труднейшей добродетели.

Проводить свою духовную жизнь без руководства и думать, что можно серьезно поставить перед собой задачу внутреннего устроения без послушничества, — это сущее недоразумение. Но здесь все в свободе, здесь все в духе, здесь все живое. Это нельзя делать по принуждению, нельзя сделать, потому что ты этого требуешь, здесь должно исходить от свободного произволения руководимого.

Не значит ли это, что руководители дерзают на положение каких-то избранных старцев? Совсем нет. Но мы веруем, что когда душа действительно ищет руководства и смиренно воспринимает дух послушнический, Господь вразумит пастыря, даст ему указание, как вести такую душу, лишь бы только не было злоупотребления. Но ведь злоупотребление везде и всегда возможно, это уже есть грех, который возможен и в миру и в монастыре.

Вот, когда мы рассмотрели эти три добродетели духовной жизни, нам делается еще более ясным то смятение, то смущение, а иногда и прямое озлобление, которое встречают те, кто на этот путь встал не для того только, чтобы изучать, как об этом писали святой Иоанн Лествичник или святой Исаак Сирин, а для того, чтобы хоть немного провести в жизнь то, о чем они писали.

В сказанном мной ничего нет выдуманного.

Я служу тому направлению, которое указано Святой Православной Церковью. Здесь нет ничего самочинного, ничего нет от себя. Здесь решительно ничего нет от отца Валентина, здесь все говорится от святых отцов.

Аминь.

19

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Если бы мы могли видеть окружающий нас мир так, как учит о нем наука, он оказался бы совсем не таким, как мы в действительности его видим.

Когда мы восхищаемся красотой мира, но думаем о том, что прекрасный цвет неба — это не что иное, как колебание световых волн. Когда мы видим красоту вещественного мира, мы совершенно не думаем о том, что этот вещественный мир по научному мировоззрению состоит из невидимых электронов, все время находящихся в движении. Когда мы слышим прекрасную музыку или пение, мы совершенно не думаем о том, что пение и музыка — это колебание звуковых волн.

Словом сказать, вещественный мир, который перед нами, для нас таков, как мы его видим, потому, что таков внутренний строй, воспринимающий и световые колебания, и звуковые волны, и формы, и запах, и вкус. И потому это так, что мы в нашем чувствовании мира как бы видим и ощущаем не только эти волны света и звуков, но и то, что составляет самую его основу, его духовное внутреннее существо. В том мире, который колебания световых волн превращает в прекрасное небо, имеются свои законы, которые не могут быть постигнуты чисто физическим исследованием. В этом неви-

димом мире нет ни времени, ни пространства. В этом мире существуют понятия, которые мы все употребляем, но которые мы никогда не сможем себе представить, — понятия вечности, безконечности и свободы.

В вещественном мире движущихся электронов все конечно, все ограничено и причинно обусловлено, то есть несвободно. Если бы мы вздумали вести прямую линию в пространство, мы никогда своим разумом не сможем представить ее себе не имеющей конца. Мы всегда будем ее ограничивать, всегда будем ей класть предел, каковой лежит во всем строе вещественного бытия. Но тем не менее мы утверждаем, что где-то существует безконечность, хотя и невообразимая нами, но в действительности существующая.

Так и время. Сколько бы мы ни полагали в прошлом или в будущем миллионов, триллионов лет, всегда наш разум будет мыслить время в ограниченных пределах и в то же время утверждать безконечное бытие времени.

То, что мы сказали о пространстве и времени, относится и к понятию свободы. Мы в вещественном мире все представляем себе, все мыслим себе как нечто обусловленное какой-то причиной, а между тем наш разум, который не в состоянии представить себе безпричинности, не может отказаться и от понятия свободы.

Все это говорится мной для того, чтобы перед вами поставить основной вопрос, который для многих является столь смущающим: вопрос о зле.

Как часто говорят: каким образом Господь мог допустить существование зла? Людям хочется представить себе все, как в вещественном мире, — по законам причинности, им хочется, чтобы и самое добро было обусловлено Божественной волей, которая, как бы насильно, взяла человеческую душу и сделала ее достойной вечной жизни. Им кажется несообразной с идеей Божества, с верой нашей в Господа Иисуса Христа, существование какой-то злой человеческой воли, которая может влечь человека к гибели. Но вся трудность понимания и весь ответ заключаются в слове «свобода».

Нам дан образ и подобие Божие, и одной из основных

черт этого подобия является дарованное нам таинственное начало свободы. Это понятие, из потустороннего мира, это понятие духовного порядка, это понятие совершенно непостижимое для нашего рассудка, который мыслит по законам ограниченного вещественного бытия. Но в нем именно заключается ответ: как может Господь допустить существование зла.

Даровав нам свободу, тем самым Господь сделал возможным и наше спасение, и нашу гибель, ибо, если бы не было свободы, не было бы гибели, но не было бы и спасения, ибо не было бы ни добра, ни зла, не было бы того бытия человеческого, которое благоволил Господь дать нам. О том, как мыслить о зле, у нас есть многочисленные указания святых отцов. Так, святой Афанасий Великий говорит: «Сущее я называю добро, «поколику» оно имеет для себя образы в сущем Бога, а не сущее называю злом».

То есть он говорит, что истинное добро есть бытие в Боге, сущее жизнь, а зло есть отрицание истинного бытия, это то, что не существует, то есть отрицает истинное бытие и жизнь.

Святой Василий Великий, желая уразуметь, что такое зло, так размышляет: «Зло не живая и не воодушевленная сущность, но состояние души, противоположное добродетели и происходящее в безпечных чрез отпадения от добра. Поэтому не доискивайся зла во вне, не представляй себе, что есть какая-то первородная злая природа».

И здесь опять святой Василий Великий хочет установить, что зло не есть какое-то созданное Богом начало, а что это есть, в свободе нашей заключающееся, отрицание добра, противостановление ему, его не существует вовне, как нечто созданное: оно коренится в таинственной области нашей свободы, которая не хочет принять добра и этим утверждает зло. Святой Григорий Нисский говорит: «Зло не есть бытие, а отрицание бытия».

У святого Дионисия мы читаем: «Зло как зло не образует никакой сущности или бытия, оно лишь ухудшает и разрушает вид существующего, насколько от него зависит. То, что существует, существует лишь по силе добра».

И далее: «И умов, и душ, и тел зло состоит в безсилии обладать свойственным им благом и в отпадении от него».

Таким образом, понятие зла, по мысли святых отцов, сводится к нашему свободному произволению, которое избирает отрицание истинной жизни, отрицание добра.

Максим Исповедник говорит: «Зло не было и не будет самостоятельно существующим по собственной своей природе», то есть опять-таки никак не может допустить мысли о том, что зло сотворено Самим Господом и существует вне души человеческой, вне свободы человека.

«Зло, — говорит он далее, — есть неразумное движение естественных сил, по ошибочному суждению, к чему-либо иному, помимо цели; целью же называю причину Сущаго Бога, к которой естественно влечется все».

Зло определяется как противление волевое, противление свободного человека Божественному началу. Создал Господь свободную душу человеческую, которая может или пойти, или не пойти ко Господу. И вот, когда она в своем свободном произволении не идет ко Господу, она утверждается в состоянии вне Бога, которое именуется злом, но никакого зла, вне этой свободы находящегося, не существует, потому что Господь его «не создавал».

Один современный богослов (проф. прот. С. Н. Булгаков) по этому поводу рассуждает так: «Тому таинственному ничто, из которого создан мир, Создателем указано положение темной основы, изнанки, а не лицевой стороны бытия. Но тварная свобода вольна вызвать эту изнанку, это ничто, на положение бытия, влить в него собственную жизнь. Эта пародия бытия получает силу вредить бытию истинному, становится злом, которое есть поэтому пародия добра. Оно становится столь же многоликим, как и добро. Во всех видах оно имеет одну сущность: отторженность от единства, самость и себялюбие». «Мир во зле лежит», а не есть зло, — это его состояние, в котором мир находится, а не его существо». Пусть несколько трудно для нашего понимания все то, что сейчас нами прочтено из творений святых отцов, нам важно усвоить здесь самое главное, что учение о зле не является противоречием

нашей веры в Господа и что зло непостижимо постольку, поскольку непостижима свобода».

Нам было важно сказать эти несколько слов о понимании зла для того, чтобы по возможности уяснить православное учение об искуплении.

И здесь тайна, и здесь непостижимость!

Мы и не дерзаем усваивать разумом истины веры — мы радуемся, что разум вполне не может постигнуть их, ибо если бы истины веры сводились только к тому, что может усвоить человеческий рассудок, то они были бы столь же ограниченны, как он.

Да, мы радуемся и торжествуем, что истины веры не объемлются нашим рассудком, но, поскольку и ум может себе найти удовлетворение в них, мы не отказываемся от Богомыслия.

Что же дает нам раскрытое учение о зле для понимания тайны искупления?

Если сущность зла заключается в свободном произволении человека, которое отторгает его душу от Господа, то ясно, что победа над грехом, то есть над этим отторжением, должна была быть для нас силой, которая помогла бы ему преодолевать злую волю, направленную к отторжению от Божественного начала. Эта воссоединяющая, эта преодолевающая разделение сила есть сила Божественной любви. Божественная любовь была явлена на Голгофе в той Жертве, которую принес Господь, отдав Сына Своего на распятие.

Божественная Кровь Спасителя нашего, эта жертвенная Голгофская любовь, и является той силой, которая искупила грех мира и дала возможность каждой человеческой душе через веру в Господа Иисуса Христа принятие Его Тела и Крови в Таинстве воссоединяться с Господом и сделаться достойной вечной жизни и спасения. Между пониманием зла, раскрытого у святых отцов, и догматом об искуплении есть нерасторжимая внутренняя связь. Мы даже и не пытаемся уразуметь всю полноту таинственного содержания, которое содержат в себе догматы об искуплении, но его чувствует верующее сердце.

Здесь, в этой истине об искуплении мира жертвенной любовью Голгофской, лежит для нас возможность должным образом относиться к торжествующему в мире злу и верить в грядущую победу добра. Мы верим в новое небо и новую землю, в преображение вселенной, во всеобщее воскресение, в вечную жизнь — все это зиждется на вере в искупление мира.

Если бы не эта вера, человек просто не в состоянии был бы жить, не в состоянии был бы принять мир в этом его безобразии. Совесть не могла бы его принять.

Вера открывает нам будущий мир, невидимую землю, грядущие времена, когда алчущие насытятся, когда плачущие утешатся, когда будет торжество истины и добра; это и дает силы человеку жить и идти по пути совершенства...

Аминь.

20

Во Имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Сегодня я закончу первый цикл своих бесед о духовной жизни. Со следующего вторника я буду вести беседы о загробной жизни на основании Слова Божия, святых отцов и размышлений от разума. Это не значит, что я не вернусь вновь к беседам о духовной жизни. Мне бы хотелось сохранить беседы по вторникам для того, чтобы иметь возможность постоянно касаться вопросов жизни духовной в связи с событиями окружающей нас действительности.

Сегодняшнюю последнюю беседу свою я бы хотел посвятить слову, которое так часто слышали духовные дети от Оптинского старца Анатолия. Слову «не торопитесь».

Кто бывал у него, тот знает, как любил приснопамятный иеросхимонах Анатолий это слово и какое великое значение придавал он ему в деле духовной жизни.

Оно невольно переносит меня в прошлое, к далеким воспоминаниям. Я впервые увидал иеросхимонаха Анатолия, когда мне было шестнадцать лет, и тогда же я впервые услыхал от него это слово. Это было очень давно и в то же время, кажется, так недавно.

Я был гимназистом шестого класса, потерявшим веру,

дошедшим до отчаяния. Мне казалось, что жизнь моя кончена.

Я увидал ласковые, любящие, немного смеющиеся глаза старца Анатолия и услышал: «А ты не торопись!»

Через тридцать лет я точно сейчас слышу эти слова. И мне часто хочется сказать на исповеди молодым людям, думающим, что жизнь их кончена, положение безысходно: «Не торопитесь».

Что же в устах старца значило это слово?

Зачем он постоянно повторял его? Будто бы мы так спешно идем по пути духовного устроения, что нас надо одергивать и предупреждать, чтобы мы не спешили? Нет, торопливость стоит и за самой медлительностью нашей, за самой нашей склонностью опускать руки при каждом внутреннем препятствии. Эта торопливость преследует идущего по пути духовной жизни во всем. Он постоянно сравнивает себя со своими соседями, которые, как ему кажется, ушли дальше его, и он начинает себя считать таким отсталым, что кажется безполезным трудиться над своим устроением. Эта же торопливость преследует человека и тогда, когда он сравнивает теперешнее свое состояние души с недавним прошлым. Ему начинает казаться, что он или совсем не сдвинулся, или идет назад.

Чувство торопливости имеет своей противоположностью положительное чувствование, которое и нужно стремиться приобрести человеку.

Его-то и хотел внушить своим духовным чадам Оптинский старец.

В чем же заключается это чувствование, противоположное чувству торопливости?

Когда-то каждый из нас был ребенком. Оглядывается человек на свою жизнь и вспоминает себя в разное время, иногда у него сохраняются снимки, где он изображен в разные годы своей жизни, и видно по ним, как он изменялся: то был безусым юношей, то стал седым. Но если бы он вздумал спросить себя, да когда же это случилось, он не мог бы найти момента, когда в нем произошла эта перемена.

Жил каждый день, каждый день шла жизнь, и из маленького мальчика стал почти старик. Вот эта постепенность является основой нашей телесной жизни, нашего органического роста.

В области жизни духовной есть своя постепенность, есть свой рост. Но этот рост отличается от роста телесного. В то время как там жизнь идет к увяданию, к распаду, к смерти, здесь, в жизни духовной, человек возрастает, укрепляется, идет к расцвету, к жизни безконечной.

Надо жить так, чтобы всегда чувствовать земную жизнь началом жизни безконечной.

Если представить себе наше бытие как некое движение поезда, то жизнь земную можно уподобить туннелю: выйдет поезд на светлый простор, и начнется другое. Так и в нашей жизни: пройдет наш жизненный поезд эту земную оболочку и выйдет на простор светлого, безконечного бытия.

Будем всегда чувствовать земную жизнь началом пути безконечной жизни и будем эту маленькую частицу жизни нашей проводить терпеливо, спокойно ожидая светлого простора безконечной жизни.

В чем же выражается постепенность внутреннего роста, из чего она в нашей внутренней жизни слагается?

Она слагается из мелочей духовной повседневности, так же как слагается телесный наш рост из постепенного, незаметного увеличения и изменения нашего телесного состава. Не какие-либо особые события в нашей внутренней жизни, а вот эти мелочи повседневные так незаметно слагают наше внутреннее устроение. Если у вас будет постоянное чувствование, что наша земная жизнь есть начало безконечного жизненного пути, то все жизненные мелочи приобретут для вас совершенно иной смысл.

Когда в прежние времена язычник становился христианином, когда жизнь языческая менялась на жизнь христианскую и при этом язычник оставался в своем прежнем звании, его внешняя жизнь как будто бы не менялась, но тем не менее каждое движение жизни его становилось другим, потому что после принятия им христианства, после вступления на путь

духовной жизни все приобретало совершенно иной, новый смысл. Для него каждое событие жизни приобретало положительный или отрицательный смысл в зависимости от того, устраивало или разоряло оно его душу.

Ведь какое-нибудь пустяшное событие, выведшее вас из душевного равновесия, может занять целый день вашего внутреннего внимания, если вы будете стремиться, чтобы оно не разоряло вашего душевного устроения. Но если это будет просто событием, никакой внутренней задачи перед вами не ставящим, то оно промелькнет, не оставив никакого следа в вашей душе.

И так вся жизнь наполняется внутренним содержанием для того, кто переживает ее как начало пути вечной жизни, кто переживает каждое событие жизни, связывая его с вопросом своего спасения, с внутренним своим устроением...

Вы хотите счастья на земле; люди все говорят и все думают о том, как бы им сделаться счастливыми. Но счастье есть не что иное, как загробное блаженство, обещанное нам Господом, но переживаемое нами в условиях земной жизни. Вот что такое счастье.

Значит, надо искать того внутреннего устроения, которое приводит человеческую душу к обетованному, вожделенному состоянию блаженства. Вот это состояние, дающее надежду на блаженное существование за гробом, оно одно, пока человек живет здесь, на земле, достойно называться счастьем. Все остальное есть призрак, блуждающий огонь, за которым можно бежать, но который никогда нельзя догнать и в погоне за которым гибнут люди. Ибо в этом своем стремлении к недостижимому призраку счастья люди почти всегда падают в пропасть. Для того чтобы достигнуть этого вожделенного состояния духа, для того чтобы постоянно видеть перед собой вечную цель жизни, для того чтобы все в земной жизни связывать с внутренним духовным своим устроением, для того чтобы так понимать свою земную задачу жизни, для всего этого надо спокойно, терпеливо, доверчиво, уповательно, смиренно трудиться над своим внутренним устроением, чтобы оно, орошаемое Благодатью Божией, так же росло, как

идет органический рост человеческого тела. Только тогда душа человеческая будет развиваться и крепнуть, «восходя от силы в силу».

Вот почему так боялся духовный отец Анатолий всякой торопливости. И когда он видел перед собой мальчика, который в своем торопливом отношении к жизни думал, что подошел к какому-то неразрешимому внутреннему тупику, ему хотелось не доказывать, не объяснять, а вот этой любовью своей покрыв, защитить и, как отец сыну, ласково с любовью сказать только: «Не торопись».

Немощно мое слово, но в память приснопамятного отца моего духовного иеросхимонаха Анатолия через тридцать лет и я повторяю его вам, моим духовным детям: «Не торопитесь».

Аминь.



АРХИМАНДРИТ КИРИК

Архимандрит Кирик — сподвижник, сомолитвенник и сосвидетель подвигов преподобного Силуана и многих других неизвестных миру подвижников. Он один из тех великих старцев, которые подвизались на Святой Горе во все времена.

Еще молодым принял решение посвятить себя Господу и ушел в Пантелеймонов монастырь на Афоне. По прошествии времени его направили на Афонское подворье в Москву, где отец Кирик участвовал в издании книг святителя Феофана Затворника.

Затем отец Кирик был настоятелем Афонского подворья в Одессе. Под его духовным руководством находились люди разных сословий — от градоначальника до торговок. Вернувшись на Афон, он боролся с ересью Булат-Булатовича, который утверждал, что Божество присуще самому имени Иисуса Христа. По этому делу отца Кирика направили с докладом в Святейший синод в Петербург.

После революции отец Кирик оставался в своем монастыре, где был духовником братии. В 30-х годах по совету митрополита Антония (Храповицкого) его вызвал в Югославию сербский Патриарх Варнава.

Отец Кирик, опытный делатель сердечной молитвы, был прост в обхождении, доступен для своих духовных чад, независимо от их сословной принадлежности. Он назидал их прежде всего собственным примером.

Беседа о покаянии и молитве

О ПОКАЯНИИ

Бог наш, во Святой Троице славимый, сотворил человека единственно по благости Своей. И не для того, чтобы человек, живя на земле, только спасался, но главным образом для того, чтобы человек хвалил, прославлял, славословил и благодарил Создателя своего и в то же время заботился о своем

спасении и исповедовал Бога, то есть признавал Его Творцом и Благодетелем своим. Говорит Господь: «Итак, всякого, кто исповедает Меня пред людьми, того исповедаю и Я пред Отцем Моим Небесным». От забвения Бога происходит гордость.

Итак, сотворив человека, Бог ввел его в рай сладости, даровал ему помощницу, Еву, чтобы они радовались и блаженствовали столько, сколько вместить могли, возрастали и множились и совершенствовались для неба, живя на земле райской.

Но сатана, ниспадший с неба, бывший первый ангел, позавидовал людям: *...ибо завистью*, — говорит апостол, — *грех вошел в мир*. Сатана позавидовал тому, что люди займут его бывшее на небе место; для этого он вошел во змия, который сидел на том дереве, плоды коего Бог запретил первым людям вкушать как пищу, и змий оный заговорил с Евой (до падения Адам и Ева понимали язык всех живых тварей). Отклоняя заповедь Божию, он уверял Еву, что они сами будут (после вкушения), как боги, и тем самым клеветал на Бога, обманул Еву, и они с Адамом пожелали быть богами и вкусили запрещенного плода, и тем самым нарушили заповедь Божию, ниспали с той высоты и блаженства, коими доселе обладали. Время вкушения плода был полдень, и в полдень же Господь Бог был распят на Кресте за грех Адама и его потомков.

Всеведущий Господь, зная падение Адамово, однако, вопросил его: «Адам, где ты?» И тем самым призывал его к покаянию.

Адам — где ты? — то есть, быв на такой высоте блаженства, куда теперь ниспал?!. и чего лишился!..

Но Адам не покаялся, выставляя причину к извинению, также не покаялась и Ева. Так как они имели свободную волю и разум, не имея необходимости нарушать заповедь Божию, то этими же свойствами души могли обнаруживать свою волю: кого они больше любят — Создателя ли своего Бога, или сатану, или самих себя (так как по свободе произволения дана нам власть на то и на другое). И Адам обма-

нулся, пожелав быть богом, в чем уверял его сатана, который пошел наперекор Богу, благостно повелевшему Адаму (и его потомкам) радоваться и блаженствовать вечно. И благохитростный же Бог, как Творец всех тварей, перехитрил сатану, даровав впоследствии Адаму и его потомкам еще большее блаженство будущее. И для этого Господь Бог преклонил небеса, сошел на землю, облекши Себя человеческой плотью, ею же пострадал и умер на Кресте за грех Адама и его потомков, от коих и мы с вами. Предвечное Слово стало плотью, восприяв, кроме греха, всю полноту человеческой природы в ипостасное единение со Своим Божеством; воплотившееся Слово стало причастно той мировой скорби, которая лежала тяжелым гнетом на преступной совести греховного человечества.

Всё, кроме греха, присущее человечеству, стало уделом Богочеловека. Когда все силы мрака обрушились на душу Его, ничтожество людей выступило во всей потрясающей силе во время крестных страданий Божественного Искупителя, Который и возопил к Отцу Своему Небесному от лица всего человечества: «Для чего Ты Меня оставил?» Отсюда уразумей, всякая душа христианская, как тяжел грех преступления заповеди Божией, и следовательно, как важно нам и любезно Богу покаяние! Итак, только покаяние отверзает затворенные двери райские. Но так как Адам не покаялся, когда Бог призывал его к покаянию словами: «Адам, где ты?», то Господь Бог прервал тогда беседу с Адамом о покаянии и начал оную продолжать с потомками Адама после Своего Крещения на Иордане, призывая всех к покаянию словами: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!» Царство Небесное приближается, или даруется, только тому, кто кается Богу — Создателю своему.

Итак, если человек создан по образу и подобию Божию, то, следовательно, к Нему Одному человек должен стремиться. В основании этого стремления к Богу должно быть смирение пред Богом, неограниченная преданность Ему, как Творцу и Вседержителю, и безпредельная любовь к Нему, как к безконечному Благу. Без этих качеств стремление к Богу

есть гордость, величайший грех, потому что в таком случае оно является восхищением Божественного без воли Божией и самовластное, а потому и преступное уподобление Богу, к чему и устремился было Адам. За эту-то гордость и пострадало человечество в лице своего прародителя, так как именно в этой гордости и состоял грех преступления Адама!

После падения первых людей человек не совсем удалился от Бога и не переставал стремиться к Нему, так как это стремление к Существу Безконечному вложено в человеческую природу.

Теперь, после грехопадения, это стремление должно было увеличиться, усилиться сознанием тяжкой греховности. Это сознание греха есть выражение смирения, не имея которого Адам обольстился диаволом; это сознание греха и отдаленности от Бога и есть покаяние! Через покаяние дается вера: Господь открывается только тому, кто сознает свою греховность. Итак, прежде всего мы должны воспитывать в себе смирение; через смирение мы обратимся к покаянию. Смирение дарует человеку все блага Духа Святого, и главным образом дух покаяния! На что и Господь Бог призывает нас: «Покайтесь, ибо приблизилось Царство Небесное!» Каяться должны все без изъятия, и великие грешники, и с малыми грехами люди Божии, кои думают, что нет нужды им каяться в маленьких повседневных грехах, как то: в словах, мыслях, желаниях и намерениях греховных и тому подобных мелочах.

Однако и святые апостолы понуждают нас к покаянию (сии благовестники были непогрешимые органы Духа Святого, по выражению святителя Иоанна Златоуста); так святой Иоанн Богослов сказал: «Если говорим (в уме своем), что не имеем греха, обманываем самих себя», так как в самом помышлении, что нет у тебя греха, уже грех есть. Святой же апостол Иаков сказал: «Много согрешаем все», а святой апостол Павел сказал: «Из которых я первый!» Итак, если такие светильники вселенские так каются, то как каждый из нас дерзнет сказать, что у него нет грехов, за которые бы надо ему каяться пред Богом?! Такое самомнение есть погибель душевная. Таких самомнимых «праведников»

и Господь на Страшном суде Своем отринет, говоря: *Отойдите от Меня, Я вас не знаю*; они же возразят: *Мы же Твоим именем бесов изгоняли и другие чрезвычайные дела творили...* Говоря так, они, живя на земле, думали, что они святы (не имея видимых грехов), и в глазах других они казались таковыми; однако таких самоценов Господь отринет от Себя навеки!

Вот как опасно думать, что нет у нас грехов и, следовательно, нет нужды каяться. С другой стороны, если так строго будем судимы и за малые грехи, то что сказать о великих, в коих закосневают люди даже до самой смерти?! Сохрани нас Господь от такового безчувствия!

А чтобы не дойти до такого состояния, необходимо следить за своим умом, и сердцем, и мыслями и разбивать их тотчас (при появлении), когда они еще младенцы и не выросли большими, то есть не обратились в пороки и в природу. Разбивать же их, как только они родились или проявились в совести, о камень, то есть именем Иисуса Христа; тогда блажен будешь. Этим путем не допустишь сих зародышей греха, тогда не будет у тебя и больших грехов.

А так как мы без помощи Божией или без благодати Святого Духа не можем сделать доброе и спасительное, даже и помыслить без помощи Создателя нашего не можем, то по необходимости должны просить помощи у Него — на всякое время, при всех наших делах и начинаниях; однако и в таком случае человек по необходимости немощного естества своего будет падать, будучи преследуем врагами нашего спасения. Тогда надо восстать и исправиться. А как? Через покаяние пред Богом. Например, как только заметишь в себе, при свете совести, грехи слова, либо ума, либо мысли, либо какой другой страсти греховной, борющей тебя во всяком времени и месте, сию же минуту кайся Богу, говоря Ему: «Господи, прости и помоги!»

Эти три слова надо произносить либо гласно, либо шепотом, либо мысленно (смотря по обстановке данного момента). Произнести же эту молитву надо несколько раз или, вернее, пока вздохнешь: вздох этот означает благодать Святого

Духа, простившего нам грех, за который мы в данный момент каемся. Тогда всякое бесовское действо от нас отпадет, а если снова через некоторое время придет, тогда снова же сотворить молитву оную: этим только образом человек достигает чистоты сердца и мира душевного.

Говорит Господь: *Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят*; и еще: ...в мире место Его, то есть в мирной душе жилище Его. Но чтобы иметь такой благой навык к покаянию перед Богом, надо начать это упражнение при отхождении ко сну, то есть прежде, нежели возлечь на кроватку свою, надо подумать о том — как проведен день этот. Сокруши и смири чувства свои: поистине день этот проведен в полном забвении о Боге, и во всяком же случае скажи себе: «Не забудь меня, Господи, Тебя забывающего!» И вздохни о недостаточности веры и любви своей к Богу. Припомни же, как проведен день и чем прогневал Бога и оскорбил ближнего... и тогда покайся Богу за весь день, произнося вышереченные слова, то есть: «Господи, прости и помоги!» Этими словами человек признает свою немощь и просит у Бога благодатной помощи, без коей человек — ничто. К этому же есть церковная песнь: «Если Господь не созиждет дома (нашего душевного), напрасно трудятся строящие его»! Итак, когда усвоишь навык каяться Богу перед отходом ко сну, тогда этот навык или привычка перейдет и на середину дня и затем на утро, а потом и на самый момент греха, то есть на месте преступления будешь ловить себя и каяться Богу. Такое покаяние перед Богом поведет к совершенству или к святости без особых подвигов, как сказали святые отцы; Бог не требует от нас чрезвычайных подвигов, но малых только и постоянных, сказал святой Иоанн Златоуст.

ОБ ИСПОВЕДИ

Это мы сказали о покаянии пред Богом. Теперь скажем об исповеди пред духовником. Пред ним надо исповедоваться искренно, со смирением, без утаивания грехов, без извинения, но с самоосуждением, с намерением исправить свою жизнь при помощи Благодати Божией и удаляться от причин ко греху.

Причем надо крепко верить в крестные подвиги Господа нашего Иисуса Христа пред Отцом Своим Небесным, и что и наши грехи Он разодрал на Кресте и даровал нам великую милость, нами не заслуженную. И не только надо верить, что исповеданные достодолжно наши грехи прощены в момент чтения разрешительной молитвы духовником над кающимся, но при этом надо верить и тому, что в этот же момент вселяется в нашу душу благодать Святого Духа, укрепляющая нас в борьбе со страстями. А потому никакая страсть греховная не может усиливаться, но будет умаляться и совершенно исчезнет при надлежащей исповеди и вере кающегося, который должен быть вполне согласен с духовником и исполнять смиренно епитимью, от него данную.

А пред тем, как идти к духовнику, надо сказать себе пред Богом: «Господи, помоги мне чистосердечно покаяться», — имея в виду, что без благодати Святого Духа мы и покаяться как должно не можем. Затем надо вспомнить, как проведено время от последней исповеди до настоящего времени. А также припомнить: нет ли таких грехов, кои не были сказаны на прежней исповеди либо по забвению, либо по стыдливости; и те надо теперь же сказать духовнику. Вообще же исповедовать грехи надо те, кои сделаны от последней исповеди, а те грехи, которые были совершены и исповеданы на прежней исповеди духовнику и не повторялись, то их и не надо говорить снова духовнику, так как они уже прощены Богом и не упомянутся Им и на Страшном суде. Такова сила Таинства исповеди!

Однако одно из условий получения от Бога прощения грехов есть то, что и мы сами должны простить ближнему обиды, сделанные против нас; ибо говорит Господь: *Если не прощаете ближнему согрешений их, не простит и вам Отец Мой Небесный*. А святой апостол Иоанн сказал: *Ненавидящий брата своего есть человекоубийца*, подобный сатане. За одно только всегдашнее покаянное чувство можно спастись, так как память о покаянии не даст воли согрешить. Но бывают случаи, когда враждующие и простят друг друга лично, однако чувства злопамятности не могут оставить и забыть. Говорит

один из таковых: «Я ему все прощаю, но не желаю с ним встречаться и видеть его». Это есть вид злопамятности, и когда становится этот на молитву, невольно вспоминает и воображает пред собой обидчика своего. Такому человеку и молитва во грех, не приемлется Богом, но даже гнев Божий нисходит на таковое творящих, и предается злопамятный в руки сатаны. Злопамятность происходит от того, что мы простили обидчику нашему не от сердца. Ибо говорит Господь: *Прощайте друг другу от сердец ваших...*

Что же значит — от сердца? Это значит то, что мы не только простили обидчику и не противились ему, но и не вспоминаем в уме своем о бывшей обиде и не говорим о ней никому. Это и значит — простить от сердца. А что делать, когда невольно вспоминается обида и после прощения? Как исторгнуть из сердца память о той обиде, которая совершенно не выходит из головы? Так как мы без помощи Божией достодолжно и примириться не можем, а без мира душевного погибнет душа наша, мы должны по необходимости просить у Бога благодатной помощи для восстановления мира душевного; а чтобы достигнуть этого, непременно надо помолиться за обидчика Богу мира следующими словами: «Господи, спаси и помилуй раба Твоего *(имярек)* и его святыми молитвами меня помилуй!» После такой молитвы обидчик сам придет к тебе первым и будет просить у тебя прощения, и тогда благодатью Святого Духа восстановится взаимный мир душевный, ему же святые Ангелы-хранители наши радуются, а бесы завидуют и плачут.

Святой Ефрем Сирин говорит: «Если кто умирает во вражде, то такового человека душу бесы трезубцами вынимают из тела и влекут прямо в ад!..» Случай такого рода был в Киево-Печерской лавре. Там поспорили между собой иеромонах Тит и иеродиакон Евагрий, который не хотел примириться. Так, когда один кадил братию, в церкви стоящую, то другой уходил с того места, где надлежало проходить с кадилом; так продолжалось довольно много времени. Наконец иеромонах Тит заболел и приблизился к смерти. Он просил братию привести к нему иеродиакона Евагрия, чтобы с ним проститься

перед смертью, но Евагрий отвечал, что не желает видеть иеромонаха Тита не только в этой жизни, но и в будущей. Тогда братия силой привели Евагрия к умирающему иеромонаху Титу. Но и тут Евагрий повторил те же слова, что и прежде, не желая простить нанесенную ему отцом Титом обиду. И как только Евагрий повторил прежние слова в присутствии умирающего и братии, в ту же минуту явился Архангел Михаил и копьем заколол иеромонаха Евагрия, который тут же упал и моментально скончался, а умирающий иеромонах Тит в ту же минуту встал с одра своего совершенно здоровым и видел, как Архангел пронзил копьем грудь Евагрию, у которого бесы душу вынули из тела трезубцами и повлекли на дно адово! Вот как опасно нерассуждение: одна минута неразумения может погубить навеки и временную, и вечную жизнь! Кто считает себя грешным, у того язык не поворотится осудить другого.

Держась самоправедности, забыл это святоотеческое изречение несчастный Евагрий; а нам да послужит повесть эта нравоучительным уроком по слову Священного Писания: «Все испытывайте, доброго держитесь», живите со всяким опасением, чтобы Бога не прогневать и себя не погубить.

Есть такие люди Божии, кои на исповеди не знают, что сказать или говорят: «Грешен, как и все» или: «Грешен во всех грехах» — это клевета на себя, что тоже великий грех.

А иногда исповедающийся говорит на исповеди те грехи, и даже большие, которых он не делал, причем думает, что это он говорит так к большему смирению. Однако же это клевета на себя, что тоже великий грех, ибо духовник, принимая его, должен утруждать милосердие Божие о прощении «кающегося», тогда как без нужды чудес от Бога нельзя просить. Таким людям надо перед исповедью подумать о себе, вспомнить, как проведено время от последней исповеди. И прежде всего кающийся должен просить у Бога благодатной помощи себе, говоря: «Господи, помоги мне чистосердечно покаяться!» Потом идти к духовнику на исповедь и говорить ему со смирением, что сотворил, и говорить духовнику не как человеку, но как самому Богу, незримо здесь сущему и смотрящему,

с каким расположением к Нему человек исповедует грехи свои. Расположение же это должно быть таково: сокрушаться духом и сердцем, жалеть прежде всего о том, что Господа Создателя своего прогневал и ближнему и себе повредил, причем иметь твердое намерение, при помощи Божией, не повторять прежних грехов и новых избегать, устраняя от себя причины ко греху. Когда их нет — не будет и греха, так как грехи суть последствия причин, на что и надо обратить все внимание всякому человеку, хотящему благоугодить Господу Создателю своему.

Есть и такие люди Божии, кои и плачут на исповеди, но не о том, что Бога прогневали, а от стыда и самолюбия: как это с ними случился такой грех, то есть какими они будут казаться в глазах других.

Также есть и такие человеки, кои, не желая отстать от той или иной страсти или привычки, взамен этого делают добрые дела при мысли, будто бы за это самое Бог им простит грехи их, от коих не намерены отстать. Но и они обманываются, бедные! Кто так поступает, тот умирает внезапно без покаяния и погибает навеки как нераскаянный грешник. Ибо говорит Господь: «Если не покаетесь, все так же погибнете». Бог хочет всем спастись и всех готов простить, но только кающихся.

Даже и бесов простить готов Бог, если бы они покаялись. Это подтверждается тем, что однажды к преподобному Антонию Великому явился бес в виде человека, который подошел к окну кельи преподобного и горько плакал, называл себя окаянным, великим грешником и просил святого Антония помолиться за него Богу о прощении грехов его. Преподобный сжалился над ним и сказал плачущему: «Хорошо, я помолюсь о тебе Богу, а через три дня приди ко мне, и я скажу тебе то, что мне Бог возвестит о тебе». Во время молитвы Господь сказал святому Антонию: «Антоний! А ты знаешь, за кого молишься? Ведь это не человек, а бес». Святой Антоний тогда с горечью сказал: «Господи! Почему же Ты не сказал мне прежде?» Господь же ответил: «Для того прежде не сказал этого, чтобы ведомо было, что Я готов и бесов простить, если они покаются», причем присовокупил: «Когда придет к тебе

тот мнимый человек, как человеку скажи: «Бог готов простить тебя при условии, чтобы ты стал лицом на восток и стоял три года на одном месте, взывая: «Господи! Прости меня, злобу древнюю!» Услышав от святого Антония это условие, мнимый человек ответил преподобному: «Я это и без тебя знаю, но мы теперь не можем покаяться!» И громко захохотал и мгновенно исчез от лица святого Антония.

Нам надо всегда носить в себе чувство недостаточности пред Богом за немощь естества нашего, то есть сравнивая то, что Бог обетовал нам в будущей жизни блаженной, и то, как мы мало об этом думаем или совсем забываем, по немощи своей; а потому с сокрушенным духом и сердцем смиренным мы должны живо сознавать величие Божества и свое ничтожество. Это чувство и есть чувство смирения, а противное — чувство самодовольства, чувство гордости; а гордые Царство Небесное не наследуют, но получат его лишь кающиеся — смиренные. Чувство смирения заменяет подвиги, а гордые и при подвигах погибнут. Итак — без покаяния нет никому спасения!!!

Говорит Господь: «Если не покаетесь, все так же погибнете!..» Господи, сохрани нас от таковой погибели молитвами Пречистой Твоей Матери, но спаси нас, имиже веси судьбами, направляя на путь покаяния.

О МОЛИТВЕ

Итак, кончая речь о покаянии, перейдем к предмету о молитве. Но так как с молитвой неразрывно связано крестное знамение, то о нем и нужно сказать следующее: креститься и кланяться — два раздельных акта. Класть надо на себя крестное знамение с верой и любовью к распятому за нас Господу, при живом сознании значения Креста, то есть Кто умер на Кресте и за кого. Креститься надо истово, прежде сделать на себе крестное знамение, потом уже кланяться, тогда, когда правая рука отпадает от левого плеча, а не одновременно с крестом кланяться и не спиной одной, но и главой, и даже

мыслью или духом своим, либо при поясных, либо земных поклонах. Бог не нуждается в нашем телесном поклонении, но главным образом в живой вере, в чувстве и в духе, или мыслях. «Бог есть Дух и кланяющиеся Ему должны кланяться духом и истиною», — сказал Господь. Истина есть то понимание, что мы кланяемся сущей Истине — Богу, а духом кланяться — то же, что мыслью и живым сознанием. Но поскольку смиряется тело, постольку смиряется и душа, сущая в теле, этого ради мы кланяемся и телом.

Теперь скажем и о самой молитве. Молитва нужна или необходима для того, главным образом, чтобы человек знал свою зависимость от Бога. Церковная молитва выше домашней. Однако первая не исключает второй (домашней). Дома положенные сто земных поклонов не могут сравниться с одним словом церковным: «Господи, помилуй!» А чтобы не рассеивался ум, стоя в храме молитвы, надо мысленно повторять в себе то, что поют или читают, а не одними ушами слушать и услаждаться тем, как поют, но уразумевать, что поют. А если не слышно чтение, про себя читай краткую молитву: «Господи, помилуй!» А поэтому, зная важность церковной молитвы, всякая душа христианская (православная), если она не может быть во святом храме во время совершения богослужения, и особенно святой литургии, должна в час совершения ее стать на краткую молитву при живом сознании того, что в данное время совершается во святом храме пред лицом там сущих верных чад Божиих, от коих еси и ты; и, воздохнув к Богу, благодарить Его за спасение всего рода человеческого, и в частности тебя, не достойного великой и богатой Его милости.

После же молитвы не эту же минуту обращаться к обычной работе или занятиям, но хотя на несколько минут попитаться тем чувством и сознанием, коими перед этим занята была душа, восхищенная умом и сердечным чувством к Создателю своему. Так как этот молитвенный прием и составляет плоды молитвы, а без этого враг нашего спасения выкрадывает из нашего сердца семя молитвы и мы тогда без плода бываем, то это будет подобно той сказанной Спасителем

притче о сеятеле пшеницы, зерна коей падали при дороге, и так как они не были спрятаны в глубину сердца (нашего) с великим усердием, но будучи на поверхности безпечности и многозаботливости до забвения Бога, Сеятеля слова спасения нашего, то враг наш диавол орудием птиц, в нас сущих, похитил семена Святого Сеятеля, и мы останемся без плода спасения. Как просто и незаметно для нас самих нашим же оружием диавол побеждает нас! Сохрани, Господи, от такого безчувствия и невнимания к собственному спасению нас, грешных рабов Твоих!

Перед молитвой надо настроить себя на благоговение, то есть подумать — кто мы и Кто Тот, с Кем мы хотим беседовать? Мы — земля и пепел. А Он Творец неба и земли, пред Которым трепещут Херувимы и Серафимы... Такое сравнение вызовет чувство сокрушения духа; тогда воззови ко Господу: «Увы мне, грешному!» А потом скажи себе: «Господи, благослови меня принести Тебе молитвы, и моления Твоему благоутробию о моем ничтожестве». Затем произноси слова молитвы, каждое слово раздельно, как бы по складам, произнося слова так, как бы слушая самого себя, причем произноси слова молитвы жалобным тоном — по подобию того, как нищие просят милостыню... И не думай, что мы как бы одолжаем Бога молитвой своей, но сознавай, что это — наша обязанность как твари Творцу. Кто не молится с сокрушенным сердцем, тот бывает и уничижаем от Бога, но сердца сокрушенного и смиренного Бог не уничижит, то есть не оставит без благодатной помощи. Однако по немощи существа нашего неизбежно бывают искушения от бесов, в мысли наши наносимые, а также рассеяние ума до забвения того, что говоришь, так как мысль уходит из головы туда, где был, что видел, что слышал и тому подобное. Но чтобы исправить такую немощь, надо вернуться назад, к тому месту молитвы, откуда замечена рассеянность ума, и снова читать то, что без внимания прочтено, причем необходимо покаяться, говоря: «Господи, прости и помоги!», так как без помощи благодатной со стороны Святого Духа мы ничего не можем доброго сделать и даже помыслить и исправить себя. «Если не Господь созиждет дом

(наш душевный), напрасно трудимся», — говорит церковная песнь.

Есть такие люди, которые, когда замечают, что ум рассеивается при молитве, стараются удержать его и мысли свои тем, что останавливаются вниманием на каком-либо священном предмете, например на святой иконе, или воображают отверстое небо и там сущих Спасителя или Матерь Божию, или Ангелов. Такого рода молитва с воображением кого-либо — неправильная, так как бесы, как безплотные существа, удобно подходят к нашей душе и духу, принимая облики наших мыслей и воображений, и действуют ими по своему злому произволу к погибели нашей души.

При молитве неуместно Бога воображать по человеческому естеству, то есть каким Он жил на земле и страдал и умер на Кресте, ибо (теперь) Тело Его, преображенное Божеством, недоступно для разума и понимания — не только человеческого, но и ангельского, следовательно, и нашего воображения. При молитве всем надо иметь живое убеждение, что мы молимся Богу вездесущему, Который пред нами и в нас самих, и знает Он поэтому прежде прошения нашего, что нам надо и чего мы в данный момент хотим и просим. Но при чтении Священного Писания — о Его жизни, страдании и смерти за нас, грешных, на Кресте, можно и должно воображать Его по человечеству и сочувствовать Его страданиям нашего ради спасения; в таком случае воображение Его во плоти человеческой полезно и спасительно. При молитве не следует думать, что мы Бога одолжаем, что Он за молитву нашу наградит нас, но должны сознавать, что молиться Ему — наша обязанность как твари Его...

Ибо говорит Господь: «Когда сотворите все веленное вам, тогда говорите: „Что должны сотворить — сотворили, как рабы недостойные“».

При молитве должно быть неослабное внимание о том, кто ты и с Кем беседуешь! Ибо есть слово Священного Писания: «Внемли себе». Внимание так должно быть связуемо и неразлучно с молитвой, как связуемо и неразлучно тело с душой. Внимание должно идти вперед и сторожить врагов мыслен-

ных, во удесех наших действующих, а позади внимания пусть следует молитва, которая истребляет тотчас все те злые помыслы, с которыми пред этим вело брань внимание. На этой брани с помыслами внимания и молитвы висит жизнь и смерть души. Если внимание хранит молитву чистой, то преуспевает душа, а если не внимаем, но оставляем неохраняемой и она оскверняется злыми помыслами, то она бывает непотребной и безуспешной.

Кто, стоя на молитве и воздевая руки на небо, и очи свои, и ум свой, держит в уме Божественные помышления, воображает блага небесные, чины Ангелов и обители святых и рассуждает о том, тот во время молитвы, смотря на небо, подвигает тем душу свою к вожделению и любви Божией, а иной раз даже и плачет. Впрочем, тут есть большая опасность.

При этом образе молитвы, если кто на нем останавливается, тогда мало-помалу молящийся так начинает кичиться в сердце своем, сам того не понимая: ему кажется, что делаемое им есть от Благодати Божией во утешение ему. А это есть знак бесовской прелести. Такой человек находится в крайней опасности, и он исступит из ума. На этом пути стоя, прельщаются те, которые видят свет телесными очами, обоняют благовония, слышат голоса своими ушами и тому подобное. Некоторые из таковых беснуются и в безумии ходят с места на место. А другие, подобные, прельстились, приняв диавола, преобразившегося и явившегося им в виде ангела светлого; и еще иные из таких сами себя лишили жизни разными способами и видами, о чем страшно и говорить; и кто может пересказать разные прелести и козни бесовские! Из сказанного видно, что всякий разумный человек может понять, какой вред происходит от описанного образа молитвы.

Есть еще образ молитвы такой, когда кто сводит ум свой внутрь себя, отвлекая его от всего чувственного, хранит чувства свои, собирает все помыслы свои, чтобы они не скитались по суетным вещам мира этого, но вникает в слова читаемой молитвы. Отличительная черта этой молитвы та, что она происходит только в голове: мысли с мыслями борются. Такой человек подобен тому, кто ведет брань с врагами своими

ночью в темноте и не может ясно видеть их, потому что сам пребывает в голове, а помышления злые исходят из сердца. Он не видит врагов этих, так как не внимает сердцу. Такой человек в гордости своей презирает других и осуждает их, а себя хвалит, мечтая при этом, что достоин быть руководителем других.

Есть еще иной образ внимания и молитвы, который дивен и неудобообъясним для тех, кои не знают его опытно. Сей высшей молитвы достигают только те, кто имеет руководителя опытного, кому и должен подчиниться желающий высшей молитвы, как железо кузнецу, ибо за такую преданность и смирение все козни диавольские исчезнут как дым. Такого ученика осеняет Святой Дух, Коим всякая душа (смиренного) живится и чистотой возвышается, светлеется Троическим Единством священнотайне. Вообще, кто не внимает себе и не хранит ума своего, тот не может сделаться чист сердцем, чтобы сподобиться узреть Бога, и не может быть нищим духом. Думаешь быть услышан Богом, а сам себя не чувствуешь и не слышишь: познай себя — познаешь тогда и Бога.

Итак, чтобы подняться от земли и взойти на небо, надо прежде молиться Богу о самой молитве, то есть чтобы Он научил, как Ему молиться. И блажен тот, кто молится Богу в чувстве сердца, это и есть высший знак молитвы. Но чтобы достигнуть такой молитвы, прежде надо молиться об умалении страстей, то есть суетных мыслей и чувств, обуревающих нас, потом упражняться в молитве устной, или гласной, потом шепотом, а затем умом или мыслями; но умом молиться не прежде, пока Дух Святой приготовит Себе место в сердце твоем. Требуется строгая последовательность в молитвенном труде, а иначе собьешься с пути истинной молитвы и останешься вне спасительного ковчега!

Есть такие люди Божии, которые, начитавшись подвижнических книг, сразу хотят подражать подвижникам, молитвенный труд коих описан в книгах; а поэтому читатели книги держат внимание на сердце чувственном, желая соединить ум с сердцем, что составляет высший подвиг молитвенный. Однако браться за такой подвиг никому нельзя без опытного

руководителя, так как прежде всего само чувственное сердце заболит до острой колики в нем, и вся грудь разболится, и тогда по необходимости оставишь всякую молитву, и даже по книге производимую, а о умносердечной и говорить нечего... Иные при молитве устремляют мысль свою в высь небесную и воображают Божественные вещи и предметы, не подозревая того, что бесы имеют обычай вселяться в наши воображения и прельщают так молящихся; сначала такие молитвенники приходят к самообольщению, затем к прелести бесовской, а потом к сумасшествию и к совершенной погибели души. Есть поэтому: самопрельщение и прелесть бесовская прежде ума, а потом — сердца. Первые два вида прелести можно исправить при помощи опытного духовного отца, при условии, если прельстившийся будет в совершенном подчинении ему и исполнении во всех мелочах. А в третьем случае, то есть в прелести сердца, никто даже из святых людей не может исправить прельстившегося, кроме Единого Бога. Обычно такие несчастные безвозвратно погибают навеки!.. Эта последняя прелесть обнаруживается хулой на Бога, а первые два явления, то есть виды прелести, обнаруживаются самодовольством, тщеславием и духовной гордостью, то есть тем, что такой человек убежден, что он добрые дела делает собственной силой и усердием тщательным — без помощи Божией, без благодати Святого Духа, что и составляет хулу на Него. Итак, Господь Бог не только не принимает молитв тех, кто с воображением ума своего молится Ему, но с гневом отвращается от таких молитвенников, и следственно — поскольку благодать Святого Духа отступает от нас, постольку и бесы приступают к душе нашей и даже спорят о ней между собой, как бы защищая от нападения подобного ему беса; в сущности же все они ищут погибели нашей. О, сколько козней у диавола! Но сокрушенных духом и смиренных сердцем Бог не уничижит, но услышит молитву их, помилует и спасет их. Так, пред молитвой необходимо сокрушаться о своем ничтожестве и о грехах своих. Это полезно и спасительно для души, вещи безсмертной. Однако кто будет чрезмерно сокрушаться о своем окаянстве и, следовательно, не уповать на милость Божию,

такового человека бесы, под благим предлогом для человека, могут повергнуть в крайнюю печаль и ненадежие на Бога — до самоубийства! Тогда, чтобы прогнать такое бесовское наваждение, надо сказать себе: «Для таких-то грешников, как я, Господь Бог и приходил с небес на землю и умер на Кресте за всех и, в частности, за меня...» Тогда в эту же минуту исчезнут все мысли и козни вражьи, гонимые силой крестной и богатством Благости Божией, данным нам во Святых Таинствах церковных. Итак, от неправильной молитвы и нехранения ума при молитве бывают горькие последствия, когда человек при молитве пользуется воображением в уме своем до возбуждения крови, либо ласкается чувством самодовольства, самомнением, либо услаждается слезами, думая, что они от Божией Благодати, которая в действительности отступила от него. Тогда бесы свободно приступают к душе нашей и играют ею, как дети мячиком, — по причине отступления Божией Благодати от такого молитвенника.

Молиться надо с сокрушением духа и смиренным сердцем при сознании своей немощи и безсилия. Слова молитвы надо произносить жалобным тоном, как нищие просят милостыни, причем словами молитвы не ищи дара молитвы или услаждения, а произноси слова молитвы для того, чтобы Сам Господь Бог прогнал от тебя ту страсть или греховную привычку, с которой ты борешься часто: или гнев, или злопамятство, или суетные мысли, или хульные помыслы, или плотские вожделения, или рассеяние ума, или ожесточение сердца, или леность, или сонливость, или неведение, или забвение, или еще какие-либо страсти греховные. А также надо произносить слова молитвы, чтобы Господь Бог простил грехи твои и спас душу твою, ими же веси судьбами. Конец всего в молитве — предание себя воле Божией. Кто предается воле Божией, того Бог как бы на руках Своих носит, а кто только просит у Бога в молитве своей полезное и спасительное, тому Он подает просимое, но на руках такого не носит.

Бывает и то, что усердные молитвенники в начале духовной жизни, а иные и до конца жизни, испытывают хульные помыслы, которые не дают молиться, так что этот молитвенник

совсем оставляет молитву и бесы доводят его до отчаяния. Но нужно знать, по какой причине Бог попускает быть у нас этому тяжкому состоянию души. Так как без попущения Божия бесы не могут к нам прикасаться, следовательно, есть причина с нашей стороны. Это бывает за отсутствие страха Божия. Тогда же отходит от нас и благодать Святого Духа, и поскольку она отходит за духовную гордость нашу, постольку и бесы приближаются к нам, радуясь нашей погибели, и влагают в ум наш свои помыслы с тем, чтобы мы думали, что эти злые помыслы наши собственные, коими мы по своей воле хулим Бога.

А как бороться с этими злыми помыслами? Главное — не надо думать, что это наши собственные помыслы, а от бесов, и смотреть на них, как на лай собак, говоря себе: «Эти помыслы от бесов, а потому я их не хочу и не желаю», и затем воззвать к Господу: «Господи, прости и помоги!» И сию же минуту они исчезнут, как дым, Богом гонимые, но не нашей молитвой, а за наше смирение.

Молиться надо с определенной целью, причем надо ожидать от Бога не того, чего мы желаем, а того, что Бог даст, ибо Он пречистыми Своими устами сказал: *Просите, и дано будет вам; ищите и найдете; стучите, и отворят вам*, причем уверяет, что Он даст лучшее, чем то, что просим у Него, подтверждая примером, говоря: «Есть ли между вами такой человек, который, когда сын его попросит у него хлеба, подал бы ему камень? И когда попросит рыбы, подал бы ему змею?» То есть вы просите якобы хлеба (на ваш взгляд), но это камень, или рыбу, но это змея, — о чем вы и не подозреваете, не зная будущего, так как вы лукавы, то есть изменчивы и недолговечны и недальновидны, а Я, говорит Господь, все знаю — и настоящее, и будущее. Молитесь же и не стужайтеся, то есть не мучьте себя собственными мыслями и ожиданием просимого вами; Я лучше вас знаю и больше вас люблю, чем вы своих детей, а потому Мне и доверьтесь, как дети Отцу и Создателю вашему.

Святой апостол Павел сказал: «Непрестанно молитесь, о всем благодарите Бога и все творите во славу Божию, ибо это благоугодно Богу».

Итак, непрестанно молиться — это не значит стать перед святыми иконами и целый день молиться, хотя и надо в определенное время молиться; но это не означает непрестанную молитву, которая свойственна посвятившим себя Богу, и наипаче иноческому чину. Прочим же всем людям Божиим — можно и должно за всяким делом, как говорит святой Иоанн Златоуст, молиться и, сидя за прялкой, ум возводить к Богу, и за всяким делом. Итак, имея в руках дело житейского обихода, без коего нельзя обойтись всякому человеку, можно и должно молиться: то есть переходить от видимого предмета (в данный момент в руках наших находящегося) на невидимое имя Божественное. Например: посмотришь на огонь — либо в плите, или примусе, или лампе, или где-либо — скажи себе мысленно однажды: «Господи, избави меня от вечного огня!» И тем самым смиришь свой помысл и незаметно вздохнешь и привлечешь к себе Благодать Святого Духа, Который в этот момент в душе нашей незаметно для нас самих спасение наше созидает. «Святым Духом всякая душа живится и чистотою возвышается», — поет Святая Церковь.

Затем, по подобию этого, переходить от видимых предметов на невидимое при всех случаях и занятиях, как то: моешь или чистишь какой предмет, скажи себе мысленно: «Господи, очисти скверну души моей!» Также начинаешь есть пищу или пить воду, или чай, или что другое по необходимости, — подумай о том, что Господь Бог желчь и уксус вкусил нашего ради спасения, а нам все блага предлагает. Ложась на одр свой или кроватку, скажи себе: «Господь Бог наш не имел где и главы преклонить, а мне всякое удобство даровал». Пробудившись во время сна, перекрестись, а когда встанешь с постели своей, скажи себе мысленно же: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» Начинаешь обуваться, говори: «Господи, благослови!» При надевании на себя одежды, свойственной и приличной тебе, скажи умом своим Богу: «Господи, просвети одеяние души моей!» А когда будешь причесывать волосы на голове своей — вспомни, как терзали Спасителя нашего Бога римские воины за Пречистые Его власы, когда влекли Его на распятие, — и скажи тогда: «Слава Страстям Твоим, Господи!»

Когда же начинаешь умываться, непременно перекрестись в отгнание вражеского наваждения через водное естество. Выходя из комнаты и когда приходишь в нее, прочти мысленно «Достойно есть, яко воистину». Берешься же за ручку двери, скажи себе мысленно: «Милосердия двери отверзи нам, Благословенная Богородица...» Отходя же ко сну, вспомни о вечности и скажи себе мысленно: что будет, если эта ночь для меня будет последней ночью? А потом настанет вечность, которая, по словам Иоанна Златоуста, страшнее самого ада! А святитель Димитрий, митрополит Ростовский, говорит: «Кто о муке не памятует, того мука не минует».

Святые же отцы преподобные утверждают, что память о смерти равносильна самой молитве или рождает молитву. Так, святой Антоний Великий первый из преподобных отцов, умирая, призвал к себе всех учеников своих и сказал им свое последнее слово, как бы завещание: «Дети, не забывайте об исходе из жизни временной в жизнь вечную». Говоря так, он находил, что нет добродетели могущественней этой в деле спасения души и благоугождения Богу. Недаром и Священное Писание говорит: *помни последняя твоя и вовеки не согрешишь.*

Итак, всегда и во всех своих делах и начинаниях приучи себя, при помощи Божией, переходить от видимых предметов на невидимое — Божественное, соединяющее нас с Божественным и спасительным именем Христовым, низводящим на нас благодатную помощь в деле спасения души во всех делах и начинаниях наших!

Так действуя, будешь творить все во славу Божию, по слову святого апостола Павла. И святой Василий Великий говорит, что такое именно движение души к Богу, то есть либо благодарное, либо прославляющее Его величие, либо самоуничижение и сокрушение сердца и тому подобное, есть уже молитва, на которую, так сказать, наталкивает нас всякий предмет, нами видимый и составляющий как бы причину к возбуждению на такого рода молитву. Но когда нападает на нас уныние и ожесточение сердца, не допускающее до молитвы, тогда, чтобы прогнать такое состояние, надо сказать в

себе: «Господи, нет у меня ни умиления, ни усердия, ни сокрушения, чтобы молиться Тебе достодолжно!» После такого сокрушения сердца милостью Божией явится богоугодная молитва, так как сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит — не оставит без помощи. При такой заботе нашей о славе Божией и при чувстве или сердечном сознании немощи естества нашего вселится в тебя благодать Духа Святого или спасительная Сила Божия, и ты будешь в числе тех, о коих святой апостол сказал: «Дети, болезную о вас, доколе вселится в вас Христос».

Царство Божие не открывается для того, в кого еще здесь, на земле, не вселился Христос. А где Христос, Который есть Свет незаходящий, там нет тьмы сатанинской, и поэтому не будет у тебя ни скуки, ни уныния, ни жестокости сердца, но будет у тебя на душе тихая радость о Духе Святом и благоговение Божественное и смирение сердца, а где смирение — там и спасение. Его же да сподобит всех нас Господь Бог наш Иисус Христос молитвами Пречистой Своей Матери и всех святых. Аминь.

БЕСЕДА О БЛАГОСЛОВЕНИИ БОЖИЕМ НА ВСЯКОЕ ДЕЛО

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа. Аминь.

Житие наше в небесах есть! Куда и вознесся Господь наш Иисус Христос и там ожидает нас к Себе. Откуда вознесся Господь, на то место пришли апостолы, там была и Пречистая Матерь Божия и много других. Перед ними внезапно явился Господь Иисус Христос, и, увидев Его, поклонились Ему, другие же усомнились (в Божестве Его) и не поклонились Ему. Господь Иисус Христос сказал апостолам: *Дана Мне всякая власть на небе и на земле: итак, идите, научите все народы, крестя их во имя Отца и Сына и Святого Духа, уча их соблюдать все, что Я повелел вам; и се, Я с вами во все дни до скончания века*. После этого стал возноситься перед глазами всех на небо, в то же время благословляя их до тех пор, пока скрылся (на высоте) из вида святых апостолов.

Итак, что же значит Его благословение для апостолов в

деле исполнения воли и заповедей, данных апостолам, а в лице их и нам всем? Это то значит, что без благословения Божиего всякое наше начинание в делах добрых и полезных есть гордость духовная, противление Богу как непризнание Его Божественных повелений или сомнение, подобное тем, кто усомнился и не поклонился при виде Его на горе Елеонской. Апостолы лично получили благословение от Господа, а мы должны испрашивать себе благословение у Него, по заповеди Его, через призывание имени Его словами или мысленно: «Господи, благослови, Господи, помоги!» Ибо Он сказал: *Я с вами до скончания века.* И еще: *Блаженны не видевшие, но уверовавшие*, — и это относится и к нам, людям последнего времени.

И как святые апостолы по благословению Господа благоуспешно пронесли проповедь Евангелия по всей вселенной, так и мы должны иметь заботу или попечение об исполнении заповедей, Господом через апостолов данных, для славы Божией и для спасения души, вещи безсмертной. Итак, по заповеди Его мы должны испрашивать у Него благословения, или, что то же, благодатную помощь от Святого Духа на все наши благие дела и начинания. Если же мы начинаем что-либо благое и полезное без испрашивания у Господа благодатной помощи, то хотя бы дела наши были и святы сами по себе, но конец их будет печальный и даже греховный, как об этом сказал святой Иоанн Златоуст. Причем кто не имеет благословения Божия на себе как уклонившийся от него и усомнившийся в Его Божестве, тот пойдет в муку вечную, ибо Господь скажет на Страшном суде: *Приидите, благословенные, наследуйте Царство Небесное.* А кто не будет иметь благословения от Него, тем скажет: *Идите от Меня в огонь вечный!*

И Священное Писание нам говорит: *Да возвратятся грешники во ад и все забывающие Бога*, не просившие у Него благодатной помощи. Отлучается от Бога тот, кто не пребывает в единении с Богом посредством молитвы, то есть призывания на помощь себе имени Божиего. Ибо и Сам Господь сказал: *Кто не со Мною, тот против Меня.* Вот как важно для нас держаться благословения Божия, а кто не хочет благословения, оно и

удаляется от него, как от гордого духом, а Бог гордым противится, а смиренным, нуждающимся в помощи Божией, дает Благодать или спасительную Силу Божию. А поэтому не начинай никакого дела, пока не призовешь ты Бога, чтобы Он помог тебе произвести оное в действо.

Ибо Сам Господь говорит: «Без Меня не можете делать ничего» — ни сказать, ни помыслить; поэтому при всяком малейшем движении и начинании в делах нужных и полезных необходимо испрашивать у Господа благословение либо словами, либо мысленно: «Господи, благослови, Господи, помоги», — и таким образом всегда будем пребывать с благословением Божиим — в Его памяти о нас, ибо Он через пророка Своего Иеремию сказал: *Понеже словеса мои в них, памятью воспомяну о них.* Памятью о Боге и с призыванием Его имени на всякое благое начинание, при живом сознании вездеприсутствия Божия, будем все делать во славу Божию, вознося ум и сердце к Господу, вознесшемуся от нас на небо, и с этим пониманием и чувством будем делать свои дела, не только большие, но и самые мелочи, не пренебрегая ими как малыми, но будем относиться к ним по совести и по закону Божию, так как нравственный наш характер слагается из мелочей, и по этому же характеру будем судимы на Страшном суде. Итак, без благословения Божиего всякое благое и полезное начинание есть Божию Промыслу противление с нашей стороны; тогда и Бог воспротивится нам и скажет в день оный: «Отойдите от Меня — вас не знаю»!

День Святой Троицы

ПОУЧЕНИЕ КО ВСЕМ, ЖЕЛАЮЩИМ СПАСЕНИЯ ДУШИ, ВЕЩИ БЕЗСМЕРТНОЙ

Священное Писание указывает нам на одну из первоначальных добродетелей, она именуется: **благоразумное молчание**. Если она полезна для всех вообще, то для монашествующих в особенности. А поэтому святые отцы сказали: «Всякую добродетель надо начинать от языка; если кто не удерживает язык свой, то у этого не ищи добродетели, ибо душа его

опустошена, весь дух благочестия испарился. Лучше упасть с высоты, нежели от языка...» Недаром же Святая Церковь заставляет нас ежедневно повторять в течение всего года, а в Великий пост даже поет сердце среди храма: «Положи, Господи, хранение устам моим, и дверь ограждения о устнах моих». Почему? Потому, во-первых, что ничем так часто и так много не согрешаем мы, как языком; потому, во-вторых, что крайняя умеренность и осторожность в словах есть не только высокая добродетель христианская, но и лучшее средство к мудрой и счастливой мирной жизни в обществе, а более в монастырской жизни.

«Кто не согрешает в слове, — говорит святой апостол Иаков, — тот человек совершенный, могущий обуздать и все тело». Язык — это огонь, как называет его тот же святой апостол, мгновенно возгорается и, прежде чем успеешь опомниться, опаляет кого-либо: либо укоризной, либо клеветой или осуждением и оскорблением. Язык — неудержимое зло: тем благословляем Бога Отца и тем же клянем человека. От тех же уст исходит благословение и клятва. Но Слово Божие гремит на таковых: *За всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день Суда. Небо и земля прейдут, а слова Мои не прейдут*, — говорит Господь.

Удерживай язык свой в то время, когда сильное огорчение взволновало тебя, и ты предотвратишь ссору, быть может, жестокую и опасную; угасишь вражду, быть может, долговременную и нескончаемую.

Привыкшему к празднословию придет ли охота молиться? Откуда придет к нему благое слово молитвы, когда язык его привык переливать одни пустые и праздные слова? Удерживай язык твой тогда, когда ни время, ни место не позволяет суесловия, например в храме Божием, и не обнаружишь, по крайней мере перед другими, своего крайнего легкомыслия и неразумия, предохранишь себя от тяжкого греха — оскорбления святыни и величия Божия, и не подашь пагубного соблазна душе брата или сестры.

Итак, есть ли человек, желающий видеть дни благие в жизни своей? Удержи язык твой от зла и уста твои от лести.

А прежде и более всего возводи ум твой к Богу и воздыхай к Нему сердцем своим: да оградит Он слух твой от пустых и душевредных бесед, да охранит душу твою от мечтаний и помышлений лукавых, да соблюдет сердце твое в страхе Божием, да даст тебе зреть свои согрешения и не осуждать брата или сестру твою, да удержит язык твой от всякого слова праздного, о нем же воздадут человеки слово в день Судный.

Положи, Господи, хранение устам моим и дверь ограждения о устнах моих!

Итак, при заботливости об этой добродетели, надо еще иметь благоговейный страх Божий, то есть иметь постоянное крайнее опасение, чтобы не оскорбить величия Божия, ни мысленно, ни словом и делом не прогневать Его Благость, присно с нами сущую, и не удалиться от благодати Святого Духа, в нас живущего. А если мы удалим от себя Духа Святого, то по необходимости впадем в руки врага нашего спасения, который влечет нас туда же, где и сам живет, то есть в ад преисподний.

Но да избавит всех нас Господь Бог от такого несчастья, о чем и должны мы к Нему прибегать за помощью в деле спасения, памятуя Его слова: «Без Меня не можете творить ничего доброго и спасительного». Аминь.

Из бесед с инокинями святой обители Хоповской и прочими духовными чадами

Боголюбивые матери и сестры святой обители этой! Благодать Святого Духа да почиет на вас.

В этот раз мы с вами побеседуем о монашеской жизни, не только о внутренней, но и о внешнем поведении, которое чрезвычайно важно в иноческой жизни, — оно должно быть чисто и благопристойно, как подобает святым, ибо если это благоприятности у нас нет, то и внутренней не ищи, ибо в такой душе все внутреннее испарилось.

Наружная благопристойность должна выражаться приблизительно в следующих видах: начиная с вечера, например,

перед тем, как возлечь на одр свой, должно помыслить о том, как проведен день, что видела и что слышала и, быть может, кого-либо заочно осудила. Если ничего подобного не вспомнишь, это не значит, что ничего такого не случилось, но то значит, что по рассеянности все забыто; тогда кайся Богу не только за замеченные грехи, говоря мысленно: «Господи, прости и помоги» (то есть прости, что так согрешила и прогневала тебя, и помоги, чтобы этого не было), но если все забыто по рассеянности, тогда кайся Богу и за то, что забыто, говоря либо словами, либо мысленно: «Забыла я Тебя, Господи *(трижды),* увы мне, увы мне». А потом скажи Богу: «Не забудь меня, Господи, Тебя забывающую...» И это надо произнести медленно, тоном моления, ибо именно в таком тоне заключается сердце сокрушенное и дух смиренный, его же Бог не уничижит, то есть не оставит без помощи.

Потом перед возлеганием на одр свой скажи себе: «Господь и Бог наш не имел где главу преклонить, а нам всякое удобство даровал», и затем перекрести одр свой в трех местах и затем себя самое со словами: «Огради меня, Господи, от всякого зла», и потом: «Господи, да будет воля Твоя на мне». Но если безпокоят мысли, при возлежании на одре, тогда надо безпрестанно мысленно творить краткую молитву: «Господи, помилуй», пока уснешь. Если проснешься во время сна, перекрестись, предавая себя воле Божией. А когда по пробуждении увидишь дневной свет — скажи себе: «Слава Тебе, показавшему нам свет». Затем, начиная обуваться и одеваться, говори себе мысленно: «Господи, благослови, Господи, помилуй». Начиная умываться, перекрестись и затем говори себе: «Господи, очисти скверну души моей». Делая так, мы будем все делать по завету святого апостола — во славу Божию. За мытьем посуды или белья говори: «Господи, очисти скверну души моей», — и твои мысли, или ум, всегда будут в Боге.

Выходя из кельи, открывая дверь, надо читать: «Милосердия двери отверзи нам, благословенная Богородица...» до конца. А также, когда берешься за какой-либо малый предмет, непременно призывай Бога на помощь, хотя бы мысленно: «Господи, благослови, Господи, помоги». Так нужно делать во

всех случаях деятельности по двум побуждениям: первое то, что Господь запретил всякое начинание без Его благословения, сказав: *Без Меня не можете делать ничего*, а вторая причина, побуждающая нас призывать имя Божие, та, что без Его Благодати у нас ничего не может быть благополучно, и конец всякого такого дела будет печальный и даже греховный.

Идешь ли ты по ровному месту или по неровному, всегда призывай Бога на помощь словесно или мысленно: «Господи, помилуй». Имей в уме то, с какой целью ты так взываешь к Господу, то есть чтобы путь, по которому идешь, пройти благополучно, и будет так.

Начинаешь ли какое малое дело, самое мельчайшее, непременно призывай имя Божие на помощь себе и никогда не забывай Бога призыванием Его имени, ибо кто забывает Бога, тот не увидит Его в будущей жизни, но пойдет к противнику Божию и врагу нашего спасения на дно адово. И Писание Священное говорит: «Да возвратятся грешники во ад и все забывающие Бога».

Начиная читать Священное Писание, говори мысленно Богу: «Господи, благослови меня прочесть Божественные словеса во славу Твою и во спасение души моей и душ, мною приснопоминаемых... за коих Ты умер на Кресте». А потом читай медленно, со страхом Божиим. Начинаешь ли молиться, прежде скажи мысленно: «Господи, благослови меня принести молитвы и моления мои Твоему Благоутробию о моем ничтожестве и о всех моих родных и знаемых, как здравствующих, так и почивших *(читая имена),* за коих Ты умер на Кресте». И затем читай молитвы медленно, как бы вслух Святого Духа, а если нет времени, сократи молитвы наполовину или сколько сможешь.

Затем, смотришь ли на огонь где-либо, скажи себе мысленно: «Господи, избави меня от вечного огня...»

И так призывай во всех случаях и в кажущихся малыми делах призывай имя Божие на помощь начинаемому делу.

Надо иметь благожелательный дух ко всем без исключения. Избегать, как геенского огня, пороков: осуждения ближнего, гнева, вражды, злопамятства, подозрения, насмешек,

недоброжелательности и тому подобных пороков, так как кто имеет эти пороки, тот человекоубийца и сын антихриста. Надо же знать, что есть непременный закон возмездия, то есть что сделаешь ближнему, то непременно будет и тебе — хорошее или плохое — и хотя мысленно кого осудишь, то будет и тебе, ибо: *Каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить*, — сказал Господь Бог наш.

Все это мы более или менее знаем, но сию святую истину забываем, ибо забвение борет всякого подвижника до самой смерти. На этот-то конец и надо почаще каяться Богу: «Господи, прости и помоги». Этой только мерой и покаянием перед Богом мы можем исправиться и спастись, другого способа к получению чистоты сердца не существует.

Основания добродетельной монашеской богоугодной жизни следующие: искренняя исповедь — считая себя хуже всех и грешнее всех — и отсечение своей воли, показываемое телесными действиями.

Если кто по вражескому наваждению (а это всегда от него бывает) поспорит с кем-либо и спор этот перейдет в гнев, таковые хотя и прощают, однако помнят гнев, и сердце их не склоняется на милость; при первом же случае, особенно во время молитвы, враг приносит память об обидчике — это верный знак, что Бог молитвы наши не принимает. Что надо тогда делать, чтобы забыть об обиде? Надо помолиться за обидчика или обидчицу словами: «Господи, я виновата, если не в этом случае, то в другом, о котором никто не знает, только Ты; Господи Боже, прости и помилуй раба Твоего (или рабу Твою) *(имярек)* и его (ее) святыми молитвами меня помилуй». И так помолись несколько раз. А при встрече с обидчицей надо ей показать лицо свое веселым, а не угрюмым или печальным, и тем самым облегчишь ее дух. А кстати же сказать: по заповеди Христа просить прощения должен прежде всего не тот, кто виноват, а тот, кто прав. «Первым примирись с тебя опечалившим...» — так говорится в молитве ко Святому Причащению. При встрече с другой надо кланяться, не ожидая прежде от нее поклона, и сказать: «Благословите».

Без дела никогда не сиди, но что-нибудь делай, чтобы ум не находился в рассеянии, а то он будет скитаться там, где был, что видел... Утром надо посвящать хотя бы десять минут на размышление, так же как и вечером перед отходом ко сну: вспоминать о смерти и вечности, ибо помышление о смерти рождает молитву и даже есть сама молитва, ибо, как сказал Иоанн Златоуст: «Как невозможно, чтобы голодный не вспоминал о хлебе, так невозможно спастись тому, кто не вспоминает о смерти и Страшном суде». Память о смерти — это есть не воображение гроба, могилы, погребальной обстановки и так далее, но живо сознавать и убеждать себя, что нас не сегодня-завтра не будет на свете, а позовут нас к ответу, а потом осудят на вечность, но куда? Куда Бог пошлет.

Память о вечности очищает ум от пристрастий к видимой твари и просветляет сердце. Кто считает себя грешным, у того не повернется язык осудить ближнего. «Смиряющий себя — вознесется, а возносящийся — осудится».

Надо иметь воздыхание о своем ничтожестве, по примеру мытаря, ибо и одно смирение может спасти человека и без дел добрых, но с ними можно скорей получить спасение. *Смирился, и спас меня Господь*, — сказал святой царь Давид. *Я*, — говорит, — *не лежал на голой земле и не постился, но смирился, и спас меня Господь*. Но без покаяния никому не прощаются грехи, особенно большие, смертные.

Не следует спорить и прекословить, говорить много без нужды, так как при многословии не избежишь греха. Притом при многословии испаряется мирный дух, а где нет мира, там нет и спасения, ибо в мирной душе почивает Святой Дух: *В мире место Его и жилище Его в Сионе*.

Стараться надо помнить Бога присно, призывая святое имя Его на помощь себе, ибо Он заповедал это, говоря: *Без Меня не можете делать ничего*. А если кто скажет вам: «Хотя и не призываю имени Божиего себе на помощь, однако у меня все бывает удачно», то это не всегда, а если это и так, то это потому, что у него когда-либо было сделано ради Бога доброе дело или за молитвы его благочестивых родителей; за то Бог и награждает этих людей благополучием в этой временной

жизни, а как только он умрет, то в ад пойдет, по Священному Писанию: «Да возвратятся грешники в ад и все забывающие Бога».

При молитве церковной или келейной надо одеть себя с головы до ног как бы одеждой виновности перед Богом и вменить себя в лепечущее дитя и тогда сказать Богу: «Господи, благослови меня приносить молитвы и моления Твоему Благоутробию о моем недостоинстве и о всех родных моих, как здравствующих, так и почивших *(имярек),* за коих Ты умер на Кресте»; а потом читай молитвы медленно, как бы вслух Святому Духу. Молиться надо и о самой молитве. Таким же образом обращайся к Богу и перед чтением Священного Писания. А когда подходишь к Святой Чаше для причастия, тогда ничего не мысли о грехах своих, но лишь скажи себе (мысленно): «Господи, я недостойна Твоего сладкого Причастия, но верую, что Ты меня удостоишь», — а затем открывай двери уст твоих широко, при благоговейном внимании и живой вере, что сам Христос тебя причащает невидимо для людей, но действительно это так, хотя видимо священнической или архиерейской рукой. Притом, после Святого Причастия, надо целовать верхний край Святой Чаши, как бы самое ребро Христово, из которого лилась Святая Кровь.

Надо иметь благоговение перед величеством Божества, то есть крайнее опасение, чтобы не прогневить Бога ни делом, ни словом, ни помышлением.

Никому не смотреть в глаза, ибо это есть (по святым отцам) духовная дерзость, но иметь всякого (в своей мысли) больше себя и лучше себя. Сознание этого надо иметь при разговоре и при встрече с другим лицом и предварять друг друга поклонением, «друг друга больше честью творяще», как сказал святой апостол Павел.

Когда кто в глаза хвалит, то не надо отвечать ему на похвалу, хотя бы и смиренными словами, ибо это значит, что принята похвала, которую без вреда для души слушать нельзя, но надо смолчать и во время молчания думать о своих грехах, ведомых Богу, хотя их люди не знают. А когда услышишь укорение и досаждение, тогда также не надо отвечать на эти

слова, но надо мыслить, что Бог попустил это для твоего смирения и терпения; а когда так будешь мыслить (что я этого достойна), тогда Дух Святой приходит в душу нашу и строит там спасение неведомым для нас самих образом.

Надо благодарить Бога за все Его благодеяния, нам явленные и не явленные: «Слава Тебе, Боже, что еще жива и есть время к покаянию».

О Молитве Иисусовой

При этой молитве (как и при всякой) надо иметь цель или намерение, с каким произносишь эту молитву, ибо Бог смотрит на цель, на намерение, а без этого Он молитве вашей не внемлет, не принимает ее. Итак, как раньше нами было сказано, молитву сию надо произносить с предварительной мыслью о той страсти или безпорядочных помыслах, которые в момент молитвы или чаще всего безпокоят. Для этого-то и надо произносить молитву, чтобы Господь именем Своим, которое мы призываем, избавил бы нас от находящих на нас безпорядочных мыслей и желаний. А если нет подобных безчинных мыслей, тогда надо молитву эту произносить только для того, чтобы предать себя всецело воле Божией. Вот причины, побуждающие нас на молитву к Господу нашему; но и на саму молитву надо просить у Бога благословение, иначе будет дерзость с нашей стороны перед Богом.

Но главные добродетели в иноческой благочестивой и богоугодной жизни как основание всех без изъятия добродетелей: искренняя исповедь; считать себя хуже всех и грешнее всех и третья — отсечение своей воли, телесными действиями показываемое. Совокупность же всех этих добродетелей: иметь память о Боге и память о смерти, без чего никто не может спастись никакими добродетелями, ибо более этого от века и быть не может. *Не будем только слушателями закона, но исполнителями его*, — сказал святой апостол Иаков.

Да поможет нам Господь Бог молитвами и предстательством о нас Царицы Небесной, Покровительницы рода

(человеческого) иноческого, исполнять все здесь сказанное во славу Божию и во спасение наших душ, смиренных и достойных рабов своих, и да дарует нам в преподобии служить Ему во все дни жизни нашей, молитвами Пресвятой Богородицы и всех святых, в посте и подвиге просиявших. Аминь.

О ПОСЛУШАНИИ

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа!

Боголюбивые матери и сестры о Господе священной обители этой! Благодать Святого Духа да пребывает с вами!

Хотя неоднократно писал и говорил вам я, но для напоминания и обновления памяти намереваюсь снова напомнить вам о монашеской жизни и деятельности, как духовник духовным детям.

Монастырь есть как бы небо на земле, откуда живущие в нем, по Благодати Христовой и по предстательству Царицы Небесной, очень любящей род иноческий, насельницы святой обители переселяются в вышние Обители, туда, где когда-то были ангелы, отпавшие от Господа Бога и от своего послушания. Теперь же злые те духи, по зависти, что земнородные имеют Благодатью Христовой занять место отпавших ангелов, очень враждуют на Бога и на людей и всячески стараются помешать нашему восходу на небо. Особенно же лукавые духи строят козни для иночествующих и под благовидным предлогом увлекают нас на путь погибельный непослушания, ради которого бесы отпали и тем самым лишились вечного блаженства, залюбовавшись своей красотой, перестали повиноваться Богу.

Бог не сотворил зла, и человек не родил зло, но сатана измыслил зло и передал своим слугам — бесам, а они в свою очередь внушают людям зло — непослушание Богу; прежде всех первым людям Адаму и Еве внушили зло непослушания, через что они и лишились райского блаженства!

Господь же наш Иисус Христос пришел на землю с высоты славы Своей для того, чтобы посрамить диавола и восстановить

Божественное послушание, утраченное непослушным родом человеческим; для этого и основал Церковь Свою на земле на послушании, ибо и Сам был послушен Отцу Своему Небесному, даже до смерти, и смерти крестной! Теперь видно, как важно нам послушание Богу и начальникам, от Него поставленным.

В монастыре послушание должно обнаруживаться прежде всего к матери игуменье, так как без нее нельзя спастись, ибо ее молитва больше и сильнее молитвы пророка Божия Моисея постольку, поскольку Новый Завет больше Ветхого Завета. От послушания рождается смирение, а от смирения приходит благодать Святого Духа и, следовательно, вечное спасение! Сущность же послушания телесными действиями показывается.

Но самые главные добродетели следующие: искренняя исповедь, считать себя хуже всех и грешнее всех и отсечение своей воли.

Вот основные добродетели всякого человека, а также иноческие в особенности.

Видно также, что всякое зло, как то: неверие, хула на Бога и на все святое, гнев на ближнего, раздражительность, зависть, злопамятство, недоброжелательность, неисполнение заповедей Божиих, леность на молитву, сонливость, дремание, рассеянность ума и мыслей, самохвальство, тщеславие, духовная гордость, презрительность к ближним, воображение на молитве, плотские помыслы, хульные помыслы и всякое зло — все это внушается нам от бесов, а не наше собственное. А потому, зная это, мы не должны гневаться на людей, а на бесов, внушающих людям всякое зло, по слову Священного Писания: гневайтесь и не согрешайте! Начало зла — непослушание, а от этого произошло всякое зло и разлилось по всей поднебесной; а прекратить оное может только послушание Богу, прежде всего через исполнение Его заповедей и через послушание матери игуменье и тем, кому она поручит дело послушания.

Прежде всего надо бояться Бога как Судии и любить Его как Отца, за нас пострадавшего. Затем любить ближнего, а

чтобы полюбить его, надо прежде смириться перед ним, а иначе истинной любви не будет... но будет только лукавство! А лукавствующие истребятся от земли живых!

Если кто нанес нам обиду, надо простить его, хотя бы он и не просил прощения, это по заповеди Христовой, чтобы приобрести ко спасению брата, за которого умер Христос на Кресте. Кто обижен, тот первым должен прийти к обидчику и примириться с ним, ибо такова заповедь Божия!

Как огня геенского надо беречься осуждения ближнего, ибо есть духовный закон возмездия для нас, по слову Священного Писания: каким судом судите — судят и вас! — сказал Господь. Надо иметь дух благожелательности ко всем без исключения, даже и ко врагам нашим. Надо иметь и благоговение перед молитвой, иначе она не приемлется Богом и скорее вызывает гнев Божий, нежели милость, ибо гремит слово Священного Писания: «Проклят всякий, творящий дело Божие с небрежением!» А что сказать о крестном знамении?! Господи Боже наш, ты благоволил пострадать за нас на Кресте, а мы не дорожим этим спасительным орудием нашего спасения! Кто неправильно крестится, тот не признает и Распятого за нас на Кресте и, следовательно, не получит спасения!

Помни Бога призыванием Его имени на помощь нашей немощи. А также надо прибегать к Матери Божией и просить у Нее мощного заступления, ибо Она есть Небесная Дверь, двери райские нам отверзающая! Без Ее соизволения никто из земнородных не может войти в райские врата!

В храме стоять надо как виновницам перед Богом и как бы одеть себя с головы до ног одеждой виновницы. В особенности в день Святого Причастия, подходя к Святой Чаше, нужно сказать про себя: «Господи, я недостойна Твоего сладкого Причастия, но я верую, что Ты меня удостоишь!» Затем широко открывать уста свои, как бы двери для входа Спасителю, при живом сознании и вере, что тебя причащает невидимо Сам Христос, хотя видимо священнической или архиерейской рукой. Постоянно носить в себе чувство недостаточности, что означает чувство смирения, а не чувство самодовольства, которое есть чувство гордости духовной...

Делая дело послушания, то есть какую-либо работу, всегда умом твори краткую молитву — либо молитву Иисусову, либо «Господи, Духа Твоего Святого не отыми от меня», или просто: «Господи, помилуй!» Но с намерением, чтобы Господь помогал тебе в твоем деле послушания; а главное, надо иметь сознание, что без благословения Божиего нельзя ничего делать, ибо Он это запретил, говоря: «Без Меня не можете делать ничего». Иначе дело наше будет без успеха, хотя бы оно само по себе и святое, но конец его будет печальный и даже греховный, как сказал святой Иоанн Златоуст.

Однако при исполнении описанных здесь нравственных обязанностей человек по необходимости может падать, хотя бы и малыми согрешениями; в таком случае надо каяться Богу, мысленно сказав Ему: «Господи, прости и помоги!» Только это надо говорить медленно, до тех пор, пока вздохнешь; и это знак, что Дух Святой простил твои грехи, за которые в данный момент каешься. Это и есть покаяние перед Богом, а более важные грехи надо исповедовать перед духовником!

Итак, укрепляемые благодатью Святого Духа, будем ожидать пришествия переселения нашего в вечные Небесные Обители, чего да сподобит нас Отец Небесный предстательством Царицы Небесной — Заступницы рода христианского и Покровительницы рода иноческого. Аминь.

Иноческое поучение, произнесенное во святой обители Хоповской

Духовный путь человека всякого, и в особенности монашествующего, начинается раскаянием. Если душа воздохнет и возопиет к Богу, то ниспосылает Он ей духовного Моисея, избавляющего ее от египетского рабства. Но пусть прежде вопиет и стенает и тогда увидит начало избавления. Это только начало подвига. И свободное произволение должно быть испытано многими скорбями. Так предопределил Бог, чтобы со многими испытаниями, с теснотой и со скорбью,

с самыми горькими искушениями был путь, вводящий в жизнь вечную. Спасительный путь вообще, и путь в особенности иноческий, — есть путь узкий и негладкий, ибо есть путь свободного человека. Свободная воля человека сама по себе немного может достигнуть, но она есть всегдашний и необходимый момент духовного возрастания. Однако человек не должен и не может, не смеет полагаться на самого себя и преувеличивать свои силы, ибо совершающая сила принадлежит одному Богу.

Но благодать действует только в произволяющих душах. И Сила Божия дает место свободе, чтобы обнаружилась воля человека. Человек всегда сохраняет свободу — согласоваться с Духом Святым или пренебрегать Его дарами. Всегда поэтому требуется бдительность и напряжение воли, и всегда должно оставаться недовольство собой. Вот признак истинной спасительной жизни — сколько ни потрудишься, сколько ни совершишь праведных и спасительных дел — оставайся при мысли, что еще ничего не сделано тобой. Если же кто не соблюдает великого смиренномудрия, то предается он сатане, как об этом сказали святые отцы, и обнажается от уже данной благодати и открывается его самомнение, ибо он наг и беден. Кто смиряет себя перед Богом и людьми и почитает себя неимущим (добрых дел), тот только может сохранить данную ему благодать при покаянии и пострижении... И великий соблазн и опасность — почувствовать себя преуспевшим, счесть себя вступившим в безопасную пристань, так как самомнение есть смерть душевная, от нее спасет только смирение — при сознании, что ничего доброго не соделано и вся жизнь в монастыре проведена так, как бы я вчера пришла в монастырь и лишь новоначальная.

Это непременное условие духовного совершенствования: если кто не предастся всецело исканию любви Христовой и не сосредоточит всех своих усилий на этой одной цели, для того невозможно стяжание Духа Святого. И более всего нужно внутреннее отречение: самое главное оружие для борца и подвижника состоит в том, чтобы возненавидеть самого себя, отречься от своей души, гневаться на нее, укорять ее,

противиться привычкам, своим пожеланиям, препираться с помыслами, бороться с самим собой.

Эта внутренняя борьба есть только начало очищения души, есть только приготовление горницы для Господа. Весь смысл и предел подвига — в стяжании Духа Святого, во вселении Господа в нашу душу.

Путь подвига есть путь борьбы. Борьба происходит прежде всего в области ума: душа пронизана извне помышлениями добрыми и злыми, приходящими от Бога или от демонов. И прежде всего мысль находится в борении и брани. Задача мысленной брани в том, чтобы преградить доступ лукавым помыслам. Это возможно, но возможно не через простое противление, а через противопоставление добрых помышлений, и прежде всего через воспитание в себе некоего безстрастия или равнодушия к греховным побуждениям (апатия). Это и есть умирание для плотской жизни: помыслы еще врываются в душу, возмущают, но не прельщают ее и потому не укореняются в ней, плотской человек умирает и делается безплодным для прежней лукавой жизни. От соуслаждения в помыслах с порочным воображением грех начинается в сердцах и только проявляется в поступках. Но сдержанность в поступках еще не означает успокоения сердца. Подлинное успокоение возможно только через укрепление в добре, через любовь к единому Небесному Жениху душ человеческих... И только в этом стремлении оправдывается до конца отречение от мира, так как нет достаточной причины отказываться человеку от наслаждений мира этого, если он не примет участия в блаженстве иного мира. Только тогда с несомненностью открывается перед ним духовный путь. От человека в подвиге зависит только твердость и постоянство, и то только при условии всецелой преданности Богу и стремления к Нему.

Человек только подготовляет себя к восприятию благодати.

Высший закон есть духовный закон любви, ибо невозможно спастись иначе, как только через ближнего, через всеобъемлющую любовь, укрепляемую Благодатью Христовой. Христиане, а особенно иноки, должны подвизаться, но вовсе никого не должны осуждать, ни явных грешников, ни людей

безчинных (ибо Един Судия есть Бог), так как в том и состоит чистота сердца, чтобы, видя грешников или немощных, иметь к ним сострадание и милосердие.

И такая любовь привлекает Божие благоволение. Однако душа человеческая никогда не может простираться к Богу, к познанию Его, если Сам Бог по благоснисхождению к ней не коснется ее и не возведет ее к Себе. Ум человеческий никогда не может и не мог бы востечь горé, если бы Сам Бог не восторгал его, насколько возможно уму человеческому.

Чистую молитву самому человеку нельзя стяжать, она недоступна для стяжания, ибо подается Богом в дар человеку за смирение его и чистоту сердца. Из нижних частей души подымаются помыслы, их подсказывают и внушают бесы, всегда окружающие человека, как атмосфера воздуха.

Всего опаснее бес гордости и помысл тщеславия. Всего тяжелее бес уныния, бес полуденный, который томит однообразием и старается развлечь душу. Душа врачуется через исполнение заповедей, через смирение, пост, молитву и через искреннюю исповедь перед духовником и покаянием ежечасным перед Богом.

Отцы святые советуют монахам читать Новый Завет, а не Ветхий, так как ветхозаветные книги не вызывают достаточного сокрушения и умиления в сердце.

Святитель Иоанн Златоуст сказал, что из мира спасается малая частица людей... а также из священников мало есть спасающихся.

Жизнь мира этого вся в страстях, в хлопотах и заботе, отвлекающих от единого на потребу, по слову Спасителя...

Корень и жало греха не в теле, но в произволении, или в сердце, грех начинается и снова кончается в человеческом произволении. Отсюда очищающая и исцеляющая сила покаяния; при этом Бог приемлет волю или любовь к совершенствованию в добродетельной жизни (после порочной) не меньше, чем само доброделание.

За словами в молитве ум должен в умилении следить — понимать и чувствовать, что ты говоришь и с Кем беседуешь. Демоны во время молитвы прежде всего стараются возбуждать

память, хотя бы о чем-нибудь нужном, чтобы рассеять ум. Молитве более всего мешает печаль и памятозлобие, приносимое нам бесами. Молиться надо не об исполнении своих желаний — это значило бы безрассудно принуждать Божию волю. Но подлинная молитва есть всегда: «да будет воля Твоя», ибо воля Божия есть само благо... Просить можно только Правды и Царствия, то есть добродетели и ведения, а все остальное нужное Сам Господь приложит, ими же весть судьбами.

При молитве ум может остановиться на голых умопредставлениях, войти в размышление о законах вещей, хотя бы и мысленных, но все же́ множественных, а потому и рассеивающих мысль. И тогда ум не зрит совершенного местопребывания Божия в сердце нашем, так как в чистой молитве не место воображению. В молитве не облекай Божество ни в какой образ и не дозволяй уму своему принимать какой-либо лик. Образы обманчивы, ибо Бог выше образа и ограничения и постигается безóбразно ведением. Желая узреть лице Отца Небесного, никак не домогайся того, чтобы во время молитвы увидеть тебе образ или облик. Не желай также чувственно видеть Ангелов или Христа, чтобы не впасть в совершенное умопомешательство, приняв волка за Пастыря и поклóнившись демонам враждебным.

Начало заблуждения есть тщеславие ума.

Движимый тщеславием ум покушается Божество описать (охватить) каким-то образом и очертаниями.

Молитва есть всегда подвиг; к высоте безóбразного созерцания путь ведет через борение и скорбь, но венчается молитва радостью, которая больше всякой радости, и только радость свыше есть верное мерило истинной молитвы... Нужно прибавить, что подлинная молитва возможна только в смирении, то есть в любви ко всем и каждому.

Блажен монах, который считает себя последним из всех.

Молитва есть беседа с Богом. И смысл молитвы в том, чтобы Бог снисшел в душу нашу и заговорил; да приидет в нее Дух Святой.

Цель и предел подвига есть ведение и память о Боге, ад же

есть неведение и пагуба, есть забвение. Поэтому не следует припоминать с чрезмерным вниманием прежних грехов и поползновений, чтобы не загрязнить своего воображения. Душа всегда тревожится помыслами и приражениями соблазнов, но не в этом грех и нечистота, грех же во внутреннем внимании или интересе к искушающим образам, в сложении ума с ними. Приражение помысла не есть ни грех, ни неправда, но свидетельство о самовластии нашей воли.

Грех — в согласии на грех.

Поэтому и требуется чистота мысли; мысли под управлением ума и внимания присно должны быть устремлены к Богу, при убеждении, что на тебя смотрит Бог всевидящим Оком, на всяком месте и во всякое время.

От этого да усвоится душе благоговейный страх Божий и вселится в тебя Дух Святой.

Спасение зависит от воли человека, Благодатью Божией на это побуждаемой. Благодать Божия только побуждает, а не принуждает волю человека — его самовластие.

Следовательно, спасение души зависит и от воли Бога, и от воли человека. Бог Своей Благодатью побуждает волю человека на произволение его, и своим произволением человек принимает благодатную помощь, потребную к жизни спасительной и благочестию. Если человек не желает исполнять Заповеди Божии, которые есть как залоги вечного спасения, то и Бог не насилует воли человека, через которую обнаруживает человек, кого он больше любит — Бога или сатану, противника Божия и врага нашего спасения.

Бог хочет нас ввести в рай, а враг наш, диавол, силится свести нас в ад...

Вот два пути — ад и рай, и если хочешь войти в рай, должно соблюдать заповеди и тем самым обнаружить любовь к Создателю и Искупителю нашему от ада — Господу Иисусу Христу, Который любит нас больше, чем мы сами себя любим.

Заповеди Его нам всем известны и добродетели тоже. Самые главные из них: любовь к Богу и ближнему, смирение перед Богом и людьми, послушание, или отсечение своей

воли, неосуждение ближнего, искренняя исповедь перед духовником и покаяние перед Богом, самоукорение, усердная молитва, неленостный посильный труд за послушание, которое надо исполнять с сознанием, что оно поручено тебе самим Богом через повеление матери игуменьи; а отсюда всякий шаг во спасение, чего в миру быть не может. Самое же сильное побуждение нашей души ко благоугождению — это память об исходе души из жизни этой в жизнь вечную; такая именно добродетель равносильна молитве и даже рождает молитву.

Человек по своему естеству удобно забывает о своем назначении и бытии на земле и легко теряет самособранность, столь необходимую в деле спасения.

Но память о вечности и об исходе из этой жизни есть самое сильное средство для побуждения к живому сознанию о том, кто мы и Кто Тот, к Кому мы должны стремиться духом и гореть любовью.

А Он сказал: кто Меня возлюбит, того и Я возлюблю и явлюсь ему Сам. Любовь же к Господу главным образом обнаруживается крестоношением или скорбями, ради Него претерпеваемыми; ибо как тень за действительностью гонится, так и скорби — неразлучные спутницы последователя Христова, *каковыми* и вы, блаженные сестры, являетесь вместе с *вашей* предводительницей, матушкой игуменьей, пребывая здесь в святой обители под осенением незримого Покрова Царицы Небесной, Которая очень любит род иночествующих. Она же и представит вас к Сыну Своему в Небесном Царствии. Аминь.

7/20 января 1934 г.



ПРЕПОДОБНЫЙ СИЛУАН АФОНСКИЙ
(1866—1938)

Преподобный Силуан, всю жизнь державшийся афонской традиции умаления, самоскрывания, внешнего безславия, был мало кому известен при жизни (к нему даже не повели писателя К. Зайцева, посетившего Афон в те годы и оставившего книгу о пребывании на Святой Горе). Но избранные знали, что слова, которые говорил этот простой монах, превосходят меру обычного человека. После кончины старца митрополит В., знавший о преподобном Силуане лишь по переписке, написал в письме отцу Софронию: «Пока еще живы вы и другие свидетели — собирайте и записывайте о нем все до мелочей... Это — история Церкви». Вскоре отец Софроний получил благословение своего духовника, отца Пинуфрия, писать житие старца Силуана, пересказывая духовные беседы со старцем. В 1952 году, через четыре года после завершения (24 сентября 1948 года), книга «Старец Силуан» была, наконец, опубликована небольшим тиражом. Беседы преподобного Силуана извлечены из этого издания.

Духовные беседы преподобного Силуана Афонского

Старец мог говорить просто, без малейшего тщеславия о вещах, выходящих за пределы человеческих норм. Если у слушателя была к нему вера, то через эту простую внешне беседу воспринимал он в доступной ему мере то вышеестественное состояние, в котором находился сам старец.

Помним его рассказ об одном замечательном русском подвижнике — отце Стратонике, приехавшем с Кавказа посетить Афон. Отец Стратоник имел редкий дар слова и молитвы с плачем: многих пустынников и монахов на Кавказе восставил он от расслабления и уныния к новому подвигу, раскрывая им пути духовной брани. И на Афоне отец Стратоник был принят в кругу подвижников с большой любовью,

и вдохновенное слово его производило на многих глубокое впечатление. Богатое рассуждение, красивый и сильный ум, обширный опыт, дар подлинной молитвы — все делало его центральной фигурой в кругу подвижников. Провел он на Святой Горе около двух месяцев и начал уже печалиться, что напрасно поднял большой труд далекого путешествия ради «пользы»: сам он из встреч с афонскими монахами ничего нового не приобрел. Пришел он к духовнику русского монастыря Святого Пантелеимона — старцу Агафодору и, рассказав о своей печали, просил указать кого-либо из отцов, с кем можно было бы поговорить о послушании и других деланиях монаха. Отец Агафодор послал его погостить на «Старый Руссик», где в то время (до войны 1914 года) собралось несколько замечательных подвижников из братии монастыря.

Старый Руссик расположен в горах, на высоте, приблизительно, двухсот пятидесяти метров над уровнем моря, на восток от монастыря, в расстоянии — час и десять минут ходу. Там был установлен более строгий постнический режим, чем в монастыре. Место это пустынное, безмолвное, и потому туда тянулись монахи, желавшие большего уединения ради делания умной молитвы. В то время там жил и отец Силуан.

Отца Стратоника в Старом Руссике приняли с большим расположением. Он много беседовал с отцами Руссика и наедине и в группах. Однажды в праздничный день схимонах отец Досифей пригласил к себе в келью его, а вместе и несколько других монахов, среди которых были отцы: Вениамин с Калягры, Онисифор и Силуан. Беседа была очень содержательной. Все были увлечены тем, что говорил отец Стратоник, который не только как гость имел преимущество, но и по дару слова превосходил прочих. Отец Силуан из присутствовавших был более молодой и потому, естественно, сидел в углу кельи и молчал. Он внимательно прислушивался к каждому слову кавказского подвижника. После беседы отец Стратоник, еще не посетивший отдельно отца Силуана, выразил желание побывать у него на «калибке», которую он выстроил себе в расстоянии пяти-шести минут на юго-восток от братского корпуса ради уединения. Условились на следующий

день, в три часа. В ту ночь отец Силуан много молился, чтобы Господь благословил их встречу и беседу.

Отец Стратоник пришел в назначенный час. Беседа между двумя подвижниками началась легко и сразу приняла желательный характер. И тот и другой духом постоянно были устремлены к единой цели, и ум их неотрывно жил все теми же вопросами, которые для них были единственно насущно важными.

Силуан, накануне внимательно слушавший отца Стратоника, заметил, что последний говорил «от своего ума» и что слово его о встрече воли человеческой с волей Божией и о послушании было «неясным».

Беседу он начал тремя вопросами, на которые просил ответа:

«Как говорят совершенные?»

«Что значит предаваться на волю Божию?»

«В чем сущность послушания?»

По-видимому, та удивительная атмосфера духа, в которой он пребывал, сразу повлияла на отца Стратоника; он почуял важность и глубину вопросов и задумался. После некоторого молчания он сказал:

— Я этого не знаю... Вы мне скажите.

Силуан ответил:

— Они от себя ничего не говорят... Они говорят лишь то, что дает им Дух.

Отец Стратоник в этот момент, видимо, переживал то состояние, о котором говорил Силуан. Ему открылась новая тайна духовной жизни, дотоле ему неведомая. Он ощутил свои недочеты в прошлом, он понял, как был еще далек от совершенства, мысли о котором ему приходили после стольких встреч с монахами, когда очевидным было его превосходство; а ведь он встречался со многими и замечательными подвижниками. С благодарностью смотрел он на отца Силуана.

После того, как разрешился первый вопрос, в глубине души его из самого опыта этого состояния, данного ему по молитве отца Силуана, другие два ему уже легко было усвоить.

Беседа далее коснулась молитвы. Отец Стратоник говорил, что если молитва проходит без слез, то это значит, что она не достигла своего места и потому остается безплодной. На это Силуан ответил, что слезы при молитве, как и всякая иная сила в теле, могут истощаться, но тогда ум, утонченный плачем, переходит к некоему тонкому чувству Бога и чистый от всяких помыслов безмолвно созерцает Бога. И это может быть дороже даже плача.

Отец Стратоник ушел благодарный. После он приходил к Силуану еще несколько раз, и до конца его пребывания на Святой Горе между ними сохранилась большая любовь. В одно из своих последующих посещений он подтвердил слова Силуана о молитве. Видимо, и это состояние Бог дал ему познать.

Вскоре после этой беседы отец Стратоник, покинув Старый Руссик, пошел к пустыннику отцу Вениамину. Это был человек редкого благородства, умный, начитанный, с богатым рассуждением; во всем его облике, в лице и в тонком, высоком, сухом силуэте, отразилась какая-то невысказанная внутренняя трагедия. Он десятки лет безмолвствовал на Калягре, и нам хотелось бы многое рассказать об этом замечательном подвижнике, но не считаем возможным позволить себе здесь подобных отступлений, чтобы не удлинить повествования о главном предмете. Отец Стратоник и раньше часто посещал отца Вениамина, и они много беседовали, но на сей раз он, сверх обыкновения, был молчалив и задумчив. Отец Вениамин спросит его об одном — молчание в ответ; спросит о другом — то же самое. Наконец, с удивлением раскрывая руки, со свойственной ему несколько театральной грацией, он спрашивает:

— Отец Стратоник, что с Вами? Я Вас не узнаю. Всегда Вы бывали таким бодрым, а теперь сидите печальный, и закрылись Ваши вдохновенные уста... Что с Вами?

— Что же я Вам скажу на Ваши вопросы? — отвечает отец Стратоник. — Не мне об этом говорить; у Вас есть отец Силуан, его спросите.

Удивился отец Вениамин; Силуана он знал давно, любил его и уважал, но не считал настолько великим, чтобы обращаться к нему за советами.

Не исключена возможность, что отец Стратоник в то время имел в душе очень сложное переживание. С одной стороны, он приехал на Афон, ища себе «пользы», с другой — он из многих прежних встреч привык уже преимуществовать. Его исключительная выносливость в подвижничестве и редкий дар молитвенного плача могли давать повод к мыслям о достигнутом уже совершенстве, и вдруг так ярко и сильно обнаружилась его недостаточность при встрече с монахом простым и как будто не обладавшим теми блестящими дарованиями, которыми сам он был богат. Возможно, что он молчал и был печален потому, что не удержал того состояния, которое познал во время беседы с отцом Силуаном.

Однажды отец Вениамин Калягрский, гуляя в праздничный день по монастырскому лесу с отцом Силуаном, предложил ему пойти к замечательному и весьма известному тогда на Афоне — старцу отцу Амвросию, духовнику Болгарского монастыря «Зограф». Силуан немедленно согласился... Идут... Отец Вениамин полюбопытствовал, о чем Силуан будет спрашивать старца Амвросия.

— Я ни о чем не думаю спрашивать старца, — ответил Силуан. — У меня сейчас нет никаких недоумений.

— Тогда зачем же ты идешь?

— Я иду, потому что ты так хочешь.

— Но ведь к старцам ходят ради пользы.

— Я отсекаю мою волю пред тобой, и в этом моя польза, большая, чем от какого бы то ни было совета старца.

Удивился этой беседе отец Вениамин, но и на сей раз не понял он Силуана.

Незадолго перед своей кончиной отец Вениамин из пустыни приехал в монастырь Святого Пантелеимона. Он заболел водянкой и слег в больницу, которую содержит монастырь ради пустынников и вообще бездомных странников.

Называется эта больница «Покой». Помещается она в большом многоэтажном каменном здании, расположенном на

самом берегу моря, вне врат собственно монастыря. Рядом с этим зданием есть другое, меньшее, где находятся продовольственные магазины, которыми в то время заведовал отец Силуан. Близость магазина от «Покоя» позволяла Силуану часто навещать отца Вениамина и помогать ему. Но и сам отец Вениамин, хотя и с трудом, мог все же первое время ходить и тоже нередко посещал своего друга.

Вскоре после своего приезда отец Вениамин был у отца Силуана, и они имели большую и важную беседу. Нам пришлось посетить отца Вениамина в больнице на другой день. Он весь был под впечатлением этой беседы с отцом Силуаном и много раз с нескрываемым чувством удивления и благодарности повторял: «Какого друга дал мне Господь!..» Вы знаете, как он все раскрыл во мне... Потом дал мне три указания; несколько раз повторил их, чтобы я не забыл, и в заключение добавил строго, как бы большой гвоздь вбил: «Если не сделаешь так, как говорю, то не спасешься».

По всему было видно, что эта встреча с Силуаном для отца Вениамина была большим откровением. Случилось это в понедельник, первый день Петрова поста. Несмотря на то что по уставу монастыря в этот день до вечера не полагается ничего вкушать, отец Силуан «напоил его чаем» и сам пил. И эта незначительная деталь была отмечена отцом Вениамином, как показатель свободы отца Силуана от форм, свободы не по презрению, а по превосходству, ибо он знал его великое воздержание.

Мы провели у отца Вениамина около часа; все это время он был очень сосредоточенным и ни о чем другом не мог ни думать, ни говорить, и много раз повторял: «Какого друга дал мне Господь!»

Так только под конец своей жизни он узнал, кто был Силуан; прежде он относился к нему хотя и очень дружественно, однако несколько снисходительно; как к хорошему монаху, но все же младшему. Подобным образом произошло и с некоторыми другими отцами на Святой Горе, которые лишь после смерти отца Силуана оценили его.

Монастырь Святого Пантелеимона очень большой, и хо-

зяйство его сложно. Отдельные отрасли этого хозяйства имеют своих заведующих, которые называются экономами. Экономы, в силу своих обязанностей, не могут иногда следовать общему порядку монастыря, и поэтому в большой братской трапезе имеется особый стол — «экономский», за которым они обедают, каждый, когда позволяют ему его дела. Последние многие годы отец Силуан состоял экономом и ел в будни за этим столом.

В числе экономов был один из монахов — отец П., человек, резко выделяющийся из среды братии своими способностями, но как-то странно ему «не везло». Богатая инициатива отца П. в большинстве случаев не встречала сочувствия среди отцов, и его предприятия нередко кончались неудачами. Както, по случаю очередного провала одного из его начинаний, в трапезе за экономским столом его действия подверглись резкой критике. Отец Силуан был вместе с другими, но не принимал никакого участия в «суде». Тогда один из экономов, О. М., обращаясь к нему, говорит:

— Ты молчишь, отец Силуан, значит, ты за О. П... Тебе недороги интересы обители... Какой убыток причинил он монастырю.

Отец Силуан промолчал, быстро окончил свой обед, и затем, подойдя к О. М., который в то время уже отошел от стола, говорит ему:

— Отец М., сколько лет, как ты в монастыре?

— Тридцать пять.

— Ты слышал когда-нибудь, чтобы я осуждал кого-либо?

— Нет, не слыхал.

— Так что же, ты хочешь, чтобы я теперь стал порицать О. П.?

Отец М. смутился и со стыдом ответил:

— Прости меня.

— Бог простит.

Когда отец Силуан впервые был назначен экономом, то, придя от игумена в свою келью, он горячо молился, чтобы Господь помог ему исполнять это ответственное послушание. После долгой молитвы был ему ответ в душе: «Храни благо-

дать, данную тебе». Тогда понял он, что хранить благодать важнее и дороже всех прочих дел, и потому, вступив в свое новое послушание, он неусыпно следил за тем, чтобы не прерывалась молитва его.

Он имел под своим началом до двухсот рабочих. Утром, обходя мастерские, он давал в общих чертах указания старшим мастерам и затем уходил в свою келью плакать о «народе Божием». Сердце его болело от скорби за рабочих; он оплакивал каждого.

«Вот Михаил, оставил свою жену с детьми в деревне и здесь за гроши работает. Ну каково ему быть так далеко от дому, не видеть ни жены, ни милых деток своих... Вот Никита, только что женился и оставил свою молодую беременную жену и старуху мать... каково было им отпустить этого еще юношу, любимого сына и мужа... Вот Григорий, оставил стариков родителей, молодую жену и двух малышей-младенцев и пришел сюда работать за кусок хлеба... и что он выработает здесь... Какая же бедность у них, чтобы решиться оставить всю семью... и какая должна быть у всех у них скорбь... И вообще, в какой ужасной бедности живет весь этот народ... Вот Николка, совсем еще мальчик... с какою болезнью отпустили его родители так далеко, среди чужих людей, ради нищенского заработка; как должно скорбеть сердце родителей... О, в какой бедности и страданиях живет народ... И все они, как овцы заброшенные, никто о них не попечется, ни об их воспитании и обучении... научаются оки всяким порокам, дичают, грубеют...»

Так говорил блаженный старец, и страдала душа его за всех бедняков; страдала, несомненно, больше, чем все они сами, так как он видел в их жизни еще и то, чего они сами в себе не замечали по необученности своей.

«Сердце сердцу весть подает», — говорит народная пословица. Таино молился старец о «народе Божием», но рабочие это чувствовали и любили его. Он никогда не висел у них над душой во время работы, не подгонял их, но они, обласканные, веселее работали и с большей энергией, чем у других. Другие экономы «наблюдали обительские интересы»; а кому

не известно, что когда привходит забота об «интересах», тогда человека не видят. Интерес, подлинный интерес обители, старец видел в том, чтобы соблюдалась заповедь Христа.

«Господу всех жалко», — говорил он, да и не только говорил, но и сам, исполненный Духа Христова, жалел всех. От видения окружающей жизни, из воспоминаний прошлого, от глубочайшего личного опыта — он жил страданием народа, всего мира, и не было конца его молитве. Он молился великой молитвой о всем мире. Он забывал себя, он хотел страдать за народ от жалости к нему; за его мир и спасение он влекся проливать кровь свою и проливал ее в молитвах.

«Молиться за людей — это кровь проливать», — говорил старец.

Нужно ли говорить о том, показателем какого молитвенного напряжения и плача являются эти слова?

Однажды мы спросили старца: «Хлопотливое экономское послушание, при необходимости общаться со множеством людей, не вредило ли монашескому безмолвию?» На это старец ответил:

— Что есть безмолвие? Безмолвие — это непрестанная молитва и пребывание ума в Боге. Отец Иоанн Кронштадтский всегда был с народом, но он больше был в Боге, чем многие пустынники. Экономом я стал за послушание, и за благословение игумена мне на этом послушании было лучше молиться, чем на Старом Руссике, куда я по своей воле отпросился ради безмолвия... Если душа любит народ и жалеет его, то молитва не может прекратиться.

Невозможно не отметить одну замечательную черту в характере старца, а именно — его отношение ко всякому несогласному и инакомыслящему. Самым искренним и глубоким бывало его желание понимать такового в наилучшем возможном смысле и не оскорблять в нем того, что для него свято. Он всегда оставался самим собой; он до последней степени был уверен, что «спасение во Христовом смирении», и в силу этого смирения он всей душой хотел понимать всякого самым добрым образом; в каждом человеке он чутко воспринимал его одушевленность, его способность любить Христа.

Мы знаем о беседе старца с одним архимандритом, который занимался миссионерской работой среди инославных. Архимандрит этот очень уважал старца и неоднократно приходил беседовать с ним во время своих пребываний на Святой Горе. Старец спросил его, как он проповедует? Архимандрит, еще молодой и неопытный, жестикулируя руками и двигаясь всем телом, возбужденно отвечал:

— Я им говорю: ваша вера — блуд; у вас все извращено, все неверно, и нет вам спасения, если не покаетесь.

Старец выслушал это и спросил:

— А скажите, отец архимандрит, веруют ли они в Господа Иисуса Христа, что Он истинный Бог?

— Это-то они веруют.

— А Божию Матерь чтут они?

— Чтут, но они неправильно учат о Ней.

— И святых почитают?

— Да, почитают, но с тех пор, как они отпали от Церкви, какие же могут быть у них святые?

— Совершают ли они богослужения в храмах, читают ли Слово Божие?

— Да, есть у них и церкви и службы, но посмотрели бы Вы, что это за службы после наших; какой холод и бездушие.

— Так вот, отец архимандрит, душа их знает, что они хорошо делают, что веруют во Иисуса Христа, что чтут Божию Матерь и святых, что призывают их в молитвах, так что когда вы говорите им, что их вера — блуд, то они вас не послушают... Но вот если вы будете говорить народу, что хорошо они делают, что веруют в Бога; хорошо делают, почитая Божию Матерь и Святых; хорошо делают, что ходят в церковь на богослужения и дома молятся, что читают Слово Божие, и прочее, но в том-то у них есть ошибка, и что ее надо исправить, и тогда все будет хорошо; и Господь будет радоваться о них; и так все мы спасемся милостию Божиею... Бог есть любовь, а потому и проповедь всегда должна исходить от любви; тогда будет польза и тому, кто проповедует, и тому, кто слушает; а если порицать, то душа народа не послушает вас, и не будет пользы.

Однажды старец беседовал с одним студентом, посетившим Афон и много говорившим о свободе. Как всегда, старец с добрым вниманием следил за мыслями и переживаниями своего живого, симпатичного, но наивного собеседника. Конечно, его представления о свободе сводились, с одной стороны, к исканию политических свобод, с другой — возможности действовать вообще по своим побуждениям и желаниям.

Старец в ответ изложил ему свои взгляды и искания; он говорил: «Кто не хочет свободы? Все ее хотят, но надо знать, в чем свобода и как ее найти... Чтобы стать свободным, нужно, прежде всего, себя «связать». Чем больше сам себя будешь связывать, тем большую свободу будет иметь твой дух... Связать в себе нужно страсти, чтобы они не возобладали тобою; связать себя нужно, чтобы не делать ближнему вреда... Люди обычно ищут свободы, чтобы делать «что хочешь». Но это не есть свобода, а власть греха над тобою. Свобода творить блуд, или невоздержно есть и пьянствовать, или злопамятствовать, насиловать и убивать, или другое что в этом роде — совсем не есть свобода, а как Господь сказал: «всякий, творящий грех, раб есть греха». Надо много молиться, чтобы избавиться от этого рабства.

Мы думаем, что истинная свобода в том, чтобы не грешить, чтобы всем сердцем и всей силой любить Бога и ближнего.

Истинная свобода — это постоянное пребывание в Боге».

Несмотря на то, что сказанное старцем по глубине своей превосходило меру понимания молодого студента; несмотря на то, что внешне слово старца было очень простым, собеседник его ушел под очень сильным впечатлением.

У нас сохранилась письменная заметка об одной беседе старца с посетившим его монахом; беседа эта происходила в нашем присутствии 18/31 марта 1932 года.

Старец говорил, что в опыте святых отцов можно усмотреть несколько различных способов борьбы с помыслом, но лучший из них — совершенно не вступать в беседу с ним (помыслом).

Ум, вступивший в беседу с помыслом, встретится с его непрерывным развитием и, увлеченный этой беседой, отрывается от памяти Божией, что и составляет цель демонов, которые оторванный от Бога ум так или иначе запутают, и из беседы с помыслом ум не выйдет чистым...

Пустынник Стефан, кормивший из рук леопарда («Лествица», сл. 7, 50), перед кончиной, по привычке «противоречить» помыслам, вступил с ними в спор и потому находился в состоянии борьбы с бесами.

Преподобный Марк Фраческий за то, что пред исходом утешал свою душу исчислением своих трудов, был задержан в воздухе на один час; а это «на один час» — значит, что существовала опасность так и пребыть...

Другие отцы были более умудренными в духовной брани.

Преподобный Макарий Великий, проходя воздушные пространства, не переставал смирять себя, и когда уже издали кричали ему бесы, что он избежал их, ответил, что еще не избежал. Так отвечал он потому, что привык держать ум свой во аде, и тем действительно избежал бесов.

Преподобный Пимен Великий, наученный долгим опытом борьбы с бесами, зная, что наиопаснейший и сильнейший враг есть гордость, всю жизнь трудился, чтобы стяжать смирение, и потому говорил своим ученикам: «Поверьте, чада, где сатана, там и я буду», но в глубине души, зная, как благ и милостив Господь, крепко уповал, что Он спасет его.

Так смирять себя — есть лучший способ хранить свой ум чистым от всякого страстного помысла. Однако многие подвижники этого не разумеют и мыслить так не могут, но отчаиваются, не умея держать себя умом во аде и вместе уповать на милость Божию...

Не вступая вовсе в беседу с помыслом, всей мыслью и всей силой надо прилепиться к Богу и говорить: «Господи, я грешен и недостоин Твоей милости, но Ты по единому милосердию Твоему спаси меня...»

Душа часто за один помысл сомнения в милосердии Божием — «а ну-ка Господь не простит» — теряет много... Отчаяние же хуже всего, это — хула на Бога, будто бы Он не в си-

лах спасти, или мера грехов наших может превзойти меру милосердия Божия... Он грехи всего мира полностью взял на Себя... Если мать все прощает своему дитяти, потому что оно неразумно, то тем более Господь прощает, если мы смиряемся и каемся...

Духовная брань во многом похожа на обычную войну; и в этой нашей брани также нужно быть мужественным. Духовное мужество состоит в крепком уповании на милость Божию. Мужественный подвижник, если и падет в грех, или прельстится и собьется с доброго пути, или даже поклонение воздаст бесу, не теряется, но сейчас же с полным упованием обращается к Богу с покаянием и тем побеждает врагов; а немужественная душа — смущается, отчаивается и так пропадает...

Когда кто собьется с доброго пути и впадет в прелесть, то, прежде всего, необходимо принести покаяние пред духовником, рассказав ему все. После такой исповеди действие прелести ослабнет, а потом, хоть и не сразу, но придет и полное исправление.

Многие сбиваются, но, к сожалению, немногие исправляются.

Многие сначала получают благодать, но очень немногие возвращают ее после того, как потеряют.

Монах спросил:

— Почему преподобный Иоанн Колов стал молиться, чтобы возвратились на него страсти? На это старец ответил:

— Преподобный Иоанн Колов своим горячим покаянием скоро преодолел страсти, но любви к миру и молитвы за мир не получил, и когда ощутил покой от страстей, тогда ослабела в нем молитва, и потому он стал просить, чтобы возвратились на него страсти, так как, борясь со страстями, он пребывал в непрестанной горячей молитве. А если бы он, после преодоления страстей, достиг и молитвы за мир, то не нужно было бы ему, чтобы возвратились искушения, потому что когда человек борется со страстями, тогда не может он чисто созерцать Бога или пламенно молиться за мир... Я так думаю.

Монах спросил:

— Почему преподобному Пимену Великому спрошенный им старец сказал, чтобы он допускал помысл в сердце и уже потом боролся с ним, а другому брату, менее опытному, сказал наоборот, чтобы сразу отсекал помысл?

Старец Силуан ответил:

— Из этого совета видно, что некоторые отцы держались такого способа духовной борьбы, то есть допускали сначала помысл в сердце, а потом уже боролись с ним; но здесь возможны два положения: одно, когда человек не умеет хранить своего ума, тогда помыслы проникают в сердце, и лишь после этого начинается с ними брань. Это такая игра, в которой можно и проиграть. Другое — когда монах не по немощи своей, а сознательно оставляет помысл пройти в сердце, чтобы рассмотреть все его действия, но и этот способ все равно не даст пребывать в созерцании, а потому лучше совсем не допускать помыслов, а молиться чистым умом. А тот неопытный брат, которому старец дал совет отсекать помысл сразу и никак не вступать с ним в беседу, получил этот совет потому, что был слаб и не мог противиться помыслу страсти; но несмотря на совет старца, все равно он еще не мог их удерживать как должно и по заповеди старца только начинал учиться трудной науке — бороться с помыслом. Так что преподобный Пимен был сильнее и опытнее в брани духовной, чем другой брат, но все же лучше всегда хранить ум чистым от всякого помысла и всей силой души молиться, потому что молящийся чисто ум просвещается от Господа.

— Как возможно хранить ум свой чистым? — спросил монах.

— Святые отцы нам оставили учение об умно-сердечной молитве; ею хранится ум; и я не вижу другого пути, который дал бы лучшую возможность вообще сохранять заповеди Божии.

Спрошенный несколько раз молодыми людьми о том, какой жизненный путь им избрать, старец отвечал по-разному. Некоторым он советовал учиться богословию, ради последующего пастырского служения в Церкви, других «благословлял» учиться, но так, чтобы учение совмещалось с молитвой

и монашеским воздержанием, а некоторым советовал не стремиться к образованию, а всю силу отдать молитве и духовному аскетическому подвигу. Последний совет был наиболее редким, потому что старец Силуан считал, что наступило то время, о котором предсказывал отец Стратоник, когда многие «ученые» люди будут монахами в миру; он находил, что вообще условия для монашества в той форме, как оно существовало в древности, становятся неблагоприятными, но что призвание и стремление к монашеству всегда будет.

В старце мы заметили весьма твердое убеждение, что духовная жизнь, то есть молитвенно-аскетическая при глубокой вере, выше всякой иной, и потому тот, кому она дана, ради нее, как ради драгоценного бисера, должен отстраниться от всего прочего, даже и от «учения».

Он считал, что если духовный человек обратится к науке, оставляя аскетическую жизнь, то проявит большие способности в науке, чем тот, кто менее одарен духовно, то есть, говоря иным языком, человек, одаренный мистически, живущий духовно, живет в плане более высоком и большего достоинства, чем тот, к которому принадлежит научная жизнь, сфера логического мышления, и, как имеющий более высокую форму бытия, он, нисходя в план нисший, и в этом нисшем плане проявит большую одаренность, чем недуховный человек, хотя и не сразу. Он говорил, что *сыны века сего* умнее *сынов света* (Лк. 16, 8) не потому, что они «и на самом деле» умнее, а потому, что «духовный человек занят Богом и мало занимается мирскими делами».

В своих беседах с нами старец часто переходил на отвлеченную форму, но в беседах с монахами он выражал свои взгляды в связи с конкретными случаями очень просто, чтобы быть понятым.

«Что удивительного в том, что недуховный человек устраивает житейские дела лучше, чем духовный. Один думает об этих делах, а другой умом старается пребывать в Боге. Это и среди мирян часто бывает; ловкий торговец смеется над ученым человеком, что тот не понимает в товаре, но это совсем не значит, что торговец умнее...»

Приведем здесь одну характерную для старца беседу.

Вскоре после Первой мировой войны 1914—1918-го годов в монастыре начали организовывать эксплуатацию монастырского леса: купили тогда паровую машину для лесопильни. Эконом, отец Ф., способный, естественно одаренный русский человек, после установки машины и пуска ее в ход, довольный ее работой, стал восхвалять немецкий гений (машина была немецкой фабрикации); превознося немцев, он поносил русское невежество и неспособность. Отец Силуан, который в свободное время от своей работы в магазине ходил на лесопильню «помогать», молча слушал отец Ф.; лишь к вечеру, когда рабочие-монахи сели за стол ужинать, он спросил отца Ф.:

— Как ты думаешь, отец Ф., почему же так немцы лучше русских умеют строить машины и другие вещи?

В ответ отец Ф. снова стал восхвалять немцев, как народ более способный, более умный, более даровитый, в то время как «мы русские никуда не годимся».

Отец Силуан на это ответил:

— А я думаю, что тут совсем другая причина, а не то что неспособность русских. Потому, я думаю, это, что русские люди первую мысль, первую силу отдают Богу и мало думают о земном; а если бы русский народ, подобно другим народам, обернулся бы всем лицом к земле и стал бы только этим и заниматься, то он скоро обогнал бы их, потому что это менее трудно.

Некоторые из присутствовавших монахов, зная, что в мире нет ничего труднее молитвы, согласились с отцом Силуаном.

Монастырь Святого Пантелеимона — один из самых больших и организованных на Святой Горе. Он имеет прекрасную библиотеку, насчитывающую до двадцати тысяч томов, среди которых немало древних рукописей, греческих и славянских; много весьма ценных старых книг, составляющих библиографическую редкость; богатые отделы — богословский, исторический и другие. В больших и хорошо обставленных комнатах монастырской гостиницы часто принимают посетителей, преимущественно иностранцев, вступать в общение с которыми

было поручено монаху отцу В., человеку богословски образованному, владеющему многими иностранными языками.

В 1932 году монастырь посетил один католический доктор, отец Хр. Б. Он много беседовал с отцом В. по разным вопросам жизни Святой Горы и между прочим спросил:

— Какие книги читают Ваши монахи?

— Иоанна Лествичника, аввы Дорофея, Федора Студита, Кассиана Римлянина, Ефрема Сирина, Варсонуфия и Иоанна, Макария Великого, Исаака Сирина, Симеона Нового Богослова, Никиты Стифата, Григория Синаита, Григория Паламы, Максима Исповедника, Исихия, Диадоха, Нила и других отцов, имеющихся в «Добротолюбии», — ответил отец В.

— Монахи Ваши читают эти книги!.. У нас читают их только профессора, — сказал доктор, не скрывая своего удивления.

— Это настольные книги каждого нашего монаха, — ответил отец В. — Они читают также и иные творения святых отцов Церкви и сочинения позднейших писателей-аскетов, как, например: епископа Игнатия Брянчанинова, епископа Феофана Затворника, преподобного Нила Сорского, Паисия Величковского, Иоанна Кронштадтского и других.

Об этой беседе отец В. рассказал старцу Силуану, которого глубоко почитал. Старец заметил:

— Вы могли бы сказать доктору, что наши монахи не только читают эти книги, но и сами могли бы написать подобные им... Монахи не пишут, потому что есть уже многие прекрасные книги, и они ими довольствуются, а если бы эти книги почему-либо пропали, то монахи написали бы новые.

За время своей долгой жизни на Афоне старец встречался со многими большими подвижниками; некоторые из них опытом познали те состояния, о которых пишут такие великие аскеты, как Исаак Сирин, Макарий Великий и другие, и потому слово старца нам кажется вполне естественным.

В течение многих лет большой швальней монастыря заведовал отец Диадох, монах во всем примерный, до педантичности аккуратный; любитель богослужения, начитанный, тихий нравом и благородный в обращении с людьми, он

пользовался общим уважением. Однажды, в день его Ангела, зайдя к нему, я нашел его в обществе своих духовных друзей: одного старца-духовника, отца Трофима, и старца Силуана. Что было до меня — не знаю, но я услышал следующее: духовник рассказал что-то прочитанное им в газете и, обратившись к старцу Силуану, спросил:

— А Вы, отец Силуан, что скажете по этому поводу?

— Я, батюшка, не люблю газет и газетных новостей, — ответил он.

— Почему так?

— Потому что чтение газет омрачает ум и мешает чисто молиться.

— Странно, — говорит духовник. — По-моему, наоборот, газеты помогают молиться. Живем мы здесь, в пустыни, ничего не видим, и так душа постепенно забывает о мире, замыкается в себе, и молитва от этого слабеет... Я когда читаю газеты, то вижу, как живет мир и как страдают люди, и от этого у меня появляется желание молиться. Тогда служу ли я литургию, молюсь ли у себя в келье, я от души прошу Бога за людей и за мир.

— Душа, когда молится за мир, без газет лучше знает, как скорбит вся земля, знает она и какие нужды есть у людей и жалеет их.

— Как может душа знать от себя, что творится в мире? — спросил духовник.

— Газеты пишут не о людях, а о событиях, и то неверно; они приводят ум в смущение, и правды из них все равно не узнаешь, а молитва очищает ум, и он лучше видит все.

— Неясно мне, что Вы хотите сказать? — опять спросил духовник.

Все ждали ответа старца Силуана, но он сидел молча, с наклоненной головой, и не позволил себе в присутствии духовника и старых монахов объяснять — каким образом душа, вдали от всего, молясь о всем мире, духом может знать жизнь мира и нужды и страдания людей.

Удостоенный познания, какого удостоиваются лишь единицы на поколения, он в беседах словно стыдился идти даль-

ше намека, благодаря чему его великая мудрость и совершенно исключительный опыт часто оставались сокрытыми от собеседника. Обычно старец, видя, что его первые слова остались невоспринятыми, не надеялся уже «объяснениями» дать понять то, что познается прежде всего опытом, а раскрывать последний он не решался по своему духовному целомудрию. Так при жизни своей он остался «неявленным». Несомненно, это была не только воля Божия о нем, но и его собственное желание, которое принял Бог и исполнил, скрыв его даже от отцов Святой Горы. Впрочем, не до конца, не до полной неизвестности остался он скрыт. Некоторые монахи и не монахи, лица, посетившие Афон или имевшие с ним переписку, оценили и глубоко полюбили его. Среди них были и епископы, и священники с высшим богословским образованием, и благочестивые миряне.

Помним такой случай. В монастыре немалое время гостил один православный иностранец, на которого встреча со старцем произвела глубокое впечатление. Он полюбил старца и часто ходил к нему; об этом узнали монахи. Как-то один из наиболее влиятельных соборных старцев, иеромонах Н., человек начитанный и живого ума, встретив его в коридорах монастыря, сказал:

— Не понимаю, почему вы, ученые академики, ходите к отцу Силуану, безграмотному мужику? Разве нет кого-нибудь поумнее, чем он?

— Чтобы понять отца Силуана, надо быть «академиком», — ответил гость не без боли в душе.

Тот же иеромонах Н., продолжая не понимать, почему старца Силуана почитают и посещают «ученые» люди, беседуя с отцом Мефодием, монахом, много лет заведовавшим книжной лавкой монастыря, заметил:

— Удивляюсь, зачем они к нему ходят. Он, небось, ничего не читает.

— Он ничего не читает, но все делает, а другие много читают, но ничего не делают, — ответил отец Мефодий.

Старец говорил: «Хорошо всегда и во всем искать от Бога вразумления, что и как нужно сделать или сказать».

Старец говорил, что Дух Божий учит жалеть всю тварь, так что «без нужды» и листа на дереве не хочется повредить.

Старец с большим чувством красоты смотрел на облака, на море, на горы, леса, луга, на отдельное дерево. Он говорил, что слава Творца великолепна даже в этом видимом мире, но видеть славу Самого Господа в Духе Святом — есть видение, безконечно превосходящее всякую мысль человеческую.

Однажды наблюдая движение облаков на изумрудно-голубом аттическом небе, он сказал:

— Я думаю: какой величественный наш Господь. Какую красоту создал Он во славу Свою, для блага народа Своего, чтобы народы в радости славили Творца своего... О, Владычице, удостой народ видеть славу Господню.

Мы говорили старцу, что есть люди, которые безстрастие понимают не как любовь Божию, а как особое созерцание бытия, стоящее выше различения добра и зла, и что такое созерцание они считают большим, чем христианская любовь. На это старец сказал:

— Это вражья наука; Дух Святый так не учит.

И слушая старца, мы не могли не вспоминать демонических образов тех «сверхчеловеков», которые восходят «по ту сторону добра и зла».

Старец говорил:

— Дух Святый есть любовь, и Он дает душе силу любить врагов. И кто не любит врагов, тот не знает Бога.

Этот последний критерий в душе старца занимал совершенно исключительное и безспорное место. Он говорил:

— Господь — милостивый Создатель, и Ему всех жалко. Господь жалеет всех грешников, как мать жалеет своих детей даже тогда, когда они идут недоброй дорогой, и где нет любви к врагам и грешникам, там нет Духа Господня.

Мы спросили старца: как может кто-либо любить всех людей? И где найдешь такую любовь, чтобы стать единым со всеми?

Старец ответил:

— Чтобы стать со всеми единым, как говорит Господь: *да будут все едино* (Ин. 17, 21), не нужно нам ничего придумы-

вать, у всех у нас единое естество, и потому естественно было бы нам всех любить; а силу любить дает Дух Святый.

Помню, в один момент моей жизни, увлеченный творениями святых отцов, я сказал ему с печалью: «Жалею, что у меня нет ни сил, ни времени заниматься изучением богословия». На это он ответил: «И вы считаете это великим делом?..» Помолчав, он добавил: «По-моему, велико только одно: смирить себя, ибо гордость мешает нам любить».

Беседа старца о курении

В 1905 году отец Силуан провел несколько месяцев в России, часто посещая монастыри. В одно из таких путешествий в поезде железной дороги он занял место напротив одного купца. Последний с дружеским жестом раскрыл перед ним свой серебряный портсигар и предложил ему сигарету. Отец Силуан поблагодарил за предложение, отказавшись взять сигарету. Тогда купец начал говорить: «Не потому ли, батюшка, Вы отказываетесь, что считаете это грехом? Но курение помогает часто в деятельной жизни; хорошо прервать напряжение в работе и отдохнуть несколько минут. Удобно при курении вести деловую или дружескую беседу, и вообще, в ходе жизни...» И дальше пытаясь убедить отца Силуана взять сигарету, он продолжал говорить в пользу курения. Тогда все-таки отец Силуан решил сказать: «Господин, прежде чем закурить сигарету, помолитесь, скажите одно „Отче наш“». На это купец ответил: «Молиться, перед тем как курить, как-то не идет». Силуан в ответ заметил: «Итак, всякое дело, перед которым не идет несмущенная молитва, лучше не делать».



ЕПИСКОП АНТОНИЙ (ФЛОРЕНСОВ)

(1847—1918)

Епископ Антоний (в миру Михаил Симеонович Флоренсов) родился 27 августа 1847 года в селе Труслейка Симбирской губернии. Родители его из духовного сословия. Окончил Симбирскую Духовную семинарию и Киевскую Духовную академию. В 1878 году рукоположен во священника в Симбирском кафедральном соборе. В 1887 году был назначен ректором Самарской Духовной семинарии. В этом же году пострижен в монашество (овдовел в 1882 году). В 1890 году хиротонисан во епископа. Возглавлял Волынскую, Вологодскую и Ростовскую кафедры. С 1898 года находился на покое в Донском монастыре, где и скончался 20 февраля 1918 года. Похоронен на монастырском кладбище.

Духовные беседы

(Беседы записаны Христиной Сергеевной Арсеньевой)

13 июля 1909 г. Понедельник. В Донском.

Нам было известно, что в этот день вечером, в 6 часов, в Донской монастырь придут к епископу Антонию два депутата от старообрядцев: священник Дмитриевский и товарищ председателя весеннего старообрядческого съезда в Нижнем поговорить с владыкой и объяснить ему свое дело до него. Они приходили к нему дня за два-три перед этим, и вот как владыка рассказал нам об этом их визите. Часов в 11 утра к нему приехал преосвященный Иоанн, вернувшийся из командировки с Дальнего Востока, знаток по старообрядчеству. И надо же случиться такому совпадению. Сидят они в гостиной — звонок. Келейника не было дома. Преосвященный Антоний подходит сам к двери и, по обыкновению, спрашивает, не открывая ее: «Кто? Как имя?» На это он получает

довольно дерзкий ответ: «Неужели же имя вам что-нибудь скажет?» — «Я без имени не приму». — «Так как же? У нас серьезное и важное до вас дело». — «А как угодно». — «Со мной священник, у нас есть карточки». Тогда владыка накладывает цепь, отворяет дверь и через образовавшуюся щель берет карточки. Возвращается в гостиную и предлагает преосвященному Иоанну удалиться пока в кабинет, что тот и делает.

Владыка впускает гостей и в передней говорит им: «Даже Христос спрашивал имя, а Он не имел нужды в том, Он Сам все знал». После этого владыка вводит их в гостиную и, узнав, что они хотят говорить с ним именно наедине, берет карандаш, притворяет дверь в кабинет и, прочитав карточку священника Димитрия, спрашивает: «Старообрядец?» Тот, смущенный, отвечает: «Да, я только недавно перешел в старообрядчество». Владыка спрашивает у него подробности о его годах, семействе и записывает все это на карточке, чем возбуждает следующий вопрос: «Зачем вам это надо?» На что владыка ему: «А вот я свои вопросы докончу, тогда буду отвечать на ваши».

Записав все на карточке священника, преосвященный Антоний обратился с такими же вопросами и к [товарищу председателя] и записал ответы на них на его карточке. Усадив их, спросил, зачем они к нему пожаловали. «Нам бы хотелось принять к себе епископа из никонианской церкви». Владыка сказал, что он совсем незнаком с современным старообрядчеством и не знает подробностей о всех их «согласиях». Он просит письменно изложить все дело, с которым они к нему пришли. Владыка спросил их, знают ли они епископа Михаила (Семенова), на что священник отвечал, что они по его письму и пришли к владыке. На вопрос епископа Антония, не с собой ли у него письмо, он его вынул и подал сложенным владыке, который, не развертывая письма, положил его вместе с карточками на стол и, сказав, что у него в гостях преосвященный Иоанн, которого ему неловко задерживать, позволил им зайти к нему еще раз по этому делу, о котором он подумает. Согласились на понедельник 13 июля, в 6 часов вечера.

Когда эти посетители ушли и преосвященный Иоанн уехал, владыка стал читать письмо епископа Михаила.

Москва, Девкин пер., д. Тарасова, кв. 48, свящ. Андрею Дмитриевскому.

*«Глубокоуважаемый отец Андрей! Сижу на даче даже без почтовой бумаги. Простите. Указать возможных кандидатов мудрено. Я не думаю, что вы найдете. Я бы назвал только Антонина[1], живущего в Сергиевой пустыни под Петербургом, Кириона[2], заключенного в Санаксарскую обитель в Тамбовской губернии, или Леонида[3] — с Кавказа. Где он — не знаю. И Антония, живущего в Донском монастыре в Москве. Но весьма мало надеюсь на смелость первого. От последнего (Леонида. — **Ред.**) возможен и резко отрицательный ответ. Это человек странный, и никогда нельзя угадать, как он посмотрит на то или другое дело. Надежнее других последний, честнейший, прекраснейший и ученый человек. Его желал бы и я. Если не он, то Леонид. Еще назвать никого не могу. Предан, епископ Михаил».*

Симбирск. Книжная лавка старая «Новая Книга», для епископа Михаила.

Понять из письма, что нужно старообрядцам от православного епископа, было невозможно. Нужна «смелость» этого епископа, значит, дело серьезное. Преосвященный Антоний полагал, что старообрядцы хотят вернуться к Православию, если им сделают кое-какие уступки, а так как они — депутаты очень влиятельные, то можно будет сделать великое дело для Церкви Христовой. Владыка просил нас помолиться о нем 13-го, и мы с отцом Николаем[4] решили поехать к нему в этот день к ранней обедне, у которой, конечно, он будет, чтобы помолиться с ним вместе. Владыка нас заметил в церкви, прислал нам антидору и после обедни пригласил к себе пить чай. Отец Николай не мог оставаться долго, поскольку

---

[1] Епископ Антонин (Грановский).
[2] Епископ Кирион (Садзагелов).
[3] Епископ Леонид (Окропидзе).
[4] Отец Николай Васильевич Арсеньев.

в половине 10-го был назначен вынос тела С. С. Перфильева, а я осталась. Время шло незаметно, и келейник отправился в 1-м часу за обедом.

Звонок. Владыка подходит к двери, и в ответ на его вопрос: «Кто?» — я слышу из-за двери: «Митрополит». Преосвященный возвращается в гостиную и говорит мне, что в Донской к преосвященному Иоанникию приехал митрополит и что его, владыку, предупредили, как бы он не пришел и к нему. Вскоре вернулся келейник[1], а через пять минут прибежали с вестью, что митрополит идет к владыке. Он вышел к себе в кабинет, и я в ужасе ждала минуты — встретиться здесь с митрополитом одна. Слышу — шаги по лестнице, затем в передней. Слышу раздевается, ставит посох — преосвященный Антоний все не идет. Наконец шаги с обеих сторон, и владыки одновременно выходят из своих дверей и встречаются целуясь. Затем митрополит обращается в мою сторону, а преосвященный Антоний, показывая на меня: «Позвольте вам представить...» Затем епископ Антоний попросил митрополита Владимира[2] садиться на диван, на что тот ответил: «Нет, даму на диван». Я, конечно, не согласилась, и митрополит прошел на диван, владыка Антоний сел в свое кресло, а я через кресло от дивана — на стул. Между владыками начался разговор. Епископ Антоний рассказал, что был в Симбирске. «Да, я знаю, вы два дня как вернулись оттуда». По чьим-то интригам под пустынь отвели другую часть земли, а старинную часть, о возвращении которой под монастырь епископ Антоний, собственно, и хлопотал, думают продать симбирским староверам. Теперь преосвященный Антоний хочет хлопотать о том, чтобы ему разрешили купить оба куска, по обеим отводным. Вот он и собирается в Петербург по делу о Соловецко-Симбирской пустыни.

Говорили о нездоровье митрополита Антония Петербургского, причем митрополит Владимир высказал уверенность, что газеты это преувеличили, как они всегда делают. И тут я

---

[1] Александр Владимирович Желтовский.
[2] Митрополит Владимир (Богоявленский).

сказала, что, слава Богу, владыка митрополит Владимир опять выглядит хорошо, по-московски, а из Петербурга приехал с истомленным лицом. Митрополит Владимир этому обрадовался: «Да. Значит, московский климат мне полезнее! Зато и трепни тут больше». Преосвященный Антоний: «Чего больше?» — «Трепни, треплюсь больше». — «А я думал, что за «слепни»? Да как будто их у нас здесь нет». Преосвященный делает вид, что не знает русских выражений, а ведь чистокровный русак! Митрополит Владимир продолжает разговор на эту тему, что теперь, после японской войны, появилось множество слов в русской речи, например «кое-каки».

Затем, обращаясь ко мне, спрашивает: «Ну, как себя чувствует в новом приходе отец Николай?» — «Слава Богу, прекрасно, благодарен вам». Преосвященный Антоний: «Да, ведь и Христина Сергеевна тоже хорошо себя чувствует, а ведь на Самотеке она все была больна». Митрополит: «Да, квартира ваша была очень плохая. Сколько лет вы в ней жили?» — «С войны. Да тут дело не только в квартире, о которой вы, владыко, изволили сказать отцу Николаю, что жить в ней было подвигом, но и в Самотеке». — «Ах да, Самотека... Но ведь у меня на Троицкой улице воздух очень хорош и самотекских микробов нет». «Да, владыко, и я вам уже говорила, что отец Николай написал вам с просьбой перевести его без моего ведома. Если бы я знала об этом, то остановила бы его, и, может быть, мы бы решили вопрос иначе, взяв квартиру наверху. Но теперь я верю, что этот переход совершился по воле Божией. Ведь мы думали и умереть в том приходе». — «Почему же так? Ах да, это был ваш идеалистический взгляд!» — «Да, но теперь, повторяю, отец Николай вполне верит, что через вас им управляла рука Божия, и он спокоен и радостен».

«А как его коллега, второй священник — Кудрин?» — «Пока очень с ним хорош». — «Значит, он с отцом Миловским не сошелся, может быть, по личным вопросам и из личной антипатии?» — «Не знаю, только о тяжелом характере отца Кудрина предупреждают отца Николая со всех сторон». — «Но ведь все идет хорошо?» — «Да, и надеюсь, что и впредь будет все так же хорошо, поскольку и отец Николай

стал опытнее и вторично ошибок не сделает». — «Какие же ошибки?» — «Ошибки в отношениях с людьми. Он, как всякий умный человек, их не повторит». — «Ну ведь как смотреть: с идеальной точки зрения отца Николая, это были не ошибки, а как люди об этом судили — это все равно».

Митрополит Владимир стал говорить о том, что его удивило желание отца Николая перейти на приход именно тогда, когда там только что возникло основанное им братство святителя Митрофана: «Ведь мне внутреннее убеждение говорит, что капитал в него положен вами». Тут епископ Антоний нагнулся к четкам митрополита и, любуясь ими, спросил, откуда они у него, где бы ему такие купить. На это митрополит, смутившись, ответил, что не советует ему следовать в этом его примеру, потому что может развиться страсть к сребролюбию и поклонению золотому Ваалу. Четки были серебряные, с золотыми разделительными бусинами и золотым крестом.

На минуту преосвященный Антоний вышел в кабинет и вернулся оттуда с карточками старообрядцев, бывших у него, и письмом епископа Михаила (Семенова). «Вас, владыко, послал Сам Господь сегодня. Ваше посещение для меня провиденциально». И начал рассказывать о недавних посетителях, которых он ожидает и сегодня. Я незаметно притворила дверь в переднюю, около которой, в комнате Желтовского, сидел он сам с келейником митрополита Павлом. Когда епископ Антоний, рассказывая что-то, уклонился в сторону, митрополит заметил ему это, попросив быть ближе к делу. Преосвященный отвечал, что это он нарочно делает, чтобы подольше удержать у себя владыку. И затем, не спеша, стал все подробно рассказывать. Когда дошло дело до письма епископа, он передал его митрополиту, но у владыки Владимира не оказалось очков, и, хотя он и взял в руки письмо, стараясь его прочитать, я не вытерпела и предложила свои услуги. Сначала епископ Антоний воскликнул: «Ни за что», но затем велел сесть поближе к митрополиту и пониженным голосом читать. Я села в кресло рядом с диваном и прочла письмо медленно, очень тихим голосом, при самом внимательном слушании этого чтения обоими владыками. По окончании его епископ

Антоний сказал, что сегодня будет продолжение. Они придут к нему в 6 часов вечера, но он им ничего не ответит, а велит изложить свое дело письменно. О дальнейшем ходе его он сообщит владыке.

«Хочется мне, чтобы эти овцы вернулись в наше стадо», — сказал епископ Антоний. «Смотрите, как бы они не оказались волками и не поймали бы вас», — ответил митрополит, чем вызвал такой убежденный в обратном возглас епископа Антония, что почувствовалась в нем сила нерушимая. Перед этим митрополит выразился так: «Что же делать, административных мер против этого, после данных свобод, предпринять нельзя, остановить их нельзя». Епископ Антоний: «Да я не с этой точки зрения. Мне хочется, чтобы они вернулись». Тут владыка митрополит встал и начал прощаться. На вопрос епископа Антония, где он будет служить 15-го, тот отвечал, что в Перерве, куда его, преосвященного Антония, он и приглашает. Владыка Антоний спросил меня, где я буду в этот день, и я напомнила им, что 15-го — день памяти тети Голицыной и мы все будем в Скорбященском монастыре на заупокойной обедне. Преосвященный Антоний выразил желание также приехать туда в этот день — помолиться на могиле тети (что и исполнил, несмотря на сильную бурю и холодную погоду).

23 июля 1909 г. В Донском.

Читаю газеты про ужасы испанской революции. Священников, монахов и монахинь убивали и жгли живыми. Беседую об этом с владыкой.

Х. С. Вот и мы, пожалуй, доживем до таких ужасов. Хоть бы уж если пострадать, то вместе с вами.

Е. А. Нет, мы до этого не доживем.

Х. С. Вы не доживете, а мы?

Е. А. И вы. Отец Николай не такой, он не для мученичества.

Х. С. Так ведь это завидная участь — мученичество.

Е. А. Ну это как смотреть. Вспомните следующее: коринфяне во времена апостолов были самый образованный,

культурный народ, как теперь современные нам французы. И женщины у них были развитые, аристократки, — держали мужей под башмаком. И вот эти коринфяне, обратившись в христианство, более всех Даров Духа Святаго, полученных в день Пятидесятницы, ценили дар говорить на разных языках, красноречие. А им апостол что пишет? «Если вы и на языках будете говорить, а любви иметь не будете, то будете подобны меди звенящей или кимвалу бряцающему»[1]. То есть: медь звенящая — это, вероятно, однотоновый колокол — дон-дон, — кому интересно его долго слушать? А кимвал — двутоновый инструмент, также надоедающий. Так вот, если ваше красноречие не будет проникнуто любовью, то скучно его будет слушать, как звон колокола или звуки кимвала. Далее: «Если и тело свое предам на сожжение, а любви не имею, то я ничто»[2]. То есть: если и на мученичество пойду, и на мучение самое ужасное — сожжение меня живым, — но любви христианской в себе не имею, то такой подвиг для меня тщетен. Так вот я и желал бы для отца Николая именно такую любовь приобрести, а не через мученичество спастись.

Е. А. Замечательно, что в Евангелии нигде Христос не бранит женщин. Не говорит Он: «Горе вам, книжницы и фарисейки, лицемерки и тому подобное», а всегда бранит исключительно мужчин. Почему? Да потому, я думаю, что мужская натура, природа, — очень грубая. Возьмем, например, апостола Фому. Боже мой, каким грубым он себя показал! Христос воскрес и в первый день явился десяти ученикам Своим. Фомы не было в это время с ними, наверное, по какой-нибудь уважительной причине: нездоровилось или еще что-нибудь. Но, конечно, это было по воле Божией. Когда он пришел, десять апостолов ему рассказывают, что видели воскресшего Господа, но он один идет против десяти и смеет не верить. Говорит: «Если не увижу на руках Его язвы гвоздиные и не вложу пальца моего в язвы от гвоздей (Боже мой! Какие же это были гвозди, если можно было вложить палец в

[1] 1 Кор. 13, 1. (Все цитаты приводятся в авторском варианте.)
[2] 1 Кор. 13, 3.

рану от них! И еще копьем было прободено ребро: какое — левое или правое — вот интересный вопрос) и если не вложу руку мою (тут уж целую руку!) в ребра Его, — не иму веры»[1]. И вот через неделю, дверем затворенным, Христос вновь является апостолам. На этот раз и Фома здесь. Сначала Иисус всем вообще преподает мир Свой. А затем... Тут я преклоняюсь, повергаюсь, сердце мое переполняется чувством ко Господу. Вот в чем и разнится любовь к людям — ей можно поставить границу, — а это ко Господу! Он мог бы сказать Фоме: «Как ты, тварь, посмел так отнестись к Моему явлению, к Моему воскресению?!» Попробовал бы так поступить хоть один из послушников здешних, хотел бы я видеть, что бы он вызвал в начальнике своем! А Христос? Он говорит Фоме: «Подай перст твой да и вложи в раны Мои; и руку твою — в ребра Мои; и не будь неверен, но верен!» Тут уж Фома восклицает: *Господь мой и Бог мой!* Но все же Христос выражает ему Свое недовольство, или как бы показывает его словами: *Блаженны невидевшие и уверовавшие*[2].

19 июля 1909 г. В Донском.

Е. А. В одиночестве много приходится думать. Читать Евангелие — Слово Божие и думать. Часто приходит мне в голову: почему Бог начал спасение не с первого погибшего Своего создания — ангела (теперь диавола), а с человека?

Разговор начался с того, что я, увидев подаренный мной кувшин для молока, стоявший в кабинете на окне без употребления, спросила, почему он его не использует.

Е. А. Да, если разобьют кувшин, мне будет неприятно. А вам его отдать — это не полагается, подарки назад нельзя возвращать. Вот я думаю, что и спасение людей совершилось потому, что рай им был Богом дан и взять его назад Господь не хочет. Представьте себе, что у меня два сына. Старший — хитрый и злой, а младший — глуп как пробка. Оба передо мной провинились, оба ослушались моей воли. Я их обоих наказал. Но младший ждет прощения, желает его, стремится

[1] Ин. 20, 25.
[2] Ин. 20, 26—29.

к нему, а старший — нет. Прощение и дано младшему — человеку, согрешившему по глупости, по наущению старшего. Бог, чтобы спасти его, принял его плоть. А ведь если бы надо было спасти Ангелов, то Он принял бы естество Ангелов, сделался бы не Богочеловеком, а Богоангелом.

24 июля 1909 г. Пятница. У нас.

Владыка Антоний привез проповедь отца Николая, произнесенную им по поручению митрополита Владимира в Скорбященском монастыре 30 июня, в праздник двенадцати апостолов, в день посвящения во игумении матери Нины (накануне я отдала ему проповедь для прочтения). Некоторые места владыка подчеркнул и мягко, нежно выговаривал за них. Проповедь о покаянии, вызванная самосокрушением. Ввиду этого самосокрушения появляются сравнения с собой в пользу монашенок.

Е. А. Где вы у Христа или святых апостолов видели такие сравнения? Их в Евангелии нет. Зачем вы пишете, что монашенки, придя в обитель, из грешных сделались святыми, из врагов Христа обратились в друзей Его. Ведь некоторые сдуру-то и поймут так, что только в их ограде друзья Христа. Ну а вы кто? Разве враги Его? Это ужас!

Зачем вы упоминаете о диавольской гордыне в людях? Этого не может быть. Диавольская гордыня у диавола, а у людей — людская гордыня, человеческая.

Приписали «Аминь» — о покаянии. А какая мысль Церкви — праздновать собор двенадцати апостолов?

5 августа 1909 г. В Донском.

Я говорю, что не в расположении говеть.

Е. А. Говеть? Что это такое? Надо всегда быть, «как говеть». Видишь в себе занозу — тащи ее.

Х. С. А я не могу без помощи духовника. Вообразите себе, что у нас две чистые белые простыни. У вас она так чиста, что каждое пятнышко на ней видно, и вы стараетесь появившееся сразу вытереть, а у меня масса таких пятен, и нужна стирка, говение.

Е. А. Нечего носиться со всяким пятнышком к духовнику. Если вы желаете исповеди, как Таинства, — ну это другое дело. К Таинству этому, как очищающему от всех грехов, довольно прибегать раз в год, на Страстной неделе, и тогда «сдавать» все грехи, все вместе.

Х. С. А я раньше говела каждый пост или даже чаще.

Е. А. Ну а я себя не считаю достойным так часто приступать к Таинству Причащения. Смотрите, как привыкают к нему! Вон наши мужики, иеромонахи, — больно смотреть, как они, чередные, служат и как причащаются! Иногда и пьяные... А раньше ведь с большим благоговением приступали. Вы вот говорите, что у меня простыня чистая, с маленькими пятнышками. Пятна — все пятна. У Бога нет ни больших, ни маленьких. Он и большое, как океан, пятно очистит безследно, и маленькое, крошечное пятнышко оскорбит Его, если ты не хочешь его стереть. Так ведь не все же к духовнику таскать. Ну если, не дай Бог, соделаешь смертный грех — тогда скорей к духовнику, освободи свою совесть. Самый тяжкий грех — убийство: тут ты вступаешь в права Творца — Бога. Вы сравниваете состояние души с простыней, а я иначе скажу. Это — лес, и растут в нем и лопухи, но растут и орехи, и чудные грибы, и ягоды. И если лопух не на дороге растет и не мешает, то пусть его. Вон посмотрите на это дерево: как в нем все дивно, хорошо устроено: веточки, листья, цветы. Начните его подстригать и обчищать — что выйдет?

Х. С. Значит, надо дать свободу дереву развиваться, как природа хочет, не куркузить его?

Е. А. И культивировать надо, а то диким вырастет.

(Эта беседа записана приблизительно, боюсь, что не сумела ее передать.)

6 августа 1909 г. В Донском.

Х. С. Что такое: «не введи нас во искушение»?

Е. А. А дальше как? «Но избави нас от лукаваго». Это продолжение той же мысли. Не введи нас во искушение лукаваго, но избави нас от него. Искушение лукаваго — диавола;

искус — искусный силок, искусная ловушка, капкан, поставленный на нашем пути. Все гладко на этой дороге, все ровно. «Иди по ней смело», — говорит нам диавол, известный клеветник и лжец. Но как бы не так! Мы смело ступаем, а там нас ждет вместо гладкой дороги опасный овраг или капкан. Так вот зверей или птиц ловят в капканы, в силки. Поверишь лукавому, что тут дорога безопасна, да и попадешься в капкан. А диаволу только это и нужно: кончен твой путь в Царствие Небесное. А если и не кончен, если поднимешься, вырвешься, то уж калекой-то не так пойдешь дальше да и за собой никого не поведешь.

2 октября 1909 г. В Донском.

Е. А. Если бы кто-нибудь обратился ко мне с вопросом, что говорит о смертной казни Священное Писание, я бы ответил, что ничего не говорит. Священное Писание говорит для каждого человека в отдельности, что́ он должен или не должен делать. Ты хочешь убить — Священное Писание говорит тебе: «Не убий». А политическими вопросами, общественными оно не занимается. Оно выше этого. Оно слишком мудро для этого. Действительно, каждое правительство может смотреть на дело по-своему, и непременно то или другое правительство нашло бы политический совет в Библии вредным, опасным, революционным, и самая Библия могла бы быть запрещена в государстве как революционная книга.

Владыка вспомнил свою беседу у нас в доме в воскресенье, 27 сентября, при Надежде Васильевне Арсеньевой, которая от его слов смутилась. Разговор шел тогда о святом Иоанне Златоусте. Отец Николай говорил о том, что Иоанн Златоуст — любимый им святой, его идеал. И он обратился к владыке с вопросом, как тот относится к святителю.

Е. А. Он был оратор. Я люблю святого Григория Богослова, он мне больше по душе. Святой Василий Великий педантичен: поклоны, посты. Святой Иоанн — оратор, но этим меня не возьмешь, ведь Христос-то не был оратором. Вот и прозвали святого Григория Богословом (и правильно!), а святого Иоанна только Златоустом. Вообще нужно на Христа

смотреть, Ему подражать. Многих святых не поймешь. Вон святой Симеон на столп забрался спасаться. Так ведь я этого не сделаю, такой глупости.

В это время отец Николай и заметил на лице своей сестры смущение и недоумение и сказал о том владыке.

Е. А. Что же тут смущаться? Кто со Христом, тому другие идеалы не нужны.

Когда владыка уехал, Наденька сказала нам, что ее смущение от этого разъяснения исчезло, что она вполне удовлетворилась таким разъяснением. Но владыка помнил, что она смутилась, и сегодня начал сам об этом речь.

Е. А. Не помню, но я чем-то смутил Надежду Васильевну. Вы или отец Николай мне об этом тогда сказали.

Я напомнила.

Е. А. Ах да, ну конечно. Нельзя заслонять себе образ Христа каким-нибудь человеком. Вот хоть Трифон[1]. Нашел старца Амвросия, и только и разговора у него, что о нем. А зачем я буду пить из колодца или из мелкого ручейка, когда передо мной чудная река. Зачем я буду смотреть не на учение Самого Христа, а на Его последователей, хотя и святых людей (я преклоняюсь перед ними, чту их святость, пропускаю их вперед, благословляю их — живите с Богом), но все же заблуждавшихся, грешивших и к чистой воде Его учения добавивших свои примеси. Зачем я буду влезать в их кожу? Например, Серафим преподобный сорок или сколько-то там дней и ночей стоял на камне и молился. Где Христос указал нам на это? И делал ли это Сам Христос?

Тут я решилась сказать следующее с извинением, что смею возражать и как бы учить его. Указала, что Христос, как Бог, в безгрешном человеческом теле не имел нужды в такой молитве, а преподобный Серафим, как известно, боролся этим способом с помыслами.

Е. А. Да, вот некоторые нацепляют на себя вериги, гири, чтобы плоть истощить, страсти ее убить! Оскопляют себя. Не так они борются. Это паллиатив[2]. Здоровенный мужчина на-

---

[1] Епископ Трифон (Туркестанов).

[2] Полумера.

девает на себя вериги и думает этим плоть смирить, как лошадь в стойло ввести. Нет, ты борись диетой. Диета так иссушит тебя, что все страсти отлетят. Это будет средство не противное природе.

26 и 27 сентября 1909 г. В Донском и у нас.

Владыка говорил о книге «Согласно ли с Евангелием учение Лютера?», которую мы с отцом Николаем собирались совместно переводить на немецкий язык.

Е. А. Прежде всего что это за заглавие? Для кого оно? Если взглянет на него православный, то скажет: «Конечно, нет, конечно, несогласно, я это знаю, я в этом уверен» — и не станет читать книги. Лютеранин же, наоборот, увидев такое заглавие, скажет: «Я знаю, что согласно, и не требую доказательств или опровержений этому» — и также читать книги не будет. Надо было составить заглавие просто: «Лютер, его жизнь и учение».

Это было бы хитрее. Всякий бы поинтересовался, не найду ли чего нового для себя в этой книге.

Затем вот что мы читаем: «Так вот эти самые индульгенции-то и испортили все дело. Не будь индульгенций, не было бы и протестантства». Лютер был умный человек и не мог примириться с фальшью индульгенций. Ведь Папа отпускал в индульгенциях грехи и умершим, если они были куплены на их имя, — ну, на этом основании Лютер стал опровергать и вообще молитвы за умерших. Также и Господь Бог — милосерд, но и правосуден. Об этом надо подумать. Если бы — только правосуден, то и спасение наше через Христа не совершилось бы.

Теперь наступил пароксизм неверия, безбожия, противления Христу. Этот пароксизм утихнет, но затем следующий уже будет сильней. Мы должны знать это и готовиться.

29 октября 1909 г. У нас.

Е. А. Нужно ли всегда говорить правду? ...всем?

Молчание.

О. Н. С некоторых пор я стал иначе об этом думать.

Е. А. Да. Как же, Сам Бог не всем Свою Правду, Свою

Истину открывает, а перед иными и утаивает ее?! ...*Утаил сие от мудрых и разумных и открыл младенцам*[1]. Так и я, должен брать здесь пример. И если я вижу перед собой премудрого и разумного в житейском смысле (мнящего себя таковым), то, извините, — я молчу, я ему моей правды не открываю — ни за что. А вот если младенец передо мной, тогда другое дело. Один питается одной мудростью, другой — другой.

11 ноября 1909 г. В Донском.

(6 августа Х. С., видимо, по просьбе Леона задала владыке вопрос «об искушении». — *Ред.)*

Леон, выслушав прочитанное мной объяснение епископом Антонием слов: «не введи нас во искушение», объяснением удовлетворился, но сказал, что ему осталось непонятным, что надо считать искушением.

Е. А. Когда вы мне в тот раз предложили вопрос Лео об искушении, у меня сейчас же явился целый поток, рой, каскад ярких мыслей по этому поводу. Возьмем две иллюстрации.

Во-первых, искушение Евы в раю[2]. Она должна была, прежде чем поддаться искушению, задать себе вопрос: «Верно ли то, что ей говорит и обещает змий?» Так и мы должны при искушении ставить себе вопрос: «Верно ли это?» Ева послушалась диавола, поверила ему больше, чем своему мужу, который сам, лично, слышал заповедь от Господа. Ева ее от Бога слышала. (Да и вообще все заповеди были к нам, мужчинам, а с вас не так будет взыскиваться.) Ева была создана спустя некоторое время по сотворении Адама, спустя довольно времени. Адам уже жил в раю, пользовался всеми благами его и владел там всем, и только плоды одного дерева, стоявшего посреди рая, были запретными для него. Это было древо познания добра и зла.

Какое же тогда было зло? В людях и на земле его не было. Оно было только в диаволе. Добро в Боге, зло — в диаволе. Змий так искушает Еву, что не отрицает факта запрета со стороны Господа Бога о вкушении плодов с этого древа. Диавол,

---

[1] Лк.10, 21.

[2] См.: Быт. 3.

заметьте, всегда так поступает: он оставляет половину правды, а к ней прибавляет ложь. Так легче обмануть, если присутствует часть правды. И вот змий говорит Еве, что да, Бог запретил вкушать плоды с этого дерева, но вовсе не оттого, что, вкусив их, вы *смертию умрете*, а потому, что вы сами сделаетесь, как боги. Ева еще была так чиста, так доверчива, совсем не знала лжи, что она поверила этим словам. Удивительно, зачем она дала яблоко Адаму, а не ограничилась тем, чтобы попробовать его самой?

Х. С. Вероятно, она хотела, чтобы и Адам сделался, как бог, а не она одна.

Е. А. Так она могла бы раньше попробовать, испытать, исполнится ли на ней обещанное змием, и тогда уже соблазнить или не соблазнить Адама. Адам же вообще не должен был брать этого плода — ведь он лично слышал заповедь от Бога. Он мог повторить Еве слова Божии и разъяснить ей, что змий лжет. И что бы тогда вышло? Если бы одна Ева ослушалась? Тогда вся история человечества иначе бы развернулась.

Адам и Ева не удержались, согрешили. Согрешили, как дети, не представляя себе, какое великое последствие несет за собой в мир их грех. И спрятался Адам, как ребенок, услыхав в раю шаги Бога. На Его вопрос: «Что ты сделал?» — Адам отвечает, что «жена, которую Ты мне дал, подала мне яблоко, и я его съел». Это место некоторые недальновидные комментаторы и законоучители понимают и объясняют так, что Адам упрекал Господа. Боже мой! Да как можно так думать! Не надо забывать, что Адам был чистый, как ребенок, и ответил просто, констатируя факт, что дело было так, а не иначе. (Вот тут Бог мог бы спросить: «Да ведь Я тебе давал заповедь, а не ей, отчего же ты не отказался от соблазна?» Что бы Адам на это ответил? Но в Священном Писании об этом ничего не говорится.) Дальше Господь обращается к Еве. Ева также констатирует факт, что это змий ей дал яблоко и она вкусила.

Начинается наказание за грех. Адаму, пользовавшемуся всем (кроме древа познания добра и зла) в раю без труда, повелевается отныне в поте лица своего возделывать землю,

без чего она не будет больше кормить его, и он с голоду умрет, если не станет работать. Ева, поверившая словам диавола больше, чем словам мужа своего (поверившая ему больше, чем мужу), будет за это в порабощении и послушании у мужа. А самое тяжелое наказание диаволу, как главному виновнику.

Так вот видите, каким образом диавол выставил свое искушение?! Оно оказалось обманом. И теперь повторяет он то же самое, только картины другие. Так вот и скажите Лео, что не надо нам быть такими глупыми, чтобы не понимать, когда нам готовится обман, а нужно разбирать, что тут обман.

Теперь другая картина. Диавол искушает в пустыне Самого Господа Христа. Тут уж он не прибегает к обману, здесь это у него не пройдет. Он берет истину.

(Здесь разговор прервался.)

Х. С. Благословите меня в такой-то день (называю число и месяц) съездить к Троице.

Е. А. Сердце мое как камень в данном вопросе. Не знаю, что вам сказать. Зачем?

Х. С. Есть у меня предчувствие, основанное на некотором предсказании, что в этот день меня ждет большое искушение, и мне хочется таким образом избежать его. Бывают ведь странности. Я этого дня боюсь (такого именно числа и месяца 1909 года) уже давно, уже месяца два. Оттого и хочу уехать на этот день в лавру. Помните, вы мне говорили, что надо и диавола обманывать?

Е. А. Да, я вам это говорил, но не сказал вам, как это делать. Смотрите, как бы здесь не вышло наоборот. Вызовете на борьбу.

Я перекрестилась в ужасе.

Е. А. Да, будьте осторожны. Раз такое предчувствие есть, не считайтесь с ним, это будет самое лучшее. А тем, что вы уедете в лавру, вы искушения не победите, вы можете сами оказаться побежденной. Это малодушие — бежать от себя самой. Проведите спокойно дома этот день, и, поверьте, тогда у вас, по прошествии его, настроение духа будет лучше, чем если бы вы в этот день съездили в Лавру.

27 ноября 1909 г. Пятница. У нас.

Говорили о жене Льва Волкова касательно их развода и о том, что она в письме своем пишет: «Да будет со мною *воля Господня*».

Е. А. Воля Господня да будет! Конечно, это будет, мы знаем, но о какой воле должны мы желать, чтобы она совершилась? О той, которая совершается на небе — *якоже на небеси и на земли*. Вот мы и молимся, чтобы эта воля Господа, которая совершается на небе, также совершалась (правильно) и на земле. То есть чтобы наша воля соответствовала воле Божией, а не шла с ней вразрез. А чтобы она совершалась с нами, необходимо самим этому содействовать — желать поступать так, как хочет этого от нас Бог. Он все сделал для нашего спасения, но нужно, чтобы и мы желали спасения — насильно Он нас спасать не будет. Он имеет дело с живыми существами, а не с трупами. Вот здесь, на столе, у вас приготовлено всякое угощение, но надо, чтобы мы сами, своими ногами, подошли к столу, затем своими руками взяли бы это угощение. Если же мы сами не захотим, никто не заставит нас взять его. Господь не сотворит такого суда, не накормит тебя насильно, если ты сам сидишь, как безрукий, и сам не хочешь взять предлагаемого.

12 декабря 1909 г. Суббота. В Донском.

Е. А. В среду, когда я уже разделся и лег (в восьмом часу), звонят. Желтовского не было дома. Так не хотелось вставать и принимать кого-то. Однако переломил себя. Спрашиваю: «Кто?» Отвечают: «Толстой». А, думаю, тот самый, о котором говорил отец Николай, лишенный сана священник, перешедший в католичество. Спрашиваю: «Имя?» Отвечает: «Николай». — «Алексеевич?» — «Да». Впускаю. Тот самый. Я пошел одеться, а ему дал бумагу и карандаш и попросил его написать свое имя и адрес. Вернувшись в зал и предложив Толстому стакан чаю, я стал его расспрашивать и ответы его записывал на начатом им листе.

Он родился в 1867 году в Санкт-Петербурге, учился в 7-й петербургской гимназии, но не окончил ее, а перешел

в Пажеский корпус, который и окончил. Затем в 1890 году поступил в Московскую Духовную академию. В том же году женился и был рукоположен во священника преосвященным Владимиром Нижегородским. Номинально был приписан священником в домовой церкви в имении князя Урусова (?) Сергачского уезда Нижегородской губернии. Служил там всего одно лето. По окончании Академии Толстой был выслан Саблером[1] в Рим за свою переписку с ксендзом Вакутелли, братом Папы Льва XIII. Был лишен сана, перешел в католичество, сделался в Риме священником в Греческом Патриархате, где поминал и Папу, как архиепископа Рима. Теперь Толстой живет в Москве как частное лицо, хотя приписан своей церкви в Риме. У его жены дом на Остоженке, в Савеловском переулке. У них четверо детей. Старшая дочь восемнадцати лет замужем за окончившим медицинский факультет Тихменевым, вторая учится в Александровском институте, мальчик шестнадцати лет учится в гимназии, последняя девочка пятнадцати лет тоже где-то учится, в гимназии или в институте, — он сам не знает, так как жена до детей его не допускает. Она жила с ним четыре года и всего его обобрала.

На этом я закончил писать и спросил его, отчего он перешел в католичество. Он ответил, что хотел присоединиться в Риме к Вселенской Православной (он имел дерзость так сказать!) Церкви, потому что там учение чище: о исхождении Духа Святаго от Отца через Сына; о непорочном зачатии Пресвятой Девы; и Папа как организатор внешней церкви — все это возвышает церковь. Тут я его спросил, знаком ли он с богословской литературой по вопросу о католицизме, например с трудами специалиста в этом вопросе профессора Керенского[2] и другими. Оказалось — нет.

Говорю ему: «Вы полагаете, что перешли во Вселенскую Церковь, но вы ошибаетесь — Вселенская во всей вселенной, а Римская — только поместная. Вы один член организма при-

---

[1] В. К. Саблер — управляющий канцелярией Священного синода.
[2] Керенский В. А.

нимаете за целый организм. Вы считаете, что там учение чище. Нет, не чище оно, а наоборот, вы его засоряете, вы засоряете Евангелие. Наш православный Символ веры основан на Евангелии, в нем повторяются евангельские слова.

9-й член Символа мы читаем согласно со словами Самого Христа: *Дух, Иже от Отца исходит*[1]. Он не сказал: «и от Меня» или «и через Меня». Как же вы смеете прибавлять от себя к словам Христа! Читаю, как католики: исходит от Отца Filioque[2], или через Сына, — ничего не понимаю. Читаю, по учению Восточной Церкви без Filioque, — тоже ничего не понимаю. С Filioque или без Filioque — ничего не прибавляется и не убавляется в моем понимании. Это Тайна Божия. Тайна! Здесь потише. Здесь веруй, а голову отыми.

Далее. О непорочном зачатии Пресвятой Девы. На Волыни я имел случай говорить об этом догмате с одним ученым католиком. На мой вопрос, почему они так верят, он ответил, что этим они хотят возвысить личность Христа. На это я ему сказал, что этим они не возвышают Христа, а унижают Его. Ведь немудрено быть непорочным, если мать родилась безпорочно и не наследовала первородного греха. (Так бы и я, пожалуй, был непорочным.) От такой матери можно быть непорочным и не будучи Богом. Но в том-то и дело, что первородный грех оборвался только на Христе — Он положил начало новому человечеству. И затем этим догматом вы делаете из Пресвятой Девы не Богородицу, а богиню, опять засоряете веру в Единого Бога в Трех Лицах.

Теперь о Папе. Мы такого преемника от апостолов не знаем. Мы знаем, что апостолы поставили себе преемниками епископов. А Патриарха, Папу и другие титулы дало уже государство. Они внешние администраторы в Церкви, они как бы по хозяйственной ее части. Не будь Папы и Патриарха — может быть, и разделения Церквей не случилось бы. Поэтому я и теперь против патриаршества — гордость-то разводить. Довольно нам этим заниматься, пора опомниться, перестать!

---

[1] Ин. 15, 26.

[2] «И сына» *(лат.)*.

16 декабря 1909 г. Среда. В Донском.

Был разговор о похоронах архимандрита Иакова, которые состоялись вчера в Донском монастыре. Отпевание совершал за старшего епископ Антоний, сказавший перед разрешительной молитвой речь.

«Преподобный отче, священноархимандрит Иаков, мы собрались проводить тебя туда, «аможе вси человецы пойдем». И всегда эти проводы бывают грустны и печальны, и не потому только, что чувствуешь разлуку, но и оттого, что при этом испытуешь себя относительно умершего: не виноват ли я перед ним, не оскорбил ли, не обидел ли я его, не согрешил ли я перед ним. Совесть истязуешь — и в это время чувствуешь как бы духовный суд в самом себе, как бы исповедь. Но судьбы Божии неисповедимы. Когда я уходил сюда из града Ростова Великого, из Спасо-Иаковлевской обители, где почивают мощи святителей — Иакова Ростовского и Димитрия, митрополита, то ты пришел тогда проводить меня, а потом, немного спустя, и ты пришел сюда, но уже не ты меня, а мне тебя судил Господь проводить туда, *аможе вси человецы пойдем*. В святой Спасо-Иаковлевской обители ты был моим преемником, и, может быть, ты нашел в делах моих по управлению обителью ошибки, погрешности и недостатки, может, что-либо могло смутить и соблазнить тебя. Прости Христа ради. Знаю, что ты простил меня и всех нас, ибо ты скончался святой христианской кончиной, но я все-таки говорю это слово «прости» в умиротворение своей совести. Мы собрались проводить тебя туда, «аможе вси человецы пойдем», и все мы тебе «добраго ответа на Страшном Судищи Христове» у Царя и Бога нашего просим. Ты же предстательствуй пред Богом в молитвах своих за братию настоящую Донской обители и за тех, кто впредь в ней будут насельниками, — да будет мир между ними, а также и за святую Спасо-Иаковлевскую обитель».

Епископ Антоний обратил мое внимание на то, что про Спасо-Иаковлевскую обитель он сказал «святая», а про Донскую — без этого термина: «Там мощи, а здесь пока нет».

«Хотел я сказать другое — на Евангелие, но потом подумал:

что я буду учить их — ведь тут архиереи, сами все знают. Хотел также сказать, что вот усопший предстанет на Суд и мы веруем, что Суд к нему будет милостивый. Ведь Суд поручен Христу! — а Он *Сын Человечь есть*[1], Он наш брат, Он строго судить нас не будет. Не дивитеся сему, что Суд будет милостивый, — «яко Сын Человечь есть». Вот если бы Бог Отец взял на Себя Суд — ну, тогда было бы другое дело. Но Он отдал Суд Сыну — „Ты поручился за грехи людей, так и суди их Сам“».

Е. А. Восточная Церковь не любит ничего мрачного, не омрачает себя траурными черными одеждами. Это все пришло к нам с Запада: эти колесницы с пугалами, вся эта мрачность на похоронах. Мы же любим всегда радоваться. Да ведь и самая смерть для христиан — праздник: потому как усопший вступил, сделал первый шаг в вечную жизнь. Конца ей не будет, но ведь начало-то есть, и вот он положил это начало, он опередил нас в этой новой жизни. Он уже получил через смерть залог воскресения.

21 декабря 1909 г. Понедельник. В Донском.

Говорили о сестре г-жи Модль, которая потеряла мужа, осталась молоденькой вдовой и хотела с отчаяния идти в монастырь. Владыка не благословил.

Е. А. Надо по крайней мере год подождать, поуспокоиться, узнать самое себя. Познать самого себя — это самая трудная наука. Недаром умнейший человек дохристианского мира, Сократ, советовал: «Познай самого себя». Его считали всеведущим, но сам он на это отвечал: «Я знаю только то, что я ничего не знаю». Но вот как бы звездочка блеснула сверху и приподняла таинственную завесу — человек возымел возможность познавать самого себя. Видели ли вы когда-нибудь орех-двойчатку? Так и в нас как бы два существа: у того и у другого свои желания, свои потребности, и из них то одно возьмет верх, то другое. Кто же им поможет разобраться? Мое духовное «я», которое выше их. Я жалею и ту сторону, и другую, но знаю, что надо желать и как надо

[1] Ин. 5, 27.

поступать. Но для того, чтобы начать познавать себя, надо приступать к этому не по-свински, нельзя быть отуманенным никакой страстью. Всякая страсть тут помешает, телесная ли или душевная. Убийство, ненависть, грусть, тоска, уныние, плотская страсть — все это туманит человека, и нужна сначала диета для врачевания страсти, и тогда уж можно приняться за дело самопознания.

Х. С. Вот я сознаю, какая половина права, но в известные моменты как бы клапан в одной половине закрывается и преобладает тогда другая.

Е. А. Ну пусть у той, значит, каникулы. Ничего, клапан опять потом откроется.

9 января 1910 г. Суббота. В Донском.

Е. А. В прошлый раз вы обратились ко мне с вопросом[1], и я экспромтом ответил вам. Потом, после вашего отъезда, взял Евангелие, перечитал подлинный текст и своим объяснением остался недоволен.

Он перечитал записанное мной, сказал, что я передала его слова совершенно верно, но что это только вывод, а каким образом дойти до этого вывода, он еще не додумался.

Е. А. Греческое «tapeivwsei» значит буквально — «мал ростом». Я не могу стать малым ростом телесно — значит, должен стать им духовно? Но я не хочу быть на уровне духовного развития ребенка. Правда, он зла не делает, но и добра также не делает. Нет, я люблю борьбу; там, где чередуются и борются добро и зло, свет и тьма, — там жизнь. Что же это значит — стать «малым ростом»? Вы мне задали духовную порку — буду об этом думать.

11 января 1910 г. Понедельник. У нас.

Е. А. Христина Сергеевна задала вопрос о дитяти, на который я ей было ответил, но затем взял Евангелие и нашел подлинное греческое выражение — буквально означающее

---

[1] *Х. С.*, видимо, задала вопрос, что означает — *кто умалится, как это дитя, тот и больше в Царстве Небесном* (Мф. 18, 4)?

«стать малым ростом». Стал думать, как объяснить именно это выражение (сказал, что ворочался всю ночь, думая об этом). Ребенок мал ростом. Он это сознает, так как видит, что все выше, больше его. Так и мы должны сознавать свой духовный рост малым перед другими. Ведь мы не знаем, каков наш духовный ценз, каков Суд Христов. Правильные весы только у Господа, Он Один знает, что мы сто́им. Поэтому и мы должны считать себя по достоинству перед Богом ниже других, чувствовать и исповедовать это искренно.

Вот кто такого человека, умалившего себя духовно, как дитя, принимает во имя Христово, тот Самого Христа принимает. Так вот, когда «ради Христа» принимаешь кого-нибудь, смотри — считает ли он себя искренно таким духовным младенцем. А то примешь его за младенца, а он обманщик и волк и может укусить. Ведь мы смотрим на другого человека близоруким взглядом, через свою призму, и дальше носа своего не видим.

А бывает так: возьмем человека преступного, например, помилуй Бог, убийцу. Может быть, он мученик — у него в крови от предков унаследованы хищнические наклонности, он несет эту тяжесть как наказание за грехи предков до седьмого рода. Так же и всякая другая порочная страсть. Сам человек праведный, а порок мерзок! Но порок этот наследственный мучит его, он ему поддается, как наносному налету, и страдает потом. Если разобрать, то личного его греха тут самая малость, а мы судим по видимости.

Когда 11-го же вечером отец Николай рассказал об этом разговоре своему отцу, то тот заметил, что считать себя хуже других нетрудно. Отец Николай подчеркнул, что самое ценное, как сказал владыка, если можешь себя считать хуже всякого человека, ниже его по духовному росту. Отец его добавил: «Если отнесешь к себе слова Спасителя, сказанные городам Хоразину и Вифсаиде[1], и подумаешь, что́ сделал бы другой на твоем месте, если бы ему были явлены такие духовные силы, как тебе, то это не трудно».

---

[1] см.: Мф. 11, 21.

27 января 1910 г. Среда. В Донском.

Е. А. Вот Христина Сергеевна меня как-то спрашивала, как понимать и согласовать следующие слова Спасителя: *...и будут некоторые из вас умерщвлены... но и волос с головы вашей не пропадет*[1]. Действительно, если посмотреть, выходит абсурд — как волос с головы не пропадет? Вот я сейчас вырву у себя волос — он и пропал. А если убьют, то как же волос не пропадет? Это надо понимать вот как. Есть четыре способа выражения мыслей: 1) синекдоха — когда вместо целого называют часть; 2) метафора — когда одно и то же, тождество, переносный смысл; 3) гипербола — когда преувеличивают понятие; 4) ирония — когда понятие иронизируют.

Слова «волос с головы вашей не пропадет» можно отнести к первому способу выражения, синекдохе. Когда говорят: «Он зарабатывает себе на кусок хлеба», тоже прибегают к синекдохе. Ведь не в буквальном смысле зарабатывается только кусок хлеба, но подразумевается и пища, и одежда, и квартира. «Волос с головы» означает не только волос с головы, но и самую голову, то есть жизнь человека. Ведь «волос с головы» — это не в буквальном смысле, иначе как отнести эти слова к плешивым? Значит, они составляют исключение? Нет, тут надо понимать так, что духовная голова, душа, не пострадает и при самом убиении тела. Здесь надо подразумевать также слова Христа, сказанные в другом месте: *...не бойтесь убивающих тело, душе же не могущих* повредить[2]. То есть жизнь твоя в самом ее существе сохранится.

30 января 1910 г. Суббота.

У нее, у любви, длинное-предлинное сердце. А какая длина? Да без конца. Имя ей — вечность. Ныне и здесь — вера, надежда, любовь, а там — только любовь.

Сердце — это резиденция, местожительство любви. Оно — святыня, престол и жертвенник любви. Слишком оно нежно, и потому нужно беречь его. Оно может дрогнуть (как бы

---

[1] Лк. 21, 16—18.
[2] Мф. 10, 28.

от микроба) от духа уныния, малодушия, маловерия, но это у него уже не от себя самого, а от разума. *Поучения сердца моего — знание*[1]. Но это уже мужчина.

Е. А. В вашем объяснении второго воскресного Евангелия[2] есть большое рассуждение о том, кто такая была *другая Мария*[3] и что, по Синаксарю и по Дебольскому, под этой другой Марией подразумевается Богородица. Примите с любовью и мое по сему разумение.

Ставлю себе вопрос: в числе жен-мироносиц, приходивших *зело рано*[4], *еще сущей тьме*[5], на гроб, чтобы помазать ароматами тело Господа Иисуса, была ли Сама Матерь Его, Пресвятая Дева Мария? И отвечаю: нет, не была и быть не могла.

Мироносицы — это те жены, которые следовали за Иисусом от Галилеи и служили Ему от имений своих[6]. И в числе их не только другой, второй, но и первой Она, Пресвятая Дева, не значится; не значится потому, что Она — не мироносица, а Матерь Божия, Матерь Бога нашего, Господа Иисуса Христа. «Честнейшую Херувим и Славнейшую без сравнения Серафим, без истления Бога Слова рождшую, сущую Богородицу» неудобно мнить и нельзя числить в лике жен-мироносиц. Первой же мироносицей всегда и везде значится Мария Магдалина.

Матерь Божия не могла быть вместе с мироносицами потому, что помазать ароматами тело Иисуса легче было мироносицам, а Матери Его и без того было тяжело. Предречение Симеоново: *...и Тебе Самой оружие пройдет душу*[7] — исполнилось, когда Она стояла *при Кресте Иисусове*[8]. И у нас помаза-

---

[1] Пс. 48, 4.
[2] Мк. 16, 1—8.
[3] Мф. 27, 61; 28, 1.
[4] Лк. 24, 1.
[5] Ин. 20, 1.
[6] Мф. 27, 55—56; 28, 1; Мк. 15, 40—41, 47; 16, 1; Лк. 8, 2—3; 23, 49. 55.
[7] Лк. 2, 35.
[8] Ин. 19, 25.

ют усопшего ароматами обыкновенно посторонние лица, а не сами близкие.

Наконец, Она не могла идти ко гробу потому, что *зело рано, еще сущей тьме*, не мог отпустить Ее Одну святой Иоанн Богослов, а если бы Она и пожелала пойти, то и он должен был быть с Ней рядом.

Хорошо, что Пресвятая Богородица не была с мироносицами у гроба, а то, если бы была и явилася пред апостолами *яко лжа глаголы* жен-мироносиц о том, что Христос воскрес, и *не вероваху им*[1], такое отношение к глаголам, к словам Самой Божией Матери со стороны апостолов было бы непочтительно, а может быть, даже и непростительно.

Евангелие говорит, что воскресший Господь Иисус Христос *явися сперва Марии Магдалини*[2]. Но, по преданию, Он еще раньше явился Своей Пречистой Матери, только не у гроба, а в доме возлюбленного ученика Своего Иоанна Богослова. Евангелие же не говорит о сем не только по величайшему, глубокому смирению Его Матери, но и из предосторожности самих апостолов и евангелистов, дабы не дать повода врагам Христа подвергнуть глумлению описание сего явления в Евангелии. Ибо, по преданию, мы научены молчанием охранять в тайне святыню таинства[3].

15 марта 1910 г. В Донском.

Владыка говорил о том, что хотел ответить на письмо отца Николая, в котором он писал, что неприятности в приходе его угнетают (собственно, он писал так не о себе, а обо мне).

Е. А. Я хотел ему так написать: жизнь волнуется, как море, но в этой буре могут возрасти плоды Духа Святаго: любовь, мир, радость о Дусе Святе, долготерпение. Поэтому бури этой бояться нечего, она полезна для души. Тело, нервы, конечно,

---

[1] Лк. 24, 11.

[2] Мк. 16, 9.

[3] Святой Василий Великий. Правило 91: О Святом Духе. Гл. 21 // Книга правил... С. 354.

страдают (да и то, тело и душа так тесно соединены друг с другом, что если душа будет здорова, то и тело). Если же эта буря волнует тебя иначе, по-земному, если ты мучаешься, ища выгод ради земных, грешных целей, — тогда берегись, тут может пострадать, погибнуть не только твое тело, но и душа. Мы немощны, но Благодатью Божией можем быть, как скала в бурю, твердыми.

Е. А. Вчера у меня была купчиха М. У нее сын двадцати шести лет страдает падучей. Я ее спросил, когда это с ним сделалось и с чего началось. Оказалось, он раз проспал пасхальную заутреню, она пришла из церкви и стала его за это ругать. И тут с ним сделался первый припадок.

«Здесь никакие лекарства ему не помогут. Это — твой грех, ты и моли у Господа прощения себе и помилования твоему сыну. Как можно?! В такой день, когда Христос принес нам всем радость и прощение, ты осмелилась ругаться. Твой сын проспал по немощи, а ты из церкви ему принесла не радость, а бранила его. Он мог пойти к поздней обедне или на второй день к обедне. Я и сам раз проспал — так ведь это немощь тела. Пришел уже к концу утрени. И не осуждал себя — ведь не намеренно это сделал. Не разбудили. И его не разбудили».

Верят еще в наговоры, заговоры. Я об этом иначе рассуждаю. Тут почва может быть подготовлена для действия разных сил. Иногда действует Сам Господь, по Его воле попускаются наказания. Например, Хам посмеялся над отцом (ничего особенного он не сделал по нынешним понятиям), и Господь наказал его в его детях. Наказание миновало его самого и началось с его сына. Ему было бы легче самому понести это наказание, которое окончилось бы с его жизнью. А иногда человек подвергается влиянию других сил. Если находится подходящее настроение в человеке, в него, как в приготовленный дом, входит бес, тут может случиться беснование. Если связь с Христом не порвана, то нечего бояться — никакие темные силы не одолеют, хотя бы и падал человек.

«Очень трудно решить, какая именно сила действует здесь. Тебе вот что следует сделать: наступит Светлый день, пойди в церковь, помолись, покайся в своем грехе, попроси у Бога

себе прощения, а сыну твоему помилования, и он начнет поправляться от своих припадков постепенно, а может быть, и сразу».

19 марта 1910 г. В Донском.

Когда я вошла, в передней стояли две дамы в трауре (я их видела в соборе за преждеосвященной обедней), владыка разговаривал с ними, находясь в зальце. Не прислушиваясь к их беседе, я стала тихо говорить с Желтовским, но вскоре услышала довольно гневный голос владыки: «...а вы мне сказки рассказываете, прощайте!»

Когда они ушли, я разделась и, поздоровавшись с владыкой, заняла по его приглашению место на диване.

Е. А. Они во второй раз приходят — купчихи. Я всегда так: дворянам и духовным один прием, купцам и мужикам — другой.

На это я ему сказала, что это не совсем так: как-то раз я застала у него старуху-крестьянку, с которой он долго разговаривал и, помню, очень внимательно отнесся к ее положению.

Е. А. Ведь вот вы как меня критикуете. Ну тогда я вам другое скажу. Я всегда испытываю свое сердце, когда слушаю приходящих ко мне. Обращаюсь к Евангелию, ко Христу. Посмотрите, кто окружал Его, кто приходил к Нему за помощью? Всякие грешники, грешницы, прелюбодеи, блудники, блудницы, мытари, больные — калеки нравственные или в прямом смысле. И Христос всех их принимал, никому не отказывал в Своем человеколюбии, в Своей милости, в Своей любви. Даже заботился о том, чтобы накормить их, творил для этого чудо. Но не ко всем Он так относился. Подходили к Нему фарисеи и саддукеи — так Он совсем менялся:

Горе вам, лицемеры[1]. Вспомните: слушала Его учение к народу кучка фарисеев, законников, людей, считавших себя праведными, любивших, чтобы и другие считали их таковыми же, но на них Он не обратил ни малейшего внимания.

---

[1] Мф. 23, 13.

И когда ученики Его сказали Ему, что фарисеи, слушая слово Его, соблазнились, смутились, то и тут Он ответил: *Всякое растение, иже не Отец Мой насадил, искоренится; оставьте их: они — слепые вожди слепых*[1].

Почему так? Да потому, что Иисус смотрел на сердце. У приходивших к Нему грешников сердце, конечно, было загрязнено, очень загрязнено, но цело. У тех же — уголь. Сгоревшее зерно, превратившееся в уголь, садовник не станет сажать в землю и окружать уходом (разве сумасшедший какой), а выбросит его вон; зерно же загрязненное — другое дело, он его обмоет водой и возьмется за него. Здесь вода, там — благодать. Она всякую нечистоту смоет, только бы чувствовать эту свою нечистоту и молиться: «Господи, избави меня от грязи этой, хоть пред смертным часом моим обмой меня!» И мне довольно. Большего я не прошу. Праведником быть не могу — где уж! Да и недостоин.

Так вот, когда ко мне приходят, я сейчас же чувствую по первому ответу о своем имени, с каким сердцем пришел человек. Разговаривая дальше, убеждаюсь в первом впечатлении и, если уголь, — вон.

Я сказала, что мне написали, что тяжелобольная девочка в Лодейном Поле, о которой владыке давали телеграмму, стала выздоравливать и что они верят, что это по его молитвам.

Е. А. Я человек верующий. Когда получаю подобную просьбу, что я делаю? Вы думаете, читаю длинные молитвы, акафисты? Моя молитва — четверть минуты! Сначала вздох: «Господи, помилуй» — меня и его, так как мы оба грешники, оба нуждаемся в помиловании. Затем: «Господи, благослови». И наконец, уже славословие за то, что моя молитва услышана: «Благословен Бог наш!» И я скорее схожу с этой высоты веры (на такой высоте удержаться трудно!) и стараюсь заняться другим и благодушествовать.

Владыка говорил о том, что хорошо бы вторым священником назначить вместо теперешнего священника К. диакона Смирнова, потому что он человек преданный отцу Николаю.

---

[1] Мф. 15, 13. 14.

На это я высказала свое мнение, что диакон Смирнов очень умен и пока он друг — он хорош, но если отец Николай както оскорбит его и тот вдруг сделается его врагом, то будет опаснее отца Кудрина, который не так умен.

Е. А. Если бы так случилось, то, увидев отца Смирнова, я бы предложил ему такой вопрос (сначала рассказав будто бывший случай ваши предположения): «Кто, по-вашему, здесь более прав перед Христом?» И если Смирнов действительно умен, то это было бы предостережением для него.

24 марта 1910 г. Среда. В Донском.

Мы были с отцом Николаем, который приехал просить благословения на новую должность: вчера его выбрали членом Совета благочинных, но перед выборами в Церкви, когда духовенство уже начало съезжаться, отец благочинный резко говорил с отцом Николаем по поводу дел церковного попечительства.

Е. А. Я люблю бурю на море. После нее происходит дезинфекция воздуха, да и купаться, бывало, я любил не в тихом море, а в бурном, когда надо крепко держаться, чтобы волна не унесла или чтобы не толкнула так, что обо что-нибудь стукнешься и ушибешься. Если нет бурь, то не приобретешь и мудрости змеиной, евангельской, которая есть христианская философия. Когда мудрость есть, то врата адовы не одолеют, тогда сердце утверждено на вере во Христа, как на скале. *Ты еси Петр*, — сказал Господь, применяя метонимию (Петр — камень, скала), — *и на этом камне Я воздвигну Церковь Мою, и врата адовы не одолеют ее*[1]. Когда Господь находит такую веру в человеке, то Он в нем на этой вере, как на камне, созидает Свою Церковь и человек становится членом Церкви.

Е. А. Мать ответственна за своего сына до семилетнего возраста, а там ответственность передается отцу. С матери она снимается из сожаления к ней: она может быть нужна еще другим младенцам, а отец пусть отвечает за своего сына как христианина и гражданина.

---

[1] Мф. 16, 18.

26 марта 1910 г. Пятница. В Донском.

Е. А. Спаситель сказал: *...любите врагов ваших...*[1]. Каких это врагов? Людей иноплеменных, людей, живущих за оврагом? У нас в Симбирской губернии, на границе бывшего Казанского царства, во времена царя Алексея Михайловича ископан был громадный овраг, очень глубокий, на одной стороне которого высился вал. Там располагались сторожевые посты с такими незаметными отверстиями-окнами, что почти невозможно было увидать их со стороны. Из них наблюдали за приближением врага, и, увидев его, сторожа сейчас же давали знать соседнему сторожевому пункту, те дальше — и по всему оврагу принимались меры к встрече врага. Неприятель через овраг перелезть не мог; сверху, с вала, его убивали. Так вот что такое «враг». Такого врага, вопреки учению Моисея — «ненавидь врага твоего» (и люби ближнего своего), Христос велел любить. Евреи до сих пор любят только своих евреев; мы же, по заповеди Христа, любим и иноплеменников. Я люблю француза, немца, татарина. Все они мне братья, все веруют в Бога, исполняя одни — закон написанный, другие — естественный, как Бог им определил, и судиться они будут сообразно этому определению. Но Христос мне нигде не сказал: люби убийцу, люби злодея. Если припомнить притчу Спасителя о милосердном самарянине, то там ясно выражена эта мысль, как враг делается близким ограбленному разбойниками**.

31 марта 1910 г. Среда. В Донском.

Владыка говорил мне, что утром, в 9 часов, у него были две монашенки из Скорбященского монастыря — Антонина и Ирина, которые сказали владыке, что их послала к нему мать благочинная. У них в монастыре смута. Во-первых, прежняя регентша Дарья, отставленная новой игуменьей Ниной, смущает всех певчих, чтобы они не слушались новую регентшу, мать Донату, и не пели бы. Но они этого не хотят исполнять.

---

[1] Мф. 5, 44.
[2] Лк. 10, 25—37.

Во-вторых, мать Доната (она выписана из Воронежского монастыря) по приказанию игуменьи разделила певчих на два хора: правый клирос — голоса получше, левый — похуже, а игуменья велела распределить иначе — регентша обиделась и хочет уходить из монастыря. Спрашивают, как поступить. На это владыка говорит им: «Пусть ко мне придет мать Доната, ей я скажу, а вам нет». Вот при мне и пришла мать Доната. Владыка оставил меня в кабинете и велел слушать, что он будет ей говорить. Встретил он мать Донату сурово, даже грозно. Не разрешил войти в комнату (так как он простужен, а она с холоду) и приказал ей сесть на стул, у окна в передней. Вероятно, она все же сделала шаг к нему, потому что он закричал на нее: «Слушаться!» Затем стал говорить, что он вообще очень осторожно впускает к себе приходящих, так как не знает, с какой целью кто приходит: «Ведь и сатана приходит иногда под видом Ангела света. Может и убить. Ведь разве диавол меня любит, как ты думаешь? У меня и враги есть». Приемный час — утром, в 11 часов, а теперь, в 5 часов вечера, он принимает только родных и друзей, но для нее делает исключение, так как уже сказал утром монашенкам, чтобы она пришла. Он делает различие между людьми.

Е. А. Ведь и Бог не всех одинаково любит. Так что же, Он для одних припас рай, а для других — ад? Разве можно от любви приготовить ад?! Нельзя так думать. И на кресте Христос полюбил кающегося разбойника и в ответ на его мольбу: «Помяни мя, Господи, во Царствии Своем» — сказал ему: «Днесь со Мною будеши в рай», а тому, глумящемуся над Ним, этого не обещал. Один будет в раю, другой — в аду.

Христос велел остерегаться фарисеев и саддукеев. Фарисеи — это жиды, не верующие во Христа, а саддукеи — материалисты, не признающие загробную жизнь. *Берегитесь закваски фарисейской и саддукейской*[1].

Ну, мне монашенки сказали, что у вас там смута.

В это время, вероятно, мать Доната встала и поклонилась в ноги владыке, потому что он опять грозно закричал на нее,

[1] Мф. 16, 6.

чтобы она сидела, где ей указали, и что он терпеть не может, когда ему кланяются в ноги.

Е. А. К святому Иоанну Богослову явился Ангел, и, когда Иоанн хотел поклониться ему, Ангел его остановил: «Одному Богу только надо кланяться». Это Ангел с Неба так сказал, а мы-то, Боже мой, кланяемся друг другу, человек человеку! Когда я был на епархии, многие знали, что я не люблю земных поклонов мне, а кто, не зная еще этого, кланялся мне в землю, я того не слушал и велел уходить. Когда человек интересовался, что это значит, чем он мог рассердить меня, ему предлагали вопрос, не кланялся ли он в ноги, — и таким образом понемногу все узнавали, что этого делать не надо.

К сожалению, на меня три раза во время этой беседы нападал такой кашель, что я вынуждена была уходить в соседнюю комнату и таким образом теряла нить разговора. Должно быть, во время моего отсутствия зашла речь о том, что у матери Донаты есть четыре тысячи рублей и что они у нее вызывают какое-то недоумение (то ли в прежнем монастыре они остались или отсюда она их не может получить). И еще недоумение — примет ли ее воронежская игуменья обратно. На последний вопрос владыка сказал, что не думает, чтобы та ее приняла, так как она, вероятно, на нее обиделась. И добавил: «В тебе мало Евангельского, Христова». Стал ее расспрашивать, откуда она (хохлушка), кто она (торговые крестьяне, мать умерла десять лет тому назад), сколько ей лет (тридцать семь), сколько лет она в монастыре (двадцать один год). Значит, пошла в монастырь, ушла из дому шестнадцати лет. Отчего? По своей воле? Родители не принуждали? «Нет, я пошла по своей воле, против воли родителей».

Е. А. Ну теперь все сказано. Ты счастлива никогда не будешь. Ты не соблюла Заповеди Божией о почитании родителей. Как это? Пошла в монастырь спасаться? Для послушания чужой женщине, которая называется игуменьей, и свое послушание это начала с непослушания Богу. Ко Христу подошел юноша с вопросом, что ему делать, чтобы наследовать Царствие Божие, чтобы спастись. Христос ему отвечает: «Если хочешь внити в живот, соблюди заповеди». Юноша

спрашивает: «Какие?» Он полагает, что услышит какую-нибудь новую заповедь. *Не прелюбодействуй, не укради, чти отца твоего и матерь твою*[1]. И эту заповедь Христос несколько раз повторяет, чаще, чем другие заповеди, как бы для того, чтобы вдолбить ее безтолковым людям.

После вынужденного перерыва слушаю дальше.

Е. А. «У тебя, думаю, плохой характер». — «Да». — «Вот ведь я тебя в первый раз вижу и заметил это. Так тебе надо начать с самой себя, с исправления своего сердца, иначе ты нигде покойна не будешь, ни в одном монастыре, и даже если будешь жить на частной квартире, все равно».

Тут она сказала владыке, что она, пожалуй, скоро умрет, что у нее сердце и нервы не в порядке.

Е. А. Ну так что же, и умирай. Кому ты нужна? От родителей ушла без благословения, со всеми кругом себя ссоришься. Только что ты с собой-то понесешь? Вижу я, что мало ты припасла. Вот четыре тысячи рублей припасла, но ведь они здесь останутся, не пригодятся тебе. Сердце у тебя каменное, черствое, мертвое — но попробуй размягчить его.

Подумай, монастырь ли у тебя там? Ты в монастыре живешь, но стены монастырские тебя не спасут. Можно жить в миру, как в монастыре, и в монастыре, как в миру. Разве Христос говорил что о монастырях? И святые апостолы? И первые христиане? А спаслись. Монастыри — учреждение человеческое. Пришлось людям-христианам спасаться от язычников-императоров, истребляющих их, — поэтому и скрывались в монастырях. Надо было или голову свою под плаху выставлять, или идолам кланяться — вот и уходили в монастыри.

Посмотри в свое сердце, есть ли у тебя там христианское смирение? Кротость, послушание, любовь? Кротко ли, в смирении ли ты переносишь обиды? Взгляни на Христа, сколько Он в жизни терпел от отношения людей к Нему?! Фарисеи Его укоряли за то, что Он «ядца и винопийца» (ядца — значит, любит много поесть, винопийца — то есть пьяница), что

---

[1] Мф. 19, 16—19.

Он любит общество низких по нравственности людей: блудников, блудниц, мытарей-грешников. И что же Христос? Оправдывался? Нет.

А перед крестом, как Христос перенес предательство Иуды? Когда Иуда пришел в Гефсиманский сад с воинами, Христос знал, что он предал Его, и когда Иуда дал Ему целование, — что же, Он стал бранить его? Нет, Он сказал ему только: *Друг, целованием ли ты предаешь Сына Человеческаго?*[1]. Потом, на кресте Распятого, хулили Его, а Он опять кротко это переносил.

А святые? Сколько они также терпели незаслуженных обид и переносили их даже с радостью, собирая этим драгоценные камешки для венца своего нетленного, вечного. А ты? Накопила ли себе таких камешков? Хоть один такой припасла ли? Нет, ты себе накопила четыре тысячи рублей. И что?

Послушайся игуменью, как родную мать, и по крайней мере до Фоминой оставь все эти заботы. Наступают великие дни Страстей Христовых, затем Светлый праздник Его Воскресения — оставь все хоть до Фоминой. А там что Бог тебе скажет. А пока подготовь из певчих себе заместительницу. Есть регентша Пелагея? — ну и прекрасно, делай так, будто она главным образом управляет хором, а ты за ее спиной. А то ведь вы очень любите, чтобы вас хвалили. Поэтому и к обидам так чувствительны. Святые кротко и послушно все переносили ради Христа, а вас чуть блоха укусит — и вы уж вне себя.

В Ростове, где я управлял обителью, покоятся мощи двух святых: святителя Иакова — под спудом, святителя Димитрия — на вскрытии. Когда святитель Иаков был молоденьким послушником, на него как-то озлобились братия и, захотев его погубить, раз, в бурю и ледоход, от имени настоятеля обители ночью послали его через реку к другому берегу в часовню (где были запасы деревянного масла). Святитель Иаков, перекрестясь, послушно отправился через реку, прошел по ней, как посуху, и так же вернулся назад, принеся масло настоятелю. Тот очень удивился, что святитель Иаков ходил за

---

[1] Мф. 26, 50; Лк. 22, 48.

маслом в такую бурю и через движущийся лед, и, когда узнал, кто его именем приказал это, так рассердился, что хотел сейчас же прогнать тех монахов из обители. Но святитель Иаков стал просить о прощении их, умоляя его, кланяяся в ноги. Тогда настоятель сказал: «Никогда я еще никого не слушал в таких делах, но тебя послушаю, так как через тебя Господь сотворил чудо для нашей обители». И простил монахов.

Ты должна для начала исправления себя попросить прощения у своих родителей. Хотя мать твоя уже в Царствии Небесном, положи и перед ней поклон, прося прощения, и с отцом помирись. Бог что обещает за почтение к родителям? Благоденствие и долголетие. Переменись, и Господь пошлет тебе долгую жизнь.

Тут она запротестовала, что долго не проживет.

Е. А. Ничего ты об этом не знаешь! Вот преосвященный Гурий Новгородский[1] (он мне родственник) — ему восемьдесят два года, и он еще не старик, а все его братия и сестры умерли от чахотки.

10 ноября 1910 г. Среда. В Донском.

Разговор шел о науке.

Е. А. Наука и природа — синонимы. Цель науки — познать природу. Но нам теперь заниматься этим некогда. Потом, когда умрем, можем на свободе раскрывать тайны науки, природы. А теперь не до этого, дай Бог справляться самому с собой. Надо суметь управить обоими началами, из которых оба — герои. Запряжены в дышло пара коней: один стремится, летит вверх, другой тащит вниз. С этим не справишься — погибнешь, с тем — тоже: психопатом станешь. Мужчины более могут уравновешивать себя при помощи холодного рассудка, чем слабые женщины.

20 ноября 1910 г. Суббота. У нас.

У отца Николая еще не совсем зажили раны от ожогов о печку в ванной, оставались струпья. Он не знал, начать ли ему уже служить.

---

[1] Митрополит Гурий (Охотин).

Е. А. Пока тело не станет совершенно чистым, нельзя приступать к безкровной Жертве. Вспомните, в Ветхом Завете, агнец, приносимый в жертву, должен был быть непорочен, без единого пятнышка. Конечно, мы, грешные, нечистые нравственно, приступаем к совершению Таинства, я чувствую это, но знаю также (все это владыка говорил со слезами на глазах), что по воле Божией мы совершаем сие Таинство, что именно нам, грешным людям, а не Ангелам, Господь поручил совершать его. Зная все это, вверяюсь Благодати Божией, она меня очищает, поднимает, и я, как бы окунаясь в море благодати, забываю о своих грехах. Ну а насчет внешней чистоты, наружных ран, на благодать нечего надеяться, тут уж сам следи за собой.

22 ноября 1910 г. Понедельник. В Донском.

Я видела сегодня во сне, будто говорю владыке, что с некоторых пор никогда не сажусь, когда подходят причастники к Чаше (считаю неудобным садиться, когда в храме видимым образом является Христос). Вспомнила об этом сне в связи со следующим разговором.

Вчера владыка служил и было много причастников: и взрослых, и детей. Говорили о том, что так всегда бывает, когда он служит. Он это объясняет тем, что всегда всех, с первого человека до последнего, приобщает сам, другие же архиереи и даже архимандриты, причастив некоторых, передают Чашу сослужащему. Народ видит, что, верно, они недовольны, когда у них много причастников, и не стремится у них приобщаться. У него же много причастников, потому что он, по-видимому, доволен, раз сам всех причащает. «Я считаю и неудобным передать Чашу; ведь все равно в алтаре я не сяду, пока причащают».

Тут я вспомнила свой сегодняшний сон и спросила владыку, почему именно он не садится. Он долго молчал. «Да ведь читают молитву: «...яко разбойник исповедаю Тя», и я прежде всего эти слова отношу к себе. А если я разбойник, то могу ли сесть?»

1 декабря 1910 г. Среда.

Я говорила как-то владыке, что не понимаю, что значит, когда Мария Магдалина, узнав в садовнике Христа по Его воскресении, воскликнула: *Раввуни́!* — а Он ей сказал: *Не прикасайся Мне, не убо взыдох ко Отцу Моему*[1]. Если бы Христос сказал: *Восхожу убо ко Отцу Моему*, то можно было бы понять так, как говорит отец Николай (следя за греческим текстом): *Не прикасайся ко Мне, не увязывайся за Мной, не думай, что будешь, как прежде, всюду следовать за Мной, — нет, восхожу убо ко Отцу Моему.*

1 декабря здесь был и сам отец Николай, и он первый заговорил на эту тему, приведя свое объяснение. Владыка усмехнулся и сказал, что надо бы спросить объяснения у преосвященного Трифона, — он, как оратор и проповедник, растолкует (отец Николай понял, что владыка говорит о нем самом).

Е. А. Христос всегда смотрел на внутреннее состояние того человека, с которым говорил. Какое внутреннее состояние было у Марии Магдалины? Она пришла ко гробу с ароматами, не нашла в нем тела Господа и так была смущена этим, что не понимала, о чем говорит: мысль о воскресении не приходила ей в голову, она только думала о том, что за тот день Пасхи, когда она здесь не была, кто-нибудь, может быть, те же Иосиф и Никодим, перенесли тело в другое место, поскольку положили Его сюда только на время, так как приближался великий день иудейской пасхи и надо было торопиться с погребением, а гроб, приготовленный Иосифом для себя, был близко от места распятия. Мария Магдалина стояла и плакала у входа в гробницу, и, когда, плача, наклонилась в гробницу, она увидела двух Ангелов в белых одеждах, одного у главы и другого у ног, где лежало тело Иисусово. И говорят ей они: *Же́но! что ты плачешь?* Отвечает им: *Взяли Господа Моего и не знаю, где положили Его.* И, сказав это, обратилась назад и увидела Иисуса стоящего и не узнала, что это Иисус. Он говорит ей: *Же́но! что ты плачешь? кого ищешь?* Она,

---

* Ин. 20, 17.

думая, что это садовник, отвечает ему: *Господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его*[1]. Это она, слабая женщина, хочет взять Тело Господа Иисуса, как бы тело ребенка, и одна унести Его куда-то, когда двое мужчин, Иосиф и Никодим, несли Его да, вероятно, и другие помогали, поддерживали.

Мария пришла ко гробу на рассвете, она была в саду одна и, естественно, могла бы испугаться, увидев перед собой незнакомого мужчину. Но она сообразила, что это, вероятно, сторож сада и, верно, он и взял Его. Видя такое ее состояние, Христос окликнул ее: «Мария!» Тут она Его узнала, но все же мысль о воскресении не пришла ей в голову. Может быть, она решила, что Он восстал как бы от естественного сна и она по-прежнему сможет общаться с Ним по Его человечеству. Но Иисус мягко, нежно объясняет ей, что хотя Он и жив, но по Воскресении Своем уже не Тот, что был. Общение с Ним опять будет возможно, но уже как с Богом, по Вознесении Его на небо в сороковой день (здесь какая-то тайна: и наши души по смерти являются к Богу на сороковой день), а пока — *...не прикасайся Мне, не убо взыдох ко Отцу Моему: иди же ко братии Моей и скажи им: «...восхожу ко Отцу Моему и Отцу вашему, и к Богу Моему и Богу вашему»*[2]. Отцу Моему — по естеству, по существу, и Отцу вашему — по благодати, потому что Он принял на Себя нашу человеческую плоть и с ней восходит к Отцу.

Владыка несколько раз еще возвращался к этому Евангелию и говорил, что он подумает над ним, изучит все воскресные явления, чтобы найти объяснение этому месту.

Отец Николай сказал владыке, что духовник Надежды Васильевны, отец Павел Добров, говорит, что Бог так благ, что никогда не проклинал нас, людей (а только землю), и что нельзя-де говорить потому, что Христос избавил нас от проклятия.

---

[1] Ин. 20, 11—15.
[2] Ин. 20, 17.

Е. А. Он ошибается. *Проклят всяк, висяй на древе*[1]. Если бы Богу нужна была только мученическая кончина Христа, то Его могли бы побить камнями. Он именно принял на себя проклятие.

3 декабря 1910 г. Пятница. В Донском.

Прочитав постановление Священного синода, владыка возмутился.

Е. А. Это дело епархиального Петербургского архиерея[2], и нечего было передавать его в Синод. Он должен был поступить так: призвать духовника Государя и поручить ему передать Государю его личную просьбу против постройки буддийского храма в Петербурге и прибавить также, что это не только его личная просьба, но и многих подданных. Вот тут Государь бы подумал. Если же он все же не прислушался бы к этим просьбам, то Синод мог бы (с подачи митрополита) составить постановление против постройки. И тогда бы митрополит доложил Государю это мнение и просил бы подписать его «за» или «против». Тогда, если бы он все же подписался за строительство, то народ бы знал, что Синод-то был против постройки буддийского храма.

Конечно, тут уж надо быть готовым на все. Вспомним хотя бы историю святого патриарха Мефодия, исповедника. Император Феофил, иконоборец, за непослушание своей воле относительно сожжения икон велел бить патриарха по лицу. От ударов[3] у него треснула челюсть и все лицо было изуродовано. Кроме того, он был смещен, удален с должности. Вскоре император умер и на престол вступила царица Феодора, которая восстановила почитание икон. Она вернула святого Мефодия на патриаршее место. Он был так изуродован, что ему нельзя было показывать свое лицо, и он придумал приделать к монашескому клобуку креп, который опускал на лицо, а двумя отдельно надрезанными полосами крепа завязывал эту «вуаль», обернув концы вокруг шеи. При этом он сам всех

---

[1] Втор. 21, 23.
[2] Митрополит Антоний (Вадковский).
[3] Их было шестьсот.

видел, а его лица — никто. Такое прибавление крепа к клобуку понравилось и другим монахам, и они тоже стали закрывать свои лица. Действительно, соблазну было меньше. И до сих пор монахи носят креп с концами в память святого Мефодия, но так как у нас лица не изуродованы, то мы просто повернули креп назад. Вот и вся история крепа на клобуках, а некоторые видят в нем какой-то символ святости...

И это было уже не в самом начале христианства[1]. А я эту историю к тому рассказал, что если бы митрополит Антоний захотел, то не побоялся бы и на мученичество пойти. Все ссылаются на *послушание.* А где же в таком случае подвиг, исповедничество? Беру монету, на одной стороне которой написано послушание. Бросаю ее с тем, чтобы она упала другой своей стороной вверх. И если на другой стороне написано тоже послушание, то монета эта фальшивая, ее надо выбросить.

Я сказала, что все это ужасно: Церковь роняет себя таким постановлением.

Е. А. При чем тут Церковь? Всякий знает разницу между волостью и волостным правлением. И всякий, не тупоголовый, поймет, что гнилое правление, а не волость.

Я привезла владыке запись его разговора, сделанную Надеждой Васильевной у нас, 20 ноября, относительно людей «среднего рода». Он выслушал записанное (я читала вслух), сказал, что Н. В. очень близко передала его слова — совершенно верно, и пожелал оставить этот листок у себя, чтобы переписать. «А пока положу его вот сюда, под Евангелие, вместе с запиской о христианской любви. Сейчас я занят другим (прочитал «Войну и мир» и читаю «Анну Каренину»). Вот когда выплюну да переменю настроение, то и займусь с молитвой этим вопросом. Я не могу есть сразу двумя ложками из двух блюд. Что делать — верно, горло так устроено — мало́ очень. Пробовал — нет, не могу. Не могу, как свинья, из одного корыта лезть в другое и смешивать все кушанья».

---

* Святой Мефодий скончался в 846 году. Память в 1-ю неделю Великого поста.

5 декабря 1910 г. Воскресенье. В Донском.

Мы с Ираидой Андреевной были в соборе Донского монастыря за поздней обедней. Служил архиепископ Алексий. После обедни зашли к преосвященному Антонию. Он рассказал, что перед нами у него был инженер Любимов, тот, который ему даром нарисовал план Соловецко-Симбирской пустыни.

Е. А. У него жена, психопатка какая-то, ударилась в святость, чтобы все ходить в церковь и каждый праздник причащаться. Вчера, после ранней обедни, только я занялся Евангелием (я люблю утром хоть немного, хоть один стих Евангелия прочитать и подумать над ним), как позвонила Любимова. Если бы была не знакомая, я бы ни за что не принял, а тут я ее впустил, но только в переднюю, а сам остался здесь, в зале. Она мне стала говорить, что муж ее недоволен, что она в церковь каждый день ходит и каждый праздник приобщается. Я ей отвечал, что от этого она упускает свое домашнее дело. «Я без этого жить не могу, чтобы часто не причащаться». — «А вот пустынники на целый год расходились по своим пустыням и собирались в церковь приобщиться только раз в год, на Пасху, а спасались ведь? А святые мученики? Сидели в тюрьмах языческих, ходили они оттуда в церковь причащаться? А спасались». — «Ну тогда я совсем не буду ходить».

Тут меня взорвало. «Так вы пришли сюда капризничать? Прошу вас, уходите вон». Она было стала что-то возражать, но я повторил, что прошу ее уйти вон.

Сегодня после ранней обедни она подходит ко мне на паперти под благословение и говорит: «Простите меня, владыко, я вас вчера расстроила». Я сделал вид, что в первый раз ее вижу, и спросил, как ее имя. «София». — «Господь нам дал заповедь: *...шесть дней работай и сотвориши в них вся дела твоя, день же седьмый, суббота, Господу Богу твоему*[1]. А вы придумываете свою заповедь; вы, наоборот, хотите шесть дней Господу Богу, а один день себе. Почему Господь дает нам шесть дней, а Себе оставляет только один? Да потому, что

[1] Исх. 20, 9. 10.

душой-то нашей мы можем и все семь дней быть с Богом, и каждый час, и каждую минуту быть с Ним, если хотим, но ведь, кроме души, у нас есть еще тело, которое требует так много ухода за собой, что дай Бог и в шесть дней управиться. «Сотвориши в них *вся* дела твоя» — только бездельничать нельзя. Тело нужно и обмыть, и одеть, и напитать, и полечить. А у вас еще семья — муж и дети (кажется, трое детей), так дай Бог, чтобы и в шесть дней-то справиться.

После 8-часовой обедни пришел ко мне ее муж. Ну, думаю, была, верно, у них буря! Говорю: «Вы, может быть, с жалобой на меня от вашей жены или мне на нее — так оставимте все жалобы: мы с вашей женой сегодня уже помирились!» — «Да? — удивился он. — А то вчера она пришла домой и сказала: „Преосвященный меня прогнал“». Ну, долго беседовали с ним о Соловецкой пустыни, только перед вами проводил его.

Епископ Антоний говорил о том, что не надо рисковать своей жизнью, если Господь на это не призовет, не надо подставлять под удар свою голову. «Сам Христос берег Свою голову, вспомните, Он незаметно не раз скрывался, когда Его хотели преследовать». Сейчас он, епископ Антоний, не призван на борьбу, но если бы он был на посту и увидал бы, что воля Божия выступить ему на подвиг, то он радостно перекрестился бы и пошел.

9 декабря 1910 г. Четверг. У нас.

Владыка приехал к нам по дороге из казначейства. Первым делом поздравил отца Николая с проповедью, произнесенной им 4 декабря, после которой прихожане полтора часа подписывали свои имена под прошением Государю о недопущении постройки буддийского храма в Петербурге. (Вечером 4-го мы с Колей припомнили эту проповедь и записали, а 5-го я отвезла показать записанное преосвященному Антонию и вообще рассказать ему о происшедшем.) *Блажени есте, егда поносят вам и ижденут и рекут всяк зол глагол на вы лжуще Мене ради*, — ведь вы не ради себя, а ради Него так действовали. А дальше как? *Радуйтеся и веселитеся, яко мзда ваша многа на небесех*, — да, раз такая награда, мы ликуем, песни поем.

И далее Христос говорит: *Вы есть соль земли*[1]. Соль — хорошая вещь, от гниения сохраняет и, если принимать ее с хлебом, с пищей, здоровье дает. А голая соль дерет и щипет. Так вот, те, кто не подписался, как бы протянули (подставили) за солью руку, хлеба не имея.

(По правде сказать, я плохо поняла эту притчу и позже попрошу объяснить ее.)

11 декабря 1910 г. Суббота. В Донском.

Владыка так говорил о клятве.

Е. А. Прежде всего беру Евангелие, смотрю подлинный греческий текст. И в нем, и в славянском читаем: *...не клянись всячески или вообще*[2] (то есть не только именем Божиим, но и другими клятвами, если во лжу). Русский же перевод — «вовсе» — не верен. В Ветхом Завете, в заповеди, которую Христос, как Он Сам сказал, пришел не нарушить, а исполнить, говорится: *...не приемли имени Господа Бога Твоего всуе*[3] и *не клянись лживо, но сдержи перед Господом клятвы твои*[4]. Значит, Бог, Который Сам клялся и Аврааму, и Давиду, клятву неложную, в удостоверение истины, дозволял. Но евреи, фарисеи, — народ хитрый, им нужно было произнести иной раз и ложную клятву, и они придумали, не призывая имени Божия всуе, клясться небом, землею, Иерусалимом, своей головой. Клятва есть, им верят, не все понимают, какая тут клятва. В Евангелии же: *Я говорю вам, не клянись во лжу (то есть в удостоверение лжи) всячески: ни небом, ибо оно Престол Божий; ни землею, ибо она подножие ног Его; ни Иерусалимом, ибо он град великого Царя; ни головою твоею (то есть твоей жизнью, которую дал тебе Бог)... Но да будет слово ваше: ей, ей; ни, ни; а что сверх того — от врага, от лукавого*[5]. В этих словах «ей» и «ни» диаволу нечем поживиться.

---

[1] Мф. 5, 11—13.
[2] Мф. 5, 34.
[3] Притч. 30, 9.
[4] Мф. 5, 33.
[5] Мф. 5, 34—37.

Я сказала, что когда в детстве учила историю благословения Иакова Исааком, то меня всегда расстраивал обман Исава.

Е. А. Иаков тут действовал безсознательно, по научению матери. Она и шерстью тело его обложила, и все так устроила, чтобы Исаак не узнал его. А меня всегда трогала эта нежная манера Господа Бога волю Свою заставить исполнить так скромно, незаметно. Здесь Он переменяет Свой закон. По закону первенец — наследник, а брат — его раб. Но здесь достойнее благословения был второй сын, и Господь делает исключение в Своем законе. Если бы Он переменил для этого случая весь закон, то пошла бы неурядица среди людей. Кроме того, надо помнить, что Ветхий Завет есть «сень грядущего». Исав — это еврей, Иаков — мы язычники. И этим примером Бог предостерегает людей на все времена. Отнято первенство у евреев, тем более и мы можем его потерять. Вот как с мессианской точки зрения надо смотреть на это событие.

Владыка сказал, что при крещении мы все клялись дружить со Христом, а диавола иметь врагом. И все же грешим и знаем, что никогда не будем такими, как Господь (а если бы так думали, то уподобились бы диаволу, пожелавшему стать как Бог), но стремиться к совершенству все же будем постоянно, и в этом наша радость и надежда.

Назначен в Симбирск (впоследствии это известие о назначении оказалось неправильным) епархиальным преосвященным Константин. Он из мещан Вологодской губернии. Одно время, будучи архимандритом, служил смотрителем в Петербургском Духовном училище. Когда епископ Антоний был проездом в Санкт-Петербурге, архимандрит Константин зашел к нему со следующим: у него в квартире живет мать, которая вмешивается во все дела, и он не хочет, чтобы с ним, монахом, жила женщина. На это владыка сказал ему: «Для вас она не женщина; она женщина для вашего отца. Противопоставляемые понятия: мужчина — женщина; муж — жена; родители — дети; мать — сын. Вот последнее противопоставление — для вас».

30 декабря 1910 г. Четверг. В Донском.

Говорили о статье епископа Алексия (ректора Казанской Духовной академии) в ответ на воззвание студентов Петербургской академии против буддийского капища в Санкт-Петербурге. Епископ Алексий говорит, что не боится буддийского идола, и приводит слова апостола Павла, что *идол — ничто*[1].

Е. А. Во-первых, это слова не самого апостола Павла, он разбирает письмо коринфян и, по-видимому, приводит их слова, с которыми отчасти и соглашается. Но ведь в этих словах говорит разум; а разум есть сила разрушительная, а не созидательная. Разум кичит, а любовь созидает. Любовь в данном случае убоялась бы соблазна для других. Но сам апостол Павел разве так относился к идолам? Если идол — ничто, то почему же апостол Павел, как видно в другом месте Священного Писания, когда находился в Афинах, до того расстроен был видом идолов, что потерял спокойствие и равновесие, волновался и скорбел? А в Афинах тогда даже церкви христианской не было, а были одни язычники.

Переходя далее к разбору ответа епископа Алексия, преосвященный Антоний сказал, что Алексий играет словами, называя идолами страсти и грехи: страстям и грехам мы жертв не приносим, а идолам приносят жертвы, и даже кровавые. Грешников Господь не отвергает, они могут покаяться и сделаться высокими, святыми, а язычники — вне спасения.

7 января 1911 г. Пятница. В Донском.

Епископ Антоний рассказал, что у него 4-го была некто Фадеева из Петербурга, начальница приюта милосердия для брошенных детей в Лесном.

Е. А. Она долго говорила о том, какое это хорошее христианское дело, как будто я такой тупой, неразвитый, что мне надо все это объяснять. В таких случаях я долго молчу и слушаю, а сам в это время наблюдаю за говорящим и изучаю его. Наконец не выдерживаю. Так было и теперь. Выслушал

---

[1] 1 Кор. 8, 4.

и говорю: «Юноша подошел к Христу и спросил Его, что ему надо делать, чтобы спастись? Христос отвечал: соблюди заповеди — и перечислил их, пропустив первые, начав с заповедей, касающихся любви к ближнему. Но в этих заповедях сказано: «не делай зла» (а не «делай добро»). Почему Бог не дал 11-й заповеди: «делай добро»? Да потому, что и без такой заповеди люди с ума сходят — так хотят творить добро. Нет, раньше чем делать добро активное, навыкни в добре пассивном. Прежде чем стать на верхнюю ступень, надо утвердиться на нижней, а то страшно. Поэтому я на высшую ступень становиться боюсь — дай Бог удержаться на первой. Но не думайте, чтобы я был против добрых дел. Просто не надо их самовольно выдумывать. Вот если Господь поставит меня в такие рамки, в такие тиски, что я не смогу ни направо, ни налево пойти, ни взад, ни вперед, то я преклонюсь перед волей Божией и, если даже при этом для доброго дела потребуется моя голова, пойду. Но я, слабый, грешный, немощный, буду делать это из-за послушания воле Божией (тут владыка прослезился). Такую надо любовь иметь, а иную ведь и язычники имеют. Из самовольных добрых дел диавол сделает вместо добра зло».

13 января 1911 г. Четверг. В Донском.

Епископ Антоний говорил, что изучает греческий язык, чтобы понять все его тонкости и приступить тогда к изучению заповедей блаженства в Евангелии.

Е. А. Заповеди Ветхого Завета были даны против наружного проявления зла, а Новый Завет научает нас побеждать зло внутри себя. Заповеди Ветхого Завета были кратки, лаконичны, они, как нянька, удерживали еще неразвитого человека от того или иного злого поступка. Если такого поступка не совершить, то внешний человек кажется безгрешным (но эти внешние дела — как бы портрет, слепой не может его увидать, а только зрячий. А внутреннего человека может наблюдать и слепой). Христос указал на состояние внутреннего человека и этим сделал переворот в нравственной жизни, Он перенес человечество с первой ступени на высшую. В этом громадная разница между Ветхим Заветом и Евангелием.

Я сказала владыке, что вчера, по обещанию, должна была идти в Кремль и служить молебен в церкви святого Николая Гостунского[1], но утром оказалась больна желудком, а потом ко мне приехала сестра С. и просидела до трех часов, а после отъезда я хотя и дошла пешком до Кремля, но церковь была уже заперта. Должна ли я была, по мнению владыки, идти в тот день пешком, несмотря на нездоровье?

Он отвечал, что нет, конечно, — по нужде и закону пременение[2] бывает. Надо было исполнить обещание «в духе», святой Николай принял бы мою молитву, как если бы я была там, а по выздоровлении в первый же день я могла бы исполнить обет и телесно. По этому поводу владыка вспомнил фарисейское почитание суббот, а Христос, Который пришел не нарушить закон, а исполнить, исцелил расслабленного в субботу, сказав ему: «Возьми одр твой и иди в дом твой». И нарушил ли Он дух субботы? — нет, но исполнил.

12 сентября 1911 г. Понедельник. В Донском.

Епископ Антоний говорил, что он не пускает в свое «святая святых» никого, кроме Бога, что перед каждым человеком он опускает ту или иную завесу, отделяющую его «святая святых». Завесы бывают разной окраски и разной прочности.

14 сентября 1911 г. Среда. В Донском.

Епископ Антоний, прочитав в «Земщине» слово петербургского миссионера Боголюбова (его ученика)[3], сказанное им по поводу прославления святителя Иоасафа Белгородского в одной из петербургских церквей, остался недоволен. Боголюбов говорил, что Церковь Православная в последнее время переживала тяжелые обстоятельства и что теперь, с прославлением святителя Иоасафа, Церковь выиграла. Преосвященный помолчал и сказал: «Церковь переживала тяжелые време-

---

[1] Чудотворный образ святителя Николая называется Гостунским по месту обретения — недалеко от села Гостуни Калужской губернии.

[2] Перемена, изменение *(церк.-слав.)*.

[3] Протоиерей Димитрий Боголюбов, профессор и духовник МДА. Учился в Самарской Духовной семинарии.

на, но будет переживать еще более тяжелые. У Бога святитель прославлен давно, воинствующая же Церковь от прославления святителя Иоасафа ничего не выиграла. Он не логично рассуждает об этом и путает две Церкви: воинствующую — на земле и торжествующую — на небе. У нас, на земле, не прибыль, а убыль: ушел из нашей среды такой святитель, как Иоасаф. Там же, в торжествующей Церкви, — прибыль. Там — плюс, у нас — минус».

Владыка долго говорил об умершем 28 августа сего года от тифа своем племяннике Сергее Александровиче Керенском, директоре Алатырского реального училища. Вспоминал о его крутом нраве и несдержанности и о происшедшей раз у них размолвке из-за Чехова. Это было несколько лет тому назад, когда праздновался какой-то юбилей Чехова, и городская дума отпустила на это порядочную сумму денег. В это время гостил у владыки Сергей Александрович. Владыка стал при нем осуждать думу за такую трату денег: «Чтобы помянуть Чехова, надо было помолиться о нем и раздать деньги бедным». Как раз перед этим к нему приходили две женщины и просили три рубля, чтобы заплатить за детей в городское училище, откуда их должны были исключить за невзнос платы. Он дал. «А эти деньги, собираемые городом с бедных, тратят так непроизводительно». Тут С. А. вдруг вскочил и воскликнул: «Ну вам не нравится, а другим нравится». «Я, — говорит владыка, — сдержался и только заметил, что деньги эти народные». «Это все равно», — сказал С. А. резко.

Е. А. Я опять сдержался, но это усилие стоило мне дорого: у меня пошла горлом кровь. Я ушел к себе и больше до отъезда Сергея к нему не выходил. В день его отъезда Желтовский пришел доложить мне, что С. А. уезжает. Я сказал, что пусть уезжает с Богом. «Хочет проститься». — «Ну, я выйду». Я встал, оделся и вышел к нему. Он протянул мне книгу своего сочинения, я поблагодарил, и мы расстались, теперь уже примиренные. В прошлом году он писал мне из Алатыря, прося выслать ему напрестольный крест и Евангелие для училища. Я сам ездил на Никольскую, достал ему прейскурант, выбрал и выслал просимые вещи и написал, что всегда рад

служить ему в подобных просьбах. На это он прислал мне ответ, что мое христианское отношение к нему назидает его. Таким образом, мы совсем примирились с ним.

23 ноября 1912 г. Пятница. В Донском.

Владыка стал читать статью в «Новом времени» (от 21 ноября), в которой автор говорит, что думские священники попали в трудное положение. Владыке статья не понравилась, он нашел ее очень слабой и вспомнил древнеримский закон «Лангус», который требовал сильной передачи мыслей в кратких словах: non multa, sed multum[1] *(лат.)* — «не многое, но много». Затем стал разбирать чуть ли не построчно.

Е. А. Как каноны могут устареть, когда каноны — это моя совесть?! Мой ум может зарваться, а каноны — совесть — остановят, направят. Они моя нянька, мой пестун, с ними я не собьюсь, только слушайся их. А «они» смотрят на них, как на какую-то ведьму. В думе столкновения между гражданскими законами и канонами не должно быть: дума заботится о здоровье граждан, и каноны благословляют такую заботу.

29 ноября 1912 г. Четверг. В Донском.

Я рассказала владыке, что два раза в течение этой осени испытывала ночью, во сне, нечто ужасное: я чувствовала нападение бесов (в первый раз) и себя бесноватой или сумасшедшей (во второй раз). В первый раз я забыла перекрестить себя, по обыкновению, моим шейным крестом, а во второй не забыла, а поленилась. Обычно, когда я себя крестила так, то читала молитву «Да воскреснет Бог». В первый раз я прямо во сне, при нападении на меня, прочла эту молитву и проснулась. Владыка, выслушав, сказал, чтобы я никогда так не делала, то есть не крестила бы себя крестом, произнося эту молитву.

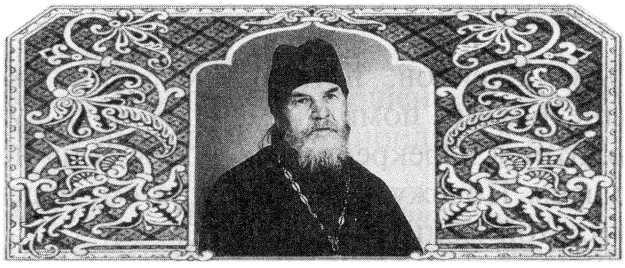
Е. А. Эта молитва неподходящая, ее произносит священник на Пасху в церкви. И вообще не надо пользоваться такими наружными молитвенными средствами. При жизни Спасителя никто так не молился об избавлении от бесов, а говорили:

---

[1] Плиний Младший. Послания. VII, 9.

«Иисусе, Сыне Давидов, помилуй мя!» Мы же говорим: «Иисусе, Сыне Божий, помилуй мя!» На ночь нужно произнести эту молитву и перекреститься рукой. Я на ночь никогда иначе не молюсь. Полежу, почитаю, а затем, перед сном, перекрещусь и с этой молитвой засну.

Утром я молюсь иначе, утром природа другая. Сначала говорю: «Господи, помилуй», то есть Ты, Безгрешный, помилуй меня, грешного. Я, несовершенный, прошу у Тебя, Совершеннейшаго, недостойный — у Тебя, Достойнейшаго, милости себе, что я прожил сутки не к прибыли своего спасения, а наоборот. И я верю, что Ты помилуешь меня, что молитва моя о том будет услышана. Здесь я исповедую свою веру в милосердие Господа Моего ко мне. И когда я почувствовал, что помилован, говорю далее: «Господи, благослови!», то есть благослови этот день моей жизни, благослови меня. Услышана и эта моя молитва, и я восклицаю: «Благословен Бог наш!»; «Слава Отцу и Сыну и Святому Духу»; «Царю Небесный»; «Святый Боже, Святый Крепкий, Святый Безсмертный, помилуй нас»; «Пресвятая Троице, помилуй нас»; «Отче наш»; «Богородице Дево». Затем молюсь святому Ангелу, святому Архистратигу Михаилу и также большему из рожденных женами — святому Иоанну Предтече. Потом святому Сергию преподобному и святым, где я жил: Симбирским, Киевским, Волынским, Вологодским, Ростовским и Московским (здесь иногда не всех поминаю, забываю). Всегда поминаю «дневных» святых. Наконец молюсь о здравии архиереев, священников (о них так зараз), о вас, об отце Николае, о вашей маме, о его отце... И об усопших.



ВАЛААМСКИЙ СТАРЕЦ СХИИГУМЕН ИОАНН (1873—1958)

Валаамский старец Иоанн, один из настоятелей Трифонова Печенгского монастыря (с 1921 по 1931 годы), в октябре 1931 года по собственной просьбе был освобожден от должности настоятеля, был снова принят в состав Валаамской братии и направлен на проживание в скит Иоанна Предтечи. Здесь, в скиту, бывшего игумена постригли в великую схиму, он стал монахом-пустынником. После советско-финской войны Карелия вошла в состав СССР, и валаамские иноки были вынуждены покинуть Валаам. На территории Финляндии они основали монастырь Новый Валаам, духовником которого стал схиигумен Иоанн.

Беседа с валаамским старцем схиигуменом Иоанном

Раз мы сидели в августе со схиигуменом Иоанном в саду Нового Валаама и беседовали. День был теплый и солнечный, но уже чувствовалось приближение осени. Прозрачный воздух, резкие тени. Тихое утро золотилось на солнце.

— Скажите, отец Иоанн, об уклонениях в Молитве Иисусовой. Бывают они или нет?

— Как же не быть? Бес всюду приражается. Если к мирянину приставлен для искушения один бес, то к монаху два, а к делателю и все три. *Сборник о Молитве Иисусовой и Беседы о Молитве Иисусовой,* которые издал покойный игумен Харитон, читали?

— Читал.

— И там об этом говорится довольно много, а сущность та, что при Молитве Иисусовой надо иметь глубокое смире-

ние и отнюдь не мнить. А иные мнят. Для чего мы читаем Молитву Иисусову? Чтобы, постоянно помня Господа и каясь в грехах, прийти в духовное умиротворение, внутреннее безмолвие и любовь к ближнему и правде — тогда мы живем в Боге, который есть любовь. Но есть люди, которые смотрят на эту молитву как на некую магию, которая им доставит чтение мыслей, прозрение, дар чудотворений и исцелений и тому подобное. Такой подход к молитве крайне греховен. Так поступающие обольщаются бесами, которые им дают от себя некую власть, чтобы их совсем погубить, навеки. Вот был я игуменом на Печенге. Это очень далеко, на берегах Ледовитого океана. Летом солнце три месяца не заходит, а зимой трехмесячная ночь. И великое одиночество. Бурный океан и безлюдная, унылая тундра кругом. В таких условиях бывает, что, молясь исступленно, некие иноки весьма повреждаются и начинают слышать голоса и видеть видения и тому подобное. Одному такому стали слышаться голоса в келье, будто ангельские, внушавшие ему, что он достиг дивной высоты и может чудеса творить и даже, как Спаситель, по водам ходить. Убедили эти голоса бедного испытать себя на деле, пройти по тонкому льду, якобы он уже невесом. Ну, он и пошел, и провалился в воду — и хоть он кричал и его вытащили, однако от холодной воды заболел и вскоре умер, покаявшись. Это крайний случай, а других бес иначе донимает. Молясь и видя в себе некий прогресс духовный, начинают они кичиться им и всех прочих считать низшими себя и недостойными, а в себе видеть избранный сосуд Божий. Такие молитвенники обычно всех осуждают, легко раздражаются при укорении, всегда в какой-то смуте. Хотя и говорится у апостола Павла, что взывающий ко Господу Иисусу Христу о спасении и исповедующий Его Сыном Божиим спасен будет, но Сам Спаситель нас поучает, что *не всякий, взывающий «Господи, Господи», будет услышан, только тот, кто исполняет волю Отца Небесного.* А эти люди, хотя и взывают, сердце их отстоит далеко от Господа. Нужно, значит, к молитве прибавлять еще исполнение заповеди, ибо вера без дел мертва и делами вера достигает совершенства.

— А как узнать, отец схиигумен, к кому обращаться за советом?

— Ищи себе старца тихого, доброго, смиренного, пребывающего в мире совести и внутреннем безмолвии, то есть никого не осуждающего. А тех, которые всех осуждают, всем недовольны, да еще и сребролюбивы — от таковых беги, ибо с ними сам еще развратишься. Да помни еще и то, что со старцем жить можно до поры до времени, а как научился деланию молитвы да блюдению помыслов, то зачем тебе и старец? Нельзя все время быть ребенком, а с годами сам за все должен отвечать. Да и сам ты можешь старцем быть, когда придет время.

— То есть как это?

— Да очень просто. Старец есть человек богатый духовным опытом, и мудростью, и великой любовью к людям. Старцами бывали и простые монахи, как достопамятный Зосима Верховский, с которого Достоевский списал своего старца Зосиму, а вовсе не со святителя Тихона или отца Амвросия. Прочтешь житие старца Зосимы — сам увидишь. Таковы же были старец Василиск Туринский, Иоанн Молдавский, схииеродиакон Мельхиседек, преславный старец, доживший до ста двадцати пяти лет. Старец Даниил Агинский, великий подвижник и учитель, в Сибири да вот Кузьма Бирский были простыми мирянами, а к ним за советом ездили не только миряне и священники, но монахи и епископы, и из премудрых. А разве не старец, да еще какой, автор рассказов Странника. В переписке отца Амвросия Оптинского я нашел, что был он из орловских крестьян, а как рукопись была найдена на Афоне, в Святом Пантелеимоновском монастыре, то, вероятно, там есть и оригинал этой рукописи. Вероятно, этот Странник, возвращаясь со Святой Земли домой, в Россию, заехал на Афон, как многие паломники делали, да и рассказал о своих хождениях старцу, иеросхимонаху Иерониму Соломенцеву, а тот приказал записать, или Странник сам записал, да, может, на Афоне и остался. Как знать?

— А странничество — подвиг, отец Иоанн?

— Да, и какой, только юродство выше, ибо труднее. Но

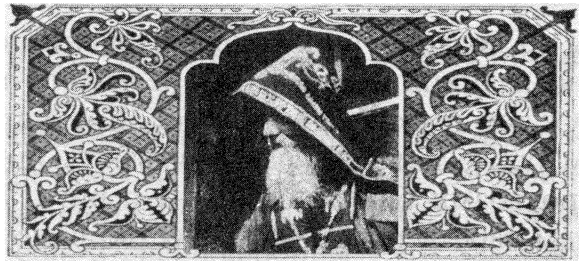
юродствовать не дозволяется, а только очень немногим, по благословению великих старцев. Мы и малого-то снести не можем, куда уж там пускаться в великое. Вот о старце Леониде Оптинском такую историю рассказывают. Один монах надоедал ему просьбами благословить на вериги, а старец ему отвечал: «Зачем тебе вериги? Монашество само есть тяжкие вериги, если все делать как следует». Но монах все клянчил. Наконец старец благословил, а затем вызвал к себе монаха-кузнеца и сказал ему: «Придет к тебе завтра монах просить, чтобы ты ему вериги сделал, а ты скажи: — Зачем тебе вериги?» — Да зауши хорошенько. На следующий день прибегает к нему разгневанный монах и объясняет, что он просил кузнеца сделать ему вериги, а тот вместо этого его заушил. «Ну вот, — сказал старец, — ты одной пощечины не стерпел, а побежал жаловаться. Куда тебе носить вериги? Так вот и не надо выше головы прыгать».

— Вот мне отец Михаил говорит: «Сей, брате, доброе слово всюду, и в тернии, и при дороге, и на камени, все, может, что-нибудь и произрастет, и плод принесет, даже сторичный». Что вы думаете, отец схиигумен?

— Ну, уж раз отец Михаил так сказал, надо слушаться. Сей доброе слово всюду, вот и будешь странствовать, как тот Странник. Это, брат, немалый подвиг.

— А смогу ли я выдержать, батюшка?

— С верой сможешь, ибо сказано: *Все могу об укрепляющем меня Иисусе*. Вот к Молитве Иисусовой прилегай, она тебя и вывезет».



СТАРЕЦ ИЕРОСХИМОНАХ МИХАИЛ (ПИТКЕВИЧ)
(1877—1962)

Старец Михаил пришел в Валаамский монастырь в 1902 году и прошел долгий путь монастырских послушаний, нес подвиг уединения в Гефсиманском скиту, был духовником. В 1926 году, когда Финляндская Православная Церковь (монастырь отошел тогда под ее юрисдикцию) перешла на западный стиль, старец остался верным чистоте Православия. Многие миряне посещали в те дни Валаам, ища у старцев ответа на волновавший всех вопрос о церковном расколе и о том, что правильно и чего надо держаться. В 1939 году Валаамский монастырь был эвакуирован, отцы были увезены в глубь Финляндии. Здесь, на Новом Валааме, старец принял схиму. В 1957 году вместе с другими валаамскими отцами старец Михаил вернулся в Россию, где проживал последние годы в Псково-Печерской обители.

На высотах духа

Старец Михаил был всем известен не только как исповедник, к которому приезжали исповедоваться издалека, но и как духоносный старец в полной традиции старчества. Известный писатель в Англии, получивший Оксфордское образование, Сергей Н. Большаков посещал старца Михаила два раза и написал помимо нижеприведенного воспоминания в его небольшой книжке «На высотах Духа» (Брюссель, 1971 год), есть его еще и целое сочинение «Беседа с отцом Михаилом», которую он написал по памяти только на английском языке, оно нами здесь не приводится из-за неимения полного русского текста.

Моя последняя беседа с отцом Михаилом на Новом Валааме была самая глубокая и поучительная. Отцу Михаилу было уже тогда за восемьдесят, но он был молод и сердцем, и умом. Я сидел у него в келье. Дело было в августе. Стоял теплый вечер. Солнце садилось по другую сторону озера, за безконечные леса. Стояла глубокая тишина, как на картине Левитана «Вечный покой».

— Скажите, отец Михаил, в чем главные этапы духовной жизни?

— Да вот, как тебе отец Аркадий объяснял в Псково-Печерской обители, никто не спасся без смирения. Помни, что до конца жизни ты будешь впадать в грехи, тяжкие или легкие, гневаться, хвастаться, лгать, тщеславиться, обижать других, жадничать. Вот это-то сознание и будет держать тебя в смирении. Чем тут гордиться, если ежедневно грешишь и обижаешь ближнего. Но на всяк грех есть покаяние. Согрешил и покайся, опять согрешил — опять покайся, и так до конца. Делая так, никогда не будешь отчаиваться, а постепенно придешь в мирное устроение. А для этого нужно блюсти помыслы. Бывают они добрые, безразличные и худые. Последних никогда не принимай. Как появился прилог, отсекай его сразу молитвой Иисусовой. А если станешь его рассматривать, то он к тебе приразится, ты им заинтересуешься. Он тебя очарует, и ты с ним согласишься и будешь обдумывать, как бы его исполнить, а потом его исполнишь делом — вот и грех.

Но есть и такие помыслы, которые представляются невинными, а доводят до великих искушений и тяжких грехов. Мне рассказывали, что была в Уфимском женском монастыре некая прозорливая старица, а духовником в том монастыре был очень хороший вдовый священник лет шестидесяти. Вот раз, ложась спать, он вспомнил, как тридцать лет тому назад, когда еще его жена и дети были живы, он укладывал детей спать. И умилился. А потом вспомнил жену, ну и пошло, мысли уклонились куда не подобает. Так что он провел всю ночь в молитве и поклонах, такое было искушение. А утром старица вызвала его к себе и спрашивает: «Что такое с вами, батюшка, было? Силы нечистые роились вокруг вас, как мухи». Ду-

ховник чистосердечно признался: вот куда могут завести нас мысли, сначала кажущиеся хорошими. Психиатры толкуют нам о психоанализе и разном, но где же нам во всем этом разбираться, что хорошо и что нет. А посему, взывай ко Господу непрестанно: «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного». Сказано у апостола Павла, что кто исповедует Христа Сыном Божиим и будет вопиять к Нему непрестанно, спасен будет. Ты вот, Сереженька, упражняйся, как можешь, в молитве Иисусовой и постепенно придешь в умиротворение, а знаком бдеть тебе глубокий мир души, необуреваемое спокойствие.

— А дальше что бывает, отец Михаил, — вопросил я старца.

— А вот что. Есть два вида безмолвия. Первый вид — молчание. И это неплохо, по крайней мере, других не соблазняешь и не обижаешь. Но оно недостаточно. Отцы пустынные говорили, что отшельник, сидящий в своей пещере и никого не видящий, подобен, однако, аспиду, сидящему в своем логове и полному смертоносного яда, если он вспоминает обиды, когда-то ему сделанные, и гневается. Второй вид безмолвия — это безмолвие внутреннее. О нем те же отцы говорили: есть старцы, которые говорят с утра до вечера, пребывая постоянно в безмолвии, ибо не говорят они ничего, что не было бы полезно другим и им самим. Вот это и есть безмолвие внутреннее. Его добивайся, Сереженька. А когда достигнешь и перестанешь судить других, то встань и возблагодари Господа, оказавшего тебе столь великую милость. Недалеко ты тогда от чистоты сердечной. А знаешь, что только чистые сердцем могут узреть Бога. Иным, впрочем, другой бывает путь, путь благодатных слез. Эти слезы не те, которые у всех бывают, когда трогается их сердце потерей близких, чтением книги, слушанием какой-нибудь истории и прочее. Благодатные слезы льются, как ручьи, и бывает это года два-три, непрестанно. Слезами этими опаляется, как огнем, все нечистое в душе, и приходит она в великое умиротворение и зрит Бога.

— А что значит, отец Михаил, узреть Бога? Метафора ли это или что?

Отец Михаил посмотрел на меня испытующе и задумался:

— Конечно, «Бога никто же виде нигде же: Сын, сый в лоне Отчи, Той яви». Говорится еще: «Херувимы и Серафимы, предстояще Богу, лица закрывающе». Бога, существо Бога, мы не только увидеть, но и уразуметь не можем. Но мы можем видеть славу Божию, нерукотворный и неизреченный свет Фаворский, который видели три избранных апостола на горе. Вот этот-то свет видел Мотовилов, когда беседовал с преподобным Серафимом. Это и есть наитие Святого Духа, Царствие Божие, пришедшее в силе. Видел таковое же и святитель Тихон Задонский, еще до епископства. Удостоился узреть его и игумен Антоний Бутилов, Охтинский и Малоярославский, еще юношей. Я уже не говорю о видениях преподобного Симеона, Нового Богослова. Сподобляются видеть свет этот весьма немногие.

— Скажите, батюшка, имеются ли ныне подвижники, которые видели бы этот свет неприступный?

— А почему нет? Таковые подвижники имеются, надо думать. Только к чему об этом расспрашивать? Раз ты веришь, что свет этот является, для чего тебе знать больше? Блаженны не видевшие, а уверовавшие. Мотовилову дано было видеть этот свет, как «уверение».

— А это что такое, батюшка отец Михаил?

— А вот, говорится в повествовании о сибирском старце Данииле Агинском, которого почитал глубоко преподобный Серафим Саровский, следующее: «Одна богатая сибирячка, окормлявшаяся у старца Даниила, возымела намерение поступить в монастырь, объехала немало девичьих монастырей в России и Сибири и все не знала, который выбрать. Поехала она к отцу Даниилу и просила его указать ей, куда поступить. А он ей и отвечает: «Если я тебе укажу какой, а тебе не понравится, то ты скажешь потом: никогда бы я сюда не поступила, да вот старец сказал. И на меня будешь серчать, и сама будешь недовольна. А ты все еще ищи, и когда найдешь, что нужно, то взыграет у тебя сердце и будет это тебе в уверение». Так и случилось, когда эта сибирячка вошла в Иркутский Девичий монастырь, взыграло у нее сердце, и она там осталась, и позже стала игуменьей Сусанной».

— Твое призвание, Сереженька, то же, как говорил преподобный Серафим игумену Надеевскому Тимону: «Сей доброе слово куда попало, при дороге, в терние, в каменья, в хорошую землю. Кое-что взойдет и плод принесет, и даже вторичный». А стараться надо достигнуть тишины духа, ибо в душе мятежной доброго быть не может. А когда угомонишься, станешь умным, то многое сделаешь. Я говорил тебе о безмолвии внутреннем — вот это-то и есть истинный затвор и отшельничество, а молитва Иисусова, не прекращающая служение Богу внутри сердца, где и есть Царствие Божие, право понимаемое, поможет тебе во всем.

Поучения старца Михаила

О МОНАШЕСКОМ НАПРЯЖЕНИИ

Больше настоящих монастырей не найдешь. Мир с его обычаями вошел во все обители и вводит свои порядки. Есть еще уединенники и отшельники в глухих неведомых местах. Но когда придет конец последнему монастырю, прекратится литургия, тогда будет всему конец. Держи себя всегда в напряжении. То послушание спасительно, что тяжело дается, а что нравится и легко — дешево стоит.

О ПОСТЕ И ЧИСТОТЕ

— А я смотрю так на пост, — говорил другим, — это воздержание, а не изнурение себя. Главное в посте — это сердце, сокрушенное с искренним покаянием и смирением ...сердце сокрушенное и смиренное Бог не уничижит. Надо тебе работать; живешь в миру, нужны силы — не лакомься, не услаждайся, не позволяй себе излишества, и если по необходимости придется съесть тебе и в пост яйцо или молоко, — Господь не взыщет, не вменит во грех... Какой бы ты не соблюдала пост, даже самый строгий, если без истинного покаяния, то Господь не приемлет его. Такой пост не приве-

дет ни к спасению, ни к утешению. Главное — внутри очищай сердце.

Старец Михаил приводил из «Духовных наставлений монаха Исаии пречестной монахине Феодоре»: «Зри, добрая госпожа моя, что скажу тебе... Творящих милостыню, целомудренно и праведно живущих в мире много, но делателей Божиих, то есть ревнителей доброго и блаженного безмолвия, возводящего к святой чистоте сердца и непрестанному лицезрению Бога, мало найдешь и между оставившими мир. Избери же малую часть избранных Божиих и не страшись идти этим неучащаемым путем.

«Это идеал — не нашей меры подвиг, кругом суета и даже у нас в монастыре; везде мир с его искаженными обычаями», — заключил батюшка.

Далее говорил батюшка... «Чистота сердца нужна!»

К слабым чадам своим отец Михаил относился «очень снисходительно, но сам во всем соблюдал, во всех мелочах, «чин» и строгий порядок, храня самый строгий пост. В понедельник, среду и пяток не ел ничего, а последнее время даже и чай не пил, иногда себе это позволял, когда очень утомлялся от большого числа посетителей. Однажды к празднику Благовещения ему прислали посылку — там были рыбные котлеты:

— Ну, — подумал я, — ради праздника разговеюсь, попробую, что Еленушка прислала (монахиня-псаломщица). Помолился — и вот ответ: «Нет, не ешь». Подумал — отдам другим, нельзя же бросить. Стал опять молиться, опять ответ — и другим нельзя дать... Что же, думаю, сделать? Что мне надо сделать, Господи? Пусть рыба рыбу и ест! Брось в озеро, был ответ. Так я и сделал, бросил в озеро. Вот, — сказал он, — не знаю, что это было, может быть, было на скоромном, хотя и писали, что это приготовлено на маргарине и он бывает скоромный. Надо быть очень внимательным, особенно на монашеском пути, что простится одному, за то взыщется с другого. Чем выше кто поднимается на духовную степень, тем требования к нему строже и труднее».

«Блюдите како опасно ходите», — заключил он.

О ПРИСТРАСТИИ

Во всех своих потребностях отец Михаил поистине был нищим, только то, что касалось облачений, он любил, чтобы было чисто и красиво. «Вот, видишь ли (ответил он на желание духовной дочери сделать ему на полку с богослужебными книгами красивую занавесочку), была у меня занавесочка понаряднее, да загорелась от свечи — это мне указание, что не надо нарядной. Подарили мне скатерть белую — она мне понравилась, вскоре попал на нее спирт и прожег две дыры... Вот и понравилась, — заключил батюшка. — Возьми ее, разрежь на две части, посади заплаты, так она мне больше подойдет», — сказал батюшка, отдавая эту скатерть. Мантия была одна за всю жизнь, только перед отъездом его в Россию подарила ему одна монахиня сшитую для него легкую мантию. Ходил он всегда в своей келье босиком, иногда, при чужих, надевая легкие туфли. У него была особенно болезненно-чувствительная кожа, появлялась часто краснота и опухоль, было это от постоянного стояния. Подрясник сурового цвета, дешевой бумажной материи подпоясан толстой веревкой. В Пасхальную ночь или в особых случаях он облачался в полную схиму со шнурами.

О МОЛИТВЕ

«В молитве прежде всего покаяние со смирением и благодарение...» Давая указания, велел читать каждый день молитву Филарета Московского: «Господи, не знаю, чего мне просить у Тебя. Ты один ведаешь, что мне потребно. Ты любишь меня паче, нежели я умею любить Тебя. Отче, даждь рабу Твоему, чего сам и просить не умею. Не дерзаю просить ни креста, ни утешения, только предстою пред Тобою. Сердце мое Тебе отверзто. Ты зришь нужды, которых я и не знаю. Зри и сотвори по милости Твоей; порази и исцели, низложи и подыми меня! Благоговею и безмолвствую перед Твоею волею и непостижимыми для меня Твоими судьбами. Приношу себяв жертву Тебе; научи меня молиться. Сам во мне молись. Аминь».

«Смиряться надо и за все благодарить». О молитве Иисусовой говоря, батюшка спросил: «Да как ты молишься? Ко всему должна быть подготовка. Все эти приемы и дыхание, о которых читала, оставь, только сердце может повредить, такие случаи бывали. С Иисусовым именем, с этой молитвой должен быть вопль из глубины сердца — тогда и будет молитва.

В другой раз сказал: молись так:

1. Иисусе Сладчайший и Дражайший, молю Тебя и умоляю — вся мне прости и спаси мя.

2. Иисусе Сладчайший и Дражайший — научи меня молиться, научи любить Тебя, исполнять заповеди Твои.

3. Иисусе Сладчайший и Дражайший. Обогати меня смирением, кротостью и слезами, ибо нет у меня другого пути к Тебе на небушко.

В такой молитве больше смирения.

И еще другой раз сказал: «Какая Тебе молитва Иисусова! Мытареву молитву читай! Всегда надо иметь, хотя самую краткую, молитовку и стараться всегда помнить, что Господь тебя видит — ходить перед Господом старайся. Идти вперед надо терпеливо, постепенно отстраняя все лишнее и многозаботливое (смотря по внутреннему состоянию своего чада).

Две силы в нас действуют: добрая воля и сопротивление плоти. Хочу молиться... а плоть возражает: не могу, не хочу. Молитву нельзя оставлять, но и плоть не изнурять — все в меру, и хорошее не будет на пользу. А без меры и хорошее не будет на пользу.

«БУКВАРИ», ИЛИ ФАРИСЕЙСТВО

Особенно характерно было отношение отца Михаила к «букве законной», к фарисейскому, мнимоправедному. Все должно быть во внутреннем живым, жизнью, и молитва должна быть живой жизнью. Однажды мать Сергия, Фредерикс, получила такой ответ на свое недоумение: «Ты спрашиваешь об уставе, а знаешь ли, что устав родился от молитвы? И сам устав весь должен быть молитвой. А если не так, и будешь

только «букварем», хоть все правила вычитывай, сколько их ни есть, и сколько ни хвались ими — они будут не на пользу душе, а даже на осуждение, если нет в них сердца сокрушенного и смиренного».

Как-то духовные чада спросили батюшку: «Теперь мы тайные монахини, Батюшка, нам нужен устав, укажите нам». Старец сказал: «Жили эти три тайных монахини вместе, в деревне ходили на работу или брали работу домой, постоянно имели общее с мирянами, бывали в их сообществе. А вот вам устав — заповеди блаженства знаете? Возьмите первую заповедь, начинайте ее, трудитесь над ней — вот вам и устав! Все добродетели и уставы ничто без этой заповеди. Это у Лествичника читали ведь?» (это батюшка однажды рассказал духовной дочери, предостерегая от «внешнего только»). А если и все службы выстаивать будете, все вычитывать, весь устав выполнять, а внутри не будете очищаться, то будете мнимоправедны, как фарисеи. И устав, и чтение сами должны быть молитвой. От молитвы родился и создался устав и чин, и должен он быть внутренним, как и внешним. Готовиться надо к нему постепенно, со ступени на ступень восходить, а не сразу браться за высокое, труд и труд нужен повседневный».

Без борьбы и труда нельзя обойтись.

Кто без труда и опыта об уставе и чине только думает, тот подобен едва прошедшему сельскую школу и желающему понимать книги, которые изучают в Академии.

«Вот, смотри, у нас на Валааме все вычитывают все по уставу и чину... а как себя ведут, какая это монашеская жизнь?! Как в храме стоят? Как один к другому относятся? К начальствующим! К старцам! Игумен — не игумен, духовник — не духовник, ничего будто не понимает. Это не так сказал, это не так сделал, все переберут... и то не то, и то не так. Хорош только, когда по головке гладишь, а все вычитают и кланяться умеют. О нестяжании и постничестве и не говори, слушать не станут. Вот какое пришло время».

Это было уже на Новом Валааме после войны — сравнить нельзя было с настоящим Валаамом.

Фарисейства и «буквы законной» отец Михаил не переносил. Для этого у него было свое особое слово: «букварь». «Не будь никогда букварем — я не говорю, что надо упускать, не выполнять, нет, все надо, но если только это, то это будет в осуждение».

Однажды две его духовных дочери, приехав на Валаам, захотели пособороваться. Отец Михаил дал с радостью свое благословение, но сам не мог совершить этот чин по болезни глаз — один глаз ничего не видел, а второй «глазик капризничал», очень утомляясь от долгого чтения. Он послал их к благочинному отцу Симфориану, но тот отказался на том основании, что, когда он получал иеромонашество, в числе прочих правил от церковных властей было предписано соборовать только «в случае болезни».

Отец Михаил очень расстроился: «Вот так все у нас и делается по уставу, вот уж этот Симфориан — «букварь»! У нас нынче и до причастия допускают по уставу — через три недели».

Был такой случай: один брат плохо себя почувствовал, захотел исповедаться и причаститься — нет, говорят, еще трех недель не прошло, не положено, подожди. Пошел я к ним и говорю, что вы делаете? Забыли, как жили первые христиане. Забыли апостольские правила. А что отец Иоанн Кронштадтский говорит? Не послушались меня, а наутро брат этот и умер. Вот до чего могут дойти эти «буквари». Правила и каноны были строго предписаны финским духовным управлением.

О ЖЕРТВАХ БОГУ

«Многими скорбями — вот жертва Богу», — говорил батюшка. Какая бы ни была «тучная жертва» — не угодна она Богу, если хоть капля желания в ней есть, хотя малая доля стяжания и пристрастия. Все главное — в искренности, правдивости, чистоте сердца. Жертва, угодная Богу, была жертва бедной вдовицы, потому что была всецелая, от чистого сердца — такую жертву Он приемлет с любовью».

Бывали случаи, когда отец Михаил, получая множество

посылок и подарков, не принимал их, отдавал сразу другим или же просто отказывался. Остальное всегда раздавал другим, а денег совсем не брал, а если брал, то или для церкви, или когда знал, что надо помочь другим. Бывало, приедут его чада — он и дорогу им всю оплатит и с собой даст. После 65-летнего возраста все в Финляндии получают маленькую пенсию, получали и монахи. За небольшим вычетом, эти деньги выдавали им на руки, но отец Михаил от них отказался, оставив их в пользу монастыря. «Разве монаху нужны деньги! Я вот ничего не беру и от монастыря, а смотри, сколько всегда Господь мне дает, у меня все есть в изобилии — и масло, и вино, и свечи, и ладан». О пище отец Михаил даже не упомянул... «Кто всецело предал себя Богу — того Господь не оставит», — добавлял старец.

«Вот послушай, что недавно было со мной. Кончался у меня ладан. Пошел просить у отца Луки (отец Лука был много лет гостинником, деловой, коммерческий и очень экономный, всегда имевший большие запасы всего, но неохотно ими делившийся), а отец Лука, как всегда, стал думать и медлить. Ладан кончается. Встал я на молитву и говорю: Господи, знак ли это, что я должен кончить служить? А вот ладан пришел к концу, отец Лука все медлит. А я получаю, совсем неожиданно, посылку из Америки, прислал ее мой друг отец Герман через других. Отец Герман был канонархом на старом Валааме, во время разделения, как старостильник уехал с Валаама в Болгарию, потом в Сербию. В этой посылке было два килограмма чудного ладана. «Вот он», — показал отец Михаил. Более двадцати лет отец Герман ничего не давал о себе знать и, после такого перерыва, прислал этот ладан, в тот день, когда у отца Михаила кончился свой».

О ДАРАХ И ГРУЗАХ

«Жизнь наша — это море, по которому надо плыть в своей лодке. Одни плывут ровно, благополучно, не перегруженные, другие с волнением и опасностью, если есть большой груз, а

третьи с особой опасностью, сильно перегруженные. Если ты принимаешь дары — ты обязываешься принять на себя и часть долгов этого человека. Какие это долги? Не вещественные, нет, а это — грехи. Должна молиться о прощении этих грехов, как о своих, — все с тебя взыщется. Принимать можно только в случае крайней необходимости — не иначе, никакого лишнего груза не прибавляй к своим грехам. Едва ли кто сможет одолеть и снести тяжесть груза своего и чужих еще грехов в житейскую бурю. Безопаснее в своей лодке, не взяв чужих грехов со своими. И еще скажу тебе: что не есть необходимость для мирян, — то необходимо для монахов.

По мере устроения — каждому свои требования, других не суди, но смотри только на себя.

И чем дальше идет человек по духовному пути, тем больше и теснее его окружают бесы, не терпящие сего пути. Бояться их не надо, но борьба чем дальше, тем сильнее, и так до конца, и должна быть не на жизнь, а на смерть, во всем и во всех мелочах. Тут нужна большая осторожность и внимание, чтобы не утратить легко, что с трудом приобрел, и не потерять душевный мир, что драгоценнее всего».

ВЗЯТКИ

«Во всем надо быть очень внимательным к себе, во всех мелочах, не допускать ни малейшей лжи или неискренности или лести и человекоугодия.

Вот у меня одна мантия с того дня, как я пострижен. Схимочка тоже одна, давно ее себе приготовил, а куколя и теперь нет, а надо бы иметь его. Пошел к игумену за благословением, да, говорит, пойди сам к портному, пусть сделает. Пошел я к нему, а он — нет и нет, не могу и не умею. Да ты, говорю, только скрои, а мне сошьют другие. Нет, говорит, не могу, не умею... Я знал, что ему надо подарок сделать и за подарок он все сделает, что надо, и сумеет. Но знаю я и то, что за самое малое участие в этом деле — подкупа, взятки, в этом грехе я буду в ответе, я буду истязаем на мытарствах. Так ни с чем я и ушел от него. Давать повод другим и соучаствовать в их грехах надо очень остерегаться.

Мы, монахи, даем обет нестяжания, обет надо всегда помнить».

О ЛЮБВИ

«Главное же — это смирение и любовь. Кто много любит, тому многое и простится». Говоря о любви к ближним, отец Михаил указал на житие Пафнутия Великого... «Проявление любви к ближнему может спасти и большого грешника. Любовь покрывает все».

Отец Онуфрий и о чистой правде

«Ты меня все спрашиваешь о моей жизни... но если будешь кому из близких (из батюшкиных близких) пересказывать, надо передавать очень точно, правдиво, без малейших прикрас и переделок. Правда должна быть чистой.

Читал я Соловецкий патерик по старой книге, а потом перечел его же в новом виде, и это уже не то — многое переиначено, многое приукрашено для красоты, как в стихах «для рифмы». И получается, будто стакан вина разбавили ведром воды — как хорошо сказал об этой книге отец Иоанн (отец схиигумен Иоанн был вместе с отцом Тимоном в Петербурге на Валаамском подворье, и они много вместе читали): «Вкуса того нет, что в старой книге». Часто так делают... И в нашем Валаамском патерике записали жизнеописание старца Онуфрия, подвизавшегося в затворе в Большом скиту». Келейником старца Онуфрия был монах Лонгин, духовный сын отца Михаила и его ученик. Со слов Лонгина и было записано это жизнеописание, вот оно:

«Старец Онуфрий в молодые годы занимался молитвой Иисусовой и молил Бога о благодатной молитве. Пошел он в Александро-Невскую лавру к известному тогда затворнику, за руководством и наставлениями.

Затворник ему сказал: «Твори три тысячи молитв Иисусовых в день». Стал Онуфрий так делать. Скоро у него распух язык.

Пошел он к старцу просить совета. Опять тот ему ответил: твори теперь шесть тысяч молитв в день. Стал Онуфрий творить

шесть тысяч молитв. Послушание и усердие ненавистны врагу — одолела Онуфрия страшная злоба, казалось, разорвал бы всех, но, понимая ухищрения врага, пошел опять к затворнику. «Ничего», — сказал старец, ободрил его и велел читать девять тысяч молитв. Стал Онуфрий читать девять тысяч молитв — пошли по его телу пузыри, как от ожога... опять идет к старцу. «Терпи, — говорит старец, — не ослабевай, читай теперь двенадцать тысяч молитв».

Интересно заметить, что когда я учился в Свято-Троицкой семинарии, то среди иноков был старенький монах, Герман с Валаама, бывший келейник игумена Филимона. Мне этот старичок был очень дорог, так как на его постриге в малую схиму я присутствовал, это был первый монашеский постриг, виденный мной в жизни, оставивший в моей душе неизгладимое впечатление на всю жизнь. И хотя отец Герман внешне походил на ворчливого привередника и ходил злючкой, окутывая шею шерстяным шарфом зимой и летом, мне он очень нравился. Ко мне он питал доброе отношение, и я хаживал в его келью, где он мне рассказывал о Валааме, о том, как на него бес по ночам со страхованием нападал и как уютно было слушать его победы крестным знамением, точно он читал про себя из монашеских патериков. Я и подшучивал над ним, и мы были друзья. Раз он что-то много кипятился с отправкой ладана в Финляндию, и я паковал его, писал адреса латинскими буквами, приносил ему почтовые расписки, квитанции и так далее. Не знал я тогда, что участвовал в деле соучастия чудесной помощи дорогому старцу Михаилу до прочтения вышеприведенного случая. Умер монах Герман в 1966 году, а через несколько лет я, приняв монашество, сам стал монахом с его же именем Германа, точно переняв от него место в ряду валаамских иноков, только в честь аляскинского валаамца (игумен Герман).

«Стал Онуфрий неопустительно читать двенадцать тысяч молитв, и вот однажды во Святую Пасху молил он усердно Божию Матерь о благодатной молитве и чувствует, будто теплота разливается тихо в груди (говоря это, отец Михаил приложил руку к груди, лицо стало радостное, закрыл глаза...

верно, и сам ощущал эту молитву, но не хотел это сказать). С того дня радость и теплота этой молитвы не покидала отца Онуфрия никогда в течение сорока лет.

В патерике написали, что благодатную молитву ощутил старец в пасхальную ночь, во время пения «Воскресение Твое, Христе Спасе». На замечание отца Лонгина, что это не так было, ему ответили, что так лучше, «для красоты».

Старец Онуфрий жил в большом скиту (или в скиту Всех Святых). Никого не принимал, почти ни с кем не разговаривал. Как-то ночью отец Лонгин увидел сильный свет, вроде зарева, пошел посмотреть. Свет был около кельи отца Онуфрия. Испугался отец Лонгин, подумал, не пожар ли? Пошел туда, ближе, свет стоит кругом, нет ни огня, ни дыма. Тогда он подошел к самой двери и посмотрел в щель. Видит: стоит отец Онуфрий высоко в воздухе, весь как в огне.

На следующий день отец Онуфрий посмотрел внимательно на отца Лонгина и велел ему молчать о том, что он видел, хотя отец Лонгин не сказал ему ни слова о виденном.

Накануне своей кончины отец Онуфрий позвал отца Лонгина и сказал: «Завтра приобщусь Святых Таин и отойду». — «Как это, — возразил отец Лонгин, — ты совсем здоров и бодр?!» Старец тогда же много ему рассказал ...и о том, как учился молитве Иисусовой, и многое открыл ему. Предсказал о будущей революции, о гибели Царя, рассказал о расколе в Церкви и последствиях его — смуте и разделении в обители. Перебирая имена всех, кто был потом у кормила монастырского правления, сказал, что «все недостойны, один есть, но он еще слишком молод будет в те дни и его не поставят игуменом». Все его предсказания сбылись полностью. Отец Онуфрий, приняв Святые Таины, мирно отошел ко Господу, в указанный им самим день. Это было задолго до революции 1917 года, умер 17 августа 1912 года.

Достойным быть игуменом по указанию отца Онуфрия был отец Варсонофий, в дни раскола 1926 года, или, может быть, и позже, он уехал в Африку, там было стечение несчастных «белых» русских беженцев, где был он организатором Православной Церкви. Заботился, подкреплял обездоленных рус-

ских — белых, чтобы чудесно построить храм. Было это так: жена одного богатого туземца (не христианина) тяжело заболела, грозила смерть. Слыша много об отце Варсонофии, муж решил просить его помолиться «своему Богу» о безнадежно больной, обещая, в случае ее выздоровления, помочь построить храм. Отец Варсонофий молился о больной — она быстро поправилась. Тогда туземец пожертвовал землю и помог соорудить храм. Отец Варсонофий отошел ко Господу после войны 40-го года (точно не знаю) (старостильника отца Варсонофия я знала — добрый, жизнерадостный, внимательный и любвеобильный — в заботе своей об обездоленных, одиноких он даже выписал из Выборга двух-трех невест — серьезных девушек. Браки эти были примерно счастливыми, как потом жизнь показала). Отец Лонгин — духовный сын старца Михаила — известен своей высокой духовной жизнью. В его роде было восемнадцать монахов. Дядя его, иеромонах Рафаил, настоятель Тихоно-Задонского монастыря, был замучен большевиками. Он просидел три года в тюрьме. Семьсот человек заключенных были удушены газами вместе с ним. В Пасху к этим заключенным проник священник со святыми дарами, всех причастил. Скоро властями было замечено его присутствие. Он спокойно сказал: «Я сделал то, что должен был сделать, а теперь делайте со мной, что хотите». Сведения эти получил отец Лонгин от своих родных».

Из кратких наставлений

Терпи и терпи все — все злострадания, всю тяжесть труда, укорения, клевету, но больше всего бойся отчаяния — это самый тяжелый грех.

Есть два пути: 1) путь самоукорения и смирения и 2) путь самооправдания и отчаяния.

Первый — есть истинный путь — сокрушения и покаяния и ведет к утешению и спасению.

Второй — путь гордыни — самооправдания, тогда никто не поможет, ни мои молитвы, ни Ангелы небесные, только милость Господня, а если не Господь — то этот путь ведет к гибели.

Какое бы ни произошло поползновение, падение — надо вставать, не отчаиваться, а опять начинать — труд и труд нужен, борьба. Только за мужественную борьбу дают венцы. Должна быть борьба, сокрушение с искренним покаянием и твердое упование.

«Сопротивляйся и борись, а остальное предоставь все Господу». Тут батюшка рассказал, как один брат, впадавший в грех прелюбодеяния, горько каялся, сокрушался всем сердцем — и было так до семи раз, и так он каялся и боролся, что было ему прощено, и старцу было открыто, что ради сокрушения и борьбы был этот брат увенчан венцами. Он не допустил отчаяния.

Больше всего храни мир сердца. Все возложи на Господа, всецело предайся Ему — все у Него и все от Него.

Прекрати все знакомства, сама не ходи в гости и к себе не пускай, беги от всех, но люби всех, не входи в чужие дела и не суди никого — тогда и будет мир в сердце.

А поведешься со многими — все вынесут от тебя, что успеешь собрать в себе. Знакомства и разговоры опустошают и рассеивают. Кто-то должен быть, с кем поделиться, без этого очень тяжело и трудно. Иногда это необходимо даже. Но выбрать надо очень осторожно, надо быть уверенной в человеке — не поймут того, что для тебя ценно... Более молчи, учись молчанию.

Близкого друга не ищи — не найдешь... будь одна, лучше, имея только Господа пред собой, Он все устроит и поведет как надо. Терпи, смиряйся, сокрушайся и береги паче всего мир душевный. Переписку сократи. Письма, куда легко вкрадывается самолюбие, самолюбование, — это сношение с тем, кто тебе приятен, кто к себе привязывает. В них всегда мирская ласковость, тщеславие. Этих искушений надо избегать и бороться с таковыми.

Если случится не преодолеть искушение, если не выдержишь вражеских нападений, а они всегда будут со всех сторон и неожиданно, если и не делом — помыслами увлечешься, есть покаяние.

Никому о себе не рассказывай, не делись — могут не по-

нять, а спорить и доказывать — нет ни смысла, ни нужды, только лишнее словопрение без пользы.

Все, что нарушает мир, отрезай, избегай, отходи — это необходимо.

Главное — снутри начинай, внутри очищай, а не напоказ — снаружи. Господь испытывает верность скорбями. Всегда вступивших на иноческий путь ждут скорби. Сразу — это для сильных. На середине ли пути или — для совсем слабых — при конце жизни, чтобы не обратились в бегство. На пути — это для борьбы, для венцов.

Господь насильно не удерживает, должно быть свое произволение; но жалея, видя слабость и немощи, ставит в такие условия, что как бы этим заграждает путь к отступлению и заставляет терпеть.

Всегда помни монашеский обет — оглушение! Я читал тебе. Кому отвечала, кому обещала? Ангелы записали исповедание это Владыке Христу... подумай... ты им отвечала... ведь это страшно. Великая тайна.

В ином мире радуются за Тебя. Да как им, твоим близким, и не радоваться, когда один инок в роду может умолить и вывести из ада до семи поколений — так это велико в очах Божиих. Господи, оставь меня как есть, не надо больше мне никаких дарований, но — дай любви.

Любовь покрывает все.

(Это было сказано митрополиту Николаю Крутицкому, который не раз посещал отца Михаила и стал его спрашивать о «благодатной молитве». О благодатной молитве он ему так ничего и не ответил.) «Когда враг досаждает, хочет мелочами, досадами раздражить, разгневать — похитить мир сердца, скажи только: «Христос Воскресе. Христос Воскресе. Христос Воскресе». Этих слов он боится больше всего, они его жгут, как огонь, и он убежит от тебя». Еще о молитве. Не только надо молиться: «Господи, помилуй», не только просить, надо и постоянно благодарить и уметь славословить Господа — тогда будет мир в душе.

Мы легко обращаемся к заступничеству святых угодников, к Ангелам, к Божией Матери, обучаемся непрестанной

молитве Иисусовой, а Троицу Святую забываем, будто Троица Святая чудная, далеко от нас.

Один старец усердно творил непрестанную молитву Иисусову, и было ему видение — предстали пред ним трое, потом двое удалились, остался один. Как думаешь, что это значит? Но сам батюшка ответил на этот вопрос — он творил молитву Иисусову, а увидел трех — Святая Троица, остался только Господь Иисус Христос... которого призывал — Сына Божия, Одного... Надо чаще обращаться к Святой Троице (верно, этот старец был сам отец Михаил, но, как всегда, не хотел это сказать).

Бывают сильные искушения, такие, что не совладать с собой, ничего не помогает, молитва не идет и от нее нет облегчения. Ничего не можешь сделать с собой, совсем изнемогаешь и слезы не облегчают... тогда молись так: «Господи, за старца моего, помилуй мя». Тогда почувствуешь облегчение, но это только тогда бывает, если есть к старцу полное доверие и полное послушание...

Случаи чудесной помощи

ТАИНА МОНАХИНИ АННЫ

Было это в 1954—55-м году (точно не помню). Летом приехала к старцу одна вдова (из города Вильманстранда). Она была впервые на Валааме и, много наслышавшись об отце Михаиле, пошла к нему. Поговорив с ним, хотела через два дня уехать обратно, так как у нее были дела со своим домом, взяла и обратный билет на понедельник. Была суббота.

Отец Михаил ей неожиданно сказал: «Не уезжай в понедельник — отложи — дело важное, я должен тебя постричь». Она пришла в большое недоумение от этого, не готовилась, хотя против монашества не имела ничего, но ответила, что с домом дела неотложные, будут ее ждать, отложить нельзя, а на следующее лето приготовится и тогда пусть отец Михаил ее пострижет. Но батюшка настойчиво уговаривал не откла-

дывать: «Так надо, теперь же, — говорит, — если ты не можешь отложить, то я это сделаю завтра же, в воскресенье, все достанем, но откладывать нельзя». После настойчивых уговоров она согласилась, она была пострижена с именем Анны. Постриг был тайный. В понедельник она уехала домой. Было это в конце лета. Месяца через два с половиной ее нашли мертвой у себя в комнате, перед иконами, в монашеском, с четками в руках. Жила она одна в своем доме. Ни о каких ее болезнях никто не слыхал.

На следующее лето духовная дочь, вспоминая этот случай с отцом Михаилом, спросила его: «Батюшка, как вы знали, что Анна умрет». — «Да я не знал этого». — «Как не знали, почему же вы настояли, чтобы она не откладывала и сразу постриглась?» — «Это надо было, я должен был, на то была воля Божия», — заключил старец. «Знай, — сказал отец Михаил, — как бы кто не добивался стать монахом — без Божией воли никогда им не станешь. Я не знал, что она умрет, но было мне велено безотлагательно ее постричь. Я могу это сделать, только если есть:

1. крайняя нужда,
2. откровение Божие,
3. благословение и воля высшего иерарха.

Когда бывает второй случай — Господь мне велит — я не буду ни у кого спрашивать — ни у архиерея, ни у патриарха, не могу ослушаться повеления Божия, и в первом случае — тоже.

Но на вопрос, как же батюшка знал, что так надо было поступить, как ему так ясно, явно открывается Божия воля. И Лик Пречистой видит, и Она отворачивалась от него, потом опять обернулась — отец Михаил ничего не ответил. Вероятно, вопрос был слишком смелый и ответ не по духовным силам вопрошавшей.

ИСЦЕЛЕНИЕ НОГИ

Была холодная погода, гололедица. Время было тяжелое, война, то и дело воздушная тревога над Гельсингфорсом. Жили мы на пятом этаже, приходилось не раз в день выхо-

дить по делу и подолгу стоять за продуктами, которых было мало. Надо было относить работу, дома шить на ножной машине. Муж был больной и не мог выходить из дому совсем. Для работы нужны были опилки, за ними надо было ехать на трамвае и от него несколько пройти прямо на лесопилку, было очень скользко, тут шли рельсы и между ними для перевода вагонеток вертящиеся круги. Нагрузив мешок опилками, я переходила рельсы, ступила неожиданно на вертящийся круг, он повернулся, нога скользнула и подвернулась. От страшной боли не могла сразу двинуться с места. Потом никто не смог найти груз, с молитвой, едва ступая, не знаю как добралась до трамвая, боль ужасная и нога в щиколотке делается как деревянная — не гнется. Кое-как добралась до дому. Нога сильно распухла и по опухоли шли кровоподтеки багрово-лиловые. Я пришла в отчаяние. Положение безвыходное — не двинуться, телефона нет, запасов продуктов тоже нет, а мой больной тоже не может выйти... нога распухает больше и больше. Легла в постель, со слезами молясь, во время молитвы с отчаянием сказала: «Батюшка, хоть ты бы умолил за меня Бога, что я буду делать с моим больным...» После этой молитвы я как-то быстро заснула, хотя нога так болела, что никак не могла для нее найти удобное положение, боль от простыни, боль и тяжесть от одеяла.

Под утро вижу во сне батюшку — он смотрит на меня приветливо и весело, берет крепко рукой за плечо и встряхнул меня. Я проснулась в добром настроении, вспомнила про ногу, посмотрела на нее, опухоли как не бывало, попробовала ступить — не болит, точно и не было ничего, только остались с двух сторон легкие кровавые подтеки. И по лестнице ходила, и все дела свои могла устроить — только кровоподтеки да некоторая негибкость некоторое время напоминали о том, что было. Так меня исцелил мой дорогой батюшка. Но замечательно, что, встретившись с ним после этого, имея намерение ему это рассказать, — я, проведя с ним дня три, совсем об этом забыла и не пересказала ему о своем исцелении. Встретились опять через полгода года, и повторилось то же...

Тогда я задумалась над этим и решила, что пока не буду об

этом говорить. Только несколько лет спустя, уже после своего пострига, рассказала батюшке этот случай. Он выслушал молча, опустил глаза и только сказал: *По вере вашей да будет вам.*

ВОССТАНИЕ ОТ ОДРА БОЛЕЗНИ

Был и другой случай. Одна из батюшкиных духовных дочерей, мать малых ребят, очень тяжело заболела, лежала, прикованная к постели, лекарства не помогали. Пришел батюшка с псаломщицей ее навестить, очень жалел детей. «Что ты лежишь, дала бы нам чайку». — Она, ничего не думая, послушно встала, приготовила чай и с того времени совсем поправилась. Имя ее и место, где это произошло, мне неизвестно — на эти вопросы батюшка не захотел отвечать.

Все ты меня расспрашиваешь. Это не надо — и похвалять меня не надо, великое зло монаху похвала, бесы этого не переносят и нападают тогда на него с особой силой. Монаха похвалять — бесов вокруг него собирать.

Псково-Печерский монастырь

Бывший послушник Николай Сайка вспоминает годы затворничества так:

Когда в 20-х годах ввели новый стиль... тогда братство разделилось надвое... и отец Михаил, тогдашний отец Тимон, удалился в уединение. Бог ведает, какую строгую жизнь он там проводил... Я слыхал от отца Николая, который приносил ему пищу и ставил ее в коридоре у его двери, и оттуда отец Михаил сам брал приносимое и съедал у себя в келье. Он был там полным затворником. Когда в 50-х годах вернулось Церковное сообщение между Финляндской и Русской Церковью, русские иерархи, посланцы Московского Патриархата, стали приезжать сюда устанавливать церковные отношения, то они почти все посещали Новый Валаам. Так, Крутицкий митрополит Николай, посетивший Новый Валаам, спросил и тогдашнего игумена Иеронима, кто из

братий мог быть его духовником, и игумен указал ему иеросхимонаха Михаила, с которым он беседовал долгое время... Митрополит Николай просил игумена, чтобы он разрешил отцу Михаилу принимать и наставлять желающих получать духовные наставления, особенно священнослужащих. И так уже в престарелых летах оказался, как и Оптинские старцы.

В 1953 году я посетил отца Михаила на Новый Валааме, и он предсказал мне с супругой, какая наша жизнь будет под старость, и так она и есть в настоящее время.

Служа каждый день Божественную литургию в своей убогой келье, начиная молитву в 11 часов вечера, отец Михаил ко времени отъезда на Родину (1957 год) поминал «много, много за восемь тысяч имен, как он сам ответил своей духовной дочери, но сказать сколько — не хотел. И это были не только имена — но живые души, каждая со своим ликом, около каждого имени была сделана его рукой заметка, по которой он знал — кто тот, за кого он молится. Около 7 утра можно было видеть в окне его кельи, затянутом плотной синей занавеской, сбоку полосочку света — он еще стоял на молитве, а около 8 — двери его были открыты для тех, кто нуждался в его поддержке, в утешении и совете или приходил каяться в своих грехах.

Последнее и едва ли не самое жестокое и грубое преследование отца Михаила было со стороны одного из многолетних духовных чад его — отца Иеронима, ставшего игуменом после смерти игумена Харитона. Официально духовником монастыря — новостильников (управлявших монастырем, финоманской партии) — был бывший игумен Печенгского монастыря схимник Иоанн, к нему и перешел отец Иероним, хотя всегда был сам «старостильником». Враг по зависти искал всяких возможностей досадить и оскорбить через других отца Михаила — так было через игумена Иоанна и игумена Иеронима. С какой-то непонятной злобой преследовал игумен Иероним своего многолетнего духовного отца и старца. Дошел до того, что однажды, обратившись к духовным дочерям отца Михаила, сказал: «Сегодня Троица, а завтра Духов

день — мы будем судить духовника Михаила». Господь не допустил этого суда. Когда стало всем известно о предстоящем суде над отцом Михаилом, казначей отец Нестор, впоследствии игумен Нового Валаама, придя в алтарь, накинулся на отца Иеронима: какими только словами его не называл! Не поддержанный никем другим, отец Иероним замолчал. Суд не состоялся, и осталось неизвестным, за что хотел игумен Иероним судить отца Михаила. Хотел он, очевидно, запретить отцу Михаилу келейно служить литургию, но его остановил игумен Иоанн, при всем недоброжелательстве, то есть зависти к отцу Михаилу, боясь, что из-за этого будет слишком много разговоров и волнений.

Смерть игумена Иеронима была знаменательна: он скоро слег и не долго был игуменом. Мрачное, злое уныние охватило его. Все его покинули, никто из братии не хотел за ним ухаживать. Без всякой болезни таял он от этого уныния. Игумен Иоанн навещал его, но и он не мог добиться от него ни слова покаяния. Так в мрачном молчании он ушел из этого мира.

Отец Михаил никогда не жаловался на своих преследователей, но сильно скорбел о том упадке и распущенности, в какой пришел Валаам в последнее время после раскола и войны. На отсутствие монашеского духа не мог он не указывать своим духовным чадам как на недопустимую язву. Сильно скорбел об этом. «Едят свинину, покупают колбасу, деньги на руках, начальники попускают все, строгости нет — безначалие развращает монахов... а о внутреннем — о нестяжании и постничестве и не говори — слушать не будут. Страшное время пришло — для безмолвников нет пристанища — они как дурачки, как посмешище для всех», — сетовал старец своим сиротам — тайным монахиням.

Отношение к Родине у старца Михаила было особое. «Скорби и страдания очищают русский народ» — вот слова отца Михаила. Во всем есть две стороны: святой Михаил, князь Черниговский, и боярин Феодор, попав к татарскому хану, приняли мученическую кончину. Тогда Богу угодно было дать власть язычнику над большой страной, и князь,

повинуясь гражданским законам, соглашается поклониться этой земной власти, но отказывается поклониться идолам. Он отказывается от жены, детей, власти, славы, отдает жизнь и все за верность Господу — так и теперь у нас на Родине — две стороны, кесарево и Божие.

В России сейчас сияет истинное Православие, как солнце, — эта земля полита кровью мучеников, эта земля исповедников. Этим Родина была дорога отцу Михаилу — своим мученичеством, своей святостью — исповедничеством, хоть на крест, хоть на мучения, но умереть на Родине со своим народом. Но вне Родины — это была воля Божия, чтобы везде узнали нашу Православную веру.

Отъезд в Россию, наконец, пришел, хотя его многие просили не уезжать.

Прожив в монастыре пятьдесят пять лет, восьмидесятилетний иеросхимонах Михаил, с шестью другими валаамскими монахами (отец Лука, отец Борис, отец Исав, отец Геннадий, отец Сергий, отец Гурий), уехал на Родину. В этой группе были лучшие отцы Валаама.

1957 год, 1 октября старого стиля, Покров Пресвятой Богородицы, стоял он, как пятьдесят пять лет назад, молясь усердно за Божественной литургией, тогда еще молодым, уезжал из мира в монастырь, теперь же глубоким старцем с большим духовным запасом, с большим опытом, в тот же день, возвращаясь на Родину, неся туда свою молитву и всю свою любовь к страдающему русскому народу.

В этот день стоял он в алтаре Покровского храма: пели акафист Покрову Пресвятой Богородицы, стоял старец на коленях в алтаре, со слезами молился, вручая Царице Небесной своих осиротевших чад.

«Молитесь Ей, Она все может, может вас и в монастырь устроить».

В канун отъезда батюшки из Финляндии на Родину, собрав около себя некоторых своих «сироток-монахинь», давая им последние наставления, батюшка рассказал им об одном бывшем ему видении.

«Было это сначала в тонком сне, а потом и наяву, точно я

в Предтеченском скиту, где никогда не бывало женщин. Вижу, пришла ко мне величественная, красивая женщина. Кто же это, думаю, мог прийти ко мне, убогому? И чувствую — ведь это Сама Царица Небесная! Она Сама ко мне, убогому, пришла!

Стою я, восхищаюсь, умиляюсь, так хорошо мне, радуюсь, ничего не могу сказать, а Она мне говорит: «Сделай мне подарок, Я жду от тебя подарок». Я в удивлении думаю: какой же я могу сделать Тебе подарок, Царица Небесная... у меня ничего нет. Молчу... умиляюсь, восхищаюсь, а Она протянула свою ручку и кладет в мою яичко. Что бы это значило? — думаю. Принял из ручки Пресвятой Владычицы яичко, стал молиться, помолился — отдаю Ей его обратно. Владычица приняла его, будто я так и сделал как надо. Понял я тогда, что вас, кого Она ко мне привела, я должен Ей вернуть. Вы — вот Ей мой подарок.

Велика была любовь старца к своим чадам, он их принимал, как из рук Самой Божией Матери, принимал на свои руки, отмаливая своей непрестанной молитвой.

С отъездом валаамских монахов заглохла до некоторой степени духовная жизнь преданных духовных чад отца Михаила. Многие просили его подарить им на память по иконке от него, но он ничего не раздал и все, как ни странно для него, забрал с собой, да как бы еще просил. По отъезде оказалось, что он прозрел, что все у него украдут: все иконки, таким образом, разошлись сами собой русскому народу, лишенному святых икон.

В Псково-Печерском монастыре отец Михаил продолжал ежедневное служение Божественной литургии, прекратив его только тогда, когда наступило общее недомогание и ослабление зрения — тогда стал готовиться к исходу. Его соборовали и в течение последних двух недель каждый день приобщали Святых Таин.

15 апреля 1962 года в воскресенье во время литургии, причастившись последний раз, он тихо и мирно отошел ко Господу. 17 апреля был совершен чин монашеского отпевания архиепископом Псковским и Порховским Иоанном,

в сослужении архимандрита Алипия, многочисленного духовенства Таллиннского, Новгородского и Петроградского, присутствовал преосвященный Сергий Новгородский и Старорусский.

Под пение ирмосов великого канона «Помощник и Покровитель» гроб был обнесен вокруг Сретенского храма и в пещерах опущен в могилу-склеп.

Сказочка о правде отца Михаила

«Не ищи правды на земле... ищи ее в себе...»

Я расскажу тебе сказочку...

Жила Правда на земле. Плохо ей было: где ни появится, куда ни придет — везде ее гонят, везде ей нет места, всем она мешает... Пойду, думает Правда, поближе к храму Божиему, пойду в храм. Пришла, встала, но и в самом храме ее стали толкать: тут не стой, это мое место, туда не иди — там для почетных, богатых... Придвинулась Правда к амвону, но и здесь ей не нашлось места... Поднялась она — вошла в самый алтарь, стала у Престола... Один говорит: я старше, другой говорит: я саном выше, я заслуженный, я ученый — здесь я должен стоять, а тут я... И вот даже там Правда не нашла для себя места...

Не ищи Правды. Царица Небесная, Честнейшая Херувим и Славнейшая Серафим, разве не видела кругом своего Божественного Сына неправду, клевету, ложь, несправедливость, которыми платили Спасителю за Его безчисленные благодеяния и чудеса, но Она молчала. Она никого не упрекнула, никого не осудила. Вот как Она отнеслась к Неправде этого мира!..»

Крепись всегда, всякий день и час, будь очень внимательна к себе во всех мелочах — читай, рассуждай, веруй, что Господь поможет тебе и подкрепит, пошлет благодать восходить от силы в силу. *Аще верен и тверд пребудеши.*

Царство Небесное, Христово, силой берется, усилием — постепенно, не вдруг, непрестанным вниманием, самоотвер-

жением, терпением, хранением чувств, покаянием — самоукорением, главное, безмолвием — молчанием и молитвой. Скорби от бесов не избежишь — если они сами не могут, подсылают людей на то. Тут нужно всегда быть в напряжении — во внимании — идущему по пути самоукорения и покаяния, даже если и много злострадания встретится, Господь поможет терпеть, видя его твердую веру, решимость и смирение. Помни, как некий старец только сказал о брате «ох», был изгнан Ангелами и лишен мантии. Семь лет он блуждал, не вкушал хлеба и каялся.

Бойся, бойся осуждать... не смотри на других.

Послушники все спаслись, а своевольники повредились, иные же и погибли...

Хотение свое оставить надо. Держи себя всегда в напряжении... Располагайся на волю Божию...

«Священника не суди — бойся этого больше всего. Ты не можешь понять даже, в каком Таинстве он участник. Одной его слезы покаяния, упавшей на Престол, довольно, чтобы смыть все его грехи». Это было мне сказано после «Сказочки». Я приехала и рассказала батюшке о нашем священнике; он был очень несдержанный и бывал в такие минуты грубым. «Как так такими словами священник может говорить во время службы? — кипятилась я, — должна же быть правда!» — «Сядь, успокойся, я тебе расскажу сказочку», — которую я и записала сразу, придя к себе. Замечателен конец сказочки; слова о Богоматери заставят каждого замолкнуть.

Монахиня Мария Ново-Дивеевская



ПСКОВО-ПЕЧЕРСКИЙ СТАРЕЦ СИМЕОН (ЖЕЛНИН)
(1869—1960)

Поступив в Псково-Печерскую обитель в 1896 году, отец Симеон в 1927 году удостоился схимнического пострига и был назначен духовником монастырской братии и паломников. Для братии монастыря и многочисленных паломников он становится старцем-утешителем. Тридцать три года старец принимал приходящих к нему, исповедовал, благословлял. Никто не уходил от старца Симеона неутешенным, неободренным — и так было до последних дней его земной жизни.

Из духовных наставлений старца Симеона

Батюшка говорил: «Наша братия дружная, смиренная, но правило читать ленятся, а читать-то всего нужно три канона: Иисусу Сладчайшему, Богородице и Ангелу-хранителю. Нужно их читать каждый день обязательно, кроме Пасхи. И время-то на них нужно всего один час. А у нас каноны читают очень немногие, ну хорошо, коли человек десять».

«У нас, братия, есть будущие столбики, аскеты, юродивые и сильно юродивые. А есть такие, у которых сплошная любовь ко всем людям».

«Вот пример смирения. Приходит ко мне один монах и говорит: «Батюшка, ко мне все время ходит одна женщина, предлагает помочь в чем. Я ей говорю: «Спаси Господи». А я его спрашиваю: «Давно ли она тебе предлагает свои услуги?» А он отвечает: «Да, наверное, года три». Я спрашиваю его: «А какая она, молодая или старая?» — «Простите, — говорит,

батюшка, — я ее не видел в лицо!» Вот какое смирение у некоторых монахов у нас в обители».

Еще говорил батюшка: «Вот в наше время, в XX веке, и у нас в обители есть тоже смиренные отцы, которые считают трудным для себя выйти из алтаря к людям с возгласом. Когда я выхожу с возгласом на народ, у меня вся рубашка мокрая, так тяжело мне выходить на народ».

«Вот какой Господь Человеколюбец, — говорил батюшка, — мы пришли в монастырь смолоду, а вот есть такие, которые прожили с семьей долгое время, имеют детей, а Господь призвал их в монастырь, и некоторые из них сподобились ангельского сана».

«Есть такая братия, которая несет свое послушание без ропота, со смирением и без гордости. Такая братия спасется».

«Кто радеет о своей обители, хранит ее ценности, не расточает, а несет в обитель, того Господь спасет и наградит, и это послушание Матерь Божия считает выше всего. Кто кладет в кружку, того Матерь Божия наградит талантом».

«Есть и такая братия, которая всему монастырю крест».

Батюшка по принятии схимы около тридцати лет служил в Успенском храме, и печеряне называли эту церковь «Симеонова». Он всегда в алтаре у окна вынимал частицы. К. Н., будучи в то время благочинным, дерзнул прогнать батюшку с этого места на другое, где престол святителей Антония и Феодосия. Батюшка смиренно ушел, но сказал ему: «Ты выгнал отсюда не меня, а тысячу душ, и за это Господь тебя накажет и на земле, и на том свете, разве, если ты сумеешь покаяться». Впоследствии так и получилось. К. Н. сильно болел и, когда ему предложили раскаяться в этом грехе, сказал, что не помнит его.

Когда пришел в обитель отец Алипий (наместник монастыря) и читал первый раз акафист преподобному Корнилию, батюшка отец Симеон сказал, слушая его: «По голосу и по чтению видно — будет хороший. Да ведь наш владыченька Пимен и не прислал бы плохого».

В бытность архимандрита Пимена монастырские земли — посевы и огороды — были отобраны, и, несмотря на все хло-

поты, их не вернули, а дали земли за монастырем, под огороды. Посеяли овощи на новой земле, но они всходов не дали. Много раз архимандрит Пимен приходил к батюшке и сетовал, что все черно — всходов нет. А батюшка все эти дни потайным ходом ходил на огороды и молился; и по его святым молитвам Господь послал всходы, а затем обильный урожай, да такой, что когда шел крестный ход, то бывший агроном А. Д. выставил охрану, чтобы не потоптали. Было все необыкновенное, и все изумлялись и благодарили Бога, что на таком пустыре выросло такое обилие плодов. Про батюшкины молитвы выдала Ольга, которая в обеденный перерыв оставалась в огороде караулить монастырский инвентарь.

Когда пришел в монастырь один из иеромонахов, отец Симеон сказал благочинному, чтобы он не допускал его никуда; и потом слова его исполнились. Этот иеромонах не оправдал своего сана.

Батюшка говорил: «Когда я был дьяконишком, во сне мне было большое искушение, и я так смутился, что не мог сказать своему духовнику. Вот за обедней все духовенство стало приобщаться Святых Таин, а я отошел в сторону и не мог причаститься. Все причащаются и спрашивают: «А где Вассиан, почему он не причащается?» Тогда архимандрит Мефодий на весь алтарь стал меня звать, говоря: «Ты что же это покрываешь врага?! Кайся, а то он в следующий раз тебе не то еще сделает». И вот мне пришлось вместо того, чтобы покаяться одному духовнику, каяться во всеуслышание. Потом причастился, и мне стало легче».

Отец Симеон говорил, что он один раз всего был в отпуске за всю жизнь и каялся в этом, так как видел много соблазнов от сатаны. Поэтому он не советовал никому из монахов ездить в отпуск.

Батюшка Симеон говорил, что есть такие монахи, которые берут на себя то, чего им не дано, и получается гибель.

Однажды утром батюшка Симеон читал правило, в это время к нему в стену стал стучать отец Серафим, говоря: «Что вы там, батюшка, делаете, ко мне доносится необыкновенное благоухание». Но батюшка не отвечал. Тогда отец Серафим с

матушкой Александрой вошли к нему в келью с тем же вопросом. Батюшка повернулся от аналоя и сказал: «Это дымок из печки, а вам показалось благоухание».

Отец Симеон говорил: «Меня многие судили и говорили: старец меня поцеловал, старец погладил. А кого я погладил или поцеловал — так я исцелял, страсти их брал». И добавлял: «Как хорошо, что я землей пахну».

Отец Симеон скрывал свою благодатность и в обращении с людьми был прост, и многие не подозревали, что через прикосновение батюшкиных рук получали исцеление от того или иного недуга.

Батюшка всегда предлагал своим чадам выпить у него стакан чаю, и люди по молитвам батюшки через монастырскую воду очищались от своей скверны.

Батюшка учил честно относиться к своему труду: «Кто любит свой труд — это дар Божий». Еще говорил: «Честное отношение к труду надо ставить на первое место». Бывали случаи, что у человека оканчивался отпуск накануне большого праздника, а батюшка давал благословение на отъезд.

Как-то заболел монах Вассиан. Врачи определили у него рак желудка и предложили взять его из больницы как безнадежного, а батюшка сказал: «Идите в больницу и скажите, что у него нарыв и что он прорвется». И действительно, нарыв прорвался ночью, и отец Вассиан стал здоров, и по это время жив.

На вопрос: «Строить ли дом или обождать?» — отец Симеон давал благословение строить, говоря: «Живой думает о живом».

Одна женщина спрашивала отца Симеона несколько раз про своего сына — спасется ли он. Однажды он ей ответил: «Ты мне надоела со своим сыном: как же он может спастись, если он этого не хочет». Она стала опять спрашивать — спасется ли он? Тогда батюшка ответил ей: «Тебе очень хочется, чтобы он спасся? Он может спастись только через скорби, а все скорби падут на тебя. Но тогда уже не ропщи, переноси их со смирением». И сын ее стал сильно болеть.

Духовная беседа со старцем Симеоном, записанная неизвестным священником

— Батюшка, как удобнее спастись? — спросил я старца.

— Дело спасения столь важно, — отвечал мне старец, — что все дела мира этого, как бы они ни казались великими, в сравнении с этим делом, первейшим и важнейшим, суть как бы безделье или как тело без духа. Святые отцы называют дело спасения наукой из наук и искусством из искусств.

Все науки и знания суть ничто без науки спасения. Священное Писание нам говорит, что спасение «во мнозе совете» (то есть должно совершаться со многим рассуждением), а поэтому нам должно обращаться с этим вопросом к опытным старцам и духовникам: «Если кого разумного, то есть опытного в духовной жизни, увидишь, то ходи к нему с раннего утра, и пусть нога твоя истирает пороги дверей его».

Надо знать, что путь спасения — путь Креста, а не льготной жизни. В деле спасения важнейшую роль играет Священное Писание и писания святых отцов — это лучшее руководство ко спасению. Сколько погибло крещеных христиан оттого, что не хотели обратить внимания на основание нашей веры — священные книги. Некий святой отец сказал: «Все думы ваши посвятите прилежному чтению священных книг. Из них вы увидите, как спасти свои души». Через чтение священных книг спасающийся избегает многих опасностей, ошибок и заблуждений, в особенности если он не имеет счастья быть под руководством опытного духовного отца. От незнания Священного Писания происходят ереси и развратная жизнь. Незнание Писаний — незнание Христа!

Но при чтении священных книг надо иметь осторожность: ни в коем случае не читать инославных сочинений — в них нет Духа Святого, у них свой дух — мрачный, льстивый, дух ереси темной и гордой.

После чтения священных книг немалую также роль для спасения души играет *покаяние.*

Кроме покаяния, нет иного пути ко спасению. Ныне люди спасаются только скорбями и покаянием. Без покаяния нет

прощения, нет и исправления: душа человеческая погибает. Если бы не было покаяния, то не было бы и спасающихся. Покаяние есть лестница, вводящая в рай. Да, *в покаянии — вся тайна спасения.* Как это просто, как ясно! Но мы как поступаем? Оставляем указанное нам Богом спасительное покаяние и стремимся к упражнению в мнимых добродетелях, потому что они приятны для наших чувств; потом мало-помалу, неприметным образом заражаемся «мнением».

Поэтому, желающему спастись, надо чаще каяться. Бремя грехов наших снимается покаянием и исповедью.

Желающий спасти свою душу должен помнить, что спастись невозможно без скорби и искушений, а поэтому и должен благодарить Бога за все скорбное. Болезни, несчастья, клеветы, обиды, неприятности, гонения и тому подобное есть спасение для человека.

Скорби есть по преимуществу удел спасающихся последнего времени: *...многими скорбями надлежит нам войти в Царствие Божие* (Деян. 14, 22).

Спасение наше — на Кресте, а именно в крестных страданиях. Через напрасные скорби и страдания мы прививаемся ко Кресту Христову и из него приемлем Силу Крестную — очищающую, освящающую и благословение Божие привлекающую. Нет иного пути ко спасению, как только через Голгофу и Крест. Как нельзя без воздуха — дышать, без пищи — жить, без ног — ходить, так нельзя без скорбей войти в Царствие Небесное. Кто чуждается скорбей, тот отрекается от своего спасения и за временную сладость этой жизни лишается вечного, присноблаженного покоя.

Наша жизнь — одна минута в сравнении с вечностью, и потому *нынешние временные страдания ничего не стоят в сравнении с тою славою, которая откроется в нас* (Рим. 8, 18) (если будем достойны) в будущем веке.

Кроме вышесказанного, желающий спастись должен приобрести, по слову святого Варсонуфия, великое смирение. А чтобы приобрести его, надо знать, в чем оно состоит.

Смирение же состоит в том, что человек признает себя грешником, не делающим никакого добра перед Богом; сми-

рение — это когда он тщательно соблюдает молчание, когда не усиливается, чтобы кто-либо принял его слова, когда он отвергает собственную волю, удерживает зрение, постоянно имеет грядущую смерть перед глазами, воздерживается от лжи, не произносит пустых слов, старшему не противоречит, терпеливо переносит безчестие и понуждает себя переносить труд и скорби.

Истинно смиренный всех, как себя, любит, никого даже мысленно не осуждает, всех жалеет, всем желает спастись, в себе же видит свою греховную нечистоту и со страхом помышляет, как будет отвечать на Суде Божием; но не предается отчаянию или унынию, а твердо надеется на Спасителя своего.

Истинно смиренный, если и имеет какие от Бога дарования: молитву, или слезы, или пост, или что иное — все это тщательно скрывает, ибо похвала людская, как моль или ржа, все изъедает.

Истинно смиренный себя всегда осуждает. Молит Бога даровать ему благодать не оправдываться. Смиренный, когда появляются нехорошие мысли, укоряет себя: «В таком грешнике, как я, и должны быть такие недостатки». Смиренный сознает себя достойным всякого наказания за злое произволение сердца своего. Но он не бежит от Бога и не отчаивается во спасении своем, а к Тому, Кого оскорбил и Кто готов праведно наказать его, к Тому Самому, благонадежно обращаясь, взывает: *Боже! милостив буди мне, грешному!* (ср.: Лк. 18, 13).

Смиренный делает добро тому, кто делает ему зло. Смиренный говорит о каждом брате в сердце своем: «Поистине он лучше меня» — и почитает его выше, разумнее — себя и приписывает свои подвиги Подвигоположнику Богу. Смиренный чужд ненависти, прекословия и непокорства и обладает добрыми качествами: беззлобен, приветлив, удобоумилен, милосерден, тих, благопокорлив, безпечален, бодр, неленостен, не любопытствует о непостижимых предметах. Смиренный все последнее избирает, одежды любит самые простые и всякие трудные работы исправляет безропотно.

Чтобы соделать спасение своей души, недостаточно огра-

ничить себя одним уклонением от зла, но надобно делать и добро. А святой Иоанн Златоуст говорит нам к тому же, что спасение не в том состоит только, чтобы не делать зла, но и в том, чтобы самим мужественно терпеть зло.

Спастись невозможно тому, кто ничего не делает для спасения ближнего; а поэтому самое главное внимание христианина должно быть обращено на спасение душ наших ближних. Живи для других — и сам спасешься.

Спасение еще заключается в борьбе с нашими страстями.

Кто в семье живет, тому спасение и от семейных добродетелей.

Весьма важную роль играет для спасения дружба, связь с людьми и место, где мы живем. Слово Божие нам говорит: «С преподобными преподобен будешь и с развращенными развратишься» (см.: Пс. 17, 26—27). И удобное уединенное место дает удобство для спасения. Уединение удаляет от человека суету мирскую, оставляет его с самим собой и Богом. Уединение способствует очищению сердца и помышлений. Оно возбуждает подвиги и самоотречение. От уединения рождаются умиление и кротость. Пребывание в келье в молчании, в упражнении (как в молитве, так и в поучении день и ночь Закону Божию) делает человека благочестивым.

Спасение души, далее, немало зависит от последних минут жизни, по слову Спасителя: *В чем застану, в том и буду судить*.

Вообще вся эта кратковременная земная жизнь с ее бедствиями и скорбями дана человеку, чтобы он употребил ее на свое спасение, то есть на возвращение себя от смерти к жизни. Спасение, или оживотворение Духом Святым, совершается при посредстве Искупителя, Господа нашего Иисуса Христа.

Закончу свое слово, любознательный батюшка, древним поучением: «Милостыней купи, стяжи себе помилование от Бога, смирением — вечную славу, чистотой и целомудрием — венец, кротостью — в рай вхождение, молитвой — с Ангелами житие. Стяжи себе трудом — покой, молитвенным бдением — общение с Богом, постом и жаждой — наслаждение вечными благами. Имей рассуждение духовное: возноси ум свой

к Богу, но низводи и долу, размышляя, что рано или поздно все в землю возвратимся. Внимай чтению книг божественных, сокрушайся о грехах, говори одну правду, уста чаще открывай для молитвы, руки отверзай на подаяние нуждающимся, сердце удержи от гнева, в теле сохрани чистоту, в пище — воздержание, колена преклоняй на поклонение Богу. Если сохранишь это, то и будешь чадом Света и сыном Царствия Небесного — спасешь душу свою».

Затем я спросил:

— Отец Симеон, я замечаю в себе, что часто впадаю в осуждение. Как победить мне этот злой порок, хотя мне и приходилось читать предсказание преподобного Нила Афонского, что люди XX века очень будут осуждать других?

Отец Симеон на это отвечал мне:

— Добрый человек всех людей видит добрыми, а злой и лукавый не только криво, но и прямо ходящих подозревает, укоряет, осуждает и злословит.

Осуждаем же мы наших ближних оттого, что не стараемся познать самих себя. Кто занят познанием самого себя, своими недостатками, грехами, страстями, тому некогда замечать за другими. Помня собственные грехи, о чужих мы никогда не подумаем. Безумно оставить своего мертвеца, свою душу, и идти плакать над мертвецом ближнего.

Осуждая порочных людей, мы сами себя осуждаем, потому что и мы не свободны от грехов. Когда мы покроем согрешение брата своего, тогда и Бог покроет наши согрешения, а когда мы обнаружим грех брата, и Бог объявит согрешения наши.

Язык осуждающего злее ада: даже ад возьмет только злых, а язык пожирает и злых и добрых. Строгий суд о ближнем показывает не доброжелательство, а ненависть к человеку.

Осуждая других и черня их честь, мы сами себя безчестим.

Осуждающий вредит троим: себе самому, слушающему его, и тому, о ком говорит. Ибо не только осуждать грешно, но и слушать осуждающих грех. «Кто говорит клевету, — сказал некто, — и кто слушает ее — оба имеют диавола: один — на языке, а другой — в ушах». Если бы ты был добр, то не стал

бы говорить худо о другом. Даже и явных грехов нам оглашать не должно. Будем лучше замечать в других добродетели, а в себе находить грехи.

Чтобы не осуждать, мы должны заниматься своей душой, узнавать свои душевные болезни, свою нищету. Узнать самого себя — самое трудное и самое полезное знание. Сподобившийся увидеть себя, говорят отцы, выше сподобившегося увидеть Ангелов.

Многие хотят узнать, что делается в чужих странах, а что в своей душе находится, не знают и не ищут. А ведь познание себя, своей греховности, и есть начало спасения. Для того же, чтобы лучше и вернее узнать, изучить себя, нужно следить постоянно не только за своими словами и действиями, но и за мыслями, чувствованиями, желаниями — как корнем наших слов и дел.

Чтобы приучить себя никого не осуждать, нам надо сразу же помолиться о согрешающем, чтобы Господь исправил его, надо воздохнуть о ближнем, чтобы вместе с тем воздохнуть и о себе.

Не осуждай ближнего: тебе грех его известен, а покаяние его неизвестно.

Чтобы не осуждать, надо бегать от осуждающих и хранить свой слух. Возьмем одно правило для себя: осуждающим не верить; и другое: никогда не говорить худо об отсутствующих.

Не мысли ни о ком зла, иначе сам сделаешься злым, ибо добрый помышляет доброе, а злой — злое. Будем помнить старинные народные поговорки: «В чем кого осудишь — в том и сам побудешь»; «Знай себя — и будет с тебя». Краткий путь ко спасению — не осуждать. Вот путь — без поста, без бдения и труда.

Еще спросил я:

— Отец Симеон, мне хотелось бы узнать, какие есть виды добрых дел?

Старец ответил:

— Ответ мы найдем в книге «Уставы». Вот что там пишется: «Почитать всех людей, тело свое умерщвлять и порабощать, не искать утех, любить пост, быть чужду делам века этого, не

быть многоядущим, вечной жизни желать духовным желанием, бояться Дня Судного, страшиться геенны, не любить многословия и слов, смех возбуждающих, часто прилежать молитве, грехи свои со слезами и стенаниями каждодневно исповедовать Богу в молитве; не желать, чтобы называли тебя святым, прежде чем будешь таким, не любить состязаний, прежде захода солнца мириться с тем, с кем придется размолвиться, никогда на отчаиваться в милосердии Божием».

Много еще имеется добрых дел, но одно — высшее всех — это рассуждение, или духовная мудрость, о которой не все знают. Она достигается через молитву и смирение — временем и опытностью, и каждая добродетель нуждается в ней — по слову святого Антония Великого. Не всякое добро угодно Богу, а только сделанное правильно, с рассуждением, как говорят, «в разуме».

Например, можно поститься, но с ропотом на пост, или на пищу, или на приготовителя пищи; можно поститься, но осуждать непостящихся, поститься и гордиться или тщеславиться постом, поститься от мертвого мяса, а есть «живое»: языком обижать или осуждать ближнего. Можно также терпеть болезнь или скорбь, но роптать на Бога или людей, жаловаться на свою участь, раздражаться, обижаться. Можно исповедоваться в грехах, но утаить грех, или не простить обидчика, или не иметь веры, что тебе грехи простятся, оправдывать себя, не сокрушаться о грехах и не иметь намерения исправить свою жизнь. Можно молиться, но без участия сердца, или рассеянно, или с леностью, или поспешно, или дремать при этом.

Такие «добрые дела» бывают неугодны Господу, так как делаются без рассудительности.

Духовную же мудрость можно приобрести:

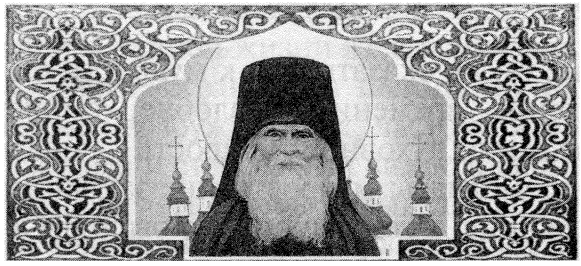
1) через вопрошания и беседы со старцами и духовниками, то есть с духовно мудрыми отцами;

2) через чтение священных книг, особенно святоотеческих и старческих;

3) через посещение храма Божия, где проповедуется Божие Слово.

Не излишне также сказать, что к мудрости относятся: мудрое употребление времени, беззлобие, смирение, память смертная, трезвение духовное; мудрость — знать, когда сказать и когда промолчать; мудрость еще заключается в выборе друга и вообще лица, которому можно было бы доверить свою душу; мудрость — иметь общение с теми, кто может быть полезен своей праведной беседой; мудрость — делать все с советом опытных, обдуманно; даже расходовать деньги только на нужное — есть тоже мудрость.





ПРЕПОДОБНЫЙ ЛАВРЕНТИЙ ЧЕРНИГОВСКИЙ (1868—1950)

Преподобный Лаврентий, в миру Лука Евсеевич Проскура, родился в 1868 году в селе Карильском близ Коропа Черниговской области.

Родители его, Евсевий и Христина, были простые крестьяне. В семье было семеро детей (пять мальчиков). Лука был одним из младших. Детство было тяжелым, нужно было с ранних лет приучаться ко всякой домашней работе.

А тут еще не повезло со здоровьем. В детстве шутливо надел на голову решето и бегал по двору, зацепился и, отступая детскими ножками назад, упал на поросенка так сильно, что получил увечье на всю жизнь (был хромой).

Мать часто болела, не поднималась с постели. Отец умер, и мальчику приходилось исполнять и мужскую, и женскую работу.

Он пас лошадей, ухаживал за коровой, топил печь, пек хлеб, убирал в избе, белил, мазал и даже стирал, выучился портняжничать. В общем, был очень способный мальчик, послушный, трудолюбивый.

Особенное призвание было к музыке и пению. Рано научился играть на скрипке. И бывало, утром приведет лошадей с ночного и до завтрака проиграет свои любимые мелодии, где он изливал свою детскую душу.

Старший брат его — Варфоломей оставался жить на старом дворище, младший брат Демьян, которому батюшка отдал свою часть наследства и который помогал батюшке, посещая его в монастыре, был убит на фронте. Другие два брата выехали «на переселение» (были сосланы), и о них ничего неизвестно.

Учился Лука в сельской школе хорошо, превосходил успехами своих сверстников. Учитель поручал ему обучать младших товарищей по школе. И он охотно исполнял это поручение.

Учащихся приучали в то время петь в церкви. И тут маленький Лука чувствовал себя в своей стихии. Он быстро все усвоил: пение и весь строй церковного богослужения, прекрасно разбирался в уставе службы и в двенадцать лет с помощью священника разучивал песнопения со своим маленьким ученическим хором, где были как мальчики, так и девочки. А в четырнадцать лет уже стал самостоятельным регентом.

Еще с ранней юности батюшка почувствовал влечение к монашеской богоугодной жизни. Это чувствовали его товарищи и следовали его примеру. Почти все девочки потом ушли в монастырь (матушка Ардалеона, матушка Евгения), а мальчики (юноши) даже достигли Афона.

Сам батюшка часто навещал мужской монастырь Рыхлы, который влек его своим пустынным образом жизни. Находился он в девятнадцати километрах от Карильского (сейчас весь в запустении). Но батюшка должен был уступить материнской любви. А когда умерла мать, батюшка недолго оставался дома, а через полгода, отказавшись от своей части наследства, попросил старшего брата Варфоломея отвезти его в монастырь Рыхлы, и лет двадцати трех был зачислен в монастырь на послушание регента монастырского хора и уставщика.

Весть о способном регенте распространилась далеко за пределы монастыря. Узнали о нем и в Черниговском Троицком мужском монастыре.

И года через три владыка Антоний дает письменный запрос о немедленном переводе батюшки в Черниговский Троицкий мужской монастырь в качестве главного регента.

Владыка Антоний был подвижник высокой духовной жизни. Говорят, что он соблюдал строго иноческий обет нестяжательства. Например, имел только две одежды. Одну, которую носил, и другую, праздничную (ряса). А если ему пошьют ко дню Ангела (преподобного Антония) новую, то он обязательно старую кому-то отдаст.

Владыка Антоний прозрел в лице инока Луки великого в будущем молитвенника. Когда он делал на него запрос в монастырь Рыхлы, и Лука долго не приезжал, то братия и настоятель заревновали, говоря: «Все Луку да Луку, будто и людей больше нет...»

А владыка Антоний возразил им словами: «Это такой Лука, что все будут спрашивать у него». Что, конечно, и сбылось в свое время. Не хотелось батюшке оставлять молитвенное пустынное место, которое пришлось ему по душе. Со слезами скорби уснул он и видит во сне на паперти лик Царицы Небесной Троицкой, Которая его благословляет. Вздрогнул от страха и утром немедленно отправился в путь. Прибыл в Чернигов и сразу же к владыке Антонию и говорит: «Вот, Владыко святый, я приехал». «Хорошо, — ответил владыка Антоний, — будешь обучать мальчиков-семинаристов».

А когда батюшка зашел в церковь, то узнал тот лик Царицы Небесной, что видел во сне, и Которая его благословила.

В Троицком монастыре постригли его в мантию и дали имя Лаврентий, рукоположили в 1895 году в иеромонаха, а потом он стал игуменом. Были у него сверстники-певчие: отец Смарагд, Милахий, Михаил, Иннокентий, Ефрем и другие. Все они уважали батюшку и слушались, и следовали его духовной благочестивой жизни.

Еще с юности он навык непрестанной Иисусовой молитве и поучал других. Три раза он ездил на Афон и был в Иерусалиме на поклонении святым местам.

Наружность батюшки была приятна, во всем облике светилась благодать. Лицо всегда было светлое и радостное, исполненное любви ко всем. Волосы у него рано поседели и были белы как снег, глаза голубые. Роста был среднего. Ходил всегда с палочкой.

Рассказывала племянница батюшкина (Ефросинья), что до 1933 года батюшка раза два был в своем селе Карильском, где была у них своя церковь, в которой батюшка служил.

Был какой-то праздник, и батюшка приходил домой весь мокрый, переодеваясь, приговаривал: «Вам трудно на земле работать, а нам трудно молиться за всех. Мы тоже добре потеем».

Батюшка никогда не забывал своих родственников: племяннице Ефросинье подарил золотой крестик, платок, а племяннику Петру — свою ручную швейную машинку. Когда у брата Варфоломея «забрали» корову, батюшка дал денег на покупку новой.

Время шло. Удержать нельзя ничего... Всему так надо быть... Опытных певчих отправили на приходы, а кто сам ушел... Хор стал слабеть. Батюшка стал присматриваться к приходской молодежи; деревенских девочек привлекал к пению.

Применял свой духовный опыт, свою духовную прозорливость, в чем был еще с юности одарен.

И вот какая девочка более склонна к монашеству, он помолится за нее, пригласит, расположит, привьет любовь к пению, молитве. И стало так пополняться стадо «молодыми овцами». Давал им тайно подрясники, четки, обучал пению, чтению, устраивал на работу. И был как чадолюбивый отец. Весть о добром и прозорливом батюшке разносилась все шире и дальше.

По благословению владыки Пахомия собралось много певчих, из них многие потом стали талантливыми солистами хора.

Одна вспоминала, что была еще совсем малолетней и пришла со старшими и плачет перед батюшкой, а батюшка погладил по головке, да и говорит. «Не плачь, будешь царской певчей». Она ничего не поняла и так и уехала. А предсказание сбылось, она действительно служила своим голосом Царю Небесному, была хорошей солисткой.

И это время прошло... Всем предложили уйти, и храмы

закрыли «на ремонт» (1930). Батюшка переживал это «под горой» у одной благочестивой вдовы Елены. Там батюшка занимал небольшую комнатку в старом домике и предавался посту и усиленной молитве как за своих многочисленных рассеянных чад, так и за весь мир. И эти тайные чада только ночью могли постучаться в окно батюшки. Но он не всех принимал, а по своей прозорливости уже знал наперед, кто к нему должен прийти и что ему нужно.

И так ему дано было предвидеть, что, когда закрывали церковь, он говорил: «Храните книги, они нужны будут. Еще будут и монастыри, и архиереи, и все нужно будет».

Перед войной он предсказывал бедствия народа. Молился и плакал, что много крови прольется.

Когда началась война 1941 года, батюшка своими усилиями собрал своих монашествующих чад и устроил женский Троицкий монастырь, где раньше был мужской, а потом и Домницкий монастырь. В Троицком было вначале человек семьдесят сестер, а в Домницком — человек тридцать пять.

Собрал певчих, разделил со временем на два хора. Сам был главным регентом, разучивал новые песнопения: очень духовные и мелодично звучащие. Далеко за пределами Чернигова славился батюшкин хор.

У батюшки была сильная любовь ко всякому делу. Когда делали ремонт во всем корпусе, батюшка везде участвовал: давал указания и печникам, и мастерам, когда делали перегородки, стелили пол, крыли крышу.

Когда мастера жаловались, что плохие доски, батюшка отвечал: «Ладно, лет на двадцать хватит, а потом что Бог даст».

Приходилось работать штукатуром и в холодное время года, когда замерзали материал и вода.

Однажды дело не ладилось, пригласили одного старика на помощь. Он говорит, что здесь сила нужна. А батюшка подошел с любовью, перекрестил, и материал стал мягкий, и дело пошло как следует. Это всё по молитвам великого старца Лаврентия.

Много пришлось потрудиться сестрам при отстройке храма большой церкви, а также и келий. Приходилось носить воду на большую гору из колодца, рубить топором глину, носить на плечах; одной лошадкой не справлялись. И после больших и тяжелых трудов в 1942 году на Пасху впервые начали службу в Большом храме. И батюшка перешел в монастырскую келью.

Сколько радости, сколько восторга!

Батюшка отец Лаврентий славился как исповедник. К нему стояла всегда толпа верующих, а к другим духовникам поменьше.

В хозяйственных делах монастыря батюшка любил делать свои благодатные указания, где что посадить, что посеять и строго следил за всем своим хозяйским глазом. Многих своих чад он своей прозорливостью предупреждал и от всяких неприятных случаев.

Когда в 1942 году приехал владыка Симон из Западной Украины, батюшка сказал: «Эге, это наш!» И когда приехал владыка Иаков (1947 год), батюшка тоже одобрил, сказал, что при этом владыке процветет духовная жизнь нашего города, что и сбылось.

Еще перед войной (1941 год) батюшка прямо сказал: «За то, что все делается не по закону да в праздники, то все стрясется и сгорит. А потом откроются монастыри, и люди будут каяться и молиться, и Господь по своей милости даст немного времени, чтобы пополнить число отпавших ангелов». Батюшка любил часто это слезно повторять.

Батюшка имел свои испытания. Бывало, что по зависти сатанинской к нему грубо относились владыка Борис и матушка игуменья. Но он все кротко и терпеливо переносил и с любовью молился за обидчиков, и этим победил лукавого, а в глазах верующих и своих чад становился еще более духовным, великим и любимым.

Около старца в монастыре жили двенадцать сестер, а его

обслуживали две. Трапеза у них была общая, там они и молились вместе. А когда батюшка не ходил в церковь (по слабости здоровья), то все вычитывал в келье.

Он непрестанно занимался молитвой Иисусовой и обучал сестер. Указывал, как кому молиться по вдоху и выдоху. «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий» — вдох, а «помилуй мя, грешную» — выдох. А одной девушке (на ее просьбу, чтобы благословил четки) сказал: «Молитва — это хорошее дело. Ангельское, а ты по пальцам левой руки. Держи большим пальцем мизинец и читай десять молитв «Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешную», а потом переходи на безымянный и так по порядку. И вот будет у тебя навык к молитве. Ум нужно непрестанно вправлять в молитву, а то он ходит где попало».

Хором управлял батюшка искусно. Делал он две спевки в неделю. Хористки все были его ученицы, только два «баса» были «вольнонаемные» мужчины.

Он с Афона привез много вещей для пения: «Достойно есть» — очень умилительное, «Милость мира» и другие.

В Чернигов приезжал Патриарх Алексий.

Весь хор ходил в Кафедральный Спасо-Преображенский собор, и там под руководством батюшки пели. Патриарх был в восторге от хора и говорил, что «подобное редко где услышишь».

Киевский митрополит Иоанн приглашал хор в Киев, куда и ездили, и тоже имели успех.

Во время войны хотели открыть и Елецкий мужской монастырь, но было мало братии. Батюшка торопился скорее занять Троицкий, говорил, что так указала Матерь Божия.

У батюшки во дворе монастыря была устроена летняя беседка, где он проводил часы своего досуга, беседовал со своими чадами во время «вечернего чая», а также принимал жаждущих спасения.

Батюшка предсказал свою кончину, еще когда переходил в монастырь, за восемь лет. Сказал: «Ну, здесь кто поживет восемь, а кто и больше». И когда батюшка умер, то вспоминали эти слова. За полгода также сказал: «От этого дня я

проживу ровно полгода», что тоже исполнилось. И еще сказал: «1950 год свое покажет, а в 1952 году увидите». И действительно, в 1950 году батюшка умер, а в 1952 году Домницкий монастырь закрыли «на ремонт» и сестры перешли в Троицкий.

При батюшке стали сестры излишне заниматься рукоделием, делать иконы. Он был недоволен и говорил: «Без Иисусовой молитвы и без церкви делают, монастыри пробудут не столько, сколько нужно», — что и сбылось.

Утром, когда зажигался в какой келье свет, батюшка своим прозорливым умом видел, где молятся, а где занимаются житейской суетой. Однажды батюшка шел в церковь и сказал сопровождавшей его монахине, чтобы заглянула в келью, которая находилась рядом с церковью, и посмотрела, чем занимаются ее насельницы. Они в это время занимались своими делами, а в церковь никто и не думал идти.

Батюшка очень возмутился и сказал: «Так монастырь долго не протянет», — что и сбылось. Батюшка говорил, что для монаха нужна молитва как воздух, иначе он уподобляется «черной головешке», которая издает только смрад. Еще говорил: «Счастливы те, которые записаны в „Книге Жизни“». А на вопрос сестер, кто же записан в ней, ответил: «У кого влечение к церкви, тот записан».

У батюшки был дар непрестанной Иисусовой молитвы. «Бывало, мою коридор, — вспоминала одна монахиня, — а он мимо проходил, да и говорит: «Эге, работай, но чтобы была Иисусова молитва, или куда идешь, то он тоже напоминал про молитву».

По батюшкиным молитвам и благословению владыка Борис привез из Ленинграда мощи Черниговского святителя Феодосия. «Я, — сказал батюшка, — буду молиться и встречать вас». Так и произошло. Мощи были в целости доставлены и с честью положены в Кафедральном соборе. И было устроено большое торжество, батюшка пел «Христос Воскресе».

Батюшка говорил: «Если нужно тебе уйти с литургии, то уходи после «Отче наш». А если уже вышли с Причастием Тела и Крови, то стой со страхом и молись на месте, потому

что здесь присутствует Сам Господь со Архангелами и Ангелами. И если можешь, то пролей хоть малую слезу о своем недостоинстве. А Ангел твой хранитель будет рад за тебя. Если кто тебя спросит о чем-либо, ответь ему, но очень кратко. А сама стой, «как свеча, в храме».

Батюшка всех любил, всех уважал, готов был каждому помочь. Это чувствовали все окружающие его. За ним ходили толпами люди, чтобы что-то сказать, о чем-то спросить.

Он иногда устраивал обеды, ожидая простого народа, и сам служил им. Много рассказывал интересного, ближе народ был к нему со своими нуждами и скорбями.

Батюшка говорил, что в последнее время кто призовет имя Божие — спасется. Особенно девственники восполнят число падших ангелов.

Еще говорил, что Господь такой милостивый, что и истинных евреев, которые живут по заповеди Моисея, в последние дни помилует и вселит их на третье небо.

Батюшка призывал всех своих чад к миру и любви. Он говорил: «Если которая сестра «горячая», вспыльчива характером и не может сдержаться в слове, то прежде чем подымать скандал, сними с себя пояс, подрясник, положи четки и тогда уже начинай доказывать свою правоту. Если так будете поступать, никогда не будете ругаться».

«Если кто в течение дня не сдержал себя в мире и любви к ближнему, и поссорился с кем-либо, и имеет на кого неприятное чувство, до заката солнца должен обязательно примириться, то есть попросить прощение».

Батюшка имел дар прозорливости. Однажды (во время послевоенной разрухи, 1945 год) владыка Борис не был дома. Вдруг батюшка благословляет немедленно готовиться к встрече владыки. Сестры говорят, что мосты разрушены, он скоро приехать не может. А батюшка на своем настаивал. И верно, случайно на какой-то дрезине владыка в тот день приехал. Все удивились прозорливости старца.

Батюшка предсказал матушке Афанасии (регентше) быть регентом. Один раз за обедом надел ей большой крест и сказал: «Вот будешь регент». Ее потом и крестом наградили.

Еще при жизни батюшки заболела матушка Афанасия. Ноги болели. Пришел батюшка проведать, да и говорит: «Будем еще жить?» Она ответила: «Да как вы, батюшка». А батюшка ответил: «Ну еще поживем». И она стала поправляться.

Рассказывала одна монахиня Е. Однажды во время войны многие сестры стояли около бани у окна и смотрели вниз на луг. А батюшка шел мимо да как закричит: «Убегайте, а то сейчас снаряд прилетит». Так и было. Только отскочили, и сразу же ударил снаряд.

Приезжал митрополит Иоанн в гости к батюшке. Побеседовали, попили чайку, и митрополит собирается ехать домой и спрашивает благословения у батюшки. А батюшка предлагает ему завтра уехать. А митрополит настаивает на своем. И уезжает. Прошло немного времени, а батюшка говорит, чтобы шли встречать митрополита. Ему говорят: «Батюшка, митрополит уехал давно домой». А он: «Я говорю, идите, открывайте ворота». Они вышли, а митрополит смущенно стоит под воротами, говорит: «Дорогу размыло, и нет проезда до завтра». Митрополит удивился прозорливости батюшки.

Ремонтировали церковь, нужен был материал, а его негде было достать. Батюшка говорит экономке: «Беги на базар скорее». Она побежала, смотрит по сторонам молча. Вдруг подходит из села председатель. Спросил, чего стоит, она объяснила печаль свою. Он предложил садиться в машину, и они приехали на вокзал, нагрузили извести полную машину. Она заплатила и привезла в монастырь. Батюшка вышел, поблагодарил его, и все прославили Бога. Поблагодарили и батюшку за святые молитвы.

Во время войны, при оккупации, на монастырской земле была посеяна рожь. Землю забрали и поделили на участки, и вот не дают жать. Пошли жаловаться в контору, там и слушать не хотели, выгнали со стыдом. Экономка пришла домой со слезами и пошла поделиться своей бедой к батюшке. Батюшка наутро благословил идти опять туда же. Сестра, уповая на молитвы батюшки, пошла опять к тем же начальникам. Только батюшка приказал дорогой ни с кем не разговаривать. Она

шла молча, зашла в контору, обратилась, а они все такие обходительные, сговорчивые и дали разрешение жать рожь. Она пришла домой довольная и батюшке рассказывает, как они переменились. А батюшка улыбнулся, да и говорит: «Э, вот когда человек злой, то в нем бес, а когда помолишься, то он отскочит и человек становится добрым».

В монастыре была лошадь для нужд. Нужно было сена. Начальник горсовета отказал дать разрешение на сено, прогнал ни с чем. Пришла матушка Е. к батюшке с жалобой. Он выслушал, ничего не сказал. Прошло два дня. Батюшка сидел в беседке, подзывает к себе матушку Е. и посылает опять идти насчет сена, молвив: «Не тот, так другой, а даст сено». Когда пошла и обратилась, то начальник был другой, а того вчера сняли, и дал разрешение на сено.

Посеяли ячмень, и когда он начал созревать, воробьи все поедали. Пожаловались батюшке, что делать? А батюшка и говорит: «Отныне воробьи не будут причинять беды. Они прилетят, а садиться не будут. У них ножки помлеют, они и улетят прочь».

Назавтра сами убедились в чуде. Вышли и наблюдали, что воробьи тьмой налетят, поцвиринчат и улетают обратно. Все прославляли Господа и благодарили батюшку за молитвы.

Батюшка имел также дар исцеления. Одна матушка рассказывала, что она была далеко в Сибири и когда вернулась, то плохо стало с головой. Поместили ее в «дурдом», а сами обратились к батюшке за помощью. Он помолился, и ей постепенно стало лучше, а потом и совсем выздоровела, и живет, сейчас ей восемьдесят лет.

У ее сестры Ф. заболело колено и такая острая боль, что нельзя было ступать. Обратились к батюшке, он перекрестил больное место, и боль прошла.

По благословению владыки Пахомия батюшка много постригал в мантию, например своих односельчанок Ардалеону, Евгению, которые жили в Гамалеевском монастыре (Глуховского уезда). О матушке Евгении батюшка говорил, что она от чрева матери предназначена для духовной жизни.

Рассказывает далее М. М.

«Когда умирал отец, я попросила его, чтобы он, по молитвам отца Лаврентия, приснился мне, и он пообещал.

Один раз приснился: «Благодарю за булочки. Лучше ничего не надо, они помогают мне. Я знаю, что ты в долгах, но без «булочек» я погибну», — сказал мне покойный отец во сне.

Я пошла и рассказала батюшке. Батюшка сказал, что это не булочки, а просфоры, которые подаются на проскомидию. Ими смываются грехи человека.

После сорока дней приснился опять. Я спрашиваю: «Ты мертв?» Он отвечает: «Я и мертв, и живой». Я спрашиваю: «Где твое место? Куда ты определен?» Он отвечает: «Я еще никуда не определен».

Пошла к батюшке, рассказала сон, а он и говорит, что отец еще не прошел мытарства. Бывает, проходят за три дня, двадцать дней, сорок дней, год, два и сорок лет, смотря какие грехи. Где на каком мытарстве задержат, то много надо подавать милостыни и просфор на проскомидию. А сорок лет проходят мытарства те, за которых некому молиться и кто имеет за собой большие грехи».

Одна Домницкая монахиня рассказывала:

«Когда жила я в миру, была супружная, имела мужа и дочь. Брак был законный (венчаны). Но супруг был самый скверный мужчина: выпивал, дрался, горя набралась с ним. И вот однажды приехала в Чернигов и зашла к батюшке. Рассказываю про свое горе и вся обливаюсь слезами, что никто не может помочь, потому что брак законный и нужно терпеть. Это я знаю хорошо, но уже не хватает терпения. А батюшка посмотрел на меня с сожалением, да и говорит: «Бросай, да и убегай в монастырь. Лучше пусть один погибнет, а две спасетесь. Нежели вы все трое погибнете». Я так и сделала».

И она была примерной келейницей у матушки игумении Домницкой, а потом кухаркой у митрополита Гурия, а перед

смертью приняла схиму. А дочь умерла девицей верующей. Так исполнилось батюшкино предсказание.

Одна сестра рассказывала, что читала правило батюшке и задремала, а потом взглянула испуганно на батюшку, а у него глаза как огненные. Он молился.

Одна сестра просила у батюшки поговеть (не было церквей). А батюшка говорит: «Тогда я позову». «Вот живу я и живу, вдруг на Вербной неделе в субботу мне так захотелось к батюшке, я все оставляю и иду, да уже и запоздала. А батюшка молился, читал утреннее правило и правило — ко причащению. Батюшка сказал: «Немного подождем». В это время я постучалась в окно. Все так и ахнули: «Ах, вот кого батюшка ожидал!» — произнесли молящиеся. И я прославила Бога и сего великого праведника».

Однажды, побывав в Черниговском Троицком монастыре и насладившись беседой с батюшкой, матушка игуменья Киевская Флавия возвратилась в свой монастырь Киевский Флоровский да с восхищением и рассказала своим сестрам о великом старце Лаврентии. А казначея, матушка Антония, уязвившись завистью от врага, пробормотала себе под нос: «Нашли какого-то деда, да и восхищаются! Что он знает?» Матушка игуменья заметила ее недовольство, да и говорит: «Вот свезу вас к нему, да хоть исповедаетесь хорошенько». И свое слово исполнила. Привезла несколько сестер, в том числе и казначею матушку Антонию.

Вот сели за стол вместе с батюшкой. Матушка игуменья и говорит: «Батюшка, расскажите нам что-нибудь». А батюшка: «А что там этот дед знает?» Матушка казначея сразу поняла, что батюшка обличил ее помыслы. И потом просила прощения, и уже с любовью относилась к прозорливому старику.

Однажды пришла женщина за благословением к батюшке, чтобы поехать к сыну. Батюшка приказал посадить ее за стол обедать. Женщина рвется из-за стола, потому что опаздывает.

А батюшка говорит, что торопиться не нужно. Пусть даже не поедет. И она не поехала в тот день. А потом узнали, что было крушение поезда. И все прославили Господа и верного Его раба Лаврентия. А батюшка только сказал: «То Ангел-хранитель известил».

М. Ф. рассказывала, что когда-то отец Н. привез в Троицкий монастырь целый воз девочек: «И я там была самая меньшая. Батюшка всех благословил, а меня — как не видит. Как ни старалась я обратить на себя внимание, все равно батюшка как не замечает. Я стала плакать, а батюшка протянул руку, погладил по голове, да и говорит: «Не плачь, ты же тут жить будешь. А что тебе мама сказала?» А мама страшно не соглашалась, говорила: «И не думай». А батюшка прозрел будущее. Она потом была в монастыре певчей, даже регентшей первого клироса.

Любил батюшка коровку, давал ей хлебец из руки, любил котика, кормил его лакомым кусочком, а когда умер батюшка, то котик не отходил от гроба, а когда похоронили в усыпальнице, то ходил под окошко, и там днями лежал, и с тоски скоро пропал.

Любил батюшка кормить птичек. Зернышек вынесет, налетит стая воробьев и хватают, дерутся. Батюшка прикажет им разлететься и прилетать по два-три, они так и делали. А когда выносили гроб с телом батюшки из кельи, то такое умилительное зрелище было. Все птички стайкой летали над гробом и жалобно чирикали, провожая в последний путь своего кормильца.

Рассказывала одна боголюбивая сестра М.:

«Однажды я пришла к батюшке, чтобы помянуть своего отца в сорок дней. Сестры охотно пропустили в келью батюшки, так как у него никого не было. Я по своей неопытности без молитвы приоткрыла дверь кельи. А батюшка слезно

молился, и лицо его сияло неземной благодатью. Я очень испугалась и поняла, что не вовремя пришла, и хотела закрыть дверь и убежать. Батюшка подозвал к себе и спросил: «Ты поминать отца пришла? Ах, эти «батьки»! Попробуй теперь их отмолить, мне, да и тебе еще хватит». Благословил меня, и я поспешно ушла, поняв, что еще отец не на своем месте».

Однажды привели к батюшке девочку очень быструю и поведением своим не совсем отличную («драчунку»). Все подошли к батюшке, а она стояла в стороне и только исподлобья посматривала на него. Батюшка посмотрел на нее с любовью, ее подвели к старцу. Батюшка обнял ее, прижал ее головку к своей старческой, полной любовью к людям груди, дал ей просфору и сказал: «Походишь, походишь да будешь наша». Что и сбылось. Она потом вступила в монастырь и была примерной инокиней, очень способной на все дела, а особенно искусна в иконной живописи. Так вот батюшка прозрел будущее этой инокини А.

Во время войны, при оккупации, в монастыре нечего было есть, и батюшка благословил поехать в село, чтобы раздобыть кое-что. По дороге было страшно ехать, потому что все забирали. А мы везли целую подводу продуктов. Сильно боялись, но довезли все благополучно. Когда привезли, то рассказали батюшке о своем страхе во время пути. А батюшка и говорит: «Раз я благословил и помолился, то бояться нечего». Такие сильные были молитвы этого старца.

Пришла одна девушка из села О., молодая, интересная, взять благословения выйти замуж. Поисповедалась у батюшки и рассказала ему о своем намерении, а батюшка спросил, не больна ли она. Она ответила, что сейчас уже все нормально, а раньше немного болела. А батюшка и говорит, что сейчас нужно подождать, и парень согласился ждать. Она приезжала к батюшке. Прошел год, приехал парень жениться, а девушка лежала при смерти. В скором времени умерла. Вот такая прозорливость отца Лаврентия.

Одной матушки сестра пришла к батюшке да и жалится на мужа, что такой негодяй, иконы бьет и ее выгоняет. Батюшка сказал, чтобы его немедля привести к нему в монастырь. Долго думала она, как это сделать, а потом обманом привела к батюшке. Еле втащила в келью, а батюшка к нему, посадил за стол, угостил, посидел с ним до вечера, и он переменился полностью. Уехал довольный домой. К батюшке часто приезжал, и иконы почитал, и жену любил. Вот так святыми молитвами батюшка обращал заблудших.

И. М. рассказывала о себе:

«Божиими судьбами попали мы в Чернигов. Я стала верующей, привыкла ходить в церковь Троицы. Однажды знакомая девочка повела меня впервые к батюшке отцу Лаврентию. О жизни его я уже кое-что слышала. Как зашла к нему, он ласково принял меня, посадил возле себя. Я как-то села нечаянно ему на подрясник да и стараюсь поправиться. А он это заметил, да и говорит: «Он же тебе не мешает?» И я успокоилась.

«Вот с нынешнего дня начинаются цветы, а потом будут ягодки», — сказал батюшка мне. Я сижу и думаю: «Вот опять будет горе». А он прозрел мои мысли, да и говорит: «Не горе теперь. Вот мы будем знакомы. Ты будешь меня знать». А потом встал, помолился Матери Божией и произнес: «Матерь Божия, сохрани сию рабу и возьми ее под свой Покров». Потом благословил и прижал мою голову к своей старческой груди, исполненной уже при жизни благодати Духа Святого. И на прощанье сказал: «Ходи в церковь и ко мне заходи». Девочку, которая сопровождала меня, тоже благословил, и мы торопливо ушли. И вот когда я вышла, то, казалось, все во мне перевернулось. Мне было радостно, приятно... Мне хотелось всех людей сделать такими же счастливыми, как я сейчас.

Потом я стала размышлять: мне же жить нужно иначе. Ведь батюшка по своей доброте ничего у меня не спросил ни про молитву, ни про пост. Но мне самой нужно понимать, что нужно свою жизнь в корне изменить. И когда я пришла

домой, то маме заявила, что буду соблюдать посты, в чем со стороны матери возражений не было...»

Та же: «Был пост 1943 года. Мне сильно хотелось исповедаться у батюшки отца Лаврентия. Исповедь была в кельи вечером. Народа было очень много — и монашествующих, и мирян. Я стояла в длинном хвосте, в самом конце. Стояла, сокрушалась, не жалея горючих слез, все перемыслила, во всем желала исправиться, сделаться лучшей.

И вот время истекло, батюшка закончил исповедь, и казалось, что все исповедались, а только я одна осталась...

Мной овладел дух уныния. Я была в большом недоумении и скорби. Помолившись, я легла в постель. И вот когда уснула, то вижу сон: «Пришла я в церковь и вижу, что батюшка исповедует. Но на дороге стоит матушка-схимница, высокая, строгая, и спрашивает меня, что мне нужно? Я ответила ей, что хочу исповедаться у батюшки отца Лаврентия. Она ответила: «Исповедоваться все равно у кого, лишь бы чистосердечно. Но если ты сильно желаешь у батюшки, то я пропущу только тебя одну. Но ты должна поправить лампадку около святителя Николая». Я исполнила, и она пропустила меня к батюшке. Я подошла к нему. Он исповедовал сидя. Я нагнулась над Евангелием и вижу хартию в виде грифельной доски, которая вся была записана моими грехами. Я стала рассказывать свои грехи, и когда грех говорила, он сразу же исчезал. И к концу исповеди все записанное исчезло. Мне стало легко и радостно. И я хотела поискать маму, чтобы и она исповедалась, чтобы и ей так же было хорошо, но батюшка сказал: «Нет, ты последняя». И я проснулась...

Утром рано я ушла в церковь с радостным чувством, будто совесть моя очищена от всего скверного. Опять пробираюсь к батюшке и стою в числе последних. И когда подошла, то говорю, что хочу исповедаться, я еще первый раз. Он говорит: «Как первый? Я же тебя исповедовал хорошо за твою скорбь». Я ему открываю свои грехи, а он и слушать не хочет, а говорит, что разрешил от грехов и простил все. «Сложи только на разрешительную молитву руки». И еще сказал: «Лучше ты старайся, чтоб замуж не выходить, да иди скорее причащайся».

Тогда я поняла, что Господь по Своему милосердию принял мою искреннюю исповедь во сне через верного своего служителя батюшку отца Лаврентия. И я от всей души поблагодарила Господа за Его милость ко всякому кающемуся грешнику.

Я потом спрашивала батюшку о сне, так он сказал, что так бывает, если человек чистосердечно кается».

Та же: «Мне хотелось узнать день своего Ангела. Вот пришла однажды к батюшке, а он и спрашивает:

— Сколько тебе лет? Когда ты именинница?

— А вот и горе мое, что я не знаю, — ответила я с болью в душе.

— А ты спроси маму.

— А мама говорит, что не знает. Знает только, что летом, — сказала я.

— А тогда установим сами. Ты — Мария Магдалина.

Тогда я упала в ноги батюшки и воскликнула:

— Кто вы?

— Я Лаврентий, — ответил батюшка.

— Батюшка, ваши слова золотыми буквами на небе записаны, — воскликнула я в избытке радости. И была так рада, так довольна, что забыла, зачем приходила к батюшке.

В скором времени приблизился день моего Ангела. Я пошла исповедаться к батюшке. В день моего Ангела батюшка спросил: «Это инокиня пришла?» А я говорю, что нет, я грешная мирянка. А батюшка: «А ты говори: „Помолитесь за меня, чтобы была инокиней“». Исповедовал меня, прочитал разрешительную молитву, как над инокиней. Я со страхом и трепетом ушла от него в надежде, что слова его не проходят даром.

Я часто спрашивала у батюшки за своего отца, что давно не причащался. А только говорит, что «кается». А в том году, когда умер, встает отец утром и говорит: «Мне нужно причаститься. За меня кто-то помолился». Рассказал сон: «Будто я лежу в могиле, и на мне земля. И пришел какой-то батюшка и стал меня откапывать и говорит: «Вставай, Иван!» И я встал и иду...»

Из воспоминаний И. М.

«В войну мы жили в коридоре полуразрушенного дома, но и оттуда нас прогнали, потому что стали ремонтировать дом. Мы остались совсем без крова, под открытым небом. Пошла я за помощью к батюшке. Со слезами рассказала ему наше семейное горе, что некуда деваться «бедному Ивану». Батюшка выслушал внимательно, да и говорит: «Ну, что с вами делать? У вас же и денег ни копейки? Да вот переходите да стройтесь под горой, где пещеры». И показал рукой, словно здесь рядом. «Пусть отец хотя с дикта собьет «хибарочку», а ты поезжай в Прилуки да привези хоть макухи» (а там работала моя двоюродная сестра).

Я так и сделала. Приехала обратно на третий день, а семейство уже переехало, поставили временный домик. А капитально строиться не с чего было. Пожаловались батюшке. Он говорит, чтобы я спросила на работе, кто бы вместо дров выписал крупные отходы (чурбанчики). Я многих спрашивала, никто не может. Батюшка говорит, еще спроси. Я спросила, и одна мне пообещала, и я привезла материал, хоть скудный.

Начали домик взакидку, потом поштукатурили, сделали печку, кое-как потолочек почти глиняный, а сверху толем покрыли, а крышу уже потом. Так, по благословению старца отца Лаврентия, я и поныне проживаю с мамой в том же домике. И уютно мне, и тепло, и молитвенно, даже просторно».

Рассказывала М. П.

«Заболели зубы у меня так сильно, что нельзя было терпеть. Уже несколько дней боль не унималась ни днем, ни ночью. Я такая была недоверчивая по своей природе. Не верила ни себе, ни людям. Думаю себе: «Разве он врач? Кто там мне поможет?» Но меня заставили сходить. Я согласилась. Но приказали, чтобы молчала, ни слова не говорила.

Захожу после молитвы в келью. Там оживленная беседа шла. При моем появлении все замолчали. Я поклонилась, села молча в углу кельи и руками обеими держала зубы. Голову опустила и не помню, как задремала, потому что выбилась

из сил без сна от боли. Батюшка помолчал, а потом говорит: «Спросите, болят зубы?» Меня толкнул, и я очнулась и от радости оскалила зубы. Спрашивают сестры: «Ну, как зубы?» А батюшка говорит: «Да не болят, потому что показала зубы». А потом укоризненно сказал, что раб Божий тот, кто Господу служит. И чем усерднее он служит, тем Господь его и больше слушает. Вот и этот «недоверок» пришел за помощью. Но это я ей на память. Я упала в ноги и просила прощения за свое малодушие и безверие».

У одной матушки «ущемилась» грыжа. Прибежали к батюшке просить о помощи, то есть святых молитв. Он вылез из-за стола, вышел во двор и смотрит на грушу, что росла тут рядом, а дочь стоит да плачет. Он посылает ее узнать, не легче ли больной. Она побежала, а грыжа стала на место, и больная успокоилась. Все прославили Бога и слезно благодарили батюшку.

На капусту напала гусеница, совсем доедает капусту. Никакие меры не помогали, и золой обсыпали, и прочим. Пошли к батюшке за помощью. Батюшка помолился, и вся гусеница вползла во вблизи находящееся озеро. Утром все увидели это чудо.

Рассказывала матушка благочинная М. В.

«Началась война 1941 года. Фронт приближался. Нужно было немедленно выезжать в село Синявку из Чернигова. Договорились, что при получении известия приедут с лошадьми и заберут батюшку и тех, кто с ним жил. Мне поручили, чтобы доставила лошадей. Я спрашиваю у батюшки благословения известить брата, чтоб приехал и всех забрал, а он говорит, чтобы не торопилась. «Пусть, когда будет «трах-тарарах». Все горит, все гудит. Батюшка спокойно отвечает: «От еще сядем да пообедаем, а тогда и поедем». Я думаю, чем же поедем, нечем ехать. Мы не извещаем, и никто не приедет. Вдруг стук в окно. Это приехал с подводой отец Н. за всеми нами. И мы пообедали, собрались и выехали. Но ехать было невозможно, немного проехали, а тут как шарахнет. Столбы

горят. Батюшка говорит: «Немного подождем». А потом линия фронта прошла, а мы за ней. Возница усомнился, что может вернуться, а батюшка говорит: «Погоняй», и еле в три часа ночи приехали в село за шестьдесят километров от Чернигова».

Один мужчина приехал к батюшке за благословением ехать в какой-то город. Батюшка задержал его разговором. И тот был недоволен, что опоздал. А потом узнали, что его поезд упал под откос. И он пришел и благодарил батюшку, который спас его от смерти.

Одна женщина была в тяжелом положении. Ошибочно попала под суд. Ей грозило тюремное заключение. Подошла к отцу Лаврентию, который помолился и сказал: «Иди и молчи. Если не помолиться Матери Божией и угодника Николая не попросить, то можно и не вернуться».

Когда пришла туда, ее спросили, сколько детей. Их было пятеро, о чем она и сказала со слезами. Их сердце так смягчилось, что начальник сказал: «Выведите ее отсюда, чтоб она больше не попадала». И так она осталась невредимой по молитвам старца Лаврентия.

«Когда-то в молодости, — рассказывала одна монахиня Р., — я была богатой красивой девушкой и пошла к батюшке за благословением выйти замуж.

Батюшка выслушал да и говорит: «Кони выдохнут, сады высохнут, а монастырь пребывает вовек. Пока не выходи».

В скором времени началась война, и все опрокинулось вверх дном. Жениха забрали на войну, а я пожелала идти в монастырь».

И сбылось батюшкино предсказание. Жила она в монастыре и была хорошей певчей-монахиней.

Рассказывала одна монахиня С.

«Попала «на переселение». А батюшка перед этим провел беседу и предсказывал случаи: «Когда будут нападать, то кричи и меня умственно призывай. Скажи: «Батюшка, помоги». И я всегда помогу».

Однажды в лагере убирала в комнате, куда зашел мужчина и начал заводить нечистую беседу и применять насилие, а я призвала на помощь батюшку да как закричу, а его перекрестила. Он так и остался стоять на месте, испугался и спросил: «Что ты со мной сделала?» Так меня Господь и спас по молитвам великого старца.

А перед отъездом я дружески спросила этого мужчину, много ли жертв. Он сказал: «Все, кроме тебя», а было человек пятьдесят женщин.

Работала я на хлебозаводе (возила хлеб). И там работал экспедитор, который был ко мне неравнодушен. Я была не хуже других наружностью, отчего много терпела. Я пошла к батюшке, упала в ноги и говорю: «Помогите, погибну». Он говорит: «Что-то придумаем». Я пошла на работу, а экспедитора через два дня сняли. И я поблагодарила своего избавителя.

При исповеди со страстями батюшка говорил, что враг завидует последним девственникам, потому что они восполняют отпавшее число ангелов.

Батюшка никогда не оставался на венчание. А однажды остался, молился и сказал, что эта пара была настоящих девственников. Видел, как Дух Святой переходил от одного к другому.

Одна монахиня рассказывала, что, когда она была еще инокиней в монастыре, у нее обнаружен был зоб, очень тяжелый, внутренний. Врач сказал: «Ничего нельзя сделать, и более трех лет не проживешь». «Я расстроилась, плакала и обратилась к батюшке со своим горем. «Не скорби, по-ихнему не будет», — сказал старец и положил свою благословляющую руку мне на горло (на зоб) и произнес молитву, слова которой я уже забыла. И сказал: «Сколько времени нарастал, столько времени будет и уменьшаться». И еще по батюшкиным молитвам я увидела во сне святителя Феодосия, который тоже благословил меня и произнес такие же слова, какие произнес батюшка, и помазал горло маслом.

И действительно, зоб начал уменьшаться постепенно и за три года совсем исчез, и я стала здоровой и прославила

святителя Феодосия, и поблагодарила нашего великого старца отца Лаврентия за его благодатную помощь. Сейчас мне шестьдесят два года, и я пою в хоре».

Рассказ М. Е.

«Был случай в монастыре. Нечаянно я упала с чердака и травмировала себе ногу. Вся чашечка в колене была раздроблена. Врач сказал, что нога сгибаться не будет. Буду ходить только на костылях. По молитвам батюшки достали «дорогой мази». Батюшка помолился, и нога стала заживать. А что будет сгибаться, никто не надеялся. Батюшка успокаивал: «Будешь бегать». И действительно — чудо. Нога поправилась совершенно, стала нормальная — только по святым молитвам великого нашего старца отца Лаврентия».

Одна девушка часто бывала у батюшки, потом заболела на голову. Родные пришли к старцу за благословением, чтобы положить в больницу (психиатрию). Батюшка сказал, пусть дня два побудет дома, а потом побачим (посмотрим). Она на второй день стала здоровой и больше не болела.

Рассказывала монахиня Е.

«Еще молодыми девушками ходили к батюшке. Потом у меня появились нарывы, а подруга заболела глазами. Пришли к батюшке и пожаловались о своей беде. Он послал нас сходить в село Седнев, помыться в источнике и прочитать акафист Матери Божией. Мы так и сделали. Через несколько дней стали здоровыми. Мы пришли и с радостью поблагодарили великого старца за его святые молитвы.

Прошло некоторое время, мы стали взрослыми девушками и стали ходить гулять. Но не забывали батюшку. Батюшка прозрел, что мы занимаемся не тем, чем нужно, и послал отца Михаила сходить в наше село и посмотреть, как мы живем, чем занимаемся. На прощанье отец Михаил сказал, чтобы мы гулять не ходили, а приходили петь в хор. Нам было и неудобно, но гулять тянуло. Мне было тяжело на душе. Ночью

в постели я долго плакала и молилась Матери Божией, чтоб послала мне болезнь «чахотку». Потом пошла к батюшке и тоже так сказала. Он мне ничего не ответил, но только в скором времени я заболела. Стала идти кровь горлом. Я пришла к старцу за благословением лечь в больницу. Он не благословил, а только посоветовал обратиться к верующему доктору. И он мне помог. Мне стало лучше. И я в корне изменила образ жизни. Господь сподобил меня пожить в монастыре, принять Великий Ангельский образ. Сейчас мне восемьдесят четыре года, и я еще потихоньку живу. Все это по молитвам великого нашего старца отца Лаврентия. А моя подруга вышла замуж».

Рассказывала монахиня А.

«Когда мне было десять лет, старшая сестра, которая дома пела (в селе), привела меня к батюшке. Было воскресенье, и все ушли в церковь. Сестра оставила меня внизу, а сама пошла на «хоры». Батюшка велел ей привести и меня на «хоры» и сказал: «Она будет петь и управлять хором». Уже прошло пятьдесят лет с тех пор, и все сбылось. Я не только пою, но в селе управляю хором и знаю устав. Все это по молитвам батюшки отца Лаврентия.

Однажды была беседа с батюшкой. Он предсказывал: «Будет вас повсюду и по городам и по селам, но меня уже не будет». И это исполнилось. Мы рассеялись и по городам и по селам. Еще говорил: «Будут из вас некоторые петь и в Москве артистами (было и это), поэтому учите хорошо ноты. Они будут петь по знанию, а вы с благодатью. И вас будут любить». И строго наказывал, чтобы учили ноты. И мы старались. По молитвам батюшки все сбылось. И нас всюду любят...

Однажды на правиле читали Евангелие. Батюшка сказал, что мне крест придется нести тяжелый за мое невнимание. Но я и не думала, что мне придется попасть «на переселение» (в ссылку). Батюшка не смог предотвратить его от меня. Он мне говорил, чтобы я уезжала домой. А мне не хотелось, и я не послушалась, за что жестоко поплатилась.

Потом меня вызвали и спросили «кое о чем». К батюшке добиться нельзя было, а потом, когда пришла, то он прижал меня к своей груди и со вздохом сказал, что я попала на учет, меня возьмут «на переселение». И еще раз повторил, что нужно было немедленно уезжать домой. Нужно слушать старца, если не понимаешь, то нужно переспросить. А теперь уже поздно. И дал мне свое наставление: «Ты слабая, но по своей натуре очень добрая. Смотри, если кто подвернется, то сама не соглашайся, хотя будет и много обещать... А если не по своему желанию, то Бог будет судить иначе. Конечно, тебе, видно, не миновать». Он меня благословил, заплакал и укоризненно произнес: «Как плохо, что не слушаете меня...»

Дня через три меня отправили «на переселение». Там мне было очень тяжело. Я была вдали от своих. Меня некому было поддержать. К работе я относилась добросовестно. Во всем была аккуратна. И вот не избежала я взора завистника. Навязался мужчина... Предлагал замуж, обещал вывезти оттуда. Но я всегда помнила батюшкины слова: и ни на какие «сделки» не соглашайся. А потом сложились обстоятельства, что не по своей воле грех был совершен... Родился сын. Работала я до срока (восемь лет).

Я все вспоминала прошлое и хранила глубоко в своем сердце, со слезами воспитывая своего малютку. Горькими слезами обливалась, вспоминая утешительные батюшкины слова: «будешь монахиней». Думаю: куда мне там до монахини, когда инокиней таких дел натворила.

Время истекло. Отбыла я свой срок и вернулась со стыдом на родину. У нас открылся монастырь. И я дерзнула переступить порог своего старца.

Первые слова его были: «Вот и хорошо, что без твоего согласия. Случай не хороший, но без твоей воли».

Батюшка немного побранил, а потом предложил мальчика отвезти домой к отцу, а самой вступить в монастырь.

Я упала в ноги старца и обливала их горькими слезами раскаяния и слезами радости. Батюшка тоже плакал и говорил: «Ты мое чадо, я хочу, чтобы Господь простил твой грех». И все

сестры плакали и восклицали: «Прости ей, Господи, по Своей великой милости!»

Я сразу же отвезла ребенка, а сама стала жить в монастыре. Батюшка сказал: «Будешь жить у меня». И я жила, работала, каялась.

Со временем старец сказал, чтоб надеть монастырскую одежду, чтобы я подошла к владыке и, упав ему в ноги, объяснила ему о своем грехе, случившемся «в неволе». И по молитвам старца владыка благословил мне подрясник, и четки, и рясофор.

Прошло немного времени и стали постригать в мантию. Набрали одну партию. А когда набиралась другая, то батюшка сказал, чтобы и меня постригли. До этого я была на послушании у владыки, где очень много и добросовестно трудилась. И когда батюшка спросил владыку, то он согласился, то есть уже знал меня и судил меня по работе.

И когда нас исповедовали, то все сестры оказали большую любовь. Все рыдали о моем падении. И тогда я вспомнила и поверила батюшкиному предсказанию, которое было сказано за много лет перед этим. Помяни его, Господи, в Царствии Твоем за его святые молитвы».

Плохой муж был у одной женщины: пил, изменял и бил ее. На ее жалобы батюшка увещал ее, чтобы потерпела и не уходила от него. В скором времени его взяли «на переселение» (в тюрьму). Со слезами пришла она к батюшке, чтоб посетить мужа. У батюшки было закрыто, ответили, что батюшка принять не может. Долго она стояла и слезно молилась. Вдруг батюшка говорит сестре: «Пойди и открой, там женщина плачет». Ее пустили, и батюшка ее с радостью принял, дал ей просфору и сказал: «Поезжай к нему, тебе дадут свидание, и ты ему расскажи, что все это за грехи наши».

И она побыла у него, как могла вразумила его. Батюшка ей предсказал, что он вернется и будет жить чисто, что и сбылось. Отбыв срок, он вернулся, сделался другим человеком, верующим. И сейчас они живут и благодарят Бога за святые батюшкины молитвы.

Рассказывала сестра И.

«Однажды я получила от своих родственников посылку, раскрыли, а это оказалось для батюшки отца Лаврентия — мука. Мы сильно голодали. Мама предложила взять горсть муки, чтоб сварить жидких «галушек». Голод превысил боязнь греха, и я согласилась.

Потом я понесла посылку батюшке. Он поблагодарил и сказал: «Мука сдалека, но к Царствию Небесному они близки». А я в душе волнуюсь за тайный грех, что взяла горсть муки. Он засуетился, дал хлеба и говорит: «Я знаю, что вы бедные. Но не бойся, не будет греха. Я даю хлеб, чтоб он никогда не выбывал». И дал еще кусок туалетного мыла. А я как зарыдаю да говорю: «Батюшка, простите». «Да я давно простил. Теперь не будете голодать». И так по молитвам его святым да по милости Божией все дело наладилось и по этот день.

Я хотела выйти замуж и пошла к батюшке за благословением. Батюшка сказал: «Самой лучше, а если выйти, то такие условия, вот я расскажу: в посты не жить, среда, пятница — тоже, воскресные дни, праздники большие и малые. От Христова Воскресения до проводов Пятидесятницы «не жить». Рожать детей столько, сколько будет. Чистой ходить в церковь. Повиноваться мужу во всем, в страхе Божием воспитывать детей. Если все это выполнишь, то выходи, я благословляю. А нет, то лучше живи одна». Я ответила: «Помолитесь, батюшка, и благословите жить мне одной, с Богом». И так по его святым молитвам я и поныне живу и благодарю старца за его назидание».

«Сильно мне хотелось побывать у отца Лаврентия, но никак не могла попасть к нему. Одна сестра взялась проводить меня. Я стала в углу и молчу. Страх напал на меня. Батюшка спросил: «Что ты хочешь?»

— Да я хочу спросить, как жить?

— А у тебя голова есть на плечах? — спросил опять батюшка.

Потом отошел и что-то написал на бумаге и показал мне, и говорит: «Вот примерно бумага. А ты скажи: «Я не хочу замуж, а буду сама». А Ангел-хранитель записал уже».

И она действительно стала монахиней. Так рассказывала о себе М. И.

«Однажды попала я к батюшке на исповедь. Рассказала грехи, а батюшка не накрыл епитрахилью и не дал приложиться, ответил: «В другой раз». Я заплакала, отошла. А потом почувствовала свою «естественную нечистоту» и была поражена, что и батюшка ее прозрел».

Рассказывала одна благочестивая женщина, что ее дочь хотела устроиться на работу на конфетную фабрику.

«Я послала ее за благословением к батюшке, который сказал: «Там-то хорошо работать, но тебя отзовут...» А она не поняла, о чем сказал старец, и пошла. Но произошло изменение. Ее подготовили идти в лагерь военнопленных. Она пошла, со временем стала кладовщиком. Получилась неурядица. Сгнили бурты картошки. Получилась большая растрата. Дело дошло до Ревтрибунала, что угрожало смертью (расстрел). Дочь в отчаянии и говорит, что сама себе смерть сделает. Я с мольбой привела ее в церковь. Отслужили акафист Матери Божией «Елецкая». Да и батюшку вспоминаю, а пойти боюсь, потому что ослушалась. Молюсь, прошу: «Прости, Матерь Божия, нашу неопытность». Стало легче. Пошла на работу, а там смертное наказание заменили уплатой на какую-то сумму и увольнением с работы.

И она тогда пошла на конфетную фабрику. Там было хорошо по молитвам батюшки. С питанием было хорошо. И ее оттуда направили на бухгалтерские курсы, и пошла дочь опять к батюшке за благословением. Он сказал: «Надо было сразу туда идти, по благословению. Ну а по неопытности, то Господь дал вразумление.

Когда я пришла первый раз исповедоваться к батюшке, он назвал меня «инокиней». Я сказала, что «вдова» и «мирская». Но батюшка при разрешительной молитве назвал вдовой и инокиней. Я смутилась: что мне делать: Меня подучили попросить у старца одежду и четки. Я так и сделала, но он возразил: «Нет, потом, потом и мантия будет. Читай Иисусову молитву».

Прошло много времени, и по молитвам батюшки отца Лаврентия я получила Великий Ангельский образ. А я неграмотная и все выполняю Иисусовой молитвой.

Где-то достала я книгу на славянском языке, принесла ее к батюшке да и говорю: «Я неграмотная. Дочка, хотя и грамотная, но таких книг она и не видела, то пусть эта книга будет вам». А батюшка сказал, что будет читать, дочь. Тут же прочитал тропарь Святой Троице: «Благословен еси Христе Боже наш» и вернул мне книгу со словами: «Будет еще читать, и как!»

Я пришла домой, отдала ей книгу и рассказала, что сказал старец. И по святым его молитвам появилось такое желание у дочери к чтению церковных книг, что по милости Божией да по святым молитвам старца она читает сейчас в церкви.

Батюшка неоднократно повторял, что души идут в ад, как люди из церкви в праздник, а в рай — как люди в церковь в будний день.

Батюшка часто сидел и плакал, что жалко людей, которые погибают. «Сколько набито в пекле, как сельди в бочке», — говорил он.

Его сестры утешали, он отвечал сквозь слезы: «Вы не видите, а если бы видели, то как жалко».

Рассказывала И. М.

«Пошла к батюшке, да и говорю, что ходит «босая» и у нее многие берут благословение. Когда я подошла, то она что-то про себя ворчала. И у меня душа не лежит к ней. А батюшка сказал: «О ней в моей келье и говорить нельзя. Нужно быть осторожным. Идет такое время, что таких «праведников» будет полно. Их нужно избегать. Читай молитву Иисусову, да и «Богородичных» не забывай».

Однажды матушка экономка принесла саженцев яблонь (щепы) и просила у батюшки благословения посадить для сада. Батюшка отказался, сказал: «Не нужно. Будет детям на поругание, нам их не придется кушать».

«Батюшка, так и храмов и корпусов не нужно ремонтировать», — говорит монахиня. «Нет, — возразил батюшка, — то

нужно. Мы дали обязательство, что все будет в порядке, поэтому ремонты производить нужно. А в кельях богатство не нужно. Дорогих киотов тоже не нужно. Много одежды не справляйте, а только две. Одна тебе, а другая чистая. Все чтоб было попроще, потому что все это ненадолго».

Что и сбылось: «Занимайтесь больше молитвой Иисусовой».

Однажды привела монахиня А. к батюшке сельскую женщину и просит (по ее согласию) тайно одеть подрясник. «Она такая верующая и молиться любит», — утверждала сестра.

— А у нее муж есть! — сказал батюшка.

— Да он далеко, осужден на десять лет, — отвечала монахиня.

— Ну, так что же, придет, будет жить с ней. Не нужно никакой одежды, пусть так молится, — ответил батюшка и не стал больше слушать.

Не удовлетворившись таким ответом, сестра А. повела свою «духовную» к другому батюшке. Рассказала ему все: что и как. И тот будто дал ей благословение.

Прошло некоторое время, вернулся муж той женщины. И она согласилась жить с ним. Так исполнилось батюшкино предсказание.

Рассказывала монахиня П.

«Когда мне было лет пятнадцать, жила я в Каменском монастыре. Там было много девиц из нашего села и соседних сел.

И вот одна, послушница И., которая уже прожила там некоторое время, впала в сильное уныние и хотела бросать монастырь. Она сильно томилась душой, ее тянуло в мир, к родным. Пошла она с жалобой к старцу Максиму, который там проживал и был друг Грица «Золотюсенького» (Христа ради юродивого). Он ей сказал: «Никто тебе не поможет, кроме Черниговского губернатора (так он называл отца Лаврентия)».

Но эта послушница не хотела ехать к нему, чтобы обратиться за помощью. Ее насильно сестры привезли к батюшке. И здесь все еще она упрямствовала, потупив глаза вниз.

Батюшка сам вышел навстречу, ласково приветствовал со словами: «Вот кто пришел! А я тебя давно жду. Вот так девочки! Кто бы мне сто рублей давал, я бы не взял. А сказал бы: „Мне лучше эти девочки“». И такая улыбка засияла на его лице, что все уныние нашей послушницы куда и девалось. Поисповедовал ее, прижал к своей благодатной старческой груди, у нее полились слезы раскаяния и радостного благодатного умиления.

Так вовремя была спасена душа от «завистника врага». Потом она жила в Черниговском женском монастыре, была клирошанкой и хорошей чтицей».

Рассказывала одна тайная монахиня.

«Отправили меня на Донбасс. Я пришла к батюшке за благословением. Он мне сказал: «Езжай, поездишь туда да сюда и приедешь обратно. Будет неплохо». Эти слова исполнились. Я поездила, да и назад вернулась. По его святым молитвам.

Когда батюшка умер, то меня не было здесь. Я очень скорбела, что ничего у него не спросила о своей жизни. После сильных слез и уныния приснился мне батюшка (вскоре после смерти его). Будто иду я к нему за благословением и несу гостинец. Попала я в великолепный сад необыкновенной красоты. Пение такое умилительное, что я и сейчас в восторге. Вижу, домик стоит. Я поняла, что это батюшкина келья, и я подошла к нему. И тут я увидела батюшку, который благословил меня, а потом взял мою голову и туго крестообразно прижал к груди. Я подумала, что это потому, что я грешная, так он туго взял за голову. Потом я батюшке помогла выйти из кельи, около которой было две дороги: одна широкая, ровная, другая узкая, каменистая, неровная. Я хотела вести батюшку по широкой дороге, чтоб удобней идти. Но он свернул направо, на узкую дорогу, и сказал: «Вот иди по узкой дорожке. Это тебе благословение». И я проснулась.

Так я теперь и живу. Сложились обстоятельства так, что я попала к духовному сыну батюшки отцу Никифору. И он меня направил на этот узкий путь. И я молюсь, чтобы дойти этой дорогой до конца».

Рассказ одной еврейки.

«Накануне войны три еврейские девочки решили посетить «дедушку», о котором они много слыхали интересного. «Он много говорит наперед, и бывает весело на душе».

Они взяли гостинец: по пол-литровой банке меду, две из них по сдобному калачу с маком, а третья — яблоки.

Попасть в это время было трудно им к батюшке. Так он, на их счастье, в это время выглянул на улицу, и они встретились. А перед этим одна из них, у которой были яблоки, смутилась, что они «дедушке» несут большой гостинец, куда он будет его девать, и стала есть яблоки и угощать подруг, но те отказались. Так, мол, нечестно делать. И батюшка («дедушка») двоих обнял и сказал, какие хорошие девочки, что пришли проведать «дедушку». «За вашу любовь и искреннюю милость Господь в тяжелом обстоятельстве спасет вас от смерти. А ты (третья) упадешь и уже не вернешься».

И они ушли. Двум было хорошо на душе и по этот день осталось что-то незабываемое, а третья ничего не ощутила. В скором времени грянула война. Они вспомнили «дедушку». Все эвакуировались. Попали под бомбежку. Тех девочек вместе с другими засыпало землей. Этих двух спасли, а третья умерла со многими. Так исполнились предсказания старца.

И когда умер батюшка, одна из этих бывших девочек, она уже женщина, обращалась к своей сотруднице на работе и говорила: «Какое горе Чернигову, потому что умер такой дорогой человек архимандрит Лаврентий», и поведала о своей встрече с ним в детстве. Рассказывала, что она вышла замуж за русского, почитает русские праздники и восхищается жизнью и делами этого дивного старца. Поражена его прозорливостью, что он даже вышел тогда им навстречу, иначе бы они его не увидели».

Рассказ одной благочестивой сестры, дочь которой была келейницей у матушки игуменьи Домницкого монастыря.

«Жила в селе, но душа моя жаждала другой среды, духовной, монастырской. Пошла я к матушке игуменье Домницко-

го монастыря. Она согласилась принять меня и послала меня в Чернигов к отцу Лаврентию за благословением.

Пришла к батюшке, упала в ноги, плачу, объясняюсь. Батюшка внимательно выслушал меня и говорит: «Нет. Живи дома. Что монастырь? Мы собрались на время помолиться. Дома живи, где двое-трое собрались во имя Мое, там и монастырь». «А я же мирская», — сказала я. «Когда муж придет, ты проси у него расписку, что он не против того, что ты идешь в монастырь, а игуменья тебя оденет».

Я так и сделала по его благословению да святым молитвам. Действительно, муж вернулся с войны. Я потребовала от него расписку. Он не отказал мне в этом и сам уехал далеко от этих мест. Став свободной, я попросила матушку игуменью одеть меня. Она вначале отказала как семейной. Я показала ей расписку от мужа, и она согласилась, одела меня. И я так и живу по благословению этого великого прозорливца».

При беседе с матушкой игуменьей Домницкой батюшка отец Лаврентий сказал: «Когда вы будете в Троицком монастыре, а потом его закроют на «длительный ремонт», то не забудьте (обратился он к келейницам), а нас тогда не будет, передать всем, чтобы не соглашались ехать на села к родственникам. Оставайтесь, по возможности, в городе. В селе служба один раз в неделю, а то и реже, и работы много. Вам будет не до молитвы. Еще раз повторяю, чтоб этого не забыли».

Так и случилось: «Мы прожили десять лет и переехали в Троицкий монастырь, и потом и отсюда ушли. И я думала к маме, — вспоминает одна келейница матери игуменьи, а потом вспомнила эти слова батюшки и всем сестрам передала. И многие переписались на город. А кто остался в селе — жалеет».

Так исполнились слова старца.

Батюшка очень уважал Домницкую матушку игуменью. Сестрам ее говорил, что есть им у кого учиться, что у нее идет молитва Иисусова непрестанно, и приговаривал: «Она чаек

пьет, а молитва в сердце бьет». И призывал учиться у нее и спрашивать, потому что не все время будет с ними. «Можете не всегда ко мне обращаться. Если будете в унынии, то обращайтесь к ней. Она сама была борима. И ее молитва сильная», — говорил батюшка отец Лаврентий сестрам. И так было после смерти батюшки. «Она нам помогает — схиигуменья Архилая», — говорили сестры.

Келейница матушка схиигуменья Архилаи спрашивала, как она переносит всякие огорчения, напасти, которые враг-завистник наносит «во сне», да еще будучи постельно больной. А матушка игуменья ответила, что эти скорби ее нисколько не задевают. У нее идет молитва непрестанная (сердечная), а только сердце побаливает от непрестанной сердечной молитвы Иисусовой.

Женщина обратилась к батюшке со своим горем: родился сын «калечка», она принесла его к батюшке и сильно плакала. Батюшка перекрестил и сказал, что это Господь заберет, а еще будут двое, то будут для утешения. Так и сбылось.

Батюшка любил точность и аккуратность в церковной службе. Владыка Борис любил изменять устав: вместо простой службы — полиелей, вместо полиелея — бдение. И это было неоднократно. В одно из таких нарушений батюшка расстроился, бросил книги и сказал: «Зачем уставы написаны и по ним книги?» И гневно воскликнул: «Такой владыка больше двух с половиной лет не будет здесь». Что действительно и исполнилось.

Батюшка был недоволен, когда не вычитывали кафизмы. «Лучше солнцу перестать светить, чем кафизмы перестать читать», — гневно говорил батюшка. И при владыке Борисе перед праздниками кафизмы вычитывали перед вечерней, а в будние дни — все в свое время.

На приходе один маститый батюшка, отец Ф., благословил сокращать «Погребение». Об этом сказали батюшке. Он с гневом ответил: «Если не будет на Страшном суде отвечать, то пусть сокращает!» Тот испугался и отменил свое благословение.

Когда открылся монастырь, настоятель был протоиерей Д., который не любил сестер. Все ему было не так. Пожаловались батюшке. Он сказал, что тот нервничает: или отсюда уедет, или умрет.

При другом владыке его послали на приход, где через год он умер. Так исполнилось батюшкино предсказание.

Однажды монахиня М. пришла к батюшке, чтоб он благословил ее запечатать сестру, пострадавшую от немцев. Все село было сожжено, и много людей погибло, по-видимому, и сестра. А батюшка спросил: «Помогала ли она тебе?» «Да, помогала, давала хлеб и молоко», — ответила монахиня М.

«Тогда она ни в огне не сгорит, ни в воде не утонет», — сказал батюшка. Монахиня опять за свое, чтоб благословил запечатать.

«Иди, тебе сказано. Не мешай работать», — еще раз повторил старец и занялся своим делом.

Она не поверила словам батюшки, пошла к другому священнику, и тот ее благословил. И она исполнила свое намерение («запечатала»). Приходит назавтра сестра жива-невредима проведать свою сестру в монастырь. Батюшка очень огорчался, что спрашивать идут, а делают по-своему.

Одна женщина пришла к батюшке за благословением поехать по какому-то делу. Батюшка не благословил. Ей очень хотелось свое намерение выполнить, и она поехала. В дороге случилась большая беда, и она чуть не погибла. Потом пришла к батюшке, плачет и просит прощения. Батюшка сказал: «Это тебе за непослушание. Идешь за благословением, а делаешь — по-своему».

Одна из девиц из села В. пришла к батюшке за благословением поступить в монастырь. У нее были мать и брат.

Батюшка сказал, что у нее есть мать, за которой нужно ухаживать. А девица утверждала, что у нее еще брат есть.

«Нет, — сказал решительно батюшка, — живи с матерью и молись, непрестанно читай молитву Иисусову».

Началась война, брат не вернулся, и она с матерью живет сейчас. Так исполнились слова прозорливца. Одна девушка пришла к батюшке за благословением в монастырь. Но старец сказал: «Нет, твой путь в мире жить и чад растить. Не все спасутся в монастыре, и не все погибнут в мире. Живи благочестиво, и Матерь Божия поможет спастись».

Так все и сбылось. Вышла замуж. Муж рано умер. Осталась вдовой. Жить старается благочестиво.

Рассказывала одна женщина.

«С мужем я имела неприятности. Не хотела с ним «жить» под праздники и в посты. Он был недоволен, ругался. Я не знала, что делать. Плакала, молилась.

Приснился мне батюшка отец Лаврентий, который сказал: «Иди к отцу Никифору, и все дело наладится». Так и сбылось. Батюшка отец Никифор помолился, передал пирожок, и все у нас наладилось. Он стал слушаться меня».

«Назначили в Германию. Забрали на сборочный пункт. Мать с отцом в селе. Я стою и молюсь Божией Матери, чтобы молитва отца Лаврентия помогла мне. Вдруг подходит полицейский, который охраняет, и говорит мне: «Что ты такая скучная, заплаканная. Мне очень жаль тебя. Я уйду за угол, а ты по трубе спустись и беги. Я тебя не буду видеть».

Он еще не успел за угол зайти, спустилась одна впереди меня (она слыхала наш разговор), а за ней и я. Подошел другой полицейский, и я у него под рукой прошла. И пошла прямо к батюшке. Документы мои остались там. Говорю батюшке: «Теперь могут всю семью расстрелять, что делать?» Он говорит: «Не бойся, иди прямо в село, живи, пока не получишь повестку. Если получишь повестку, то говори, что пошла к маме взять кое-что на дорогу и попрощаться, а эшелон уже ушел, и ничего не будет ни тебе, ни им. Не волнуйся».

Так и случилось. Дождалась повестки и приехала к ним. Они спросили: «Почему убежала?» Я говорю: «Нет, я не убежала, а пошла с мамой попрощаться». Они накричали и от-

правили меня. И ничего мне не было по святым молитвам батюшки».

Один мужчина пришел к батюшке с жалобой на сильные головные боли. Батюшка сказал ему: «Иди копай пещеры у преподобного Антония, возьми камень оттуда и приложи на голову». Две недели он копал пещеры, и голова перестала болеть. Пришел к батюшке и говорит: «Голова уже не болит». Батюшка ответил ему: «Господь помог тебе. Больше не будешь болеть». И теперь ему уже восемьдесят пять лет, и никогда не бывает головных болей.

Глубоко верующая и почитавшая старца Лаврентия женщина пришла к батюшке за благословением: что ей делать? Муж попал в ссылку. У нее трое малых детей. Ей советуют отдать детей в детдом, чтобы легче было прожить. А у нее материнское сердце обливается кровью от скорби.

Батюшка выслушал ее внимательно, посмотрел потом вверх, да и говорит: «Одному место есть. А дочь у тебя будет монашкой, а вот третьему где же место?» И батюшка словно глазами отыскал третьему место, а потом сказал: «А вот и третьему есть место».

Она ушла утешенной. Действительно, пророческие слова исполнились. Вскоре самый маленький сын умер. Лет через пять умер и второй. А дочь подросла и ушла в монастырь.

Рассказывала одна сестра П.

«Пошли мы с сестрой Н. к батюшке проситься в монастырь, который недавно открылся в Чернигове. Батюшка сказал, что позже, тогда все вместе (трое). А теперь не время.

Через некоторое время я опять пришла к батюшке. Он благословил и сказал: «Давайте скорее, все трое приходите». Это были две мои сестры. И начал беседовать о трудном положении, что хороших келий нет, а есть одна не весьма оборудованная, там будет и холодновато, может, и вода будет замерзать. Но все нужно терпеть».

Я выслушала, а в душе никак не соглашаюсь. И думаю, как

бы ослушаться и не переходить в эту келью. И ушла. Но батюшка вернул меня со словами: «Я сказал, переходите». И мы послушались, поселились в этой келье. Сестры мои живут, трудятся, ходят в церковь, молятся. А я совсем занемогла, слегла в постель, а в душе такой ропот на квартиру и на батюшку.

А он в один из таких дней подошел под окно нашей келье и заглянул, молча, строго. Я, увидев его, смутилась и в душе почувствовала себя виноватой. Я собрала все силы и поднялась с постели, пошла по келье. Мне стало легче, и с того дня я стала поправляться, начала ходить в церковь и включаться в монастырское послушание. У батюшки попросила прощения и больше не роптала».

Одна женщина пришла к батюшке с жалобой на свою болезнь. И спрашивает, что когда уже душа очистится, чтоб болезнь оставила ее. А батюшка сказал, что болезни бывают разные, что есть болезни за прародительские грехи. И эти болезни освобождают их от уз.

Рассказывала одна монахиня П.

«После смерти батюшки на душе было тяжело, не было любви к сестрам и была какая-то внутренняя неудовлетворенность. И снится мне батюшка: такой молодой, во всем белом; келья такая богатая, вся сияет. От страха я проснулась. Потом закрыла глаза и опять вижу то же самое. И проснулась. И думаю себе, чего же я просыпаюсь и не нагляжусь на батюшку, и не поговорю с ним.

Опять снится та же красота. Батюшка будто позвал меня и еще двух сестер. Мы взяли благословение, а он и говорит: «Любить нужно всех. Любовь — великое дело. Никого не обижать и за зло платить добром. А мысли — это ветер». Я проснулась и была утешена».

Пришла женщина к батюшке и жалуется, что сильно ее томит дух уныния, что не спасется. А батюшка утешил ее, сказав: «Чего ты не спасешься. Ты записана в «Книге Жизни».

А другая, стоявшая рядом, спросила, что ей делать, чтобы быть записанной. Батюшка ответил: «Нужно читать молитву Иоанна Златоустого «Господи, не лиши мя небесных Твоих благ и так далее» ежедневно утром и вечером и ходить в церковь, и Господь спасет, если будешь умом беседовать с Ним». И они ушли утешенные.

Одна мать пришла к батюшке пожаловаться, что долго ничего нет от сына. Батюшка говорит, что не успеешь прийти домой, как письмо получишь. «Да знай, что материнская молитва ни в огне не сгорает, ни в воде не тонет».

И она шла улицей, а ей почтальон отдал письмо. Так исполнилось предсказание старца.

Один мужчина отрезал кусочек облачения святителя Феодосия. Когда пришел он домой, то это его сильно мучило, и он бросил этот кусочек в колодец. А когда исповедовался у батюшки, то все грехи исповедал, а этот забыл, а батюшка прозрел этот грех и сказал каяться. Он каялся и стал глубоко верующим человеком, поражался прозорливости старца.

Батюшка говорил, что священнослужители станут сокращать службы, вначале Псалтирь, а потом Часы. Господь не потерпит, да как шарахнет, как колокольня в высоту, так будут вниз падать. И от страха многие призовут имя Господне и по вере спасутся.

Одна женщина отрезала кусочек тела от мощей святителя Феодосия. У нее появились раны по телу, а врачи ничего не могли сделать. Все тело было покрыто гноем. Привели ее к батюшке, а он спрашивает: «А куда ты девала тот кусочек тела от мощей святителя Феодосия, который отрезала?» Она сказала, что бросила в колодец. «Так вот, если поймаешь тот кусочек, выздоровеешь, а если нет, то умрешь». И она умерла, как в наказание за грех.

Мать одного священника, еще будучи девушкой, пришла к батюшке за благословением в монастырь, так как ее многие

сверстницы получили благословение на это, а батюшка посмотрел на нее, да и говорит: «Ты иди замуж». Она стала возражать и не соглашаться, а батюшка ответил: «А кто же будет рожать батюшек и архиереев?» Предсказание исполнилось, у нее родился сын, сейчас он протоиерей.

У батюшки была сильнейшая любовь ко всем, за что Господь одарил его даром сердечной молитвы, прозорливости и даром исцелений.

Батюшка сильно плакал, когда кающийся грешник открывал свои смертные грехи, такие, как «детоубийство во чреве матери». Он говорил, что той матери нужно много слезно молиться, чтоб Господь простил этот страшный грех. Он говорил, что этого греха нужно бояться хуже, чем огня. «Сохрани Бог делать этот грех», — строго говорил старец Лаврентий.

Рассказывала матушка благочинная (она же и певчая), как была она девочкой-подростком и поехала в Чернигов к батюшке, взяла с собой сестричку — малолетку тоже, у которой болела нога от пореза стеклом. Вот она сестричку Е. оставила в стороне, а сама подошла к батюшке, а батюшка сразу меньшую благословил и позвал петь «на хоры». Она смутилась, покраснела, а батюшка, что это будет самая лучшая из певчих, даже солистка. Все улыбнулись.

Прошло время, выросла, была хороша собой и обладала очень красивым, нежным сопрано, и была первой солисткой в батюшкином хоре. Этому мы все свидетели, перед кончиной она сподобилась облечься в великую схиму.

Рассказывала матушка благочинная, что сообщили из дому в монастырь, что отец тяжело болен и чтобы немедленно приехала. «Я пошла к батюшке за благословением, да и хочется мне знать, долго ли он проживет. А батюшка назвал только цифру девять, а дальше я ничего не поняла и уехала. Отца я застала уже совсем слабым. Он прожил всего 9 минут и скончался. Я удивилась прозорливости старца».

Рассказывала одна хористка (духовное чадо батюшки).

«Во время войны, когда была малолеткой, при оккупации, в день праздника Георгия Победоносца, во время акафиста, батюшка пальцем подозвал меня к себе, дал просфору и благословил немедленно бежать домой. Я еще в нерешительности думала, что делать, а он строго настоял на своем: «Беги домой».

Прихожу домой, открываю дверь. Дома никого не было. Вдруг стучатся три человека, спрашивают, кто здесь живет, какой состав семьи. Нас было трое детей, отец и мать. Они постояли, подумали. Один из них махнул рукой и сказал: «А, ладно, пошли дальше!» И ушли.

А вечером мы узнали, что ходили и забирали коров и почти у всех соседей забрали, а нашу сохранил Господь, по молитвам великого старца, который прозрел и подал руку бедному семейству».

«В монастыре я была на послушании огородницы. Послали меня к архиерею, где назначили зарплату триста рублей (то есть тридцать рублей). Я спросила у батюшки, как мне быть. Старец Лаврентий не благословил брать деньги, а сказал: «Тебе Господь пошлет. А если будешь брать деньги, то награды не будет. И если в церкви поют за деньги, тоже ничего не приобретают для души».

Я так и поступила, как говорил старец, и Господь никогда меня не оставляет», — рассказывала о себе сестра А.

Во время домашней келейной молитвы кто-то сильно постучал в дверь к батюшке. Когда открыли, то увидели мужчину, который укоризненно кричал, что он приехал издалека и ему не хотят открыть. Батюшка вышел на шум, да и говорит: «На поляницы (хлеб) позавидовал. Но если у Престола будешь не по правде, то можно, как говорится, и двух лет не прожить и сгореть».

«Да, я хочу на священника», — сказал мужчина.

«То иди к архиерею. Пусть он, как хочет. А я не хочу», — резко ответил батюшка.

Он обратился к владыке Борису, который его рукоположил во священника. И он двух лет не прожил и умер, как и предсказал старец. Батюшка с сожалением вспоминал о нем: «Он ничего не может, а только погибнет душа его».

Батюшка часто повторял: «Жалко неопытных священников, потому что у них времени не хватает вычитывать все. Записки не читают на проскомидии, а в будущей жизни будут за единой носить. Если бы были опытны, то непрочитанные записки аккуратно сложили бы в столбики, да со страхом перекрестили, да сказали бы: «Помяни, Господи, всех здесь написанных и не прочитанных по немощи человеческого естества», и они бы не отвечали по человеколюбивому Богу нашему. А они неопытны, частицы вынут, а записки везде валяются по окнам, а за это будут нести ответ», — так говорил добрый старец и обливался горькими слезами.

«Когда началась Отечественная война и открылись монастыри, у меня явилось сильное желание посвятить свою жизнь Богу. И я просила мать, чтобы она дала согласие уйти мне из родного дома в монастырь.

Мать колебалась, так как была слаба здоровьем, и решила обратиться к старцу Лаврентию, как он скажет, так и будет. Батюшка одобрил мое намерение и сказал матери: «Вот и правильно она делает, что решается на эту жизнь, только она молода, пусть годик поживет дома, а тогда придете. А мать говорит: «Их у меня две, а кто же мне помогать будет?» «А вот она и будет помогать. Будет и молиться, и доставлять тебе все, и садить, и убирать», — сказал батюшка. Мать успокоилась и дала свое благословение идти мне в монастырь. И действительно сбылись слова старца Лаврентия. Я с монастыря всегда приезжала матери на помощь, так как матушка игуменья сочувствовала бедственному положению моей матери.

По благословению отца Лаврентия владыка Б. ходатайствовал за мощи черниговского святителя Феодосия. И когда он уехал, то батюшка слезно ежедневно служил акафисты

святителю Феодосию с молебнами и коленопреклоненными молитвами, а с ним и многочисленный народ.

И когда привезли святые мощи, то он радостно воскликнул: «Христос Воскресе» — и сказал: «Теперь свидетель будет в нашем граде до скончания века, и град будет избавлен от глада. Если не уродит озима, то будет яровой урожай. Он великий молитвенник и заступник, кто с верою притекает к нему». И действительно мы ощущаем его святую мощь.

Одна сестра пришла к батюшке в сильном унынии и говорит, что она томится душой, что не спасется.

Батюшка ответил: «О тебе нет речи, что спасешься. И все люди, кто истинно кается и говеет, спасутся, только обители будут разные и люди будут не в одном месте».

Матушке игуменье А. нужно было поехать в Киев. Она пришла за благословением к батюшке. Но он не благословил, сказал: «Не нужно ехать», и повторил трижды. Матушка настояла на своем, поцеловала руку старца и уехала без благословения.

Когда стали подъезжать к Киеву, матушке игуменье стало ломать все кости. Приехав на квартиру, она пять дней пролежала в тяжелом состоянии в постели и еле жива вернулась домой. Каялась в своем самочинстве и рассказывала всем сестрам для назидания, чтобы ничего не делали без благословения старца.

Матушка Д. пришла к батюшке и рассказала свой сон. Ей приснилось, будто она отреклась от Евангелия. Батюшка ответил, что это бывает за какой-то грех: или поругалась, или обидела кого, может, кого не пустила переночевать.

Она ответила: «Да, батюшка, вчера я своей знакомой женщине отказала в ночлеге, так как она была не одна, а с сыном подростком». «Зачем ты так сделала?» — спросил батюшка. «Я не люблю мужчин», — ответила монахиня. «Э, нет, нет, так говорить нельзя. Душа одинакова, что мужская, что женская. И вот ты заповедь не исполнила и будешь отвечать на Страшном суде! Они приехали поговеть и не смогли спокойно помолиться», — так строго наказал старец

монахине Д. Она каялась, просила прощения и ушла со слезами.

Рассказывала монахиня П.

«Однажды начальник вызвал меня к себе и спросил, пою ли я. Я ответила, что пою и светское и церковное (так батюшка учил нас говорить). Меня Бог одарил голосом. «А ты пой только наше, светское», — сказал начальник. Я ничего не ответила ему, а когда рассказала батюшке, то он благословил немедленно выезжать куда-либо.

«Ты слабая здоровьем, «переселения» не перенесешь. А скоро откроются монастыри, нужны будут певчие. Ты будешь нужным человеком. Будешь солисткой. Немедленно нужно выезжать», — строго увещевал старец.

Мне сильно не хотелось уходить от старца. И я, слезно упав в ноги, попросила благословения и святых молитв, пошла странствовать, в душе храня великие слова старца. И действительно, прошло немного времени, началось страшное время войны. Открылись церкви, монастыри. И все те слова, которые говорил батюшка, исполнились на мне, грешной. Я пела в хоре, была солисткой и сейчас пою в хоре, чем зарабатываю себе кусок насущного хлеба».

«Мы жили вдвоем с монахиней Т. при матушке игуменье, — рассказывала инокиня П., одна из близких келейниц при матушке игуменье А., — нам было очень тяжело. А тут еще начался ремонт, то уж совсем невыносимо было наше положение. Случайно вышла я во двор. Вижу, батюшку ведут сестры в церковь. И побежала за благословением, а слезы так и катятся из глаз. Батюшка остановился, благословил меня и сказал: «Еще три денечка, а там будет легче, так скажи и своей помощнице». И я так обрадовалась этим словам, и мне стало так легко, словно батюшка снял с моих плеч тяжелую для меня ношу. И действительно, через три дня нас перевели в другую келью и там стало гораздо легче жить. Так прозрел батюшка нашу скорбь и помог своими святыми молитвами».

«Во время войны, когда Чернигов был подвергнут сильному разрушению, батюшка временно проживал в селе Синяв-

ка, — рассказывала монахиня П. — На другой день по приезде благословил нас двоих в Чернигов проведать дом, походить вокруг храма, чтобы Господь сохранил, потому что нам он нужен будет и чтобы наши воины не погибли, чтобы больше их сохранилось. Мы пытались отказаться, было очень страшно. Но батюшка настоял и ободрил — ничего не бояться и идти той дорогой, которую указал, и той же возвращаться в тот самый день.

Для нас это все было почти невозможным, но мы, надеясь на милость Божию и на батюшкины молитвы святые, пошли в путь и с успехом вернулись. Батюшка был очень рад нашему послушанию и сказал, что теперь все останется в целости: и двор, и дом, и церковь. И действительно, все сохранилось, и нигде бомба не упала, где обитал батюшка. Все село, от старого до малого, бежали за благословением к старцу, и воины, и раненые. Батюшка сам подходил к раненым, крестил их раны, исцелял и ободрял их своими прозорливыми словами, что они не погибнут, что вернутся с победой домой. Что враг будет недолго, потому что он злой. И молился утром и вечером со слезами, с поднятыми вверх руками за нашу Русскую землю.

И так сбылось все. Многие воины писали письма и благодарили «дедушку» за хорошие пожелания, что они действительно остались живы по предсказанию старца, и многие из них возвращались домой глубоко верующими людьми.

Батюшка часто повторял, что идет злой враг, он будет села сжигать, женщин с малыми детьми в огонь бросать, и сильно плакал. «Это идет наш бич. Но он будет недолго: года два с половиной, — говорил батюшка, — потом люди в воскресенье не будут работать, и церкви будут и монастыри. Молитесь за нашу святую Русь. Она как роза цвела. А иностранцы ввели содомские грехи. Чревоубийственные, венерические болезни, чем осквернили ее и оскорбили», — так говорил старец, болезнуя о прошлых и грядущих событиях».

«Я приболела и не могла выйти на работу, чтоб начислить зарплату», — сказала одна благочестивая женщина батюшке. «А ты к врачам обращайся и лечись травами. Врач, если веру-

ющий, то он, как апостол. А к шептухам не ходи, это бесовское дело. От них отнимается благодать. Они к молитвам да прибавят еще слово «свое». Вот если в бочку меда да влить ложку керосина, то и не будешь есть. И с такими не дружи, — продолжал батюшка, — которые неверующие. Если поставишь бочку с керосином и сам походишь около нее, то сам пропитаешься его запахом. Так, если будешь дружить с неверующими, то согрешишь. Господь сказал: *со избранным избран будеши*. Держись верующих людей, то будет легче», — так увещевал батюшка своих чад.

«Заболела у моей дочери нога. Лечили мы и всякими народными средствами, а нога все хуже становилась. Обратились за медицинской помощью. Врачи сказали, что дело серьезное: загнила кость, нужно ампутировать ногу, чтобы девочке сохранить жизнь.

Я со слезами обратилась со своим горем к батюшке отцу Лаврентию. Батюшка сказал: «Да, у врачей ножи острые, а благодати нет. Не скорби, — утешал меня батюшка, — она выздоровеет. В больницу не ложитесь, а пусть здесь в монастыре с неделю поживет». И я оставила ее у одной монахини А., а сама уехала домой в село.

Ее каждый день утром и вечером носили в церковь. А батюшка после службы подходил к ней и своей благодатной рукой крестил ногу и поглаживал.

Через две недели дочь выздоровела и пошла своими ногами, оставив костыли. Я пришла к батюшке уже со слезами радости и благодарности. Не знала, чем и как отблагодарить старца. А он только улыбнулся и сказал: „Хотел бы я, чтоб она не только физически исцелилась, но и духовно...“»

Одна верующая женщина рассказывала о себе:

«Во время войны была я в больнице с ребенком. Когда немец стал отступать, то и мы разбежались кто куда. Я стояла на вокзале, прижав к груди ребенка, и плакала. Немец кричал: «Weg, weg!» Я не знала, к кому обращаться за помощью. Из людей никого не было знакомого, а к Богу — я была неверующая.

Вдруг ко мне подошла знакомая монахиня П. Она из нашего села. Я рассказала ей свое горе. Она сострадательно отнеслась ко мне и посоветовала обратиться к старцу Лаврентию. Я согласилась и последовала за ней в монастырь с ребенком на руках.

Батюшка как увидел нас, то воскликнул: «Кого ты принесла ко мне, да это Ангел, его место на небе!» Потом накормил нас. Девочке моей дал большую просфору. А меня спросил: «Ты будешь приезжать ко мне?» Я ответила, что не знаю. «Будешь, будешь», — уверенно ответил старец. Дал мне в сопровождение мою знакомую монахиню П. и отправил домой в село, указав, какой дорогой нужно идти и что нужно отвечать, если спросят: «Это я веду свою сестру». И мы благополучно добрались до своего села. Мать как увидела меня, то воскликнула: «Христос Воскресе!» Я рассказала ей, что побывала у старца отца Лаврентия. Мать моя была верующая и очень чтила батюшку. Тогда она радостно сказала: «Значит, ты будешь верующей!» О девочке я рассказала, как батюшка Ангелом ее назвал. Мать, помолчав, печально заметила: «Наша девочка, наверное, умрет, потому что батюшка ничего не говорит напрасно». И действительно, дочь моя года через три умерла. Муж был убит на фронте.

Я стала верующей и часто приезжала к батюшке.

Был такой случай: однажды я по делу приехала к батюшке, а он говорит: «Если ты будешь выходить замуж, то смотри повенчайся». А мне находились хорошие люди. «Но лучше было бы, если бы ты не выходила замуж, потому что ты и так уже блудница. А если не выйдешь и будешь жить в чистоте, ходить в церковь, молиться, то через восемнадцать лет будешь причислена к вдовам. Останется только небольшой шрам на душе. Так вот смотри, как хочешь».

Я упала в ноги старцу и слезно произнесла: «Помолитесь, батюшка, чтобы мне устоять и не выходить замуж». «Если у тебя есть желание не выходить замуж, то и не выйдешь», — сказал батюшка. И по милости Божией да по святым молитвам старца я осталась одна. Читаю свое правило и день и ночь благодарю Господа за Его милость».

«Прихожу я на работу, — рассказывала та же боголюбивая женщина, — а меня ставят в известность, что должны перевести на другую работу, более ответственную, которая не по мне, так как я малограмотная. Я попросила один час для обдумывания и пришла к батюшке за советом: как мне быть. А я стояла в раздумье, что лишаюсь куска хлеба, так как не смогу работать, и горько плакала.

Расспросив обо всем, батюшка благословил идти на эту работу и ничего не бояться. Но только пророчески сказал: «Иди и работай, десяти лет проработаешь, а потом найдешь другую. Я помолюсь, то Бог поможет. А после десяти лет, когда увольнять будут, то говори только правду, и тебе Бог поможет». Я работала исправно. Прошло десять лет. Батюшки уже не было. Меня обвинили в каком-то незаконном деле. Начальник уговорил меня взять вину на себя, а что он меня потом выручит из этого положения; подсунул мне бумажку для подписи. Я согласилась, подписала, а сама мучаюсь совестью. А потом вспомнила вдруг слова старца, чтобы говорила только правду. Я зарыдала и стала мысленно призывать на помощь батюшку. Мне явилась мысль, чтобы забрать тот документ ложный, который я подписала. Нашла момент, когда начальник куда-то вышел. Я быстро нашла в папке документ и уничтожила, сказав начальнику, что я ничего подписывать ложного не буду. Буду говорить только правду. Начальник сильно расстроился. При комиссии я дала верные показания, но с работы я немедленно ушла и поступила на другую. Так исполнились прозорливые слова великого старца».

Во время разрухи батюшка благословил двум сестрам поехать в Иверскую страну. «Там бес не воссядет, гонения не будет, а в «другое время» будет незначительное, так как Матерь Божия охраняет это место», — сказал старец.

Они поехали по благословению батюшки и были довольны.

Однажды встретил батюшка на монастырском дворе одну свою духовную дочь А., которая жила в селе с матерью, да и спрашивает: «Ты приехала?» «Приехала, батюшка, да уж боль-

ше и не поеду в село. Брат сильно недоволен на меня, гонит из дому, хочу оставить ему свою часть дома», — со слезами сказала А.

«Нет, от хаты нельзя отказываться. Хата наша, монастырская. Об этом золотыми буквами написано на небе. (Батюшка протянул руку и показал смущенной сестре на небо.) Твой отец перед смертью дал завещание матери, что хата — на монастырь и материал, который во дворе, тоже на монастырь. И Гаша пусть там живет. А если боишься там жить, — батюшка взял свой крест и осенил им все четыре стороны и проговорил: — Вот, ваша победа, а не «его». Ты потом продашь и купишь себе, а брату отдавать нельзя», — настаивал батюшка.

«У нас двор негодный и три тысячи не дадут, за что же мы купим?» — ответила А. «Мать умрет, тебе дадут восемнадцать тысяч», — сказал старец. «Я приехала домой, — рассказывала сестра А., — да и спрашиваю мать: «Что говорил отец перед смертью по поводу нашего жилья?» Мать, к моему удивлению, повторила слова батюшки: что все на монастырь. И я рассказала мою беседу со старцем».

По молитвам батюшки брат стал убегать от меня. Со временем мать умерла. Рядом с нами жил начальник (председатель), очень хороший человек. Однажды он пришел и сказал, что хочет купить нашу хату, и дает восемнадцать тысяч, и кладет мне на книжку, и свой двор соединяет с нашим.

Материал я предложила одному священнику в соседнее село для построения дома, дала ему как жертву. Когда приехала и рассказала обо всем батюшке, он похвалил меня и сказал купить за эту цену домик в городе.

Я жила в монастыре, а домик воздерживалась купить. Но батюшка безпокоился за меня, я по его благословению купила за ту самую цену, где живу и теперь».

«Батюшка, благословите не есть сала», — просила одна женщина. «Как говорится: сало можно есть, а людей нельзя», — ответил старец. Через некоторое время она опять за обедом повторила свою просьбу. Батюшка повторил тот же

ответ. Сестры потом узнали, что она очень плохо жила со своей снохой, очень тихой, терпеливой и богобоязненной женщиной.

Одна женщина рассказывала случай из своей жизни.

«Жила я в селе и на свои нужды одолжила у соседки шесть рублей денег и пообещала ей отдать сразу, как съезжу с торгом в город. В тот же день собрался и сосед продавать корову. Мы договорились возвращаться вместе вечерним поездом. По дороге я зашла за благословением к батюшке. Старец благословил меня и сказал немедленно ехать домой, дав мне денег на дорогу и сказав: «Это отдашь долг, а рубль на дорогу. Езжай сейчас же этим поездом».

Я не смела ослушаться старца, молча побежала на вокзал, а в голове разные мысли, что, дескать, что-то не так. В волнении прибыла домой. Дома все в порядке. Меня спрашивают: чтó так быстро вернулась? Я молчу. Наступил вечер, соседа нет. Наутро нашли его убитым в лесу и деньги забрали. Я приехала к батюшке и рассказала о происшедшем. Батюшка ответил: «Ангел-хранитель вас спасет». По молитвам старца я была спасена от наглой смерти», — так кончила свой рассказ боголюбивая женщина.

«Как, батюшка, спастись?» — спрашивает женщина старца. «Ходи да пой: «Слава в вышних Богу и на земле мир». Нужно, чтобы в душе был мир. Спасение не тяжелое, но мудрое. При этом времени нужно быть мудрым, и спасешься», — сказал старец.

Одна сестра А. пришла к батюшке за благословением поехать в Киев помолиться. Батюшка одобрил благое дело и благословил посетить маститого архимандрита Иону.

«Побывали мы по святым местам и зашли к отцу Ионе, — рассказывала сестра А. — Келья заперта. Стучали, стучали, никто не отворяет. Сестры говорят мне: «Постучи ты, тебе же было благословение зайти». Я постучала, и старец отворил, благословил всех, а мне сказал подождать, пока напишет письмо отцу Лаврентию.

Я подождала. Он вынес мне письмо да бух в ноги мне земным поклоном. «Это я не тебе, а вашему старцу. Великий он у вас молитвенник. Вот передай ему от меня», — сказал отец Иона.

Я простилась и поспешно уехала домой, оставив своих еще на богомолье, чтобы скорее отвезти поручение старца.

Прибежала к батюшке отцу Лаврентию да в ноги ему земной поклон. Это, говорю, так велел отец Иона передать Вам земной поклон, и подала ему письмо. Батюшка был очень рад. Оглянулся вокруг, нет ли никого, да и говорит: «Я его знаю только по духу, а в лицо не видел».

«Когда я была еще совсем молоденькой девочкой, но грамотной, — вспоминает о себе одна сестра, — я пришла к старцу отцу Лаврентию, то он благословил меня и велел пойти к одному батюшке И. и попросить у него первый том «Добротолюбия», и читать его. Я подошла и попросила от батюшкиного имени. Он подал мне книгу, но был очень удивлен, чем смутил меня. Ведь я еще не знала тогда, что́ это за книга.

Спустя много лет я их очень любила эти книги, много раз их читала, делала выписки для себя. Еще задолго до монастыря батюшка предсказал, что я буду жить в монастыре, а потом прогонят, что в свое время сбылось».

«Работала я среди образованных людей. Работы было много, и притом умственной. При беседе батюшка меня спросил, читаю ли я Иисусову молитву во время работы. Я ответила — нет. «Нужно читать», — строго сказал старец. Эти слова для меня были непонятны. Я мысленно хотела возразить батюшке, что в шумном обществе это невозможно. Но, смирив себя, начала приучаться и по молитвам старца со временем уже осуждала себя за строптивость. «Где хочет Бог, там побеждают естества уставы», — так рассказывала о себе монахиня М.

«Батюшка, моего сына осудили на двадцать пять лет, и имущество должны конфисковать. Осталась невестка с малыми детками, — со слезами рассказывала отцу Лаврентию по-

жилая женщина о своем горе. — И хата еще не достроена. Обвиняют его за халатность, за подписку документов. Он и не виноват, а так за свою доброту пострадал. Плачут детки, и жена не знает, что делать».

«Ничего, он долго там не будет, — утешал старец, — скоро вернется. — Батюшка сказал трижды, что придет да и будет верующим. — А вы хату заканчивайте, а крышу кройте не железом, а рубероидом, чтобы меньше зависти было. Они придут, посмотрят, да и уйдут».

И действительно, все слова батюшкины сбылись. Имущество все осталось на месте, и сына оправдали. Он через три года вернулся. И стал верующим, пособоровался, и причастился.

«Заходила я к батюшке, да и решила спросить о своей младшей дочери И. «Батюшка, что мне делать со своей дочерью? Она у меня самая младшая, но какая-то такая, как бы мне не хотелось. Плачу я о ней день и ночь, чтоб Господь вразумил ее хоть немного, потому что она у меня совсем неразумная. В церковь мало ходит, и то, когда умолишь со слезами. А еще в каком-то художественном кружке готовят для выступления «инсценировку» беседы «Евы с Богом». Я как послушала ее репетицию, то совсем занемогла от скорби, что все это ни на что не похоже. Только бесу служат, да и все. Лучше бы мне ее похоронить, чем видеть такое кощунство», — так со слезами изливала я свою душу старцу отцу Лаврентию. А батюшка внимательно слушал мои слова, опустив голову. А потом поднял голову, улыбнулся, да и говорит: «А ты не плачь так горько. Твоя плохая дочь И. будет лучше всех твоих детей. Она будет еще молитвенница за весь ваш род и за всех православных христиан. Она обратится к Богу и будет монахиней, как ты. И тебя досмотрит, и с честью похоронит, и будет молиться, и из-за нее другие будут молиться за тебя. А то дело, что они затеяли, разрушится и не будет доведено до конца. Ты молись, и я буду молиться», — сказал батюшка и благословил меня большим крестом, от чего у меня родилась надежда на будущее.

И действительно, по батюшкиным молитвам дело начало идти по-другому. В скором времени заболела моя дочь И. сильно, забрали в больницу. Выдержала карантин, стала поправляться, заболела повторно тифом, чуть было душу Богу не отдала. И уже когда поправилась и вернулась домой, то я ее не узнала. Она изменилась телесно, а главное — стала хорошеть духовно. Моя старость нашла отраду, наблюдая, как моя дочь стала ходить в церковь, молиться дома, читать душеспасительные книги и вести совершенно иную жизнь. Я прославила Бога и великого старца отца Лаврентия».

Одна глубоковерующая женщина Е. рассказывала:

«Во время Отечественной войны получила я извещение, что сын погиб. Я как верующая мать решила «запечатать». Но мне приснился сон, что будто сын мне прекословит в чем-то и говорит: «Не нужно, мама». Я со своим сомнением пришла к батюшке отцу Лаврентию спросить, что делать.

Батюшка сказал, что «печатать» не нужно. «Ты должна еще получить от него известие. А если второй раз будет извещение, тогда и запечатаешь», — так успокоил меня старец.

Его слова исполнились. Через некоторое время сын прислал письмо, что был ранен, а теперь опять посылают в бой, и не знает, вернется ли. Он не вернулся, а там и сложил свою голову. Пришло второе извещение, как и предсказал старец. Я со слезами пришла опять к батюшке. Он благословил «печатать». При выходе я встретила двух женщин, которые спешили к старцу. Я, полюбопытствовав, остановилась и услышала голос батюшки: «Какой я вам «ворожбит»? Я не «ворожбит», я ничего не знаю. Иди доедай свои пампушки со свежей сметаной, а ко мне не обращайся». «Да я хочу знать за своего мужа»,— сказала женщина. «Я ничего не знаю», — строго ответил батюшка и закрыл дверь. Я потом узнала, что одна из этих женщин была совершенно не верующая и шла действительно как к «ворожбиту», так его и называла. Напекла «пампушек», взяла сметаны да по дороге их поела, приговаривая: «Что он там знает, сама поем». А батюшка все прозрел и не принял ее.

Дочь моя работает медсестрой, — рассказывала одна верующая женщина батюшке. — Но она похоронила мужа и детей и находится в большом горе. А вера очень слабая. Часто заводит речь о самоубийстве, когда я помру. Я очень боюсь заранее. Прошу помолиться за нее, чтобы ее Господь вразумил, обратил ее душу».

«Она обратится в день твоей кончины, — сказал батюшка, — похоронит тебя по-христиански, и помянет, и будет молиться за тебя».

Я поблагодарила старца и с радостной надеждой ушла от него».

«Когда умерла мать, — рассказывает дочь, о которой была речь выше, — я твердо решила покончить с собой, применив медицину. Я решила сделать себе соответствующий укол и усыпить себя навсегда. Когда мать, мертвая, лежала на одре, я взяла ампулу, шприц и подошла к одру матери, чтобы в последний раз взглянуть на нее и проститься. Только я нагнулась к ней, а ее мертвая, но еще не остывшая рука как хлопнет меня по рукам, да так сильно, что все из рук упало и разбилось вдребезги. Я сильно испугалась и только воскликнула: «Мама, не буду больше!» И с этого времени как зажегся огонек в моем сердце, так уж по молитвам старца да по милости Божией теплится и поныне. Я поняла цель своей жизни. Только каюсь слёзно о своем прошлом и молюсь за свою спасительницу мать».

Так закончила свой рассказ уже глубоко верующая женщина.

Инокиня М. вспоминала:

«Однажды мне выпала честь вести батюшку под руку в церковь. А он такой слабый, идет да спотыкается. Я со всей силы держу его. Стало мне жаль нашего батюшку, да и думаю себе: «Была бы у меня такая мощь, взяла бы я дорогого батюшку и отнесла на хоры и посадила бы за пульт, пусть бы управлял своим хором. Только я так подумала, а старец в ответ мне: «Эге, если была бы сила. Да силы нет. Спаси тебя Господь, что так подумала». Так старец Лаврентий прозрел мои помыслы.

Подошла я однажды к батюшке, — продолжает сестра М., — спросить о своем брате. Дело было во время Отечественной войны. Он был взят на фронт. Долго не было никакого известия о нем. Кто-то пришел из товарищей и сказал, что он находится в плену у немцев в городе Гамбурге. Но тот город был сильно потом разрушен, и много людей погибло. И, потеряв всякую надежду на жизнь брата, мы решили обратиться к старцу. Я со слезами объяснила ему свое горе. Батюшка надел епитрахиль, помолился, посмотрел вперед пристально, вроде всматриваясь во что-то, да и говорит: «Ты права, что все разбито, ничего не осталось. Американцы всех забрали в плен. Но брат твой живой».

Позже мы действительно узнали, что он жив и все так произошло, как говорил великий старец Лаврентий.

«В монастырь я ушла совсем еще молоденькой девушкой, лет восемнадцати, — вспоминает о себе воспитанница отца Лаврентия монахиня М., — была очень ревностной, решила своим даром голоса послужить Богу. В один из праздничных дней подозвал меня батюшка к себе, да и говорит: «Вот внимательно послушай, что я скажу тебе. Жизнь человека бывает такая, как взять кусок веревочки и завязать на ней три узла отдельно один от другого, то есть поделить на три части. Первая — это пылкая юность, когда человек живет с Богом и только ему служит. Вторая — это средние года, когда у человека бывает такой напор от врага (по Попущению Божию), что он отказывается от Бога, не словом, а делами, и живет как неверующий. Третий — преклонный возраст, когда человек приходит в себя, чистосердечно раскаивается и опять живет с сильной ревностью к Богу, как в юности». Я умилилась от этого рассказа, заплакала, но своего не избежала. Все это исполнилось с моей мятежной душой. Я часто со слезами вспоминала роковые слова великого старца».

«Во время немецкой оккупации я получила повестку ехать в Германию. Расстроенная, я побежала к батюшке, — вспоминает монахиня А., — который успокоил меня словами: «А там

ты не нужна, а здесь нужна. Успокойся, никто из моих чад никуда не поедет. Будешь здесь». Назавтра я, надеясь на милость Божию да на батюшкины молитвы, пошла на «пункт», а со мной еще трое. Тех троих «забраковали» сразу, а меня оставили (на вид я была молодая, высокая). Закрыли меня в отдельное помещение в ожидании комиссии. Я твердо надеялась на батюшкины молитвы и верила его словам, что я никуда не поеду. А сама сильно молилась и клала множество поклонов, так, что стало мне не по себе: сильно билось сердце и сама не могла стоять на ногах. В это время открыли дверь, чтобы я шла к врачу на проверку. Немец как взглянул на меня, то громко закричал: «Weg!» «Негодная», — сказал врач, и меня отправили домой. Я с радостью прославила Бога и Его служителя отца Лаврентия».

«Была я у отца Лаврентия по какому-то делу, а он спросил о моем здоровье. Я поблагодарила, да и говорю, что все хорошо», — рассказывала та же монахиня А.

«А мне твое здоровье не нравится, — возразил батюшка, — ведь ты больная». Я опять утвердительно ответила, что все в порядке.

Прошло время, и я почувствовала колотье в лопатке. Пошла с жалобой к батюшке. Он сказал: «У тебя легкие больные. Пей сок бураковый».

Я стала применять его лекарство, но организм никак не принимал его: позыв на рвоту не давал мне проглотить и глоток сока. Я со своим лекарством пришла к батюшке и жалуюсь, что не могу пить. Старец надел епитрахиль, помолился, перекрестил сосуд с лекарством, выпил сам половину, а остальное подал мне. Я как поднесла ко рту, так у меня опять позыв на рвоту. Батюшка сказал оставить это лекарство. Назначил другое: алоэ с маслом и медом перетопить и по столовой ложке принимать три раза в день. Я натопила целую банку лекарства, но принимать опять не могла. Со слезами пришла опять к батюшке просить помощи. Он надел епитрахиль, помолился и ложку себе, а ложку мне, и ласково приговаривал: «Не нужно рвать, не нужно». И понемногу я стала глотать, и со временем привыкла, и употребила все лекарство, и сама поправилась, и живу до сего дня,

не жалуюсь на легкие. Так мне помог этот великий старец своей любовью да святыми молитвами», — закончила свой рассказ монахиня А.

Рассказывала монахиня А. о своем прошлом:

«Были тяжелые годы Отечественной войны. Мне было пятнадцать лет. Люди, как овцы, искали пастырей: ходили в Чернигов на богомолье в Троицкий женский монастырь, основателем которого был всем известный старец отец Лаврентий, у которого и находили все утешение в эту трудную годину жизни.

Я была совершенно духовно заброшенная девочка, очень быстрая и большая проказница. Но в меня закралась искра любопытства сходить в Чернигов в монастырь и присмотреться к жизни насельниц его.

И когда люди верующие собрались идти, решила и я следовать за ними пешком сорокапятикилометровую дорогу. Прибыв в Троицкий монастырь, мы поместились по кельям знакомых матушек. Насладив душу прекрасным пением и молитвой (в праздник Рождества Пресвятой Богородицы и святителя Феодосия), мои паломницы, которых было человек двадцать, благоговейно собрались уходить домой, побывав не раз у батюшки на утешительной беседе и, конечно, на исповеди. Я была лишена всего этого, а только молча наблюдала, как они сговаривались идти за напутственным благословением к старцу, а меня оставляли сзади незамеченной. Это меня огорчило, но я держала себя как могла. Одна матушка — Аполлинария имя ее (упокой, Господи, душу ее) — заметила мое смущение и пригласила следовать за ней. Мы подходили последними. Когда я подошла за благословением, батюшка положил свою руку мне на голову, поцеловал меня в голову и ласково произнес: «Вот умница, что пришла! Походишь и будешь наша». Благословил меня большой просфорой, а всех — крестиками.

На меня напал какой-то неведомый мне доселе радостный трепет. С этого момента я начала как бы духовно формироваться. Начала ходить в церковь, петь на клиросе. Меня тяну-

ло в Чернигов, где я устроилась со временем на работу. Жила в монастыре и руководилась батюшкой.

Однажды мой начальник по работе предложил мне переходить в школу ФЗО. Я спросила у батюшки, как быть. Батюшка утвердительно сказал: «Валяй! Беги бегом и переходи в школу!» Я, получив благословение, не спеша отошла. А батюшка все свое: «Я тебе сказал: беги бегом!» Ощутив какое-то безпокойство на душе, я немедленно прибежала к начальнику и изъявила свое желание поступить в школу.

Недели через три пришел приказ нашему участку выехать на Урал в Свердловскую область. Все мои сотрудники уехали, а я осталась на месте. Тогда я поняла, почему батюшка сказал мне «бежать».

Продолжение рассказа монахини А.

«Живя в монастыре и выполняя монастырские послушания, я работала на производстве. По какому-то случаю мне нужно было съездить домой в село к матери. Директор отпустил, а матушка игуменья Антония не благословляла ехать. Тогда я уехала самовольно. Пробыв три дня, я вернулась. Но матушка игуменья за самочинством велела мне уходить из монастыря и немедленно освободить келью. Я просила прощения со слезами, падая в ноги, несколько раз повторяя. Но матушка была очень строгая и не хотела со мной разговаривать, а только грозно повторяла свой приказ: «Убирайся вон!»

И я, связав свои вещи в узлы, решила уходить из монастыря, забыв даже взять благословение у батюшки. Но мать благочинная, увидев мои узлы, спросила, брала ли я благословение у батюшки на уход из монастыря. Я ответила, что нет. Она немедленно направила меня к батюшке, которому я рассказала слезно о своем горе и своем намерении.

Старец Лаврентий выслушал меня внимательно и дал такой назидательный ответ: «Вот смотри, когда лежит на дороге кусок древесины кривой, суковатый, ее все переступают, она никому не нужна. А когда хороший столяр поднимет ее, даст ей соответствующую обработку, тогда эта палка или какая-нибудь

деталь нужна, каждый хотел бы взять ее. Иди еще раз попроси прощения, если не простит, тогда уйдешь на квартиру».

Я взяла благословение, попросила святых молитв у старца и со страхом еще раз подошла к игуменье. На этот раз гнев был переложен на милость по молитвам великого старца Лаврентия. Матушка расположилась ко мне, простила, напутствовав меня душеспасительной беседой».

«Однажды вызывает меня владыка Борис, — рассказывала инокиня А., — и предлагает увольняться с работы, рассчитываться, чтобы помогать ему.

Я спросила у батюшки. Он не благословил уходить с работы, а сказал: «Как говорится, нужно поработать». А с работы тогда было трудно уйти.

Владыка Б. взял мой адрес и сказал, что сам заедет к директору. А батюшка на это ответил: «Если заедет, тогда и будет дело, а пока работай». Владыка Б. три раза брал адрес и три раза терял его. А когда уехал владыка Б., то батюшка при встрече спросил меня: «Ты ушла с работы?»

«Нет», — ответила я. «А почему нет? Ведь здесь много работы, нужно здесь работать», — сказал батюшка.

Я немедленно уволилась с работы. Тогда я поняла, почему батюшка не разрешил уходить с работы — потому что тогда бы владыка Борис забрал меня с собой».

«Послушания у меня были разные, — продолжает свои воспоминания инокиня А., — но больше я работала по ремонту и строительству. Однажды я подошла к батюшке за благословением лезть на купол. А батюшка говорит: «Куполто, как говорится, куполом, а вот как ты с правилом справляешься? Читаешь правило?» К моему стыду, я не всегда выполняла правило: поэтому я промолчала на этот вопрос. А батюшка строго и громко сказал: «Я тебя спрашиваю, ты канон читаешь? Нужно читать правило», — еще раз повторил старец.

В другой раз брала у батюшки благословение лезть на купол, а он спросил: «А ноты ты знаешь? Нужно учить ноты, потому что пение в церкви — это самое дорогое послушание. Матерь Божия любит певчих».

И почти всегда вспоминал батюшка о пении. Он благословлял всех ходить на клирос, даже «безголосых» и «безслухих», но по его молитвам они приучались петь. Мне казалось, что я одна из таковых, но по его святым молитвам я ходила на клирос и пела».

«Заболел мой брат от испуга пожара, и так сильно, что лежал на одре. Мать послала меня к батюшке отцу Лаврентию за благословением обратиться к «шептухе». Она, дескать, молится, читает молитвы и помогает.

Я пришла к нему и рассказала о своем горе и что мать предлагает делать. А батюшка говорит: «Она-то молится да, как говорится, одно словцо вбросит, и пропадет вся ее молитва. Вот как возьми бочку меда да смешай с ложкой дегтя, то есть и не будешь».

«А что же делать с братом?» — спросила я. «А ты пойди, помолись святителю Феодосию, Черниговскому чудотворцу, он и поправится», — сказал отец Лаврентий. «Батюшка, я ведь не умею молиться», — возразила я. «А ты скажи: «Отче святителю Феодосие, исцели моего брата». Как его звать?» «Николай», — сказала я. Он назвал это имя и благословил меня.

На другой день в 7 часов утра я поспешила к гробнице святителя Феодосия и сделала так, как научил меня старец. Когда я вернулась домой, то мать мне рассказала, что ровно в 7 часов утра проснулся брат Н. и попросил есть. С того дня он стал поправляться. По молитвам старца Лаврентия болезнь его оставила», — так закончила этот рассказ инокиня А.

«Был такой обычай у нас в монастыре, — рассказывала инокиня А. дальше, — именинницы в день своего Ангела причащались Святых Таин, потом брали просфору и шли к батюшке. Он отламывал маленький кусочек и поздравлял с днем Ангела. Часто оставлял именинниц разделить трапезу. И вот один раз мне пришлось быть на такой трапезе. Нас было человек двенадцать. Батюшка кушал из маленького черепяного горшочка круглой деревянной ложкой. Это была его собственность. Вдруг батюшка поднимает голову и говорит, обращаясь к матушке келейнице П., она подавала на стол: «Пойди, посмотри, там кто-то пришел, пусть зайдет сюда».

Матушка П. посмотрела, увидела женщину, которая стояла и сильно плакала, и просила пропустить к батюшке. Но матушка П., жалея старца, сказала: «Когда батюшка покушает, тогда пройдете. Он вас сейчас не примет». Но женщина продолжала плакать. А батюшке матушка П. сказала: «Обедайте, батюшка, там никого нет».

Отец Лаврентий взял несколько ложек своей похлебки из горшочка, повернул голову и опять говорит: «Там, как говорится, кто-то пришел, позови ее». «Да нет там никого, обедайте спокойно», — настаивала на своем матушка П. Батюшка взял еще ложку, потом расстроенно положил ложку на стол и громко произнес: «Я тебе сказал, что там стоит женщина и плачет, пойди, приведи ее». И сам приподнялся с места, как бы встречая плачущую.

Перед нами появилась женщина средних лет, которая сильно плакала. По-видимому, великое горе привело ее сюда. Батюшка провел ее в свою келью, побеседовал, и минут через десять женщина вышла совершенно другой, с улыбкой радостно поклонилась и ушла.

А батюшка сел за стол, да и говорит матушке П.: «Если ты видела, что плачет человек, как ты могла кушать?»

Вот такой был великий старец Лаврентий, что все мог видеть. Я была этому свидетель в день моего Ангела Симеона Богоприимца и пророчицы Анны».

У батюшки была безграничная любовь к людям. Однажды зашел к батюшке Пимен Никитич, который жил рядом с монастырем. Он был верующий мастеровой мужик. Он принес свою скрипку и хотел показать свое искусство. Начал играть псалмы. Но у него хорошо не получалось. Он нервничал, расстраивался. Батюшка заметил это, да и говорит: «А ну, давай, заиграй „Казачка“». Эта вещь зазвучала у него отлично. Похвалил его батюшка, и тот с радостью ушел домой.

Батюшка часто плакал — и во время молитвы, и во время пения. Не раз слезно повторял такие слова: «Здесь, на этом свете, Господь даровал каждому человеку свободу. Он может слушать пение, наслаждаясь им, хвалить Господа устами и

сердцем. А в будущей жизни будет не так. Только тот будет слышать и наслаждаться, кого Господь сподобит, потому что многие за свою грешную и нерадивую жизнь лишатся этого навеки».

Когда рукополагали во священники, батюшка обливался слезами. Его однажды спросили сестры, почему он так плачет. Батюшка ответил, что многие и многие погибнут из этих священников за свою небрежность и нерадивую жизнь духовную. Они не будут думать о своем спасении, а тем более о других.

Но священника отца Димитрия, который был в то время настоятелем Троицкого храма, он одобрял за его искренние проповеди, наставления и правильные исповеди и говорил, что он за свое усердие не будет отвечать перед Богом за своих чад. И Господь его спасет». Он потом был рукоположен во архиепископа и до конца своей жизни был большим ревнителем благочестия.

При владыке Борисе была возможность тайно брать подрясники в мир, если батюшка на это давал благословение.

Одна женщина, получив «извещение» о смерти мужа, в скорби пришла к старцу отцу Лаврентию за благословением на подрясник. А батюшка ей: «Да, как говорится, когда придет твой, как его звать, Василь? (Женщина утвердительно кивнула головой.) Вот, когда придет Василь, что тогда будем делать?» «Да он не придет, он погиб... Я получила «извещение» — со слезами сказала женщина. «Да, да, а если придет? Тогда что же делать? Нельзя, лучше подождать», — твердо настоял на своем батюшка.

И действительно, предсказание старца исполнилось. В скором времени пришел муж этой женщины, и она стала жить семейной жизнью.

«Во время моей жизни в монастыре пришла мне греховная мысль: «Как Бог узнает грехи всего человечества? Ведь умерло неисчислимое количество людей и сейчас умирает, и будет умирать? Как же сможет Господь определить каждого, кто в чем грешен?»

«И вот однажды я вижу такой сон, — рассказывает о себе инокиня А. — Иду я по улице незнакомого мне города и захожу в большое здание. Внутри здания — большая церковь, вроде собора. Прямо передо мной — алтарь. Царские врата раскрыты. В алтаре яркий свет — белый, посреди Престол — тоже светлый, как бы хрустальный.

На правую сторону посмотрела я и увидела длинный зал, похожий на трапезную.

Вдруг в этом зале появились трое, то есть душу ведут два Ангела в виде иподиаконов. Мне будто кто-то говорит: «Смотри, это ведут праведную душу». Душа эта казалась мне девочкой лет пятнадцати-шестнадцати. Она была светлая, как бы прозрачная, на голове платочек беленький, в руках зажженная свеча. Подойдя к алтарю, иподиаконы остановились, девочка поклонилась, и вошли все они в Царские врата. Мне кто-то говорит: «Эту душу повели в рай». Они повернули на правую сторону, и мне стало их видно. Потом я поворачиваю голову и смотрю в тот самый зал. Вижу, опять идут трое. Два иподиакона, а посредине девочка, но вся черная, и по ней как бы написаны тонкие полоски, молниеобразные. Мне кто-то говорит: «Это ведут грешную душу». Ее доводят до алтаря и вводят в врата рая и поворачивают направо.

Я смутилась, что и грешную душу повели туда же, и мне захотелось пойти вслед и посмотреть, какой рай. Прижавшись к стене за спиной иподиаконов, я забежала на правую сторону, но увидела только стволы деревьев, которые были, как хрусталь, белого цвета.

Потом я остановилась и, подняв голову, посмотрела через плечо одного из этих юношей и увидела большой обрыв, который закрывался небольшими дверцами. И мне кто-то говорит, что там ад. Вдруг меня заметили эти юноши и строго спросили: «А ты чего здесь?» «Я хочу посмотреть», — сказала я робко. — «Тебе нельзя смотреть. Уходи сейчас же отсюда!» — строго сказали мне юноши.

Я только повернулась уходить, как услышала неистовый крик грешницы: «Ай-ай-ай!», который сразу стих. Я в испуге выбежала на прежнее место в церковь, повернулась и увидела

Божию Матерь, которая выходила с левой стороны алтаря. На правой руке Она держала Богомладенца. Матерь Божия была видна мне сбоку, а Богомладенец сзади. Одежда была на Ней вся золотая. А алтарный свет был бело-кристальный. И было сильное отражение золотой одежды на белом кристалле. От сияния всей этой славы я упала на колени и молитвенно произнесла: «Пресвятая Богородица, спаси меня!» И проснулась в большом страхе.

Наутро я побежала к батюшке и рассказала свой сон. «Это тебе Господь открыл, — сказал старец, — чтобы ты никогда не думала, что Господь будет разбираться, кто, когда и чем грешил. Каждый человек добрыми делами и молитвой очищает себя и становится светлым, как эта душа, которую ты видела праведной. А грехи человека делают его черным: так загрязняют его, что он делается как смола черным. И не нужно допрашивать, чем он согрешил: на нем все будет видно, и он сам себя осудит. От дел своих оправдаешься и от дел своих осудишься». Так разъяснил мне старец это сновидение».

«Приснился мне сон, — рассказывала духовная дочь отца Лаврентия сестра А., — нахожусь я вроде как не на земле и слышу необыкновенно красивое пение «Приидите, поклонимся» и «Господи, помилуй», и так мне было приятно и радостно на душе. Я проснулась, да и размышляю, чтобы не от врага это было.

Утром побежала к батюшке. А он радостно меня встретил, да и говорит: «Вот и хорошо, что ты пришла. Давай запишем, что ты сама слыхала?» Я испугалась от неожиданности да думаю, может, это прелесть бесовская. А батюшка свое твердит: «Девчата, давайте скорее ноты писать будем. Ну пой, пой, как ты слышала?» А я все забыла, ничего не могла воспроизвести из слышанного во сне. Батюшка поднял глаза кверху и начал молиться, чтобы мне Господь помог. И я стала припоминать и пропела, и батюшка записал. А сестры спросили, зачем? Он ответил: «Еще будут церкви и монастыри. И у нас будет монастырь, и будем петь». И действительно, все это исполнилось, и я потом слыхала в исполнении батюшкиного хора это

песнопение, которое я, грешная, по молитвам старца, слышала во сне».

«В другой раз по молитвам старца я видела во сне нечто необыкновенное. Вижу прекрасные врата, все в золоте с белым сиянием. Вокруг ограда огненная. За оградой много людей стоит, но их не пускают на середину. Около врат стоит привратник с крыльями и никого не пускает. Я со страхом подошла к нему, он пропустил меня, сказав: «Иди».

Я зашла в прекрасный как бы сад, где было много прекрасных деревьев и цветов. Я заметила прекрасные лилии, которые сильно благоухали. «Юноша сказал мне, что это рай: „Хорошо, что тебе разрешили войти сюда“». Я спросила: «А что это за люди стоят вокруг ограды и не могут войти сюда?» «Эти люди будут стоять до Второго Пришествия, а потом их определит Господь», — ответил мне юноша.

Я вдыхала в себя этот аромат, так что даже родители слыхали мое странное поведение во сне. Когда я проснулась, то этот аромат мне ясно ощущался вокруг. Мне казалось, что и одеяло мое пахнет, и одежда, которая на мне. Я испугалась и с большим недоверием отнеслась к этому сновидению. Никому ничего не смела рассказывать, а при первом случае дня через два прибыла к батюшке, вся взволнованная, чтобы происповедоваться ввиду вражеского наваждения. А батюшка мне навстречу вышел такой радостный, да и говорит своей духовной сестре: «Елена, давай фасоль на стол, да садитесь все, будем слушать Г. за рай... Ну, рассказывай, что ты там видела? Дома боялась рассказывать, так нам расскажи!»

Я стала отговариваться, что, дескать, я недостойна видеть рай. Это от врага. «От какого такого врага. Говорю, рассказывай», — строго сказал старец. И я, что смогла, по-человечески рассказала. Но всего того нельзя было передать, только можно чувствовать. Батюшка был доволен и сказал: «Вот так и есть! И нужно рассказывать! А другому приснился ад, где его поводят, и то нужно рассказывать. Все это для вразумления», — заключил старец. Я поняла, что все это по молитвам старца».

«Прошел год, — продолжает свой рассказ инокиня А., — и мать отпустила со слезами меня в монастырь.

Идем мы вдвоем с подругой, сестрой М., а я и думаю по дороге: «Марию-то возьмут, а меня, такую некрасивую да неуклюжую, наверное, нет».

Пришли к батюшке, упали ему в ноги, просимся принять в монастырь. А старец улыбнулся, да и говорит: «Наша игуменья любит интересных. И здесь много работы. А вы лучше идите в Домницу. Там вас матушка игуменья примет с распростертыми руками. А потом вы вернетесь и сюда, но уже будете людьми, будете уметь петь и читать. Идите быстрее».

Мы взяли благословение и думали сесть на попутную машину. А батюшка говорит: «Вы катером по воде. Идите, за оградой вас ожидают попутчики». Мы, ничего не понимая, быстро вышли за ограду. А там отец Никифор и несколько сестер тоже собрались в Домницкий монастырь. И вот они и нас забрали с собой, и мы действительно «катером» добрались до Домницкого монастыря. Прибыв на место, они пошли вперед; а мы вдвоем шли со страхом да думали, как будет наше дело.

Вдруг у ворот монастыря стоит матушка игуменья и спрашивает нас, кто мы такие и чего хотим. Мы ответили, что нам нужна матушка игуменья. «А что, вы хотите в монастырь?» — спросила игуменья. «Да», — робко ответили мы. «Так я вас приму с распростертыми руками», — радостно сказала матушка игуменья и протянула нам свои старческие руки. Мы со слезами радости бросились ей в ноги и рассказали, как старец Лаврентий послал нас в этот монастырь и сказал те же слова, которые произнесла матушка игуменья при встрече нас.

По батюшкиным молитвам нас обеих благословили на клирос петь, где мы постепенно обучались этому искусству духовному.

Через некоторое время исполнилось прозрение батюшки, нас действительно перевели в Троицкий монастырь, где мы завершили свой молитвенный путь. И я лично на себе испытала всю силу молитв этого великого старца нашего времени».

«После смерти батюшки, в одну из родительских суббот, — рассказывает монахиня Е., — отстояв заупокойную литургию, я решила пойти на базар, упустив заупокойную службу. Вернувшись, легла я отдохнуть. Вижу во сне батюшку, который идет один. Я подбежала с радостью за благословением. А он спрашивает: «А где ты была? Я смотрел, смотрел и никого не видел. Все разбрелись кто куда. Ты по базару слазила. Теперь иди зови всех на обед». Я пошла звать и проснулась. Мне стало стыдно за себя и за других, что мы со своей житейской суетой оскорбляем память старца. И я мысленно каялась и пообещала больше никогда не нарушать церковного устава своим отсутствием».

«Мне вспомнился случай из жизни, который для меня очень важный, он говорит о высокой жизни старца отца Лаврентия, которого я чту как великого прозорливца.

В Кафедральном Преображенском соборе была торжественная служба в честь праздника святителя Феодосия, где участвовал монашеский женский хор Троицкого монастыря во главе с регентом отцом Лаврентием.

Я готовилась причаститься Святых Таин. С трудом пробралась в конце литургии к старцу отцу Лаврентию, чтобы поисповедоваться. «Ты инокиня?» — спросил батюшка. «Нет, я мирянка», — тихо ответила я. При разрешительной молитве он назвал монахиней и сказал то имя, которое я ношу теперь как тайная монахиня». (Рассказывала сестра А.)

«К батюшке отцу Лаврентию я ходила часто и получала духовное удовлетворение, а спросить о чем-либо не умела. Мне казалось, что батюшка всегда будет с нами и всегда нам будет хорошо. И вдруг батюшки не стало с нами. На душе у меня была непроглядная тьма, стало томить такое уныние, что я погибала от скорби: как спастись? Во сне я вижу батюшку. Упала ему в ноги и слезно спрашиваю: «Батюшка, я погибаю! Как мне избавиться от томления душевного?»

«Исповедь и причащение — в этом спасение. Вот видишь три дороги? А ты иди средней (прямой) и спасешься», — сказал мне строго старец.

Я проснулась с большим облегчением. И поныне я в душе ношу это утешительное слово старца Лаврентия». (Рассказывала о себе боголюбивая сестра А.)

«Я готовился быть священником и пришел за благословением к батюшке отцу Лаврентию. Он помолился и благословил открыть Евангелие и прочесть. Я раскрыл и прочел евангелиста Матфея, как юноша просил Господа, как ему спастись, а Господь ответил: возлюби Господа всем сердцем твоим, всею душою твоею и ближнего твоего, как самого себя. И батюшка остановил меня и сказал: «Вот таким должен быть священник, и будет хорошо».

Я свято храню в душе эти слова великого старца», — так рассказывал о себе священник П-р.

Пришла одна духовная тайная дочь к батюшке с жалобой, что другая такая же дочь вышла замуж («приняла примака»). Батюшка опечалился очень, сказал: «Что же она сделала? Айай! Жаль». А потом, помолчав немного, сказал: «Через три месяца его не будет, а она пойдет на покаяние».

И действительно, так и произошло, что он через три месяца ушел, так как она стала говорить ему о религии. Он не вынес этого и оставил ее на покаяние. Так исполнились слова старца.

«Моя мать сильно болела (легкими), уже никто не надеялся на ее выздоровление. Все приготовили к смерти, а также и ее саму. Отец послал меня к старцу Лаврентию. Я пошла, со слезами рассказала свою скорбь. Он выслушал меня, сказав: «Нет, не умрет твоя мать, она еще долго будет жить, переживет и отца». И действительно, по святым молитвам старца мать поправилась и жила до девяноста лет», — рассказывала боголюбивая женщина М.

«За весь период Отечественной войны ничего не было слышно о муже. По окончании войны я пошла к батюшке спросить, как молиться мне о нем. Батюшка сказал: «Запечатай и молись за упокой». Я ответила, что не присылали извещения. «Не присылали, так еще пришлют. А сделай, как я

сказал». Я неохотно все сделала, а через год получила извещение о смерти. Я пришла и поблагодарила старца за его прозорливость». (Боголюбивая сестра А-на.)

«Пошла я к батюшке за благословением, чтобы поехать срочно к сыну. Батюшка резко сказал, что сегодня ехать нельзя. Я настаивала, потому что так договорилась. И я прямо умоляла батюшку. «Мое не поможет, — строго ответил старец, — поедешь завтра. Один выход». Я неохотно согласилась и послушалась батюшку, отложив поездку до завтра. Потом узнала, что в тот день была авария. И я по молитвам старца осталась жива. По приезде я пошла поблагодарить батюшку за его любовь к грешным людям». (Так рассказала о себе С. М.)

«Во время Отечественной войны я еще был малолетним мальчиком и шел с матерью по улице. А чужой мальчик, голодный украл хлеб у немца и бежал рядом, а немец за нами. Мальчик испугался и спрятался за юбку моей матери. Немец стал стрелять и убил мальчика и мою мать. Я с перепугу забрался на забор и остался жив, но без матери. На свое попечение взяла меня тетя, которая была глубоко верующая женщина. Она водила меня по церквам. Однажды привела меня к отцу Лаврентию. Он благословил меня, погладил по голове и ласково произнес: «Это монах пришел. Когда будешь в Киеве, то молись. Будешь ты круглым сиротой, но Господь тебя не оставит».

И действительно, в скором времени убили отца, и я остался сиротой.

Мне нравилось ходить в церковь. Стал подрастать и пришел к батюшке, который меня благословил ехать в Киев со словами: «Езжай в Киев, там будешь при трапезной и будешь понемногу обучаться пению».

Послушался я батюшку и поехал, как он мне сказал, и прожил до шестнадцати лет. А потом нужен был паспорт. Для этого нужны были справки из дома. Я поехал домой в село, а

они и слушать не захотели о справках, а оставляли меня жить и работать в колхозе.

Я пришел за советом к батюшке. Он благословил еще немного пожить в Киеве. Пожил я с полгода, опять отправляют меня домой за справками. Я приезжал домой, но безуспешно, и решился остаться в колхозе.

Пошел к батюшке, его вели из церкви. Я поклонился старцу и рассказал ему свое решение остаться в селе, работать в колхозе. «Ты уже монах. Тебе нельзя здесь. Ты спеши, он тебе «справочку» напишет, ему вечером делать нечего будет», — сказал отец Лаврентий. «Батюшка, я только оттуда», — возразил я. «Ну, езжай, я помолюсь, и он даст», — сказал старец.

Я пошел наутро, а председатель ласково мне ответил, что он вчера вечером решил написать, так как делать было нечего. «Бери справку да езжай куда хочешь», — ответил он, подавая справку мне. Я со справкой пришел к батюшке благодарить за молитвы. «Ну вот, езжай в Киев, там тебе дадут срочный паспорт. Да еще будешь и священником», — сказал мне батюшка Лаврентий и благословил меня великим крестом.

Когда я приехал в Киев со справками, то в милиции стали уговаривать меня оставить этот путь жизни и поступить к ним на работу и заинтересовались, что заставило меня идти в монастырь. Я им рассказал трагические моменты моей жизни, что привело меня к истинной вере и к Богу, и они не стали прекословить мне и дали мне срочный паспорт.

По молитвам старца Лаврентия я потом был рукоположен во священника. И теперь я всегда молюсь и благодарю Бога, что Он послал мне в жизни такого великого путеводителя старца отца Лаврентия». (Иерей А-й.)

В селе Карильском (на родине батюшки) живет священник иеромонах Феодосий (семьдесят два года), который хорошо знал батюшку отца Лаврентия, с его благословения он женился на сельской девушке Марии и получил послушание «не касаться жены». Потом батюшка благословил рукоположиться во диакона, а во время войны Отечественной во священника.

Ему пришлось перенести тяжелый крест заключения (десять лет). Сейчас он живет в своем селе с супругой-сестрой, прихода не имеет, а помогает читать «записочки» при проскомидии, кто им не гнушается. Живет в большой нестяжательности, в поношении и уничижении, чем заслуживает любовь и умиление у верующего человека. Мы побывали в этом семействе и получили тайное (внутреннее) назидание для себя.

Вот небольшой рассказ супруги отца Феодосия (сестре Марии было шестьдесят шесть лет).

«Родилась я в бедной семье в селе Карильском. Нас было пятеро детей. Отец уехал «на переселение». Я была старшая в семье, но была непривитая духовно, как зеленая ветка без плодов. Была простая, честная девушка. Когда пришла пора выходить замуж, жребий жизненный мне выпал на Феодосия, который мне очень нравился, но у него была запутанная ситуация со старшей сестрой, так что мне получился крест на всю жизнь. Она меня органически и духовно не могла сносить, и дело дошло до того, что я оставила супруга и ушла...

Через некоторое время Феодосий пошел к батюшке и похвалился своей бедой. Старец строго приказал: «Сейчас же забери ее домой, а то будете вы через нее в аду». Со временем он забрал меня, и мы теперь живем под одним кровом. Во время войны мы жили в монастыре, он был огородником, а я на кухне. И там я выучилась читать и немного в уставе разбираться и теперь помогаю своему батюшке в домашней молитве». (Записано в селе Карильском.)

Одна девушка вышла замуж (повенчалась). Батюшка приехал в село из монастыря, ему рассказали об этом. Он, увидев ее, спросил: «Зачем выходила замуж? Не нужно было». «Да я венчана, то уж буду жить», — ответила односельчанка. Но жизнь ее была очень неудачная и тяжелая, о чем и предостерег ее еще молодой в то время старец.

Когда был батюшка отец Лаврентий еще юношей и жил в родном своем доме, то рассказывал своей невестке Марии, жене брата Варфоломея: «Как трудно жить на свете христианину. Бес не дает покоя. Я иду вечером, а он рядом со мной.

Я крещусь и сам, и все вокруг, а он отступит, да и опять приблизится».

Батюшка выучился портняжничать и часто шил у людей заказы. «Сижу, шью, а он (бес) под столом лежит. Я не выдержал, да и говорю хозяину: «Ты видишь, кто под столом лежит?» «А кто?» — испуганно спросил хозяин. «Бес лежит, разве не видишь?»

Один мужчина из села Карильского был пономарем в церкви, а потом изъявил желание быть священником. Пришел к батюшке отцу Лаврентию за благословением. А батюшка взялся за голову, да и говорит: «Уже ад полон таких». И тот ушел ни с чем.

«Эге, вот и хорошо, что пришла, будешь читать и петь на клиросе, — сказал батюшка отец Лаврентий монахине А., когда она обратилась к нему впервые по вопросу принятия в монастырь, — там тебя научат и сделают из тебя человека», — заключил старец. «Батюшка, я хоть и не умею ни читать, ни петь, но хочу научиться и прошу ваших святых молитв и благословения», — ответила я и поехала в Домницу. Там меня приняли, матушка игуменья благословила читать на клиросе, и я стала приучаться петь. По молитвам старца я и до сих пор читаю и пою в своем храме». (Монахиня А-са.)

«Я стала ходить на клирос, — рассказала И. Н., — но у меня плохо шло дело с пением. Никак не давалось. Меня «тусали» туда и сюда. Никто не хотел приютить или дружелюбно отнестись как к новичку. Я устала от такой обстановки и решила оставить клирос. Был какой-то праздник, я встала незаметно под стеной, в уголочек. Вижу, мимо прошел батюшка, я поклонилась и продолжала стоять. Батюшка дошел до алтаря, потом вернулся, подошел ко мне и строго спросил: «А ты чего здесь стоишь?» Я начала плакать, что я неспособна и только мешаю всем. «Сейчас же на клирос», — строго сказал батюшка. Я поклонилась старцу и бегом побежала на свое место. И с этого времени по молитвам батюшки дело начало спориться, и я уже никогда не оставляла своего благословения. И сейчас мы поем в своем храме».

Началась война Отечественная 1941 года. Пришел к ба-

тюшке один верующий мужчина К-ма за благословением идти на фронт, так как на днях должен был получить повестку. «С Богом всюду хорошо, — сказал старец. — Когда получишь повестку, то зайди ко мне».

«Я так и сделал, — рассказывал К-ма. — Получил повестку, пошел к батюшке, чтобы взять благословение. Батюшка был болен в тот день. Доложили обо мне. Ввиду срочного дела, как исключение, разрешил батюшка войти к нему. Когда я вошел, батюшка, совсем больной, поднялся с постели, благословил меня, надел епитрахиль, помолился и говорит: «Будь всегда с Богом, и с тобой будет Ангел-хранитель, который будет тебя крылами покрывать от пуль со всех сторон. А ты не сомневайся и ничего не бойся. Старайся в плен не попасть к врагу, потому что гибнут там. И всюду будь первым в деле помощи ближнему. Если что будут возражать товарищи, скажи, что так велело начальство. И главное — не бойся. Тебя ничто не возьмет». Так увещевал старец меня на прощанье, благословил большим крестом и просфорой, отпустил на брань с врагом.

Я был в большом недоумении от слов старца, надеялся только на его святые молитвы да на Божию милость и на Его Всемогущую силу ко мне, немощному и грешному. И когда нас послали в бой, тогда я ощутил на себе величайшую чудодейственную силу. Вокруг обстрел, пули, как дождь, а я ползу смело, таскаю раненых на пункт, помогаю товарищам с великодушной любовью, и меня ничего не брало. Прошел всю войну и не получил ни одного ранения, даже ни одной царапины. Может, кто из читающих усомнится, то можете спросить меня, я еще жив... Потом, по окончании войны, вернулся домой и сразу же пошел к батюшке, упал ему в ноги и слезно благодарил за святые молитвы и рассказал старцу о дивных делах, какие я испытал, будучи немощным человеком, на себе. «Верить нужно и не сомневаться, — сказал старец, — то увидишь и почувствуешь еще большее: то, что на небе, и то, что во аде».

После войны батюшка благословил ходить мне на клирос. Я немного походил, а потом начал охладевать. Стал реже

встречать батюшку. Пришла мне мысль жениться, но это я скрывал, а в тайне хранил, чтоб никто, дескать, не помешал...

Две сестры были в монастыре. Но я им не признался. Сказал старшей сестре, которая жила в доме. Она также вовремя не сказала батюшке. И я обошел старца, женился по своей воле. Об этом услыхал батюшка, велел прийти к нему. Я смущенно переступил порог старца, а он и говорит: «Ай-я-яй! Ну, ладно, живи! А когда заболеет, тогда жить не будешь с ней. Все равно будешь монахом».

И началась моя мучительная, томительная, семьдесят раз седмерицей неудачная семейная жизнь. Совсем недолго прожил я со здоровой женой (лет пять), а потом она стала душевнобольной женщиной, совершенно не пригодной к семейной жизни. И мне самому нужно было все делать да еще и с ней возиться лет тридцать. А когда заболела, то в помещении сделался такой страшный шум, что не знал, куда деваться. Но уже год, как она умерла. А я остался теперь один завершать свой жизненный путь. Все человек несет за свое преслушание...»

У батюшки было любвеобильное сердце. Он говорил: «Как можно давать епитимьи? Ведь и так все в скорби. Нужно всех любить, жалеть, прощать и молиться. Я никому не давал эпитимий».

«Когда мы были еще юными девицами и батюшка приехал в наше село Синявки, — рассказывала матушка В., — мы втроем пришли к батюшке взять благословение и послушать его великой беседы. Он ласково принял нас, внимательно посмотрел, да и говорит: «Ты, Юля, гулять не ходи, тебе это не нужно, ты будешь монашка. А ты, Ганя, выйдешь замуж. А есть такие, что и туда и сюда. А потом как «вскочат в прорву», то едва выйдут с Божией помощью».

Это предсказание сбылось на каждой из нас. Одна из нас стала монахиней, жила в монастыре. Другая вышла замуж и в законе прожила свою супружескую жизнь. А третья — мудрила, хотела и в монастырь, и замуж (за двумя зайцами). Вышла замуж по расчету, за «богатого». А когда пришло время, то осталась и без мужа, и без крова с малыми детьми. И она

часто со слезами вспоминала прозорливые слова старца и сожалела, что связалась с мирской суетой, которая тянет душу вниз, но по молитвам батюшки она духовно крепится».

Батюшка при беседе говорил, что будет война, а одна сестра говорит: «Хорошо, что война, потому что к числу мучеников будут причислены...» А батюшка возразил, что не все, а только верующие, а неверующие пойдут в ад. А сестра говорит: «Так это и погибнуть можно». А батюшка сказал, что слабых Господь заберет, а другие очистятся болезнями. Будут такие, что на войне омоют грехи своей кровью и причтутся к числу мучеников. А самых сильных Господь оставит для встречи с Ним.

Батюшка часто любил беседовать о последнем времени со своими любимыми чадами, как нужно быть бдительным. «Вот сейчас голосуем, то левой рукой брось — это ничего, да еще и не за одного во всем мире. А если будут голосовать за одного — это уже он самый, и голосовать нельзя». Еще говорил: «Такая будет война, что никто нигде не останется, разве только в ущелье».

И говорил, что будут драться и останутся два или три государства и скажут: изберем себе одного царя на всю вселенную.

И в последнее время будут истинные христиане ссылаться, а старые и немощные пусть хоть за колеса хватаются и бегут за ними.

Батюшка часто повторял беседы об антихристе. Такие говорил слова: «Будет время, когда будут ходить подписывать за одного царя на земле. И будут строго переписывать людей. Зайдут в дом, а там муж, жена и дети. И вот жена станет уговаривать своего супруга: «Давай, супруг, подпишемся. Ведь у нас дети, тогда же ничего не купишь для них». А муж скажет: «Дорогая супруга, ты как хочешь, а я готов умереть, но за антихриста подписывать не буду». «Такая трогательная картина будущего», — заключил старец.

«Приходит время, — рассказывал отец Лаврентий, — когда и недействующие храмы (закрытые) будут ремонтировать, оборудовать не только снаружи, но и внутри. Купола будут

золотить как храмов, так и колоколен. А когда закончат все уже, наступит время, когда воцарится антихрист. Молитесь, чтобы Господь продолжил нам еще это время для укрепления, потому что страшное ожидает нас время. И видите, как все коварно готовится? Все храмы будут в величайшем благолепии, как никогда, а ходить в те храмы нельзя будет. Антихрист будет короноваться как царь в Иерусалимском великолепном храме с участием духовенства и Патриарха.

Будет свободный въезд в Иерусалим и выезд для всякого человека. Но тогда старайтесь не ездить, потому что все будет сделано, чтоб прельстить.

Антихрист будет происходить от блудной девы — еврейки двенадцатого колена «блудодеяния». Уже отроком он будет очень способным и умным, а особенно с тех пор, когда он, будучи мальчиком лет двенадцати, гуляя с матерью по саду, встретится с сатаной, который, выйдя из самой бездны, войдет в него. Мальчик вздрогнет от испуга, а сатана скажет: «Не бойся, я буду помогать тебе». Из этого отрока созреет в образе человеческом антихрист. При его короновании, когда будет читаться Символ веры, он не даст его правильно прочесть, где будут слова за Иисуса Христа, как Сына Божия, он отречется от этого, а признает только себя. И при этом Патриарх воскликнет, что это антихрист, и за это будет умерщвлен.

При короновании антихрист будет в перчатках. И когда будет их снимать, чтоб перекреститься, Патриарх заметит, что у него на пальцах не ногти, а когти, и это послужит к большему уверению, что это антихрист. Сойдут с неба пророки Енох и Илия, которые также будут людям разъяснять и восклицать: «Это антихрист, не верьте ему».

И он умертвит их, но они воскреснут и полетят на небо.

Антихрист будет сильно обучен всем хитростям сатанинским, и он будет делать знамения ложные.

Его будет слышать и видеть весь мир.

Он «своих людей» будет «штамповать» печатями. Будет ненавидеть христиан. Начнется уже последнее гонение на христианскую душу, которая откажется от печати сатаны.

Сразу начнется гонение на земле Иерусалимской, а потом по всем местам земного шара прольется последняя кровь за имя нашего Искупителя Иисуса Христа. Из вас, чада мои, многие доживут до этого страшного времени. Печати будут такие, что сразу видно будет: принял человек или нет.

Ничего нельзя будет ни купить, ни продать христианину. Но не унывайте. Господь своих чад не оставит... Бояться не нужно!..

Церкви будут, но ходить христианину православному в них нельзя будет, так как там не будет приноситься Безкровная Жертва Иисуса Христа, а там будет все «сатанинское» сборище...

И вот за это беззаконие земля перестанет родить, от бездождия вся потрескается, даст такие щели, что человек может упасть.

Христиан будут умерщвлять или ссылать в пустынные места. Но Господь будет помогать и питать Своих последователей. Евреев также будут сгонять в одно место. Некоторые евреи, которые истинно жили по закону Моисея, не примут печать антихриста. Они будут выжидать, присматриваться к его действиям. Они знают, что их предки не признали Христа за Мессию, но и здесь так Бог даст, что глаза их откроются, и они не примут печати сатаны, и признают Христа и будут царствовать со Христом.

А весь слабый народ пойдет за сатаной, и когда земля не даст урожая, люди придут к нему с просьбой дать хлеба, а он ответит: «Земля не родит хлеба. Я ничего не могу сделать».

Воды также не будет, все реки и озера высохнут. Это бедствие будет длиться три с половиной года. Но ради избранных Своих Господь сократит те дни. В те дни еще будут сильные борцы, столпы Православия, которые будут под сильным воздействием сердечной Иисусовой молитвы. И Господь будет покрывать их Своей всемогущей Благодатью, и они не будут видеть тех ложных знамений, которые будут приготовлены для всех людей. Еще раз повторяю, что ходить в те храмы будет нельзя, благодати в них не будет».

Одна сестра, слушая эту беседу, спросила: «Как быть? Не хотелось бы дожить до этого времени». «А ты молодая, можешь дожить», — сказал старец. «А как страшно!» — воскликнула сестра. «А вот ты и выбирай одно из двух — или земное, или небесное».

«Будет война, — продолжал батюшка, — и где она пройдет, там людей не будет. А перед этим Господь слабым людям пошлет небольшие болезни, и они умрут. А при антихристе болезней не будет. И война третья Всемирная уже будет не для покаяния, а для истребления». Сестра спросила: «Так это все погибнут?» «Нет, если верующие и омоются кровью, то причтутся к числу мучеников, а если неверующие, то пойдут во ад, — ответил батюшка. — И пока не восполнится число отпавших ангелов, Господь не придет судить. Но в последнее время Господь и живых, записанных в «Книгу Жизни», причисляет к числу ангелов недостающего счета, «отпавших».

«Ремонты храмов будут продолжаться до самого пришествия антихриста, и везде будет благолепие небывалое, — говорил батюшка. — А вы для нашей церкви в ремонте будьте умеренны, в ее наружном виде. Больше молитесь, ходите в церковь, пока есть возможность, особенно на литургию, на которой приносится Безкровная Жертва за грехи всего мира. Почаще исповедуйтесь и причащайтесь Тела и Крови Христовой, и вас Господь укрепит».

«Господь милостивый. Он тех евреев, которые откажутся принять печать антихриста, а воскликнут, что это обман, а не наш «мессия», спасет».

Батюшка с одним иеродиаконом (Георгием) беседовал о последнем времени, горько обливался слезами, говоря: «Много духовенства погибнет при антихристе». Отец Георгий говорит: «Как же мне бы не погибнуть, ведь я же диакон?» Батюшка сказал: «Не знаю». Отец диакон стал плакать, упав в ноги батюшке, и просил помолиться за него, чтоб ему избежать ада. Батюшка встал, помолился, да и говорит: «Ладно. Вот так бывает, заболел, умер и в Царство Небесное вошел».

И это предсказание исполнилось. Мы знали этого диакона по Киевской лавре, он был очень добродетельный и певчий монах, вдруг заболел на голову и в скором времени умер.

Батюшка часто сокрушался и слезно молился или что-либо рассказывал со слезами. Сестры успокаивали его, на что он возражал: «Да как же не плакать, когда полна бездна людских душ».

У батюшки была сильнейшая любовь ко всем, за что Господь одарил его даром молитвы сердечной и прозорливости.

Осенью 1949 года отец Лаврентий чувствовал себя слабо. В церкви он старался всегда быть и не раз говорил, что кто стремится идти в церковь, чтоб приобрести благодать, а кто — чтоб не потерять.

Последнее время его подвозили на лошади к церкви. Перед праздником святителя Николая он чувствовал себя плохо. Прислал сестру к владыке отцу Иакову, чтоб благословил идти в церковь. Владыка по любви к нему не благословил, и на слова сестры, пришедшей от владыки, батюшка ответил: «Если кто думает будущего года дождаться, то пусть не идет». Быстро собрался, и его отвезли в церковь. Но это уже было последнее всенощное бдение. На песнопении «Ныне отпущаеши» батюшка сильно плакал, плакали и все его певчие, которые так тепло были согреты его ангельской любовью. С поздней литургии его уже принесли на руках в келью домой. И с постели батюшка больше не подымался.

Хлеба он не кушал уже с полгода, а питался только овощами. Еще перед праздником святителя Николая сестры просили батюшку быть снисходительным к своему здоровью. Он шутливо сказал: «До Николая солнце в гору (вверх), и дело пойдет в гору». А когда на святителя Николая принесли его в келью, то произнес своим малорусским наречием: «А теперь до Крещения или поправимся, или отправимся».

Во время болезни батюшку приобщали каждый день Святых Таин, а в самый день кончины на Крещенье принес игумен отец Антоний Святые Дары в чаше из алтаря.

Благословил батюшка читать монахиню благодарственную молитву. Дело было уже вечером. В церковь пришли сестры

и сказали, что отцу Лаврентию совсем плохо. Все бросились бежать к батюшке, чтобы получить благословение и проститься со своим любимым отцом.

Одна сестра (насельница при батюшке) рассказывала, что часа в три ночи слыхала прямо наяву необыкновенное пение многочисленного хора. Она прибежала в ту келью, где лежало тело почившего, а там все было спокойно, тихо мерцали свечки при негромком чтении Евангелия священника Д. Она испуганно рассказала, что слышала пение. Он удивился и сказал, что душу покойного встречают на небе Ангелы.

На третий день утром, слезно совершив последнюю панихиду в келье, духовенство при сопровождении всего клира и народа со многими слезами внесло гроб на руках в малый храм, который далеко не мог вместить такого количества людей. Гроб стоял посредине храма на возвышенном месте пять дней. Служились вечером парастасы, утром — заупокойные литургии и торжественные панихиды при многочисленном стечении народа. Ярко горели свечи вокруг дубового гроба, который батюшка приготовил при жизни, задолго до смерти. Лицо почившего было закрыто «воздухом», как делается по чину. Видны были только руки, которые не застыли, как у умершего, а были мягки, как у спящего, и к которым прикладывалось множество людей.

Гроб с телом поставлен был посередине храма-усыпальницы на сорок дней. И такое было стечение народа, все сестры окружили гроб, склонили на него свои бедные головы и подняли такой рев, что преосвященный владыка Иаков взялся за уши и еле живой смог выбраться оттуда, так как сердце заходилось от жалости.

Гроб стоял двадцать дней открытым, а остальные двадцать дней был закрыт крышкой. Ежедневно при многочисленном стечении народа служились панихиды. После сорока дней гроб был торжественно опущен в искусно вымурованную гробницу и заложен большой серой плитой.

Это было 20 февраля 1950 года.

Помню, я и монах Никон слепой встретились с монахиней Олимпиадой старенькой, и он мне объяснил, что она из ста-

рых монахинь. Я спросил его: «Она в монастыре жила?» Он ответил: «Нет». Я ее спросил: «Матушка, когда Вы принимали постриг? Где и как?» Она ответила, что до немецкой войны и по благословению отца Лаврентия, а постриг совершил схиархимандрит Варлаам Киевский, который жил в колокольне Выдубицкого монастыря. Я очень удивился. Но монах Никон добавил, что его родители (отец и мать) и он сам также постриглись по благословению отца Лаврентия от архимандрита Варлаама. Так отец Лаврентий благословлял доброе святое дело, а другие по его благословению совершали его.

Было это в 20-е годы XX столетия во время разрухи. Приехал я в город Чернигов и везде побывал. В Троице-Ильинском (тогда мужском) монастыре насладился духовной беседой с отцом Лаврентием и решил ехать домой. Батюшка отец Лаврентий спросил: «А ты у владыки Пахомия брал благословение?» «Нет», — ответил я. Старец сказал: «Поскорее иди к нему». Пришел к владыке Пахомию (он священномученик) и рассказал ему свое намерение идти домой и еще кое-что спросил. Владыка ответил: «Хорошо, но иди снова к отцу Лаврентию, внимательно выслушай, что он тебе скажет, и обязательно исполни» (архиепископ Пахомий уже тогда знал и был уверен, что отец Лаврентий ничего просто так не говорит, а только по благодати Святого Духа). Пришел к батюшке отцу Лаврентию и пересказал беседу и слова владыки. Батюшка улыбнулся, да и говорит: «Поедешь домой, когда я тебе скажу, а теперь, как говорится, поживи у нас». Я так и сделал. Прожил с неделю. Однажды при встрече мне батюшка говорит: «Ну, теперь можно ехать и возьми того крепака. Он тебе пригодится, да еще и как пригодится!» И дал мне отец Лаврентий бутылку спиртного. Я тут же отправился в путь. Недалеко от села меня встретила взволнованная мать в слезах, которая уже несколько дней ждала меня с нетерпением и выходила за село, чтобы встретить меня и предупредить о надвигнувшейся смертной опасности. Власти из города вместе с сельскими активистами искали для убийства виновных (а в то время убивали невинных), в том числе и меня. И мне было приказано, как только приду домой, срочно явиться к одному сельскому

начальнику. Я ощупал в кармане бутылку, вспомнил слово старца-прозорливца отца Лаврентия и робко, со страхом направился в хату начальника. Дома я его не застал, а только тихо стонал на печи его больной отец-старик. Я поздоровался со стариком и спросил о его здоровье. «Вот если бы спиртного мне для втирания, но его нигде не достанешь», — хрипло еле заговорил старик. В это время зашел его сын и начал меня допрашивать: «Где я был? Когда приехал?» — и так далее и тому подобное. Я все рассказал. «Так тебя тогда и дома не было, и ты тут ни при чем!» — сказал молодой активист. Я вынул из кармана батюшкину бутылку и подал больному отцу со словами: «Возьмите, поправляйтесь и живите по Закону Божию». А сын еще раз крикнул: «Ну вот хорошо, что тебя не было дома, а то убили бы под горячую руку, а потом разобрались бы, что не виновен». (В то время не разбирались и били всех подряд.) Великий старец мне предсказал: что буду я стоять у святителя Феодосия, будут два помощника помогать мне стоять у святых мощей. При мне и при них закроют собор и вынесут мощи. Потом... откроют собор, и архиерей не будет собор называть Кафедральным и не пожелает ублажить покой святителя Феодосия и поставить святые мощи на его вечное упокоение. Но собор по благословению высшего церковного священноначалия (благодаря просьбе и желанию верующих) будет по-прежнему Кафедральным и мощи святителя Феодосия будут возвращены на место в Спасо-Преображенский Кафедральный собор.

В 30-е годы XX столетия прихожу к отцу Лаврентию посоветоваться о трудностях, а он и говорит: «В опасностях не бойся, арестуют — не страшись, пугать и угрожать будут — смел будь. Читай псалом 90-й «Живый в помощи», молитву «Да воскреснет Бог», кондак 1-й акафиста Богородице «Взбранной Воеводе победительная», — все это читай двадцать четыре раза и в конце «Достойно есть» с отпустом. И иди на свободу и пообещай принять святую схиму». Арестовали меня, угроз и обвинений было много, и все состояло в том, что я контрреволюционер и против власти. Обещали не выпустить из лап и расстрелять. Стал я бояться и страшиться,

а слова псалмопевца идут на ум: *тамо убояшася страха, идеже не бе страх*. Повеселеет, и тут же опять ужас. Вдруг я вижу: передо мной отец Лаврентий, и говорит он: «Маловерный, зачем усумнился? И почему забыл мой совет о твоем спасении?» Сразу мне стало весело на сердце и на душе радостно, а батюшка великий стал невидим и скрылся. Я тут же все вспомнил и давай молиться тремя вышесказанными молитвами по двадцать четыре раза. Во время этой молитвы пришли ко мне и доложили по секрету, что меня обязательно и немедленно сейчас расстреляют. Я покорился воле Божией и всеблагому Его Промышлению о мне грешном. Очень сожалел о совете дорогого батюшки и просил, за свое непослушание и забытие, прощения: «Прости меня, дорогой отец, и благослови, чтобы на мне совершилась воля Господня и твое святое отеческое благословение». Страха у меня никакого уже не было, ибо я уже готовился к вечной жизни. Вывели меня расстреливать, но сначала решили надо мной нечеловечески поиздеваться. Нанесли несколько тяжелых ударов, а я читаю про себя «Достойно есть» и начальник остановил это буйство и сказал: «Иди и больше сюда не попадай!» Я, идя, совершил отпуст святых молитв, благодаря Бога, Царицу Небесную и молитвенное заступление отца Лаврентия.

Схиархимандрит Антоний

Протоиерей Александр (Красковский) совершал всенощное бдение в честь Казанской иконы Божией Матери в Троицком женском монастыре. Батюшка был на хорах. Начали петь стихиры на литии. Были приготовлены хлебы, пшеница, вино и елей, но отец Александр не разрешил вынести на середину и сам не вышел на литию. Правый хор монашествующих исполнил все стихиры на литии и давай сразу стихиры на стиховне, а далее по уставу. Во время чтения первого часа отец Лаврентий подошел к отцу Александру и потихоньку спросил ласково: «Батюшка, а почему не вышел и не совершил литию в честь Царицы Небесныя?» Ответа не последовало. Старец, обратясь спиной к нему и отходя от

него, тихо сказал: «За такое небрежение будешь терпеть от Бога наказания и изгнание». Сам протоиерей это о себе говорил и свидетельствовал: вот это великий был батюшка и какие были его слова, и как сказаны ласково и любовно.

Любвеобильный батюшка говорил нам, что когда появится малая свобода, будут открываться церкви, монастыри и будут их ремонтировать, все лжеучения выйдут наружу вместе с бесами и безбожниками тайными (католики, униаты, украинцы самосвяты и другие) и сильно на Украине ополчатся против Православной Русской Церкви, ее единства и соборности. Эту еретическую группировку будет поддерживать власть безбожная, а поэтому будут отнимать у православных церкви и верных избивать. Тогда Киевский митрополит (недостоин сего звания) вместе со своими единомышленными архиереями и иереями сильно поколеблет Церковь Русскую. Весь мир удивится его беззаконию и устрашится. Сам уйдет в вечную погибель, как и Иуда. Но все эти наветы лукавого и лжеучения в России исчезнут, а будет Единая Церковь Православная Российская.

Протоиерей Александр (Красковский), схиархимандрит Антоний и иеросхимонах Феодосий

Повествовала мне монахиня Киево-Покровского монастыря Александра: «Я жила в Крыму в Введенской пустыни Пресвятыя Богородицы, где служили два старца — отец Серафим и отец Софроний. Арестовали некоторых старцев и монашествующих сестер. После закрытия и разгрома пустыни с большими трудностями я пришла на родину и ходила в Троице-Ильинский монастырь. Я стала обращаться к отцу Лаврентию за советами и наставлениями, и он стал моим духовным отцом. Отец Серафим умер, а отец Софроний получил вольную высылку в город Чернигов. Еще в монастыре монахи служили, отец Софроний увидел мою землячку из моего села и сказал ей, чтобы я пришла в Чернигов помолиться в Троицкий монастырь, где я его увижу. Я с радостью собралась и пришла. При встрече отец Софроний мне сказал: приходи ко мне с мантией. Я тебя постригу в монахини, так как ты жила

в моей пустыни и я тебя хорошо знаю. Я не сказала отцу Софронию, что теперь мой духовник отец Лаврентий; и отцу Лаврентию не сказала ничего и даже на постриг не попросила благословения; отец Софроний постриг меня в мантию и сказал: «Пойдешь исповедоваться и причащаться, говори свое новое имя». Я так и сделала, и сразу все заговорили, что Александра — монахиня. Стал иеросхимонах отец Софроний умирать. Я тут же осознала свою вину: я не сказала отцу Софронию, что мой духовник — отец Лаврентий. И отцу Лаврентию не сказала, что перехожу к Софронию и буду из его рук принимать монашество. Я перед отцом Софронием упала на колени, просила прощение за свое умалчивание и просила, чтобы он отца Лаврентия попросил быть по-прежнему моим духовником. Я все думала, как мне падать на колени и просить отца Лаврентия, после блаженной памяти отца Софрония, принять меня грешную. Когда скончался в Боге изгнанник иеросхимонах отец Софроний, то тут же сразу пришли посланные от отца Лаврентия и сказали: «Батюшка тебя зовет». Не знаю, просил ли отец Софроний отца Лаврентия или не просил за меня. Я с радостью и с трепетом — забыла, что оставляю мертвое тело иеросхимонаха Софрония, — бегу к отцу Лаврентию. Думала, как открою дверь в батюшкину келью, упаду на колени и буду умолять его принять меня обратно к себе. Но батюшка меня предварил. Я открываю дверь, а батюшка на пороге меня за руку и в келью, и говорит: «Матушка Александра, теперь ты моя духовная, похорони своего старца и духовника. Всегда и во всех нуждах приходи ко мне». (При жизни отца Софрония, после пострига, отец Лаврентий мне ничего никогда не говорил, ни единого слова, только молча благословлял.)

Потом в одно время отец Лаврентий сказал нам, что в такую-то ночь будут арестовывать, и кто не хочет попадать в тюрьму, то срочно должен уезжать в Киев. Я спросила: «Батюшка, куда я поеду и к кому?» И он помолился на иконы, подняв голову на небо и воздев руки вверх, и, скрестив руки на груди своей, сказал: «В церковь святителя Николая Набережного (только в ней одной тогда совершалось богослужение).

Читай и пой с Покровскими и Фроловскими монашками, и на хороший конец держись Покровских. Жить будешь в Покровском монастыре, прими схиму и никому об этом не говори».

Приняла матушка Александра схиму, умерла, не сказав об этом. Кто не уехал тогда в Киев, были арестованы и отбывали разные сроки тюремного заключения. Свидетельствовала матушка Александра (тайная схимница Варвара), что если бы не благословение отца Лаврентия, то и она бы попала в тюрьму и не знала бы, как ей совершить свой земной путь и достигнуть Небесного.

Когда закрыли Введенский монастырь в Киеве, впервые я приехала в город Чернигов к отцу Лаврентию и спросила: «Как мне жить?» Заплакала, что уже монастыри закрыты и я не буду монахиня. Но батюшка ответил: «Монастыри будут. Схимницей будешь в Введенском монастыре, а потом в Покровском, и послушница твоя будет во Святом граде Иерусалиме, и так же будет схимница, и совершит свой земной путь в обители Покрова Пресвятыя Богородицы».

Схимонахиня Мария

В 30-е годы XX столетия, когда меня арестовали и стращали, я, зная лично отца Лаврентия и веря в его по Бозе покровительство и заступление, молилась так: «Милостивый Господи, молитвами батюшки отца Лаврентия пощади, помилуй и спаси меня грешную». Явился наяву батюшка и сказал: «Будешь схимонахиня и постарайся быть таковой». И в тот же день меня освободили.

Схимонахиня Митрополия, г. Киев

Когда я работала проводником в поездах железных дорог, то топлива не давали: будешь уголь сама брать отапливать вагоны — тюрьма, или вода в трубах замерзнет — тоже тюрьма. И я в таком тяжелом положении — таскать уголь в вагон. Тут же появился милиционер и давай меня тащить с собой. Я проситься, я в слезы, я объясняю, что трубы в вагоне замерзнут и мне тюрьма, а он неумолим. Я по рассказ-

зам верующих в поезде много раз слыхала о Черниговском отце Лаврентии и тут же, не зная его лично, вспомнила. Сразу замолчала, а милиционер меня тащит, ногами толкает и бьет, а я про себя молюсь: «Мати Божия, отец Лаврентий и вси святии, заступитесь перед Господом Богом Милосердным за меня грешную». И он сразу тут же как окаменел, а пассажиры все на него кричать и ругать его, и он меня в тяжелом состоянии бросил. Меня подобрали пассажиры, ехавшие в моем вагоне, ввели в вагон и начали успокаивать. Сердце мое билось, дышать было тяжело, и я не могла в себя прийти. Вдруг передо мной явился неизвестный мне схимник, перекрестил меня и стал невидим. Я тут же встала вполне здоровая и спрашиваю заботившихся обо мне пассажиров: «А где сидит батюшка?» Меня спрашивают: «Какой?», и все в один голос говорят: «Никакого батюшки здесь нет». Я им ответила: «Какой сейчас был, одетый в схиму». Все сказали, что никакого батюшки нет и не было. Личность явившегося я хорошо запомнила. В 60-е годы я поехала в город Чернигов и увидела фото отца Лаврентия, и каково было мое удивление, ибо я узнала в нем явившегося мне схимника, оказавшего мне защиту и даровавшего мне исцеление Черниговского старца схиархимандрита Лаврентия, скорого помощника и заступника бедствующим людям и находящимся в опасностях.

Схимонахиня Святослава, г. Киев

Монахине, долгое время болящей продолжительной болезнью и вопросившей: «Долго ли она будет так мучиться? Скорее бы разрешиться от уз плоти», батюшка ласково ответил: «Больше потрудишься здесь — больше получишь там».

М. Н.

Мне приснился батюшка отец Лаврентий. Был бодрый, с выразительными добрыми голубыми глазами и спросил меня об Иисусовой молитве. Я ответил: «Стараюсь». Старец сказал: «Добре, добре (хорошо), будет там, кто читает Иисусову молитву».

Ин. А.

Мне схиархимандрит отец Лаврентий сказал: «Нужно бы тебе переехать в город Чернигов и помолиться в самой великой святыне — Кафедральном Преображенском соборе лет десять». Я этому не придал значения и забыл. Приехал, молился в соборе, и через десять лет его закрыли.

М. М.

Когда старцу отцу Лаврентию приносили или высылали деньги для поминовения живых и усопших, то он одну записку оставлял у себя, а другую подавал в алтарь и давал деньги на церковь. Он и других учил так же поступать. Первым долгом давать деньги на церковь, для ремонтов и содержания ее. Тайно давал милостыню бедным и нищим деньгами. Съедобные продукты батюшка делил между сестрами.

М. Илария

Мне приснился батюшка — старец отец Лаврентий и открыл мне, сказав: «Молитвы твои за родных не тщетны. Грехи родителей и родственников по ходатайству церкви прощены. Брату, ругавшемуся над святыней, не прощены». Брат ругал икону Царицы Небесныя и выбросил ее.

М. Н.

Когда закрыли Свято-Троицкий монастырь в Киеве, я пришел в город Чернигов к старцу отцу Лаврентию, побеседовал и получил наставление, как жить и молиться. Провожая меня, он сказал: «Будешь жить в Ионовском монастыре, а старец Иона — святой. Закроют. Будешь схимником стоять у иконы Успения Пресвятыя Богородицы в лавре. Будешь со всеми вместе изгнан». Что и сбылось верно.

Схимонах Парфений, г. Киев

Я часто бегала проситься к владыке Борису в монастырь, а сестра моя сидела дома и одно твердила: «Ты как хочешь, а я в монастырь и замуж не пойду. Буду жить одна». Наконец

владыка согласился взять меня в монастырь, и я пошла к батюшке за благословением, и он говорит с улыбкой: «А сестра что думает?» Я ответила: «Батюшка, она сказала: „И монашкой не буду, и замуж не пойду“». Батюшка сказал: «Э, не так! Надо избрать Небесного или земного жениха, а так жить нельзя». Пришла домой и рассказала все сестре, она тут же на ноги встала, слезы градом полились и в одну душу кричит: «Веди меня к батюшке, я так же хочу быть монашкой и с тобой вместе пойду в монастырь». Я ей сказала: «В другой раз». Но она настояла: «Сейчас же и в эту же минуту». И мы пошли к отцу Лаврентию, и он нас обеих благословил поступить в монастырь. Такова молитва сильна старца.

Сх. М.

Певчая подошла к батюшке отцу Лаврентию. Он благословил и говорит: «Учи, учи ноты, и когда будешь жить в Москве, или в Одессе, или в Петрограде, то артисткой будешь». Случилось, она жила в Москве, артисткой не была, но пела в таком церковном хоре, в котором были все артисты, певцы из хора Свешникова и солисты Большого театра Москвы, поэтому молящиеся и ее считали артисткой. В театрах и гражданских сценах она никогда не пела и участия не принимала. И жизнь ее сложилась по батюшкиным словам. По милости Божией она всегда была благочестива и не скрывала, что она монахиня.

Батюшку вели по двору в церковь. Монахиня Фотина подвела меня к отцу Лаврентию с просьбой благословить меня петь и читать в Ильинскую церковь (она была подписная к монастырю) на клирос. Батюшка снял клобук, стал молиться и смотреть на небо, и потом благословил меня. Я же не знала славянского языка и никогда не читала книг на славянском языке. После благословения батюшки, в тот же день, монахиня Фотина дала читать, и я стала читать по-славянски так же, как по-русски. Все понятно. Молящиеся люди заговорили: «Как приятно слушать, и Бог нам послал Ангелов». Такое было внятное и молитвенное чтение.

Я. Я.

Часто я водила батюшку. Однажды шли мы в церковь. Дорожка была высыпана битым камнем, и батюшка споткнулся о неровности. Я подумала, если бы была у меня сила, я бы взяла батюшку на руки, принесла бы в церковь и снесла бы на хоры, чтобы не спотыкаться ему. Батюшка тут же улыбнулся и говорит: «Э, как говорится, взяла бы на руки и отнесла бы прямо на хоры, чтобы не спотыкаться, да силы нет». И много раз батюшка прозорливый отвечал мне на мысли, и не только мне, но и другим.

Вышла я во двор из кельи, монахиня П. ведет батюшку в палисадник, я быстро к батюшке, монахиня П. держала в руках расческу. Мне очень хотелось расчесать батюшку, да боюсь попросить монахиню П. Только взялась она расчесывать батюшку, а он ее посылает в келью (не помню зачем). Она отдала мне расческу, и я расчесала волосы батюшке и заплела косичку. Была счастлива, рада и довольна.

Привела я батюшку на хоры. Вела я его одна. Было рано начинать службу, и батюшка сидел и рассказывал мне: «Был я в Святом граде Иерусалиме, когда получал Патриарх благодатный огонь. Множество народа стояло с поднятыми свечами в руке и молилось вместе с Патриархом. И было так: когда сходил благодатный огонь на свечи в руках Патриарха, то в это же самое время зажигались свечи у некоторых православных христиан, усердно молящихся, и им не было надобности засвечивать свои свечи из рук Патриарха, а другие люди зажигали свои свечи от Патриарха». И батюшка радостно улыбнулся. (Схимонахиня Екатерина и монахиня Евгения говорили, что батюшка им рассказывал, что и на его свечу сошел благодатный огонь и ему не было надобности зажигать огонь из рук Патриарха. Просил об этом никому не говорить, пока он жив.) Еще батюшка говорил: «Жил я в Иерусалиме недолго и управлял патриаршим хором (это было до 1917 года, год не знаю).

Один раз при мне батюшка спрашивает одного человека: «Что ты умеешь делать?» Он ответил: «Ремонтировать музыкальные инструменты». Батюшка говорит: «И я тоже,

а играть умеешь?» Он сказал: «Умею». «И я тоже, — говорит батюшка, — играл на скрипке и учеников обучал, и сапожником был, и так же учеников учил».

И еще говорил, что другой дерется, как жаба на корчь, и хочет спастись, а тогда «бух!», и рукой показал вниз — ад.

А иной живет как попало, и раз — и там, и батюшка указал рукой на небо, как по ступенькам.

Эти рассказы батюшкины я пересказала одному священнику, не зная его семейных настроений. Он, выслушав, заплакал и говорит: «Хорошо, как вы утешили меня словами батюшки». Этот священник перед смертью жил подвижнически, как и в юные годы. Эти примеры были обращены ко многим и многим лицам.

И. М.

Батюшка священникам, монахам и диаконам ни в коем случае не велел стричь волосы и брить бороду. Говорил, что большой позор бритым и стриженым архиереям.

Еще батюшка говорил о духовных лицах: есть апостолы и есть иуды, только лица поменялись, а время одно и то же.

Батюшка был ревнитель и поборник Православныя веры, Церкви и Ея правил и уставов. И не так, как написано в житии, что батюшка был недоволен на владыку Бориса за то, что вместо будничной службы — полиелейная, а вместо полиелейной — всенощная. Сильно недовольствовал схиархимандрит отец Лаврентий на владыку за сокращение церковных служб. Батюшка никому не благословлял сокращать и требы, например Крещение, погребение и другие. Батюшка говорил, что труднее было написать, чем пропеть и прочитать. Недоволен был тем, что не прочитают псалом, а без страха Божия кричат: «Слава», а на литургии прервут молитву ко Святому Причастию, открывают Царские врата, чтец кощунственно кричит, не окончив молитву: «Аминь», а священнослужитель: «Со страхом Божиим...» И тут разве страх Божий; тут не благоговение, а небрежение и безстрашие Божие. Такие священнослужители сами не спасаются и не дают другим. Вместо недостойных священнослужителей служат Ангелы, говорил

батюшка. Архиереи и священники, любители сокращать службы церковные, пойдут в вечный огонь, а верующие будут спасены молитвой, постом и добрыми делами.

Батюшка очень сожалел, что сокращают церковные службы, и верующие поэтому их не посещают и не ходят в церковь. Горе, горе таковым служителям святого алтаря — вечный огонь и такова тьма.

Схиархимандрит Антоний,
иеросхимонах Феодосий и протоиерей Алексий

При немцах маму назначили в Германию. Собрала мама узелок и с сестрой пошла на комиссию, а я быстро к отцу Лаврентию. Прибежала, плачу и говорю, что маму забирают в Германию. Батюшка помолился, утешил и сказал: «Не плачь, все будет хорошо». Я простояла литургию, прихожу домой. Мама и сестра дома. Спрашиваю: «Отправили?» Мама ответила: «Подхожу с паспортом, переводчица прочитала и что-то сказала немцу, и он ей что-то ответил, на немецком языке, непонятном для меня. Она отдала мне паспорт, сказав, чтобы я в 5 часов пришла к начальнику на квартиру по улице Воровского (номер дома забыла). Надо еще идти, а я боюсь». Пошла мама и приносит две пары носков заштопать. Оказывается, он оставил маму за то, что она портниха и заштопает ему носки. Так спасали нас батюшкины молитвы.

М. и Н.

Еще к батюшке пришла раба Божия Т. с дочерью проситься в монастырь. Батюшка против, но владыка и игуменья приняли. Муж ее с высылки прислал письма, спрашивая, ехать ли ему домой или оставаться там. Она его вызвала. Ушла из монастыря и увела свою дочь. Он был неверующий, и она влачила несчастную мирскую жизнь, и дочь стала пресмыкаться в миру и в отдалении от Бога.

Т.

Из Иркутской области приезжал протоиерей М. спросить у отца Лаврентия совет и благословение переехать в епархию

Киевскую или Черниговскую. Батюшка сказал настойчиво: «Нет, отец, Сибирь и Казанская церковь». Он и служил до самой смерти в Казанской церкви Божией Матери в поселке Тельма.

Протоиерей Михаил Мещеряков

Из Киргизии, из города Фрунзе, иеромонах Зосима приехал к отцу Лаврентию спросить, поступить ли ему в число братии Киево-Печерской лавры, в коей был он послушником. Старец строго запретил. Отец Зосима просил благословения жить во Фрунзе, но батюшка ответил: «Малаховка, Малаховка», отец Зосима ничего не понял и уехал во Фрунзе. Случилось мне быть у него дома в Киргизии в городе Фрунзе, и мы вместе поехали в Казахстан в городе Алма-Аты посетить архиепископа митрополита Иосифа. Митрополит встретил нас в воротах, провел в комнату, показал свою крестовую церковь в епархии. И сказал: «У меня пообедаем, чаю пить не будем. Чай будем пить у моего старца-духовника». После обеда владыка Иосиф говорит: «Едем к духовнику...» Спросили: «Как его звать?» Митрополит ответил: «Протоиерей Феофан старец, и живет с дочерью». Приехали мы из епархии на машине. Шофера отпустили. Владыка постучал в калитку, и на стук вышла дочь и взяла благословение у владыки, и сказала: «Пойду скажу батюшке». Вышел отец Феофан с просьбой зайти к нему и посетить его. Зашли, предлагали нам обед. Владыка отказался и сказал: «Будем пить только чай». Во время чая разговор за столом перешел на святителя Феодосия, его святые мощи и чудеса.

Митрополит восхищался Кафедральным собором и его древностью и тут же вспомнил, что блаженный старец отец Лаврентий говорил, что Собор — главная святыня города Чернигова и всей Черниговской епархии, а поэтому там и мощи святителя лежат. А отец Зосима тут же рассказал все выше описанное и удивлялся, что за слово «Малаховка», сказанное отцом Лаврентием. Владыка Иосиф спросил об этом своего духовника. Духовник ответил: «Черниговского старца слова велики, он ничего даром не говорил». Митрополит Иосиф

сказал: «Слова праведника драгоценны». И духовник ответил: «Они сбудутся в свое время». Оказалось потом, что на иеромонаха Зосиму подняли сильное гонение гражданские власти вместе со священниками. Была написана ужасно зловредная клеветническая статья в газете, порочащая отца Зосиму. Создали властители тяжело-презрительную обстановку, требовали уехать немедленно. Продал дом. Нигде не мог купить. Явился ему отец Лаврентий Черниговский во сне очень добрым. Ласково ободрил, утешил и сказал: «Послушный брат, езжай за Москву на станцию Малаховка и купи себе дом». В Московской области в то время купить дом и прописаться было невозможно. Он приехал в Москву и узнал на станцию Малаховка дорогу. Поехал и тут же купил себе дом. Там жил и мирно в Боге почил. Похоронен на кладбище в Малаховке.

Сестры схиигумена Кукши рассказывали:

«Когда отец Кукша жил в Свято-Успенской Киево-Печерской лавре, приехал он поклониться мощам святителя Феодосия и посетить отца Лаврентия. Во время беседы отец Лаврентий многократно спрашивал отца Кукшу: «Вы из Одессы? Или вы живете в Одесском монастыре?» Отец Кукша каждый раз смиренно отвечал: «В Киеве или из Киева и живу в лавре». А отец Лаврентий сказал: «А, эге, понял, в Одессе Успенский монастырь». Схиигумена Кукшу сильно почитали верующие, и поэтому безбожная власть в атеистическом государстве переселяла его по монастырям и, наконец, в город Одессу в Успенский мужской монастырь. Там в Боге он и почил».

Схимонахини Херувима и Евникия

Пришел к отцу Лаврентию и регент Киево-Печерской лавры иеромонах Феодосий (в схиме схиигумен Антоний). Батюшка строго приказал блюсти церковный устав лавры, и в случае, если архиерей осмелится сокращать службу и спешить, чтобы он ответил посланным: ага, спешит, некогда, пускай не служит. Будут просить раньше почитать третий и шестой час до

прихода архиерея, не соглашайся ни в коем случае — ибо это ненавистно и противно Богу. Так и случилось. Приехал архиерей (не знаю какой и откуда), вышел посланный из алтаря на клирос и доложил отцу Феодосию читать только третий час, а шестой опустить, на блаженных поменьше стихов и как можно быстрее. Отец Феодосий вошел в алтарь и спросил: «Почему нужно сокращать службу и спешить побыстрее окончить?» Ответили ему со злом: «Владыка спешит уезжать». В это время он увидел в алтаре стоящего отца Лаврентия и громко сказавшего: «Пускай уезжает!» Кроме отца Феодосия, никто не видел отца Лаврентия, а голос его слыхали и некоторые другие, но не все. Отца Феодосия уговаривали до прихода архиерея прочитать третий и шестой час, но он строго ответил: «В древности такого не было, и в архиерейском чиновнике написано: когда облачат архиерея, читают Часы. Нового в Богослужение вводить не надо». И добавил громко им: «Если спешит владыка, пускай лучше не служит и уезжает». Владыка служил, и служба шла по уставу полным лаврским порядком.

Схиигумен Антоний

Батюшка, сидя на хорах, рассказывал о последнем времени и о конце мира сего. В последнее время бесов в аде не будет. Все будут на земле и в людях. Будет страшное бедствие на земле, даже воды не будет. Потом будет всемирная война. Будут такие сильные бомбы, что железо будет гореть, камни плавиться. Огонь и дым с пылью будет до неба. И земля сгорит. Людей останется очень мало, и тогда начнут кричать: «Долой войну и поставить одного царя». Выберут царя, который будет рожден от блудной девы двенадцатого колена, царского рода и будет красивый для нечестивцев, а благочестивые увидят его страшно ужасным. В царской мантии будет ехать на колеснице и доедет до сада, сойдет и пойдет по саду прогуливаться, размышляя, как ему строить свое царство. Вдруг откроется бездна, появится вода, и с воды как будто кто-то выплеснется, и ему покажется, что кто-то у него сзади. Он оглянется назад, и увидит страшное страшилище, и в испуге крикнет, открыв широко рот. В этот момент вселится в него бес, и с той поры он

станет антихристом. Еще раньше как-то батюшка говорил: «Антихрист сядет на престол во Иерусалиме. Сейчас денница связанный в аду, и Господь его развяжет, и он вселится в царя-антихриста». Иереи Никифор, Григорий и протоиерей Василий Ганзин батюшке отцу Лаврентию возразили, что он еще и иначе и по-другому говорил об этом. Он им ответил: «Отцы и братия, вы одного не знаете и не понимаете, что я говорю не только для России, но и для всего мира. Мои слова верны и мне их открыл Дух Святый по благодати».

Протоиерей Василий, иереи Никифор и Григорий

Еще батюшка отец Лаврентий, беседуя с архимандритами Феофаном и Никифором и своими близкими, говорил настойчиво и строго с предупреждением: «...что наши родные слова — Русь и Русский. И обязательно нужно знать, помнить и не забывать, что было крещение Руси, а не крещение Украины. Киев — это второй Иерусалим и мать русских городов. Киевская Русь была вместе с великой Россией. Киев без великой России и в отдельности от России немыслим ни в каком и ни в коем случае.

В Польше была тайная жидовская столица. Поляков понуждали завоевывать Русь. Когда поляки завоевали часть Руси (России), то отдали ее в аренду, в том числе и православные монастыри, церкви и священников. Священники и православные люди не могли самостоятельно никаких совершать треб. Православных теснили и притесняли со всех сторон, покровительствуя Польше, католичеству и унии. Очень не нравились слова: «Русь» и «русский», поэтому назвали завоеванные поляками русские земли сначала Малороссией. Потом опомнились, что здесь есть слово «Рос», и перезвали Окраиной. Слово «окраина» — это позорное и унизительное слово! Какая окраина?! Чего и почему окраина, когда за этой мнимой окраиной находятся другие страны и государства?! И позже узаконили нам слова «Украина» и «украинцы», чтобы мы охотно забыли свое название русский и навсегда оторвались от Святой и Православной Руси.

Преподобный Феодосий, игумен Киево-Печерский, писал, чтобы мы не хвалили чужую веру и ни в коем случае не соединялись с католиками и не оставляли Православную веру. Архиепископ Лазарь и святитель Феодосий, его же и мощи перед нами (говоря это, батюшка положил земной поклон в сторону Кафедрального собора), и святитель Иоанн, митрополит Тобольский, они всеми силами старались по слову Господа Иисуса *да вси будут едино* быть с Православной Россией, чтобы вместе составить Святую Русь. И чтобы навсегда освободиться из польского владычества и избавиться от чуждого нам католичества и унии душепагубной, введенной и насажденной угрозами, пытками, насилием и смертью. Знайте! Помните! И не забывайте!

В городе Киеве никогда не было патриарха. Патриархи были и жили в Москве. Берегитесь самосвятской украинской группы (церкви) и унии». Киево-Печерской лавры наместник отец Кронид батюшке возразил, что уже самосвяты и униаты на Украине исчезли. Батюшка ответил грустно и печально: «Бес в них войдет, и они с сатанинской злобой ополчатся против Православных веры и Церкви, но их будет позорный конец, а их последователи понесут небесную кару от Господа Царя Сил».

Какие батюшкины драгоценные слова, и им нет цены: батюшка все предвидел и знал наперед. Теперь явился украинский самосвятский архиерей, назвав себя Киевским патриархом, да еще и где? — в Америке. Да он не знает и забыл, что в Киеве никогда не было патриарха... А нам нужно всем обратить внимание: откуда может быть в Америке Киевский патриарх?! И некоторые себе на вечные мучения и, к своему стыду, кричат в безумии: «Наш патриарх!»

Батюшка предупреждал: «Чтобы верны были мы Московской патриархии и ни в коем случае не входили ни в какой раскол. Что те архиереи и иереи, которых ввели в смуту, большой сделали себе вред и множество православных душ погубили. Берегитесь так называемой зарубежной церкви и знайте, что она не состоит в диптихе Православных Церквей. Она не церковь, а часть Российской Церкви. Многострадальная

Церковь наша выстояла в безбожном государстве. Ей честь и слава и вечная похвала! Наша страна не зарубежная и наша Церковь не зарубежная! Наша страна постоянная! У нас нет зарубежных Церквей. Свободная Церковь — это еретическое название. У нас все православные церкви и монастыри, в том числе и закрытые, и поруганные. Уходят в раскол и в ересь только недостойные милости Божией и великие грешники, которые не хотят знать: верую во Едину Святую Соборную и Апостольскую Церковь! И что Православная Церковь есть Тело Христово (разве можно Тело Христа разделять) и, наконец. Церковь есть нешвенный хитон Господень (который, подобно Арию, нельзя разрывать). И не помнят, что Един Бог, единая вера и едино крещение. Господь Иисус Христос создал одну Церковь (а не церкви), которую не одолеют и врата адовы. Одна только Церковь Православная Святая, Соборная и Апостольская. Другие, называющие себя церквами, это не церкви, а плевелы диавола среди пшеницы и скопища диавола». Батюшка при этих словах помолился обо всех заблудших и отступившихся от правоверия, заплакал и сказал: «Нет, не призовет их Господь к покаянию, не спасутся, ибо недостойны милости Божия. Сие мне открыто Царицей Небесной и святым Ангелом-хранителем». Батюшка свидетельствовал: «Мне было несколько явлений Царицы Небесной, посещала меня и Сама, и с Архангелами Михаилом и Гавриилом». Кроме меня, батюшка сие говорил и схиархимандриту Варлааму. «В них (заблудших и отступившихся от правоверия) нет Благодати Святого Духа, спасения и получения Царствия Небесного. Нам, православным, ничего не надо, а только Православной веры, спасения души и получения Царствия Небесного, а у нашей Матери Русской Православной Церкви все это есть. Благодарение Господу, и откалываться и отходить от нее — величайший и непростительный грех ни в этой жизни, ни в будущей — это хула на Духа Святого». И батюшка озарился светом неземным, окончив свою беседу словами: «Слыши и виждь!» — так Святое Евангелие гласит, — и добавил: «Будут глухи и слепы!»

Схиархимандриты Феофан, Никифор и Варлаам

Еще схиархимандрит Феофан повествовал, что батюшка Лаврентий с улыбкой радостно говорил: «Русские люди будут каяться в смертных грехах, что попустили жидовскому нечестию в России, не защитили Помазанника Божия Царя, Церкви Православные и монастыри, сонм мучеников и исповедников святых и все русское святое. Презрели благочестие и взлюбили бесовское нечестие. И что много лет восхваляли и ублажали, и ходили на поклонение разрушителя страны — советско-безбожного идола, а также и кумира Сталина, почитая его имя безсмертным». Батюшка сказал, что когда Ленина бесы втащили в ад, тогда бесам было большое ликование, торжество в аде. И еще добавил: «...что когда Сталин в ад придет, то же самое будет. Погибнет память их с шумом. Россия вместе со всеми славянскими народами и землями составит могучее Царство. Окормлять его будет Царь православный Божий Помазанник. В России исчезнут все расколы и ереси. Гонения на Церковь Православную не будет. Господь Святую Русь помилует за то, что в ней было страшное предантихристово время. Просиял великий полк мучеников и исповедников, начиная с самого высшего духовного и гражданского чина митрополита и царя, священника и монаха, младенца и даже грудного дитя и кончая мирским человеком. Все они умоляют Господа Бога Царя Сил, Царя Царствующих в Пресвятой Троице славимого Отца и Сына и Святаго Духа. Нужно твердо знать, что Россия — жребий Царицы Небесныя и Она о ней заботится и ходатайствует о ней сугубо. Весь сонм святых русских с Богородицей просят пощадить Россию. В России будет процветание веры и прежнее ликование (только на малое время, ибо придет Страшный Судия судить живых и мертвых). Русского Православного Царя будет бояться даже сам антихрист. А другие все страны, кроме России и славянских земель, будут под властью антихриста и испытают все ужасы и муки, написанные в Священном Писании. Россия, кайся, прославляй, ликуя, Бога и пой Ему: Аллилуиа».

Схиархимандрит Феофан,
схимонахиня Александра и монахиня Олимпиада

Когда закрыли Киево-Фроловский монастырь, то две монахини Антония и Феодосия (тайные схимницы) приехали в город Чернигов спросить у батюшки отца Лаврентия: где им жить? что делать? и как быть? Они очень плакали и говорили, что за ними очень охотятся и их не сегодня-завтра заберут. Батюшка помолился, воздев руки на небо, и сказал: «Пойте и радуйтесь Богу. Ходите петь и читать в церковь, скрывайте во всех случаях свои монашеские имена, будете спасены и земное течение окончите во Фроловском монастыре». Говорили они, что много раз представители власти приходили, искали и спрашивали Антонию и Феодосию. Монахиня Антония следила за уставом, пела, читала и иногда управляла хором. Подойдут к ней и спрашивают: «Где Антония или Феодосия?» Она им ответит: «Я таких не знаю». Они в ответ: «А вас как звать?» Она отвечает свое имя мирское: «Пелагея», и они уходят. Дождались открытия монастыря и там почили в Боге.

Пришла проситься в монастырь из села Сивки Елена, батюшка отец Лаврентий против и не благословил, и сказал: «Ее не принимать, ибо штунда (баптистка) не будет жить в святой обители». Архиерей и игуменья приняли. На послушания она ходить и работать не любила. Все не по ней. Наконец и ушла из монастыря.

Приехала из Киева монахиня Мелхиседека (сестра игумена Никольского монастыря Илариона) поклониться мощам святителя Феодосия и получить благословение у отца Лаврентия. Она с собой взяла в Киев схимонахиню Александру и эту же самую Елену, и пошли втроем к батюшке. Приходят, батюшка строг, не принимает их и не дает им никакого благословения. Схимонахиня Александра и монахиня Мелхиседека стали плакать и просить: «Батюшка, хоть благословите!» Елена стоит молча, но она и не хотела идти к батюшке, а только по уговору матушек этих пошла. Да еще их уговаривала не ходить, что, мол, разумного этот старик скажет? Батюшка через монахиню позвал схимонахиню Александру и монахиню

Мелхиседеку и сказал им: «Зачем вы уговорили и привели еретичку, и таскаетесь с ней, которая не станет на праведный путь...» И тут же, не благословив их, выпроводил за двери. Выйдя от батюшки, они начали горько и слезно плакать. Батюшка, умилосердившись над ними, повелел им войти к нему втроем. Они вошли за двери и упали на колени, прося со слезами прощения за свое неразумие и своеволие, а Елена стоит, насупившись, и втихую им нашептывает: «Я вам говорила, не ходите, вот так вам и надо, чтобы вы знали...». Батюшка встал с трудом и помолился на святые иконы и, обратясь к схимонахине Александре, сказал: «Великая благодать помолиться у Киевских святынь». Монахине Мелхиседеке сказал: «Надо ехать домой». К Елене батюшка на сей раз обратился приветливо и ласково сказал: «Хорошо побывать в Киеве с верой, поклониться святым мощам и решить жить в правоверии и благочестии в Законе Божием. Молитвой и постом побеждая врагов человеческого спасения. Помни! Царицу Небесную не забывай! Кто не чтит Матерь Божию, Ангелов и святых и презрительно смотрит на Крест Христов Животворящий, тот будет вечно гореть в адском огне и не будет видеть света Божия». И тут же батюшка, подняв голову и руки и глаза устремив вверх, начал молиться об обращении заблудших и отступивших от Православныя веры и Церкви со слезами. Глядя на слезы батюшки, и матушки плакали, но Елена стояла как окаменевшая. Батюшка обратился к Елене и сказал: «Какое вечное несчастье добровольно лишиться веры Православныя и Церкви и уйти в раскол от Православныя Церкви!» Таковые хоть бы и мученический венец получили, но вечные жизни будут лишены. Благословил батюшка двоих аналойным крестом, но когда Елену благословлял и она целовала крест, он сказал: «Береги Господень Крест тот знамя Спасителя мира Иисуса Христа». Дал батюшка молча матушкам по крестику нательному, но Елене, давая крест, он сказал: «Смотри, не потеряй креста. Еще дал им по маленькой просфоре молча, а Елене большую со словами: «Смотри, чтобы свинья не съела твою просфору!» Елена, не имея смирения, будучи горда, ей казалось все это оскорблением, и она на все батюшке

возражала, например: «Что Вы, батюшка? Чтобы крест потеряла? Или свинья съела просфору? Никогда и ни в коем случае» и так далее и тому подобное. Батюшка их благословил в дорогу и сказал: «Молитесь у Киевских святынь и за меня» — ласково отпустил. Пошли монахини и Елена пешком. Устали и сели отдохнуть. Постлали салфетку и решили кушать. Сначала пробовать святыню. Елена взяла свою просфору и со смехом сказала: «Давайте съедим сначала мою просфору и будем знать, что свинья не съела». Положила на салфетку, и в это время, откуда ни возьмись, большая свинья подобралась и схватила просфору. Матушки ужаснулись, а Елена ищет крест, не потеряла ли? Слава Богу, крест есть. Помолились в лавре во Владимирском соборе и женских монастырях. Монахиня Мелхиседека ужасалась о происшедшем с просфорой и осталась дома. В город Чернигов решила ехать с ними схимонахиня Фекла, но когда узнала о происшедшем с ними, то не поехала. Схимонахиня Александра пригласила для совместного путешествия схимонахиню Мариам в Чернигов помолиться и взять у старца благословение. В дороге, во время отсутствия Елены, схимонахиня Александра рассказала схимонахине Мариам о просфоре, данной Елене, и обо всем происшедшем во время их паломничества, и та очень удивлялась. Недалеко от Чернигова стали ночевать. Елена посмотрела крест — есть. Но утром встала, и нет креста. Перетрясли постель и везде искали, креста не нашли. Елена — в страхе и ужасе, недовольная случившимся. Батюшка предвидел и предупредил ее наперед. Схимонахиня Мариам сказала: «Чудеса... и дивны дела Божии в отце Лаврентии». Елена сама не своя. Вошли в город Чернигов и пошли сразу к отцу Лаврентию. Батюшка, помолившись, благословил схимонахиней Мариам и Александру, а Елене, благословляя, сказал: «Ах, Елена, Елена, дал я тебе крест в вечную жизнь и просил не потерять, а ты потеряла. Дал и просфору, предупреждая, чтобы свинья не съела, а ты допустила, что она съела. Господи! Боже! Боже! До чего ты дошла?.. Знай! Что без Бога не можешь ничего сделать, оставь свое упрямство и свою волю и всецело предайся воле Божией. И еще предупреждаю: будь верна до смерти

Православию и Церкви! Жаль, жалею я тебя... И еще скажу, когда я умру, хоронить не будешь». Она ответила: «Буду, буду!», но батюшка ей в ответ: «Не будешь!» «Почему?» — спросила она батюшку. «Спать будешь и проспишь», — сказал батюшка. И еще повелел ей хранить Православную веру и держаться Церкви. Заплакал и сказал: «Не сохранишь и не спасешься». Она обещала не отступать от Православныя веры и от Церкви.

Батюшка почил мирно в Боге. Елена приходила ко гробу в церкви, у гроба была и в усыпальнице прощалась с батюшкой. Но при выносе гроба в церковь, во время погребения и когда был опущен гроб в гробницу и заложен плитой, ее не было. Она в эти времена спала и проспала. Елена начала слушать всех лукавых проповедников, не вняла батюшкиному завету и всему случившемуся с ней, оставила Святое Православие и Христову Церковь. Клеветала с презрением, уничижая Крест Господень, на все святое Православное и церковное, осуждала архиереев и священников, отвергла молитву и пост, и святые мощи, и иконы. Ушла в баптисты и умерла без покаяния.

Все случившееся с Еленой пусть послужит всем уроком и назиданием, чтобы быть нам всем внимательными на пути спасения и духовной жизни и не оказаться к Божию Промыслу о нас грешных глухими и слепыми. Господи, дай нам слух, чтобы слышать Тебя и Твоих Святых Повелений! Боже наш! Открой наши глаза, чтобы видеть Твоя дивна и несказанна чудеса!

Схимонахини Александра и Мариам, монахиня Мелхиседека

Батюшка заповедал: молиться и поститься. В праздники великие и в воскресенья ни в коем случае не работать: хоть град с неба, а пускай все на месте стоит. Среду и пятницу и все посты батюшка велел соблюдать строго. Многим благословлял поститься в понедельник наравне со средой и пятницей и некоторым не вкушать мясной пищи, говоря: «Царство Божие не брашно и не питие».

Батюшка советовал многим ходить вечер и утро, а наипаче на литургию ежедневно, что некоторыми и соблюдалось.

Батюшка говорил, что прежде праздники соблюдаются в церкви и по примеру церкви дома.

Схиархимандрит Лаврентий на Болдиной горе в 1917—1925 годах возле Троице-Ильинского монастыря копал пещеры, которые были названы Лаврентиевы. Они уникальные и очень глубокие. А другие пещеры называются Алипиевы, потому что их копал преподобномученик игумен Алипий исповедник (был в тюрьме, вышел на свободу и был монахинями замазан кирпичом между стенами, и когда был высвобожден, то были на нем только кожа и кости). В пещерах игумена Алипия священномученик Пахомий схиархиепископ Черниговский освятил церковь во имя великомученика Георгия Победоносца 26 ноября (старый стиль) в день Ангела игумена Алипия. В ней уже и служилась Божественная литургия.

Пещеры под руководством этих старцев копали верные люди города Чернигова и богомольцы из ближних сел, и издалека пришедшие помолиться и поклониться святыням города Чернигова. Вечером молились в Троице-Ильинском монастыре, потом шли и копали ночами пещеры, утром молились в церкви, и опять кто мог копали пещеры.

Отец Лаврентий предсказал отцу Алипию мученическую кончину. Он был убит сельским человеком. Но и отец Алипий сам предсказал свое погребение: однажды на Радоницу Пасхи он взял своих духовных чад монахинь и сказал: «Пойдемте с пасхальным яичком к той могиле, где никто не будет знать, кто здесь похоронен, и пропоем — Христос Воскресе! А теперь пойдемте к той могиле, где все будут знать». Игумена Алипия застрелили в яме. Монахини в военное время от испуга по-быстрому сами похоронили своего дорогого батюшку Алипия на том месте, где никто не знал. А потом немного успокоилось, и его перехоронили на то место, где все знают. Отец Алипий был моряком в городе Кронштадте и по благословению святого праведного Иоанна Кронштадтского прибыл в Троице-Ильинский мужской монастырь города Чернигова. Отец Лаврентий и отец Алипий были два столпа и светильника монашеского жития, подражавшие преподобным

отцам Антонию и Феодосию Киево-Печерским во всем, и даже копанием пещер.

Говорила благочинная монахиня Виринея, что отец Лаврентий несколько раз посылал ее, чтобы она проверила и прочистила отдушину, которая была проделана вверху. Пещеры эти есть и в настоящее время, но вход в них закрыт и засыпан землей.

Монахиня Еннафа, инокиня Анна

Во время революции монахиня Глафира с другими единомысленными девицами решила пойти в город Киев пешком. Тогда так и ходили. Пошли к отцу Лаврентию за благословением. Он, помолившись на иконы и благословляя, сказал: «Доброе дело Бог всегда благословит! Идите, только знайте, что посреди дороги будет перестрелка, вы не бойтесь и сразу сворачивайте в жито (рожь), и выйдете на дорогу, которая поведет вас через жито, выйдете на поле, и кончится перестрелка. Выходите на главную дорогу и спокойно идите до Киева, и обратно вернетесь, благодаря Бога». Все так и было. Так берег нас батюшка любвеобильный своими молитвами.

Монахиня Глафира, инокиня Анна

«Мы были молодыми девушками и руководились отцом Лаврентием. Жили в городе Чернигове в 1-м Холодном яру у одной очень благочестивой женщины по фамилии Зайчиха. По благословению отца Лаврентия и с его участием выкопали небольшую пещеру, так как местность была под горой. В этой пещере иногда молились, и особенно в то время, когда нас посещал дорогой молитвенник наш батюшка. Церкви были закрыты. Батюшка ночью в этой пещере служил иногда и Божественную литургию. Ход в пещеру был с коридора в кладовую, с кладовой как бы в погреб и в пещеру. Закрывалась пещера крышкой. Однажды девочка сняла крышку, чтобы проветрить пещеру, и забыв об этом, открыла дверь коридора и ушла. Хозяйкина корова в это время была во дворе, зашла в коридор, повернула в кладовую и упала в пещеру. Закрыв вход в пещеру собой, корова до половины была видна.

Сполошились послушницы, испугались вместе с хозяйкой. Хозяйка позвала соседей мужиков. Пришли мужики, старались, но не могли ничего сделать. Не за что корову было взять, только видно было две ноги и хвост. Они сказали: «Что хотите делайте, но мы ничего не можем сделать, не за что брать корову, если бы можно было взять ее за рога, то мы бы вытащили». И ушли по домам. Я быстро побежала до батюшки. Прибежала и все выше описанное рассказала. Схиархимандрит отец Лаврентий подал вид, что расстроился, и спросил: «Которая из вас оставила двери открытые?» Я ответила: «Маргарита». Батюшка, подняв голову, помолился минуты две и сказал: «Иди домой». Я бегом домой, открываю калитку, а корова бегает по двору и от радости выбрыкивает, потрясая головой. Корова сама из пещеры вылетела вверх, как будто кто-то ее из пещеры вытолкнул, в то время когда отец Лаврентий молился. Хозяйка и сестры поблагодарили Бога и старца помощника за его святые молитвы».

В 1946 году я работала на производстве уборщицей. Была молодая. И вот директор узнал, что я не являюсь членом комсомола. Начал меня агитировать и требовать, чтобы я подала заявление о принятии меня в комсомол. Дескать: «Я тебя жалею, пошлю учиться, выведу в люди и будешь человеком». И так безконечно каждый день, как только я ему попадалась на глаза. Пошла я до отца Лаврентия, в это время он был окружен множеством людей. Я рассказала ему все подробно... И он мне в ответ: «Если тебе еще хоть один раз скажет директор писать заявление (этим батюшка дал понять, что по его святым молитвам директор больше не будет мне говорить), то ты скажи ему так: «Я же не с рогами», чтобы вписаться между рогатых (это означало, что комсомол — безбожное общество бесовское)».

Я отошла молча. Когда батюшка ушел, меня окружающие люди спрашивали: «Что ты будешь говорить, ведь нельзя так говорить». Я им отвечала: «Я и сама не знаю, что я буду говорить». На работе я боялась встречи с директором. Но он мне ничего не сказал и больше никогда об этом не упоминал. Сильны молитвы старца, и так творились чудеса.

Инокиня Анна

Батюшка говорил, что земля Русская никогда, то есть до Страшного суда, не оскудеет великими старцами благочестия, молитвенниками и наставниками, подобно древним.

Схиигумен Херувим Дегтярь

Когда батюшка отец Лаврентий лежал на смертном одре, то пришла проститься с многими сестрами обители игуменья Антония. Все плакали, просили прощения, благословения и святых молитв. Батюшка, обратясь к игуменье Антонии, сказал: «Береги своих чад и сестер и люби». И сестрам сказал: «А вы слушайте свою матерь игуменью. Кто не будет слушать, тот повредит спасению своей души».

Во время болезни батюшки отца Лаврентия пришел епископ Иаков и сказал: «Батюшка, Вам нужно принять постриг в схиму». Батюшка ответил: «Нет, святый владыко, пусть будет так как есть». Епископ Иаков отошел от батюшки, со скорбью говоря: «Великий старец, не знаю, почему он отказался от схимы? Ведь все старцы великие и подвижники благочестия принимали святую схиму. Жаль мне великого старца».

Батюшка заповедал, в случае своей смерти, сразу позвать к себе схимонахиню Гавриилу. В тот же час пришла матушка Гавриила и принесла схиму на распростертых руках. Пришел владыка Иаков, увидев матушку Гавриилу, стоящую и держащую схиму на руках, и с удивлением и радостью духовной сказал: «Слава Богу! Батюшка — схимник».

И тут же матушка Гавриила засвидетельствовала, что батюшка давно уже схимник и постриг в схиму совершил священномученик Пахомий, схиархиепископ Черниговский. Батюшку одели в схиму.

Батюшка жил скромно и смиренно, не говорил, что он схимник, не носил напоказ схиму и никогда на голову не надевал куколь. Лишь редко кто-то из монахинь говорил втихую, что дорогой батюшка — схимник. Батюшка на голове носил всегда клобук.

После блаженной кончины схиархимандрита отца Лаврентия игуменья Антония ежедневно до сорока дней служила

парастасы и заупокойные литургии. Делала трапезные обеды для странников и богомольцев. Раздавала много милостыни по монастырям и церквам для помина. 7 января по старому стилю всегда в Троице-Ильинском монастыре были парастас и заупокойная литургия по батюшке, совершаемые Черниговским архиепископом. На поминальном обеде были добрые воспоминания о почившем батюшке, рассказывали владыка, игуменья, отец Никифор и отец Антоний. Остальные молчали. Игуменья посмотрела в окно и сказала: «Там ходил батюшка, — и тихо добавила архиепископу Андрею: — Отец Лаврентий архиереев Симона и Иакова называл подвижниками и молитвенниками, и еще таковые будут. Но будет в городе Чернигове архиепископ исповедник и будет в России гонение», — и заплакала, и у владыки тоже появились слезы на глазах... И игуменья сказала: «Жду я разгона монастыря, а потом будет расцвет».

Похоронен схиархимандрит Лаврентий в низу Свято-Троицкого собора монастыря в усыпальнице перед гробницей архиепископа Филарета Черниговского, а по сторонам похоронены другие архиереи.

На Архиерейском соборе схиархимандрит Лаврентий Черниговский был причислен к лику святых. 9 августа (старый стиль) / 22 августа (новый стиль) 1993 года были открыты святые цельбоносные и чудотворные мощи преподобного и Богоносного отца нашего Лаврентия и перенесены из усыпальницы Троице-Ильинского монастыря и поставлены в соборе Пресвятыя Троицы бывшего монастыря. Открытие и перенесение святых мощей совершил блаженнейший Владимир, митрополит Киевский и всея Украины, со участием преосвященных архиереев.



ПРЕПОДОБНЫЙ СЕВАСТИАН КАРАГАНДИНСКИЙ (1884—1966)

Свой монашеский путь преподобный Севастиан начал в Оптиной пустыни, келейником старца Иосифа, в котором обрел великого духовного наставника. После кончины преподобного Иосифа он становится келейником преподобного Нектария. После закрытия Оптиной и смерти старца Нектария преподобный Севастиан служит в приходских храмах, в 1933 году начинается и его крестный путь — ссылки, лагеря, преследования и гонения. В 1939 году, после освобождения из заключения, его духовные чада покупают домик в Караганде, где и поселяется преподобный Севастиан. Постепенно в этом районе поселилась целая община духовных чад старца. Когда в 1955 году в поселке разрешили открыть храм, преподобный Севастиан стал его настоятелем.

В маленький поселок приезжали не только многочисленные паломники, но и владыки. Митрополит Алма-Атинский и Казахстанский Иосиф, сам пробывший двадцать лет в лагерях и ссылках, говорил: «Батюшка насадил здесь виноград, который потом и слезами вырастил».

Духовные беседы преподобного Севастиана Карагандинского

О МОЛИТВЕ

О молитве батюшка говорил: «Молиться можно на всяком месте, во всякое время: стоя, сидя, лежа, во время работы, в пути. Только разговаривать в храме грешно».

Строгие замечания делал разговаривающим в храме во время службы, особенно монашествующим. Иногда даже в облачении выходил из алтаря и делал замечание.

Напоминал не раз, что, заходя в автобус, самолет, легковую

машину и так далее, необходимо молча перекреститься, не взирая ни на кого, даже на смех других. Ради одного, двух или трех человек верующих могут и другие быть спасены от грозившей беды. Пример к этому был такой: несколько женщин из дальней местности вечером после службы собирались ехать домой автобусом. Батюшка, благословляя их, долго молился перед иконой Пресвятой Троицы, и все это заметили. И что же случилось? В дороге, когда автобус спускался с перекидного моста, водитель заметил впереди на дороге что-то черное и затормозил так сильно, что автобус перевернулся с моста на землю и снова стал на колеса. Все это так быстро произошло, что пассажиры даже не успели понять, в чем дело и что с ними случилось. Все были живы и невредимы, кроме одной девушки и кондуктора, которые получили небольшие ушибы.

Живущие с батюшкой сестры замечали не раз, как батюшка вдруг подходил к святому углу и начинал молча молиться. Это признак, что откуда-то издалека дошла к нему молитва о помощи. Впоследствии это открывалось. Так, например, за четыре тысячи километров от Караганды, в городе Тамбове, девушку, которая поздно шла с работы, стал преследовать мужчина, и она кричала: «Батюшка, спаси!» И была спасена добрыми людьми.

О крестном знамении батюшка делал замечание: «Крестное знамение надо полагать правильно, со страхом Божиим, с верою, а не махать рукой. А потом поклониться, тогда оно имеет силу».

О СМИРЕНИИ, О ГОРДОСТИ, О ВЕРЕ

Батюшка часто напоминал о прощении обид друг другу и непамятозлобии, говорил: «Бог гордым противится, а смиренным дает благодать». А о гордых: «Ярому коню — глубокая яма». И были случаи, когда за гордость, непослушание, самомнение люди совершали падения и терпели искушения.

У одной из хористок, по имени Александра, певшей в батюшкиной церкви, как-то вдруг резко и ярко «прорезался» сильный и красивый голос. И она возгордилась — стала

высокомерной, стала кичиться своим голосом и унижать других. Наши матушки, и особенно мать Варвара, в деликатной форме делали ей замечания, но Шура не слушала их. Однажды в Пасхальную ночь батюшка Севастиан послал ее вместе с другими петь в часовне Пасхальную утреню, так как весь народ в церкви не вмещался и утреню служили еще в часовне во дворе. Но Шура идти наотрез отказалась. Все были удивлены ее отказом и советовали послушаться батюшку. Но Шура не слушалась. Тогда батюшка очень строго сказал: «Шура, не гордись, Бог отнимет голос и петь ты не будешь!» Как в воду глядел батюшка! В скором времени она заболела, попала в больницу, а когда вернулась, петь уже не могла — у нее пропал голос. Батюшка и все окружающие очень жалели Шуру, но здоровье и голос к ней так и не вернулись.

А с простыми, смиренными людьми, по батюшкиным молитвам, Господь чудеса творил. Одна девушка еще в детстве заболела глазами (опухли и как бы совсем заросли). Врачи отказались лечить. Тогда она обратилась к батюшке, который благословил отслужить молебен с водосвятием перед иконой Скорбящей Божией Матери и святой водой промывать глаза. И, к радости всех, опухоль исчезла, глаза открылись и стали видеть как прежде.

Кто приходил со смирением и верой, что Бог, молитвами батюшки, поможет им в делах, тех принимал быстрее и говорил полезное для них. А кто без страха Божия и без веры приходил, а просто ради любопытства или празднословия, тех совсем не принимал и строго говорил: «Я ничего не знаю, я грешный, больной и неграмотный человек, как и все. Что я, прозорливый какой, что ли?» «У вас есть свои священники», — если люди из другого прихода, близ находящегося.

Однажды среди беседы о нравах людей батюшка сказал и даже указал: «Вот этих людей нельзя трогать, они, по гордости, не вынесут ни замечания, ни выговора. А других, по их смирению, можно».

Иногда пробирал одного кого-нибудь при всех (бывало, даже не виновного, но смиренного и терпеливого), чтобы

вразумить тех, которым нельзя сказать о проступках и недостатках прямо. Таких он сам не укорял и не обличал, и другим не велел, но ждал, терпел и молился, пока человек сам не осознает и не обратится с покаянием к Богу и к духовному отцу.

Более сильных духом смирял при всех, избавляя их от тщеславия и гордости духовной (при которых и добрые дела не приносят пользу душе, и сам человек может погибнуть для вечности). Те, кто понимал это, радовались такой чистке и тут же просили прощения и молитв об исправлении.

Бывали случаи, когда батюшка заставлял старших просить прощения у младших, обиженных смирял, а обидчиков защищал. В этом скрывалась духовная мудрость. И опытные понимали и не обижались.

Ценил батюшка, когда человек сам постепенно осознает свои недостатки, немощи, пороки. И, не надеясь на себя, просит Бога о помощи, об избавлении от них, о помиловании. И, раскаявшись, человек получает от Бога просимое, принимает со смирением и благодарением.

Когда кто подойдет с жалобой на ближнего, особенно по зависти или ревности, тогда все пропало. Он такой урок задаст испытательный и смирительный и такое лекарство духовное предложит, что не обрадуешься и не захочешь в другой раз жаловаться. Такие жалобы батюшка старался искоренять во всех, как недуг душевный.

С наговорщиками и клеветниками иногда поступал очень мудро: наказывал оклеветанных еще более, чем ожидал оклеветавший, тем самым вызывал в нем чувство стыда и отучал клеветать на ближнего.

Когда же кто подходил к батюшке с тайным гневом на ближнего, желая найти себе защиту у батюшки, себя оправдать, а ближнего обвинить, то такого вместо защиты батюшка проберет при всех и смирит за его гордые помыслы и дела.

В случае обид или недоразумений приучал просить друг у друга прощения и не злопамятствовать, особенно перед причастием. И приводил пример всем известный о двух собратьях — Тите и Евагрии.

Иной раз указывал, у кого и в чем проявляется гордость (начало всех грехов): у одних в походке, у других в голосе, у третьих духовная гордость сокрыта — что самое опасное и вредное для человека и что необходимо осознать и открыть духовному отцу. Только Господь, за молитвы духовного отца, раскроет все тайники души человеческой со всеми изгибами, и все таящиеся в ней змеи выползут наружу, к удивлению и ужасу самому себе и другим.

«К каждому нужен свой подход. Что одному можно сказать на пользу, то другому то же самое может быть во вред». Часто говорил: «Терпите друг друга немощи и недостатки — в этом спасение. Огонь огнем не тушат, а водой. А зло побеждается любовью!»

Когда без благословения сходились на жительство две молодые или две старые, но состоятельные, батюшка, бывало, скажет: «Нет бы пожилой и состоятельной взять к себе помоложе девушку или вдовушку, которая трудилась бы и за ней ухаживала, слушалась и приучалась ко всему доброму». Молодым жить вместе вовсе не благословлял. И не уживались те, кто сходился, потому что не уступали одна другой, и не научались ничему доброму. Но одной жить тоже никого не благословлял, особенно гордых и своевольных. Указывал на опасность такого жития. В пример приводил рассказ о блестящем гвозде, который на пороге ногами трется. А другой заржавевший в углу где-нибудь лежит, и никто его не трогает. И добавлял поговорку: «Вместе живущие друг о друга трутся — и все спасутся».

О гордости, самонадеянности, самоуверенности приводил в пример притчу Оптинских старцев: «В летний теплый день летит жук и гудит: «Мои поля, мои луга, мои леса...» Но вот подул ветер, полил дождь, жук прижался под листком и жалобно пищит: «Не спихни меня!»

Одна душевнобольная оскорбляла батюшку при всех, обзывала его и его чад и тех, кто ухаживал за ней, тоже оскорбляла. А батюшка спокойно ответил ей: «А ты думала я какой? Вот такой я и есть! Ну найди себе лучше меня!»

Часто на вопросы: «Как нам жить?» — отвечал словами

Оптинского старца Амвросия: «Жить — не тужить, никого не осуждать, никому не досаждать и всем мое почтение».

На немирствующих между собой словами тех же Оптинских старцев, бывало, скажет: «Друг о друга трутся и все спасутся!» «Терпение и труд все перетрут». А возмущения, недоразумения в семье или между одинокими людьми называл: «Плевки от врага». Когда враждующие примирялись, тогда сами осознавали, что это так.

О БОЛЕЗНЯХ

Жалующимся на болезнь иногда скажет: «Одно пройдет, другое найдет!» «Болеть нам необходимо, иначе не спасемся. Болезни — гостинцы с неба!»

В утешение старым и больным, скорбящим, что не могут в храм Божий ходить: «Благословляю молиться умом молча: «Господи помилуй», «Боже, милостив буди мне грешной». Господь услышит. Терпи болезни без ропота. Болезни очищают душу от грехов».

Пожилым людям отвечал иногда словами пророка Давида: *Семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь.* Молодые болеют, а старым как не болеть, когда организм, как одежда, обветшался от времени».

Иные думают поправить здоровье и продлить себе жизнь, вкушая вино и мясную пищу. Батюшка, бывало, скажет: «Нет, мясная пища бывает полезна при здоровом сердце и желудке, а в противном случае она только вредна. Растительная пища легко усваивается при больном организме и потому полезна». И себя в пример приводил: несмотря на множество болезней, мясной пищи не вкушал, а дожил до преклонных лет. И потом добавит: *Ни одной пищей жив человек.*

Внушал батюшка беречь свое здоровье. В большие холода одеваться и обуваться потеплее, хотя это и не модно. «Берегите свое здоровье, оно — дар Божий. Злоупотреблять своим здоровьем грешно пред Богом».

Некоторым молодым людям, ввиду их слабого здоровья, батюшка не давал благословения учиться дальше десятого

класса. «Выучишься, а здоровье потеряешь. А без здоровья какой ты работник? И плюс духовное опустошение — душа потеряет последнюю искру Божию!»

В зимнее время, особенно к празднику Рождества Христова, не благословлял белить в домах, оберегая здоровье своих чад и их дома от сырости. Только уборку сделать — и все. Бывало, скажет: «У нас в монастыре побелку и чистку помещений делали только к Пасхе».

На курорты или в дома отдыха ездить не советовал: «На эти деньги на месте, дома лечись, отдыхай и почаще в храм Божий ходи». И еще говорил: «В болезнях благодарите Бога!» И жалующимся на болезни иногда скажет: «А как же ты хочешь спастись? Другого пути нет». «Два царствия тоже никто не наследует. Кто здесь поживет для плоти в свое удовольствие, забывая о душе, лишается Царствия Небесного».

Немало было случаев, когда подходили к батюшке с жалобой на какую-нибудь болезнь. На что он одному скажет: «И я болен. И у меня болит». И добавит: «Пройдет!» И все проходило, выздоравливал человек. А другому скажет так же, но не добавит слова «пройдет». Значит, не пройдет.

В тех случаях, когда кто-нибудь страдал головной болью, батюшка советовал брать маслице от лампады перед иконой «Усекновение главы Иоанна Крестителя» и мазать им голову, а также служить Иоанну Крестителю молебны.

Бывали случаи, на чью-нибудь просьбу: «Батюшка, помолитесь, зубы болят», он ответит: «А ты не бранись с ближними, живи мирно, и не будут зубы болеть!»

Про некоторых психически или душевно больных, одержимых батюшка говорил: «Кто из них выздоровеет, кто временами будет опять попадать в больницу, а кто останется в таком положении до смерти». Некоторых одержимых утешал, убеждал терпеть с Божией помощью «...и уподобитесь мученикам, без мытарств войдете в Царствие Небесное».

Бывало, заболеет кто-нибудь, лежит дома и думает: «Вот бы батюшка с кем-нибудь передал бы от себя хотя бы сухарик! Мне бы сразу стало легче». И что же? Вскоре кто-нибудь приходит и приносит гостинец от батюшки к великой радости болящего. И тот сразу чувствует себя легче.

Иногда говорил: «Почему иные люди почти всю жизнь страдают, болеют, терпят скорби, обиды и так далее? За родительские и прародительские грехи. Эти страдальцы как живая жертва приносятся во искупление родительских и прародительских грехов».

ОБ УХОДЕ ЗА БОЛЬНЫМИ И О СОСТРАДАНИИ

Батюшка внушал не забывать страждущих и больных, особенно в больнице лежащих, быть чуткими, сострадательными к ним — может, и сами такими будем. Многим молодым девушкам благословлял работать в больнице. «Самое жестокое сердце, глядя на таких страдальцев, может смягчиться и сделаться сочувственным и сострадательным к ближнему. От этого зависит спасение души».

Тех же, кто завидовал богато живущим, частенько брал с собой на требы к самым бедным вдовам с детьми, живущим в землянках. И скажет: «Вот посмотри, как люди живут! А ты любишь смотреть на хорошие дома и богато живущих и завидовать тому, в чем нет спасения. Вот где спасение! Вот где школа сострадания и доброделания! Для искоренения зависти надо смотреть на хуже тебя живущих, тогда мир будет в душе, а не смущение. И завидовать перестанешь».

Говоря о пользе нестяжания, батюшка приводил в пример одного своего знакомого священника, у которого, после его кончины, ничего не осталось: ни денег, ни вещей. «Как хорошо! Как легко умирать, когда нет ничего лишнего! И будет приют в Царстве Небесном».

Поскольку батюшка сам был милостивым, сострадательным к больным и неимущим, то и других тому же учил: «В этом и заключается наше спасение». «Если сам ты не милуешь ближних и, что еще хуже, не прощаешь, то как у Господа будешь просить себе милости и прощения?»

Но не без рассуждения батюшка милостыню подавал и других предупреждал. Особенно пьяниц избегал. Не одобрял скупость и расточительность без нужды. «Во всем держаться золотой середины».

Бывали и такие случаи: люди, на попечении которых находились больные родственники, начинали тяготиться ими, обижать и доводить до слез. И даже если они жили на далеком расстоянии от батюшки, он провидел это духом и внезапно являлся в эту семью. Утешал больного и обиженного, примирял всех и молился, чтобы Господь даровал терпение и любовь, как больным, так и ухаживающим за ними во спасение души.

О ПРИЧАСТИИ И ПОСТЕ

Строгие выговоры делал тем, кто самочинно, без благословения, постится перед причастием (то есть по один-два или три дня не вкушает пищи). Таких даже не допускал до причастия. А слабым и немощным даже на ночь перед причастием благословлял выпить чашечку кипяточка и кусочек булочки съесть, чтобы не ослабли и не сделалось им плохо к утру.

Слабым и больным желудком или легкими разрешал в пост, по принятии Святых Таин, вкушать молоко или чай с молоком, как лекарство. Но после сказать на исповеди священнику, что по болезни и немощи это допускал, и у Бога просить прощения.

Старым монахиням, которые на обедах в миру вкушали мясную пищу, нарушая устав (когда в таком возрасте и постной-то пищи нужно употреблять меру), батюшка строго об этом напоминал. А молодым не возбранял кушать мясное до определенного возраста, а потом постепенно приучал отвыкать. Батюшка во всем ценил умеренность.

Не раз говорил: «За несоблюдение без причины постов, придет время — постигнет болезнь. Тогда не по своей воле будешь поститься. Господь попустит за грехи.

С сожалением говорил о тех, кто редко бывает в храме, редко или совсем не причащается (особенно пожилые). Как пример, указывал на тех, кто живет рядом с храмом: «Просидят на лавочке всю службу, но в церковь не придут, хотя христианами зовутся! Другие же люди, живя от храма в отдаленных местах, за много километров, находят время ради

спасения души приезжать в церковь в праздники и молиться». Сожалел также, что мало ходит в храм мужчин: «Почти одни женщины бывают, а где же мужчины?» Иногда кто-нибудь скажет: «В этом году людей в церкви прибавилось!» А он ответит: «Это не наши, а приезжие люди. А с нашего Нового города как никто не ходил, так и не ходит, кроме нескольких женщин».

Иногда Великим постом кто-нибудь скажет: «Много сегодня причастников было». А он ответит: «Причастников много, да причастившихся истинно не много».

«Не нужно гордиться тем, кто своевременно причащается, и не отчаиваться тем, кто по обстоятельствам не может этого делать. Бывает, лишь перед самой кончиной человек сподобляется причаститься во спасение души».

Часто говорил: «Не дорого начало, не дорога середина, а дорог конец». И много приводил поучительных примеров, когда кто в начале духовного пути горячо возьмется молиться, поститься и прочее, да еще без благословения, но впоследствии охладевает и оставляет этот путь. А другие идут умеренно, с постоянством, терпением, и превосходят всех. Батюшка ценил во всем середину и говорил: «Царским путем все святые отцы шли».

«Кто идет с самого начала постепенно, не делая скачков с первой ступени через две-три, а постепенно переходя с одной на другую до конца не торопясь, тот спасается».

«Умеренность, воздержание, рассуждение, своевременность, постепенность полезны всем и во всем».

Были случаи, когда по незнанию некоторые новенькие подходили к Святой Чаше не исповедавшись. Батюшка сразу строго спрашивал: «А вы исповедовались?» И не допускал до причастия. А после службы доведет до сознания человека, как надо готовиться к принятию Святых Таин. Особенно не мирен бывал на тех, кто без уважительной причины опаздывал на службу и требовал исповедать его и причастить без должного приготовления, и это при добром здоровье. «Так только больных можно причащать, а вы при добром здравии

и имеете за собой множество грехов. Неужели не можете выбрать время, чтобы приготовиться, очистить себя покаянием, прийти вовремя в храм, выслушать правило и службу, и, исповедавшись, подойти со страхом Божиим к Чаше!» И не допускал таких до причастия. Прибавлял еще: «Подойти к чаше Святых Таин — это не все равно что подойти к столу к чашке супа или к чашке чая».

Очень досадовал на тех больных или их родственников, которые зовут священника причастить Святых Таин, когда у больного уже и язык не ворочается, и рассудок потерян. В одних случаях виноваты родные, в других — сам больной, не имея веры, с упреком отговаривался: «Что, вы меня хоронить хотите?» Такое суеверие, что после причастия Святых Таин он умрет.

Был случай, когда совсем недвижимого молодого человека стали соборовать. И ему так казалось (как сам он рассказывал), что кончится соборование и к нему подойдут прощаться жена и дети, как к умирающему. А Бог дал, что после соборования и причастия Святых Таин он стал поправляться, совсем выздоровел, стал работать и в храм Божий ходить.

Батюшка Севастиан был недоволен теми, кто не желал собороваться из-за убеждения, что соборуют только умирающих. А другие имели суеверие, что после соборования по земле нельзя ходить, на что батюшка недовольно скажет: «Ну летай тогда, раз ходить нельзя». И молодым батюшка благословлял собороваться, потому что почти все душевно и телесно больные, а соборующиеся с верой получают исцеление, подкрепление и прощение забытых грехов.

О ПОЧИТАНИИ ПРАЗДНИКОВ И СВЯТЫХ

Батюшка часто убеждал в скорбях, болезнях и искушениях призывать в молитвах всех святых угодников Божиих, чтить их память. Так же чтить день своего Ангела, имя которого носишь, но не день рождения.

Батюшка был не доволен теми, кто отмечал день своего рождения, а не день Ангела. И приводил в пример Ирода,

который во время пира в день своего рождения велел отсечь главу святому Иоанну Крестителю.

Очень огорчался батюшка тем, что в народе больше почитались праздники чудотворных икон Божией Матери, чем двунадесятый праздник Рождества Пресвятой Богородицы, в день которого народа в храме бывало мало.

Ради того, чтобы почтить Рождество Божией Матери, был освящен Престол в честь этого праздника, в связи с чем на праздник приезжал архиерей и было большое торжество.

Также за годы своего служения батюшка довел до сознания прихожан значение и величие святого апостола Иоанна Богослова и научил их приходить в храм в день его памяти. Часто говорил: «Ведь у вас в семьях нет мира и любви между вами. А кто вам поможет, как не он, святой Иоанн Богослов, апостол любви?» «Дети, любите друг друга!»

Часто умолял и очень строго предупреждал, во избежание наказания Божия, не ходить в праздники на базар, по магазинам и прочее. Приучал дорожить праздничными церковными службами, не менять их ни на что житейское, душевредное. «Только в церкви человек обновляется душой и получает облегчение в своих скорбях и болезнях».

Очень следил за тем, чтобы в двунадесятые праздники в храме все было торжественно и празднично и чтобы люди по-праздничному были одеты, хоть не в новое, но в светлое. А так же пищей постараться отметить праздничный день. А постом или в будничный день делал замечание тем, кто одевался в светлое без причины к этому. Был внимателен во всем — и в духовном и в земном, житейском.

Так же следил, чтобы свечи были чисто восковые, особенно в алтаре. «На ароматный запах восковых свечей сходит Благодать Божия» — так говорил батюшка и ценил трудолюбивую пчелку. Часто ставил ее в пример нам, ленивым и нерадивым: «Сколько она пользы приносит: Богу — воск, а человеку — мед лекарственный». И детям, не почитающим родителей, а особенно мать, ставил в пример, как пчелки оберегают свою матку: жалеют ее и в случае ее болезни слетаются над ней и машут крылышками, чтобы ей легче было.

Батюшка не раз убеждал, что для церкви нужно доставать предметы самые лучшие, а для себя оставлять похуже. «А у нас наоборот: себе получше, а для храма похуже». И трудиться по совести, как можно лучше.

ОБ ИКОНАХ

Батюшка ни под каким видом не благословлял принимать от прихожан искаженных икон (то есть написанных не по канонам, небрежно, с искаженными ликами). А если дарили иконы старинные, но местами поврежденные, отдавал их подправить и затем дарил иконы тем, кто в них нуждался. Он очень ценил старинные иконы. Когда кому-нибудь дарит на молитвенную память икону, то, бывало, скажет: «А ведь это старинная икона, писанная красками». Не допускал украшать иконы яркими бумажными цветами.

Приезжая с треб, батюшка часто сокрушался о том, в каком небрежении в домах находятся иконы. Если имеется одна или две иконы, то и те закопченные, в пыли, где-нибудь в дальнем углу повешены под грязной занавеской, чтобы никто их не видел. А фотографии свои и своих детей чуть ли не в самом святом углу повесят.

О ПОРЯДКАХ В ХРАМЕ

После службы батюшка благословлял сразу же открывать двери и отдушины, чтобы проветривать помещение. Было даже составлено расписание для сторожей и дежурных: на сколько часов открывать после службы и за сколько перед службой (учитывая погоду и время года). От техничек требовал не поднимать пыли во время уборки, беречь иконы и позолоту от пыли и копоти. Наблюдал за всем обслуживающим персоналом и видел, кто как трудится: кто добросовестно, а кто с леностью и небрежно. По ночам из окошечка своей кельи присматривал за сторожами и, бывало, скажет: «Вот этот сторож всю ночь ходил по двору, я видел из окошечка». А про другого скажет: «А этот всю ночь не выходил

из будки, значит, спал, а не дежурил». И таких не велел держать. Так же наблюдал за всем, что делалось в храме и на церковном дворе хорошего и плохого и что требовало исправления. Кто быстро, без страха Божия ходил по церкви, да еще руками размахивал, толкал других или даже во дворе на улице так себя вел, тем делал замечание при всех в назидание всем. Особенно тем, кто позволял себе бегать, топать ногами, шуметь, подражая блаженным. Это батюшка запрещал строго. По походке и внешним движениям он видел характер человека, внутреннее состояние его души. «Ходить надо тихо, спокойно, не шагать широкими шагами, не топать ногами, особенно в храме, даже если спешишь. Ведь на нас смотрит мир и пример берет». С Херувимской песни до конца обедни запрещалось всякое движение в храме (и торговля свечами, и записи треб, и прочее), батюшка приучал оставаться в храме до конца молебна, поэтому только после молебна давал прикладываться ко кресту. Часто повторял: «Все мы старые, слабые, немощные, больные, неповоротливые и все делаем медленно. Поэтому и служба долго идет. А где молодые священники — сильные, крепкие, там все быстро делается и скорее отходит служба». (Да не к радости, теперь уже убедились.)

О ПЕНИИ

Пение хора любил молитвенное, умилительное. «Это не угодно Богу — кричать, да еще и ногами притопывать. Бог не глухой, Он все слышит и помыслы наши знает».

За чтением и пением хора батюшка очень внимательно следил, чтобы читали и пели со страхом Божиим, благоговейно и молитвенно. Не терпел выкриков, когда один заглушает всех. Ценил труд и терпение певчих, дорожил ими и, как мог, уделял внимание. В праздники угощал чаем, раздавал гостинцы. Особенно любил батюшка раздавать головные или носовые платки. Иногда так дораздается, что ничего больше не останется. Тогда дает кому-нибудь денег, чтобы купили платков для раздачи.

ОБ ОДЕЖДЕ

Пробирал тех монахинь, которые любили напоказ одеваться в монашеское, или мирских вдов и девиц, одевающихся в черное. Говорил: «Лучше всего одеваться в синий или серый цвет, скромно. Черное не спасет и красное не погубит». Молодым советовал одеваться в пестрое, чтобы не подозревали на работе и не поносили напрасно.

Говорил еще: «Молодые не должны уделять своей внешности большого внимания. Не надо им слишком за собой следить: ни часто мыться, не одеваться со вкусом, а небрежнее, не смущая свою душу и совесть, чтобы и для других не быть камнем протыкания. Сам хочешь спастись и другим не мешай. А старенькие должны быть чистыми и опрятными, чтобы ими не гнушались и не отворачивались от них».

О СИРОТАХ

К сиротам относился с большим сочувствием и состраданием. При встрече с такими сначала накормит их, утешит, с ног до головы осмотрит — кто в чем одет и обут, расспросит обо всем и поможет словом, делом и молитвой. Как родные отец и мать, позаботится.

О ВОСПИТАНИИ ДЕТЕЙ

Иногда батюшка говорил о брачных узах и о супружеских обязанностях: о верности, доверии, о терпении в случае болезни одного из супругов или детей. Упрекал неблагодарных детей, напоминая им заботы родительские: их труд, любовь, безсонные ночи у колыбели во время болезни, страх за жизнь и здоровье детей. «Господь лишит таких детей счастья», — говорил батюшка. «Чти отца и матерь, да долголетен будеши на земли». В пример ставил тех детей, которые чтили своих родителей при их жизни и по смерти молятся о них.

Неоднократно предупреждал родителей, которые чуть не с

младенчества приучают детей к своеволию и самолюбию: «Теперь не дети идут за родителями, а родители за детьми». И приходилось наблюдать, как мальчик тянет за руку бабушку или мать: «Пойдем домой или на улицу!» Только бы уйти из храма. И родители слушались и уходили.

Не раз и не два батюшка делал замечание родителям за чрезмерное пристрастие и привязанность к своим детям, за то, что родители готовы чуть не молиться на них вместо Бога. «Сами простые крестьяне малограмотные, одеваются и обуваются абы во что и абы как, недоедают ради того, чтобы своих детей одеть, обуть и выучить наравне с городской интеллигенцией. А дети, выучившись, начинают презирать неграмотность и нищенское одеяние своих родителей, даже стыдятся их».

Митрополит Иосиф (Чернов), тот убеждал родителей с младенчества приучать детей не убивать живых существ, начиная с таракашки, букашки, птички, кошки, собачки. Потом и до человека дойдет, и даже самих родителей не пощадят от жестокости. «Приучайте любить и жалеть всякую тварь Божию, и не обижать. В том числе и растения». Но нашлись ретивые мамаши, которые посмеялись над проповедью владыки Иосифа: «Что это за таракашки-букашки?» Они даже смысла не хотели понять, не то что детей полезному учить. (Может, какая впоследствии и поняла, когда в ожесточении выросший сын или внук задал ей урок по ее воспитанию.)

О ПОСЛУШАНИИ

Бывали случаи, когда приезжие, во избежание неприятностей на работе и дома, торопились скорее уехать. Но вопреки их желанию, батюшка задерживал их на один-два дня. Те, кто слушался и оставался, благополучно возвращались, и все обходилось у них хорошо, и дома, и на работе. А тех, кто не слушался и уезжал, постигали неприятности в дороге, дома или на работе. И они раскаивались, что ослушались батюшку.

Под праздники никого не благословлял в дорогу, а уезжав-

шие по своей воле тоже не избегали скорбей и неприятностей.

Батюшка не одобрял тех, кто своевольничал, и исход их дел был печален. Одна из пожилых девушек задумала без благословения выйти замуж. Об этом другие сказали батюшке, и он ответил: «Какой там муж? Шпана!» И ее саму просили и умоляли не выходить за него: «Выйдешь — будешь страдать!» Так точно и получилось впоследствии.

Бывало, батюшка скажет при всех: «Кто не приучится слушать родителей, равных и старших себя, и даже меньших, тот, выросши, никого слушать не будет, и его потом никто никогда не послушается».

ОБ ОТПЕВАНИИ

Батюшка сокрушался о тех людях, которые, потеряв близкого человека, до отчаяния, до истерии доходили, поднимали крик и вопль у гроба умершего. Батюшка скажет, что это неверующие люди. «Тяжело умирать человеку, не имеющему веры, оставляя родных и богатство, а неверующим родным терять близкого человека, в котором полагали все свое земное счастье. Господь посекает их надежду, а они не понимают Божия произволения. Среди верующих родственники хотя и плачут по покойнику, но сдержанно, и скорбят, но умеренно. Все растворено молитвой и надеждой на помощь Божию. Верующий умирает спокойно, как засыпает, и по смерти на лице его запечатлевается последнее целование Ангела-хранителя».

После отпевания неверующего или нечаянно умершего человека иногда не вытерпит, скажет: «Как тяжело отпевать таких!» (Умерших без покаяния и причастия Святых Христовых Таин отпевал только ради утешения их близких.) И тем, кто читает Псалтирь над неверующими покойниками (ради утешения их родственников), то же самое говорил: «Как тяжело читать по ним Псалтирь!»

Если батюшка отпевал пожилого человека, благочестиво прожившего жизнь, то, бывало, после отпевания скажет:

«Колос зрелый в житницу вечную канул!» А о другом скажет другое. Ему была известна участь души умершего.

Особенно сокрушался за умерших младенцев, которых ни очно, ни заочно никто не отпевал. «Крестить еще принесут, а отпевать — очень редко. А разве мало их умирает?»

Бывало, кто-нибудь из певчих, жалея батюшку, предложит заочное отпевание покойника отложить на следующий день, но батюшка строго ответит: «А вы знаете, как ему там? Отложить-то можно, но можно и самому умереть, и душа останется не отпетой».

Много раз убеждал на поминки не брать вина, а тем паче водки. «Постом — постной пищей поминайте, а в обычные дни — тоже попроще и не много блюд. Покойникам этого не требуется». А бедным благословлял три-четыре человека накормить горяченьким чем-нибудь и все».

Одной скорбящей женщине, потерявшей единственного сына, на ее слова: «Жаль его, он был хороший, послушный, со всеми обходительный и верующий». — Батюшка ответил: «Вот и хорошо, что у тебя на всю жизнь останется о нем добрая память. Остался бы жив, через год или два спился бы с друзьями, и навеки душа погибла бы».

«А шахтеры, если бы не ругались и имели страх Божий, были бы как мученики, спускаясь под землю работать, как на смерть. Как знать, выйдет он оттуда живой или нет?»

О БАТЮШКИНОЙ ИСПОВЕДИ

Идет, бывало, к батюшке человек с тяжестью на душе, с обидой на кого-нибудь и помыслы бьют его как молотком: то скажи батюшке, другое скажи. А стоит только увидеть батюшку и получить благословение — все исчезает как дым, и тяжесть и мысли. От его ласкового, теплого взгляда согревается душа и сердце. Становится легко, радостно — и говорить-то нечего, и не на кого жаловаться — все стали хорошими. Как из-за черной тучи выйдет солнышко, обогреет и осветит всех, грешных и праведных. И при свете этих лучей человек осознает, что сам он хуже других.

Когда говорили о видениях, он один ответ давал: «А я ничего не вижу!» И приводил слова святых отцов, что не тот выше, кто видит Ангелов, а тот, кто видит свои грехи.

О МНОГОСЛОВИИ

Не терпел, когда кто много говорит без дела и пользы, и, не дай Бог, с целью осуждения. Тут же даст понять и смирит. Сам же больше молча выслушивал и под конец одним, двумя словами на все давал ответ.

За многословие, а паче за пустословие делал замечание: «Знаю, что ты умеешь много говорить, — бывало, скажет кому-нибудь в назидание всех, — а у меня зубов нет и горло болит, потому мне трудно говорить». После многословия и пустословия остается такой тяжелый осадок, как кто песку насыпал на душу, даже после душеспасительных бесед.

Говорил еще батюшка: «Кто любит много говорить, празднословить и шутить, у таковых под конец жизни Господь отнимает речь». (Что в действительности наблюдалось за некоторыми.)

О СМЕХЕ И ВОЛЬНОМ ОБРАЩЕНИИ

Не терпел батюшка смеха и вольного обращения, особенно, если кто кого-то толкнет или дернет, а также шуток, насмешек и тому подобное. В пример приводил Спасителя, который никогда не смеялся, а плакал, чему свидетели были ученики Его. И Матерь Божию никто не видел смеющейся.

Не одобрял тех, кто хотя бы в шутку говорил неправду. «Говорите всегда правду и истину и не смейтесь. В смехе и вольности начало блуда».

О ПОМОЩИ БОЖИЕЙ И ПАДЕНИЯХ

Бывало, скажет: «До самой смерти бойтесь падений и не надейтесь на свои силы, а только на помощь Божию, призывая Его в молитве со смирением».

По поводу падения одной девицы (не из близких духовных) он сделал строгое наставление другим: «Запущенная, загноенная рана, скрываемая как от телесного, так и духовного врача, трудно поддается уврачеванию и исцелению. В самом начале искушéния, когда я мог бы помочь, вы скрываете и ничего не говорите мне. А когда залезете по уши в беду, тогда плачете и просите: «Батюшка, спаси!» А как я могу спасти, когда поздно уже!» И добавил: «Самая лютая страсть — блудная. Она может бороть человека на болезненном и даже смертном одре, особенно тех, кто прожил жизнь земную до старости невоздержанно. Эта страсть в костях находится, она безстыжее всех страстей. Никто сам по себе не может избавиться от нее. Только Господь может избавить, когда обращаешься к нему со слезами и сокрушенным сердцем. Помнить нужно об этой брани до самой смерти. Стоит только немного забыться, оставить молитву, потерять страх Божий, как она тут же даст о себе знать. Только непрестанная молитва, страх Божий, память смертная, память о суде, аде и рае отгонит ее».

Иногда на жалобы кого-нибудь на свои недостатки и немощи скажет: «Читай книги, там все найдешь!» И иным благословлял читать Жития святых, а другим — Творения святых отцов — кому что на пользу.

«В деле своего спасения не забывайте прибегать к помощи святых отцов и святых мучеников. Их молитвами Господь избавляет от страстей. Но никто не думайте своими силами избавиться от них. Не надейтесь на себя до самой смерти в борьбе со страстями. Только один Господь силен избавить от них просящих у Него помощи. И покоя не ищите до самой смерти».

Некоторым, жалующимся на безпокойство от людей, бесов, страстей и так далее, батюшка отвечал не раз: «Тогда может быть покой, когда пропоют: «Со святыми упокой...» А до этого не ищи покоя до самой смерти. Человек рождается не для покоя, а для того, чтобы потрудиться, потерпеть ради будущей жизни (покоя). Здесь мы странники, пришельцы, гости. А у странников нет покоя в чужой стране, в чужих делах.

Они, ступая шаг за шагом, идут вперед и вперед, чтобы скорее достичь родного отечества, то есть дома Божия, Царства Небесного. А если здесь, в земной юдоли скорбей, в мире удовольствий замедлить, то вечер (то есть закат дней) незаметно подступит и смерть застанет душу неготовой, без добрых дел, и времени их сотворить уже не будет. Смерть неумолима! Ни один богач богатством, ни сребролюбец деньгами, ни богатырь силой, ни царь, ни воин не могут откупиться от смерти, и никто из них не может взять с собой ничего, приобретенного ими. Наг человек родился, наг и отходит. Только вера, добрые дела, милостыня идут с ним в будущую жизнь, и никто не поможет: ни друзья, ни родные».

ОБ ОСУЖДЕНИИ

Строго запрещал батюшка осуждать и уничижать других священников (своих и чужих), не беря у них благословения. Таких он сам не благословлял. «Откуда я знаю, кто каков? Может, он лучше всех нас, а мы будем порицать его. Откуда мы знаем его душу?» «По внешнему виду и по поступкам судить — можно ошибиться, в чем большой грех».

«Что вы с моими священниками обращаетесь, как с мальчишками? На поклоны вас поставлю!» — так говорил тем, которые действительно обращались со священниками (молодыми и старыми), как с меньшими или равными себе.

Не терпел, когда кого хвалили, порицали или осуждали. Он в самом последнем и немощном найдет добрые качества, а в хваленых найдет отрицательные стороны, и смирит гордыню, и упразднит пустую славу.

Делал замечание некоторым «прозорливым»: «Я тоже вижу за людьми недостатки, но молчу, не обличаю. Лучше молча за людей молиться, чтобы сами свои недостатки осознали, а не обличать, как говорится, с плеча, от чего иные могут духом упасть и в отчаяние прийти».

Иногда батюшка скажет: «Других учить — что с колокольни камни бросать. А выполнять самому — как на колокольню камни таскать».

О ВОЗДЕРЖАНИИ

Приучал также всех к бережливости и воздержанию, особенно в неурожайные годы. Одна бедная вдовушка похвалилась, что ела дома жареную картошку. На что батюшка сделал замечание: «А у людей на суп картошки нет, а вы лакомились, тогда как вам тоже кто-нибудь дал Христа ради».

Бывали случаи, когда за обедом к чаю подавали сдобные булочки, да еще масло сливочное ставили. Батюшка, хотя не возражал, но и не прикасался к маслу. На него глядя, догадывались, что масло было излишеством и неумеренностью.

Иной раз хозяева приглашали садиться за стол одного батюшку. Он же не сядет, пока не пригласят всех присутствующих сесть за стол, тогда и сам сядет с ними.

Не одобрял, чтобы поздно ложились спать и поздно вставали. «Лучше раньше ложиться и вставать не позднее половины шестого. Приучаться к порядку, к постоянству».

Не одобрял батюшка тех, кто собирал лишнее, и не хвалил тех, кто расточал без рассуждения, отдавая все последнее и лишая себя необходимого. «Нужно придерживаться золотой середины, края же гибельны. Золотая середина во всем земном, а наипаче небесном, духовном. Кто быстро вперед забегает, того надо остановить. А кто по нерадению или немощи слишком отстает и не заботится о душевном спасении, тому помочь воспрянуть ото сна, идти наравне со средними, вперед не забегать и сзади не отставать».

Батюшка скажет: «В наших грехах и страстях не виноваты ни вино, ни женщины, ни деньги, ни богатство, как иные хотят себя оправдать, а наша неумеренность. Пьяницы винят вино, блудницы или блудники винят мужчин или женщин, сребролюбцы винят деньги, богатые винят богатство и так далее. Выходит, что если бы не было вина, женщин, денег, богатства, то грешники не грешили бы. Богом устроено все премудро и прекрасно. Но от неразумного употребления и пользования вещами получается зло».

Еще говорил не раз: «Зло находи в себе, а не в других людях или вещах, с которыми ты не сумел правильно обра-

щаться. Так и ребенок обращается с огнем или мечом: себя же жжет, себя же режет».

О СЕБЕ

Однажды на вопрос: «Зачем сюда собрались?» — одна в простоте сказала: «Чтобы на Вас посмотреть». Батюшка ответил: «На меня смотреть — у вас глаза плохие».

Часто напоминал церковному совету и письменно владыке о своем желании уйти за штат (в затвор) со словами: «Хватит покрывать крыши другим, тогда как своя раскрыта». Но ответ был один: «Служить до смерти».

Чувствуя близкую кончину, частенько напоминал, чтобы на священнические и руководящие должности ставили, хотя слабых, немощных, но своих. Тогда все будет без изменений, как при батюшке было.

Певчих в большие праздники гостинцами угощал. А после панихиды сам своими ручками раздавал все всем присутствующим со словами: «Это при мне так, пользуйтесь, у меня нет семьи».

«На что мне все это собирать, мне ничего не нужно». Но люди слезно просили хоть что-нибудь от них принять. И батюшка у одних брал, благословлял и возвращал им же. От вторых брал и тут же другим отдавал. А от третьих не брал совсем, несмотря на их обиды. А если оставят что-нибудь, он долго к этому не прикасался, а потом отдавал кому-нибудь нуждающемуся.

Просфорами охотно и с любовью оделял всех, особенно приезжавших издалека. На Пасхальной седмице после службы садился в церкви или в панихидной, возле него ставили корзинку с пасхальными яйцами, и он, благословляя, каждому вручал по пасхальному яичку, к радости и утешению всех.

О МОНАШЕСТВЕ И МИРЕ

Однажды говорил: «Между нами, монахами, и миром глубокая пропасть. Миру никогда не понять нашей жизни, а нам — их. Если бы монахи знали заранее, сколько их ждет

искушений и скорбей на узком, но спасительном пути, то никто не пошел бы в монастырь. А если бы мир знал о будущих благах монашествующих, то все пошли бы в монастырь».

«Почему разогнали монастыри? Потому что монахи стали разъезжать на тройках да одеваться в шерстянку. А раньше монахи носили холщовые подрясники и мухояровые рясы, трудились по совести. И те были истинные монахи. Какая-нибудь игуменья из дворян, а не из своих монахинь, быстро загоняла послушниц в Царство Небесное своим безсердечным к ним отношением и жестокостью. Бедные монахини разговлялись капустой, а игуменья, в угоду начальствующим, все им отдавала, а своих лишала необходимого».

Часто повторял слова: «Раб, знавший волю господина своего и не сотворивший ее, бит будет больше, нежели раб, не знавший воли господина своего». А некоторым прямо говорил: «Ведь ты знаешь все и Бога на мир променяла (или променял)». «Мир обещает злато, а дает блато». «Неженатый печется о Боге, а женатый — о жене». «Не связавший себя узами семьи всегда свободен. Одна забота — спасение души. Цель жизни — чистота, конец — Царство Небесное!»

Когда батюшка был помоложе и покрепче здоровьем, он отказывался от транспорта, говоря: «Я монах, должен пешком ходить, а не ездить». И ходил пешком на дальние расстояния, как то: поселки Федоровка, Мелькомбинат, Зелентрест, Кирзавод и так далее. И, бывало, скажет: «Любил я ходить на окраину Зелентреста с чайником за хорошей водой на родник. А по дороге пел: «Еже о нас исполнив смотрение!»...»

Две молодые девушки просили послушников доложить о них батюшке. На что батюшка, подумав, сказал: «Не знаешь, как поступить... Хорошо примешь — привяжутся еще к тебе, а не принять — обидятся!» Этими словами батюшка дал понять молодым людям, которые впоследствии стали священниками, что не безопасна чрезмерная привязанность со стороны молодых девиц к священникам и священников к молодым девицам. Но и грубость не безопасна. Опять — похвальная золотая середина. «Кто сумеет ее достичь с Божией помощью, тот многих искушений избежит».

Как-то в одном доме за чаем девушки сидели в одной комнате, а женщины в другой. (Бывало, что в назидание девушкам нужно одно сказать, а женщинам — другое.) Вдруг одна из женщин зашла в комнату к девушкам, где и батюшка сидел. Он строго посмотрел на нее и сказал: «Ведь здесь сидят одни девушки, а женщины в другой комнате, и ты садись там с ними». Она ушла недовольная, со слезами и обидой, на что батюшка сказал: «На что обижаться? Я ведь правду сказал, что ты — женщина — садись с женщинами. Я ведь не сказал, что она — мужчина, что же обижаться?»

Однажды за столом, где сидели и женщины и девушки, одна из женщин высказала замечание, что батюшка больше жалеет девушек, чем женщин. На что он, невзирая на лица, прямо сказал ей: «А ты сколько раз выходила замуж? Ты всякие утешения видела, а девушки — ничего! Рады супчик за батюшкой по ложечке докушать, что для них великое утешение составляет».

Часто напоминал следить за помыслами и чистотой сердца, не уподобляться юродивым девам, говорил: «Девство не спасет без добрых дел и чистоты сердечной». «Внешнее не пользует, если внутри грязь, страсти не изжиты». «За что Спаситель возлюбил Иоанна Богослова, как не за чистоту, целомудрие, любовь, верность, нежность и послушание! Все ученики оставили Иисуса Христа на кресте, один Иоанн Богослов безбоязненно стоял у креста». И не раз батюшка говорил еще: «Любовь выше всех добродетелей». «Бог есть любовь», «Без любви хоть тело отдай на всесожжение — все ничто». «Где любовь — там Бог». «Где Бог — там мир, согласие и тишина. Где нет любви — там противоречия, распри, несогласия, измена, клевета». «Любовь долготерпит, любовь не помнит зла, не гневается, не раздражается, не ищет своего. Любовь ищет пользы ближним, даже врагам». В пример батюшка приводил Иоанна Богослова, который любовью возвратил своего ученика из шайки разбойников в лоно Церкви.

Любил часто повторять слова Иоанна Богослова: «Дети, любите друг друга!» Этими словами напоминал о любви к Богу и ближнему, без которой не доставляют пользы ни труд, ни молитва, ни пост.



ПРЕПОДОБНЫЙ СТАРЕЦ ФЕОФИЛ НОВЫЙ, КИЕВСКИЙ ПРАВЕДНИК (1929—1996)

Преподобный Феофил Новый – один из великих старцев XX века. Его особые духовные дарования обнаружились еще во время учебы в Семинарии, к нему часто обращались за советом и помощью, и уже тогда Петр Россоха (так звали старца в миру) мог утешить и ободрить.

После окончания Московской Духовной академии он был пострижен в монашество с именем Пафнутий. Через год молодой иеромонах Пафнутий по собственному прошению был переведен в Свято-Успенскую Киево-Печерскую лавру. Дар проповедника и наставника, проявившийся еще в годы учебы, все больше раскрывался в молодом иеромонахе. Люди тянулись к нему за живым словом, наставлением и утешение, хотя и было ему в ту пору всего двадцать семь лет от роду. Пребывание в Киево-Печерской лавре оказалось недолгим. В 1958 году за то, что он перефотографировал иконы и благословлял ими своих духовных чад, иеромонаха Пафнутия сослали в изгнание, и длинная вереница перемещений из епархии в епархию, с прихода на приход, длилась тридцать лет. В 1988 году игумен Пафнутий возвратился в Киев. После многочисленных испытаний, лишений и скорбей Господь сподобил Своего избранника множества духовных даров, возложив на него тяжкое бремя старчества. Китаевский скит — последнее место, где подвизался великий старец. В апреле 1994 года старец удостоился восприятия высшего ангельского образа – великой схимы. При пострижении ему дано было имя Феофил в честь преподобного Феофила, Христа ради юродивого.

Наставления старца были кратки и немногословны. *Будьте смиренны, кротки, терпеливы*, — часто говорил он, подчеркивая особую значимость этих христианских добродетелей. Слова старца были просты, но удивительно мудры и преисполнены благодатной силы. «Много он не говорил. Скажет два-три слова — и все понятно. Дар слова Богом дается.

У него слова были очень весомые. Он мало говорил. Бывало, скажет слово, выпустишь из головы, а потом вдруг вспомнишь эти два слова. А в них выражается все: и действительность, и будущее», — рассказывала одна из духовных дочерей старца, Таисия И.

«Для бодрости скажет пару слов — и сон проходит, и усталость как рукой снимет. Слова у него сильные...» — говорил иеромонах П. В окормлении монашествующих и мирских старец прежде всего стремился научить их послушанию. «Больше всего не любил батюшка, когда мы своевольничали, — вспоминал иеромонах П. — Часто, бывало, дает послушание и говорит: «Выполни». А у тебя в голове не укладывается, не можешь понять, как его выполнить, а он требовал, требовал. Он знал, что мы можем выполнить, но, по своей слабой воле, по своему слабому характеру не выполняем. Он ставил задачу, а каким путем ты этого добьешься — решай сам. Этим он давал возможность самим размышлять, рассуждать. И если что не получается, приходи, спрашивай. Он любил, когда к нему приходили и спрашивали что-то о духовной жизни, какие-то духовные проблемы. Он наставлял, утешал, подсказывал. Когда я приходил с такими вопросами, он всегда рад был».

Не любил старец стремления к чрезмерным подвигам, которые были не под силу новоначальным. «Куда ты на небо лезешь?» — говорил он незадачливому монаху, имеющему ревность не по разуму. Иногда было достаточно одного лишь взгляда старца, чтобы человек понял свою ошибку и встал на путь исправления.

В зависимости от степени духовного восприятия старец по-разному обращался с каждым из своих духовных чад. Иногда в шутливой форме указывал на недостатки, а иногда мог разгневаться и накричать, но в любом случае делалось это с такой любовью, что у наказуемого никогда не оставалось тягостного чувства. «Гневаться гневался, но взглянешь в глаза, а они сияют такой любовью, что даже приятно станет», — рассказывал один из духовных чад старца.

Не любил старец лености и праздности и потому всячески

старался приучить своих чад к труду, ибо, как учат святые отцы, «праздность есть начало всех бед». И не раз сам он подавал пример трудолюбия и красил полы, клеил обои, а то мог влезть на крышу, чтобы что-то починить, заражая своим энтузиазмом находившихся при нем чад. Его поступки были красноречивее всяких слов и всегда производили нужное воздействие.

«Он учил нас жизни, подсказывал не словами, а своим примером, личными делами своими, своим молчанием, кротостью, терпением, смирением, — вспоминал иеромонах П. — И еще говорил, что самое трудное в жизни — это руководить людьми, их духовной жизнью, это самое ответственное дело перед Богом». Пройдя трудный путь борьбы со страстями, сознавая великую ответственность пред Богом за души вверенных ему от Господа, старец брал на себя нелегкое дело руководства чужими душами, ибо наделен был от Бога одним из величайших даров — даром духовного рассуждения.

Никогда и ни в чем старец не укорял своих чад, он старался подействовать на человеческую совесть, подвести к тому, чтобы человек пришел к самоукорению. Руководствуясь в своих наставлениях учением святых отцов, он приучал к тому же и окормляемых им и часто советовал обращаться в поисках ответов на волнующие вопросы к Священному Писанию. «Он никогда не старался объяснить все до конца, а хотел, чтобы человек сам нашел ответы на свои вопросы, — рассказывал протоиерей Петр С., — и советовал искать их в Библии, в Священном Писании. Все, что у нас происходит, говорил он все это написано в Библии, нужно только внимательно читать. Читай и перечитывай, и ты познаешь Истину».

Будучи необычайно строгим к себе, старец в то же время был снисходителен к людям. «Мы должны быть строги к себе, а не к другим», — говорил он, и потому никогда не судил строго. Он очень не любил осуждения. «Кто мы такие, чтобы судить?» — говорил старец, указывая на Единого Судию, могущего судить всех и вся. «Как-то я пришел к старцу, — вспоминает протоиерей Петр С., — и посетовал на то, что мало людей приходит в церковь, что неурядицы с пев-

чими, плохие голоса, а он сказал, что служить можно не только с пением, но и с чтением. А если видишь в храме какие-то неурядицы — это просто твое упущение. Значит, мало пребываешь в молитве, мало молишься тому святому, которому посвящен храм». Так пас он стадо Божие, какое было у него, *надзирая за ним, не принужденно, но охотно и богоугодно, не для гнусной корысти, но из усердия, и не господствуя над наследием Божиим, но подавая пример стаду* (1 Пет. 5, 2—3) *и трудился над умерщвлением нравов ближнего своего, вразумляя... и научая всякой премудрости, чтобы представить... совершенным во Христе* (Кол. 1, 28).

На всяком месте и во всякий час научал старец своих чад творить дела милосердия. «Стой там, где тебя Господь поставил. Не можешь делом — помоги хоть словом, хоть советом». Сам он постоянно заботился о ближних по заповеди Господней.

Раба Божия Нина Р-ко пишет: «Он всем помогал и все, что у него было, раздавал людям. Ему много несли и денег, и подарков, но он никогда ничего себе не оставлял, все раздавал». Был старец нестяжателен, вел жизнь скромную и довольствовался малым. Щедрой рукой раздавал старец приносимое ему и Господь воздавал ему вдвойне. Оттого в монастыре всегда был достаток, и сколько бы паломников ни приходило в обитель, братия всегда могла всех прокормить и предоставить место для ночлега, ибо сказано: «Рука дающего не оскудеет».

О стяжании добродетелей христианских заботился старец. И научал тому же чад своих. Он стремился возжечь в их душах светильник истинной христианской любви и крепкой веры и учил подражать великим подвижникам благочестия, следовать их тесным путем. Часто приводил он в пример древних христиан, обладавших столь высокой верой, что они безбоязненно шли на муки и страдания за Христа.

Много говорил старец и о последних временах. Скорбя о нерадении людей о спасении, напоминал о приближении того времени, в котором должно свершиться обещанное Господом: «В IV веке почти все ожидали Пришествия Господа Иисуса Христа. В XX веке ожидали каждую минуту, а сейчас каждую

секунду надо ожидать, что Господь придет к нам, судить будет нас, а мы слабо ожидаем, грешим каждый день, продолжаем грешить. Что с нами будет хорошего? Хорошего мало с нас. Мало хорошего с нас...» Слова эти из видеофильма «Между прошлым и будущим» были сказаны старцем в мае 1995 года.

Постоянно напоминал отец Феофил своим чадам о необходимости усердной молитвы. Вот некоторые из наставлений старца относительно молитвы, данные им вопрошающим:

— Молиться надо не спеша, потихоньку и внимательно. Если помыслы одолевают — больше внимания в текст. В текст надо углубляться.

— А как внутренне молиться, побыстрее или помедленнее?

— Помедленнее, помедленнее. Если побыстрее — все в голове будет переворачиваться, ничего не поймешь. Молитесь со вниманием, усердно.

«Усерднее, чаще надо молиться» — слова эти часто можно было слышать из уст старца. Он старался привить своим чадам вкус к молитве, однако следил, чтобы все было по силам, в меру. В трудных житейских ситуациях старец советовал обращаться в молитвах к Царице Небесной и святому Николаю Чудотворцу: «Матерь Божия и святитель Николай — вот наши ближайшие заступники». При блудной страсти усердно молиться Моисею Угрину и Иоанну Многострадальному: «Святые отцы, храните меня в чистоте, в целомудрии», и затем помазываться святым маслом от лампадки, горящей у рак с их мощами. А также не забывать и святителей Димитрия Ростовского, Лаврентия Черниговского и Иоасафа Белгородского, при этом говорил, что как на Востоке великие святители Василий Великий, Григорий Богослов и Иоанн Златоуст, так и у нас, в России, Господь воздвиг святых Димитрия Ростовского, Лаврентия Черниговского и Иоасафа Белгородского. Вот эти три светильника нашей земли Российской, нужно к ним прибегать за помощью, просить их молитв, заступления, просить, чтобы они нашу Церковь и веру сохранили, молились за нас».

И всегда, во всех ситуациях напоминал старец о необходимости ходить за помощью к преподобным угодникам Киево-

Печерским. «Ходите почаще в пещеры, ходите почаще, пока можно», — говорил он, видимо, предвидя то время, когда зайти туда уже будет нельзя.

Духовные наставления старца из видеофильма, снятого незадолго до его кончины: «Держитесь Православной Церкви. Живите христианской жизнью. Раз в месяц причащаться надо, дома употреблять крещенскую святую воду, просфоры по утрам, как первые христиане — подражать им надо. А то книги читаем часто, прочитали — закрыли, забыли. Как они жили, первые христиане? А первые христиане жили очень высокой духовной жизнью. Сегодня они принимали христианство, завтра у них отнимали имущество, на третий день на страдания приглашали. Они на все готовы были. Вот им и подражайте, книги читайте, все хорошее употребляйте.

В Евангелии говорится: «Вера твоя спасла тебя», то есть первые христиане обладали великой верой. Господь им напомнил, чтобы они имели живую веру и высокое христианское благочестие. Вот они и старались жить по-настоящему. Господь их благословлял на труды, на подвиги. Они крепко исповедовали Христа, веровали в Него и часто отдавали свои жизни, как святой целитель Пантелеимон, святой Георгий Победоносец, великомученица Варвара, великомученица Параскева, великомученица Екатерина. Вот светочи христианские. Им подражайте, о них читайте, следуйте им. В храмах чаще бывайте, посещайте главные святыни Киевской Руси, особенно лавру Киево-Печерскую, угодников Божиих, целуйте им ручки. Подражайте им и жизни их, и вы будете настоящими хорошими христианами. Дай, Бог, преуспевать во всем и идти от силы в силу и достигать высшего духовного совершенства».



МИТРОПОЛИТ САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ И ЛАДОЖСКИЙ ИОАНН (СНЫЧЕВ) (1927—1995)

Пять лет, которые прослужил митрополит Иоанн в Петербурге, Православная Русь внимала словам владыки, словам правды и напутствия, гнева и боли, обличения и взыскующих вопросов, слово надежды и горячей уверенности в том, что если заблудившиеся люди вернутся к Богу, Россия возродится, и народ русский не погибнет. Часто митрополита Иоанна пытались привязать к какой-либо политической партии, различным общественным движениям, придать его словам политический смысл. Сам же владыка в одной из бесед говорил: «Надо строго отличать политику от нашего пастырского дела. Уж если мы видим, что пасомые наши подвергнуты этой опасности от порнографии, что все брошено на пьянство и прочие средства растления, наша обязанность архипастырская, во что бы то ни стало, защищать своих пасомых и молитвенно вести их к выздоровлению. Но поскольку это идет с ведома, но уж если и не с ведома, то хотя бы по попустительству правительства, то естественно и самим архипастырям и пастырям необходимо обращаться к ним — тем, от кого зависит это распространение или пресечение. Потому что это дело не политическое, это чисто нравственное, архипастырское. Тем более нам, архипастырям и пастырям, была поставлена задача: учить церковь к вразумлению Русского общества. А если мы учим его этому, то мы должны понимать состояние духовно-нравственное общества всего... Все действия наши должны быть сосредоточены на это возвращение духовно-нравственных устоев нашего общества».

Годы, прошедшие со времени кончины митрополита Иоанна, все более высвечивают его величину, значение его слов и наставлений.

— *Владыко, что Вас побуждает столь откровенно высказывать свои мысли?*

— Я чувствую необходимость предупредить людей об опас

ности, грозящей нам со стороны тех лиц, сил и учений, которые разрушают единство народа, Церкви и государства. Как же мы не можем понять, что все эти безчисленные партии и политические группировки придуманы для того, чтобы запутать людей, сбить их с толку и обмануть! Народ, объединенный общим пониманием смысла своего существования, общими понятиями о добре и зле, общими религиозно-нравственными воззрениями, — непобедим и страшен для врагов.

«Разделяй и властвуй» — этому коварному приему уже много веков от роду. Главное для богоборческих, разрушительных сил — отсечь народ от его духовных вождей, от пастырей, знающих опасности и умеющих их преодолевать. Ослепить народ, а зрячих запугать или уничтожить — вот принцип действия предтеч антихристовых, готовящих установление всемирной антихристианской диктатуры. Их оружие — ложь, их покровитель — диавол, ненавистник рода человеческого, отец всякой лжи и неправды.

У нас есть единственный путь спасения — путь объединения вокруг наших вековых святынь, путь возрождения русской соборности и державности, путь духовного прозрения и очищения. Сумеем пробиться к Богу сквозь толщу лжи и клеветы, нагроможденную христоненавистниками, значит, сумеем возродить и Святую Русь. Отступимся — Россия погибнет.

— *Цель осуществления «тайны беззакония» кроется в разрушении державности. Скажите, почему именно Православная Церковь на протяжении всей русской истории являлась хранилищем державного духа народа? Не иссяк ли сейчас этот дух?*

— Церковь всегда была не столько хранилищем, сколько источником державного духа. Само понятие державности — церковного происхождения. Державность — это государственное самосознание народа, принявшего на себя церковное послушание «удерживающего», то есть готового стоять насмерть на пути рвущегося в мир сатанинского зла. Это понятие ввел в обиход апостол Павел во Втором своем послании к христианской общине Солунян. Державность предполагает государственное воплощение нравственно-религиозного идеала, построение государства, признающего своей целью не столько

земное, плотское преуспеяние граждан, сколько создание наилучших условий для спасения души, для творения добра и пресечения зла.

Разрушить державность — значит разрушить Закон Божий, установить сатанинское беззаконие, в какие бы «правовые» одежды оно ни рядилось. Согласитесь — в любом обществе, если оно желает избежать кровавого хаоса, должен существовать закон. В фундаменте любого законодательства лежит закон нравственный, определяющий, что есть зло и что добро. Зло должно быть осуждено и наказано, добро взято под защиту и поставлено в пример. Этот-то нравственный закон и есть Закон Божий, лежащий в основе державности. О нем каждому из нас свидетельствует совесть. Беда лишь в том, что наша многоразличная греховность заглушает голос совести, притупляет ее. Поэтому в своей максимальной полноте и ясности Закон Божий содержится в церковном вероучении, и Церковь не устает нам напоминать о нем, заботясь о том, чтобы понимание, где добро, а где зло, не пресеклось среди людей. Зло ведь часто стремится замаскироваться под добро...

Что касается того, не иссяк ли державный дух в русском народе, нет, не иссяк. Поэтому и стремятся уничтожить Россию силы зла. Боятся...

— Дух не иссяк, но, по Вашей мысли, «необходимо вернуть человеку понимание истинного смысла его существования». Как?

— Ну, должны же люди понимать, зачем они живут? Ведь человек — не животное безсмысленное. Выйдите на улицу и спросите сто человек подряд: в чем смысл жизни? Многие ли сумеют внятно ответить? А ведь ответ на этот вопрос определяет всю жизнь человека.

Смысл нашей жизни — спасение души. Жизнь не ограничена рамками рождения и смерти, душа человека безсмертна, а земное наше бытие — лишь экзамен, и от того, как мы сдадим его, сложится и наша судьба в вечности. Неверующим трудно это понять. Да и истины церковного вероучения постигаются не логикой рассудка, но опытом любви, не головой, а сердцем. Это каждому доступно, Господь каждого готов вразумить — надо лишь войти в Церковь и принять

предлагаемое ею духовное врачевание. Ведь неверие — это болезнь души, а Церковь своего рода больница, где лечат не тело, но страждущую человеческую душу.

— *Какие угрозы Православию Вы видите в обозримом будущем?*

— Главная и самая страшная внутренняя угроза — гордыня человеческая, наше своеволие и высокоумие, тщеславие и самолюбие, отсекающие от человека Благодать Божию, живительную и врачующую. Премилосердный Господь никогда не оставит нас — мы сами покидаем Его, всей своей жизнью дерзко заявляя: «Сами во всем разберемся, сами со всем управимся, сами все устроим». Вот и устроили, глядите да радуйтесь — результаты, как говорится, налицо.

Надо понять, что в Церковь, к Богу нельзя приходить с «инспекционной целью» — как, мол, там дела, чего хорошего? Основанием истинной, живой веры (что есть дар безценный, поверьте!) может стать лишь покаянное, смиренное обращение за помощью к Тому, Кто сказал: *...призови Меня в день скорби; Я избавлю тебя...* (Пс. 49, 15). *Даждь Ми, сыне, твое сердце* (Притч. 23, 26), — обращается Господь ко всем нам словами Священного Писания. В Церковь можно войти, лишь преклонив свою горделивую выю под ярмо послушания Заповедям Божиим.

Это, кстати, для многих является камнем преткновения. Часто бывает, что на словах ратуют за Православие, но когда доходит до дела, не обретают в себе сил сломить гордыню. А ведь в этом суть. Православие не есть голое учение, оно есть прежде всего подвижничество. Путь возрастания духовного, путь прозрения и внутреннего озарения есть прежде всего путь борьбы со своими «страстьми и похотьми», путь болезненного очищения сердца от многочисленных пагубных страстей, свивших в нем, по нашему нерадению, свое ядовитое гнездо. Здесь — труд, пот, слезы. Здесь являет человек свою действительную — не показную — готовность взять крест и следовать за Христом. Если устоим на этом пути — ничто не страшно: никакие силы, никакое коварство, никакая власть. Ибо таковых — ревнующих о спасении и делами свидетель-

ствующих свою ревность — хранит Господь, говоря: *вам же и влáси главнии изочтéни суть* (Мф. 10, 30).

Ни единый волос не упадет с головы таковых воинов Христовых без Божиего на то соизволения — бережет Господь верных Своих, искушая скорбями, очищая, как золото в горниле. Доколе останутся в народе русском подвижники (а это не дело «избранных» — удел каждого верующего), будет нерушимо стоять и русское Православие.

С точки зрения внешних опасностей главная угроза таится в стремлении мощных международных сил создать единую мировую псевдорелигию, растворив в ней истины Православия. Все это происходит в рамках давнего масонского плана по созданию мировой наднациональной власти — сверхправительства, общие контуры которого уже проступают в многочисленных международных организациях.

Такое развитие событий таит в себе угрозу не только для России — это угроза всему человечеству, ибо в случае осуществления диавольского плана спасительная искра христианства в большинстве стран будет погашена окончательно.

Короче говоря, если называть вещи своими именами — наибольшую опасность для Православной Церкви представляет бешено ведущаяся сегодня подготовка к пришествию антихриста. Но не будем унывать, вспомним обетования Божии: *созúжду Церковь Мою, и вратá адова не одолéют ее* (Мф. 16, 18).

— *Общество переживает период разброда и смут. Не коснулось ли это состояние Церкви? Не переживает ли она сегодня, как и весь русский народ, некоторую растерянность?*

— Нет, растерянности нет. Есть другое — не преодоленные еще до конца последствия семидесятилетнего пленения. Семьдесят лет Церковь распинали и гнали с такой ненавистью и изощренной жестокостью, что несколько последних лет относительного покоя — срок далеко не достаточный, чтобы полностью выздороветь.

Надо сказать, что для Церкви такая ситуация ненова. Она неоднократно встречается в мировой истории, так что духовный опыт Православия позволяет избрать наиболее эффек-

тивные пути врачевания. Другое дело, что это врачевание производится не знакомыми миру духовными, благодатными средствами, а непривычными административными мерами: приказами, инструкциями, силовым давлением. Тут главное — вылечить человеческую душу, пробудить и очистить совесть.

— *Но сумела ли Церковь сохраниться в своей благодатной полноте без повреждений и искажений?*

— Безусловно, сумела. Пусть не смущают нас видимые нестроения в церковной жизни. Это — дела человеческие, а спасительная сила Церкви есть сила Божия, не зависящая от наших с вами достоинств и недостатков. Если Церковь — больница для души, то в ней неизбежно находятся больные. А болезнь души нашей — грех, ее доступность страстям, или, говоря языком светским, наше нравственное несовершенство и приверженность к порокам. Весь вопрос заключается в том, на что больше обращать внимания? То ли на болезненные явления — раны да язвы, то ли на результаты лечения. А результаты эти налицо — сегодня даже у самого закоренелого атеиста не повернется язык отрицать, что именно Церковь на протяжении веков была главным хранилищем нравственной чистоты. Свидетели тому — безчисленные святые подвижники, просиявшие на Руси благодатными дарованиями и праведностью жития.

Нет, порча не коснулась Церкви. Благодать действует в ней по-прежнему; трудность в том, что не все способны воспринять ее действие. Беда наша, что у людей отмирает чувство духовного восприятия мира. О таковых говорил Господь: *очи и́муч ви́дети, и не ви́дят, и ушы и́мут, и не слы́шати* (Иез. 12, 2). Горько...

Отвергая истины Церкви, мы совершаем самоубийство духовное, гораздо более страшное, нежели телесная смерть, ибо лишаем себя не этой временной жизни, но жизни вечной, блаженной, полной высшего смысла и духовного торжества, святой радости, о которых, живя в грешном мире, не можем составить себе понятия!

Зная это, может ли Православная Церковь равнодушно

взирать, как гибнут люди, становясь жертвой пагубных заблуждений, искушений и соблазнов? А наша современная жизнь просто переполнена ими. Враг спасения человеческого, сатана, ведая, что спасение возможно лишь в лоне Церкви Христовой, применяет все способы, напрягает все свои силы, чтобы отвратить людей от Церкви, не допустить обращения. Идет безпрерывное духовное противоборство, сражение за человеческие души. Потому-то Церковь земная называется Церковью воинствующей.

— *Что может предложить Церковь современному человеку?*

— Церковь прежде всего предлагает всем нам задуматься над своей жизнью, увидеть, как далека она от того, чем должна бы быть, увидеть наши неисправности в области религиозно-нравственной, осознать свою неспособность собственными силами управить наше житье-бытье в чистоте и непорочности, обратиться к Богу с покаянием и мольбой о помощи и получить наконец эту помощь, этот драгоценный опыт живой веры, дающий силы к исправлению и духовному возрастанию.

Церковь безпрестанно свидетельствует миру о своей готовности врачевать его недуги. Беда в том, что не все внемлют этому свидетельству. Да и немудрено — тот поток нравственных нечистот, который льется на современного человека с экранов телевизоров, из радиоприемников и со страниц газет, способен помрачить самое здравое мировоззрение. Ведь что происходит? Последовательно и методично нашему народу внушают, что какие бы то ни было этические и моральные нормы есть смешной пережиток «проклятого прошлого».

Итог всего этого — расплодившиеся молодежные банды, рост преступности, наркомания и пьянство, детская проституция, безчисленные группировки полубезумных «рокеров», «панков», «металлистов» и откровенных сатанистов. Это что — нормально? Это — плоды нашей долгожданной свободы?

А Церковь в такой страшной ситуации оказывается практически немой. Вы спрашиваете: что она может предложить? Она может предложить людям идеалы любви к Отечеству и патриотизма вместо глумливого современного лозунга «Роди-

на там, где хорошо!», идеалы семейной верности и взаимной ответственности на основах религиозной нравственности, понимающей семейную жизнь как сослужение супругов в делах благочестия и праведности, вместо разнузданной похоти и безмысленного, болезненного столкновения самолюбий в домашних ссорах и склоках. Она может предложить радость осмысленного бытия, имеющего твердую нравственную основу и ясную цель, легко различающего добро от зла, обладающего ясными этическими нормами поведения, всем понятными и четко обоснованными, и еще многим-многим другим, чего в безумии нынешнего смутного времени мы лишили сами себя, погнавшись за призраками заморских «благ», поверив обману лукавых вождей.

Так вот, создается впечатление, что есть силы, заинтересованные в том, чтобы сократить до минимума способность Православной Церкви донести до людей свои целительные истины. Нам практически заказан вход на телевидение, на радио, на страницы крупных газет. Показать в кадре красивые облачения священников за богослужением, передать запись песнопений — пожалуйста, но — не больше. Посмотрите, у нас на телевидении до сих пор нет ни одной серьезной православной программы. Равноправие равноправием, но надо же и с реальностью немного считаться: ведь подавляющее большинство верующих в России по-прежнему составляют православные.

То же и в системе радиовещания.

В общем, Православной Церкви есть что предложить современному человеку. Лишь бы не мешали — я уж не говорю о помощи...

— Но многих смущают строгие церковные правила. Например, посты. Зачем они нужны и обязательны ли для современного человека? Многие рассуждают примерно так: «Почему мои отношения с Господом должны зависеть от того, ем ли я по пятницам колбасу?»

— От колбасы ваши отношения с Богом зависеть, конечно, не должны. Равно как не должны они (в идеале) зависеть от чего бы то ни было вообще. *Возлю́биши Господа Бога твоего́*

всем сéрдцем твоим (Мф. 22, 37), — взывает к нам Слово Божие, и эта любовь действительно ни от чего зависеть не может. Это — чувство пламенное и всепобеждающее, попирающее «чин естества» и дающее человеку силы печалиться и молиться за весь мир, любить всех, не разделяя злых от добрых, ненавидя грех, страсть, но не человека, ибо он — даже во глубине нравственного падения — есть образ Божий.

Это — идеал. А если мы с вами задумаемся, как его достигнуть, то церковные правила, в том числе и посты, предстанут пред нами совсем в другом свете. Нам надо избавиться от греха, очистить свое сердце. Но грех — это болезнь человеческого естества. Когда болеет ваше тело и врач прописывает вам определенные лекарства, строгую диету и режим дня, вы ведь не удивляетесь, зная, что это — для вашей же пользы.

Так и в Церкви. Все ее установления имеют единственную цель — помочь человеку, облегчить ему путь духовного возрождения, очищения от скверны страстей и пороков. При этой болезни тоже нужен строгий режим. Но так как грех, развившись, поразил в человеке и тело, и душу (скажем, тщеславие — страсть душевная, а чревоугодие — телесная), то и в лечении равно нуждаются душа и тело.

Вот пост и врачует их. Неверно думать, что он заключается лишь в воздержании от пищи. Это только малая его часть. Настоящий пост состоит в воздержании от зла — в поступках, мыслях, желаниях и чувствах. Ограничения в еде — лишь подспорье в этом деле.

Кроме того (и это очень важно), соблюдая посты, человек свидетельствует о своем признании благодатности и спасительности церковных правил. Господь как бы говорит человеку: «Ты пал столь низко, что сам даже не способен понять, что нужно делать, чтобы возродить свое былое духовное богатство. Я, милосердствуя о немощи твоей, помогу тебе. Я дам тебе спасительные правила, и если ты будешь стремиться выполнять их, ты тем самым засвидетельствуешь свое желание спастись. Тогда Я помогу тебе и дам тебе опытно познать благодатную силу церковных установлений».

Любой церковный человек засвидетельствует вам на соб-

ственном опыте целительное действие церковной дисциплины. Важно начать — смирить свой гордый разум, не желающий признавать, что есть нечто, недоступное его пониманию. Здесь человеку предстоит труд внутренней душевной борьбы, тяжкий труд, ибо придется сражаться с врагами не внешними, но внутренними — гордостью, высокоумием, своеволием, сомнением. Кто победит — получит награду безценную: сокровище живой, опытной, осмысленной веры, просветляющей и преображающей всю жизнь человека. Все в наших руках. Важно сделать правильный выбор.

— *Правомерно ли сейчас говорить о том, что эта власть от Бога? Как следует православному христианину относиться к нынешней светской власти? Что в ней безоговорочно принимать, с чем мириться, что отвергать?*

— Безоговорочно принимать верующий человек может лишь то, что соответствует церковному вероучению, что не противоречит его христианской совести. Глас Божий звучит в душе у любого из нас, надо лишь прислушаться и следовать его поучениям. К сожалению, такая христианская область «безоговорочно приемлемого» в нашей современной жизни чрезвычайно мала. *Мир лежит во зле* (1 Ин. 5, 19) — это изречение Священного Писания сегодня верно как никогда. Так что каждому, желающему спастись, следует быть чрезвычайно осторожным и бдительным, чтобы не принять в сердце свое «волка вместо пастыря».

Мириться, а говоря точнее — смиряться, надо во всех случаях, когда обстоятельства не требуют от нас прямого попрания заповеди. Можешь исправить зло — исправь. Но если чувствуешь, что это тебе не по силам, — смирись, плача перед Богом, и Господь зачтет тебе твое благое намерение за самое дело.

В то же время надо твердо помнить, что истинное христианское смирение не имеет ничего общего с безволием, соглашательством, попустительством злу. Смирение христианина заканчивается там, где возникает опасность попрания святынь веры, осквернения заповедей Божиих, угроза благодатному устроению жизни. На протяжении десяти веков в подоб-

ных случаях святая ревность по Бозе подвигала наших предков на доблестные подвиги — как ратные, так и гражданские. Но все непременно надобно делать с разумом, опасаясь порывов страсти, которая и благое дело может обратить во зло.

Что касается власти — то она всегда от Бога, ибо Он — единственный источник власти во вселенной. Разница в том, что одна власть — по воле Божией, а другая — по попущению, для наказания и вразумления осуетившихся людей. Какая власть нынче, судите сами...

— *Какой бы Вам хотелось видеть Родину?*

Для ответа на этот вопрос надо сначала разрешить известное человеческое недоумение: в чем смысл жизни? Потому что любой идеал общественного устройства, любая форма гармонического сожительства людей на Земле возможна только тогда, когда люди живут осмысленно, понимая цель своего существования, и в соответствии с этим устрояют свое земное бытие.

Церковь дает на это совершенно ясный и прямой ответ. Он, конечно же, не имеет ничего общего ни с какой «сенсорной цивилизацией», он прост, но очень труден для восприятия современного человечества, безмерно осуетившегося и погрязшего в страстях тщеславия и гордыни. Ответ этот таков: смысл и цель человеческой жизни заключа̀ется в том, чтобы вернуть себе первозданное райское состояние чистоты и святости, когда сердце человека было недоступно злу и греху, — то состояние, в котором пребывали Адам и Ева после сотворения в Эдеме. И, главное, вернуть себе безценное сокровище утерянного Богообщения. Один из величайших православных святых — блаженный Августин сказал когда-то: «Для Себя создал нас Господь, и не успокоится сердце человеческое, доколе не обретет Его».

Взгляните, человечество постоянно мечется: воюет и пересматривает границы, разрушает и вновь созидает, стремится — само не зная куда. Эта неуемная жажда лихорадочной деятельности, жажда новшеств проистекает оттого, что опустела святыня сердца. Душа человека создана как драгоценный сосуд для принятия даров Святого Духа. После грехопадения

она их лишилась и теперь смертельно больна. Так вот, Церковь есть больница для души. И общество будет устроено здраво тогда, когда оно сделает все возможное, чтобы больница эта могла с наибольшей эффективностью, спокойно и мирно врачевать человеческие души.

Русская история знает, как для этого должна быть устроена государственная, общественная и хозяйственная жизнь страны и народа. Так, например, в России невозможно построение здравой экономики на мировоззренческом основании «общества потребления». Это безсмысленно. Священное Писание учит: *Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и все остальное приложится вам* (Мф. 6, 33). Нельзя строить хозяйственную жизнь России, исходя из капиталистического принципа неограниченного воспроизводства товаров и услуг. Это абсурд. Господь сказал: *Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?* (Мк. 8, 36). Иная, чем сейчас, должна быть мировоззренческая основа у нашей жизни.

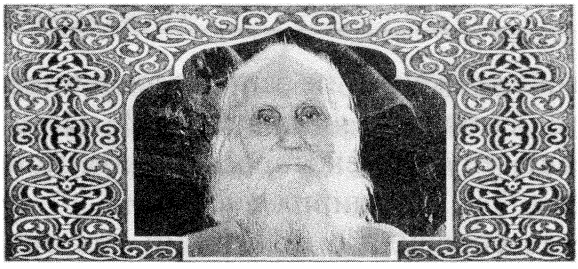
Все внешние блага, которые в этом мире даны человеку Богом, освящены и доступны к употреблению, в них нет ничего предосудительного, беззаконного. Но мы должны ими пользоваться не для того, чтобы растлевать себя и окружающих, а для того, чтобы, опираясь на благодатные свойства этого мира, которые Господь щедро в нем разлил, помочь своей душе восстановить себя в первоначальном состоянии божественной чистоты.

Когда говорят, что консерватизм Церкви может отбросить общество на двести—триста лет назад, это глупость. На десять лет нельзя вернуться, не то что на триста. А вот восстановить в обществе ту древнюю духовную традицию, которой тысячу лет жила Россия, обязательно нужно. Религия предполагает связь человека с Богом. И так же, как имеет свой долг перед Богом отдельная человеческая личность, так имеет определенный долг перед Ним и соборная личность русского народа.

Богу, в неисповедимой премудрости Его, было угодно вверять истины веры для хранения и сбережения различным народам. Сперва они были вверены народу израильскому, но он

не удержал этих истин, оказался не соответствующим своему высокому призванию и после страшного преступления богоубийства был отвержен, отстранен от святого служения. Затем это служение перешло к другому народу, «народу Божию» — христианам, первоначально сосредоточенным в державном государственном теле Римской империи. Но когда в XII веке Рим ввел недопустимые догматические новшества и отпал от вселенской полноты Православия, служение это у него было также отнято и передано Византии (Второму Риму). Она несла его на протяжении нескольких столетий, но в XV веке в результате мощнейшего военно-политического давления оказалась неспособной удержать должную чистоту и пошла на Унию с католиками, то есть допустила искажение Божественного вероучения.

Тогда преемство хранителя Истины перешло к Русскому Православному государству, к русскому народу-богоносцу, понимаемому как соборная духовная общность. Мы должны постоянно сознавать всю ответственность нашего служения и, следуя ему во всем, построить жизнь в соответствии со своим религиозным долгом. Только тогда мы сумеем воссоздать ту Россию, которая нужна Богу, которая станет неким драгоценным ковчегом, хранящим в неприкосновенности и чистоте идеалы милосердия и любви, праведности и верности, щедрости и безгневия.



ПРОТОИЕРЕЙ НИКОЛАЙ ГУРЬЯНОВ (1909—2002)

Сейчас, после кончины протоиерея Николая Гурьянова, настоятеля храма во имя святителя Николая на острове Талабск (более известном ныне по названию рыболовецкого колхоза имени Залита), стало ясно, что он был одним из великих старцев. Невозможно перечесть, сколько побывало паломников на этом отдаленном острове. Многие, впервые видевшие его, вспоминают, что когда они спрашивали отца Николая о конкретных делах, то замечали, что старец знает о их проблемах, о их близких, сразу начинает говорить по существу — за внешней простотой, шутливостью, своеобразием поведения отец Николай скрывал свои духовные дарования, совершение подвига непрестанной, глубокой, истинной молитвы.

Беседы с отцом Николаем Гурьяновым

Из воспоминаний протоиерея Георгия Ушакова

Как-то приехали с моим помощником (который имел обыкновение воспитывать, наставлять, и мы часто ссорились) к батюшке и стали рассказывать о своих маленьких, но досадных нестроениях. Отец Николай легко побил помощника по щекам со словами: «Ты не слишком высоко-то думай о себе». Затем он скорыми шажками подбежал к маленькому умывальнику в сенях, над которым висело небольшое зеркальце, снял зеркало и вернулся к нам. Батюшка молча вплотную поднес зеркальце к моему лицу. Я не понял и очень внимательно по-

© Составление Г. П. Чинякова, 2003.

смотрел на свое отражение, не запачкался ли ненароком, даже спросил: «Что, батюшка, я запачкался?» Отец Николай не ответил, и лишь спустя некоторое время я понял: «А ты на себя посмотри». Так он смирил нас обоих.

Однажды его спросили о почитании Григория Распутина. Батюшка ответил вопросом на вопрос: «А тебе что, мало двенадцати томов святого Димитрия Ростовского?»

Из воспоминаний Зинаиды Петровны Максимовой

«Не гаси светоч огня в сердце своем, — говорил батюшка. — Смотри, Зинаидушка, только в вере не поколебайся, бери ружье, иди сражайся, как на передовую». Проси: «Господи, не лиши меня разума и зрения, сохрани, Господи, от гордости, от тщеславия». «Учись слушать волю Божию, Зинаидушка». «Сейчас вся преисподняя на земле, смотри, держись».

Отец Николай учил обязательно причащаться в день Ангела, в день рождения, во все посты. Остальное — по возможности, только нужно готовиться, «всуе к Чаше не подходить»: «Если только мелькнет против кого-то мысль плохая, к Чаше не ходи. Если в сердце даже злейшему врагу не простила, к Чаше не ходи. Примирись вначале с врагом своим».

Батюшка был очень простой. Он часто повторял: «Не держите на людей зла, а что вам сделано, вы об этом забудьте. Знайте только, что вы хуже всех. Что ниспослано, все от Господа во исцеление, во исправление. Когда на тебя неправду скажут, ты поблагодари и попроси прощения. Только тогда будет награда, когда вы не виноваты, а вас ругают. Скажи только: «Прости меня ради Христа, я еще хуже, чем ты обо мне думаешь». А когда и поругают-то, благодарите Бога, награда-то какая». «Все в ваших силах. Согрешил, покайся, и впредь старайся этого не делать».

Я работала, старалась строго держать пост, но часто из-за этого ругалась с начальником. Потом перестала, поняла, что

безполезно, да и грешно в пост ссориться. Приехала к отцу Николаю, а он меня спросил: «Что же ты о Господе замолчала?» Тогда я ему уже спуску не давала, потом он заболел, смягчился.

Батюшка говорил: «Старайся не спорить. Но за веру стой насмерть». Батюшка учил быть немногословным: «Лучше помолчать. Сказанное-то — серебро, а молчание-то — золото».

Однажды нам помогал знакомый мужчина. (У отца Николая я была на послушании, возила на остров для храма свечи, керосин, лампадное масло.) Когда меня начали чрезмерно благодарить, я указала, что хвалить нужно было Ивана. Батюшка встретил меня сурово, а потом строго запретил: «Попробуй еще раз его похвалить. Земная награда получена, а небесная где?» Он советовал: «Спросят тебя, как ты живешь, а ты перекрестись и скажи: „За все слава Богу, что Господь дал, то и приму“. О детях никому не жалуйся, кроме святых угодников и Матери Божией, и не хвались, не раздражай врага. Будет плохо — людям радостно, будет хорошо — вызовешь зависть».

Батюшка учил: «Когда служится сорокоуст, великий грешник выпускается из ада». Он повторял, что многое зависит от молитвы сродников, только хула на Господа не прощается.

Вначале он был со мной более откровенен, но после того, как один из секретов я открыла, батюшка стал осторожнее: «Учись тайну держать». Отец Николай советовал многим приобретать землю, дома в деревне: «У кого будет земля, тот выживет. Легче тому будет». Он меня спрашивал: «А ты покаялась за убиенного царя, за разоренную Россию, за поруганную веру?»

Я старалась не жаловаться на болезни, но не выдержала и пороптала на больные ноги: «Батюшка, как у меня ноги

болят!» Он в ответ: «У тебя ноги болят, как у меня». После этого я молчала, крепилась. «Зинаидушка, ты не ропщи, что ножки-то болят. Дел-то добрых — хоть бы сколько, молитва — хоть бы какая, а вот Господь хочет душу спасти, и болезнями-то и спасает». Приехала однажды, батюшка помолился и повернулся ко мне: «Зинаидушка, это я попросил, чтобы ножки твои совсем не ходили. Как вырастут у тебя крылья, как полетишь! Тебе что дороже, ноги или крылья?» Я смирилась. Некоторым он не благословлял ходить к врачам и терпеть болезнь как попущение Божие.

Старец с грешниками обращался очень мудро, умел и на место поставить, и не обидеть. Главное для него было — спасение человеческой души. Ему было очень трудно с некоторыми людьми, но он терпел невзгоды ради любви: «Только я их отпущу, они сразу погибнут, и я не спасусь, Господь с меня за них спросит. Господа иудеи распяли, а Он со Креста просил, чтобы Отец Небесный помиловал их. Они не знают, что делают. Прости их, Господи».

Батюшка часто давал мне книги. Три раза он мне «Слово жизни» дарил, и три раза я отдавала ее кому-нибудь другому, а потом так к ней привязалась, что оторваться не могла, по ночам читала. Однажды вместо вечерних молитв до четырех часов утра читала «Слово жизни». Огорчилась, что грешно это было, но батюшка меня успокоил: «Нет, Зинаидушка, не скорби, тебе Господь заменил этим чтением и утренние, и вечерние молитвы, — ничего, не скорби».

Во сне я старца не видела ни разу, а голос его слышала. Однажды пороптала, когда уж очень болели ноги, и легла. Вдруг услышала строгий голос батюшки: «Полно роптать, вставай, читай житие Серафима Саровского!» Был четвертый час утра. Вскочила, стала читать житие, а там — одни болезни. Я и поняла, что болезни — крест мой, по грехам, терпеть надо».

Из воспоминаний протоиерея А. из Ивановской области

Тогда я в миру носил пиджак и брюки. Старец увидел меня и спросил: «Ты — священник?» Я ответил, что приехал к нему именно, чтобы узнать, священник я или не священник. Отец Николай вновь задал вопрос: «Зачем ты ко мне приехал? У тебя же есть старцы», — после чего пригласил с собой в храм. Батюшка открыл церковь, мы вошли и сели с ним на скамейку. В храме мы были вдвоем. Он говорил, что служил в Эстонии, рассказывал о том, что было время, когда служили на соках, потому что не было вина. Потом уже я нашел, что собор 1917—1918 годов разрешил священникам служить на соках в крайних обстоятельствах, когда в годы гонений не было вина и негде было его достать. Батюшка говорил что-то о своей жизни до двадцати пяти лет, о каких-то своих канонических сомнениях, а затем стал стукать меня по щекам. Думаю, что говорил батюшка потом не со мной, а с бесом, запрещая ему. Он сказал совершенно твердо, чтобы я ни в коем случае, ни под каким видом сан с себя не снимал. Согласие старцев в этом отношении меня успокоило и порадовало.

После этого отец Николай показал мне храм и предупредил: «Смотри, чтобы у тебя храм тоже был убран, чтобы везде был порядок», — подвел меня к Тихвинской иконе Божией Матери и сказал: «Служи Тихвинской». Потом батюшка назвал меня «родной» и повел в алтарь. Причем, в алтаре он неожиданно взял меня за нос и так провел через весь алтарь. Старец показал, как он сам кадил, как нужно раздувать кадило, и разрешил задавать любые вопросы. Сейчас трудно вспомнить, что он говорил, но важно было увидеть его необыкновенное благоговение к святыне.

После церкви батюшка повел меня к себе в дом, где мы довольно долго с ним беседовали, предложил покушать.

У меня были большие сложности с потреблением Святых Даров. Чтобы помыть Чашу после Причастия, я целые чайники воды выливал. Старец объяснил, что мне нужно было делать, чтобы избавиться от осадка, и дал заповедь: «Мой Чашу только водой и никогда нигде не пей вина, даже с архиереем». По милости Божией, хотя я и раньше никогда не

пьянствовал, но с тех пор перестал пить вино совсем. Отец Николай далеко не всем священникам запрещал употреблять вино. Но он знал, что меня часто мучило уныние, а на одиноких приходах, когда человек нередко чувствует себя заброшенным, бывает, что люди ищут утешения не в молитве, а в вине, что само по себе пагубно. Так старец удержал собрата от печальных последствий своей молитвой и своевременным советом.

Я спрашивал у отца Николая, как вести себя с женским полом: «Батюшка, я — целибат и практически почти монах, а вокруг меня — одни женщины. Может быть, мне быть от них как можно дальше?» — «Нет, — ответил он, — женщин не гони, они стояли у Креста Господня, когда апостолы бежали». Батюшка Николай предложил мне взять с собой банку из-под консервов из его кельи и посадить в ней цветочек. Я возразил: «А зачем мне цветочек?», — и, естественно, брать банку не стал, о чем теперь сожалею. Когда я вернулся домой, многие проблемы исчезли.

Хоть я и не рассказывал батюшке о многих своих физических немощах, но старец сам посоветовал: «Поклоны земные не клади, клади только поясные», — и показал, как нужно класть поклон по колено. Затем он запретил поститься по понедельникам и велел кушать три раза в день. Это был человек меры.

Рассказывая старцу о своих сомнениях, я говорил ему о желании получить какое-то знамение. Не прошло месяца после моего возвращения, как мне приснился храм. Мы вышли с отцом Николаем на середину храма из алтаря, и старец предложил послужить Матери Божией.

Еще в первый приезд батюшка попросил меня повесить над моей постелью его фотографию. Я очень расстроился, потому что решил, что старец умрет. В 1988 году вышел фильм «Храм», потом в журнале «Экран» я нашел о нем статью, вырезал из журнала фотографию отца Николая и повесил над своей кроватью.

Прощаясь, старец пожелал блаженства, благословил. По его святым молитвам я стал чувствовать великое утешение от

совершения Божественной службы. «Единственное тебе правило обязательное, — назначил он, — это утренние, вечерние молитвы и помянник. Остальное — как хочешь и сколько хочешь. Но меньше нельзя. Это тебе будут крылышки в Царствие Небесное». Вначале батюшка благословил причащать мирян не меньше шести раз в год, то есть во все посты, в день рождения и в день Ангела. В последние годы он объяснил, что ситуация в мире изменилась, и теперь следует причащаться возможно чаще. Я совершенно ничего не сокращал в богослужении, которое поэтому очень затягивалось, и батюшка благословил делать некоторые сокращения, после чего у меня появилась какая-то паства.

В 1986 году мне захотелось вновь поехать к старцу Николаю и поблагодарить его за молитвенную помощь. Шли пасхальные дни. Со мной были мой келейник Сережа и тайная монахиня из Москвы. Мы приплыли на остров, а старец вошел в катер. Увидев нас, он пригласил ехать с собой во Псков и побеседовать на судне. Мы успели обсудить мои небольшие вопросы. На пристани во Пскове едва вышли из катера, как вдруг батюшка побежал вверх по лестнице: «Идите, идите за мной». Мы все торопились за ним, он бежал очень быстро и приговаривал: «Вот как надо бегать». Старцу шел семьдесят седьмой год. Дома, после того, как я с ним побегал, у меня вся немощь телесная прошла. По дороге отец Николай увидел какого-то пьяницу и стукнул его по щеке. Когда он бил по щекам, никто на него не обижался, потому что во всем чувствовалась любовь. Так он выгонял беса. Мне рассказывала монахиня Успенского Пюхтицкого монастыря, что когда отец Николай был молодой, его духовной дочкой была игуменья Варвара. Старец часто приезжал в Пюхтицкий монастырь. У одной из сестер был рак груди. Однажды рано утром она шла к полунощнице. Неожиданно к ней подбежал батюшка и стукнул ее по груди прямо в больное место. Рак груди после этого прошел.

Когда мы бежали по Пскову, батюшка был одет в рясу, голову покрывала скуфейка, на груди у него покоился крест с частицами мощей святителя Иоанна Златоустаго и других свя-

тых, вид был очень благолепный. Пришли к архиерею Иоанну, митрополиту Псковскому и Порховскому. Владыка был очень болен. Отец Николай подвел нас к владыке и вышел. В это время вошел ставленник, то есть, человек, который готовился к священству. Старец приветствовал его: «Христос Воскресе!», — наотмашь стукнул по щеке и сказал: «Не кури!»

Мы проводили батюшку до катера, и старец запретил на некоторое время ездить к нему: «Ко мне больше пока не езди. Ко мне ездил один молодой священник, я ему сказал: «Ко мне больше не езди», — а он приехал и утонул в озере. Молись за него. Иерей Михаил. Он лежит в мощах и теперь в Царствии Небесном». Для чуткого сердца старца было очень больно, что кто-то ехал к нему и утонул. Погода стояла прекрасная, и я заметил сходство с Галилейским озером. Отец Николай тотчас вспомнил о своей духовной дочери, игуменье Феодоре из Горненского монастыря в Иерусалиме, и попросил молиться за нее.

Один из моих знакомых писал пьесы. Как известно, VI Вселенский Собор отлучил деятелей театра от Церкви. Я всячески уговаривал своего товарища бросить театр, но отец Николай ему сказал: «Ты же не будешь писать «Гаврилиаду», как Пушкин. Красота — это вещь хорошая. Пиши, пиши». Мой родной брат познакомился с двумя балеринами, которые постоянно ездили к старцу на остров. Одна из них переживала: «Что же я буду делать, если брошу театр. Понимаю, что дело нехорошее». Старец ответил: «Старый друг лучше новых двух», — и она решила остаться в театре, заниматься балетом. Имея необычайную жалость, милосердие к человеку, батюшка видел духом страдание душ, которые не смогли себе найти место в этом мире, и по великой любви он покрывал немощные, погибающие души. Мое личное общение со старцем было необычайно приятным, радостным, благодатным, потому что чувствовалось, что он понимал тебя, что он тебя любил и жалел, что он видел тебя насквозь, видел то, что не видим мы сами, понимал глубже, чем мы сами понимаем себя.

Из воспоминаний Г.

Глубоко переживая разрушение русской культуры ее врагами, нравственное убийство русского народа, я была почти в состоянии отчаяния. Мне казалось, мир рушился вместе с Россией. Свои переживания я рассказала батюшке, не пытаясь сдержать слез. Старец не перебивал меня, покачивал головой: «Так, так». Затем он спросил: «А где ты видишь, что все разрушается? Знаешь, кто тебе все это показывает?» Я продолжала плакать и объясняла причины своей боли. Неожиданно вспыхнул свет, и мои глаза оказались прямо перед изображением Страшного суда. Батюшка указывал на диавола: «Вот, кто тебе показывает все. Гляди, какой он. Это Страшный суд, когда одни пойдут в рай, а другие в ад. Нам с тобой надо попасть вот сюда (то есть, в рай). Больше отчаянной озлобленности по отношению к иудеям у тебя не будет. Надо истово осенить себя крестным знамением и сказать: «Господи, спаси и помилуй, ведь мы приняли Святое Крещение».

Одному священнику на вопрос об отношении к иудеям батюшка спокойно ответил, что они люди хорошие, на которых есть благословение Божие, но лучше общаться со своими.

Выслушав рассказ о том, как духовник не только открыл тайну исповеди, но и извратил ее смысл, отец Николай был потрясен: «Не может быть, это страшный грех, нам нельзя». Вместе с тем, он продолжал: «Ты к Богу идешь, а не к священнику. Священник — это еще не Церковь. Он — человек, пусть живет, как он хочет. Что бы он ни сделал, пока он не запрещен архиепископом, он имеет право служить и совершать все Таинства. Надо истово осенить себя крестным знамением и сказать: «Господи Иисусе Христе, прости грех батюшки. Господи Иисусе Христе, помилуй меня, грешную». Если уж очень он тебя (ранил), ходи в другую церковь. Никому не рассказывай об этом. В любом храме тебе будет духовник. Постоянно ни к кому одному прилепляться не надо. Кому Церковь — не Мать, тому Бог — не Отец. В отношении духовного руководства... Есть у вас Троице-Сергиева лавра, вот ведь приехала же ты ко мне. Живите в мире, в любви, в согласии. Пой в храме, родненькая, радуйся, что с Господом.

Петь нужно, трудиться. И в миру-то говорят: «Не трудящийся да не яст». Да. Одиночество? — Ничего не тяжело. Как хорошо. Правил себе больших не набирай, а утренние и вечерние молитвы надо читать обязательно, а то бывает, что не читают. Перед едой дома надо перекреститься, на работе ведь не перекрестишься, если только незаметно».

Во время исповеди батюшка не разрешал говорить ни о чем постороннем, кроме грехов: «Ты перед Евангелием стоишь. Если гневаешься, посердишься на кого, вот об этом говори».

В храме во имя святителя Николая батюшка после вечернего богослужения имел обыкновение петь величание иконе Божией Матери «Спорительница хлебов»: «Радуйся, Благодатная, Господь с Тобою, подаждь и нам, недостойным, росу благодати Твоея, и яви милосердие Твое». Когда впервые, стоя против чудотворного образа Пречистой «Благодатное Небо», я услышала, как перед Царскими вратами он запел величание, мне показалось, что отец Николай стал выше ростом, и я, живо почувствовав реальное и близкое присутствие Пресвятой Богородицы, упала перед Ней на колени.

Утром, после Божественной литургии, батюшка говорил краткое слово: «Вы, мои дорогие, только истово осеняйте себя крестным знамением и просите, надейтесь на милосердие Божие. Бывает, потеряет кто веру, озлобится, отойдет от Церкви, — его ждут страшные мучения. Нужно молиться и просить милосердие Божие, не спасет ли как его Господь. Говорят, наша жизнь стала непереносимой. Это, мои дорогие, наш крест, он по нас, мы его достойны. Это, мои дорогие, не Христов крест, а личный, наш собственный, и мы должны понести его».

Вечером мы простились с отцом Николаем, я проводила его до дома и убежала к своей доброй хозяйке. Мы с ней пили вечерний чай со свежей жареной мелкой рыбкой, беседовали. Антонина Васильевна, улыбаясь, рассказывала, как отец Николай, биолог по образованию, расправлялся с посаженным ею луком: «Прибежит, все переломает, и убежит, а на другой день поднимается такой красавец-лук, — залюбуешься». На улице дул ветер, моросил мелкий, неприятный, холодный

дождь-сечка, а в доме было тепло и уютно. В дверь постучали, и хозяйка попросила меня открыть, забрать рассаду у соседки. Я выскочила в сени, отворила дверь: передо мной в стареньком подрясничке, с непокрытой головой стоял батюшка Николай с большим пакетом яблок в руках: «Галинушка, я тебе яблочков принес на дорожку, возьми. Сохрани тебя, Господи, до свидания». На крыльцо вышла растерявшаяся Антонина: «Антонинушка, жива ли ты? Я только и хотел спросить, жива ли ты». Всю ночь я проплакала от благодарности к старцу, который исцелил раненую душу и нашел время и силы на особенное утешение. На следующее утро я уехала. Сердце примирилось со всеми.

Прошел год, душа затосковала по ласковому батюшке, и в день празднования Казанской иконы Богородицы я вновь поехала на остров Залита. День был прекрасный, душа радовалась скорой встрече с отцом Николаем. Сойдя на острове с катера, я побежала к домику старца. Батюшка уже открыл калитку и стоял, поджидая гостей: «Это ко мне пришли? Что Вы хотите? Вы откуда? Из Москвы? До самых до окраин? Скорее говорите, пока никого нет, говорите, что у вас, а то нам помешают». От радостного волнения у меня перехватило горло, и я едва могла удержать слезы. Отец Николай понял мое состояние, махнул рукой: «Идите купаться».

Позже, после службы, я несколько успокоилась, рассказала ему о себе и о близких мне людях. Мама была больна раком и собиралась делать вторую операцию. Батюшка отозвался о ней, как о безполезной, но наказал усиленно просить милости у Бога для мамы и для брата. Выслушав о смущающих обстоятельствах в духовном пути близкого мне человека, сказал: «Оставь это, радуйся и веселись, и убегай всякой неправды, маму чти и не оставляй утренних и вечерних молитв. Пой, радость, Господу, пой во славу Господа». С монашеским постригом спешить отец Николай вообще не советовал, особенно людям, живущим вне монастыря, в миру, и настойчиво призывал сохранять веру.

Необычайно меня поразило отпевание безродной старушки, жительницы острова. Батюшка сам зажег свечи на всех под-

свечниках, надел праздничные облачения, уставил гроб по периметру горящими свечами и служил величественно, торжественно. Чувствовалось, что душу усопшей он передавал прямо в руки Божии. Мне подумалось, что величайшим счастьем было бы, если бы и меня так же проводили в последний путь.

В 1990 году я приехала на остров Талабск уже в третий раз. В дороге на катере мы разговорились с молодым семинаристом Дмитрием из Львова, где тогда безчинствовали униаты. Батюшка благословил его на священство. Закончив разговор с семинаристом, он направился ко мне. Я ждала его, сияя от радости. Отец Николай быстро подошел и неожиданно сильно ударил по щеке. Молча посмотрел в глаза, в сердечную глубь, и ударил второй раз по другой щеке. От ужаса я остолбенела: «Господи, что же я натворила?» Так, всматриваясь, он повторил несколько раз, уже приговаривая: «Все у тебя хорошо, все хорошо». Наконец, пригласил сесть: «Что на меня смотреть, я — грешный человек», — напомнил физическую формулу, которая гласила, что сила деформации равна силе действия, и засыпал прибаутками. Я молчала.

Батюшка резко прекратил свои приговорки и спросил, с чем я приехала. Признаться, мне более всего просто хотелось его увидеть, как живую икону. Он расспросил о моей жизни, порадовался, что я вечерами читала и пела в храме. Узнав, что за три года не смогла защитить диссертацию из-за маминых операций, велел оставить работу. «Скорбеть — терять Благодать Божию, а надо радоваться и веселиться». Батюшка советовал мягко, ненавязчиво стараться привлекать близких знакомых к Церкви. «Мы должны побеждать зло добром, а сами не должны побеждаться злом. Молись Державной иконе Божией Матери, Она все устроит. Чаще к Матери Божией прибегай. Оставайся так жить, как живешь, канонов читать не нужно, только не оставляй утренние и вечерние молитвы».

Вечером в храме пели Акафист преподобному Серафиму Саровскому. После службы, благословляя на ночь, батюшка напомнил: «Вот я тебе по щечкам-то давал, больно тебе было. Будут тебе, как я, по щечкам давать, — по левой дадут, а ты подставь правую, притворись, что ничего не знаешь, скажи

им: «Я — придурок». Терпи. Будет больно, будут щечки гореть. Терпи».

Меня безпокоили сокращения богослужения в храме, где я служила. «В службе от себя ничего не прибавляй, служи по Уставу. Их дело — нарушать, а тебя Господь вразумит. О переводе богослужения на русский язык — на это есть высшая духовная власть, она прекратит все это, а мы — люди маленькие. Не говори, что время ныне смутное, люди сейчас, люди такие. Хорошо там, где нас нет. Нужно ежедневно читать Евангелие». Вновь легонько похлопал по щекам: «Все у тебя хорошо, помыслы об одиночестве —это все молодость, молодость».

Я спросила, спасет ли Господь Россию: «Тю! — легонько хлопнул по лбу меня батюшка. — Все может быть хорошо, молиться только надо». Спустя много лет на вопрос корреспондента о том, возродится ли Россия, старец ответил: «А она и не умирала. Нет-нет-нет. Нет-нет-нет. Где просто, там Ангелов со сто, где мудрено, там — ни одного. Когда нам кажется, что уже — все... Нет...»

На следующий день после литургии отец Николай говорил проповедь: «Вот, мои дорогие, сегодня — день памяти угодника Божия, преподобного Серафима. По молитвам угодников Божиих Господь исполняет наши просьбы, исцеляет, продлевает годы жизни. Я вот старый человек, а мне тоже пожить хочется еще. Потому что жизнь — красивая. Цель нашей жизни — вечная жизнь, вечная радость, Царство Небесное, чистая совесть, покой, — и все это в нашем сердце».

Я приложилась ко кресту, простилась с отцом Николаем. Пора было уезжать, и я боялась опоздать на мотобот, а старец все не отпускал, все ласково похлопывал по щекам, улыбался и приговаривал: «Все у тебя хорошо, тю!»

Из воспоминаний Владимира Непомнящих

Меня смущали помыслы некоторых знакомых и даже родственников в том, что они могли оказывать темное магическое воздействие на моих близких. Батюшка меня спросил, венчались ли мы с супругой и успокоил, что меня безпокоили

вражеские наваждения. Когда у нас пропали деньги в одном из коммерческих банков, он обещал, что «Господь все управит». Православному человеку нужно искать защиту «у Господа, у Господа. Где просто, там Ангелов со сто. Где простота. А где мудрено, там — ни одного. Вот».

Когда я сказал, что хочу купить машину, отец Николай не разрешил: «Не надо, ты еще не старый. На бензин много денег надо. На одиннадцатом номере надо ездить. Пешком».

Перед началом работы отец Николай учил кратко помолиться: «Господи, благослови!», в процессе работы: «Господи, помоги!», и после работы: «Слава, Тебе, Господи!»

На вопрос о духовном руководстве кратко сказал, что его «Бог определит».

Меня интересовало, можно ли посещать службы в зарубежной Православной Церкви. Батюшка строго отнесся к этому: «Есть наша Церковь».

В тот день батюшка дважды повторил: «Не надо крест снимать в бане», — и я вспомнил, что перед этим несколько раз ходил в баню и, действительно, снимал серебряный крестик и цепочку.

В 1995 году во время вечерней службы я исповедовался у отца Николая и пожаловался, как трудно жить: прихожу с работы и падаю как подкошенный. «Станет полегче», — успокоил старец. По его молитвам вскоре стало легче, не чувствовалось такого смертельного опустошения и безсилия. После исповеди батюшка тихо подошел ко мне и впервые сказал: «Какой ты счастливец, ты — Евангельский врач!» Решив продолжить военную службу, я сказал об этом батюшке, и он одобрил: «Хорошо». Батюшка не одобрял смены жизненных обстоятельств без особой необходимости.

Батюшка всегда обращал к своей совести, понуждал человека к личному покаянию. Услышав о смущении блудными помыслами, напоминал об обете супружеской верности, о тяге к винопитию, указывал на помощь всесильного креста Господня. Во всем учил полагаться на волю Божию: «Будет, как должно быть».

Старец был противником того, чтобы христиане пили

водку. Что греха таить, на службе у нас застолья были частым явлением. После банкетов с вином и водкой стыдно бывало показываться ему на глаза. Отец Николай встречал тогда сухо и приезжать не разрешал. *«Вино сокращает жизнь»*. Однажды посетила мысль о том, как дорого обходится дорога к нему. Прощаясь, батюшка заметил: «Зачем на дорогу тратиться».

При врачевании отец Николай благословил читать «Отче наш», «Богородице, Дево, радуйся...» и «Царю Небесный», позволил смазывать освященным елеем лоб и глаза у больных, причем, не только у православных, но у всех страждущих.

Временами хочется чередовать чтение Иисусовой молитвы с чтением «Богородице, Дево, радуйся», но меня смущало, можно ли оставлять то одну, то другую. Батюшка рассеял мои сомнения и сказал, что можно читать молитвы попеременно, лишь бы сохранить молитвенное устроение.

На прощанье старец Николай просил молиться за него и добавил: «Я еще не отхожу в вечность».

23 февраля 1996 года я вновь был на острове с пациентом Игорем, отца Николая застал рано утром в храме. Увидев нас, старец обрадовался и по смирению хотел поклониться в ноги, но мы его удержали: «Какой вы счастливец! Евангельское лечение будете проводить!» — говорил мне батюшка, благословляя. Игорю сказал: «Врач знает, как лечить». Мой пациент некоторое время был связан с криминальной средой, но постепенно отошел от нее и стал на путь истинный. Когда он жаловался на своих бывших приятелей, старец его решительно перебил: «Они много лучше нас».

На этот раз отец Николай благословил приобрести машину и продолжать службу в госпитале. Деньги он не взял со словами: «Тебе самому нужны».

Каждый раз, когда я ехал на остров, волновался о том, как меня встретит батюшка. Иной раз встречал теплый прием и живое участие в разрешении моих проблем, получал приглашение приехать. Часто бывало, что старец смирял меня тем, что смотрел на меня, словно видел впервые. Во многом встреча зависела от моего духовного состояния и образа жизни.

Батюшка искоренял у меня особенную гордость, которая поражает многих христиан от частого общения с духовными лицами. Начинает казаться, что ты выше и лучше других. Когда я уклонялся от истинного христианского пути, то хорошего приема не ожидал.

Всегда после встречи со старцем Николаем мысли и чувства упорядочивались, печали растворялись, становилась понятной и ясной цель жизни на ближайшее время.

Летом 1996 года я приехал на остров вместе со старшим сыном Евгением. Вечером мне батюшка посоветовал не оставлять службу добровольно, но и не сопротивляться, если будут вынуждать уйти: «Ты — молодой, послужи. А если выгонять будут, тогда не надо». На следующее утро старец служил Божественную литургию. Необыкновенная тишина и благоговение были в храме. Никто из прихожан не проронил ни одного слова. Все, как один человек, в положенные моменты опускались на колени, были предельно сосредоточены: поистине тогда у всех было «единое сердце и одна душа». По окончании литургии отец Николай кротко и очень тихо сказал: «Какие Вы счастливые, мои дорогие, сегодня Сама Матерь Божия незримо посещала нас и всех благословила, бывших на службе». На прощание батюшка утешил: «Все будет хорошо!», — а сыну посоветовал стать врачом. Евгению же хотелось стать юристом, и я рассказал об этом старцу. «А болтать умеет?» — «Да, как папа». — «Тогда можно быть юристом, но лучше бы было идти в медицинский».

Весной 1997 я приехал на остров после посещения Псково-Печерского Успенского монастыря с иеромонахом Антонием. Удивительно было слышать, как два старца, архимандрит Иоанн Крестьянкин и протоиерей Николай, одинаково открыли ему Божию волю. Позволю себе рассказать только об одном вопросе отца Антония: «Батюшка! Недавно блаженная Любушка, которая была духовной дочерью Серафима Вырицкого, преставилась. А ведь она предсказывала, что после ее смерти будет немало потрясений в стране». Долго размышлял отец Николай, а потом спросил: «А Вы молитесь за нее?» «Да, ежедневно», — ответил Антоний. — «Так и она каждодневно

молится перед Престолом Всевышнего! Умолила, чтобы не было бедствий!»

Внезапно батюшка обратился ко мне: «Передай своей родственнице: «Поп Николай сказал: «Не будешь ходить в церковь, — ослепнешь». Не послушала она, к сожалению, предостережения и через полгода ослепла внезапно на один глаз, а вскоре резко ухудшилось зрение другого глаза из-за глаукомы.

Старец разговаривал с нами, находясь за запертой дверью. Меня безпокоило, что я не знал, был ли крещен мой отец, который умер, когда мне было всего три месяца. Батюшка ответил утвердительно и разрешил поминать папу.

Интересно, что он спросил меня: «Ты причащаешься?» Отец Николай благословлял подходить ко Святому Причастию «по состоянию и готовности». Я ответил, что часто причащался. — «Четыре раза в год». Мне стало не по себе: значит, Господь только четыре раза принял меня, как причастника!

На мое смущение по поводу еврейского вопроса отец Николай просто ответил: «Есть евреи, и — евреи». После этого душа примирилась: есть хорошие и есть плохие люди. Я — врач, и по молитвам батюшки, остаюсь со всеми ровен. Осталось трогательное воспоминание о том, как любимый белоснежный голубок батюшки, вспорхнув, сел мне на голову.

Всякий раз после встречи с отцом Николаем разрешались сами собой десятки вопросов и проблем. По молитвам батюшки очищались ум и сердце. Когда я заходил в Никольский храм и прикладывался к чудотворному образу Богородицы «Благодатное небо», душа успокаивалась, настраивалась на покаяние, забывались обиды. Это внутреннее очищение происходит при посещении и других праведников, святых мест. Надо только иметь веру и надежду на милость Божию. В самые сложные периоды жизни батюшка мне всегда говорил: «Что тебе волноваться, у тебя есть вера».

Из воспоминаний священника Евгения Шестуна

Главный совет, который я получил, и другим, наверное, через меня полезно будет знать, о том, что через смену об-

стоятельств душу свою спасти бывает очень трудно. Куда Бог призвал, на этом месте нужно стоять и во славу Божию трудиться. Когда возникают какие-то нестроения в жизни, то нужно больше любить, больше смиряться, больше терпеть. И если мысль о смене обстоятельств сильно занимает, то надо гнать ее Иисусовой молитвой.

Когда я спрашивал отца Николая о конкретных делах, сразу замечал, что он в курсе моих проблем, ситуаций, связанных с моими близкими. У него был настолько велик дар рассуждения, дар духовидения, что он сразу начинал говорить по существу, не надо никаких подробностей. И советы оказывались такими простыми, что даже удивительно, как сам до этого не додумался. Мы пытаемся по сложному пути идти, а мудрость — в простоте...

Из воспоминаний иерея Алексия Николина

Отец Николай отвечал мне всегда совершенно прямо на мои вопросы, очень четко и коротко, очень ясно и очень доходчиво. Вопросы были совершенно конкретные, поэтому были очень конкретные ответы.

На вопрос о влиянии злой силы батюшка ответил с удивлением и улыбкой: «А как Бог? О воле Божией забыли?»

Однажды были осложнения в человеческих отношениях, я открыл их отцу Николаю: «Враг искушает. Все устроится».

На вопрос о том, как нужно жить, отец Николай ответил: «Жить так, словно ты завтра умрешь».

Решая вопрос, связанный с одной женщиной, батюшка спросил: «Ей — полезно, а тебе это нужно?» Он спрашивал и заглядывал внутрь человека.

Я не помню ни одного резкого ответа: все очень мягко, очень бережно. Главное — не рубить. Любовь все покроет. Все интонации, все междустрочие шло о любви. Многое воспринималось и понималось позже, во времени.

Глаза у старца были добрые и одновременно строгие.

Рассказывали, что во время его богослужений было ощущение сопровождения, сослужения ему кого-то.

Из воспоминаний игумена Романа

Однажды паломница с трудом призналась батюшке, что курила. Отец Николай указал ей на икону Страшного суда и сказал: «Ну, что же, коль не бросить тебе курить, так и Царства-то, роднушечка, Небесного тебе не видать, а когда помрешь, вот сюда так и угодишь на вечные муки!» Потрясенная женщина в тот же день бросила курить.

Из воспоминаний протоиерея Валериана Кречетова

Батюшка не особенно благословлял на особые подвиги, очень редко. Пришла записка: «Благословите облететь вокруг всей России с иконой Матери Божией на самолете. И где взять деньги на это мероприятие?» Батюшка ответил на эту записку: «Украсть». Вопрос безумный. Как практически осуществить самому это мероприятие — облететь Россию вокруг военных границ на самолете...

Часто отцу Николаю приписывали различные благословения. Я никогда не слышал, чтобы батюшка при мне сказал: «Благословляю всех поститься за Россию». Я, например, возлагать на всех пост не дерзаю. Митрополит Нестор Камчатский, если на кого-то накладывал епитимью, то сам ее нес. Ты вот накладываешь на десять человек по триста поклонов, значит, клади сам по три тысячи. Святые отцы накладывали епитимью, и, зная немощь человеческую, на случай, если человек не исполнит, за него ее исполняли.

Батюшка все время повторял: «Все хорошо, да, все хорошо. Какие мы счастливые, что мы в Церкви, что мы причащаемся...». Времена и сроки, которые Господь положил, — это не наши времена. Покойный отец Тихон Агриков говорил, что мы живем в прибавленное время. Чрезмерное внимание к проблеме ожидания Второго Пришествия, как и все чрезмерное, уводит от настоящего, заставляет забрасывать текущие, насущные дела, делает нас пассивными. Второе Пришествие еще будет, а ты уже сейчас умираешь. Старца спрашивали о России, а он отвечал: «Россия не умирала». «Ох, как хорошо у нас. Слава Тебе, Господи. Господь ...не оставляет нас».

Знаю, что он благословлял уезжать в провинцию, где жизнь естественнее, ближе к природе: «Да что вы в этой Москве сидите? Бегите от нее подальше».

Я обычно большей частью молчал. Когда я приезжал к батюшке, то нечего было вроде бы спрашивать. На мои вопросы он отвечал прямо, ясно. В этих поездках душа отдыхала от суеты: природа кругом, красота, покой. Больше сидел, слушал его, смотрел. Важна была возможность общаться со старцем. Главной особенностью Православия является живое преемство. Необязательно что-то расспрашивать, но просто видеть. Надо бы записывать, конечно, а я не собрался.